

1942–1945

СМЕРШ: ВОЙНА В ЭФИРЕ

ВЛАДИМИР МАКАРОВ
АНДРЕЙ ТЮРИН

ВЛАДИМИР МАКАРОВ · АНДРЕЙ ТЮРИН

СЕКРЕТНО

Министерство Государственной Безопасности СССР
Центральный архив

Особый фонд

ДЕЛО

**СМЕРШ:
ВОЙНА
В ЭФИРЕ**

АРХ. № 300128

Количество томов „1“, том „“

32а упр М.Г.Б. СССР
(наименование органа, в производстве которого

находилось дело)

Год производства

1942–1945

ПО ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МГБ СССР

*К 75-летию органов «Смерш»
и 100-летию Военной контрразведки*

"Индеридано"
 №. Чл. Киндров, "Сигур"
 (А. Б. Шульков)
 7. 10. 1944
 Веземинский
 Квартет
 Архангельск.
 рашинск. Гос.
 ия. Марш.

ДНЕВНИК

РАБОТЫ РАДИОСТАНЦИИ "СВЯЗИСТЫ."

ПОЗИВНЫЕ

"ЦЕНТРА" станции в Рованеми и Таллин

РАБОТА Ц

19 января 1944
 Выдан административный
 чашник корфессии

ЧИСЛО
 МЕСЯЦА
 с 1945

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Т	О	В	А	Р	И	Щ	И	Е	Г	О	Т	Р	У	Д
Т	О	В	А	Р	И	Щ	И	Е	Г	О	Т	Р	У	Д
А	С	К	И	Н	У	Т	Н	И	С					
П	О	С	П	А	Л	И	С							
22	23	24	25	26	27	28	29							

Совершенно секретно.

НАЧАЛЬНИК КОМИССАРА ВНЕШНИХ ДЕЛ
 Союза ССР

Л. БЕРИЯ)
 1 мая 1944 года

П Л А Н

мероприятий по делу "АРИИ"

СССР

Народный Комиссариат
 Оборонной Союз ССР

**ГЛАВНОЕ
 УПРАВЛЕНИЕ
 СВЯЗИ
 КРАСНОЙ АРМИИ**

По Сигур Надров
 с 10. 4. 1944

П Р
 Ком.
 Тур.
 сви

Пред.
 убыт.
 на
 а

ВЛАДИМИР МАКАРОВ · АНДРЕЙ ТЮРИН

**СМЕРШ:
ВОЙНА
В ЭФИРЕ**

1942–1945

МОСКВА · РУССКИЙ ПУТЬ · 2018

УДК 93/99
ББК 63.3(2)622
М-152

Оформление *И.И. Антоновой*

Рецензенты

профессор, доктор истор. наук А.А. Зданович
член-корр. РАН, профессор, доктор юрид. наук В.С. Христофоров

Книга выходит в авторской редакции

ISBN 978-5-85887-493-5

© Макаров В.Г., 2018
© Тюрин А.В., 2018
© Оформление. ЗАО «Издательство «Русский путь», 2018
© Центральный архив ФСБ России, иллюстрации, 2018

К ЧИТАТЕЛЮ

В 2009 году в издательствах «Яуза» и «Эксмо» авторами были опубликованы две книги: «Смерш: гвардия Сталина» и «Лучшие спецоперации Смерш». Названия книгам были даны издательствами. В первой книге «Смерш: гвардия Сталина» центральное место было уделено операции «Монастырь – Курьеры – Березино», проводившейся органами «НКВД-НКГБ СССР в 1942–1945 годах, но ее содержание не соответствовало названию. За прошедшие годы авторами был накоплен большой материал о специальных операциях — радиоиграх, проведенных советскими контрразведчиками в годы Великой Отечественной войны, обнаружены новые, неизвестные подробности ранее описанных в этих книгах операций. В этой связи авторами было принято решение переиздать дополненные и переработанные книги под одной обложкой и с новым общим названием.

В предисловии к своему сборнику «История страны в документах архивов ФСБ России» член-корреспондент РАН, профессор, доктор юридических наук В.С. Христофоров обратил внимание на важность документальных материалов, хранящихся в архивах советских спецслужб: «Архивные материалы ФСБ России отличает безусловная ценность, потому что порой только в документах контрразведки, подготовленных для информирования руководства страны, содержится жесткая правда о произошедших событиях»¹. Именно подобного рода материалы из фондов Центрального архива ФСБ России легли в основу наших рассказов о деятельности советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны.

Книга, которую читатель держит в руках, состоит из историко-документальных очерков, в которых рассказываются малоизвестные подробности захватывающей битвы в эфире, которая развернулась между Москвой и Берлином в 1942–1945 годах.

Все персонажи — реальные люди, которые были вовлечены в бурный водоворот драматических, а порою и трагических событий Второй мировой войны. Это и руководители советской контрразведки — Виктор Абакумов, Лаврентий Берия, Всеволод Меркулов, Павел Судоплатов, Исидор Маклярский, Владимир Барашников, Дмитрий Тарасов и др. А также и их противники, возглавлявшие спецслужбы Германии, — Вильгельм Канарис, Вальтер Шелленберг и Отто Скорцени и т. д.

Первые две главы книги, посвященной радиоиграм НКВД-НКГБ СССР 1942–1945 годов дают читателю представление об истории разведывательного «сообщества» Германии конца 1930-х — середины 1940-х годов. Авторы предприняли попытку синтезировать документальные архивные источники с мемуарами известных советских и немецких разведчиков.

Описания структуры абвера и РСХА проиллюстрированы выдержками из протоколов допросов германских разведчиков, оказавшихся в советском плену: официального сотрудника «разведки Риббентропа» Отто Грюнинга, руководителей абвера генерал-лейтенанта Франца фон Бентивеньи, генерал-лейтенанта Ганса Пиккенброка, подполковника Эрвина Штольце, а также специальных подразделений абвера — дивизии «Бранденбург» капитанов Германа Киршнера и Герберта Гиля, подполковника Гергарда Пинкертта и ряда других.

В одной из глав рассказывается о неизвестных ранее страницах из биографии известного немецкого «спецназовца» Отто Скорцени. В частности, приводятся неизвестные под-

робности его тайных операций на Западном и Восточном фронтах, обстоятельства его освобождения из послевоенного плена. Даже те, кто читал мемуары Скорцени, вряд ли обратили внимание на то, что он был очевидцем героической обороны Брестской крепости летом 1941 года. Вспоминая об этом эпизоде, он не случайно отметил: «За две недели русской кампании мы очень хорошо познакомились с “госпожой Саперной Лопаткой”! ...В воздухе свистели пули, русские стреляли часто и точно, а мы, как кроты, зарывались в землю, чтобы не стать мишенью для русских снайперов».

Не раз и не два контрразведчикам Лубянки пришлось скрестить свои невидимые «шпаги» со «шпагой» Скорцени. Это и легендарная операция «Монастырь – Курьеры – Березино», предотвращенная попытка покушения СД на Сталина, и радиоигра «Туман», и послевоенное противостояние разведок бывших союзников. Но каким бы опытным асом «тайной войны» ни был Скорцени, ни одна из его секретных операций на советско-германском фронте не увенчалась успехом. Советская контрразведка всегда выходила победительницей в схватках с матерым диверсантом рейха, или, как его после войны называли журналисты, — «самым опасным человеком в Европе».

Не является секретом, что в нашей стране накануне нападения Германии были и те, кто ждал прихода немцев и готов был оказать им всяческое содействие. Радиоигры «Монастырь» и «Янус» специально были направлены и на предотвращение появления «пятой колонны» в советском тылу. Из опубликованных источников нам сегодня стало известно о прибалтийских, туркестанских, татарских, кавказских, украинских и русских формированиях вооруженных сил рейха из числа граждан СССР и эмигрантов. Некоторые радиоигры и были призваны парализовать предпринимаемые немцами попытки организации вооруженных выступлений против советской власти в национально-территориальных образованиях СССР.

Центральная часть данной книги рассказывает о радиоиграх контрразведки «Смерш» и о наиболее крупных специальных операциях, проведенных советской контрразведкой в годы Великой Отечественной войны.

Одна из радиоигр «Смерша» — «Арийцы» — посвящена срыву попытки германской разведки организовать в 1944 году антисоветское восстание на территории Калмыкии, подготовить специальную группу, задачей которой было объединение действовавших мелких повстанческих групп и организаций. В результате проведения этой игры советской контрразведкой были предотвращены восстание калмыков против советской власти, крупные диверсионные акты в советском тылу, захвачены или ликвидированы вражеские агенты и уничтожена современная военная техника. Авторы обратили внимание на деликатный эпизод в работе советской контрразведки — на обращение с пленными германскими разведчиками.

В частности, захваченный в плен в ходе радиоигры «Арийцы» пилот-радист разведывательного самолета обер-лейтенант Ганс Ганзен так охарактеризовал отношение к нему сотрудников советской военной контрразведки: «...я хочу заявить, что я как офицер не встретил обесценивающего или унижающего меня отношения, если не считать поведения милиции во время пленения. Наоборот, я познакомился с прямыми и справедливыми людьми, которых раньше нам описывали совершенно в ином роде. Я не могу еще вынести суждения о Советском Союзе, так как слишком мало знаю страну и ее учреждения. Если страна произведет на меня такое же приятное впечатление, какое произвели на меня офицеры и солдаты, то можно сказать, что любая нация почтет себя счастливой, имея дружбу с Советским Союзом».

Радиоигры не только способствовали получению ценных сведений о планах противника, но и создавали возможность сотрудникам Лубянки дезинформировать неприятеля. В числе таких операций были радиоигры «Находка» и «Загадка», проведенные в

1943–1945 годах 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР против «Абверкоманды 103» (позывной — «Сатурн») и разведоргана VI Управления РСХА «Цепелин-Норд».

Авторы использовали документальные материалы Центрального архива ФСБ России, с тем чтобы без прикрас рассказать правду о героических буднях советских контрразведчиков, о том огромном вкладе, который внесли сотрудники НКВД-НКГБ и военной контрразведки «Смерш» в нашу великую Победу. Книга проиллюстрирована большим количеством архивных фотографий, что еще более усиливает эффект достоверности и историчности в описании драматических событий грозных военных лет.

Предварительные результаты работы были опубликованы в 2005–2015 годах на страницах известных изданий: в газетах «Независимое военное обозрение» и «Военно-промышленный курьер», в сборниках «Трудов Общества изучения истории отечественных спецслужб» и журналах «Новая и новейшая история», «Родина» и «ФСБ: за и против».

Сюжеты, о которых речь идет в книге, использовались авторами при подготовке документальных фильмов: «Война в эфире» (2005), «Война на радиоволнах» (2006), «Охотники за нацистами», «Скорцени на службе Израйля», «Операция “Бернгард”» (2007), «Арийцы», или Конец «Римской два», «Удачная “Находка”» для Иосифа Сталина», «Противостояние» (по делу П. Шило-Таврина) (2008), «Генрих Гиммлер. Погоня за призраком», «Операция “Березино”» (2009), в телесериалах «Наша Победа» («Операция “Развод”», «Операция “Вервольф”» и др.) (2010), «Учитель с “Железным крестом”» (2011), «“Смерш”. Момент истины», «Эйтингон против Скорцени» (2-й канал Общенационального телевидения Республики Беларусь) (2013), «Подвиг разведчика» и «Дмитрий Тарасов. Война в эфире» (цикл «Легенды госбезопасности» 2016–2017) и др.

Настоящее издание, выходящее в свет в год 100-летия со дня образования ВЧК и канун 75-летия образования органов военной контрразведки «Смерш», займет особое место в числе книг по истории спецслужб и привлечет внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей.

Книга снабжена примечаниями и списком сокращений. Ссылки на архивные документы не указаны. Документы цитируются с сохранением авторской орфографии и пунктуации; описки исправлены без оговорок.

Справки по структуре органов безопасности и о руководителях, сотрудниках советских органов безопасности: НКВД-НКГБ СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР приводятся по изданиям: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / О-во «Мемориал»; РГАСПИ; ГА РФ. М.: Звенья, 1999; Петров Н.В. Кто руководил органами безопасности, 1941–1954: Справочник / Междунар. о-во «Мемориал»; РГАСПИ; ГА РФ; ЦА ФСБ России. М.: О-во «Мемориал»: Звенья, 2010; *Petrov N.* Die sowjetischen Geheimdienstmitarbeiter in Deutschland. Der Leitende Personalbestand der Staatssicherheitsorgane der USSR in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschland und der DDR von 1945–1954: Biografisches Nachschlagewerk. Berlin: Memorial International und Metropol Verlag, 2010; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1–6. М., 1995–2014; Петров Н.В. Кто служил в органах госбезопасности в Германии, 1945–1954: Справочник / НИПЦ «Мемориал»; РГАСПИ; ГА РФ; ЦА ФСБ. М.: Звенья, 2017.

**РАДИОИГРЫ КАК ВИД
КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В книгах известного американского психоаналитика Эрика Берна, посвященных проблемам человеческих взаимоотношений, проанализировано отличие игры от других типов социальных действий. По мнению Берна, игры отличаются двумя основными характеристиками: во-первых, скрытыми мотивами и, во-вторых, наличием выигрыша.

С этим, бесспорно, можно согласиться, так же как и с его утверждением, что игры «могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом»². В полной мере вышесказанное относится к предмету разговора, о котором речь пойдет ниже. Издревле существует любопытный вид человеческих игр — «игр», в которые играли и играют контрразведки противоборствующих сторон в дни мира и в дни войны.

* * *

Стоит сказать несколько слов о том, какие условия способствовали появлению радиоигр в арсенале контрразведывательных подразделений ведущих мировых держав. Во все времена человеческой истории новейшие открытия в области науки и техники находили свое применение прежде всего в военном деле.

Первая мировая война привела не только к серьезным изменениям в стратегии и тактике наступательных и оборонительных операций, массовому применению новых видов вооружений и боевой техники, но и существенно обогатила арсенал разведывательных служб.

В организации разведки и контрразведки новейшие достижения науки и техники прежде всего затронули формы и методы работы, в частности, появились новые способы заброски агентуры в тыл противника. Для этих целей впервые стала активно использоваться авиация. Впервые в истории разведки самолет для высадки агента в тылу противника был применен в Балканскую войну в 1912 году. Американец-летчик Берд Хелл, находившийся на службе у болгар, высаживал в тылу турецкой армии болгарских агентов³.

В годы Первой мировой войны переброска агентов на самолетах в тыл противника приобрела массовый характер. Этот факт был отмечен в книге итальянского разведчика Алессандро Тандуро:

«Лишь выступление США на стороне Антанты дало империалистам Англии, Франции и их союзникам материальную возможность оттянуть кризис внутри собственных стран и продолжать войну. Германия же с союзной ей Австрией после неудачных наступлений в марте–июне 1918 г. были окончательно истощены. Воспользовавшись этим, союзники в августе–сентябре готовились перейти в решительное наступление на всех фронтах. В целях обеспечения этого наступления итальянское командование летом 1918 г. бросило в тыл противника своих многочисленных агентов для разведывательной и диверсионной работы. В их числе был и автор настоящей книги.

Развитие авиации к этому времени давало возможность широко применять ее для переброски агентов в тыл противника и для поддержания с ними связи. Изобретение парашюта позволяло высаживать агентов в любом пункте территории, независимо от ее топографических условий, и в любое время суток. Это облегчало организацию раз-

ведки. Начальник австрийской разведывательной службы в мировую войну, Ронге⁴, вынужден признать, что этот способ организации агентуры союзниками доставил ему много забот:

“Летом 1918 г. в Рагузе был арестован человек, спущенный на землю с итальянского самолета. По его показаниям, Италия была намерена, пользуясь воздушным транспортом, наводнить Австрию шпионами и диверсантами. В условиях враждебного отношения славянского населения эту опасность нельзя было недооценить. ...В оккупированной Румынии мы встретились с “воздушным шпионажем”, организованным французскими офицерами. Неприятельские самолеты высаживали в тылу нашего фронта агентов с почтовыми голубями. Эти агенты встретили активную поддержку среди населения”⁵.

Об использовании авиации для заброски агентуры в тыл противника рассказал на страницах своей книги британский разведчик капитан Фердинанд Тохай. Его работа впервые увидела свет в Англии в 1920 году и вскоре неоднократно была переиздана, в том числе на иностранных языках, а материалы, изложенные на ее страницах, нашли отражение в инструкциях и учебных материалах разведок отдельных государств, в частности Польши:

«Аэроплан имел явные достоинства, как звено связи между противоположными линиями. Предположим, например, что британский генеральный штаб хочет быстро получить какие-либо сведения из германского фронта в Бельгии. Чтобы послать агента кружным путем через Голландию и оттуда в Бельгию и затем чтобы ему вернуться тем же самым путем в британский генеральный штаб, потребовалось бы, по меньшей мере, двенадцать дней. Аэроплан же давал готовое решение вопроса — завезти вашего шпиона в Бельгию и забрать его обратно несколькими часами или днями позже по договоренности. Для такой деликатной миссии — высадки шпионов — были отобраны специальные летчики, а в качестве перевозимых агентов обычно были бельгийцы...

Большинство агентов, забрасывавшихся таким способом (их было не так много), были “почтовыми ящиками”. Они совершали, так сказать, “быстрый рейд” по всем резидентам, выслушивали, какую информацию им удалось собрать за последнее время, лучше всего, если они запомнили все это, и затем, примерно дня через три, вновь подбирались самолетом и отвозились обратно в британский генеральный штаб, чтобы сделать здесь доклад обо всем, что они слышали. Некоторые из этих воздушных шпионов были схвачены — по крайней мере, они так и не вернулись на свидание, откуда их должен был забрать самолет.

Обычно немцы при помощи микрофонов в ночной тишине слышали шум мотора самолета, затем слышали, как мотор выключался для планирующего полета до земли и потом как мотор вновь начинал, завывая, работать, когда летчик направлялся домой. В таких случаях подозреваемый клочок территории оцеплялся со всех сторон кордоном, и на следующий день следовал систематический розыск по всему району и допросы крестьян. В заключительных стадиях войны для ночных полетов шпионов был введен парашют, на котором под покровом ночной темноты шпионы сбрасывались с высоты тысячи футов. Это до некоторой степени избавляло от опасности быть выслеженным при помощи микрофона»⁶.

Опыт ведения тайных операций, накопленный в годы Первой мировой войны, привлек внимание и советских спецслужб. На заключительном этапе Гражданской войны в России Разведуправление Штаба РККА приступило к изучению опыта разведывательной деятельности, накопленного воюющими державами в годы Первой мировой войны.

В 1921 году была выпущена брошюра в переводе с немецкого языка⁷. В ней кратко описывалась организация, структура и методы работы французской, английской, польской разведок, а также разведок Бельгии, США, Чехословакии, Латвии, Литвы и России. В том же году была переведена и издана в качестве учебного пособия «Инструкция офицерам разведывательной службы германской армии»⁸.

В последующие годы советская военная разведка продолжила эту работу. В 1931 году вышла 2-томная работа К.К. Звонарева «Агентурная разведка». Второй том книги был посвящен деятельности германской разведки. В частности, советский историк пришел к выводу, что именно германская военная разведка первой массово использовала аэропланы для переброски агентуры в тыл противника:

«Крупную роль в германской системе связи играл также аэроплан. Хотя французы и стремились оспаривать у немцев первенство применения аэроплана в агентурной разведке, мы склонны все же утверждать, что первенство этого “изобретения” принадлежит немцам.

Суть применения аэроплана в агентурной разведке заключалась в следующем. В первое время агент сажался на аэроплан, отвозился в определенный, заранее намеченный, пункт и там высаживался. Такому агенту — “воздушному ходоку” давался строго установленный срок на выполнение задания — от 3 до 6 суток. В определенный день и в заранее установленный пункт аэроплан прилетал за агентом и увозил его обратно. В некоторых же случаях агент должен был самостоятельно пробираться обратно через линию фронта или через нейтральные страны.

Однако посадка в неприятельском тылу представляла большой риск как для аппарата и летчика, так и для агента. Вследствие этого стали применять спуск агента с аэроплана на парашюте. Этот способ был хорош тем, что в случае неудачи погибал лишь один агент. Доставленный таким образом в неприятельский тыл агент должен был посылать свои донесения с почтовыми голубями, которых он имел при себе. Сам же он по выполнению задания должен был возвращаться через линию фронта или через нейтральные страны.

Практика показала, что и этот способ имел свои плохие стороны. Во-первых, оказалось, что даже самые храбрые агенты теряли храбрость в тот момент, когда нужно было выпрыгивать из аппарата, и никак не могли решиться на прыжок. Во-вторых, если агент и решался прыгать, ветер относил его в сторону на довольно большие расстояния, что иногда было по тем или другим причинам неудобным. В-третьих, полет на парашюте легко мог быть замечен противником, хотя обычно полет производился на заре, когда все спали.

Немцы нашли способ устранения первого и самого главного дефекта тем, что на дне фюзеляжа аппарата делался люк, который открывался летчиком при помощи соответствующей кнопки. Таким образом, летчик, приблизившись к месту высадки агента, раскрывал люк, и агент, сам того не ожидая, летел вниз на парашюте»⁹.

Следующим новшеством, внедренным в арсенал всех спецслужб в годы Первой мировой войны, стало использование радиопередатчиков для передачи агентами полученных разведывательных сведений. О радиосвязи как об обыденном методе связи с агентом, заброшенным в тыл противника, писал в своей книге упоминавшийся выше британский разведчик Ф. Тохай:

«Если агент имел радиоаппарат, для него в 1914 году еще могла быть возможность искусно пользоваться им и не быть выслеженным. Поместившись за линиями союзников, шпион, несомненно, мог получить инструкции, передаваемые ему кодом немецкими радиостанциями, расположенными в глубине Бельгии и Северной Франции. Мог ли он в свою очередь передавать информацию на приемные станции противника — это другое дело.

Верно, в начале войны союзники не имели эффективной системы полицейского надзора за недозволенной радиопередачей, и много сообщений, имевших серьезные последствия, могли передаваться шпионами, но, с другой стороны, нужно помнить также и о том, что работа на радиопередатчике сама по себе — не легкое дело. Бензин и мотор — это только два из многих требующихся для этого предметов, и трудность получения первого из них была таким же серьезным препятствием, насколько большой была опасность, что работа второй будет услышана. Во всяком случае, если на западном фронте когда-либо и преуспе-

вала не выслезенная радиостанция, что весьма сомнительно, то ее дни были чрезвычайно коротки»¹⁰.

Воспоминания британского разведчика интересны не только тем, что он подробно проанализировал новый вид связи с агентом, но и тем, что автор лично встречался с одним из ведущих разработчиков беспроводной связи, итальянским ученым и изобретателем Г. Маркони: «Я уже сказал, что возможность пользования немцами необнаруженными радиоаппаратами на фронте в целях связи через линии фронта уменьшилась, буквально исчезла в самые ранние дни кампании. Тем не менее всегда имелась возможность того, что ум германского Телефункена может обойти ум Маркони и неожиданно создать систему связи, не поддающуюся обнаружению. Поэтому и днем и ночью, из месяца в месяц неослабно велось тщательнейшее и самое систематическое и бдительное наблюдение за радио.

Во время войны очень часто приходилось слышать о “секретной” радиосвязи. Люди представляли себе, что везде рассажено огромное количество шпионов, которые собирают информацию, затем садятся, достают секретный карманный радиоприбор и передают в кодированном виде все, что им нужно сказать, но, хоть это и может огорчить авторов этих сенсационных небылиц, приходится сказать, что все это было полнейшей чепухой. И в настоящее время еще нет такой вещи, как “секретное” радио. Я помню, как мы беседовали по этому поводу с г-ном Маркони в Риме весной 1918 года. Мы говорили о вопросах радиоразведки, т. е. о системе, посредством которой мы подслушивали бы то, что передала германская армия, и я рисковал высказать предположение, что вся военная сторона войны протекала бы совершенно иначе, если бы была такая штука, как секретное радио, т. к. прежде всего мы могли бы снабдить наших агентов в Бельгии этими секретными установками и поддерживать с ними непрерывную связь. Но влияние этого на ход операций на фронте было бы даже еще более заметно.

Чародей радиотелеграфии отрицательно покачал головой: “Я очень хорошо знаю ценность секретного радио, — сказал он, — но наш прогресс еще недостаточно высок. Я занимался этой проблемой, подходя к ней со всех сторон, в течение всей войны”.

Вероятно, наибольшим приближением к чему-либо секретному в беспроводной связи была постоянная волна с часто меняющейся во время передачи длиной волны, так чтобы противник испытывал большие затруднения в “поимке” вас и в постоянном “подстраивании” к вашей передаче, практически же в самом счастливом случае он все же терял половину передаваемого вами. На французском и британском фронтах существовала обширная система полицейских радиостанций для выявления любой незаконно передающей станции. Немцы также имели в действии подобную же защитительную систему. Откровенно говоря, эта защитительная система была организована следующим образом: каждая армия (из семи или восьми дивизий) имела приданные ей несколько станций подслушивания и так называемых “пеленговых” станций. Эта соединенная группа станций выполняла двойную задачу: а) подслушивание и определение места нахождения всех радиостанций германской армии — а их ежедневно работали сотни — и б) постоянное наблюдение за тем, не используются ли какие-либо радиоаппараты шпионами позади британских линий. Бдительность их никогда не прекращалась — ни днем, ни ночью. Радисты станций подслушивания принимали все, что только они могли слышать, а радисты пеленгационных станций определяли путем пересечения азимутов все передающие станции. Эти аппараты определения местонахождения, известные также под названием “искателей направления”, были одним из величайших изобретений, развившихся во время войны. Посредством пеленгатора можно определить азимут любой станции: и стационарной, и подвижной, передающей радиоволны»¹¹.

В годы Первой мировой войны радио стали использовать не только для передачи сигналов боевого управления и прочих военных сведений, но и в целях дезинформации противника и вскрытия его истинных намерений при проведении оборонительных и наступательных операций, а также для обеспечения оперативной связи с агентурой.

Об этом же подробно написал в своей книге и австрийский разведчик Макс Ронге: «Мы ожидали большого натиска со стороны наступавших русских (в сентябре 1914 г. — *Авт.*), но в действительности темп их наступления был значительно медленнее, чем мы ожидали, и после занятия Перемышля русские армии задержались на Вислоке. Это было нашему командованию непонятно, и у нас начали предполагать, что в России началась революция, но путем радиоподслушивания мы узнали о стягивании новых сибирских полков и 1-го туркестанского корпуса. Когда наши отступавшие части достигли места, где они смогли привести себя в надлежащее состояние, нам удалось подслушать радиотелеграмму, посланную известным нам уже командующим 9-й армией генералом Лечицким, которая приказывала 16-му корпусу покинуть Вислок и вернуться в Кр. Сан. По сведениям, полученным от агентов, русские войска в количестве 1-й пехотной бригады и 7 кавалерийских дивизий расположились в районе между Нидой и Вислой. Это заставило думать, что русские предполагали передвинуться на северный берег Вислы, быть может, после того, как им стало известно о сосредоточении полков германской 9-й армии. По радио мы вскоре узнали, что сведения наших агентов базировались на ложных слухах, распространявшихся русскими с целью дезинформации; в действительности там было сосредоточено всего 5½ кавалерийских дивизий...»¹²

Будущий глава германской военной разведки, а в годы Первой мировой войны офицер крейсера «Дрезден» Вильгельм Канарис¹³ использовал передачи в эфир ложных сообщений о месторасположении своего корабля для того, чтобы спастись от британского флота в южноамериканских водах:

«...Канарис начал маскировать передвижения “Дрездена” своеобразной радиоигрой. Так, радиостанция в Сан-Хуане (Пуэрто-Рико) вскоре приняла сообщение о том, что “Дрезден” якобы возвращается домой через Азорские острова. В то же время другое — шифрованное — известие полетело на бразильскую базу. В нем говорилось, что крейсер будет фигурировать в последующих переговорах под вымышленным именем “Сьерра-Сальвада” и что сперва он попытается добраться до острова Рокас (Северная Бразилия), чтобы пополнить запасы угля»¹⁴.

Дезинформация противника путем сообщения ему ложных сведений военного и экономического характера является одним из старых и испытанных средств ведения войны. Этим средством пользовались в разные времена и эпохи руководители государств и полководцы. Своевременная и умело пущенная в действие дезинформация помогала им одерживать победы на дипломатическом фронте и на полях сражений.

Для того чтобы дезинформация возымела свое действие, ее следовало подавать противнику в таком виде и таким путем, чтобы он принял ее за действительность и при попытке проверить полученные сведения не смог бы отличить обман от истины. При этом большое значение имеет степень доверия противника к источнику информации.

Таким образом, появлению радиоигр как нового метода контрразведывательной работы, активно использовавшегося на полях сражений «невидимой войны» между спецслужбами нацистской Германии и контрразведками стран Антигитлеровской коалиции в 1939–1945 годах, способствовали три главных слагаемых, зародившиеся в годы Первой мировой войны: 1) использование авиации для скрытой переброски агентуры в тыл противника, 2) применение портативных радиостанций для связи с агентом и 3) использование радио для дезинформации противника.

С началом Второй мировой войны радиоэфир в полной мере стал новой сферой противоборства. Наряду с традиционными боевыми действиями на суше, на море и в воздухе разгорелась настоящая битва в «четвертом измерении». На огромных пространствах от Туманного Альбиона до морозной России широкое применение получили особые контрразведывательные мероприятия — радиоигры.

Их сущность как нельзя лучше раскрывает древняя китайская стратагема: «Когда нет ничего, а показываешь, что как будто обладаешь чем-то, — это и есть обман. Однако же всякий обман не держится долго и легко распознается. Поэтому несущее не может все время быть не сущим. Если же из ничего сотворить что-то, тогда обман станет действительностью, пустое станет содержательным. Посредством несущего нельзя победить врага. Сотвори из ничего сущее — и враг будет повержен»¹⁵.

Радиоигры открывали широкие возможности для передачи противнику необходимой дезинформации. Этому способствовали следующие положительные моменты. Во-первых, необходимая дезинформация оперативно доводилась до сведения противника. Во-вторых, в ходе радиоигр возникали возможности для создания разнообразных «легенд» о действиях перевербованной агентуры противника по сбору развединформации, при этом немедленно проверить правильность донесений не представлялось возможным. При составлении докладов руководству разведка противника была вынуждена учитывать сведения, поступавшие от своей агентуры. В-третьих, в целях «закрепления» переданной дезинформации можно было проводить различные «комбинации», а также осуществлять мероприятия по подтверждению переданных противнику сведений через другие источники. В-четвертых, по ответным шифровкам противника можно было немедленно узнать реакцию на полученную им дезинформацию. В-пятых, по заданиям, полученным от противника, появлялась возможность частично раскрывать планы врага.

В годы Второй мировой войны контрразведывательные службы обеих противоборствующих сторон широко использовали радиоигры как одно из средств борьбы с агентурой противника. Советская контрразведка также с успехом использовала дезинформацию как одно из средств борьбы с противником. Радиоигры, проводимые органами советской военной контрразведки, стали одним из эффективных способов передачи дезинформации Верховному командованию вермахта¹⁶. Об этом далее будет подробно рассказано в нашей книге.

Опасность и сложность проведения оперативных комбинаций подобного рода достаточно убедительно иллюстрирует фрагмент из книги одного из руководителей крупной радиоигры германских спецслужб с британской разведкой — майора Германа Гискеца¹⁷: «Но никогда прежде будущее не казалось столь неясным, противник — столь скрытным, награда — столь высокой. Раскрыли ли в Лондоне нашу игру? Не приближается ли к нашему треугольнику огней бомбардировщик, чтобы взрывами фугасов сровнять нас с землей? С момента появления самолета до сброса агента все должны были оставаться в укрытии; этот приказ не касался только людей при огнях, и если вместо обещанных контейнеров с неба полетят бомбы, они окажутся без защиты»¹⁸.

Для того чтобы ввести современного читателя в курс дела, расскажем о разведывательном «сообществе» Германии¹⁹ накануне вторжения на территорию Советского Союза и его тайных операциях на советско-германском фронте.

ПРОТИВНИК: АБВЕР²⁰ И СД

АБВЕР — «МОЗГ» ПОДРЫВНЫХ ОПЕРАЦИЙ ВЕРМАХТА

С приходом к власти в Германии Гитлера²¹ и установлением нацистской диктатуры существенно изменилась система и роль карательных и разведывательных органов государства. Разведка стала одним из важнейших инструментов осуществления агрессивной внешней политики. Для достижения своих целей Германия выдвинула спецслужбы на первый план среди других звеньев государственного механизма.

Руководители Великогерманского рейха²² создали сложную организацию, приспособленную к ведению тотальной разведывательно-подрывной работы против других стран, и прежде всего против Советского Союза. Подобного рода деятельность должна была обеспечить, с одной стороны, добывание политической, экономической, военной и военно-технической информации о потенциальных противниках Германии, а с другой — их непосредственный подрыв изнутри. До 1941 года правом ведения разведки на территории других стран обладала военная разведка — абвер и VI Управление РСХА. Но в середине 1941 года к ним присоединился и МИД Германии. Важное место среди специальных служб нацистского рейха занимало и «Исследовательское управление» Имперского министерства авиации.

Для создания у читателя полноты картины германских спецслужб накануне и в годы Второй мировой войны вкратце расскажем и о разведывательных функциях, которые выполняли «Исследовательское управление» рейхсмаршала Германа Геринга²³ и разведка Риббентропа²⁴.

Важное место в разведывательном сообществе занимало так называемое «Исследовательское управление» (нем. Forschungsgamt, FA). Оно было создано при Имперском министерстве авиации в 1933 году Г. Герингом. Это ведомство в 1933–1945 годах активно занималось прослушиванием телефонных разговоров, радиоперехватом и дешифровкой дипломатических кодов.

«Форшунгсамт» последовательно возглавляли: корветтен-капитан Карл Шимпер (1933–1935); министриаль-директор, генерал-лейтенант фон Хессен (1935–1942) и министриаль-директор, генерал-лейтенант Готвальд Шаппер (1942–1945).

Организационно состояло из шести главных отделов (№№ I–VI; хауптабтайлунг), в свою очередь подразделявшихся на 15 отделов (обозначавшихся арабскими цифрами; абтайлунг), и группы специального назначения. Отделы в своем составе имели отделения — рефераты. В штате Центрального управления состояло свыше 3500 человек руководящего и технического персонала; периферийные органы размещались во всех крупных городах Германии (филиалы обозначались большими буквами латинского алфавита).

Дешифровкой перехваченных радиogramм славянских стран (СССР, Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии) занимался 9-й отдел IV Главного отде-

ла «Форшунгсамта». Начальник отдела — старший правительственный советник подполковник люфтваффе Максимилиан Венцель.

До декабря 1943 года дислоцировалось по адресу: Берлин-Шарлоттенбург, Шиллигерштрассе, 116–127. С декабря 1943 года: руководство — Мессенгеленде близ Берлина; 1-й Главный отдел — в Люббене (Шпревальд); остальная часть управления — в Бреслау, а оттуда в Кауфбайрен (Бавария).

Историю создания и задачи, выполнявшиеся «Форшунгсамтом», описал в собственноручных показаниях от 21 июля 1948 года старший правительственный советник, начальник 7-го отдела (дешифровка кодов Великобритании, США, Латинской Америки, стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока) IV Главного отдела «Исследовательского отдела» Имперского министерства авиации подполковник люфтваффе Карл Готтлоб Вехтер:

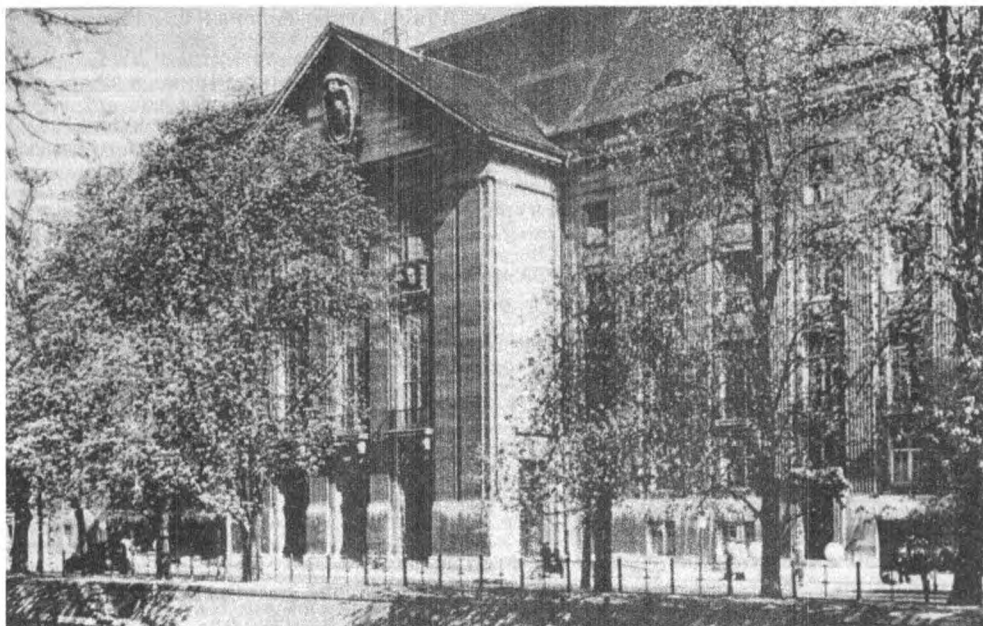
«Исследовательский институт (Форшунгсамт — в дальнейшем именуемый Ф.А.) был основан после захвата власти в первой половине 1933 года по приказу Геринга. Геринг хотел, чтобы Ф.А. стал центральным, всеобъемлющим и единственным разведывательным органом для всего рейха. Даже разведывательный аппарат вооруженных сил, за исключением чисто военных задач, должен был быть подчинен Ф.А. или, во всяком случае, должен был быть поставлен под его руководство. Как и следовало ожидать, этот план натолкнулся на сильное сопротивление различных инстанций, как уже существовавших, так и созданных позднее, и борьба продолжалась до капитуляции, часто скрытая, а иногда и явная.

Теперь можно констатировать, что в результате этой борьбы Ф.А., несмотря на некоторые первоначальные успехи, был вынужден отступить, и в ведении вооруженных сил осталась агентурная разведка и дешифрование дипломатических шифров, у МИДа — дешифрование иностранных шифров, у Министерства пропаганды — использование иностранной прессы.

Несмотря на эту неудачу, Ф.А. сумел в рамках новых, более узких целей — осуществление первоначальных целей было отложено, но не отменено — стать важным, можно сказать необходимым, учреждением. Ф.А. обладал огромным архивом, который ежедневно пополнялся материалами иностранной прессы, радио, дешифрования и подслушивания. Умелым использованием этих материалов удалось добиться того, чтобы роль Ф.А. была признана всеми, хотя в некоторых областях другие ведомства и добивались больших успехов.

Ему принадлежала монополия на получение всех телеграмм, он имел широкую сеть телефонного подслушивания, пункты радиоперехвата и много филиалов в городах Германии и на оккупированной территории. Ф.А. не имел агентов — агентурную разведку пришлось уступить Верховному командованию вооруженных сил и гестапо, — однако он получал интересующий его материал, обрабатывал его и предоставлял в распоряжение соответствующих учреждений рейха. При чем каждая инстанция получала лишь касающиеся ее материалы. В первую очередь и наиболее полный материал поступал Гитлеру и Герингу. Были ли такие сведения, о которых не информировался Гитлер или Геринг или один из них, мне неизвестно. Такова была деятельность Ф.А. до капитуляции».

Отвечая на дополнительный вопрос, дешифровались ли в «Форшунгсамте» русские дипломатические шифры, Вехтер в этом же документе ответил: «На этот вопрос можно ответить только — “нет”. Насколько я знаю, попытки ОКВ²⁵ и МИДа

Штаб-квартира германской военной разведки (абвера)

дешифровать русские шифры успеха не имели. До 1933 года, если я не ошибаюсь, один или несколько русских шифров были дешифрованы МИДом. Я полагаю, что речь идет о телеграммах за 1920–[19]25 года. Я говорю об этом лишь на основании утверждений, которые я слышал, но никогда не имел возможности проверить».

О «разведке Риббентропа» подробно рассказал на допросе 16 ноября 1944 года бывший советник 1-го класса германской дипломатической миссии в Румынии оберфюрер СА Вилли Редель:

«В середине 1941 года министр иностранных дел Риббентроп поручил посланнику Генке организовать разведывательную службу при Министерстве иностранных дел в целях добывания политической информации лично для Риббентропа. Решение Риббентропа о создании личной разведки было вызвано конкурирующей ролью в этом вопросе службы безопасности (СД).

С началом войны СД широко развернуло разведывательную деятельность за границей, и в связи с этим между Гиммлером²⁶ и Риббентропом имела договоренность о том, чтобы вся политическая информация поступала к Риббентропу, который считал, что право докладывать Гитлеру политическую информацию, поступающую из-за границы, принадлежит ему как министру иностранных дел. Но Гиммлер, вопреки договоренности, докладывал Гитлеру наиболее важные сведения помимо Риббентропа, в результате чего Риббентроп неоднократно получал упреки от Гитлера за его неосведомленность. С другой стороны, Риббентроп не был доволен качеством информации, поступившей от своих дипломатических представительств за границей.

Таким образом, не желая больше полагаться на СД как источник информации и на информацию своих посольств, Риббентроп создал свою собственную развед-

ку. Эта секретная служба была организована в тайне от Гимmlера и СД. В самом же аппарате МИДа разведка Риббентропа была законспирирована названием “Дойче информацийштелле III” и возглавлялась сначала посланником Генке, а затем посланником Эттелем — бывшим германским послом в Тегеране... Посланник Генке в бытность свою руководителем разведки организовал резидентуру при всех посольствах. Резидентами назначались старшие чиновники из штата отдельных посольств... Прибывавшие в Берлин курьерской почтой материалы адресовались “Мид-Дейче информацийштелле III” — лично тайному советнику Маршалл фон Биберштейн²⁷. Радиogramмы и телеграммы адресовались в зашифрованном дипломатическом шифром виде с пометкой “Ремарк”... Резидентами “Мид-Дойче информацийштелле III” назначались старшие чиновники из штата посольств²⁸.

Таким образом, разведывательное «сообщество» нацистской Германии представляло собой широко разветвленный, зачастую конкурирующий между собой аппарат.

* * *

Однако все же одно из главных мест в разведывательном «сообществе» занимало Управление военной разведки и контрразведки при ОКВ (абвер). Первым начальником германской военной разведки и контрразведки был генерал-майор Фриц Гемпп²⁹ (1919–1927), затем на этом посту служили полковник Гюнтер Швантес³⁰ (1928–1929), полковник Фердинанд фон Бредов³¹ (1929–1932), капитан 1-го ранга Конрад Патциг³² (6 июня 1932 — 2 января 1935) и адмирал Вильгельм Канарис (2 января 1935 — 12 февраля 1944).

Несколько подробнее стоит рассказать о руководителе военной разведки Германии адмирале Вильгельме Канарисе. Мнение о нем послевоенных историков, представителей военной разведки существенно отличается от отношения к нему сотрудников других немецких спецслужб.

Одной из первых работ, посвященных личности Канариса, была книга британского журналиста Яна Колвина «Master Spy», вышедшая в русском переводе в 1960 году под названием «Двойная игра». В его книге есть любопытный эпизод, в котором описано назначение Канариса в разведку: «Назначение Канариса было совершенно секретным; его должность была также секретной. Сама Германия того времени с ее вероломными замыслами являлась хранилищем секретов. Английское адмиралтейство, хорошо знавшее о деятельности молодого Канариса в нейтральных странах во время Первой мировой войны и следившее за его карьерой, упустило его из виду в 1935–1939 годах. Оно не обратило внимания на его перевод из Свинемюнде в Берлин. Иностранные посольства и миссии в Берлине знали Канариса просто как офицера, работавшего в штабе немецкого военно-морского флота по связям с отделом внешних сношений военного министерства. А так как сам Канарис любил выполнять некоторые мелкие разведывательные задания, то иностранцам, сталкивавшимся с ним по службе, трудно было догадаться, что это сам начальник военной разведки»³³.

Другой британский журналист, Ричард Бассет, дал следующую характеристику главе германской военной разведки: «Канарис был амбициозен. Он знал, что был лишь одной из семи разведывательных служб гитлеровской Германии. Его целью было сделать абвер основной и самой осведомленной из них. Наряду с абвером существовали “Сихергейтсдинст” (СД), “Форшунгс Амт” (Forschungs Amt) Геринга, “Иностран-

ное политическое бюро” Розенберга³⁴, разведывательный центр германских меньшинств и отдел разведки германского МИД»³⁵.

Руководитель отдела Генштаба «Иностранные армии — Восток»³⁶ Рейнхард Гелен³⁷, впоследствии руководитель так называемой «Организации Гелена»³⁸, отмечал: «...в некоторых публикациях авторы, которые наверняка не знали Канариса лично и тем более не были с ним в близких отношениях, критикуют его поступки и действия. ...Против сочинителей таких историй говорит, прежде всего, то глубокое уважение и даже восхищение, которое бывшие сотрудники абвера питают до сих пор к адмиралу. В словах этих людей звучит не только благодарность за сердечную заботу о них, но и почтение к нему как

Отто Скорцени, оберштурмбанфюрер СС резерва

к незаурядной личности. В Канарисе, наряду с его религиозностью и верностью офицерской чести, пожалуй, сильнее всего поражала фундаментальная образованность — явление довольно редкое среди высших офицеров. В нем было многое от идеалов и воззрений первой половины девятнадцатого века...»³⁹

«Диверсант № 1» Отто Скорцени же характеризует «шефа» германской военной разведки совсем по-иному: «Адмирал Канарис самый сложный оппонент, с которым я сталкивался за всю мою жизнь. Есть люди, личность которых не поддается идентификации. В случае с Канарисом мне это так и не удалось сделать! Он просто идеальный типаж офицера разведывательной службы. Глаза излучают ум, но что творится в душе, об этом никто не знает и не узнает... У него отработанная техника разговора. Его практически невозможно поймать на каком-то противоречии — он ускользает как угорь! Для него нет “черного” и “белого”, он не признает крайностей, а всегда находится посередине, чтобы в конце концов сказать — “нет”! Хотя похоже на то, что мнение о предмете у него складывается до начала разговора»⁴⁰.

Даже по этим небольшим характеристикам видно, что о согласии между спецслужбами «Тысячелетнего рейха» не могло быть и речи. В ходе Второй мировой

войны такая обстановка внутри разведывательного «сообщества» Германии в конце концов привела к катастрофе.

Подробности о методах работы руководителя абвера адмирала В. Канариса рассказал во время допроса 14 апреля 1945 года начальник разведки отдела «Иностранные армии — Восток» Генштаба ОКХ⁴¹ Курт Янке⁴²:

«...он очень осторожный, недоверчивый к окружающим человек. В разведке Канарис был большим знатоком, внимательно подбирал себе агентуру. Канарис имел в своем распоряжении несколько агентов, именовавшихся по терминологии английской разведки “свободными охотниками”. Эти агенты находились исключительно в его распоряжении и были законспирированы от других сотрудников. Такой “свободный охотник” под соответствующим прикрытием посылался в интересующую разведку страну, где подбирал наиболее интересные фигуры для вербовки. После изучения кандидата на вербовку к нему посылался другой “свободный охотник” с задачей непосредственной вербовки. Вербовщик, после вербовки, передает нового агента на связь резиденту, а сам встречи с ним прекращает»⁴³.

О руководителе абвера дал показания 27 апреля 1951 года бывший начальник германской военной контрразведки генерал-лейтенант Франц фон Бентивеньи⁴⁴:

«Из числа организаторов абвера — Гемпп, Швантес, Бредов, Патциг, Канарис — мне наиболее хорошо известен последний. Гемпп и Швантес мне вообще незнакомы; Бредов и Патциг мне знакомы лишь внешне.

Канарис был в период 1-й мировой войны старшим офицером на линкоре “Шлезия” и командиром оперировавшей в Средиземном море подводной лодки. Находясь в последней должности, он выполнял неизвестное мне разведывательное задание германского военно-морского командования.

По выполнении задания он должен был выйти на небольшом катере в Средиземное море, где его ожидала германская подлодка. При этом он потерпел кораблекрушение и был подобран подводной лодкой в открытом море.

Во время 1-й мировой войны Канарис был заочно приговорен итальянскими властями к смертной казни, за что конкретно, мне неизвестно. Канарис не рассказывал мне подробностей своего пребывания в Испании и других обстоятельств своей разведывательной работы. В тот же период времени, будучи старшим офицером на линкоре “Шлезия”, Канарис участвовал в морском сражении близ Фалькландских островов, после чего был интернирован в одном южноамериканском государстве и бежал в Германию на нейтральном торговом судне. После 1-й мировой войны Канарис занимал ряд должностей во флоте, в частности был начальником штаба военно-морской базы на Северном море, командиром линкора и вплоть до своего назначения начальником абвера в 1935 году являлся комендантом порта Свинемюнде.

Предшественник Канариса в абвере — капитан Патциг — должен был отказаться от занимаемой должности из-за неприятностей с гестапо, Патциг требовал предоставления абверу права иметь свою собственную, т. е. находящуюся в ведении ОКВ, полицию, Гейдрих воспротивился этому требованию, а так как Патциг не был склонен на уступки, то он был замещен Канарисом.

Последний договорился с Гейдрихом о том, что во всех случаях, когда требуется вмешательство полиции, абвер будет обращаться к гестапо. Указанное соглашение нашло впоследствии свое отражение в “10 заповедях”. Для военной контрразведки такая договоренность представляла большие неудобства, так как допросы арестованных могли производиться только чиновниками гестапо, кото-

рые не были в достаточной степени осведомлены о характере проводимых агентурных комбинаций и нередко портили их своим вмешательством.

Канарис был вынужден идти на уступки и мириться с требованиями Гейдриха, понимая, что в случае открытой ссоры с последним ему, Канарису, нечего рассчитывать на поддержку командования вооруженными силами.

Нужно сказать, что Канарис не только руководил созданием «Абверштеллен», занимаясь во время своих частых служебных поездок их организационными и оперативными делами, не вмешиваясь вместе с тем в круг вопросов, подлежавших компетенции органов командования военных округов.

Во время войны Канарис переложил центр тяжести работы абвера на разведывательный сектор и инструктировал в этом смысле руководителей «Абверштеллен». Работой «Абвера III», в том числе группы III-Ф, Канарис интересовался значительно меньше. Так, например, Канарис перестроил работу т. н. «Кригсорганизацион» (КО) в основном на разведку. В ходе войны почти все КО были укомплектованы также рефератами по линии III-Ф. Особое внимание Канарис уделял Испании. Насколько мне известно, он знал Франко⁴⁵ еще по Первой мировой войне. По указанию Гитлера Канарис пытался летом 1942 года склонить Франко к участию в войне на стороне Германии, однако, к недовольству Гитлера, эта попытка не увенчалась успехом. Сам Канарис считал вовлечение Испании в войну нежелательным, так как Германия должна была бы обеспечивать Испанию продуктами питания и нефтью, превратившись тем самым в балласт.

Нужно отметить, что Канарис вообще был скептически настроен в отношении исхода войны. Его воззрения на этот счет и отдельные саркастические замечания по адресу партии и гестапо, которые он допускал в кругу своих сотрудников, стали известными в верхах, так что Канарис даже у Кейтеля⁴⁶ завоевал славу пессимиста и чуть ли не пораженца. Свои убеждения Канарис зафиксировал в очень осторожной форме в своем дневнике. В 1944 году указанный дневник попал в руки РСХА и послужил основанием для расстрела Канариса в 1945 году, незадолго до капитуляции. Канарис не был, конечно, революционером и не имел достаточно энергии, чтобы доказать Кейтелю и другим высшим руководителям объективную правильность своих взглядов. К тому же яд фашистской пропаганды в достаточной степени укрепился в среде обычно трезво рассуждавших офицеров абвера. Для высших военных руководителей было вообще трудно в ряде случаев отличить правду ото лжи. Кейтель, например, был слепо предан Гитлеру.

Канарис был очень активным человеком, далеким от кабинетного умствования и крохоборства. Во время войны он был много в пути, не считаясь с непогодой, летая на своем служебном самолете на все фронты, посещал армии, отдельные дивизии, руководителей КО (и в этом случае обязательно германских послов), начальников иностранных разведок, вылетая в Африку (в Тунис и Дакар), инспектировал органы абвера в оккупированных областях и успевал вместе с тем на доклад к Кейтелю, находившемуся в главной ставке, будь то в Восточной Пруссии, Виннице или Берхтесгадене. Вместе с тем Канарис недолюбливал, когда его начальники отделов самостоятельно выезжали в инспекционные поездки. Как правило, он совершал поездки с соответствующим начальником отдела. Исключением являлся только начальник «Абвера II».

Канарис останавливался лишь на краткий срок, не успевая, разумеется, ознакомиться со всей работой абвера в целом. Поэтому он уделял главное внима-

ние разведке, и особенно потому, что в этой области его беспрестанно теребили штабы всех трех родов войск. На совещаниях с руководителями “Абверштеллен” и начальниками I-х отделов Канарис всегда выступал против попыток отдельных органов абвера заниматься сбором политических данных и требовал четкой военно-разведывательной информации. В этом отношении Канарис делал исключение только для начальника “Абверштелле-Бухарест” полковника Родлера⁴⁷, который считался знатоком Балкан и лично информировал Канариса о чрезвычайно сложной политической обстановке, сложившейся в Румынии к концу войны.

Канарис принципиально считал, что оценку политического положения за границей вправе делать только соответствующий германский дипломатический представитель, и решительно возражал против попыток других безответственных органов (например, СД) за спиной посла направлять в Берлин политическую информацию. Информация подобного рода нередко через Гиммлера поступала к Гитлеру, причем выяснилось, что она была совершенно противоположна докладам послов.

Так как оценка Канарисом международного и внутреннего положения Германии не совпадала с официальной линией нацистского руководства, находившей свое отражение не только в прессе, кино и радио, но и в узком кругу государственных деятелей, и поскольку скептицизм Канариса не был секретом для Гейдриха, Кальтенбруннера⁴⁸ и Гиммлера, то последний воспользовался фактом перехода одного сотрудника КО в Турции* на сторону противника в 1944 году для того, чтобы устранить этого неудобного “пессимиста”. Это послужило также благоприятным поводом для осуществления старой мечты Гейдриха — проглотить военную разведку.

Мне неизвестно, был ли Канарис участником заговора 20 июля 1944 года, но он, безусловно, симпатизировал заговорщикам. Равным образом я не осведомлен о том, что Канарис выполнял бы какие-либо задания заговорщиков, в частности по установлению контакта с державами — противниками Германии. Вообще о событиях 1944 года я не могу показать, поскольку тогда находился на фронте.

Должен отметить, что о какой-либо связи Канариса со странами — противниками Германии в предыдущие годы я не только ничего не знаю, но и не имел повода для подобных предположений.

Заговорщики, как я полагаю, осторожно вели себя с Канарисом, так как подозрительное отношение к нему со стороны РСХА было известно, а по слухам (довольно правдоподобным), за ним даже велось наблюдение*.

В показаниях генерал-лейтенанта Ф. фон Бентивеньи стоит обратить внимание на эпизод, связанный с появлением т. н. «10 заповедей». Об этом «соглашении» между германской военной разведкой и службой безопасности писал историк Р. Бассет: «...17 января (1935 г. — *Авт.*) Канарис и Гейдрих встретились, чтобы установить основы, которые регулировали бы сотрудничество между СД и абвером. Позже это соглашение получило название “десять заповедей”. Необходимость создания таких основ была вызвана в том числе отказом Патцига позволить СД вторгнуться в политическую работу абвера — в частности, право абвера действовать параллельно с политической полицией, гестапо. Заключенное соглашение сохраняло монополию абвера на секретный шпионаж в обмен на приоритет СД во внутренних вопросах — причем вопросы политической контрразведки должны были выноситься на совместное рассмотрение. Обе стороны выразили удовлет-

* Речь идет о немецком разведчике Эрихе Вермерене.

ворение соглашением, которое официально должно было быть принято к концу года. Поскольку контрразведывательная деятельность не имела строгих ограничений, можно констатировать, что у обеих сторон оставалось некоторое пространство для маневра. Более того, абвер сохранял свое доминирование в области военной контрразведки»⁴⁹.

Более подробно историю появления «соглашения» описал в своих мемуарах бывший сотрудник адмирала В. Канариса — Карл Гейнц Абсхаген:

«С консолидацией в руках Гимmlера реальной власти становится все заметнее влияние второго фактора — усиливающееся стремление Гимmlера и тогдашнего руководителя прусской тайной полиции (гестапо) Гейдриха по возможности ограничить эксклюзивные полномочия вермахта и одновременно расширить собственные возможности в различных ветвях специальных служб и карательных органов. Исходным пунктом для подобных устремлений послужил тот факт, что при проведении следственных действий — арестов, обысков и других уголовно-процессуальных мероприятий — вермахт с самого начала был вынужден сотрудничать с политической полицией, поскольку сам не располагал для этого материальными и людскими ресурсами...

В конце концов Канарис и Гейдрих пришли к единому мнению относительно разграничения функций, закрепленных в десяти пунктах (впоследствии названных «десятью заповедями»). В итоге за абвером сохранилась работа в области военной разведки за рубежом, а также значительная часть контрразведывательных операций. В исключительной компетенции гестапо оставались все следственные действия, предписываемые уголовно-процессуальным кодексом. Достигнутые договоренности не сгладили противоречия между соперничавшими ведомствами. Да это было и невозможно хотя бы потому, что из-за трудностей объективного характера в «десяти заповедях» не было точно определено само содержание понятия «контрразведывательные операции»⁵⁰.

Однако вернемся вновь к личности Канариса. Попытки Гелена и ему подобных мемуаристов придать руководителю абвера ореол эдакого «джентльмена в белых перчатках» абсолютно беспочвенны. Одно из структурных подразделений абвера — отдел «Абвер II», отвечавший за организацию саботажа и диверсий в тылу врага, а также подчинявшаяся ему дивизия «Бранденбург» вели боевые действия, не считаясь ни с какими писаными и неписаными законами войны. На их счету пытки пленных, провокации, убийства мирных жителей, незаконное использование на поле боя формы одежды противника и т. п. О каком «джентльменстве» Канариса тогда идет речь? Поэтому не выдерживают критики слова Гелена о том, что «Абвер II» «выводил из строя лишь важные в военном отношении объекты во вражеском тылу»⁵¹.

В своих мемуарах Гелен напрочь откrestился от какой-либо причастности к деятельности «Абвера II», когда во время войны зашел вопрос об организации взаимодействия ведомства Канариса и отдела Генштаба «Иностранные армии — Восток»: «...адмирал без колебаний пошел мне навстречу в вопросе организации нашего взаимодействия и согласился на подчинение нашему отделу “Иностранные армии Востока” всех имевшихся на фронте служб, частей и подразделений военной разведки, за исключением принадлежащих 2-му отделу (диверсии). Меня это вполне устраивало, так как я по политическим соображениям не хотел иметь ничего общего с диверсионными структурами. Естественно, мой отдел не получил

Рейнхард Гелен, полковник, начальник отдела «Иностранные армии — Восток»

права вмешиваться в руководство специальными частями, подразделениями и штабами — это была прерогатива абвера»⁵². А раз руководство частями специального назначения «прерогатива абвера», то за их действия отвечал лично Канарис. Об одном из эпизодов таких «действий» будет рассказано в параграфе «Привет всем. ХГС», или «Десант» против абвера».

* * *

Интересные сведения об адмирале Канарисе приведены в статье журналиста Барнея Миллера. Ее перевод был подготовлен Спецбюро⁵³ при министре госбезопасности СССР в конце 1940-х годов. Ниже приведем целиком весь текст статьи, который удалось обнаружить авторам книги. Вероятно, статья опубликована в 1945–1946 годах, и не ранее 1947-го переведена на русский язык:

«Агентство Рейтер передает следующую статью Барнея Миллера об адмирале Канарисе.

Поддельная фотокопия полицейского удостоверения немецкой проститутки явилась первым звеном в цепи событий, закончившихся таинственным исчезновением руководителя германской разведки — адмирала Вильгельма Канариса, проложившего путь походу германских орд на Европу. Считают, что Канарис — грек по национальности, был умерщвлен по приказу Гиммлера.

По заявлению некоторых немцев, Канарис был повешен, другие заверяют, что он был расстрелян. Говорят, что Канарис не смог выкрутиться из положения, в котором оказался после того, как начальник гестапо⁵⁴ Гиммлер поставил его во главе списка «разыскиваемых» после заговора на Гитлера в 1944 г. и заочно приговорил его к смертной казни. Фотоснимок удостоверения проститутки привел к непримиримой вражде между Гиммлером и Канарисом, которая могла закончиться лишь смертью.

Сторонник нацистской теории свободной любви, Гиммлер вел настолько распущенную жизнь, что подхватил болезнь, почти лишившую его зрения. Однако, хотя Гиммлеру и приходилось пользоваться пишущей машинкой с почти дюймовыми буквами, чтобы прочесть текст, ему не требовалось искусственной помощи для того, чтобы разгадать коварство сладкоречивого убийцы, адмирала Канариса, выработавшего законы жестокости и кровопролитий, которые пришлось почувствовать каждому уголку Европы.

За жестокостями самого способного ученика Канариса — Гейдриха⁵⁵ и бельзенского чудовища Крамера⁵⁶ скрывалась направляющая рука Канариса.

За скромными манерами и добродушной внешностью Канарис скрывал от германского народа садистское варварство. Зато в школе разведки маска скромности Канариса сменялась личиной зверя.

Фалькенхаузен⁵⁷, Штюльпнагель⁵⁸ и Гейдрих — «протектор» завоеванных нацистами территорий, были в числе самых способных учеников Канариса. Он показал им, как бить, сжигать, научил пыткам, столь ужасным, что перед ними бледнеет история испанских инквизиций. Архисадист Канарис использовал все злодеяния прошлого, усилив их современными методами. Теории Канариса снова и снова испытывались на телах тысяч норвежцев, бельгийцев, поляков, чехов, французов, евреев, англичан и русских.

Канарис обучал членов пятой колонны всех стран, намеченных «фюрером» для работы.

Гиммлер был известен каждому немцу. Он появлялся открыто, и его фотографировали в обществе “фюрера” и без него. Зато Канарис был известен только очень немногим. Люди, которым приходилось с ним знакомиться, обычно сожалели об этом. Хитрый как лиса, скользкий как угорь, Канарис запрещал упоминать свое имя в справочниках или помещать свою фотографию в каких-либо изданиях. Близкие к Канарису люди заявляют, что они никогда не видели Канариса перед фотокамерой. Принимая посетителей в своем просторном кабинете в Берлине, Канарис всегда стоял к ним спиной, устремив глаза в потолок.

Нежелание показывать свое лицо вполне понятно, так как одним из основных факторов, способствовавших восхождению к власти Канариса, было умение оставаться анонимным.

* * *

Канарис родился в 1888 году*. Люди, лично с ним знакомые, рассказывают, что это щедушный человек с манерами рассеянного профессора. Об упорной энергии свидетельствуют лишь его горящие, пронизательные глаза. Один журналист описывает Канариса следующим образом: “Приятный, несколько усталый, деловой человек средних лет”.

Канарис по происхождению грек; он является потомком командующего греческим флотом адмирала Канариса⁵⁹, который в 1821 году нанес поражение турецкому флоту.

Во время Первой мировой войны Канарис занимался шпионажем. Вид невинного штатского был прекрасной маскировкой для работы в Италии. Однако итальянцы оказались не такими простаками, как рассчитывал Канарис. Они позволили ему некоторое время свободно передвигаться. Затем, когда Канарис собрал некоторую информацию, его схватили. Понимая, что человек такого калибра может оказаться опасным, если его оставить в Италии, верховное командование союзников потребовало у итальянского правительства выдачи Канариса. Итальянцы, обеспечив охрану, посадили Канариса на пароход, направлявшийся во Францию. Канарис нашел себе союзника в капитане парохода. Капитан приказал запретить охрану в кабинете и высадил Канариса в Испании.

Оказавшись на берегу, Канарис принял вид рабочего — мастера на все руки и прошел пешком через всю Испанию до Португалии, по пути выполняя различные работы. На побережье Португалии его подобрала германская подводная лодка. Канарис сумел хорошо использовать свою свободу, организовав совместно со своей приятельницей, шпионкой Мата Хари⁶⁰, испанское агентство убийц.

Перехитрив, таким образом, союзников, Канарис перенес внимание на Америку, которая в тот момент была на пороге вступления в войну.

В 1916 году Канарис высадился в США под видом продавца австрийских музыкальных инструментов. Под именем Мейербера Канарис свободно продвигался по США. У него всегда с собой были футляры от скрипки и гобоя, в этих футлярах находились бомбы**.

Канарис организовывал диверсионные и террористические акты в крупных масштабах, надеясь, что его деятельность отобьет у США охоту вступать в войну

* Так в тексте. Канарис родился 1 января 1887 г.

** Эпизод с пребыванием Канариса в 1916 г. на территории США не соответствует действительности.

на стороне Англии и Франции. “Разве не было оснований рассчитывать, — сказал, как говорят, Канарис одному из своих помощников, — что такая страна, как Германия, способная вызвать такой хаос при помощи всего горсточки обученных саботажников, сможет уничтожить любую, выставленную против непобедимой германской военной машины, американскую армию?”

Закончив свою миссию в Америке, Канарис возвратился в Германию. Будучи убежден, что мощь Великобритании может быть разбита лишь при условии нанесения поражения английскому флоту, Канарис вступил в германский флот. Он без усталости работал, размещал шпионов во всех портах мира. Малоизвестно о том, какими успехами или провалами сопровождалась его деятельность в этом направлении. Он недостаточно долго работал в германской морской разведке, чтобы достичь высокого поста до поражения Германии. Канарис получил ранг адмирала лишь в 1940 году, но задолго до этого он создал себе своей энергией и безжалостностью репутацию, которая с учетом его деятельности в Италии и Америке оказалась ему весьма полезной.

В начале [19]20-х годов Канарис держался в тени. Он прислушивался к предложениям всех людей, считавших себя спасителями Германии. С типичной для него тщательностью Канарис изучал каждую черту людей, с которыми сталкивался, запоминал лица, теории.

Во время путча Каппа⁶¹ Канарис сыграл обычную для него роль. Участвуя в тайном заговоре Каппа и других националистических авантюристов, Канарис был неофициальным адъютантом социал-демократического начальника берлинской полиции Носке⁶². Носке принадлежал к числу людей, близких по духу Канарису. Предупредив его о деятельности Каппа, Канарис уж заранее заготовил Носке кличку “кровавая собака Берлина”.

Во время прихода к власти Гитлера снова проявилась ловкость Канариса. Маленький грек не пошел к Гитлеру. Он выжидал, пока Гитлер сам к нему придет, рассчитывая, что созданная им репутация убедит будущего “фюрера” в том, что Канарис является достойным членом национал-социалистического движения⁶³.

Канарису удалось быстро втереться в руководящие органы, хотя он никогда не стал окончательно нацистом. Страстная ненависть Канариса к гестапо, власть которого быстро возрастала под руководством шофера такси Гиммлера, привела к открытой стычке.

Руководитель германской военной разведки и контрразведки при ОКВ (январь 1935 – февраль 1944) адмирал (1940) Вильгельм Канарис

Канарис больше верил в германский народ, чем в Гимmlера, и уверял, что бесполезно тратить время и деньги на широкую работу внутри страны. По мнению Канариса, деньги, потребные для финансирования гестапо, было бы целесообразнее использовать на создание шпионской организации за границей.

Обоюдная ненависть Канариса и Гимmlера тлела много лет. Она разгорелась полным пламенем, лишь когда фельдмаршал Бломберг⁶⁴ решил жениться на своей стенографистке. Гитлер был против этого брака и для дискредитации Бломберга в глазах офицерства способствовал распространению слуха о том, что молодая фрау фон Бломберг была в публичном доме. Для того чтобы сделать эту историю более правдоподобной, Гимmlер приказал полиции выписать удостоверение проститутки на ее имя, сфотографировал его и распространил копии среди офицеров высшего ранга. Возмущенный подобной клеветой на выдающегося человека, Канарис открыто и резко поссорился с Гимmlером.

Он даже намекнул, что Гитлер равным образом виновен в этом деле. Гимmlер не простил и не забыл поступка Канариса, Гитлер же не обратил внимания на критику его действий, и казалось даже, что Канарис снискал расположение “фюрера”.

Однако взгляды Канариса аналогичны взглядам Гимmlера. По общему мнению, именно Канарис дал приказ к убийствам в 1934 году и являлся виновником убийства Ратенау⁶⁵ и генерала фон Шлейхера⁶⁶.

Канарису было поручено организовать секретную военную организацию — “черный рейхсвер”⁶⁷, явившуюся впоследствии ядром германской военной машины. Снова Канарису пошла на пользу годы опыта шпионской деятельности. Под носом у союзных оккупационных армий он обучал солдат технике современной войны. 20 лет ковал эту мощь Канарис.

Получив в середине [19]30-х годов приказ от Гитлера начать подготовку к приближающейся войне, Канарис повесил над своим письменным столом лозунг: “Просачивайся, разлагай, деморализуй!” Канарис выработал план настолько тонкий, что даже самый подозрительный ум не смог бы разобраться в нем. Окрыленный своим прежним успехом в Италии, Канарис забыл, как он сам попался там в ловушку. Снова отправившись на родину Муссолини⁶⁸, Канарис пренебрег осторожностью и вскоре был заключен итальянской тайной полицией в римскую тюрьму.

После нескольких месяцев заключения без следствия камеру Канариса однажды посетил католический священник. Поняв, что наконец наступила возможность бежать, Канарис задушил священнослужителя, оделся в его рясу и, оставив труп в постели в своей камере, вышел через ворота тюрьмы и вернулся в Германию⁶⁹.

Этот случай произвел на Канариса глубокое впечатление. Он твердо решил избегать ловушек, в которые попадался дважды. Он составил новый план, в успехе которого был уверен, — план организации специальной школы. Это оказалось легким делом. Из рядов эсэсовцев были отобраны люди, отличавшиеся особой жестокостью, безжалостностью и деловитостью. Школу Канариса окончили с отличиями Гейдрих, Штюльпнагель и Фалькенхаузен.

Можно было питать уверенность в том, что они сумеют руководить завоеванными странами таким образом, чтобы у поработанных народов не осталось никаких сомнений в том, что Германия неуязвима и что всякая попытка к мятежу будет подавлена с жестокостью, не имеющей равной в истории.

Людей, не выдержавших испытание в жестокости, намечали для более тонких ролей. В качестве студентов, жаждущих знаний, они посещали все страны Европы, устанавливали дружеские связи, делали фотоснимки, выступали с речами, беседовали.

Ежегодно школу Канариса проходили тысячи слушателей обоего пола. Окончив курс, они исчезали. В Чехословакии они спровоцировали Судетский кризис, в Англии фотографировали аэродромы и доки, во Франции разжигали политические разногласия.

Ученики Канариса снабжались деньгами для того, чтобы втереться в высшие круги посещаемых стран. Во время поездок студенты посылали восторженные отзывы о путешествии своему любимому профессору — кроткому, мягкому, рассеянному человеку, изредка появлявшемуся в изысканных гостиницах Берлина с белой гвоздикой в петлице. В письмах, получаемых Канарисом и его высококвалифицированными студентами следователями, делались приписки невидимыми чернилами. Затем «студенты» возвращались в Германию в «отпуск» и делали доклад человеку, руководившему огромной паутиной, покрывшей всю Европу.

Третий этап плана Канариса был, пожалуй, самым трудным. Он начал ухаживать за недовольными искателями власти в Европе. Агенты Канариса отправились во Францию. Они присылали сведения о людях, жаждавших перемен власти, и привозили их в Берлин, где им предоставлялась возможность вести роскошное существование за счет Германии и встречаться с Канарисом.

Эти заграничные гости превращались в последователей нацистского плана завоевания мирового господства. Квислинг⁷⁰, Лаваль⁷¹, Зейсс-Инкварт⁷² и другие изменники, готовые за обещание власти распять свою страну, вернувшись после встречи с Канарисом на родину, начали подрывать ее организм, ожидая приказа о нанесении удара. Наряду с этими зарубежными агентами Канарис обучил своих собственных шпионов и посылал их в кипящий котел, который представляла собой Европа в [19]30-х годах. Им давалось задание: контрслежка за «студентами» и «туристами» и наблюдение за вооруженными силами и заводами демократических стран.

Канарис не сидел в Германии в то время, как шла эта лихорадочная деятельность. Ключевая роль в германском плане принадлежала Ближнему Востоку. Канарис был уверен в том, что Германия легко может завоевать Европу, но для достижения господства на Востоке было необходимо разбить английский флот, а это можно было сделать только в Средиземном море. Канарис отправился на Восток, в Ирак и Иран, в целях организации там беспорядков. Это был главный ход всего плана.

Только сильная рука могла добиться успеха. Из своего путешествия на Восток Канарис вернулся не с пустыми руками. Рашид Али Гайлани⁷³ попытался поджечь на Ближнем Востоке бочку с динамитом.

Костер под кипящим котлом, четыре года разжигавшийся коварным Канарисом и раздувавшийся Гитлером, разгорелся ярким пламенем в 1939 году. В конце 1940 года Канарис оказался героем Третьей германской империи. Задуманные им удары следовали друг за другом как ракеты, и выражение «пятая колонна»⁷⁴ сразу вошло в обиход. Рушилась страна за страной. Их единство было подточено крысами — питомцами Канариса.

Квислинг оказался во главе правительства в Норвегии, Лаваль держал в своих руках бразды правления во Франции — это лишь двое из людей, обязанных кратким пребыванием у власти греку со скромными манерами.

Вот некоторые из достигнутых Канарисом успехов: он располагал самыми точными сведениями о запасах вооружения во Франции. У него имелся подробный план каждого аэродрома, каждого завода, сведения почти о каждом шаге французского верховного командования. Он мог завоевать Францию изнутри скорее, чем извне, с помощью французов, предавших свою родину ради денег, щедро раздававшихся агентами Канариса в обмен на документы, секреты или планы или передававшиеся шепотом обрывки разговоров.

К тому моменту, когда Гитлер в 1939 году был готов нанести удар, Канарис создал систему разведки, не имевшую себе равной. Это помогло Германии провести союзников, наносить удары по слабо защищенным пунктам, предупредывалось движение судов с подкреплениями, саботировались англо-французские планы единства.

Однако Канарис был далеко не непогрешим. Более, чем кто-либо другой, он настраивал Гитлера на нападение на Россию. Кроме того, он был полностью дезинформирован в отношении англо-американских десантных операций в Северной Африке.

В конце 1940 года Канарис был возведен в ранг адмирала. Он достиг вершин власти, и была возможность подняться еще выше. Однако судьба бывает изменчива. Акции Канариса начали падать с такой же быстротой, с какой они поднимались. Гитлер не простил ему ошибки в отношении России. В 1943 году, по сведениям из достоверных источников, Гитлер снял с работы Канариса⁷⁵ и поставил на его место Кальтенбруннера. Это произошло после того, как Гиммлер сообщил Гитлеру о ряде ошибок Канариса.

Одна странная черта в психологии Канариса привела его к гибели. Хотя он был фанатически предан Германии, он никогда не был ревностным членом нацистской партии и последователем ее доктрин. Блестящие шпионские и организаторские способности Канариса обеспечили ему возможность свободно вращаться в нацистских кругах, не боясь неприятностей. Но антинацистское выступление Канариса в связи с поддельным удостоверением проститутки и его независимые взгляды заслужили ему дружбу большинства германских генералов.

В силу этих антинацистских взглядов Канарис поддержал план генералов о свержении Гитлера — план, который провалился после неудачного взрыва бомбы 20 июля 1944 года.

Точных сведений о том, что произошло с Канарисом, нет. Известно лишь, что он был приговорен Гиммлером к смертной казни за участие в заговоре против Гитлера. Также не удалось найти следов красавицы-жены⁷⁶ Канариса и его двух дочерей.

Немцы, допрошенные о возможности побега семьи Канариса в какую-либо нейтральную страну, единогласно заявляют, что, учитывая его вражду с Гиммлером и участие в заговоре против Гитлера, маловероятно, чтобы семье Канариса удалось уйти из Германии. От шикарного района Берлина — Целлендорфа, где последнее время жил Канарис со своей семьей, остались одни развалины.

Союзное верховное командование все еще продолжает расследование тайны адмирала Канариса, также как и Адольфа Гитлера и Мартина Бормана⁷⁷.

* * *

Несколько слов следует сказать о структуре германской военной разведки (абвера). Во время реорганизации в феврале 1938 года и создания Верховного коман-

дования вермахта (ОКВ) абвер был включен в состав Управленческой группы по общим вопросам ОКВ (Amstgruppe Allgemeine Wehrmachtangelegenheiten; AWA).

С 1 июня 1938 года абвер был преобразован в Управление разведки и контрразведки (Auslandsnachrichten und Abwehramt; Ausl/Abw). В его состав входили шесть отделов: Центральный, «Абвер I», «Абвер II» и «Абвер III», управленческая группа «Заграница» и Отдел военной цензуры.

В обязанности абверштелле (нем. Abwehrstelle; сокр. Ast) входила непосредственная организация и ведение разведывательной и контрразведывательной деятельности при каждом военном округе (например — «Абверштелле-Берлин», «Абверштелле-Кенигсберг» и т. п.). Абверштелле подчинялись непосредственно Управлению «Заграница» и согласовывали свою работу с отделами I Ц (разведотделами) штабов военных округов.

С началом Второй мировой войны абверштелле были также сформированы в странах-сателлитах Германии («Абверштелле-Вена», «Абверштелле-Бухарест», «Абверштелле-София»), а также на оккупированной территории при командующих оккупационными войсками тыловых округов («Абверштелле-Краков»). Абверштелле структурно включали в себя три основных отделения: 1-е (разведка), 2-е (диверсии и пропаганда) и 3-е (контрразведка).

Перед нападением на Советский Союз германская разведка активизировала разведывательную деятельность против СССР. С этой целью абвер установил тесный контакт с разведками Финляндии, Венгрии, Румынии и Японии и налажил регулярный обмен добытой разведывательной информацией.

Функции главных структурных подразделений абвера заключались в следующем:

«Абвер I» — сбор разведывательной информации об иностранных армиях и флотах, подготовка агентов-радивистов, радиоперехват, изготовление документов прикрытия и оперативной техники. Руководителями отдела в разное время были полковник Ганс Пикенброк⁷⁸ (01.10.1936–03.1943) и полковник Георг Хансен⁷⁹ (03.1943–14.02.1944).

«Абвер II» — подготовка диверсионно-террористической агентуры и заброска ее в тыл противника; разработка и изготовление средств террора и диверсий, организация диверсионных и террористических актов; организация т. н. «национальных легионов», формирование из немцев, проживающих на территориях стран-противников; подразделения для захвата стратегически важных объектов. Для осуществления подрывных операций на территории вероятных противников в распоряжении отдела «Абвер II» находилось воинское формирование особого назначения — «Бранденбург 800». Во главе отдела находились майор Гельмут Гроскурт (1938–1939), полковник Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивермонт⁸⁰ (1939–07.1943), полковник барон Вессель фон Фрейтаг-Лорингофен⁸¹ (07.1943–14.02.1944).

«Абвер II» разделялся на два подотдела: «Запад» и «Восток». Отделение «Запад» отвечало за подготовку диверсионной работы против Бельгии, Великобритании, Голландии, Испании, Норвегии, США, Франции и Южной Америки. Отделение «Восток» занималось подготовкой диверсионной и террористической деятельности против СССР, Польши, Балканских стран, Ирана, Ирака, Аравии, восточной части Африки, Индии и других стран Востока. В свою очередь отделения «Абвера II» имели в своем подчинении специальные группы. Например, при отделении «Запад» имелись группы «Северо-Запад» и «Юго-Запад». В каждом отделении служило по 10 офицеров.

Кроме того, в подчинении «Абвера II» находились: диверсионная школа в Квенцзее и полк (затем — дивизия) «Бранденбург», лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ «Лаботегель», офицеры связи авиации и ВМФ и секретариат.

Диверсионная школа в Квенцзее располагалась в отдельных домах бывшей усадьбы в пяти километрах западнее г. Бранденбург. В ней обучались небольшими группами (по 10–20 человек) солдаты и офицеры. Лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ и приборов для диверсий располагалась в пригороде Берлина Тегеле. Начальником школы и одновременно лаборатории был полковник Ганс Маргер (позже лабораторию возглавляли полковник Маурициус и майор Эрман Куно), заместителем — майор Позер.

«Абвер III» отвечал за контрразведывательное обеспечение вооруженных сил нацистской Германии, военно-административных и военно-хозяйственных учреждений и объектов оборонного значения. Руководителями военной контрразведки в разное время были подполковник Рудольф Бамлер⁸² (24.05.1938–01.03.1939); полковник Хейнрих (08.1943–20.09.1943); полковник Франц Экард фон Бентивеньи (01.03.1943–14.02.1944).

Одним из ведущих подразделений в «Абвера III» являлся реферат III F. В его функции входила организация контрразведывательной работы за границей, внедрение своей агентуры в разведывательные органы противника и борьба с резидентами иностранных разведок, действовавших на территории самой Германии. На реферат III F также возлагались задачи ведения радиоигр с противником.

До 1939 года реферат III F состоял из двух отделений: «Восток» — «Ост» (Балканские страны, Латвия, Литва, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия) и «Запад» — «Вест» (Великобритания, Бельгия, Голландия, Франция и Швейцария), затем количество отделений возросло до шести. С июня 1940 года как самостоятельный орган реферата III F был создан т. н. штаб «Валли», речь о котором пойдет в параграфе «Штаб “Валли” и его подразделения».

Германская разведка, как и разведслужбы других государств, старалась получить как можно больше сведений о своих противниках. В статье историка В.П. Ямпольского приведены выдержки из справки Главного управления полиции безопасности Германии об организации и методах работы советской разведслужбы, подготовленной в 1938 году: «Советская разведка может опираться на многовековую традицию и опыт. Русские испокон веков были мастерами шпионажа. Советская разведка широко использует связи Коминтерна для получения сведений. Наряду с этим советская разведслужба пользуется теми же методами, какие, как мы знаем, применяются другими государствами. Именно поэтому русские — превосходные шпионы. Огромная территория Советского Союза в настоящее время почти герметически изолирована от пропагандистских влияний из-за рубежа»⁸³.

Добавим, что Советский Союз был почти непроницаем для германского шпионажа. Это утверждение можно подтвердить любопытным эпизодом из показаний от 17 июня 1951 г. бывшего начальника I Управления РСХА группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС Бруно Штрекенбаха: «Вспоминаю в этой связи один разговор с Мюллером⁸⁴ вскоре после начала войны с Советским Союзом. На мой вопрос, чем объясняется наша плохая осведомленность о Советском Союзе, Мюллер ответил, что СССР был всегда для германской разведки воротами, запертыми на семь замков».

* * *

В соответствии с планом «Барбаросса» абвер усилил разведывательно-подрывную работу против СССР. С началом агрессии спецслужбы Германии направили на советскую территорию значительное количество своих подразделений, призванных проводить разведывательную, диверсионную и террористическую работу в прифронтовой полосе и глубоком тылу Красной армии.

Главное внимание германская разведка уделяла подрыву военной мощи Красной армии. С этой целью в расположение частей и соединений действующей армии, в тылы фронтов засылались тысячи шпионов, диверсантов и террористов. Из общего количества вражеских агентов, забрасываемых в СССР, непосредственно в зону боевых действий Красной армии в 1941 году направлялось 55, в 1942-м — 54, в 1943-м — 53, в 1944-м — 63 и в 1945 году — 88 процентов⁸⁵.

Отметим еще одну весьма важную деталь в деятельности абвера, а именно ту роль, какую он отводил русской эмиграции в своих планах тайных операций на Восточном фронте: «Сотрудничество русских белоэмигрантов с абвером до начала военных действий против СССР проходило в основном на уровне абверштелле (Аст) и подчиненных им абвернебештелле (Анст) — региональных звеньев немецкой военной спецслужбы, а также так называемых “Кригсорганизацион” (КО)⁸⁶ — военных организаций, действовавших под прикрытием дипломатических представительств Германии за рубежом. Аст, Анст и военные организации вели сбор разведывательных данных о военной и экономической мощи СССР, разрабатывали контрразведывательные комбинации. Основной средой для вербовки агентуры были русские эмигрантские колонии и особенно участники различных антисоветских организаций... Кроме использования отдельных эмигрантов, абвер при необходимости объединял таких лиц в резидентуры.

Так, “Аст-Вена”, действовавший на всем юго-востоке Европы, имел три крупных резидентуры — в Софии и Будапеште (“Бюро Клатта”) и Варне (“Бюро Келлера”). Кроме них сотрудником “абверштелле” был бывший командир Дроздовской дивизии генерал Антон Васильевич Туркул⁸⁷. ...После начала военных действий на Восточном фронте все русские сотрудники абвера из числа “эмигрантских” резидентур были включены в состав фронтовых органов абвера и работали на “освобожденной” немцами территории. Наибольшее число русских белоэмигрантов было сосредоточено в Абвернебештелле “Юг Украины”, проводившей контрразведывательную работу на территориях Херсонской, Сталинской, Запорожской, Кировоградской, Одесской областей, а с 1942 года — в Крыму. Эмигранты возглавляли штатные контрразведывательные резидентуры, состоявшие из 2–3 штатных резидентов, самостоятельно вербовавших агентуру. Помимо вербовки в абвер, велась постоянная работа по привлечению в ряды РОВС⁸⁸ и НТС⁸⁹»⁹⁰.

А какими реальными сведениями располагал абвер о деятельности советских разведывательных и контрразведывательных органов перед началом вторжения в Советский Союз летом 1941 года? В какой-то мере ответ на этот вопрос советские спецслужбы получили уже после победы, когда были захвачены архивы разведывательного «сообщества Германии», а в плен попали некоторые высшие руководители абвера.

Отвечая на этот вопрос, генерал-лейтенант фон Бентивеньи, возглавлявший в 1939–1944 годах отдел «Абвер III» (военная контрразведка), показал: «До 1939 года структура и деятельность русской разведывательной службы была малоизвестна

германскому генштабу. Более подробные данные начали поступать после присоединения Прибалтийских стран к Советскому Союзу, так как в Прибалтике имелось большое количество немецких агентов. После оккупации Польши в Варшаве был захвачен архив 2-го бюро польского генштаба, располагавшего обширными материалами о русской разведке. Регулярно мы получали также информацию о России из Финляндии от органов финской разведки. К началу войны с Советским Союзом нам были в основном известны советские разведорганы в приграничных районах Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии...»

Об участии членов РОВСа в войне на стороне Германии против СССР показал на допросе в Москве 14–15 ноября 1945 года бывший генерал-майор Русской императорской и Белой армий, член РОВСа В.П. Бресслер:

Вопрос: А в период ведения войны Германии против СССР какая РОВСом и лично вами велась антисоветская работа? *Ответ:* До 1943 года проводились доклады антисоветского содержания о положении на советско-германском фронте. С 1941 до середины 1943 года “РОВС” снабжал немецкую армию переводчиками. Часть “ровсовцев” была мобилизована на фронт и принимала участие в боях против Красной армии. Помню, что от “Союза русских офицеров” в немецкую армию ушли Циммерман, Энгельштейн и Клинберг (все трое — подданные Германии), от “Союза служивших в российском флоте” — старший лейтенант Шен и капитан 2-го ранга Мирбах. Из офицерского союза в качестве переводчиков в немецкую армию вступили: штабс-капитан Домбровский-Корсак, полковник Гаусман, капитан Шпакович, подпоручик Андреев, эсаул Слепцов, подполковник Кромиади. Наряду с этим на тыловую службу к немцам поступили: полковник Ашимханов и штаб-ротмистр Каульбарс.

Вопрос: Только эти лица поступили к немцам на военную службу? *Ответ:* Нет, на фронт ушло много членов “РОВСа”. Основной контингент брался из “Балтийского союза”, который по своей численности достигал 400 человек.

Вопрос: Сколько же членов насчитывал в своем составе “Союз русских офицеров”? *Ответ:* “Союз русских офицеров” имел в своем составе 160–180 человек. Из числа этих лиц 7 человек входило в правление “Союза” — я, Бресслер, Новопашенный, Багге, Гагман, Наместник, Хвалынский, Мелешкевич. Ранее в правление входил также Купчинский, но он в 1934 году из “Союза” был исключен».

Закрытой для проникновения резидентуры германской разведки, по словам фон Бентивеньи, оказалась и Москва: «Насколько мне известно, “Абвер” во время войны не имел агентуры в Москве. Во всяком случае, Канарис, информируя начальников отделов о состоянии агентурной работы против воюющих с Германией стран, никогда не говорил о наличии в Москве какой-либо агентуры “Абвера”. Имелась ли в Москве агентура “СД”, я не знаю».

В начале 1990-х годов в беседе с корреспондентом бывший начальник 4-го Управления НКВД-НКГБ П.А. Судоплатов⁹¹ рассказал некоторые подробности, касающиеся деятельности германской разведки по засылке своей агентуры в Москву.

В частности, отвечая на вопросы, с какими заданиями направлялись в Москву германские агенты и много ли немецкой агентуры оставалось вне поля зрения контрразведки, ответил: «С самыми разными. В первую очередь немцев интересовало, не стягиваем ли мы к Москве новые воинские части, как обстоят дела на железной дороге, каково положение с продовольствием, какие настроения господствуют в Москве, не появилась ли какая-то слабость в действиях местной советской администрации, которую

можно было бы использовать? И вот что интересно: едва ли не каждый второй агент мечтал убить кого-нибудь из членов Политбюро. Думаю, что все-таки порядочно... Однако после войны, когда в наши руки попали архивы абвера, удалось установить, что “продуктивность” наших контрразведывательных операций была все-таки хорошей. Мы ведь не одни “пахали” — вместе с разведкой Наркомата обороны и Генштаба»⁹².

Показания немецкого разведчика и рассказ советского контрразведчика подтверждаются оценкой современных историков спецслужб: «Невероятная трудность добытия сведений из Советского Союза и организации подрывной деятельности на его территории отмечают буквально все западные мемуаристы. Благодаря своевременно принятым мерам по переселению бывших немецких колонистов из западных и южных областей Украины, где их проживало несколько сотен тысяч, рейх был лишен возможности использовать в своих интересах и немецкое национальное меньшинство. И тем не менее об экономическом и военном потенциале Советского Союза гитлеровское было довольно плохо осведомлено.

Как пишет в своих мемуарах начальник германского Генерального штаба Франц Гальдер⁹³, немцы считали в 1940 году, что у Красной армии имеется только 180–200 дивизий. В действительности же их оказалось более 300. Были недооценены также авиация и флот. Из вышесказанного напрашивается вывод, что “пятую колонну” в том виде и масштабе, которыми характеризовалась “пятая колонна” на Западе, в Советском Союзе гитлеровцам не удалось. Тем самым не была создана и одна из основных предпосылок, обеспечивавших успех агрессивных планов Гитлера в кампании против Чехословакии, Польши, Дании и Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции, Югославии и Греции. Авантюрная стратегия “подрывной войны” дала трещину уже при подготовке нападения на Советский Союз. Тем настойчивее гитлеровское руководство требовало от абвера проведения широких диверсионных мероприятий на советско-германском фронте в первые дни войны. С помощью диверсантов “Бранденбурга” оно надеялось компенсировать отсутствие “внутренней пятой колонны” в Советском Союзе»⁹⁴.

Один из документов, свидетельствовавший о подрывной работе «Абвера II» на территории СССР, был предоставлен Международному военному трибуналу — секретное распоряжение о подготовке восстания в Грузии от 20 июня 1941 года: «Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования нефтяных районов обеспечить разложение в советской России, рабочему штабу “Румыния” поручается создать организацию “Тамара”, на которую возлагаются следующие задачи: 1. Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии. 2. Руководство организацией возложить на обер-лейтенанта доктора Крамера (отдел 2 контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель доктор Хауфе (контрразведка II). 3. Организация разделяется на две группы: а) “Тамара I” — она состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (С) и объединенных в ячейки (К). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк “Бранденбург”. ЦБФ 800, 5-я рота); б) “Тамара II” представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается обер-лейтенант доктор Крамер. 4. Обе оперативные группы “Тамара I” и “Тамара II” предоставлены в распоряжение 1-Ц ОК (главного командования армии). 5. В качестве сборного пункта оперативной группы “Тамара I” избраны окрестности г. Яссы, сборный пункт оперативной группы “Тамара II” — треугольник Браилов – Каларса – Бухарест. 6. Вооружение организаций “Тамара” проводится отделом контрразведки II. Лахузен»⁹⁵.

Уже после окончания войны другой руководитель германской военной разведки, бывший заместитель начальника отдела «Абвер II», полковник Эрвин Штольце⁹⁶, во время предварительного следствия на вопрос, как велась подготовка нападения на Советский Союз, показал: «В марте или апреле 1941 года мой начальник — руководитель отдела “Абвер-2” — полковник (ныне) генерал Лахузен вызвал меня к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что вскоре предстоит военное нападение Германии на Советский Союз, и в связи с этим предложил мне использовать все данные о Советском Союзе, которыми располагал отдел “Абвер-2”, для проведения необходимых мероприятий по диверсии против СССР...

Далее я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием “А”, которая должна была заниматься исключительно подготовкой диверсионной и разложенческой работы в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на СССР. В то же время Лахузен дал для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтель и Йодль⁹⁷ (или генералом Варлимонт⁹⁸ по поручению Кейтеля — точно не помню), содержащий основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории СССР после нападения Германии на Советский Союз.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром “Барбаросса”. В дальнейшем все мероприятия по подготовке войны против Советского Союза именовались условно “Операция Барбаросса”. В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара по Советскому Союзу “Абвер-2” при проведении диверсионной и разложенческой работы против России должен использовать возможности, вытекающие из многонационального состава населения СССР, для разжигания национальной вражды и политического разложения Красной армии».

Накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, весной 1941 года, всем армейским группировкам немецкой армии были приданы по одной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной команде абвера, а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы (абвергруппы). Абверкоманды и абвергруппы с подчиненными им школами являлись основными органами немецкой военной разведки и контрразведки, действовавшими на советско-германском фронте.

В недавно опубликованной статье доктора исторических наук В. Винокурова приведены сведения о непосредственном участии германской военной разведки и военных дипломатов в подготовке нападения на Советский Союз. В частности, автор констатирует: «Разведывательно-диверсионные действия активизировались особенно в последнюю неделю перед нападением на Советский Союз. С 15 июня 1941 г. германское командование приступило к переброске на территорию СССР большого количества банд, диверсионно-разведывательных групп и диверсантов-одиночек, которые имели задание с началом военных действий разрушать линии телеграфно-телефонной связи, взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных коммуникациях советских войск, уничтожать воинские склады и другие важные объекты, захватывать в тылу Красной армии железнодорожные и шоссейные мосты и удерживать их до подхода передовых частей германской армии. В самый последний момент перед нападением Германии в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. гитлеровская разведка на ряде операционных направлений перебросила через границу наземным и воздушным путем значительное количество мелких диверсионных групп, участники которых были переодеты в гражданское платье

и в форму военнослужащих Красной армии. В первые недели июня 1941 г. абвер направил сформированные подразделения разведки (приказ об их формировании был поставлен разведывательному центру в Вене еще до окончания боевых действий на Балканском полуострове. — *Авт.*) в оперативное подчинение трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг». В течение дня 21 июня штабы армий выдвинули эти подразделения вперед, в боевые порядки танковых дивизий и разведывательных батальонов. 22 июня, между 1 и 2 часами ночи, абвер получил от этих подразделений донесения о том, что они заняли исходные позиции.

В ОКВ имелись данные, что Красная армия насчитывает 118 стрелковых, 20 кавалерийских дивизий, 40 моторизованных и танковых бригад, 6000 самолетов. Аналитические материалы и фактические сведения, поступавшие верховному командованию вермахта и лично Гитлеру из различных источников, убеждали в быстрой победе над СССР. Очевидно, генерал-фельдмаршал Вернер фон Браухич⁹⁹, главнокомандующий Сухопутными войсками, не кривил душой, когда 1 мая 1941 г. на совещании в Ставке Гитлера дал такой прогноз развития событий: «Упорные сражения в приграничной полосе продлятся не более четырех недель. В дальнейшем можно рассчитывать на ограниченное сопротивление». Таким образом, немецкий Генеральный штаб и его рабочий орган — военная разведка — активно помогали формированию иллюзорных взглядов Гитлера, в результате чего он уверовал, что Красная армия слаба, а советский режим непрочен¹⁰⁰.

До лета 1942 года на советско-германском фронте действовали три армейские группировки, именовавшиеся вначале армейскими группировками А, В и С, или группировками «Зюд» («Юг»), «Митте» («Центр») и «Норд» («Север»). Соответственно этому приданные им разведывательные абверкоманды соответственно именовались 1-А, 1-В и 1-Ц или абверкомандами «1 Зюд», «1 Митте», «1 Норд».

Диверсионные команды имели аналогичные наименования с добавлением цифры 2 (абверкоманда 2 А и т. д.), а контрразведывательные команды — цифры 3 (абверкоманда 3 А и т. д.). Одновременно эти же команды носили наименования по позывным своих радиостанций («Меркурий», «Сатурн», «Орион», «Марс», «Нептун»). Система наименований абвергрупп, подчиненных командам, была аналогичной, с добавлением после буквы номера армии, к которой была придана абвергруппа (абвергруппа 1-А-11 придана 11-й армии и т. д.).

В начале 1942 года абвером были сформированы армейские группировки «Зюд А», «Зюд Б» и «Дон», к которым по линии абвера добавились новые абверкоманды и абвергруппы. К этому же времени относится и изменение наименований абверкоманд и абвергрупп, — им была присвоена новая нумерация. Разведывательные команды и группы получили нумерацию от 101 и выше, диверсионные — от 201 и выше, контрразведывательные — от 301 и выше. Кроме того, были созданы абверкоманды и абвергруппы по линии экономической разведки — от 150 и выше, которые также придавались армейским группировкам и армиям.

Во второй половине 1942 года абвером при армейских группировках были созданы особые абвергруппы, в задачу которых входила координация и руководство деятельностью разведывательных, диверсионных и контрразведывательных абверкоманд, приданных армейским группировкам, поддержание контакта с военным командованием и отделами 1-Ц, а также осуществление связи со штабом «Валли». Однако через полгода эти абвергруппы были ликвидированы, после чего абверкоманды вновь стали подчиняться непосредственно штабу «Валли».

Конкуренция между спецслужбами Германии привела к разрушению военной разведки и переподчинению ее структур РСХА. 12 февраля 1944 года был издан совершенно секретный приказ Гитлера за № 1/44, которым объявлялось об учреждении единой немецкой разведывательной службы, во главе которой был назначен рейхсфюрер СС. «Абвер I» и «Абвер II» были включены в состав РСХА в качестве Управления военной разведки *Militärisches Amt (Mil Amt)*.

Об этих серьезных конфликтах, происходивших между германскими спецслужбами, прежде всего между Абвером и VI Управлением РСХА, подробно рассказал в своих мемуарах упоминавшийся выше генерал Р. Гелен:

«Более серьезные проблемы создавали для Канариса попытки национал-социалистической партии, точнее, зарубежной ее организации, а также эсэсовских структур — прежде всего службы безопасности (СД) — проводить начиная с 1933 года конкурентную деятельность. Адмиралу приходилось постоянно противодействовать этим разведывательным операциям, нередко носившим печать спешки и дилетантизма. К сожалению, он находился в положении обороняющейся стороны, поскольку не имел поддержки со стороны верховного главнокомандования вермахта. К тому же созданное в соответствии с распоряжением Гимmlера Главное управление имперской безопасности (ГУИБ) стремилось прибрать к своим рукам разведку и контрразведку...

Механизм взаимодействия между гестапо, службой безопасности, абвером и разграничение их компетенций были зафиксированы в подписанном в 1936 году документе, известном под названием “Десять заповедей сотрудничества”. Два года спустя последовала реорганизация тщательно законспирированной службы внешней разведки СД в VI Управление ГУИБ, которое в июне 1941 года возглавил Вальтер Шелленберг...¹⁰¹

Шелленберг нанес решающий удар по абверу весной 1944 года, когда работавший на Канариса в Турции агент Фермерен бежал в Каир. Он преподнес Гитлеру это неприятное для разведки происшествие как провал, высветивший “подозрительные связи” Канариса. Фюрер, давно уже ненавидевший адмирала, немедленно ухватился за предоставленную ему возможность и отстранил его от должности. Временное руководство военной разведкой было возложено на полковника Генерального штаба Ханзена. Затем Гитлер отдал имевшее поистине роковые последствия распоряжение: абвер подчинили Главному управлению имперской безопасности. Лишь войсковая разведка на Восточном фронте, да и то благодаря ходатайству генерал-фельдмаршала Кейтеля перед фюрером, осталась в ведении сухопутных войск, а конкретно — моего отдела*»¹⁰².

В связи с реорганизацией и переподчинением военной разведки РСХА многие кадровые офицеры абвера высказывали свое критическое отношение к таким переменам. Например, в собственноручных показаниях бывший заместитель начальника команды «Мельдегебит-Берлин» подполковник Герман фон Странски¹⁰³ на допросе в советском плену отметил: «Базой для каждого руководства есть и остается здравое сознание фактов реальной действительности в лагере противника. Поэтому разведывательная служба является душой военного руководства. Хорошо организованная разведывательная служба представляет из себя весьма чувствительный аппарат с тысячью разветвленных и переплетающихся петель

* В воспоминаниях Р. Гелена речь идет о 12-м отделе Генштаба нацистской Германии – отделе «Иностранные армии – Восток».

и сетей. Коренное изменение подобной структуры в ходе войны является весьма рискованным мероприятием. Германское руководство предприняло эту рискованную комбинацию...

Тот, кто хорошо умел наблюдать, мог легко установить после перехода абвера в ведение СС ясно выразившуюся обособленность штабных офицеров от офицеров абвера. Офицерам абвера просто не доверяли и были очень осторожны в обращении с ними. Верховное командование, несомненно, имело намерение путем объединения политической и военной разведывательных служб в одних руках добиться усиления и консолидации разведки. Но получилось наоборот. Совершенно различные по своей структуре органы абвера, с одной стороны, и руководство СС, с другой, различные в системе и методах работы способствовали тому, что не только значительно уменьшилось количество работы, но также ухудшилось качество ее, так как база, доверие, исчезло, а неуверенность возросла, желание и любовь к работе, импульс плодотворной деятельности исчезли».

Подводя итоги деятельности абвера в годы Второй мировой войны, бывший заместитель начальника «Абвера II» (саботаж и диверсии) полковник Эрвин Штольце в собственноручных показаниях от 12 февраля 1946 года писал: «Отрицательной для всей работы абвера было то, что контрразведка «Абвер III» не имела исполнительной власти. Аресты могли быть произведены лишь полицией. Тем самым контрразведка была поставлена в зависимое от полиции положение.

Начиная с 1944 года абвер был переведен в подчинение имперскому управлению государственной безопасности (РСХА). Я к этому времени уже не работал в центре, однако преимущества этой реорганизации были для меня понятны. Они заключались, по моему мнению, в следующем: 1. Объединение политической и военной разведок в едином центре. 2. Большая авторитетность этого разведывательного центра в связи с тем, что он был подчинен Гимmlеру. 3. Объединение функций гестапо и абвера, чем достигалось объединение наблюдающих и полицейских органов. Преимущества этой перестройки не могли полностью себя проявить, так как эта реорганизация имела место в ходе войны, и поэтому не могли быть достаточно четко подготовлены и проведены в жизнь»¹⁰⁴.

Вальтер Шелленберг, начальник VI Управления (внешняя разведка) РСХА; бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции

* * *

Начиная с 1938 года абвером стали создаваться опорные пункты при германских дипломатических представительствах в ряде стран — «кригсорганизационен». В течение следующих четырех лет такие организации были созданы в Испании, Швейцарии, Румынии, Голландии, Португалии, Финляндии, Греции, Турции, Иране, Швеции и Чили. При этом КО в Турции, Болгарии, Румынии, Финляндии, Швеции и Иране были ориентированы на разведку против Советского Союза. В целях маскировки сотрудники КО числились в штате германских дипломатических представительств.

Сотрудники, работавшие в КО, входили в штат посольств и пользовались дипломатической неприкосновенностью. Подотделы КО были созданы в Финляндии («Бюро Целлариуса»), Болгарии («Бюро доктора Делиуса»¹⁰⁵), Швеции, Румынии, Венгрии, Турции, Иране, Афганистане, Китае, Испании, Португалии, Голландии, Швейцарии и Бельгии.

Подробные показания о задачах одной из таких структур — «Кригсорганизацион-Финляндия» — дал на допросах в Берлине 7–9 августа 1945 года бывший сотрудник абвера, полковник люфтваффе¹⁰⁶ Курт Зебер: «Помимо перечисленных выше немецких военных учреждений, в Хельсинки также размещался орган немецкой военной контрразведки, именуемый “КОФ” (“Кригс организацион Финлянд” — военная организация в Финляндии), во главе этого органа был фрегаттен-капитан (соответствует подполковнику) Целлариус...

Вопрос: Расскажите подробно об организации, именуемой “КОФ”? *Ответ:* “КОФ” — “Кригс организацион Финлянд” — зашифрованное название немецкой разведкой “Абвер” при ОКВ, и по существу “Кригс организацион Финлянд” являлся отделом “Абвера” в Финляндии (“Абверштелле”) и в своей деятельности подчинялся Управлению “Абвер” при ОКВ. Задачей “Кригс организацион Финлянд” была разведывательная работа против Советского Союза в районах Карельского и Ленинградского фронтов. “КОФ” осуществляла шпионско-диверсионную деятельность на участке от г. Мурманска до Чудского озера путем засылки в тыл частей Красной армии шпионов и диверсантов. Мне известно, что “КОФ” создавал диверсионно-террористические группы из эстонцев, проживающих в Финляндии, которые перебрасывались на территорию Эстонии для подрывной работы против Красной армии. <...>

Вопрос: Что вам известно о структурном построении “КОФ”? *Ответ:* Я знаю, что в “КОФ” имелось три группы, а именно: первая группа вела разведывательную работу, т. е. против Советского Союза. Называлась она — группа I. Группа II — вела контрразведывательную работу внутри воинских частей немецкой армии, находящихся в Финляндии, и делилась на два подотдела — армейский и военноморского флота. И, наконец, последняя группа — хозяйственная, ведавшая всеми хозяйственными вопросами, а также снабжением взрыв[чатными] веществами, оружием и боеприпасами “КОФ”.

Вопрос: Какое количество официальных сотрудников имелось в “КОФ”? *Ответ:* Насколько я помню, в “КОФ” официальных сотрудников было не более 15 человек.

Вопрос: Перечислите известный вам офицерский состав “КОФ”? *Ответ:* Начальником “КОФ”, как я уже показал, был фрегаттен-капитан Целлариус Александр,

около 50 лет, немец, уроженец гор. Москвы*, в совершенстве владеет русским языком, рост 170 см, широкоплечий, крепкого телосложения, подвижный, выглядит молодо, темные волосы, светлые глаза. Где находится в настоящее время Целлариус, я не знаю. В последний раз я его видел в июле 1944 года; при моем выезде из Финляндии он оставался в Хельсинки. 2. Заместителем Целлариуса был подполковник Геттинг, имени не знаю, около 50 лет, немец, уроженец Германии, русским языком владеет, рост 185–188 см, широкоплечий, лысый, усы и бороду бреет, глаза светлые, особых примет не имел, носил монокль. Где находится в настоящее время — не знаю. В последний раз я с ним встречался в начале 1944 года в Финляндии. 3. Представитель “КОФ” при генерале Эрфурт — подполковник Гофманн, имени не знаю, примерно 60 лет, рост 182 см, светлые волосы, голубые глаза, продолговатое лицо, усы и бороду бреет. Разговор медленный. Немец, уроженец Германии, владеет русским языком. 4. Референт I группы (отдела) майор Лингард, имени не знаю, 45 лет, рост 162 см, волосы темные, бороду и усы бреет. Немец, уроженец Германии, ранее работал в немецкой полиции в Берлине. Где сейчас находится — не знаю <...>

Из других известных мне официальных сотрудников “КОФ” я помню: 1. Лейтенант цур-зее (соответствует лейтенанту) Хон, 31–32 лет, высокий, блондин, глаза голубые, стройный, кто по национальности, не знаю, т. к., судя по его произношению, он немецким языком владеет слабо, хорошо говорит по-русски и по-эстонски. Слышал, что он образование получил в одной из прибалтийских республик. Работал он в I группе (отделе) “КОФ”, но в какой должности — не знаю. Слышал, что он из Финляндии выехал в Германию, но где находится в настоящее время — не знаю. 2. Лейтенант Шварце, также работал в I группе (отделе) “КОФ”, в какой должности — не знаю. Он погиб при переброске десанта в район севернее Ленинграда в 1943 году.

Вот и все, кого я помню из официальных сотрудников “КОФ”. Кроме того, при “КОФ” [были] три бывших полковника эстонской армии. 1. Маазинг, имени не знаю, 40–43 лет, небольшого роста, круглое лицо, волосы светлые, вьющиеся, глаза светлые. Хорошо говорит по-русски. Рассказывали, что он в прошлом был офицером русской армии. Обычно ходил в штатском платье. Часто и на продолжительное время выезжал в Стокгольм. 2. Кург, имени не знаю, 45 лет, высокий, широкоплечий, военная выправка, по национальности эстонец, лицо круглое, глаза большие, темные, волосы темные. Владеет немецким, русским и эстонским языком. Особых примет не имеет. Ходил всегда в штатском костюме. 3. Ларсон или Ларсен, 40–41 года, рост около 180 см, широкоплечий, лицо продолговатое, светлый цвет лица, волосы темные, глаза темные. По национальности эстонец, хорошо говорит по-русски, слабо владеет немецким языком. По внешнему виду не производит впечатление военного человека.

Эти три эстонских полковника работали в I группе (отделе) “КОФ”, какие они там занимали официальные должности — не знаю, но предполагаю, что они занимались переброской агентуры на территорию Эстонской ССР, в тыл частей Красной армии, которая перебрасывалась в виде десантов с различными заданиями».

В ходе допроса 18 апреля 1950 г. бывший военный атташе в Хельсинки полковник Хорст Кичман¹⁰⁷ также рассказал о «Бюро Целлариуса» и его сотрудниках: «Мне известно, однако, что активную разведывательно-диверсионную деятельность против СССР с территории Финляндии проводил также германский разведорган — “Бюро Целлариус”».

* Так в документе.

Вопрос: Договаривайте — и вы тесно сотрудничали с этим разведорганом по шпионской работе против СССР? *Ответ:* Прошу поверить, что по шпионской работе против СССР я с “Бюро Целлариус” не сотрудничал.

Вопрос: Покажите о структуре “Бюро Целлариуса”? *Ответ:* Структура “Бюро Целлариус” мне неизвестна. Я знаю только, что этот разведорган, который назывался еще “Военная организация в Финляндии”, являлся филиалом германской военной разведки абвер и располагался в Хельсинки, в отдельном особняке на площади Казертторгет.

Вопрос: Кто руководил разведорганом? *Ответ:* Морской капитан Целлариус.

Вопрос: Что вам о нем известно? *Ответ:* Целлариус, имени не знаю, немец, германский подданный, родился и до 1911 года проживал в Петербурге, в совершенстве владеет русским языком. В период Первой мировой войны он служил в германском военно-морском флоте, затем демобилизовался и проживал в предместье Берлина — Груневальде. Был женат на дочери берлинского аптекаря, детей не имел. Когда Целлариус поступил в германскую разведку абвер, мне неизвестно, но в начале войны против Советского Союза он занимал должность абверофицера при армейской группе “Север”, а затем осенью 1941 года был назначен руководителем германского разведоргана “Бюро Целлариус” в Финляндии. В сентябре 1944 года я слышал, от кого — не помню, что вскоре после капитуляции Финляндии Целлариус вместе со своим органом перебрался в Германию, в м[естечко] Герингсдорф, расположенное в 15 км западнее гор. Свинемюнде. Приметы Целлариуса: около 55 лет, выше среднего роста, стройный, темный блондин, нос большой, толстый.

<...> В октябре 1943 года я сопровождал офицеров финского Генерального штаба — начальника Иностранного отдела полковника Слер и командира стрелковой бригады полковника Бринкман в армейскую группировку “Север”, где они, как я уже показывал на прошлом допросе*, по заданию Маннергейма знакомились с положением немецких войск под Ленинградом. Из Хельсинки в Псков мы летели самолетом и делали промежуточную посадку в Таллине. Когда мы уже приготовились, чтобы продолжить свой путь, в самолет неожиданно вошел Целлариус и следовал вместе с нами до самого Пскова¹⁰⁸.

Вопрос: С какой целью Целлариус ездил на советско-германский фронт? *Ответ:* Для проведения разведывательных операций.

Вопрос: Каких? *Ответ:* Находясь на приеме у начальника штаба армейской группировки “Север” генерала Кинцель, я слышал, как Целлариус говорил ему, что он, Целлариус, хочет провести операцию по захвату русского дота в районе западнее гор. Ораниенбаум, причем захват дота Целлариус намеревался осуществить силами своей агентуры. Я припоминаю далее, что одновременно с этим Целлариус хотел забросить в Ораниенбаум агентуру с заданием разведать положение и численность советских частей¹⁰⁹. Выслушав Целлариуса, генерал Кинцель велел ему переговорить по этому вопросу с начальником отдела “1-Ц” штаба армейской группировки, фамилию которого я позабыл. Удалось ли Целлариусу осуществить эти свои намерения, я не знаю¹¹⁰.

Также немецкие военнопленные рассказывали и о других тайнах из «внутренней кухни» германских спецслужб. Например, в собственноручных показаниях от 28 июля 1945 года немецкий разведчик, гаупштурмфюрер СС Альфред Клаузницер¹¹¹ рассказал о конфликтах, происходивших между германскими специальными службами, которые послужили поводом для «реформы» германских спецслужб:

* Предыдущий допрос полковника Х. Кичмана состоялся 15 марта 1950 г. Во время допроса Кичман был допрошен по вопросу его шпионской деятельности против СССР.

«Начальником немецкой контрразведки был до апреля 1944 г. адмирал Канарис. Насколько мне известно, адмирал Канарис являлся сотрудником абвера уже во время Первой мировой войны, он должен быть уже стариком, лично я его не видел. Его высмеивали и называли его “маленьким матросом” (“Matrosen genannt”. — *Авт.*). Между Канарисом и рейхсфюрером СС существовала старая вражда, и они боролись один против другого. В январе 1944 г. 10 человек из группы I (имеется в виду отдел “Абвер I” — военная разведка. — *Авт.*) перешли в г. Истамбул к англичанам. В связи с этим Гиммлер пытался свергнуть Канариса, что ему и удалось. Весной 1944 г. Канарис вышел в отставку, и абвер был реорганизован. К англичанам перешли тогда: Ф. Гамбургер, Клетниковски, Фермерен, кажется, графиня Плеттенберг и еще семь человек. Англичане составили доклад, и мой начальник в Берлине подполковник Фройнд¹¹² посещал Истамбул, чтобы исследовать, что было передано».

Возглавил новое управление бывший начальник «Абвера I» полковник Георг Хансен. Непосредственная разведка и контрразведка в войсках оставлена в вермахте под общим руководством штаба Оперативного командования вермахта (ОКВ) под названием «Frontauf-Klärungs» — «фронтальная разведка». После неудавшегося покушения на фюрера 20 июля 1944 года абвер был ликвидирован окончательно.

«Морской» абвер

Управленческая группа «Абвер-заграница» объединяла агентурную разведку вермахта, люфтваффе и кригсмарине. О деятельности абвера написано достаточно большое количество статей, гораздо меньше материалов посвящено военно-морской разведке Германии. Функции разведки в интересах ВМФ выполняла группа I M «Военно-морской флот» (Gruppe I M Marine)¹¹³.

Основной задачей группы являлся сбор донесений разведывательного характера в интересах военно-морского флота. Руководители: капитан Менцель; с 1943 года — капитан Пфейфер. Вся деятельность группы была поделена на сектора. Контрразведывательным обеспечением кригсмарине занималась подгруппа III M «Абвера III» (контрразведки).

Сектор I M «Запад» (Sektor I M West) отвечал за разведку на Западе и в трансатлантике во взаимодействии с региональными отделениями в Гамбурге, Бремене, Киле, Вильгельмсхафене, Кельне и Штутгарте. Кроме того, он осуществлял обмен информацией с союзниками Германии — Испанией и Италией. Сектор I M «Северо-Запад» (Sektor I M Nord-West) проводил разведдеятельность у побережья Великобритании и США, а также их трансатлантических колоний и координировал свою работу с разведслужбами ВМС Дании, Норвегии, Швеции и других нейтральных стран. Сектор I M «Юго-Запад» (Sektor I M Süd-West) — разведка у побережья Франции и ее колоний. Взаимодействовал с разведывательными службами Нидерландов, Бельгии и Люксембурга. Сектор I M «Северо-Восток» (Sektor I M Nord-Ost) собирал сведения в зоне северных морских путей СССР и Польши. Опирался на информацию разведок Латвии, Литвы и Швеции.

Сектор I M «Юго-Восток» (Sektor I M Süd-Ost) вел сбор данных в зоне южных морских путей Советского Союза и Польши во взаимодействии с разведками Румынии, Греции, Турции, Ирана и Афганистана. Сектор I MT «Техника» (Sektor I MT Technik) курировал вопросы технической и экономической разведки.

Перед войной сбором развединформации на Востоке занимался сектор I M «Восток» (Sektor I M Ost). Опирался на донесения своих региональных отделений в Штеттине, Кенигсберге и Вене, а также обменивался информацией с разведками Финляндии, Эстонии, Болгарии, Японии и Венгрии. Первоочередной задачей сектора «Восток» являлась разведка состава, вооружения, планов использования ВМФ Советского Союза. При этом упор делался на создание агентурных позиций среди военнослужащих РК КФ, налаживание каналов связи с негласными источниками.

Кроме того, в начале военных действий на советско-германском фронте в конце 1941 — начале 1942 года в Берлине была сформирована специальная Морская разведывательная команда, условно названная «Нахрихтен Беобахтер» (НБО), затем направлена в Симферополь (с 1 июля 1942 по 1 февраля 1943). Первоначально размещалась по адресу: Севастопольская, 6 (радиопозывной «Татар»). Руководители (до июля 1942) — капитан Боден¹⁴, затем — корветтен-капитан Рикгоф.

В повседневной деятельности каждой группе или команде придавались представители морской контрразведки команды гауптмана Енча «Абвер III M». Группы опроса военнопленных (руководитель обер-лейтенант Грееф Грабке) и группа по изготовлению фальшивых документов находились при НБО. В состав НБО входило несколько филиалов и отдельных групп:

1) «Марине абверайнзатцкоманда» («команда морской фронтовой разведки»; другое название — «Абверкоманда 166 M») капитан-лейтенанта Петера Ноймана¹⁵. Последовательно дислоцировалась (1942–1943) в Севастополе, Керчи, Темрюке, Новороссийске и Краснодаре;

2) «Марине абверайнзатцкоманда» обер-лейтенанта Вольфа Цирке (до сентября 1942 года — лейтенант, барон Жирар де Сукантон). В 1942–1943 годах команда последовательно дислоцировалась в Севастополе, Бердянске, Мариуполе, Таганроге и Ростове. В оперативном подчинении обер-лейтенанта Цирке (Мариуполь) находилась и радиогруппа, которая осуществляла связь с заброшенными на территорию СССР агентами, а также проводила радиоигры дезинформационного характера с советской разведкой. Действовала на северо-восточном побережье Азовского моря;

3) Команда «Абвер II M» капитана Крамера (диверсионно-террористическая команда; подчинялась Главному управлению разведки и контрразведки ОКВ), которая находилась в оперативном подчинении НБО. Последовательно дислоцировалась (1942–1943) в Керчи, Темрюке, Тамани, Анапе, Новороссийске и Краснодаре;

4) Группа обер-лейтенанта фон Жирара*, занимавшаяся военнопленными из числа военнослужащих ВМФ. Дислоцировалась в Бахчисарае, Николаеве и Симферополе. Кроме того, в подчинении фрегаттен-капитана Рикгофа находилась группа по подготовке разведчиков-диверсантов для заброски в тыл Красной армии, которой придавались самолеты люфтваффе для заброски агентов и группа по формированию легиона «Шварц Меер» (руководитель — лейтенант Буш). Рикгоф также руководил работой с представителями различных «национальных комитетов», которые проводили вербовочную работу и набирали людей в легион «Шварц Меер».

Интересные эпизоды противостояния советской контрразведки на море в годы Великой Отечественной войны приведены в статье И. Иванникова: «В январе 1942-го на черноморском театре создается мощное подразделение разведки Штаба главнокомандующего морскими силами на Черном море — команда «Нахрихтенбеобахтер» (НБО). Она имела разветвленную структуру: управление (до 90 сотрудни-

* Так в документе.

ков), две разведывательные команды, диверсионная команда, группа по вербовке захваченных моряков, лагерь военнопленных, школа подготовки агентуры.

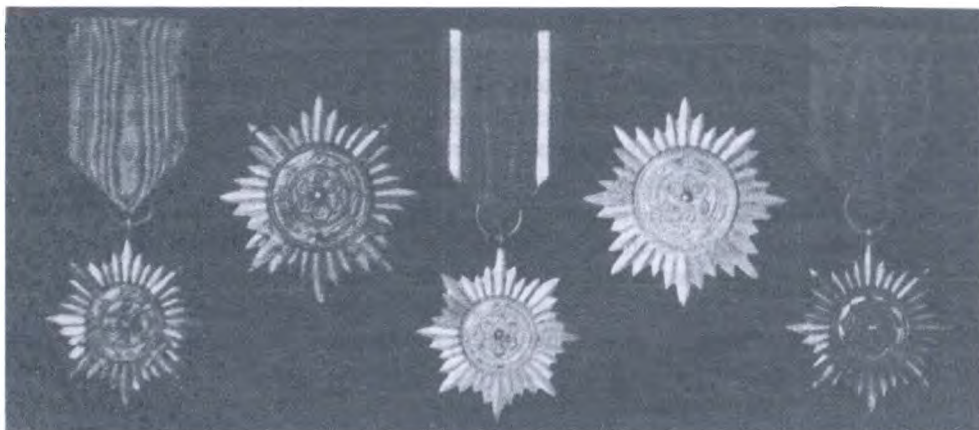
В состав одной из разведкоманд входили группы по радиоразведке и связи с агентурой, захвату и изучению документов затонувших судов, по опросу пленных, вербовке агентуры, по контрразведывательной защите. НБО базировалась в Симферополе, затем в Одессе (при эвакуации оттуда в Кишинев было переведено свыше 500 агентов, не считая оставленных со спецзаданиями на освобожденной территории!). Следует признать высокую квалификацию агентуры НБО — в 1943–1945 гг. контрразведкою «Смерш» ЧФ было выявлено всего 44 агента, из которых 17 явились с повинной.

НБО имела и карательное подразделение — легион «Черное море» из 500 отборных головорезов, предназначенное для противопартизанских и диверсионных действий. Легион в жестокости ничем не уступал коллегам из СС и СД. Команда, которой чекисты присвоили условное наименование «Акулы», взаимодействовала с разведывательными отделами морских комендатур (во всех приморских городах Украины), комендатурой Кавказа. Постепенно НБО распространила свою разведывательно-подрывную активность на Северный Кавказ, собирая сведения о частях Северо-Кавказского фронта. В 1943-м даже создается разведшкола НБО для подготовки 600 агентов из членов «Северокавказского карачаевского комитета». Отдельные спецгруппы НБО обезвреживались в районе Грозного — им ставились разноплановые разведывательные задачи¹¹⁶.

Помимо НБО на этом же участке фронта действовала специальная морская разведывательная команда по Черному и Азовскому морям корветтен-капитана доктора Ротта, его заместителем был капитан-лейтенант Граслер («Марине айнзатцкомандо дес Шварцен Меерс» («Морская команда Черного моря», фельдпост № 12965). Численность команды 40 человек, подчинялась «Абвер-Загранице» и была придана штабу адмирала Карла Георга Шустера¹¹⁷, командовавшего германскими военноморскими силами юго-восточного направления. «Морская команда Черного моря» в 1941–1942 годах первоначально располагалась в Бухаресте (Румыния) и являлась самостоятельным подразделением. Основной задачей «зондеркоманды ОКВ» был сбор информации о военном и торговом флотах данных морей, о портах, портовых сооружениях и предприятиях судостроительной промышленности, об организации и состоянии обороны побережья. С началом войны против СССР «Морская команда» передислоцировалась на территорию СССР и разделилась на две группы. Первая группа (форт-группа; «передовая группа») во главе с лейтенантом Бирманом выехала в Одессу, другая, во главе с Роттом, в Николаев.

Позднее обе группы соединились в Николаеве, откуда переехали в Ялту (находились на территории санатория «Угольщик Донбасса»). В Николаеве к «Морской команде» присоединился капитан-лейтенант Грасман. С декабря 1941 по февраль 1942 года группа Ротта находилась в Николаеве, а потом была распущена. По приказу адмирала Шустера сам Ротт с частью группы выехал в Софию (январь 1942), личный состав был передан в сухопутную контрразведку и НБО.

В 1941–1942 годах в команду вошло около 30 белоэмигрантов, участников болгарского отделения Русского общевойскового союза (РОВС), завербованных «Аст-София», т. н. «русская группа», состоявшая в основном из белоэмигрантов, проживавших в Болгарии. Руководителем группы был Клавдий Фосс. Затем «русская группа» была включена в «Абверштелле юга Украины». При команде Ротта также имелась «польская группа» (начальник — зондерфюрер Бронислав Врублевский).

Германские награды «За храбрость» для восточных народов.
Фотография из немецкого пропагандистского журнала «Сигнал», 1943

На побережье Балтийского моря и Финского залива вела разведывательную работу «Абверкоманда 166М», сформированная в мае 1944 года в Таллине. Она забрасывала в советский тыл агентов — по национальности эстонцев и латышей, подготовленных в разведшколе в местечке Кейла-Юа.

Несмотря на то что абвер являлся мощной спецслужбой Германии, разведывательная и контрразведывательная деятельность рейха им не исчерпывалась. Серьезную конкуренцию военной разведке и контрразведке составляла «партийная» спецслужба — Главное управление имперской безопасности (РСХА).

Экономическая разведка абвера

На советско-германском фронте действовали пять команд экономической разведки абвера (Wirtschaft; сокр. Wi), проводивших сбор разведанных о состоянии различных отраслей народного хозяйства Советского Союза путем опроса специалистов, выявленных в лагерях военнопленных. Каждая команда насчитывала по 3–5 групп. Опросом занимались специальные сотрудники команд и групп, а также агенты из числа бывших советских специалистов. Добытые материалы обрабатывались на месте и затем направлялись в отделение экономической разведки (IV) «Валли I».

В целях более глубокой обработки добытых материалов штабом «Валли» в конце 1943 года были созданы два особых лагеря: в имении Думмельгоф (Восточная Пруссия) и в городе Торн (Польша), на территории шталага 20А. В эти лагеря из команд и групп экономической разведки направлялись для тщательного допроса пленные советские специалисты, давшие ценные показания о народном хозяйстве СССР. Там они привлекались к выполнению чертежно-конструкторских работ, а также к разработке различных технических проблем и новых образцов вооружения.

После полного использования знаний военнопленных-специалистов их направляли на работу в немецкую промышленность или передавали в разведывательные и диверсионные школы для обучения и последующей заброски в глубокий тыл Советского Союза с заданиями по сбору разведанных стратегического характера.

«Восточный фронт» абвера: штаб «Валли»

Для руководства организацией разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза 1 мая 1941 года был создан специальный орган Управления «Абвер-заграница» на советско-германском фронте, условно именованный штаб «Валли»*. Штаб «Валли» подчинялся соответствующим отделам Управления «Абвер-заграница» и отделу по изучению иностранных армий ОКВ Восточного фронта и докладывал этим органам о результатах разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза. Начальником штаба «Валли» являлся подполковник Гейнц Шмальшлегер¹¹⁸.

В соответствии со структурой центрального аппарата Управления «Абвер-заграница» штаб «Валли» имел в своем составе следующие подразделения:

Отдел «Валли I» — руководство военной и экономической разведкой на советско-германском фронте. В подчинении «Валли I» находились разведывательные команды и группы, приданные штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной работы на соответствующих участках фронта, а также команды и группы экономической разведки, проводившие сбор разведанных в лагерях военнопленных. Руководителем «Валли I» был кадровый разведчик майор (позднее полковник) Герман Баун¹¹⁹.

Отдел «Валли II» — руководство абверкомандами и абвергруппами по проведению диверсионной и террористической работы в частях и в тылу Красной армии. Им руководили майор Зелигер, обер-лейтенант Мюллер и капитан Беккер. С июля 1941 года отдел размещался в местечке Сулеювек¹²⁰, а затем был эвакуирован в Германию.

Отдел «Валли III» — руководство всей контрразведывательной деятельностью подчиненных ему абверкоманд и абвергрупп по борьбе с советскими разведчиками, партизанским движением и антифашистским подпольем на оккупированной территории СССР в зоне фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных тылов.

Еще накануне агрессии Германии против Советского Союза, весной 1941 года, всем армейским группировкам немецкой армии были приданы по одной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной команде абвера, а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы (абвертруппс). Абверкоманды и абвергруппы с подчиненными им школами являлись основными органами немецкой военной разведки и контрразведки, действовавшими на советско-германском фронте. В начале 1942 года абвером были сформированы также абверкоманды и абвергруппы экономической разведки, которые также придавались армейским группировкам и армиям.

Кроме абверкоманд в непосредственном подчинении штаба «Валли» находились: Варшавская школа по подготовке разведчиков и радистов, переведенная затем в Восточную Пруссию, в местечко Нойгоф; разведывательная школа в местечке Нидерзее (Восточная Пруссия) с филиалом в г. Арисе, организованная в 1943 году для подготовки разведчиков и радистов, оставляемых в тылу наступающих советских войск.

В своей практической деятельности команды, созданные по линии отдела «Валли I» («Абвер I») занимались сбором разведывательных данных о Красной армии и оборонительных сооружениях на участках фронта армейских группи-

* До апреля 1941 г. — «разведорган 06100»; в 1944 г. «Валли» был передан в подчинение РСХА.

ровок и армий, которым они были приданы. За время войны на советско-германском фронте действовало шесть разведывательных абверкоманд: 101, 102, 103, 104, 105 и 106.

В подчинении каждой абверкоманды находилось от 3 до 6 абвергрупп. Некоторые из них вели также борьбу с партизанами с помощью специально созданных для этих целей отрядов особого назначения (ЦБФ). Разведывательные данные команды и группы собирали через забрасываемую в советский тыл агентуру и путем опроса советских военнопленных.

Опрос военнопленных производили официальные сотрудники разведорганов и специально завербованные для этих целей агенты из числа военнопленных, которые одновременно использовались в качестве вербовщиков. Опросами добывались прежде всего сведения о личном составе и вооружении частей и соединений Красной армии, а также представляющая интерес информация о предприятиях оборонной промышленности СССР, о состоянии тыла, коммуникаций, наличии резервных частей, о порядке оформления и изменениях в документах советских военнослужащих и гражданского населения.

Разведывательная агентура вербовалась из числа антисоветски настроенных военнопленных и местных жителей в оккупированных районах. При вербовке агентов среди военнопленных предпочтение отдавалось лицам, добровольно перешедшим на сторону немцев, подвергшимся в прошлом репрессиям со стороны советской власти, имевшим родственников на оккупированной территории, а также пленным, давшим показания о частях Красной армии. Завербованная агентура направлялась в школы и на курсы, действовавшие при командах и группах, и после соответствующей подготовки забрасывалась в тыл советских частей. Кроме того, команды и группы получали уже обученных агентов из Варшавской, Брайтенфуртской¹²¹ и других разведшкол штаба «Валли».

Часть агентуры никакой специальной подготовки не проходила, а в течение нескольких дней инструктировалась по существу полученного задания и после этого забрасывалась в тыл советских войск. Инструктаж обычно проводил начальник группы или специально выделенный для этой цели сотрудник. Перед выброской за линию фронта агентура абвера экипировалась в форму советских военнослужащих или в гражданскую одежду, снабжалась продовольствием, оружием и документами прикрытия, изготовленными в разведоргane или изъятymi у пленных и собранными на поле боя.

Переброска агентов в тыл советских войск проводилась с самолетов на парашютах или пешим порядком через линию фронта. При отступлении частей вермахта агенты оседали в специально подготовленных для этих целей местах. На самолетах агентура перебрасывалась на расстояние 150–200 км за линию фронта группами в два-три человека, из которых один — радист. Для осуществления этих задач штабу «Валли» придавались самолеты из эскадры «КГ-200».

В зависимости от характера задания срок пребывания в советском тылу устанавливался от одной недели до нескольких месяцев. Связь с такой агентурой поддерживалась по радио или через агентов-связников. Для обратного перехода линии фронта лазутчики снабжались паролями, обозначавшими, как правило, наименование разведоргана или фамилию его начальника.

Засылка в ближайший тыл пешим порядком осуществлялась обычно ночью в местах, удобных для скрытого перехода — на стыках частей, в болотистой или

лесистой местности. В целях зашифровки и прикрытия переброски агентов немецкая разведка часто прибегала к различным комбинациям, в частности, инсценировала выход из окружения, побег из плена, возвращение после спецзадания советского командования.

Возвратившиеся после выполнения задания агенты содержались при группе или команде изолировано от других, подвергались тщательному допросу и проверялись через особо доверенную агентуру. Вызывающие подозрения агенты направлялись для допроса в органы тайной полевой полиции («Гехаймфельдполицай» — ГФП), а также в органы полиции безопасности и СД. В завершающий период войны наряду с использованием агентов из числа советских военнопленных немецкая военная разведка широко использовала агентуру из числа венгров, румын, чехов, поляков, главным образом членов различных профашистских организаций.

Диверсионно-разведывательные команды и группы отдела «Валли II» («Абвера II») занимались вербовкой, подготовкой и переброской агентуры с заданиями диверсионно-террористического, повстанческого, пропагандистского и разведывательного характера. На советско-германском фронте в годы войны действовали шесть диверсионных команд: 201, 202¹²², 203, 204, 205, 205, 206. В подчинении каждой абверкоманды находилось от 2 до 6 абвергрупп. Эти команды и группы создавали из изменников Родине специальные истребительные подразделения (ягдкоманды), различные националистические формирования и казачьи сотни для захвата, сохранения от разрушения до подхода главных сил вермахта стратегически важных объектов в тылу советских войск. Эти же подразделения иногда использовались для войсковой разведки переднего края, захвата «языка», подрыва отдельных укрепленных точек. При проведении подобных операций личный состав ягдкоманд экипировался в форму военнослужащих Красной армии. При отступлении агентуру абверкоманд, групп и их подразделений использовали как факельщиков и подрывников по уничтожению населенных пунктов, мостов и других инженерных сооружений.

Агентура разведывательно-диверсионных команд и групп забрасывалась в тыл Красной армии с целью разложения военнослужащих и склонения к измене Родине. Для этой же цели распространялись антисоветские листовки, проводилась устная пропаганда на переднем крае обороны при помощи репродукторов. При отступлении немецких частей в населенных пунктах оставлялась антисоветская литература, а для ее распространения вербовались специальные агенты.

Кроме того, команды и группы «Абвера II» по месту своей дислокации проводили активную борьбу с партизанским движением. Агенты экипировались и снабжались документами прикрытия в соответствии с легендой и получали задания на проведение подрывов поездов, железнодорожного полотна, мостов, уничтожение оборонительных сооружений, военных и продовольственных складов, стратегически важных объектов, совершение террористических актов над офицерами и генералами Красной армии, партийными и советскими руководящими работниками.

Диверсантам выдавались взрывчатые вещества и зажигательные средства в портативной упаковке, замаскированные в противогазных сумках, вещевых мешках, консервных банках, в виде пищевых концентратов и т. п. На выполнение задания агентам отводилось три-пять, иногда и более дней, после чего

они по паролю возвращались на немецкую сторону. Агенты с заданиями пропагандистского характера перебрасывались без указания конкретного срока возвращения. В последний период войны абверкоманды приступили к подготовке диверсионно-террористических групп для оставления в тылу Красной армии. С этой целью заранее закладывались базы и хранилища с оружием, взрывчатыми веществами, продовольствием и одеждой, которыми должны были пользоваться эти группы.

Контрразведывательные команды и группы, созданные по линии «Валли III» («Абвера III») и действовавшие в тылу группировок вермахта, которым они были приданы, проводили активную агентурно-оперативную работу по выявлению советских разведчиков, партизан и подпольщиков, а также собирали и обрабатывали трофейные документы. На советско-германском фронте дислоцировалось пять контрразведывательных абверкоманд: 301, 302, 303, 304 и 305. В подчинении каждой абверкоманды находилось от трех до восьми абвергрупп, которые придавались армиям, а также тыловым комендатурам и охранным дивизиям.

Контрразведывательные команды и группы перевербовывали задержанных советских военных разведчиков, через которых проводили дезинформационные радиоигры. Часть перевербованных агентов перебрасывалась в советский тыл для внедрения в органы НКВД-НКГБ и разведотделы Красной армии для изучения методов работы этих органов, выявления подготовленных и заброшенных в тыл немецких войск советских разведчиков.

Одним из наиболее распространенных методов агентурной работы немецкой военной контрразведки была провокация. Так, агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных со спецзаданиями в тыл немецких войск командованием Красной армии, поселялись у советских патриотов, входили к ним в доверие, давали задания, направленные против немцев, организовывали группы для перехода на советскую сторону. Затем все патриоты подвергались аресту.

С этой же целью из агентов и изменников Родине создавались псевдопартизанские отряды, в которые вовлекались патриотически настроенные советские люди, желавшие вести борьбу с оккупантами. Позже их арестовывали. Кроме того, псевдопартизанские отряды в целях дискредитации партизанского движения организовывали бандитские налеты, грабили, убивали мирное население, сжигали деревни и села. Контрразведывательные команды и группы проводили свою работу в тесном контакте с органами СД и ГФП. Они вели активную агентурную разработку подозрительных лиц и полученные данные передавали в СД и ГФП для реализации.

В 1944 году при реорганизации военной разведки отделы «Валли I», «Валли II» и «Валли III» вместе со своими подчиненными органами вошли в состав «Военного управления» («Милямт») и VI Управления РСХА, получив новые наименования: Руководящий фронтовой разведывательный орган на Востоке («Ляйтштелле фюр фронтауфклерунг 1 ОСТ, 2 ОСТ и 3 ОСТ»; «Leitstelle für Frontaufklärung 1 Ost»); подчиненные им абверкоманды и абвергруппы стали называться «фронтауфклерунгскомандо» и «фронтауфклерунгсгрупп», сохранив прежнюю нумерацию, задачи, формы и методы работы.

«Зондерштаб Р»

Контрразведывательный орган «Зондерштаб Р»¹²³ — законспирированная организация, созданная при абверовском подразделении «Валли» в марте 1942 года, под руководством Б.А. Смысловского¹²⁴ (псевдоним — «фон Регенау»). «Зондерштаб Р» находился в непосредственном подчинении начальника «Валли I». «Штаб» дислоцировался в Варшаве (Польша) под вывеской «Восточная строительная фирма Гильзен». Главные резидентуры штаба базировались в Пскове, Минске, Киеве и Симферополе.

Как отмечает историк С.И. Дробязко, из всех специальных служб Германии именно абвер проявил наибольший интерес к привлечению русских и украинских эмигрантов в борьбе против Советского Союза: «В июне 1941 г., как уже отмечалось выше, германское командование санкционировало создание в составе группы армий “Север” русского учебного батальона для сбора дополнительной информации о противнике (Lehrbataillon für Feind-Abwehr und Nachrichtendienst). Это было первое русское антисоветское формирование, образованное в составе вермахта. Его организатором стал эмигрант, бывший офицер императорской гвардии Б.А. Смысловский — он же зондерфюрер “К” абвера под псевдонимом “фон Регенау”...

В конце 1942 г. Смысловский был произведен в чин подполковника и назначен начальником так называемого Зондерштаба “Р” (Особый штаб “Россия”) — секретной организации для наблюдения за партизанским движением. Организационно эта структура была подчинена абверовскому штабу “Валли” и действовала в Варшаве под вывеской “Восточная строительная фирма Гильзена”. В Пскове, Минске, Киеве и Симферополе были организованы главные резидентуры Зондерштаба “Р”, которые поддерживали связь с местными резидентурами. Общая численность сотрудников Зондерштаба составляла более 1000 человек...

Лучшие кадры были сведены в состав т. н. “1001-го гренадерского разведывательного полка”. Зондерштабу “Р” были подчинены также 12 спецшкол (учебно-разведывательных батальонов), с 1943 г. номинально составлявших Особую дивизию “Р”, назначением которой была борьба с партизанами и разведывательно-диверсионные рейды в советский тыл. Общая численность дивизии оценивалась в 10 тыс. человек.

Кроме того, Зондерштаб поддерживал связь с антисоветски настроенными вооруженными группами в тылу Красной армии, а также с отрядами Украинской повстанческой армии (УПА)¹²⁵ и польской Армии крайовой (АК)¹²⁶. Из-за этих сомнительных связей и подозрений в двурушной деятельности Смысловский в декабре 1943 года попал под следствие и домашний арест, а Зондерштаб и Особая дивизия “Р” были расформированы. Однако после шестимесячного расследования все обвинения были сняты, и Смысловскому предложили возглавить организацию партизанской войны в советском тылу и информационную службу Восточного фронта...»¹²⁷

Первоначально в задачи «штаба» входило: наблюдение за партизанским движением, борьба с партизанами и советскими разведчиками-парашютистами, ведение антисоветской пропаганды среди населения оккупированной территории Советского Союза. Агенты «Зондерштаба» действовали под видом служащих хозяйственных, дорожных, заготовительных учреждений оккупационных властей, разъезжих торговцев и т. п. и находились в непосредственном подчинении начальника. Зондерштаб дислоцировался в Варшаве и занимался агентурной разведкой и

разложением партизанских отрядов, выявлением лиц, связанных с партизанами, подпольных антифашистских групп и организаций.

С октября 1943 года на «Зондерштаб Р» было возложено проведение агентурной разведки в тылах советских войск. Всю практическую деятельность штаб проводил через межобластные резидентуры, которые назывались разведывательно-резидентскими областями. Вся оккупированная советская территория делилась до июня 1943 года на пять, а позднее на четыре таких области. Связь руководства разведывательно-резидентской области с резидентурами проходила через курьеров, которые два раза в месяц доставляли отчетные материалы.

Агентурная сеть резидентур состояла из штатных агентов, находившихся на полном ее содержании, разъездных агентов-разведчиков и информаторов по населенным пунктам. Руководящий состав штаба, его межобластных и областных резидентур состоял, как правило, из белоэмигрантов — членов РОВСа и НТСНП, бывших петлюровских офицеров — проверенных агентов немецкой разведки, а также из изменников Родине, зарекомендовавших себя на предательской работе.

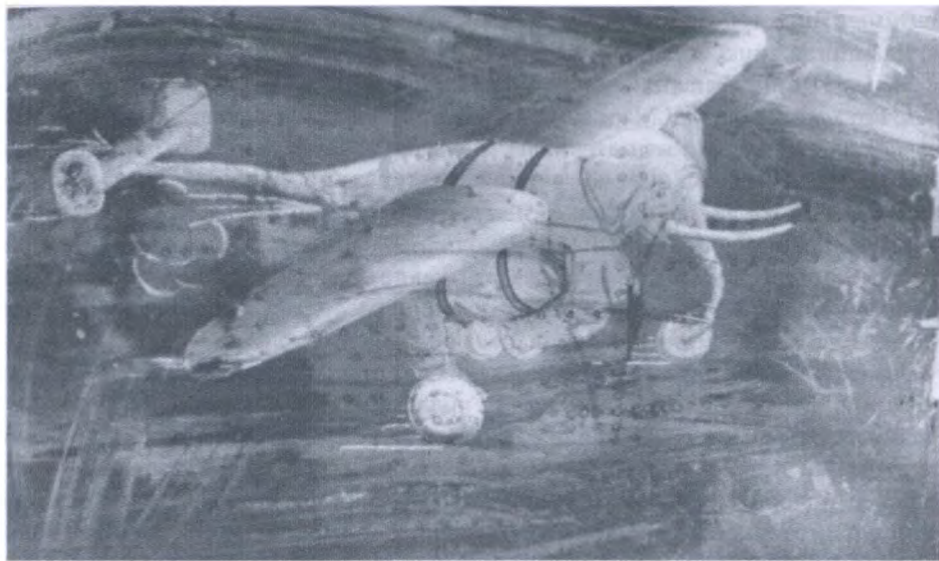
Областные и районные резидентуры создавались главным образом в местах наибольшей активности партизанских отрядов и действовали под прикрытием различных хозяйственных организаций — дорожных и строительных отделов, заготовительных контор и т. п.

Через сеть информаторов и разведчиков из числа местных жителей резидентура вела работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности, партийной прослойки, наличия работников НКВД-НКГБ, средств связи с центром, района действия, баз снабжения. С целью разложения и склонения партизан к переходу на сторону немцев резидентура «штаба» внедряла своих агентов в партизанские отряды. «Зондерштаб Р» действовал до конца 1943 года.

ЭСКАДРА «КГ-200 », ИЛИ НЕСОСТОЯВШИЕСЯ «КАМИКАДЗЕ» ФЮРЕРА

Использование авиации в интересах военной разведки зародилось в начале прошлого века. Воздушная разведка стала активно применяться в годы Первой мировой войны: «Первыми по достоинству оценили все возможности воздушной разведки, пожалуй, именно немцы. Это произошло в самом начале Первой мировой войны, когда, по сути, первыми в мире дальними разведчиками стали дирижабли кайзеровского военно-морского флота... Версальским договором 1919 г. Германии было запрещено иметь боевую авиацию. Впрочем, немцы быстро научились обходить ограничения. Легче всего обмануть противника было как раз в развитии воздушной разведки. Эта задача решалась использованием транспортной и спортивной авиации. Уже в начале 20-х гг. начались опыты по созданию технических средств аэрофотосъемки, проводившейся под видом любительского фотографирования»¹²⁸.

После прихода нацистов к власти в Германии работы по совершенствованию средств воздушной разведки продолжались, в результате чего создана специальная авиагруппа (нем. Fernaufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe) для выполнения разведывательных миссий. Позднее это подразделение войдет в историю специальных служб под названием «эскадрилья Ровеля» (нем. Staffel Rowehl).

Эмблема воздушной эскадры специального назначения «КГ-200» («эскадры Ровеля») на корпусе сбитого самолета

Об истории создания этого подразделения современные российские историки сообщают: «...в середине 1930-х гг. Ровель, вернувшийся в армию, получает под свое командование (аэродром Штаакен в Берлине) эскадрилью из пяти самолетов и группу опытных пилотов и бортмехаников. В целях секретности эскадрилья получает кодовое название “Группа Ob. d. 1”, а неофициально зовется “эскадрилья Ровеля”»¹²⁹.

С начала 1930-х годов, задолго до начала Второй мировой войны, самолеты «эскадры Ровеля» проводили секретные полеты на больших высотах над территорией Польши, Великобритании, Франции, Чехословакии и других стран. С 1934 года летчики люфтваффе совершали с территории Восточной Пруссии разведывательные полеты над Советским Союзом.

Аэрофотоснимки территории иностранных государств, полученные в ходе разведывательных полетов, сначала поступали для обработки сотрудникам авиационной группы 1-го (разведывательного) отдела абвера (Gruppe Luft der Abteilung I), а затем уже другим «потребителям». На допросе в Нюрнберге бывший начальник 2-го (диверсионного) отдела абвера генерал-майор Эрвин Лахузен фон Вивермонт дал показания об «эскадрилье Ровеля»:

«Эймен¹³⁰: Вы знакомы с полковником Роуэльсом? * Лахузен: Да.

Эймен: Кто он был такой? Лахузен: Роуэльс был офицером военно-воздушных сил, полковником авиации.

Эймен: Какова была деятельность эскадрильи особого назначения, в которой он служил? Лахузен: Он возглавлял специальное авиасредство высотного полета, которое совместно с отделом разведки вело разведывательную работу в некоторых областях и государствах.

* Так в документе, речь идет о полковнике люфтваффе Теодоре Ровеле.

Эймен: Вы когда-либо присутствовали при его разговорах с Канарисом? *Лахузен:* Да, иногда присутствовал.

Эймен: Помните ли вы, о чем шла речь при встречах Роуэlsa с Канарисом? *Лахузен:* Роуэльс сообщал Канарису о результатах своих разведывательных полетов и передавал ему полученные материалы. Я думаю, что этот материал обрабатывался в 1-м отделе разведки, а именно группой “воздух”.

Эймен: Знаете ли вы, над какими территориями производились эти разведывательные полеты? *Лахузен:* они производились над Польшей, затем над Англией и на юго-востоке. Точно я не могу сказать, какие области или государства на юго-востоке. Я знаю только, что его подразделение имело разведывательные задания, вело воздушную разведку и базировалось в Будапеште. <...>

Эймен: В каком году или в течение каких лет производились эти полеты? *Лахузен:* Они производились в 1939 году и до польской кампании.

Эймен: Эти полеты держались в секрете? *Лахузен:* Конечно, они были весьма секретны...»¹³¹

Более подробные показания об использовании разведывательной эскадрильи при подготовке к агрессии на европейские государства дал на допросе 4 июня 1948 года бывший германский военно-воздушный атташе в Варшаве генерал-лейтенант люфтваффе Альфред Герстенберг:

«Подготовка войны против Польши маскировалась заверениями немцев об их дружбе с поляками. В этих целях в конце 1938 года и начале 1939 года в Польшу приезжали Геринг, Риббентроп, Франк. Перед отъездом в Варшаву я тоже получил от Геринга и Ешонек задание установить “дружественные” отношения с поляками и постараться убедить последних, что между Германией и Польшей нет каких-либо препятствий для мирного и дружественного сотрудничества. Но вместе с этим уже с лета 1938 года по заданию германского генерального штаба над Польшей систематически стали летать на большой высоте немецкие разведывательные самолеты, производя авиаразведку военных объектов.

Весной 1939 года я был приглашен на праздник в 1-й полк польской бомбардировочной авиации. В то время, пока мы находились на аэродроме, польские офицеры показывали мне в небе немецкие разведывательные самолеты, а обратившись ко мне, командир полка спросил — как это согласовать с моими заверениями о германо-польской дружбе.

Оказавшись в неудобном положении, я ответил полякам, что это, видимо, какое-то недоразумение, и обещал выяснить его в ближайшее время. После этого я немедленно поехал в Берлин и доложил о случившемся Ешонек, который дал указание внушить полякам, что эти самолеты были не германские, ибо немцы не станут летать над территорией дружественной страны. Указание Ешонек я выполнил, хотя и знал, что в действительности самолеты эти были немецкие, т. к. я сам видел в Берлине аэрофотоснимки польских военных объектов»¹³².

13 февраля 1940 года на совещании у начальника Оперативного отдела Верховного командования вермахта (ОКВ) генерала Альфреда Йодля был заслушан секретный доклад руководителя германской военной разведки адмирала Вильгельма Канариса «О новых результатах воздушной разведки против СССР, полученных специальной группой “Ровель”»¹³³.

В течение всего 1940 года самолеты 1-й и 3-й эскадрилий группы Ровеля регулярно проводили полеты над приграничными районами Советского Союза. Кро-

ме группы Ровеля, в разведке территории СССР были задействованы самолеты авиакомпании «Люфтганза», которые выполняли регулярные рейсы по маршруту Берлин – Данциг – Кенигсберг – Белосток – Минск – Москва. С января 1941 года Верховное командование люфтваффе (ОКЛ) издало распоряжение о проведении широкомасштабных разведывательных полетов над советской территорией с целью разведки приграничной полосы.

На вооружении этого соединения имелась специальная авиационная техника, главным образом самолеты ФВ-200 («Кондор»), «Дорнье-15» (Do-15), «Дорнье-17» (Do-17) и Ю-86 (Ju-86 модификаций H, D, P) с высотными двигателями и др. Наряду с немецким и итальянским вооружением полка находились и трофейные самолеты, в том числе американские бомбардировщики В-17 «Флаинг фортрес», В-24 «Либерейтор» и т. д.

Данные об активизации в нацистской Германии мероприятий по созданию подразделений воздушной разведки, безусловно, не остались незамеченными советской стороной. Один из агентов советской внешней разведки — обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен¹³⁴ (сов. псевдоним «Старшина») — передал сведения о разведывательных полетах, совершаемых дальней воздушной разведкой люфтваффе.

К сожалению, руководство страны не приняло адекватных мер для борьбы с германским шпионажем. Ответной мерой стало лишь издание в январе 1941 года секретного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об организации ПВО». Отметим, что ни одна страна перед войной не вела столь масштабную воздушную разведку, как Германия, грубо попирая существовавшее международное право.

После нападения на СССР «эскадра Ровеля» проводила дальнюю разведку важных стратегических объектов в советском тылу: военно-морских баз, промышленных центров, районов нефтедобычи и др.

Более подробную информацию советские спецслужбы и руководство страны об «эскадре Ровеля» получили в начале весны 1942 года. Сначала на вынужденную посадку в Абхазии приземлился самолет-разведчик Ю-88. В докладной записке № 509/Б от 27 марта 1942 года нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия¹³⁵ в ГКО СССР сообщил:

«Экипаж немецкого самолета Ю-88, совершивший 31 января с. г. вынужденную посадку в Гудаутском районе Абхазской АССР <...> доставлены для допроса в Москву. Согласно показаниям командира экипажа обер-лейтенанта Оттмана, самолет вылетел 15 января с аэродрома в гор. Ораниенбург (вблизи Берлина) по маршруту Краков – Николаев с заданием, базируясь в гор. Николаеве, совершить 8 полетов над Кавказом <...> Разведывательный отдел дислоцируется в 2 пунктах: в местечке Вердер у г. Потсдама и местечке Иоргенфельд у г. Инстербурга. Начальником разведывательного отдела является полковник Шмидт, подчиняющийся непосредственно Герингу.

Авиаразведывательная эскадрилья особого назначения, существующая под названием “4-й штафель разведотдела”, дислоцируется в г. Ораниенбурге под Берлином и выполняет задания Главного командования военно-воздушных сил Германии по разведке дальних тылов противника.

Эскадрилья в своем составе имеет 30 самолетов. Непосредственно в разведывательной службе используется 12–15 самолетов типа “Ю-88” и “Хейнкель-111” усовершенствованных конструкций, оборудованных новыми моторами типа

* Вероятно, речь идет о 4-й эскадрилье «группы Ровеля».

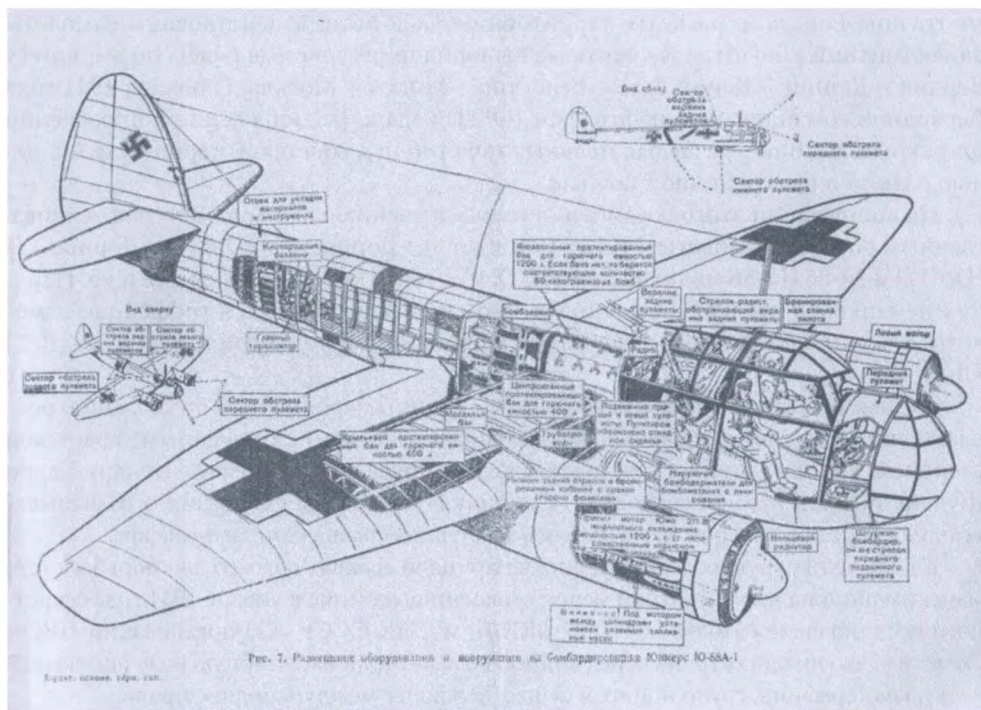

Рис. 7. Развитие оборудования и вооружения на бомбардировщике Юнкерс Ю-88А-1

Схема бомбардировщика Ю-88

“БМВ-801” и высококачественными фотоаппаратами, позволяющими делать снимки с больших высот. Остальные самолеты эскадрильи выполняют вспомогательные функции. Командует эскадрилей полковник Ровель.

До войны эскадрилья полковника Ровеля маскировалась под названием “Эскадрилья испытательных высотных полетов”. Весь личный состав эскадрильи носил форму летчиков гражданской авиации. Личный состав эскадрильи укомплектован отборными летчиками, каждый из которых перед зачислением тщательно проверялся со стороны политической благонадежности. Эскадрилья проводила аэрофотосъемку территории Англии, Франции и СССР задолго до войны. Разведывательная работа эскадрильи тщательно засекречена. По строгой инструкции все разведывательные полеты производились не ниже 9000 метров.

Аэрофоторазведка СССР началась с сентября 1940 года. Вылеты производились с аэродромов г. Кракова и г. Кенигсберга, а также с авиабаз в Финляндии. До начала войны с СССР эскадрилья якобы успела сфотографировать всю линию советско-германской границы от г. Перемышля до границы Литвы на глубину 150–200 метров.

С началом войны Германии с СССР часть авиаэскадрильи полковника Ровеля передислоцировалась на авиационные базы в Болгарии — Балчике и Пловдиве, с которых совершались разведывательные полеты над Крымом и Черноморским побережьем, включая г. Батуми. Отдельные экипажи эскадрильи получили задания на разведывательные полеты в Баку, но ни одна из попыток совершить эти полеты с болгарских баз не увенчалась успехом.

Организацией разведывательных полетов над Кавказом руководил майор германской авиационной службы Ахиллес, считающийся знатоком Кавказа. С ноября 1941 года до января 1942 года с болгарских авиабаз тем же отрядом авиаэскадрильи полковника Ровеля производилась разведка турецкой территории с фотографированием западного побережья турецких проливов и турецкой территории на Балканах.

В настоящее время самолеты авиаэскадрильи полковника Ровеля продолжают разведывательные полеты над Кавказом, базируясь на аэродромах в г.г. Николаеве и Херсоне. По словам Оттмана, к концу января 1942 года ими была полностью закончена аэрофоторазведка района Азовского моря до г. Краснодар и черноморского побережья до г. Батуми включительно. В последнее время командование авиаэскадрильи полковника Ровеля по заданию Главного штаба военно-воздушных сил Германии разрабатывает план проведения аэрофоторазведки глубоких тылов СССР с задачей выявления промышленных объектов в восточных областях СССР, включительно до Урала...»

Другой случай также произошел в конце марта 1942 года, когда под Сталинградом, в районе хутора Ляпичево, был сбит немецкий разведывательный самолет. Вскоре об этом случае Управление НКВД по Сталинградской области доложило в НКВД СССР. 31 марта того же года нарком госбезопасности СССР Л.П. Берия направил в ГКО и Генштаб Красной армии спецсообщение № 548/Б. В документе говорилось: «По сообщению УНКВД по Сталинградской области, 25 марта 1942 г. под г. Сталинградом, в районе х. Ляпичево, сбит и сгорел немецкий разведывательный самолет “Юнкерс-88”. Экипаж самолета в составе: пилот — лейтенант Гроссе, штурман — фельдфебель Беркенгоф, радист — капрал Митшке и стрелок — унтер-офицер Дейнингер.

По показаниям захваченных немецких летчиков, самолет входил в состав 2-го разведывательного отряда главнокомандующего вооруженными силами Германии, дислоцирующимся в г. Николаеве на старом аэродроме, который сейчас именуется немцами “Николаев-Восток”. Гроссе и Беркенгоф также показали, что в Николаеве расположен штаб воздушных сил генерала Лойера и три аэродрома бомбардировочной авиации, обслуживающей Южный фронт.

2-й разведотряд по заданиям германского главного командования с декабря 1941 г. ведет разведку глубокого тыла СССР в районах черноморского побережья до г. Батуми включительно, Сталинграда, Ростова, Саратова, Каменска и Пятигорска.

Задачей разведки, по словам летчиков, является: по Черному морю — выявление движения военных и торговых кораблей, их тоннажа, состояния портов и их обороны; по Сталинградскому району — выявление по железным и грунтовым дорогам движения войск и боеприпасов, выявление путей снабжения сталинградской военной промышленности и отправки вооружения фронту, а также наличия аэродромов на подходах к Сталинграду. Захваченные немецкие летчики затребованы для допроса в Москву»¹³⁶.

После больших потерь, понесенных люфтваффе под Сталинградом, 27 января 1943 года разведывательная эскадра полковника Теодора Ровеля была официально распущена, а входившие в ее состав 1, 2 и 3-я эскадрильи вошли в состав вновь образованной 100-й авиагруппы дальней разведки (нем. Aufkl. Gr. 100). 100-я авиагруппа не имела никакого «особого» статуса и действовала наравне с остальными группами дальней разведки.

Вместе с тем никто не ставил под сомнение необходимость иметь особое авиационное подразделение, которые обеспечивало бы выполнение специальных задач в интересах ОКВ, ОКЛ и РСХА для проведения специальных операций, а также проведение войсковых испытаний применения новейших систем вооружения.

В феврале 1943 года на аэродроме Рангсдорф недалеко от Берлина было сформировано так называемое «опытное подразделение при главнокомандующем люфтваффе» (нем. Versuchverband Oberbefehlshabers der Luftwaffe). Новое подразделение возглавил полковник люфтваффе Генрих Хайгл. Подразделение состояло из двух эскадрилий.

Первая эскадрилья была сформирована на основе 4-й эскадрильи «эскадры Ровеля», на которую были возложены войсковые испытания новейших образцов авиационной техники и вооружения. Командиром эскадрильи был назначен полковник люфтваффе Теодор Ровель.

Вторая эскадрилья занималась исключительно проведением секретных операций по заброске агентов германской военной разведки и РСХА в тыл противника, которую возглавил бывший пилот «эскадры Ровеля» капитан люфтваффе Карл-Эдмунд Гартенфельд.

Эскадрилья имела большую штатную численность, чем аналогичные подразделения дальней разведки. В ее составе имелось двадцать пять экипажей по три человека, большинство из которых ранее работали летчиками-испытателями. Это подразделение германских ВВС также получило неофициальное наименование «эскадрилья Гартенфельда» (нем. Staffel Gartenfeld).

20 февраля 1944 года «опытное подразделение» было переформировано в 200-й бомбардировочный полк (эскадру), сокращенно «КГ-200» (нем. Kampfgeschwader 200), особо секретное, специальное соединение люфтваффе, предназначенное для обеспечения разведывательно-диверсионных заданий. Штаб эскадры во время войны располагался на аэродроме Ораниенбург близ Берлина.

Во время войны на вооружение «КГ-200» поступили машины новых типов, в частности тяжелый бомбардировщик «Юнкерс-290» (Ju-290) и «Арадо-232» (Ar-232)¹³⁷. Например, самолет Ju-290 нового типа имел четыре 24-цилиндровых мотора Д-Б-801. Вооружение: две 20-мм пушки и две 16-мм пушки. Грузоподъемность — 15 нетто-тонн, вес самолета — 45 т, бензиновый запас — 19 т, размах крыльев — 45 м, длина — 30 м. Самолет был способен осуществлять дальние переброски до 100 чел. десантников.

Добавим, что сверхсекретные машины Ju-290 и Ar-232 стали трофеями контрразведки «Смерш». 23 мая 1944 года в ходе проведения радиоигры «Арийцы» на территории Калмыцкой АССР истребительной авиацией на земле был уничтожен Ю-290, который был специально оборудован для выполнения разведывательно-десантных операций в глубоком тылу противника.

На случай захвата неприятелем конструкцией Ю-290 была предусмотрена возможность его самоликвидации. Внутри самолета были размещены два взрывных устройства по 3 кг взрывчатых веществ каждый со 100-секундной задержкой, чтобы экипаж имел возможность уйти на безопасное расстояние. 12 июня того же года сотрудникам Смерша удалось заманить в ловушку и захватить второй самолет этого же типа. Как удалось выяснить в ходе следствия, оба самолета принадлежали к специальной разведывательной эскадрилье «КГ-200».

Из экипажа первого самолета были взяты командир корабля лейтенант Вильгельм Вагнер, бортрадист обер-лейтенант Ганс Ганзен, пилот Герберт Меллер, бортстрелки Вилли Кремер и Карл фон Хоген. Не избежал плена и экипаж второго самолета: командир корабля лейтенант люфтваффе Генрих Генихен¹³⁸, штурман — оберфельдфебель Ганс Виделлер¹³⁹, бортмеханик Вилли Мельцер¹⁴⁰, бортстрелки Бруно Герген¹⁴¹, и Генрих Фрицекс¹⁴².

14 августа 1944 года радист первого Ю-290, захваченного в ходе радиоигры «Арийцы», обер-лейтенант люфтваффе Ганс Ганзен в собственноручных показаниях рассказал о задачах эскадры специального назначения «КГ-200»:

«Как известно, любая эскадра состоит из 3 авиагрупп. В этом отношении КГ-200 составляет исключение, так как имеет в своем составе только 2 группы. Штаб эскадры дислоцируется, насколько мне известно, после бомбардировки Берлина в помещении Министерства авиации. Командир эскадры — полковник Хайгль (или Хейгель?).

Задачи эскадры держатся в строгой тайне даже перед офицерским корпусом авиации, а о деятельности этого соединения вообще мало кто осведомлен...

Как я уже упомянул, штаб находится в помещении Министерства авиации; первая группа в Финстервальде. Первой группой командует майор Кох. В задачу 1-й группы входит, говоря в общих чертах, заброска агентов во вражеский тыл...

2-я группа этой эскадры состоит из так называемых “самоистребителях”, которые по японскому образцу, с полной бомбовой нагрузкой пикируют на цель, причем сами, конечно, погибают. Подробности об этой группе не могу доложить, т. к. недолго служил в эскадре, а на расспросы получал довольно туманные, неопределенные ответы. Мне известно лишь, что личный состав комплектуется из добровольцев и что группа вводится в действие лишь по приказу Верховного командования. Говорят, что в группе насчитывается уже 300 человек и поступают новые заявления. Эти люди проходят специальную подготовку, и причины, побудившие их вступить в эту часть, подлежат специальной проверке.

Материальная часть состоит из специально оборудованных Юнкерсов и Хенкелей, у которых почти половина фюзеляжа заполнена взрывчатыми веществами высокой эффективности. Лично никого из состава этой группы я не знаю. До сих пор 2-я группа не была введена в действие».

В ходе другой спецоперации — «Туман» — в ночь с 4 на 5 сентября 1944 года зенитной артиллерией в небе над Смоленской областью во время выполнения разведывательного задания был подбит самолет «Арадо-232». Командир оберфельдфебель Гельмут Фирус и штурман фельдфебель Герхард Тидт, а также еще три члена экипажа были задержаны советскими органами безопасности, шестой член экипажа был убит в ходе перестрелки.

ДИВЕРСАНТЫ АДМИРАЛА КАНАРИСА

История применения воинских подразделений для выполнения специальных задач в тылу противника известна с древнейших времен: «Действия отрядов типа “командос”, или особых отрядов, столь же стары, как и сама история земли.

В анналах египетских фараонов еще до династии Рамзесов записано, например, что во время покорения Сирии главному военачальнику фараона Тутмози-

са III командиру Туту удалось, используя свои связи, зашить в мешки с мукой и погрузить на корабль 200 тяжеловооруженных воинов. Он сумел выгрузить их в уже осажденной египтянами Яффе. Оказавшись в городе, эти 200 воинов вылезли из своих мешков, перебили всю охрану города и обеспечили себе в качестве опорного пункта крупный порт»¹⁴³. Или взять всем известный эпизод Троянской войны, с использованием легендарного деревянного коня при захвате малоазийской Трои. Чем не пример успешных действий древнегреческого «спецназа»!

Германская военная разведка впервые приступила к созданию подразделений особого назначения в 1938 году, в период подготовки оккупации Судетской области (Чехословакия).

Одним из первых к идее создать компактные, хорошо экипированные и обученные подразделения разведчиков-диверсантов пришел немецкий офицер-разведчик капитан Теодор фон Хиппель¹⁴⁴. В годы Первой мировой войны фон Хиппель служил в Восточной Африке в отряде под командованием генерал-майора Пауля Эмиля фон Леттова-Форбека (1870–1964), который провел в 1914–1917 годах блестящую партизанскую кампанию против британских колониальных войск.

Предложение фон Хиппеля по созданию диверсионного подразделения получило поддержку у руководителя Управления разведки и контрразведки при ОКВ (абвер) адмирала Вильгельма Канариса. В этой связи зарубежные историки спецслужб отмечают, что именно по инициативе Канариса вскоре после его назначения на пост руководителя германской военной разведки было создано «самое крупное в истории шпионажа» отборное диверсионное подразделение «Бранденбург»¹⁴⁵.

К такому выводу он пришел, исходя из своего опыта службы в германском экспедиционном корпусе генерала Леттова-Форбека в Африке в 1914–1918 годах. По его замыслу, боевая группа умелых и решительных «сорвиголов» должна была в гражданской одежде или в военной форме неприятеля «просачиваться» через линию фронта и, действуя впереди своих наступающих войск, захватывать стратегически важные объекты (мосты, туннели, электростанции), проводить диверсионные акции, устраивать панику среди населения и т. д.

В своей книге, посвященной истории германской военной разведки (абвер), немецкий историк Герд Бухгайт отметил: «Значение и роль германского абвера во Второй мировой войне нельзя представить себе даже из пусть подробного перечня удачных и неудачных его действий уже хотя бы потому, что деятельность тайных служб всегда происходит “во тьме”, и потому громадное большинство акций остаются неизвестными»¹⁴⁶.

Вышесказанное в полной мере относится и к диверсионным операциям германской военной разведки, проведенным военными подразделениями специального назначения «Бранденбург 800».

Как пишет историк М. Токарев, «первые упоминания о специальной разведывательно-диверсионной части “Бранденбург 800”, созданной в 1939 году и находившейся до сентября 1944 года в прямом подчинении руководства гитлеровской военной разведки “Абвер”, появились в общедоступной советской литературе в 1958 году. Именно тогда в московском Издательстве иностранной литературы была издана впервые опубликованная в США всего двумя годами ранее монография сотрудника Амстердамского государственного института военной документации Луи де Йонга “Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне”...»¹⁴⁷.

Историки так рисуют появление на свет германского спецназа: «В 1938 году в недрах абвера родился план “Эббингауз”. Военная контрразведка предполагала сформировать специальные подразделения для действий за линией фронта противника. Диверсантов обучали методам ведения партизанской войны, владению всеми видами холодного и огнестрельного оружия, приемам защиты и нападения. Жесткие требования: неброская внешность, интеллект выше среднего, способность к языкам, абсолютная физическая готовность, развитая память, умение адаптироваться к быстро меняющимся условиям — все это позволило создать абверу одно из самых боеспособных подразделений Второй мировой войны.

За сутки или двое до начала основной операции в тыл противника забрасывалась боевая “четверка”: командир группы, связист, снайпер и “узкий” специалист. В зависимости от поставленной боевой задачи (инженер, сапер, аквалангист и т. п.). Акты саботажа или диверсий, минирование или разминирование стратегических объектов, захват и удержание мостов или переправ, распространение панических слухов и сбор разведывательной информации — вот чем занимались бойцы спецподразделения “Эббингауз”. ...Изошренная жестокость, попрание всех писанных и неписанных норм международного права — были отличительным признаком всех “бранденбуржцев”. “Ни от кого пощады не ждать, никому пощады не давать” — эти слова были девизом головорезов “Абвер-2”»¹⁴⁸. До настоящего времени деятельность диверсионных подразделений германской военной разведки в годы Второй мировой войны наиболее полно освещена в книге российского историка Ю.А. Неподаева¹⁴⁹.

Рамки настоящего издания не позволяют в полной мере в статье осветить деятельность диверсионного подразделения абвера в годы Второй мировой войны. Цель настоящей публикации — дополнить сведения о боевом применении «Бранденбурга» на основе показаний «бранденбуржцев» — военнослужащих германской армии, оказавшихся в ходе боевых действий или после войны в советском плену.

* * *

В 1939–1940 годах по мере роста численности десантных рот на их основе был сформирован «Батальон специального назначения 800». Успех его действий на территории Голландии, Бельгии, Люксембурга и северной Франции способствовал принятию решения о создании на его базе в октябре 1940 года отдельного полка — «Полка специального назначения “Бранденбург”».

Полк состоял из пяти батальонов четырехротного состава, штабной роты, роты связи, команды специального назначения и отдельной так называемой «вассер компани» («водная рота»). В батальонах, ротах и взводах имелись специальные подразделения агентуры, «доверенных лиц», парашютистов, диверсантов и лыжников. «Бранденбург 800» находится в распоряжении «Абвера II» — германской военной разведки. Штаб полка дислоцировался в г. Берлин, там же находилась штабная рота, рота связи и команда специального назначения. Штаб 1-го батальона и его 1-я рота дислоцировались в г. Фрайберг, штаб 3-го батальона — в г. Дьюрен, штаб 4-го батальона — в г. Гамбург, штаб 5-го особого батальона и его 3-я рота — в г. Бранденбург, 6-я рота 2-го батальона — во Франции, 15-я рота 4-го батальона — в Африке.

Военнослужащие полка «Бранденбург 800» принимали участие в операциях немецких войск против Югославии и Греции. Некоторые его подразделения находились также в Румынии (охрана нефтяных месторождений в Плоешти) и Бол-

гари. При действиях подразделений полка в Болгарии и Румынии группы диверсантов проникали в эти страны под видом спортсменов и в гражданской одежде.

Первоначально подразделения «Бранденбурга 800» комплектовались главным образом из немцев, владевших иностранными языками или проживавших ранее в оккупированных Германией странах. Обязательным условием приема была преданность нацистскому режиму, а также хорошее физическое развитие, смелость, умение быстро ориентироваться в обстановке. После нападения Германии на СССР личный состав дивизии стал пополняться лицами, враждебно настроенными по отношению к советскому строю, бывшими уголовниками.

Накануне нападения на Польшу осенью 1939 года полковник Эрвин фон Лахузен, руководитель отдела диверсий и саботажа («Абвер II»), сформировал из личного состава абверштелле VIII и XVII военных округов специальные «боевые группы» (нем. «K(Kampf)-Trupps»).

«К-группы» состояли из немцев-«фольксдойче», уроженцев Силезии, бегло говоривших по-польски. Их задача заключалась в том, чтобы захватить важнейшие промышленные предприятия Силезии и не допустить их уничтожения поляками. Подразделение получило наименование «Батальон Эббингхауз» (нем. Kampfverband Ebbinghaus); другое название — «Добровольческий корпус Эббингхауз» (нем. «Freikorps Ebbinghaus»). Командовал подразделением капитан Эрнст Эббингхауз. В его подчинении находилось примерно из 500 человек. Подразделение находилось в непосредственном подчинении Верховного командования вермахта (ОКВ).

В ходе германо-польской кампании подразделения специального назначения активно использовались абвером в целях предотвращения уничтожения железнодорожных путей, переправ, мостов, заводов и других сооружений отступавшими польскими войсками. Так, например, для предотвращения разрушений поляками промышленных объектов в Катовице небольшая группа «бранденбуржцев», переодетых в гражданскую одежду, была тайно переброшена в район Катовице. Диверсанты на месте связались с «фольксдойче» и с их помощью до прихода немецких войск захватили намеченные объекты, предотвратив их разрушение поляками.

Одна из «боевых групп» под командованием лейтенанта Ганса-Альбрехта Херцнера¹⁵⁰ (нем. «K-Trupp Herzner») 26 августа 1939 года, не зная о том, что начало нападения на Польшу было перенесено фюрером на 1 сентября, захватила железнодорожный туннель на Яблунковском перевале, разогнав польскую охрану. Этот эпизод вошел в историю под названием «Яблунковский инцидент».

25 октября 1939 года из уцелевших в боях бойцов «Эббингхауза» в курортном местечке Слияч (Словакия) была сформирована 800-я строительно-учебная рота особого назначения (нем. Bau-Lehr Kompanie zur besonderer Verwendung 800), которая предназначалась для проведения подрывных операций в тылу противника.

Подразделение, также именовавшееся «немецкой ротой» (нем. Deutsche Kompanie), в основном состояло из этнических немцев, уроженцев Восточной или юго-восточной Европы, Силезии, Судет и т. п., свободно владевших несколькими языками. Позднее рота была передислоцирована в город Бранденбург-на-Хафеле.

15 декабря 1939 года на базе 800-й строительно-учебной роты особого назначения развернут 800-й учебный строительный батальон особого назначения (нем. Baulehrbataillon z.b.V. 800) 4-ротного состава.

1-я «балтийская» рота была укомплектована этническими немцами, выходцами из Латвии, России, Украины, Финляндии и Эстонии; дислоцировалась в Бадене (около Вены, Австрия). 2 роту составляли военнослужащие, владевшие английским, французским, португальским языками или африканскими наречиями; Бранденбург-на-Хафеле. 3-я рота комплектовалась солдатами, владевшими чешским языком, и располагалась в Бад-Мюнстерейфеле (Судеты), а 4-я — из уроженцев Верхней Силезии, в совершенстве владевших польским (на нижнем Рейне).

Свое название батальон получил по месту дислокации одной из рот — Бранденбургу — прусскому региону Германии, граничащему на востоке с Берлином. Все военнослужащие «Бранденбурга 800» были агентами абвера и обучались диверсионно-разведывательному делу. Каждый из них имел по две солдатские книжки: одну на вымышленную фамилию, для использования во фронтовой обстановке, а другую, с подлинной фамилией, для немецкого командования.

О начальном этапе формирования специальных подразделений германской военной разведки рассказал в своих показаниях один из старейших сотрудников германских спецслужб зондерфюрер «Б» (воинское звание, приравненное к майору) Курт Янке.

В конце Великой Отечественной войны Янке был арестован сотрудниками контрразведки «Смерш» в Померании и доставлен в Москву. Свою разведывательно-диверсионную деятельность Янке начал еще в годы Первой мировой войны, организуя диверсии на американских военных и торговых кораблях, перевозивших грузы странам Антанты. В результате диверсий агентами Янке в 1915–1916 годах были уничтожены военно-морской арсенал с 11 пороховыми складами, американский крейсер «Сан-Диего», один торпедоносец, 14 торговых пароходов с военными материалами, три завода по производству боеприпасов с запасами готовой продукции и два пороховых завода.

На допросе в Москве 6 апреля 1945 года Янке рассказал о своей, совместно с майором Теодором фон Хиппелем, работе по формированию первого диверсионного подразделения в германской военной разведке — батальона, а затем и полка специального назначения «Бранденбург»:

«После начала войны Германии с Польшей я был призван в германскую армию и назначен руководителем военной разведки адмиралом Канарис начальником разведки* при 800-м батальоне Бранденбургского полка особого назначения. Одновременно с этим было ликвидировано и возглавляемое мною бюро.

В 1939 году по приказу германского командования был создан 800-й Бранденбургский батальон особого назначения. Командиром этого батальона являлся фон Хиппель. Я в этом батальоне являлся начальником разведки.

Перед Бранденбургским батальоном германское командование поставило задачу: небольшими группами, предварительно переодевшись в форму противника, проникать в его тыл и совершать там диверсионные акты с целью дезорганизации коммуникации армии противника, а также захватить наиболее важные военные объекты и держать их до подхода основных частей наступающей германской армии.

В результате успешных операций, проведенных Бранденбургским батальоном во время военных действий в Бельгии, Голландии и Франции, были созданы и

* Функции начальника разведки в вермахте возлагались на офицеров отдела «1-Ц» (нем. 1-С).

Удостоверение Курта Янке, первого руководителя разведывательного отдела подразделения специального назначения «Бранденбург 800»

другие подобные батальоны, которые были объединены в 800-й Бранденбургский полк. Являясь начальником разведки Бранденбургского полка, я занимался подбором людей, знающих язык, нравы и обычаи той страны, на территории которой должен был действовать этот полк. 800-й Бранденбургский полк непосредственно был подчинен 2-му отделу германской разведки «Абвердинст».

Начальником разведки 800-го Бранденбургского полка я пробыл до мая 1940 года, а затем по приказу Гитлера я из этого полка был уволен. Согласно этому приказу мне было запрещено в дальнейшем заниматься разведывательной работой».

Подразделение специального назначения «Бранденбург 800» располагало собственной разведывательно-диверсионной школой, дислоцировавшейся в 2 км от г. Бранденбург, в поместье Квенц («Гут «Квенцзее»» или «Квенцгут»), на берегу озера Плауэрзее.

До 1940 года в поместье Квенц готовились разведчики-диверсанты из лиц только немецкой национальности, а с лета 1940 года готовилась агентура из числа украинских националистов. С началом нападения на СССР на курсах стала готовиться агентура, состоявшая из иностранных граждан других национальностей и бывших советских военнопленных.

Накануне кампании на Западе, 1 июня 1940 года, батальон был развернут в 800-й учебный полк особого назначения (нем. Lehrregiment Brandenburg z.b.V. 800), состоящий из трех батальонов.

1-й батальон полка состоял из 4 рот: 1-я рота носила название «балтийская», а 2, 3 и 4-я «легионерские» роты были укомплектованы украинскими добровольцами и составляли батальон «Нахтигаль» (нем. *Nachtigal*). Их «политическим» руководителем был капитан, профессор Теодор Оберлендер, ставший министром по делам беженцев в Западной Германии. Летом 1942 года в боях под Сталинградом участвовала 1-я рота 1-го батальона полка специального назначения «Бранденбург 800».

2-й батальон полка (5, 6, 7 и 8-я) также включал в себя четыре роты. 5, 7 и 8-я роты были горнострелковыми. Кроме того, 5-я рота, состоявшая из трех взводов, была укомплектована немцами из Палестины, Южной Африки и Тироля. 6-я рота была разведывательной.

3-й батальон состоял из пяти рот (с 9-й по 12-ю и 15-я). 12-я, «английская», рота принимала участие в подготовке вторжения на Британские острова (операция «Морской лев», нем. «*Unternehmen Seelöwe*»). 15-я (легкая) рота 3-го батальона была сформирована из лучших лыжников германской армии, в числе которой был и один золотой призер зимних Олимпийских игр 1936 года. В дальнейшем солдаты роты участвовали в боевых операциях на советско-германском фронте в районе Мурманска.

Полк был непосредственно подчинен 2-му (диверсионному) отделу Управленческой группы «Абвер-Заграница» (нем. *Amt Ausland/Abwehr II*).

Задания на проведение крупных диверсионных операций командование отдела «Абвер II», в подчинении которого находились подразделения «Бранденбурга», получало от Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) или непосредственно от адмирала Канариса.

Летом 1940 года диверсанты «Бранденбурга» в Бельгии захватили мосты через канал Альберта, предотвратив их уничтожение бельгийскими войсками. Одновременно для создания паники в рядах бельгийских солдат в их тылу был высажен парашютный десант.

При захвате моста через реку Маас в Голландии «брандербуржцы» применили иную тактику. Диверсионная группа, укомплектованная из лиц, владевших голландским языком, была переодета в форму голландских полицейских. Проникнув на мост, она уничтожила его охрану, однако ликвидировать приготовления к взрыву не смогла.

В том же 1940 году немецкие диверсанты из «Бранденбурга» взорвали виадук около г. Аннемассе вблизи швейцарской границы. Целью операции был срыв поставок продукции швейцарских заводов «Эрликон» в Великобританию. Диверсия не принесла ожидаемых результатов, так как через четыре месяца виадук был восстановлен, а во время перерыва в железнодорожном сообщении поставки продолжались по автомобильной дороге.

25 февраля 1941 года под руководством германской военной разведки из числа агентов абвера — украинских националистов были сформированы два специальных подразделения — батальон «Нахтигаль» и батальон «Роланд».

В июне 1941 года эти подразделения в составе вермахта приняли участие в агрессии против Советского Союза. В октябре 1941 года «Нахтигаль» и «Роланд» были объединены в одно подразделение и переброшены во Франкфурт-на-Одере, где прошли подготовку в качестве охранной части. В конце 1941 года объединенное подразделение переформировано в 201-й батальон охранной полиции.

Весной 1941 года небольшие отряды «бранденбуржцев» действовали при вторжении немецких войск в Грецию, где по указанию командования наступающих частей захватили отдельные укрепления на «линии Метакаса».

Малоизвестный эпизод из истории «Бранденбурга» рассказал один из ветеранов подразделения, стоявший у истоков его формирования, — полковник Ганс фон Демель¹⁵¹. В августе 1940 года фон Демель был откомандирован в «Абверштелле-Париж», где ему было поручено отправиться на полуостров Шербур в связи с намечавшимся вторжением на Британские острова (операция «Морской лев»).

Задача фон Демеля состояла в том, чтобы сформировать подразделение из бойцов-«бранденбуржцев», с которыми инсценировать мнимое вторжение в Англию с высадкой в порту Портленда, чтобы отвлечь внимание англичан от предполагаемой высадки немецких войск в районе Дувра. Для подготовки этой операции фон Демель приступил к обучению роты полка «Бранденбург». Операция не была завершена, так как 22 августа 1940 года он получил от адмирала Канариса телеграмму о немедленном прибытии в Берлин. Напомним, что 28 июля 1940 года в ОКВ было принято решение о подготовке агрессии против СССР.

Накануне нападения на Советский Союз командование полка «Бранденбург 800» в целях маскировки предстоящих операций сформировало из «фольксдойче», владеющих русским языком, специальные отряды, экипированные в форму бойцов и командиров Красной армии и вооруженные советским оружием. В задачу полка входил захват оперативно важных объектов — мостов, туннелей, оборонных предприятий — и удержание их до подхода авангардных частей вермахта.

С началом войны против СССР основные подразделения полка «Бранденбург 800» были переброшены на советско-германский фронт. Девять рот, а также штаб 2-го батальона находились на Северном Кавказе. По одной роте действовали на Калининском и Ленинградском фронтах. Две роты были переброшены на Карельский фронт.

Ранним утром 22 июня 1941 года роты «Бранденбурга» двигались в авангарде наступавших частей германской армии. Например, при переходе советско-германской границы в районе г. Брест первой двигалась 12-я рота 3-го батальона полка «Бранденбург», личный состав которой был одет в красноармейскую форму. В ходе боевых действий на советско-германском фронте деятельность подразделений «Бранденбурга 800» в основном сводилась к парализации тыловых коммуникаций Красной армии.

Об участии «бранденбуржцев» в нападении на Советский Союз рассказал и бывший командир 4-й роты 1-го батальона полка «Бранденбург 800» капитан Герман Киршнер¹⁵²: «В ночь с 21 на 22 июня 1941 года в 10 километрах от гор. Перемышль в районе польской деревни Валава мне — Киршнеру командиром батальона “Бранденбург-800” майором Хайнц¹⁵³ было предложено совместно с 228-м пехотным полком 101-й дивизии¹⁵⁴ форсировать реку Сан, закрепиться и подготовиться к дальнейшему наступлению. По выполнении данной операции я совместно с ротой в течение 5–6 дней находился в данном районе и принимал участие в небольших боевых операциях с частями советской армии. В одной из операций в дер. <нрзб> 4-й ротой было пленено 23 солдата советской армии, которые по моему указанию были направлены в распоряжение 228-го пехотного полка, и их дальнейшая судьба мне неизвестна.

Примерно 30 июня 1941 года я с ротой был переброшен в район гор. Львова, где от майора Хайнц получил задание в период наступления немецкой армии на гор. Львов захватить в городе электростанцию, казармы и склад боеприпасов. 1 июля 1941 года я совместно с войсками немецкой армии вступил в гор. Львов и захватил указанные объекты, которые в течение одной недели 4-й ротой охранял...»¹⁵⁵

Стоит добавить, что после войны уже подполковник Фридрих Вильгельм Хайнц, которого упомянул в своих показаниях капитан Кишнер, стал первым начальником «бюро абвера» в ремилитаризованном боннском военном ведомстве¹⁵⁶.

По данным, которыми располагала советская контрразведка, на советско-германском фронте действовали подчиненные отделу «Абвер II» шесть абверкоманд, которые придавались штабам армейских группировок (групп армий) и крупным объединениям (армиям). В свою очередь в подчинении этих абверкоманд имелось от двух до шести абвергрупп. Костяк диверсионных подразделений составляли офицеры, унтер-офицеры и солдаты, прошедшие специальную подготовку в подразделениях особого назначения «Бранденбург».

Абвергруппы и абверкоманды вербовали из числа советских военнопленных, а также из числа советского населения агентуру, которая перебрасывалась в ближайший тыл частей Красной армии с диверсионными заданиями. Агентура получала также задание проводить разложеческую работу в Красной армии, склоняя советских военнослужащих к переходу на сторону немецких войск. Число агентов, находившихся при абверкомандах и абвергруппах, составляло 200–400 человек. Перед переброской в тыл советских войск агенты проходили краткосрочную подготовку по диверсионному делу.

Отделом «Абвер II» были подготовлены специальные диверсионные боевые группы для подрывной деятельности на территории советской Прибалтики. Например, германской агентуре, предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а диверсионные группы, предназначенные для действий в Латвии, должны были захватить мосты через реку Северная Двина.

О задачах дивизии специального назначения «Бранденбург» подробно рассказал на допросе 3 января 1948 года бывший командир 4-го полка дивизии Гергард Пинкерт¹⁵⁷. В формирующуюся дивизию «Бранденбург» он поступил в феврале 1942 года по протекции своего брата — Гельмута Пинкерта, служившего в то время адъютантом командира дивизии. После войны, в октябре 1946 года, Гергард Пинкерт был завербован бывшим подполковником немецкой армии Гано Эразмусом в шпионскую организацию для ведения подрывной работы против СССР. 18 декабря 1947 года Пинкерт был арестован советской контрразведкой «за шпионаж в пользу американской разведки».

«О целях и задачах дивизии “Бранденбург” я могу рассказать следующее. Окончательное формирование дивизии относится к осени 1942 года. Подбором личного состава дивизии занимался непосредственно начальник разведки Германии адмирал Канарис, ему она была полностью подчинена в оперативном отношении.

Основное назначение дивизии — проведение активного шпионажа и разведки в прифронтовой полосе, там, где вела военные действия немецкая армия, кроме того, совершение диверсий, саботажа и террора. Для выполнения этих задач в дивизию вербовались главным образом немцы, проживающие вне

Гергард Пинкерт, командир 4-го полка дивизии «Бранденбург» (1944);
подполковник. Тюремная фотография.
Фотография из фондов ЦА ФСБ России

Германии, а именно: в Советском Союзе, Латвии, Эстонии, Литве, в странах Ближнего Востока (Сирия, Ирак, Иран), в Палестине и Трансиордании, которые хорошо знали русский язык, английский, французский, немецкий, в совершенстве ориентировались бы в экономике той страны, против которой велась тайная война.

Так, мне известно, что в начале 1943 года при дивизии была организована специальная рота из студентов-эстонцев, хорошо знающих русский язык, в нее же входили завербованные военнопленные советской армии...

В июле 1944 года, в связи с покушением на Гитлера, дивизия «Бранденбург», как неблагонадежная в политическом отношении, была расформирована, в большей степени личного состава было переведено во вновь формируемую дивизию «СС», командиром которой был назначен генерал Скорцени*, остальной личный состав дивизии «Бранденбург» был переведен во вновь сформированную мотомеханизированную дивизию, которую придали корпусу «Великая Германия», причем дивизия формировалась в районе города Белграда (Югославия).

На следствии в 1945 году бывший заместитель начальника отдела «Абвер II» полковник Эрвин Штольце рассказал подробности участия «бранденбуржцев» в реализации плана «Барбаросса».

Для проведения подрывной деятельности на территории СССР германская военная разведка приняла решение об использовании националистических

* Так в документе. Очевидно, произошла ошибка при переводе документа. Часть личного состава дивизии особого назначения «Бранденбург» была передана в «Истребительные части СС» («СС Ягдфербанд»), которыми командовал не генерал, а оберштурмбанфюрер СС резерва Отто Скорцени.

элементов из числа латышских, литовских и эстонских эмигрантов. Этой работой по линии «Абвера II» руководил сотрудник «Аст-Кенигсберг» подполковник Гербер.

Через завербованного посла Литвы в Берлине — полковника Казиса Шкирпы — Гербер приступил к вербовке агентов-диверсантов из числа литовских эмигрантов. Перед этими группами была поставлена задача захвата мостов и тоннелей около г. Каунас и Вильнюс с началом военных действий на советско-германском фронте и удержание их до прихода частей германской армии. Агентура, завербованная и подготовленная литовским резидентом абвера Шкирпой, свою задачу выполнила. Тоннель около г. Вильнюс и ряд железнодорожных мостов на территории Литвы не были разрушены, и германская армия могла беспрепятственно ими воспользоваться.

Помимо этого подполковник Гербер установил контакты с латышскими националистами и повел вербовочную работу среди них, создавая подрывные и диверсионные группы. Одна из задач, которые ставились при проведении этой работы, — захват мостов через реку Западная Двина, предотвращение их разрушения частями Красной армии и удержание этих мостов до подхода германских войск. Латышские агенты абвера, так же как и их литовские «коллеги», свои задачи выполнили, и мосты через реку Западная Двина также были сохранены.

Однако, по словам Штольце, возник спор, чья эта заслуга. Армейское командование утверждало, что мосты были захвачены быстро продвигающимися частями, которые предотвратили их разрушение, и представило к награде многих участников операции. Агентура из числа литовских националистов считала, что сохранение мостов — это их заслуга, что именно они помешали их разрушению отступающими частями Красной армии. Этот спор так и не был разрешен.

Также Штольце дал показания об использовании для подрывной деятельности в советском тылу лидеров украинских националистов, агентов германской военной разведки (С. Бандеры, А. Мельника, Р. Сушко, Р. Ярового и др.)¹⁵⁸.

Летом 1941 года, вскоре после нападения нацистской Германии на Советский Союз, в Эстонию была переброшена диверсионная группа из 16 эстонцев (главным образом офицеров) во главе с офицером полка «Бранденбург 800» обер-лейтенантом Куртом Рейнхардтом и зондерфюрером отдела «Абвер II» Вернером Шварце. Эта операция по переброске в тыл советских войск диверсионной группы получила в «Абвере II» условное наименование «Эрна». Агенты были подобраны сотрудниками «КО Финляндия» с помощью финской военной разведки.

В начале июля 1941 года «Эрна» была переброшена в Эстонию с заданием проводить диверсионную деятельность в тылу советских войск. Для выполнения своей задачи Шварце должен был привлечь в свою группу эстонцев из числа местного населения, настроенного против Советского Союза. Выполняя задание «Абвера II», зондерфюрер Шварце создал в тылу Красной армии группу из 200 человек, завербованных из числа местных националистов — «лесных братьев», которые проводили диверсионную деятельность в тылу Красной армии до момента полного занятия Эстонии немецкими войсками.

31 июля 1941 года группа «Эрна» была разгромлена бойцами истребительных батальонов. Оставшиеся в живых диверсанты скрывались в лесах, пока в нача-

ле августа не вошли в контакт с германскими войсками. Впоследствии германское командование предпринимало попытки реанимировать «Эрну». В сентябре 1941 года была сформирована «Эрна II», но ничего путного из этой затеи так и не получилось.

Во время наступления вермахта на Кавказ летом 1942 года «Абвер II» спланировал проведение операции «Шамиль». Ее цель состояла в том, чтобы организовать повстанческое движение на Северном Кавказе и обеспечить сохранность нефтеочистительных заводов в Грозном и Майкопе от разрушений отступавшими частями Красной армии.

В проведении операции была задействована группа разведчиков-диверсантов «Абвера II» в количестве 30–35 человек, состоявшая из немцев — военнослужащих полка «Бранденбург» и т. н. «доверенных лиц» — бывших советских военнопленных. Операцию возглавил лейтенант Герхард Ланге.

Перед выполнением задания ее участники прошли подготовку в специальном лагере. Высадка проводилась двумя группами с самолета на парашютах в советском тылу и произошла примерно за несколько дней до наступления германских частей на Северный Кавказ. Отряд был хорошо оснащен оружием, продовольствием, высокогорным снаряжением, палатками, а также имел портативный коротковолновый передатчик для связи с радиоцентром. В ходе этой операции разведчики-диверсанты впервые были снабжены винтовками с приспособлениями для бесшумной стрельбы.

Часть группы во главе с Ланге была выброшена в ночь с 25 на 26 августа 1942 года на территории Чечено-Ингушской АССР. Еще в воздухе она подверглась обстрелу с земли. Несмотря на это, диверсантам удалось приземлиться без потерь и собраться в два отряда. Подгруппа Ланге осталась без связи, так как не смогла найти контейнер с радиостанцией, поэтому установить связь между собой и объединиться отрядам не удалось.

Подгруппе Ланге удалось установить контакт с одной из бандгрупп, действовавших в этом районе. Узнав о провале германского наступления на Кавказ, Ланге решил прекратить выполнение задания и выйти в расположение германских войск. Члены отряда Ланге из числа бывших военнопленных примкнули к бандитам. Сам Ланге и еще несколько военнослужащих из его отряда под видом местных жителей в ноябре 1942 года сумели перейти линию фронта и возвратиться в расположение немецких войск. Бандгруппы, приютившие немецких диверсантов, к началу декабря 1942 года были уничтожены¹⁵⁹. В январе 1943 года Ланге, несмотря на провал операции «Шамиль», был награжден германским командованием рыцарской степенью ордена «Железный крест».

Капитан Киршнер рассказал малоизвестные подробности операции «Шамиль». Как оказалось, он лично был знаком с ее непосредственным разработчиком и исполнителем — обер-лейтенантом Э. Ланге. В феврале–марте 1940 года Киршнер вместе с Ланге обучался на разведывательно-диверсионных курсах «Бранденбурга» в поместье Квенц.

Со слов Киршнера, операция «Шамиль» преследовала цель поднять повстанческое движение на Северном Кавказе, с тем чтобы облегчить частям вермахта продвижение в глубь советской территории. Для осуществления этой операции Ланге был сформирован специальный отряд из немцев и бывших советских военнопленных — агентов германской военной разведки, прошедших подготовку в

«Бранденбурге». Осенью 1942 года подразделение самолетами было перебросено в район Грозного.

Операция провалилась в связи с тем, что часть отряда из числа советских военнопленных добровольно перешла на сторону Красной армии, в результате большая часть диверсантов была уничтожена, а сам Ланге через три месяца с семью бойцами вернулся в расположение немецких войск. Об итогах операции Ланге весной 1943 года сделал доклад офицерскому составу дивизии «Бранденбург».

Другой группе «бранденбуржцев» под руководством унтер-офицера Фолькерзама удалось захватить мост в районе Пятигорска и удерживать его до прихода танковых частей германской армии. Впоследствии эта группа была разгромлена частями Красной армии и войск НКВД, а ее командир унтер-офицер Фолькерзам и несколько его подчиненных попали в советский плен. Отрядом разведчиков-диверсантов под командованием обер-лейтенанта Андерса, также переодетых в красноармейскую форму, был взорван мост в районе города Минеральные Воды.

Больше повезло «бранденбуржцам», выброшенным в район Майкопа. При приземлении из-за неточности при определении места десантирования группа также не смогла собраться в полном составе и разбилась на две самостоятельные подгруппы. Одной из подгрупп удалось захватить один из нефтеперерабатывающих заводов и передать его подоспевшим германским частям. Однако из-за незнания обстановки охрана завода не была должным образом обеспечена, что дало возможность советским разведчикам-диверсантам его уничтожить. Другой части диверсантов удалось проникнуть в Майкоп. На мосту под Майкопом она задержала большую колонну частей Красной армии, создав пробку, и удерживала мост до подхода немецких войск.

Во время наступления на Кавказ германская военная разведка установила, что Красная армия подвозит резервы и боезапасы по железной дороге Астрахань – Кизляр, которая, по данным отдела «Иностранные армии — Восток», еще только проектировалась. «Абверкоманда 202» при группе армий «Юг» получила задание организовать диверсии на этой дороге. Диверсионная группа возвратилась с донесением об удачно проведенных взрывах на дороге. Проверить это донесение дальнейшей воздушной разведкой люфтваффе абверу не удалось «в связи с занятостью авиации».

В тот же период группе диверсантов полка «Бранденбург 800» численностью 30 человек, переодетых в форму советских военнослужащих, удалось проникнуть в советский тыл и взорвать мост в районе Минеральных Вод. Другая группа диверсантов захватила мост в районе Пятигорска и удерживала его до подхода немецких танковых частей. Третья группа «бранденбуржцев» в красноармейской форме проникла в Майкоп, где на мосту создала пробку, воспрепятствовав тем самым организованному отходу частей Красной армии.

При наступлении немецких частей на г. Орджоникидзе перед 2-м батальоном полка «Бранденбург 800» предпринял попытку захвата железно- и автодорожных мостов через р. Терек. Группа «бранденбуржцев» обер-лейтенанта Штаделя в красноармейской форме проникла в советский тыл и, подойдя к охране моста, заявила, что они «отставшие от части красноармейцы» и должны перейти мост.

По заранее намеченному плану во время переговоров другая часть группы должна была пробраться на мост и обрезать провода минирования. Затем перейти

мост и закрепиться на противоположном берегу. Вторая группа должна была проследовать за первой и тоже закрепиться на противоположном берегу. Благодаря бдительности охраны моста тщательно подготовленная операция была сорвана, так как первым двум группам хотя и удалось проникнуть на мост, но закрепиться они не успели и были полностью уничтожены красноармейцами.

Еще до того, как «Бранденбург» стал дивизией, Гитлер 17 октября 1942 года издал приказ «О диверсионных операциях», которым все «бранденбуржцы» обязывались во время этих операций уничтожать любого человека, заподозренного в связях с противником. «Даже в том случае, — говорилось в этом секретном приказе, — если эти субъекты будут просить о сдаче в плен, им не следует давать пощады». И далее: «Когда необходимо произвести допрос задержанных, разрешается отобрать одного-двух из них, но немедленно расстрелять их после окончания допроса»¹⁶⁰.

В подчинении «Абвера II» также находился лагерь по подготовке диверсантов в г. Луккенвальде¹⁶¹. Руководителем лагеря с момента его организации в начале 1942 года был майор германской армии Андреас Майер-Мадер. Агенты-диверсанты из числа бывших советских военнопленных «восточных народностей» в этом лагере готовились для заброски в Среднюю Азию с заданием установить связь с якобы имевшимися там националистами, чтобы с их помощью поднять восстание в глубоком тылу Советского Союза.

После окончания подготовки агентов-диверсантов в лагере в г. Луккенвальде абвер предпринял две попытки перебросить диверсионные группы общей численностью примерно 16 человек в Среднюю Азию.

Первая попытка сорвалась вследствие аварии самолета. Во втором случае переброска осуществлялась на трофейном самолете, который по ошибке был сбит германской зенитной артиллерией. Обе катастрофы произошли осенью 1942 года. После этих неудач агенты-диверсанты Луккенвальдского лагеря были переданы на пополнение в абверкоманды и в абвергруппы, действовавшие на советско-германском фронте.

20 ноября 1942 года полк был преобразован в Особый отряд «Бранденбург» в составе пяти отрядов (по три батальона в каждом).

Весной 1943 года в Бранденбурге Управлением «Абвер-заграница» на базе 805-го полка «Бранденбург 800» было создано новое воинское подразделение — учебный полк «Курфюрст» («Князь»), который стал одной из центральных диверсионно-разведывательных школ «Абвера II». В нем проходили обучение официальные сотрудники абвера и агенты, намеченные для переброски на территорию воевавших с Германией стран.

1 апреля 1943 года отряд переформирован в дивизию «Бранденбург» (нем. Division Brandenburg) в составе пяти полков (один — учебный). Каждый боевой полк состоял из четырех батальонов. В тот же день дивизия была выведена из подчинения руководству германской военной разведки и передана в ОКВ.

В 1943 году референт «Абвера II» при «Аст-Остланд» подполковник Франц Марвиде создал диверсионную группу из 10 бывших русских военнопленных, которые были выброшены в советском тылу в северной части Ленинградской области. В задачу этой группы входило организовать повстанческое движение в районе выброски. В составе группы имелся радист.

По словам бывшего заместителя начальника отдела «Абвер II» полковника Э. Штольце, после выброски группа установила радиосвязь с немецким развед-

центром, но, как выяснилось впоследствии, группа была задержана командованием Красной армии, после чего советская разведка начала радиоигру. В «Абвере II» обратили внимание на то, что техника передачи радиogramм не выдерживалась полностью в том духе, как это было заранее обусловлено.

Об успехах и неудачах подразделений «Бранденбурга» в боях на советско-германском фронте в 1942–1944 годах видно из показаний, которые дал в ходе следствия унтершарфюрер СС Георгий Баев (нем. псевдоним «Байер») — бывший унтер-офицер 2-го батальона «Бранденбурга 800». Во время операции советских спецслужб «Березино» в октябре 1944 года Баев в составе группы разведчиков-диверсантов 502-го егерского батальона СС был заброшен в советский тыл, где был захвачен в плен советскими органами безопасности:

«В сентябре 1942 года наш батальон был направлен на фронт и участвовал в боях против Красной армии на Кавказе в составе 13-й танковой дивизии как самостоятельная боевая единица. Наш батальон был хорошо моторизован и поэтому принимал участие в наступлении против Красной армии в различных направлениях. Первый бой мы приняли с частями Красной армии в станице Воронцово-Александровской.

В результате боя эту станицу мы заняли и с боями продолжали наступление по направлению к реке Терек. Продвигаясь с боями на юг, наш батальон при содействии немецких частей занял станицу Терекская, гор. Армавир, Малгобек, Средний Урух, Плановская, ж[елезно]д[орожную] станцию Елхотово. На подступах к ж[елезно]д[орожной] станции Елхотово примерно в середине октября 1942 г. в боях с Красной армией я был ранен в левую ногу и голову и направлен в Польшу в военный резервный лазарет в местечко Хэлм близ Варшавы.

По выздоровлении в конце ноября 1942 г. я вновь вернулся во 2-й батальон, который в то время находился в селе Карман-Синдянкоу близ города Алагира. За время моего пребывания в лазарете 2-й батальон Бранденбургской дивизии был в окружении под городом Орджоникидзе, где понес большие потери, но остаткам удалось из окружения выйти. Командир батальона Якоби¹⁶² и командир 5-й стрелковой роты Цульх были убиты в бою. <...>

В декабре 1942 года наш батальон был направлен на оборону в район деревни Майская, откуда под натиском Красной армии мы стали отступать в направлении города Азов. В пути отступления мы были застигнуты Красной армией в районе деревни Смейская, и наш полк был охвачен в полукольцо частями Красной армии. В результате боя мы опять понесли большие потери и продолжали отступать дальше на северо-запад. После этих боев наш батальон был направлен на формировочный пункт в деревню Троицкое близ города Таганрог, где мы находились свыше месяца. В результате понесенных потерь в нашем батальоне осталось личного состава не больше роты, и он не мог уже представлять в дальнейшем самостоятельную боевую единицу. В связи с этим мы из-под Таганрога были направлены в деревню Волесдорф (Германия), где находились с апреля примерно до ноября 1943 года. <...> В декабре 1943 года наш батальон был направлен на фронт под Житомир <...> В январе 1944 года в районе г. Житомир мы в составе других немецких частей попали в окружение Красной армии, и наш объединенный батальон в боях снова понес очень большие потери, но остаткам его все же удалось с боем выйти из окружения...»¹⁶³

Как видно из показаний Баева, командованию вермахта уже с конца 1942 года пришлось использовать элиту германского спецназа в качестве обычной пехоты, чтобы в спешном порядке «латать дыры» в боевых порядках своих потрепанных на советско-германском фронте дивизий. В качестве «пожарной команды» солдаты «Бранденбурга» также нередко использовались в качестве проводников для вывода из окружения подразделений германской армии или войск СС.

Органы госбезопасности тщательно накапливали информацию о деятельности германских специальных подразделений на советско-германском фронте. 28 сентября 1943 года в справке 4-го отдела УОО НКВД СССР «О контрреволюционных националистических формированиях, проводимых немецким командованием на временно оккупированной территории Союза ССР» о полку «Бранденбург 800» сообщалось:

«“Бранденбургский полк-800”. Бранденбургский полк состоит из 3 батальонов. В каждом батальоне по 4 роты. 5-я, 8-я и 11-я роты находятся на фронте в районе Орджоникидзе. 2-я рота в районе села Гизель была разбита и, по неуточненным данным, выбыла в Германию для переформирования. Штаб полка находился в Пятигорске, затем выбыл, куда, неизвестно. В составе 8-й роты немецких солдат — 28%, грузин — 10%, остальные — осетины, кабардинцы, украинцы, татары, русские... Все они б[ывшие] военнослужащие Красной армии, взятые немцами в плен и пошедшие на службу в немецкую армию по собственному желанию...»¹⁶⁴

О тактике действий подразделений дивизии «Бранденбург» на том или ином участке советско-германского фронта руководство советской контрразведки регулярно информировало командование фронтов. Эти сведения были получены сотрудниками Управления контрразведки «Смерш» в процессе работы с военнопленными войск противника, захваченными в полосе действий фронтов. В ходе следственных мероприятий выяснялись подробности операций, проведенных противником.

В январе 1944 года в районе г. Рогачев в полосе действия 1-го Белорусского фронта в разведку была послана группа солдат 9-й роты 3-го полка «Бранденбург», одетых в форму военнослужащих Красной армии в количестве 10 человек. Перейдя линию фронта, группа встретила 4 красноармейцев-лыжников, из которых трое были взяты в плен, а четвертый, пытавшийся бежать, убит.

30 мая 1944 года в 12.30 к наблюдательному пункту 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии 61-й армии, где находилась группа разведчиков, подошло семь человек немцев, из которых четверо были в форме военнослужащих Красной армии, а трое одеты в женское платье. Благодаря беспечности разведчиков немцы взяли в плен двух наблюдателей и, не встретив сопротивления, ушли в расположение немецких частей.

В ночь на 18 мая 1944 года группа солдат 9-й роты из восьми человек во главе с фельдфебелем Керстгесом получила задачу организовать ночной поиск для захвата контрольного пленного. Все участники поисковой группы были одеты в форму военнослужащих Красной армии и беспрепятственно перешли линию фронта. В расположении частей Красной армии они неожиданно натолкнулись на советских разведчиков, которые, разгадав маневр немцев, открыли огонь и захватили в плен трех человек, в том числе Керстгеса и Коха.

15 сентября 1944 года дивизию реорганизовали в механизированную (танково-гренадерскую) дивизию «Бранденбург» (нем. Panzer-Grenadier-Division Brandenburg) в составе двух егерских полков, противотанкового батальона, батальона связи и запасного батальона. Дивизия была включена в состав 68-го армейского корпуса (в Хорватии).

В феврале 1945 года дивизию передали в состав корпуса «Великая Германия». Весной 1945 года в дивизию дополнительно включили танковый и артиллерийский полки и разведывательный батальон.

На разных этапах подразделение «Бранденбург» возглавляли: капитан Теодор-Готтлиб фон Хиппель (10 октября 1939 — 12 декабря 1940); майор резерва Хубертус фон Аулок (12 октября — конец октября 1940); подполковник (с марта 1942 — полковник) Пауль Хелинг фон Ланценауэр¹⁶⁵ (30 ноября 1940 — 12 февраля 1943); генерал-майор Александр фон Пфульштейн¹⁶⁶ (12 февраля 1943 — 10 апреля 1944); генерал-лейтенант Фридрих Кюльвейн¹⁶⁷ (10 апреля–20 октября 1944); генерал-майор Герман Шульте-Хойтхаус¹⁶⁸ (20 октября 1944 — 10 мая 1945).

После расформирования абвера 14 февраля 1944 года в структуре Главного управления имперской безопасности (РСХА) было создано Военное управление (нем. Militärisches Amt), занимавшееся военной разведкой. После неудавшегося покушения на фюрера 20 июля 1944 г. Военное управление было фактически поглощено VI Управлением РСХА. Функции диверсионных подразделений «Абвера II» были также переданы VI Управлению (внешняя разведка) РСХА.

В 1943–1944 годах значительная часть «бранденбуржцев» влилась в формируемые диверсионные части войск СС, а впоследствии они составили костяк элитных подразделений — 502-го егерского батальона СС и 600-го батальона парашютистов СС.

Обратим внимание читателей, что во время проведения радиоигр с противником советским контрразведчикам не раз придется лицом к лицу вступать в противоборство с «воспитанниками» специального подразделения «Бранденбург».

VI УПРАВЛЕНИЕ — ЩИТ И МЕЧ РСХА

Для полноты нашего рассказа имеет смысл рассказать еще об одной структуре в «сообществе» германских спецслужб, а именно о Главном управлении имперской безопасности (РСХА)¹⁶⁹.

По сути РСХА являлось главным координатором всей контрразведывательной и карательной политики в Германии и в оккупированных ею странах. РСХА было образовано в 1939 году в результате слияния Главного управления полиции безопасности и Главного управления службы безопасности (Управление СД).

На первом этапе (27 сентября – 1 октября 1939) включало в себя шесть управлений: RSHA AMT I (административные и юридические вопросы); RSHA AMT II (политический анализ содержания публикаций, использующихся в психологической войне); RSHA AMT III (контроль за внутренней жизнью и НСДАП); RSHA AMT IV (тайная государственная полиция); RSHA AMT V (криминальная полиция); RSHA AMT VI (внешняя разведка).

РСХА находилось в двойном подчинении — рейхсфюрера СС и шефа полиции (Министерство внутренних дел); оба эти поста занимал Генрих Гиммлер. Окончательно Главное управление имперской безопасности сформировалось к сентябрю 1940 года.

Управления внутри РСХА распределились следующим образом: Amt I (кадровые и правовые вопросы, учеба и организация); Amt II (организационные вопросы и право); Amt III (служба безопасности; СД); Amt IV (гестапо); Amt V (Крипо); Amt VI (внешняя разведка); Amt VII (вопросы исследования мировоззрения). В 1944 году в состав РСХА было включено Amt VIII — управление, которое занималось вопросами связи.

Внутри самого РСХА Служба безопасности (СД) составляла два управления: Amt III — Служба безопасности / Германия (Sicherheitsdienst / Deutschland) и Amt VI — Служба безопасности / Заграница (Sicherheitsdienst / Ausland).

III Управление вело политическую разведку внутри страны и осуществляло тотальный контроль за «состоянием умов». VI Управление отвечало за политическую разведку на территории зарубежных государств (в 1944 году это управление фактически поглотило большую часть военной разведки — абвера).

Несколько подробнее остановимся на VI Управлении (внешней разведке) (Amt VI) — «ведомстве Шелленберга», так как именно оно планировало и осуществляло подрывные операции на советско-германском фронте.

Именно VI Управление РСХА (внешняя разведка; нем. Amt VI SD Ausland) было одним из основных противников советской контрразведки в годы Второй мировой войны. В этой связи целесообразно рассказать о структуре этого подразделения.

На 1 марта 1941 года оно включало в себя шесть отделов, каждый из которых в свою очередь состоял из 6–11 рефератов. Управление в своем составе имело следующие отделы: VI A (общая организация разведывательной службы); VI B (разработка и использование средств связи, служба перехвата); VI C (разведка в советско-японской зоне влияния, а также на Ближнем и Дальнем Востоке); VI D (разведка в зоне влияния США); VI E (борьба с идеологическим противником за рубежом); VI F (технические средства разведки); VI Kult (разведка и культура); VI G (использование научной информации) и VI S (материальный, моральный и политический саботаж).

На 1943 год структура VI Управления РСХА имела следующий вид:

Отдел VI A, организационно-информационный (нем. Allgemeine nachrichtendienstliche Aufgaben) — 7 рефератов; начальники: оберштурмбанфюрер СС доктор Альфред Фиберт (до 1943); Герман Мюллер (1943); Мартин Зандбергер (с декабря 1943 до мая 1945).

VI B, Западная Европа (нем. Westeuropa) — 10 рефератов; начальник оберштурмбанфюрер СС Ойген Штеймле (с февраля 1943 до мая 1945).

VI C, Восток, русско-японская зона влияния (нем. Osten, russisch-japanisches Einflussgebiet) — 11 рефератов; начальники: оберштурмбанфюрер СС доктор Хайнц Грефе¹⁷⁰ (1942), оберштурмбанфюрер СС Альберт Рапп¹⁷¹ (1943), штурмбанфюрер СС доктор Эрик Хенгельхаупт (1944).

VI D, англо-американская зона влияния, Запад (Westen, englisch-amerikanisches Einflussgebiet) — 9 рефератов; начальник доктор Паеффген.

VI E, Центральная Европа, включая юго-восток (или исследование мировоззрения противника за границей; нем. *Erkundung weltanschaulicher Gengner im Ausland*) — 6 рефератов; начальники: доктор Гаммер (до 1943), штурмбанфюрер СС Вилли Ванек.

VI F, техническая поддержка (нем. *Technische Hilfsmittel*) — 7 рефератов; начальники: Альфред Нуайокс (до января 1941), затем Бернхард Крюгер и оберштурмбанфюрер СС Вальтер Рауф.

В 1943 году добавились еще три отдела — VI G, VI S и VI Wi). VI G, отдел научно-методических исследований (нем. *Wissenschaftlich-methodischer Forschungsdienst*); начальник Г. Шмидт. VI S, саботаж и диверсии (нем. *Sabotage*); начальник штурмбанфюрер СС Отто Скорцени. VI Wi, экономика (нем. *Wirtschaft*).

Любопытный источник по истории германских спецслужб, в частности VI Управления РСХА (Amt VI), представляют мемуары самого Вальтера Шелленберга. Его воспоминания представляют изощренную смесь недомолвок, недоговорок, а иногда и целенаправленной дезинформации по тем или иным вопросам, но тем не менее содержат много ценной информации о разведке и контрразведке Третьего рейха.

Шелленберг подробно рассказал об основных задачах разведдеятельности, которую проводило его управление против СССР, в том числе и о планах диверсий в советском тылу: «Меня просили уделить особое внимание разведке в ближайшем тылу противника, однако никто не учитывал, с какими трудностями это было сопряжено. Наш штат был недостаточным как в количественном, так и в качественном отношении, а поступавшие сверху непродуманные и противоречивые приказы усложняли процесс непрерывного совершенствования разведывательной работы. С другой стороны, следовало обращать внимание, что нам придется столкнуться с детально разработанными и беспощадными ответными, контрразведывательными мероприятиями русской тайной полиции.

Руководство нашей деятельностью против России было возложено на три отдела. В обязанности первого отдела входили сбор и сопоставление информации, добытой агентами, постоянно проживавшими за рубежом. Мы стремились получать от них максимум сведений: как из секретных, так и несекретных источников. К несекретным источникам относились пресса, официальная статистика, книги и прочие публикации. Эта информация в основном требовалась для принятия решений в области перспективного планирования, и для ее изучения должны были привлекаться лица, обладавшие высокоразвитым интеллектом. Эти сотрудники принадлежали к разным национальностям, и, следовательно, подбор их следовало производить независимо от расовой принадлежности, вероисповедания и так далее. Для развертывания этой работы во всех столицах стран Европы были созданы разведывательные центры, в качестве образца для которых была принята организация нашего главного управления в Берлине. ...Второй отдел управления ведал операцией «Цеппелин»^{*}. Основной задачей этой операции была массовая выброска групп русских военнопленных на парашютах в глубокий тыл Советского Союза. Они находились на одинаковом положении с немецкими солдатами и носили форму вермахта, получали прекрасное питание и были хорошо расквартированы.

^{*} Вероятно, Шелленберг имел в виду деятельность подразделения VI C (Восточного) отдела — VI C/Z — «Цеппелин».

Для них организовывались демонстрации пропагандистских фильмов и поездки по Германии. Пока они готовились, те, кто нес ответственность за их подготовку, имели возможность при содействии осведомителей выявить их истинное лицо: хотели ли они только воспользоваться предоставленными преимуществами или же на деле стали противниками сталинской системы террора, а может быть, раздражаемые внутренними противоречиями, все еще продолжали колебаться между нацизмом и сталинизмом?»¹⁷²

Именно этот отдел VI Ц (нем. VI C), или Восточный отдел, и был основным противником советских спецслужб. Первоначально отдел включал в себя 13 рефератов, затем увеличился еще на один, а с конца 1944 года ужался до четырех: VI Ц 1 (Советский Союз); VI Ц 2 (страны-лимитрофы); VI Ц 3 (Дальний Восток) и VI Ц/Z (с 1942 года — «Предприятие “Цепелин”»).

О структуре Восточного отдела (VI Ц) на допросе 31 мая 1949 года подробные показания дал германский разведчик, бывший военнослужащий дивизии «Бранденбург», знаток восточных языков Отто Грюнинг: «*Вопрос:* Вы были чиновником Министерства иностранных дел или вольнонаемным служащим? *Ответ:* В Министерстве иностранных дел я не состоял в штате чиновников, а являлся вольнонаемным служащим, но имел академическое звание, равное чину майора в армии. Министерство иностранных дел было заинтересовано сохранить свои кадры, которые после войны поступали автоматически в его распоряжение, поэтому оно и выплачивало мне жалованье <...>

Вопрос: Расскажите о структуре отдела VI-Ц к моменту вашего прихода на работу в РСХА? *Ответ:* К моменту моего прихода в отдел VI-Ц в состав этого отдела входило 13 рефератов, я знаю работу рефератов VI-Ц-12 и VI-Ц-13 и, кроме того, вновь организованного реферата VI-Ц-14, в котором я сам работал. Реферат VI-Ц-12 занимался Ираном, Афганистаном и Турцией; начальником был штурмбанфюрер [СС] Шубак Курт. В начале 1944 года организовался реферат VI-Ц-14 под руководством хауптштурмфюрера [СС] Гамота. В этот реферат от реферата VI-Ц-12 отошли Иран и Афганистан и осталась только Турция. Реферат VI-Ц-13 занимался арабскими странами, в том числе и Египтом, и, кроме того, Японией и Китаем. Начальником этого реферата был штурмбанфюрер [СС] Вайраух.

Вопрос: Какие рефераты вели работу против Советского Союза? *Ответ:* О рефератах, проводивших подрывную работу против Советского Союза, мне ничего не известно, так как они размещались не на Беркаерштрассе, а в Берлин-Ванзее, по улице Ам Грасен Зее.

Вопрос: Когда произошла реорганизация отдела VI-Ц? *Ответ:* Реорганизация отдела VI-Ц произошла в июне-июле 1944 года. После этой реорганизации в отделе VI-Ц вместо 14 рефератов стало 4 реферата.

Вопрос: Расскажите, что вам известно о деятельности вновь созданных рефератов? *Ответ:* Рефераты VI-Ц-1 и VI-Ц-2 находились в районе Берлин-Ванзее. Мне известно, что начальником реферата VI-Ц-1 был штурмбанфюрер Хенгельхаупт Рудольф¹⁷³ и начальником реферата VI-Ц-2 — хауптштурмфюрер Люмм. Лично я не был знаком с Хенгельхауптом и Люмм <...>

Вопрос: Чем занимался реферат VI-Ц-3 после реорганизации? *Ответ:* После реорганизации реферат VI-Ц-3 проводил разведывательную работу в Турции.

Иране, Афганистане и арабских странах. Начальником этого реферата был назначен штурмбанфюрер [СС] Шубак Курт.

Вопрос: В каких странах проводил разведывательную работу реферат VI-Ц-4? *Ответ:* Реферат VI-Ц-4 проводил разведывательную работу против Японии и Китая. Начальником этого реферата был назначен штурмбанфюрер [СС] Вайрух».

Итак, непосредственно разведывательно-диверсионной деятельностью на советско-германском фронте занимался отдел VI С и его реферат VI С/З, или «Унтернемен “Цеппелин”».

«ПРЕДПРИЯТИЕ “ЦЕППЕЛИН”»

В марте 1942 года РСХА для подрывной деятельности по политическому разложению советского тыла был создан специальный разведывательно-диверсионный орган под условным наименованием «Унтернемен “Цеппелин”» («Предприятие “Цеппелин”») ¹⁷⁴.

В своей работе против СССР «Цеппелин» действовал в тесном контакте с абвером и командованием вермахта, а также Имперским министерством по делам оккупированных областей. Он был подчинен VI Управлению РСХА (внешняя разведка) и на правах особого реферата — VI Ц/З входил в группу (отдел) VI С, проводившую политическую разведку против Советского Союза и стран Ближнего Востока.

Первым начальником отдела VI С был штурмбанфюрер СС Вальтер Курек ¹⁷⁵, затем отделом командовали штурмбанфюрер СС Рудольф Йобстер-Редер ¹⁷⁶, оберштурмбанфюрер СС Хайнц Грефе и оберштурмбанфюрер СС фон Чирски. В 1944–1945 годах отдел VI С возглавил оберштурмбанфюрер СС доктор Альберт Рапп, сменивший на этом посту перешедшего в IV Управление (гестапо) фон Чирски.

«Цеппелин» состоял из руководящего штаба, находившегося до весны 1943 года в Берлине, в здании VI управления РСХА (район Грюневальд, Беркаерштрассе, д. 32/35), затем — в районе Берлин-Ванзее, Потсдамерштрассе, д. 29, а также специальных воинских формирований, особых команд и учебных лагерей, действовавших на советско-германском фронте. За весь период войны «Цеппелином» последовательно командовали: оберштурмбанфюрер СС доктор Хайнц Грефе и штурмбанфюрер СС доктор Эрих Хенгельхаупт.

Руководящий штаб «Цеппелина» состоял из аппарата начальника органа и трех отделов: отдел Z 1 — комплектование и оперативное руководство низовыми органами, снабжение агентуры техникой и снаряжением; отдел Z 2 — обучение агентуры; отдел Z 3 — обработка всех материалов о деятельности особых лагерей, фронтовых команд и агентуры, переброшенной в тыловые районы СССР.

В своей повседневной деятельности новый разведывательно-диверсионный орган руководствовался т. н. «Планом действий для политического разложения Советского Союза». Эту задачу предполагалось осуществить путем заброски специально обученной агентуры в глубокие тыловые районы Советского Союза, име-

ющие важное оборонное значение, а также в национальные области и республики для сбора разведывательных данных о политическом положении в СССР, проведения националистической антисоветской пропаганды, организации повстанческого движения и осуществления террористических актов над партийными и советскими лидерами.

Руководители германского рейха надеялись на то, что «Цеппелин» сможет подорвать крепость советского тыла и этим окажет реальную помощь командованию немецкой армии в борьбе против Красной армии.

Весной 1942 года «Цеппелин» направил четыре особых команды (зондеркоманды) на советско-германский фронт, которые были приданы оперативным группам полиции безопасности и СД при основных армейских группировках вермахта.

Зондеркоманды «Цеппелина» занимались отбором военнопленных для подготовки агентуры в учебных лагерях, собирали сведения о политическом и военно-экономическом положении СССР путем опроса военнопленных, проводили сбор обмундирования для экипировки агентуры, различных воинских документов и других материалов, пригодных для использования в разведывательной работе. Все документы и предметы экипировки направлялись в руководящий штаб, а отобранные военнопленные — в особые лагеря «Цеппелина». Команды перебрасывали также подготовленную агентуру через линию фронта, как пешим путем, так и с самолетов на парашютах. Примерно через год, в 1943-м, зондеркоманды были расформированы, а вместо них на советско-германском фронте созданы две главные команды — «Русланд Митте» (позднее переименована в «Русланд Норд») и «Русланд Зюд» (или «Штаб доктора Редера»). Чтобы не распылять силы по всему фронту, эти команды сосредоточили свои действия только на важнейших направлениях: северном и южном. Каждая из главных команд «Цеппелина» с входившими в нее службами была мощным разведывательным органом и насчитывала несколько сотен сотрудников и агентов.

Начальник команды подчинялся только руководящему штабу «Цеппелина» в Берлине, а в практической работе имел полную оперативную самостоятельность, организуя на месте подбор, обучение и переброску агентуры. Свои действия он координировал с другими разведорганами и военным командованием.

После перехода советских войск в развернутое наступление по всему фронту «Цеппелин» усилил работу по организации диверсионных актов на военных объектах и сбору разведывательных данных, начал подготавливать и забрасывать через линию фронта диверсионно-террористические группы.

Немцы хотели также организовать сепаратистское движение в национальных республиках, направленное на отторжение их от СССР, и создать вместо них марионеточные государства под протекторатом Германии. С этой целью в 1941–1942 годах РСХА совместно с имперским министерством по делам оккупированных восточных областей был создан в Берлине ряд т. н. «национальных комитетов» (Грузинский, Азербайджанский, Армянский, Туркестанский, Северо-Кавказский, Волго-Татарский и Калмыцкий), перед которыми ставилась задача привлечения национальной эмиграции для активной борьбы против Советского Союза. В конце 1942 года в Берлине отделом пропаганды штаба Главного командования вермахта совместно с разведкой был создан т. н. «Русский комитет» во главе с изменником Родины, бывшим генерал-лейтенантом Красной армии Андреем Власовым¹⁷⁷. «Комитет» проводил активную работу среди военнопленных и советских

граждан, вывезенных в Германию, для формирования воинских частей Русской освободительной армии.

В состав «национальных комитетов» органы «Цеппелина» внедряли свою агентуру и использовали ее в целях обработки в антисоветском духе военнопленных разных национальностей Советского Союза, подбора и подготовки из них кадров разведчиков и диверсантов для засылки в советские национальные республики для подрывной работы.

Забегая вперед, отметим, что «Предприятие “Цеппелин”» на Восточном фронте потерпело крах. Это сквозь зубы вынужден был признать бывший шеф внешней разведки рейха Вальтер Шелленберг. Из его слов следует, что НКВД удавалось внедрить свою агентуру в «Цеппелин»: «Понятно, что органы НКВД сумели причинить нам немалый вред и, что еще хуже, начали засылать своих людей через фронт с заданием внедриться в операцию “Цеппелин”, чтобы подрывать ее изнутри»¹⁷⁸.

ОТ «ФРИДЕНТАЛЯ» К «СС ЯГДФЕРБАНД»

В войсках СС¹⁷⁹ и РСХА формирование диверсионно-разведывательных подразделений, аналогичных соединению «Бранденбург» в «Абвере II», началось несколько позднее.

По словам российского историка Константина Семенова, история создания диверсионных подразделений в составе СС началась несколько позже, чем аналогичных формирований в германской военной разведке: «Диверсионное подразделение СС было создано 2 января 1940 года. Тогда функционеры СС решили перенять успешный опыт диверсантов абвера — полка особого назначения “Бранденбург-800”. Диверсионное подразделение СС получило название особых учебных курсов СС “Ораниенбург” (названо по месту расположения). Курсы находились в ведении VI Управления РСХА, руководил которым оберфюрер СС Вальтер Шелленберг. В 1943 году курсы были переведены в старое поместье Фриденталь в 20 км севернее Берлина. Поместье было построено в 1905 году Фрицем Шимером для доктора Ганса Фриденталья. По имени последнего и было названо поместье, а позже и особые учебные курсы. Поместье располагалось в большом парке, на территории которого в 1943 году были построены павильоны для диверсантов»¹⁸⁰.

В начале 1942 года в г. Ораниенбурге под Берлином по приказанию обергруппенфюрера СС Ганса Юттнера¹⁸¹ в составе войск СС были созданы т. н. *Специальные учебные курсы «Ораниенбург»* (нем. Sonderlehrgang z.b.V. Oranienburg) — специальное подразделение войск СС.

Первоначально подразделение состояло из 100 опытных добровольцев из войск СС под командованием гауптштурмфюрера СС ван Вессема. Первой миссией с участием бойцов подразделения была попытка в начале 1943 года организовать повстанческое движение в Ирландии (операция «Оспрей»), затем пять человек были десантированы на территории Ирана с целью диверсионной работы на коммуникациях союзников.

В начале лета 1943 года личный состав переехал в замок Фриденталь. Подразделение было переименовано в *Специальные учебные курсы «Фриденталь»* (нем. Sonderlehrgang z.b.V. Friedenthal) и перешло в подчинение к гауптштурмфюреру СС О. Скорцени. К этому времени оно насчитывало в своем составе около

300 человек, все члены СС, в том числе 50 голландцев и фламандцев и несколько этнических немцев из Венгрии. Основой формирования принципиально нового разведывательно-диверсионного подразделения стали военнослужащие егерского батальона СС (SS-Jäger Bataillon), позже получившего номер 500. Формирование нового подразделения было завершено 5 августа 1943 года, а чуть более месяца спустя диверсанты «Фриденгаль» приняли участие в операции по освобождению Бенито Муссолини¹⁸².

17 апреля 1944 года подразделение было преобразовано в батальон — «Егерский батальон СС 502» (SS-Jäger Bataillon 502). В его состав вошли три стрелковых и одна легионерская рота. Как подразделением «Фриденгаль», так и 502-м батальоном командовал к тому времени уже штурмбанфюрер СС О. Скорцени. В 1944 году подразделение было переподчинено VI Управлению (внешняя разведка) РСХА. Этому эпизоду Скорцени в своих мемуарах посвятил отдельный абзац: «...у меня появилась возможность существенно пополнить ряды спецподразделения за счет ветеранов дивизии “Бранденбург-800”. Я был очень заинтересован в этих людях, которые изъявили служить под моим руководством. “Браднебуржцы” смертельно устали от повседневной фронтовой рутины и не просто хотели, а страстно желали заняться тем, чему они были обучены. После переговоров с дивизионным руководством в Берлине и Верховным главнокомандованием вермахта у нас появились хорошие шансы на пополнение. По приказу начальника оперативного отдела ОКВ, Йодля, мое спецподразделение было развернуто в бригаду и насчитывало теперь шесть батальонов. 1800 добровольцев — солдат и офицеров — были переведены из дивизии “Бранденбург-800” в мою диверсионно-штурмовую бригаду»¹⁸³.

В мае-июне 1944 года по указанию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера был сформирован специальный орган для выполнения особо важных заданий по террору, шпионажу и диверсиям в расположении войск противника — «СС Ягдфербанд» («Истребительное (егерское) соединение СС», нем. SS-Jagdverband). «СС Ягдфербанд» подчинялся непосредственно рейхсфюреру СС.

Оперативное руководство и комплектование возглавлял начальник группы VI S (саботаж) VI Управления РСХА штурмбанфюрер СС О. Скорцени; одновременно возглавлял группу «Д» (диверсии и террор) Военного управления РСХА. Личный состав набирался из подготовленных для подрывной деятельности сотрудников абвера и «Цеппелина», а также лиц, служивших в полку специального назначения «Бранденбург 800» и войсках СС.

Главный штаб «СС Ягдфербанд» (нем. SS-Jagdverband Führungsstab) дислоцировался в местечке Фриденгаль, расположенном в нескольких километрах от Ораниенбурга (пригород Берлина); начальник штаба — гауптштурмфюрер СС Адриан фон Фелькерзам¹⁸⁴.

27 марта 1945 года в районе г. Шведт-на-Одере добровольно перешел на сторону частей Красной армии официальный сотрудник «СС Ягдфербанд» чертежник роттенфюрер СС Вальтер Фишер, который подробно рассказал о структуре Главного штаба «Истребительного соединения СС» и подчиненных ему подразделениях:

«Главный штаб состоит из нескольких отделов, из них мне известны: отдел “Ia” — Оперативный отдел, возглавлявшийся в свое время Гунке, после перевода последнего на должность начальника Главного штаба его приемником стал капитан [СС-гауптштурмфюрер] Айк. “Ic” (разведывательный отдел. — Авт.) —

его начальник [СС]-оберштурмфюрер доктор [Карл] Радль, всю свою работу проводит совместно с начальником отдела «О-1» (ордонанс-офицер) [СС]-унтерштурмфюрером доктором Грааф. В функции их входит сбор и обработка различных сообщений из заграницы и борьба со шпионажем — «Абвер» <...>

Кроме перечисленных отделов, в состав штаба входят: а) «Зондерайнзатц Абтайлунг» (Отдел особого использования), руководителем которого является [СС]-гауптштурмфюрер Вайс. В свою очередь «Отдел особого использования» имеет в своем составе три отделения: 1-е отделение включает роты — учебную, запасную и выздоравливающих. 2-е отделение — особого использования военно-воздушных сил. 3-е отделение — особого использования военно-морских сил. Этот отдел ведет подготовкой и подбором кадров для использования новых специальных видов вооружения, как то — новых видов катеров-торпед, водители которых направляют торпеду на цель, а сами выбрасываются из них, имея при себе специальные спасательные пояса. <...>

В подчинении Главного штаба «Ягд-Фербанд» пять отдельных подразделений, носящих название тех фронтов, для использования на которых они предназначены, и батальон парашютистов. Из них подразделения «СС Ягдфербанд» «N[ord]-W[est]» (северо-запад), «СС Ягдфербанд» «S[üd]-W[est]» (юго-запад), «СС Ягдфербанд» «S[üd]-O[st]» (юго-восток) и «СС Ягдфербанд» «Ост» (восток) — 2-батальонного состава, а подразделение «СС Ягдфербанд» «Митте» (центр) и 600-й батальон парашютистов имеют в своем составе по четыре роты.

В соответствии с задачами, стоящими перед вышеупомянутыми подразделениями «СС Ягдфербанд», — проведением диверсий, разведки и созданием партизанских отрядов в тылу противника, находится подбор кадров и структура построения этих подразделений».

Рассказ роттенфюрера СС Фишера дополняют показания других официальных сотрудников «СС Ягдфербанд». 13 июля 1945 г. сотрудниками опергруппы НКВД района Вильмерсдорф г. Берлина была арестована секретарь-стенографист отдела «Зондер Айнзатц Абтайлунг» «СС Ягдфербанд» Иоганна Фрузин. На допросе она показала, что основными задачами разведоргана являлись проведение диверсионно-разведывательной и террористической деятельности в тылу Красной армии и союзных войск.

Для подготовки агентуры существовала разветвленная сеть диверсионных и разведывательных школ в гг. Вене, Заксенхаузене, Плён, Берлине, Траутенау и др.

По показаниям Фрузин, штаб центрального управления «Ваффен СС Ягдфербанд» состоял из отделов:

1-А — отдел материального обеспечения, начальник гауптштурмфюрер Гергарт.

1-Б — начальник оберштурмфюрер Шретер.

1-Ц — начальник и функции не установлены*.

II-А, II-Б — персональный отдел, начальник оберштурмфюрер Штайнлайн.

III — следственный, начальник унтерштурмфюрер Кучке Константин.

IV — строительный, начальник оберштурмфюрер Кефер.

IV-А — управление учета личного состава и материального обеспечения, начальник оберштурмфюрер Лакнер.

V — автотранспортный, начальник оберштурмфюрер Вебер.

* 1-Ц — разведывательный отдел; руководитель — штурмбанфюрер СС Карл Радль.

Отдел VI — культуры и быта, начальник Кульше Марьяна.

Отдел связи — начальник гауптштурмфюрер Кальвайт.

Отдел «Зондер Айнзатц Абтайлунг», начальник оберштурмфюрер Клинкерт Константин, занимался подбором и комплектованием школ агентов-диверсантов.

Всего в штабе центрального органа «Ягдфербанд» работало около 50 человек.

Как показала Фрузин, 29 марта 1945 года штаб разведоргана «СС Ягдфербанд» выехал в г. Гофф (Бавария), куда прибыл 3 апреля, а 5 апреля на совещании начальников отделов оберштурмбанфюрер Скорцени довел до их сведения, что «Ягдфербанд» переходит на положение организации «Вервольф» и будет действовать в гористой местности Тироля (Австрия). Во исполнение этого указания на следующий день началась эвакуация отделов штаба разведоргана из гор. Гофф в Тироль.

* * *

В непосредственном подчинении Главного штаба находилось два специальных боевых подразделения: 502-й егерский батальон СС и 600-й батальон парашютистов.

502-й егерский батальон СС (нем. SS-Jäger-Bataillon 502) — специальное подразделение в составе «СС Ягдфербанд»; полевая почта № 58642 или 48312. Сформирован в июне 1943 г. на Специальных учебных курсах «Ораниенбург» (нем. Sonderlehrgang z.b.V. Oranienburg) в местечке Фриденваль, расположенном севернее Берлина. В своем составе первоначально имел четыре роты. Комплектовался в основном из солдат и унтер-офицеров, служивших в дивизии «Бранденбург», в войсках СС и парашютно-десантных частях люфтваффе.

В сентябре 1943 года 14 человек из состава батальона участвовали в операции по похищению итальянского диктатора Бенито Муссолини (операция «Айхе»). 10 ноября 1944 года батальон был реорганизован в спецподразделение «СС Ягдфербанд-Митте» (нем. SS-Jagdverband-Mitte).

16 октября 1944 года военнослужащие батальона участвовали совместно 600-м парашютным батальоном СС, в операции по похищению регента Венгрии адмирала М. Хорти (операция «Панцерфауст»). *Командиры*: гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени (июнь 1943 – начало 1944); оберштурмфюрер СС Фукс (до 10 ноября 1944).

600-й батальон парашютистов СС (нем. SS-Fallschirmjägerbatallion 600) — разведывательно-диверсионное подразделение войск СС. Сформирован 6 сентября 1943 года в г. Хлум (Чехословакия) как 500-й батальон парашютистов СС. Дислоцировался в г. Нойштрелице (100 км севернее Берлина). Подразделение использовалось для выполнения особо важных заданий. Комплектовался из военнослужащих войск СС, совершивших правонарушения, в том числе из заключенных, отбывавших наказание в тюрьмах.

С ноября 1943 года батальон использовался в контрпартизанских операциях. В мае 1944 года подразделение участвовало в операции «Ход конем» (нем. Operation Rösselsprung) по захвату ставки югославских партизан Иосипа Броз Тито. Из-за отсутствия достаточного опыта парашютной подготовки в ходе операции против партизан Тито батальон был практически весь уничтожен и реорганизован в Любляне. Новым командиром был назначен штурмбанфюрер СС Зигфрид Милиц¹⁸⁵.

Отто Скорцени (на первом плане второй слева)
после выполнения будапештской миссии (операция «Панцерфауст»). Октябрь 1944

16 октября 1944 года совместно с 502-м егерским батальоном СС его военнослужащие участвовали в операции по похищению регента Венгрии адмирала Миклоша Хорти (операция «Панцерфауст»). В ноябре 1944 года включен в состав «СС Ягдфербанд». *Командиры:* штурмбанфюрер СС Герберт Гильгофер¹⁸⁶ (осень 1943 – весна 1944); штурмбанфюрер СС Зигфрид Милиус (с весны 1944).

Для обучения разведчиков-диверсантов в «СС Ягдфербанд» по примеру абвера и «Цепелина» имелись и собственные разведывательно-диверсионные школы. К их созданию приложили руку опытные диверсанты из дивизии «Бранденбург». Так, капитан Герман Киршнер, показания которого приводились в разделе, посвященном «бранденбуржцам», рассказал о своем личном участии в создании этих школ:

Вопрос: Продолжайте ваши показания о службе в «Абвера-2»? *Ответ:* В ноябре 1944 года я отделом 2-А «Абвер-2» был командирован в батальон «СС» «Ягд-фербанд-Ост» и «СС» «Ягд-фербанд-Вест» для организации в них разведывательно-диверсионных школ по типу дивизии «Бранденбург-800». До января 1945 года мной был разработан план организации и учебы в школах, но в связи с тем, что я отказался вступить в организацию «СС», был откомандирован в распоряжение «Абвера-2», и организовать данные школы мне не пришлось.

Вопрос: Какие еще вы выполняли задания «Абвера-2» до капитуляции Германии? *Ответ:* В связи с моим переходом по личной просьбе в десантные войска я каких-либо заданий «Абвера-2» не выполнял.

Вопрос: В каком десантном соединении вы проходили службу? *Ответ:* С января по 1 апреля 1945 года я находился в резерве командования десантных войск немецкой армии. 1 апреля 1945 года я был назначен командиром батальона 25-го

десантного полка 9-й десантной дивизии¹⁸⁷, а с 15 апреля 1945 года в связи с ранением командира полка майора Шахт принял командование полком. 20 апреля в связи с разгромом полка частями советской армии скрылся и 9 мая 1945 года был взят в плен».

Одно из «учебных заведений» подобного рода располагалось на горе Шварценберг близ города Трутнова (нем. Тратенау) на оккупированной территории Чехословакии. Эта школа находилась в непосредственном подчинении начальника «СС Ягдфербанд-Ост» штаурмбанфюрера СС А. Ауха¹⁸⁸ и руководителя «СС Ягдфербанд» оберштаурмбанфюрера СС О. Скорцени. Школа готовила диверсантов для действий на железнодорожных коммуникациях в районе Витебска, Смоленска, Минска и Бобруйска. К концу войны агентов стали обучать способам совершения террористических актов против руководителей советских и партийных органов, высшего офицерского состава Красной армии.

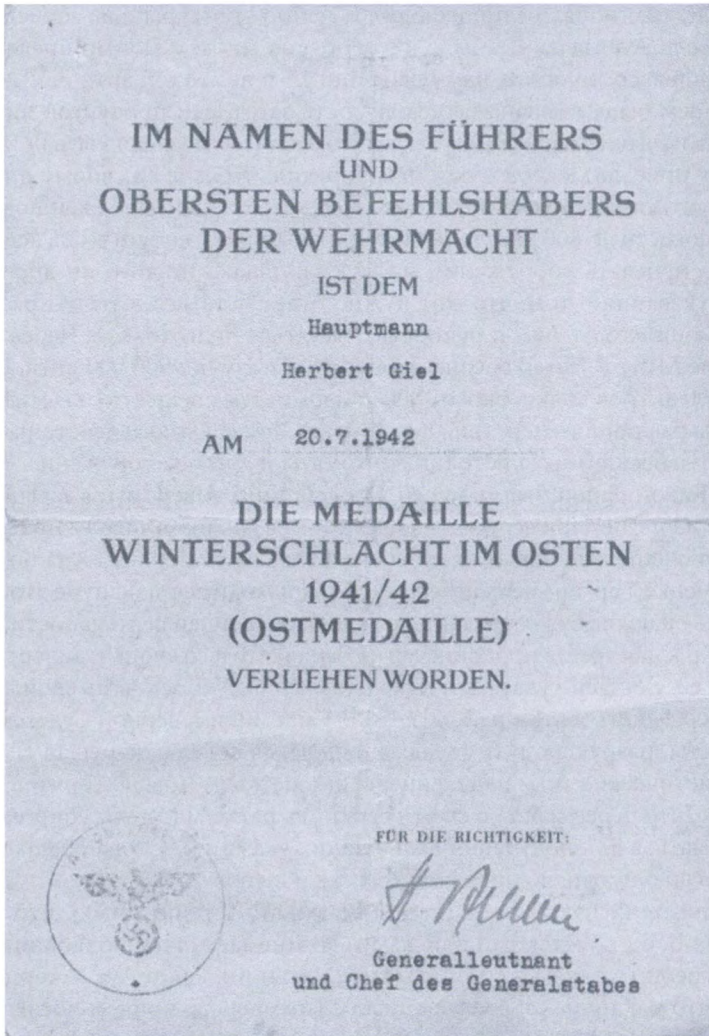
Победной весной 1945 года в руки к сотрудникам Смерша попался начальник одной из таких «школ» с несколькими подчиненными. О серьезной опасности, которая угрожала, но была вовремя обезврежена советской военной контрразведкой, свидетельствуют выдержки из материалов следствия.

Из протокола допроса обер-ефрейтора Ганса Бергера, отвечавшего за состояние лыжной мастерской диверсионной школы «СС Ягдфербанд-Ост», от 22 мая 1945 года: *Вопрос:* Расскажите все, что вам известно о диверсионной школе «СС Ягдфербанд-Ост», в которой вы работали? *Ответ:* Военно-диверсионная школа «СС Ягдфербанд-Ост» расположена в районе так называемых «Черных гор», на горе Шварценберг, в помещении одного крестьянина-чеха по фамилии Черны. В школе одновременно обучались 70–120 человек: русские эмигранты и часть военнопленных: русские, украинцы и другие народности. Преподавательский и административный состав школы был исключительно из немцев. Личный состав школы был разбит на 3 группы: «А», «Б», «В», но какая группа занималась каким делом, я не знаю.

Вопрос: Когда началась работа школы по подготовке диверсантов? *Ответ:* Диверсионная школа «СС Ягдфербанд-Ост» начала свою работу не то в октябре, не то в ноябре 1944 года <...>

Вопрос: Где находится в настоящее время личный состав школы? *Ответ:* 8–9 мая 1945 года личный состав по приказанию начальника школы — капитана Гиль¹⁸⁹ выступил со школы по направлению запада, но куда он ушел, я не знаю.

Вопрос: При школе было ли оружие и взрывчатые вещества? *Ответ:* Да, при школе было оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, обмундирование и продовольствие, предназначенное для слушателей школы, все это хранилось в 5–6 складах, расположенных недалеко от школы. Я должен сказать, что 7 мая 1945 года я получил приказание от капитана Гиль вырыть три ямы недалеко от школы, куда положить взрывчатку. Я вырыл три ямы: 1 яма в 1300 метрах от здания школы, возле отдельного домика по дороге к школе из города Егансбад, от домика направо в 40 метрах в лесу. 2-я яма в 2500 метрах от школы на северо-восток в лесу. 3-я яма в 2800 метрах от школы на север, посередине леса. Во все три ямы я зарыл около 600–700 кг взрывчатки и схему расположения ям со взрывчаткой передал капитану Гиль. Кроме взрывчатки я зарыл в ямы: 1. противотанковых мин — 10 штук. 2. гранат нового выпуска — 500 штук».

Наградной лист медали «За зимнюю кампанию на Востоке 1941/42»
капитана германской военной разведки Герберта Гиля.
Фотография из фондов ЦА ФСБ России

Более полные сведения о разведшколе и планах на будущее руководства «СС Ягдфербанд» сообщил на допросе 4 августа 1945 года ее начальник капитан Герберт Гиль:

«*Вопрос:* На предыдущем допросе вы показали, что в руководимой вами школе имелось всего 120 чел., из которых обучалось только 60 агентов. Эта цифра исчерпывала состав диверсантов, которыми вы охватывали всю европейскую часть России? *Ответ:* По плану школа моя была рассчитана на 800 агентов, но полностью укомплектована не была, и поэтому я имел всего 120 человек агентуры. Майор Аух и подполковник Скорцени обещали доукомплектовать мою школу, но из этого ничего не вышло. <...>

Вопрос: Каким образом производился набор агентуры для обучения в вашей школе? *Ответ:* Агентура эта была набрана мною и моими представителями среди власовцев, состоявших на службе при 15-й немецкой армии. <...>

Вопрос: Чем была вызвана необходимость заготовки продуктов питания и вооружения на полгода? *Ответ:* Еще в феврале этого года меня вызвал (а возможно, я сам к нему приехал) к себе Аух и предупредил, что мне со своими диверсантами придется остаться в тылу советских войск, к чему я заранее должен подготовиться. Он обещал довести до 800 чел. личный состав школы (агентуру) и на все количество диверсантов прислать вооружение, продукты, однако ни того ни другого не прислал. Имея указания о том, что мне нужно будет остаться в тылу Красной армии, и не получая ничего от Аух, я решил сам заняться подготовкой. Через штаб войск "Герес группе Митте" (штаб среднего фронта) я получил 900 000 дневного рациона питания, 3400 литров водки, около 3000 кг взрывчатых веществ (пластит), фаустпатроны, мины различного действия (магнитные, замедленного действия и др.), пулеметы, гранаты, бесшумные пистолеты-автоматы и другое вооружение. <...>

Вопрос: Какой район был намечен для действия диверсантов в тылу советских войск? <...> *Ответ:* Примерно в начале апреля ко мне в школу приезжал майор Аух. Он был очень взволнован и, я бы сказал, даже растерян. Тогда он сказал мне, что крах немецкой армии неизбежен и что мы находимся накануне этого краха. На мой вопрос — каковы будут указания о моей дальнейшей деятельности, Аух сказал, что вскоре Красная армия продвинется на Запад, что я со своими диверсантами окажусь в тылу ее. Согласно указаний Аух, я должен был обосновать свой штаб в горах Резенгебергер, действовать в районе южной Силезии и северной Судетской области, взрывая мосты, разрушая пути подвоза, подрывая склады, нарушая связь и совершая террористические акты над офицерским составом Красной армии. Тогда же он предупредил, что переезжает со своим штабом в район Фихтельгебирге, где я и смогу с ним связаться для получения дальнейших указаний. Снова обещал пополнить людьми мою школу, однако пополнения я так и не получил.

В последних числах апреля проездом в Вену (припоминаю, что это было в день занятия Вены советскими войсками) ко мне заехал подполковник Скорцени. Он был примерно в таком же моральном состоянии, как и Аух. Скорцени рассказывал мне, что накануне он разговаривал с Гиммлером, причем последний заявил ему, что Германия войну проиграла. Я сообщил Скорцени о посещении меня майором Аух и передал, какие указания получил от него. Скорцени подтвердил, что я должен остаться в тылу советских войск, но заявил, что людей больше мне дать не сможет, т. к. все его резервы переданы в действующие части. Кроме этого он предупредил меня, что в горах остаются воинские части генерала — графа Штрахвица, которому я буду подчиняться».

Деятельность «СС Ягдфербанд» получила развитие в конце 1944 года, когда сателлиты Германии один за другим стали выходить из войны. Разведорган «СС Ягдфербанд», пользуясь особым покровительством Гитлера и Гиммлера, под руководством штурмбанфюрера СС О. Скорцени организовал десятки диверсионно-террористических школ и стал в массовом порядке готовить агентов-диверсантов для заброски их в тыл советских войск.

«Истребительные части СС» включали в себя пять отдельных групп:

1) истребительная часть СС «Центр» (Mitte, «СС Ягдфербанд Митте»), сформирована 10 ноября 1944 года на базе 502-го егерского батальона СС;

2) истребительная часть «Северо-Запад» (Nordwest, «СС Ягдфербанд Норд-Вест»), созданная на базе подразделения дозорного корпуса «Северная Франция»;

3) истребительная часть «Восток» (Ost, «СС Ягдфербанд Ост»), основу которой составили военнослужащие из диверсионной части дозорного корпуса айнзатц-группы «Балтика» (Streifkorps Einsatzgruppe Baltikum) в качестве егерского батальона СС «Восток» (командир части — штурмбанфюрер СС Адриан фон Фёлькерзам).

В свою очередь «Ягдфербанд Ост» делились на три оперативные группы: Балтийскую («Ягдайнзатц Балтикум»), Общерусскую («Ягдайнзатц Руссланд») и Польскую («Ягдайнзатц Поланд»; к январю 1945 г. группа так и не была окончательно сформирована).

Балтийская группа создавала повстанческие и диверсионные банды в Прибалтике, а также готовила широкую сеть агентуры на длительное оседание. Кадры группы вербовали в основном из членов антисоветских националистических организаций.

4) истребительная часть «Юго-Восток» (Südost, «СС Ягдфербанд Зюд-Ост»), созданная из диверсионной части дозорного корпуса «Карпаты» (Streifkorps Karpaten), кроме эсэсовцев часть была доукомплектована моряками ВМФ Германии (командир — гауптштурмфюрер СС Александр Фукс);

5) истребительная часть «Юго-Запад» (Südwest, «СС Ягдфербанд Зюд-Вест») сформирована из диверсионных частей дозорного корпуса «Южная Франция» (Streifkorps Südfrankreich).

Каждый из отделов «СС Ягдфербанд» в свою очередь делился на отделения, носившие названия той страны, на территории которой они проводили свою деятельность. Например, «СС Ягдфербанд Зюд-Ост» имел отделения: «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Болгария», «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Венгрия», «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Чехословакия» и «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Югославия».

* * *

Советская контрразведка кропотливо собирала информацию о разведывательно-диверсионных органах противника. И вскоре на Лубянке стали располагать самой подробной информацией как о самом органе, так и методике подготовки и тактике действий диверсантов СС.

Например, один из захваченных в советский плен сотрудников «Ягдайнзатц Балтикум», Бруно Тони, латыш по национальности, 11 февраля 1945 года дал показания по истории создания этого подразделения:

«В последних числах декабря 1944 года по вопросу истории организации немецкого разведывательного органа, условно именуемого “Ягдфербанд”, начальник штаба последнего гауптштурмфюрер [СС] фон Фолькерзам на совещании офицеров рассказал следующее. В начале 1944 года разведорган “Ягдфербанд” [был] создан по распоряжению рейхсфюрера СС Гимmlера на базе кадров личного состава дивизии “Бранденбург” и непосредственно подчинялся Гимmlеру, причем [для] организации названного разведоргана послужили нижеследующие обстоятельства.

Летом 1943 года штурмбанфюреру [СС]^{*} Скорцени было поручено провести операцию по похищению Муссолини. Для этого было отобрано до роты солдат-добровольцев из дивизии “Бранденбург”, которые прошли соответствующую подготовку, после чего десантом были выброшены в район местонахождения Мус-

^{*} В документе ошибка, только после освобождения Муссолини Скорцени было присвоено звание штурмбанфюрер СС.

солини, похитили его и доставили в Берлин. За осуществление этой операции Скорцени был произведен в оберштурмбанфюреры [СС].

После похищения Муссолини у Скорцени возникла мысль создать при рейхсфюрере специальный орган, который бы имел специально проверенные и обученные кадры для выполнения в тылах воюющих с Германией стран особо важных государственных заданий. Гиммлер одобрил предложение Скорцени и поручил ему формирование такого органа, главный штаб которого стал бы условно именоваться «Ягдфербанд»¹⁹⁰.

В октябре 1944 года для ведения подрывной работы на освобожденных от немецкой оккупации территории республик советской Прибалтики и северной части Польши был создан филиал «СС Ягдфербанд» под условным наименованием «Ягдфербанд Ост» (Истребительное соединение «Восток»), состоявший из штаба, трех рот специального назначения и нескольких диверсионных групп, обычно дислоцировавшихся отдельно от штаба.

Каждая рота имела свое особое назначение и использовалась штабом по мере надобности как самостоятельная боевая единица. Так, одна рота в полном составе предназначалась для бандитских операций в тылу советских войск. Вторая, укомплектованная немцами-«фольксдойче», несла охрану территории штаба. Третья рота, под командованием изменника Родины, бывшего жителя Ленинградской области оберштурмбанфюрера СС Игоря Решетникова, состояла из бывших советских военнопленных и предназначалась для борьбы с партизанами.

Кроме того, при штабе «Ягдфербанд Ост» были две небольшие (по 17–18 человек) диверсионные группы под командованием унтершарфюрера СС Александра Рубина-Башко и оберштурмфюрера СС Бруно Тони. Они готовили диверсантов для переброски в тыл Красной армии партиями по 3–4 человека. Все подразделения «Ягдфербанд Ост» делились на две группы: Балтийскую («Ягдайнзатц Балтикум») и Общерусскую.

Балтийская группа создавала повстанческие и диверсионные банды в Прибалтике, а также готовила широкую сеть агентуры на длительное оседание. Кадры группы вербовали в основном из членов антисоветских националистических организаций.

В августе 1944 года в Латвии сотрудниками «СС Ягдфербанд» была создана диверсионно-террористическая организация «Межа кати» («Дикая кошка»), которая позже вошла в состав Балтийской группы.

«Межа кати» состояла из отдельных диверсионно-террористических отрядов, скомплектованных по принципу землячества, куда вербовали добровольцев из латышских дивизий СС, полицейских и нацистских пособников — членов латышской националистической организации «Айзсарги». Отряды «Межа кати» создавали в лесах тайные базы с продовольствием, оружием, боеприпасами. После капитуляции Германии они перешли на нелегальное положение.

Кроме «Межа кати», в распоряжении Балтийской группы находились: подразделение диверсантов-латышей роттенфюрера СС Ионеса Рудынскиса и «эстонская рота СС» во главе с унтерштурмфюрером СС Густавом Алулпуре (он же Алулперс). Обе группы были подготовлены для переброски в тыл советских войск для подрывной работы.

Общерусская группа «Ягдфербанд Ост» имела в своем составе южнорусскую подгруппу, подгруппу Решетникова при штабе, подгруппу Сухачева из подготов-

ленной агентуры в чешском городе Трутнове и украинскую подгруппу во главе с украинским националистом Бровцом («Тарас Бульба»).

Штаб «Ягдфербанд Ост» и часть его подразделений до января 1945 года дислоцировались в городе Иноврацлаве. Когда в январе 1945 года советские войска освободили город, «Ягдфербанд Ост» был разгромлен, а значительная часть его руководящего состава убита или взята в плен. Из остатков «Ягдфербанд Ост» весной 1945 года на территории Чехословакии были созданы две группы, которые вели подготовку к переходу разведоргана на нелегальное положение.

Агенты-диверсанты вербовались из числа лиц тех национальностей, куда они должны быть заброшены. К ноябрю 1944 года в диверсионно-террористических школах «СС Ягдфербанд» готовилось до 25 000 агентов-диверсантов разных национальностей, в том числе бельгийцев, болгар, голландцев, латышей, поляков, румын, русских, финнов, французов, чехословаков, эстонцев, югославов и других. Обучение в них проходили также «фольксдойче», т. е. немецкие колонисты из разных стран Европы.

Отметим, что в начале октября 1944 года в ходе проведения заключительной фазы стратегической радиоигры «Монастырь – Березино», советские органы безопасности ликвидировали две группы (по четыре человека в каждой) из состава 502-го егерского батальона СС. Эти группы были посланы германским военным командованием с целью удостовериться в действительном существовании «боевой группы» подполковника Генриха Шерхорна в белорусских лесах. Два диверсанта были уничтожены при задержании, а остальные шесть человек, в том числе и оба командира групп, были захвачены в плен.

Осенью 1944 года все истребительные части СС были переданы в войска СС. В связи с подходом Красной армии к местам дислокации диверсионно-террористических школ на территории Восточной Европы многие из них были переведены на территорию Австрии. В апреле 1945 года деятельность этих школ прекратилась, все курсанты были разбиты на группы и передислоцированы в другие районы Австрии, главным образом южнее Дуная.

Все агенты-диверсанты должны были, зарыв оружие, боеприпасы, продукты и переодевшись в гражданское платье, выждать развития международных событий, а затем в случае вооруженного конфликта между союзниками и СССР по сигналу «СС Ягдфербанд» приступить к активной подрывной деятельности в тылу советских войск в пользу англо-американской коалиции.

По планам «СС Ягдфербанд», если война между союзниками по Антигитлеровской коалиции не начнется до августа 1945 года, все агенты, оставленные в тылу советских войск, должны были группами или в одиночку пробираться в американскую зону оккупации Австрии, в Линц, где связаться с резидентурой «СС Ягдфербанд». Предполагалось предложить услуги агентов-диверсантов американской и английской разведкам для борьбы с СССР.

В начале марта 1945 года штаб «СС Ягдфербанд» выбыл из Фриденделя в г. Хоф (Бавария), а оттуда переехал в Зальцбург. В конце войны истребительные части вновь переподчинили оперативному штабу «Фридендель», который в апреле 1945 года был преобразован в «Охранный корпус Альпенланд» (Schutz Korps Alpenland). После капитуляции большинство сотрудников перешли в американскую зону оккупации Германии.

«ФАБРИКИ» ДИВЕРСАНТОВ

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЕ ШКОЛЫ И КУРСЫ АБВЕРА

За несколько месяцев до начала нападения на СССР периферийные органы германской военной разведки — «Абверштелле» в Кенигсберге, Штеттине, Вене и Кракове организовали разведывательные и диверсионные школы (в местечках Брайтенфурт, Мишен, Криница, Дукла, Каменица и Барвинек, а также в Штеттине), в которых проводилась подготовка разведчиков-диверсантов, предназначенных для использования против Советского Союза.

Первоначально эти школы комплектовались агентурой, завербованной из белоэмигрантской молодежи и членов различных антисоветских националистических организаций (украинских, польских, белорусских и др.). Агенты, окончившие школы, забрасывались в тылы советских войск с разведывательными и диверсионными заданиями. Однако практика показала, что агенты из белоэмигрантской среды плохо ориентировались в советской действительности.

С началом боевых действий на советско-германском фронте германская разведка приступила к расширению разведывательно-диверсионных школ по подготовке квалифицированной агентуры. Такие школы были организованы при штабе «Валли» и «Аст-Остланд», а также разведывательных и диверсионных абверкомандах, действовавших при армейских группировках «Митте», «Зюд» и «Норд» (в городах Варшаве, Валге, Стренчи, Борисове, Смоленске, Минске, Полтаве, в местечках Мыза-Кумна, Кейла-Юа, Летсе и др.). Агентура для этих разведшкол набиралась в основном среди советских военнопленных, из антисоветского и уголовного элемента, проникшего в ряды Красной армии и перешедшего на сторону германской армии.

Оперативную обстановку, которая сложилась в момент вступления советской контрразведки в «радиовоюну» с германскими спецслужбами, прокомментировал один из участников драматических событий военных лет:

«Весна 1942 года с точки зрения оперативной обстановки на лексиконе контрразведчиков могла бы быть с полным основанием названа “шпионским половодьем”. Дело в том, что в строй действующих шпионских резидентур гитлеровской разведки, подготовленных за осенне-зимний период, становятся курсанты первых выпусков разведывательных и диверсионных школ, которые в спешном порядке направляются на выполнение боевых заданий в тылы Красной армии. Основными поставщиками шпионских кадров для этих резидентур были Варшавская (центральная) и Борисовская (с филиалами в Катыни и Орджоникидзеграде) разведывательные школы. Переброску агентов с предварительным проведением всех необходимых мероприятий осуществляли: на северном направлении разведывательный центр с условным обозначением “Марс”, дислоцированный в Пскове; на центральном участке фронта — “Сатурн”, дислоцировавшийся в Смоленске; на южном направлении — “Орион”, дислоцировавшийся в Полтаве. Общее руковод-

ство деятельностью этих разведывательных органов осуществлял штаб «Валли», находившийся под Варшавой. Заканчивали подготовку первых выпускников шпионских кадров и другие, менее престижные разведывательные школы, созданные в осенне-зимний период 1941–1942 годов на всем протяжении советско-германского фронта, от Крайнего Севера до Черного моря, на временно оккупированных противником территориях Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Белорусской, Украинской союзных республик и восточных областей РСФСР»¹⁹¹.

Агентура для обучения вербовалась в основном среди военнопленных и перебежчиков, а также среди антисоветски настроенных граждан, оставшихся на оккупированной территории СССР. В расчет принимались также профессия и личные качества кандидата, при этом преимущество отдавалось радистам, связистам, саперам и лицам, имевшим достаточный кругозор.

В абвере считали, что агентуру из военнопленных можно быстрее подготовить для зафронтной работы и легче внедрить в части Красной армии. Агентура же из числа гражданского населения подбиралась по рекомендации и при содействии немецких контрразведывательных и полицейских органов. Базой для вербовки в школы являлись также различные антисоветские вооруженные формирования: РОА, «национальные легионы» и т. д.

Как правило, с каждым кандидатом перед вербовкой проводились индивидуальные беседы для выяснения его биографических данных, связей в Советском Союзе, личных качеств, отношения к советской власти и немцам. К вербовке привлекалась также внутривойсковая агентура, которая проводила предварительное изучение и индивидуальную профашистскую обработку намеченных лиц.

Согласившихся работать на немцев немедленно изолировали от других военнопленных и направляли в специальные проверочные лагеря или непосредственно в школы, где проводилось окончательное оформление вербовки. После этого в большинстве школ на каждого агента заполнялась подробная анкета, отбиралась подписка о добровольном согласии сотрудничать с немецкой разведкой, присваивался псевдоним, под которым он числился в школе. В ряде случаев завербованные агенты приводились к присяге на верность Гитлеру.

Преподавательский и инструкторский состав школ комплектовался из белоэмигрантов и бывших офицеров Красной армии — изменников Родине, проверенных ранее в работе в качестве агентов абвера. Общее руководство школами осуществляли немцы — официальные сотрудники военной разведки.

Одновременно в разведывательных школах обучалось по 50–300 агентов, а в диверсионно-террористических — по 30–100. Срок обучения агентов в зависимости от характера их деятельности был различен: для разведчиков ближнего тыла — от двух до четырех недель; разведчиков глубокого тыла — от одного до шести месяцев; диверсантов — от двух недель до двух месяцев; радистов — от двух до четырех месяцев и более.

В диверсионных школах агенты изучали те же предметы, что и в разведывательных, но дополнительно получали специальную подготовку по проведению диверсии и террора: изучали свойства взрывчатых веществ и правила закладки их под намечаемый к разрушению объект, зажигательные средства и способы их применения, приготовление простейших взрывчатых и зажигательных веществ и правила обращения с ними, огнестрельное оружие и правила стрельбы из него. Полученные теоретические знания закреплялись на практических занятиях.

Агенты-радисты, кроме общих дисциплин, изучали радиодело: умение работать на ключе на слух, правила вступления в связь с радиоцентром, методы шифровки и дешифровки радиограмм. Радист считался подготовленным, если он мог принимать и передавать без ошибок 70–80 знаков в минуту.

Перед окончанием школы агентов знакомили с правилами заполнения документов прикрытия и пользования ими во время нахождения в советском тылу. Заброска подготовленной агентуры в тыл советских войск, как правило, производилась не самими школами, а абверкомандами или их филиалами на переднем крае.

Нередко выпускники разведывательно-диверсионных школ абвера привлекались для борьбы с партизанским движением. Советские контрразведывательные органы вместе с партизанами и подпольщиками проводили активные мероприятия не только по физическому уничтожению врага. Как отмечают историки, к 1943 году советские спецслужбы смогли не только внедрить своих агентов практически во все разведывательно-диверсионные школы противника, но и успешно занимались разложением слушателей¹⁹².

Победы Красной армии на советско-германском фронте, немецкая оккупационная политика, направленная на физическое уничтожение и ограбление мирного населения, изменили настроение народа в пользу партизан. К 1943 году система по привлечению русского населения на службу захватчикам показала свою несостоятельность, планы абвера и СД по созданию массовой «пятой колонны» на территории России потерпели провал.

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНСКИМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ СЛУЖБАМИ ДИВЕРСАНТОВ ИЗ ЧИСЛА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

С конца 1941 года в концентрационных и фильтрационных лагерях немцы стали проводить анкетирование и первичную «селекцию» военнопленных. Затем отобранные кандидаты направлялись в концлагеря на территории Германии и Польши для формирования диверсионно-разведывательных подразделений, которые предполагалось использовать в военных действиях на стороне Германии. Крупными центрами, в которых производился отбор кандидатов, были также концлагеря Бухенвальд, Заксенхаузен, Освенцим (Аушвиц) и др. В фильтрационных и концентрационных лагерях для советских военнопленных гитлеровцы создавали нечеловеческие условия для жизни.

В концлагерях специальные команды, состоящие из офицеров абвера, СС и СД, а также эмигрантов, хорошо знавших русский язык, занялись вербовкой кандидатов для диверсионно-разведывательной работы в тылу советских войск. Вот как описывал очевидец, перешедший впоследствии к партизанам, методику работы этих комиссий: «Каждый прибывший военнопленный вызывался в отдельный кабинет к членам комиссии. Члены комиссии, просматривающие дело военнопленного, знакомились с ним и путем вопросов перепроверяли данные, полученные в момент анкетирования в лагере. Затем отобранных кандидатов отправляли в концлагерь, в местечко Бухенвальд, что в 8 км от г. Веймара. Этот концлагерь действует давно, капитально отстроенный, с высокими кирпичными стенами. Каждый барак обнесен в два ряда проволокой. У стены лагеря также несколько рядов проволоки, расположенной ступеньками. Наверху — тоже несколько рядов

проводами. По линиям этих проволочных ограждений пропущен электрический ток среднего и высокого напряжения. Через каждые 100 м установлены вышки для часовых и усиленная охрана. По приблизительным подсчетам, в этом концлагере размещено около 50 000 чел. От недоедания и палочной дисциплины заключенные ходят как тени, худые, избитые, их бьют палками и резиновыми дубинками, над ними издеваются, как кому захочется и из охраны, и административно-обслуживающего персонала». Из таких доведенных до отчаяния голодом и издевательствами советских военнопленных немецкая разведка вербовала кадры для «борьбы против большевиков».

Перебежчики, сумевшие прорваться к партизанам, рассказывали о мужественном поведении советских офицеров и генералов в немецком плену. В частности, один из них поведал о героическом поведении в концлагере Замостье (Замосць) в 120 км юго-западнее Варшавы доктора технических наук, лауреата Сталинской премии генерал-лейтенанта инженерных войск Дмитрия Михайловича Карбышева (1880–1945), который на вопрос нацистов о том, победит ли Германия в войне против Советского Союза, ответил: «Победит большевизм, несмотря на то что немецкая армия имеет временный успех». Стоит добавить, что кроме Карбышева в этом лагере было еще 13 генералов (на 1 декабря 1941 года), из которых к маю 1942 года в живых остались лишь трое.

При отборе особое внимание обращалось на сведения биографического характера кандидатов и выявление их «политической физиономии» (где и кем работал, где проживал до армии, образование, специальность, принадлежность к партии большевиков, к комсомолу и отношение к советской власти). Спрашивали, не репрессировался ли сам или кто из родственников, выявляли среди анкетированных работников железных дорог ДВК*, Урала и знание промышленных центров СССР. После этого из отобранного «контингента» формировали группы по 600–700 человек и отправляли для последующей подготовки в Германию. По прибытии на место кандидатам улучшали питание, вместо 150–200 граммов хлеба выдавали 400 граммов хлеба в сутки, незначительное количество жиров и регулярно горячую пищу, приготовленную из более качественных продуктов. Следует отметить, что таким тщательным поиском военнопленных в этот лагерь занимались до июня 1942 года, а потом отбор производился по «наружно-физическому» состоянию военнопленных. С первого же дня у кандидатов улучшали рацион питания.

Все завербованные в концлагерях разбивались на две группы: политическую и боевую. В боевую группу набирались лица из уголовного элемента, из ранее репрессированных советской властью, как самих, так и их родственников, малоразвитых политически, с ограниченным кругозором, не имеющих достаточного образования и т. д.

В политическую группу подбирались кандидаты из репрессированных (самих или их родственников) советской властью, имеющих неполное среднее, среднее и высшее образование, с большим кругозором, знающие хорошо военные объекты Советского Союза, имеющие обширные связи и знакомства среди лиц, подвергшихся репрессиям, и, как правило, отрицательно настроенных против большевиков.

Советская контрразведка чутко реагировала на изменения в деятельности германских спецслужб. В частности, на Лубянке не оставили без внимания новый подход к массовой заброске агентуры, которую, в отличие от первого периода

* Дальневосточный край.

войны, немецкие «вербовщики» стали тщательнее отбирать и обучать искусству подрывных действий.

Организаторы немецкого шпионажа, видимо, не предполагали или не хотели замечать, что агенты, завербованные ими среди советских военнопленных и гражданского населения оккупированных областей, слишком хорошо узнали жестокость «нового порядка», который принесли на своих штыках солдаты вермахта.

Военнопленные, с которыми обращались как со скотом, измученные голодом, издевательствами и тяготами плена, во многих случаях соглашались на вербовку в «национальные легионы» и на службу немецкой разведке только с той целью, чтобы любыми способами возвратиться к своим, а еще лучше — иметь реальную возможность сражаться с захватчиками до победы.

Надо отметить, что эффективность работы гитлеровцев по созданию разведывательно-диверсионной резидентуры в тылу СССР, по их же словам, была невысокой. Так, заместитель главы абвера генерал-лейтенант Пикенброк, давая показания в советском плену после войны, вынужден был признать, что «Россия — самая тяжелая страна для внедрения агентов вражеской разведки... После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной армии... Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Слова генерала Пикенброка подтверждались данными, полученными советскими спецслужбами. В первой половине 1942 года каждый третий германский агент после перехода линии фронта спешил добровольно сдать себя представителям советских властей. К 1943 году советскими органами безопасности было арестовано 185 выпускников Варшавской разведшколы, из них 99 — после явки с повинной. Эти лица стали активно использоваться сотрудниками Смерша в радиоиграх с противником.

Армейские чекисты, профессионально почувствовавшие новые оперативные возможности, стали увереннее проводить острые контрразведывательные операции с использованием агентуры из числа тех, кто добровольно являлся с повинной, не желая выполнять задания германской разведки. При этом очень важным было то обстоятельство, что органы госбезопасности добились правовой возможности освобождать от ответственности за шпионаж.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКОЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ ДЛЯ ПОДРЫВНОЙ РАБОТЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

К началу войны против СССР немецкое командование уже имело определенный опыт борьбы с партизанской войной, полученный в 1939–1940 годах в Польше. Одним из наиболее эффективных способов борьбы германской контрразведки с польскими патриотами было признано создание националистических формирований из пронемецки настроенных поляков, действующих под руководством германских спецслужб. Одной из таких организаций были, например, польские «Батальоны смерти». Создание таких формирований раскалывало патриотическое

подполье, распыляло его силы и приводило к борьбе подпольных групп между собой.

С первых месяцев войны с Советским Союзом руководство германских спецслужб предприняло попытки создать из предателей Родины и советских военнопленных подобные отряды с целью их последующего использования против Красной армии, партизанского движения и для диверсий в тылу. При этом немецкая контрразведка особое внимание уделяла созданию национальных воинских подразделений, кадры которых можно было эффективно использовать в послевоенном устройстве завоеванных государств.

Германское командование настойчиво проводило работу по созданию националистических союзов и организаций на оккупированной территории СССР, формированию на их основе воинских подразделений для борьбы с частями Красной армии и партизанским движением. Таким формированием являлись, например, бригада Локотской милиции, позже получившая громкое наименование Русская освободительная народная армия (РОНА), 1-я Русская народная армия, бывшая ядром т.н. Боевого союза русских националистов (БСРН), и т. п.

В числе первых националистических формирований подобного рода был Боевой союз русских националистов. Штаб БСРН располагался в Берлине, в здании Управления войск СС. Представители штаба приезжали для вербовки кандидатов в Бухенвальд и другие концентрационные лагеря.

Перед кандидатами ставился выбор: или идти бороться с большевизмом вместе с организацией БСРН, или оставаться в концлагере. Кроме того, Боевой союз русских националистов имел радиостанцию, находившуюся в здании Зимнего дворца в Потсдаме, работавшую в диапазоне средних и коротких волн, передававшую ежедневные сводки о положении на фронтах и клевету на СССР. Радиостанция находилась под постоянным контролем штабов войск СС и СД. Издавалась и своя газета — «Новое русское слово». Непосредственно формирование подразделений производилось в местечке Веселое в 20 км от Варшавы (там же формировались подразделения нацменьшинств).

Организатором Боевого союза русских националистов был полковник Гиль-Родионов. В сентябре 1942 года первая дружина в количестве до 400 солдат и офицеров из военнопленных была направлена в один из районов Смоленска для борьбы с партизанами. В этом же месяце другой офицер из числа военнопленных — капитан Блажевич — получил разрешение на формирование 2-й дружины, которая была укомплектована в Люблине (Польша) и затем в местечке Лужки слилась с первой дружиной. Таким образом, в Лужках было сосредоточено до 1300 солдат и офицеров. Немцы передевали личный состав Боевой дружины русских националистов в гражданскую одежду, и днем они действовали в лесах как партизаны, а ночью заходили в деревни. Использовался личный состав и в качестве агитаторов, разбрасывали в деревнях листовки с призывами к партизанам переходить на сторону немцев. Впоследствии в марте 1943 года из двух дружин был сформирован Русский национальный полк.

Рядовой и командный состав дружин получал немецкую военную форму: пилотку немецкого образца, на которой спереди была эмблема «Мертвая голова», а над ней одноглавый орел. Комсоставу выдавались хромовые сапоги польского образца. У всего личного состава на правом рукаве кителя — шеврон черного цвета, в котором располагался равносторонний трехцветный (бело-сине-красный)

треугольник вершиной вниз, на левом рукаве — «одноглавый» орел. Погоны для рядового состава из черного материала с лычками желтого цвета (в зависимости от звания), для офицеров — черные с синими просветами (одна — для младших командиров до майора, две — от майора и старше). У офицеров на погонах вместо «звездочек» — «квадраты». Офицерскому составу разрешалось также ношение золотых погон (как в царской армии).

В отряде Боевой дружины русских националистов была организована специальная офицерская рота, которая комплектовалась из числа военнопленных, имевших воинские звания от лейтенанта до полковника Красной армии. Эта рота в декабре 1942 года установила связь с партизанами, перебила идейно преданных нацистам командиров, разгромила немецкий штаб, разоружила два отряда, охранявших железную дорогу, и перешла к партизанам.

Один из перебежчиков Боевой дружины русских националистов к партизанам приводит сравнение обещаний гитлеровцами их «нового порядка» и того, с чем в действительности столкнулись советские военнопленные в гитлеровской неволе. Так, по его словам, активист среди военнопленных Красной армии Новак, родители которого были раскулачены, а сам он отсидел в советской тюрьме и исправительно-трудовых лагерях 10 лет, заявил: «Посмотрев на заключенных в лагере Заксенхаузен, на их состояние и отношение к ним фашистских лакеев и фашистов, я не могу сравнить наши исправительно-трудовые лагеря. Если людям фашисты говорят, что в Советском Союзе люди бесправные и томятся в лагерях, то, видя своими глазами, что творится у них, я окончательно всем разочарован. И если первое время я верил фашистам, что они освободят, то теперь я вижу сплошную ложь. Даю слово, что при первой возможности я убегу. И теперь советскую власть полюбил так, как ранее ее ненавидел».

А вот так описывал свое поведение и чувства в плену, а также методы подготовки, используемые гитлеровцами, другой перебежчик, перешедший к партизанам: «Я и многие другие товарищи, которые еще остались в лапах фашистов, рассуждали и рассуждают так: для борьбы с врагом всякие методы хороши. Вот, исходя из этого, предпочли лучше пойти на обман, чем умереть в фашистских лапах, не принеся пользы нашей Родине, нашему народу и всему рабочему классу.

В этом лагере группа в количестве 1000 человек была обмундирована в чешское обмундирование и с немецким оружием проходила учебу и одновременно вела борьбу с партизанами на территории Польши. Командный состав 1-го боевого отряда союза состоял из русских националистов из числа среднего и старшего комсостава Красной армии. При этом отряде было два штаба, во главе стоял немецкий штаб, который возглавлял комендант и несколько средних офицеров. Сам комендант назначался из числа старшего комсостава войск СС и СД. Другой штаб назначался из числа комсостава бывших военнопленных офицеров Красной армии.

Члены Боевого союза русских националистов никакой присяги никому не давали, за исключением обещания, данного представителям Боевого союза русских националистов, — вести активную борьбу с большевизмом, за осуществление идей фашизма, построение «новой России». В середине августа 1942 года этот отряд выехал в район г. Могилева, Быхова и др. жел[езно]дор[ожные] пункты на борьбу с партизанами и усиление охраны ж[елезной] д[ороги].

Политическая группа была направлена в концлагерь Заксенхауз в предместье Ораниенбурга*. Эта группа предназначалась для работы в тылу Красной армии.

Все участники “политической группы” должны были пройти идеологическую и специальную подготовку в разведшколе по особой программе, которая включала в себя следующие пункты:

Пункт первый — “Экономика Германии”, второй — “Программа и устав националистической социалистической партии”, третий — “Большевизм и русский народ”, четвертый — “Новый с/х устав в ‘освобожденных областях’”. Пятый пункт программы — “Работа в тылу Советского Союза” — был более насыщенный по содержанию. Он включал в себя несколько подпунктов: а) разведка и контрразведка; б) разложение населения и восстановление его против советской власти; в) диверсионно-террористическая работа; г) изучение и практическая работа по приему и передаче радиogramм и изучение шифра (только для радистов).

К началу занятий собралось до 200 человек, все прибывшие были из к/л Бухенвальда. Слушатели этой школы именовались “активистами” “Боевого союза русских националистов”. “Активисты” школы выпускались группами, в зависимости от успеваемости и усвояемости дисциплин, а затем направлялись в два лагеря, в которых подбирались в группы по 2–4 чел., доучивались, инструктировались и получали задание в определенной территории в тылу Красной армии. Им присваивался псевдоним, т. е. другая фамилия, на которую изготовлялись документы на вновь присвоенную фамилию военнослужащего, так и гражданские, в объеме образования. После чего группы выбрасывались в тыл Красной армии».

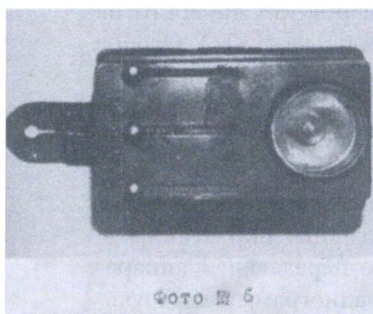
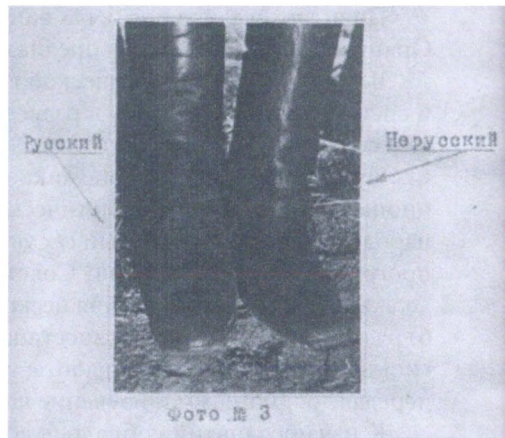
Диверсанты, забрасываемые в тыл РККА, имели следующую экипировку: бумага для печатания листовок; оружие любой системы; деньги советские (в неограниченном количестве); продовольствие на месяц; военное и гражданское обмундирование (старое и новое); топографические карты местности, на которую забрасывается группа; радиостанция; взрывчатые вещества английского производства; вазелин с наждаком для порчи многооборотных машин; таблетки для разжижения масла в машинах; химический порошок для раздражения кожи в тепле.

Как видно из приведенного перечня (последние три позиции), руководство германских спецслужб при организации диверсионной работы в тылу Красной армии уже тогда использовало, по современной терминологии, «оружие несмертельного действия» (ОНСД). После войны «ценный» опыт гитлеровских диверсантов взяли на вооружение спецслужбы многих стран — членов блока НАТО. Особое место в диверсионно-подрывной деятельности уделялось специальным психологическим операциям для разжигания антисоветских настроений. В этих целях для «обработки» общественного мнения в советском тылу применялись антисоветские листовки, газеты, брошюры, плакаты.

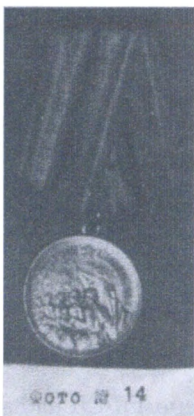
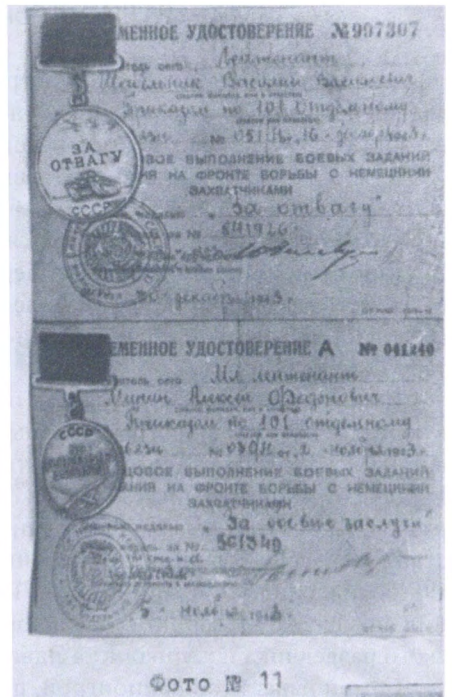
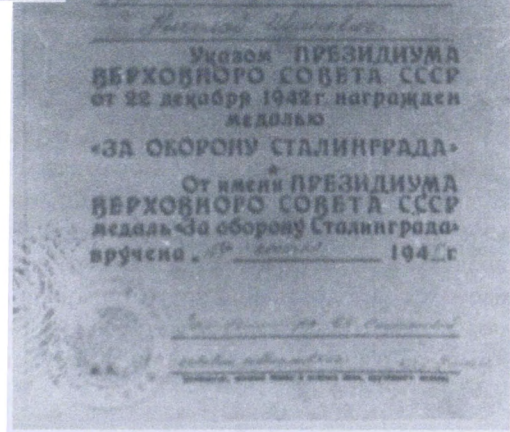
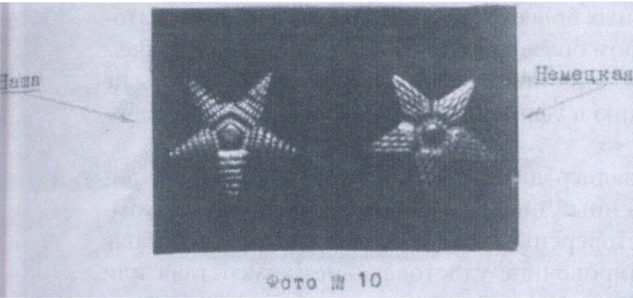
Для связи со своими разведцентрами немецкие спецслужбы обеспечивали агентурные группы, забрасываемые на советскую территорию, портативными коротковолновыми радиостанциями. С помощью приема-передающей аппаратуры агентами противника передавались зашифрованные радиogramмы о результатах разведывательно-диверсионной деятельности и получались новые задания. В случаях, когда заброска агентов проводилась в глубокий тыл, немецкая разведка пыталась организовать устойчивую коротковолновую радиосвязь путем создания

* В апреле 1943 г. недалеко от Заксенхаузена, в замке Фриденталь, было начато формирование диверсионных подразделений СС.

Глава 2. «ФАБРИКИ» ДИВЕРСАНТОВ

Использование германской разведкой коллаборационистских формирований...

Экипировка немецких агентов

ретрансляционных пунктов, оснащенных более мощными радиостанциями, которые обеспечивали связь с разведцентром более мелких агентурных групп. Причем в непосредственный контакт с ретрансляционным пунктом агентурные группы не входили, а передавали всю информацию в эфир в полной уверенности, что работают напрямую.

Документы, которыми обеспечивались диверсанты, подразделялись на военные и гражданские: 1) военные: военный билет; удостоверение личности комсостава или командировочное удостоверение; денежная книжка комсостава; вещевая книжка комсостава; командировочное удостоверение (комсостава или красноармейское); литер для проезда по железной дороге; врачебное удостоверение выздоравливающего (из любого госпиталя); 2) гражданские: паспорт с пропиской любого города; «белый билет» после прохождения врачебной комиссии; шоферские права; ордена с орденскими книжками; комсомольское предписание от Наркомата РККА; аттестаты продовольствия. Об эффективности действий этих вояк было рассказано выше словами немецкого разведчика.

Обеспечение заброшенных групп оружием, фиктивными документами, обмундированием, снаряжением и продовольствием осуществлялось в основном по воздуху. В тех случаях, когда агентура не смогла обеспечить прием грузов, сбрасываемых с самолетов, или подготовить площадку для посадки, германская разведка посылала особо доверенных курьеров. Такая же практика использовалась немецкими спецслужбами и для проверки действий агентурных групп.

РАДИОИГРЫ АБВЕРА И ГЕСТАПО

В нацистской Германии радиоиграми с противником параллельно занимались две спецслужбы — Управление военной разведки и контрразведки при ОКВ (абвер) и Главное управление имперской безопасности (РСХА).

В абвере радиоигры с противником непосредственно вел реферат III F контрразведывательного отдела («Абвер III»). В ведомстве рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера радиоиграми занимался 2-й реферат отдела A (IV A2) IV Управления (гестапо) Главного управления имперской безопасности. Некоторые эпизоды этого тайного противостояния в эфире германских контрразведывательных служб в годы Второй мировой войны имеются в мемуарах самих немецких разведчиков и зарубежных историков.

Итак, немецкая контрразведка одной из первых приняла на вооружение новую, перспективную формы борьбы с противником с началом Второй мировой войны. Уже в ходе подготовки «Битвы за Англию» с территории стран Западной Европы, оккупированных германской армией, начались радиоигры с британской разведкой. В руках абвера и СД радиоигры стали мощным средством противодействия разведывательно-диверсионным операциям британской разведки и силам Сопротивления во Франции, Бельгии и Голландии. История этого противостояния спецслужб Германии и Великобритании рассказана в книге бывшего британского разведчика и журналиста Эдварда Кукриджа¹⁹³.

Самой известной радиоигрой, проведенной абвером и СД на Западе, и одновременно самым крупным поражением британской военной разведки в годы Второй мировой войны стала операция «Северный полюс» (нем. «Nord Pol»). Об

этой радиоигре живо и интересно рассказал в своей книге ее руководитель — начальник контрразведывательного отдела (III F) абвера в Голландии майор Герман Гискес.

За 20 месяцев, с 6 марта 1942 (захват первого английского радиста Х. Лауверса) по октябрь 1943 года (последний сброс англичанами грузов для своих агентов), немцы захватили 54 агента британской и голландской спецслужб (из них 47 человек были казнены гестапо). Кроме того, в ходе операции «Северный полюс» люфтваффе перехватило и уничтожило в воздухе при выполнении разведывательных заданий 12 четырехмоторных бомбардировщиков. Сотни тонн оружия, боеприпасов, взрывчатки и специального оборудования попали в руки германской контрразведки, в том числе новейшая аппаратура для наведения на цель в ночных условиях.

В упомянутой выше книге Э. Кукридж высоко оценил операцию «Северный полюс» абвера и «Английскую линию» СД: «...в течение следующих двух лет (1942–1943 годов. — *Авт.*) Гискес и Шрайдер совместными усилиями свели на нет все попытки голландского отделения SOE и собственной лондонской секретной службы голландцев наладить работу в стране»¹⁹⁴.

В воспоминаниях Вальтера Шелленберга, бывшего начальника VI Управления (внешняя разведка) РСХА, имеется эпизод, посвященный спецоперации «Английская игра», проведенной гестапо против сил Сопротивления в Голландии: «Англичане использовали силы движения Сопротивления для укрепления своей организации даже в самой Германии путем вербовки агентов в среде многочисленных рабочих-иностранцев, насильственно привезенных для работы в Германию. Однако подпольные организации движения Сопротивления на оккупированных территориях не только выслеживались нами, но и использовались путем засылки в него наших тайных агентов. Были даже случаи, когда мы совместно с англичанами «руководили» группами Сопротивления. Иногда нам удавалось с помощью радио затребовать из Англии необходимую радиоаппаратуру, а также деньги и взрывчатые вещества (качество их было значительно лучше наших), которые сбрасывались нам с парашютом. Порой наши требования выполнялись менее чем в десятидневный срок, и мы получали необходимые материалы, которые сбрасывались нам с парашютом на оккупированную нами территорию. Английская секретная служба, таким образом, стала нашим постоянным источником финансирования. Количество денег, полученных таким путем, составило несколько миллионов»¹⁹⁵.

Шелленберг не преминул поведать об успехах германских спецслужб в проведении радиоигр и с советской контрразведкой: «В области радиоразведки Германия достигла исключительных успехов. Мы могли перехватывать переговоры по радио, которые велись между частями на фронте, и часто получали важные сведения о передвижении войск и готовящихся операциях. Была разработана техника использования нелегальных передатчиков противника. Заключалась она в следующем: после обнаружения и захвата этих передатчиков мы продолжали работать на них от лица противника и сами подбирали материал для передачи, причем часть данных была правильной, а часть — вымышленной. Так мы очень часто вводили противника в заблуждение по вопросам, имевшим особо важное значение. Иногда мы так успешно вели игру, что просили о высылке новых агентов, кодов, оружия, денег или взрывчатых веществ. Противнику же казалось, что он расширяет сеть

своих агентов, в то время как на самом деле он напрасно тратил огромные средства и ценные кадры. Особенно успешную игру мы вели с московским радиоцентром. Было время, когда мы имели около шестидесяти четырех захваченных у противника радиостанций, работавших на Москву»¹⁹⁶.

Не в меру расхваставшийся шеф эсэсовской спецслужбы и не подозревал, что в свою очередь его ведомство на пару с абвером почти всю войну «финансировало» Лубянку...

Радиоиграм с противником уделял внимание в своих мемуарах и «шеф» всех диверсантов рейха Отто Скорцени. В его воспоминаниях отдельная глава, посвященная радиоиграм немецкой контрразведки, получила название «Функшпиль»¹⁹⁷. После своего назначения командиром спецподразделения «Фриденгаль» Скорцени вплотную приблизился к наглухо скрытому от глаз непосвященных «тайному миру» разведки и контрразведки: «Для меня стало настоящим откровением очень многое из того, что я узнал о контрразведывательной деятельности наших спецслужб во время поездки в Голландию (“шпионами” РСХА занималось 3-е Управление и Зипо). Я был поражен тем, какую бешеную активность развили в этой области англичане. Едва ли не каждую ночь самолеты сбрасывали над нашей территорией парашютистов-диверсантов, шпионов и саботажников или снабжали уже внедренную агентуру рациями, взрывчаткой, оружием и тому подобным... Нашим голландским коллегам удалось провести английскую разведку и организовать “радиоигру”. Наши службы захватили 10 радиостанций с полным набором “ключей” и кодов. Взятые в плен британские радисты под контролем немецких контрразведчиков отправили по каналам связи тщательно и достоверно составленную дезинформацию. В ходе “игры” мы смогли разоблачить действовавшую на территории Голландии организацию, состоявшую из нескольких сотен человек. “Подполье” было тщательно “законсервировано” и малоактивно. Было принято решение оставить их до поры до времени на свободе, чтобы не сорвать успешную “радиоигру”»¹⁹⁸.

О некоторых эпизодах деятельности IV Управления РСХА по ведению радиоигр с противником рассказал на допросе 15 мая 1945 года начальник отдела IV-2 Пражского гестапо гауптштурмфюрер СС Вилли Ляймер:

«С ноября 1942 г. и до настоящего времени, т. е. по май 1945 г., я служил начальником отдела IV-2 Пражского управления гестапо.

Вопрос: Функции отдела IV-2? *Ответ:* Отдел IV-2 вел борьбу с диверсией, террором, саботажем, советскими и английскими разведчиками-парашютистами. Кроме этого, в функции отдела IV-2 входило перехват советских и английских радиограмм и их расшифровка, розыск вражеских радиостанций.

Вопрос: Как практически вы исполняли порученную вам как начальнику отдела IV-2 работу? *Ответ:* Я руководил работой сотрудников вверенного мне отдела, которые работали с агентурой. Кроме этого, я лично провербовывал советских и английских разведчиков-парашютистов, которых нам удавалось задерживать.

Вопрос: Назовите лиц, провербованных вами для работы в пользу Германии? *Ответ:* В гор. Прага и его окрестностях находятся в настоящее время провербованный мною советский радист — Сасак и три также провербованных мною английских разведчика: Беднаржик, Неделко и Кунцел.

Вопрос: Когда были провербованы Сасак, Беднаржик, Неделко и Кунцел и для какой цели? *Ответ:* В июне 1943 г. из Берлина мне было сообщено, что Кра-

ковским гестапо задержаны советские разведчики-парашютисты Сасак и Крехл, предназначенные для работы на территории Чехословакии, которые при задержании изъявили согласие сотрудничать с гестапо. Мне предлагалось взять их к себе, что я и сделал. Сасак мною был перевербован и использовался как радист для передачи в Москву составленных мною радиотелеграмм. Такую работу Сасак выполнял на протяжении около двух лет и передал до 150 телеграмм (в среднем по две телеграммы в 7 дней). В середине апреля 1945 г. Сасак был завербован для разведывательной работы в гор. Прага на случай прихода туда советских войск.

В мае 1944 г. мною задержаны английские разведчики Беднаржик, Неделко и Кунцел, которые при задержании заявили о своем согласии работать в пользу немцев. Все трое, Беднаржик, Неделко и Кунцел, были мною завербованы и выполняли мои задания. В частности, Беднаржик зашифровывал составленные мною радиотелеграммы, Неделко передавал эти телеграммы по радио, а Кунцел работал с аппаратом «Юрика» — радиоаппарат специального назначения для пеленгации английских самолетов. В середине апреля 1945 г. Неделко мною был завербован в качестве агента-радиста для разведывательной работы против Советского Союза».

Всего за время нахождения гауптштурмфюрера СС В. Ляймера на посту начальника отдела IV-2 Пражского гестапо (с ноября 1942 по май 1945) было арестовано 57 британских и советских агентов-парашютистов: 15 английских (из них девять расстреляно, остальные перевербованы) и 42 советских агента (из них 27 расстреляно, восемь заключены в тюрьмы и семь человек перевербованы).

Немецкий историк Андреас Зегер в своей книге о руководителе IV Управления РСХА (гестапо) Генрихе Мюллере небольшую главу посвятил радиоиграм: «Под радиоиграми в РСХА, в ответственном за это ведомстве IV А 26 (коммунистический шпионаж¹⁹⁹; руководитель — криминальный советник Амплетцер) понимали вербовку рассекреченных агентов, направленных странами Антигитлеровской коалиции в Германию или на оккупированные ею территории. Сначала речь шла о советских разведчиках, которых забрасывали за линию фронта. После ареста и изъятия у него рации проводилась зашифровка сообщений, передаваемых для дезинформации.

...Согласно высказыванию ответственного за радиоигры Хорста Копкова²⁰⁰, Мюллер долгое время не проявлял к этой работе никакого интереса. Ему бы больше понравилось, если бы шпионы предстали перед судами вермахта или военно-воздушных сил. Скорее всего, Мюллер опасался, что привлеченные к совместной работе агенты позднее не будут привлечены к ответственности. Только во второй половине 1942 г. Мюллер смог оценить пользу, получаемую от взятых в плен советских агентов и сформированных из них агентурных групп. До конца войны службой бывшего гауптштурмфюрера СС Копкова в Советском Союзе было проведено около 110 блоков радиоигр, об успехе которых Мюллеру докладывали в каждом случае.

Показания Копкова кажутся достоверными. 17 декабря 1942 г. Мюллер послал срочную телеграмму в полевой штаб, чтобы сообщить Гитлеру о ликвидации группы парашютистов. Русские агенты были арестованы в Житомире при помощи человека из зипо. Только одному русскому удалось сбежать. Уже с весны 1942 г. агенты сообщали в Москву об аэропортах, охране железнодорожных вокзалов и др. Был запеленгован передатчик и сохранена связь с Москвой через отдел зипо в

Генрих Мюллер, шеф IV Управления (гестапо) РСХА; группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции

Житомире. В декабре 1942 г. Гиммлер отослал Мюллеру письмо следующего содержания: «Фюрер дал согласие передавать в Москву, используя радиоигру, необходимую, согласованную с Министерством иностранных дел и ОКВ, информацию, если даже она объективно соответствует действительности».

Радиоигры проводились с большим успехом. Во всяком случае, Советы до последнего не замечали, что получают дезинформацию. После войны они даже в собственной стране искали предателей, поскольку не могли поверить, что их агенты были выслежены благодаря шпионской технике противника, например оборудованием для пленга»²⁰¹.

В подстраничном примечании А. Зегер приводит цитату из книги Вальтера Хагена (псевдоним немецкого разведчика Вильгельма Хеттля), который писал, что только в 1944 году было проведено около 300 сеансов радиоигр²⁰².

О масштабной радиоигре, проведенной гестапо с английской разведкой, поведали читателям немецкие

историки М. Уль и Х. Эберле, опубликовавшие рукопись «Гитлер», которая долгие годы хранилась в одном из российских архивов. Этот документ составлен личным камердинером Гитлера Гейнцом Линге и адъютантом фюрера Отто Гюнше в советском плену. Из примечания к фрагменту «мемуаров» о неудавшемся покушении Эльзера на Гитлера 8 ноября 1939 года в пивной «Бюргербройкеллер» следует, что функешпиль с резидентом британской секретной службы МИ-6, проведенный СД, начался в Голландии в октябре того же года.

Цель радиоигры первоначально состояла в том, чтобы выяснить, не происходит ли несанкционированная утечка информации о германских наступательных планах на Западном фронте. В ходе функешпиля германской спецслужбе удалось убедить англичан в том, что с ними якобы поддерживает контакты оппозиционная группа офицеров вермахта.

Расследование покушения на фюрера привело к массовым арестам и побудило германскую спецслужбу провести радиоигру: «СД считало, что покушение на Гитлера было организовано английской разведкой. В связи с этим сотрудники СД затеяли соответствующую радиоигру с английским разведывательным пунктом в Голландии, выдавая себя за антифашистскую группу сопротивления в Германии. В ходе радиоигры германской Службе безопасности удалось заманить английских

разведчиков капитана Беста²⁰³ и Стивенса²⁰⁴ на голландско-германскую границу, откуда сотрудники СД, застрелив ничего не подозревавших голландских пограничников, затащили Беста на территорию Германии. На допросах Беста участие английской разведки в покушении на Гитлера не было установлено. Бест исчез в одном из концлагерей, а Эльзер был использован для строительства адских машин в диверсионном отделе СД»²⁰⁵.

Этот эпизод с похищением английских разведчиков Беста и Стивенса вошел в историческую литературу как «инцидент в Венло». Кстати, именно Вальтер Шелленберг, в то время офицер гестапо, был одним из главных участников этой операции.

Обратим внимание читателя еще на один эпизод в истории Второй мировой войны, связанный с «войной в эфире». Тот факт, что радиоигры с противником с 1944 года были сосредоточены в IV Управлении РСХА, которое возглавлял группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Г. Мюллер. Поэтому некоторые авторы выдвинули версию, что в последние дни сражения за Берлин он перешел на советскую сторону.

В частности, об этом написал в своей книге бывший оберштурмбанфюрер СС Вальтер Хеттль, исполнявший в годы войны должность начальника отдела разведки в Центральной и юго-восточной Европе VI Управления РСХА (внешняя разведка): «Некоторые коллеги Мюллера выражают мнение, что он еще в 1944 году установил контакт с русскими и переметнулся к ним после краха Германии. Думаю, что идея эта не слишком уж и фантастична. В гестапо имелся специальный отдел, в задачу которого входило поддержание радиосвязи захваченных советских агентов с их центром, словно они еще находились на свободе. Таким путем советское Верховное главнокомандование получало дезинформацию, на основе которой зачастую принимало неверные решения, имевшие нежелательные для русских последствия. Подразделение это носило название “отдел радиоигры” и насчитывало в 1944 году около 300 сотрудников. Ничего невозможного нет в том, что Мюллер использовал одну из целого ряда линий этой радиосвязи для вхождения в контакт с русскими — для передачи верной информации — непосредственно перед самым крахом. ... Человек, который в течение ряда лет являлся главой немецкой секретной государственной полиции и поддерживал своими полицейскими силами порядок во всей оккупированной немцами территории, мог продать русским свои знания и опыт. ... Исходя из этого вполне можно предположить, что Мюллер сейчас спокойно работает на русских, хотя никаких доказательств этого нет. Известно лишь, что после смерти Гитлера он исчез из имперской канцелярии вместе с надежным другом Шольцем. С тех пор ни об одном из них никто ничего не слышал. А ведь именно Шольц возглавлял “отдел радиоигры”»²⁰⁶.

Как известно, эта версия оказалась ложной. Остается только гадать: почему офицер германской политической разведки заподозрил «главу немецкой секретной государственной полиции» в измене?

* * *

После победы советская контрразведка от захваченных в плен немецких разведчиков и трофейных документов получила, как говорится, из первых рук сведения о радиоиграх абвера и СД. Наиболее обстоятельный рассказ о спецоперациях германской военной разведки в эфире содержался в собственноручных показани-

Франц Эккард фон Бентивеньи,
начальник «Абвера III», генерал-лейтенант. 1915.
Фотография из фондов ЦА ФСБ России

ях от 25 марта 1946 года бывшего начальника «Абвера I» (военная разведка) генерал-лейтенанта Франца фон Бентивеньи:

«Во время войны как на Востоке, так и на Западе противник производил усиленную заброску агентов-радиостов в тыл немецких войск. После задержания радиостов германской разведке представлялась возможность с помощью захваченной рации установить связь с радиостанцией противника и при ее посредстве дезинформировать противника, вводить в заблуждение о якобы продолжающейся работе выброшенных агентов, с тем чтобы он счел целесообразным выброску других агентов в данный район. Быть в курсе разведывательных заданий противника, которые позволяют делать выводы о его тактических операциях или контрразведывательных планах. Контролировать обеспечение агентов, захватывать выброшенную с самолетов всевозможную технику (запасные части для раций, материалы для диверсий, оружие, боеприпасы) и вос-

препятствовать использованию этих технических средств агентуры.

Успешно вести розыск диверсионных групп, которым агент в данном случае должен был передать сброшенный материал.

Затребовать у противника выброску других агентов и в случае их выброски использовать последних для дезинформации противника, чтобы иметь возможность использовать захваченные рации.

Германская разведка должна была иметь все необходимые шифры и знать в деталях получаемые агентами задания. При этом следовало решить, вести ли дальнейшую работу на рации через перевербованного агента или через немецкого радиста, в равной мере умеющего работать на рации, или через другого проверенного, перевербованного ранее агента. Если задержанный агент оказывался благонадежным для работы на рации, то целесообразно было использовать его, поскольку работающая с ним станция противника могла знать почерк его передачи. Во всяком случае, было необходимо учитывать то обстоятельство, что агент незаметным образом мог передать противнику условный знак, означающий провал.

Часто через немецкого радиста с помощью особого аппарата производилась перепроверка передач по рации перевербованного агента. Германские органы

“Абвера” пользовались обоими указанными путями. Правда, при тщательной подготовке и деловом руководстве... оба способа давали хорошие результаты. Так, в течение 1942 года “Абверштелле-Краков” перевербовывала задержанных советских радистов и заставляла их поддерживать связь с советскими радиостанциями. Насколько я припоминаю, такая радиостанция находилась в Москве. Агент должен был сообщать главным образом о транспоргах войск, идущих через Краков.

Начальник “Абверштелле” Фридрици был в то время лично у меня в Берлине и спрашивал, может ли он передавать по радио о действительно проходящих через Краков транспоргах с войсками, так как другие агенты, нам неизвестные, могут также передавать о движении войск и для него важно, чтобы передаваемые по радио донесения были достоверными (между прочим, органы “Абвера” желали, по возможности, не прибегать к дезинформации, чтобы уберечь агента от провала).

Я направил его к начальнику группы “III-Д” и сказал ему, что органы “Абвера” не имеют права действовать самостоятельно, что как раз при донесениях о движении войск данные должен давать генеральный штаб и что группа “III-Д” доложит там о его желании. Наряду с многочисленными донесениями за большой период времени, как сообщала “Абверштелле-Краков”, некоторые сведения о транспоргах, согласно разрешению, были радированы.

В конце 1942 или начале 1943 года “Абверштелле-Краков” сообщила, что связь с советской радиостанцией налажена хорошо и что в ответ на просьбу выслать запасные части для рации советская разведка обещала выслать их с новым радистом, который будет выброшен на самолете. В связи с этим специально выделенная команда “Абверштелле” будет в обусловленное время в указанном месте ожидать советский самолет. Но эта операция не удалась, потому что самолет не появился.

После этого “Абверштелле” договорилась о новом сроке выброски. Вторая попытка удалась. В соответствии с обусловленностью, при приближении самолета к месту выброски “Абверштелле” сигнализировала цветными ракетами. С самолета были сброшены запасные радиочасти и один радист с рацией. Выброшенный радист был перевербован, но для работы на его рации был поставлен немецкий радист. В дальнейшем “Абверштелле” подтвердила, что связь со вторым передатчиком установлена и что с разрешения службы “III-Д” передана информация. Как долго оба передатчика поддерживали связь с советскими радиостанциями, мне неизвестно.

В результате “радиоигры”, проводившиеся “Абверштелле-Голландия”, английской разведкой были выброшены в Голландии с самолетов несколько агентов с рациями (руководил описанными “радиоиграми” майор Гискес из службы “III-Ф”). Удалось друг за другом задержать и перевербовать нескольких агентов. “Абверштелле” сообщила, что удалось установить связь с английскими радиостанциями вблизи Лондона и что в установленное английской разведкой время для передач передает только позывные. Агенты были озадачены передачей по радио сведений о дислокации войск. Благодаря характеру следовавших затем разведывательных данных, английская разведка была уверена, что связь с ней поддерживают выброшенные ею агенты. “Абверштелле” просила затем в течение следующих месяцев прислать новых радистов, которые имели якобы очень хорошие возможности для разведки. После этого английская разведка в течение некоторого времени выбра-

сывала на самолетах новых радистов, продовольствие, материал для диверсии, оружие и боеприпасы.

Агенты имели задание установить связь по радио с руководителями голландского движения Сопротивления. Данные для “радиоигр” с голландским движением Сопротивления давал руководящий орган гестапо в Голландии — “Штап-ляйтштелле-Голландия”. В течение некоторого времени удалось одновременно провести до 10 “радиоигр”. В результате “радиоигр” было захвачено большое количество материала для диверсии (несколько тонн взрывчатого вещества, несколько тысяч пистолетов, автоматов и большое количество боеприпасов). Этой серии радиоигр “Абверштелле-Голландия” дала наименование “Норд поль” (“Северный полюс”²⁰⁷)).

Во время допроса 25–26 октября 1948 года бывший начальник «Абверкоманды 305» подполковник Юлиус Христианзен существенно дополнил рассказ своего старшего по чину коллеги конкретными подробностями о противостоянии в эфире советской и немецкой контрразведок:

Вопрос: Находясь на руководящих должностях в органах германской военной контрразведки, вы руководили следствием по делам задержанных советских разведчиков? *Ответ:* Задержание и следствие по делам советских агентов, перебрасываемых в тыл германской армии, вела в прифронтовой полосе тайная полевая “ГФП” и в тылу — органы СД-гестапо.

Вопрос: После предварительного следствия по делам задержанных советских разведчиков органы ГФП и СД-гестапо передавали их в военную контрразведку — «Абвер III»? *Ответ:* В некоторых случаях задержания советские разведчики после предварительного допроса в ГФП и СД передавались в подразделения «Абвер III».

Вопрос: С какой целью? *Ответ:* В наших подразделениях «Абвер III» задержанные советские агенты подвергались специальным, контрразведывательным допросам для выяснения структуры и методов деятельности советской разведки и контрразведки.

Вопрос: А перевербовкой агентуры органы «Абвер III» не занимались? *Ответ:* Занимались. Насколько мне известно, перевербовке подвергались главным образом советские разведчики-радисты с целью организации агентурных комбинаций, называемых в немецкой разведке “радио-играми”.

Вопрос: Какую цель преследовали эти “радио-игры”? *Ответ:* Они преследовали цель дезинформации разведки противника и организации приема новых агентурных групп, которые или уничтожались, или перевербовывались.

Вопрос: Какие “радио-игры”, организованные немецкой разведкой на базе перевербовки советских разведчиков-радистов, вам известны? *Ответ:* Наиболее значительной по своему характеру, длительности ведения и результатам была “радио-игра”.

Вопрос: Что вам известно о личности перевербованного советского резидента, который использовался по делу “Адмирал”? *Ответ:* О личности этого резидента мне ничего не известно.

Вопрос: Известны ли вам технические условия радиосвязи перевербованного резидента с разведцентром в гор. Москве? *Ответ:* Нет. Об этом я ничего не знал.

Вопрос: Какие дезинформационные сведения вы получали в отделе “I-Ц” армейской группировки “Центр” для “радио-игры” “Адмирал”? *Ответ:* Я получил в

отделе I-Ц у полковника Стефанус²⁰⁸ и передал в гестапо гор. Кракова майору Кораб и в гестапо гор. Брно Германну и Рауш для “радио-игры” под кличкой “Адмирал” большое количество дезинформационных материалов. Из них я припоминаю следующие: в августе или сентябре 1944 года сообщение о переброске по железной дороге через Краков в направлении на Ржув одной танковой дивизии. В феврале или марте 1945 года был передан дезинформационный материал об усиленной переброске нескольких полков немецких войск в район Брно. Так как у нас в тот период положение с горючим было очень напряженное, то по предложению полковника Стефанус было передано в советский разведцентр, что переброска производится на газогенераторных машинах новой конструкции и по железной дороге.

Вопрос: Какие еще “радио-игры” немецкой разведки с использованием перевербованных советских разведчиков вам известны? *Ответ:* Мне известны еще следующие “радио-игры” немецкой разведки:

1. “Капитан” — эта “радио-игра” была организована на базе дела “Адмирал”. Вызванный по радио советский разведчик-радист был пойман в 1943 году и перевербован майором Кораб. Эта “радио-игра” продолжалась до конца апреля 1945 года, в последнее время ею руководил отдел гестапо в гор. Иглау (Чехословакия).

2. “Радио-игра”, название которой я не помню, была начата в октябре 1944 года, когда вблизи Прешова (Чехословакия) были захвачены гестапо советский резидент и радистка, переброшенные на самолете. Они имели задание от разведцентра 1-го или 4-го Украинского фронтов, который дислоцировался тогда в гор. Киеве, произвести разведку в восточной Словакии и дожидаться там прихода советских войск. Допрос этих разведчиков вел зондерфюрер Шмидт из отряда абвера № 302²⁰⁹. На допросе они рассказали о задании и раскрыли радиوشيфр. После этого они были Шмидтом перевербованы и переданы в гестапо гор. Брешов, а затем в гор. Брно. Они сообщали в свой разведцентр дезинформационные сведения о передвижении и численности немецких войск, а также о взрывах, якобы совершенных ими на железной дороге.

Должен отметить, что, по сообщению радиопеленгационной станции Верховного командования из Стандорфа у Берлина, бюллетени которого мы регулярно получали, ряд советских агентов радировал осенью и зимой 1944 года о произведенных взрывах железнодорожных линий, мостов и шоссе в Словакии, чего в действительности не было. Эти агенты, сообщения которых перехватывала и расшифровывала специальная служба Верховного командования, имели связь с разведотделом 1-го или 4-го Украинских фронтов.

3. <...> ...эта “радио-игра” началась в июле 1944 года в районе Мукачево. Она велась с помощью перевербованного советского агента-парашютиста, который в советской разведке имел кличку... Этот агент получил задание от разведцентра в гор. Киеве собрать сведения о венгерской военной промышленности. В соответствии с полученным заданием он после перевербовки был переброшен в венгерский промышленный город Сольнок, а затем в Будапешт. Этому агента передали для использования отделу гестапо в гор. Будапеште.

4. “Радио-игра”, название которой я не помню, начата в октябре 1944 года в гор. Кракове. Была поймана и перевербована советская радистка, посланная разведотделом 1-го или 4-го Украинского фронта. Она была перевербована фельдфебелем Гартман из отряда абвера особого назначения, подчиненного мне. Эта ра-

дистка, блондинка, маленького роста, в возрасте 23–25 лет, в течение двух месяцев работала по нашему заданию, передавала дезинформацию в свой разведцентр, а затем бежала от нас.

5. «Красная шапочка» — эта «радио-игра» мне известна, поскольку я передавал для ее ведения дезинформационный материал в июле 1944 года в гестапо в гор. Кракове. Руководил этой «игрой» майор Кораб, перевербованным агентом была радистка, фамилии и примет которой я не знаю.

6. «Лев», об этой «радио-игре» я узнал летом 1944 года в гор. Кракове, поскольку мне приходилось передавать в гестапо для ее ведения дезинформационный материал. Руководил тогда этой «радио-игрой» майор Кораб. Позднее «радио-игры» «Лев» и «Красная шапочка» вел отдел гестапо в гор. Брно.

Вопрос: Что еще вам известно о перевербовке германской разведкой советских радистов, переброшенных в немецкий тыл с разведывательными заданиями?
Ответ: Мне известно, что в начале 1945 года и до капитуляции отдел гестапо в гор. Брно вел больше 10 «радио-игр» с использованием советских радистов, но подробностей о всех их я не знаю, т. к. моя функция заключалась лишь в обеспечении дезинформационным материалом, который я получал из отдела I-Ц армейской группировки «Центр» в соответствующий отдел гестапо.

Вопрос: Почему передача дезинформационного материала шла через вас, а не непосредственно из отдела I-Ц армейской группировки «Центра» в соответствующий отдел гестапо?
Ответ: Штаб армейской группировки «Центр» дислоцировался в дер. Юзефштадт в 300 км от гор. Брно. Я со своей командой находился в деревне Ратбош у гор. Коллин и ежедневно посылал курьера в штаб армейской группировки. Поэтому начальник отдела I-Ц полковник Стефанус поручил мне осуществлять связь с отделом гестапо в гор. Брно».

Кроме руководителей германской военной разведки, в 1947 году в советском плену оказался и бывший начальник V Управления РСХА оберфюрер СС Фридрих Панцингер²¹⁰, который рассказал о радиоиграх СД. В начале войны с Советским Союзом Панцингер являлся заместителем отдела «А» IV Управления (внешняя разведка) РСХА, второй реферат которого отвечал за проведение контрразведывательных мероприятий, в том числе и проводил радиоигры с разведками союзников.

Панцингер являлся и автором широко известного термина «Красная капелла» и принимал непосредственное участие в борьбе с резидентурой советской разведки в Западной Европе.

На допросе 12 февраля 1947 года Ф. Панцингер рассказал некоторые подробности контрразведывательных мероприятий СД: *«Вопрос:* О германской агентуре в Болгарии вы еще будете допрошены, а сейчас покажите о своей работе по выявлению агентов советской разведки. *Ответ:* Под моим руководством на территории Болгарии проводилась активная контрреволюционная деятельность против советской разведки. Я организовывал розыск и поимку советских разведчиков — парашютистов, которых за 1940–[19]41 гг. было арестовано около 50 человек.

Под моим непосредственным руководством велось следствие по их делам, и производилась вербовка некоторых из них, и организовывались радиоигры. Я затрудняюсь сейчас назвать фамилии арестованных советских разведчиков, а также конкретно показать об их использовании против советской разведки, однако должен признать, что по моим указаниям все они были в какой-то мере использова-

ны, а впоследствии расстреляны. Другой деятельности против Советского Союза за время моего пребывания в Болгарии я не вел.

Второе отделение отдела “А” вело борьбу с саботажем и производило расследование по диверсионным и террористическим актам, а также осуществляло руководство контрразведывательной деятельностью против английской и советской разведок. Одновременно второе отделение вело работу с немецкой агентурой, действовавшей на секретных военных предприятиях Германии. Начальником этого отделения являлся штурмбанфюрер [Хорст] Копков. В его отделении концентрировались также все материалы по розыску и аресту разведчиков как на территории самой Германии, так и в странах, находившихся под контролем Германии. Многих арестованных нами разведчиков мы перевербовывали и при их участии проводили радиоигры и другие контрразведывательные мероприятия. Причем основное внимание обращалось на борьбу против разведки Советского Союза.

Вопрос: Покажите, что конкретно вами было сделано в этом отношении? *Ответ:* В конце 1941 года германская радиослужба начала перехватывать работу советских радиостанций, но отсутствие шифра не давало возможности полностью читать радиogramмы и, таким образом, вскрыть деятельность советской разведки. К началу 1942 года путем математического вычисления доктором Фаук частично был раскрыт шифр советской разведки, и это дало возможность расшифровать уже имевшееся к тому времени в распоряжении гестапо большое количество перехваченных радиogramм. В результате нами были получены очень ценные сведения по работе советской разведки за границей и адреса некоторых разведчиков.

Активными мерами розыска к августу 1942 года отделом “А” было арестовано большое количество советских разведчиков и резидентов, находившихся в разных странах Европы и занимавшихся разведывательной деятельностью против Германии. Из числа наиболее крупных резидентов советской разведки, арестованных отделом “А”, я помню “Гранд-шефа”, его заместителя “Кента”, “Козненн” и четвертого — фамилию и кличку забыл, в возрасте 32 лет, носил очки, который являлся опытным и ценным разведчиком советской разведки и был заброшен в Берлин по нашему вызову в процессе удачно проведенной комбинации в радиоигре. Большая часть этих разведчиков нами была перевербована и привлечена для организации новых радиоигр с советской разведкой, в результате которых гестапо удалось выявить дополнительные связи и провести аресты новых разведчиков.

Вопрос: При каких обстоятельствах были арестованы названные вами резиденты? *Ответ:* В одной из расшифрованных нами радиogramм был указан берлинский адрес советского разведчика — обер-лейтенанта германской армии Шульце-Бойзен, являвшегося сотрудником немецкого штаба военно-воздушных сил. Этот разведчик нами был взят в активную разработку, в результате чего были выявлены его связи, а впоследствии произведены аресты.

На допросах Шульце-Бойзен подробно рассказал о своей разведывательной деятельности против Германии в качестве резидента советской разведки, выдал всех лиц, связанных с ним по разведывательной работе. В результате нам удалось арестовать еще двух резидентов советской разведки: старшего правительственного советника Гарнак и Шумахер, а впоследствии в ходе реализации их показаний было арестовано еще около 50 агентов.

На допросе Шульце-Бойзен сообщил нам, что он поддерживал связь с советским разведчиком, работавшим в Брюсселе в фирме “Симмеско”. Активная разра-

ботка сотрудников фирмы и наблюдение за лицами, посещавшими это предприятие, дало возможность установить, что под прикрытием этой фирмы действовала советская разведка в Брюсселе и имела свои филиалы во Франции. В результате в 1942 году нами были проведены массовые аресты, как в Брюсселе, так и в Париже, в числе которых летом того же года в Брюсселе был арестован крупный советский разведчик “Кент”. “Кент” был нами завербован в качестве агента гестапо и включен в радиоигру с советской разведкой. При непосредственном участии “Кента” был выявлен ряд адресов советских разведчиков в Париже и произведены новые аресты.

К тому же периоду времени относится и арест советского резидента “Гранд-шефа”, который также, дав согласие на сотрудничество с гестапо, выдал известных ему советских разведчиков, еще находившихся в то время на свободе, и активно действовал по нашим заданиям против советской разведки. В 1943 году “Гранд-шеф” из-под стражи бежал и принятыми мерами розыска найден нами не был. Разведчик “Коэннен” был вызван нами в тыл германских войск в процессе радиоигры и арестован. Я сам допрашивал “Коэннена”. Хорошо помню, что его отец являлся в прошлом видным деятелем компартии Германии, членом рейхстага, а впоследствии выехал в Советский Союз.

Что же касается обстоятельств ареста других советских разведчиков, то по этому вопросу показать затрудняюсь. Во всяком случае, все они были нами арестованы в результате реализации показаний разведчиков, уже находившихся к тому времени под стражей в гестапо или же путем их выявления в процессе радиоигр с советской разведкой.

В начале 1943 года в Восточной Пруссии нами было арестовано еще 10 советских разведчиков, большинство из которых были привлечены к радиограммам. В тот же период времени в результате радиоигр был вызван еще один советский разведчик в Прагу и там арестован, фамилию его не помню.

Вопрос: Контрразведывательная деятельность, как вы показали, вами осуществлялась и на территории других государств? *Ответ:* Совершенно правильно, делом “А” проводились аресты советских разведчиков и в других странах.

В 1942 году германской радиоразведывательной службе удалось запеленговать находившуюся в Швейцарии близ французской границы действовавшую радиостанцию. По перехваченной и расшифрованной радиограмме было установлено, что эта радиостанция поддерживала связь с Москвой. Однако вскоре после этого советская разведка шифр заменила, что в дальнейшем исключало возможность контролировать работу советской резидентуры в Швейцарии.

По содержанию нескольких перехваченных нами радиограмм было установлено, что названная радиостанция передавала в Москву сведения о дислокации, количестве и состоянии германских войск на территории Франции. Больше того, в этих радиограммах сообщались особо секретные сведения, исходившие из ставки верховного командования германской армии и германского Министерства иностранных дел. Принятые меры к выявлению агентов, находившихся в генштабе и Министерстве иностранных дел, положительных результатов не дали, так как сводки подписывались женскими псевдонимами, что создавало большую трудность определить источника.

Поскольку эти сводки содержали в себе особо важные сведения, что давало основание считать, что в генштабе и Министерстве иностранных дел находились

агенты из числа руководящего состава, мы получили указание во что бы то ни стало выявить эту агентуру. В этих целях начальник 4-го Управления Мюллер вызвал в Берлин сотрудника швейцарской полиции Маурер, поставил его в известность о том, что на их территории близ французской границы действует радиостанция советской разведки, и предложил принять меры к ее ликвидации. Однако швейцарская полиция по каким-то причинам никаких мер в этом отношении не приняла, и радиостанция продолжала действовать.

К этому времени в г. Штутгарт по доносу местных жителей была арестована одна подозрительная женщина, и на допросе она призналась, что является советской разведчицей, переброшенной с территории Советского Союза для разведывательной деятельности в Германии. В ходе дальнейших допросов выяснилось, что эта разведчица должна была установить связь с другим советским агентом, имевшим непосредственное отношение к радиостанции в Швейцарии, и использовать ее для передачи сведений в Москву. Показаниями этой разведчицы воспользовался действовавший в Швейцарии германский разведывательный орган. В результате проведенной комбинации путем внедрения своей агентуры была установлена через эту задержанную связь с радиостанцией. Впоследствии эта радиостанция была использована германской разведкой для дезинформации советского командования. Показать подробно, как проводились все эти мероприятия и кто из агентов германской разведки был внедрен в швейцарскую резидентуру, не могу, так как детали мне не известны.

В отношении вскрытой нами швейцарской резидентуры принимался и еще целый ряд мероприятий, в частности гестапо особо усиленно добивалось получить шифр, которым пользовалась советская разведка и Швейцария для связей с Москвой. В этих целях по линии гестапо длительное время проводился розыск книги, по которой шифровались радиограммы. Однако какие конкретно были достигнуты результаты в процессе работы гестапо над швейцарской резидентурой, мне неизвестно. Знаю лишь, что путем внедрения немецкой агентуры в швейцарскую резидентуру и перевербовок агентов советской разведки гестапо удалось организовать радиоигру с Москвой.

Вопрос: Что преследовало гестапо этими радиоиграми? *Ответ:* В основном радиоигры раскрывали для гестапо направление деятельности советской разведки, что ясно было видно по тем запросам, которые поступали из Москвы в адреса советских разведчиков за границей. В зависимости от этого гестапо и строило свою контрразведывательную работу, прикрывая все те участки, из которых могли поступать интересующие советскую разведку сведения.

Кроме того, путем радиоигр выявлялись еще неизвестные германской разведке советские разведчики, действовавшие в тылу немецких войск. В этих целях в ходе радиоигр проводились всякого рода комбинации и советскую разведку провозгласили на сообщение новых адресов, фамилий и связей разведчиков, с тем чтобы принять соответствующие меры к пресечению их деятельности.

Радиоиграми проводилась также дезинформация советского командования по вопросам военного и политического характера. В данном случае отделом "А" на основании материалов, полученных из германских штабов, составлялись ложные сведения, и в ходе радиоигр они направлялись советскому командованию.

Все эти мероприятия нами проводились также и против английской разведки. Причем контрразведывательная деятельность против английской разведки

началась с 1941 года, после того как на территории Голландии было арестовано несколько английских разведчиков-парашютистов. Эти английские агенты были завербованы гестапо, и при их участии началась первая радиоигра с англичанами. Но основные, контрразведывательные мероприятия против деятельности английской разведки стали осуществляться в ходе работы по борьбе с движением Сопротивления во Франции, которое активно поддерживалось английским правительством. Английская разведка снабжала группы движения Сопротивления во Франции боеприпасами, продовольствием.

В ходе организованных радиоигр гестапо дезинформировало английскую разведку о местах дислокации групп движения Сопротивления, указывало места для сброски оружия и боеприпасов, заранее подготовленные немцами. Таким образом, гестапо этими радиоиграми тормозило развитие и активизацию движения Сопротивления во Франции.

В результате этих мероприятий гестапо удалось захватить также большое количество оружия, снаряжения и боеприпасов и в то же время ликвидировать очаги сосредоточения французских патриотов. В ходе тех же радиоигр гестапо дезинформировало английскую разведку по вопросам военного характера.

Особенно англичане интересовались количеством германских войск на территории Франции. Гестапо направляло в английскую разведку завышенные сведения о количестве германских войск, находившихся во Франции, ставя своей целью создать у английского командования ложное впечатление о значительно больших, чем это было в действительности, немецких вооруженных силах во Франции. Вот все, что я могу показать о деятельности первого и второго отделений отдела «А» гестапо».

Инофрмацию о проведенных германской военной контрразведкой радиоиграх на Восточном фронте советские спецслужбы также получали из захваченных трофейных документов. Так, в отчете начальника 304-й абверкоманды²¹¹ от 8 мая 1944 года о результатах контрразведывательной деятельности за апрель 1944 года специальный раздел был посвящен радиоиграм: «Радиоигры «Секретная связь». В настоящее время абверкомандами проводятся 4 радиоигры «Секретная связь», 2 из которых («Аня» и «Вапс») возобновлены в отчетном месяце. Радиоигра «Аня» началась 15 апреля 1944 г. в абверкоманде-301²¹². Схваченный вражеский радист принадлежал к группе разведотдела 2-го Прибалтийского фронта численностью 10 человек. Группа была заброшена 26 марта 1944 г. с заданием проводить разведку противника и осуществлять диверсии.

Радиоигра «Вапс» началась 22 апреля 1944 г. в абверкоманде-326²¹³, а также VAO-326²¹⁴ в Ревеле. Игра ведется с эстонским НКВД, который 7 апреля 1944 г. через Центральный штаб эстонских партизан забросил группу в составе 2 человек с заданиями проводить разведку и подрывную работу в районе Феллин – Тарту. Провадившаяся в VAO-326 радиоигра «Морская чайка» была в отчетном месяце прервана, так как с середины января 1944 г. она велась безрезультатно»²¹⁵.

Из приведенных выше рассказов явствует, что радиоигры разведывательной службы нацистской Германии обладали рядом особенностей. Во-первых, руководство радиоиграми с противником носило децентрализованный характер (до 14 февраля 1944 года, пока абвер не вошел в качестве Управления военной контрразведки — Militärisches Amt — в состав РСХА; после 20 июля 1944 года последнее было фактически поглощено IV и VI Управлениями РСХА).

Другими словами, военная разведка (абвер) и СД вели радиоигры независимо друг от друга, лишь изредка информируя о результатах. Во-вторых, на советско-германском фронте радиоигры немецких спецслужб преследовали в основном тактические цели и, как правило, велись против разведуправлений штабов армий или фронтов Красной армии, а не НКВД-НКГБ и Смерша.

Стоит подчеркнуть, что радиоигры, проведенные германской военной контрразведкой и РСХА, до настоящего времени остаются малоизученными эпизодами Второй мировой войны. В архивных документах советских органов безопасности в показаниях немецких контрразведчиков, оказавшихся в советском плену, хранятся лишь некоторые фрагменты об этих операциях.

В опубликованных воспоминаниях сотрудников абвера и РСХА радиоигры описаны очень скупо. Поэтому тема противостояния в эфире контрразведки Германии и разведок союзников по Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны еще ждет своего исследователя.

ОТВЕТНЫЙ ХОД СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

ВСТУПЛЕНИЕ

В январе 1941 года руководитель абвера контр-адмирал Вильгельм Канарис и начальник отдела «Абвер I» (военная разведка) полковник Ганс Пикенброк получили приказ от начальника оперативного отдела ОКВ генерал-полковника Альфреда Йодля собрать развединформацию о группировке Красной армии, дислоцированной на западной границе Советского Союза.

Во исполнение этого приказа филиалам абвера в европейских странах были даны инструкции об активизации разведывательной работы против Советского Союза по всем линиям, в том числе по заброске агентов на его территорию. Примерно за три месяца до нападения на СССР абвером был создан специальный орган, получивший кодовое наименование штаб «Валли».

С началом военных действий против Советского Союза в соответствии со ставкой на «блицкриг» действовала и немецкая разведка. В ходе первого этапа войны на Восточном фронте германские спецслужбы выполняли следующие задачи: 1) проведение агентурной разведки на линии фронта и в ближнем тылу Красной армии; 2) срыв эвакуации промышленных предприятий, прежде всего военного значения; 3) проведение диверсий на коммуникациях в прифронтной полосе; 4) распространение провокационных слухов и создание паники среди мирного населения.

Вскоре после нападения на СССР германские спецслужбы предприняли энергичные попытки создать из предателей Родины и военнопленных диверсионно-разведывательные подразделения с целью их последующего использования для организации диверсий в тылу Красной армии, сбора разведсведений о дислокации воинских подразделений, передвижениях военной техники и грузов, оборонном потенциале СССР. При этом особое внимание было уделено подбору кадров, которых, по мнению немецкого командования, можно было эффективно использовать для проведения шпионских заданий в глубоком тылу.

В мемуарах начальника разведслужбы послевоенной Германии Райнхарда Гелена ситуация, сложившаяся на Восточном фронте в начале 1942 года, в целом описана довольно объективно. Естественно, что Гелен не забыл посетовать и на «плохую погоду, лютые морозы» и т. п., хотя это была и не главная причина поражений вермахта на советско-германском фронте: «Обстановка на начало 1942 года характеризовалась тем, что нам удалось на всех участках групп армий “Центр” и “Юг” стабилизировать фронт, прорванный в зимние месяцы. Контрнаступление русских привело на отдельных направлениях к оставлению нами значительных территорий. Имелись существенные потери в снаряжении и боевой технике. Но самым тяжелым было, пожалуй, то, что немецкий солдат после двух лет побед впервые столкнулся если не с поражением, то с мощными

контрударами противника. А это повлекло за собой опасные психологические последствия, хотя вина за случившееся падала в первую очередь на погодные условия — непролазную грязь и морозы до минус 56 градусов, а также нехватку, особенно вначале, зимнего обмундирования и сильно поредевший боевой состав частей и подразделений»²¹⁶.

Правда, в мемуарах Скорцени, который, в отличие от Гелена, был участником осенне-зимней кампании 1941-го на Восточном фронте, речь шла о 30-градусных морозах²¹⁷. К тому же не только мороз «прорядил» боевые порядки зарвавшихся вояк.

По мере нарастания сопротивления гитлеровским войскам со стороны Красной армии, срыва плана «молниеносной войны» немецкому командованию пришлось перестраивать и деятельность разведывательных служб. Этим в первую очередь объясняется возросший интерес абвера к вопросам политического и экономического характера, промышленному потенциалу СССР, расположенному в глубоком тылу. Другое новое направление в деятельности германских разведслужб — это транспортные узлы и коммуникации в центральной и восточноевропейской части Советского Союза, поставлявшие на фронт войска, боевую технику и другие необходимые грузы.

Немецкая разведка пыталась создать в этих районах свои разведывательные резидентуры для обеспечения повседневного контроля за стратегическими перевозками военных и народно-хозяйственных грузов по железным и шоссейным дорогам, состоянием железнодорожного хозяйства, пропускной способностью, районами строительства новых или расширения старых путей. Наблюдая за переброской воинскими перевозками, немецкая разведка старалась разгадать замыслы советского Верховного командования, выяснить мобилизационные ресурсы и возможности, районы формирования новых соединений, установить места дислокации эвакуированных оборонных заводов, характер и количество выпускаемой продукции, тактико-технические характеристики новейших образцов военной техники и вооружения.

Особое внимание немецкая разведка уделяла районам сосредоточения основных оборонных и промышленных объектов на Урале, в Сибири, республиках Средней Азии и Закавказья. С этой целью абверовские агенты выбрасывались в глубокий советский тыл с самолетов с заданием обосноваться в крупных городах и следить за работой промышленных предприятий, наличием стратегических сырьевых, продовольственных и топливных ресурсов.

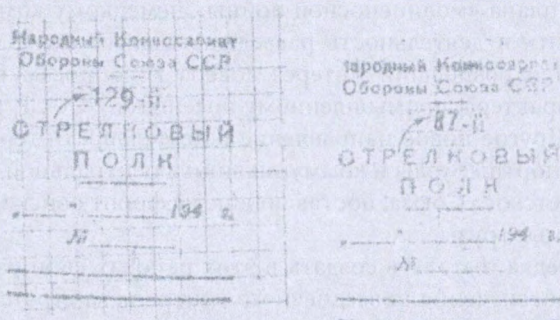
В результате коренного перелома на фронтах Великой Отечественной немецкое командование сосредоточило основные усилия своей разведки на выяснении планов советского Верховного главного командования, вскрытии стратегического направления главного удара. В связи с этим многим агентам ставилась задача выяснить, на каком участке фронта находятся знаменитые советские военачальники Г.К. Жуков²¹⁸, К.К. Рокоссовский²¹⁹, которых противник считал «генералами наступления».

С расширением числа разведывательных задач абверу вменялась организация диверсионной работы в прифронтовой полосе и на различных стратегических объектах, расположенных в глубоком тылу Советского Союза, с тем чтобы ослабить экономический потенциал и облегчить положение своим войскам на советско-германском фронте. Наряду с подготовкой диверсий немецкие разве-

Печати и штампы

Для облегчения работы немецкая разведка часто изготавливает печати и штампы с пропуском номеров воинского подразделения. В этом случае агенты снабжаются резиновой пластинкой с цифрами, которые могут быть вырезаны и подклеены на пустые места в печати. При неаккуратной работе на оттиске такой печати или штампа вставленные цифры отличаются от всего текста печати своим неправильным расположением, несоответствием размера и характера шрифта всему остальному тексту, отличной от всего остального текста интенсивностью и равномерностью штемпельной краски и т. п.

Примеры оттисков такого «универсального» штампа, в котором вставлены цифры «129» и «87» приведены ниже.

Другими наиболее распространенными «универсальными» печатями и штампами являются следующие:

107

Образцы подделок советских документов, изготовленных германской военной разведкой

дывательные службы большое внимание уделяли подготовке террористических актов против членов высшего государственного, военного и партийного руководства СССР.

Немецким спецслужбам удалось хорошо поставить работу службы радиоперехвата, что позволило получать различного рода оперативную информацию. Внимательному анализу подвергались трофейные документы, захваченные в штабах и учреждениях РККА, скрупулезно анализировались личные документы попавших в плен и убитых советских солдат и офицеров — все это давало необходимый материал для активных действий против СССР.

Стремясь подорвать Советское государство изнутри, сковать часть сил Красной армии, абвер и СД потратили немало сил, пытаясь организовать в некоторых республиках и районах СССР повстанческие, националистические движения. В этих целях на территории самой Германии создавались многочисленные «национальные комитеты», грузинские и армянские «легионы», калмыцкий «корпус» доктора Долля, «ост-мусульманские батальоны»²²⁰ и т. п.

Для борьбы против Советского Союза гитлеровские спецслужбы широко использовали белоэмигрантские организации Народно-трудовой союз нового поколения» (НТСНП), Боевой союз русских националистов, Братство русской правды (БРП), Организацию украинских националистов (ОУН)²²¹ и другие. Насколько серьезной была опасность, грозившая советскому тылу и всей обстановке на фронтах в 1944 году, может служить следующий эпизод.

Весной 1944 года германская разведка подготовила для заброски на территорию бывшей Калмыцкой АССР специальный десантный корпус из изменников Родине — калмыков по национальности. На корпус возлагались задачи: объединить действовавшие в Калмыкии мелкие повстанческие группы и организовать восстание калмыков против советской власти; проведение крупных диверсионных актов с целью разложения советского тыла. Попытка немцев перебросить «калмыцкий корпус» на территорию СССР была сорвана активными мероприятиями органов военной контрразведки «Смерш» ГКО СССР. Всего в калмыцких степях германская разведка планировала высадить 36 эскадронов численностью более 4 тысяч человек. Подробнее об этом будет рассказано в главе, посвященной радиоигре «Арийцы».

С началом войны немецкая разведка создавала специальные подразделения, по преимуществу укомплектованные личным составом, хорошо владевшим русским языком, для захвата узлов коммуникаций, организации диверсий, распространения панических слухов и т.п. Тактика действий таких «абверкоманд» по мере продвижения линии фронта на запад существенно изменялась. Они стали маскироваться под передовые части наступающей советской армии, якобы вступавшие в освобожденный от гитлеровцев населенный пункт, объявляли регистрацию лиц, желающих с оружием в руках продолжить борьбу с оккупантами, коммунистов, партизан, а затем их уничтожали.

Так как наш рассказ в основном будет посвящен специальным операциям советской контрразведки, относящимся к периоду 1944–1945 годов, несколько слов скажем о планах «тайной войны», которые были у германской разведки. Современному читателю покажется фантастичным, что в то время, когда вермахт на советско-германском фронте терпел одно поражение за другим, в недрах VI Управления РСХА зрели планы проведения широкомасштабных диверсионно-подрывных

операций в советском тылу: от покушения на Сталина²²² до равертывания псевдопартизанского движения.

На самом деле в этом нет ничего удивительного. Таковы законы «тайной войны». Психология диверсанта-разведчика диаметрально противоположна психологии солдата и офицера любого другого вида вооруженных сил любой армии мира. Если мышление пехотного командира оперирует в основном дихотомичными категориями «наступление – оборона», то командир спецвойск мыслит, если можно так выразиться, «стереоскопически». Для него понятие «оборона» лишь вынужденная форма ведения боевых действий, причем только в том случае, если операция потерпела поражение.

Другими словами, когда пехота и танки могут или наступать, или обороняться, бойцы спецподразделений всегда идут только вперед, для них само понятие «линия фронта» — иллюзорно. Пребывание в тылу врага — это «жизненная среда», в которой диверсант должен чувствовать себя как рыба в воде. Весь процесс боевой подготовки «спецназовца» направлен на то, чтобы в экстремальной ситуации он мог вести себя естественно. Другими словами, война для бойца спецподразделения не имеет «линии фронта». Постоянная готовность встретить опасность лицом к лицу — сущностная черта психологии «спецназовца». Отсюда и жесткие, а порой и жестокие формы и методы ведения боевых действий.

Одновременно с ликвидацией абвера и переподчинением его структур РСХА часть личного состава «бранденбуржцев», наработанные формы и методы подготовки и нереализованные планы диверсантов Канариса стали достоянием «СС Ягдфербанд». Заметим, что примерно за год до того момента, когда абвер перестал существовать, командиру первого диверсионного подразделения СД «Фриденваль» (на тот момент еще почти никому не известному) гауптштурмфюреру СС Скорцени удалось переманить в свои ряды нескольких опытных «бранденбуржцев», имевших за плечами четырехлетний опыт проведения диверсионных операций в Греции, Голландии, Норвегии и других странах, в том числе и на советско-германском фронте в 1941–1943 годах.

Вот лишь некоторые из планов, укоторые витали в головах руководителей германской разведки. В 1944 (!) году немцы планировали направить в глубокий советский тыл диверсионно-повстанческие отряды численностью по 120–170 человек каждый с целью организовать восстание против советской власти в Средней Азии, перебросить на самолетах 36 батальонов для восстания в Калмыкии, создать широкомасштабное псевдопартизанское движение на освобожденной от оккупантов территории, взорвать стратегические мосты через Волгу, чтобы перерезать снабжение советских войск продукцией военных заводов Урала и Сибири...

Однако реализации этих амбициозных планов помешали Красная армия, высокий профессионализм и мужество советских контрразведчиков. В тот период перед советской контрразведкой встала серьезная задача — не только нейтрализовать действия вражеской агентуры в советском тылу и прифронтовой полосе, разоблачать засылаемых диверсантов и шпионов, но и взять инициативу в свои руки, обратить оружие, созданное противником, против него самого.

РАДИОИГРЫ ЛУБЯНКИ

Победа советского народа в годы Великой Отечественной войны слагалась не только из героических подвигов на полях сражений, на заводах и фабриках в тылу, но и на фронтах «тайной войны». Война, развернувшаяся между спецслужбами Германии и Советского Союза, также приняла невиданные до этого масштабы.

Порой именно успехом или неуспехом на невидимых полях сражений определялась победа в той или иной стратегической операции на фронтах Великой Отечественной. Наряду с традиционными боевыми действиями на суше, на море и в воздухе разгорелась настоящая битва в радиоэфире.

Радиоигры со спецслужбами противника были взяты на вооружение и НКВД–НКГБ СССР, а с весны 1943 года их проведение было возложено на Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР. В документах советской военной контрразведки такие специальные операции получили для обозначения заглавную литеру «Э», по первой букве слова «эфир».

При помощи радиоигр советской военной контрразведке в годы Великой Отечественной войны удалось решить следующие задачи: эффективно дезинформировать германскую разведку, оказывая тем самым большую помощь командованию Красной армии на полях сражений; перехватывать каналы связи разведки противника со своей агентурой, заброшенной в советский тыл, и тем самым парализовать подрывную деятельность его агентуры в прифронтовой полосе и глубоко в тылу; вызывать на нашу территорию агентов германской военной разведки и РСХА с последующей нейтрализацией или перевербовкой; «подставлять» германской разведке наших агентов под видом содержателей явочных квартир или других лиц; внедрять своих агентов непосредственно в разведорганы противника, в том числе в школы по подготовке разведчиков-диверсантов и радистов; своевременно выявлять действующие в советском тылу резидентуры врага, созданные как в довоенный период, так и в годы войны; создавать необходимые условия для проведения контрразведывательной работы в выгодном для советской разведки направлении и др.

Агентурные комбинации с использованием перевербованных агентов-радистов противника (радиоигры) проводились советской контрразведкой на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. С их помощью советские органы безопасности нанесли германским спецслужбам существенный урон. Прежде всего, радиоигры использовались Генштабом Красной армии и Ставкой Верховного главнокомандования как средство быстрого доведения до противника нужной дезинформации и учитывались при разработке всех основных операций в ходе Великой Отечественной войны. Как показала практика военных лет, операции литеры «Э» советских спецслужб оказались весьма эффективным методом в сочетании с другими приемами дезинформации, осуществлявшимися непосредственно на фронтах.

Советская контрразведка впервые использовала захваченную агентурную группу германской военной разведки, снабженную приемно-передающей аппаратурой, для дезинформации противника с начала августа 1941 года. 2 августа 1941 года нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия направил за № 2580/6 докладную записку в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину об аресте двух немецких парашютистов. В документе сообщалось:

Николай Михайлович Ендаков,
начальник 2-го отделения 1-го отдела
2-го Управления НКГБ СССР, полковник

«30 июля с. г. в Валдайском районе Ленинградской области приземлились 2 германских разведчика, которые сразу же были арестованы и доставлены в НКВД СССР. При допросе арестованные назвали: 1. Гавкин-Хаук М.А., 1905 года рождения, уроженец Ухтинского района Карело-Финской ССР, по национальности карел. С 1927 г. проживал в Финляндии, работал агентом по распространению журнала. 2. Пираг К.Г., по национальности латыш, уроженец Латвии, гор. Двинска, проживающий там до февраля 1941 года, после чего выехал в Германию через комиссию по эвакуации. По профессии монтер...

Ночью 30 июля с. г. оба разведчика с радиоаппаратурой на германском самолете, но с советскими опознавательными знаками были доставлены в Валдайский район Ленинградской области. Самолет после приземления улетел обратно, а Гавкин-Хаук и Пираг пошли в лес для того, чтобы переменить красноармейскую форму на гражданскую одежду, где и были местными колхозниками с помощью командира

арестованы. У задержанных были изъяты приемо-передаточная радиоаппаратура, шифры для передачи, два пистолета с патронами... НКВД СССР считает целесообразным совместно с Разведывательным управлением Генштаба Красной армии использовать радиста Гавкин-Хаук под нашим контролем для дезинформации германского командования в Финляндии о положении на Северо-Западном фронте. Прошу Ваших указаний»²²³. На документе резолюция: «Согласен. И. Сталин».

В сентябре 1941 года Особый отдел Северо-Западного фронта провел радиоигру с противником, в результате проведения операции удалось обезвредить 10 агентов германской военной разведки.

С осени 1941 года работу по ведению радиоигр одновременно проводили 2-е Управление НКВД СССР (начальник — П.М. Федотов²²⁴) и 2-й отдел НКВД СССР (с 18/20 января 1942 г. — 4-е Управление НКВД СССР; начальник — П.А. Судоплатов).

Во 2-м Управлении за организацию радиоигр с противником отвечал 1-й (немецкий) отдел (начальник — майор ГБ П.П. Тимофеев²²⁵). По инициативе П.П. Тимофеева и начальника 2-го отделения 1-го отдела старшего лейтенанта ГБ В.Я. Барышникова²²⁶ для проведения радиоигр первоначально была создана специальная группа из четырех человек — Н.М. Ендакова²²⁷, Г.Ф. Григоренко²²⁸, И.П. Лебедева²²⁹ и Д.П. Тарасова²³⁰. Затем проведение радиоигр было целиком возложено на 2-е отделение 1-го отдела; начальник — капитан ГБ Н.М. Ендаков.

В работе этого отделения были три основные линии: организация розыска агентуры противника, прошедшей подготовку в специальных школах; оперативное использование захваченных вражеских агентов; осуществление мероприятий по переброске нашей агентуры за линию фронта с целью внедрения в разведывательные и контрразведывательные органы противника. В 4-м Управлении эти же функции выполнял 2-й отдел; начальники — В.А. Дроздов²³¹ (январь-июнь 1942) и В.А. Какучая²³² (июнь 1942 — май 1943).

Наряду с 2-м и 4-м Управлениями НКВД СССР в радиоиграх с противником активное участие принимали контрразведывательные отделы (КРО) территориальных подразделений органов госбезопасности²³³.

Первой работой, на страницах которой в документально-художественной форме отечественному читателю рассказано о радиоиграх советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны, стала книга почетного сотрудника госбезопасности полковника Дмитрия Петровича Тарасова.

Об организаторах радиоигр советской контрразведки Д.П. Тарасов писал: «Зачинателями радиоигр с использованием захваченных агентов-радивистов разведывательных органов фашистской Германии, первопроходцами в этом важном деле, его организаторами являлись два замечательных, к великому сожалению, уже ушедших из жизни чекиста: начальник отдела центрального аппарата советской контрразведки генерал-майор (тогда майор госбезопасности с одним ромбом в петлицах) Петр Петрович Тимофеев и начальник отделения этого же отдела генерал-майор (тогда капитан госбезопасности с тремя шпалами в петлицах) Барышников Владимир Яковлевич... У Барышникова В.Я. было три заместителя, являвшиеся руководителями направлений. Одним из них, возглавлявшим направление, занимавшееся использованием захваченных вражеских агентов с рациями, был ныне покойный Ендаков Николай Михайлович, бывший особист авиации, носивший по привычке летную форму с двумя шпалами в петлицах. В свои тридцать два года он заслужил репутацию бывалого человека, имевшего весомый опыт оперативной работы. Достаточно сказать, что уже в возрасте 27–28 лет (1936–1937 гг.)

Владимир Яковлевич Барышников,
начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР,
полковник

он занимал пост комиссара авиации республиканской армии в Испании... Первоначально в подчинении Ендакова Н.М. было два работника: автор этих строк — оперативный уполномоченный с тремя кубарями в петлицах, вскоре повышенный в должности до старшего оперуполномоченного, и оперативный уполномоченный Лебедев Иван Павлович... Летом 1942 года в связи с увеличением объема работы группу пополнил еще один работник — оперативный уполномоченный Григоренко Григорий Федорович, 24-летний украинец, только что зачисленный в центральный аппарат контрразведки»²³⁴.

В наши дни книга Д.П. Тарасова, как непосредственного участника «войны в эфире», является важным источником по изучению радиоигр советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны. По его работе можно реконструировать многие подробности того, как осуществлялась подготовка той или иной операции в эфире.

СОВЕТСКАЯ РАДИОКОНТРРАЗВЕДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сначала немного истории... Первая мировая война пополнила арсенал технических разведок ведущих мировых держав новым, самостоятельным видом — радиоразведкой. Возможности радиоразведки обеспечивали «получение информации путем перехвата с помощью радиосредств открытых и зашифрованных сообщений, радиопереговоров; обработку и анализ полученных данных и подготовку на их основе информационных материалов для дальнейшей передачи заинтересованным структурам и органам страны»²³⁵.

Во время боевых действий на фронтах Первой мировой войны все воюющие стороны вели систематическое наблюдение за радиосвязью противника и осуществляли перехват передаваемых материалов. Например, англичанам удалось заполучить немецкий шифр и коды и, таким образом, регулярно расшифровывать радиограммы, которые немцы передавали своим дипломатам за границу, а также радиограммы, которыми обменивалось немецкое военно-морское командование с кораблями и подводными лодками. В свою очередь германская радиоразведка контролировала работу радиостанций противника и, таким образом, добывала данные о перемещении частей и оперативных планах военного командования стран Антанты.

В годы Первой мировой войны появились и первые технические средства разведки и радиоконтрразведки — радиопеленгаторы: «Радиопеленгаторы как средство радиошпионажа впервые появились в действующих армиях в 1915–1916 годах. Радиопеленгаторная аппаратура внесла новое содержание в радиошпионаж и принципиально расширила его возможности. С ее помощью стали определять местонахождение радиостанций противника и тем самым устанавливать расположение штабов, частей и соединений, время начала и направление их перемещений. С применением радиопеленгаторов засекались выходы в эфир и координаты передатчиков вражеских агентов»²³⁶.

После окончания Первой мировой войны наряду с традиционными для разведки и контрразведки способами и методами связи агентов со своими резидентами и

центрами стала внедряться агентурная радиосвязь. Этому способствовало развитие радиотехники, которое привело к созданию портативных радиопередатчиков и радиоприемников ВЧ-диапазона. С их помощью агенты-радисты могли при заброске их в тыл противника устанавливать устойчивую двухстороннюю радиосвязь с агентурным центром, находящимся на расстоянии в несколько сот километров.

Противостоять радиоразведке противника, выявлять и перехватывать его агентурные радиолинии призвана радиоконтрразведка, которая была способна «играть на одном поле» с радиоразведкой противника. В 1925–1926 годах радиоконтрразведка — служба перехвата — была создана в Германии. Одними из первых радиоразведку и использование агентурных радиостанций для связи со своей агентурой стали применять спецслужбы Германии. Об этом, в частности, написал в своей книге немецкий историк Герд Бухгайт:

«В этой невидимой борьбе тайных служб абвер с самого начала полностью осознал огромное значение радиосвязи, которая в техническом плане далеко ушла вперед со времен Первой мировой войны. Для систематического слежения за радиопереговорами в военных флотах других стран, имевших для нас преимущественное значение, были развернуты станции дальнего радиоперехвата. Они получили официальное обозначение В-Dienststellen (станции радионаблюдения)...»²³⁷

Взяв это новшество на вооружение, разведывательные службы нацистской Германии, прежде всего германская военная разведка, в 1934–1936 годах организовали массовую подготовку агентуры, в том числе обученной использовать для связи с разведцентром радиоаппаратуру. В этот период на территории Германии были созданы радиоцентры в Берлине, Мюнхене, позднее во Франкфурте-на-Майне, которые, как правило, были совмещены с центрами по подготовке агентов-радистов.

К началу Второй мировой войны радиоконтрразведывательные средства Германии представляли из себя мощные стационарные радиостанции, оснащенные современной аппаратурой, которая позволяла наблюдать за эфиром в диапазоне работы большинства радиостанций мира.

* * *

Советские спецслужбы, возможно, впервые столкнулись с радиошпионажем еще в период интервенции англо-французского десанта весной 1918 года в Мурманске. В материалах дела Французской военной миссии (ФВМ, 1918–1919) сохранилась такая запись: «Фаусси²³⁸ всячески стремился поддерживать связь с англо-французским командным составом десантного отряда, в частности, поступали к Нацаренусу²³⁹ заявления телеграфистов-морзистов, а также радиотелеграфистов, что кто-то тайно работает на морзе и радио. Хотя пользовавшегося аппаратом, за отсутствием надлежащей разведки, обнаружить не удавалось, тем не менее были полные основания предполагать, что эту связь по аппарату имеют именно лица французской миссии»²⁴⁰.

В молодой Республике Советов также обратили внимание на использование радиосвязи в целях разведки. 21 октября 1918 года в Рабоче-крестьянской Красной армии декретом СНК было создано Регистрационное управление (впоследствии Главное разведывательное управление Красной армии). Первым руководителем управления был назначен С.И. Аралов²⁴¹.

13 ноября 1918 года в составе 1-го (агентурного) отдела Регистрационного управления РККА по инициативе Аралова было создано первое подразделение

радиоразведки — приемно-контрольная станция в Серпухове (в апреле 1920 г. — приемно-информационная радиостанция при Полевом штабе Реввоенсовета республики), начальник — Х. Иванов. В 1920-х годах радиоразведка находилась в составе частей радиосвязи РККА. Станция в Серпухове осуществляла перехват и дешифровку радиogramм иностранных корреспондентов. В 1925 году подразделения радиоразведки начали создаваться и в советском Военно-морском флоте²⁴².

В начале 1930-х годов советская радиоразведка обрела самостоятельность, ее подразделения вывели из состава частей связи РККА и передали в Разведывательное управление (РУ) Штаба РККА, где была организована секция (отдел) радиоразведки, которую возглавил бригадный инженер Я.А. Файвуш, ведущий теоретик радиоразведки тех лет. Отдел осуществлял руководство отдельными радиодивизионами особого назначения (ОРД ОСНАЗ).

В предисловии к своей книге Файвуш писал: «Радиоразведка относится к числу самых новых видов разведки. В течение продолжительного времени ей не придавалось значение... При усовершенствовании методов работы и технической организации радиоразведка, несомненно, может дать весьма значительные результаты, и, что весьма важно, результаты часто совершенно недоступные другим видам разведки. ...Радиоразведке с полным успехом можно сопротивляться только пассивно, прекращением своей работы. Но не только в этом сила радиоразведки. Ее значение еще в том, что по отдаленности своего проникновения она не имеет соперников»²⁴³.

Последнее из указанных Файвушем преимуществ радиоразведки логически привело к использованию новых способов и методов агентурной связи в практике советских спецслужб. В 1931 году подразделения радиоразведки были исключены из батальонов связи. Началось самостоятельное организационное развитие радиоразведки, сначала в качестве тяжелых радиопеленгаторных рот, а затем, с начала 1935 года, в виде отдельных радиодивизионов особого назначения²⁴⁴.

Перед самым началом войны начальник Главного разведывательного управления Генштаба РККА генерал-лейтенант Ф.И. Голиков²⁴⁵ приказал сформировать и укомплектовать кадрами и спецтехникой 16 радиодивизионов ОСНАЗа. Они входили в состав Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Красной армии. В каждом батальоне было от 18 до 20 приемников перехвата и 4 пеленгатора.

С началом агрессии нацистской Германии против СССР эти подразделения стали основной организационной единицей радиоразведки. В ходе боевых действий на советско-германском фронте подразделения ОСНАЗа вели перехват открытых и зашифрованных сообщений немцев и их союзников в прифронтовой полосе и занимались пеленгацией вражеских передатчиков, создавали радиопомехи, участвовали в операциях по дезинформации противника.

* * *

Советская Радиоконтрразведывательная служба (РКРС) была создана несколько позже, чем другие структурные подразделения органов безопасности. В 1921–1937 годах, находясь организационно в системе Наркомпочтеля (Наркомат почт и телеграфа, позже — Наркомат связи), она была представлена т. н. «радиостанциями по контролю за эфиром». Как правило, контрольно-слежечные радиостанции в то время представляли собой один или два поста радиоконтроля, а также пеленгаторный пункт, удаленный от них на несколько сот метров.

В СССР служба радиоконтроля возникла в конце 1920-х — начале 1930-х годов прошлого столетия. Радиостанции службы радиоконтроля стали создаваться на всей территории страны: от севера до юга, от запада до востока. Одна из таких радиостанций была создана и в Архангельске. Это событие описано в статье ветерана радиоконтрразведки А.В. Урыкова: «С этого времени в крупных городах страны стали появляться контрольные радиостанции, входящие в систему Наркомата почт и телеграфов — НКПТ СССР (переименованного в конце 1932 года в Наркомат связи — НК связи), которые в оперативном плане подчинялись органам ВЧК-ОГПУ на местах. В Архангельске такая радиостанция (временная контрольная рация) начала функционировать 2 декабря 1932 года в небольшом помещении, находившемся в Гостином дворе на набережной Северной Двины.

Еще в феврале 1932 года ОГПУ по согласованию со Службой радиоконтроля НК связи наметило открыть в Архангельске контрольную радиостанцию, предназначенную «для контроля в радиоэфире деятельности правительственных радиосетей, радиостанций частного пользования и экспериментальных радиопередатчиков»... Необходимость скорейшего открытия контрольной радиостанции обуславливалась тем, что до сих пор не производилось никакого контроля за работой передающих радиостанций в приграничном Северном крае, вследствие чего создавались благоприятные условия для проникновения в радиоэфир враждебных или нелегальных радиопередач... Наличие временной рации давало возможность установить необходимый радиоконтроль за радиоэфиром, дающий ценный материал. Кроме этого, еще одним положительным результатом работы контрольной рации являлась возможность сформировать при ней группу высококвалифицированных радистов, имеющих опыт работы по контролю за радиоэфиром»²⁴⁶.

С конца 1930-х годов в НКВД СССР также приступили к созданию собственной радиоконтрразведывательной службы (РКРС), которая по тому времени имела на вооружении самую мощную и совершенную аппаратуру. Со временем становилось все более очевидным, что существующая структура организации и работы радиоконтрразведки в условиях, когда ее основные радиосредства и личный состав находились в системе Наркомата связи, не отвечала возросшим требованиям усиления борьбы с разведками противника.

По ходатайству органов безопасности Совет народных комиссаров СССР рассмотрел данный вопрос и 28 августа 1937 года выпустил по этому вопросу специальное постановление, в котором обязал Наркомат связи СССР «передать в Наркомат внутренних дел 22 контрольные радиостанции, 25 пеленгаторных пунктов и обслуживающую их лабораторию со всеми кадрами и имуществом».

Первое подразделение радиоконтрразведки советских органов безопасности входило в состав Отдела оперативной техники НКВД СССР. 19 июня 1938 года приказом НКВД СССР № 00378 Отдел оперативной техники был переименован во 2-й Спецотдел НКВД СССР²⁴⁷. С 1938 года и до конца Великой Отечественной войны отдел возглавлял генерал-лейтенант (1945) Е.П. Лапшин²⁴⁸. В составе этого отдела в 1939–1940 годах было создано самостоятельное отделение радиоразведки и радиоконтрразведки.

В обязанности РКРС входило: выявление, розыск и ликвидация нелегальных радиостанций на территории Советского Союза; разработка иностранных секретных радиосетей и реализация добытого материала через оперативные отделы; перехват шифрорádiограмм от иностранных радиостанций; оперативное

обслуживание радиолюбителей; техническое оснащение объектов радиослужбы в центре и на местах; подготовка личного состава для объектов радиослужбы; учет и контроль работы советских официальных и секретных радиостанций; контроль за организацией т. н. службы «мешающих действий» и оснащение этой службы средствами забивки и др.

На тот период аппаратура, находившаяся в ведении Наркомата связи, была морально устаревшей, а персонал обладал недостаточной технической подготовкой. В этой связи был принят ряд неотложных мер по оснащению радиоразведывательных и радиоконтрразведывательных подразделений новым оборудованием и подготовке квалифицированных кадров.

Согласно постановлению советского правительства в 1938 году было начато строительство 27 новых контрольно-слежечных радиостанций, 34 выделенных пеленгаторных пунктов и реконструкция 11 существующих пеленгаторных пунктов.

В 1939 году в основном были выстроены технические и подсобные здания для контрольных радиостанций и частично введены в эксплуатацию 38 вновь выстроенных пеленгаторных пунктов. На всех пунктах была установлена новая пеленгаторная аппаратура, изготовленная лабораториями 2-го Спецотдела НКВД СССР.

В 1940 году было полностью закончено строительство и были введены в эксплуатацию 13 контрольно-слежечных радиостанций и все пеленгаторные пункты. Всего с начала строительства выполнена работа на сумму 48 миллионов рублей. Новые 13 радиостанций были оснащены современной радиоаппаратурой, позволяющей осуществлять контроль за эфиром; установлено 227 приемников, 17 аппаратов звукозаписи и 56 аппаратов пишущего приема. На каждой контрольной радиостанции и выделенном пеленгаторном пункте установлены передающие устройства для осуществления связи в любое время с командными станциями и, наоборот, командных станций со всеми приданными к ним станциями.

Для специальной подготовки в 1939/40 учебном году были организованы 6-месячные курсы операторов-радиостов в гг. Новосибирске, Ростове, Хабаровске, Москве и Владивостоке. На курсах были подготовлены 205 радиостов. В 1940/41 учебном году были организованы такие же 8-месячные курсы в гг. Москве, Киеве, Ташкенте и Ленинграде, на которых обучалось 130 человек.

Однако и этой работы по подготовке квалифицированных специалистов оказалось недостаточно. По состоянию на 15 марта 1941 года в радиоразведывательных и радиоконтрразведывательных подразделениях НКГБ СССР имелся комплект больше 250 человек. В конце 1940 года при Высшей школе НКГБ СССР в Москве было организовано специальное отделение по подготовке руководящего состава работников радиослужбы со сроком обучения шесть месяцев, на которых обучалось 20 человек.

В предвоенный период были проведены и важные организационные мероприятия. До 1939 года отсутствовала единая методика в организации радиоразведывательной и радиоконтрразведывательной службы, не было оперативно-технического сочетания в деле взаимодействия периферийных средств сети контрольно-слежечных станций и пеленгаторных пунктов.

В результате деятельности радиоразведки и радиоконтрразведки в 1939–1940 годах на территории СССР выявлены 36 радиостанций иностранных разведок и 10 иностранных разведывательных сетей, в том числе две радиосети германской военной и военно-морской разведки.

3 февраля 1941 года указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД СССР был разделен на два наркомата — НКВД СССР и НКГБ СССР. В результате 2-й Спецотдел был преобразован в 4-й отдел НКГБ СССР (оперативной техники)²⁴⁹.

Вместе с тем к лету 1941 года оставался целый ряд нерешенных задач по совершенствованию работы радиоразведки и радиоконтрразведки. К их числу относились: существенный разрыв между разработками иностранных разведывательных сетей (4-й отдел НКГБ) и разработкой шифрованных материалов, перехватываемых от этих сетей (5-й отдел НКГБ); большой некомплект оперативного состава контрольно-слежечных радиостанций и недостаточная подготовка операторов к технике розыска и ориентировки в эфире; недостаточное внедрение в технику розыска нелегальных радиостанций передвижных пеленгаторов на автомашинах.

К числу недостатков 4-й отдел НКГБ относил и нерешенный вопрос о строительстве двух контрольно-слежечных станций и пяти пеленгаторных пунктов в Прибалтике, так как в начале 1941 года была обнаружена работа пяти нелегальных радиостанций в этом регионе и имелись данные о наличии значительно большего количества радиостанций, принадлежащих германской военной разведке.

Устранять эти недостатки пришлось уже в условиях военного времени.

* * *

В рамках оптимизации деятельности наркоматов и ведомств СССР 20 июля 1941 года указом ПВС СССР НКГБ и НКВД вновь были объединены в НКВД СССР. 4-й отдел НКГБ СССР был преобразован во 2-й Спецотдел НКВД СССР (контроль над всеми видами связи, радиовещание, радиоперехват, оперативная техника).

С первых дней войны РКРС организовала перехват и контроль переписки вермахта и разведывательных органов противника. Систематическое чтение радиопереписки позволяло органам госбезопасности получать ценную разведывательную и контрразведывательную информацию.

Кроме того, собственные подразделения, проводившие радио- и радиотехническую разведку, имели Главное разведывательное управление Красной армии, Разведывательное управление Главного морского штаба ВМФ, а также Управление войсковой разведки Генштаба КА. С этими подразделениями РКРС НКВД-НКГБ было налажено оперативное сотрудничество и тесное взаимодействие.

В конце 1941 года в расположении действующих частей Красной армии была установлена радиостанция, работавшая на частотах и иных радиоданных (коды, позывные, шифры и проч.), применявшихся советскими воинскими подразделениями, но отличавшаяся четкостью и аккуратностью при работе на телеграфном ключе.

Как выяснилось в ходе проверки, радиостанция использовалась немецкой агентурной группой. Немедленно во всех частях и соединениях Красной армии и ВМФ СССР были изменены радиоданные и установлены новые коды и шифры. Германская военная разведка своевременно не отреагировала на это обстоятельство, что позволило органам НКВД в короткие сроки установить и обезвредить большое количество разведывательных и диверсионных групп, действовавших в советском тылу и продолжавших применять для своей маскировки старые шифры и коды РККА.

Сотрудники НКВД-НКГБ постоянно совершенствовали формы и методы борьбы с противником, широко применяли новейшие оперативно-технические

средства. В частности, для фиксации работы агентурных радиостанций противника, заброшенных в прифронтовую полосу и советский тыл, формировались специальные разыскные радиопеленгаторные группы. На их вооружении имелись самые современные по тому времени технические средства: переносные радиопеленгаторы, спецавтобусы с пеленгаторной аппаратурой и проч. Первая такая группа начала действовать уже в сентябре 1941 года в районе Харькова. С ее помощью в Запорожье удалось выявить и установить местонахождение агентурной радиостанции противника. Артиллерийским огнем частей Красной армии вражеская радиостанция была уничтожена²⁵⁰.

Для обеспечения разыскных операций РКРС также были оборудованы специальные пеленгаторные самолеты типа ПО-2. Личный состав самолетов по договоренности с заместителем командующего ВВС КА генерал-полковником авиации А.В. Никитиным содержался за счет резерва Управления ВВС КА (УВВС).

Важную роль в совершенствовании и ее связи с работой оперативных подразделений органов безопасности в условиях крупномасштабных боевых действий на советско-германском фронте сыграл приказ НКВД СССР № 00566 о мерах по усилению радиоконтрразведывательной работы от 20 марта 1942 года.

Приказ ориентировал руководство центральных и территориальных органов безопасности на тесное взаимодействие в работе по розыску разведывательно-диверсионных групп противника, заброшенных в советский тыл: «Учитывая необходимость усиления радиоконтрразведывательной работы, наркомам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам управлений краев и областей, где дислоцированы контрольно-слежечные радиостанции и пеленгаторные пункты, обеспечить тесную оперативную связь между вторыми и пятыми спецотделами для использования расшифрованных материалов радиоперехвата в интересах контрразведывательной работы. В этих целях обеспечить тесную связь вторых спецотделов с оперативными отделами и следственными частями, в первую очередь по линии 2-го Управления и Управления особых отделов. Кроме того, необходимо уделить серьезное внимание радиоконтрразведывательным станциям и пеленгаторным пунктам и оказать необходимую помощь в их работе»²⁵¹.

В документе приведен эпизод, когда в конце января 1942 года контрольно-слежечными радиостанциями 2-го Спецотдела НКВД СССР была зафиксирована новая учебно-тренировочная линия радиосвязи между двумя подцентрами германской военной разведки. Дальнейшее наблюдение показало, что в первой половине февраля после краткого перерыва одна из точек изменила характер работы и, по данным пеленгаторной сети, местонахождение ее определялось на нашей территории.

Одновременно дешифровальная группа 2-го Спецотдела, раскрыла код, менявшийся при обмене, и обеспечила расшифровку перехватываемых телеграмм. Это сочетание с работой оперативно-разыскной группы 2-го Спецотдела, выехавшей в район действия радиостанции, позволило с помощью одного из оперативных управлений и частей НКВД арестовать большую группу агентов германской разведки.

Несколько забегая вперед, скажем, что «большая группа агентов», об аресте которой шла речь в приказе, положила начало одной из первых радиоигр с противником и получила кодовое наименование «221». Об этой радиоигре и других спецоперациях, проведенных с весны 1942 до весны 1943 года (т. е. до образования

контрразведки «Смерш»), будет рассказано отдельно. В дальнейшем РКРС сыграла заметную роль в «Большой игре» в эфире, которую в годы войны вели сотрудники советской контрразведки.

Например, уже в ходе одной из первых радиоигр с германской военной разведкой — «Ястреб» (14 марта — 2 декабря 1942 года) — сотрудники РКРС 2-го Спецотдела НКВД СССР установили возможную причину прекращения радиосвязи центра со своим агентом. При передаче последней радиограммы перевербованный агент-радист ошибочно передал в радиограмме вместо условного знака «А» — знак «Т», свидетельствующий о работе агента по принуждению советских органов безопасности.

РКРС 2-го Спецотдела НКВД СССР активно участвовала в розыске разведывательно-диверсионных групп противника, заброшенных в советский тыл. Так, например, в августе–сентябре 1942 года РКРС зафиксировала активность агентов-радистов германской и финской военных разведок на северном фланге советско-германского фронта.

В спецсообщении заместителя начальника 5-го отделения 2-го Спецотдела НКВД СССР капитана-инженера Е.С. Анцеловича²⁵² в НКВД СССР от 14 сентября 1942 года говорилось: «В последних числах августа радиоконтрразведывательной службой 2-го Спецотдела зафиксирована агентурная радиостанция в районе Каргополь – Няндама Северной железной дороги, которая держит связь с центром в Таллине. С начала сентября в этом районе зафиксирована вторая группа, которая держит связь с центром в Таллине и с первой агентурной группой.

1 сентября в районе Коноша были найдены материалы, сброшенные на парашюте. Предварительное изучение этих материалов путем сопоставления с данными радиоперехвата позволило установить, что эти материалы предназначались для указанных выше агентурных групп... 2-м Спецотделом для розыска диверсионных групп направлены в район Каргополь – Няндама две оперативно-разыскные группы из Москвы и Архангельска. Одновременно дешифровальной группой радиоконтрразведывательной службы 2-го Спецотдела НКВД СССР производилась разработка шифра. В настоящее время удалось установить систему шифра и производится восстановление кодовой таблицы»²⁵³.

Директивой 2-го Управления НКВД СССР от 25 сентября 1942 года предписывалось при организации и проведении радиоигры для осуществления контроля над работой в эфире перевербованного агента-радиста противника выделять радиоспециалиста 2-го Спецотдела, «знающего работу на ключе».

РКРС вместе с органами военной контрразведки оказала большую помощь командованию Красной армии при планировании и проведении оборонительных и наступательных операций на советско-германском фронте.

Сведения о дислокации и численном составе основных группировок германских войск, готовящихся наступательных и оборонительных операциях противника, сосредоточении резервов и т. п. оперативно передавались в Ставку Верховного главнокомандования (ВГК).

Так, в июле 1942 года органы госбезопасности передали в Ставку ВГК разведывательную информацию о том, что германское командование создало на юге две крупные армейские группировки: «А» — в составе 1-й танковой армии, 17-й армии, 3-й румынской армии, итальянской армии, групп «Витерсхейм», «Крым» и «Б» — в составе 2-й и 6-й армий, 4-й танковой армии и других соединений. Одно-

временно было сообщено, что группировка «А» будет наступать на Северный Кавказ, а группировка «Б» — наносить удар по частям Красной армии между Доном и Волгой в направлении на Сталинград, прикрывая фланги армий, продвигающихся на Кавказ.

В августе 1942 года советская контрразведка, используя данные радиоперехвата, сообщила командованию Сталинградского и Донского фронтов сведения о том, что в 6-ю армию генерал-полковника Ф. Паулюса входят 8-й и 51-й армейские, 14-й и 24-й танковые корпуса, а в 4-ю армию Г. Гота — 4-й армейский, 48-й танковый и 6-й румынский армейский корпуса. 30 августа 1942 года советские спецслужбы информировали командование Красной армии о том, что 4-я танковая армия получила задачу к 1 сентября соединиться с 6-й армией и захватить Сталинград.

РКРС было обращено внимание на то, что немецкие самолеты-разведчики, обнаружив движение железнодорожного транспорта, немедленно сообщали об этом по радио командованию люфтваффе. Вслед за таким сообщением на этот участок железной дороги вылетали немецкие бомбардировщики. Перехват сообщений германских самолетов-разведчиков позволил советской радиоразведке своевременно оповещать о том, какой участок железной дороги будет подвергнут бомбардировке. Это во многих случаях давало возможность советской истребительной авиации рассеивать немецкие самолеты еще до подхода к цели.

Во время массированных налетов на советские города и населенные пункты РКРС было также зафиксировано, что командование люфтваффе часто меняло задачу самолетам, находившимся в воздухе, сообщая новую цель по радио. РКРС перехватывала радиопереговоры немецких летчиков и нередко успевала предупредить командование Красной армии об ожидаемых массированных налетах, что позволяло вовремя подготовить средства ПВО соответствующего города и поднять в воздух истребительную авиацию.

РКРС оказывала существенную помощь территориальным подразделениям НКВД-НКГБ СССР в их нелегкой работе. Например, 25 марта 1943 года начальник УНКВД по Ярославской области полковник ГБ В.В. Губин²⁵⁴ направил телеграмму во 2-й Спецотдел НКВД СССР.

В документе, в частности, говорилось: «20.III-[19]43 г., между 22–23 часов во время приближения самолетов противника к Константиновскому нефтеперегонному заводу (Тутаевский р-н Ярославской области), находящемуся в 32 км от города Ярославля, радиостанцией РСБ-147 истребительной авиалинии на волне 176 три раза прослушивалась работа неизвестной радиостанции на немецком языке. Этой же радиостанцией РСБ в тот момент было также отмечено, что когда наши самолеты находились в воздухе, то немецкие самолеты к объекту не подходили, а как только нашим самолетам было передано указание идти на посадку, то после этого через полчаса появились самолеты противника и сделали три захода с бомбометанием на завод. Во время бомбардировки неизвестная радиостанция не работала. Сообщая вышеизложенное, прошу район Константиновского завода взять под наблюдение и, если возможно, выслать нам пеленгаторную установку для определения местонахождения неизвестной радиостанции. О Вашем решении прошу меня уведомить».

В тот же день запиской по ВЧ начальник 2-го Спецотдела сообщил в Ярославль о том, что радиопередача «20 марта 22–23 часа на волне 176 по всем признакам

производилась самолетом-разведчиком противника». Эта информация РКРС позволила ярославским контрразведчикам не тратить впустую силы на розыск «неизвестной» радиостанции, а сосредоточиться на совершенствовании ПВО промышленных предприятий Ярославля.

Весной 1943 года произошла очередная реорганизация советских спецслужб. 14 апреля 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР НКГБ было выделено из состава НКВД СССР, а 2-й Спецотдел преобразован в Отдел «Б» НКГБ СССР (1943–1946). Непосредственно функции радиоконтрразведки были возложены на 3-е отделение Отдела «Б» НКГБ СССР.

Накануне сражения под Курском, 14 мая 1943 года, начальник УНКГБ по Курской области подполковник ГБ В.Т. Аленцев²⁵⁵ направил в Отдел «Б» НКГБ СССР служебную записку с просьбой срочно командировать в Курск спецгруппу с пеленгаторной аппаратурой для розыска агентурной радиостанции противника:

«...сообщаю, что 10 мая с. г. на гор. Щигры произведен налет вражеской авиации в количестве 40 самолетов, которые были встречены нашими самолетами. В ходе воздушного боя одновременно на одной и той же волне работала рация, с которой давались нашим самолетам указания, идущие вразрез указаниям командующего — руководителя боем, как, например: если экипажам наших самолетов давались указания “на разворот”, то одновременно с другой рации следовало указание “на посадку” и т. д. По заключению командующего, другая радиостанция работала в окрестностях Курска, поэтому еще раз настоятельно прошу Вас срочно командировать в Курск спецгруппу работников с пеленгаторной радиоаппаратурой».

4 июня в Курск за подписью заместителя начальника Отдела «Б» полковника ГБ В.М. Блиндермана²⁵⁶ был направлен ответ, в котором сообщалось, что «противник систематически проводит с занятой им территории дезинформационные передачи, в частности передачи ложных команд».

Одновременно УНКГБ по Курской области было уведомяно, что после освобождения Курска там работала оперативно-розыскная группа РКРС, которая не выявила наличия агентов-радиостов противника в этом районе, а если таковые появятся в районе Курска, то они будут выявлены стационарными пунктами Отдела «Б» НКГБ СССР.

Примером активного участия РКРС в обнаружении агентов-радиостов противника, заброшенных в советский тыл, служит эпизод, приведенный в спецсообщении наркома госбезопасности СССР в НКВД СССР в мае 1943 года. В документе, в частности, говорилось: «Радиоконтрразведывательной службой НКГБ СССР 21 мая текущего года была засечена работа немецкой агентурной станции в районе г. Москвы. При этом также была перехвачена, затем дешифрована первая радиogramма вражеского радиоагента, в которой он сообщал о своем благополучном приземлении.

В результате дальнейшего наблюдения за работой этой станции 27 мая установлено, что радиоагент противника находится в районе г. Орехово-Зуево, куда были выброшены оперативные группы НКГБ СССР с приданными им радиопеленгаторными средствами с задачей розыска и ареста вражеского агента. 29 мая в 7 часов 30 минут в момент выхода вражеского радиоагента в эфир путем пеленгации было установлено, что он находится в лесу в 20–25 км юго-восточнее г. Орехово-Зуево, куда были направлены оперативно-поисковые группы. Одна из этих групп в 8 часов 30 минут при помощи радиопеленгационного аппарата

прямо вышла на радиоагента противника, находившегося на одной из полянок в лесу, и захватила его в момент передачи по радиации очередной радиogramмы противнику»²⁵⁷.

В справке 3-го отделения Отдела «Б» НКГБ СССР «Об агентурных радиосвязях противника» обобщены результаты деятельности РКРС за период с 22 июня 1941 по 15 июня 1943 года. В документе отмечалось, что с начала войны, по имеющимся данным, противник перебросил на территорию СССР 373 агента-радиста, из которых добровольно явились с повинной в органы НКВД-НКГБ-Смерш или задержаны ими до начала работы в эфире 279 агентов. При этом в документе было отмечено, что из общего числа переброшенных агентов-радистов РКРС до ориентировки оперативных управлений НКВД не имела данных лишь о трех агентах. Все остальные вызовы и связи были выявлены РКРС.

Из не задержанных агентов-радистов установили или пытались установить связь 14 агентов, из них семь агентов были выявлены и найдены силами РКРС или оперативными управлениями НКВД-НКГБ по ориентировкам и с участием РКРС. Еще пять агентов-радистов противника выявлены РКРС, разыскивались ею, но были задержаны оперативными управлениями НКВД-НКГБ. На момент составления справки оставшиеся два агента выявлены РКРС и разрабатывались ею совместно с оперативными управлениями НКГБ-Смерш.

Одновременно в результате оперативных мероприятий, проведенных РКРС, были выявлены 18 радиостанций противника, с которыми переброшенные в советский тыл агенты-радисты установили или пытались установить связь. В том числе центральные радиостанции германской военной и военно-морской разведки в Варшаве (позывной «Валли») и в Симферополе (позывной «Зеехунд»), разведывательный радиостанция при штабе группы армий «Север» (позывной «Марс»²⁵⁸, Псков) и др.

Выявление радиостанций противника обеспечивалось контрольно-слежечными радиостанциями, расположенными как в Москве, так и в других городах. РКРС и ее подразделения вели разведку эфира на всем диапазоне частот. Путем пеленгации и по содержанию передаваемого материала выявляла дислокацию и принадлежность радиосетей и отдельных радиоточек частей вермахта, полиции и жандармерии, а также германских агентурных радиостанций, находящихся в советском тылу.

Не оставалась без внимания работа радиолиний стран — союзников нацистской Германии, в том числе финской военной разведки. В середине июня РКРС зафиксировала повышение активности работы финских агентов, заброшенных в советский тыл. В справке Отдела «Б» НКГБ СССР от 27 июня 1943 года говорилось:

«По данным радиоконтрразведывательной службы Отдела «Б» НКГБ СССР, активизация финских агентурных радиосвязей отмечается с 19 июня с. г. Всего на 25 июня выявлено семь линий связи финских агентурных центров с переброшенными или подготовляемыми к переброске радиостанциями. Из указанных линий связи определено местонахождение одной агентурной радиостанции в районе к юго-востоку от Онежского озера, куда направлены 3 розыскные группы из Вологды. Местонахождение остальных агентурных станций не установлено, возможно, что часть из них находится еще на территории противника и заканчивает тренировку. На контрольных радиостанциях в Москве, Вологде, Архангельске и приданных к ним пеленгаторных пунктах за перечисленными линиями связи ведется

тщательное радионаблюдение и производится уточнение местонахождения агентурных радиостанций».

На июль 1943 года РКРС НКГБ СССР располагала на территории СССР 26 специальными радиостанциями и 42 радиопеленгаторными пунктами, ведущими круглосуточное наблюдение за эфиром (штат — 2216 человек, из них в Москве — 206 человек). За период с 22 июня 1941 по 21 июля 1943 года НКГБ СССР выявил 563 линии радиосвязи между центрами разведки противника и разведкомандами и разведгруппами, находящимися на территории противника. В результате работы над перехваченными радиограммами вскрыто 137 шифров и расшифровано 8544 телеграммы германской разведки.

В ежемесячных сообщениях Отдела «Б» наряду со статистическими данными о количестве переброшенных и задержанных агентов-радиостов противника фиксировались также изменения в форме и методах его работы, приводился их сравнительный анализ. Например, в спецсообщении Отдела «Б» в НКГБ и НКГБ СССР о работе радиосетей японской военной разведки от 2 июля 1943 года говорилось: «Центральная радиостанция в Сахалине применяет для служебных переговоров международный код, корреспонденты пользуются старым кодом сетей Красной армии. Такой вид маскировки характерен для германских агентурных радиосетей...»

Другой пример, так, в статистических данных за сентябрь 1943 года Отдел «Б» НКГБ СССР сообщил заинтересованным оперативным управлениям НКГБ и в ГУКР «Смерш»: «...немецкая разведка стала применять новый метод маскировки своей агентуры, предусматривающий появление радиоцентра в эфире, только когда появляется вызов радиостанции агента...»

По почерку, манере и другим характерным особенностям работы агента-радииста германской военной разведки специалисты РКРС Отдела «Б» НКГБ СССР нередко устанавливали, в какой разведшколе противника радист обучался радиоделу (Варшавская, Катынская, Таллинская и др.). Например, в спецсообщении Отдела «Б» в НКГБ, НКВД СССР и ГУКР «Смерш» от 3 августа 1943 года говорилось: «...в период времени с 24 июля по 2 августа переброшены в наш тыл: Варшавской школой — 10 агентурных групп; Катынской школой — 3 агентурных группы, из них одна задержана; Таллинской школой — 2 агентурных группы, из них одна задержана; агентурной радиосетью гестапо — 2 агентурных группы».

В работе оперативно-разыскных групп при задержании агентов-радиостов противника порой не все проходило гладко. В августе 1943 года РКРС Отдела «Б» был зафиксирован обмен радиограммами германского радиоцентра в Феодосии со своим агентом, заброшенным в советский тыл. В результате пеленгации местонахождение агентурной радиостанции было определено в районе Прохладный – Малгобек – Пседах, куда были направлены оперативно-разыскные группы РКРС из Москвы, Орджоникидзе, Махачкалы и Тбилиси. 24 сентября район поиска удалось сузить.

Опергруппой Отдела «Б» НКГБ СССР была получена засечка пеленгов на агентурную радиостанцию в 18 км юго-западнее Малгобека. К месту засечки были стянуты семь оперативно-разыскных групп, с помощью которых местонахождение радиостанции было уточнено в районе Кескема. 26 сентября была проведена операция по изъятию агентурной радиостанции. На 32-й минуте работы рации к ней на расстояние нескольких метров подошла одна из групп с ручным пеленгатором.

По всей видимости, приближение группы спугнуло радиста, он прекратил работу и отбежал на некоторое расстояние от своей землянки и открыл огонь из пистолета. Одним из выстрелов он ранил автоматчика. У второго бойца отказало личное оружие, и он бросил гранату, но забыл снять предохранительную чеку, и граната не взорвалась. Воспользовавшись этим, агент-радист скрылся, оставив на месте радиостанцию, шифр и личные документы с фотокарточкой.

Однако советским контрразведчикам понадобилось чуть больше недели с момента пленгации радиоточки противника (26 сентября 1943 года), чтобы задержать радиста, а вскоре и ликвидировать всю группу.

3 октября 1943 года сотрудники Наркомата госбезопасности Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР задержали агента-радиста германской военно-морской разведки «Нахрихтен Беобахтер» (НБО). Им оказался бывший военныйслужащий РККА Мукаш Сарбалаев²⁵⁹. В августе 1942 г. в районе Ростова Сарбалаев попал в плен к немцам. Содержался в немецких лагерях для советских военнопленных кавказских и среднеазиатских национальностей, где был завербован представителями германской военно-морской разведки. Затем прошел подготовку в разведшколе НБО в местечке Тавель близ Симферополя по специальности агента-радиста.

Как было установлено в ходе предварительного следствия, 2 и 3 августа 1943 года две группы немецких разведчиков, по четыре человека в каждой, на парашютах были сброшены с самолетов в районе станции Галюгаевской Ставропольского края и в районе села Пседах ЧИАССР. Группы получили от германского разведоргана НБО задание собирать и передавать по радио противнику сведения о дислокации и передвижении воинских частей в районах Орджоникидзе – Моздок – Грозный и по Военно-Грузинской дороге, о предприятиях военной промышленности и сообщать их ориентиры для воздушной бомбардировки, а также проводить диверсии на военных объектах в советском тылу. По показаниям Сарбалаева, выброска группы была произведена неудачно, вследствие чего участники ее растеряли оружие и взрывчатку.

В 1943 году РКРС Отдела «Б» НКГБ СССР были установлены радиоцентры германских спецслужб, действовавшие на советско-германском фронте в следующих городах: Брянск, Винница, Запорожье, Киев, Мелитополь, Минск, Николаев, Одесса, Осипенко, Полтава, Псков, Симферополь, Смоленск, Таллин и Феодосия.

РКРС своевременно фиксировала усиление активности германской военной разведки на определенных участках советско-германского фронта. 23 октября 1943 года Отдел «Б» направил в оперативные подразделения органов безопасности спецсообщение следующего содержания: «По данным радиоконтрразведывательной службы Отдела «Б» НКГБ СССР, за последнее время наблюдается массовая переброска радиоагентуры немецкой разведки в тыл Красной армии. Только за последние дни радиоконтрразведывательной службой отмечена переброска 14 агентов-радистов, главным образом в южном направлении». Заброшенные в советский тыл агенты-радисты вызывались винницким, николаевским и минскими радиоцентрами противника».

27 января 1944 года начальник РКРС (8-е отделение) Отдела «Б» НКГБ СССР капитан ГБ С.В. Канищев²⁶⁰ проинформировал НКГБ, НКВД и «Смерш» о количестве переброшенных агентов-радистов противника в 1943 году. По данным РКРС, разведками противника в советский тыл было переброшено 304 агента с

радиостанциями, из которых 224–228 агентов. Из этого количества штабом «Валли» (центральным органом германской военной разведки на советско-германском фронте) переброшено 156 агентов, из которых 112 человек задержано; штабами германских армейских группировок соответственно 87 и 70; разведорганом «Цепелин» — 34 и 21; финской военной разведкой переброшено 9 агентурных групп, вернувшихся по выполнению задания на территорию противника, и 12 агентов-радиостов, которые задержаны советскими органами безопасности. Кроме того, задержаны два агента филиала германской военной разведки в Таллине, один агент из неустановленного германского разведоргана и три агента японской военной разведки.

Приведем еще один эпизод из фронтовых будней радиоконтрразведывательных подразделений, посвященный непосредственной помощи РКРС в розыске агентуры противника в советском тылу:

«Острое противоборство советских и германских спецслужб во время войны порождало новые задачи, которые предстояло решать радиоконтрразведке. В конце января 1944 года радиоконтрразведывательными станциями европейской части Союза была выявлена связь радицентра немцев в Пскове с новой радиостанцией, которая, по данным пленгования, находилась в этом же районе. Радиосвязь была проведена три раза и затем прекратилась. Анализируя работу этой линии, специалисты службы пришли к выводу, что наблюдаемая двусторонняя связь носила учебно-тренировочный характер. Спустя три недели радицентр германской разведки, переместившийся к тому времени в Ригу, используя старые позывные сигналы и время передачи, вновь установил связь с этим же корреспондентом.

Пленгование показало, что местонахождение радиостанции определяется в районе железнодорожной станции Дно, уже освобожденной от врага. В процессе разработки данной линии связи и перехвата всех радиопередач удалось раскрыть условную кличку агента-радиостов, что позволило установить его личность по имевшемуся в оперативном органе учету разведчиков в школах германской разведки.

Оказалось, что в УНКГБ Ленинградской области имелись фотографии обучавшихся в школах разведчиков и их клички. В числе других был найден снимок интересовавшего агента-радиостов, который немедленно был размножен, доставлен в район розыска и вручен всем участникам поисковой группы. В первых числах марта агент был опознан и арестован. Успех данной операции был достигнут благодаря умелому использованию возможностей радиоконтрразведывательных подразделений»²⁶¹.

В начале апреля 1944 года Отделом «Б» НКГБ СССР составлена справка «О переброшенных за время войны на территорию СССР агентах-радиостовах противника»:

«По данным Радиоконтрразведывательной службы Отдела “Б” НКГБ СССР, в течение Великой Отечественной войны в тыл Красной армии разведывательными органами противника (Германия, Финляндия, Япония) переброшено всего 579 агентов с радиостанциями, из которых, по имеющимся сведениям, органами НКВД-НКГБ-“Смерш” задержано 424–434 агента (неточность числа задержанных агентов объясняется отсутствием технических данных по радиосвязи нескольких арестованных агентов).

Переброски произведены:

- в 1942 году — всего 224 радиоагента, из них задержано 177 радиоагентов.
- в 1943 году — всего 304 радиоагента, из них задержано 223–228 радиоагентов.
- в 1944 году — до 1 апреля, всего 51 радиоагент, из них задержано 24–29 радиоагентов».

С июля 1944 года у РКРС прибавилось хлопот. На территории Польши, освобожденной частями Красной армии, начали работу нелегальные радиостанции, связанные с польским эмигрантским правительством. В этом месяце были выявлены 14 агентов-радиостов, поддерживавших связь с Лондоном.

В приказе НКГБ СССР № 00265 от 22 июля 1944 года об улучшении работы РКРС НКГБ СССР подчеркивалось:

«Руководством Наркомата госбезопасности СССР в ходе войны постоянно предпринимались меры по совершенствованию работы РКРС. Во второй половине июля 1944 г. вышел в свет приказ об улучшении работы службы, в котором были учтены новые тенденции в работе радиопроцентров противника.

Радиоконтрразведывательной службой НКГБ СССР установлено, что германские, финские и румынские разведывательные органы за последнее время усилили заброску своей агентуры, снабженной радиостанциями, в прифронтовые и тыловые районы Советского Союза.

Так, например, в течение июня–июля 1944 года финские разведывательные радиопроцентры установили связь с 17 шпионскими радиостанциями, германские разведывательные радиопроцентры — с 18 шпионскими радиостанциями и румынские — с 3 шпионскими радиостанциями. Часть шпионских радиостанций органами НКГБ СССР и контрразведки “Смерш” НКО ликвидированы, розыск остальных продолжается.

Наряду с усилением заброски [агентуры] разведывательные органы противника стали более тщательно маскировать работу своих шпионских радиостанций под секретные сети наших разведывательных органов, что затрудняет розыск в эфире шпионских радиостанций. Кроме того, из поступающих с мест материалов видно, что ряд контрольных радиостанций НКГБ вследствие удаления линии фронта и атмосферных помех за последнее время не “слышат” действующих в прифронтовых районах маломощных шпионских радиостанций и не могут точно запеленговать их.

НКГБ СССР были своевременно приняты меры к передислоцированию крупных контрольных радиостанций ближе к линии фронта: сталинградская радиостанция была переброслена в г. Киев, тбилисская — в г. Ростов-на-Дону, саратовская — в г. Минск...»²⁶²

В июле–августе 1944 года РКРС зафиксировала активность финской военной разведки. За этот период в тыл Карельского фронта было заброшено 20 разведгрупп противника (10 в июле и 10 в августе). Местонахождение некоторых радиостанций этих групп своевременно указывалось оперативно-розыскным группам Отдела «Б» НКГБ СССР, но в результате недостаточно эффективных мер по их ликвидации финские группы с незначительными потерями возвратились обратно на сторону финнов.

На характерные эпизоды борьбы с агентурными группами финнов обращалось внимание в служебной записке Отдела «Б» НКГБ СССР «Об агентурных вы-

зовах и радиосвязях противника за август 1944 г.», направленной в ГУКР «Смерш» НКО СССР, 2-е и 3-е Управления НКГБ СССР:

«Действовавшие в августе радиостанции финских разведывательных групп поддерживали связь с центрами в гг. Сортавала и Реболны со следующими данными:

1. Радиостанция группы № 11. Работала в 10 ч. 40 м. и 17 ч. 20 м. на волне 69,5 м позывными “бру” и “зъж”. Радиоцентр отвечал на волне 66 м позывными “лрф”.

Оперативно-разыскной группой Отдела “Б” НКГБ СССР с 2 августа по 16 августа регулярно указывалось точное местонахождение станции, с финскими разведчиками было несколько столкновений, в результате которых 2 разведчика были убиты, но остальному составу финской группы 16 августа удалось перейти линию фронта на сторону финнов. Работа станции и вызовы ее со стороны центра с 16/VIII прекратились. <...>

3. Радиостанция группы № 13. Работала в 08 ч. 40 м. и 15 ч. 20 м. на волне 67,2 м позывным “рок”. Центр отвечал на волне 66,5 м позывными “зц2” и “стб”. Оперативной группой Отдела “Б” с 22 по 25 августа ежедневно указывалось точное расположение финской группы с этой радиостанцией. С группой было несколько столкновений, 22 августа в расположении 32-й армии удалось задержать 8 разведчиков, остальные 25 августа перешли через линию фронта...»

В связи с вступлением Красной армии на территорию стран Центральной и юго-восточной Европы РКРС выявила радиостанции разведоганов противника, действовавшие на территории Румынии и Венгрии.

В справке Отдела «Б» НКГБ СССР от 7 сентября 1944 года говорилось, что, по данным РКРС, на территории Румынии до 23 августа 1944 года действовали девять радиосетей германской военной разведки, в том числе: радиоцентр в Бухаресте, две радиостанции в Бухаресте и Констанце, радиоцентр военно-морской разведки (позывной «Зеехунд») в Галаце, радиоцентр (позывной «Грейф»²⁶³) в Галаце, три радиостанции (головные посты связи — «Пантера»²⁶⁴, «Нептун»²⁶⁵, «Кора») в Галаце, а также радиостанции германской партийной разведки (в Бухаресте и Галаце) и две германо-венгерские дипломатические радиостанции (в Бухаресте и Брашове).

Результаты работы РКРС также позволяли отслеживать динамику заброски противником агентурных радиостанций в прифронтовую полосу и советский тыл. Так, например, в 1942 году противник перебрал 222 радиостанции, в 1943-м — 305, а в 1944-м число переброшенных агентурных станций почти удвоилось по сравнению с 1942 годом — 412²⁶⁶.

РКРС сыграла важную роль в розыске агентурных групп противника, оставленных германской военной разведкой при отступлении частей вермахта на оседание на советской территории. В справке Отдела «Б» от 30 ноября 1944 года говорилось, что в течение 1944 года на территории Белорусской ССР (или сопредельных с ней республик) германской разведкой переброшено или оставлено при отступлении немецких войск 98 агентов с радиостанциями.

Подразделения РКРС активно использовались и для передачи дезинформации противнику. Например, на завершающем этапе войны с конца декабря 1944 и в начале января 1945 года, согласно утвержденному Генштабом Красной армии плану дезинформации противника, германскому командованию передавались сведения о том, что на территории Польши и Восточной Пруссии зимнего наступления совет-

ских войск в 1945 году не планируется. Эта информация транслировалась по 24 агентурным радиостанциям из различных районов СССР. Как показал дальнейший ход боевых действий на советско-германском фронте, противник поверил дезинформации и за несколько дней до наступления советских войск в Восточной Пруссии и Польше перебросил основные танковые дивизии из этих районов в Венгрию.

2 февраля 1945 года начальник Отдела «Б» направил заместителю наркома НКГБ СССР докладную записку о перебросках агентов противника с радиостанциями в 1944 году. В документе отмечалось, что в течение 1944 года в тыл Красной армии противником переброшено 402 агента с радиостанциями, из которых, по имеющимся сведениям, задержано 166–172 агента. Из числа переброшенных на февраль 1945 года поддерживали связь с центрами противника 16 агентурных радиостанций (6 германских, 7 польских, 2 венгерских, 1 эстонская). Остальные 195 переброшенных агентов-радиостанций в эфире не появлялись.

Переброски агентов-радиостанций в 1944 году производились разведорганами следующих стран. Германия — переброшено 327 агентов-радиостанций, из которых задержано 140 агентов; Финляндия — переброшено 27 разведывательно-диверсионных групп с радиостанциями, из которых ликвидировано две группы (остальные по выполнению задания вернулись на территорию Финляндии); Польша (Армия крайова) — оставлено в тылу Красной армии 35 агентов с радиостанциями, из них задержано 17 агентов; Румыния — переброшено четыре агента-радиостанций, из которых задержано три агента; Венгрия — переброшено 6 агентов-радиостанций, из них задержано 2 агента; Эстония («Национальный комитет Эстонии») — переброшено три агента-радиостанций, из которых задержано два агента. Розыском незадержанных агентов-радиостанций занимались опергруппы Отдела «Б» НКГБ СССР и по его заданиям опергруппы ГУКР «Смерш» НКО СССР.

За период с июня 1941 по май 1945 года только оперативно-разыскными группами советской радиоконтрразведки ликвидировано 83 шпионские радиостанции и установлено местонахождение 13 агентурных радиостанций. Всего разыскано 93 нелегальные радиостанции противника, действовавшие в тылу Красной армии.

Итоги борьбы в эфире обобщены в справке Отдела «Б» НКГБ СССР «О количестве радиоагентуры противника, переброшенной в тыл Красной армии за время Отечественной войны Советского Союза» от 16 июля 1945 года.

Из документа следовало, что за годы войны разведками противника в тыл Красной армии переброшено 1078 агентов с радиостанциями. По сведениям Отдела «Б» НКГБ СССР, из них задержаны 631 агент и 28 вернулись по выполнению задания на сторону противника. Количество переброшенных агентов с радиостанциями распределяется по годам следующим образом:

в 1942 году	переброшено 222 радиостанции, из которых задержано 175 радиостанций. Отсутствуют сведения о задержании 47 радиостанций.
в 1943 году	переброшено 305 радиостанций, из них задержано 225 и 5 вернулись на сторону противника. Отсутствуют сведения о задержании 75 радиостанций.
в 1944 году	переброшено 412 радиостанций, из них задержано 176 и 23 вернулись на сторону противника. Отсутствуют сведения о задержании 213 радиостанций.

в 1945 году до 8 мая переброшено 140 радиостанций, из них задержано 56 радиостанций. Отсутствуют сведения о задержании 84 радиостанций.

За период Отечественной войны переброски агентов-радистов производились разведывательными органами следующих стран:

- а) Германия — Переброшено 945 агентурных радиостанций, из которых задержано — 556.
- б) Финляндия — Переброшено 54 агентурные радиостанции, из которых задержано 26. Остальные 28 радиостанций возвратились после выполнения задания на сторону противника.
- в) Польша — (Армия крайова) — оставлено и переброшено в тыл Красной армии — 54 агентурные радиостанции, из которых задержано — 29.
- г) Румыния — Переброшено 4 агентурные радиостанции, из которых задержано — 3.
- д) Венгрия — Переброшено 15 агентурных радиостанций, из которых задержано — 12.
- е) Япония — переброшено 3 агентурные радиостанции, из которых задержано — 3.
- ж) Националистические организации в Прибалтике — переброшено 3 агентурные станции, из которых задержано — 3.

Информацией о задержании 419 агентов-радистов Отдел «Б» не располагал.

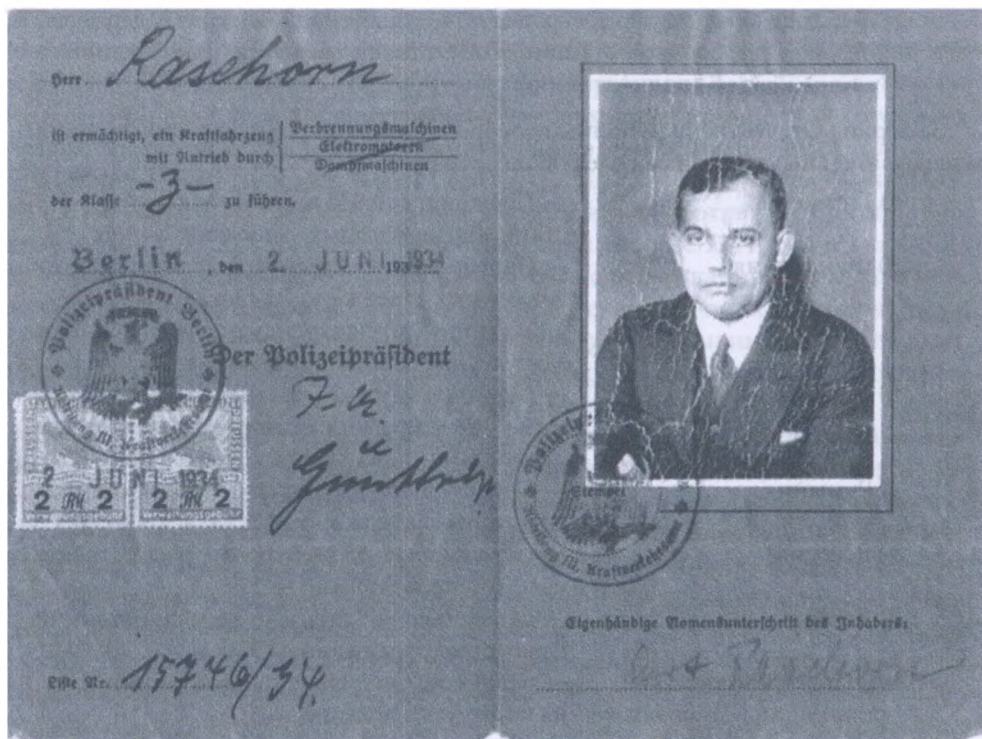
По данным, полученным в результате допросов официальных сотрудников германской радиоразведки и радиоконтрразведки, попавших в советский плен, можно составить определенное представление о действиях противника в годы войны.

В 1937 г. в структуре германской военной разведки (абвер) было сформировано специальное подразделение «Абвер I/i», на которое были возложены функции радиоразведки и радиоконтрразведки; подготовка радистов для нужд абвера и агентов-радистов, предназначенных для заброски в тыл противника.

Кроме того, «Абвер I/i» самостоятельно занимался научно-исследовательскими работами, а также изготовлением специальных портативных приемников и передатчиков. Так, с 1939 по 1944 год абвером было изготовлено более 5000 портативных радиостанций, которыми снабжались агенты-радисты. Часть радиостанций направлялись на нужды СД («Цепелин»). Стоит заметить, что к концу войны выпуск портативных радиостанций резко увеличился (так, например, в 1944 году было изготовлено 2100 штук).

По данным, полученным от попавших в плен официальных сотрудников абвера, активная заброска агентов-радистов на советско-германском фронте началась с весны 1942 года, что документально подтверждается архивными материалами советских спецслужб. До 1941 года германские агенты-радисты на территорию Советского Союза не направлялись. За период с 1941 по 1944 год абвер осуществил заброску в советский тыл около 1100 агентов-радистов, из них 250 человек — в глубокий тыл СССР, а остальных — в прифронтовую полосу.

За годы Второй мировой войны германская военная разведка засылала своих агентов-радистов, кроме СССР, в следующие нейтральные и воевавшие с Германи-

Разворот солдатской книжки полковника Курта Разегорна, руководителя реферата «Абвер I/i» (радиоразведка и радиоконтрразведка) Управления германской военной разведки и контрразведки при ОКВ

ей страны: Великобританию, Францию, Испанию, Соединенные Штаты Америки, Канаду, Португалию, Румынию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Грецию, Югославию, Болгарию, Турцию и Северную Африку. Всего в эти страны было заброшено около 500 агентов-радивостов.

Сравнение сведений, полученных от официальных сотрудников абвера, о количестве заброшенных агентов-радивостов на территорию Советского Союза с данными советских органов госбезопасности о количестве задержанных агентов-радивостов противника позволяет, пусть и приблизительно, оценить результаты противостояния советской радиоконтрразведки и германских спецслужб в годы Великой Отечественной войны.

Из приведенных выше данных видно, что советская радиоконтрразведка зафиксировала 945 немецких агентурных радиостанций (напомним, что, по немецким данным, было переброшено свыше 1100 агентов-радивостов), т. е. почти 90%, при этом более 500 агентов (более 50%) противника были арестованы. Стоит добавить, что большинство германских агентов-радивостов, оказавшись на советской территории, особенно в конце войны, выполняли задания противника.

Совсем не случайно зарубежные историки, сравнив результаты работы германской и советской радиоразведки в годы Второй мировой войны, отметили:

«...немецкая радиоразведка против Советского Союза была малоэффективной. В стратегическом отношении она вообще не имела ни одного сколько-нибудь заметного успеха. Немцы оказались не в состоянии вскрыть шифрсистемы, применявшиеся для засекречивания переписки высшего советского военного командования... Таким образом, немецкая дешифровальная служба мало способствовала тому, чтобы в распоряжении верховного командования вермахта было как можно более полное представление о советской стратегии ведения войны против Германии»²⁶⁷.

Сходную оценку деятельности советской радиоконтрразведки дали и отечественные специалисты: «Успех контрразведывательных операций отечественных органов безопасности зависел от результатов работы радиоконтрразведывательной и дешифровальной служб, которые использовали новейшие оперативно-технические средства. Фиксацией работы агентурных радиостанций противника на территории, занятой советскими войсками, занимались специальные разыскные радиопеленгаторные группы, которые работали во взаимодействии с оперативными подразделениями органов безопасности, внутренних дел и военной контрразведки. За годы войны радиоконтрразведка определила местонахождение 1 тыс. 78 вражеских агентов-радивов»²⁶⁸.

РКРС сыграла огромную роль в оказании помощи контрразведчикам НКВД-НКГБ и Смерш в розыске агентуры противника и при проведении радиоигр со спецслужбами стран «оси», без которой «Большая игра» в эфире была бы невозможной²⁶⁹.

ПЕРВЫЕ «СХВАТКИ» В ЭФИРЕ: РАДИОИГРЫ НКВД-НКГБ СССР

Советские спецслужбы по крупицам накапливали опыт борьбы с агентурой германской военной разведки, забрасываемой в прифронтовую полосу и советский тыл. Архивные документы военных лет лаконично передают напряженный ход противостояния органов государственной безопасности СССР и спецслужб нацистской Германии и ее союзников. В них за каждой строчкой скрывается кропотливый и опасный труд советских контрразведчиков, не щадивших своей жизни в борьбе с врагом.

Одним из первых документов, относящихся к проведению радиоигр, была директива НКВД СССР № 64 от 18 февраля 1942 года «Об агентурно-оперативных мероприятиях на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР». Она нацеливала органы госбезопасности на активное привлечение захваченных агентов-радивов противника к проведению контрразведывательных мероприятий:

«В дополнение указаний НКВД СССР о задачах и постановке оперативно-чекистской работы в освобожденных от немецко-фашистских оккупантов городах и районах в целях более четкой и правильной организации этой работы предлагается руководствоваться нижеследующим:

1. Вслед за изгнанием оккупантов соответствующим НКВД-УНКВД наряду с восстановлением постоянного аппарата НКВД в освобожденных городах и районах немедленно направлять в эти города и районы заранее подготовленные оперативно-чекистские группы НКВД-УНКВД с задачей очистки их от ставленников и пособников оккупантов, выявления агентуры германских разведывательных органов и организации против них активных контрразведывательных мероприя-

тий. <...> После тщательного изучения обстановки, контингента арестованных и агентуры принять меры к подготовке и проведению нижеследующих контрразведывательных мероприятий... <...>

2. При наличии известной гарантии (члены семьи и родственники в нашем тылу, наличие компрометирующих в глазах немцев данных, честное поведение на следствии и т. д.) производить вербовку агентуры и пособников противника, в том числе: <...> немецких агентов-радиостов с целью использования их раций для дезинформации противника и выявления его агентуры. Аресты радиостов необходимо производить таким образом, чтобы об их провале не знали окружающие лица. О каждом случае задержания агента-радиостав немедленно ставить 2-е Управление НКВД СССР в известность, сообщая подробно обстоятельства задержания и радиостанции штаба разведывательного органа немцев, условности, предусмотренные немцами на случай задержания нами агента и принуждения его работать под нашу диктовку.

Перевербовку крупной агентуры противника, а также комбинации с радиоставми проводить с санкции НКВД СССР... <...> На основании тщательного изучения дислокации разведывательных органов противника, его личного состава, состояния охраны выяснять возможности и организовывать физическую ликвидацию данного разведывательного органа путем засылки в тыл противника для этой цели группы боевиков или использования действующих партизанских отрядов.

При наличии удобных обстоятельств организовывать изъятие отдельных офицеров разведки и доставки их живьем через линию фронта в органы НКВД...»²⁷⁰

Приложением к директиве являлся «Перечень вопросов для использования при допросах разоблаченных агентов противника, предателей и пособников фашистов, опросах лиц, находившихся на временно оккупированной врагом территории, и работе с нашей агентурой, направляемой в тыл немецких войск».

Вслед за этим документом директивой НКВД СССР № 66 от 20 февраля 1942 года внимание советских контрразведчиков акцентировалось на формах и методах германской военной разведки, забрасывавшей в советский тыл агентов с заданиями разведывательно-диверсионного характера, основных пунктах дислокации разведцентра противника при штабах групп армий на советско-германском фронте и их руководителей:

«По делам выявленных органами НКВД немецких шпионов и диверсантов устанавливается, что германские разведывательные органы в последнее время усилили свою активность по переброске в наши тылы специально обученной в разведывательных школах агентуры. Наряду с работой по сбору военно-разведывательных сведений на ближних и дальних коммуникациях наших фронтов германская разведка ставит перед этой агентурой задачу проникнуть в штабы и другие органы управления частей и соединений Красной армии, а также в крупные промышленные центры страны для организации вывода из строя оборонных предприятий, железнодорожных узлов, уничтожения складов с боеприпасами, горючим и продовольствием и других важных оборонных объектов.

Особую активность в этом направлении развивают германские разведывательные органы при штабе центрального направления Восточного фронта в г. Смоленске (условное наименование штаба разведки «Сатурн»), при штабе 2-й бронетанковой группы германской армии в г. Орле (группа капитана Геберта), при штабе 16-й германской армии на Северо-Западном фронте (группа майора Гофмайера), при штабе южной группы германских армий и германская морская

разведка на азовско-черноморском побережье (условное наименование «Морес»). Наиболее важные задания по сбору военно-разведывательных сведений германская разведка поручает обученным агентам...»²⁷¹

17 марта 1942 года вышла в свет очередная директива НКВД СССР № 116, которая возлагала на Контрразведывательное управление (КРУ) НКВД СССР и контрразведывательные отделы республик и областей работу по использованию захваченных радиостанций агентов германской разведки в целях дезинформации противника и проведения других агентурно-оперативных комбинаций.

Первые результаты «войны в эфире» с германской военной разведкой были доложены докладной запиской № 732/6 наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией в ГКО И.В. Сталину 25 апреля 1942 года:

«В марте–апреле 1942 года органами НКВД задержано 76 агентов германской военной разведки, переброшенных на самолетах в составе разведывательно-диверсионных групп или в одиночку для шпионской и диверсионной работы в гг. Вологда, Ярославль, Иваново, Александров (Ивановской области), Пенза, Молотов, Тамбов, Куйбышев, Сталинград, Казань, Горький и в войсковых тылах Западного фронта.

У задержанных изъяты 21 портативная приемо-передающая радиостанция, через которые они должны были шифром передавать собранные сведения и сообщать результаты диверсионных действий.

Все эти германские агенты являются бывшими военнослужащими Красной армии, находившимися в плену у немцев, где они были завербованы и обучены в разведывательных школах. Из их числа 25 человек бывших средних командиров Красной армии, 19 младших командиров и 32 рядовых бойца. Часть переброшенных агентов (23 человека) добровольно явились в органы НКВД с повинной.

В целях ограничения активности германских разведывательных органов в указанных выше городах и создания видимости работы переброшенных шпионских групп и одиночек по заданиям германской разведки по 12 захваченным радиостанциям противника нам удалось установить радиосвязь с немецкими разведывательными органами в гг. Варшава (центр военной германской разведки), Псков, Дно, Смоленск, Минск, Харьков, Полтава.

НКВД СССР считает, что захваченные немецкие радиостанции можно использовать в интересах Главного командования Красной армии для дезинформации противника в отношении дислокации и перегруппировок частей Красной армии.

Лаврентий Павлович Берия,
нарком внутренних дел СССР,
маршал Советского Союза

Поэтому, если данное мероприятие будет признано Вами целесообразным, считаем необходимым поручить начальнику Оперативного управления Генерального штаба Красной армии т. Бодину²⁷² и начальнику Главного разведывательного управления т. Панфилову²⁷³ выработать порядок подготовки материалов по дезинформации противника и передачи их в НКВД СССР для реализации через захваченные немецкие радиостанции. Передача дезинформации противнику через захваченные радиостанции будет обеспечиваться надежным контролем. Прошу Ваших указаний»²⁷⁴.

Обратим внимание, что в Генштабе РККА еще с начала 1920-х годов был накоплен большой опыт по подготовке дезинформационных материалов о состоянии и вооружении Красной армии, который через возможности ОГПУ передавался иностранным спецслужбам. Об этом, например, пишет в одном из параграфов своей книги доктор исторических наук, профессор А.А. Зданович: «...материалы (речь идет о передаче дезинформационных материалов о состоянии и вооружении РККА, передаваемых в рамках операции «Трест». — *Авт.*), предназначенные для передачи за границу, готовились... в Разведывательном управлении РККА и докладывались наркому по военным делам — до конца 1923 г. Л. Троцкому, а затем М. Фрунзе»²⁷⁵.

Основной задачей, которую выполняли радиоигры советской контрразведки, было оказание действенной помощи Красной армии на полях сражений, а именно подготовка дезинформации о планах операций советского военного командования. Тарасов так описывает в своей книге этот эпизод:

«Установлению контактов с Генеральным штабом предшествовало принятое Верховным главнокомандующим решение по докладу НКВД СССР о целесообразности проведения указанной работы вскоре после захвата первых шпионских групп, заброшенных на территорию СССР.

Впервые такой контакт был установлен Николаем Михайловичем Ендаковым с заместителем начальника Генерального штаба, являющимся одновременно начальником оперативного управления Генштаба Александром Михайловичем Василевским²⁷⁶. В дальнейшем контакт поддерживался с заместителем начальника Генерального штаба А.И. Антоновым²⁷⁷, начальником оперативного управления Генштаба С.М. Штеменко²⁷⁸ и заместителем начальника Генштаба, начальником одного из его управлений Ф.Ф. Кузнецовым²⁷⁹.

С первыми двумя встречи проходили в здании Генерального штаба и особенно ставки Верховного командования на улице Кирова, а с товарищем Кузнецовым Ф.Ф. в Министерстве обороны на Фрунзенской набережной. До мая 1943 года связь с указанными ответственными работниками Генштаба поддерживал Н.М. Ендаков, а с мая 1943 года и до окончания войны эта работа была возложена на автора настоящего обзора.

Тексты радиogramм с военной дезинформацией для передачи противнику разрабатывали в соответствии с указаниями Генштаба работники контрразведки, ведущие радиоигры с учетом стиля письма каждого агента и легенд об их возможности добычи шпионской информации. В более важных случаях к этой работе привлекались консультанты — работники Генерального штаба.

В частности, в самом начале радиоигр весной 1942 года такие консультации нам давал Павел Иванович Батов²⁸⁰, ныне известный всем россиянам генерал армии, проявивший себя на фронтах Великой Отечественной войны талантливым

военачальником. Он оказался весьма хорошим знакомым Н.М. Ендакова еще по Испании при оказании помощи республиканской армии в борьбе с фашизмом. Это значительно облегчило нам работу. Первая встреча с ним запомнилась на всю жизнь. Вот как это произошло... Передача военной дезинформации производилась только после утверждения Генеральным штабом текстов радиোগрам и сроков их отправления. О проводимых органами советской контрразведки радиоиграх и передаваемой противнику дезинформации систематически докладывалось Верховному главнокомандующему. Первоначально в форме оперсводок, а затем в виде спецсообщений»²⁸¹.

В свете развития положений директивы № 64 в ноябре 1942 года 2-м (контрразведывательным) Управлением НКВД СССР была подготовлена «Инструкция о порядке использования захваченных у германской агентуры радиостанций агентов германской разведки в целях дезинформации противника и проведения других агентурно-оперативных комбинаций», утвержденная заместителем наркома внутренних дел комиссаром госбезопасности 3-го ранга В.Н. Меркуловым²⁸².

Инструкция устанавливала общие принципы работы с захваченными агентами-радистами противника. В ней, в частности, требовалось, что сразу после захвата агента с радиостанцией НКВД-УНКВД республик, областей телефонограммой или по ВЧ-связи должно проинформировать КРУ НКВД СССР.

После проведения первого допроса агента, по рекомендованному инструкцией опроснику, не позднее 24 часов с момента задержания агента оперативный сотрудник, проводивший дознание по делу, должен представить в НКВД-УНКВД свое заключение о возможности использования захваченной станции в оперативных целях. В свою очередь НКВД-УНКВД должно немедленно связаться с КРУ НКВД СССР, передать полученные от агента противника сведения для окончательного решения вопроса о возможности использования радиста и организации передачи первой радиогаммы.

Кроме того, в инструкции были учтены различные обстоятельства задержания агентов-радистов. В частности, специально оговаривалась следующая ситуация:

«В том случае, когда следствием будет установлено, что разведчик до момента его задержания органами НКВД уже установил связь с противником и передал ему несколько радиোগрам, необходимо немедленно в КРУ НКВД СССР наряду с заключением о целесообразности использования радиостанции в наших интересах, проекта очередной радиогаммы, исходя из задания германской разведки,

Всеволод Николаевич Меркулов,
народный комиссар — министр
государственной безопасности СССР
(апрель 1943 – май 1946),
генерал армии (1945)

также сообщить тексты переданных им ранее радиোগрамм. Одновременно почтой выслать в КРУ НКВД СССР все изъятое у разведчика записи, относящиеся к составлению и зашифровке этих радиোগрамм».

Каждый из семи параграфов инструкции детально разъяснял алгоритм работы с захваченными агентами-радистами и механизм взаимодействия с заинтересованными подразделениями НКВД СССР, особыми отделами фронтов и армий и местными территориальными органами безопасности. Особые отделы фронтов и армий обязывались инструкцией направлять захваченных агентов-радистов местным органам безопасности. В инструкции особо обращалось внимание на следующие моменты:

«Усиленный контроль германских контрразведывательных органов за работой действующих в нашем тылу радиоточек обязывает органы НКВД вести радиоигру с противником исключительно продуманно и осторожно.

Всякий провал хотя бы одной радиостанции может вызвать провал и других радиостанций, и тогда проводимая нами дезинформация обратится против нас.

Следует учитывать, что противник будет пытаться различными путями, в том числе и даче заданий добровольно явиться в НКВД, внедрить своих людей в наши органы. Поэтому необходимо по делам задержанных и добровольно явившихся агентов-радистов, наряду с проведением самого тщательного следствия, применять все меры... к проверке разведчиков противника, добиваться выяснения основного вопроса — не подставлены ли они нам контрразведкой врага.

Еще раз подчеркивается, что принятие решения об использовании перехваченных радиостанций должно быть связано с минимально короткими сроками. Опыт работы по дезинформации показывает, что установление взаимной связи с противником в обусловленный им по заданию срок является одним из условий приобретения доверия станцией и наиболее надежно обеспечивает выполнение наших замыслов».

2-е Управление НКВД СССР оперативно информировало местные управления НКВД об особенностях проведения радиоигр с германской разведкой. Например, 18 февраля 1943 года начальник 2-го Управления НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга П.В. Федотов по радиоигре «Дуэт» сообщал начальнику УНКВД по Западно-Казахстанской области (г. Уральск) подполковнику госбезопасности С.А. Бойко:

«В практике работы отдельных КРО НКВД-УНКВД по использованию захваченных агентурных радиостанций противника допускаются, как это установлено контрольным наблюдением НКВД СССР, серьезные недочеты, демаскирующие «игру» с противником. Главными из них являются:

а) Большая продолжительность сеансов связи, нередко от часа до полутора часов, тогда как, согласно инструктажу противника, агент-радист должен свое нахождение в эфире укладывать в самый короткий срок во избежание его засечки нашей радиоконтрразведывательной службой.

б) Вступление в радиосвязь с противником без всякой на то надобности и назначение очередных сеансов связи в сроки, явно противоречащие легендируемым трудностям и ограниченным возможностям агента работать на радиии.

в) Длительное промедление в ответах на задаваемые агенту-радисту вопросы, что дает основание противнику догадываться о несамостоятельных действиях радиста.

г) Слишком очевидная заинтересованность получения радиogramм от противника, проявляющаяся в бесполезной и ненужной назойливости кодовым выражением «дай радиogramму» по отношению к разведцентру.

д) Неестественный для агента-нелегальщика характер прохождения радиосвязи, являющийся следствием того, что оперработник заранее не имеет с радистом твердой договоренности о порядке проведения намеченного сеанса.

Анализ конкретных случаев нарушения элементарных условий работы используемых агентурных раций противника показывает, что все эти ненормальности вытекают главным образом из-за неподготовленности к каждому сеансу радиосвязи и игнорирования оперработниками легендируемых условий работы».

Вернемся к докладу Л.П. Берии 25 апреля 1942 г. Какое же решение принял Верховный главнокомандующий после? Ровно через год (апрель 1943) нарком внутренних дел СССР сообщил в ГКО об использовании для дезинформации германской военной разведки захваченных немецких радиостанций. Масштаб проведенной работы в этом направлении говорил сам за себя:

«По Вашим указаниям с 1 мая 1942 г. в целях пресечения активности германских разведывательных органов, создания видимости работы переброшенных шпионских групп и агентов-одиночек, в интересах Главного командования Красной армии было начато использование захваченных немецких радиостанций. Из 225 захваченных за это время радиостанций использовалось в целях дезинформации 76. Часть станций по причине истощения батарей питания раций и невозможности их дальнейшей работы в интересах Главного командования Красной армии связь с немцами прекратила.

В настоящее время радиоигру с противником ведут 17 станций, находящихся в следующих городах: Вологде, Ярославле, Солигаличе, Волоколамске, Москве, Люберцах, Рязани, Тамбове, Воронеже, Куйбышеве, Пугачеве, Горьком, Свердловске, Уфе, Уральске и Новосибирске.

С 1 мая по 1 августа 1942 г. по утвержденным Ставкой планам, а в последующем по указаниям начальника Генерального штаба Красной армии тов. Василевского проводилось систематическое выявление ложных группировок наших войск, усиленные переброски в нужных направлениях войсковых резервов и техники.

Противнику были выявлены ложные группировки в составе: 225 стрелковых дивизий, 3 танковых армий, 6 танковых корпусов, 53 танковых бригад, 80 артполков, 6 дивизий и 3 армейских штабов. В январе 1943 г. в г. Горьком выявлено формирование резервной армии. Через северные порты показана разгрузка и проследование через Вологду до 1300 самолетов и 2000 танков»²⁸³.

Из процитированного выше документа наркома внутренних дел следует, что 1 мая 1942 года Сталин лично одобрил предложение НКВД СССР о проведении радиоигр с целью дезинформации германской военной разведки.

* * *

Первый год войны на советско-германском фронте позволил накопить ценный опыт противоборства с противником на фронтах «тайной войны». Наступательная тактика, выбранная советскими органами безопасности в борьбе с германскими спецслужбами, заключалась, в первую очередь, в выявлении местонахождения учебных центров абвера, установлении личности преподавателей и инструкторов

и обучающегося в них контингента из числа советских военнопленных, определении характера разведывательно-диверсионных заданий.

Например, в связи с начавшимся наступлением на Сталинград в районе Воронежского и Донского фронтов противник был крайне заинтересован в получении разведанных о дислокации частей Красной армии, строительстве оборонительных сооружений и воинских перевозках по Волге. Поэтому заброска вражеской агентуры в прифронтовую полосу резко возросла. Воспользовавшись этим обстоятельством, УНКВД Сталинградской области летом–осенью 1942 года провело несколько радиоигр с германской разведкой («Яковлев», «Доверенный», «Михайлов», «Алексеев» и др.).

На тот период руководство и сотрудники УНКВД Сталинградской области не имели достаточного опыта в проведении спецопераций в эфире, не обходилось и без ошибок. Так, например, во время радиоигры «Яковлев» (24 апреля — 29 июля 1942 года), включенный в радиоигру агент абвера «Орлов» ушел от наружного наблюдения и перебежал на сторону немецких войск. Позднее по показаниям задержанной агентуры германской разведки стало известно, что в 1943 году «Орлов» служил инструктором в Варшавской разведшколе.

В начальный период сражений на советско-германском фронте большой вклад в борьбу с разведывательно-диверсионной агентурой врага внесли контрразведчики областных управлений НКВД. Именно им принадлежит заслуга в приобретении бесценного опыта в проведении радиоигр с противником, который успешно был развит легендарной военной контрразведкой «Смерш».

В наши дни об этих малоизвестных эпизодах противостояний советской контрразведки абверу можно порой прочесть на страницах юбилейных изданий, выпускающихся российскими органами безопасности, или региональных газет и журналов. Например, в книге, подготовленной Самарским управлением ФСБ России, рассказано об одной из таких операций: «Одна из таких успешных радиоигр, в ходе которой с берегов Волги в абвер шло огромное количество дезинформации, была проведена Управлением НКВД СССР по Куйбышевской области. В начале 1942 года на территорию Куйбышевской области после окончания одной из разведшкол, находящейся под Варшавой, была заброшена группа агентов абвера.

Интерес к Куйбышевской области немецкая разведка начала проявлять еще до начала войны. В ту пору г. Куйбышев с его полумиллионным населением становился одним из наиболее развитых промышленных центров страны. Но особый интерес стал проявляться, после того как город стал запасной столицей СССР, куда в октябре 1941 года эвакуировались аппарат ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, Президиум Верховного Совета, а также эвакуированные с запада страны более 40 крупнейших оборонных предприятий.

Выброшенная группа состояла из двух человек, Васильченко и Давыдова. Агент Васильченко еще в немецкой «учебке» решил, что сразу же после заброски в тыл придет с повинной, что он и сделал. Его же напарник Давыдов оказался полной противоположностью — бывшим уголовником и настоящим предателем. После ареста и допроса Давыдова переправили в Москву, а вместо него к Васильченко приставили старшего оперуполномоченного НКГБ СССР Фортуната Козика.

Их группа получила кодовое название «Кустарник». Разведчики выходили в эфир два раза в сутки, составляли шифровки, учитывая обстановку на фронте.

Их «деза» казалась настолько правдивой, что немцы стали проверять благонадежность источника. Наконец пришел ответ: «Благодарим за работу, продолжайте собирать информацию».

Дом в Сызрани на ул. Интернациональной, где жили Козик и Васильченко, находился под постоянным наблюдением чекистов: нужно было взять агента-связника. Но немцы о нем пока ничего не сообщали. И только после того, как сигнал радиации стал совсем слабым (садились питание), пришла шифровка, что связник уже прибыл и скоро появится на конспиративной квартире.

Вновь прибывшим агентом оказался Береговой, который учился в одной школе с Васильченко и считавшийся одним из лучших по диверсионной подготовке. По прибытию на явочную квартиру связник был арестован. Сведения, полученные от него, прояснили секреты операции «Цепелин». Получая дезинформацию из Сызрани, немцы до последнего верили своей «восточной» агентуре.

К оперативным результатам «Кустарника» можно отнести следующее: в 1942 году немецкая разведка благодаря нашей дезинформации допустила крупный просчет, не заметив сосредоточение советских войск под Сталинградом; ни один из объектов диверсионных устремлений вражеских агентов, заброшенных в область, не был уничтожен; чекисты захватили разведчиков-диверсантов, агентов-связников, от которых, помимо другой ценной информации, получили точные координаты Варшавской разведшколы, где они проходили подготовку. Данные передали авиации, и «центр подготовки» был подвергнут бомбардировке²⁸⁴.

Другая «игра в эфире», под кодовым наименованием «Хозяин», проводилась вологодскими контрразведчиками. Вблизи станции Кипелово Сокольского района Вологодской области были сброшены на парашютах три вражеских агента-разведчика. После приземления они явились с повинной в ближайший орган советской контрразведки.

Об этой радиоигре, проводившейся вологодскими контрразведчиками в том же 1942 году, эмоционально рассказала журналист Юлия Лаврова: «Восемь месяцев 1942 года вологодские чекисты «водили за нос» офицеров рейха, передавая им ложную информацию. Эта легендарная операция даже вошла в учебники по подготовке разведчиков. «Ваши документы!» — козырнул военный патрульный. Молодой офицер остановился на привокзальной платформе в Бабаево и протянул военный билет. «Орлов Николай Васильевич, лейтенант Красной армии», — значилось в документе. С фотографии серьезно смотрел человек с открытым добрым лицом. Документы были в полном порядке, но патрульный все же пригляделся к Орлову внимательней, слишком напряженным был его взгляд, а руки нервно теребили ремешок вещмешка. Через день на допросе в вологодском НКВД Николай Орлов назвал свою настоящую фамилию и цель, с которой он был заброшен в район железнодорожной станции Бабаево. В феврале 1942-го Николай Алексеенко в составе разведывательно-диверсионной группы из трех человек был заброшен в Вологодскую область — для сбора информации о передвижениях военных эшелонов. Именно через Вологду шла одна из главных железнодорожных магистралей, обеспечивающих до 30 % нужд фронта. Вологодчина являлась важнейшим тыловым стратегическим пунктом, здесь были оборудованы огромные склады боеприпасов, обмундирования, продовольствия.

Как только Алексеенко дал первые показания, чекисты отправились в Бабаевский район и задержали остальных членов группы — Диева (псевдоним Крест-

цов) и Лихогруда (псевдоним Малиновский). Они отказались сотрудничать с НКВД, и 25 мая 1942 года по приговору военного трибунала были расстреляны. Алексеенко же поселили на конспиративной квартире и установили связь с его непосредственным командиром — начальником Абвер-группы 104 полковником Гемприхом. Николай Алексеенко был в группе радистом, что значительно облегчило задачу вологодским чекистам. В немецком разведцентре знали его позывной “Орлов” и индивидуальный радиопочерк. Уже в марте 1942-го Гемприх получил первую радиограмму от “Орлова”: “Прибыли на место, приступаем к выполнению задачи”.

В течение 8 месяцев на “Орлова” работал целый аналитический отдел НКВД. Дезинформация являла собой тонкую, филигранную работу мысли. Ни разу за то время, что продолжались радиоигры с немцами, “Орлова” не заподозрили в связи с советской разведкой.

До сих пор в архиве УФСБ [России] по Вологодской области хранится журнал работы радиостанции. В одной из радиограмм, к примеру, проходит сообщение о мифическом сотруднике штаба 457-й стрелковой дивизии старшем лейтенанте Сергее Аполлонове — большом болтуне и любителе выпить. В другой содержится намек на активизацию повстанческого движения: высланные в Вожегодский район украинцы “открыто говорят против советской власти и за возрождение Украины”.

Вологодские чекисты не знали, сколько еще диверсионных групп могут работать в нашей области, поэтому каждая шифровка в штаб абвера сопровождалась прикрытием. Например, советские войска готовили наступление на юге, а “Орлов” передает в разведцентр, что военные эшелоны с провиантом и боеприпасами двигаются на север. И на самом деле несколько составов оборудовали муляжами танков и “самоходок”, ставили на вагонах медицинские кресты, а внутрь садили одного-единственного человека, который топил печку, чтобы пар валил из всех окон. Создавалось впечатление, что действительно готовится наступление на севере. Ночью же настоящие снаряженные эшелоны уходили на юг.

...Немцы в изобилии снабжали агента документами, батареями для радиостанций и деньгами. В то время “Орлов” получал с авиагрузом до 14 тысяч рублей! Правда, деньги эти были чистой “липой”. Гитлеровцы успешно освоили производство высококачественных фальшивок и в изобилии снабжали ими завербованных агентов. Самолеты на большой высоте перелетали через линию фронта, сбрасывали груз в заранее оговоренном месте — где-нибудь в сокольских лесах — и возвращались обратно. А “Орлов” рапортовал: “Деньги и документы получил!”

Иногда ценные посылки передавались из рук в руки. 7 декабря 1942 года немцы направили к Алексеенко курьера-связника, перебросив последнего через линию фронта на самолете. Курьер вез фиктивные документы, теплые вещи, оружие, 60 тысяч рублей. По требованию Москвы обезвреженный агент по фамилии Баракшин был срочно этапирован на Лубянку.

Кстати, московские коллеги, узнав о радиоигре вологжан, взяли на вооружение некоторые ее элементы, а позже операция под кодовым названием “Хозяин” (так вологжане окрестили полковника Гемприха) вошла во все учебники по подготовке разведчиков. ...Алексеенко был выведен из игры в начале 1943-го под предлогом того, что вынужден уехать из Вологды — якобы появился риск разоблачения. Немцы и на сей раз ему поверили. На самом деле его отправили в вологодскую тюрьму,

где он и находился до 1944 года. Особым совещанием военного трибунала Николай Алексеенко был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Но по ходатайству вологодских чекистов срок наказания снизили до 3 лет. О дальнейшей его судьбе известно лишь то, что после освобождения он вернулся в Вологду...»²⁸⁵

Постепенно в игру включались все новые радиостанции, расширялся и географический регион шпионской работы, который интересовал германские спецслужбы. Эти новые каналы вплоть до капитуляции Германии использовались для дезинформации противника. Об этой радиоигре подробно рассказано в документальном телефильме «Засекреченная любовь. Жажда жизни», который был показан на телевидении в начале 2007 года.

Советская контрразведка активно начала использовать радиоигры уже в период сражения под Сталинградом:

«В целях дезинформации немецкого командования при подготовке Сталинградской операции подразделениями НКВД проводились радиоигры с противником путем использования явившихся с повинной и захваченных радистов диверсионно-разведывательных групп. Так, осенью 1942 г. в результате мероприятий, проведенных в Ульяновске и Сызрани, удалось перехватить несколько разведгрупп противника, которые прибыли для “подкрепления” к якобы активно действовавшим в районах ДРГ* фашистской разведки.

Несколько радиоигр с противником велось и с территории других областей. Осенью 1942 г. добровольно сдался властям переброшенный на территорию Саратовской области в составе разведывательной группы абвера радист “Снегов”. Остальные участники группы были обезврежены. Контрразведчики приняли решение с помощью “Снегова” некоторое время изображать якобы активную деятельность разведывательной группы и по согласованию с военным командованием более 3 месяцев передавали противнику дезинформационные материалы. В октябре из немецкого разведцентра поступила радиограмма: “Благодарим за отличную работу. Высылаем связника с новым заданием, экипировкой и питанием для радиостанции”.

Но наиболее объемной была эта деятельность Управления НКВД в Сталинграде. В качестве одного из множества примеров проведенных с территории Сталинградской области радиоигр со спецслужбами приведем следующий. 18 апреля 1942 г. в наш тыл был заброшен агент абвера, который явился с повинной в органы власти. Как выяснилось, он имел задание довольно широкого спектра: по войскам — вести сбор данных о дислокации и численности частей, вооружении, расположении складов и техники, штабов и т. п.; по железнодорожному транспорту — изучать суточные маршруты и численность эшелонов с воинскими грузами, определять места скопления воинских составов, состояние железнодорожного транспорта; в области промышленности — выяснять расположение заводов, характер продукции, количество выпускаемой техники и др. Для выполнения столь разносторонних задач он должен был войти в создаваемую противником разведывательную сеть.

Под руководством контрразведчиков радист длительное время передавал дезинформацию в разведцентр, после чего к нему прибыл второй радист с комплектом питания для радиостанции и крупной суммой денег, который и был задержан. Путем проведения этой и других радиоигр контрразведке удалось создать уверен-

* Так в тексте.

ность у немецкого разведцентра, что в районе Сталинграда действует разветвленная сеть агентов, которые передают достоверные разведывательные данные.

Итогом совместной работы Управления НКВД и военного командования стало то, что «цель мероприятий советского Верховного главнокомандования по дезинформации противника и скрытой подготовке контрнаступления была достигнута. Искусными мерами маскировки и дезинформации удалось скрыть не только мощь готовившихся ударов, но и время перехода в контрнаступление.

Несмотря на то что немецкий Генеральный штаб на основе многочисленных частных признаков все же установил значительное увеличение численности советских войск перед левым флангом своей группировки на Сталинградском направлении и сделал вывод, что советское командование здесь решило начать зимнее наступление, это были слишком общие и запоздалые оценки, поскольку ни точных сроков удара, ни его направления немецкая разведка и командование установить не смогли»²⁸⁶.

Получаемые от советской контрразведки сведения помогали командованию Красной армии своевременно принимать правильные решения о проведении стратегических операций на фронтах Великой Отечественной войны. С каждым годом войны ширились масштабы дезинформационных операций, в том числе совершенствовалась и тактика проведения радиоигр с противником.

Вместе с тем анализ допущенных ошибок при организации и проведении радиоигр позволил накопить ценный опыт, которым впоследствии в полной мере воспользовался 3-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Таким образом, главной целью радиоигр стало оказание реальной помощи Красной армии на полях сражений, что достигалось путем систематической передачи врагу военной дезинформации. Но прежде чем приступить к нашему рассказу о радиоиграх, проведенных в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов советскими контрразведчиками, следует упомянуть еще об одном подразделении советских органов безопасности, без которого невозможно было вести «войну в эфире» — о радиоконтрразведке.

Ниже мы коротко расскажем о некоторых из первых радиоигр, проведенных советской контрразведкой в 1942–1943 годах. С образованием в апреле 1943 года контрразведки «Смерш» все радиоигры, за некоторым исключением, были переданы военным контрразведчикам.

«Ястреб»

Первые опыты проведения радиоигр с германской военной разведкой нередко заканчивались неудачей. Примером может служить агентурная комбинация «Ястреб», которую проводили сотрудники УНКГБ по Ивановской области.

Радиоигра была начата 14 марта 1942 года. Для работы на ключе контрразведчиками использовался перевербованный агент-радист противника «Ястребов». 24 июня 1941 года, на второй день войны, командир танка младший сержант «Ястребов» в районе г. Гродно попал в плен к немцам. Содержался в лагерях для военнопленных в гг. Сувалки и Гамбурге, где был завербован сотрудниками абвера. Окончил Варшавскую разведшколу по программе агента-радиста и был направлен в Минск.

В ночь на 12 марта 1942 года «Ястребов» был выброшен с немецкого самолета на парашюте в районе с. Ивашево Ильинского района Ивановской области. От германской военной разведки «Ястребов» получил задание: пробраться в г. Иваново и наблюдать за переброской войск к фронту по железным дорогам. Собранные сведения он должен был по радиции передавать в разведцентр противника.

Для выполнения задания «Ястребов» был снабжен фиктивными документами: паспортом и военным билетом на имя Писарева Григория Ивановича, коротковолновой радиостанцией, польским пистолетом с патронами и деньгами.

После приземления «Ястребов» добровольно явился с повинной в органы НКВД. На допросе дал обстоятельные показания о себе и известных ему агентах германской военной разведки. «Ястребов» сообщил, что вместе с ним в самолете находился другой агент-радиист под кличкой «Богатырь», который должен был быть выброшен на территории Ивановской области через 15 минут после его приземления.

Принятыми мерами розыска было установлено появление на территории Ильинского района неизвестного лица, схожего по приметам с «Богатырем», однако разыскать его не удалось. 12 мая в поле около дер. Денисово была обнаружена радиция и парашют, принадлежащие «Богатырю». Однако самого агента-парашютиста обнаружить не удалось.

Получив в ходе следствия от «Ястребова» исчерпывающие данные, необходимые для установления связи с радиоцентром противника, и убедившись в искренности поведения агента, радиостанция «Ястребова» была включена в радиоигру с германской военной разведкой.

Целью радиоигры была передача военной и экономической дезинформации противнику, а также вызов на нашу сторону с последующим арестом агенто-связников под предлогом новых документов, денег и дополнительного питания к радиции.

Из-за технических неисправностей радиостанции «Ястребова» двухстороннюю связь с центром удалось установить только 15 апреля, после чего начали передавать немцам дезинформацию. При этом во время работы слышимость радиостанции по-прежнему была слабая, о чем неоднократно сообщалось противнику.

В ответ на это центр 17 мая радировал: «Просим ваш точный адрес и предложение способа для доставления вам батарей и денег».

В ответ на эту радиограмму 25 июня противнику передали: «Живу Иваново, Типографская ул., 22 у Микерова. Батареи и деньги присылайте человеком. Доставка самолетом опасна, сильный патруль [в] Иваново и около него». В ходе последующих радиосеансов по радиции «Ястребова» просили центр также выслать новые документы.

Противник принял предложение, и 19 сентября на подставленный адрес прибыл связной из центра — агент германской военной разведки «Верховский», бывший лейтенант 173-го стрелкового полка. На допросе «Верховский» показал, что в июле 1941 года на территории Литвы попал в плен к «шаулистам», а затем содержался в Бальгском лагере военнопленных, где был завербован сотрудниками абвера. Окончил Варшавскую разведшколу по программе агента-разведчика.

«Верховский» имел задание: пробраться в Иваново, разыскать там «Ястребова» и доставить ему батареи питания для радиции, деньги в сумме 10 000 рублей, после чего вернуться обратно к немцам.

30 сентября в центр сообщили о благополучном прибытии курьера и благодарностью за помощь: «Господин ротмистр²⁸⁷. Благодарю за деньги и батареи. Очень сожалею, что не получил документ об освобождении от воинской службы, он крайне нужен». Квитанция о приеме радиограммы от центра была получена, но противник в эфире больше не появился. В связи с этим 2 декабря радиоигра была прекращена. В процессе радиоигры было передано в центр 24 радиограммы и принято 11 радиограмм.

Причина неудачи вскоре была установлена Радиоконтрразведывательной службой (РКРС) 2-го Спецотдела НКВД СССР. При передаче последней радиограммы «Ястребов» ошибочно вместо условного знака «А» передал знак «Т», свидетельствующий о работе агента по принуждению, что, возможно, и послужило причиной потери связи с центром.

18 ноября 1942 года агент-курьер «Верховский» «за измену Родине» Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к ВМН. 17 декабря того же года приговор в отношении «Верховского» приведен в исполнение. 19 января 1944 года агент «Ястребов» по решению того же органа «за изменническое поведение в плену у немцев» приговорен к трем годам ИТЛ.

«Грачи»

16 марта 1942 года сотрудники 2-го Управления НКВД СССР из г. Череповца начали спецоперацию, получившую кодовое обозначение «Грачи». Радиоигра велась от имени шестерых агентов-диверсантов.

Все участники группы были бывшими военнослужащими Красной армии, в разное время попавшими в германский плен. Зимой 1942 года окончили школу разведчиков-диверсантов в местечке Вихула.

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1942 года с немецкого самолета на парашютах были выброшены на территории Устюжинского района Вологодской области (в 45 км западнее г. Устюжна). Старший группы — агент «Лесков», бывший помощник командира взвода 174-го отдельного строительного батальона на острове Эзель. Радист — агент «Савин», бывший красноармеец, радист 512-го гаубичного полка 172-й стрелковой дивизии. Остальные участники группы выброшены как разведчики-диверсанты.

Группа имела задание произвести 8–10 взрывов на участке железной дороги Пестово – Абросимово, после чего возвратиться через линию фронта обратно к немцам.

Для выполнения задания агенты были снабжены фиктивными документами, чистыми бланками и различными печатями частей и соединений Красной армии. Группа имела на вооружении четыре автомата, четыре револьвера системы «Наган», два пистолета системы «Вальтер», восемь килограмм тола, запалы, одну портативную приемо-передающую радиостанцию и 15 000 рублей.

Вся группа благополучно приземлилась в вышеуказанном районе и после трехдневного пребывания в лесу в полном составе явилась с повинной в органы НКВД, сдала полученное от немцев оружие, радиостанцию и документы.

Приняв во внимание явку с повинной агентов противника, было принято решение с 16 марта включить радиостанцию в игру с использованием радиста группы «Савина».

С целью закрепления авторитета радиоточки «Грачи» в глазах немцев в процессе радиоигры перед германской военной разведкой намечалось легендаризировать активную, «практическую» диверсионную деятельность группы на Кировской железной дороге, а также создание ею опорных пунктов в Рыбинске и Череповце с явочными адресами.

В развитие легенды 9 апреля противнику «вслепую» передали радиограмму следующего содержания:

«Организовали крушение состава между ст. Кабожа и Кушевары, разбито много вагонов с воинским грузом, имеются жертвы. По дороге 31.III. организовали разрушение пути у ст. Бабаево, где разбились два паровоза, много вагонов. Разделились на две группы: я и Савин прибыли в Череповец, остальные выехали в Рыбинск».

12 апреля (после передачи противнику шести радиограмм) связь с центром была потеряна из-за выхода из строя радиостанции.

Для восстановления контакта с разведцентром противника намечалось радиста «Савина» подготовить и перебросить через линию фронта к немцам. С этой целью «Савин» был направлен в Москву, в распоряжение 2-го Управления НКВД СССР. Однако в процессе работы с ним, а также в ходе следствия по делу остальных участников группы выяснились дополнительные факты «предательской деятельности этих агентов» в плену. Ввиду этих обстоятельств проводить комбинацию с противником признано нецелесообразным. На этом радиоигра была прекращена.

В 1942–1944 годах решением Особого совещания при НКВД СССР участники группы были заключены в ИТЛ, а старший группы приговорен к ВМН.

«Орлов»

Одной из первых успешных спецопераций в эфире была и радиоигра «Орлов», которую 20 марта начало УНКВД по Вологодской области с санкции 2-го Управления НКВД СССР. Радиоигра проводилась от имени разведгруппы германской разведки в количестве трех человек: старшего группы — радиста «Орлова», радиста «Малиновского» и разведчика «Кресцова». Группа была заброшена в советский тыл в ночь на 28 февраля 1942 года на самолете, снабжена коротковолновой радиостанцией, личным оружием, картой района деятельности, компасами и часами.

Примечательно, что члены группы не имели при себе фиктивных документов. На случай задержания агенты имели легенду, что они якобы бежали из лагеря военнопленных, на этот случай у каждого при себе были жетоны военнопленных, которыми они были снабжены германской военной разведкой.

От германской военной разведки группа имела задание: осесть в г. Вологде и выявлять дислокацию, наименование и численность воинских частей, их вооружение; состояние промышленности г. Вологды, количество и характер воинских грузов, следующих через город в направлении к фронту, в том числе прибывающих из Америки и Великобритании; расположение военных аэродромов в районе Вологды, а также наличие воинских контингентов, прибывающих из Сибири.

Благополучно приземлившись в районе станции Хвойная Ленинградской области, агенты противника закопали радиостанцию, парашюты и направились в

район действия. 6 марта при проверке документов на ст. Бабаево «Орлов» был задержан. На следующий день на станции Сивуч Северной железной дороги сотрудниками Транспортного отдела НКВД были задержаны остальные участники группы — «Малиновский» и «Кресцов».

После получения от агентов исчерпывающих показаний о проведении сеансов связи с противником, условиях на случай работы по принуждению 20 марта была передана первая радиোগрамма. Игра была начата с опозданием на 20 дней. Причиной задержки послужил семидневный розыск агентов и спрятанной ими радиостанции.

После установления связи с разведцентром контрразведчики приступили к передаче военной дезинформации по заданию Генштаба Красной армии. В ходе радиоигры противника уведомили, что из-за отсутствия личных документов группа испытывает большие трудности. Кроме того, батареи станции нуждаются в замене.

Противник был заинтересован работой радиоточки «Орлов» и сразу же изъявил согласие доставить группе все необходимое. 17 мая из центра поступила радиোগрамма с предложением сообщить данные о характере документов и экипировке, которые являются наиболее подходящими для действия в советском тылу. В ответной шифровке контрразведчики «рекомендовали» выброску агентов осуществить в гражданской одежде, с соответствующими документами.

19 июня противник попытался осуществить сброс помощи, но из-за плохой погоды самолет не обнаружил условленного места. 21 июня центр вторично выслал самолет, но летчик не нашел сигнальных костров и произвел сброс груза в другом месте. Получив сообщение, что «посылка» не обнаружена, противник высказал опасение о возможном провале, так как на документах, которые находились в грузе, были наклеены фотографии агентов, и предложил покинуть место сброски и вернуться обратно к немцам.

22 июня в заранее обусловленном месте противником были сброшены с самолета два металлических баллона — т. н. «грузобомбы». В «посылке» оказались: фиктивные документы, выданные от имени 117-й стрелковой дивизии, удостоверения личности командного состава, красноармейские книжки и т. п.; три личных письма агентам от имени «майора Петергоф» и некоего «Эдварда»; восемь батарей питания и запчасти к радиостанции; 14 тысяч рублей; три револьвера системы «Наган» с запасов патронов; военное обмундирование и снаряжение (всего — 36 предметов); продукты питания (шоколад, концентраты, консервы, жиры и пр.).

Получение «посылки» стало подтверждением, что противник по-прежнему доверяет информации, поступающей по радиоточке «Орлов».

Считая нецелесообразным прекращать игру, по радиоточке «Орлов» в центр сообщили, что 28 июня в результате активного поиска «посылка» была обнаружена в болоте, в 8 км от обусловленного места сброса. Передав благодарственную радиোগрамму, противнику сообщили, что группа предпринимает активные меры для легализации в Вологде и устройстве на жительство. Параллельно продолжалась передача военной дезинформации.

Вскоре в центр радиовали, что удалось благополучно устроиться в городе на квартире у рабочего мастерской и его приятеля по адресу: Советский проспект, 25. Одновременно с этим показано, что разведчики познакомились с сотрудником

штаба 457-го стрелкового полка лейтенантом Апостоловым, от которого периодически «путем бесед за выпивкой водки» добывали ценные сведения о дислокации и вооружении частей вологодского гарнизона.

Параллельно с этим контрразведчики попытались выявить интерес противника к установлению связей с антисоветским подпольем в тылу. 5 и 8 сентября в центр сообщили, что разведчики имеют возможность установить связь с высланными украинскими националистами и хозяином их квартиры, бывшим членом ВКП(б), исключенным из партии за связь с братом, проживавшим в Германии.

На эту информацию противник вначале никак не отреагировал, но когда разведчики вторично передали эти сведения, из центра последовал ответ, категорически запрещающий связи с националистами во избежание провала. Причем немцы разъяснили, что хозяин квартиры в целях своей реабилитации перед советской властью может их выдать.

Убедившись, что противник не намерен внедрить разведчиков в якобы существующее антисоветское подполье, продолжили передавать по радиоточке «Орлов» военную дезинформацию. Одновременно из центра была затребована помощь деньгами, одеждой и питанием для рации, то есть всем необходимым для продолжения разведывательной деятельности в советском тылу.

27 октября из центра поступила шифровка, в которой противник благодарил за переданные ему сведения и согласился доставить все необходимое для продолжения разведки. Во время ожидания помощи в центр сообщили, что из-за отсутствия теплой одежды и документов разведчики испытывают большие трудности.

Одновременно руководителями игры, в связи с тем что по радиоточке «Орлов» противнику передавалась «серьезная военная дезинформация» и поставленные задачи были выполнены, было признано целесообразным в момент ожидания помощи радиоигру прекратить, показав перед центром арест разведгруппы.

Прекращение радиоигры в момент, когда противник готовил доставку помощи, должно было убедить немцев, что агенты работали самостоятельно, так как было маловероятным, что НКВД в такой стадии операции прекратил бы работу.

В связи с задержкой помощи из-за нелетной погоды контрразведчики легендировали перед центром, что разведгруппа с места ожидания груза ушла в город. 4 декабря был принят приказ из центра с требованием вернуться на обусловленное место, жечь костры и ждать помощи.

Считая этот момент наиболее подходящим для завершения радиоигры, противнику сообщили, что при следовании к месту сброски разведчики наскочили на патруль, оказали сопротивление, «Кресцов» был ранен и, воспользовавшись темнотой, вся группа сумела скрыться.

Желая сохранить группу «Орлова», 6 декабря из центра приняли сообщение, что к ним в срочном порядке отправлен курьер со всем необходимым, и просил назначить место встречи в Вологде. В ответной радиограмме противнику сообщили, что встреча назначена на почте, указали время встречи и условные пароли.

В ночь с 8 на 9 декабря в районе Вологды с немецкого самолета был сброшен груз и агент-связник. В тот же день связник был арестован. Он, так же как и старший группы, имел псевдоним «Орлов». До пленения немцами осенью 1941 года служил старшиной 42-го особого батальона на острове Эзель. В чемодане задержанного оказались различные бланки фиктивных документов, предназначавшие-

ся группе «Орлова», 60 тысяч рублей, запасные батареи питания, теплое обмундирование и 12 пакетов для оказания скорой медицинской помощи.

12 и 15 декабря центр подтвердил сообщение о выброске им курьера, сообщил его приметы и предупредил об осторожности.

18 декабря от имени разведгруппы «Орлов» в центр сообщили, что на почте заметили человека с указанными приметами, которого в сопровождении штатских конвоировали в здание НКВД. Одновременно высказали опасение о провале и попросили разрешения выехать на Урал, а также запросили, что было известно курьеру о разведчиках.

24 декабря противник ответил, что связник при себе имел документы разведчиков с их фотографиями, но настоящих фамилий и адресов не знал. Вместо выезда на Урал центр предложил разведгруппе через пересыльный пункт попасть на фронт и перейти линию фронта в районе г. Торопец как наиболее удобном месте.

25 и 31 декабря в центр сообщили, что на пересыльный пункт явиться нельзя, так как их задержат, поэтому они закопали радиостанцию и, подготовив необходимые документы, через несколько дней после выздоровления «Кресцова» направляются в район Торопца для перехода линии фронта.

После 31 декабря радиоточка «Орлов» в эфир не выходила и радиоигра была завершена. В результате проведенной легенды у противника должно было создаться впечатление, что в пути следования к линии фронта разведчики задержаны органами советской контрразведки. За период радиоигры в центр было передано 120 и получена от противника 51 радиограмма.

После окончания игры агенты «Малиновский» и «Кресцов» решением Особого совещания при НКВД СССР от 25 февраля 1942 года приговорены к ВМН, агент-связник «Орлов» решением того же органа от 23 октября 1943 года осужден на 10 лет ИТЛ, а радист «Орлов» по решению от 17 февраля 1944 года осужден на 8 лет ИТЛ, но в результате пересмотра дела срок наказания снижен до трех лет.

Операция «221»

Следующая радиоигра, о которой пойдет наш рассказ, получила редкое обозначение «221». За всю «войну в эфире» это был единственный случай, когда радиоигра получила цифровое обозначение. Она началась 28 марта из дер. Тростянка Колужского района Тульской области.

На этой спецоперации стоит остановиться подробнее. Именно эту радиоигру один из непосредственных участников, ветеран советской контрразведки полковник Д.П. Тарасов, описал как первую операцию подобного рода. Действительно, в «Справках по делам литеры “Э”» эта операция значится под № 1, но это не совсем точно. Если исходить из даты первого выхода в эфир для связи с противником, то несколько радиоигр, о которых речь шла выше, начались несколько раньше.

Однако вернемся к рассказу Д.П. Тарасова, вот как он изложил ход этой радиоигры:

«В ночь на 12 февраля 1942 года из населенного пункта Клягинский Ульяновского района Орловской области, примерно в 25 км к северо-западу от Болхова,

гитлеровцы перебросили через линию фронта в расположение частей советской армии шпионскую группу в количестве 22 человек на шести санных повозках с легендой, что она является командой связи, выполняющей специальное задание штаба ПВО 50-й советской армии... В составе группы находились два радиста, которые по приданной им агентурной коротковолновой рации должны были добытую шпионскую информацию передавать немцам.

После захвата шпионской группы Тимофеев и Барышников вышли с предложением к руководству наркомата о включении рации в работу под контролем нашей контрразведки с использованием одного из радистов. Планом операции предусматривалось, что группа, вопреки полученным от противника указаниям о возвращении в разведорган, из-за неблагоприятно сложившейся обстановки не смогла перейти линию фронта, вынуждена была уйти в более глубокий тыл и, находясь под Калугой, ждать от немцев помощи (документы, продовольствие, обмундирование, батареи для рации)...

Первый раз вышли в эфир и пытались связаться с немцами из села Георгиевское под Калугой, затем из деревни Василенки. Однако ни на эти, ни на последующие вызовы противник не ответил. О причинах можно только догадываться. Очевидно, невыполнение приказа о возвращении группы через линию фронта и ее длительное молчание (начали работу спустя 20 дней после захвата шпионов) было расценено разведорганом немцев как факт провала.

Таким образом, первая попытка начать радиоигру с противником оказалась неудачной. Она лишним раз подтвердила справедливость бытующей в народе поговорки — «Первый блин всегда комом»²⁸⁸.

Для восстановления полноты картины дополним рассказ Д.П. Тарасова. В начале февраля 1942 года через линию фронта на участке Сухиничи – Белев «Абверкомандой 103» при штабе группы армий «Центр» была перебросена разведгруппа в количестве 22 человек. Разведчики имели задачу собирать сведения о передвижении и сосредоточении войск Красной армии в районе действий 10, 16, 50 и 61-й армий.

Все участники группы осенью 1941 года при разных обстоятельствах попали в плен к немцам и содержались в Брянском лагере военнопленных. В составе группы имелось два радиста — «Родионов» и «Очерет». Оба окончили Борисовскую разведшколу по программе агентов-радистов.

Для выполнения задания агенты были снабжены фиктивными документами военнослужащих Красной армии, фиктивным предписанием от имени отдела ПВО 50-й армии, в котором указывалось, что группа выполняет специальное задание штаба армии. Из вооружения группа имела при себе целый арсенал: 19 винтовок, один пулемет, один автомат, два револьвера. Кроме того, группа была снабжена коротковолновой портативной радиостанцией и имела при себе 10-дневный запас продовольствия. В целях маскировки и передвижения в прифронтовой полосе разведорган снабдил агентов шестью санными упряжками.

Перейдя благополучно линию фронта, группа приступила к выполнению задания немецкой разведки. Собранные сведения о передвижении и дислокации войск Красной армии передавали немцам по радио. Выполняя указания немецкой разведки, группа дважды пыталась перейти линию фронта к немцам, но безуспешно, так как фронт в этих местах усиленно охранялся передовыми постами.

12 февраля 1942 года работа радиостанции агентов позывными «дат» была зафиксирована Радиоконтрразведывательной службой НКВД СССР. Впоследствии было определено ее местонахождение в районе хутора Тростянка.

Видя безвыходность своего положения, группа 7 марта 1942 года сообщила немцам: «...нам пробираться очень тяжело, находимся в хуторе Тростянка. Сейчас идет наступление красных. Везут много боеприпасов для фронта. Транспортируется много раненых. Что нам делать...» В этот же день агентурная группа в полном составе была задержана советскими органами безопасности.

Выяснив в процессе следственной обработки арестованных возможности использования радистов и приданной им радиостанции в радиоигре с немцами, 28 марта 1942 года радиостанция была включена в радиоигру с противником. Целью игры ставилось вызов и захват самолета противника.

В ходе радиоигры в развитие переданных ими самостоятельно радиogramм общалось немцам о трудностях работы без помощи и невозможности перехода линии фронта, однако противник, отказывая в помощи, настоятельно требовал возвращения группы обратно к немцам через линию фронта.

В последний сеанс связи 3 апреля 1942 года центр радировал: «...из-за плохой погоды требуемое послать не можем, реквизируйте продовольствие и пробирайтесь поодиночке, как указано, привет...» Учитывая бесперспективность дальнейшей радиоигры, 4 апреля 1942 года радиоточка «221» прекратила свою работу.

Всего передано радиogramм 16, из них самостоятельно 7. От противника было принято 14 радиogramм, из них самостоятельно 9. После окончания радиоигры все участники группы приговорены к ВМН, приговор приведен в исполнение.

«Яковлев»

Не все операции проходили без досадных промахов и сбоев. Первый провал произошел в ходе очередной спецоперации, получившей кодовое наименование «Яковлев» (24 апреля — 29 июля 1942 года). Радиоигра начата сотрудниками КРО УНКВД по Сталинградской области 24 апреля 1942 года от имени агента германской разведки «Орлова», бывшего командира связи 664-го стрелкового полка.

В начале 1941 года «Орлов» окончил Сталинградское училище связи и направлен на фронт. Вскоре, 1 июля 1941 года, он попал в немецкий плен, содержался в лагере военнопленных в г. Сувалки, где в октябре 1941-го завербован германской военной разведкой. Окончил Варшавскую разведшколу немцев по программе агента-радиста.

В ночь на 19 апреля 1942 года в Клетском районе Сталинградской области «Орлов» был сброшен с самолета на парашюте. От германской военной разведки он получил задание пробраться в г. Сталинград, осесть там на жительство и приступить к сбору сведений о дислокации, наименовании и численности воинских частей гарнизона города, новых формированиях, воинских грузах, следующих через Сталинград по железным и шоссейным дорогам и по Волге, о работе сталинградской промышленности и результатах бомбардировок города немецкой авиацией.

После приземления «Орлов» добровольно явился с повинной в органы НКВД, сдал радиостанцию, оружие, деньги, документы. Во время следствия он подробно рассказал о Варшавской разведшколе, методах подготовки агентуры, передал шифр и код, выдал секретную условность на случай работы под диктовку советских органов безопасности, а также сообщил о других агентах, готовившихся к заброске в советский тыл.

На основании полученных данных «Орлов» был перевербован и получил псевдоним «Яковлев». Вскоре он был допущен к работе на радиостанции под диктовку советской контрразведки. Радиоигра проводилась в целях дезинформации противника.

В ходе операции было легендировано, что «Орлов» познакомился с машинисткой штаба Резервной армии, некоей Слободчиковой, от которой узнавал очень серьезные данные по интересующим германскую военную разведку вопросам. Поэтому противник проявил повышенный интерес к информации, поступавшей от «Орлова». Боясь потерять этот источник, немцы 11 июля по своей инициативе предложили «Орлову» помощь деньгами, фиктивными документами и батареями и потребовали прислать явочный адрес.

На это предложение сталинградские контрразведчики с радостью откликнулись и сообщили противнику необходимые сведения. Одновременно в целях лучшей организации встречи агента-связника и выяснения у него (до ареста последнего) всех необходимых вопросов было принято решение об освобождении «Орлова» из-под стражи.

Этот адрес в Сталинграде был намеренно подставлен противнику, и в целях лучшей организации встречи с курьером абвера и выяснения всех вопросов, интересующих германскую разведку (до его ареста).

«Яковлев» был соответствующим образом проинструктирован, экипирован и помещен на квартире, адрес который сообщили разведцентру противника. Вместе с агентом на квартире были поселены два сотрудника УНКВД, в задачу которых входила охрана и наблюдение за «Яковлевым». Кроме того, за квартирой было установлено круглосуточное наружное наблюдение. На первый взгляд казалось, что все было сделано правильно.

17 июля от противника была принята радиограмма следующего содержания: «Сегодня вылетел человек, привезет документы, батареи и 10 тысяч рублей. Пароль “Амозин”, работайте вместе».

Действительно, в ночь на 18 июля немцы сбросили на территорию Клетского района Сталинградской области с самолета на парашюте агента-связника, который имел задание разыскать в г. Сталинграде по указанному адресу «Орлова» и передать ему деньги, фиктивные документы и батареи для радиостанции и остаться с ним для совместной шпионской работы в пользу немцев.

На третий день после приземления связник был задержан. Контрразведчики аккуратно встретили «гостя». Им оказался бывший командир 104-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии, майор Красной армии. В сентябре 1941 года в районе г. Лубны «Амозин» попал в плен и в мае 1942 года завербован германской военной разведкой. Так же как и «Яковлев», он прошел обучение в Варшавской разведшколе по программе агента-разведчика.

По делу «Амозина» было проведено тщательное следствие, выяснены все необходимые обстоятельства, связанные с его заданием, и на этом основании реше-

но сообщить от имени «Орлова» противнику о прибытии курьера. Одновременно в центр сообщили, что «Амозин» оказался не совсем честным человеком и часть денег присвоил себе. Этим фактом советская контрразведка хотела подчеркнуть, что «Орлов» с «Амозинным» работать не желает и надеется на получение другого напарника.

В соответствии с планом радиоигры 28 июля в центр радиовали: «Прибыл «Амозин». Привез мне батареи и 8 тысяч рублей. По вашему указанию я должен был получить 10 тысяч рублей. В беседе выяснилось, что «Амозин» хочет поехать домой, рассказывает о себе, что был большой командир Красной армии, и жалуется на теперешнее свое положение. Как мне с ним держаться. Благодарю за внимание».

29 июля радиоигра была прекращена, так как использовавшийся агент-радиот «Орлов», находясь на свободе, ушел от наружного наблюдения и перебежал на сторону немецких войск. Как оказалось в ходе расследования, 14 июля 1942 года «Яковлев» обнаружил за собой наружное наблюдение и просил начальника КРО УНКВД снять наблюдение. Причины бегства «Орлова» точно установить не удалось. Контрразведчики выдвинули версию, что его побег был вызван беспокойством за свою судьбу в связи со сложной обстановкой, сложившейся 28–29 июля под Сталинградом, а также убежденностью в том, что органы НКВД ему не доверяют.

Полученные позднее материалы о пребывании «Орлова» у немцев полностью подтвердили эти предположения. Вернувшись в разведшколу, «Орлов» рассказал, что до 28 июля он честно работал на немцев, а затем был арестован органами НКВД, где ему предложили работать под диктовку. Однако, проведя один сеанс связи, воспользовавшись благоприятной обстановкой, он бежал из-под ареста. Причины своего провала он объяснил немцам арестом курьера «Амозина», который якобы его выдал советской контрразведке.

Вполне естественно, что рассказанная «Орловым» легенда своего чудесного побега из энквэдэшной тюрьмы вызвать подозрений у немцев не могла. В разведшколе немцы «Орлову» поверили и наградили как агента, «выполнившего задание» в советском тылу.

От задержанной агентуры противника, обучавшейся в Варшавской разведшколе, советским контрразведчикам стало известно, что в 1943 году «Орлов» находился при разведшколе под кличкой «Машкин» и использовался немцами для инструктажа агентуры о поведении в тылу Красной армии. «Машкин» проживал в отдельной от других разведчиков комнате, был хорошо материально обеспечен и получил от немцев две медали за храбрость.

За период работы с 24 апреля по 28 июля 1942 года противнику было передано 20 и принято от немцев 11 радиограмм. Агент «Амозин» по решению Особого совещания при НКВД СССР от 25 июля 1942 года был приговорен к высшей мере наказания. Позднее органами ГУКР «Смерш» НКО СССР «Яковлев» как агент германской разведки был объявлен во всесоюзный розыск.

Ошибки, допущенные сотрудниками КРО УНКВД по Сталинградской области в ходе операции, были в дальнейшем учтены при подготовке руководящих документов, которыми регламентировалось проведение радиоигр с противником.

«Матвеев»

Вскоре после начала спецоперации «Яковлев», 27 апреля 1942 года, сталинградские контрразведчики начали еще одну радиоигру с противником, получившую кодовое обозначение «Матвеев». Работа проводилась от имени двух агентов германской разведки — «Владимирова» и «Телегина».

Радист «Владимиров» — бывший курсант полковой школы, дислоцировавшейся в местечке Межеречье Зелевского района Барановической области. В июле 1941 года в районе городка Мир попал в плен к немцам, содержался в лагерях военнопленных в г. Меппель (Германия) и под Веной. В конце декабря 1941 года завербован германской разведкой. Окончил Варшавскую разведшколу по программе агента-радиста

Разведчик «Телегин», бывший политрук батареи, в первые месяцы войны попал в плен к немцам, где был завербован германской разведкой. Окончил Варшавскую разведшколу по программе разведчика.

«Владимиров» и «Телегин» выброшены немцами в ночь на 21 апреля 1942 года с самолета на парашютах около хутора Безымянский Раковского района Сталинградской области. Группа имела задание пробраться в г. Сталинград, осесть на жительство и приступить к сбору шпионских сведений о воинских частях гарнизона, новых формированиях, передвижениях войск, военной техники и грузов через Сталинград по железной и шоссейным дорогам и по Волге, о работе предприятий сталинградской промышленности и результатах бомбардировок немецкой авиации. Напарник «Владимирова» «Телегин» также имел задание провести разведку в районе г. Астрахани.

После приземления в нашем тылу оба агента явились добровольно с повинной в органы НКВД, а на следствии дали подробные показания по всем интересующим советскую контрразведку вопросам.

В связи с добровольной явкой «Владимирова» и «Телегина» в органы НКВД и учитывая их откровенное поведение на следствии было решено использовать захваченную радиостанцию в радиоигре.

С этой целью радист «Владимиров» был перевербован и допущен к работе на ключе. Радиоигру было решено вести с таким расчетом, чтобы противник по содержанию принятых от «Владимирова» радиограмм мог догадаться, что агенты провалились и работают под диктовку органов НКВД. Проведением такой радиоигры по станции «Владимирова» имелось в виду показать грубую работу органов НКВД и таким образом доказать честность работы на немцев других использовавшихся нами в Сталинграде агентов, от имени которых противнику передавались серьезные дезинформационные сведения по заданию Генштаба Красной армии.

В соответствии с этой задачей после передачи противнику первой радиограммы (27 апреля 1942 года) в работе станции был сделан умышленный длительный перерыв и дальнейшая работа была возобновлена только 21 июня 1942 года.

Немцы должны были понять, что после потери связи агентов арестовали, а длительный перерыв объяснить тем, что НКВД проводил тщательное следствие.

Этим контрразведчики хотели показать немцам неоперативность органов НКВД в работе по организации радиоигр и создать впечатление, что те агенты, которые после выброски в тыл Красной армии сразу же устанавливают радиосвязь,

работают честно в пользу немцев, ибо НКВД так быстро их бы включить в радиопрограмму не смог.

По возобновлении связи 21 июня 1942 года в адрес противника в центр передали следующую радиogramму с объяснением причин длительного молчания:

«Работаю в “Заготзерно” чернорабочим. Живу: Сурская, 11. Не работал благодаря порче рации, еле исправил, партнер ушел по назначенному маршруту. Встретился с людьми, которые нам могут помочь, не знаю, как с ними быть. Меня этому не учили».

После этого было легендировано, что напарник «Владимирова» «Телегин» вернулся из Астрахани, обтрепался и изголодался там, но никаких сведений собрать не смог. В связи с этим от противника была затребована помощь деньгами. Немцы ответили следующей радиogramмой 29 июля 1942 года:

«Не унывайте, помощь близка, пошлю все нужное. Ротмистр», а через сеанс, 19 июля 1942 года, радиовали:

«Сегодня вылетел человек и привезет вам 10 тысяч рублей и батареи. Пароль “Авалин”. Работайте вместе».

Обещанный агент-связник был выброшен немцами в ночь на 18 июля 1942 года на территории Клетского района Сталинградской области и имел задание пробраться в Сталинград, разыскать по адресу: Сурская ул., дом № 11 агента «Владимирова», передать ему 15 тысяч рублей советских денег, фиктивные документы и батареи для радиостанции и приступить совместно с ним к шпионской работе в пользу германской разведки.

Связник был замечен в районе приземления и сразу же задержан. Им оказался курьер германской военной разведки «Авалин», бывший комендант спецпоселка НКВД Дивинской комендатуры Орджоникидзевского края. В сентябре 1941 года попал в плен к немцам, где и был завербован германской разведкой. Окончил Варшавскую разведшколу по программе агента-разведчика.

29 июля 1942 года противнику радиовали:

«“Авалин”, со мной связался, я очень доволен, что вы его мне прислали. Он не такой человек, как “Телегин”, с ним у нас дело пойдет. Он говорит, чтобы я порвал всякую связь с “Телегиным”, поэтому перешел на другую квартиру. Если удастся, устроимся все вместе. Спасибо, господин ротмистр».

После передачи этой радиogramмы радиоточка «Матвеев» в эфир выходила только один раз, 1 августа 1942 года, а затем радиопрограмму прекратили.

Дальнейшее проведение радиопрограммы было нецелесообразно по двум причинам:

а) германская армия в то время вплотную подошла к Сталинграду, в связи с чем передача сведений из Сталинграда почти не имела смысла. Кроме того, было рискованно агента «Владимирова» оставлять в городе, так как городу угрожала непосредственная опасность.

б) 29 июля 1942 года из г. Сталинграда бежал к немцам использовавшийся по другому делу (радиопрограмма «Яковлев») агент-радист «Орлов», и было неизвестно, какую позицию он займет перед немцами. Поэтому в целях предосторожности, чтобы не расшифровать наших методов работы, было решено радиопрограмму прекратить.

«Доверенный»

Удачную спецоперацию под кодовым обозначением «Доверенный» провели контрразведчики УНКВД по Калининской области из г. Бежецка. Радиоигра начата 28 апреля 1942 года с санкции начальника 2-го Управления НКВД СССР — комиссара госбезопасности 3-го ранга Федотова. Агентурная комбинация проводилась от имени группы немецких разведчиков в составе трех человек:

1. Старший группы — радист, немецкий псевдоним — «Гава», 1914 года рождения, уроженец участка Ялкин Куйшупского района Иркутской области, русский, бывший колхозник. В армии с 1936 года, младший лейтенант — командир взвода связи штабной батареи 126-го корпусного арtpолка. В октябре 1941 года, будучи в окружении в районе г. Вязьмы, попал в плен к немцам. Содержался в Оршанском и Рижском лагерях военнопленных. Будучи в Рижском лагере, в феврале 1942 года завербован немецкой разведкой и обучался в Валгской разведшколе на радиста.

2. Радист, немецкий псевдоним — «Гулаг», 1914 года рождения. Уроженец дер. Чичилово Личковского района Ленинградской области. Русский, член ВКП(б). В армии с 1934 года, командир штабной роты 39-го ОБС 14-й Ульяновской СД, дислоцировавшейся в г. Таллин. В августе 1941 года, будучи в окружении в районе местечка Равеки, попал в плен к немцам. Содержался в 53-м лагере военнопленных ст. Поченец, Восточная Пруссия, где в феврале 1942 года завербован немецкой разведкой. Обучался в Валгской школе на радиста.

3. Разведчик, немецкий псевдоним — «Галка», 1919 года рождения, уроженец дер. Дубрешка Красногорского района Орловской области, русский, член ВЛКСМ. В Красной армии с 1939 года, механик-водитель бронемашины 177-го отдельного разведбатальона 163-й мотострелковой дивизии. В августе 1941 года на реке Ловать попал в плен к немцам. Содержался в Рижском лагере военнопленных, где в феврале 1942 года завербован немецкой разведкой.

Все трое агентов окончили разведшколу в местечке Вальга по программе агента-радиста. 26 апреля 1942 года на территории Удомельского района Калининской области группа была выброшена с самолета на парашютах в советский тыл. После приземления все трое направились к месту выполнения задания немецкой военной разведки.

В пути следования на одном из привалов радист «Гава» обезоружил своих спавших соучастников и совместно с колхозником Прусаковым деревни Корзино произвел их задержание, при этом разведчик «Галка» пытался оказать сопротивление.

Группа имела от противника задание: осесть в районе железнодорожной станции Сонково и приступить к сбору разведывательных данных:

1) о движении воинских эшелонов и характере перевозимого груза по железной дороге на Бежецк, Бологое, Красный Холм, Кашин; 2) о возрастном составе пополнения, поступающего в воинские части, настроениях военнослужащих и гражданского населения.

Для выполнения задания немцы снабдили разведгруппу коротковолновой радиостанцией, фиктивными воинскими документами: удостоверениями личности, командировочными удостоверениями, аттестатами, выданными от имени 225-го стрелкового полка, личным оружием и советскими деньгами в сумме 16 тысяч рублей.

На случай перехода линии фронта обратно к немцам разведчикам был дан пароль: «Я есть немецкий агент № 35 («Гулаг») или № 34 («Гава»), я работаю для майора Петергоф. Пожалуйста, укажите мне офицера 1-ц, я буду говорить».

28 апреля, на второй день после приземления, с санкции начальника 2-го Управления НКВД СССР комиссара ГБ 3-го ранга радиостанция включена в радиоигру с германской военной разведкой. Передав противнику радиограмму о благополучном приземлении агентов, сразу же приступили по заданию Генштаба Красной армии к передаче военной дезинформации.

В мае и начале июня 1942 года от имени разведчиков противнику было сообщено, что вышли из строя лампы радиостанции, а запасных нет, а так как срок имевшихся документов истек и разведчикам приходится в условиях весны скрываться в лесу, на почве этого у разведчика «Галки» появились упаднические настроения и намерения сбежать от группы.

9 июня противник согласился оказать помощь группе, предложил подобрать место сброски груза и сообщить ему. В отношении разведчика «Галки» приказал: «В случае попытки измены — ликвидировать».

После сообщения противнику места сброски груза 11 июня 1942 года по радиоточке «Доверенный» в центр передана радиограмма с просьбой на указанное место груз не сбрасывать, т. к. разведчик «Галка» отсутствует пять дней и, видимо, сбежал.

Вскоре противнику сообщили о подборе другого места сброски, одновременно высказали просьбу изготовить разведчикам документы на другие фамилии. Показав таким образом осторожность поведения в нелегальных условиях и сообщив после этого, что разведчики претерпевают большие трудности, контрразведчики вынудили центр ускорить оказание помощи.

Действительно, в ночь на 28 июня противник на обусловленное место сбросил разведчикам с самолета на парашютах груз: два металлических баллона, в которых оказались: 1) фиктивные гражданские документы: два паспорта и два свидетельства об освобождении от воинской службы, выданные на имена Архипова Ивана Архиповича и Егорова Василия Александровича; 2) деньги — 30 тысяч рублей; 3) батареи анодные и накальные — 8 штук; 4) оружие — 3 нагана и патроны; 5) воинское обмундирование и гражданская одежда — 15 предметов; 6) различное снаряжение — 11 предметов; 7) походная аптечка; 8) запас разных продуктов.

Послав благодарственную телеграмму за присланную помощь, агенты продолжали передавать военную дезинформацию. На запрос центра агентам о возможности возвращения на старое место для продолжения разведки, исходя из указаний Генштаба Красной армии, нами передано, что возвращение опасно, т. к. разведчик «Галка» может выдать. В связи с этим в целях безопасности легендирована смена разведгруппой ряда пунктов их пребывания.

Преследуя цель показа противнику возможностей закрепления разведчиков в нужном нам пункте, в августе и сентябре 1942 года было сообщено, что группа прибыла в г. Кашин, где по имевшимся у них документам «Гава» устроился работать санитаром в местную больницу, а «Гулаг» — на молокозавод в качестве рабочего.

18 сентября из центра была принята радиограмма следующего содержания:

«Будьте осторожны с вашим хозяином. Если он опасается, что его могут выслать, то он, может быть, находится на подозрении и за ним могут следить».

Текст радиограммы никакого отношения к проводимой радиоигре не имел, и, по-видимому, был передан ошибочно. 16 октября противник подтвердил, что шифровка «о хозяине» передана им ошибочно.

На всем протяжении радиоигры центр радиостанции «Доверенного» верил, подтвердив это рядом благодарственных радиogramм.

Передав противнику серьезную военную дезинформацию, во избежание возможного провала радиоточки было принято решение — радиоигру прекратить. В этих целях 4 ноября в центр сообщено, что «Гулаг» по неизвестной причине арестован милицией, а «Гава» вынужден был скрываться. В этот же сеанс противник предложил помощь разведчикам.

Получив от нас сообщение об аресте «Гулага», в своей радиogramме от 5 ноября центр высказал беспокойство судьбой арестованного и рекомендовал «Гаве» принять меры предосторожности во избежание ареста. Одновременно противник предложил «Гаве» при желании возвратиться обратно к немцам.

Умышленно отказавшись от предлагаемой помощи разведчикам, в целях сохранения у противника доверия к радиостанции во время того же сеанса связи в центр передали, что находиться в городе опасно, и запросили срочных указаний. После передачи этой радиogramмы радиоточка «Доверенный» в эфир не выходила, имея в виду убедить противника, что и «Гава» тоже арестован органами НКВД. За период радиоигры противнику передано 80 радиogramм и получено 36 радиogramм.

25 июля 1942 года разведчик «Галка» решением Особого совещания НКВД СССР приговорен к ВМН. В документе сказано, что «приговор приведен в исполнение на месте его задержания в присутствии собравшегося народа». 12 января 1944 года радисты «Гава» и «Гулаг» решением Особого совещания НКВД СССР осуждены на 3 года ИТЛ.

«Пономарев»

2 июля 1942 года 2-м Управлением НКВД СССР начата очередная радиоигра с германской военной разведкой. Операция проводилась из г. Валуйки от имени немецкого агента «Пономарева». 30 мая 1942 года «Пономарев», выпускник военного училища связи г. Ленинграда, воентехник 1-го ранга при штабе 6-й армии Юго-Западного фронта в Барвенковском районе Харьковской области, попал в плен к немцам.

Как специалист по радиосвязи, сразу же после пленения немецким командованием был направлен в распоряжение радиокоманды штаба 3-й танковой армии²⁸⁹ вермахта, где в течение нескольких дней использовался по ремонту захваченной немцами радиоаппаратуры Красной армии. Вскоре он был завербован абвер-офицером германской армии лейтенантом Крузенштерном для проведения разведывательной работы против Красной армии. В Харьковской разведшколе прошел краткосрочную индивидуальную подготовку по специальности агента-радиста и разведчика.

В ночь на 18 июня 1942 года «Пономарев» был выброшен немцами с самолета на парашюте в тылу частей Красной армии, восточнее г. Лиски, между железной дорогой Россось – Лиски и рекой Дон.

От германской военной разведки «Пономарев» получил задание явиться в штаб Юго-Западного фронта, предъявить фиктивные документы, удостоверяющие, что он — «Пономарев», был командирован штабом 6-й армии в г. Тбилиси за запасными радиочастями. Командованию Юго-Западного фронта «Пономарев» должен был объяснить, что по возвращении обратно своей армии не нашел. В то время 6-я армия вместе со штабом была окружена германскими войсками. По мнению герман-

ской военной разведки, такой легенды было достаточно, чтобы «Пономарева» оставили при штабе фронта на постоянную службу по своей специальности — радиста.

После устройства «Пономарев» должен был установить связь с германским разведцентром через радиостанцию командования (на которой ему было бы поручено работать) и приступить к систематической передаче немцам разведывательной информации. На этот случай «Пономареву» было обусловлено время работы с центром, длины волн для приема и передачи и шифр для кодирования радиোগрамм.

«Пономарев» был снабжен фиктивными документами, выписанными от имени штаба 6-й армии Юго-Западного фронта за подписями подполковника Козловского. Для подтверждения факта, что он якобы действительно был командирован в Тбилиси за радиоаппаратурой, немцы снабдили его «трансммиттером»^{*}.

Благополучно приземлившись в советском тылу, «Пономарев» направился в штаб Юго-Западного фронта, но 18 июня 1942 года в пути следования был задержан и доставлен в УНКВД по Воронежской области.

После проведенного следствия было решено «Пономарева» перевербовать и включить в радиоигру с целью передачи противнику военной дезинформации в интересах командования Юго-Западного фронта.

Для организации радиоигры в УНКВД по Воронежской области и Особый отдел НКВД Юго-Западного фронта был командирован оперуполномоченный 2-го Управления НКВД СССР Клишкин.

Радиосвязь с немцами была установлена 2 июля 1942 года, передана радиোগрамма о благополучном прибытии «Пономарева» к месту назначения и устройстве его в испытательной радиомастерской. Вторая радиোগрамма была передана 4 июля с просьбой изменить время выхода в эфир.

После этого радиоигра была прекращена, так как радист «Пономарев» во время передислокации оперативной группы на новое место воспользовался на переправе через Дон замешательством отступающих частей Красной армии, подвергшихся активной бомбежке немецкой авиации, и 7 июля перешел обратно на сторону немцев.

«Пономарев» был объявлен во всесоюзный розыск. Вторично он был арестован 24 ноября 1944 года ОКР «Смерш» Харьковского ВО. На следствии «Пономарев» показал, что второй раз в плен к немцам он попал вынужденно, мероприятий советской контрразведки по радиоигре противнику не выдал. «Пономарев» якобы заявил немцам, что в штаб Юго-Западного фронта прибыл вышедший из окружения подполковник Козловский, за подписями которого ему были изготовлены немцами фиктивные документы, поэтому, опасаясь провала, он решил немедленно бежать и перешел в расположение немецких частей.

Этому сообщению немцы поверили и предоставили «Пономареву» отпуск к родителям на ст. Зориновку (70 км от г. Россосшь), откуда он переехал на жительство в г. Полтаву. 16 апреля 1943 года в Полтаве «Пономарев» был завербован начальником жандармерии для выявления антигермански настроенных лиц из числа местного населения. Не успев эвакуироваться с отступающими немецкими частями, «Пономарев» продолжал оставаться в г. Полтаве, где с приходом Красной армии и был вторично арестован.

Случай с «Пономаревым» стал вторым эпизодом, когда перевербованному агенту германской военной контрразведки удалось ускользнуть из-под ареста и перейти

^{*} Так в документе.

на сторону противника. Правда, ни в первом, ни во втором случае агенты не рассказали своим хозяевам о своем участии в радиоиграх советской контрразведки.

Следующий побег перевербованного агента-радиота, «Николаева», произошел 25 апреля 1944 года в ходе проведения спецоперации «Уголовники». Однако и в этом случае германская военная разведка не получила сведений о методах работы 3-го отдела ГУКР «Смерш», так как в сентябре того же года «Николаев» был задержан на территории Ворошиловградской области и доставлен в Москву.

«Черный»

Накануне нового 1943 года контрразведчики УНКВД по Тамбовской области начали спецоперацию, получившую кодовое обозначение «Черный». Радиоигра была начата 28 декабря 1942 года из города Тамбова. Работа радиоточки велась от имени разведгруппы германской разведки из двух человек:

Радиот, немецкий псевдоним «Валет», украинец, беспартийный, из служащих, до войны работал радиооператором Главного управления гражданского флота УССР. В сентябре 1941 года был эвакуирован в Полтаву, где попал в окружение немецких войск. До сентября «Валет» проживал во временно оккупированном Киеве, где промышлял кражами. За кражи был арестован германской тайной полевой полицией (ГФП) и завербован германской военной разведкой, а затем направлен на учебу в Полтавскую разведшколу, где прошел подготовку по программе агента-радиота.

Второй участник группы — немецкий псевдоним «Самойлов», поляк, беспартийный, воспитанник детского дома. С 1934 года занимался кражами в разных городах СССР, трижды судимый. В августе 1941 года, после отбытия наказания в колонии им. А.М. Горького, «Самойлов» был направлен на работу на Харьковский тракторный завод. Однако «Самойлов» с заводом не эвакуировался, а остался проживать на временно оккупированном немцами, сначала в Харькове, а затем в Киеве, где в мае 1942 года завербован германской военной разведкой. Окончил Полтавскую разведшколу по программе агента-разведчика.

В ночь на 18 декабря 1942 года «Валет» и «Самойлов» были выброшены с немецкого самолета на парашютах в районе Тамбова. От германской военной разведки группа получила задание пробраться в Тамбов, осесть там на жительство и приступить к сбору разведывательных сведений: о дислокации воинских частей гарнизона, их численном составе и вооружении; о воинских перевозках по железной дороге через станции Тамбов и Кондауровка; о работе промышленных предприятий и характере выпускаемой ими продукции.

Все собранные сведения агенты должны были передавать в разведцентр противника по приданной им портативной коротковолновой радиостанции. Кроме радиостанции, для выполнения задания в тылу Красной армии агенты были снабжены фиктивными документами гражданского образца («Валет» — на имя Воропаева Богдана Владимировича; «Самойлов» — на имя Николаева Болеслава Федоровича), 11 тысячами рублей и огнестрельным оружием.

Из-за сильного ветра во время сброски с самолета агенты приземлились на большом расстоянии друг от друга, в результате чего не встретились. Оба германских разведчика одновременно были задержаны советскими органами безопасности. «Самойлов» при задержании пытался оказать вооруженное сопротивление.

В ходе следствия агенты дали подробные показания по всем интересующим советскую контрразведку вопросам, в том числе и по вопросу радиосвязи с радиоцентром германской разведки. Учитывая откровенность показаний агента-радиота «Валета», последний был первербован под псевдонимом «Черный» и включен в радиоигру с противником. Операция проводилась в целях военной дезинформации командования вермахта и вызова на нашу сторону, с последующим арестом агента-связника германской разведки.

Согласно указанию разведцентра противника первую радиосвязь с центром агенты должны были установить после устройства на жительство в г. Тамбове. В связи с этим в первой радиограмме 28 декабря 1942 года в центр было сообщено о приобретении агентами удобной для работы квартиры.

В последующих радиограммах по предложению Генштаба Красной армии противнику передавались дезинформационные сведения, в основном о воинских перевозках по железной дороге через станции Тамбов и Кондауровка. Кроме того, несколькими радиограммами были сообщены незначительные дезинформационные данные о работе промышленности г. Тамбова.

В связи с тем что связь с противником была регулярной и передаваемые в каждом сеансе радиограммы содержали в основном полные и серьезные дезинформационные сведения, радиоточка «Черный» пользовалась у немцев авторитетом.

После освобождения частями Красной армии Воронежа 24 февраля 1943 года от противника по радио последовало указание разведчикам переехать для продолжения работы в Воронеж. Используя переезд агентов в Воронеж, находившийся под немецкой оккупацией, по радиоточке «Черный» было начато легендирование трудных условий жизни с целью вызова агента-связника с деньгами и батареями. В связи с этим противнику был сообщен явочный адрес — г. Воронеж, Студенческая ул., дом № 32.

В ответ на эту радиограмму 13 апреля центр сообщил: «Намереваюсь сбросить деньги и батареи с аэроплана. Телеграфируйте подходящее место для сбрасывания». Несмотря на то что 16 апреля место сброски было указано, со стороны противника никаких активных мер по доставке денег и батарей для разведчиков предпринято не было.

После образования ГУКР «Смерш» НКВД СССР 19 апреля 1943 года дальнейшую работу по проведению радиоигр из НКВД-НКГБ СССР передали в Смерш. Не исключением стала и радиоигра «Черный». Дальнейшую разработку операции взяли на себя сотрудник ОКР «Смерш» ПриВО.

24 апреля противнику была передана ультимативная радиограмма следующего содержания: «Почему задерживаете деньги? На пустой живот работать тяжело. Самойлов из-за нужды обобрал одного жителя».

В ответ 2 мая из разведцентра передали: «К радиограмме № 11. Деньги и батареи сейчас перебросить невозможно. Под паролем “Валет” вернитесь или пришлите “Самойлова” и явитесь в местную комендатуру Харькова, отдел I-Ц. Лем».

Из этой радиограммы стало вполне очевидным, что после перевода станции в Воронеж в работе были допущены ошибки, вследствие которых станция попала под подозрение немцев. При пересмотре переданных противнику радиограмм с дезинформационными данными по городу Воронежу эта ошибка была нами обнаружена.

13 апреля 1943 г. противнику было сообщено, что по железной дороге Воронеж – Касторное в день проходит 7–9 поездов. В действительности же эта дорога в то время вовсе не работала, т. к. она была разобрана немцами перед их отступлением, а железнодорожные мосты через реки Дон и Воронеж взорваны.

Получив такую грубую дезинформацию, противник, естественно, должен был заключить, что разведчики при переезде из Тамбова в Воронеж были задержаны советской контрразведкой и включены в радиоигру. Однако, учитывая прошлую уголовную жизнь разведчиков, у противника могло сложиться также мнение, что агенты (привыкшие к легкой наживе), не желая работать, сообщают вымышленные ими данные.

В целях перепроверки подозрений немцы и предложили одному из разведчиков возвратиться к ним за линию фронта за указаниями и затребованной помощью.

В связи с тем что агенты «Валет» и «Самойлов» не внушали доверия, было принято решение от перехода линии фронта отказаться и продолжать настойчивые ультимативные требования высылки денег, дав понять немцам, что разведчики работали ради наживы, в связи с чем для поднятия своего авторитета они могли помимо действительных данных сообщать также вымышленные ими сведения.

Так, 15 мая и 15 июня противнику были переданы следующие радиogramмы:

1. «Дайте окончательный ответ — сбросите нам деньги или нет. Переходить линию фронта ради получения денег отказываемся, рисковать жизнью больше не хотим. С нашими документами устроимся везде и проживем гораздо лучше, чем на ваши жалкие 10 тысяч. В будущем согласны работать только за большие деньги».

2. «Мы окончательно решили — через фронт не пойдем. Если не хотите передать задание по радио, пришлите человека, с ним же передайте и деньги. Пришлите побольше денег, будем работать лучше».

В ответных радиogramмах немцы настаивали на возвращении одного из разведчиков к ним, мотивируя необходимостью получения нового задания, а 23 июня 1943 года на нашу депешу от 15 июня противник радиовал: «Переброска денег или посылка человека человека невозможна. Сами приходите, необходимы личные переговоры. Или продолжайте работать по старому заданию. Ваши донесения были пока очень слабы».

В связи с нецелесообразностью дальнейшей радиоигры работа станции была прекращена. Всего в процессе радиоигры противнику передано 37 радиogramм, от противника получено 13 радиogramм. Кроме того, подставлен явочный адрес нашего агента.

После прекращения радиоигры агенты «Валет» и «Самойлов» Особым совещанием при НКВД СССР осуждены: первый — 26.II.1944 на 10 лет ИТЛ, содержался в ИТК № 1 Саратовского УНКВД; второй — приговорен 13.III.1943 к ВМН, приговор приведен в исполнение 21.III.1943.

НА ЗАЩИТЕ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

«Кварц»

В мае 1942 года в радиоигры с противником вступили и контрразведчики Ленинграда. 7 мая с санкции начальника 2-го Управления НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотова была начата спецоперация под кодовым обозначением «Кварц».

Радиоигра проводилась из г. Тихвина от имени группы немецких разведчиков-парашютистов в составе трех человек:

1. Радист «Малахов», 1915 года рождения, младший лейтенант, командир минометной батареи 533-го стрелкового полка 128-й стрелковой дивизии. 29 июня

1941 года в районе г. Алитус попал в плен к немцам. Находился в лагере военнопленных г. Хамельбург, где завербован немецкой разведкой. В апреле 1942 года окончил Варшавскую школу немецкой разведки.

2. Разведчик «Захаров», 1918 года рождения, красноармеец 54-го Гродненского укрепрайона. В июне 1941 года попал в плен к немцам в районе г. Гродно. Содержался в лагере военнопленных в гг. Гродно и Гогенштейн (Восточная Пруссия), где в начале февраля 1942 года завербован немецкой разведкой. В конце февраля 1942 года окончил Варшавскую разведшколу.

3. Разведчик «Ячменников». Уроженец Ивановской области, по специальности шофер, боец Красной армии. Будучи в плену, завербован немецкой разведкой. Обучался в Варшавской разведшколе. После приземления скрылся. Объявлен во всесоюзный розыск.

В ночь на 25 апреля разведчики сброшены с самолета на парашютах на территории Тихвинского района Ленинградской области. После приземления, 27 апреля, радист группы «Малахов» добровольно явился с повинной в Особый отдел 5-й стрелковой дивизии в г. Тихвин и заявил о своей принадлежности к немецкой разведке.

Совместно с оперработниками «Малахов» задержал своего напарника «Захарова», затем и еще двоих немецких агентов, известных ему по Варшавской разведшколе, которые ранее были заброшены в советский тыл.

От противника разведгруппа имела задание осесть в районе ст. Тихвин и заниматься сбором разведывательных данных:

1. О передвижении воинских эшелонов и характере грузов, проходящих по железной дороге в сторону фронта. 2. О дислокации аэродромов, воинских частей и характере их вооружения в районе г. Тихвина; о перевозках по железной дороге в сторону фронта. 3. О подготовительных мероприятиях в частях Красной армии к химической войне и отношении военнослужащих к противохимическому оружию. 4. О новых видах техники, вводимой на вооружение Красной армии.

Для выполнения задания немцы экипировали разведчиков в форму военнослужащих Красной армии. Агент-радист «Малахов» был снабжен фиктивными воинскими документами от имени 225-го стрелкового полка на имя Сидорова Ивана Сергеевича, объясняющими причины его пребывания в районе железнодорожной станции Тихвин, коротковолновой радиостанцией для передачи собранных разведывательных данных и незначительной денежной суммой.

В связи с предпринятым розыском соучастников «Малахова» радиоигра начата с опозданием на 15 дней после приземления разведчиков. Объяснений противнику не давали. В первой радиограмме сообщили о благополучном приземлении и от имени разведчиков приступили к передаче военной дезинформации по заданию Генштаба Красной армии.

По поводу не задержанного нами парашютиста «Ячменникова» (немецкий номер 53) 12 мая противнику сообщили действительное положение об отсутствии разведчика, пояснив, что его розыски сопряжены с опасностью, т. к. по дорогам усиленные патрули, производящие проверку документов.

27 мая в центр передано, что разведчики из-за недостатка продуктов питания терпят нужду, разведчик 52 («Захаров») болеет. Позднее сообщили, что «Захаров», не желая выполнять задания, умышленно представился больным.

Цель передачи этой радиogramмы, — показав трудности работы группы разведчиков, получить материальную помощь и путем вывода из игры разведчика «Захарова» вызвать к «Малахову» пополнение разведчиками.

1 июня противник передал нам благодарственную радиogramму за переданные ему сведения, по своей инициативе предложил разведчикам помощь: деньги, документы и батареи к радиостанции.

9 июня центр запросил адрес разведчиков для доставки им груза и фамилию не желающего работать разведчика.

10 июня сообщили противнику адрес для доставки груза и требуемые данные о «Захарове», продолжали передавать дезинформацию и легендировать трудности, которые приходится переносить разведчикам из-за отсутствия продуктов питания.

Одновременно с этим передали, что после сделанного предупреждения «Захарову» последний выехал на разведку в г. Бокситогорск, имея в виду позднее сообщить, что он, воспользовавшись разведкой, обратно не возвратился.

На наши настойчивые требования ускорить доставку груза 13 июля противник передал радиogramму следующего содержания:

«Через 4 дня летит к вам человек и привезет все необходимое. Денег 10 тысяч рублей, бумаги и батареи. Пароль “Яровой”, он останется в вашем распоряжении, подождите его на старой квартире».

В связи с ожиданием прихода курьера в КРО УНКВД ЛО был разработан план агентурно-оперативных мероприятий, для выполнения которого были привлечены содержательница квартиры подготовленного адреса агент УНКВД «Цыганка» и опергруппа сотрудников УНКВД, предназначенная для задержания явившегося курьера.

2 августа на подставленный адрес явился курьер противника с грузом, задержание которого было произведено в соответствии с разработанным планом. Арестованный курьер «Яровой», 1903 года рождения, до пленения — помощник командира батальона по техчасти 27-го отдельного запасного автотополка. В ноябре 1941 года в районе г. Харькова он попал в плен к немцам. Содержался в лагерях военнопленных в г. Харькове и Кременчуге, где в мае 1942 года завербован немецкой военной разведкой. В течение 2 месяцев обучался в разведшколе противника в г. Варшава. По окончании школы, «Яровой» получил задание от немецкой военной разведки доставить в г. Тихвин немецкому разведчику «Малахову» груз и остаться в его распоряжении для проведения разведывательной деятельности.

В ночь на 25 июля 1942 года на самолете «Яровой» был сброшен под Москвой, в районе ст. Мытищи. После приземления, закопав парашют, приехал в г. Тихвин и на подставленном явочном адресе был задержан сотрудниками УНКВД ЛО. У «Ярового» был изъят груз, предназначенный для передачи «Малахову», в котором оказалось: 15 780 рублей денег, 2 комплекта батарей для радиостанции, личное оружие — наган, фиктивные документы гражданского образца на Сидорова: паспорт, свидетельство об освобождении от воинской службы, трудовая книжка и письмо «Малахову» с указанием о пользовании присланными документами.

После прихода связника без ведома 2-го Управления НКВД СССР для работы на ключе был привлечен радиоспециалист 2-го Спецотдела УНКВД по Ленинградской области, а «Малахов» стал использоваться как агент-опознаватель по розыску немецкой агентуры, заброшенной в советский тыл.

Замена радиста «Малахова» являлась грубой ошибкой, допущенной сотрудниками УНКВД ЛО, которая могла привести не только к провалу радиоточки, но и

всей работы по дезинформации, так как противник путем изучения почерков работы на ключе своих агентов тщательно контролирует их работу. Однако на этот раз все обошлось без происшествий.

Не зная о допущенной ошибке, 2-е Управление НКВД продолжало осуществлять дальнейшую радиоигру с противником в направлении вывода из игры курьера.

8 августа в центр передали, что «Яровой» при приземлении вывихнул ногу, находится где-то в районе Москвы и через знакомую ему женщину прислал «Малахову» документы, полторы тысячи рублей денег и комплект батарей. На другой день из центра поступило приказание «Малахову» оставаться на месте и ожидать выздоровления «Ярового», который доставит все недостающее.

Уведомив противника о переданном его приказании «Яровому» через присланную им женщину, вновь приступили по радиоточке «Кварц» к дальнейшей передаче военной дезинформации.

Наряду с этим 20 августа передали, что разведчик «52» — «Захаров», видимо, сбежал, т. к. о нем ничего не слышно. В связи с отсутствием курьера и побегом «Захарова» «Малахов» вынужден перейти на другую квартиру. Несколько раз противнику высказывались опасения «Малахова» за пропажу присланных ему денег и батарей, в конечном счете сообщено, что недостаток денежных средств вынудил «Малахова» устроиться на работу в местную школу.

Показав противнику обстоятельства, сложившиеся в работе «Малахова», было принято решение радиоигру прекратить, т. к. поставленные задачи по дезинформации противника радиостанцией «Кварц» были выполнены. 8 ноября во время передачи радиogramмы противнику была умышленно оборвана связь, этим самым показано, что с разведчиком что-то случилось.

В подтверждение этого было решено 16 января 1943 года снова включить радиостанцию в игру, но уже со знаком провала, этим самым показать противнику, что агент-радиостанция «Малахов» работает под диктовку советской контрразведки.

В соответствии с этим было изменено и само направление радиоигры. В центр стали передавать незначительные военные дезинформационные данные и затребованы агент-помощник, якобы, ранее обещанный противником.

19 января 2-й Спецотдел НКВД СССР перехватил радиogramму немецкой разведки, в которой по инструкции докладывалось, что у разведчика № 43 («Малахов») изменился характер работы на ключе, ритм работы стал быстрее и в радиogramме отсутствует опознавательная буква. Содержание радиоперехвата подтвердило, что поставленная нами задача перед радиостанцией «Кварц» выполнена, т. к. противник убедился в провале разведчика «Малахова».

Противник из расчета того, что советская контрразведка будет продолжать с ним игру, в переданной радиogramме от 25 февраля отказался доставить помощь и людей, и приказал «Малахову» возвращаться обратно на отдых. В ответ от имени «Малахова» в центр сообщили о невозможности возвращения через линию фронта из-за отсутствия необходимых документов.

5 марта 1943 года с санкции начальника 2-го Управления НКВД СССР радиоигра была прекращена. За период радиоигры противнику передано 60 и получено от него 22 радиogramмы.

В июне 1942 года агент «Захаров», агент-курьер «Яровой» в ноябре того же года решением Особого совещания при НКВД СССР приговорены к ВМН. Пригово-

ры были приведены в исполнение. Причем «Яровой» был расстрелян по месту его приземления как немецкий агент-парашютист «в присутствии собравшегося народа». 8 января 1944 года радист «Малахов» решением Особого совещания НКВД СССР осужден на 7 лет ИТЛ.

«Кварц-2»

30 июня 1942 года сотрудники УНКВД по ЛО начали новую спецоперацию под кодовым обозначением «Кварц-2». Стоит обратить внимание читателя, что эта радиоигра была советскими контрразведчиками умышленно провалена перед противником с целью показать неспособность советских органов безопасности проводить сложные агентурные комбинации с использованием перевербованных агентов-радистов германской военной разведки. Такие операции получили в советской контрразведке свое название — «радиоигра со знаком провала».

Радиоигра проводилась из г. Череповец от имени группы агентов германской военной разведки в количестве трех человек. В состав группы входили:

Старший группы, радист, немецкий псевдоним — «Китайский», 1921 года рождения, до пленения — красноармеец 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии. 17 августа 1941 года попал в плен к немцам в районе г. Шимск. В мае 1942 года окончил немецкую школу разведчиков-радистов в г. Рига. Второй член группы — радист «Бабков», 1921 года рождения, красноармеец 92-го танкового полка. 2 августа 1941 года в районе г. Холм попал в плен. В мае 1942 года окончил немецкую школу радистов-разведчиков в г. Рига. Третий — разведчик — «Фомичев», 1914 года рождения. Окончил Валгскую школу разведчиков.

В ночь с 23 на 24 мая 1942 года все трое были выброшены на парашютах с немецкого самолета на территорию Череповецкого района Вологодской области с заданием: 1. Разведать укрепления и их характер на участке Вологда – Череповец – Тихвин. 2. Выявить пути следования воинских частей, куда направляются, в каком количестве. 3. Установить, продолжает ли поступать вооружение, в каком количестве из США и Англии, пути поступления на советский фронт. 4. Новые виды вооружения Красной армии.

Для выполнения задания разведчики были снабжены портативной приемопередающей радиостанцией и необходимыми фиктивными документами.

После приземления в вышеуказанном районе «Китайский» и «Бабков» были задержаны, а «Фомичев» скрылся, унеся с собой три антенны от радиостанции и ключ Морзе. Ввиду этих обстоятельств радиоточка была введена в действие умышленно «со знаком провала», с расчетом показать немцам, что радисты работают под диктовку органов НКВД. Задачей ставилось показать противнику «грубую нашу работу, резко отличающуюся от работы других радиостанций, использовавшихся в радиоиграх».

В процессе проводившихся сеансов с 20 июня по 15 июля связь с центром противника установить не удалось, и дальнейшая работа была прекращена.

18 июля 1942 года Особым совещанием при НКВД агенты «Китайский» и «Бабков» были приговорены к ВМН. 23 октября того же года приговор был приведен в исполнение. О судьбе «Фомичева» в материалах дела никаких дополнительных сведений не имеется.

«Находка» и «Онега»

В августе 1942 года ленинградские контрразведчики провели две скоротечные радиоигры. На этот раз их противником была финская военная разведка.

Первая из этих радиоигр под кодовым обозначением «Находка-1» была начата 19 августа 1942 года от имени двух агентов-радиостов финнов — «Жукова» и «Вершкова».

«Жуков», 1911 года рождения, техник-интендант 2-го ранга, служил в 3-й стрелковой дивизии народного ополчения. 7 сентября 1941 года на Карельском фронте попал в плен к финнам, содержался в лагере военнопленных на ст. Лахта, где в апреле 1942 года завербован финской разведкой.

«Вершков», 1912 года рождения, также до пленения служил в Красной армии, в 131-м стрелковом полку 7-й армии. 27 сентября 1941 года на Карельском фронте попал в плен к финнам. Содержался в лагере военнопленных на ст. Питкяранта.

Затем оба окончили Петрозаводскую разведшколу противника по программе разведчиков-радиостов.

В ночь на 15 августа 1942 года агенты были выброшены в тыл Красной армии. Подготовку к операции осуществлял разведорган Главного штаба финской армии, дислоцировавшийся в г. Петрозаводске. Выброска агентов произведена по Ладожскому озеру в районе Тог-озера на Карельском перешейке под видом военнослужащих Красной армии.

«Жуков» и «Вершков» получили от финской военной разведки следующее задание: осесть на жительство в г. Ленинграде и заниматься сбором сведений военного, экономического и политического характера по городу и его окрестностям, передавая собранные материалы финнам по радио.

Для выполнения задания агенты-радиосты были снабжены двумя коротковолновыми радиостанциями, фиктивными документами военнослужащих Красной армии на свои фамилии, соответственно экипированы, имели оружие и значительную сумму советских денег.

В первый же день заброски на нашу сторону агенты «Жуков» и «Вершков» явились добровольно в воинскую часть. Выяснив в процессе следствия возможности использования агентов-радиостов в наших контрразведывательных целях, 19 августа была начата с противником радиоигра. В работе на ключе использовался завербованный агент-радиост «Жуков».

Целью радиоигры были: передача дезинформации командованию финской армии, вызов на нашу сторону агентов-связников разведки противника с последующим их арестом и установление финской агентуры в г. Ленинграде.

После передачи противнику нескольких телеграмм с незначительной военной дезинформацией начали легендировать трудности агентов в приобретении продуктов питания, необходимость замены документов и в связи с этим запросили помощь, преследуя цель вызова в Ленинград курьера финской разведки.

В ответ на нашу просьбу финны 12 сентября радиogramмой предложили агентам вернуться обратно к ним за получением новых документов и дальнейших указаний по работе, а затем 29 сентября передали следующую радиogramму:

«Старайтесь вернуться немедленно. Продуктов не можем дать. В крайнем случае звоните бригадному интенданту Васильеву в штаб Ленинградского фронта с целью передчи вам продуктов и денег. Пароль: “Привет от полковника Кострико-

ва». Он отвечает: «Черт возьми, не лгать, никакого Кострикова»*. Сговоритесь о месте встречи и времени. Отдать ему документы. Если не застанете Васильева, то сообщите, дадим новые указания».

Проведенной проверкой было установлено, что из бригадных интендантов под фамилией Васильев имеется только Васильев Николай Иванович, в то время начальник отдела укомплектования Ленинградского фронта.

На основе этого сообщения нами была проведена комбинация по установлению связи с Васильевым по паролю, данному финской разведкой, однако на связь с агентами Васильев не пошел, а на другой же день сделал соответствующее заявление оперативному работнику, обслуживающему штаб.

С целью дальнейшей проверки отношения финской разведки к агентам 7 октября от имени разведчиков была передана радиограмма: «Васильева пока не разыскали, сообщите его домашний адрес».

14 октября от финнов последовал следующий ответ: «Адрес — штаб Ленинградского фронта, искать Васильева, но будьте осторожны, чтобы наша сеть через вас не обнаружилась. Сообщите, если вам не удастся связаться. Помните, осторожность. Скоро получите новые указания».

После передачи этой радиограммы радицентр финской разведки вызовы агента прекратил и в связь с ним больше не вступал. Это обстоятельство дало основание утверждать, что финны в чем-то агентов заподозрили, поняли, что агенты работают под диктовку органов НКВД, и, видимо, имели в виду использовать эту возможность для контрразведывательной деятельности, пытаясь выдать за свою агентуру честных советских командиров.

Во 2-м Управлении НКВД СССР предположили, что если бы финны действительно хотели агентам дать явку к «своему человеку» — работнику штаба, то, надо полагать, они бы указали более подробно условия встречи и ни в коем случае не прекратили бы радиосвязи. Усмотрев, таким образом, в этих действиях финской разведки только провокационные намерения, восстанавливать связь с финнами через этих агентов было нецелесообразно. Радиоигра поэтому была прекращена.

Всего в процессе радиоигры было передано противнику 10 радиограмм и принято от него 6 радиограмм.

После окончания радиоигры 2 августа 1943 года агенты-радисты «Жуков» и «Вершков» были приговорены Военным трибуналом Ленинградского фронта по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к 10 годам ИТЛ каждый с поражением в правах по пять лет. 5 января 1944 года агент «Вершков» умер в Рыблаг.

Вторая операция с финской военной разведкой была начата сотрудниками УНКВД по Ленинградской области 28 августа 1942 года с санкции 2-го Управления НКВД СССР. Она получила кодовое обозначение «Онега». Радиоигра проводилась из г. Тихвина от имени двух агентов-радистов финнов:

1. Радиста «Беляева», 1917 года рождения, младшего лейтенанта, командира взвода 9-й роты 15-го мотострелкового полка НКВД. В сентябре 1941 года, будучи в обороне в районе г. Петрозаводска, «Беляев» попал в плен к финнам. Содержался в лагерях военнопленных: Сямозеро, Пекшамечи, Аюла-Лахти. Находясь в лагере Аюла-Лахти, в июне 1942 года был завербован финской разведкой для обучения радиodelу и переброски в тыл Красной армии с разведывательным заданием.

* Так в документе.

Окончил Петрозаводскую разведшколу. Непосредственно использовался нами для работы на ключе.

2. Радиста «Абрамова», 1922 года рождения, бойца городской пожарной команды г. Сортавала. В августе 1941 года попал в плен к финнам. Содержался в лагерях военнопленных: первое время в г. Сортавала, позднее на ст. Туокси-Лахта, где в июне 1942 года был завербован финской разведкой. Обучался в Петрозаводской разведшколе.

В ночь на 13 августа 1942 года разведчики были сброшены с самолета на парашютах в тыл Красной армии и в тот же день около станции Юги Ленинградской области были задержаны бойцами истребительного батальона.

Агенты-радисты от финской военной разведки получили задание осесть в районе Новой Ладogi и заняться сбором разведывательных данных о дислокации воинских частей, аэродромов, лагерей военнопленных, передвижении воинских эшелонов по железной дороге в сторону линии фронта, местонахождении штаба речного флота Нижней Ладogi и настроениях военнослужащих и гражданского населения.

Для выполнения задания финны экипировали разведчиков в форму военнослужащих Красной армии, снабдили двумя коротковолновыми радиостанциями, фиктивными документами среднего командного состава, командировочными удостоверениями, аттестатами.

«Беляев» имел документы на имя Филиппова В.И., выданные от имени 363-го СП, личное оружие, деньги в сумме 7 тысяч рублей, двухнедельный запас продовольствия.

Согласно имевшемуся заданию связь по радио с финнами разведчики должны были установить на следующий день после приземления. Радиоигра была начата только 29 августа, т. е. на 16-й день после приземления разведчиков.

Причиной задержки послужил продолжительный розыск спрятанной разведчиками радиоаппаратуры по месту приземления и их допрос о полученном задании, условиях на случай провала и других обстоятельствах, которые необходимы для включения радиостанции в игру с противником.

В первой радиограмме, переданной финнам от имени радиста «Беляева», легендировано, что разведчик «Абрамов» и весь запас продовольствия по время приземления потеряны. На розыски радиостанции потрачено несколько дней.

В целях показа трудностей работы для агентуры противника в нашем тылу сообщено, что население относится подозрительно, в каждой деревне воинские гарнизоны, что вынуждает разведчика скрываться в лесах. В ответ на нашу радиограмму 13 октября противник приказал разведчику уничтожить радиостанцию и возвратиться обратно через линию фронта.

В следующих радиограммах на наш запрос противник сообщил место перехода линии фронта и приказал разведчику в пути следования собрать сведения о расположении воинских частей. Легендируя передвижение радиста «Беляева» к линии фронта, регулярная связь с противником нарушилась, и 30 октября было принято решение радиоигру прекратить.

За период радиоигры противнику передано 8 радиограмм и от него было получено 5 радиограмм. 26 сентября 1942 года агент «Абрамов» решением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН. 1 октября того же года приговор приведен в исполнение. Агент «Беляев» был приговорен тем же органом к заключению в ИТЛ.

«Неон»

23 сентября 1942 года контрразведчики Ленинграда начали следующую операцию в эфире. Радиоигра проводилась со станции Подборовье от имени группы немецких разведчиков-парашютистов в составе трех человек:

Радиста «Федорова», 1916 года рождения, сержанта-радиста 394-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии. Попав в плен к немцам осенью 1941 года, содержался в лагере военнопленных в г. Кенигсберг. Обучался в Варшавской, Рижской, Валгской разведшколах противника. Непосредственно использовался в игре для работы на ключе.

Разведчика, старшего группы — немецкая кличка «Дуб», 1907 года рождения, командира взвода 3-го эскадрона 89-го кавалерийского полка. 15 августа 1941 года попал в плен к немцам. Содержался в Рижском лагере военнопленных, где в начале 1942 года завербован немецкой разведкой. В августе 1942 года окончил Валгскую разведшколу.

Разведчика под псевдонимом «Полярный», 1915 года рождения, лейтенанта Красной армии. Попав в плен к немцам осенью 1941 года, содержался в Рижском лагере военнопленных, где был полицейским. Там же в начале 1942 года завербован немецкой разведкой. Обучался в Валгской разведшколе противника, которую окончил в августе 1942 года.

Агенты выброшены в ночь на 14 сентября 1942 года с немецкого самолета на парашютах на территории Любытинского района Ленинградской области.

После приземления «Федоров» явился добровольно с повинной к военному коменданту ст. Окуловка Октябрьской железной дороги, заявил о своей принадлежности к немецкой разведке и сброшенных совместно с ним разведчиках «Дубе» и «Полярном».

В результате предпринятых мер розыска 16 сентября 1942 года в районе г. Тихвин были задержаны разведчики «Дуб» и «Полярный». От немцев разведчики имели задание обосноваться в районе озера Долгомоща Ефимовского района и вести наблюдение на железнодорожном участке Тихвин – Вологда за передвижением воинских эшелонов, характером грузов, установить дислокацию воинских частей, аэродромов, наличие оборонительных сооружений, настроения военнослужащих и гражданского населения.

Для выполнения задания разведчики были снабжены коротковолновой радиостанцией, фиктивными документами, выданными от имени 502-го стрелкового полка на собственные фамилии разведчиков: удостоверениями личности, командировочными предписаниями, расчетными книжками, различными бланками и аттестатами, деньгами в сумме 22 800 рублей, личным оружием, компасами и картами района разведывательной деятельности.

Радиоигра начата с опозданием на 9 дней после приземления разведчиков. Причиной задержки послужили: розыск разведчиков «Дуба» и «Полярного», аппаратуры, которая была спрятана ими на месте приземления, и допрос агентов для выяснения всех обстоятельств, необходимых для включения радиостанции в игру.

После сообщения противнику о благополучном приземлении разведчиков и продвижения к месту разведывательной деятельности в центр была начата передача военной дезинформации по заданию Генштаба Красной армии из района ст. Подборовье с задачей скрыть концентрацию войск на Волховском фронте.

Противник, будучи удовлетворен содержанием получаемых от агентов военных сообщений, несколько раз передавал группе благодарственные радиogramмы с указанием уточнения ряда данных о войсковых подразделениях в районе ст. Подборовье.

На запрос группы разведчиков о необходимости доставки им помощи: теплой одежды, продуктов питания, документов и денег — 6 декабря 1942 года противник дал свое согласие и предложил подобрать место сброски.

После указания противнику места сброски присылку помощи он со дня на день оттягивал, ссылаясь на отсутствие летной погоды.

15 января 1943 года мы были вынуждены сообщить о фактической болезни радиста «Федорова» и затребовали ускорение доставки помощи. По поводу переданной нами радиogramмы 20 января 1943 года противник радировал: «Очень сожалеем. Пока продолжайте работать. В начале февраля возвращайтесь обратно. Обдумайте план перед переходом. Рацию спрячьте или уничтожьте. Вы работали недостаточно бдительно и проворонили скопление 2-й ударной армии».

В связи с получением от противника такой радиogramмы, показывающей, что переданные советской контрразведкой сведения достигли своей цели, и наличием фактической болезни радиста было принято решение радиоигры прекратить.

25 января 1943 года противнику передали, что напарники бросили радиста «Федорова» и, видимо, пошли через линию фронта обратно к немцам. Радист «Федоров» по состоянию здоровья возвратиться обратно к немцам не может и вынужден пойти в госпиталь. После передачи этой радиogramмы в эфир не выходили.

За период радиоигры противнику передано 26 радиogramм, от него получено 17 радиogramм. Радист «Федоров» был направлен лечиться в г. Вологду в один из госпиталей. По окончании лечения решением Особого совещания НКВД СССР от 15 июля 1944 года «Федоров» с «зачтением в наказание срока предварительного содержания в заключении» из-под стражи был освобожден.

Немецкие агенты-разведчики «Дуб» и «Полярный» решением Особого совещания НКВД СССР от 18 ноября 1942 года приговорены к ВМН. 26 ноября того же года приговор в отношении их приведен в исполнение.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «МОНАСТЫРЬ – КУРЬЕРЫ – БЕРЕЗИНО»

После образования контрразведки «Смерш» проведение радиоигр с противником было передано военной контрразведке. Однако часть подобного рода специальных операций все же осталась в НКВД-НКГБ СССР. К ним относится и одна из крупнейших радиоигр советской контрразведки периода Великой Отечественной войны, получившая кодовое наименование «Монастырь»²⁹⁰. Эта операция продолжалась почти всю войну: с осени 1942 по весну 1945 года.

Разработку этой операции по внедрению советских агентов в германские разведорганы начал 2-й отдел НКВД СССР²⁹¹, позднее преобразованный в 4-е Управление НКВД СССР²⁹². Отделом, а затем и управлением руководили старший майор госбезопасности Павел Судоплатов и его заместитель — старший майор госбезопасности Наум Эйтингон²⁹³.

Учитывая большой масштаб оперативных мероприятий задуманной легенды, из «Монастыря» выделили материалы в два самостоятельных дела. По одному из них — «Курьеры» — проводились дальнейшие оперативные мероприятия по задержанию немецких агентов, прибывавших в Москву в качестве разведчиков и курьеров. По другому — «Березино» — легендировалось наличие крупной немецкой воинской части под командованием подполковника Шерхорна, скрывающейся в лесах Белоруссии и пытающейся установить связь с командованием германской армии. Не случайно в своих воспоминаниях Судоплатов отмечал: «Радиоигра, планировавшаяся вначале как средство выявления лиц, сотрудничавших с немцами, фактически переросла в противостояние между НКВД и абвером»²⁹⁴.

В подготовке стратегической дезинформации для передачи противнику по радиостанциям в ходе операции «Монастырь–Курьеры–Березино» на разных этапах принимали участие талантливейшие советские генштабисты, в их числе генерал-майор Александр Николаевич Боголюбов²⁹⁵ (будущий генерал-полковник и Герой Советского Союза (1945), начальник штаба Северо-Западного, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов); Владимир Дмитриевич Иванов²⁹⁶, генерал армии (1961), в 1942–1945 гг. заместитель начальника Генштаба Красной армии; начальник инженерных войск Красной армии генерал-лейтенант инженерных войск Михаил Петрович Воробьев²⁹⁷ и др.

До конца мая 1943 года тексты дезинформационных материалов поступали в 4-е Управление НКГБ СССР за личными подписями заместителя начальника Генштаба КА генерал-полковника Алексея Иннокентьевича Антонова (позднее генерал армии); с июня 1943 года тексты с дезинформацией подписывал начальник Оперативного управления Генштаба КА генерал-лейтенант Сергей Матвеевич Штеменко, с конца июля 1943 года — за подписью начальника Разведывательного управления Генштаба КА генерал-лейтенанта Федора Федотовича Кузнецова.

ОТ «ТРЕСТА» К «МОНАСТЫРЮ»

По своему стратегическому замыслу «Монастырь» можно считать логическим продолжением легендарной операции «Трест», проведенной КРО и ИНО ГПУ-ОГПУ в 1921–1927 годах. Тогда, в начале 1920-х годов, контрразведчики молодой Республики Советов столкнулись с планами эмигрантских монархических организаций, мечтавших осуществить государственный переворот в России. Не принимать во внимание замыслы монархистов чекисты не имели права.

Революция, а затем и Гражданская война вынудили миллионы наших соотечественников покинуть родину. В их числе оказались и те, кто с оружием в руках сражался с большевиками. По подсчетам специалистов, несмотря на большие потери, которые понес офицерский корпус Белой армии в Гражданской войне, в эмиграции оказалось до 80–100 тысяч офицеров²⁹⁸.

Кроме того, невзирая на трудности, Белая армия во многом сохранила свою структуру в виде рассеянного по разным странам Русского общевоинского союза (РОВС). В 1921–1922 годах из военизированных белогвардейских структур ушло лишь 16% офицеров и 25% рядового состава. Среди оставшихся же укрепился корпоративный дух, презрение к покинувшим армию, взаимовыручка и поддержка

офицеров и солдат, верных законом войскового товарищества²⁹⁹. С такой силой нельзя было не считаться.

Зная о планах «заграничных» монархистов и экстремистских группировок развернуть террористическую деятельность в советской России, руководство ГПУ (с 1923 года — ОГПУ) решило легендировать существование нелегальной организации «Монархическое объединение Центральной России», сокращенно МОЦР. В эмигрантских кругах на Западе она получила название «Трест».

Неизвестные страницы рождения самого плана грандиозной операции недавно опубликованы В. Карповым:

«В глуши Смоленской губернии проживал генерал-лейтенант царской армии Владимир Джунковский³⁰⁰, который в свое время был... шефом Отдельного корпуса жандармов. От своих сослуживцев этот генерал отличался высокой порядочностью и честностью. ...В декабре 1917 года он, уже при большевиках, вышел в отставку с сохранением мундира и пенсии, а в ноябре 1918 года выступил свидетелем на процессе провокатора Малиновского. Председатель ВЧК Ф. Дзержинский убедил Владимира Федоровича стать консультантом ВЧК в борьбе с контрреволюцией, тогда же состоялось его знакомство с А. Артузовым. В. Джунковский вместе с начальником КРО разработал операцию “Трест”, которая вошла в учебники всех спецслужб мира. Работая над операцией, он пояснил, что чекистам не следует гоняться за отдельными террористами и контрреволюционерами, ибо это ничего не даст. Необходимо создавать легендированные организации, членами которых якобы являются реально существующие лица, хорошо известные белой эмиграции. Так родилась легендированная чекистами “Монархическая организация Центральной России” (МОЦР), которая использовалась ими для оперативной игры с Высшим монархическим советом. Шесть лет шла оперативная игра с использованием в качестве “эмиссара” МОЦР А. Якушева³⁰¹. Шесть лет изо дня в день Джунковский вместе с Артузовым вели этот опасный эксперимент, вводили в игру новые лица, организовывали “инспекционную поездку” в СССР В.В. Шульгина³⁰², создавая тем самым на Западе авторитет легендированной организации. Для придания большей убедительности “всемогуществу” МОЦР для представителей Запада и русских монархистов велась дезинформация о том, что “ярыми антибольшевиками” являются видный деятель партии Пятаков, “красный маршал” Тухачевский, бывшие царские генералы Потапов, Свечин, полковник Шапошников и др.»³⁰³

Сторонники реставрации монархии в России хорошо понимали, что без поддержки внутри страны их планы обречены на провал. Поэтому они были внутренне готовы и сами искали возможность установить контакты с монархическим подпольем в РСФСР. Советская контрразведка «учла» эти пожелания и сделала первый ход.

С целью внедрения в эмигрантские монархические группировки к сотрудничеству с ГПУ был привлечен дворянин по происхождению, ответственный работник Наркомата внешней торговли А.А. Якушев. При выборе исполнителя на роль курьера между МОЦРом и монархической эмиграцией на Лубянке, вероятно, учли, что в характере русского дворянина важнейшая черта — это служение отечеству.

К началу 1920-х годов противостояние «красные — белые» пошло на спад. Все хотели одного — мира. И в эмиграции, и в новой России понимали, что большевики представляют из себя единственную и реальную власть в стране, как

следствие — сотрудничество с Советами не воспринималось как предательство «классовых интересов». Пореволюционные течения, такие как сменовеховство и евразийство, способствовали осознанию эмигрантами того, что Россия не погибла, а значит, есть надежда на ее возрождение и возвращение на родину. Все это, возможно, повлияло на согласие Александра Якушева пойти на сотрудничество с советской контрразведкой.

По заданию ГПУ он внедрился в эмигрантские монархические круги и установил постоянную связь с великим князем Николаем Николаевичем, председателем РОВСа П.Н. Врангелем и председателем Высшего монархического совета Н.Е. Марковым. Авторами идеи создания МОЦРа были известные чекисты В.Р. Менжинский, А.Х. Артузов, В.С. Кияковский, В.А. Стырне, Н.И. Демиденко и другие сотрудники КРО ГПУ-ОГПУ. Формально МОЦР возглавлял хорошо известный в эмигрантских кругах оставшийся в советской России бывший царский генерал А.М. Зайончковский.

Подлинный же «штаб» подпольной организации располагался на пятом этаже дома № 2 на Большой Лубянке. В результате операции «Трест» к концу 1920-х годов ОГПУ удалось глубоко внедриться в эмигрантские военно-политические организации, контролировать активность РОВСа, своевременно пресекать диверсии и террористические акты на территории СССР. Фактически активные действия советской контрразведки сорвали планы по развязыванию очередной кровавой авантюры в России.

Заметим, что эта операция проведена ОГПУ исключительно гуманно, с минимальными человеческими жертвами, но нанесла значительный урон планам военизированных белоэмигрантских организаций организовать массовый террор в России. Об этом же писал один из невольных участников операции В.В. Шульгин: «Резюмируя деятельность “Треста” относительно эмиграции, нужно признать, что Федоров-Якушев и компания, если верили Опперпуту, фантастически ловко многих из нас одурачили. Но тут же надо признать и другое, что деятельность этой “легенды” относительно русской эмиграции не была кровожадна. На душе ее лежит гибель Сиднея Рейли, и то, если верить Опперпуту, с некоторыми смягчающими обстоятельствами. Из русской же эмиграции, насколько я знаю, не погиб никто. “Трест” аккуратно возвращал знатных и незнатных путешественников обратно в эмиграцию*, находя, по-видимому, особое удовольствие в этом издевательстве над проницательностью доверчивых людей, которые летели, как бабочки на огонь, на немеркнущий огонь России...»³⁰⁴.

В результате действий чекистов была парализована не только террористическая, но, по существу, любая другая военная активность эмигрантских кругов, не потерявших надежд силой оружия свергнуть большевистский режим в России. А это означало, что были спасены десятки, а может быть, и сотни тысяч жизней наших соотечественников.

Различие же между «провокацией» и «чекистской комбинацией» убедительно показал в фильме «Доверие и вероломство» из документального сериала «Мифы без грифа» известный историк спецслужб А.А. Зданович. При таком подходе «Трест» предстает не грандиозной провокацией, а высокогуманной акцией (пусть

* Например, так же как и В.В. Шульгин, беспрепятственно вернулся после нелегальных поездок в советскую Россию известный «евразиец» П.Н. Савицкий.

это и звучит парадоксально!), предотвратившей очередное кровопролитие в многострадальной России.

Британская «Энциклопедия шпионажа» так оценила эту стратегическую комбинацию российских чекистов: «“Трест” — операция дезинформации, организованная советской разведкой в первые годы своего существования. Пришедшие к власти в России в результате революции 1917 года большевики легендировали существование организации “Трест”, якобы борющейся за свержение установившегося в стране режима. Легендированная организация (ее официальное название — Монархическое объединение Центральной России) была предназначена для выявления и нейтрализации антибольшевистских сил. Общее руководство операцией “Трест” осуществлял лично Феликс Эдмундович Дзержинский. “Трест”, как магнит, притягивал к себе антисоветчиков-эмигрантов, которые возвращались в Россию, не подозревая о том, что их заманивают в ловушку»³⁰⁵.

Обратим внимание на некоторые особенности операции «Трест». Во-первых, согласно замыслу, ключевую роль в них должен сыграть человек, пользующийся доверием в монархических эмигрантских кругах, т. е. дворянин по происхождению. Во-вторых, объект операции — «монархическое подполье». В-третьих, комбинационное решение — под прикрытием монархического «плаща» агент должен был внедриться в лагерь противника. Наконец, в-четвертых, в числе названных выше «других сотрудников КРО ГПУ-ОГПУ», участвовавших в операции «Трест», был будущий заместитель начальника 4-го Управления НКГБ СССР Наум Эйтингон.

В операции «Монастырь» прослеживаются те же основные комбинационные ходы, что и в операции «Трест». Легенда операции «Монастырь» (первоначально предполагалось назвать ее «Дворянское гнездо») ³⁰⁶ основывалась на использовании официальной доктрины германской разведки о существовании в СССР «пятой колонны». То есть и в 1921-м, и спустя 20 лет советские контрразведчики вновь «пошли навстречу» своим противникам и «выдали желаемое за действительное». Человеком, выступившим перед абвером в качестве представителя якобы существующей «церковно-монархической организации, действующей в Москве и руководимой поэтом Садовским³⁰⁷», выступил дворянин, сын казачьего есаула Александр Демьянов. В качестве лидера несуществующего «подполья» использовалась фигура поэта и литературоведа Бориса Садовского, еще до революции широко известного своими монархическими взглядами. Таким образом, налицо явные совпадения в планах и проведении операций, что и дает основание считать «Монастырь» логическим продолжением «Треста». К тому же, примерно такой же точки зрения придерживаются и некоторые другие авторы³⁰⁸.

Операция «Монастырь» имела несколько направлений. Одним из них являлось вскрытие прогерманских настроений среди «старой» интеллигенции. Эта работа проводилась по линии Секретно-политического отдела ОГПУ. Еще с начала 1930-х годов советские контрразведчики наблюдали за Садовским, вокруг которого постоянно вращались монархически настроенные единомышленники.

МИСТИЧЕСКИЙ СЛЕД В ОПЕРАЦИИ «МОНАСТЫРЬ»

Операция «Монастырь» имеет давнюю историю и тесно переплетается как с идейно-политическими процессами в стране, так и с тайными комбинациями советской контрразведки. Одной из них являлось вскрытие прогерманских настроений среди «старой» интеллигенции. Эта работа проводилась по линии Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ. Еще с начала 1930-х годов советские контрразведчики наблюдали за Борисом Садовским, вокруг которого постоянно вращались монархически настроенные единомышленники.

В наши дни принято искусственно романтизировать и приукрашивать облик «старой русской интеллигенции», изображать ее в виде носителей высокой культуры и идеалов гуманизма. В действительности это было далеко не так.

Известный поэт Серебряного века Андрей Белый, не понаслышке знавший атмосферу, царившую среди московской профессуры конца XIX — начала XX столетия, писал: «Статистика, предвзятость, рутинность, пошлость, ограниченность кругозора, — вот что я вынес на рубеже двух столетий из быта жизни среднего московского профессора; и в средней средних растворялось не среднее»³⁰⁹.

Благодаря собранным и благополучно сохранившимся в архивах НКВД материалам сегодня можно воссоздать странички из духовной жизни, быта московской интеллигенции и сравнить их с оценкой А. Белого. Заметим, что спустя почти четверть века, уже при большевиках, «старая» русская интеллигенция не слишком изменилась. Приведем небольшую выдержку из материалов НКВД, рассказывающую о предвоенном быте московской «богемы»: «...в одном из переулков ул. Горького <...>* в великолепной комнате — оригиналы мастеров живописи, дубовые шкафы с редкими экземплярами книг, старинные иконы в драгоценных ризах, солидная мебель, — но при всем том кое-как убранная постель, окурки, натканные в самых неподходящих местах, слои пыли, не помытая посуда, корки от мандаринов, в углах — целые батареи пустых бутылок, — в такой обстановке проживает 50-летний холостяк, бывший художник и литератор, ныне творящий макеты <...> кряжистый, упорный, органически неисправимый, до фанатизма “православный”, дикий человек до веры в приметы и дурной глаз, сын богатого содержателя ямщицких троек.

В атмосфере советского строительства, которое загоняет темное и пышное средневековье на задворки, теснит в могилу <...> чувствует себя как рыба на сухом берегу. Он как бы зарывается в катакомбы, ему противно дышать одним воздухом, который пропитан миазмами материализма, безбожия, сатанизма. Воздух над Москвой, не освещенный, не очищенный колокольным звоном, грешный и тяжелый воздух. И в своих катакомбах, в своей комнате <...> поддерживает себя искусственно и свой мозг, свое воображение почти непрерывно винными парами. И алкоголь разжигает в нем неугасимую, жуткую, утробную ненависть к коммунизму и советскому государству, которая требует выхода. <...> ...Окружает себя подходящими людьми, любит видеть вокруг себя молодежь. Он — испытанный и подпольный контр-революционер, который интересы искусства, религии, мистики очень ловко сплетает с интересами к[онтр]-р[еволюционной] политической

* Здесь и далее значком <...> отмечены нечитаемые или исключенные авторами фрагменты документа.

работы. Говорят, что в его формуляре значится даже высшая мера наказания, от которой он как-то спасся и даже очутился в Москве.

Ближайшим его соратником и даже, пожалуй, коноводом, головой его выше, является бывший польский шляхтич <...> который до сей поры гордится своей голубой кровью и рабоче-крестьянское государство презрительно называет холопским. Это весьма самонадеянный, самовлюбленный и строго подтянутый господин, несмотря также на вечно нетрезвое состояние, он при Луначарском³¹⁰ состоял искусствоведом и профессором, в результате, по слухам, также имел неприятности с ОГПУ. Ныне он переводит римских и греческих классических поэтов и тем зашибает порядочный гонорар на хорошее вино, женщин и прочие жизненные деликатесы. <...> Отрицает советскую власть не только под маской религии и мистики, хотя и для него христианство есть вершина и цель мировой истории и враги христианства — враги праведного человечества. Он считает, что власть должна принадлежать господам прирожденным. К этим двум лицам примыкает некто <...>

Чем же, кроме выпивки, занимаются эти лица? Место действия — квартира <...> На столе вино, водка, закуски и сладости в изобилии. В комнате набилась молодежь обоего пола: художники, студенты, артисты. И среди злободневных новостей, сплетен и анекдотов матерые волки подпольной борьбы просачивают и распространяют свои настроения и взгляды, кое-кому раздадут стихи своей собственной поэтической кухни. Они требуют полной свободы для духовной культуры, для самопроявления личности. Они — против творчества по приказу свыше, по заданию, по шаблону. Они проливают слезы вроде тех, которыми разразился Андрэ Жид.

<...> ...В своих стихах не очень талантлив, но очень характерен. Одно из его стихотворений целиком посвящено водке. Особенным успехом пользуется его “Звезда на Востоке”, в котором он говорит, что рыцари Христова света должны бесстрашно и до смертного конца, сомкнутыми рядами, бороться с владыкой тьмы. В самом последнем стихотворении от ноября 1936 г. <...> прямо и нагло заявляет, что мы живем рабами под чужой волей:

Я работаю поневоле!
И не сыт этой жизнью, нет!

Так разговорами, стихами, шутками — головы молодежи забиваются и заражаются, под вспомогательным действием, вредоносными для советского государства идеями. Но таким массовым воздействием, отчасти завуалированным шутилкой формой, наши пятидесятилетние молодцы не ограничиваются. Отдельных лиц из молодежи они берут под особую опеку, воздействуют на них и обрабатывают индивидуальным порядком, ухаживают и совращают. Так, по слухам <...> вырвал из комсомола отличного парня, живущего у него на квартире, и чуть ли не сделал из него иподьякона при архиерее».

Между тем именно Андрей Белый одним из первых прозорливо увидел опасность увлечения мистицизмом в интеллигентской среде. Его особенно возмущали те «тайно мечтавшие на чулковских плечах выплыть к славе, хотя бы под флагом мистического анархизма», которые, однако, «открыто признать себя “мистико-анархистами” не решались»: «...примазь уличной мистики и

дешевого келейного анархизма казались мне профанацией; каждый кадетский присяжный поверенный в эти месяцы, руки засунув в штаны, утверждал: “Я ведь, собственно... гм... анархист!”. ...Анархия становится свержением штанов под девизом “нового культа”; этого Чулков не желал; но писал неумно; вот “плоды” — лесбианская повесть Зиновьевой-Аннибал и педерастические стихи Кузмина; они вместе с программной лирикой Вячеслава Иванова о “333” объятиях брались слишком просто в эротическом, плясовом, огарочном* бреде; “оргазм” В. Иванова на языке желтой прессы понимался упрощенно: “свальным грехом”...»

С сожалением приходится констатировать, что и в постсоветской России «свержение штанов» воспринимается одним из символов «свободы творчества».

Андрей Белый хорошо понимал и социальные последствия «литературных изысков» подобного рода: «Зная факты вредительства психик и помня предостережение Гете, что от бескрайней романтики до публичного дома один шаг, — я писал: “Лицевая сторона Фальков — эклектизм... в котором видел смерть Ницше... Песком софизмов бросают они в доверчиво раскрытые глаза женщины, чтобы она, потеряв зрение, не отбивалась от их объятий...” (“Арабски”, стр. 10)»³¹¹.

Со своей стороны, чекисты свято выполняли заветы ВКП(б) и стойко стояли на страже постулатов «Морального кодекса строителя коммунизма». Лубянка боролась с проявлением любого инакомыслия, в том числе и мистического толка, видя в этом, и не без основания, угрозу безопасности страны.

После Октября 1917-го ВЧК-ГПУ также повели решительную борьбу с мистиками всех мастей и направлений. В середине 1920-х — 1930-х годах члены различных «парамасонских» организаций были репрессированы, а тайные «ложи» — разгромлены. Судьбы мистиков и их деятельность в СССР подробно описаны в работах Александра Никитина³¹² и Валерия Брачева³¹³.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов члены мистических организаций вновь попали в поле зрения сотрудников СПО. На Лубянке была проведена операция «Мракобесы». Материалы из этого следственного дела частично опубликованы в книге А.Л. Никитина: «Широкомасштабная операция под кодовым наименованием “Мракобесы” родилась в недрах 6-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД, по всей видимости, в начале 1940 г. и с переменным успехом тянулась до начала следующего 1941 г., когда обозначился ее полный провал»³¹⁴.

Внесем некоторые уточнения. В действительности все обстояло несколько иначе. Операция «Мракобесы» началась на два года раньше, в 1938-м, а прекратилась на три года позже — 1942-м. Завершилась разработка не «полным провалом», как полагали некоторые исследователи, а стала фундаментом стратегической операции советских спецслужб в годы Великой Отечественной войны «Монастырь – Курьеры – Березино».

Из справки по делу «Мракобесы» (без даты, май 1944 года): «В период 1923–[19]26 гг. на территории Советского Союза было вскрыто и ликвидировано “Русское теософское общество”, являвшееся филиалом международного общества те-

* «Огарочной психологией» в то время называли проповедь «трын-травизма», подхватываемую послереволюционным надрывом; «огарочное» настроение захватывало и молодежь.

ософов. В конце 1938 года в бывший 2-й отдел ГУГБ стали поступать донесения агентуры об активизации деятельности бывших членов “Русского теософского общества”, пытающихся возродить в СССР тайные оккультные общества. На основе этих агентурных данных в декабре месяце 1938 года и было заведено агентурное дело “Мракобесы”.

Другой документ красочно описывает «масонско-оккультно-мистическую» ситуацию, сложившуюся в стране в предвоенный период. Из материалов дела «Мракобесы» (март 1940): «Анализ имеющихся в НКВД СССР агентурно-следственных материалов о масонско-мистических организациях показывает, что при ликвидации в 1926–1933 гг. ряда оккультных организаций не были до конца выявлены и вскрыты многие ячейки этих организаций, сумевшие тщательно законспирироваться и сохраниться до нашего времени.

Поступающие в настоящее время агентурные материалы, а также сообщения с периферии сигнализируют о значительной активизации в Москве, Ленинграде, Смоленске, Тбилиси, Ростове, Геленджике и Тарусах не выявленных в прошлом ячеек масонско-мистического толка. Проверка и установка значительного числа бывших активных масонов и мистиков показывает, что частично репрессированные в прошлом наиболее активные масонско-мистические кадры сохранились, отбыв незначительные сроки наказания. Они поселились главным образом в Москве, Ленинграде, Смоленске, Ростове и вблизи этих городов и пытаются в настоящее время возродить масонско-оккультно-мистические организации путем объединения нелегально существующих групп и вербовки новых сторонников».

Тем временем в Европе уже веяли грозные ветры надвигающейся бури новой войны. Все явственнее становились очевидными агрессивные планы нацистской Германии. В этой связи на Лубянке началась новая операция, вскоре получившая название «Монастырь». Как и операция «Мракобесы», она находилась в ведении 2-го отдела Главного управления госбезопасности.

В справке 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР от 15 января 1939 года по агентурному делу «Монастырь» сообщалось: «Разрабатывается фашистское формирование среди старой интеллигенции, бывших участников различных мистических обществ. <...> ... Установлено, что эти люди регулярно собираются на квартирах <...> читают мистические произведения, говорят о необходимости “объединять вокруг себя друзей, поддерживать неугасимый костер религии”. Проявляют большой интерес и открытые симпатии к германскому фашизму».

В ходе разработки по делу «Монастырь» в поле зрения чекистов попадали знакомые известного дореволюционного поэта-символиста Бориса Садовского. В последствии сам Садовский стал одной из ключевых фигур, которая «втемную» была использована чекистами для борьбы с агентурой германской военной разведки, а его квартира в Новодевичьем монастыре дала название всей операции.

Как видно из донесения в 3-е Управление НКВД СССР, установить «контакт» с Садовским и его супругой³¹⁵, вероятно, удалось весной 1941 года, т. е. накануне нападения нацистской Германии на Советский Союз:

«Нина Яковлевна Серпинская³¹⁶ — женщина лет 50, типичная представительница богемы самого дурного тона. Она в прошлом была женою профессора Николая Николаевича Фатова³¹⁷, быв[шего], кажется, близким к определен-

Фрагмент фасада Новодевичьего монастыря в Москве. 1941

ным уклонистам и даже зарубежным эмигрантским кругам. Серпинскую я знаю совсем мало, встретившись с нею в прошлом году у Людмилы Евг[еньевны] Иваненко³¹⁸. Серпинская почувствовала симпатию к моей жене и сама первая пришла к нам. Через нее знакомство с Б.А. Садовским оказалось для меня возобновить просто и легко.

27.IV. — Серпинская читала нам отрывки от своих воспоминаний, полные такого себялюбия и восхищения прошлой жизнью, что в известной степени представляется даже странным, как она рассчитывает на опубликование и успех своих мемуаров³¹⁹. Ничего общественного и интересного или литературно-значительного в прочитанном не было.

Вместе с тем все высказываемые Н.Я. Серпинской взгляды, ее отдельные выражения показывают, что вся она — полна презрения к окружающей ее действительности. Она постоянно говорит об окружающей “пошлости, грязи, некультурности”. Общается она среди своих соседей с Садовским, который над ней подтрунивает, и с графом Шереметьевым³²⁰. Живущим тут же в Новодевичьем монастыре на пенсию, которую он получает — как потомок Лермонтова! — и на продажу книг из своей библиотеки. Об этом Шереметьеве Серпинская отзывается с почтением, как о “настоящем советском человеке”.

Серпинская провела нас и к Садовскому, живущему в подвале 14-го корпуса. Предупредила лишний раз против жены Садовского: “Эта женщина уверяет, что была, когда то, фрейлиной”. Сам Садовский производит странное впечатление. Он паралитик, но лицо его и голова не затронуты. У него особая мысль, четкий голос. Он принял меня вполне любезно. Сразу стал вспоминать своих знакомых: Дурылина³²¹, Брызгалова³²², художника Силина³²³. Рассказал, что пишет мемуары. Обещал позвать на их чтение.

“Я там пишу о старине, я ведь ничего новейшего не признаю”, — говорит Садовский с язвительной усмешкой. Про мемуары Серпинской он выразился, что она “приукрашивает и сочиняет”. Успел спросить меня, имею ли я его книгу стихов. Специально спросил про свою книгу “Обитель смерти”, выпущенную уже после революции; в этой последней книге, как известно, было помещено и его стихотворение про “несчастливого Николая II”. Ввиду позднего времени посещение Садовского взяло не более ¼ часа. 29.IV получаю от него письмо с приглашением зайти в эти же дни и привести к нему Дурылина...»

Обратим внимание читателей, именно «большой интерес и открытые симпатии к германскому фашизму» некоторых представителей отечественной «интеллигенции», а не что-либо иное положили начало операции «Монастырь».

* * *

С начала 1930-х годов наблюдением за оппозиционными большевизму идейно-политическими взглядами, в том числе среди творческой интеллигенции и духовенства, занималось Секретно-политическое управление (СПУ) ОГПУ, а с июля 1934-го — Секретно-политический отдел Главного управления государственной безопасности НКВД СССР (СПО ГУГБ), принявший эстафету от Секретного отдела ВЧК. В дальнейшем название этого подразделения (но не его функции) неоднократно менялись в 1930-е годы, а с июля 1941-го перешли в ведение 3-го Управления НКВД СССР.

После прихода нацистов к власти в Германии (январь 1933 года) советская контрразведка зафиксировала всплеск интереса к национал-социализму среди части русской интеллигенции. В стране победившего пролетариата к ним относили бывших представителей правящих классов Российской империи: помещиков, дворян и духовенства. В лексиконе советской эпохи для них существовал даже специальный термин — «бывшие люди». Так как именно «бывшие» составляли костяк профессорско-преподавательского состава вузов, то особое внимание большевики уделяли обучению и воспитанию молодежи:

«...наряду с политическими группировками в студенческой среде существуют нелегальные союзы теософов и христиан, зараженные фашистской идеологией и ставящие задачу борьбы с

идеологическим влиянием комсомола на молодежь»³²⁴. Неудивительно, что духовная среда, в которой существовали «бывшие люди», находилась под постоянным контролем со стороны органов госбезопасности.

Начало германской агрессии против СССР нисколько не снизило накала борьбы с «инакомыслящими». «Бывшие люди», впрочем, как показывают архивные источники, порой и не обосновательно, рассматривались советской контрразведкой как потенциальные пособники оккупантов и участники «пятой колонны». Вышеназванные факторы позволяют сегодня исследователю лучше понять «логику» и «механизм» борьбы с идейно-политической оппозицией в СССР.

Летом 1941-го часть сотрудников СПО ГУГБ вынуждена временно сменить объект своей деятельности. Их направили на один из самых опасных участков — организацию зафронтной работы в тылу противника. Сотрудники СПО в полной мере использовали для борьбы с германской агентурой накопленный опыт борьбы с «инакомыслием» и позиции в среде старой русской интеллигенции.

Осенью 1941 года, когда враг стоял у стен столицы, секретные сотрудники СПО приняли участие в мероприятиях по так называемому «Московскому плану»³²⁵ — чрезвычайным мерам на случай захвата города нацистами.

Как только опасность захвата Москвы была ликвидирована, часть секретных сотрудников из числа «бывших людей» была направлена на решение другой не менее важной и не менее опасной задачи — проникновение в разведывательные и контрразведывательные органы противника.

Поэт Б.А. Садовский.
Фотография публикуется впервые

Операция «Монастырь» и кружок «федоровок-горностаевок»

По случайному стечению обстоятельств в поле зрения советских органов госбезопасности в ходе операции «Монастырь» оказались и последователи идей Николая Федоровича Федорова³²⁶. Позднее это оригинальное направление русской философской мысли получит название русский космизм³²⁷. В целях популяризации своих взглядов «федоровцы» старались вести пропаганду среди широких слоев интеллигенции. Пожалуй, неудивительно, что «бывшие» старались держаться вместе и контактировали в основном с теми, с кем были знакомы еще до Октябрьского переворота. Этим, вероятно, можно объяснить то, что в кругу «федоровцев» оказывались люди, не разделявшие их мировоззренческих ориентиров, в частности писатель и поэт-символист, монархист по убеждению Борис Садовский.

Один из последователей федоровских идей, Александр Константинович Горский³²⁸, в январе 1929 года, уезжая в ссылку, оставил на квартире Б.А. Садовского свою библиотеку. По возвращении из мест лишения свободы в 1937 году Горский выбрал местом жительства Калугу. Позже он регулярно посылал за книгами к Садовскому старшую дочь своего друга — Ольгу Сетницкую³²⁹. Поэтому неудивительно, что в 1941 году сотрудники госбезопасности заинтересовалась визитерами к руководителю подпольной монархической организации «Престол». Не исключено, что в их числе был и сам Александр Константинович.

Выдержки из архивных документов скупо повествуют о ранее неизвестном периоде деятельности «федоровцев» в конце 1930-х — начале 1940-х годов в советской России. Из материалов 4-го Управления НКВД СССР (без даты, не ранее января 1942 года): «Задание “привлекать молодежь”, т. е. собирать кадры, которые могли бы быть распропагандированы Садовским, имел... новый персонаж, занимавший в кругу Садовского видное место: Горский-Горностаев Александр Константинович, живущий в Калуге, фанатический сторонник полусумасшедшей “философии Федорова”, противник того, что они называют “смертобожничеством”».

Горский... был в свое время в ссылке, был близок с группой Устрялова³³⁰, его монархистом было бы нельзя назвать, его связь с Садовским была скорее идеологична, шла по линии общей монархической оппозиции советскому материализму. В числе знакомых Горского, которого тот приводил к Садовскому, был молодой поэт Стефанович... Стефанович эвакуирован в Пермь, Горский с лета — вне Москвы».

Круг знакомых Горского был взят под пристальное наблюдение. В материалах дела «Монастырь» сохранилась примерная дата знакомства «федоровок» с Борисом Садовским. Из донесения 4-го Управления НКВД СССР от 21 февраля 1942 года: «С ней (Крашенинниковой. — Авт.) и ее подругами Садовские познакомились весной 1941 г. Их прислал к Садовским А.К. Горностаев за его библиотекой, хранившейся у Садовских. Е.А. Крашенинниковой 24 года, она из помещичье-дворянской семьи. Н.И. Садовская знала какого-то помещика с этой фамилией, и оказалось, что он родственник Е.А. Крашенинниковой. Она где-то служит, кажется по специальности геолог. Исключительно привержена Горностаеву и руководит организацией поклонников последнего. С ней живут ее подруги, которые были с ней и у Садовских. Поэт Сарафанович тоже был членом этой организации».

Сохранилось описание их знакомства и первая реакция жены Садовского на эту встречу. Из донесения 4-го Управления НКВД СССР от 12 февраля 1942 года: «Затем последовало повествование о федоровках, которые только после длительного пренебрежения были допущены к “лику” Садовского. Обе произвели на него благоприятное впечатление и теперь регулярно ведут с ним душевспасительные беседы, преодолев, посредством продуктовых взносов, исконную неприязнь Н[адежды] И[вановны] к молодым особам женского пола, претендующим на внимание ее супруга».

Не обошли вниманием чекисты и подругу Сетницкой — Елену Крашенинникову. В документах отмечены некоторые эпизоды из их личной жизни и деятельности по развитию федоровских взглядов.

Из донесения 4-го Управления НКВД СССР от 14 февраля 1942 года: «Сама Надежда Ивановна [Садовская] заводит разговор и про “Федоровок”, Крашенинникову Екатерину (не Елену) Александровну и ее подруг. “Вот это — настоящая, деятельная организация, — заявляет Н.И. Садовская, — они так привержены друг к другу и ее руководителям, что просто замечательно. Они очень полюбили Бориса Александровича. Ну, конечно, не верховный вождь Горностаев им на Бориса Александровича указал, но есть и еще что-то, что их к Бор[ису] Ал[ександровичу] тянет. В последний раз они были недавно, когда у нас уже было холодно и темно, так они сейчас же пошли, поискали, увидели во дворе в нашем монастыре снеговой ящик, украли его, притащили к нам, разломали и вытопили нам печь. Они ни перед чем не останутся. Но на то их организация не чисто благотворительная. У них есть пропаганда и политика. Они сами все на Горностаева молятся. Когда тот бывает в Москве, они ему все решительно делают, питают его, помогают. Они сами как будто верующие христианки, но Бориса Александровича хотели распропагандировать в свою федоровскую веру”. Речь здесь идет о той рукописи, которую Б.А. Садовский дал мне. Автором этой рукописи, которая попала ко мне вместе с письмом Е.А. Крашенинниковой к Садовскому, является, оказывается, сам А.К. Горностаев. “Идеологию” Федоровцев, представленную Горностаевым и его группой, освещают лучше всего дальнейшие реплики Б.А. Садовского и его жены. Садовский говорит: “Горностаев сам в прошлом семинарист. Он пишет обо всем, ко всему относится поверхностно. Он по-настоящему православен. Я его называю ересиархом, отцом Горностаев. Но на своих девиц он имеет прямо гипнотическое действие”.

Надежда Ивановна говорила: “Надо будет Вас с ними свести. Они вас переспоят... А Крашенинникова под горностаева играет. Для меня самое ясное — узнать, как кто к жидам относится, так Крашенинникова говорит. Что люди все равны: и мы, и евреи, и немцы. Это горностаевские идеи. Он пацифист, против войны. Он, должно быть, и с немцами в Калуге дружил. От него недавно получено было письмо, он пишет, что ему хорошо было. Он собирается и в Москву”».

Как видно из последующих документов, Садовский рецензировал не только работы самого Горского. Из донесений 4-го Управления НКВД СССР (без даты, не ранее февраля 1942 года) «Это была литературно-философская работа Екатерины Александровны Крашенинниковой, принесенная ею на отзыв Садовскому. Рукопись <...> представляет немалый интерес, являясь “Апологией” учения “Федоровцев, Горностаевцев”. Я просил Садовского обязательно добиться у Крашенинниковой разрешения ознакомиться с ее работой, обещая взамен поделиться с нею и

ее подругами по “Федоровской” организации моими воспоминаниями о докладе, который 30 лет тому назад о Федорове прочел якобы в моем присутствии Андрей Белый. Садовский обещал обязательно это устроить».

Кроме взглядов Федорова, Горского и Сетницкого, Ольга Сетницкая и ее подруги были знакомы с идеями Валериана Муравьева об овладении временем. Из донесений 4-го Управления НКВД СССР (без даты, не ранее апреля 1942 года): «1 апреля вечером к нам пришла Е.А. Крашенинникова и провела у нас часа два, беседуя главным образом на отвлеченные темы. Почти скованные шубами в движениях, мы в то же самое время, следуя за полетом мысли нашей собеседницы, витали в необъятных космических просторах, причем наша гостья, не довольствуясь тремя измерениями вселенной, привлекла в сферу нашего внимания также и четвертое — “измерение будущего”, а именно время.

Е[катерина] А[лександровна] (с характерной для нее прямолинейной целеустремленностью): “Вот <...> вы знакомы с Федоровым, с Соловьевым, с Энштейном, — скажите, что Вы думаете о будущем”. В ответ <...> предлагает ознакомить Е[катерину] А[лександровну] когда-нибудь со своей записью доклада Белого, сделанного им в студенческие годы. Е[катерина] А[лександровна] выражает желание осуществить это поскорее, и мы сговариваемся на вечер ближайшего воскресенья. Узнав, что у нас есть Соловьев, Е[катерина] А[лександровна] просит дать ей для прочтения шестой том и выражает готовность помочь в розыске этой книги. Говоря о Белом и Блоке, она высказывает мысль, что если бы, подойдя так близко к Соловьеву, они “додумали кое-что до конца”, то ход истории мог бы измениться; если бы Белый знал Федорова, то это могло бы оказать влияние на всю вселенную. Оказывается, однако, что Е[катерина] А[лександровна] вовсе не принимает Федорова без оговорок: “Я его почитаю, но я им не живу. Он высказывает замечательные мысли, но я не могу не видеть их ограниченности эпохой. Беря его положение, например о нравственности, я с ним соглашаюсь, но обосновываю его уже по-другому, так, как нас учили в школе, в университете”».

В другом документе уделено внимание личной характеристике Екатерины Крашенинниковой. Из донесения 4-го Управления НКВД СССР от 10 апреля 1942 года: «Е[катерина] А[лександровна] держала себя совершенно непринужденно, как в разговоре, так и в поступках, однако, отнюдь не впадая в развязный тон. Е[катерина] А[лександровна] не страдает излишней скромностью и застенчивостью, вот почему, как она потом заявила, она с большой охотой приняла предложение <...> поужинать с ним. Позже она рассказала, что с питанием у нее плохо, хотя могло бы быть несколько лучше. Дело в том, что, ежедневно сталкиваясь с людьми, которые почти буквально голодают, она считает себя морально обязанной отдать, к примеру, пропуск в столовую тому, кто вот уже несколько дней сидит лишь на 400 гр[ам]м хлеба в день. Следует тут отметить, что этот вопрос Е[катерина] А[лександровна] увязывает с воспитанием воли, стремясь заменить в себе недостающее количество продуктов питания — качеством их усвоения, что, по ее мнению, при соответствующей концентрации воли — возможно, имея в виду влияние сознания на физиологию человека (ведь добиваются же йог!).

Таким экспериментом занимается Е[катерина] А[лександровна] не только одна. Однако судя из последующего разговора сама Е[катерина] А[лександровна]

слишком слабо верит в это начинание и скорее рассматривает его как “занятный эксперимент”. Во всяком случае, у <...> Е[катерина] А[лександровна] не “экспериментировала”, а кушала с огромным аппетитом, сама прося добавить — колбасы, масла и пр., что “посуущественнее”... ..В этих разговорах о религии <...> вспомнил о недавно приобретенной им книге “Закат Европы” О. Шпенглера, для философии которого религия является краеугольным камнем. Это напоминание о Шпенглере нашло живейший отклик со стороны Е[катерины] А[лександровны], которая, оказывается, давно интересуется подробнее ознакомиться с его философией, и в частности с книгой... ..Следует отметить еще одной черту, проскользнувшую в высказываниях Е[катерины] А[лександровны]. Это, мягко выражаясь, отсутствие у нее ненависти к фашизму. Говоря о том, что у них на факультете читают лекции о фашизме, она недовольно заявила, что то, что им говорится по этому вопросу, не заслуживает серьезного внимания, так как до сих пор никто еще не только у них на истфаке, но и вообще в СССР не раскрыл всех карт национал-социализма, т. е. его основных движущих идей, его философии, а что национал-социализм — движение глубоко идейное, имеющее свою подлинную философию, — для Е[катерины] А[лександровны] совершенно очевидно. Тут она делает предположение, что об этом, очевидно, сейчас нельзя или даже опасно говорить.

Если можно судить по общему впечатлению от разговора с Е[катериной] А[лександровной] в результате одной встречи, последняя, несомненно, культурна, имеет собственные, установившиеся взгляды на вещи, и эти взгляды она не только в состоянии защищать и отстаивать, но и порой навязать их другому.

“Больше всего я все-таки люблю философию”, — заявляет она, и ее философия, несомненно, идеалистического толка. Обладая ко всему прочему в достаточной степени симпатичной внешностью, природным темпераментом, красноречием и волевыми началами, Е[катерина] А[лександровна], как можно предположить, является собой своеобразный тип жоака, вокруг которого много ли мало ли, но почти обязательно должны группироваться близкие ей по духу люди. Да, как можно было заключить из ее разговора, она и имеет таковых среди своих же подруг-студенток...»

Чекистам удалось получить сведения и об отношении самого Садовского к «федоровкам». Из донесения 4-го Управления НКВД СССР от 11 апреля 1942 года: «Про “Федоровок” Садовский, узнав от меня о моих встречах с ними, дает им, со своей стороны, следующие характеристики. “Екатерина Александровна (Крашенинникова) — самая энергичная и деятельная, всех объединяет, но и она и самая глупая. Как она может кокетничать с марксизмом? Она — наиболее предана Горностаеву. Самая умная из них — Ирина Васильевна. Она со мной имела беседу на тему о законной государственной власти и согласилась, что законная власть в России — царская. А Ольга Николаевна — переписывала мои стихи. Жаль, что она Штейнером увлеклась”.

Садовской мне раньше называл фамилию Ольги Николаевны этой как “Мошанская”. Ее настоящая фамилия — Сетницкая, и Садовской признается, что спутал ее эту фамилию с другой ему знакомой женщиной — Мошанской. Садовской настаивает, чтобы “Федоровки”, вместе со мною, организовали для него “круговую помощь” продуктами, в первую очередь сладким. “А то помру, не дождавись царя”, говорит Садовской...»

После очередного ареста Горского в феврале 1943 года Сетницкая и ее подруги продолжали знакомство с Садовским. Эти визиты также были зафиксированы сотрудниками госбезопасности. Из справки начальника 1-го отделения 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР подполковника ГБ Е.В. Хорошкевич от 17 мая 1943 года: «В связи с разработкой легенды агентурного дела “Монастырь”... за время с X.[19]41 по V.[19]43 г. попутно выявили наличие в Москве и других городах СССР... антисоветских групп и а[нти]с[оветских] одиночек». В этом документе, в частности под пунктом 5, значится: «А[нти]с[оветская] организация “Федоровок”. Установлены: Крашенинникова Е.А., дочь профессора, Гулидова И.В. — жена репрессированного за антисоветскую работу, Сетницкая О.Н., педагог, и Соболева Н.М., студентка МГУ».

Стоит сказать несколько слов об авторе этого документа, который на протяжении многих лет участвовал в разработке оппозиционных течений в интеллигентской среде. Итак, Елена Викторовна Хорошкевич. Родилась в 1893 году в Санкт-Петербурге. Из дворянской семьи. Окончила борисоглебскую гимназию и училась на физико-математическом факультете Бестужевских высших женских курсов в Санкт-Петербурге (1913–1916). Во время учебы участвовала в студенческих политических демонстрациях. В 1922 году поступила на службу в Секретный отдел ГПУ-ОГПУ. С начала 1930-х годов проходила службу в СПО ГУГБ НКВД СССР, а с января 1942-го и до конца войны — в 4-м Управлении НКВД СССР. О том, что это был за человек, лучше всего говорят строки из ее заявления в ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года: «С начала Великой Отечественной войны я была включена в группу чекистов, отобранных для оставления на подпольной работе в Москве в случае захвата ее противником, а 12 сентября 1941 г. назначена начальником диверсионно-разведывательной группы и переведена на нелегальное положение. Когда Красная армия отбросила фашистские полчища от Москвы и надобность в моей группе миновала, я работала по подготовке агентов для заброски в тыл противника. В 1943–[19]45 гг. была привлечена к активной агентурной работе по делу “Монастырь”, успешной схватке 4-го Управления НКГБ СССР с германской военной разведкой». После увольнения из органов безопасности работала в Музее В.И. Ленина (Москва).

Результаты наблюдений за «федоровками» были представлены в 4-е Управление НКВД СССР уже в апреле 1942 года: «Подводя итоги всем разговорам... я могу дать такую предварительную характеристику участниц этой группы:

1. На первом месте надо назвать отсутствующего самого Горского-Горностаева Александра Константиновича. По словам Крашенинниковой, он все время живет в Калуге, вполне благополучно перенося немецкую оккупацию. Живет он на средства своей жены, артистки-певицы, которая вполне ему предана и все для него делает. Сам Горностаев не служит, не хочет, а работает как писатель и “мыслитель” над “победою над смертью”. Крашенинникова считает, что это Горностаевым уже достигнуто, и чрезвычайно ему поклоняется. Средства для жизни, помимо заработка жены, он имеет от Московского музея им. Горького, где имеются его единомышленники (?!), дающие ему для разработки некоторые темы, связанные с мировоззрением Горького и с его идеями о победе над смертью. “В 1927 г., — говорит Крашенинникова, — Горностаеву была открыта возможность для очень ответственной? политической работы... Он уклонился тогда от нее... был арестован и выслан до 1936 г.”

С Горностаевым Крашенинникова познакомилась в 1938 г. через одну из ее подруг* по университету, которая привлекла Горностаева в качестве “арбитра” в некоем споре с Крашенинниковой. С тех пор последняя и ее подруги находятся под безраздельным влиянием Горностаева. От него Крашенинникова получила совсем недавно письмо, миновавшее цензуру, в котором Горностаев описывает “в поэтической форме” его переживания за все время войны. За последнее время Горностаев зовет Крашенинникову и ее подруг уехать из Москвы, поселиться с ним где-нибудь в провинции, образовать “общину”, и Крашенинникова сама об этом мечтает. Е.А. Крашенинникова принесла мне для прочтения поэму Горностаева — “Ночь Никодима”.

2. Сама Крашенинникова Екатерина Александровна, 23½ лет. Отец из купеческой семьи, мать — помещица-дворянка. Мать служит и живет в санатории в Тарасовке. Отец очень стар, очень религиозен. В семье еще два брата и сестра; со всеми Е.А. Крашенинникова в хороших отношениях, говорит, что меня хотели видеть ее братья. Ее сестру она к нам приводила 9.IV [1942]. Мировоззрение Е.А. Крашенинниковой чрезвычайно путаное и сложное. Во время первых встреч она говорила о своей “современности”, о приверженности диалектическому методу, марксизму. Встретившись на пасху, она призналась, что говела в церкви на Арбате, что является верующей. О самих идеях Федорова она говорит критически (“я очень его почитаю, но не могу брать его целиком”), то безоговорочно-восторженно. Высказывания о советском строе: “...двадцатилетняя трагедия социализма, павшая на долю России”, “Ужасающие эксперименты...”

Е.А. Крашенинникова необычайно заинтересовалась возможностями использовать мои знания, лично меня, некоторые книги. Практицизм, активность смешиваются в ней с мистикой. Она ждет окончательного переворота в России в 1948 году, ссылаясь на пресловутое “пророчество” Серафима Саровского, предсказавшего якобы свое “торжество” через 115 лет после его смерти, последовавшей в 1833 г.

Об этом “пророчестве” я впервые услышал от А.В. Соколова-Вольского. Очевидно, и А.К. Горностаев причастен к его распространению. Е.А. Крашенинникова очень мечтает о знакомстве с А.Л. Сакетти³³¹, про богословскую библиотеку которого я ей рассказал. Именно такое пророчество, как то, которое связано с именем Серафима Саровского, представляется Е.А. Крашенинниковой “заслуживающим распространения”. Очень высоко уважает она и Б.А. Садовского и его жену, высказывает желание им помогать.

3. Ольга Николаевна Сетницкая. Старше Крашенинниковой. Ее ближайшая подруга. Более молчалива и медлительна. Очень увлечена, помимо идей Федорова — Горностаева, Штейнером, “антропософией”. Привержена к Садовскому.

4. Ирина Васильевна (фамилия не выяснена). 30 лет. Агроном. Живет на Тулинской улице, дом 2/5 на углу Хлебникова пер., кв. 12. Замужем. Муж сослан. Имеет ребенка. Живет почти нищенски. Настроена, очевидно, более смело антисоветски, нежели другие ее подруги. В ее комнате висят рисунки художника Пейсаховича (фамилия не вполне точно услышана), ее приятеля.

5. “Наташа” (Нат[алья] Мих[айловна] Соболева) — четвертая в группе “Федоровок” <...>.

В общем, приходится отметить, что группа — кружок Федоровок-Горностаевок представляет из себя безусловный интерес. Это группировка активной,

* Вероятно, имеется в виду О.Н. Сетницкая.

убежденной и увлеченной молодежи, распространяющей свое влияние в кадрах студенчества, и притом так, что явного антисоветского влияния распространяемые ими идеи не имеют. Основное, на чем основываются и что проповедают все они, — это “борьба со смертью” и победа над нею. Идея сама по себе отнюдь не является чужою, хотя бы по тому же А.М. Горькому, имя которого оказывается защитной ширмой для самого Горностаева. Но вместе с этой идеей, в какой-то мере ее конкретизируя, “федоровки” распространяют и идеи чисто религиозные, и идеи авторитарного подчинения их идеологу — вождю А.К. Горностаеву. Высоко характерно, что во всех высказываниях, которые мне до сих пор приходилось слышать от Е.А. Крашенинниковой, не было ни одного в защиту самой идеи коммунистического строя, общности интересов трудящихся, не было мысли о народе, коллективе, классе. Характерно и полное молчание о войне; в писаниях самого Федорова — явно проявляется требование о борьбе с войной, даже с справедливой защитой...»

К тому же времени, апрелю 1942 года, в 3-м Управлении НКВД СССР была подготовлена краткая справка «о сектантских группировках “федоровцев” и “монархической”». В документе говорилось: «В Москве существуют две нелегальных организации. Одна имеет много участников из различных районов Москвы. Организация эта носит сектантский характер, называется “Федоровской” по имени Федорова, какого-то представителя интеллигенции, ныне якобы умершего. Участники имеют своего “пророка”, скрывающегося от органов сов[етской] власти. В организации принимает участие много молодежи.

Другая организация резко выраженного политического характера из представителей интеллигенции: инженеров, врачей и пр. Участники организации являются сторонниками германского фашизма. Одна из штабквартир находится в подвальном помещении Красной церкви б[ывшего] Новодевичьего монастыря, ее хозяином является писатель, занимающийся переводами с различных иностранных языков. Его фамилия Садовский Борис Александрович, ему около 62–64 лет, у него парализованы ноги, и он передвигается с помощью коляски. Садовский Б.А. б[ывший] помещик, а его жена Садовская Надежда в свое время служила в лазарете Вырубовой и была близка ко дворцу. Садовский помимо работы по переводам пишет какие-то труды, которые он не печатает. До революции он сотрудничал в журнале “Золотое руно”... О наличии другой подпольной организации “федоровок” <...> стало известно от каких-то двух девушек, почитательниц Садовского, у которого она и встретилась с ними случайно месяца 2–3 назад...»

Однако на этом, как видно из документов, наблюдение за ними не окончилось. Очевидно, советская контрразведка продолжала собирать сведения обо всех «федоровках» вплоть до весны 1944 года, пока окончательно не убедилась, что последние не имеют контактов с германской разведкой.

Из донесения 4-го Управления НКГБ СССР (без даты, не ранее 9 апреля 1944 года): «...во время беседы <...> с Е.А. Крашенинниковой мне удалось поближе познакомиться с ее приятельницей, одной из двух девушек, сопровождавших ее во время первого визита.

Наталье Михайловне Соболевой 20 лет. Это хорошенькая, пышноволосяя шатенка с томным видом и “отсутствующим” взглядом. По своему внутреннему облику она представляет любопытное дополнение к Е[катерине] А[лександровне] по

контрасту. Если для Е[катерины] А[лександровны] основным является выработка определенного мировоззрения, то в отношении Н[атальи] М[ихайловны] можно говорить пока лишь о некоем мироощущении. Если Е[катерина] А[лександровна] представляет начало активно-аналитическое, то Н[аталья] М[ихайловна], наоборот, созерцательно-восприимлющее. Если Е[катерина] А[лександровна] целеустремленно и методически стремится “расшифровать” загадку мира, вскрыть “символику” мироздания, то Н[аталья] М[ихайловна] ощущает себя “сосудом”, воспринимающим красоту окружающего мира и в то же время переплескивающим в мир избыток пенящейся в нем и брызжущей через край эмоции. “Я могу увидеть кусочек голубого неба и заплакать просто от радости, что я существую...” О степени экстатичности Н[атальи] М[ихайловны] можно судить по следующим словам: “Недавно я узнала, что умер близкий мне человек (из разговора с Е[катериной] А[лександровной] выяснилось, что это — жених Н[атальи] М[ихайловны]). Он погиб на фронте. Я как-то не могла этому поверить. И вот вчера (стоя у заутрени), я вдруг почувствовала, что эмоциональный напор во мне так силен, что я в состоянии его воскресить”. Если для Е[катерины] А[лександровны] Блок — это источник познаний, средство осмысления эпохи, то для Н[атальи] М[ихайловны] Блок — это “музыка”...

Во время последней встречи моей с Е.А. Крашенинниковой (9/IV [1944]) был затронут вопрос о роли религии вообще и христианства в частности. Е[катерина] А[лександровна] считает, что религии надо рассматривать как ступени в духовном развитии человечества и что заслугой православия является то, что оно “говорит” уже не отдельной индивидуальности, но целому народу. Поскольку задачей человеческой личности является не только индивидуальное совершенствование, но и выполнение какой-то миссии по отношению к коллективу, роль осознания этой миссии и выпадает, по ее мнению, на долю религии. Задача в том, чтобы уметь расшифровать ту или иную религиозную символику. Говоря о пути индивидуального самосовершенствования (чуждом самой Е[катерине] А[лександровне]), она мимоходом упоминает имя художника Бартрем* как “очень яркого человека”, стоящего, по-видимому, на путях индусской мистики. В ответ на мое пожелание познакомиться Е[катерина] А[лександровна] сказала, что в данный момент он “не здесь”.

Разочаруем любителей «помуссировать» ставшую традиционной с начала 1990-х тему «кровавых, незаконных репрессий НКВД», что в операции «Монастырь», как в 1938-м, так и в годы войны, таких фактов не было.

В материалах многотомного дела «Монастырь» с весны 1944 года донесения о кружке «федоровок-горностаевок» исчезают. Советская контрразведка установила, что «федоровки» не связаны с разведслужбами противника. С этого момента они потеряли интерес для сотрудников госбезопасности. Остается добавить, что ни Ольга Сетницкая, ни ее подруги арестам или иным судебным или внесудебным преследованиям не подвергались. Вероятнее всего, сами «объекты» наблюдения даже могли лишь подозревать, что находились «под колпаком».

Таким образом, благодаря знакомству «федоровок» с Б.А. Садовским сохранилась еще одна страничка из истории русского космизма начала 1940-х годов. Затем еще почти на 40 лет федоровское движение исчезнет из духовной жизни страны.

* Вероятно, речь идет о Бостреме.

ПОСЛАННИК «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА» ПРОНИКАЕТ В «САТУРН»

Цели чекистской игры с опасным противником описал сам П.А. Судоплатов: «Первоначально операция “Монастырь” разрабатывалась нашей группой* и Секретно-политическим управлением НКВД, а затем с июля 1941 года в тесном взаимодействии с ГРУ. Целью операции “Монастырь” являлось наше проникновение в агентурную сеть абвера, действовавшего на территории Советского Союза. Для этого мы создали прогерманскую антисоветскую организацию, ищущую контакты с германским верховным командованием»³³².

По словам П.А. Судоплатова, в операции принимали участие следующие «действующие лица»: «Для придания достоверности операции “Монастырь” в ней были задействованы поэт Садовский, скульптор Сидоров, которые в свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам, их квартиры в Москве использовались для конспиративных связей. Как я уже упоминал, наш замысел сводился к тому, чтобы создать активную прогерманскую организацию “Престол”, которая могла бы предложить немецкому верховному командованию свою помощь при условии, что ее руководители получают соответствующие посты в новой антибольшевистской администрации на захваченной территории. Мы надеялись таким образом выявить немецких агентов и проникнуть в разведсеть немцев в Советском Союзе»³³³.

О главных действующих лицах операции «Монастырь» другие авторы сообщают более подробные, но менее правдоподобные сведения: «Кандидаты в подпольную монархическую организацию вскоре нашлись — они все были на учете в НКВД. Ими стали бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, член-корреспондент Академии наук Сидоров, поэт Садовский и другие. Все они по прихоти судьбы жили на территории Новодевичьего монастыря, в своего рода “Вороньей слободке”, были безобидными ворчунами, и НКВД их не трогал, а иногда и пользовался их услугами. Наиболее яркой фигурой был поэт Садовский, жена которого гадала на картах и давала сеансы спиритизма. Ее посещали жены высокопоставленных деятелей, например супруга члена Политбюро А.И. Микояна. В СССР Садовский как поэт не был известен, но в Германии издавались его поэмы, в том числе и та, в которой он восхвалял немецкую армию. Из этих лиц с помощью агентуры и была создана организация “Престол”; по месту жительства ее членов получившая оперативное наименование “Монастырь”»³³⁴.

В приведенной цитате правда густо перемешана с вымыслом. Во-первых, кроме Садовского, на территории Новодевичьего монастыря никто из указанных лиц не жил. Во-вторых, Садовский был широко известный в России поэт и публицист еще дореволюционной поры, друг Брюсова и Блока, знакомый почти со всеми известными в стране поэтами и писателями. В-третьих, произведения Садовского, в которых “он восхвалял немецкую армию”, ни в Германии, ни в какой другой стране не издавались вовсе. В-четвертых, в 1941 году Сидоров не был «членом-корреспондентом Академии наук». В-пятых, о том, кто такой «Глебов», сам господин Шарапов может узнать, внимательно прочитав собственное произведение. Наконец, указанные лица никак не могли быть «безобидными ворчунами», которых «НКВД не трогал». Как в таком случае их могли задействовать в важнейшей операции?

* Речь идет об Особой группе при наркомвнутренних дел СССР.

К «портрету» Садовского можно добавить характеристику его творчества, данную С.В. Шумихиным в предисловии к сборнику его стихотворений и пьес: «В стихах Садовского (как и в его прозе) постоянно мелькают на заднем плане некие inferнальные тени, веет легким, но отчетливым запахом тлена и могилы»³³⁵.

Подробные сведения о личности другого «ворчуна» — «члена-корреспондента Академии наук Сидорова», ссылаясь на информацию интернетовских сайтов, приводит в недавно вышедшей книге Э.П. Шарапов:

«Агент “Старый” — Алексей Алексеевич Сидоров — бывший дворянин, сын помещика, расстрелянного в 1919 году Харьковским губчека, профессор, доктор искусствоведческих наук, беспартийный, с органами ОГПУ-НКВД сотрудничает с 1928 года, характеризуется положительно. Пользуется доверием Садовского. Сидоров Алексей Алексеевич (“Старый”) родился 13 июля 1891 года в селе Николаевка Путивильского уезда Курской губернии. Окончил Московский университет в 1913 году и продолжил специальное образование в Италии, Австрии и Германии. Заведовал граверным кабинетом Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина с 1927 по 1936 год. Преподавал в университете и художественных вузах Москвы. Создал учебный курс “История оформления русской книги”. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года за активное участие в операции “Монастырь” награжден орденом “Знак Почета”. Автор ряда научных изданий и монографий о крупнейших мастерах графики и книги. В 1946 году избран членом-корреспондентом Академии наук СССР... В 1947 году присвоено звание “заслуженный деятель искусств России”. Умер 30 июня 1978 года в Москве»³³⁶.

В этой связи стоит рассказать о том, как воспринимали свое участие в борьбе с немецкими шпионами и диверсантами наши агенты. В 1941-м враг рвался к столице. Положение на фронтах было крайне тяжелое и складывалось не в пользу Красной армии. Москва начала всемерно готовиться к обороне. Но чекисты предусмотрели и самый неблагоприятный вариант — сдачу города. На этот случай был выработан так называемый «Московский план»³³⁷. Для участия в реализации мероприятий этого плана были привлечены лучшие сотрудники резидентуры НКВД. В случае взятия столицы под ногами оккупантов должна гореть земля, улицы и переулки — стать смертельными ловушками для немецких солдат и офицеров, а заминированные промышленные и хозяйственные объекты, административные здания, гостиницы, театры — братскими могилами. Разведывательно-диверсионные отряды 4-го Управления заранее планировали и теракты в отношении высших руководителей рейха.

Один из них таких сотрудников Лубянки в автобиографии писал: «Я готов всеми силами до конца и без страха служить трудовому народу, великому делу советской разведки».

Когда враг был отброшен от стен Москвы, некоторые из них приняли активное участие в операции «Монастырь» и других поединках на фронтах «тайной войны» с абвером. Подчеркнем, что Садовский был вовсе не случайно выбран в качестве лидера нелегальной прогерманской монархической организации в Москве.

На Лубянке имели подробное представление о литературном творчестве, о политических взглядах и практических намерениях Садовского по их претворению в жизнь: «Под столом у него старинный кожаный чемодан с его рукописями, приготовленными для печати.

В справке «О Садовском и его группе», подготовленной 2-м отделом НКВД СССР в декабре 1941 года, говорилось: «Кадры русских монархистов были разбиты и рассеяны еще в первые годы революции. В эмиграции многие физически вымерли. Вряд ли много осталось в живых и в СССР. Тем более интересно отметить существование и жизнь одного, явного монархически антисоветского гнезда, долго уже существующего в Москве, хорошо известного органам нашей разведки, с начала войны в известной мере активизирующегося. Изучению его была посвящена моя работа последнего полугодия. Его территориальным центром является б[ывший] Новодевичий монастырь в Москве. Здесь, в ряде корпусов, бывших ранее кельями монахинь, погребами, склепами монастыря, живут в большей мере “бывшие люди”, поселенные здесь в свое время Наркомпросом времен А.В. Луначарского. При последнем все здания б[ывшего] Новодевичьего монастыря были национализированы, частично превращены в музей, частично предоставлены под квартиры персональных пенсионеров, деятельность которых, так или иначе, касалась органов Наркомпроса. Под флагом “потомков Лермонтова” (скорее дальних родственников поэта) поселились здесь графы Шереметьевы. Нашли себе здесь приют разные бывшие чины императорского двора, и в числе других здесь же приютился переехавший в Москву из г. Горького, тогда еще Нижнего Новгорода, разбитый параличом писатель Садовский Борис Александрович. Здесь он в 1927 году, “спасаясь” от возможного ареста в Нижнем Новгороде, обрел себе покойное прибежище, познакомился с бывшей фрейлиной императрицы Александры Федоровны — Воскобойниковой Надеждой Ивановной и женился на ней (браки этот, конечно, фиктивны. Б.А. Садовский с первого года революции лишен ног, сидит в кресле, имеет исковерканные параличом руки, т. е. является безнадежным инвалидом)».

Садовский с долей цинизма рассказывал своим знакомым о том, как ему выделили жилье на территории Новодевичьего монастыря. Из справки о Б.А. Садовском 4-го Управления НКВД СССР от 29 апреля 1941 г.: «В Новодевичий монастырь Садовский попал через Наркомпрос. “За меня некоторые писатели тогда хлопотали, — говорит он, вспоминая. — Меня поддержали тогда Алексей Толстой, который теперь такой негодяй, и Сергей Городецкий, который дурак, и Корней Чуковский, который трусливый как заяц и сейчас удрал. Порядочный человек был только что умерший Иван Евдокимов, но и он продался большевикам. По-настоящему порядочна только Мариэтта Шагинян, но она кругом в долгах”».

Чекисты также составили «портрет» Садовского, внимательно изучили его поведение и круг близких друзей и знакомых: «Сам Садовский производит странное впечатление. Он паралитик, но лицо его и голова не затронуты. У него особая мысль, четкий голос... Одет Садовский в черный без воротника халат, в черную, с высоким воротником рубаху, вместо пуговиц пришиты какие-то медные бляхи, сам Садовский лысый, лицо продолговатое — худое, очень бледное, носит бороду, аккуратно подстриженную клином, на руках кольцо... От жильцов дома известно, что Садовского выносит жена из квартиры только летом на солнце, все свое время он проводит за книгами и чего-то пишет, человек он добродушный, случаев, чтобы он не пускал в свою комнату кого-либо из людей — не наблюдалось. Известно также, что за счет домоуправления в его квартире производили ремонт — переборку полов и побелку стен... Вместе с Садовским

Б.А. проживает его жена Садовская Надежда Ивановна, 1889 г.р., урож[енка] гор. Ленинграда, пенсионерка Фрунзенской страховой кассы. По внешнему виду Садовская Н.И. неопрятная, очень грязная, волосы рыжие — длинные, как будто месяц непричесанные; одета в грязную рваную белую кофточку и черную, также рваную юбку».

Не менее интересно и описание интерьера квартиры, которую занимал Садовский: «Проживает Садовский в подвале церкви Новодевичьего монастыря. В подвале имеется отдельный вход, его квартира составляет 60–70 кв. метров. До 1929 г. в этом подвале помещался “красный уголок” данного домоуправления, впоследствии отошел под квартиру Садовского, который в ней и проживает с 1929 г. ... При входе в квартиру Садовского с правой стороны двери висит голова — чучело волка, с левой стороны — чучело тетерева, далее квартира перегорожена 7–9 фанерными ширмами, из-за которых виднеются шкафы с книгами, на некоторых шкафах стоят человеческие черепа. Одна стена комнаты завешена куском материи, из которой шьют поповские рясы, на правой стене комнаты висит большой портрет женщины, наподобие иконы».

В подтверждение германофильских взглядов Бориса Садовского можно привести стихотворение, написанное им после нападения Гитлера на СССР. Комментарий тут, как говорится, излишни:

НЕМЦАМ

Христос Воскрес! Спешите, братья!
Из мглы кровавой октября
Мы стираем к вам объятья,
Зовем свободу, ждем царя!

Он возвратит нам рай святыни,
Свободный труд и честный торг,
Забьют фонтанами пустыни,
В сердцах заискрится восторг!

Да сгинет шайка негодяев,
Кем опозорена Москва,
Кто нас учил, как попугаев,
Твердить дурацкие слова!

Христос Воскрес! Отныне снова
Пребудет с нами, как и встарь,
Заветное, святое слово:
Самодержавный русский царь.

(Сочинено Б.А. Садовским в июне 1941 г.)

11 января 1942 года состоялось знакомство Бориса Садовского с «Гейне», тем самым советским разведчиком, которому предстояло проникнуть в абвер.

В справке от 16 января 1942 года на агента 2-го отдела НКВД СССР «Гейне» сообщалось: «Демьянов Александр Петрович, 1910 года рождения, уроженец

города Калуги, русский, беспартийный, образование высшее, по специальности инженер-электрик, изобретатель, в 1932 г. арестовывался ОГПУ по подозрению в организации коллективной читки мемуаров Шаляпина, освобождается без последствий. С 1933 г. работал в системе кинематографии, в настоящее время уволен по сокращению штатов и нигде не работает. Отец «Гейне» — быв[ший] есаул Кубанского войска, убит на войне в 1915 г. Мать — Бунакова Анна Михайловна из княжеской семьи, до революции 1917 г. работала преподавателем женской гимназии, после революции заведующая школой... Дед — Бунаков Н. — бывший полковник Гренадерского полка, дворянин, умер в 1918 г. Дядя — Бунаков Александр Михайлович — артиллерист, до 1917 г. служил в царской армии, после революции до 1922 г. работал в Кремлевской артшколе, затем в ВСНХ. В 1926 г. арестован ОГПУ как участник антисоветского заговора в военной промышленности, возглавляемого академиком-артиллеристом Михайловым, являвшимся другом Бунакова А.М., находясь под следствием, Бунаков А.М. умер в Ярославском изоляторе. Дядя — Демьянов Евгений Тимофеевич, бывший казачий офицер, в период оккупации белыми г. Анапы работал в контрразведке. После установления советской власти в 1919 г. был арестован и этапирован в г. Архангельск. По дороге заболел тифом и умер...

До 1914 г. «Гейне» вместе с семьей проживал на границе с Ираном в местечке Геок-Тепе, затем переехал в гор. Каменец-Подольский и впоследствии в г. Анапу, где у его деда (по линии отца) имеется собственный дом. В 1921 г. «Гейне» переехал в Москву, где проживает до настоящего времени. В 1934 г. Демьянов Александр Павлович завербован ОГПУ... За время работы с нами показал себя инициативным, волевым, способным, любящим разведывательную работу агентом. «Гейне» знает подрывное дело, хорошо знаком с электро- и радиотехникой. Был подготовлен для работы в Москве на случай захвата ее немцами. Изъявил согласие выполнять любое боевое поручение. В настоящее время проходит спецобучение... «Гейне» согласен идти в тыл врага для выполнения специального задания по агентурному делу «Монастырь»».

Вероятно, выбором в качестве псевдонима фамилии знаменитого немецкого поэта Гейне послужил следующий эпизод, возникший в ходе операции. Познакомившись по заданию советской контрразведки с поэтом Б.А. Садовским, Демьянов, великолепно владевший немецким языком, по просьбе последнего перевел с русского ряд его стихотворений, для передачи их «на ту сторону». Это и послужило основанием для присвоения Демьянову псевдонима «Гейне». Однако в литературе, посвященной этой операции, существуют и другие версии о происхождении псевдонима³³⁸.

По легенде наш агент должен был добиться свидания с немецким командованием и по возможности установить контакт с «германским правительством» для выяснения «реальной возможности действительного прихода немцев в Москву и определения в этой связи задач группы». Принимая во внимание лихорадочные усилия немцев для анализа неудач на Восточном фронте, «Гейне» как бы между прочим должен был упомянуть, что, по мнению Садовского, одной из причин «временных неудач» является то, что они «не установили контакт с действующими на советской территории подпольными антибольшевистскими силами», а также всеми силами постараться вызвать интерес и доверие у немецкой разведки к легендарной «группе Садовского». Кроме того, агенту была поставлена за-

дача «осесть» у противника. Согласно разработанному плану, «Гейне» уведомляет немецкую разведку о лично им сконструированном радиопередатчике и приемнике, установленном в Москве, и просит немцев передать радиограмму — условное сообщение Садовскому о своем благополучном прибытии.

В этот же день, 16 января, начальник отделения 2-го отдела НКВД СССР капитан ГБ Исидор Маклярский³³⁹ подал рапорт начальнику 2-го отдела НКВД СССР старшему майору ГБ Павлу Судоплатову о выделении денежных средств для отправки «Гейне» в тыл противника. Интересно, что операция первоначально фигурировала в служебной переписке под наименованием «Дворянское гнездо». Маклярский писал: «Для организации отправки “Гейне” за линию фронта по делу “Дворянское гнездо” — прошу санкционировать израсходование шести тысяч рублей...»

20 января 2-м отделом НКВД был подготовлен план оперативных мероприятий по агентурному делу «Монастырь»:

«В течение ряда лет в Москве разрабатывается видный монархист, известный русский поэт Борис Садовский и его жена Наталья Ивановна Воскобойникова, в прошлом фрейлина царского двора.

Чета Садовских связана с церковно-монархическими группами старцев (бывших монахов и монахинь), которые, находясь в глубоком подполье, пытаются влиять на массу верующих в антисоветском духе. Садовские и их окружение пораженчески настроены, с нетерпением ждут немцев. Летом 1941 г. Садовский написал резко антисоветское стихотворение, в котором, обращаясь к немцам как к “братьям”, звал их прийти уничтожить советскую власть и установить “самодержавие русского царя”...

В 1933 г. органами НКВД была вскрыта и ликвидирована монархическая группа молодежи, группировавшаяся вокруг Садовского, сам Садовский арестован не был.

Ликвидированная группа уже тогда ориентировалась на германский фашизм. Вторая группировка, созданная Садовским, была ликвидирована в 1935 г., и, наконец, третья группа (Раздольского) была вскрыта СПУ НКВД СССР в начале 1941 г. Эта группа ставила перед собой задачи террористического порядка.

Несмотря на периодическую ликвидацию антисоветских связей Садовского, он пытается и в настоящее время сколотить вокруг себя контрреволюционные элементы для борьбы с советской властью.

Установки Садовского в настоящее время сводятся к следующему: “Сейчас ждать. Быть готовым. Во всем слушаться церкви, а как только падет советская власть под ударами немцев, выступить с категорическим принятием немецкого руководства на первое время и начать исподволь агитацию за установление монархии <...>”.

Неизвестность относительно “точных” планов Гитлера касательно монархии весьма мучает Садовского. Садовский интересуется, нельзя ли “как-нибудь получить сведения с той стороны”, то есть снестись с немцами.

В этой связи целесообразно использовать имя Садовского и его ближайших антисоветских связей для: а) создания канала, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию; б) дезинформация немцев о положении в СССР; в) выяснения круга вопросов, интересующих немцев по СССР.

Глава 3. ОТВЕТНЫЙ ХОД СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ

Исидор Борисович Маклярский, капитан ГБ,
один из руководителей операции «Монастырь».
1935

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

о МАКЛЯРСКИЙ Исидор Борисович

2. Звание — полковник госуд. безопасности. Должность и место работы —
Начальник 3 отдела 4 Управления НКГБ ССОР
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ К ордену "Красная звезда"
(к ордену или медали)

4. Год рождения 1909 5. Национальность еврей 6. Партийность чл. ВКП(б) с 1932 г.

7. Место рождения г. Одесса

8. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) не участвовал

9. Имеет ли ранения и контузии: а) в гражданской войне не имел
(сколько, степень, когда) б) Отечественной войне _____
в) _____

10. С какого времени: а) в войсках, органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ и милиции с 3.УП-1927 г. по 19.1.1939 г. и с 1.VI.1939 г. по н/время.
(год, месяц и число)
б) в Красной Армии не служил
(год, месяц и число)

11. Какими орденами, медалями награжден и когда орден "Красной Звезды" 20.IX.43 г., орден Отеч. войны I ст. 29.XI.43г., Знак Засл. раб. НКВД 3г., медаль Партизану Отеч. войны I ст. -44 г., медаль "За Оборону Москвы" - 1944 г.

12. Домашний адрес: ул. Горького

АТТЕСТАЦИЯ

Опытный оперативный работник. Хорошо знаком с контрразведывательной работой по линии борьбы против антисоветских формирований среди интеллигенции внутри страны.
Достоин к представлению к правительственной награде.

4-го УПР. Управления НКГБ ССОР
Начальник (подпись)
Комиссар госбезопасности 3 ранга
1944 г. (судоплатор)

— II — X — 1944 г.

Заключение старших начальников:

Представление к ордену Красной Звезды полковника И.Б. Маклярского

Для решения этой задачи будут использованы проверенные агенты: “Старый” и его жена “Мир”; “Гейне” и его жена “Борисова”...³⁴⁰

23 января начальники 3-го и 4-го управлений НКВД СССР Николай Горлинский³⁴¹ и Павел Судоплатов совместно докладывали заместителю наркома внутренних дел СССР Богдану Кобулову³⁴²: «В 1933 году органами НКВД была вскрыта и ликвидирована монархическая группа молодежи, группировавшаяся вокруг Садовского, сам Садовский арестован не был. Ликвидированная группа уже тогда ориентировалась на германский фашизм. Вторая группировка, созданная Садовским, была ликвидирована в 1935 г., и, наконец, третья группа (Раздольского) была вскрыта СПУ НКВД СССР в начале 1941 г...»

Литературные произведения Садовского — нечто единственное в своем роде. В художественной форме, порой высокого качества, в них прославляются православные русские цари, проповедуется православная церковность самого узкого и реакционного типа, выявляется ярчайший антисемитизм, связанный с такой ненавистью к революции, которую никогда не высказывал никто из писавших на русском языке. <...>

Как паук, как скорпион с ядовитым жалом, ждет Садовский, защищенный советской заботой об инвалидах, “падения” советского строя. Его и его жены настроение за последние дни стало мрачным в связи с успехами Красной армии. Но Садовский и его жена никогда не примирятся и не переменятся. <...>

Последним штрихом в данном отчете могут быть следующие слова Садовского, сказанные им мне 21/XII [1941 г.]: “Я не знаю здесь у нас другого единения монархистов. Они, конечно, есть, но где-нибудь в далекой провинции, затерянные. Мы последние, и на нас поэтому лежит особая ответственность. Все наше спасение теперь в церкви”».

Этот документ, по существу, стал базовым для легенды операции «Монастырь», направленной на борьбу с немецкой разведкой в годы Великой Отечественной войны.

Перед заброской Демьянова в тыл врага, 31 января, один из агентов 4-го Управления НКВД СССР посетил квартиру Садовских. «Н.И. Садовская возвращается с картами, начинает “гадать” А[лександр] П[етрович], по ее словам выходит — “трудный путь, но блестящий успех”. Я прощаюсь. Садовские берут с меня слово, что перед “поездкой” А[лександр] П[етрович] обязательно побывает у них...»

«Гейне» также посетил Садовских. Сохранилось трогательное описание его разговора и минуты прощания: «5/II-[19]42 г. я был у Садовского вместе с А[лександром] П[етровичем]. <...> Встретили нас Садовские весьма приветливо... все внимание хозяев было устремлено на А[лександра] П[етровича]. Н.И. Садовская гадала ему на картах. Глядя на ее манипуляции с картами, Садовский спросил меня, знаю ли я “окультизм”, “какого-то еврея, скрывавшегося под инициалами Г.М.” — Мне было нетрудно угадать, что Садовский имел в виду известного, умершего в ссылке вождя русских масонов-розенкрейцеров — Мебеса³⁴³. Узнав от меня, что Мебес был не еврей, а немец, Садовский заявил: “Тогда другое дело, я к нему буду иначе относиться”.

Самое “важное” произошло в конце вечера. После “гадания” Садовский маленькой иконой благословил А[лександра] П[етровича] и трижды его облобызал.

Сделано это было определено Садовским как “главою движения”. Как “вождь” Садовский себя все время и держал».

Для большей убедительности в существовании антисоветской монархической организации в Москве «Гейне» захватил с собой тексты письма «на другую сторону фронта» и листовки «Русские люди!», якобы распространяемой в Москве членами организации «Престол». Ниже приводятся тексты этих документов:

«Дорогие друзья!

К Вам мы обращаемся в дни суровых военных испытаний, мы, русские люди, из Москвы, организующие здесь скрытые ячейки союза подлинного освобождения России из-под ненавистного ига большевиков. Знайте, что у Вас есть союзники в этой войне. Наше движение зародилось неизбежно под знаменем Ваших побед над общим нашим врагом.

Спешите, друзья! Дайте нам знак действовать, и мы будем готовы. Мы поможем Вам во всем.

Мы готовы к строительству новой России, подлинно национальной, отказывающейся от власти над Украиной, белорусами, кавказцами. И воскресающей к новой жизни под руководством и по примеру великого германского народа и его вождя.

Для достижения этой цели мы готовы на все подвиги и на все жертвы!

Примите нашу протягиваемую Вам руку! Установим единый план действия, — под нашими обоюдными усилиями рухнет проклятый колосс на глиняных ногах — большевизм, давивший и мучивший нас 24 года!»

«Русские люди!

К Вам обращаемся с призывом: довольно воевать. Что принесла нам война, кроме бесправия, горя, голода и поражений? Германию победить нельзя. На помощь Англии и Америки рассчитывать нечего. Сейчас можно заключить хороший, почетный мир. Нам, русским людям, незачем владеть Украиной или Белоруссией. Пусть убираются к себе и живут как хотят все инородцы. Германия показала нам, в чем великий и непобедимый закон национального единства.

Объединимся же, русские люди! Довольно правили нами евреи и грузины!

Объединимся для защиты русской веры, подлинной национальной политики под руководством и по примеру непобедимого германского народа!

Организуем всюду скрытые ячейки союза подлинного освобождения России — и оно придет в свой час — уже скоро. Медлить нельзя. Пусть не только под ударами снаружи, но и под напором изнутри будет свергнута чужеродная, измучившая нас власть и создана будет единая, чистая, подлинно национальная Россия!»

Первоначально НКВД СССР ставил перед «Гейне» задание на долговременное оседание у немцев с целью проникновения в руководство германской военной разведки в Берлине: «Ваше поведение во время пребывания на территории, занятой немцами, должно быть направлено на максимальное завоевание их доверия, исключаящее в то же время возможность Вашей переброски обратно с заданием прифронтового характера. Мы заинтересованы в том, чтобы Вы осели у немцев прочно.

В качестве доводов против своего возвращения обратно, если это Вам предложат, Вы выставляете опасность перехода через линию фронта и боязнь репрессий при появлении в Москве за неявку к месту службы в г. Алма-Ата. В этой связи Вы

рассказываете немцам, что, после того как «Старый» предложил Вам отправиться за линию фронта, Вы для того, чтобы зашифровать свое длительное отсутствие в Москве и обезопасить тем самым своих близких родственников, добились командировки в г. Алма-Ата, куда по нынешним условиям ж.д. транспорта долгий и длинный путь.

Появление же Ваше в Москве сейчас будет означать, что Вы не были в г. Алма-Ата, то есть уклонились от явки к месту работы, что по нынешним советским законам карается тюремным заключением. Факт своей командировки в г. Алма-Ата подтвердите имеющимися у Вас документами.

Если Ваши доводы немцев не удовлетворят и они будут настаивать на Вашей переброске обратно с заданиями, после некоторого колебания дайте согласие»³⁴⁴.

Итак, «Гейне» был готов к заброске в тыл врага. Его чувства и душевное состояние в тот ответственный момент отражены в рапорте сотрудника 4-го Управления, обеспечивающего переброску Демьянова за линию фронта: «Переброска обеспечивалась ОМСБОНОм войск НКВД (начальник — полковник М.Ф. Орлов³⁴⁵). Предполагалась 14 февраля, осуществлена — 17 февраля 1942 года в районе боевых действий 36-й стрелковой бригады 5-й армии Западного фронта. За организацию переброски по линии 4-го Управления отвечал начальник 9-го отделения 2-го отдела лейтенант ГБ Комаров. Из рапорта Комарова Судоплатову от 17 февраля: «В течение всего времени, занимавшего подготовку к операции, “Гейне” чувствовал себя хорошо, настроение его было бодрое, приподнятое, чувствовалась твердая уверенность в успешном выполнении задания».

Как и рассчитали на Лубянке, «Гейне» как представитель антисоветской подпольной организации заинтересовал абвер. Прежде чем поверить легенде, немецкая контрразведка тщательно проверила Александра Демьянова, вплоть до имитации расстрела. Однако выдержка, логичность легенды, скрупулезно разработанной НКВД, подкрепленная реально существующими лицами, были настолько убедительны, что абверовцы довольно скоро поверили нашему разведчику.

Спустя два дня после заброски «Гейне» в расположение немецких войск, 19 февраля, в 4-е Управление из 2-го спецотдела поступило сообщение о том, что условный сигнал от нашего агента получен. О подтверждении благополучного прибытия «Гейне» Судоплатов в тот же день доложил заместителю наркома внутренних дел СССР Всеволоду Меркулову.

Таким образом, путь в «Сатурн» (разведорган группы армий «Центр») был проложен, игра с абвером началась. В дальнейшем вся информация, поступающая от корреспондента — «Гейне», — немедленно докладывалась начальником 4-го Управления НКВД СССР лично наркому Лаврентию Берии.

Немецкая разведка присвоила «Гейне» псевдоним «Александр» («Алекс») и отправила на нашу территорию, снабдив радиопередатчиком, деньгами и другим шпионским оборудованием. Задание «Алекса — Гейне» состояло в следующем: во-первых, активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, всячески восхваляя гитлеровскую армию и «новый европейский порядок»; во-вторых, вести агитацию за немедленное окончание войны; в-третьих, вернуть диверсионную и саботажническую деятельность и, в-четвертых, при-

ступить к созданию подпольных ячеек организации в промышленных и областных городах СССР.

Ответный ход НКВД заключался в попытке вызвать интерес Берлина к «Монастырю» и вызове постоянного представителя немецкой разведки в Москву для переговоров с «антибольшевистским подпольем».

В интервью корреспонденту московской газеты «Трибуна» в январе 2002 года один из участников операции «Березино», подполковник в отставке Игорь Александрович Щорс³⁴⁶ рассказал некоторые интересные эпизоды этой радиоигры. По легенде, Демьянов передал в центр, что ему удалось устроиться в Наркомат путей сообщения:

«Тот, кто знает о передвижении войск и техники по железным дорогам, может проникнуть в стратегические замыслы противника, — рассказывает Игорь Александрович Щорс. — В этой игре, которую наша разведка затеяла с абвером, Демьянову отводилась важная роль. Он должен был передавать такие радиogramмы, которые создавали бы ложное впечатление о том, где на самом деле скапливаются наши резервы...

Александр Петрович передает немцам шифровку о том, что ему якобы стало известно, будто составы с живой силой и техникой движутся в направлении города Р. То есть туда, где на самом деле не планируется наступление наших войск. На самом деле по путям, указанным в радиogramмах, шли платформы с бревнами, покрытыми брезентом, наглухо закрытые теплушки. Их пускали на тот случай, если кто-то, о ком нам неизвестно, тоже ведет наблюдение за железной дорогой и проверят сообщения Демьянова»³⁴⁷.

В Смоленске, куда доставили Демьянова, немецкие контрразведчики обучили работе на ключе, снабдили шифром, разработали условия связи с центром. Почти через месяц, 15 марта, «Гейне» еще с одним немецким диверсантом был выброшен на парашюте в советском тылу.

На следующий день Судоплатов доложил наркому Берии, что от заместителя начальника УНКВД по Ярославской области по ВЧ поступило сообщение о явке в УНКВД агента 4-го Управления «Гейне», приземлившегося накануне на парашюте в 24:00 15 марта в районе селения Аболкино Орешинского района. «Гейне» сообщил, что вместе с ним был сброшен агент немецкой разведки «58/6» с радиостанцией и вооруженный наганом. НКВД принял необходимые меры к задержанию второго парашютиста.

19 марта «Гейне» представил Судоплатову подробный, 85-страничный доклад о «визите» в абвер и своем путешествии по оккупированной территории. Так, например, «Гейне» поведал о непредвиденных обстоятельствах, с которыми он столкнулся при переходе через линию фронта: «Когда разведчики ушли, я постарался подальше отойти от места, где с ними расстался, т. к. опасался, что немцы смогут обнаружить следы многих лыж. По словам разведчиков, до немецкой огневой точки от места расставания было не больше ста, ста пятидесяти метров... Когда окончательно рассвело, я привязал на палку полотенце, встал и пошел в сторону немцев. Как только я вышел из кустарника, по мне начали стрелять, при этом огонь вели не только с той огневой точки у левого конца проволочного заграждения, но и с двух высот, на которых также были две огневых точки, вопреки данным нашей разведки. При этом выяснилось, что до ближайшей огневой точки у конца прово-

лочных заграждений не меньше шестисот метров. Приседая, когда огонь усиливался, и размахивая палкой с полотенцем, я двигался вперед.

Огонь не причинил мне никакого вреда и прекратился, когда я подошел ближе. Мне стали видны темные фигурки высыпавших немцев к краю проволочного заграждения, которые что-то кричали и махали руками. Подойдя еще ближе, я понял, что они хотят дать мне понять, чтобы я забирал левее. Подойдя к концу заграждения, я был окружен немецкими солдатами, которые повели меня по ходу сообщения, вырытому в снегу. Обыска они не производили, а только один из них на ломаном русском языке спросил, есть ли у меня оружие, на что я ответил отрицательно. Привели меня в блиндаж, куда сейчас же явился переводчик... Офицер через переводчика задал мне вопросы: Кто я такой? Откуда и почему перешел линию фронта? На это я ответил, что инженер из Москвы, прибыл сюда с важным сообщением для германского командования. Все это офицер немедленно стал сообщать по телефону, который был в блиндаже, при этом я обратил внимание, что он несколько раз подчеркнул, что я штатский, инженер, интеллигент и что я шел по минному полю, которое было перед проволочными заграждениями. Оказывается, когда я к ним приближался, кричали о том, что там прохода нет. Очень велико было их удивление, что я благополучно миновал минное поле». Судьба, видимо, покровительствовала отважному разведчику.

В рассказе «Гейне» особое внимание НКВД привлекла информация о результатах бомбежек советской авиации Минска, особенно в районе Дома правительства, где разместились высшие оккупационные власти: «Налет советской авиации производит на противника сильное впечатление. Каждый налет вызывает большую панику среди солдат и офицеров, пытающихся скрыться куда попало и поднимающих беспорядочную стрельбу из автоматов и винтовок. Немецкие солдаты и местные жители, с которыми беседовал источник, говорят, что “прицельность советской авиации гораздо выше немецкой, также как и качество советских бомб”». На документе сохранились резолюции: 1) «Насчет результатов бомбежек послать тов. Сталину. Л. Берия. 23/III [19]42 г.»; 2) «Исполнено — сообщено тт. Сталину, ком[андующему] Военно-возд[душными] силами Кр[асной] Армии т. Жигареву³⁴⁸ и нач[альнику] Дальней авиации т. Голованову³⁴⁹ за № 495/6 от 27/III-[19]42 г. Копия сообщения хранится в 9-м отделении 2-го отдела. Маглярский. 28/III-[19]42 г.».

27 марта в сообщении о поездке за линию фронта «Гейне» рассказал, как осуществлялась его проверка в германской военной разведке: «После этого Кауфман опять несколько раз предлагал мне сознаться в том, что я послан НКВД. На все это я ответил, что если бы знал, что со мной так будут разговаривать и обвинять еще в связи с НКВД, то я ни за что сюда не пришел бы. На это Кауфман заявил мне: “Вы будете поставлены к стенке, если не сознаетесь, даю Вам полчаса на размышление”».

После этого обер-лейтенант отвел меня в комнату, где я ночевал, и оставил одного, в комнате по-прежнему на стенах висели винтовки и автоматы. Прошло больше полчаса, а за мной никто не шел, я решил лечь на кровать. Через некоторое время за мной пришел обер-лейтенант с двумя солдатами, предложил следовать за ними, предварительно сказав, чтобы я одел пальто. Солдаты вывели меня во двор, поставили у стенки, а сами отошли к не遠далеке стоявшим обер-лейтенанту и Кауфману.

Таким образом мы простояли минут 10, после чего меня привели в комнату, где раньше был на допросе, предложили снять пальто, угостили сигаретами, а Кауфман достал бутылку французского коньяка и стал со мной выпивать. Потом он позвал переводчика Яшу и начал беседу со мной о продовольственном положении в Москве, удивлялся ценами, записывал их к себе в блокнот».

В донесениях «Гейне» о положении гражданского населения на временно оккупированной территории Советского Союза: «Будучи в Смоленске, я не видел там ни одного еврея. В Минске в окно я видел, как гнали на работу колонну евреев, одетых частью в заграничную одежду, частью в тряпки. Вид их был ужасен. Среди них было много молоденьких девушек-подростков и стариков, еле волочущих ноги, падающих от слабости. Охрана поднимала их ударами ног. У всех у них были нашиты на груди и спине желтые шестиконечные звезды со словами "Иуда".

Хозяйка квартиры рассказала мне, что это евреи из Гамбурга, которых привезли в Минск в количестве семьдесят пять тысяч человек и что сейчас их осталось только тысяч пятнадцать, т. к. за это время было уже три погрома, организованных немецко-литовско-русской полицией. Последний погром был первого марта.

В Минске евреи живут в гетто, которое обнесено колючей проволокой и имеется только один вход и выход. Гамбургские евреи отделены от местных. Кроме полиции из русских, немцев и литовцев, для гетто имеется еще полиция из евреев, которая лупит евреев резиновыми палками. Пищу получают только работающие евреи. На день им дают полкотелка баланды, которую они несут с работы, чтобы кормить детей, стариков и больных. Всякие сношения населения с ними, а также гамбургских евреев с местными строго караются.

Во время еврейских погромов происходит повальный грабеж остатков уцелевшего от последнего погрома имущества и массовые убийства. При этом тысячи человек выгоняются за город, где они себе сами роют яму, после чего их расстреливают из пулеметов и заставляют оставшихся в живых складывать трупы в яму, среди которых есть также и раненые. После чего яму заливают керосином и поджигают.

Хозяйка показала мне в окно место, где был дом, в который загнали много евреев, после чего его подожгли. Пытавшихся бежать из дома тут же пристреливали.

Хозяйка говорила о том, что население страшно ненавидит немцев за подобные зверства, что в Минске много случаев, когда люди сели и сходили с ума, увидев обращение немцев с евреями и нашими пленными, которых они в большом количестве перестреляли прямо на улицах. Говорила она также о том, что в Минском гетто много евреев, не выдержав зверств, кончают жизнь самоубийством».

28 марта на основе полученных от «Гейне» сведений Судоплатов направил докладную записку заместителю наркома внутренних дел СССР:

«17 февраля с. г. за линию фронта на Гжатском направлении по агентурному делу "Монастырь" был переброшен агент 4-го Управления НКВД СССР "Гейне" под видом курьера существующей в Москве церковно-монархической группы.

Направляя нашего агента к немцам от имени организации, мы имели в виду следующие задачи: 1) создать канал, по которому можно будет забрасывать нашу

специальную агентуру в Германию и на оккупированную территорию; 2) дезинформировать германское командование о положении в СССР; 3) выяснить круг вопросов, интересующих германскую разведку в СССР.

Находясь на оккупированной территории в течение месяца, «Гейне» побывал в Гжатске, Смоленске и Минске.

15 марта с. г. «Гейне» с минского аэродрома на самолете был доставлен на нашу территорию и сброшен на парашюте в районе Рыбинска Ярославской области. Вместе с «Гейне» в самолете следовал германский разведчик-радиотехник с рацией под кличкой «Краснов», прошедший специальную подготовку в Варшавской разведывательной школе.

На основании информации «Гейне» принятыми УНКВД по Ярославской области мерами «Краснов» был обнаружен, арестован и доставлен в Москву.

«Гейне» получил задание Смоленского разведывательного пункта вести на нашей территории активную военно-политическую разведку. Кроме того, он привез указания для монархической группы, заключающиеся в следующем: 1) активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, всячески восхваляя гитлеровскую Германию и «новый европейский порядок»; 2) вести агитацию за немедленное окончание войны; 3) развернуть диверсионную и саботажническую деятельность; 4) приступить к созданию подпольных ячеек организации в промышленных и областных городах СССР.

Согласно легенде «Гейне» сообщил немцам, что организацией, от имени которой он послан, сконструирован в Москве радиопередатчик, который не может действовать из-за отсутствия кварцев. Перед отъездом немцы вручили «Гейне» кварцы и телеграфный ключ, прося наладить регулярную работу передатчика.

Для того чтобы «Гейне» мог сам работать на передатчике, его в течение двух недель обучали в Смоленске два немецких инструктора-радиотехника. Для передачи разведывательных сведений по радио немцы снабдили «Гейне» двумя шифрами и позывными.

Обер-лейтенант из Смоленского разведывательного пункта, который непосредственно работал с «Гейне», обещал для развертывания диверсионной работы прислать в Москву необходимое оружие, взрывчатые вещества и специальных людей.

В качестве явки германской агентуры, которая будет направлена в Москву, «Гейне» сообщил немцам заранее подготовленный нами адрес отца его жены.

«Гейне» отмечает большой интерес, проявленный работниками Смоленского разведывательного пункта в отношении формирования кавалерийских частей Красной армии и наличия войск союзников на Западном фронте, и в частности в Москве. Кроме того, немцы настойчиво просили «Гейне» регулярно информировать их о результатах бомбежки Москвы, точно указывая, где упали и что разрушили германские бомбы.

В Гжатске, Смоленске и Минске «Гейне» собрал заслуживающие внимания военно-политические разведывательные данные.

В связи с тем что посылка «Гейне» за линию фронта дала положительные результаты, позволяющие рассчитывать на реализацию всех намеченных нами по этой легенде задач, целесообразно дальнейшую игру с германской разведкой продолжать.

В целях укрепления легенды и положения «Гейне» в германских разведорганах следовало бы в ближайшие дни начать регулярную передачу немцам дезинформационных материалов»³⁵⁰.

Первый сеанс радиосвязи «Алекса — Гейне» с центром состоялся 9 апреля: «Сбросили вместо Пушкино в районе Рыбинск, оттуда с трудом добрался 30. Ваши указания о работе переданы руководству. Никого сейчас не присылайте, ибо контроль всюду усилен. Слушайте меня между 15 и 20 этого месяца. Александр». Позывной «Гейне» — «and» (вероятно, сокращ. от «Александр»), немецкого разведцентра в Смоленске — «gzd».

В ответ 30 апреля пришла радиограмма с заданием от центра: «Нам интересно формирование новых частей, транспорт с отметкой направлений, даты, грузовые колонны». Приказание абвера была «исполнено», немецкая разведка в больших количествах стала получать дезинформацию, подготовленную 4-м Управлением НКВД совместно с Разведупром РККА. Вскоре «чужим» сообщили о недостатке бумаги для листовок, оружия, взрывчатых веществ и денег. Предупредили, что радиogramмы впредь будут подписываться «Престол» (позывной руководителя организации Садовского). В ответной радиограмме центр просил подыскать место для сброса «материала».

Сотрудники 4-го Управления НКВД СССР продолжали плотно «опекать» Бориса Садовского и его окружение, выясняя их отношение к происходившим событиям. Из донесения от 10 мая: «9/IV-[19]42 г. вечером я, мой муж, Алексей Алексеевич и его жена Вера Сергеевна посетили Бориса Александровича Садовского и его жену Надежду Ивановну. Нас встретили приветливо. Садовский и его жена с большим интересом слушали рассказ моего мужа. Основные вопросы заинтересовали их следующие: “Скоро ли немцы займут Москву, когда начнется наступление, где находится в настоящее время линия фронта, какие настроения у немцев по поводу заключения мира, кого назначить кандидатом на русский престол, не остановят ли немцы своего наступления на уже занятых позициях (речь идет о том, что немцев удовлетворит Украина и они не стремятся занять Москву...)”.

Садовский всячески приветствует поведение и действия фашистской армии. Он считает, что только “железом и кровью” можно добиться нужных результатов, т. е. уничтожения социализма и наведения “порядка в России”. “Жестокость необходима, тот, кто не покоряется немцам, должен быть уничтожен”, — говорит Садовский...

Без возражений Садовский согласился на шпионаж. Главным образом, его интересовало — материальное обеспечение для поддержания его брэнного тела и развития организации (он боится — “не выдержать тяжести лишений, голода и т. д.”). Сообщения... о связи с немцами по радио — убедили Садовского в реальной возможности активизировать работу. В целях расширения организации он предложил использовать своих родного и двоюродного братьев... Мы старались ободрить ее и Садовского, рассеять их замогильно-пессимистические настроения. Уходя, мы условились встретиться в ближайшие дни и обсудить еще раз план действий. Видимо, — этот полуразложившийся урод и его подруга остались довольны нашим посещением».

11 июня немцам была передана очередная порция «дезы»; в шифровке сообщалось: «Из военных кругов известно большевики собираются организовать массовый воздушный налет на Германию с новыми бомбами большой взрывной силы,

предназначенный для разрушения промышленных предприятий. Этим целям Сибири и Алтае подготовлен специальный воздушный флот, тренирующийся сейчас полетах больших высотах. Большевистские газеты полны подробностями об английских налетах на Кельн и Эссен. Престол».

С целью недопущения массированного налета на Москву в годовщину вторжения в СССР 21 июня по рации корреспондента «and» в центр передана радиограмма: «В Москве распространены слухи о готовящемся на город большом налете. Из достоверных источников известно, что в Москве и окружающих ее районах в июне мес. велась интенсивная подготовка по обеспечению к 22 июня необходимых средств противодействия массовому налету авиации на Москву. В самом городе и вокруг него сконцентрировано большое количество новой истребительной авиации и зенитных средств, по качеству и количеству во много раз превышающих зимний период 1942. По линии ПВО будут применены новые технические средства, позволяющие на широком фронте и большой высоте, порядка 7–8 километров, перехватывать самолеты». Дезинформация противника была согласована с «тов. Бодиним и Панфиловым», т. е. с Оперативным управлением Генштаба и Главным разведывательным управлением РККА.

9 июля — следующая «деза»: «Осведомленное лицо сообщило, что в конце июля ожидается прибытие около двух тысяч самолетов из Англии и Америки. Американские самолеты будут якобы доставляться через порты и воздухом. Советская авиапромышленность улучшила свою работу, выпуск самолетов системы ЯК, МИГ, ИЛ достигает примерно 2500–3000 штук в месяц. Александр».

2 августа противнику передали: «По словам инженера танкопромышленности, июне выпущено 4500 танков, превалируют КВ и Т-34. В городе среди населения воинских частей принимаются активные меры химической защиты, проводится подготовка на случай химического нападения. Военные говорят, готовится мощный ответный удар, если немцы прибегнут к химии. Александр».

Вероятно, в целях проверки искренности «Гейне» «Центр» попросил уточнить, что за учреждение находится в Москве, Кировская улица, номер двадцать шесть и чем оно занимается? «Гейне» в ответ радировал: «Кировская, 26. Главный почтамт. Нужен портативный сетевой передатчик на сто двадцать вольт, пятьдесят герц, мощностью около двадцати ватт. Случае отсутствия энергии желательно также батарейный. Престол». Немцы полностью поверили в информацию, получаемую от «Гейне — Александра».

В начале августа 1942 года «Гейне» сообщил немцам, что имеющийся в организации передатчик приходит в негодность и требует замены. 24 августа на явочную квартиру двух немецких агентов, переодетых в форму лейтенантов Красной армии, которые привезли «Гейне» 10 тыс. рублей, продукты, радиостанцию и пр. Задержанными оказались немецкие агенты Станкевич И.П.³⁵¹ и Шакулов И.Е.³⁵² Они сообщили о месте спрятанной ими рации. Первая группа немецких агентов оставалась на свободе в течение десяти дней, чтобы чекисты смогли проверить их явки и узнать, не имеют ли они связей еще с кем-то. Потом связников негласно арестовали, доставленную ими рацию нашли. А немцам «Гейне» радировал, что курьеры прибыли, но переданная рация повреждена при приземлении. Это стало еще одним подтверждением, что центр доверяет своему «агенту».

Советские контрразведчики без труда зафиксировали интерес командования группы армий «Центр» к району Ржева. Как было видно из поступающих от «Са-

турна» заданий, противник был крайне заинтересован в получении сведений о концентрации советских войск в районе Ржева. Об этом, например, свидетельствуют следующие строки из рапорта начальника 4-го Управления НКВД СССР П.А. Судоплатова наркому внутренних дел Союза ССР Л.П. Берии от 18 сентября 1942 года:

«24 августа в 7 часов вечера в Москву, на подставленный немцам по агентурному делу “Монастырь” явочный адрес явились два германских разведчика, посланных одним из руководителей Смоленского разведцентра, капитаном германской армии — доктором Адлер к нашему агенту “Гейне”... В беседе с “Гейне” они сообщили, что прибыли на срок до трех недель специально для сбора разведывательных данных о движении войск, боеприпасов и техники по ржевскому и вяземскому направлениям, ибо якобы в первых числах сентября немцы готовят серьезное наступление на Москву на ржевском участке...»

Выполняя задания «Сатурна», противнику 27 августа передали радиogramму с дезинформацией о передвижении эшелонов из Москвы: «Привет от Березкина Некрасова от Моск[вы] к Ржеву четыре [эшелона] по семьдесят сред[них] танков. От Ржева к Мск один пех[отный] полк и сто шестьдесят авто, еще два эшелона раненых. Всего в день проходят около десяти эшелонов к Ржеву. Получил пять тысяч, больше ничего, благодарю за внимание. Александр».

В этот период войска Красной армии провели первую, а чуть позднее вторую Ржевско-Сычевские операции 1942 года³⁵³ против группы армий «Центр».

Следующая радиogramма, в которой вновь фигурировал Ржев, была направлена 7 сентября: «Березкин радиостанцию не привез и ясного объяснения, куда ее дел, не дает. Некрасов ведет себя плохо, много пьет, часто отлучается. От Москвы [на] Вязьму период седьмого по десятое четыре эшелона ночь командами пополнения. На Ржев эти же дни проследовало по пять-шесть эшелонов [в] ночь, состав выяснить не удалось. Наблюдение за вокзалами весьма затруднено. Днями знакомлю Б[ерезкина] моими руководителями. Если не пришлете передатчик, регулярно работать не смогу. Александр». На документе справка: «Военные данные согласованы с зам[естителем] нач[альника] Генштаба КА тов. Ивановым 11.9.[19]42 г. Маклярский».

Через два месяца из-за линии фронта явились еще два связника с двумя радиопередатчиками и различным шпионским снаряжением. Они имели задание не только помочь «Гейне», но и самим обосноваться в Москве, собирать и передавать по второй радиации свою развединформацию.

7 октября 1942 года в Москву явились еще два курьера (Зобач³⁵⁴ и Шалаев³⁵⁵). Оба агента были перевербованы, а в абверовский разведцентр сообщили, что связники добрались успешно и приступили к выполнению задания. С этого момента операция развивалась по двум направлениям: с одной стороны — от имени монархической организации «Престол», с другой — от агентов абвера Зобача и Шалаева, якобы опирающихся на собственные связи в Москве. По существу, это стало началом новой фазы операции, позднее получившей наименование «Курьеры».

Несмотря на тяжелое положение, в котором оказалась страна в первые месяцы войны, советской контрразведке материальные трудности не угрожали. В конце октября 1942-го Маклярский докладывал Судоплатову рапортом свои предложения о расходовании денежных средств, полученных от абвера: «В результате проведенной комбинации по агентурному делу “Монастырь” у четырех арестованных немецких шпионов изъято 57 005 р. 50 к. (пятьдесят семь тысяч пять рублей 50 к.).

Прошу Вашего разрешения о выдаче вознаграждения из отобранных денег работавшим по этому делу агентам... Через агента «Гейне» вручить писателю Садовскому 1000 (одну тысячу) рублей (разновременно). Для будущих расходов по делу «Монастырь» оставить фонд в 20 000 рублей. Остальные деньги в сумме 28 005 руб. 50 коп. сдать в Госфонд». Таким образом, немецкая разведка невольно взяла на свое «финансовое довольствие» контрразведывательные мероприятия Лубянки.

Принимая во внимание потребности противника в информации о железнодорожных перевозках через Москву, чекисты затребовали все более крупные денежные суммы. Так, в шифровке, переданной немцам 22 ноября, с гордостью сообщалось: «Реализуя указания направить усилия на сбор военных сведений, мы достигли некоторых успехов, обзаведясь соответствующими источниками... Присланные нам 25 тысяч рублей настолько мизерная сумма, что ни о каком развертывании работы не может быть и речи. Источник из НКПС, занимающий там ответственную должность и имеющий доступ к военным перевозкам по России, вчера заявил, что в дальнейшем он может работать с нами только за деньги... Как нам быть. На развертывание работы, оплату лиц, которых мы используем, на содержание «Б»* и его связей нам нужно 500 тысяч рублей. Всего мы хотели бы получить 800 тысяч рублей, ценности и материалы для пропаганды... Престол». Поставленные условия германский разведцентр принял, но посетовал, что доставить требуемую сумму сможет только двумя посылками...

Одновременно Лубянка получила подтверждение того, что передаваемая по линии «Монастыря» дезинформация достигла цели. Радиконтрразведка НКВД перехватила и расшифровала радиограмму из Смоленского разведцентра абвера, адресованную в его ржевский филиал: «Надежный агент разведки передает 17.XI. [1942] сведения, полученные от доверенного лица в Комиссариате путей сообщения: «Прибывающие с востока эшелоны с войсками немедленно переводятся в Москву на окружную дорогу и идут дальше, главным образом в южном направлении». Армейская группа оповещена».

В этой связи 27 ноября Судоплатов докладывал Берии: «1. Приведенные в этой депеше сведения являются нашей дезой, которую мы передали немцам по указанию Генерального штаба Красной армии; 2. «Надежный агент» разведки — это наш агент «Гейне»; 3. «Доверенное лицо в НКПС» — наша подстава. Для перехвата очередных курьеров германской разведки считаем целесообразным дать явку немцам в гор. Горьком...»

В том же ноябре 1942 года в ответ на запрос «чужих» о возможности расширения географии организации «Престол» за счет городов Ярославля, Мурома и Рязани и направления туда агентуры для дальнейшей работы «Гейне» передал, что лучше подходит Нижний Новгород, где создана ячейка «Престола».

Немцы согласились на это, а наши контрразведчики в свою очередь позаботились о «встрече» курьеров. Удовлетворяя запросы абверовцев, чекисты продолжали направлять немцам обширную дезинформацию, готовившуюся в Генштабе Красной армии, а на подставные явочные квартиры вызывались все новые и новые агенты вражеской разведки.

В Берлине были очень довольны работой «Алекса» и внедренной с его помощью агентуры. 18 декабря адмирал Вильгельм Канарис поздравил своего москов-

* «Б» — агент-курьер германской военной разведки «Березкин», арестованный советской контрразведкой во время операции «Монастырь».

ского резидента с награждением «Крестом военных заслуг» с мечами 2-го класса (в бронзе).

О «награждении» Демьянова лично адмиралом Канарисом рапортом в тот же день начальники 4-го и 2-го управлений НКВД доложили наркому внутренних дел СССР. В документе говорилось: «18 декабря с. г. по известному Вам агентурному делу “Монастырь” немцы передали адресованную “Гейне” следующую радиограмму: “За вашу храбрость вам и Б[резкину] присвоили орден с мечами радостью ожидаем день выдачи вам этой декорации”... Орден Kriegsverdienstkreuz (Крест за военные заслуги) с мечами выдается за отличия при боевом соприкосновении с противником, без мечей этот орден выдают за военные заслуги, не связанные с непосредственным соприкосновением с врагом (образец ордена прилагается)...»

В ответ немцам радировали: «Награждение нашего молодого друга нас всех глубоко тронуло. Ваша награда свидетельствует, что наш скромный вклад в дело борьбы с большевиками помогает славным вооруженным силам Германии. Александр с любовью вспоминает дни, проведенные у Вас, и это воодушевляет его на подвиги во имя нашего общего дела. Да здравствует освобожденная Россия — союзница великого Германского государства. Престол».

Настал 1943-й год, год коренного перелома войны. Немецкий и советский генеральные штабы спешно разрабатывали планы летней кампании, одновременно шла напряженная работа разведок с целью разгадать намерения противника.

Свой вклад в подготовку летнего наступления Красной армии 1943-го внесли и советские спецслужбы, в том числе и в ходе операции «Монастырь». О продвижении стратегической дезинформации противнику и планах по развитию радиогрифы начальники 2-го и 4-го управлений НКВД не реже одного раза в месяц сообщали рапортом наркому внутренних дел СССР.

30 января в очередном рапорте наркому сообщалось о проведенной работе и ближайших планах развития игры... В этот же день от противника были приняты радиограммы: «1. “Не вводите в заблуждение происшествиями, говорим Вам потому, что мы сами от себя зависим. Наша забота и помощь Вам вполне обеспечена, так как мы Вам и Вашей работе вполне доверяем. Выдержите, придет и наше время. Важно узнать, сколько транспортов ежемесячно прибывает в Мурманск и Архангельск и куда они дальше направляются. Сношения с профессором так уложите, чтобы разговор о высокой продукции танков в России и о количестве присланных танков из Англии и Америки не показался ему подозрительным. Когда приобретете его доверие, тогда он все скажет. КАП”. 2. “Постарайтесь точно узнать, куда назначены транспорты, о которых Вы нам сообщили: на Ржев или Калугу. КАП”».

В результате перестройки работы органов госбезопасности директивой НКВД СССР и НКГБ СССР № 232/3 от 11 мая 1943 года был организован Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ) путем выделения из Народного комиссариата внутренних дел СССР оперативно-чеккистских управлений и отделов.

На Народный комиссариат государственной безопасности возложено выполнение следующих задач: а) ведение разведывательной работы за границей; б) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятель-

* Так в документе.

ностью иностранных разведок внутри СССР (за исключением частей Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД); в) борьба со всякого рода антисоветскими элементами и проявлениями среди различных слоев населения СССР, в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и т. д.; г) охрана руководящих кадров партии и правительства»³⁵⁶. В дальнейшем всю разработку операции «Монастырь – Курьеры – Березино» продолжило 4-е Управление НКГБ СССР под руководством Павла Судоплатова.

Вернемся к нашему рассказу об операции «Монастырь». Интерес «Сатурна» к положению в районе Ржева был легко объясним. Противник ждал от своих агентов сообщений о направлении основных перебросок советских войск и техники на ржевском и вяземском направлениях. В этот период времени части Калининского и Западного фронтов напряженно готовились к проведению Ржевско-Вяземской операции 1943 года³⁵⁷.

Дезинформация, передаваемая в «Сатурн», строилась с расчетом, чтобы германская разведка не потеряла интереса к получаемым сведениям. Учитывая, что для определения направления ударов Красной армии противник внимательно следит за передвижениями советского высшего комсостава, 28 мая, накануне контрнаступления на Курской дуге, передали в «Сатурн» радиограмму:

«Источник из НКПС передал нам, что со слов близкого знакомого, ответственного сотрудника Управления Казанской дороги, 27 мая из Москвы в направлении Ростов специальным поездом выехал маршал Жуков, которого сопровождают несколько генералов и офицеров. В составе поезда три платформы с зенитными пушками и пулеметами». Текст дезинформации был подписан заместителем начальника Генштаба КА генерал-полковником Антоновым. На документе была помета: «Указанный текст необходимо передать противнику не позднее 29 мая 1943 года». Передачу санкционировал замнаркома госбезопасности Б.З. Кобулов.

28 июля начальники УНКВД и УНКГБ по Московской области направили замнаркома госбезопасности СССР совместное спецсообщение о задержании двух курьеров германской военной разведки по делу «Монастырь»:

«26 июля 1943 года около 23 часов близ деревни Таксино Высоковского района Московской области с немецкого самолета были сброшены два парашютиста:

1. Чернышов Г.Т. (клички “Медынин” и “Медведев”)³⁵⁸, 1906 года рождения, уроженец деревни Славная Мелеузовского района Башкирской АССР, бывший кандидат в члены ВКП(б), с 1942 года до мобилизации в Красную армию проживал в городе Курган-Тюбе Таджикской ССР, где работал на хлопкозаводе № 87 товароведом по хлопку, в 1932 году по ст. 111³⁵⁹ УК РСФСР был осужден на 5 лет лишения свободы, наказание отбывал в Бамлаге (строительство Байкало-Амурской магистрали), бывший старший телефонист 1268-го стрелкового полка 385-й дивизии.

2. Кончиц П.Г. (клички “Кузнецов” и “Кочетов”)³⁶⁰, 1908 года рождения, уроженец деревни Рысловья Светличевского района Белорусской ССР, бывший член ВКП(б) с 1938 года, до мобилизации в Красную армию проживал в деревне Михайловка Богатольского района Красноярского края, бывший ответственный секретарь партбюро учебного батальона 228-й стрелковой дивизии.

Оба парашютиста были одеты в форму военнослужащих Красной армии — Чернышов с погонами сержанта связи и Кончиц с погонами старшего сержанта связи.

27 июля с/года около 6 часов Чернышов и Кончиц явились к председателю колхоза деревни Таксино.

На допросе Чернышов и Кончиц показали, что первый из них попал в плен к немцам 27 февраля 1943 года под городом Людиново Орловской области, а второй — 22 июля 1942 года под Ростовом-на-Дону.

Находясь вместе в немецком лагере для военнопленных в городе Гомеле, Чернышов и Кончиц 4 мая 1943 года были завербованы немецкой разведкой.

10 июня с/года они были направлены в разведывательную школу, расположенную в 6 километрах от города Борисов, в которой обучались до 17 июля.

26 июля в 21 час Чернышов и Кончиц вылетели на самолете из Смоленска и около 23 часов были сброшены на парашютах близ деревни Таксино.

От немецкой разведки они получили задание пробраться в город Москву, явиться по адресу Клементьевская улица, дом № 8, кв. 9 и вручить некоему Онанш Валентине Владимировне для передачи «Татьяне» 5 засургученных пакетов.

По выполнении задания Чернышов и Кончиц должны были через линию фронта за Вязьмой возвратиться к немцам, собирая по пути следования сведения о сосредоточении частей Красной армии, их вооружении и т. п.

При вскрытии изъятых пакетов у Чернышова и Кончица засургученных пакетов, которые они должны были передать Онанш, в них оказалось: зашифрованное письмо, 20 чистых бланков командировочных предписаний с печатью штаба 247-й стрелковой дивизии, чистый бланк пропуска для беспрепятственного хождения по городу Москва позже 24 часов с печатью Управления коменданта города Москвы, фашистские листовки, брошюры, иллюстрированные журналы, а также около 200 000 рублей советских денег. Кроме того, у Чернышова и Кончица изъяты две винтовки с 60 боевыми патронами и выданные им фиктивные документы на имя Кочетова П.Г. и Медынина Г.Т. (красноармейские книжки, командировочные предписания, требования на проезд по железной дороге, продовольственные и денежные аттестаты и другие), 2 медали «За отвагу», а также 1000 рублей советских денег.

Как показали Чернышов и Кончиц, в ночь на 27 июля с/года с немецкого самолета на территорию Карелии были выброшены обучавшиеся вместе с ними в одной школе парашютисты-радисты, известные им под кличками «Тихин», лет 28–30, одетый в форму военнослужащего Красной армии с погонами капитана, и «Орлов», лет 30–32, с погонами лейтенанта. Оба вооружены револьверами или пистолетами.

Приложение: 5 экземпляров фашистских листовок, брошюр и иллюстрированных журналов».

3 августа противнику радиовали: «Первого августа Ваш курьер в военной форме вручил Валентине Владимировне посылку и сразу удалился, мы даже не успели побеседовать с ним по ряду интересующих нас вопросов. В посылке находились материалы для пропаганды, документы для Б., новый шифр и пятьдесят тысяч рублей. Благодарим за внимание и материалы для пропаганды. Часть присланных Вами листовок думаем направить в Горький, верная оказия у нас имеется. Престол».

На Лубянке решили использовать присылку пропагандистских материалов для продолжения развития игры, имея в виду реализацию первоначального плана — проникновения в Берлин, в логово германской военной разведки. В этих целях 11 августа немцам направили очередную «шифровку»:

«Присланные Вами материалы для пропаганды свидетельствуют о том, что на освобожденной от большевиков русской земле все шире разгорается пламя освободительной борьбы. С чувством великой радости и национальной русской гордости читали мы листовки “Русской освободительной армии”. Ее речи, ее самое выступление было для нас новым и радостным явлением. Наконец по-настоящему берутся русские руки для свержения длительного и позорного ига большевиков. Однако мы не скроем, что имя грядущего героя освобождения России — генерала Власова в народе пока еще известно недостаточно. Мы считаем, что в данный момент на очереди дня стоит — наряду с максимальной популяризацией имени Власова, осуществить объединение всех активных антибольшевистских сил. Поэтому наша организация, значительно расширившаяся за последнее время, изъявляет желание полностью присоединиться к русскому освободительному движению, чтобы, действуя в тылу у большевиков, подготавливать свержение ненавистного ига коммунизма.

Проблема грядущего устройства России бесконечно волнует всех русских патриотов, и мы, представители русской интеллигенции и православной церкви, понимаем всю ту ответственность за будущее нашей Родины, которую мы несем перед Россией и русским народом. К сожалению, из присланных материалов неясно, как мыслит “Русский комитет” будущее государственное устройство России.

Для определения конкретных путей дальнейшей деятельности нашей организации в общем плане освободительного движения просим помочь установить непосредственную связь с “Русским комитетом”. Престол».

Однако и в этот раз осуществить намеченные планы не удалось. Разведотделу группы армий «Центр» было не до пропаганды. 21 августа из «Сатурна» была получена радиограмма: «Вашу длинную радиограмму получили, сделаем доклад. Всегда помните, что большевизм в конечности только оружием можно победить, поэтому заинтересуйте вашу организацию нашей работой, через нее вам бы легко было обширные военные сведения собирать. Знайте, что мы в тесной связи с вождями новой России, действуем совместно. Ждем вашей активизации. КАП».

11 июля от «чужих» «Кондратьеву» поступило важное разведывательное задание: «Что делают московские воензаводы, где склады боеприпасов, горючего, укрепления, [где в] городе производятся призывы, формирования, обязательно держать связь с Александром, желаем успеха».

Для поддержания авторитета своих агентов, участвовавших в операции «Монастырь», НКГБ СССР совместно с Генштабом Красной армии проводили тщательную работу по подготовке дезинформационных материалов, в том числе по строительству ложных объектов военного значения. Цена игры стала так велика, что руководство НКГБ СССР решило подыграть противнику и «выполнить» его задание от 11 июля об установлении в Подмоскovie наличия складов военного назначения.

Принимая во внимание, что противник имеет в столице и прилегающих к ней районов агентуру, не подконтрольную советской контрразведке, дезинформационные материалы составлялись таким образом, чтобы немцы не могли раскрыть обмана ни агентурным путем, ни данными аэрофоторазведки. 23 августа нарком госбезопасности Меркулов направил в Генштаб служебную записку следующего содержания:

«НКГБ СССР для сообщения противнику по ведущейся радиоигре необходимы дезинформационные данные о наличии в Подмоскovie складов боеприпасов и горючего. По указанию Генштаба — начальник инженерных войск Красной армии — генерал-лейтенант инженерных войск тов. Воробьев разработал подробный план создания фиктивного склада с конкретным указанием места его расположения. НКГБ СССР просит Ваших указаний тов. Воробьеву о немедленном начатии работ по созданию склада».

Летом 1943 года на Лубянке решили, что для развития комбинации с противником необходимо «активизировать» деятельность подпольной организации «Престол». С этой целью в «Сатурн» направили радиogramму, в которой сообщалось, что у членов «Престола» есть возможность создать антисоветскую ячейку в Ленинграде. 23 августа «Гейне» вышел на связь и передал радиogramму:

«В Москву из Ленинграда прибыл наш верный друг, сообщивший, что им создана там ячейка единомышленников, в которую он сумел привлечь ряд интеллигентов, имеющих прочные связи в различных кругах населения. Ленинградские друзья помимо антибольшевистской пропаганды заняты сейчас подготовкой саботажа на военном предприятии. Нам кажется, что они могли бы также вам быть полезными для сбора военных сведений, если бы были обеспечены необходимыми средствами связи. Наш друг задержится в Москве ненадолго, а связь с Ленинградом плохая. Ваше мнение по этому вопросу просьба сообщить в ближайшие дни. В частности, могут ли ленинградские друзья рассчитывать на получение от вас радиопередатчика. Престол».

Ответ не заставил себя ждать. 27 августа от «чужих» была принята шифровка:

«Как вы себе представляете доставку рации. Наши последние курьеры до сих пор не вернулись. Ждем обещанные сведения из Москвы. Берегите питание для воендокладов».

Как видно, в «Сатурне» не были готовы к такому повороту событий. Но на Лубянке все же продолжили начатую комбинацию.

31 августа в центр передали очередной сеанс связи: «Рацию для ленинградских друзей просим доставить по известному вам адресу в Москву, откуда мы надежной оказией отправим ее в Ленинград. Если это вас устраивает, сообщим вам адрес в Ленинграде, куда ваш курьер сможет доставить рацию непосредственно. Престол».

2 сентября «Гейне» вышел в эфир и передал шифровку, в которой выразил недоумение относительно судьбы курьеров:

«Непонятно, почему вы говорите о не явившихся курьерах, тогда как к нам последний раз явился только один курьер, нас это очень беспокоит. Просим сообщить, сколько было курьеров и куда они делись. Также ждем ответа относительно источника из НКПС Л. Мы стараемся передавать вам все военные сведения, которые становятся нам известны, но мы не знаем, представляют ли они для вас интерес. Престол».

В тот же день «Гейне» повторно вышел на связь с центром и сообщил условия доставки радиостанции в Ленинград:

«Нас бы всех устроило, если бы рация для ленинградских друзей была доставлена по адресу нашего друга — Ленинград, улица Герцена, д. 25, квартира 12, спросить Всеволода Алексеевича по паролю “я от Николая Николаевича”. Если же это невозможно, пришлите тогда рацию в Москву по известному вам адресу, откуда постараемся доставить ее в Ленинград. Ждем ответа. Престол».

3 сентября 4-е Управление НКГБ СССР согласовало с Разведуправлением Генштаба Красной армии передачу противнику очередной порции дезинформации. Однако не все сведения были переданы в «Сатурн»:

«1. Большевиками на Уралмаше сконструирован новый танк прорыва, обладающий большой мощностью. Проведенные недавно испытания показали хорошие результаты. В настоящее время приступлено к серийному производству этих танков*.

2. 4 сентября по Казанской дороге на Москву прибыл эшелон в 45 платформ с самолетами. Эшелон передан на Окружную дорогу**.

3. Из Москвы на Брянск*** 6 сентября отправлен эшелон, составленный из 38 цистерн с горючим.

4. 7 сентября наши люди видели двигавшиеся через Серпухов казачьи части около 6000 сабель с тачанками, артиллерией и обозами.

4. 8 сентября на Великие Луки**** отправлено 2 эшелона по 40 вагонов с боеприпасами.

5. 10 сентября на Вязьму отправлено 2 эшелона в 42 и 43 вагона с военными, артиллерией и амуницией и один эшелон в 30 вагонов с военными и мотоциклами.

6. Большевики объявили в печати об организации специальных суворовских корпусов. Комплектование корпусов будет происходить из детей погибших воинов, советских служащих и партизан».

Одновременно в обстановке строгой секретности готовилась «ячейка» в Ленинграде. 5 сентября заместитель наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулов направил начальнику Управления НКГБ по Ленинградской области П.Н. Кубаткину³⁶¹ служебную записку: «В целях расширения “возможностей” легендируемой организации 24 августа т. г. немцам была передана следующая радиограмма:

“В Москву из Ленинграда прибыл наш верный друг, сообщивший, что им создана там ячейка единомышленников, в которую он сумел привлечь ряд интеллигентов, имеющих прочные связи в различных кругах населения. Ленинградские друзья помимо антибольшевистской пропаганды заняты сейчас подготовкой саботажа на военном предприятии. Нам кажется, что они могли бы также вам быть полезными для сбора военных сведений, если бы были обеспечены необходимыми средствами связи. Наш друг задержится в Москве ненадолго, а связь с Ленинградом плохая. Ваше мнение по этому вопросу просьба сообщить в ближайшие дни. В частности, могут ли ленинградские друзья рассчитывать на получение от вас радиопередатчика”.

В ответ на это сообщение противник запросил “организацию”, — “каким образом вы представляете себе доставку рации”, на что 2 сентября т. г. нами был послан следующий ответ: “Нас бы всех устроило, если бы рация для ленинградских друзей была доставлена по адресу нашего друга — Ленинград, улица Герцена, д. 25, квартира 12, спросить Всеволода Алексеевича по паролю “я от Николая Николаевича”. Если же это невозможно, пришлите тогда рацию в Москву по известному вам адресу, откуда постараемся доставить ее в Ленинград. Ждем ответ”.

* Нумерация пунктов изменена. Первый пункт радиogramмы вычеркнут генерал-лейтенантом Ф.Ф. Кузнецовым.

** Слова «передан на Окружную дорогу» заменены на «перенаправлен на Бологое». Слева сбоку добавлено простым карандашом: «Передано б. IX-[19]43 г.»

*** Слова «на Брянск» заменены на «в направлении Старая Русса».

**** Вместо «г. Великие Луки» вставлено «Бологое».

Фигурируемый в телеграмме “Всеволод Алексеевич” является известным Вам агентом НКГБ СССР — “Вилли”, который вводится в легенду как руководитель ленинградской ячейки “организации”. Во время пребывания “Вилли” в Москве он по существу этого задания нами проинструктирован. До получения от немцев радиостанции “Вилли” ничего предпринимать не должен.

Учитывая, что адрес “Вилли” противнику уже сообщен, необходимо срочно провести следующие мероприятия по обеспечению перехвата курьера немецкой разведки, прибытие которого возможно... Без согласования с НКГБ СССР никаких самостоятельных шагов по делу “Монастырь” предпринимать не следует. О принятых Вами мерах и Ваши соображения по составу “ячейки” сообщите начальнику 4-го Управления НКГБ СССР — комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. Судоплатову. Документ в аппарат не спускайте».

13 сентября дезинформация была передана по радию «Гейне» противнику: «7 сентября наши люди видели двигавшиеся через Серпухов казачьи части около 6000 сабель с тачанками, артиллерией и обозами; 8 сентября на Бологое отправлено 2 эшелона по 40 вагонов с боеприпасами; 10 сентября на Вязьму отправлено 2 эшелона в 42 и 43 вагона с военными, артиллерией и амуницией и один эшелон в 30 вагонов с военными и мотоциклами».

14 сентября в 4-е Управление НКГБ СССР поступила служебная записка № 753808 о проделанных мероприятиях по делу «Монастырь»:

«В соответствии с указаниями зам[естителя] народного комиссара государственной безопасности — комиссара государственной безопасности 2-го ранга тов. Кобулова, — нами проведены все необходимые мероприятия по агентурному делу “Монастырь”. <...> Все мероприятия могут быть немедленно осуществлены по получении Ваших указаний <...> Приложение: Справка о проделанных мероприятиях 4-м отделом УНКГБ ЛО».

В состав «ячейки», кроме «Вилли», были включены резиденты: «Арбенин», «Шевченко», «Муратов», «Уральский» и «Ручкин». Руководство ячейкой взяли на себя сотрудники 4-го отдела Управления НКГБ по Ленинградской области.

Наружное наблюдение за «Вилли» осуществляли сотрудники Оперативного отдела УНКГБ ЛО, которые, как и сотрудники 2-го отдела УНКГБ ЛО, разрабатывавшие «Вилли» как «пораженца», не знали, что он выполняет важное задание руководства советской контрразведки.

О результативности дезинформационных мероприятий противника свидетельствует тот факт, что 20 сентября указом ПВС СССР «за образцовое выполнение заданий правительства по охране государственной безопасности в условиях военного времени» Александр Петрович Демьянов награжден орденом Красной Звезды, Алексей Алексеевич Сидоров — орденом «Знак Почета», Татьяна Борисовна Березанцева и Вера Сергеевна Сидорова³⁶² награждены медалью «За боевые заслуги».

21 сентября в 4-е Управление НКГБ СССР из Разведуправления Генштаба Красной армии поступила очередная порция дезинформационных материалов для передачи по станции «Гейне»:

1. Знакомый летчик рассказал: в авиационные части Московского гарнизона ПВО поступили на вооружение новые, сверхскоростные истребители.

2. Наши люди узнали, что в окрестностях Москвы устанавливаются тяжелые зенитные пушки, дальностью которых превышает известную до сих пор.

3. Железнодорожник сообщил, что 21 сентября на Великие Луки отправлен эшелон в 32 платформ с минометами*.

4. Железнодорожник сообщил, что 25 сентября на Бологое отправлен один эшелон в 42 вагона с боеприпасами и эшелон в 37 цистерн с бензином и маслами**.

5. Б[ерезкин] наблюдал 29 сентября вечером движение по Калужскому шоссе на запад, в течение трех часов прошло 190 груженых автомашин, крытых брезентом.

6. 27 сентября в Москву по Казанской дороге прибыл эшелон в 40 платформ с танками и сборный эшелон в 37 платформ с грузовиками и самолетами и 5 вагонов с амуницией.

7. Железнодорожник наблюдал в дни своего дежурства прибытие с юга и востока в Москву большого количества эшелонов с углем, дровами, хлебом и продовольствием.

8. Железнодорожник наблюдал отправку из Москвы во все районы, занимаемые большевистскими войсками, большого количества продовольствия, промтоваров и стройматериалов.

9. Нам стало известно, что Советы мобилизуют медицинских работников и сельскохозяйственных специалистов и направляют их в районы, занимаемые советскими войсками.

10. Вторично из Томска в Москву приехал преподаватель специальной военной школы, где обучаются эстонцы, латыши, поляки и военнопленные немецкие солдаты. Рассказал, что около 300 слушателей окончили школу и часть уже выбыла из Томска. Место назначения окончивших держится в тайне».

В ходе радиоигры советская контрразведка решала и другие необходимые задачи по противодействию противнику. В частности, получала информацию о дислокации разведывательных центров противника. 2 октября начальник 2-го отдела 4-го Управления НКГБ направил служебную записку на имя заместителя начальника отдела «Б» НКГБ СССР полковника госбезопасности В. Блиндермана:

«Просим дать распоряжение запеленговать местонахождение радицентра немецкой разведки, осуществляющего связь с корреспондентами № 13 и 132, которые работают по агентурному делу “Монастырь” и “Курьеры”».

Корреспондентом «№ 13» была радиостанция «Гейне» (А. Демьянов), а «№ 132» — радиостанция «Кондратьева» (Г. Зобач).

Ответ из отдела «Б» поступил оперативно. 6 октября из отдела «Б» НКГБ СССР начальнику 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР:

«Радиоцентр, проводящий связь с корреспондентами № 13 и 132, по пеленгаторным данным на 4/Х-[19]43 г., дислоцируется в районе Минска».

3 октября по радиостанции «Кондратьева» радировали противнику: «Веря в силу и справедливость германского оружия, мы уже с самого начала войны объединили свои заветные чаяния по освобождению России от большевизма с целями германского командования. Позднее, когда нам стало известно о деятельности на освобожденной русской земле “Русского комитета”, мы попросили помочь нам установить контакт с вождями Освободительного движения. Однако все наши просьбы на протяжении более полутора лет остаются без ответа. Ваши указания за все время нашей связи с вами сводились исключительно к сбору военных сведений. В силу этого Совет организации решил запросить вас, заинтересованы ли

* Первые три «дезы» переданы противнику 23 сентября 1943 г.

** «Дезы» 4, 6 и 7 переданы противнику 28 сентября 1943 г.

вы дальнейшей политической деятельностью нашей организации, в утвердительном случае, сможете ли вы обеспечить нас регулярной поддержкой, средствами и оружием. До получения от вас ясного ответа передачу военных и других сведений прекращаем*. Ответ ожидаем 20–25 октября. Престол».

7 октября от «чужих» поступило очередное задание: «Все сведения, которые вы нам даете, важны. Передайте нам типы вооружения, максимальную скорость новых истребителей. Какой калибр и дальность боя имеют новые зенитки. Усильте ваше наблюдение за железными дорогами, нас интересуют эшелоны в направлении Старая Русса и Великие Луки, но и в другие направления. Привет вам».

Вскоре по радиостанции «Кондратьева» вышли в эфир и передали в центр:

«Мы неоднократно сообщали, что наиболее полные сведения о движении эшелонов в интересующих вас направлениях может давать известный вам работник НКПС «Л», однако мы не имеем указаний, как с ним быть. Мы считаем, что «Л» ценный источник и пренебрегать им не следует. До сих пор мы не получили ответ, будет ли доставлен передатчик нашим друзьям в Ленинграде. Присланные вами в июле 50 тысяч рублей уже давно кончились. Без денег работать трудно, учтите, что нам приходится полностью содержать «Б», на что уходит много денег. Ожидаем ответа. Престол».

На Лубянке не теряли надежды на развитие комбинации в Ленинграде. Но в «Сатурне» не слишком заинтересовались этим предложением. К тому же, вероятно, вести разведку на северном фланге советско-германского фронта было не в компетенции «Абверкоманды 103». Под Ленинградом оперировала «Абверкоманда 104» при штабе группы армий «Север».

Параллельно 4-е Управление запросило в Разведупре Генштаба Красной армии новую дезинформацию для передачи противнику. 8 октября начальник 4-го Управления НКГБ направил служебную записку, в которой сообщал о переданных сведениях в разведцентр германской разведки:

«По ведущейся НКГБ СССР радиоигре (известный вам под псевдонимом «Тейне»), с вашего согласия 23 и 28 сентября с. г. были переданы следующие военные сведения:

«Знакомый летчик рассказал: в авиационные части Московского гарнизона ПВО поступили на вооружение новые сверхскоростные истребители. Наши люди узнали, что в окрестностях Москвы устанавливаются тяжелые зенитные пушки, дальнобойность которых превышает известную до сих пор. Железнодорожник сообщил, что 21 сентября на Великие Луки отправлен эшелон в 32 платформы с минометами». (Передано 23 сентября с. г.)

«Связанные с нами железнодорожники передают о прибытии в Москву с юга и востока большого количества эшелонов с углем, дровами, хлебом, продовольствием и строительными материалами. Из Москвы в западном направлении ежедневно отправляется много эшелонов со строительными материалами, промтоварами и продовольствием.

25 сентября на Бологое ушло два эшелона, один из 42 вагонов с боеприпасами, другой 37 цистерн с бензином и маслами.

27 сентября по Казанской дороге в Москву прибыл эшелон 40 платформ с грузовиками, самолетами и 5 вагонов с амуницией» (передано 28 сентября с. г.).

* Фраза вычеркнута синим карандашом. На документе помета: «Одобрено т. Кобуловым. Судоплатов. 5/Х-[19]43».

В ответ на это немцы 7 октября с. г. прислали по радио следующие указания:

“Все сведения, которые вы даете, важны. Передайте нам типы вооружения, максимальную скорость новых истребителей. Какой калибр и дальность боя имеют новые зенитки. Усиьте ваше наблюдение за железными дорогами, нас интересуют эшелоны в направлении Старая Русса и Великие Луки, но и в другие направления. Привет вам”. В целях продолжения игры НКГБ СССР просит подготовить соответствующие дезинформационные данные, которые вы считали бы целесообразными передать немцам в связи с их запросом».

21 октября по радиции «Гейне» противнику сообщили: «В Москву приехал по делам службы известный вам преподаватель специальной военной школы в Томске, который рассказал, что около трехсот слушателей окончили школу, часть из них уже выбыла из Томска. Пункт их убытия держится в строжайшем секрете».

23 октября начальник 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР направил в РУ ГШ КА с пометкой «Только лично» служебную записку, в которой просил ускорить передачу в НКГБ дезинформационных материалов:

«Прошу ускорить передачу нам дезинформационных данных согласно нашему письму за № 4/2/3813 от 8 октября с. г., которые вы считаете целесообразным передать немцам по станции “Гейне” в связи с их запросом».

Операция «Монастырь» требовала тесной координации усилий советских спецслужб и Верховного командования Красной армии. Кроме Разведупра Генштаба Красной армии о проводимых мероприятиях по делу «Монастырь» 4-е Управление НКГБ СССР сообщало в Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР.

29 октября Судоплатов направил начальнику ГУКР «Смерш» В.С. Абакумову³⁶³ служебную записку: «По агентурному делу “Монастырь” последнее время немцы прислали по радио следующие вопросы:

7 октября с. г.: “Передайте нам типы вооружения, максимальную скорость новых истребителей. Какой калибр и дальность боя имеют новые зенитки. Усиьте ваше наблюдение за железными дорогами, нас интересуют эшелоны в направлении Старая Русса и Великие Луки, но и другие направления”.

9 октября: “Как с продовольствием в Костроме. Сообщите численность запасного стрелкового полка 581, он стоит в Костроме. Какой год теперь призван и обучается”.

24 октября: “Установите численность и задание якобы формирующейся воздушно-десантной части Тейково 30 км юго-западнее Иваново”.

27 октября: “Старайтесь краткосрочно работать в районах Смоленск – Рославль – Брянск – Сухиничи – Вязьма”. Сообщаю вышеизложенное для сведения».

13 ноября от «чужих» по радиции «Гейне» была принята радиограмма:

«При часто меняющемся положении на фронте обеспечить курьеру возврат трудно потому, что время отправки курьера неизвестно, также посылка радиции для Ленинграда. Как можно скорей хотим сбросить крупную сумму денег для ваших источников, также чем вы еще нуждаетесь, найдите место сброски не ближе девятидесяти километров, которые вы обязательно можете достичь между пятнадцатью и двадцатью четырьмя часами московского времени извещения о сброске. По возможности оно должно находиться вблизи леса, чтобы при приближении самолета вы смогли зажечь условные костры. Привет».

16 ноября противнику была передана радиограмма:

«Место сброски подыскиваем. Устраивает ли вас район города Малоярославец, там есть у нас верный человек. Нам крайне необходимы новые материалы для пропаганды, ротатор с запасом красок и бумаги для листовок, деньги, ценности и обязательно взрывчатые вещества.

Кроме того, нам необходимо оружие и патроны для вооружения наших людей. Если вы не можете сами послать рацию в Ленинград, сбросьте ее нам вместе с грузом, радиста наши ленинградские друзья постараются найти на месте. Желательно, чтобы эта рация была от сети. Не забудьте прислать для нее шифры. Наш передатчик последнее время работает с перебоями, пришлите для него запасные лампы. Хорошо, если бы вы прислали нам новую станцию на случай аварии старой.

С источником из НКПС известным вам Л. возобновили контакт. Мы заявили, что данное ему обещание будет выполнено. Правильно ли мы поступили. Б. просит прислать ему документы на другую фамилию в чине старшего лейтенанта, чистые бланки командировочных удостоверений и железнодорожные требования. Престол».

17 ноября «Гейне» отправил шифровку:

«Нахожусь в Москве, куда прибыл в служебную командировку. Служу в настоящее время в запасном полку связи № 5 в чине инженер-капитана, полк дислоцируется в Горьком. Имею возможность два-три раза в месяц приезжать в Москву. Александр».

21 ноября «чужим» направили очередную дезинформацию военного характера:

«Железнодорожник сообщил, что ему известно об отправке 16 ноября в район города Киева трех эшелонов с горючим по 40–50 цистерн, одного эшелона с металлоконструкциями и двух эшелонов с боеприпасами в 42–45 вагонов. 19 ноября на Брянск отправлен эшелон в 38 платформ с многоствольными минометами и два сборных эшелона в 40 и 42 вагона с самолетами, летным составом и войсками. Престол».

Ниже текста радиограммы начальник 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР подполковник госбезопасности И.Б. Маклярский написал справку: «Военные сведения для передачи противнику санкционированы начальником Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенантом Кузнецовым.

23 ноября по радиостанции «Кондратьева» передали дезу о передвижении военных грузов через Москву:

«Ежедневно из Москвы на Бологое отправляются три эшелона, один с войсками и артиллерией и два с боеприпасами. В западном, южном и юго-западном направлениях из Москвы почти ежедневно убывают составы с железнодорожным инвентарем, строительными материалами и железнодорожниками.

Последние дни на ст. Смоленск стали прибывать войска, главным образом мотомехчасти и конница. Сведения получены от наших железнодорожников. Престол».

Советской контрразведкой не прекращался сбор сведений и о персональном составе германской разведки, действовавшей на центральном участке фронта.

24 ноября заместитель начальника 4-го Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Н.И. Эйтингон за № 4/2/5008 направил на имя заместителя начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-лейтенанта П.Я. Мешика служебную записку, в которой просил предоставить сведения о сотрудниках германской военной разведки, которые фигурировали в материалах дела «Монастырь»:

«По оперативной надобности просим выслать подробные справки на следующих сотрудников немецкой разведки, проходящих у нас по агентурному делу “Монастырь”:

1. Херлиц³⁶⁴ — полковник. Начальник разведывательного отдела штаба Среднеармейской* группировки немецкой армии.

2. Хуфман — полковник. Начальник контрразведывательной службы штаба Средней армейской группировки немецкой армии.

3. Брониковский³⁶⁵ — бывший польский полковник, в настоящее время зондерфюрер класса “С” в чине капитана, является руководителем бывшей Катынской школы немецких разведчиков.

4. Рисс Эдуард — бывший зондерфюрер лагеря военнопленных № 122 в г. Смоленске.

5. Кауфман — б[ывший] шеф немецкой разведки в г. Смоленске

6. Фриц — б[ывший] зондерфюрер лагеря военнопленных № 126 в г. Смоленске.

7. Адлер — б[ывший] шеф немецкой разведки в г. Смоленске».

26 ноября 1943 года «чужим» сообщили о готовности к приему груза:

«Нам удалось найти удобное место для приема вашей посылки. Это место находится в 17 километрах на северо-восток от города Малоярославец в Угодско-Заводском районе Московской области, что в 2,5–3 км юго-восточнее дер. Белоусово и 1,9–1,5 км севернее дер. Трясь. Дрова для костра подготовлены. Сообщите, когда ожидать посылку. Престол».

Ниже текста радиogramмы начальник 2-го отдела 4-го Управления НКГБ Маклярский сделал примечание:

«Место для приема груза с немецкого самолета согласовано с командующим Московской особой армии ПВО генерал-лейтенантом Журавлевым³⁶⁶».

Подготовкой площадки для приема груза в ноябре 1943 г. в районе г. Малоярославец занимался заместитель командира взрывного отряда Отдельного отряда особого назначения НКГБ старший лейтенант С. Гуревич.

8 декабря «Гейне» радировал в «центр»: «Во второй половине ноября через Иран прибыл крупный транспорт с танками и самолетами, преобладают средние танки и бомбардировщики». В тот же день была принята шифровка от противника: «Место сброски согласны. Готовим пакет и, как погода позволит, доставим. Предлагаем три костра треугольником сорок метров друг от друга. Время сообщим заранее. Привет».

Одновременно советская контрразведка приняла необходимые меры для встречи (посылки) от противника. 14 декабря начальник 4-го Управления НКГБ направил служебную записку на имя и.о. начальника ООИ НКГБ подполковнику Л.А. Студникову³⁶⁷: «Для проведения одной операции выделите в распоряжение начальника Второго отдела подполковника госбезопасности тов. Маклярского команду из 15 вооруженных бойцов во главе с офицером. В составе команды должны быть лица, знакомые с подрывным делом. Команда должна быть обеспечена грузовой автомашиной и готова к выезду к 15 часам 15 декабря с. г.».

Тем временем Лубянка продолжала направлять «чужим» дезинформацию военного характера по радиостанции «Кондратьева».

18 декабря передали шифровку: «Сотрудник наркомата танковой промышленности рассказал, что в октябре и частично в ноябре на ряде военных заводов

* Так в документе, здесь и далее имеется в виду группа армий «Центр».

Урала установлено новое оборудование, полученное из-за границы, что повысило производительность труда рабочих и дало возможность заводам перевыполнять месячную программу по выпуску танков, пушек и вооружения. Престол».

31 декабря направили следующую радиограмму в центр:

«От известного вам преподавателя Томской школы мы получили сведения, что произведен новый набор слушателей около 1000 человек, знающих немецкий, польский, румынский языки. Набор происходил из военнослужащих — студентов высших учебных заведений и якобы добровольно сдавшихся в плен немецких солдат и офицеров. Престол».

21 января 1944 года от «чужих» приняли радиограмму:

«Собираемся со следующим багажом послать вам бриллианты и морфий, они легче и занимают меньше места, чем деньги. Можете ли вы эти предметы использовать для обмена». В тот же день радиограмма была доложена начальником 4-го Управления руководству НКГБ СССР. На тексте шифровки сохранилась резолюция: «Доложено Кобулову. Судоплатов. 21/1-[19]44».

Тотчас же «чужим» ответили по радиции «Кондратьева»: «Морфий не нужен, бриллианты пришлите. Доставку багажа просим ускорить. Престол».

КУРЬЕРЫ «АБВЕРКОМАНДЫ 103»

Осенью 1942 года агентурная комбинация «Монастырь» получила дальнейшее развитие. Немецкая агентура, направлявшаяся в Москву, в основном проходила подготовку в Катынской (Борисовской) разведшколе, находившейся в подчинении «Абверкоманды 103»³⁶⁸ при штабе группы армий «Центр». Как правило, агенты германской военной разведки были уже проверены и испытаны в деле, имели на своем счету не одну вылазку за линию фронта. Но в столице их уже ждали.

Прибывавших со шпионскими заданиями курьеров немецкой военной разведки сотрудники НКВД СССР брали под «тщательное, но осторожное наружное наблюдение», а затем задерживали под благовидными предлогами (проверка документов милицейскими или военными патрулями и т. п.).

В целях парализации действий разведки противника в Москве и дальнейшего захвата его агентуры советские органы безопасности начали проведение еще двух операций — «Кондратьев» и «Курьеры».

Первую спецоперацию, «Кондратьев», проводили сотрудники 1-го отдела 2-го (контрразведывательного) Управления НКВД СССР, а вторую, «Курьеры», их коллеги из 4-го Управления НКВД СССР.

«Кондратьев»

7 октября 1942 года в рамках начавшейся новой игры с «Сатурном» на конспиративной квартире «Гейне» были задержаны немецкий курьер Шалаев Анатолий Иванович, прибывший вместе с радистом «Кондратьевым» (Зобач Григорий Григорьевич).

Немецкие агенты, кроме доставки «посылки», получили задачу легализоваться в Москве и приступить к самостоятельной шпионской работе. Получен-

ные разведанные о Красной армии по своей рации они должны были передавать в «Сатурн».

Задержание очередной пары агентов противника проводили сотрудники 1-го отдела 2-го (контрразведывательного) Управления НКВД СССР. В процессе следствия выяснилось, что разведчик Шалаев имел явку на подставленный 4-м Управлением НКВД СССР адрес. Поэтому «добычу» поделили поровну: агента-разведчика Шалаева отдали коллегам из 4-го Управления НКВД СССР, а радиста «Кондратьева» — Зобача забрали себе сотрудники 2-го Управления НКВД СССР.

После завершения предварительного следствия Зобач был перевербован и включен в радиоигру совместно с 4-м Управлением НКВД СССР.

В ходе следственных мероприятий Григорий Зобач подробно рассказал о полученном задании, организации связи с центром, руководящем составе разведшколы противника, методах вербовки и подготовки агенты.

На допросе 8 октября Г.Г. Зобач рассказал свою автобиографию, обстоятельства пленения его немцами, о вербовке германской военной разведкой и т. п. Наиболее ценными были его сведения о Катынской разведывательной школе, ее руководящем составе, агентах, организации связи с разведцентром, полученном задании и условиях на случай работы под контролем органов советской контрразведки. Ниже с незначительными изъятиями публикуется этот документ:

Вопрос: Коротко изложите свою автобиографию? *Ответ:* Родился в 1922 году в гор. Ленинграде, в семье рабочего. Отец работал в Шлиссельбурге на заводе им. Морозова, умер в 1936 году. Я до 1937 года проживал в Ленинграде вместе с матерью и учился в средней школе. В 1937 году выехал в местечко Уначе, БССР к родственникам матери. В 1939 году учился в Минске в спортивной школе, а затем по окончании школы работал в гор. Борисове в качестве инструктора физкультуры в медшколе. На второй день начала военных действий между СССР и Германией был мобилизован в Красную армию, в пехотные части, где служил красноармейцем до января 1942 года, а потом немцами был взят в плен. <...>

Вопрос: При каких обстоятельствах вы были взяты в плен? *Ответ:* Наш полк, номера его не помню, в декабре 1941 г. под Ельней попал в окружение, и нас большая группа красноармейцев и командиров в течение 8 дней ходила по лесу и пыталась выйти из окружения. 2 или 3 января попали под сильный обстрел, и в этот раз меня и других красноармейцев взяли в плен и направили в Смоленский лагерь военнопленных. <...>

Вопрос: Расскажите, при каких обстоятельствах и кем вы были завербованы для шпионской работы в пользу Германии? *Ответ:* Из Печи в Катынь меня и других, примерно в количестве 15 человек, доставил офицер германской разведки Паштетник³⁶⁹. На второй день после нашего приезда в Катынь Паштетник вызвал меня в кабинет и предложил работать в германской разведке. Я согласился, и он тут же отобрал от меня подписку о том, что я обязуюсь работать в германской разведке и что все, что мне будет известно в процессе моей работы, должен не разглашать. Тут же мне был присвоен псевдоним “Кондратьев”. Подписка была подготовлена заранее на немецком и русском языке.

Вопрос: Сколько времени вы обучались в Катынской школе разведчиков? *Ответ:* В Катынской школе разведчиков я обучался в течение шести месяцев.

Вопрос: Что вы изучали в этой школе? *Ответ:* Я изучал радиодело и вопросы разведывательной работы. На лекциях по разведывательной работе нам говорили

о методах работы НКВД, в частности о наружном наблюдении и следствии. По вопросу наружного наблюдения нам говорили, каким образом установить, что за тобой ведется наблюдение, как себя вести среди населения, чтобы не быть замеченным агентами НКВД. По вопросу следствия было сказано, чтобы на следствии ни в чем не сознаваться и стараться своими ответами запутать следствие.

Вопрос: Сколько разведчиков обучалось в школе? *Ответ:* В марте месяце в школе было всего человек 80, из коих примерно человек 20 радистов, а остальные — разведчики-ходоки. В последнее время радистов было также человек 20, а разведчиков — 90. В числе этого состава есть четыре девушки, из коих две — в группе радистов, а две — в группе разведчиков. Перед моей выброской в школу откуда-то прибыло человек 20 агентов германской разведки, которых поместили в отдельный дом в метрах 300 от деревни, и туда не разрешали ходить. В числе этой группы есть майоры, капитаны и полковники, одетые в форму летчиков и танкистов, а также есть лица в штатских костюмах. Всем разведчикам Катинской школы было запрещено даже с ними здороваться. Обо всех известных мне агентах германской разведки, обучающихся в школе, а также уже переброшенных с шпионскими заданиями, я постараюсь вспомнить и рассказать на следующем допросе.

Вопрос: Кто руководит Катинской школой разведчиков? *Ответ:* Катинской школой разведки руководит зондерфюрер — капитан германской разведки, фамилия которого начинается с буквы “Б”³⁷⁰, но я постараюсь ее вспомнить полностью. Все приезжающие в школу офицеры называют его доктором. В школу часто приезжает подполковник германской разведки, который возглавляет руководство Катинской, Витебской³⁷¹ и какой-то школой, расположенной на территории БССР³⁷².

В последнее время, месяц тому назад, в Печи тоже организовалась школа германской разведки, которой руководит немец Карнацкий. В эту школу приехали немецкие радисты и завезли радиоаппаратуру. Витебской же школой руководит зондерфюрер — лейтенант германской разведки Рид, который часто приезжает в Катынь.

В школе есть преподаватели из числа б[ывших] командиров Красной армии. Так, например, преподавателем радиодола является б[ывший] полковник Красной армии, работавший начальником связи 33-й и 36-й армий, фамилию его не знаю, зовут Иваном Ивановичем. Этот Иван Иванович до войны проживал в Москве.

Второй преподаватель разведки по кличке Лебедев³⁷³, как будто бы и настоящая его фамилия Лебедев, тоже бывш[ий] ст[арший] лейтенант Красной армии и, по-моему, проживал в Москве. Этот Лебедев во время моей отправки в Катынь вручил два письма разведчикам, переброшенным в одном самолете со мной и приземлившимся минут на 40 раньше меня. Во время вручения Лебедевым писем зондерфюрер сказал, что после того, как устроитесь и дадите о себе знать, то Лебедев тоже полетит с заданием, так как сейчас все внимание у нас сосредоточено на Москву. Лебедев в знак подтверждения сказанного зондерфюрером этим разведчикам заявил, что они скоро увидятся. Поэтому, я думаю, что эти разведчики должны прибыть в Москву и, вероятнее всего, останутся у его матери-старушки, проживающей в Москве.

Клички этих разведчиков следующие:

1. “Апостол” — по документам, с которыми переброшен, значится Владимир Иванович, фамилии не знаю. Переброшен в военной форме в чине лейтенанта Красной армии. Радиостанция положена в красноармейский ранец, а продукты и

батареи у другого разведчика в вещевом мешке. Его приметы: рост выше среднего, лет 34, лицо круглое, белое, нос прямой, средний, волосы темные, голова средней величины, круглая, волосы зачесывает назад, сам средней упитанности, походка медленная, вразвалку, корпус немного сутулый, плечи опущены, на мизинце левой руки большая бородавка, цвет глаз не помню.

2. “Темник”, по документам, с которыми переброшен, значится Федор Александрович. Переброшен в форме ст[аршего] лейтенанта Красной армии. Приметы: рост высокий, лет 30, лицо круглое, смуглое, нос средний, голова круглая, волосы черные, зачесывает назад, лоб прямой, узкий, рот малый, зубы средние, глаза светлые, брови густые, черные, плотный, выправка хорошая, походка быстрая, фотография на удостоверении сделана на белом фоне. Оружие имеет пистолет системы “Наган”, и кобура одевается на ремень (не через плечо), такие кобуры были даны всем разведчикам, “Наганы” у них русские, старые, нечищенные, портупеи у них одинаковые, с самодельными пряжками.

Вопрос: Расскажите подробно о заданиях, полученных вами от германской разведки? *Ответ:* Недели за две до моей переброски мне выдали обмундирование и предупредили, что я буду переброшен в форме лейтенанта Красной армии. А за неделю до переброски сказали, что я буду переброшен с Шалаевым Анатолием, который скоро должен приехать в Катюнь, но откуда он приедет, мне не сказали.

Вскоре приехал Шалаев, который был одет в штатский костюм. Шалаева я знал раньше, он учился в этой же школе в группе разведчиков-ходоков, но потом, как говорили в школе, уезжал на работу в тыл Красной армии по заданию германской разведки, куда — мне неизвестно. 28 сентября я вместе с Шалаевым был вызван к зондерфюреру, который нам стал говорить, какое задание мы должны выполнить, будучи переброшенным как агенты германской разведки.

После того как нас спустят на парашютах, мы должны поехать в Москву, устроиться на жительство и проживать под видом командиров Красной армии, прибывших в командировку. Для этой цели мы были снабжены фиктивными документами, которые давали нам возможность находиться в Москве продолжительное время. После нашего устройства в Москве я должен работать на радиции, а Шалаев по сбору шпионских сведений.

Сведения должны были собираться обо всех движениях эшелонов по железным дорогам, идущим из Москвы на Тулу и на Ржев, и завербовать людей, у которых должны жить и работать. Кроме этого, мы должны были собрать шпионские сведения об оборонных предприятиях в гор. Москве, выяснив при этом номера военных заводов, какую продукцию они выпускают и количество выпускаемой продукции. Установить, какой возраст мобилизуют в ряды Красной армии и расположение пунктов, где формируются воинские части. Помимо этого Шалаеву было дано отдельное задание — доставить по данному адресу радиостанцию, работавшую на сухих батареях, деньги и документы агентам германской разведки, находящимся в Москве.

Радиостанцию и, кажется, 20 000 руб. он должен был передать агенту германской разведки по кличке “Петро” через некоего доктора Березанского, адрес которого записан у Шалаева, но мне неизвестен.

10 000 рублей и документы Шалаев также через Березанского, должен передать агентам германской разведки Станкевичу (фамилию второго — не знаю). Затем нам зондерфюрер хотел дать в Москве явку к одному агенту германской разведки (фами-

лии его и клички он не назвал), который, как он заявлял, будет нам давать сведения о движении воинских эшелонов по всем железным дорогам, исходящим из Москвы. Но эту явку он дать почему-то не решился, а заявил, что как только мы установим связь из Москвы с германской разведкой, то он радиотелеграммой сообщит нам адрес этого человека и даст установку в отношении установления связи с ним.

Вопрос: Как вами было выполнено задание германской разведки? *Ответ:* Впервые, после нашего приземления 1 октября в 18 часов мы установили связь с германской разведкой и передали радиogramму следующего содержания: “Мы вместе, все хорошо. Шалаев немного ранен в голову о сук дерева. Чувствуем себя бодро, привет”. <...>

Вопрос: Расскажите данные о вашей рации? *Ответ:* Рация, которой меня снабдила германская разведка, работает на сухих батареях. Прием и передача производится на коротких волнах. Я был снабжен двумя комплектами батарей, срок работы каждого комплекта определяется на 72 рабочих часа. Сама рация малого размера, и ее можно хранить в маленьком чемоданчике.

Вопрос: Какой был установлен разговорный код? *Ответ:* Мне были даны позывные “Г”, позывные же германской разведки “ФУБ” (последняя буква — мягкий знак). Ключ для шифротелеграмм — “Сталинград в опасности”. Код “Щ”, или, как его называют — “Ку”. Этот код является международным (таблицы кода прилагаю).

Вопрос: Какие были даны условности на случай вашего провала или перевербовки вас органами НКВД? *Ответ:* На случай провала я должен был в конце телеграммы после раздела дать мягкий знак или ничего не давать.

Схематично это примерно будет выглядеть следующим образом. Примерная радиogramма: “Мы в Москве. Все хорошо, вещи переданы лично ... AP ... K”. В данном случае “AP” обозначает, что я работаю нормально. После приема они мне дают так называемую квитанцию “РОК”, это обозначает, что они приняли все правильно. Если у них для меня есть радиogramма, то они передают, и после приема я также даю им квитанцию “ОК” или “РОК” и после даю “НИЛ” (ничего больше нет) и “СК” (связь окончена).

Если же я буду провален, и мою работу на рации будут контролировать органы НКВД, и для передачи мне будут давать неправильные сведения, в радиogramмах в конце раздела должен поставить букву “ь” (мягкий знак) или ничего. Примерно это будет выглядеть так. Радиogramма: “Мы в Москве, все хорошо. На Тулу 12 октября в 8-00 прошел воинский эшелон с боеприпасами ... K” или в разделе ничего не давать, тогда конец радиogramмы будет следующий: после слова “с боеприпасами ... K”. Как в первом, так и во втором случае будет обозначаться, что я работаю под контролем НКВД.

Вопрос: Какие другие средства связи вам были даны германской разведкой? *Ответ:* Нам было сказано, что если нам будут нужны деньги, батареи, или документы, или же радиостанции на случай предполагаемой порчи имеющейся у нас рации, то мы даем об этом радиogramму и сообщаем пароль, по которому к нам являются агенты германской разведки и доставляют нам необходимые деньги, документы и батареи с рацией. Пароль, по которому с нами должны связаться, мы избираем сами.

Вопрос: А как вы должны поступить в том случае, если у вас испортилась рация и вы не сумели сообщить германской разведке пароль? *Ответ:* В этом случае один кто-либо должен был идти к немцам через линию фронта.

Вопрос: Как практически вам рекомендовалось организовать шпионскую работу? *Ответ:* Работу на рации нам рекомендовали организовать на чердаке какого-либо дома или подобрать подходящий сарай. Для успешного сбора шпионских сведений о движении воинских эшелонов мы должны были вербовать агентуру из антисоветски настроенных людей, независимо от пола. Причем в процессе подготовки человека на вербовку мы должны с ним пить водку и выявлять его настроения, а потом уже “покупать” за деньги. Вербовать преимущественно рекомендовали железнодорожных рабочих и служащих, имеющих возможность непосредственно наблюдать за движением эшелонов, но женщин вербовать рекомендовалось меньше, имелась предосторожность в том, что они легче могут рассказать. Часы работы нам были установлены: 8-35 и 18-00 ежедневно по московскому времени.

Вопрос: Какими фиктивными документами вас снабдила германская разведка? *Ответ:* Мне было выдано удостоверение личности на имя Чуба Григория Григорьевича, в котором было указано, что я являюсь сержантом государственной безопасности и работаю в должности оперативного уполномоченного Особого отдела НКВД 34-й армии. <...>

Вопрос: Сколько времени вы должны были находиться как агент германской разведки в Москве? *Ответ:* Срок моего пребывания в Москве определен точно не был. Об этом, как мне сказал зондерфюрер, поставят меня в известность по радио. Причем во время учебы нам зондерфюрер говорил, что Москва сильно разрушена, из правительства в Москве никого нет, здание Наркомата внутренних дел разрушено, большинство сотрудников НКВД выехало в другие города и в Москве легко можно работать. На мой вопрос, имеются ли в Москве пеленгаторные радиостанции, зондерфюрер ответил, что в Москве их нет, так как они все сосредоточены на фронте.

Вопрос: Скажите правду, почему вы стали изменником Родины и согласились вести шпионскую работу против СССР? *Ответ:* Я боялся, что буду уничтожен немцами, если откажусь быть их агентом и работать против СССР. Боясь за свою личную жизнь, я стал предателем интересов Родины и пошел на службу к фашизму.

Вопрос: Почему вы не явились в НКВД с повинной? *Ответ:* Нам в школе говорили, что НКВД расстреливает не только разведчиков, которые являются добровольно, а даже военнопленных, вернувшихся из немецкого плена. Поэтому под влиянием такой пропаганды я идти в НКВД боялся и решил честно работать на немцев. Возвращаться же обратно к немцам, не выполнив их задания, было нельзя, так как таких людей куда-то увозят и эти люди исчезают. Немцы так же поступают с теми разведчиками, которые по каким-либо объективным причинам возвращались, не выполнив их задания».

Изучив полученные от агентов германской военной разведки сведения, 2-е Управление НКВД СССР приняло решение провести радиоигру с противником. Свое название очередная спецоперация советских спецслужб получила по псевдониму агента-радиста — «Кондратьев». Радиоточка получила условное наименование «Инструктор».

12 октября 1942 года было принято решение о включении агента-радиста «Кондратьева» в радиоигру с противником, и в тот же день контрразведчики попытались наладить связь с «Сатурном». Однако из-за неисправности «кварца» в этот

день связь с центром установить не удалось. Дальнейшее проведение операции иллюстрируют фрагменты из дневника радиобмена радиоточки «Инструктор».

13 октября радиоточка вновь вышла в эфир и противнику передали радиogramму: «12 октября мы в Москве, все хорошо, с квартирой устроились хорошо, все передано по адресу. Привет всем». Из центра была получена квитанция о приеме радиogramмы. С 15 по 20 октября связь с центром установить не удалось.

Следующий сеанс состоялся 25 октября, во время которого состоялся обмен радиogramмами между радиоточкой «Инструктор» и центром. «Инструктор» — центру: «Я вызывал вас несколько дней, связаться не мог, вас почему-то не было слышно. Вызывать каждый раз мне опасно. Установите определенные дни работы». Из центра ответили: «Очень рады, что вы благополучно прибыли. Шлем сердечный привет от всех нас». С этого дня начался регулярный обмен радиogramмами между радиоточкой «Инструктор» и центром.

26 октября была получена следующая радиogramма из центра: «Мы вас всегда слышим, только вы нас не слышите. Мы и впредь будем вызывать вас ежедневно в установленные часы и предоставляем вашей ловкости вызывать нас. Будьте храбры, все в порядке».

27 октября в центр передали две радиogramмы: «1. По Москве и с вокзалов собирать сведения нам очень трудно. Передвижений по городу больших не видно. Вокзалы и шоссе под большим контролем. Привет всем. Кондратьев. 2. 26 октября по Серпуховскому шоссе на Москву прошло восемь тягачей с танками, пушками и двенадцать автомашин со снарядами ящиками. С Ржевского вокзала отправки войск не видели. Привет». Одновременно противнику сообщили явочный адрес, по которому курьер «Сатурна» мог их найти в Москве.

После передачи противнику явочного адреса с 30 октября по 5 ноября радиоточка «Инструктор» девять раз выходила в эфир, но двухсторонней связи с центром установить не смогли.

5 декабря 1942 года агент Зобач для дальнейшего оперативного использования был передан в 4-е Управление НКВД СССР. На этом операция «Кондратьев» была завершена и стала одним из эпизодов «Большой игры» советских контрразведчиков со спецслужбами нацистской Германии. С этого момента дальнейшие мероприятия легли на плечи сотрудников 4-го Управления НКВД СССР.

7 марта 1955 года 3-м Главным управлением КГБ при СМ СССР было принято решение, что материалы дела «литер “Э” № 197 “Кондратьев” представляют для органов госбезопасности оперативную ценность» и «подлежат хранению в архиве».

«Курьеры»

Параллельно с операцией «Кондратьев» сотрудники 4-го Управления НКВД СССР приступили к активной фазе операции «Курьеры». Им удалось перевербовать и включить в радиоигру второго агента — Анатолия Шалаева. От его имени противнику было передано несколько радиogramм, в которых сообщалось, что Шалаев и Зобач восстановили ранее имевшиеся у них связи в Москве и запросили документы и деньги для продолжения работы. В «Сатурне» поверили в легенду и потребовали организовать тщательное наблюдение за передвижением войск через Москву, а также заняться сбором сведений о формирующихся в городе войсковых

частях. В дальнейшем, принимая во внимание тот факт, что один из агентов имел указание от немцев возвратиться обратно, на Лубянке решили скомпрометировать Шалаева в глазах германской военной разведки.

В этих целях 18 октября «чужим» сообщили, что Шалаев «ничего не хочет делать, трусит, много пьет». Указание немецкого разведцентра поступило через три дня: «Всеми средствами его без сентиментальностей уничтожить. Передайте, как с этим справились». Пожелания «чужих» были «выполнены», а в разведцентр противника уже по двум радиостанциям («Гейне» и «Кондратьева»), стала передаваться военная дезинформация, подготовленная Оперативным управлением Генштаба Красной армии.

После установления связи с «чужими» по радиоточке «Кондратьев» на Лубянке активно приступили к «выполнению» директив, поступавших из «Абверкоманды 103».

Совместно со 2-м Управлением сотрудники 4-го Управления НКВД СССР через «Кондратьева» проводили мероприятия по линии операции «Монастырь».

20 и 21 ноября с санкции замнаркома внутренних дел СССР противнику по рации «Кондратьева» передали сведения о составе организации «Престол», источниках получения военных перевозок и необходимой помощи для развертывания работы.

18 декабря принята новая радиограмма с заданием разведывательного характера: «Следите за транспортом, идущим через Москву на юг и на восток. Передайте нам, что Вы на Вашем месте за последнее время устроили. Завязали ли связь со своими сотрудниками. Устройте на вокзалах резидентов, наблюдавших за движением по железным дорогам. Привет от нас и Ваших товарищей. КАП».

В ответ «чужим» радиовали, что в целях конспирации необходимо переменить время выхода в эфир. 21 декабря «чужие» передали радиограмму: «Предлагаем одиннадцать часов по московскому времени. Желаем наилучшего, привет всем ото всех. Доктор».

Чтобы не вызвать подозрения, «агенты» периодически сообщали немецкой разведке о смене своих конспиративных квартир, а вновь прибывшие попадали в чекистские засады. «Чужие» были удовлетворены информацией, получаемой от своих «агентов», и регулярно посылали следующие партии своих агентов с деньгами, питанием для рации и другим снаряжением.

«Сатурн» проявлял интерес к паспортному контролю в столице. Лубянка по мере возможности удовлетворяла запросы «чужих». Например, в ответ на задание предоставить сведения о порядке оформления паспортов в г. Москве 8 января 1943 года было послано сообщение следующего содержания:

«Контрольные листки имеют серии и номера ЧД 267044, ЧЖ 163048, ЧК 148087. Контрольные листки прикрепляются к последней странице — обложке паспорта. Выдаются во всех отделениях г. Москвы. Подписывают листки — в 50 отделении Черкасов и Кадмиров, в 46 — Гужов и Бортуев, в 9 — Никонов и Кунаков. Фамилии подписывающего часто меняются. Печать обыкновенная, любого отделения милиции г. Москвы».

Эти данные были подготовлены 2-м Управлением НКВД СССР совместно с начальником Главного управления милиции. Они содержали правдоподобную информацию, за исключением фамилий подписывающих. Фамилии были искажены таким образом, что сохранены лишь три первых и последняя буква подлинных фамилий начальников отделений милиции г. Москвы. Понятно, что по прибытии немецких агентов и постановке их на учет сотрудникам советской контрразведки было нетрудно их выслеживать.

Дальнейшее развитие событий хорошо иллюстрируют доклады руководства управлений НКВД, участвовавших в радиоигре с противником.

9 января начальники 2-го и 4-го управлений НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотов и старший майор госбезопасности П.А. Судоплатов рапортом доложили наркому внутренних дел СССР генеральному комиссару госбезопасности Л.П. Берии:

«12 октября 1942 года на квартиру нашего агента “Гейне”, участвующего в разработке известного Вам агентурного дела “Монастырь”, явился очередной курьер германской разведки *Шалаев*, доставивший “Гейне” радиостанцию и деньги, а также документы для ранее выброшенных курьеров “Некрасова” и “Березкина” (оба нами арестованы).

В беседе с *Шалаевым* “Гейне” установил, что *Шалаев* прибыл в Москву вместе с радистом *Зобач* для организации самостоятельной шпионской работы. В тот же день, согласно Вашим указаниям, *Шалаев* и *Зобач* нами секретно арестованы*.

В целях закрепления положения “Монастыря” в “игру” с немцами была включена, помимо рации, на которой работает “Гейне”, и рация *Зобача*, через которую мы наладили регулярную передачу дезинформационных сведений, получаемых нами в Генштабе Красной армии.

Из материалов радиоперехвата 2-го Спецотдела НКВД СССР — известно, что передаваемые нами немцам военные “сведения” оцениваются ими положительно. Причем в донесениях своему разведывательному центру немцы считают *Зобача* благонадежным агентом разведки.

5 ноября (1942 года) мы в целях дальнейшего развития “игры” и заполучения новых курьеров передали немцам следующую радиограмму: “Нам удалось связаться с некоторыми старыми друзьями *Шалаева*, которые дали согласие помогать нам и давать секретные сведения, но им и нам очень нужны деньги, часть денег мы им дали. В Москве жизнь дорогая, питаемся с рынка, денег уже почти нет. Денег нужно не менее 100 тысяч. Сообщите, когда и как Вы их нам пришлете. У нас кончается срок документов, готовьте новые командировки. Меняем адрес. Сообщим. Привет всем. Кондратьев”.

9, 12 и 17 декабря “чужие” передали нам следующие радиограммы:

“Деньги приготовлены, будут вам переданы надежным курьером. По получении Вашего нового адреса сообщим подробнее. Насчет документов мы ожидаем Ваших предложений, соответствующих Вашим опытам”.

“Не можем лишь получить выданные Вам бланки соответственно Вашим задачам. Тогда мы пошлем Вам курьером только новые бланки, где явиться курьеру. Деньги для Вас и друзей уже приготовлены.

Находятся ли в тамошних паспортах вклеенные на последней странице контрольные листки, кто их получает”.

“Держитесь. Курьер с деньгами и бумагами для Вас готов, ожидаем только хорошей погоды. Курьер придет по данному Вами адресу. Доктор”.

В связи с тем что присылка курьера почему-то немцами задерживается, мы повторили запрос об ускорении высылки нам денег и документов, после чего 9 января с. г. от немцев была получена радиограмма следующего содержания:

“Держитесь мужественно, все приготовлено, но погода не позволяет нам прилететь. Мы придем. Благодарим за Ваши желания, в свою очередь желаем Вам мно-

* Так в документе. *Зобач* был задержан 7 октября, а *Шалаев* – 12 октября 1942 г.

го счастья в новом году. Не теряйте терпения, все получите при первой возможности полета. Наблюдайте за Окружной дорогой и линией через Наро-Фоминск на Калугу — важны количества, объем и род транспортов».

Для приема курьера нами подготовлена специальная квартира, обеспеченная соответствующим наблюдением».

12 января 1943 года начальники 2-го и 4-го управлений НКВД СССР П.В. Федотов и П.А. Судоплатов направили на имя Л.П. Берии очередную служебную записку. В документе сообщалось:

«Сегодня, 12 января, радиостанцией Зобача и Шалаева (курьеры немецкой разведки, присланные немцами по делу “Монастырь” — нами арестованы) получена от немцев следующая радиограмма:

“За вашу храбрость вы награждены установленным фюрером орденом “За храбрость” в бронзе второго класса с мечами. Приветствуя вас с наградой, ожидаем с радостью день, когда лично сможем вручить вам эти декорации. Предвидится хорошая погода, тогда немедленно придем. Наблюдайте также железную дорогу и шоссе на Волоколамск”.

В связи с предстоящим приходом очередных курьеров, о которых сообщают немцы, необходимые меры по их перехвату — приняты».

Из радиограммы «чужих» следовало, что противник полностью верит своим агентам и выражает готовность и в дальнейшем снабжать их всем необходимым.

Вновь обратимся к рассказу непосредственного участника событий. Ветеран советской контрразведки И.А. Щорс поведал и о том, как радиоигра «Монастырь» помогла Красной армии в разгроме 6-й немецкой армии под Сталинградом:

«Однажды Александр Петрович (Демьянов. — *Авт.*) передал радиограмму о том, что с помощью влиятельных друзей он принят на службу офицером связи в Генеральный штаб Красной армии. Наступил важный этап операции “Монастырь”. Осенью 1942 года Демьянов сообщает немецкой разведке о том, что ему якобы стало известно о готовящемся контрударе наших войск под Ржевом. Немецкое командование стягивает в этот район крупные силы с других фронтов. В самом деле, в точности в те самые сроки, о которых сообщил Демьянов, под Ржевом наши войска попытались прорвать немецкую оборону... Зачем же нужна была эта кровавая трагедия? Именно в эти дни скрытно по ночам перебрасывались наши войска под Сталинград. Здесь готовилась гигантская по своим масштабам операция по окружению 300-тысячной немецкой группировки. Маневр под Ржевом, о котором сообщил Демьянов, был всего лишь отвлекающим. Появление советских танков в степи за Доном явилось для немецкого командования полной неожиданностью. Как известно, битва под Сталинградом окончилась крахом немецких войск»³⁷⁴.

Добавим, что о судьбе Игоря Александровича Щорса и его супруги Натальи Викторовны, которая также посвятила жизнь работе в органах безопасности, снят документальный сериал «Засекреченная любовь». Сериал был показан на телеэкранах в июне 2006 года.

Интересную деталь операции «Монастырь» рассказал читателям газеты «Труд» журналист и писатель Н.М. Долгополов, который опубликовал интервью с писателем, полковником госбезопасности в отставке Иваном Иосифовичем Мутовиным.

Мутовин поведал журналисту о знакомстве легендарного советского разведчика-нелегала Рудольфа Абея (Вильяма Генриховича Фишера³⁷⁵) с Александром

Демьяновым, а также о том, какую роль сыграла операция «Монастырь» в победах Красной армии в Сталинградском сражении и битве на Курской дуге. Мутовин в качестве примера успешных действий советской контрразведки привел следующий эпизод:

«На него (Абеля. — *Авт.*) возложили все радиотехническое обеспечение этой стратегической радиоигры. Он продолжал руководить работой разведчика Демьянова, которому немцы верили стопроцентно. Так, к примеру, 4 ноября 1942-го он, действуя под руководством Абеля, сообщил в центр абвера, что русский Генштаб намечает крупное наступление под Ржевом, а под Сталинградом крупных действий не планируется. Немцы проглотили эту наживку и направили резервы, ранее планировавшиеся для армии Паулюса под Сталинградом, к Ржеву. Так что большая заслуга в успешном исходе Сталинградского сражения принадлежит Демьянову, Абелю, Судоплатову, который в целом и возглавлял эту операцию чекистов... Он (Демьянов. — *Авт.*) действовал под опекой Абеля грамотно. Позже “благодаря” Гейне в 1943-м немцы перенесли сроки своего планировавшегося на Курской дуге наступления. Что было, естественно, на руку нашему командованию. Эти два примера дают возможность оценить работу Абеля и его ученика Демьянова как не имеющую аналогов в мировой разведывательной практике...»³⁷⁶.

Вернемся к нашему рассказу об операции «Курьеры». 19 января по радиации «Кондратьева» получен короткий запрос от «чужих»: «Доложите нам, явился ли к вам курьер». На следующий день, 20 января, были задержаны очередные связники абвера, которые привезли для «Кондратьева» посылку, в которой оказалось 100 тыс. рублей советскими дензнаками, фиктивные документы и блоки питания для радиостанции.

22 января начальники 2-го и 4-го управлений НКВД СССР рапортом в очередной раз доложили наркому внутренних дел СССР о проведении очередных мероприятий по операции «Курьеры»:

«19 января вечером на квартиру нашего агента “Гейне” (работающего по известному Вам делу “Монастырь”) явился очередной курьер германской разведки, доставивший “Гейне” 266 тысяч рублей денег и новые документы для ранее выброшенного в Москву агента германской разведки “Березкина”, нами арестованного.

В беседе с “Гейне” курьер сообщил ему, что он прибыл в Москву вместе со своим напарником утром этого же дня из района Венев Тульской области, куда был сброшен с самолета на парашюте 18 января с. г.

О себе курьер рассказал, что он москвич, немцам сдался в плен добровольно в апреле 1942 года, т. к. еще до войны вместе со своим братом (сейчас летчик Красной армии) собирался бежать в Германию.

Расставаясь, курьер уведомил “Гейне”, что 20.1. с. г. на трамвайной остановке в районе площади Коммуны у него состоится свидание с его напарником. При выходе из квартиры “Гейне” курьер был взят под непрерывное наружное наблюдение.

20.1.[19]43 г. в результате наружного наблюдения за местом предполагаемой встречи удалось установить второго германского разведчика, после чего они, согласно Ваших указаний, были секретно (раздельно друг от друга) арестованы.

В процессе допросов задержанных шпионов выяснены следующие о них данные:

1. Ильин Виктор Алексеевич (курьер)³⁷⁷, 1924 года рождения, уроженец гор. Москвы, беспартийный, отец арестован органами НКВД в 1932 году и якобы умер в тюрьме. До войны Ильин работал утюжилщиком на фабрике № 5 имени Профинтерна в Москве, в Красную армию вступил добровольно, окончив школу

радистов, и, будучи сержантом 40-го Отдельного радиобатальона, в апреле 1942 года добровольно сдался в плен на Калининском фронте. В июле месяце завербован для шпионской работы. Обучался в Катинской и Витебской разведывательных школах.

Кроме передачи посылки «Гейне», Ильин имел задание собирать шпионские сведения о передвижении войск, которые [должен] систематически передавать по радио, для чего он и был снабжен портативной коротковолновой радиостанцией.

По показаниям Ильина, он по прибытии в Москву рассказал своей матери (арестована) и брату, работающему в типографии «Индустрия» (намечен к аресту) о том, что он прибыл в Москву по заданию германской разведки. На квартире у матери Ильина хранилась радиостанция и 73 тыс. рублей советских денег.

2. Еркин Иван Григорьевич³⁷⁸ (напарник курьера), 1900 г[ода] рождения, русский, кандидат в члены ВКП(б), до войны работал в Москве начальником Торготдела Москультторга, в плен к немцам попал в июле 1942 г. Завербован для шпионской работы против СССР в сентябре 1942 года. Прошел специальную подготовку в Катинской разведывательной школе.

По показаниям Еркина, он, помимо сбора шпионских сведений, также должен был вручить посылку (содержимое которой ему неизвестно) по адресу *Б. Коммунистическая ул., д. 25, кв. 12* для некоего *Григория*.

Указанный адрес является нашей подставой по делу радиста Зобача, в свое время прибывшего в Москву на явку к «Гейне», нами арестованного и работающего сейчас по нашему заданию (дело «Курьеры»).

Это поручение Еркин, не выполнил, так как, приземлившись, он не сумел найти посылку, которая была сброшена вслед за ним на грузовом парашюте.

Для розыска посылки, в которой имеются деньги и документы, в район приземления разведчиков выброшена опергруппа из бойцов ОМСБОНа НКВД СССР во главе с зам[естителем] нач[альника] отделения 4-го Управления НКВД СССР ст[аршим] лейтенантом Н.А. Киселевым.

В результате настоящей операции изъято 410 тысяч рублей советских денег, одна радиостанция и два нагана. Ведется следствие. Игру с немцами продолжаем».

29 января по радиостанции «Кондратьева» в разведцентр противника направили радиограмму: «Пока все военные ходят в старой форме и со старыми знаками различия. Из газет и разговоров известно, что как будто бы с 1 февраля будут носить погоны, какие неизвестно. На всякий случай шлите нам полевые и повседневные. Привет. К[ондратьев]».

В «Абверкоманде 103» проявляли повышенный интерес ко всему, что имело отношение к Красной армии: от введения погон до передислокации воинских частей, настроения населения и транспортных потоков. Они требовали сообщать о перевозках в район Сталинграда, появлении новых авиационных частей в Москве.

Параллельно с информацией «Гейне» противнику сообщили о появлении «нового источника», осведомленного о поставках вооружения союзниками. 2 февраля «чужим» по радиации «Кондратьева» радиовали: «Несмотря на шум, поднятый большевистской печатью (речь идет о разгроме 6-й армии в Сталинграде. — *Авт.*), мы уверены в исходе войны, мы верим, что новый порядок в Европе победит и принесет долгожданную свободу нашей многострадальной Родине. За обещание заботы и помощи искренне вам благодарны. Курьер в Г. не прибыл, нас это очень беспокоит. Знакомый профессор не может по роду своей службы снабжать нас

данными о ежемесячном прибытии в А[рхангельск] и М[урманск] иностранных транспортов. Престол».

10 февраля с санкции Судоплатова «чужим» передали радиogramму:

«Ваше молчание относительно неявки курьера в Г. нас очень беспокоит. Большевицкие газеты ежедневно сообщают об успехах Красной армии. Этой агитации мы ничего не можем противопоставить, т. к. недостаточно ориентированы в обстановке, а обещанные вами материалы для пропаганды, несмотря на длительный срок, до сих пор не переданы. На днях распространяли листовки, в которых указали, что временные успехи большевиков стоят больших жертв России. Ждем ответа. Престол».

Задание «чужих» о наблюдении за перемещениями воинских частей из Сталинграда, переданное «Гейне», подтверждалось аналогичными шифровками, переданными противником «Кондратьеву».

15 февраля были получены две шифровки из «Сатурна» с разведывательными заданиями: 1. «Батареи, желанные документы и много денег пришлем через курьера по указанному вами адресу. Несмотря на наши усилия, не можем еще получить здесь погонов. Купите себе их, если имеете деньги, или стяните где-нибудь». 2. «Наблюдайте точно все движения, особенно от Сталинграда. При транспортах войск, кроме рода их, сообщайте по возможности также номер или номер полевой почты. Положитесь на нас так крепко, как мы вам верим. Не будьте слабыми. Как раз теперь можете показать, что являетесь основой новой дружбы с Германией России».

На Лубянке решили попусту не обременять противника и сообщили, что «Кондратьев» смог приобрести погонны самостоятельно. «Сатурн» похвалил «своего» агента за проявленную инициативу, одновременно предупредил, что поступающие от агента данные подвергаются проверке.

Из первой шифровки «чужих» советская контрразведка сделала вывод, что курьер, направленный в Горький, уже находится на нашей территории, и приняла необходимые меры к его обнаружению.

Одновременно были проведены подготовительные мероприятия по перехвату курьеров «Сатурна», которые должны были прибыть в Москву по делам «Монастырь» и «Курьеры».

Вторая радиogramма свидетельствовала, что после разгрома 6-й германской армии в Сталинграде германская военная разведка предпринимает настойчивые попытки получить данные о планах летней наступательной кампании Красной армии в 1943 году.

В целях выяснения причин неявки курьера в Горький от имени руководства легендируемой церковно-монархической организации 16 февраля по рации «Кондратьева» противнику направили «слезливую» шифровку с просьбой о помощи и ужесточении мер конспирации при направлении курьеров:

«Курьер в Г[орький] пока не прибыл. Денег почти уже нет. На содержание Б[ерезкина] уходят значительные суммы. Рыночные цены на продукты растут, килограмм мяса — 800 рублей, хлеба — 120. Отсутствие денег тормозит развертывание работы. Теряем возможность использовать интересных людей. Нужны документы для Б. Посылку новых курьеров к Александру считаем опасным. Нас очень устроила бы встреча с курьером где-нибудь на улице, с тем чтобы он не знал ни наших фамилий, ни адресов. Сообщите только, как можно будет узнать вашего

курьера и пароль к нему. Просим передать через него помимо материалов для пропаганды денег и документов. Престол».

18 февраля по радиостанции «Кондратьева» принято новое задание от «чужих»:

«Наблюдайте пребывание появившихся летчиков. Постарайтесь узнать, находится ли на аэродромах в М[оскве] больше самолетов или новые самолеты прибывают. Курьер выедет сейчас, как только погода позволит».

1 марта прибыл очередной агент «Абверкоманды 103», направленный курьером к «Кондратьеву» — Владимир Сергеевич Сорокин³⁷⁹, немецкий псевдоним «Сурба», который был арестован советской контрразведкой. Сорокин, как и ряд других немецких агентов, захваченных в ходе операции «Курьеры», был привлечен к сотрудничеству под псевдонимом «Борзов».

2 марта по рации «Кондратьева» у противника запросили мнение «чужих» о циркулирующих в Москве слухах о возможных планах германского правительства о заключении сепаратного мира с СССР: «За последние дни большевистские газеты несколько снизили свой победный тон, однако о действительном положении на фронтах ничего не пишут. В городе циркулируют слухи, что якобы германское правительство сделало большевикам через какое-то нейтральное государство предложения о мире в целях дальнейшей совместной борьбы с Англией».

6 марта «чужим» направили радиограмму: «Как скоро мы сумеем получить обещанные вами ценности, деньги, материалы для пропаганды и документы для Б. Положение с ним катастрофическое, мы его буквально скрываем, в связи с чем пользы от него никакой. Хорошо, если бы вы прислали такие документы, которые дали бы нам возможность отправить его в Горький или Ульяновск, где наши люди сумеют его приютить. В Москве его держать опасно. Ждем ответа. Придет ли курьер в Г[орький]. Престол».

Тем временем «Сурба» рассказал, что получил от немцев задание узнать расположение лагерей немецких военнопленных в советском тылу, в частности Моршанского лагеря для военнопленных Тамбовской области. Вскоре «чужим» сообщили, что курьер благополучно прибыл в Москву, доставив в целости деньги, документы и продукты. В дальнейшем «Сурба» с учетом полученного от «Сатурна» задания был направлен для работы в лагерь для военнопленных, расположенный в Моршанском районе Тамбовской области.

В ответ 15 марта «чужие» радиовали: «Радует нас, что все хорошо вышло. Этот курьер бравый парень, работайте с ним так в дальнейшем вместе, пока он сам втянется в работу. Чем больше глаз, тем больше сообщений. Приветствуем вас».

16 марта по рации «Кондратьева» поступило два новых задания от «чужих»: «1. Мы не знаем, как Б. с Горького или с Урала будет с вами работать. Новый курьер скоро придет к вам, мы дадим ему бумаги, с которыми Б. может вернуться назад к нам. Наблюдайте движение по железной дороге, Харьков наш первый противобой»;

2. Вы должны попытаться узнать, куда передвинулись дивизии, участвующие в боях под Сталинградом. Один друг узнал при разговоре с участниками боев у Сталинграда, к каким частям они принадлежат и куда эти части передвинулись».

Первая радиограмма противника с заданием наблюдать за военными перевозками в районе Харькова была связана с успешным контрнаступлением вермахта в феврале–марте 1943 года в Донбассе и под Харьковом, в результате которого противнику удалось остановить наступление Красной армии на юго-западном на-

правлении и создать важные плацдармы на центральном стратегическом направлении.

18 марта по радиции «Кондратьева» провели два сеанса связи с «Сатурном»:

«1. Мы хотим направить Б. в Ульяновск или в Горький, а не на Урал, вы плохо расшифровали нашу радиограмму. Сведения он сумеет передавать нашим людям, а те в свою очередь с окаяниями нам. Это единственный путь сохранения Б. Если вы можете прислать документы для проезда Б. в один из указанных городов, просим это сделать немедленно. В противном случае рискуем отправить его по документам, которые сфабрикуем сами, что гораздо хуже. Престол».

«2. Являться новому курьеру к Александру считаем опасным. Сделайте так, чтобы мы могли с этим курьером встретиться таким образом, чтобы он не знал ни наших фамилий, ни адресов. С этим курьером ожидаем денег, золота, документов для Б., обещанных ночных пропусков и обязательно материалов для пропаганды. Сообщите, придет ли новый курьер в Г[орький]. О Сталинграде собираем сведения. Престол».

22 марта для организации «Престол» по радиции «Кондратьева» поступили очередные указания от «чужих»: «Хорошо, что вы купили погоны и одну форму. Напоминаем, что железнодорожники — лучший источник для сведений о военном транспорте, с ним держите связь. Мы сделаем все, если будем видеть успех. Для вас самих мы будем всегда присылать довольно денег. Если железнодорожник даст вам сведения из-за нужды в деньгах, если будет хорошо работать, вы должны только проверять правдивость таких сведений, иначе могут что-нибудь говорить, только чтобы деньги получить. Мы имеем возможность через верных людей проверять ваши сообщения. Одна храбрость ничего не даст, если мы не будем знать о передвижении и приготовлении большевиков».

На случай поступления задания от «чужих» направить агента на Урал 17 апреля из НКВД СССР за № 1616 начальнику УНКВД по Челябинской области был направлен план дальнейших мероприятий по радиоигре «Монастырь – Курьеры»:

«По агентурному делу “Курьеры” в ближайшее время к Вам будет направлен задержанный нами германский разведчик, прибывший на подставленную немцам в Москве явку. По ходу игры этот разведчик перемещается в г. Челябинск, куда к нему немцам позднее будет направлен другой разведчик-радист, при помощи которого будет осуществляться связь с германским разведцентром. По нашей легенде, германский разведчик при помощи своих связей должен устроиться на одно из оборонных предприятий в г. Челябинске. Необходимо срочно подобрать наиболее подходящее с Вашей точки зрения предприятие, на котором будет “работать” разведчик, жилье на окраине города, удобное как для организации “конспиративных” встреч, так и для наблюдения. Кроме того, уже сейчас займитесь подготовкой необходимых агентурных кадров, которые по мере надобности можно будет включать в настоящее дело для легендирования наличия в г. Челябинске антисоветской группы. В связи с особой секретностью данной разработки ведение поручите квалифицированному работнику, обеспечив строгую конспирацию. Все мероприятия проводить только с Вашей санкции. О результатах Ваших мероприятий телеграфируйте в Четвертое управление. Кобулов»³⁸⁰.

24 апреля по радиции «Кондратьева» от имени руководителей организации «Престол» в «Сатурн» передали важную дезинформацию о планирующихся перевозках грузов военного назначения в мае 1943 года и категорически потребовали

от «чужих» обещанной финансовой помощи: «На днях имели беседу с Л. («источник» из НКПС. — *Авт.*). Мы поставили перед ним вопрос об усилении работы для вас, указав, что часть обещанных ему денег ведь он уже получил. Л. ответил, что, согласившись работать с нами, он полагал, что мы серьезные люди и к своим обещаниям будем относиться серьезно. В действительности же оказалось наоборот очевидно, заявил он, я не очень им нужен. Мы постарались его как-то успокоить, обещав в ближайшее время урегулировать все его просьбы. Вчера он передал нам, что от своих друзей он узнал, что военным ведомством на май месяц для перевозки войск из глубинных пунктов России запланировано следующее количество вагонов: для дорог Средней Азии — 3000, для Сибири — 1800, для Урала — 2200. По словам сотрудников НКПС, основные железнодорожные перевозки намечаются через Сталинград на Ростов, через Москву на Калинин и частично Ярославль, Бологое. Как видите, возможности этого источника большие, но до тех пор, пока вы не пришлете обещанных 550 тысяч и золота, мы обращаться к нему за сведениями не будем. Сами мы тоже сидим без денег. Не понимаем, почему до сих пор вы не прислали нам обещанных неоднократно материалов для пропаганды. Престол».

27 апреля была принята радиограмма от «чужих»: «Последнее сообщение вашего источника показывает, что он нам может многое сказать. Мы оплачиваем наших работников хорошо, но мы открыто должны вам сказать, что один человек не сможет всего принести, что вы требуете. Хороший курьер и двенадцать тысяч золотых рублей приготовлены. Сообщите, как он сможет это вам передать. Он также принесет несколько листовок для пропаганды. Отвечайте скорее».

29 апреля «чужим» по рации «Кондратьева» радировали: «Курьер должен явиться по адресу Клементовский переулок, дом 8, квартира 9, спросить Валентину Владимировну, она наш человек. Ей он должен оставить все ценности, деньги и материалы для пропаганды, сказав, что эта посылка из Алма-Аты для Татьяны. Если курьеру понадобится личная встреча с кем-либо из нас, пусть он скажет, что хочет видеть Александра. Престол».

Одновременно в целях создания в «Сатурне» представления о работе германских агентов в советском тылу во время сеансов связи с противником агенты общались об «опасностях», которым они подвергались при выполнении задания: «6 мая Шурин попал под облаву военного коменданта на рынке, был задержан, и у него отобрали документы. Ему удалось уйти из комендатуры без удостоверения личности и одной командировки. Сейчас скрывается на квартире. <...> Ему нужно уходить. Посоветуйте, каким образом и где ему лучше переходить к вам».

10 мая нарком госбезопасности направил в ГКО докладную записку № 156/М о ходе проведения оперативной игры «Монастырь – Курьеры»:

«В январе 1942 г. НКВД СССР поставил перед собой задачу установить связь с германскими разведывательными органами в целях дезинформации противника, создания возможностей для переброски нашей агентуры в Берлин и внедрения наших агентов в разведывательные органы противника. <...>

17 февраля 1942 г. нами была организована переброска «Гейне» через линию Западного фронта в направлении г. Гжатска. 15 марта 1942 г. «Гейне» был перебросен немцами обратно на самолете и спущен на парашюте в районе г. Рыбинска Ярославской области.

«Гейне» доложил, что, перейдя линию фронта, он был задержан немцами, подвергнут допросу и после его заявления о желании встретиться с представителем

командования германской армии доставлен в г. Смоленск, где за время своего почти месячного пребывания подвергался тщательным допросам и проверке. <...>

Фамилии лиц, работавших с «Тейне» в г. Смоленске, он не смог узнать, однако, как было нами установлено позже по материалам радиоперехвата, этими лицами являлись: полковник Герлиц и полковник Хуффман. Герлиц — полковник германской армии, начальник разведывательного отдела штаба среднеармейской группировки германской армии в г. Смоленске. Хуффман — полковник германской армии, начальник контрразведывательного отдела штаба среднеармейской группировки германской армии в г. Смоленске.

В целях закрепления положения «Тейне» в германской разведке и дальнейшего развития разработанной нами легенды НКВД СССР от имени «Тейне» передавал по радию, якобы сконструированной самим «Тейне», материалы дезинформационного характера, получаемые в Генеральном штабе Красной армии.

Необходимо отметить, что перед отправкой «Тейне» в Союз немцы обещали ему при первой необходимости помочь техникой, деньгами и материалами для пропаганды.

Первые четыре месяца мы сознательно воздерживались от каких бы то ни было просьб к немцам и даже отклонили их предложение о направлении в Москву курьера, мотивируя это опасностью провала.

В августе 1942 г. мы сообщили немцам, что имеющийся в организации передатчик приходит в негодность и требует замены. В результате 24 августа на названную нами квартиру в Москве явились два курьера от немцев, которые доставили «Тейне» 10 000 рублей и продукты, а посланную с ними немцами рацию курьеры оставили на месте приземления, боясь провала»³⁸¹.

В апреле–мае 1943 года произошла реорганизация советских спецслужб³⁸². В результате выделения в самостоятельное ведомства Наркомата госбезопасности СССР 4-е Управление НКВД СССР было преобразовано в 4-е Управление НКГБ СССР, которое и продолжило проведение оперативных игр «Монастырь» и «Курьеры».

Вскоре был обезврежен очередной посланец «Сатурна» к «Кондратьеву». Не все агенты германской военной разведки — бывшие военнослужащие Красной армии отказывались выполнять задания противника и добровольно являлись с повинной в советские органы безопасности.

Среди них были и те, кто сознательно согласился служить врагу. Одним из таких предателей был Михаил Быбченко, немецкий псевдоним «Шурин». Быбченко прибыл в Москву с фиктивными документами на имя Рыбина Михаила Сергеевича.

По прибытии в Москву Быбченко-Рыбина разместили на заранее подготовленной контрразведчиками квартире и взяли под наблюдение. Понаблюдав за ним некоторое время и 12 мая под видом «очередной ночной проверки милицией» «Шурин» был арестован сотрудниками 4-го Управления НКГБ СССР.

В целях предупреждения сопротивления при задержании у курьера «хозяином» квартиры был изъят револьвер, а в роли милицейского патруля выступили переодетые в форму милиции оперативные сотрудники НКГБ.

В ходе следствия Быбченко поначалу попытался отрицать свою связь с германской военной разведкой, но вскоре под давлением неопровержимых улик был вынужден дать признательные показания.

Кроме сведений о противнике, материалы протокола допроса М.С. Быбченко также могут быть иллюстрацией того, что могло стать причиной его сотрудничества с оккупантами. Приведем некоторые фрагменты из протокола допроса Быбченко от 22 мая 1943 года:

Вопрос: Вы задержаны милицейским патрулем как проживающий в Москве без прописки. Когда вы прибыли в Москву? *Ответ:* 9 мая 1943 года.

Вопрос: Откуда вы прибыли? *Ответ:* Из штаба 10-й армии.

Вопрос: Вы состоите на службе в штабе 10-й армии? *Ответ:* Да.

Вопрос: В качестве кого? *Ответ:* В качестве фельдгегера 81-го полка связи.

Вопрос: Зачем вы приехали в Москву? *Ответ:* Я направлен в Москву штабом 81-го полка связи 10-й армии для доставки двух пакетов в штаб Московского военного округа.

Вопрос: Где находятся эти пакеты? *Ответ:* Я их сдал в штаб Московского военного округа.

Вопрос: Вы это утверждаете? *Ответ:* Да, пакеты мною вручены в штаб Московского военного округа.

<...> *Вопрос:* Вам предъявляется обнаруженный при вашем обыске реестр 81-го полка связи 10-й армии на указанную корреспонденцию, однако в реестре никаких росписей о получении штабом Московского военного округа корреспонденции не имеется. Вы что, пакеты сдали без расписки? *Ответ:* Должен признать, что я действительно показываю неправду. Никакой корреспонденции в штаб Московского военного округа я не доставлял.

Вопрос: Зачем вы были командированы 81-м полком связи в Москву? *Ответ:* Мои показания о службе в 81-м полку связи 10-й армии также не соответствуют действительности.

Вопрос: В таком случае покажите, где и каким образом вы достали документы военнослужащего 81-го полка связи? *Ответ:* Документы на имя Рыбина Михаила Сергеевича выданы мне германскими разведывательными органами, и я прибыл в Москву по заданию немцев.

Вопрос: А какая ваша действительная фамилия? *Ответ:* Быбченко Михаил Сергеевич.

Вопрос: Покажите подробно, откуда вы родом и как попали на службу к немцам? *Ответ:* <...> С ноября 1940 года я поступил в московскую милицию в качестве милиционера.

Вопрос: Кто вас направил на работу в милицию? *Ответ:* В армии я служил в кавалерии, и, узнав, что в кавэскадрон московской милиции, впоследствии переименованный в 3-й оперативный отряд Управления милиции гор. Москвы, требовались бойцы, я обратился с соответствующей просьбой и был принят на должность милиционера.

Вопрос: Сколько времени вы прослужили в милиции? *Ответ:* До 23 августа 1942 года.

Вопрос: По какой причине была прервана ваша служба в милиции? *Ответ:* В августе 1942 года я дезертировал из милиции, бежал из Москвы и через линию фронта перешел на сторону немцев, которыми и был завербован в разведывательную школу.

Вопрос: Что принудило вас изменить Родине и перейти на сторону немцев? *Ответ:* Мои антисоветские настроения.

Вопрос: Когда и в связи с чем у вас возникли антисоветские настроения? *Ответ:* С первых дней моей службы в милиции я не поладил со своим командиром Гусевым, который постоянно выражал недовольство моей работой и систематически подавал докладные записки командиру эскадрона Козыреву.

Вопрос: Какое это имеет отношение к вашим антисоветским настроениям? *Ответ:* В связи с плохим отношением ко мне на службе я неоднократно подавал рапорт об увольнении меня из органов милиции, но мои просьбы не удовлетворялись. Тогда я умышленно стал плохо относиться к работе, полагая, что за нарушение дисциплины буду уволен. Однако и это не помогло. Тогда я решил самовольно бросить работу и бежать к немцам.

Вопрос: Вы показываете о своем недовольстве службой в милиции. Покажите, в чем состояли ваши антисоветские настроения? *Ответ:* Неудовлетворенность службой вызвала во мне недовольство властью в целом. Других причин, побудивших меня изменить Родине, не было.

Вопрос: Вы что-то путаете. Говорите правду. Почему вы решили бежать к немцам? *Ответ:* Я считал, что в войне с Германией Советский Союз потерпит поражение, и хотел быть вместе с победителями — немцами.

<...> *Вопрос:* Покажите подробно, каким образом вы осуществили свой предательский замысел? *Ответ:* 23 августа 1942 года я и милиционер Какоткин Михаил ехали на лошадях из отряда в 32-е отделение московской милиции, где мы с 22 часов должны были заступить на дежурство. На углу шоссе Энтузиастов и Авиамоторной улицы под предлогом заехать к знакомой девушке я отстал от Какоткина и поехал на станцию Москва-Сортировочная, где у меня заблаговременно обусловлена встреча с Мякишевым. Лошадь была мной оставлена у бараков близ ж[елезно]д[орожной] станции.

<...> *Вопрос:* Вы зря пытаетесь скрыть свои вражеские дела. Покажите, при каких обстоятельствах вы были втянуты в разведывательную работу в пользу немцев? *Ответ:* В начале декабря 1942 года в той же воинской части я был допрошен немецким обер-лейтенантом Гебаут, которому повторил показания, данные мною в штабе 10-й германской армии. В январе 1943 года Гебаут направил меня и еще трех человек, бывших военнослужащих Красной армии, работавших в той же воинской части, в школу разведчиков, находившуюся в местечке Катынь Смоленской области. <...>

Вопрос: Покажите, что вам известно о Катынской разведывательной школе немцев? *Ответ:* Катынская школа германской разведки готовит разведчиков для переброски на советскую территорию. В ней обучали разбираться в структуре Красной армии, ее вооружении и знакомили с приемами и методами разведывательной работы. Кроме того, нам преподавали географию и топографию.

Вопрос: Назовите руководящий и преподавательский состав Катынской разведывательной школы? *Ответ:* Мне известны только названный выше зондерфюрер школы и преподаватель Лебедев Николай Павлович. В Катынской школе готовятся также разведчики-радисты, но их преподаватели мне неизвестны, так как радиоделу я не обучался.

Вопрос: Лебедев русский? *Ответ:* Да. Лебедев бывший командир Красной армии, лет 36, ниже среднего роста, худощавый, брюнет с широкими, сросшимися бровями. Как оказался на службе у немцев, мне неизвестно.

Вопрос: Сколько учащихся было в Катынской разведывательной школе? *Ответ:* Около 60 человек, из них половина обучалась отдельно от нас радиоделу.

Вопрос: Как долго вы учились в этой школе? *Ответ:* В конце марта 1943 года я в числе 25 курсантов был направлен во вновь организованный филиал Катынской разведывательной школы в местечке Печи близ города Борисова Белорусской ССР. Вместе с нами в местечко Печи выехали зондерфюрер и преподаватель Лебедев Н.П. Оставшимся в Катынской школе 36 разведчикам преподавали: Меньшиков — бывший лейтенант Красной армии, ориентировочно 1915–1916 года рождения, выше среднего роста, худощавый, и офицер германской армии, по национальности эстонец, владеющий русским и немецким языками.

Вопрос: Сколько человек обучалось в разведывательной школе в местечке Печи? *Ответ:* Около 80 человек, из них 30 радистов.

<...> *Вопрос:* Была ли вам германской разведкой присвоена кличка? *Ответ:* Да. В Катынской школе я находился под кличкой “Шурин”.

<...> *Вопрос:* Когда вы были переброшены через линию фронта и каким образом? *Ответ:* 30 апреля 1943 года зондерфюрер, Петров, я и 4 других разведчика из Печенской школы выехали в Катынь, откуда предназначался мой вылет в советский тыл. В течение 6 дней вылет задерживался в связи с неблагоприятными метеорологическими условиями, и мы находились в помещении Катынской разведывательной школы. 26 апреля 1943 года я и остальные 4 разведчика были доставлены на смоленский аэродром, где в присутствии Петрова, прибывшего вместо ушедшего 25 апреля в отпуск зондерфюрера, германский офицер дал мне через переводчика задание, с которым я должен был пробраться в Москву.

<...> *Вопрос:* В Москве вы с Сорокиным встречались? *Ответ:* Да, я виделся с ним на квартире у Сергея Захаровича. Следующая встреча с Сорокиным у меня была назначена на 10 часов утра 7 мая в квартире у моего старого приятеля — Гущина Николая, проживающего в общежитии железнодорожников — Бутырский вал, дом № 5-а. Но эта встреча не состоялась, вследствие того что я не имел возможности явиться к нему.

Вопрос: По какой причине? *Ответ:* 6 мая на Немецком рынке я был задержан комендантом рынка, который отобрал у меня удостоверение личности, командировочное предписание и реестр с расписаниями о получении пакетов. Хотя мне удалось из комендатуры скрыться, однако после этого случая я боялся ходить по Москве и на встречу с Сорокиным не явился. Но Сорокин 7 мая в 11 часов утра сам явился на квартиру Сергея Захаровича, и, когда я сообщил ему о случившемся, он порекомендовал мне немедленно покинуть Москву. <...>

Вопрос: В Москве вы с Сорокиным встречались? *Ответ:* <...> Следующая встреча с Григорием Григорьевичем* должна была состояться опять-таки на квартире Сергея Захаровича 11.V-[19]43 г. в 3 часа дня, но она не состоялась в связи с моим арестом».

В целях соблюдения секретности операции Быбченко под условным номером поместили в отдельную камеру Внутренней тюрьмы.

Вскоре советскую контрразведку ждала неожиданная удача. Накануне сражения на Курской дуге, 15 мая 1943 года, в районе Минск – Борисов перешел к партизанам неизвестный с документами на имя разведчика разведотдела штаба Западного фронта майора Красной армии Потемкина Дмитрия Михайловича. Он заявил, что является официальным сотрудником, писарем Паспортного бюро

* Речь идет о Г.Г. Зобаче.

«Абверкоманды 103» — бывшим военнослужащим Красной армии Дмитрием Захаровичем Шинкаренко³⁸³.

Рассказ об обстоятельствах перехода Д.З. Шинкаренко к партизанам опубликован на страницах книги, посвященной деятельности сотрудников контрразведки «Смерш» в годы Великой Отечественной войны:

«На протяжении нескольких месяцев Шинкаренко готовил своей побег, тайком собирая информацию для последующей передачи советским органам безопасности. Наконец 15 мая 1943 г. он явился в партизанскую бригаду “Разгром”, действовавшую в районе Борисова, и передал составленный им альбом из 141 фотографии агентов абвера, заброшенных в советский тыл, с указанием их настоящих фамилий и псевдонимов; 96 фотографий курсантов, обучавшихся в Борисовской разведшколе; оттиски поддельных печатей, проставляемых на документах прикрытия немецких разведчиков, а также секретную немецкую топографическую карту с дислокацией войск Красной армии на линии Холм – Харьков по состоянию на 27 апреля 1943 г. Вскоре Шинкаренко и добытые им материалы поступили в Москву на Лубянку для последующего оперативного использования»³⁸⁴.

В ходе следствия Шинкаренко сообщил советским органам безопасности ценные сведения о противнике, в том числе по Катинской и Борисовской разведшколам, а также данные о руководящем составе и агентам «Абверкоманды 103».

До войны Шинкаренко работал заместителем главного бухгалтера Красноярского машиностроительного завода. В августе 1937 года арестовывался органами НКВД СССР. В октябре 1939 года по решению краевого суда освобожден. 23 июня 1941 года был призван в Красную армию, заведовал делопроизводством 4-го отделения 17-й гвардейской стрелковой дивизии 41-й армии.

9 июля 1942 года, возвращаясь из разведки, с группой красноармейцев был взят в плен германскими войсками в районе г. Белого. В лагере для советских военнопленных был завербован для службы в германской военной разведке и направлен в «Абверкоманду 103» при штабе группы армий «Центр» на советско-германском фронте.

Приведем несколько фрагментов из протокола допроса Д.З. Шинкаренко от 2 июня 1943 года:

«Вопрос: 15 июля 1943 года в районе Минск – Борисов вы были задержаны патрулем партизан с документами на имя разведчика Разведотдела штаба Западного фронта майора Красной армии — Потемкина Дмитрия Михайловича. С какой целью вы проникли в район действия партизанского отряда? *Ответ:* Я бежал от немцев из лагеря военнопленных, что в м. Печи Борисовского района Минской области, и имел при себе для передачи органам советской власти документы об агентуре германской разведки, засылаемой на территорию СССР.

Вопрос: Какие документы вы имели при себе для передачи органам советской власти? *Ответ:* При мне имелось:

— альбом из 141 фотографических карточек агентов немецкой разведки с указанием в большинстве случаев их настоящих фамилий, кличек и подложных документов, с которыми эти лица были заброшены на территорию СССР;

— 96 фотокарточек разведчиков, обучавшихся в немецкой разведшколе;

— оттиски поддельных печатей, проставляемых на фиктивных документах германских разведчиков, посылаемых на советскую сторону, а также 12 незапол-

ненных бланков удостоверений Разведывательного отдела штаба Западного фронта, изготовленных немцами на шелку и кальке;

— секретная немецкая карта с указанием дислокации войск Красной армии на линии Холм – Харьков по состоянию на 27 апреля 1943 года.

Вопрос: Как попали к вам эти документы? *Ответ:* Я их похитил.

Вопрос: Откуда? *Ответ:* Из паспортного бюро “Абверкоманды 103”, к сотрудничеству в котором был привлечен немцами в последних числах июля 1942 года, после того, как попал в плен. Для ясности разрешите мне рассказать подробно об обстоятельствах моего пленения и дальнейшего пребывания в немецком лагере для военнопленных.

Вопрос: Рассказывайте. *Ответ:* С первых дней войны я состоял в действующей армии, в последней должности — зав[едующий] делопроизводством 4-го отделения штаба 17-й гвардейской стрелковой дивизии 41-й армии. 9 июля 1942 года, возвращаясь из разведки и разыскивая свою часть, я попал в окружение и в лесу, в 20 километрах северо-восточнее гор. Белый, вместе с группой бойцов и командиров был захвачен в плен немецкими войсками.

Вопрос: Не оказав вооруженного сопротивления? *Ответ:* Сарай, в котором мне пришлось скрываться, окружило свыше 20 немецких автоматчиков, ввиду чего сопротивление при наличии у меня одного лишь пистолета я счел бесполезным и сдался. После пленения меня направили в штаб германской дивизии близ деревни Шапково, и я был допрошен о месте нахождения продовольственных баз 41-й армии и соотношении сил на известном мне участке фронта. Немецкому офицеру на допросе я ответил, что базы находятся в районе между Нелидово и Торопцом, а соотношение сил, за исключением авиации, равно: один к пяти в пользу Красной армии. <...>

Вопрос: Вас определили в школу разведчиков? *Ответ:* Нет, в паспортное бюро германского разведывательного органа — “Абверкоманда 103” (условно именовалась “Сатурн”).

Вопрос: Совершенно очевидно, что вами перед поступлением на работу в “Абверкоманду 103” были оказаны услуги германской разведке. Предлагаем, не утаивая, показать все о своей шпионской работе. *Ответ:* Шпионом я не был и использовался лишь в качестве технического работника в паспортном бюро, занимавшемся под руководством Брониковского изготовлением фиктивных документов для германских разведчиков.

Вопрос: Что вам известно о возглавлявшем паспортное бюро “Абверкоманды 103” — Брониковском? *Ответ:* Брониковский являлся руководителем не только паспортного бюро, но и школы германских разведчиков, дислоцированной в м. Катынь. По национальности он — поляк и постоянно проживал в Варшаве. Как-то Брониковский рассказал мне, что в разведке работает 26 лет, и почти все годы — против русских.

Вопрос: В пользу какого государства вел шпионскую работу Брониковский? *Ответ:* В пользу Польши.

Вопрос: В таком случае как же он попал на руководящую работу в германские разведывательные органы? *Ответ:* Не знаю, а допытываться не считал для себя удобным. Брониковский, с его слов, некоторое время проживал в Советском Союзе легально, в составе польского посольства, а затем нелегально, у директора какого-то завода в г. Одессе. Будучи уже на службе у немцев, в 1941 году, в пери-

од боев за Тулу, Брониковский руководил разведкой, действовавшей в этом направлении. За время моего пребывания в немецкой разведке (около 10 месяцев) Брониковский был награжден четырьмя медалями знак с мечами второй степени (из бронзы) “За храбрость и заслуги” и одним (серебряным) того же наименования первой степени.

Вопрос: Какими документами было оформлено ваше сотрудничество в германской разведке? *Ответ:* Я только заполнил анкету с указанием — когда и где родился, кем работал на гражданской службе и в Красной армии, местожительства и состав семьи, поле чего мне была присвоена кличка “Михайлов”, а Симавину³⁸⁵ — “Петров”, хотя в лагере до последнего времени меня почему то все именовали “полковник Петров”. В первые дни пребывания в Катинском лагере под постоянным наблюдением Брониковского я и Симавин оформляли красноармейские книжки и другие фиктивные документы для разведчиков, подготовлявшихся к переброске в район расположения действующих частей Красной армии. При заполнении красноармейских книжек и других удостоверений личности, естественно, нам приходилось беседовать с разведчиками, проверяя — твердо ли они усвоили записи, сделанные нами в фиктивных документах.

Вопрос: Следовательно, вы были в курсе того, какие агенты немецкой разведки забрасывались в тыл Красной армии? *Ответ:* Да, все агенты, заброшенные в тыл Красной армии из “Абверкоманды 103”, для которых я и Симавин оформляли фиктивные документы, мне известны.

Вопрос: Непонятно в таком случае, почему вам, советскому военнопленному, немцы доверили такой важный участок работы в своей разведке. Говорите правду: чем вы заслужили доверие германской разведки? *Ответ:* Брониковский вначале строго меня контролировал, сам присутствовал при заполнении документов и переспрашивал разведчиков — насколько они освоились с записями, сделанными нами в красноармейских книжках и иных удостоверениях личности, но вскоре мне удалось у Брониковского создать о себе мнение как о деловом человеке. <...>

Вопрос: Какими побуждениями вы руководствовались, до такой степени выслуживаясь перед немцами? *Ответ:* В действительности я рассчитывал воспользоваться своим положением в паспортном бюро в ущерб немцам и посылаемых на советскую территорию германских разведчиков умышленно снабжал недоброкачественно изготовленными документами, чтобы органам советской власти по явно поддельным документам было легче разоблачить их владельцев. Меня не оставляла мысль об освобождении из немецкого плена, я в октябре 1942 года договорился на этот счет с Симавиным, который дал согласие работать против немцев. <...>

Вопрос: В чем заключались изъяны в изготовленных вами документах? *Ответ:* Комплект документов, которыми снабжались перебрасываемые в Советский Союз германские разведчики, состоял из удостоверения личности, расчетной и вещевой книжек, командировочного удостоверения или справки от госпиталя, продовольственного аттестата и проездного литера. Эти документы заполнялись нами однообразным почерком с незначительными изменениями.

Расчетные книжки, выпущенные нашим бюро в 1943 году, имеют только одну серию “ПХ”, а графы вещевых книжек и удостоверений личности во всех случаях заполнялись одинаково. Все фиктивные справки от госпиталей изготовлялись на

бланках одинакового цвета, размера и типа, причем были отпечатаны на линованной бумаге. В справках, выдаваемых разведчикам, местонахождение госпиталей мы указывали произвольно и один и тот же госпиталь показывали значащимся в разных городах. Несмотря на введение в Красной армии знаков отличия за ранение, в справках им не зачеркивал ненужные слова: легкое или тяжелое.

Разведчики, посылаемые для шпионской работы в район расположения действующей армии, получали командировочные предписания, выдаваемые штабами полков, но документов, оправдывавших их передвижение от передовой линии до штаба полка, мы умышленно не выдавали. Все командировочные предписания, которыми снабжались германские разведчики, направлявшиеся в глубокий тыл Советского Союза, оформлялись нами вопреки требованиям приказа НКО № 225 от 25 июля 1942 года, в соответствии с которым штабам войсковых соединений (до армии включительно) запрещалась выдача командировок в глубокий тыл Советского Союза. <...>

Вопрос: Неясно, почему эвакуация в глубь оккупированной территории могла благоприятствовать вашему побегу из лагеря? *Ответ:* Катынь — открытое место, а Печи расположены в лесах, в районе действия партизанских отрядов, о чем можно было судить по нередко объявлявшимся в лагере тревогам и поступавшим от окружающих сведениям. Кроме того, в м. Печи с конца марта т. г. я начал пользоваться правом свободного передвижения до г. Борисов, что, естественно, создавало дополнительные возможности к побегу. Вскоре после переезда в Печи Брониковский был снят с работы.

Вопрос: В связи с чем? *Ответ:* 22 апреля т. г. Брониковский собрал вещи и уехал в Варшаву, “в отпуск”, как заявил он. На самом деле Брониковский был снят с работы, как мне об этом сказал позже его преемник. Действительных причин снятия Брониковского я не знал, но полагаю, что его судьбу определил факт участия в провалах агентуры, которая в большинстве случаев не возвращалась из фронтовой разведки, недовольство им как поляком со стороны немецкой части персонала школы, а также злоупотребление денежными средствами.

Вопрос: Какие? *Ответ:* Брониковский подделывал квитанции — расписки разведчиков в получении денег, проставлял в них значительно большие суммы, чем в действительности были выданы на руки, а остаток присваивал себе. Дела от Брониковского принял зондерфюрер (фамилия неизвестна), немец, лет 23, с его слов, в финскую кампанию (1939–1940 гг.) работал от Германии в разведке против русских. Судя, однако, по интересу, который стал проявлять к школе после снятия Брониковского другой зондерфюрер, некий Владимир Александрович³⁸⁶ (фамилия мне неизвестна), можно предположить, что именно он предназначался на должность руководителя школы и паспортного бюро.

Вопрос: Какими сведениями вы располагаете в отношении Владимира Александровича? *Ответ:* Владимир Александрович — русский, с его слов, в прошлом являлся кадровым офицером бывш[ей] царской армии, белоэмигрант, при неизвестных мне обстоятельствах перешел на службу в разведывательные органы германской армии, награжден двумя «Железными крестами» и имеет знак отличия за проведенную на Восточном фронте зиму 1941 года. С Владимиром Александровичем я имел встречу незадолго до своего побега.

Вопрос: По какому поводу? *Ответ:* 2 мая т. г. он прибыл в Печи за шестью разведчиками, намечавшимися к отправке с заданием на ст. Касторная. После того

как соответствующие документы для разведчиков были оформлены, Владимир Александрович пригласил меня послушать его инструктаж разведчиков, намеченных к заброске. Перед разведчиками Владимир Александрович поставил задачу: проследить за продвижением во всех направлениях, в особенности на запад и юг, советских войск, а также проверить — не минируются ли здания в г. Курске. По окончании беседы Владимир Александрович спросил меня, так ли инструктировал разведчиков Брониковский? С видом человека, постоянно присутствовавшего при инструктажах, я сказал, что Брониковский задачи ставил смутно, а за то, что разведчики его не понимали, награждал их пощечинами и обзывал “собачьей кровью”. Отозвавшись нелестно о Брониковском, Владимир Александрович сказал, что хотя тот и работает против русских, но их не понимает. На этом закончилась моя встреча с Владимиром Александровичем. Столь же нелестно отзывался по адресу Брониковского принявший от него дела молодой зондерфюрер, о котором я уже показывал.

Вопрос: Расскажите о своих беседах с этим зондерфюрером. *Ответ:* Молодой зондерфюрер, делясь своими впечатлениями по работе, говорил, что разведку против русских вести гораздо труднее, чем, скажем, против французов. Составом разведчиков, прошедших через штаб фронта, немцы — с его слов — недовольны и не верят в их благонадежность, допуская, что среди германской агентуры имеется определенная прослойка советских разведчиков. Немцы, как я заключил из высказываний зондерфюрера в одну из наших встреч в мае т. г., считают, что если из всего состава разведчиков будут работать 20–25%, и то хорошо в смысле количества.

Вопрос: Какие еще встречи вы имели с молодым зондерфюрером? *Ответ:* 7 или 8 мая он прибежал ко мне в бюро с картой обстановки Разведотдела штаба Центральной группы войск по состоянию на 5 мая т. г. и заявил, что решено наступать с Орла в направлении на Елец и дальше на Пензу, с Курска и Харькова на Воронеж и с Белгорода на Малоархангельск с задачей — окружить и уничтожить действующую на этом участке фронта группировку советских войск.

Вопрос: Вы твердо помните, что зондерфюрер говорил о предполагавшемся наступлении именно в этом направлении? *Ответ:* Хотя зондерфюрер говорил по-русски плохо, я его понимал и твердо помню, что он говорил о предполагавшемся наступлении именно в этом направлении.

Вопрос: Продолжайте. *Ответ:* Зондерфюрер сказал далее, что наступление предполагается и на юге, но направления не указал. По данным, которыми со мной поделился в этот день зондерфюрер, в район Орла стянуто девять германских армий, из которых половина — танковых, причем подтягивание резервов продолжается. Военная база Восточного фронта, — продолжал он, — находится в г. Конотопе. На участке фронта от Великих Лук до Дорогобужа германским командованием решено перейти к обороне до конца войны. Там находится всего две армии, одна из них танковая со штабом в г. Витебске, по оценке зондерфюрера, якобы небоеспособна.

Вопрос: Зачем потребовалось немецкому офицеру делиться с вами, советским военнопленным, планом предполагаемого наступления германской армии? *Ответ:* 25 или 26 апреля между нами имел место разговор по поводу направления возможного удара против советских войск, и я при этом высказал мысль, что наступление может развиваться в направлении на Елец и Воронеж.

В этой-то связи 7 или 8 мая зондерфюрер явился ко мне в бюро и, запыхавшись, объявил: “Готово!” Затем он развернул передо мной карту, на которой я заметил, что 30-я советская армия обозначена стрелкой. На мой вопрос, — а это почему, — зондерфюрер пояснил, что 30-я советская армия переведена как будто в район Орла, но “точно пока неизвестно”, после чего сообщил приведенные сведения о предполагаемом наступлении немцев в направлениях — Елец, Воронеж и Белгород. Очевидно было, что молодой немец решил блеснуть передо мной своей осведомленностью и как бы продолжал состоявшийся незадолго до этого разговор о направлении возможного удара германских войск. Беседа с зондерфюрером меня убедила, что тянуть с побегом нельзя, тем более что обстановка со снятием Брониковского благоприятствовала моим планам и контроль за моей работой вовсе прекратился, так как молодой немец не был еще в курсе дел паспортного бюро. <...>

Вопрос: С какими заданиями разведчики посылались на советскую территорию? *Ответ:* Мне точно неизвестно, так как поручения Брониковский давал им наедине, но иногда мне удавалось прослушать через дощатую стенку барака разговор Брониковского с разведчиком. Брониковский обычно агентам, направляемым в район действующей Красной армии, поручал сбор сведений о движении частей, родах войск, их численности, вооружении, дислокации, состоянии транспорта, оборонительных сооружениях и т. д. Разведчиков, направляемых в глубокий тыл, Брониковский снабжал рацией, компасом, часами и советскими деньгами из расчета до 20 тысяч рублей (как правило, сторублевыми купюрами).

Вопрос: Откуда Брониковский получал эти деньги? *Ответ:* Со слов Брониковского, деньги были из захваченных немцами в 1941 году и имели вид находившихся уже в обращении, хотя попадались и новенькие ассигнации, но установить — поддельна ли она, мне не удалось. Размеры денежных средств определялись сроком, на который посылался разведчик, из расчета примерно до 10 тысяч рублей в месяц. В глубокий тыл разведчики забрасывались с самолетов и направлялись под видом старших и средних командиров Красной армии, иногда спарено: старший командир с младшими или красноармейцем. Осенью 1942 и в начале 1943 г. германская разведка, по утверждению Брониковского, усиленно перебрасывала в тыл Красной армии своих агентов в форме летчиков с заданием внедриться в авиачасти. <...>

Вопрос: На основании чего вы заключили, что в Москве имелись агенты “Абверкоманды 103”? *Ответ:* В конце ноября 1942 года Брониковский обратился ко мне с просьбой помочь разобрать несколько непонятных слов в расшифрованной им радиограмме. Разбирая эти слова, я успел прочитать текст радиограммы, которая примерно гласила: “...с источником НКПС связался. Прошу прислать интеллигентного курьера, который смог бы передать установки, программу действий, материал для пропаганды и привезти деньги”.

Брониковский тут же составил следующего содержания ответ на радиограмму за подписью “КАП” (условное наименование начальника Разведывательного отдела штаба Центральной группы войск Восточного фронта): “Командование вашей работой довольно и при продвижении наших войск получите любую работу, а также и ваши друзья по работе. Сообщите, какую бы вы хотели получить работу. На первый раз посылаю 800 000 рублей. Сообщите, сколько вам требуется еще. Посылать большие суммы считаю неудобным — большие кипы. Сообщите, удобно ли будет послать деньги в долларах. Сообщите, в какой город удобнее прислать

курьера”. Брониковский, зачитав ответную радиограмму в Москву, спросил, достаточно ли ясно по-русски он выразил свою мысль; я сказал, что все понятно.

В январе 1943 года Брониковский направил в Москву для связи со своей агентурой курьеров Ильина Виктора Алексеевича, которого снабдил документами 168-го отдельного батальона связи, и Еркина Ивана Григорьевича по документам на имя старшего лейтенанта 269-й стрелковой дивизии. В беседе, имевшей место в феврале 1943 года в м. Катынь, Брониковский в подтверждение своих “недюжинных” способностей разведчика сослался на тот факт, что “в Москве из НКПС мы получаем необходимые сведения, знаем номера эшелонов, их груз и куда они следуют”.

Положительную оценку деятельности шпионов, заброшенных немцами в Москву, дал также в беседе со мной в период между 10 и 15 мая упоминавшийся выше молодой зондерфюрер, сменивший Брониковского в должности руководителя школы разведчиков.

Вопрос: Что конкретно говорил вам молодой зондерфюрер? *Ответ:* Он сказал, что “в НКПС дело налажено, там на нас работает какой-то комиссар”, но фамилии последнего не назвал. Со слов Брониковского мне также известно, что в Москву благополучно прибыли под видом военнослужащих разведчики Катынской школы: Николаев Анатолий Иванович, Зобач Григорий Григорьевич, Станкевич Иосиф Петрович и Шакулов Иван Ермолаевич. В начале 1943 года троим разведчикам через специального курьера (кого именно — не знаю) Брониковским были направлены изготовленные мною новые документы с продлением срока командировки, а четвертому — Зобачу, изменена на фамилию Минина, командира из 41-й танковой бригады.

Я изложил основные данные о заброшенной на советскую территорию через “Абверкоманду 103” немецкой агентуре и прошу дать мне время вспомнить и воспроизвести дополнительно известные мне факты о деятельности германских разведывательных органов».

Допрос производили заместитель начальника Следчасти по особо важным делам НКГБ СССР полковник госбезопасности Л.Л. Шварцман³⁸⁷ и начальник 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР полковник госбезопасности И.Б. Маклярский.

Материал, полученный от Шинкаренко, советской контрразведкой был подвергнут тщательной проверке. В этой связи были подробно допрошены несколько курьеров абверкоманды, задержанных ранее. В их числе был и Г.Г. Зобач.

Во время допроса 24 июня 1943 года Григорий Зобач дал показания о методике изготовления фальшивых документов в Катынской разведшколе:

«Вопрос: Когда вы были выброшены на территорию Советского Союза? *Ответ:* На территорию Советского Союза я был выброшен с немецкого самолета на парашюте ночью 30 сентября 1942 года.

Вопрос: С какой целью вы были выброшены? *Ответ:* Я был выброшен после окончания Катынской школы немецких разведчиков (радистов) для проведения шпионской работы на территории гор. Москвы.

Вопрос: При аресте у вас были обнаружены документы на имя Чуба Григория Григорьевича. Это ваша настоящая фамилия? *Ответ:* Нет, не настоящая. Моя настоящая фамилия Зобач Григорий Григорьевич.

Вопрос: Где вы получили документы на имя Чуба Григория Григорьевича? *Ответ:* Документы на имя Чуба Г.Г. я получил в Катынской школе немецкой разведки накануне дня моей отправки на территорию СССР.

Вопрос: Кем были изготовлены указанные документы? *Ответ:* Изготовлением фиктивных документов в Катынской школе занимались два человека. Их настоящих фамилий я не знаю, но зондерфюрер их называл одного Петровым, другого Ивановым. Кто из них Петров и кто Иванов, я не знаю. <...>

Вопрос: Расскажите подробно о порядке изготовления фиктивных документов в Катынской школе? *Ответ:* Общий порядок изготовления документов мне подробно неизвестен, но знаю, что большинство документов изготавливается непосредственно в Катынской школе, в отдельных случаях лица, изготавливающие документы, выезжают вместе с разведчиками на линию фронта, где после выяснения обстановки изготавливают документы на месте, в частности, при изготовлении для меня первого варианта документов со мною в гор. Спас-Демянск выезжал работник школы, приметы которого мною указаны под порядковым номером первый. Впоследствии эти документы были забракованы, так как предполагавшийся вариант моей выброски не состоялся (немцы предполагали сделать танковый прорыв линии обороны советских войск, после чего отойти, оставив меня на советской территории).

Второй вариант документов, с которыми я и был выброшен на советскую территорию, был изготовлен в помещении школы следующим образом.

За день до моей отправки меня вызвал к себе зондерфюрер и сказал, чтобы я шел к лицам, которые изготавливают документы (при этом он по их адресу выразился нецензурно), и чтобы я лично проследил весь процесс изготовления документов от начала и до конца. Когда я пришел к ним, то они уже были предупреждены зондерфюрером о том, что они сегодня же должны изготовить мне документы.

В моем присутствии они достали из шкафа чистые бланки (в это время вошел зондерфюрер) и стали меня спрашивать, какие я желал бы иметь документы. Я ответил, что вам про это лучше знать, чем мне. Тогда зондерфюрер сказал, что поскольку я еду с рацией, то самыми лучшими документами для меня будут служебное удостоверение сотрудника Особого отдела, сержанта госбезопасности и командировочное предписание едущего в Москву по специальному заданию. После чего первый заполнил бланк удостоверения сотрудника Особого отдела на фамилию Чуба Григория Григорьевича, а второй отпечатал на машинке и сам же подписал командировочное удостоверение на ту же фамилию. Затем каждый из них порознь мне вручили изготовленные ими документы. Получив документы, я ушел...»

Рассказ Г.Г. Зобача полностью совпадал со сведениями, сообщенными Д.З. Шинкаренко. Из показаний Шинкаренко советская контрразведка получила дополнительную и очень ценную информацию о планах германского военного командования о планировании наступательной операции летом 1943 года.

Кроме того, Шинкаренко подтвердил, что противник доверяет своим агентам, направленным в Москву на связь с «Гейне». Важной стала и информация о руководящем составе и агентах «Абверкоманды 103», а также о формах и методах работы германской военной разведки.

На допросах перехваченные агенты немецкой разведки давали подробные сведения о формах и методах подготовки, в том числе и идеологической, которую абвер проводил в разведшколах. В частности, один из них на допросе показал:

«...руководителями школы велась систематическая работа по привитию антисоветских настроений. Для этого всем разведчикам регулярно давали

читать фашистские газеты на русском языке, издающиеся в Смоленске и Борисове (речь идет о Катынской разведшколе абвера. — *Авт.*), брошюру Альбрехта³⁸⁸ «В подвалах ГПУ». Кроме того, систематически проводились беседы о значении фашизма, в процессе которых разведчикам доказывали преимущество фашистского строя Германии по сравнению с советской системой. Большое внимание уделялось пропаганде антисоветских настроений. Разведчикам постоянно доказывали, что в государственном аппарате Советского Союза, а также в НКВД руководящую роль играют евреи, которые являются «исконными врагами русского народа».

Как правило, такая подготовка в немецких разведшколах на советско-германском фронте продолжалась два-три месяца, после чего диверсантов забрасывали для выполнения задания в советский тыл.

К середине 1943 года советская контрразведка имела свои источники и в «Сатурне». Поэтому чекисты проявляли «заботу» не только о своих разведчиках, но и командовании «Абверкоманды 103». 3 июня докладной запиской П.А. Судоплатов сообщал замнаркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулову о ситуации, сложившейся в «Сатурне»:

«Капитан Брониковский, зондерфюрер «Абверкоманды 103», согласно имеющихся у нас материалов, непосредственно руководил работой германских разведчиков, направлявшихся в Москву по делу «Монастырь». Снятие его с работы может отразиться на доверии немцев к легендируемой нами организации и линии Зобача».

7 июня замнаркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулов направил в ГКО лично на имя И.В. Сталина докладную записку, в которой ходатайствовал о награждении «за проявленное мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» бывших агентов германской разведки Г.Г. Зобача и В.З. Сорокина правительственными наградами:

«В Москву одновременно органами германской разведки были направлены следующие агенты:

Зобач Григорий Григорьевич, 1922 года рождения, русский, беспартийный, бывший инструктор Борисовского райсовета физкультуры, в Красной армии не служил. Завербован германской разведкой 14 апреля 1942 года. Арестован 9 октября 1942 года. При аресте изъяты радиостанция и 100 тысяч рублей денег. Содержится на конспиративной квартире НКГБ СССР.

Сорокин Владимир Зиновьевич, 1919 года рождения, уроженец гор. Москвы, бывший член ВЛКСМ, бывший зам[еститель] политрука роты 17-й стрелковой дивизии 43-й армии. Попал в плен к немцам 27 сентября 1942 года. Завербован германской разведкой в январе 1943 года. Арестован 1 марта 1943 года.

Зобач и Сорокин были сброшены с самолетов на парашютах под Москвой.

Явившись на подставленную нами немецкой разведке конспиративную квартиру, Зобач и Сорокин были негласно арестованы.

На следствии Зобач и Сорокин дали откровенные показания о Катынской разведывательной школе противника, в которой они обучались, заброшенной на нашу территорию германской агентуре и лицах, привлеченных агентами германской разведки в Москве к сотрудничеству с немцами.

Зобач и Сорокин были перевербованы НКГБ СССР и оказывали помощь в изъятии прибывшего в Москву германского разведчика Быбченко-Рыбина М.С., сбро-

шенного немцами на парашюте 26 апреля 1943 года для разведывательной работы. Зобач и Сорокин продолжают активно сотрудничать с нами против немцев.

В соответствии с Вашими указаниями представляю при этом проект указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении Зобача Григория Григорьевича и Сорокина Владимира Зиновьевича медалью “За отвагу”, прошу Вашего решения.

Заместитель народного комиссара государственной безопасности СССР Кобулов».

Доклад руководства НКГБ лично председателю ГКО СССР И.В. Сталину свидетельствовал о важности военной дезинформации, переданной противнику зимой-летом 1943 года от имени «Кондратьева» (Зобач) и «Сурбы» (Сорокин).

В Указе ПВС СССР о награждении Г.Г. Зобача и В.З. Сорокина от июня 1943 года формулировка носила более общий характер: «за образцовое выполнение специальных заданий».

8 июня за № 1027/м нарком госбезопасности СССР комиссар госбезопасности 1-го ранга В.Н. Меркулов направил докладную записку начальнику контрразведки «Смерш» НКО СССР комиссару 2-го ранга В.С. Абакумову, в которой сообщалось о прибытии в ближайшие дни в Москву очередных курьеров немецкой разведки. В этой связи НКГБ просил уведомить «Смерш» о случаях задержания или явки с повинной германских агентов и передать их в распоряжение 4-го управления НКГБ СССР.

В числе германских агентов, заброшенных в советский тыл в ходе второй фазы операции «Монастырь – Курьеры», был человек, которому было суждено впоследствии стать зафронтовым разведчиком 4-го Управления НКГБ СССР.

Речь идет об Александре Ивановиче Козлове (немецкий псевдоним — «Меньшиков»), который с августа 1943 года и до конца войны работал в «Абверкоманде 103» и других подразделениях германской военной разведки. О его подвигах подробно рассказано в главе «Наш человек в “Сатурне”» книги о деятельности контрразведки «Смерш»³⁸⁹.

21 июня 1943 года Козлов был переброшен в советский тыл в Тульской области на двухмоторном бомбардировщике «Дорнье-217». При себе он имел фиктивные документы помощника начальника штаба 49-го гвардейского стрелкового полка 16-й гвардейской стрелковой дивизии Раевского.

Для продолжения нашего рассказа приведем небольшой фрагмент из протокола допроса А.И. Козлова 2 июля 1943 года, который сохранился в архивных материалах операции «Курьеры»:

«Вопрос: Вернемся к полковнику Петрову^{*}. Сперва уехал в отпуск и не возвратился к исполнению своих обязанностей Брониковский, а затем, как вы утверждаете, исчез Петров. Не находятся ли между собой в связи эти два факта?
Ответ: Нет. Уход из школы Брониковского, мне кажется, не был связан с исчезновением Петрова. Должен добавить, что после того, как Петрова не стало, отношение к русским разведчикам заметно изменилось, немцы стали на нас коситься, сократилось предоставление отпусков в г. Борисов, хотя внешнее количество охраны увеличено не было, чтобы, как я полагаю, не проявлять явного недоверия к агентуре, готовившейся к отправке на советскую территорию.

^{*} В Борисовской разведшколе Д.З. Шинкаренко был известен под псевдонимом «полковник Петров».

Вопрос: А посылка разведчиков с заданиями в тыл Красной армии продолжалась? *Ответ:* В течение двух недель с заданиями никого не посылали, и только 12 июня т. г. в первый раз после исчезновения Петрова в тыл Красной армии были выброшены четыре разведчика из лагеря перебежчиков (мне они неизвестны), но радистов, как обычно, им придано не было. <...>

Вопрос: Вас инструктировали перед уходом с заданием на советскую сторону?

Ответ: Да. После того как я усвоил все записи в комплекте выданных мне документов, оберст-лейтенант (подполковник. — *Авт.*) вручил мне медаль “За отвагу”, предупредив, что ничего немецкого с собой брать не следует, и объявил, что я направляюсь в Москву с заданием передать имевшимся там агентам чемодан с вещами и немедленно вернуться обратно. Оберст-лейтенант высказал уверенность, что с поручением германского командования я справлюсь, и предупредил, что насчет жены³⁹⁰ беспокоиться нечего, она будет обеспечена всем необходимым, но я должен всегда помнить, что жена находится у немцев.

Вопрос: Как это понимать? *Ответ:* Немецкий офицер намекнул, что, в случае если я не захочу вернуться, жена будет подвергнута репрессии. В заключение оберст-лейтенант заявил: “Документы у вас хорошие, действуйте энергично, смело, но не нахально. Желаю вам успеха”. В 21 час 30 минут я был усажен в автомашину и доставлен на смоленский аэродром, причем только по дороге зондерфюрер, сопровождавший меня, дополнительно разъяснил, что из Люберец я должен выехать в Малаховку, явиться на Советскую улицу, в дом № 3 и имевшийся при мне чемодан с летным военным обмундированием, двумя пакетами и питанием для радиостанции по паролю “Меньшиков — от доктора” передать разведчику Кондратьеву.

Вопрос: Зондерфюрер вам описал приметы Кондратьева? *Ответ:* Кондратьева я знал по школе, в 1942 году он был переброшен на советскую сторону в форме лейтенанта Красной армии. Однако задания германской разведки я выполнять не стал, как известно из моих показаний от 30 июня т. г., оказавшись на советской стороне, добровольно явился в Особый отдел части, расположенной в районе моего приземления».

Не заставили себя ждать и новые курьеры «Сатурна». 21 июля замнаркома внутренних дел комиссару госбезопасности 2-го ранга С.Н. Круглову поступило сообщение начальника УНКВД МО комиссара госбезопасности 3-го ранга М.И. Журавлева № 1/1073 о задержании немецкого парашютиста А.Ф. Воробьева³⁹¹, 1924 года рождения, бывшего красноармейца 30-й лыжной бригады, который был передан в 4-е Управление НКГБ СССР.

Во время допроса 24 июля 1943 года Воробьев рассказал об обстоятельствах своего пленения и формах и методах работы германской военной разведки:

«*Вопрос:* Когда и как вы попали в плен к немцам? *Ответ:* <...> Я принимал участие в наступательных операциях Красной армии до 9 марта 1943 года, ибо в ночь на 10 марта с. г. в бою за населенный пункт западнее гор. Севска был захвачен немцами в плен.

Вопрос: При каких обстоятельствах? *Ответ:* 9 марта 1943 года второму батальону нашей бригады была поставлена задача — овладеть деревней (название которой не помню). В 5 часов вечера наша часть развернулась для наступления, встретив сильный огонь со стороны противника, цепи батальона вынуждены были залечь и скрытно продвигаться к деревне. Я находился на левом фланге на-

ступающего батальона и вместе с бойцами до 9 часов вечера двигался по направлению к деревне. С наступлением темноты примерно в 20 метрах от проволочного ограждения почувствовал сильный удар чем-то тяжелым по голове и тут же потерял сознание. Придя в себя, я услышал немецкую речь, и мне стало понятно, что я захвачен немцами в плен.

Вопрос: Вы были захвачены немцами в плен во время вашего наступления в цепи? *Ответ:* Да.

Вопрос: Кого еще вместе с вами захватили немцы? *Ответ:* Кроме меня, больше никого в этот момент не захватили.

Вопрос: Вы говорите неправду. Захват в плен одного бойца, находящегося в составе наступающей цепи, маловероятен. Предлагаем рассказать правдиво об обстоятельствах вашего пленения немцами? *Ответ:* Я показал неправду. В действительности дело обстояло иначе. После неудачной атаки наш батальон начал отступать. Во время отступления я спрятался в воронку от разрыва снаряда, а когда подошли немецкие солдаты, поднял руки и добровольно сдался им в плен.

Вопрос: Что побудило вас изменить Родине — сдать немцам в плен? *Ответ:* С момента прибытия на фронт я все время находился в состоянии страха, что меня убьют. Однако пока наш батальон наступал успешно, у меня не появлялось мысли о переходе на сторону врага. В ночь на 10 марта, когда батальон под давлением превосходящих сил противника вынужден был отступить, я, испугавшись преследования немцев и полагая, что, если не сдамся, буду обязательно убит, счел необходимым в целях сохранения жизни поднять руки вверх и сдать в плен. <...>

Вопрос: Вы выполнили данное вам поручение немцев? *Ответ:* Нет.

Вопрос: Почему? *Ответ:* Как я уже выше показывал, обучаясь в разведывательной школе, я решил при первой же отправке меня на советскую территорию явиться с повинной в органы НКВД. Приземлившись 21.III.[19]43 г. в Талдомском районе Московской области, после безрезультативных поисков моего напарника “Петрова” я вышел из леса на дорогу, где через некоторое время увидел проезжавшего в это время верхом по шоссе сержанта войск НКВД, которому я сказал, что, только что выброшен с разведывательным поручением немцев на парашюте, и попросил доставить меня в НКВД. <...>

Вопрос: А как вам рекомендовал “зондерфюрер” вести себя на случай вашего ареста органами НКВД? *Ответ:* “Зондерфюрер” говорил мне, что, если в результате вооруженного сопротивления при аресте мне не удастся спастись, я должен постараться покончить жизнь самоубийством».

Немецкий агент сообщил, что вместе с ним в самолете находился еще один парашютист — некто Потапов Василий Игнатьевич³⁹² (кличка «Петров»).

25 июля с санкции начальника Оперативного управления ГШ КА генерал-лейтенанта С.М. Штеменко по рации «Кондратьева» направили ответ в центр:

«В самом городе строительство укреплений не производится. Укрепления [19]41 года, как мы ранее вам сообщали, разобраны и частично перенесены за город. Наши люди видели загородные укрепления на Можайском и Серпуховском шоссе. Призыв в армию проходит в обычном порядке, сейчас призывается молодежь 1925 года рождения. Женщины до 40 лет, не имеющие детей, отправляются на работу в промышленность. Много служащих и учащихся отправляются на лесозаготовки. В Москву усиленно завозятся дрова. Все заводы, в том числе и

военные, работают с большим напряжением и, судя по газетам, значительно перевыполняют свои планы. В связи с шумихой большевистской прессы об удачном наступлении советских войск в городе циркулируют слухи о скором окончании войны. Престол».

26 июля того же года начальник 6-го отдела 2-го Управления НКГБ полковник госбезопасности Л.И. Новобратский³⁹³ сообщил начальнику 2-го отдела 4-го Управления НКГБ подполковнику И.Б. Маклярскому о задержании Управлением контрразведки «Смерш» Калининского фронта в Талдомском районе Московской области агента германской разведки Потапова-Петрова.

27 июля по радиции «Кондратьева» от «чужих» получили свою оценку переданным сведениям: «За сведения о всех складах боеприпасов и горючего можете до пять ноль тысяч руб. дать. Постоянные сотрудники не могут за каждое сообщение требовать платы. Ждем сведений. Привет».

Проявляя личную инициативу, летом 1943 года один из включенных в операцию бывших немецких разведчиков, «Кондратьев» (Зобач), написал письмо начальнику 2-го отдела подполковнику И.Б. Маклярскому, в котором сообщил свои предложения по активизации работы с германской разведкой:

«Михаил Борисович, я Вас очень прошу, примите во внимание мой план дальнейшей работы. Я считаю, что если мы и в дальнейшем будем так работать с немцами, то мы надоедим им о запрашивании курьеров или однообразными сводками, которые им тоже надоедят, я, хотя и не думаю, что они могут со временем что-либо подозревать, т. е. узнать из нашей работы, но я волнуюсь из-за того, что я могу потерять перед ними авторитет как разведчик, так как мы не даем им нужных сведений, а все наши телеграммы о просьбе прислать нам то или другое.

Я уверен сейчас, что если их не удовлетворяет наша работа, то они считают виновными в этом разведчиков, которые мне помогают, т. е. доставляют сведения, в основном это Шалаев. Они считают, что он, как неопытный разведчик, не умеет добывать ценных сведений. Меня в этом они пока обвинять не будут, но если мы и дальше будем продолжать в таком духе работу, то я не имею никаких оснований, что я не потеряю перед ними авторитет.

Михаил Борисович, я Вам уже писал почти что это же самое, и еще раз пишу, и очень прошу Вас и всех, от кого это зависит, чтобы разрешили его привести в исполнение. Я Вам дал слово и уверяю Вас, что я любое задание выполню точно, справедливо и с большой охотой.

Михаил Борисович, я Вам должен признаться, что я не любитель такой мало результативной работы, что в три месяца чуть-чуть вызываем одного человека, мне стыдно перед Вами за такой результат работы. Вы мне вернули жизнь, Вы меня наградили. С какими глазами я сейчас могу смотреть на такую мало результативную работу. У меня сейчас одно желание, как можно быстрее добить гитлеровских бандитов, к тому же я сейчас имею все возможности. Они мне верят, они ничего не подозревают. Им ничего не известно, и поэтому я очень удачно выполню любое задание, которое мне поручит наше правительство, я уверен, если мне дадут задание, то я больше принесу пользы для нашей Родины за один месяц, чем за эти десять месяцев, и в дальнейшем еще с большим успехом продолжать работу из Москвы.

Я считаю, что лучше всего, если по приходе курьера, которого они обещают, мы не сообщим им, что он пришел, а еще связи три или четыре поштурмуем их, что они нас обманули, что к нам никто не приходит, дадим им другой адрес, что-

бы они срочно выслали нам документы и все, что мы просили, так как если они действительно послали курьера и мы им об этом напишем, то в случае его провала попадетя и Сергей Захарович. Поэтому мы адрес для всякого случая сменили и ждем не больше как дней десять. Они вышлют еще, но мы им тоже не сообщим, и после этого всего я через месяц или сколько угодно времени должен перейти к ним и со всей обидой обрушиться на них за то, что нам обещали прислать документы и все, что мы просили, а не прислали, только обманули.

Конечно, они и на меня набросятся, они будут стоять на своем, что они все выслали, почему я ушел, но когда я упорно отражу их отказ и буду им со слезами на глазах твердить, что они нас обманули, не посмотрели даже на то, что я и Шалаев не жалели для них свой жизни, все время старались, работали честно и справедливо, почти что потеряли свое здоровье и т. д. В таком духе я отражу их отказ от себя. Шурин (М.С. Быбченко. — *Авт.*) останется здесь, а насчет Шалаева есть много вариантов, чтобы закрутить им головы.

Они мне по-прежнему все доверят, начнут меня усиленно готовить по разведке, чтобы добывали те сведения, которые им нужны, а не эти, что мы давали, дадут выбрать мне каких только захочу, лучших двух разведчиков и могут дать еще одну группу москвичей, если я соглашусь устроить их в Москве. Денег я возьму сколько захочу и что захочу, и не позже как через месяц они нас выбросят в Москву для дальнейшей работы. Я за это время, которое буду там, очень много сумею сделать. Я перепису всю группу радистов, кого, когда и куда отправляли и с каким шифром и позывными. Это я сделаю обязательно, так как этим делом заведует вахмайстер, а он мне до работы все доверял, а теперь, как я вернусь, то еще больше будет доверять, и попутно любые другие задания выполню, которые Вы мне дадите.

Я уже Вам писал, что на все вопросы, которые, по Вашему мнению, будут интересовать немецких офицеров разведки, я сыграю роль перед Вами, Вы мне задавайте вопросы, а я Вам буду отвечать. Вы сделаете вывод, как я тщательно все продумал.

Михаил Борисович, я Вас и всех, от кого зависит, прошу, очень прошу, пусть мне разрешат это сделать, мне очень стыдно жить, кушать и давать эту незначительную пользу, я любитель живой работы и ценной, чтобы сделать так сделать, а особенно у меня желание появилось после возвращения мне жизни и награды, передо мной сейчас одна задача — или грудь в орденах, или голова в кустах, а не такая, еле живая работа, — особенно в период, когда тысячи людей, сражаясь с немецкими варварами, кладут свои головы, а я сижу, ничего не делаю и отъедаюсь. Нет, я не хочу этого. Я не желаю во время такой войны быть и жить как на курорте, дайте возможность работать и приносить больше пользы и помочь нашей доблестной Красной армии быстрее добить этих ворвавшихся псов. Я Вас очень и очень прошу, дайте мне эти возможности».

План дальнейшей игры с противником, предложенный Зобачом, был принят. Однако «Сатурн» отказался прислать связника и сообщил, что все необходимое будет сброшено с парашютом в районе Костромы.

Для встречи «посылки» было решено направить группу оперсотрудников в указанный район. В городе была оборудована конспиративная квартира с радиостанцией, на которую переехали под видом выздоравливающих после ранения военнопленных Зобач и Шалаев.

Из Костромы, для того чтобы активизировать принятие решения о переходе к немцам, сообщили: «Господин Доктор. За год работы с вами мы передавали много сведений и вы нас хвалили <...> В Костроме мы сидим больше дома, ходить с нашими документами опасно <...> Питание у нас на исходе, положение очень тяжелое. Срочно пришлите посылку и сообщите, куда нам ехать после получения документов. Ждем ответа. Мы готовы выполнить любое ваше задание так же, как и до сих пор».

Только к октябрю 1943 года из «Сатурна» поступил приказ Зобачу передислоцироваться в районы Вязьма, Смоленск, Кричев, Рославль, а Шалаеву выехать в Челябинск. Одновременно немцам периодически сообщалась дезинформация военного характера, которая получила высокую оценку в «Сатурне».

Параллельно с проведением дезинформационных мероприятий противника советские контрразведчики «принимали» новых курьеров из центра.

6 августа докладной запиской № 1473/М нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов сообщал в ГКО Берии, Молотову³⁹⁴ и Сталину:

«В дополнение к № 156/М от 10 мая и № 301/М от 23 мая текущего года НКГБ СССР докладывает:

В результате дальнейшего легендирования германских разведывательных органов от имени якобы существующей в Москве контрреволюционной монархической организации нам удалось в июле текущего года заполучить еще трех агентов немецкой разведки при следующих обстоятельствах.

6 июля мы сообщили немцам, что заброшенная ими ранее агентура якобы нуждается в документах и в случае задержки в их получении агенты вынуждены будут выехать из Москвы и прекратить связь с немцами.

8 и 18 июля немцы ответили, что документы готовы и «при первой возможности будут доставлены» по адресу подставленной нами квартиры.

21 июля в Талдомское РО НКВД Московской области добровольно явился сброшенный на парашюте с германского самолета агент немецкой разведки с документами на имя Филимонова Ф.А., младшего сержанта Красной армии.

В действительности же агент оказался Воробьевым Алексеем Федоровичем, 1924 года рождения, беспартийным, уроженцем Красноярского края, с неполным средним образованием, в Красной армии с августа 1942 г., отец — колхозник, призван в Красную армию... В результате настоящей агентурной разработки нам удалось заполучить от немцев 11 агентов германской разведки, включая ранее задержанных 8 агентов. Легендирование и радиоигра с германскими разведывательными органами продолжается»³⁹⁵.

Одновременно в обстановке строгой секретности готовилась «ячейка» в Ленинграде. 5 сентября заместитель наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулов направил начальнику Управления НКГБ по Ленинградской области П.Н. Кубаткину служебную записку: «В целях расширения “возможностей” легендируемой организации 24 августа т. г. немцам была передана следующая радиограмма:

“В Москву из Ленинграда прибыл наш верный друг, сообщивший, что им создана там ячейка единомышленников, в которую он сумел привлечь ряд интеллигентов, имеющих прочные связи в различных кругах населения. Ленинградские друзья помимо антибольшевистской пропаганды заняты сейчас подготовкой саботажа на военном предприятии. Нам кажется, что они могли бы также вам быть полезными для сбора военных сведений, если бы были обеспечены необходимыми средствами связи. Наш друг задержится в Москве ненадолго, а связь с Ленинградом плохая. Ваше

мнение по этому вопросу просьба сообщить в ближайшие дни. В частности, могут ли ленинградские друзья рассчитывать на получение от вас радиопередатчика».

В ответ на это сообщение противник запросил “организацию” — “каким образом вы представляете себе доставку рации”, на что 2 сентября т. г. нами был послан следующий ответ: “Нас бы всех устроило, если бы рация для ленинградских друзей была доставлена по адресу нашего друга — Ленинград, улица Герцена, д. 25, квартира 12, спросить Всеволода Алексеевича по паролю “я от Николая Николаевича”. Если же это невозможно, пришлите тогда рацию в Москву по известному вам адресу, откуда постараемся доставить ее в Ленинград. Ждем ответ”.

Фигурируемый в телеграмме “Всеволод Алексеевич” является известным Вам агентом НКГБ СССР — “Вилли”, который вводится в легенду как руководитель ленинградской ячейки “организации”. Во время пребывания “Вилли” в Москве он по существу этого задания нами проинструктирован. До получения от немцев радиостанции “Вилли” ничего предпринимать не должен.

Учитывая, что адрес “Вилли” противнику уже сообщен, необходимо срочно провести следующие мероприятия по обеспечению перехвата курьера немецкой разведки, прибытие которого возможно... Без согласования с НКГБ СССР никаких самостоятельных шагов по делу “Монастырь” предпринимать не следует. О принятых Вами мерах и Ваши соображения по составу “ячейки” сообщите начальнику 4-го Управления НКГБ СССР — комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. Судоплатову. Документ в аппарат не спускайте».

14 сентября в 4-е Управление НКГБ СССР из УНКГБ по Ленобласти поступила служебная записка № 753808 о проделанных мероприятиях по делу «Монастырь»: «В соответствии с указаниями зам[естителя] народного комиссара государственной безопасности — комиссара государственной безопасности 2-го ранга тов. Кобулова, — нами проведены все необходимые мероприятия по агентурному делу “Монастырь”. <...> Все мероприятия могут быть немедленно осуществлены по получении Ваших указаний. <...> Приложение: Справка о проделанных мероприятиях 4-м отделом УНКГБ ЛО».

В состав «ячейки», кроме «Вилли», были включены резиденты: «Арбенин», «Шевченко», «Муратов», «Уральский» и «Ручкин». Руководство ячейкой взяли на себя сотрудники 4-го отдела Управления НКГБ по Ленинградской области.

Наружное наблюдение за «Вилли» осуществляли сотрудники Оперативного отдела УНКГБ ЛО, которые, как и сотрудники 2-го отдела УНКГБ ЛО, разрабатывавшие «Вилли» как «пораженца», не знали, что он выполняет важное задание руководства советской контрразведки.

О проведенных мероприятиях по операции «Монастырь – Курьеры» информировалось руководство страны. 18 ноября нарком госбезопасности Союза ССР комиссар госбезопасности В.Н. Меркулов за № 2939/м направил докладную записку в ГКО СССР на имя В.М. Молотова:

«В дополнение к нашему № 1473/м от 6 августа т. г. НКГБ СССР докладывает:

В результате дальнейшего легендирования германских разведывательных органов от имени якобы существующей в Москве антисоветской монархической организации нам удалось в октябре т. г. заполучить еще двух следующих агентов немецкой разведки:

“Виноградов”... 1920 года рождения, уроженец Омской области... русский, беспартийный, бывший старший сержант 1229-го стрелкового полка 371-й стрелковой

дивизии. 13 августа 1943 года в боях под гор. Киров Смоленской области был ранен и сдался немцам в плен. Находясь в Борисовском лагере для перебежчиков, 15 сентября 1943 года завербован германской разведкой для шпионской работы против СССР. Обучался в Борисовской, а затем в Минской разведывательных школах. <...>

“Фролов”, 1922 года рождения, уроженец Московской области <...> беспартийный, бывший сержант 707-го полка 215-й стрелковой дивизии. 2 апреля 1943 года захвачен немцами в плен на Западном фронте. Находясь в лагере для военнопленных в гор. Смоленске, 10 сентября 1943 года завербован германской разведкой для шпионской работы против СССР. Обучался в Борисовской, а затем в Минской разведывательных школах. <...>.

“Виноградов” и “Карпов” были задержаны комендантским патрулем на вокзале станции Осташков Калининской жел[езной] дороги в форме военнослужащих Красной армии, первый — лейтенанта, второй — старшины.

“Виноградов” и “Карпов” показали, что в ночь на 14 октября были сброшены на парашютах с немецкого самолета в районе гор. Осташков. Перед вылетом они получили от германской разведки задание: пробраться по железной дороге в Кострому и явиться по адресу: ул. Свердлова, д. 43, кв. 4, спросить хозяйку квартиры “Александру Павловну” и передать ей посылку. По названному адресу находится подставленная нами немцам конспиративная квартира.

В доставленной посылке оказалось: 156 тысяч рублей, 77 чистых бланков командировочных удостоверений штабов различных частей и соединений 34-й армии и Артиллерийского управления военно-полевого строительства, 13 чистых бланков Особого отдела НКВД 34-й армии, 2 комплекта штатской одежды и зимнего военного обмундирования, батареи для передатчика.

После вручения посылки “Виноградов” и “Карпов” должны были немедленно возвратиться к немцам, перейдя линию фронта на участке 129-го инженерного батальона, дислоцированного в районе Великих Лук, для чего они были снабжены необходимыми фиктивными документами.

“Виноградов” и “Карпов” нами арестованы. Ведется следствие.

Имея в виду продолжение игры с немцами, мы подтвердили получение посылки и сообщили о “выезде” курьеров в район Московской области.

27 октября немцы по радио дали следующую директиву: “Очень довольны, что пакет получили... На восток не уходите, а постарайтесь краткосрочно работать в районах Смоленск – Рославль – Брянск – Сухиничи – Вязьма. Событиями на фронте не тревожьтесь, мы их предвидели. Желаем успеха. Привет”.

Таким образом, в результате настоящей агентурной разработки НКГБ СССР удалось заполучить от немцев 14 агентов германской разведки, включая ранее задержанных по этому делу 12 человек.

Легендирование германских разведывательных органов продолжается».

Докладная записка наркома госбезопасности была также послана еще двум адресатам: в ГКО — Сталину и в НКВД СССР — Берии.

В начале февраля 1944 года «Кондратьев» сообщил «чужим», что ему удалось установить связь с скрывающейся в лесу группой дезертиров под командованием «лейтенанта» и «капитана Терентьева»*.

15 февраля от «Доктора» пришла радиограмма: «Мы готовим группе дезертиров посылку с оружием, боеприпасами и деньгами... Вы к группе не присоеди-

* Фамилия вымышленная.

няйтесь, ибо связь с большой группой повредит вашему заданию...» Позже немцы передали пароль для встречи с курьером. В ответной шифровке с Лубянки сообщили о «произошедшей перестрелке между патрулем и неизвестным лейтенантом, оказавшимся парашютистом».

Наконец немцы приняли предложение о возвращении «Кондратьева». 15 марта от «чужих» пришла радиограмма: «Судьба нашего геройского курьера тем более печальна, как и ваше дальнейшее пребывание там стало невозможным, так как он бланки вашей части при себе имел. Мы вам укажем место перехода фронта к нам с вашими документами, так как ваша тамошняя работа не имеет той пользы, как до сих пор. Считаем лучшим, если придете на отдых, будем рады встречать. Привет». Место для перехода немцы указали в районе юго-восточнее Витебска, пароль для перехода линии фронта — «Париж».

И контрразведчики решились на рискованное развитие игры. Немцам сообщили, что создан диверсионный отряд из дезертиров. В последующем в «Сатурн» полетели шифровки с описанием «боевых подвигов». Чтобы привлечь внимание немецкой военной разведки, 10 мая сообщили, что «отряд капитана» напал на конвой, убили двоих конвоиров и захватили четырех арестованных, из которых трое — дезертиры, а четвертый — капитан германской армии (речь идет о немецком военнопленном капитане Гюнтере фон Ганштейне³⁹⁶. — *Авт.*).

В «Сатурне» не сразу поверили в освобождение Ганштейна и попросили передать дополнительные сведения о нем, в частности сообщить фамилию тещи и указать, где посещал школу.

После уточнения необходимых данных в «Оберкоманду» ушла шифровка: «Сейчас переправить капитана Гюнтера фон Ганштейна через линию фронта трудно, нет документов для прохода к фронту, а без документов идти нельзя. На всех дорогах стоит охрана из войск НКВД и тщательно проверяет документы. Части НКВД также осматривают леса и вылавливают дезертиров. Так как капитан не знает русского языка, то хорошо бы снабдить его документами из чешской или польской армии и одеть его в эту форму. Отряд этого сделать не может. С такими документами капитан не возражает идти через фронт. Фамилия тещи капитана Минна Зайдель, урожденная Мюллер, проживает во Франкфурте-на-Одере. Там же живет и жена, и дети капитана. Капитан учился в полицейской школе в Бранденбурге, в 1941 г. в летной школе в Рейхенберге, на курсах переподготовки при воздушной школе в Берлин-Гатов и в ноябре 1943 года на курсах ротных командиров в Баравухе под Полоцком. Капитан имеет важные сведения, которые хочет срочно сообщить Верховному командованию германской армии, но не знает, как это сделать. Кондратьев».

В ответной радиограмме 14 июня разведотдел штаба Центрального фронта потребовал уточнить, где дислоцируется «группа капитана», чтобы направить туда надежного связного, который бы вывел Ганштейна через линию фронта, а также сообщить, в чем нуждается отряд. «Запросы» чекистов были скромные: прислать винтовочных патронов, штук 50 ручных гранат, 15 автоматов и винтовок, «толу сколько можно», денег и документы.

Параллельно немцев продолжали «снабжать» военной дезинформацией и очередной порцией своих «диверсионных подвигов»: захваты подвод с продовольствием, расстрелы активистов и т. п. Не забывали передавать приветы от капитана фон Ганштейна, в частности, последний поинтересовался, получает ли

его семья «фамилиенунштютцунг»?* Тем временем «отряд капитана» якобы совершал «трудный переход» из-под Смоленска в белорусские леса. В целях повышения скрытности группа якобы разбилась на две группы, каждая со своей рацией.

Вскоре из «Сатурна» пришла радиограмма, в которой сообщалось, что документы на Ганштейна и «Кондратьева» (Зобача) готовы и в скором времени будут переправлены самолетом. Чекисты попросили сбросить еще и радиста во второй отряд.

Тем временем руководству 4-го Управления НКГБ СССР коллеги из Смерша сделали неожиданный «подарок». В начале августа 1944 года сотрудниками Смерша во время инспектирования агентуры, оставляемой для шпионской работы в советском тылу, был задержан зондерфюрер «К» Эрвин Брониковский, настоящая фамилия и имя — Тадеуш Герасимович (Герасимович).

Как мы уже знаем, советской контрразведке было известно, что в 1942–1943 годах Брониковский исполнял должность заместителя начальника Борисовской разведшколы, а с июля 1943 года стал заместителем начальника школы радистов в местечке Нидерзее.

2 августа начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР направил спецсообщение в ГКО СССР о его аресте: «В районе г. Барановичи в июле с. г. органами “Смерш” был захвачен инструктор разведывательного органа при ставке германского командования на Восточном фронте зондерфюрер в чине капитана Брониковский-Герасимович Эрвин, который объезжал резидентуру германской разведки, оставляемую на советской территории. Брониковский с 1919 г. являлся официальным сотрудником польской разведки, а с 1939 г. работал у немцев.

На следствии Брониковский показал, что в мае 1944 г. за плохую постановку разведывательной работы на Восточном фронте Гитлер снял с должности начальника Главного управления военной разведки адмирала Канариса и возложил руководство этими органами на Гимmlера. Руководство Гимmlера военной разведкой вызвало недовольство со стороны части офицеров разведки, которые пытаются уйти в армию на строевые должности.

Брониковский назвал 36 агентов германской военной разведки, которые в разное время были заброшены в районы Москвы, Калинин и Тулы, а также оставлены противником на оседание в городах Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины. Из числа германских агентов, названных Брониковским, органами “Смерш” арестовано 27. На следствии все они свою преступную связь с германской разведкой признали. Остальные 9 агентов разыскиваются.

Разведчики “Кондратьев”, “Гайдаров” и “Ароматов”³⁹⁷, проходящие по показаниям Брониковского как заброшенные в район Москвы, Главным управлением “Смерш” были арестованы, перевербованы и используются в радиогигре с противником. Допрос Брониковского продолжается. При этом направляю протокол допроса арестованного Брониковского».

На допросе 1 августа зондерфюрер Э. Брониковский рассказал об агентуре «Абверкоманды 103», которая действовала в Москве в 1942–1943 годах и предоставляла информацию военного характера германскому командованию на Восточном фронте. Сообщенные Брониковским сведения стали еще одним подтверждением того, что операция «Монастырь – Курьеры» успешно развивается:

* Содержание семье военнослужащего.

(подполковник — авт.) *Вопрос:* Брониковский — это ваша действительная фамилия? *Ответ:* Нет, моя настоящая фамилия — Герасимович Тадеуш.

Вопрос: Тогда почему вы называете себя Брониковским? *Ответ:* Брониковский — это мой псевдоним, под которым я состоял на официальной службе в германской военной разведке и на эту фамилию имел соответствующие документы. Надо сказать, что в целях конспирации сотрудникам германской разведки запрещено указывать свою действительную фамилию.

Вопрос: Вы давно находитесь на службе в германской военной разведке? *Ответ:* На службу в германскую разведку я поступил в конце 1939 года, вскоре после оккупации Польши немецкими войсками.

Вопрос: Объясните, чем руководствовались немцы, принимая вас на работу в свои разведывательные органы? *Ответ:* На службу к немцам я был принят начальником разведывательных и контрразведывательных органов в гор. Варшаве — майором немецкой армии Горачек, которому меня рекомендовал мой старый знакомый, поддерживавший связь с германской разведкой, — австрийский купец Ширнов. <...>

Вопрос: Назовите фамилии резидентов, которые были оставлены вами на советской территории? *Ответ:* ...За период 1942–1943 гг. германской военной разведкой было переброшено на территорию Советского Союза еще несколько разведчиков, часть которых работала до последнего времени.

Вопрос: Говорите конкретно, кто из агентов был переброшен вами через линию фронта? *Ответ:* Летом 1942 года я принимал участие в переброске в район города Калинина разведчиков Жовнир и Абрамова, в прошлом военнослужащих Красной армии.

Осенью того же года были переброшены в район города Волоколамска две группы разведчиков. Одна во главе с Кондратьевым, быв[шим] работником физкультуры гор. Борисова, вторая — под руководством Гайдарова — быв[шего] военнослужащего Красной армии. Тогда же были переброшены в район гор. Тулы разведчик Юркин, в прошлом офицер Красной армии, а в район Осташково агент Волков вместе со своим напарником, фамилию которого забыл.

В декабре 1942 года в район г. Люберцы были выброшены разведчик Ароматов — быв[ший] офицер Красной армии и Нестеров — по профессии учитель.

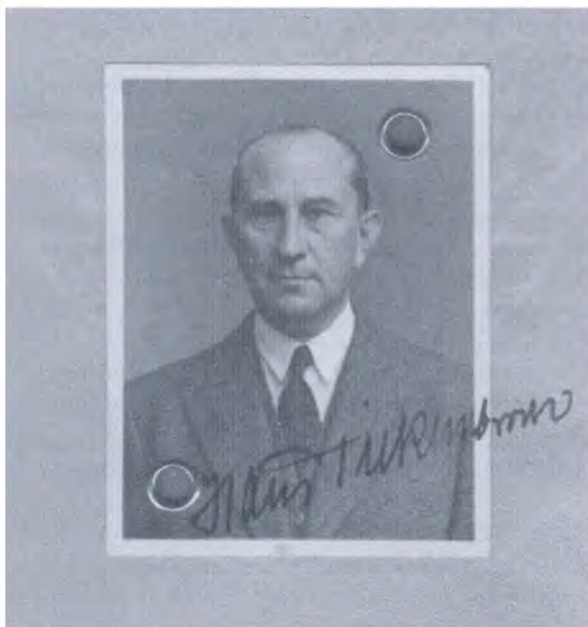
И наконец в феврале или марте 1943 года были переброшены разведчики Григоренко, в прошлом капитан Красной армии, а другого фамилию не помню.

Разведчики Кондратьев и Юркин проникли в Москву*, а Ароматов и Нестеров — в Люберцы и до последнего времени снабжали немцев разведывательными данными».

В ходе допроса 1 августа Брониковский дал показания об изменениях, произошедших в руководстве германской военной разведки на Восточном фронте после отставки адмирала Канариса:

«Многие разведчики, в особенности имеющие большой практический опыт разведывательной работы, проявляют недовольство подчинением военной разведки Гиммлеру и принимают все меры к уходу в армию на строевые должности. Так, полковники Генерального штаба фон Герцсдорф и Штефан заявили, что в под-

* Часть предложения «Кондратьев и Юркин проникли в Москву» подчеркнута красным карандашом, сверху тем же карандашом помета: «Наши». «Ароматов» и «Нестеров» участвовали в радиоиграх с противником, проводимых 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Ганс Пиккенброк, начальник «Абвера I» (военная разведка) Управления военной разведки и контрразведки при ОКВ в 1936–1943 гг., генерал-лейтенант.

Фотография из фондов ЦА ФСБ России

чинении Гимmlера они работать не будут, а такие видные разведчики, как полковник Пиккенброк и Бенгивеньи, уже ушли из разведки. <...>

Вместе с этим Гимmlер снял с работы ряд начальников разведывательных органов, действующих на Восточном фронте, и заменил их эсэсовцами, членами фашистской партии. Так, за период мая–июня 1944 года Гимmlером были сняты: подполковник Герлиц — начальник разведки Центрального фронта, подполковник Шimmel³⁹⁸ — начальник разведки Северного участка фронта, майор Корчек — начальник разведки Южного участка фронта, майор Альбрехт³⁹⁹ — начальник разведывательной школы у Корчека и ряд других».

Вернемся к операции «Курьеры». 7 сентября «чужим»

предложили выброску груза провести на высохшее болото в 13 км южнее местечка Кобыльник, в четырех километрах западнее озера Нарочь. Немецкая разведка осторожно запросила, имеются ли в лесах «литовцы, русские солдаты или кто еще». Им ответили, что в Нарочских лесах скрываются вооруженные группы из бывших солдат и офицеров РОА, а также «от нас на восток бродят неорганизованные группы немецких солдат» и что с одной из таких групп, численностью до роты, с помощью капитана Ганштейна пытаемся установить контакт (намек на «группу Шерхорна»).

Немцы запросили, можно ли организовать наблюдение за железной дорогой Молодечно – Вильно и не нужна ли одежда для Ганштейна⁴⁰⁰.

Это была дополнительная проверка личности фон Ганштейна. Чекисты незамедлительно ответили, что обмундирование Ганштейна сильно износилось, и сообщили его рост и размер сапог (182 см и сапоги 44-го размера). Интерес же германской разведки к грузопотокам через Вильнюс был вполне понятен. 13 июля 1944 года столица Литвы была освобождена от оккупантов, а в результате завершения Белорусской наступательной операции⁴⁰¹ советские войска вступили на территорию Польши, и вели жестокие бои на подступах к Варшаве. Красная армия неудержимо приближалась к границам «Тысячелетнего рейха».

В начале 1944 года контрразведчики захватили одного из преподавателей Катынской и Борисовской разведшкол И.И. Матюшина⁴⁰². Из его допросов Лубянке стали известны дополнительные подробности о формах и методах работы противника.

В частности, Матюшин показал, что для борьбы с партизанами и разведывательно-диверсионной работы в советском тылу немецкие спецслужбы привлекают подростков и стариков: «... в Катынской школе в 1942–1943 гг. были 4 человека подростков в возрасте от 13 до 15 лет и один старик, фамилии и приметы которых не знаю. Все они в январе 1943 года были посланы штабом “Сатурн” в партизанские отряды».

От регулярно прибывавших немецких агентов советские контрразведчики узнавали свежие данные о разведцентрах противника, вновь создаваемых разведшколах, их руководителях, преподавателях и биографиях, псевдонимах и численном составе агентуры.

С целью оживления игры 23 сентября «чужим» направили радиogramму о том, что удалось установить связь с «разрозненной группой немецких солдат». Результат не заставил себя долго ждать...

3 октября от «чужих» приняли радиogramму, в которой сообщались сигналы для самолета (четыре костра в форме квадрата на расстоянии 50 м один от другого) и пароль для разведчика и радиста — «Смоленск», а также уведомили, что у капитана Ганштейна все в порядке. Однако прибытие самолета задерживалось.

17 октября пришло новое сообщение, в котором говорилось, что выброска груза и связника с радистом произойдет 18-го между 21 и 23 часами по московскому времени, а в середине условленного квадрата из костров должен быть «машущий факел». Одновременно «чужим» передали «дезу» о движении поездов по маршруту Молодечно – Вильно.

Выброска в связи с нелетной погодой произошла только 26 октября. Тут же в «Оберкоманду» ушло сообщение о «благополучном приземлении и благодарности за посылку». Кроме того, уведомили, что «Кондратьев» и фон Ганштейн ушли на встречу с отрядом немецких солдат. Также попросили по радиации вновь прибывшего радиста (позывной — «Каменев») дополнительно, если будет самолет, прислать боеприпасы, оружие, гранаты и «курево».

Для руководства деятельностью «курьера» и его прикрытия была создана оперативная группа в составе 10 бойцов и радиста. Руководителем группы был назначен начальник отделения 4-го Управления НКГБ СССР майор госбезопасности Н.А. Киселев.

Прибывших агентов немецкой разведки оперативно захватили на месте приземления, и вскоре задержанные начали давать показания. Ими оказались разведчик Гуляев А.П., 1917 года рождения, и радист Орлов А.П., 1922 года рождения. «Лозунгом» для шифровки радиogramм была выбрана фраза: «Отважные солдаты не боятся преграды».

У агентов немецкой разведки оказалось письмо, адресованное лично капитану Г. фон Ганштейну*: «Многоуважаемый господин фон Ганштейн, так как мне поручено предоставить Вам возможность возвратиться на родину, я Вам адресую эти строчки. Сейчас настал момент, что Вы вместе с радистом, который наладил связь, можете вернуться. Для этого я Вам посылаю техника-лейтенанта броневой группы Бусыгина, проверенного солдата. Документы такие, что вы можете со спокойной совестью пуститься в путь. Вы — капитан Гельмут Ганштейн, попали в плен 15-I-[19]44 г., работали при восстановлении Смоленска при дорожном строительстве. Летом Вас попутно спросили, не хотите ли Вы добровольно как специалист по немецким ору-

* Приводится текст перевода письма.

жиям и приборам работать в Красной армии. 20/IX [1944] Вас перевели из военного плена в отношении вольной помощи (Ильфсвиле генфельштнц). Требуемая проверка произошла раньше <...> Вы состоите в трофейном отделении 39-й армии. Эти два офицера, с которыми Вы едете, должны исполнять задание на фронте. Приказы, которые дают им эту возможность, выданы Красной армией. Так, многоуважаемый господин фон Ганштейн, с доверием в бога и с уверенностью начинайте. Мы надеемся снова Вас встретить здоровым на границе Восточной Пруссии. Сейчас уже 5 месяцев, как мои и мысли моей служебной конторы с Вами. Пусть Вам потом будет суждена счастливая встреча в кругу Вашей семьи. С храбростью, предусмотрительностью и доверием к этим двум русским офицерам Вы сумеете это задание выполнить. Да здравствует фюрер. Хайль Гитлер. Подписал: Вассеро».

14 ноября в «Сатурн» передали, что Ганштейн вернулся, но связь с немецким отрядом установить не удалось, и скоро они с «Кондратьевым» будут выдвигаться к линии фронта. Кроме того, уведомили, что Ганштейн «капризничает», говорит, что «в лагере он никогда не слышал, чтобы русские пользовались услугами военнопленных немцев и их офицеров», хочет идти к линии фронта только в форме польского офицера, а то «русские поймают его и расстреляют как бежавшего из плена».

Следующая выброска груза произошла 19 декабря. В «посылке» находилась миниатюрная рация с комплектом питания, теплые вещи, продукты и документы.

3 февраля 1945 года в целях закрепления легенды о наличии под Минском «части Шернхорна», «чужим» передали шифровку, в которой как бы невзначай упомянули, что «в 50 километрах южнее нашей стоянки появился большой вооруженный отряд, в составе которого много поляков, русских и немецких солдат», а Ганштейн продолжает «капризничать», не желая с такими документами идти к фронту.

5 апреля от «чужих» получены следующие две телеграммы: «1. Связь с нами установлена для Вас 17-00 московского времени; 2. Ваш багаж готов на аэродроме. При первой возможности самолет возьмет с собой. Почему от капитана Ганштейна ничего не слышим. Продолжайте давать документы о наблюдениях».

В тот же день «чужим» передали: «Вчера Кондратьев, Гуляев и капитан Ганштейн, опасаясь участвовавших облав, покинули мою стоянку и ушли на запад с намерением перейти линию фронта. Они захватили все присланные Вами бланки документов и одного моего человека, имеющего родственников под Вильно. Сам Кондратьев взял с собой рацию с 1 и 2 кварцами и просил его слушать с 10.IV.[19]45 г. в 15-00 по расписанию, позывные старые. Терентьев».

Этим самым чекисты рассчитывали провести сложную комбинацию, которая позволила бы вывести «курьера» в район Восточной Пруссии, с тем чтобы получить от немецкой разведки явки к действующему в этих районах нацистскому подполью.

19 апреля от «чужих» получена телеграмма: «Сообщите нам срочно место сброски, прилетим на днях. Слушайте нас ежедневно в 17-00 московского времени. Для упрощения дадим Вам в день полета следующие пять букв: «ГПКВ6» и с ними время, с какого должны гореть костры. Сигналы три костра в одну линию на расстоянии 50 метров. Груз отгружен. Привет, капитан».

24 апреля удалось связаться с «чужими», однако была передана лишь часть радиограммы, так как связь неожиданно прервалась: «Костры будем жечь на лесной

поляне, которая находится на западном берегу оз. Нарочь. Площадка расположена в 13 км южнее местечка Кобыльник и в 2,5 км севернее дер. Проньки, от берега озера до площадки 400 метров».

Это был последний сеанс радиосвязи с «чужими». С 29 апреля радиосвязь с противником прекратилась. В последующем контрразведчики неоднократно пытались установить связь с «чужими», но в эфир никто не выходил. Близился Победный май 1945-го...

Краткие итоги агентурного дела «Курьеры» отражены в справке 3-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР от 18 марта 1946 года:

Арестовано немецких агентов-курьеров,	— 12 чел.
пособников немецкой разведки	— 5 чел.
Получено советских денег от немцев	— 1 295 091 руб.
Радиостанций	— 3 шт.
Винтовок	— 15 —"—
Револьверов	— 10 —"—
Патронов более	— 500 —"—
Обмундирования (военного) летнего	— 14 компл.
Белья нательного	— 10 —"—
Фуфаяк ватных	— 6 шт.
Брюк ватных	— 8 —"—
Шапок-ушанок	— 6 —"—
Валенок	— 6 пар
Бурок	— 1 пара

Параллельно с агентурной комбинацией «Монастырь - Курьеры» с лета 1944 года началась новая фаза стратегической игры — операция «Березино».

ОПЕРАТИВНАЯ ИГРА «БЕРЕЗИНО»

С середины 1943 года инициатива на советско-германском фронте перешла в руки советского командования. Под Сталинградом и на Курской дуге Красная армия нанесла вермахту сокрушительные поражения. После резкого изменения обстановки на театре военных действий в пользу СССР Верховному командованию германских вооруженных сил (ОКВ) необходимо было определить, на каком участке фронта Красной армией готовятся новые удары.

В связи с этим спецслужбы нацистской Германии, и прежде всего германская военная разведка (абвер), стали проявлять повышенный интерес к транспортной системе, к перевозкам, продовольственным и топливным ресурсам СССР.

Одновременно ОКВ перед разведорганами на Восточном фронте была поставлена задача — максимально активизировать разведывательно-диверсионную работу в прифронтовой полосе и советском тылу. С помощью «повстанцев», на вербованных из предателей Родины, нацистские спецслужбы пытались облегчить положение своих армий на советско-германском фронте.

В свою очередь советские органы безопасности, особенно по линии Смерша, к этому времени имели довольно прочные агентурные позиции в прифронтовых

разведорганах противника. Наличие агентуры в авберкомандах и авбергруппах позволяло советским контрразведчикам своевременно вскрывать замыслы врага и наносить ответные удары.

В числе успешных операций, направленных на срыв замысла немецких спецслужб по созданию в советском тылу «партизанского движения» и националистических восстаний, можно назвать, например, такие спецоперации, как «Арийцы», «Десант», «Янус» и др.⁴⁰³

Не менее активно участвовали в противостоянии с германскими спецслужбами и сотрудники Наркомата госбезопасности СССР. Летом 1944 года совершенно неожиданным и дерзким продолжением операции «Монастырь» стала оперативная комбинация «Березино»⁴⁰⁴.

На Лубянке, как и в 1941-м, решили подыграть германской военной разведке. На этот раз нашим противником стало Главное управление имперской безопасности (РСХА), в подчинение которого после провала заговора 20 июля 1944 года была передана военная разведка нацистской Германии.

* * *

Со второй половины августа 1944 года основные события переместились в окрестности небольшого городка Березино, расположенного в 112 километрах от Минска, на берегу речки Березины. Этот городок — одно из наиболее древних поселений восточной части Белоруссии — был основан на большой водной артерии «из варяг в греки». Первое летописное упоминание о Березино датируется 1501 годом.

В середине XVI века Березино принадлежало одному из старейших родов Великого княжества Литовского — роду Сапегов. На гербе города рядом с обозначением родового знака династии Сапегов изображена ветка зеленого дуба с желудями, символизирующая силу, богатство и красоту окрестных лесов.

С давних времен Березино неразрывно связано с крупными событиями из военной истории. Во время Отечественной войны 1812 года окрестности Березино стали одним из мест, где была разгромлена армия французского императора Наполеона Бонапарта.

Не обошла стороной этот городок и Великая Отечественная война. В первые месяцы боев на советско-германском фронте в Березинском районе отважно защищались части 4-го воздушно-десантного корпуса под командованием генерал-майора А.С. Жадова⁴⁰⁵ и 100-й стрелковой дивизии генерал-майора И.Н. Руссиянова⁴⁰⁶. 3 июля 1941 года Березино было оккупировано подразделениями вермахта. Ровно через три года, 3 июля 1944 г., Березино было освобождено частями 42-й Смоленской и 153-й стрелковыми дивизиями 49-й армии 2-го Белорусского фронта в ходе Белорусской наступательной операции (операция «Багратион»).

С конца августа 1944 года и до последних дней войны окрестности Березино станут ареной невидимого сражения, развернувшегося между советской контрразведкой и спецслужбами нацистской Германии.

* * *

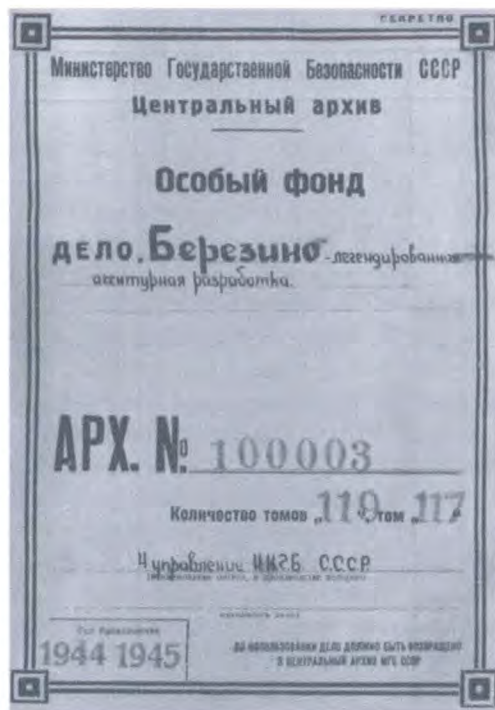
Началом операции «Березино» послужила радиограмма, переданная противнику 18 августа 1944 года по рации агента «Кондратьева» (Г.Г. Зобач) от имени легендированной церковно-монархической организации «Престол»:

«В Москву приехал из Белоруссии Александр^{*}. Его часть находится сейчас в м. Березино, что в 100 км западнее Могилева. Александр рассказывает, что в районе Березино в лесах скрывается крупная германская часть, полк или больше, не желающая сдаваться большевикам. Александр беседовал с пленным обер-ефрейтором из этой части, захваченным во время разведки на шоссе, который ему сообщил, что во главе этой части стоит подполковник Шерхорн. Часть намерена пробиться на Запад. Однако в силу наличия более 150 тяжелораненых и отсутствия вооружения, боеприпасов и продовольствия ее продвижение задерживается. Часть в настоящее время скрывается в глубине лесного массива, в одном из оставленных советскими партизанами лагерей. Небольшие группы из этой части, по словам пленного, изредка нападают на отдельные автомашины и конные обозы, в основном с целью захвата продовольствия. Пленный сообщил Александру, что на допросе он ничего о местонахождении своей части не рассказал. Получив эти сведения, Александр специально добился командировки в Москву, чтобы сообщить Вам. Александр считает, что если Вы в этом заинтересованы, то он через своих людей в Березино сможет наладить связь с этой частью. Срок пребывания Александра в Москве кончается 28 августа. Престол».

Руководство советской контрразведки решило в полной мере использовать опыт борьбы с противником, накопленный в ходе операции «Монастырь». В недавно опубликованной биографии бывшего заместителя начальника 4-го Управления НКГБ СССР генерал-майора Наума Эйтингона приводится заслуживающий внимания читателей эпизод о том, как появился на свет дерзкий замысел этой операции:

«Накануне летнего наступления советских войск в Белоруссии Сталин поставил задачу разведке разработать операции, которые должны были информировать германское командование о якобы оставшихся после наступления в советском тылу крупных немецких подразделениях, ведущих активные боевые действия. Замысел Сталина был в том, чтобы заставить немцев оказывать помощь этим мифическим подразделениям для отвлечения значительных сил и средств противника.

Это был смелый план, в реализацию которого 4-е Управление включилось немедленно. Сразу после начала наступления советских войск «Гейне» был послан в освобожденную Белоруссию. Вскоре абвер получил от него сообщение, что в бе-

Обложка архивного дела «Березино»

^{*} Речь идет об Александре Петровиче Демьянове. Псевдоним в германской военной разведке – «Александр» («Алекс»); советский псевдоним – «Гейне».

лорусских лесах бродят разрозненные группы немецких солдат, из которых офицеры вермахта пытаются сколотить боеспособные подразделения с намерением вырваться из окружения и соединиться со своими войсками... В Белоруссию с Эйтингеном выехала одна из самых блестящих групп разведчиков, которую могла бы пожелать себе любая страна: разработчик операции полковник Маклярский, Вильям Фишер, которого мир узнает позже как советского нелегала в США Рудольфа Абеля, корифей разведывательных операций Яков Серебрянский и уже знакомый нам по операции в Турции Георгий Мордвинов»⁴⁰⁷.

В качестве командира немецкой части, находившейся в белорусских лесах, был выбран командир 36-го полка 286-й охранной дивизии⁴⁰⁸ 4-й армии подполковник Генрих Шерхорн. Он родился 5 февраля 1897 года в г. Аппелерне (Вестфалия) в семье владельца молочного и маргаринового заведения акционерного общества с ограниченными правами Герхарда Шерхорна и его жены Луизы, урожденной Биннс.

В 1913 году Шерхорн окончил реальное училище и в апреле 1914 года добровольцем вступил в 77-й пехотный полк в г. Целле, в составе которого участвовал в Первой мировой войне. Получил чин лейтенанта. В 1918 году во время боевых действий на Западном фронте попал в плен к французам. За участие в войне Шерхорн был награжден орденом «Железный крест» 2-го класса. В 1921 году вернулся на родину, занимался коммерцией. С 1933 по 1937 год был членом НСДАП. В 1937-м вновь был призван на военную службу в качестве офицера запаса.

С началом Второй мировой войны в 1939 году переведен на действительную службу. До 1943 года служил в отделе кадров 1-го призывного района в Ганновере. На советско-германском фронте Шерхорн находился с 1943 года. В апреле 1944-го принял командование 36-м полком. 9 июля 1944 года в районе Минска взят в плен частями Красной армии, находился в лагере военнопленных № 27 в Красногорске.

На Лубянке также учли, что часть, в которой служил Шерхорн, не входила в число фронтовых подразделений, следовательно, его имя было малоизвестно командованию группы армий «Центр». Раз так, то противнику потребуется больше времени получить подробные сведения о Шерхорне.

В характеристике 4-го Управления НКГБ СССР на подполковника Шерхорна отмечалось: «Настроен пессимистически. В победу Германии не верит».

Для успешного проведения операции также было необходимо включение в состав легендируемой немецкой войсковой части кадровых военнослужащих вермахта. Это диктовалось рядом соображений: во-первых, только с их помощью можно было составлять донесения противнику по принятым в немецкой армии стандартам; во-вторых, немецкие офицеры известны своему командованию и при случае могли бы укрепить версию контрразведчиков; в-третьих, они могли бы оказать помощь в «приеме гостей».

Кроме того, сотрудники опергруппы 4-го Управления НКГБ СССР, выделенные в «боевую группу Шерхорна», прошли специальную подготовку. Для того чтобы они были похожи на военнослужащих вермахта, с ними ежедневно по пять часов в день (всего 55 часов) были проведены практические занятия по строевой подготовке на немецком языке. Занятия проводил бывший немецкий офицер, агент «Фонтош».

В ходе подготовки сотрудники опергруппы усвоили порядок построения отделения, роты и батальона в немецкой армии; строевые команды на немецком языке; заучили практически подход низшего чина к высшему, принятый в германской

армии; порядок отдачи воинских приветствий; поведение солдат и офицеров в населенных пунктах, а также правила ношения военной формы одежды.

По оценке «Фонтоша», в ходе подготовки «все офицеры и бойцы хорошо усвоили немецкие команды, только у нескольких офицеров при отдаче команд заметен значительно русский акцент».

В задачу опергруппы входило подобрать одну из использовавшихся во время оккупации партизанских баз, где укрывается легендируемая немецкая часть; приготовить площадки для возможного приема самолетов, груза и парашютистов. К проведению операции также были привлечены антифашистски настроенные немецкие военнопленные (сам подполковник Шерхорн о предстоящей операции не оповещался).

В советской контрразведке подполковник Генрих Шерхорн получил псевдоним «Шубин». 17 августа Шерхорн убыл из лагеря военнопленных № 27 в распоряжение 4-го Управления НКГБ СССР.

Местом для базы «части Шерхорна» (нем. Kampfgruppe Scherhorn) была выбрана площадка в 30 км северо-западнее Березино (в 2 км северо-восточнее сожженной деревни Синетово и полутора км северо-западнее оз. Луково) — бывший партизанский аэродром. Причем о существовании этого аэродрома немецкому командованию стало известно еще в период оккупации Белоруссии.

В метрах трехстах от площадки была разбита палатка — «штаб», в которой Шерхорн под контролем наших контрразведчиков беседовал с вновь прибывшими. Рядом со «штабом» находилась палатка, в которой размещалось оперативное руководство НКГБ СССР. Все подступы к площадке тщательно охранялись войсковыми патрулями. На случай непредвиденных осложнений в районе площадки было замаскировано несколько зенитных установок.

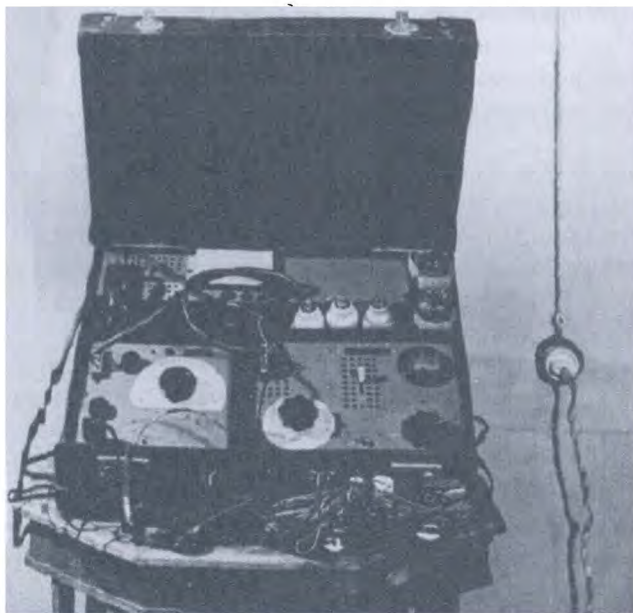
База опергруппы НКГБ СССР имела круглосуточную радиосвязь с Москвой, по которой руководитель группы — комиссар госбезопасности 3-го ранга Наум Исаакович Эйтингон (позывной — «Леонид») докладывал начальнику 4-го Управления НКГБ СССР Павлу Анатольевичу Судоплатову (позывной — «Андрей») об обстановке в районе Березино.

На площадке «части Шерхорна» в районе Березино из личного состава ОСНАЗа НКГБ СССР были сформированы три оперативные группы для розыска и задержания прибывающих агентов-парашютистов противника. Каждая из оперативных групп ОСНАЗа имела при себе радиостанцию для связи со «штабом».

На площадке было организовано круглосуточное дежурство бойцов и оперативных сотрудников НКГБ. В их числе находилось 10 человек немцев по национальности, переодетых в немецкую форму, которые непосредственно участвовали в «приеме» парашютистов. В нескольких километрах от площадки, в глухом лесу было создано подобие лагеря скрывающейся «немецкой части»: разбито несколько палаток, сооружены землянки, в которых находились бойцы опергруппы.

Через пять дней, 23 августа, «чужие» повторно были проинформированы короткой радиограммой, на этот раз по рации «Гейне»: «Прошу ускорить ответ, с тем чтобы я его получил до моего отъезда из Москвы. Срок моей командировки истекает 28 августа. Больше задерживаться не могу. Александр».

Противник не выдержал, и 25 августа на Лубянку пришел долгожданный ответ: «Благодарим Вас за Ваше сообщение. Просим Александра связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы

Трофейная портативная радиостанция, которой снабжались агенты-радисты противника, забрасываемые в советский тыл

послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, где наш радист может найти ее и где имеется подходящее место для сброски багажа. Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как радист придет в обмундировании Красной армии. Пароль бы скоба (искажено пять групп) скоба. Когда мы можем рассчитывать на ответ и как Вы хотите передавать нам сообщения. Привет».

К 28 августа «чужих» проинформировали о спо-

собе связи, необходимых финансовых средствах и о присылке радиопередатчика для «Александра». Для скорейшей передачи немцам сообщения об установлении связи с «частью Шерхорна» из Москвы в Минск с «Александром» должна якобы поехать его жена.

На следующий день, 29 августа, замнаркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулов утвердил подготовленный 4-м Управлением НКГБ СССР «План мероприятий по организации ложной базы якобы действующей в нашем тылу воинской части и обеспечению приема грузов, курьеров, радистов, которые должны были быть направлены немецкой разведкой в данную базу».

Операция «Березино» вступила в активную фазу.

Параллельно 4-е Управление НКГБ СССР начало комплектовать «часть Шерхорна» из военнопленных немецких офицеров, содержавшихся в лагерях военнопленных. 5 сентября начальник 4-го Управления НКГБ СССР П.А. Судоплатов направил служебную записку начальнику Управления по делам военнопленных (УПВИ) НКВД СССР генерал-лейтенанту И.А. Петрову⁴⁰⁹:

«Нами включены в агентурную комбинацию военнопленные немецкой армии подполковники Михаэлис⁴¹⁰, Эккардт⁴¹¹ и майор Дитманн⁴¹². По указанию зам[естителя] наркома госбезопасности Союза ССР тов. Кобулова, дальнейшее содержание указанных офицеров в лагере военнопленных нежелательно, поэтому прошу Вашего распоряжения о передаче их в распоряжение 4-го Управления НКГБ СССР. Военнопленного Михаэлис, содержащегося в лагере № 97, прошу доставить в Москву».

7 сентября немцам радиовали, что жена «Гейне» вернулась из Минска и сообщила об установлении Александром связи с «частью Шерхорна», о помощи про-

довольствием, медикаментами, боеприпасами, уточнили место приема самолетов и подтвердили, что «дух солдат по-прежнему боевой». Были также оговорены сигналы для встречи «багажа»: при полете самолета, если все в порядке — белая ракета и зажжено четыре костра, если есть опасность — красная.

«Чужим» также сообщили, что «часть» дислоцируется в районе озера Песчаное Червенского района Минской области и указаны координаты площадки для выброски груза и радиста. Одновременно в заданный район выехала чекистская опергруппа в составе 20 автоматчиков из состава ОСНАЗа НКГБ СССР⁴¹³; по линии 4-го Управления операцию на месте осуществляли капитан госбезопасности Михаил Леонов⁴¹⁴ и старший оперуполномоченный майор госбезопасности Иван Борисов⁴¹⁵. Связь Лубянки с опергруппой осуществлялась по рации (позывной Борисова — «Назар»). Общее руководство операцией в районе Березино возглавлял заместитель начальника 4-го Управления НКГБ СССР Н.И. Эйтингон.

Любопытный эпизод из биографии Наума Эйтингона, о которой упоминалось выше, приводят в своей книге М.Н. Малиновская и Л.Н. Эйтингон:

«В 1943 году произошло еще одно событие, оставившее заметный след, причем в буквальном смысле: шрам на лице генерала Эйтингона. Поздним вечером он ехал по заснеженным улицам Москвы в старом “роллс-ройсе”. Эйтингон сидел на заднем сиденье, которое было отгорожено от водительского кресла стеклом. Стекло было полуопущено. Внезапно улицу стал перебегать мальчик, и водитель, чтобы не задавить ребенка, резко свернул в сугроб. В нем оказался противотанковый “еж”, сваренный из стальных рельс. Удар был страшным. Эйтингона бросило вперед, на стекло, в результате чего у него оказались рассечены щека и подбородок. Водитель доставил его в ближайшую больницу, где генералу была наспех сделана операция. Она оказалась неудачной: раны плохо заживали, гноились, и когда наконец швы сняли, выяснилось, что на лице остался грубый шрам.

Разведчик-профессионал, Эйтингон не мог не переживать из-за этого случая. В шутку он говорил, что в мире уже известен один разведчик со шрамом — Отто Скорцени, и второй будет уже ни к чему. Он понимал, что шрам не просто портит лицо, а будет очень мешать в заграничной работе... Упоминание о Скорцени было пророческим. Спустя некоторое время Эйтингону пришлось скрестить с ним мечи — правда, заочно. Это произошло в 1944 году, когда Эйтингон был одним из главных действующих лиц операции “Березино”, ставшей классической разведывательно-контрразведывательной операцией, как по нотам разыгранной 4-м Управлением НКВД»⁴¹⁶.

14 сентября от «чужих» была получена радиограмма: «Благодарим Вас за Ваше сообщение. Мы пошлем радиста подполковнику Шерхорну. Багаж приготовлен. Начиная со вторника часть должна в указанном месте жечь четыре костра от 22 до 24 часов немецкого времени. Если во вторник не прилетим, то причина этому плохая погода. Группа должна ждать каждый вечер, мы прилетим. Обязательно при приближении самолета дать белую ракету. Привет». На площадке «части Шерхорна» стали готовиться к встрече «гостей».

На следующий день, 15 сентября, радист первой из групп сообщил, что наблюдал пролет немецкого легкомоторного самолета: «0 ч. 30 минут 15 сентября через озеро Песочное и стадион № 3 на высоте до 200 метров прошел чужой легкий

судья, проходя над озером, включил свет. Признаков выброски спортсменов в нашем районе не обнаружил, продолжаю поиски и наблюдение за р-ном. Полагаю, это был разведывательный полет».

Второй группе повезло больше, они задержали одного из агентов противника: «Сегодня моим секретом были арестованы два спортсмена по кличкам: “Воробьев”⁴¹⁷ и “Калашников”⁴¹⁸. Баянист при разоружении сбежал, своими людьми веду преследование.

Старший группы “Воробьев” по документам ст. лейтенант Садовников, он же Розов, дает правдивые показания и сообщает, что “Калашников” убежал без шинели и оружия, имея документы на имя Дядько Николая Александровича, из документов есть удостоверение личности по форме 001, выданное 10-м отдельным полком связи и штабом 50-й армии, временное удостоверение по Смершу для борьбы с бандитизмом в Борисовском, Березнянском, Червеньском районах, продаттестат, расчетная книжка. Приметы: 1922 года рождения, рост средний, русые волосы, широкий нос, средний палец на правой руке со шрамом, без шинели, без оружия, в новом летнем обмундировании, без денег. “Назар”». Вскоре при попытке перехода линии фронта был задержан и «Калашников».

Таким образом, все связные от «чужих» были в руках советских контрразведчиков.

20 сентября от имени Шерхорна направили командованию группы армий «Центр» длинную радиограмму: «Связь через русского капитана из Березино установлена 3 сентября. Дислоцируюсь: лес северо-западнее озера Луково, 3 км сев. Маконь, по дороге Чернявка – Маконь – Смиловичи. Ко мне присоединились подполковники: Михаэлис и Эккардт, майор Дитманн и еще 16 офицеров и 250 рядовых. Общее количество людей в настоящее время около 1500, из них 184 раненых (частично тяжело), кроме того, двести русских полицейских.

С русским капитаном было условлено, что выброска будет произведена после 19, выброска состоялась с 14 на 15 сентября, поэтому на месте выброски не было ни постов, ни сигналов. Питание и боеприпасы найдены около Потичево в незначительном количестве. Позднее около Дуброво найдены 3 места со снаряжением. Для кого это?

Из двух выброшенных вами около Маконь связистов один при окрике моим постовым бежал. Другой надежен, но не может быть использован как радист. Газеты получил, желательнее еще. Полученных продуктов питания совершенно недостаточно. Положение критическое, если не будет сброшено достаточного количества питания и боеприпасов. Пока что никакая активность невозможна.

Срочно требуются: взрывчатые вещества, 15 пулеметов, 100 автоматов и 5 средн[их] гранатометов с достаточным количеством боеприпасов. Боеприпасы для пулеметов и винтовок — также и русские, — 2 радиоаппарата, 2 радиста (немецких), 1 врач. Перевязочный материал, медикаменты (морфий). Питание для 1800 человек на 10 дней. Обмундирование, особенно шинели и одеяла, а также брюки и гимнастерки для раненых. Карты для пути следования к собственным линиям.

Указать, где можно успешно прорваться на запад и где этот прорыв может быть вблизи от фронта поддержан тяжелыми орудиями и танками. Пытаюсь вновь установить связь через русского капитана, ввиду того что сброшенная мне рация при выброске разбилась. На месте выброски — как условлено, начиная

с 29/IX, — будут выставлены посты и при приближении нашего самолета выброшены условленные сигналы. Пароль — Прорыв. Шерхорн, подполковник».

22 сентября нарком госбезопасности СССР направил шифротелеграммы с пометкой «лично» наркомам госбезопасности БССР Лаврентию Цанаве⁴¹⁹ и Литовской ССР Александру Гузявичусу⁴²⁰, в которых сообщал: «По ведущемуся НКГБ СССР делу “Курьеры” — 90 километров на восток от Вильнюса, в районе озера Нароч организована специальная площадка, на которую ожидается сброска груза и, возможно, людей для легендированной нами дезертирской группы».

Для обеспечения приема груза и людей в районе площадки находится опергруппа НКГБ СССР, возглавляемая капитаном госбезопасности Леоновым, и сто бойцов во главе с замнаркома госбезопасности Литвы Рудаковым. Для развития игры 22/IX-

[19]44 г. мы передаем противнику очередное сообщение, что в Нарочских лесах оперируют бандитские группы из литовцев, власовцев и немцев, с которыми легендируемый отряд дезертиров пытается установить контакт. В связи с этим сообщением возможно, что противник будет пытаться помимо нас установить контакт с “действующими” бандгруппами, для чего выбросит это же именно место в другом случае, своих людей с рациями.

Предлагаю: 1. Усилить агентурную работу в селах и деревнях, прилегающих к Нарочским лесам. 2. Систематически практиковать прочес Нарочских лесов в контакте с органами НКВД и “Смерш”. 3. О каждой выброске парашютистов или груза в этом районе телеграфом сообщить в НКГБ СССР».

Однако ни Гудзявичус, ни Цанав, зная о радиоигре «Курьеры», не были заранее проинформированы об операции «Березино».

В начале октября разведотдел при штабе группы армий «Центр» для установления связи с «частью Шерхорна» перебросил в советский тыл на самолете агента с рацией. 8 октября начальник 4-го Управления НКГБ СССР доложил замнаркома госбезопасности СССР «План дополнительных мероприятий “Монастырь” в связи с прибытием на организованную ложную базу немецкого радиста». В документе сообщалось:

«7 октября 1944 г. в 00 час. на площадку легендируемой немецкой воинской части под командованием подполковника Шерхорн, находящейся в районе Березино, заместителем начальника 4-го Управления НКГБ СССР комиссаром госбезопасности тов. Эйтингон приняты немецкий разведчик-радист

Майор Эрнст Дитманн

Смирнов, 1921 года рождения, русский, владеет немецким языком, с исправной радиостанцией, и груз для указанной части. Смирнов изъявил согласие работать с нами, сообщил свой шифр, условный знак в случае, если ему придется работать под диктовку, также сообщил, что с ним назначена связь три раза в сутки — в 10-00, 13-30 и 18-00 <...> Исходя из изложенного, намечаются следующие мероприятия:

1. В распоряжение начальника оперативной группы НКГБ СССР комиссара госбезопасности тов. Эйтингон командировать:

а) подполковника Шерхорн, который посвящен нами в сущность проводимых мероприятий. Шерхорн составил телеграмму на имя командования армейской группы центра, переданную нами 26 сентября 1944 г.

б) немецкого разведчика-курьера Смирнова, который должен был осуществить связь с Шерхорн. Смирнов нужен будет нам в оперативных целях, т. к. по указанию центра «Престол» отправил его в распоряжение подполковника Шерхорн. <...>

Шерхорн и Смирнов направляются на базу т. Эйтингтона под конвоем во главе с капитаном ГБ т. Цимакуридзе, каковой состоит из 3 разведчиков 4-го Управления НКГБ СССР и 7 чел. бойцов отряда НКГБ СССР.

В тот же день замнаркома госбезопасности СССР направил в Белоруссию служебную записку заместителю начальника 4-го Управления НКГБ СССР, который непосредственно на месте руководил проведением операции «Березино»:

«Для успешного проведения мероприятия по организации легендируемой воинской части с командованием немецкой армейской группы центра, согласно Вашей просьбы, в Ваше распоряжение направляются известные Вам Шерхорн Генрих и Смирнов* <...> В связи с тем что Шерхорн посвящен в сущность проводимых мероприятий и лично составил телеграмму на имя командования армейской группы центра, переданную нами 26 сентября т. г., разрешаю Вам в случае необходимости консультироваться с Шерхорн и допускать его к составлению проектов радиограмм.

Военно-разведывательные сведения без нашей предварительной санкции не передавайте. Возлагаю персонально на Вас ответственность за организацию такой охраны Шерхорн и Смирнова, которая исключала бы вовсе возможность их бегства».

На следующий день, 9 октября, по приказу замнаркома НКГБ СССР Б.З. Кобулова Шерхорн был доставлен в Белоруссию в распоряжение заместителя начальника 4-го Управления НКГБ СССР Н.И. Эйтингона.

* * *

Несмотря на группу связных и радиста, направленных в распоряжение «части Шерхорна», в разведотделе при штабе группы армий «Центр» не до конца поверили в существование крупной немецкой группировки в советском тылу.

Для проверки фактического существования «группы Шерхорна» немецкая военная разведка в октябре 1944 года одновременно выбросила две разведывательные группы по четыре человека в каждой. Во главе каждой из групп были поставлены кадровые разведчики-диверсанты, немцы по национальности, которым

* Радист, которого, направила по указанию германской военной разведки для связи с «частью Шерхорна» легендированная НКГБ церковно-монархическая организация «Престол».

приданы по три агента из числа бывших советских военнослужащих, завербованных немецкой военной разведкой. В своем составе каждая группа имела подготовленного радиста с радиопередатчиком для связи с центром. Об их вылете Шерхорн проинформирован не был.

«Проверочные» команды приземлились в ночь с 9 на 10 октября 1944 года в районе озера Песчаное, которое было выбрано местом встречи в экстренных обстоятельствах. При десантировании из-за сильного ветра парашютистов раскидало в разные стороны. Засадами обе группы были обезврежены.

При задержании с одним из «гостей», командиром одной из групп, произошел курьезный случай. Выйдя 11 октября к озеру Песчаное, командир одной из групп увидел на берегу человека, который умывался, брился и делал зарядку. Не соблюдая необходимые в таких случаях элементарные меры безопасности, диверсант спрятал в кустах оружие, снаряжение и, взяв с собой только пистолет, вышел из леса на открытую местность.

Предполагая, что попал к «своим», диверсант окликнул увиденного бойца: «Ком, ком...» Красноармеец, на мгновение опешивший от встречи с противником, однако не растерялся. В ответ также последовало: «Ком, ком!» Как только «гость из Фриденталя» приблизился, наш боец ловким приемом обезоружил и задержал врага. Во время борьбы диверсант пытался покончить с собой, так как специально имел при себе ампулу с ядом «неизвестного происхождения».

Задержанным оказался командир взвода 502-го егерского батальона СС⁴²¹ штандарт-унтерштурмфюрер СС Кристоф Круминг (латыш. Кристианс Круминьш)⁴²², уроженец Латвии, который с 1940 года проживал в Германии. Ранее Круминг служил в 1-м полку «Бранденбург 800»⁴²³, а затем в дивизии специального назначения «Бранденбург». Еще при поступлении в «Бранденбург» Круминг получил документы на имя военнослужащего германской армии Герта Шиффера. При задержании у Круминга были отобраны две красноармейские книжки на фамилии Карклиш (Карклинч) и Озолин, бланки удостоверений, военно-топографические карты, пистолет «Вальтер» и пистолет-автомат ПППШ, продукты питания и советские денежные знаки.

На допросе контрразведчики спросили арестованного, почему он так беспечно вел себя на территории противника. В ответ пленник заявил, что ему «всю жизнь внушали, что русские заросли бородами, не моются и т. п., поэтому, когда я увидел человека, который на берегу замерзшего озера бреется, делает гимнастику, я был уверен, что попал к своим, поэтому так смело подошел к нему».

Во время первого допроса Круминг пытался сбить с толку следствие. Например, он рассказал, что был выброшен один. Отвечая на вопрос, кто и сколько с ним еще людей было выброшено, Круминг ответил: «Со мной больше никого не было, кроме двух инструкторов-летчиков, которые руководили моей выброской, они остались в самолете».

Под давлением неопровержимых фактов Круминг был вынужден сознаться во лжи и дать правдивые показания: «Я признаюсь в том, что говорил неправду, и к предыдущим моим показаниям хочу добавить следующее. 8 октября на аэродром Вордмит я приехал один, где меня ожидали две группы <...> руководителем этой группы был назначен я. Второй группой руководил Пандер⁴²⁴, фамилии остальных я не знаю, их было тоже 4 человека вместе с Пандером. 9 октября вечером все вместе вылетели на самолете и были выброшены в ту же ночь. Первым из самолета

прыгал я, а остальных в дальнейшем не нашел. 11 октября я пробрался до озера Песочное, где и был задержан».

Тем временем 11 октября «чужим» от имени Шерхорна передали сообщение:

«Место дислокации полка восточнее озера Песочное. 10 октября командованию армейской группы Центра. Приказ от 28 сентября и газеты получил. Еще настоятельнейшим образом прошу указаний и присылки затребованной помощи. Из-за наступающих холодов совершенно необходимо двигаться. Из-за недостатка продовольствия, оружия и боеприпасов окончательно сняться со старого места невозможно. Имею возможность через русских полицейских закупать картофель и хлеб. Из требуемого груза особенно необходимо: оружие, боеприпасы, обмундирование, сапоги, врач, медикаменты, питание, а также русские деньги и несколько часов. Сбрасывать через отдельные промежутки времени. На условном месте, в назначенное Вами время, необходимые меры мною приняты с сегодняшнего дня. Шерхорн».

На следующий день, 12 октября, были нейтрализованы и остальные парашютисты группы Круминга, а также радист второй группы «Веденин»⁴²⁵ с радиостанцией и шифрдокументами. Вскоре и вторая группа шпионов также была обезврежена. В тот же день «Леонид» дважды радировал «Андрею»:

1. «В ночь на 10, как оказалось, противник выбросил две группы по четыре человека, снабженных рациями. Одну в районе Ефимовка, она нами целиком поймана. Другую [сбросил] в районе озера Песочное. Вторая группа нами разыскивается, она состоит из одного немца, двух русских и одного армянина, все одеты в советскую военную форму. Перед группой, нами задержанной, противником поставлена задача выяснить, действительно ли в районе озера Песочное находится группа чужих. Леонид».

2. «Нашей засадой на площадке Дуброво, что западнее Синетово, задержан радист второй группы «Веденин» вместе с рацией и шифрдокументами. Радист передает, что один из русских убит, немец ранен. Нами совместно с местными партизанами разыскивается раненый немец и армянин. Подробности сообщу после его допроса. Прошу дать распоряжение слушать меня всю ночь».

На основании сведений, полученных от задержанных немецких разведчиков-диверсантов, советские контрразведчики получили представление о том, как развивались события в штабе группы армий «Центр» по организации проверки действительного существования «части Шерхорна».

В начале сентября 1944 года в штаб 502-го егерского батальона СС, который дислоцировался в местечке Фриденталь под Берлином, поступило приказание сформировать специальную группу под командованием унтершарфюрера СС Александра фон Пандера и перебросить ее за линию фронта в район Березино. Цель «группы Пандера» (первоначально — шесть человек) — оказать помощь разрозненным подразделениям германской армии на территории Белоруссии, уцелевшим после разгрома группы армий «Центр» в июле 1944 года.

В штабе 502-го егерского батальона СС оберштурмфюреру СС (старшему лейтенанту) Риделю (Riedel) было поручено координировать проведение операции по спасению «части Шерхорна» с разведотделом при штабе группы армий «Центр».

Штаб 502-го егерского батальона СС выделил еще одного офицера — унтерштурмфюрера СС Герхарда Остафеля (Ostafel)⁴²⁶ для снабжения группы всем необходимым для проведения операции. Узнать подробнее о том, кто такой Остафель, удалось в одной из книг Отто Скорцени. Как мы знаем из показаний Круминга,

Командир
разведывательной группы
502-го егерского
батальона СС
унтершарфюрер СС
Александр Пандер

Протокол
объема задержанного Пандера Александра
Реневиича

Я, старший оперуполномоченный 3-го
отделения, Золд, 4 Упр. НКВД СССР, майор
инж. Фисер В.Г. произвел личный
объем задержанного оперуполномоченного НКВД
СССР в Тервентском районе Ленинградской
области, БССР, Пандера, Александра
Реневиича, он-же Пурини Ионис
Петрович, он-же Пурини Юнис Петро-
вич, во время которого обнаружены
и изъяты:

- 1) Автомобиль ППШ с одним диском
зарядными фа (свинцовыми) патронами
- 2) Кофта меховая
- 3) часы в футляре
- 4) записка

Претензий при объеме задержанного
не было

Ст. опер. уполн. Золданин Золд 4 Упр. НКВД СССР
майор инж. Фисер В.Г. /Фисер/

Объект задержан
Александр Пандер.

15/х-44

Протокол допроса унтершарфюрера СС А. Пандера.
На документе автограф знаменитого советского разведчика
Вильяма Фишера (Абея)

именно Остафель лично принимал участие в Ораниенбурге в подготовке разведывательных групп, направленных для проверки действительного существования «части Шерхорна». Это происходило в период с 6 по 8 октября 1944 года.

Из воспоминаний же Скорцени следует, что не пройдет и недели, как он, Остафель и Фолькерзам окажутся в Вене, откуда придут в Будапешт, где 16 октября 1944 года проведут операцию «Панцерфауст» — похищение регента Венгрии адмирала Миклоша Хорти⁴²⁷ и его сына Николауса. В этой акции принимали участие спецподразделения «Ягдфербанд-Митте» (бывший 502-й егерский батальон СС) и 600-й батальон парашютистов СС:

«Прибыв в Вену, мы с Фолькерзамом и Остафелем сразу направляемся в Нойштадт — Радлю надлежит связаться со штабом военной разведки, поскольку там нас могут ожидать какие-либо новейшие известия. В Нойштадте устраиваю смотр будущих участников операции. Их около тысячи человек. Остаюсь доволен боевым духом и бодрым настроением опытных фронтовиков... В моем грузовике, кроме Фолькерзама и Остафеля, находятся еще пятеро унтер-офицеров, отличившихся в Гран-Сассо (речь идет о событиях утра 16 октября 1944 года. — Авт.). Это моя личная штурмовая группа. Каждый из ее участников вооружен автоматом, несколькими ручными гранатами и новинкой — противотанковым ружьем, или «базукой»⁴²⁸.

Добавим, что после возвращения из Будапешта Остафель, как видно из принятых от «чужих» радиogramм, вновь продолжил участие в операции по спасению «части Шерхорна».

Непосредственно инструктажом и подготовкой группы от разведотдела при штабе группы армий «Центр» занимался зондерфюрер «Ц» (в чине капитана) Юлиуш Фурман (Hauptmann Fuhrmann)⁴²⁹, сотрудник «Абверкоманды 103». Зондерфюрер Фурман также отвечал за обеспечение группы фиктивными документами. Отметим, что Фурман не раз еще встретится читателям на страницах нашей книги.

Первоначально выброску группы планировали осуществить 1 октября, но из-за плохой погоды вылет не состоялся. Вскоре в помощь Пандеру выделили еще одного офицера-добровольца. На выполнение этого задания вызвался сослуживец Пандера по полку «Бранденбург 800» и 502-му егерскому батальону СС — унтерштурмфюрер (лейтенант) СС Кристоф Круминг (Герт Шиффер).

6 октября группа Пандера прибыла на аэродром Вормдит (Wormdit) около Кенигсберга. На следующий день, 7 октября, в Алленштайне оберштурмфюрер СС Ридель вместе с представителем разведотдела группы армий «Центр» зондерфюрером Фурманом приняли решение разделить «группу Пандера» на две (командир группы, радист и два разведчика), командиром второй группы был назначен К. Круминг.

8 октября на аэродроме Вормдит унтерштурмфюрер СС Остафель и зондерфюрер Фурман предложили следующий план: послать две группы в белорусские леса. По плану «группа Шиффера» после приземления пробирается в «часть Шерхорна» и выясняет действительное существование «части», а затем сообщает в центр. Пароль для связи с Шерхорном — «Прорыв» («Durchbruch»). Затем старший группы Шиффер получает разрешение на установление связи с «группой Пандера».

В том случае, если после приземления в советском тылу Шиффер устанавливает, что подполковник Шерхорн является подставным лицом, связь с «группой

Участники рейда на Гран-Сассо (операция «Дуб») после выполнения задания

Пандера» не выдается противнику. Если центр не получает извещение от «группы Шиффера», то «группа Пандера» получает указания о дальнейших действиях. Связь между группами Пандера и Шиффера осуществляется только с разрешения центра.

Все разведчики были хорошо обучены, экипированы и вооружены. Каждый разведчик-диверсант был одет в форму солдат или офицеров Красной армии, имел при себе пистолет-автомат ППШ, пистолет «Вальтер», две гранаты типа Ф-1, финский нож, компас, карманный фонарик, запас продовольствия на четыре дня и 10–15 тысяч рублей советских денег. У старших групп также были комплекты топографических карт.

В ночь с 9 на 10 октября обе группы вылетели на самолете в советский тыл.

Вернемся к эпизоду с задержанием унтер-штурмфюрера СС Круминга-Шиффера. Об этом в тот же день «Леонид» сообщил в Москву:

«11.[10.1944] в 17.30 нашим постом на озере Песчаное был задержан явившийся по паролю «Прорыв» немецкий военнослужащий, выброшенный самолетом противника в ночь 9.[10.1944] западнее д. Ефимовка в лесной массив южнее с. Ровановичи. По сообщению задержанного, его должны были выбросить в районе Дубовый Лог, что юго-восточнее г. Борисова и южнее совхоза Гливин. Оттуда он должен был идти по дороге до д. Зброшевка и, минуя ее, зарыть свой груз и парашют, а оттуда двигаться в Песчаное. Летчик ошибся маршрутом.

2. При задержании чужой пытался отравиться, и у него была отобрана ампула с ядом неизвестного происхождения. У неизвестного при аресте были отобраны документы, две красноармейские книжки на имя Карклина Ивана Ивановича, родившегося в Двинске, бойца 162-го с[трелкового] б[атальона], и Озолина Антона Ивановича, ур[оженца] Двинска, бойца с[трелкового] п[олка], а также несколько бланков чистых этих же частей.

3. На допросе арестованный показал, что его настоящая фамилия Крушинг Христов*, что он является унтер-офицером первого полка Бранденбургской дивизии.

4. По национальности он полулатыш-полунемец, родился в Латвии и в 1940 г. переехал в Германию. Выброшен Крушинг был один с заданием явиться к “Шубину” и передать ему карты, на которых намечен маршрут, по которому “Шубин” рекомендовать двигаться на запад. Карты у меня, и маршрут действительно нанесен на них, также при нем имелись медикаменты, так как до войны он окончил 2 курса медицинского факультета и умеет оказывать первую помощь.

5. Круминг... должен был передать “Шубину”, что о его судьбе знают и по возможности окажут помощь. Кроме того, он имел питание к рации и радиста. Допрос продолжается».

В своей автобиографии Круминг рассказал подробности того, как он был привлечен к операции в советском тылу:

«Родился 12.7.1919 г. в семье старшего сельхозрабочего Яниса Круминш и Валли Круминш, урожд[енной] Фромм. До смерти моего отца в 1925 году я жил среди дворни в имении Бальвас ок[руга] Доблена (Добеле). После смерти отца выехал с матерью в Ригу. Здесь мать начала работать учительницей в начальной школе, а я — учиться. В 1933 г. я окончил немецкую начальную школу и поступил в немецкую реальную гимназию, которую окончил в 1938 г., после чего я два семестра учился в университете на медицинском факультете. В 1939 г. мне пришлось занятия бросить, так как после закрытия немецкой начальной школы мать не могла больше платить за меня. После этого мать уехала к родственникам в деревню, а я в 1940 г. переехал в Германию.

В 1941 г. я был призван на военную службу. Меня спросили, не хочу ли я добровольно поступить в полк “Бранденбург”, где будут служить солдаты, знающие иностранные языки. Я согласился. В составе этого полка я был в 1941 г. направлен в Россию. 10 июля 1941 года я был ранен (между Тарнополем и Винницей), лежал в лазарете, затем был в роте выздоравливающих.

В 1942 г. я с полком “Бранденбург” участвовал в походе на Кавказ. Наш полк должен был использоваться не только как пехотная часть, но и для выполнения специальных задач. Поэтому нам выдали новые “зольдбух” и под новыми фамилиями. Мне была дана фамилия “Шиффер”. Но наша рота не была использована для выполнения специальных задач, кроме того, в октябре 1942 г. я заболел и опять попал в лазарет. В Бранденбурге наш полк был переформирован в дивизию. Я был направлен в Бранденбург, где обучал рекрутов. В 1943 году я был направлен на Балканы по борьбе с бандами (партизанами Иванова). Осенью я опять был направлен в Бранденбург, где прошел курсы унтер-офицеров и санитаров. После этого я работал в санчасти и обучал унтер-офицеров. Был повышен в чин обер-егеря. Я должен был быть отправлен на офицерские курсы, но 6.X.1944 года адъютант 1-го полка Отто Шлютер вызвал меня и спросил, не согласен ли я пойти на выполнение специального задания за линией русского фронта. Речь идет о спасении жизни многих товарищей. Я согласился. После этого я был направлен в Алленштейн. В Алленштейне я должен был явиться в здание католического монастыря и получить дальнейшие указания.

7.10 я прибыл в Алленштейн, явился в канцелярию части и был направлен к лейтенанту, который назвался мне как Риман (?). Он мне сказал следующее:

После русского летнего наступления за линией фронта осталось несколько разрозненных немецких частей. Большинство из них пробились впоследствии через линию фронта, но одна часть под командованием подполковника Шерхорна находится там еще и по сей день. Сейчас с ним установлена связь через выброшенного ему радиста. Моя задача должна заключаться в том, чтобы найти его и передать ему карты с обозначенным на них путем его следования.

Кроме того, я должен был доставить ему медикаменты и оказать первую помощь раненым. Мне в помощь давалось трое русских. Последние должны были помочь мне найти Шерхорна и оказать помощь при предъявлении документов и т. п. в случае, если мы натолкнулись бы на русские посты.

Я должен помочь Шерхорну по линии разведки во время его похода на запад. Снаряжение должно было быть доставлено Шерхорну по воздуху. Требования по этой линии должны были передаваться через меня, через радиста, который был со мной, или через радиста, который уже был у Шерхорна. Причем связь через радиста, находящегося у Шерхорна, должна была осуществляться только в том случае, если бы с моим радистом что-нибудь случилось.

Радист Шерхорна должен был служить только для контроля. Все телеграммы с требованиями и указаниями места нахождения части должны были подписываться “Крумлинг” или сокращенно “Крум”. Эта моя настоящая фамилия была известна только мне одному. Пароль для Шерхорна мне был дан “Прорыв”. На карте было указано, где мы должны были прыгнуть.

8.10 мы выехали на аэродром. лейтенант был в форме СС, я тоже должен был надеть форму СС с петлицами. Мне это объяснили тем, что русские якобы из СС-овских частей, и нужно было, чтобы на всех была одинаковая форма (насколько мне известно, частей СС, в которых состояли бы русские, не имеется⁴³⁰).

На аэродроме нас принял один капитан. На аэродроме было шесть русских и один немец, обер-егерь, которого я знал по дивизии “Бранденбург”. Я был им представлен как обер-егерь Шиффер, который должен был лететь вместе с ними.

9.10 капитан вручил нам документы: русские красноармейские книжки, командировочные удостоверения и т. п. Я получил документы на имя красноармейцев Карклинг и Озолинч. Мы вылетели 9.10 вечером, примерно в 19.00 часов. В самолете находилась моя группа и еще одна группа, каждая по четыре человека, и два инструктора. О задании второй группы знал только, что оно подобно нашему, но подробностей мне сказать не хотели.

Примерно в 23.00 ч. я прыгнул первым. Уже в воздухе я заметил, что остальные не прыгнули тотчас вслед за мной. Место, где я приземлился, тоже выглядело иначе, чем я представлял себе по карте. Так как самолет, по всей вероятности, полетел на запад, я, зарыв свой парашют, начал поиски своей группы в западном направлении. Не найдя их, я стал искать дорогу, которая должна была проходить к востоку от места моего приземления. Пройдя довольно долго по лесу и болотам и не найдя дорогу, я решил спросить у кого-нибудь, где я нахожусь. Разбудив жителей первого попавшегося мне дома, я узнал, что нахожусь на дороге между Ефимовкой и Красным Бором. Узнав это, я поспешил в лес, сориентировался по карте и начал разыскивать оз. Песочное, где должна была находиться часть.

Я направился по лесу по направлению на север. Днем 10.10 я спрятался в лесу, на следующую ночь продолжал свой путь. В полдень 11.10 я вышел к озеру и увидел одного солдата, который, как мне показалось, собирался купаться, подойдя по-

ближе, я увидел еще одного солдата. Я спросил их по-русски: “Кто вы?” Увидя их удивленные лица и не получив ответа, я подумал, что это немцы, и сказал пароль “Прорыв”, “Вы из части Шерхорна? Проводите меня сейчас же к подполковнику”. После этого они напали на меня и взяли в плен».

Дополнительные сведения о группе «Крумिंगа-Шиффера» контрразведчики получили в ходе допросов радиста группы — Соловьева-«Хартюнова»⁴³¹ и разведчика Баева-«Чуркина»⁴³², которые подробно рассказали на следствии о задании группы, способах связи с центром, шифровки и дешифровки передаваемых и принимаемых радиোগрам, а также об условностях, которые радист должен был передать в том случае, если он работает под контролем противника.

«Хартюнов» дал показания о том, что по договоренности с радистом «Абверкоманды 103» при кодировании радиোগрам в конце текста было обусловлено ставить контрольную группу третьей по счету с буквой «К». В случае если связь с «частью Шерхорна» будет налажена, радист должен подписать ее своей фамилией «Хартюнов» и передать буквы й-а-б-к-й.

Если работа осуществляется под диктовку противника, то радистом произвольно нарушается место постановки своей фамилии или фамилия радиста совсем не передается и буква «К» совсем не ставится. В конце сеанса радиосвязи с центром необходимо обговорить следующий сеанс через один день.

При составлении радиোগрам в центр радист должен руководствоваться следующими правилами: радиোগраммы никому не адресуются; составлять их как можно более короткими, дата отправления не передается.

Радист группы Крумिंगа имел при себе шифры для связи с центром и отдельно для связи с «группой Пандера». Название места дислокации группы зашифровывается дважды. При передаче первой радиোগраммы удваивается третья группа, при передаче второй — вторая группа, при передаче третьей — первая группа.

О своем участии в операции «Хартюнов» сообщил следователям:

«Выезжая на задание, я выполнять его не собирался. Решил при приземлении от группы убежать и сдать органы советской власти. Но приземлились мы троим: я, Чуркин и Смирнов. Я решил с Крумिंगом не встречаться, а от этих отделаться осторожно, чтобы они не догадались. 12/Х отправил их в село Маконь».

Во время допроса разведчика из «группы Шиффера» — «Чуркина», стало ясно, с какой целью каждому из членов обеих групп германской военной разведкой было выдано по два комплекта документов: один — от имени 162-го строительного батальона, другой — от имени 740-го стрелкового полка. А также были уточнены и некоторые другие подробности подготовки разведчиков:

«Практической подготовкой к переброске нас из Германии в тыл Советского Союза занимался упоминавшийся выше Пандер и прибывший во второй половине сентября 1944 г. в Ораниенбургскую школу зондерфюрер Фурман, по национальности немец, лет 45, высокий, лицо худощавое, поседевший, лысый, свободно владеющий русским языком, до войны проживал в Советском Союзе <...>

Находясь на аэродроме около города Леншутц, Фурман собрал нас всех вместе и сообщил, что мы должны быть выброшены на парашютах с самолета в тыл Советского Союза близ железнодорожной станции Березино Минской области, в лесу, где, по сведениям германской разведки, находятся разрозненные немецкие отряды, с которыми мы должны были установить связь, объединить отдельные

разрозненные группы в одну, выяснить их нуждаемость в продовольствии, оружии, медикаментах, обмундировании и обо всем этом радировать в Германию.

Фурман также говорил, что немецким частям, находящимся в тылу Советского Союза, будет оказываться всяческая помощь путем заброски на самолетах необходимых вещей, в которых они нуждаются. Фурман также указал, что мы должны будем переправить немцев через линию фронта в Германию отдельными группами под видом военнопленных, конвоируемых нами — немецкими разведчиками, одетыми в форму солдат и офицеров Красной армии, якобы на строительные работы по восстановлению дорог.

При этом Фурман предупредил, что вначале, пока мы еще будем находиться в глубоком советском тылу, нам необходимо пользоваться документами, изготовленным от имени 162-го дорожно-строительного батальона, а по мере приближения к линии фронта — документами от имени 740-го стрелкового полка, так как, по мнению зондерфюрера, эта замена документов облегчит нам продвижение в прифронтовой полосе.

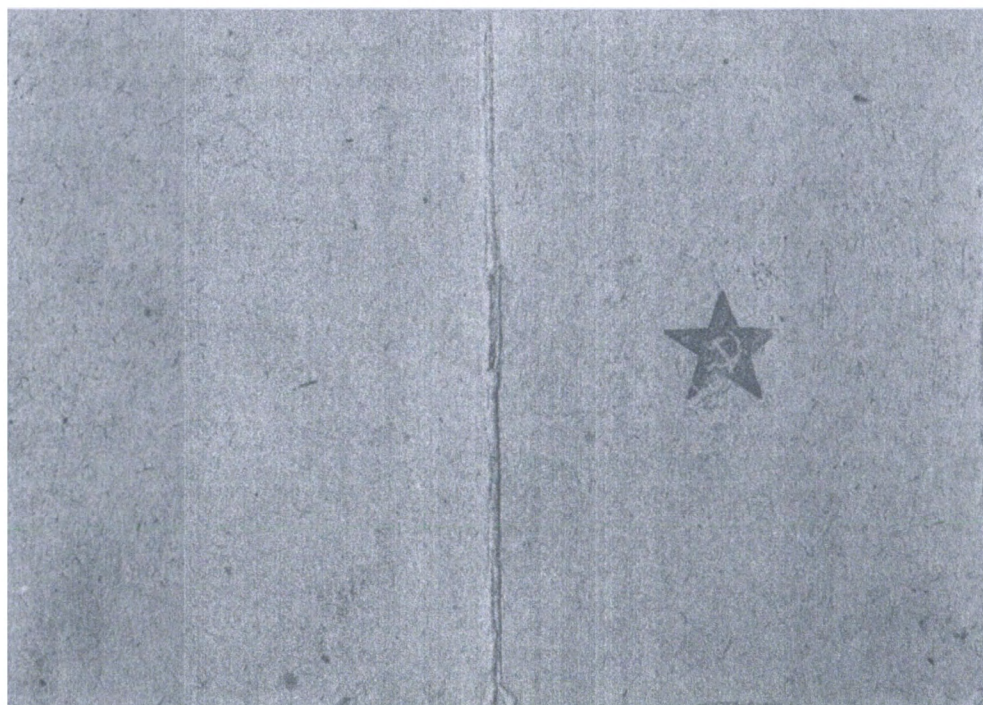
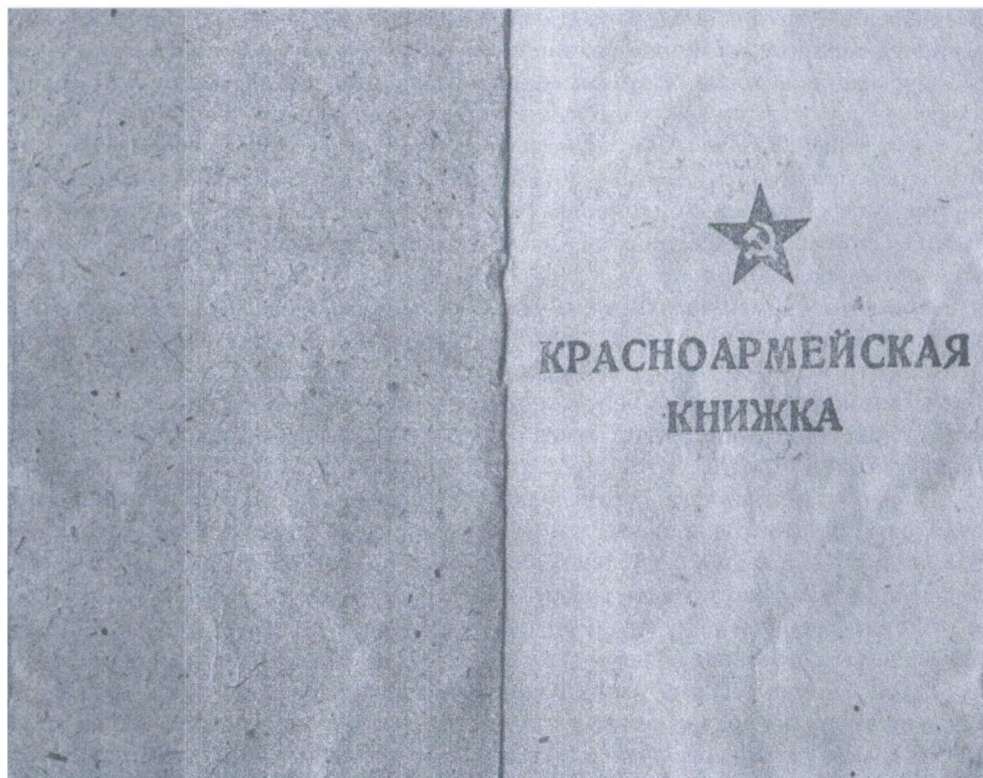
Наряду с этим он указал, что если будут затруднения в продвижении немецких отрядов в прифронтовой полосе, то мы должны будем обосноваться в каком-либо районе и от дальнейшего продвижения временно воздержаться. О новом месте дислокации немецких отрядов должны также радировать в Германию, с тем чтобы могли в дальнейшем получать необходимую помощь в деньгах, оружии, продовольствии и радиоаппаратуре.

Затем Фурман раскрыл карту, на которой было обозначено место нашей выброски, маршрут продвижения к расположению немецких отрядов и маршрут, по которому мы должны переводить немецкие отряды через линию фронта в Германию. Точно маршрут я не помню, так как он был обозначен на карте почти все время лесистой местности. Тем не менее знаю, что мы должны были продвигаться южнее Минска по направлению к Августовским лесам, где по предложению Фурмана удастся проникнуть через фронт легче, так как там якобы сплошного фронта нет. Говоря об этом, Фурман добавил, что маршрут в прифронтовой полосе мы можем впоследствии уточнить путем радиосвязи.

После инструктажа, проведенного Фурманом, мы все были обмундированы в форму Красной армии и с 30 сентября группа немецких разведчиков в указанном выше составе, в том числе и я, вылетела с польского аэродрома на самолете в советский тыл, в район выброски, однако, долетев до места назначения, ввиду плохой видимости вследствие пасмурной погоды никто из разведчиков выброшен с самолета не был, и нам пришлось вернуться обратно на тот же аэродром, где мы несколько дней ждали летной погоды. По неизвестным причинам 5 октября наша группа в полном составе была переправлена поездом из Польши в Восточную Пруссию, недалеко от гор. Кенигсберг мы сошли с поезда и пешим порядком отправились на близлежащий аэродром».

12 и 13 октября в помощь опергруппе из Москвы были направлены 25 бойцов ОСНАЗа НКГБ СССР, четыре разведчика и девять оперативных работников 4-го Управления НКГБ СССР. 13 октября «Леонид» запросил «Андрея» о присылке в район Березино на случай посадки немецких самолетов дополнительного вооружения:

«Поскольку Вы согласны с посадкой, прошу выслать мне три крупнокалиберных зенитных пулемета, два “максима”, три противотанковых ружья, ящик про-

Оперативная игра «Березино»

Красноармейскую книжку иметь
всегда при себе. Не имеющим
книжек — задерживать

1. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности
1

2. Грамотность и общее образование (если
окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то
указать его название) _____

3. Национальность латыш

4. Год рождения 1920г.

5. Год призыва (указать также — нормаль-
ный или досрочный призыв) 1944г.

6. Каким военкоматом призван _____

7. Специальность до призыва _____

1. Фамилия Озолин

2. Имя и отчество Митон Шаповал

3. Звание и должность КР-6

4. Наименование части (учреждения)
440 с.п.

5. Наименование подразделения (батальон,
рота) 6-й батальон

6. № личного знака _____

Личная подпись владельца книжки
Озолин

Место для
фотокарточки
владельца
книжки

Командир роты
15 "май" 1944г.

Место
(печати части)

3

Красноармейскую книжку иметь
всегда при себе. Не имеющим
книжек — задерживать

1. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности
1

2. Грамотность и общее образование (если
окончил техникум, рабфак или вуз, то
указать его название) ФК

3. Национальность латыш

4. Год рождения 1919г.

5. Год призыва (указать также — нормаль-
ный или досрочный призыв)
1944г.

6. Каким военкоматом призван _____

7. Специальность до призыва
рабочий

1. Фамилия Коркшина

2. Имя и отчество Иван Шаповал

3. Звание и должность КР-6

4. Наименование части (учреждения)
162 ДСД

5. Наименование подразделения (батальон,
рота) 3 рота

6. № личного знака _____

Личная подпись владельца книжки _____

Место для
фотокарточки
владельца книжки

Командир роты
2 "май" 1944г.

Место
(печати части)

3

2

НКО СССР
182-1
Дорожно-строительный
БАТАЛЬОН
194 г.
№

Командировочное предписание

Кому _____
(воинское звание, фамилия и инициалы командированного)

С получением сего, предлагаю Вам отправиться _____
для _____
(указать пункт командировки)

_____ (указать цель командировки)

Срок командировки „ „ дней, с „ „ 194 года
по „ „ 194 года.

Об отбытии довести.

Основание: _____
Для проезда выданы требования на перевозку за №№ _____

Действительно по предъявлении удостоверения личности (красноармейской книжки).

Подпись _____

СССР - НКВД
740-й
Стрелковой
Полк
194 г.
№

Командировочное предписание

Кому _____
(воинское звание, фамилия и инициалы командированного)

С получением сего, предлагаю Вам отправиться _____
для _____
(указать пункт командировки)

_____ (указать цель командировки)

Срок командировки „ „ дней, с „ „ 1948 года
по „ „ 1948 года.

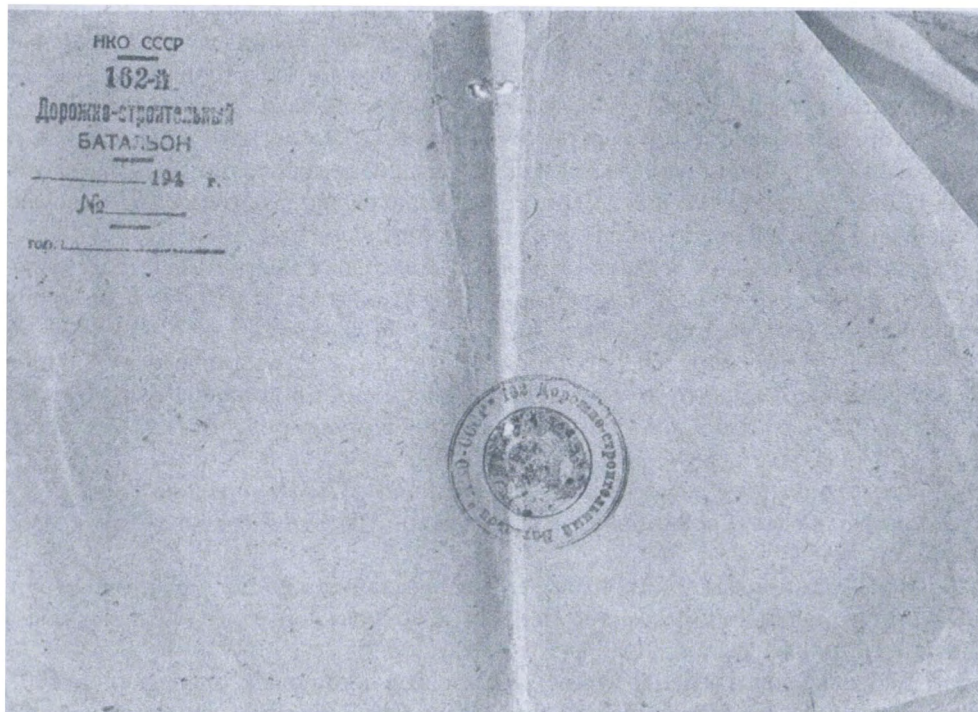
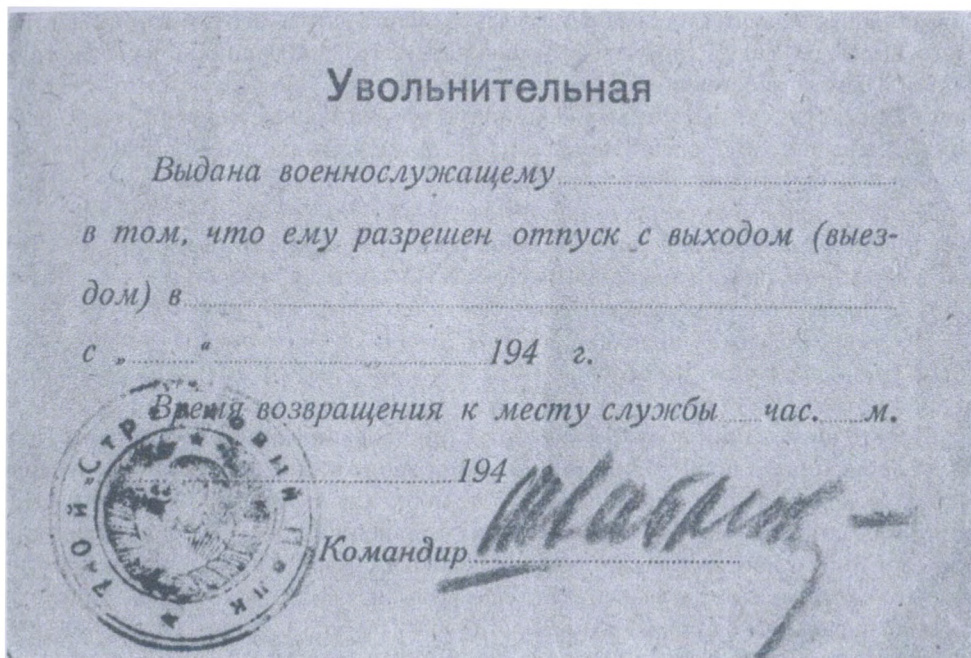
Об отбытии довести.

Основание: _____
Для проезда выданы требования на перевозку за №№ _____

Действительно по предъявлении удостоверения личности (красноармейской книжки).

Командир полка _____
Начальник штаба _____

Бланки фиктивных документов,
изъятые у агентов противника в ходе операции «Березино»

тивотанковых гранат, а также боеприпасы для автоматов. За этим грузом завтра, 14-го, высылаю машину во главе с Цимакуридзе. Этой же машиной посылаю груз, деньги и одного арестованного, который мне не нужен. Для пулеметов нужна прислуга. Высадку десанта я учел, и уже приняты все возможные меры. 13-го в 9 часов дня не очень высоко пролетел немецкий разведчик. Считаю, что он проверял трасу и, возможно, сегодня будет груз. Леонид».

В тот же день, 13 октября, приняли телеграмму от «чужих»:

«Мы прилетим сегодня с пятью самолетами к Вам. Первый самолет будет у Вас уже в 21 час московского времени. Вся сброска продлится примерно три часа. Жгите костры. После сброски подтвердите нам сейчас же получение груза. Привет».

Противник сдержал обещание. В ночь с 13 на 14 октября «чужие» осуществили сброс груза для «части Шерхорна». 14 октября «чужим» от имени Шерхорна написали ответ:

«Место дислокации полка 14 октября. Командованию армейской группы Центра. Сброшенные в ночь с 13 на 14 обмундирование и продовольствие получены. Наряду с действительной помощью, что подняло дух части, боевая мораль которой осталась несломленной. По получении дальнейших посылок, в особенности затребованного вооружения и боеприпасов, мы надеемся на успех предприятия и на то, что, прибывая к фюреру, мы еще примем участие в конечной борьбе за свободу нашего отечества. Шерхорн».

Параллельно о приемке груза подробно информировали Москву:

1. «В 21.00 появился первый самолет и произвел выброску 6 мест. Второй самолет появился в 22.50, сбросил 5 мест. Третий самолет появился в 23.15, сбросил 4 места. Всего было три самолета и приблизительно 15 мест. Точные данные дам позднее, так как до рассвета мы розысков не предпринимали. Леонид».

2. «Видимо, отдел “Б” не совсем точно прочел. Самолеты не приземлялись, а выбросили груз. Всего прибыло 3 самолета. Нами пока подобрано 16 мест, из которых 15 бомб и 1 ящик. Из них 2 места совершенно разбились. Поиски продолжаю. Вещей еще не осматривал, когда осмотру, сообщу. Леонид».

3. «Дополнительно к № 91, на 15.30 обнаружено еще 2 места, итого 18 мест, ввиду того что самолеты были двухмоторные, считаю, что груз нами собран полностью и людей на самолетах, по-видимому, не было. Леонид».

4. «Весь груз просмотрел, в каждой бомбе имеется пять комплектов обмундирования зимнего десантного без сапог и белья, немного концентратов, бутылка коньяка и карты. Итого получено 86 комплектов обмундирования. 15-го весь этот груз отправляю в Москву. Боеприпасов нет. Леонид».

Часть комплектов зимнего камуфлированного обмундирования Эйтингон с санкции руководства оставил на месте дислокации «части Шерхорна» для «оперативных нужд».

В ходе следствия Круминг-Шиффер дал показания о командире второй группы — унтер-офицере Александре Пандере, с которым он ранее служил в полку специального назначения «Бранденбург 800»:

«Я познакомился с Пандером во 2-й роте бывшего полка “Бранденбург [800]” летом 1941 года, но близко я с ним не сталкивался. Ибо он был в другом взводе. Его фамилия мне бросилась тогда в глаза, ибо он один из первых в роте получил “Железный крест” 2-го класса за выполнение задания, где Пандер отличился при взятии обороняемых жилых домов.

Кроме того, Пандер происходит также из Прибалтики. Затем я встретился с ним вновь в Бранденбурге, когда я возвратился из лазарета, из роты выздоравливающих. Это было в мае 1942 года. Пандер был произведен в унтер-офицеры, на Кавказе он командовал подразделением, после того как был убит командир моего подразделения — стал командовать подразделением я. Это было в одном и том же взводе, что и Пандер.

В октябре я опять попал в лазарет. В январе 1943 г. я встретился с Пандером во Фрайбурге. Там 2-я рота была переформирована во 2-й батальон 1-го полка. Пандер попал в 3-й батальон, в 12-ю роту, а я в 8-ю роту 2-го батальона. С этой ротой он направился в Грецию. В ноябре 1943 года мы вновь встретились в Бранденбурге. Возвратившись из Греции, он хотел перевестись в егерский батальон СС № 502. Из этого батальона, стоявшего тогда в Фридентале, мы были сначала посланы на курсы лыжников в Альпы. По окончании курса мы оба попали в 1-ю роту этого батальона, где мы обучали новобранцев. Затем я был командирован на курсы юнкеров, с Пандером вновь встретился по окончании курса в начале сентября, когда он выехал из Фридентала на задание. После этого мы встретились с Пандером на аэродроме за день до нашего отлета. Пандер был сельским хозяином. Ростом Пандер примерно 1,75 м, с темными волосами, примерно 35 лет, правильного телосложения, говорит по-русски, по-латышски. Имеет “Железный крест” 2-й степени, штурмовой знак, знак ранения (черный). По имени Александр (?), обычно его называют Акки. Унтер-офицер».

Вскоре советские контрразведчики задержали и самого Акки Пандера. Как и «группу Шиффера», вторую группу немецких разведчиков постигла неудача. Радист «группы Пандера» — «Вединин», решил обезвредить немецких разведчиков, передать их органам советской власти и тем самым искупить свою вину перед Родиной.

Показания Пандера имеют важное значение для нашего рассказа, поэтому ненадолго нарушим хронологию описываемых событий.

Итак, 14 октября был арестован руководитель второй группы — унтершарфюрер СС Александр (Акки) фон Пандер. При аресте у Пандера был изъят пистолет-автомат ПППШ, компас, часы в футляре и зажигалка, а также ампула с ядом.

Стоит добавить, что обыск и первые три допроса унтершарфюрера СС А. фон Пандера производил майор госбезопасности Вильям Фишер, ставший впоследствии легендарным советским разведчиком. В материалах радиоигры «Березино» сохранились документы с его автографами.

От Пандера советская контрразведка получила дополнительные сведения о планировании германской военной разведкой операции по спасению «части Шерхорна». В частности, на первом допросе 16 октября Пандер рассказал об участии в операции заместителя Скорцени — оберштурмфюрера СС Адриана фон Фолькерзама:

«Мы выехали на аэродром в Познань, город Леншютц 26 сентября. Ввиду плохой погоды вылетов не было до 5 октября, и мы в этот день переехали в Восточную Пруссию, на аэродром Вордмит. Вечером 7 октября туда приехал обер-юнкер Шиффер с радистом Ведениным и передал мне приказание обер-лейтенанта Фелькерзама о передаче ему Серганова⁴³³, Баева и Хартюнова, вместо последнего в мою группу был выделен Вединин в качестве радиста. Далее он мне сообщил, что с этими людьми составляет вторую группу. 9 октября моя группа и группа Шиффера

были выброшены с парашютами в районе между г. Минском и Березиной. Первым прыгнули Шиффер и его люди, 10–15 минут спустя прыгнула моя группа».

«После приземления я освободился от парашюта, свернул его и закопал в старый окоп. По условным сигналам (хлопки в ладоши) сначала ко мне подошел Эдельян⁴³⁴, затем приблизительно минут через 15 в ответ на сигналы подошли Веденин и Орехов⁴³⁵. Когда собралась вся моя группа, мы начали разыскивать груз, состоявший из 2 мешков, который был сброшен на 2 грузовых парашютах.

В этих мешках находились: запас продовольствия на две недели, четыре запасных диска к автоматам ППШ, запасные батареи, патроны к пистолетам, бинокль, туалетные принадлежности, медикаменты, табак, сигареты, две фляги с водкой, котелок с солью, теплые нижние рубашки и носки. Несмотря на наши поиски в течение 2 часов, багаж все же не был найден. Около двух часов ночи мы пошли искать ориентиры — шоссе, двигаясь на северо-восток. Через час примерно мы вышли на шоссе. Свернув на восток, мы прошли 2–3 километра и снова пошли на северо-восток, и снова встретили шоссе, перешли его и пошли в лес в северо-восточном направлении. Когда стало рассветать, мы остановились в лесу и там провели целый день. Вечером около 10 часов мы двинулись на север, пройдя около часа, вышли к лесу, где услышали пулеметную стрельбу и увидели трассирующие пули. Мы пошли обратно на юго-восток, прошли около часа и остановились на ночевку, ночевали и провели там весь следующий день, т. е. 11 октября.

11 октября радист Веденин установил связь со станцией в Германии, передал радиogramму, в которой сообщил, что приземлились удачно, груз не найден, слышали стрельбу пулеметов и артиллерии, и что будем двигаться на северо-восток, и что приземлились в намеченном районе. Свернув рацию, мы пошли на восток, переночевали в лесу и утром 12 октября вышли на шоссе, по которому стали двигаться в восточном-северо-восточном направлении.

В 15 часов мы подошли к деревне, название которой я не знаю. Эта деревня находится недалеко от деревни Рудня. В этой деревне мы подошли к председателю сельсовета и попросили у него разрешения провести ночь в деревне — отдохнуть.

Проверив наши документы, он разрешил нам и, взяв одеяло, ушел куда-то. В хате я лег на койку. Веденин и Орехов вышли. Эдельян сидел у стола. Вдруг я услышал стрельбу во дворе, через несколько секунд открылась дверь, и вошел Веденин, он выстрелил два раза в меня, в результате чего ранил меня в ногу и подбородок, а затем он выстрелил в Эдельяна и ранил его в живот.

Я выстрелил в Веденина два-три раза, но промахнулся, а Веденин убежал, и с тех пор я его больше не видел. Я решил, что имело место предательство, и бросился на Эдельяна. Мы боролись до тех пор, пока силы не покинули нас. Затем Эдельян сказал мне, что он против меня ничего не имеет, мы помирились и решили уйти из хаты как можно скорее. Забрали свои автоматы, вышли из дома, перешли речку и ушли в лес, это было около 16 часов. В лесу мы сделали перевязку и пошли на северо-восток. В лесу мы выбросили автомат Эдельяна, погони и документы и переночевали в лесу.

13 октября утром мы пошли дальше на северо-восток, надеясь найти немецкую часть. Днем ввиду слабости Эдельяна мы прошли недалеко, и я его оставил в лесу, т. к. дальше идти он не мог, я прошел дальше, переночевал в старой землянке и 14 октября утром пошел дальше на северо-восток. Дойдя до дороги, я пошел в направлении деревни Березовки. Там я спросил дорогу к деревням Слободка,

Слобода и Заболотье и после этого я решил идти в деревню Слободка. Выйдя из дер. Березовка, в следующей деревне на пути я зашел в последнюю хату и попросил покушать и отдохнуть, это было в 15 часов 30 мин. Приблизительно через час в хату вошел капитан Красной армии с четырьмя бойцами, которые меня задержали и доставили сюда».

Во время второго допроса, 19 октября, Пандер более подробно, в деталях рассказал о полученном задании:

«Меня вызвали в штаб к Фелькерзаму 21 сентября, когда я прибыл к нему, он мне сказал, что я должен полететь с группой в составе 6 человек в район между г. Минском и Березиной, где находится немецкая группировка численностью от 2 до 4 тысяч человек под командованием полковника Шерхорн, установить контакт с полковником, передать ему взятую с нами радиостанцию и впоследствии слушать его приказание.

В случае, если мне не удастся с ним связаться, я должен возвратиться в Германию по маршруту, указанному на карте, которую мне вручат. В этот момент вошел зондерфюрер Фурман и Фелькерзам. Поздоровавшись с ним, я сказал ему, что я, Пандер, являюсь тем унтер-офицером, который полетит в район между Минском и Березиной. Затем он предложил Фурману заняться подготовкой группы и проследить за тем, чтобы все было в порядке. Мне он приказал подготовить обмундирование, снаряжение и вооружение под контролем Фурмана.

Фурман приказал мне зайти к нему позже, чтобы поговорить по делам подготовки к вылету, после чего Фелькерзам приказал мне выйти. Вечером того же дня я зашел к Фурману поговорить о подготовке группы. Там я также встретил лейтенанта Остафель, который заведовал снаряжением групп разведчиков-диверсантов, выбрасываемых в советский тыл.

Остафель, 26–27 лет, роста 178 сантиметров (прибл[изительно]), нормального телосложения, шатен, глаза темно-голубые, нос прямой, подбородок заостренный. Лейтенант Остафель получал обмундирование со складов в Бранденбурге по адресу: Магдебургштрассе Инфантерн Казерене. Склад помещался в гараже, в котором могло поместиться 5–6 машин. Оружие получили со склада при СС-егерском батальоне в Ораниенбурге.

Фурман прочел мне список людей моей группы, приказал переселить их в отдельную комнату, а Остафелю приказал улучшить питание для этой группы (дать добавочный паек, табак, консервы, печенье), одеть нас в русскую военную форму согласно его указаниям, которые он тут же передал Остафелю. Далее он дал указания Остафелю насчет вооружения группы. Старшим лейтенантам он предложил выдать автомат ПППШ, наган и пистолет “Вальтер”. Баеву и мне — автомат ПППШ, Эдельяну и Серганову винтовки и пистолеты “Вальтер”. <...>

Далее Фурман сказал, что подготовит документы. Он объяснил необходимость переселения группы в отдельную комнату по соображениям конспиративного характера и тем, что люди лучше познакомятся друг с другом. Кроме того, будет возможность лучше их изучить. После этого Остафель ушел. Оставшись наедине с Фурманом, он мне сказал, что он будет говорить с каждым членом группы в отдельности, а со мной тут же предложил поговорить о легенде, что мы и сделали. Фурман проверил мои знания русского языка и сказал, что недостаточно хорошо им владею. Узнав, что я свободно говорю и пишу по-латышски, он предложил мне использовать это обстоятельство и изготовить документы на латышскую фами-

лию служащего в советских частях латыша. Тогда было решено насчет места и года рождения. Детально вопрос о документах тогда еще не был решен, а был решен только вообще.

После этого он мне еще рассказал, чтобы я утром переселил состав людей группы в отдельную комнату и что после этого он будет говорить с каждым в отдельности. О чем он будет с ними говорить, он не сказал и предложил мне выйти».

10 октября, десантировавшись в районе озера Песочного, Пандер дал команду своему радисту связаться с командованием и доложить о благополучном прибытии в район проведения операции.

На допросе 16 октября унтершарфюрер СС А. фон Пандер рассказал о том, при каких обстоятельствах он попал в плен.

В дальнейшем, на следствии 15 июня 1945 года, во время очной ставки с Пандером сам «Веденин» дал показания о том, как он в одиночку уничтожил практически всю группу:

«Вопрос «Веденину»: Расскажите о деятельности вашей группы после приземления? *Ответ:* После приземления все участники группы по условным сигналам собрались вместе и направились в лес на выполнение поставленной перед группой задачи. Переночевав в лесу, 11 октября 1944 г. по приказанию Пандера я передал в штаб немецкой разведки радиограмму, что мы приземлились благополучно, но еще не ориентировались о месте приземления. Группа следует по маршруту и ожидает дальнейшего указания. Эта радиограмма мной была передана в эфир без предварительной связи и получения квитанции о приеме. После передачи этой радиограммы, переночевав еще ночь в лесу, днем 12 октября 1944 г. вся наша группа направилась в деревню Уборки Червеньского района, где я принял меры к задержанию всей группы.

Вопрос Пандеру: Веденин принимал меры к задержанию группы? *Ответ:* Да, Веденин действительно принимал меры к задержанию нашей группы и пытался даже меня убить, произведя в меня два выстрела, причинив мне ранение правой ноги и подбородка. Со слов участника нашей группы «Эдельяна»... мне известно, что участник нашей разведывательной группы «Бушаев»... был убит Ведениным и якобы «Эдельян» видел его труп во дворе дома деревни Уборка, где мы остановились на отдых. Видя, что нас могут задержать, я с «Эдельяном» убежал в лес и при продвижении в направлении озера Песочное, через двое суток был задержан военнослужащими Красной армии.

Вопрос «Веденину»: Расскажите более подробно, что вами было сделано для задержания группы германских разведчиков? *Ответ:* Еще до вылета на выполнение задания германской разведки я задумался над искуплением хотя бы в какой-то степени совершенной мной вины перед Родиной. С этой целью я принял твердое решение задержать всю разведывательную группу, в составе которой я находился, и передать ее в руки органов советской власти. Когда мы пришли в деревню Уборки Червеньского района Минской области. Вся наша группа остановилась в отведенном нам старшиной деревни доме. Под предлогом приобретения табака я вышел из дома со старшиной деревни Уборки (фамилию его не знаю) и заявил ему, что группа, которую он устроил на временный отдых в доме, является группой немецкой разведки, выброшенной с самолета, и что я, как участник этой группы, прошу задержать немецких разведчиков. Старшина обещал мне к 3 часам дня выслать 10–15 чел. партизан, которые окружают дом, где расположилась разведыва-

тельная группа, и таким образом возьмут эту группу и передадут в соответствующие органы.

Придя после разговора со старшиной в дом, где отдыхали остальные участники нашей группы, руководитель группы Пандер и разведчик “Бушаев”... стали меня подозревать и добивались, о чем я говорил со старшиной. Я им ответил, что со старшиной я говорил на различные бытовые темы и жизненные вопросы, и в частности интересовался вопросом приобретения табака. Дождавшись назначенного старшиной времени, видя, что партизаны к дому не пришли, я страшно переживал и волновался, так как Пандер и “Бушаев”... настоятельно требовали немедленно покинуть деревню и уйти в лес. Я под всевозможными предложениями отговаривал их от этой попытки, но они настаивали на своем. Видя, что мои уговоры безуспешны и группа разведчиков уйдет в лес, я принял решение задержать Пандера, “Бушаева”... и “Эдельяна”... Во исполнение этого решения я произвел в “Бушаева”... четыре выстрела из нагана на расстоянии примерно, от 2 до 15 метров, после чего “Бушаев” упал во дворе дома. Полагая, что “Бушаев” вышел из строя, я вбежал в дом и произвел два выстрела в руководителя группы Пандера. В это время “Эдельян” схватил автомат и открыл по мне стрельбу. Произведя выстрелы в Пандера, я бросился бежать к старшине деревни. Старшину деревни я не нашел и выбежал на шоссеюную дорогу. На шоссеюной дороге я встретил 3 военнослужащих Красной армии, ехавших на мотоцикле. Я заявил им о случившемся. Как впоследствии оказалось, эти военнослужащие ехали с целью задержания нашей группы».

Как выяснилось в ходе медицинской экспертизы, выстрелы «Веденина» оказались очень точными. Обе пули попали в цель. На трупе разведчика-диверсанта «Бушаева» судмедэкспертом были обнаружены два сквозных огнестрельных ранения грудной клетки, «из коих левое ранение по своему расположению приходится на уровне основания сердца и крупных сосудочных магистралей».

20 октября Пандер на допросе дал важную информацию о том, как германская военная разведка оценила в целом радиограмму «Гейне» о наличии в белорусских лесах немецкой воинской части, которая продвигается к линии фронта:

«Вечером 26 [сентября] Фурман к нам зашел сказать, что нет летной погоды и что придет завтра с нами заниматься. 27 сентября утром зашел Фурман и стал с нами заниматься вопросами легенды и документов. Он объяснил каждому, какие у него документы, и, передав их мне, приказал нам их изучить. Затем он перешел к заданию, поставленному перед группой. Он объяснил нам, что в районе Песчаного леса, севернее деревни Слободки или речки Уша в Червеньском лесу или Борисовском районе, возможно, находится немецкая часть под командованием полковника Шерхорн.

Наша задача заключается в том, чтоб связаться с этой частью, передать ей радиостанцию и впоследствии исполнять приказания полковника. Если мы не обнаружим часть или если мы установим, что эта часть организована комитетом “Свободной Германии”, мы должны были вернуться в Германию по маршруту, указанному на карте, которую он нам тут же показал. При этом объяснил, что группа имеет документы — командировки, дающие ей возможность свободно передвигаться в намеченном для приземления районе. Это было командировочное удостоверение, выданное комендантом гор. Минска, сообщающее о том, что группа командирована в Червеньский район для приобретения продуктов для 162-го строительного батальона.

Для обратного следования в Германию он также снабдил нас документами, которые на каждом участке маршрута должны обеспечить нам свободу передви-

жения. Далее он показал нам точку приземления и наш маршрут. От точки приземления мы должны передвигаться на север до Песчаного леса и там повернуть на запад. Будучи в этом районе, мы должны были тщательно разведать, есть ли там немецкие части, кто они такие, и, убедившись в том, что они действительно настоящее соединение германских войск, установить с полковником Шерхорн связь, передать ему радиостанцию и впоследствии слушаться его приказаний.

Для выяснения характера этих немецких частей Фурман нам говорил, что мы не должны торопиться, а узнавать от местного населения и путем личного наблюдения все возможное о поведении немецких солдат и офицеров. Если местное население знает о существовании этой части и если немецкие солдаты и офицеры свободно появляются в деревнях, то это должно нас убедить в том, что часть сформирована комитетом "Свободной Германии".

Если, наоборот, население не знает о ней, в лесу выставлены посты и секреты и солдаты и офицеры не ходят в деревне и не передвигаются открыто по дорогам, то можно заключить, что это действительно немецкая часть, с которой и следует установить контакт. Если в этом районе не окажется этой части или если мы увидим, что она сформирована комитетом "Свободной Германии", мы должны повернуть на юг и затем следовать по маршруту на запад обратно в Германию.

После этого Фурман ушел, позвав меня с собой. На улице он мне сказал, что я должен буду установить связь с полковником Шерхорном, причем т. е. для этого нужно было убедить полковника в том, что я действительно прибыл к нему из Германии, я мог предложить ему затребовать по радио присылку самолетом любого груза или письменного приказа или какого-либо другого доказательства по желанию Шерхорна. Я должен был убедить его, что он может затребовать любое доказательство по его усмотрению».

Особо ценными для советских контрразведчиков были показания Пандера от 21 октября о кодовых числах, обозначавших местоположение группы, которые необходимо было всегда вставлять в тексты передаваемых радиogramм:

«Фурман меня инструктировал следующим образом. Я должен был составлять телеграмму без даты и без адресата, т. е. телеграмма начиналась прямо текстом и подписывалась мною и радистом, причем было безразлично, кто первым подписывался. Кроме того, где-нибудь в тексте, или в начале, или в конце телеграммы я должен был вставлять число, которое определяло наше местонахождение.

Это число составлялось по немецкой карте масштаба 1:300 000 следующим образом: карта делилась на пронумерованные крупные квадраты, разделенные в свою очередь на 4 меньших квадрата. Последние также делились на 9 мелких квадратов. Эти меньшие квадраты также имели свои номера.

Число составлялось из номеров квадратов следующим образом. Первые две цифры числа соответствовали номеру большого квадрата и последнее число номерам самого маленького квадратика, в котором мы находились. К полученному числу я добавлял 403. Например, мы находимся в месте, указанном крестиком на рисунке, первые два номера — 72, третье число будет 1 — номер малого квадрата и четвертое число будет 5 — номер квадратика. К полученному числу 7215 я добавляю 403 и получаю 7618, которое я и включаю в текст телеграммы.

О том, как составлять число, я не должен был рассказывать кому бы то ни было. Отсутствие числа должно было доказать моему корреспонденту, что телеграмма ложная. Станцию корреспондент узнает по почерку радиста. Таким обра-

зом, корреспондент мог знать, получает ли он телеграммы от меня или от кого-нибудь другого. 11 октября я передал телеграмму, в которой было вставлено число 8818. Это означало, что по карте нужно искать клеточку с номером 8818-403-8415, т. е. в 8-м большом квадрате найти 1-й маленький квадрат и в нем 5-ю клеточку. В этой клеточке мы находились, когда посылали телеграмму. Эту телеграмму я подписал неполной своей фамилией, а только «Пан» и затем добавил число 8818. Фурман предупредил меня, что если я попаду в руки русским, я ни в коем случае не должен говорить об этом числе».

Пандер во время допроса также рассказал о сигналах, которые следует подавать карманными фонарями для приема груза с самолетов:

«В тот же день, когда Фурман мне говорил о составлении телеграмм и о специальном числе, он нам всем объяснил, как нужно подавать сигналы для приема груза. Для этой цели мы должны выбрать поляну и в 2–3 местах светить вверх карманными фонарями, делая при этом фонариком движения вправо и влево. Светить мы должны только тогда, когда услышим самолет. Для того чтобы легче было летчику найти нашу площадку, мы должны были сообщить в телеграмме подробное описание местности с указанием ориентиров — дорог, деревень и т. д. На мой вопрос, можно ли будет ожидать самолет в тот же день, как была послана телеграмма, Фурман ответил, что, может быть, придется подождать день или два, т. к. нельзя заранее сказать, будет ли свободный самолет и будет ли летная погода в день отправки телеграммы».

Эти показания Пандера для советских контрразведчиков стали важным элементом для дальнейшего развития комбинации с противником.

Тем временем операция советской контрразведки в лесах Белоруссии развивалась своим чередом. На следующий день после ареста руководителя второй группы немецкие самолеты вновь прилетели. 15 октября от имени Шерхорна направили радиogramму «чужим»:

«Подполковник передает, что в ночь с 14 на 15 октября к нам прилетело два самолета. К 6 часам найдено семь мест. Также подполковник передает, что запас ракет у него иссяк, и он просит прислать их. До получения сигналы старые — четыре костра с подсвечиванием фонарика».

15 октября приняли ответ от «чужих»:

«Немедленно сообщите, сколько солдат способны к маршу и к введению в дело. Сколько тяжелораненых могут быть эвакуированы самолетом. Сколько командиров там. Сообщите имена и воинскую часть. Обкдо*».

В тот же день в центр направили ответ:

«Место дислокации полка 15 октября. Верховному командованию. На боеспособности части отражается недостаток продовольствия, обмундирования (сапоги), вооружения и боеприпасов. Но боевой дух и готовность к боям хорошие. По получении недостающего автоматического оружия и снаряжения, а также снабжения соответствующими продуктами питания часть будет полностью боеспособной. Взять с собой в поход тяжелораненых невозможно. Взять их самолетом возможно только непосредственно перед походом, с тем чтобы не подвергать опасности всего предприятия. Для обеспечения собственной обороноспособности и свободы действий необходимо предварительное получение оружия и боеприпасов. Только

* Нем. сокр. «Верховное командование».

при этом смогу взять также на себя ответственность за обеспечение посадки самолета и вывоза раненых. Точный отчет о состоянии части следует. Пока прошу при-слать груз согласно требования от 20/IX. У меня имеется 41 офицер, из них 10 тя-желораненых и 4 легкораненых. Имена и части следуют. Подполковник Шерхорн».

16 октября о ликвидации второй группы разведчиков-парашютистов «Леонид» направил в Москву радиogramму для «Андрея»:

«14-го в 19 ч. 15 м. группой наших автоматчиков под руководством капитана Козлова при проческе местности в р-не дер. Торково, что северо-восточнее совхо-за Рованичи, задержан оказавший вооруженное сопротивление бежавший руко-водитель второй группы Пандер Александр. Пандер является военнослужащим немецкой армии, Бранденбургской дивизии 1-го полка 4-й роты. Пандер сейчас в таком состоянии, что его трудно подробно допросить. Сделаю это завтра. По заяв-лению Пандера, находившийся вместе с ним армянин оставлен им в лесу в районе дер. Соколы. 13-го ночью и 15-го произведем проческу. Леонид».

В тот же день были задержаны остальные участники группы Пандера. В Мо-скву радировали о результатах поиска:

«Доношу, что выброшенные противником две группы в ночь на 10 в числе 8 чел., имеющих 2 радиостанции, нами задержаны. Розыск скрывающихся прошу прекратить. Леонид».

В связи со сложившейся обстановкой в Москву радировали:

«Учитывая, что большое количество арестованных меня здесь немного свя-зывают и отрывают много бойцов на охрану, просил бы Вашего указания пере-вести временно в Борисов человек шесть из задержанных вместе с товар[ищами], ведущими следствие по их делу. Отправлять кого-нибудь из них сейчас в Москву я считаю рано, т. к. неизвестно, кто из них может нам пригодиться на месте. Прошу договориться с НКГБ Белоруссии, чтобы нам был предоставлен дом для следствия из шести изолированных камер <...> Леонид».

17 октября 3-й отдел 4-го Управления НКГБ СССР направил наркому госбезо-пасности докладную записку с результатами розыскных мероприятий и поисков грузов, сброшенных противником для снабжения «части Шерхорна»:

«...опергруппой задержаны все восемь человек, выброшенные немцами в со-ставе двух групп парашютистов в ночь на 9 и 10 октября с. г.

12 и 13 октября с. г. с пяти самолетов противник в районе расположения опер-группы в 28 местах было сброшено:

1.	Ватных маскировочных брюк	120
2.	Курток	120
3.	Кожаных ботинок	12 пар
4.	Шерстяных носок	12 пар
5.	Перчаток	120 пар
6.	Руковиц суконных	90 пар
7.	Нагрудников	102
8.	Белья трикотажного	20 пар
9.	Шоколада	40 кг
10.	Коньяку	20 бутылок

11.	Сигарет	15 000
12.	Табаку	1½ кг
13.	Какао	1½ кг
14.	Сахара глюкозного	25 кг
15.	Сахара-песку	10 кг

Кроме того, изъято у агентов и обнаружено в грузе 109 400 рублей советскими денежными знаками, топографические карты, медикаменты и перевязочные материалы, а также несколько немецких автоматов и боеприпасы.

Груз сбрасывался в специальных упаковках («бомбах») с парашютами, всего найдено 23 «бомбы» и 28 парашютов. Груз доставлен в Москву».

17 октября поступили и данные экспертизы «ампулы с бесцветной жидкостью», изъятой у К. Круминга при задержании:

«Стеклянная ампула с бесцветной жидкостью емкостью около 1 см³. Конец ампулы облит смолкой для предохранения от случайного излома. Ампула вложена в алюминиевый пенал с завинчивающейся крышкой, на дне которого и на дне крышки положен войлок. Вес ампулы брутто 1,320 грамма, вес жидкости 0,570 грамма и вес тары — 0,750 грамма. Объем жидкости 0,820 см³. Жидкость бесцветна, легко подвижна, с характерным запахом горького миндаля... Жидкость в водном растворе, введенная под кожу мыши в количестве 0,0005 мл, вызывает судороги и смерть...»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Присланная для исследования жидкость в ампуле представляет собой чистую синильную кислоту. В ампуле синильной кислоты, имеющаяся доза, вызывает у человека моментальную смерть».

Тем временем контрразведчики детально разработали последовательную процедуру встречи «гостей»: после приземления парашютистов направляли в палатку к командиру группы. В ходе беседы с «гостями» Шерхорн выяснял цель прибытия, полученные задания и отправлял в сопровождении оперативников, одетых в немецкую форму, в «лагерь части». По дороге, проходящей через лес, прибывшие парашютисты вместе с сопровождающими задерживались патрулями опергруппы, одетыми в красноармейскую форму, и доставлялись в штаб опергруппы, дислоцировавшийся в деревне Градно.

Для предотвращения расконспирации игры были легендированы боестолкновения с подразделениями Красной армии. Об этом в штаб группы армий «Центр» периодически стали направлять радиogramмы. 18 октября от имени Шерхорна «чужим» радиовали:

«Верховному командованию. Рано утром 11 октября команда по заготовке продовольствия численностью 1 офицера, 2 немецких солдат и 20 «ОД»⁴³⁶ под командой лейтенанта Галонска примерно в 20 км юго-западнее нашего расположения была обстреляна охранными силами противника. Имеются потери: 2 убитых «ОД» и 1 легкораненый. Согласно моему строгому приказу бой принят не был. Участия не наблюдалось. О других происшествиях ничего не известно. Если нужно, прошу точного указания места для высадки разведки».

19 октября «Леонид» передал радиogramму в Москву:

«18-го в результате длительной работы с руководителем 1-й группы, где радист «Х», Круминга, немца мне удалось обломать и получить его согласие на работу с

нами по передаче сообщений под нашу диктовку, и оказания мне помощи выловить, где находится группа «Шубина» и уговорить эту группу сдать властям.

2. Я думаю использовать рацию «Х» и через Круминга в будущем «Клин», передать первую телеграмму. «Клину» после долгих поисков удалось набрести на своего радиста и, что он сейчас находится на юго-востоке от расположения «Шубина», но сейчас не может туда пройти, так как в деревнях расположена усиленная охрана по реке Ушта. Что «Клин» считает нужным пока находится в этом районе и просить снабжать его продуктами и питанием для рации и деньгами, так как большая часть его груза утеряна. «Клина» с «Шубиным» мы пока сводить не будем и посмотрим, что покажет эта новая игра. «Клина» я буду дислоцировать в р-не Микуличи – Заболотье ближе к Березино, куда выброшу спец[иальную] группу во главе с Петрушенко.

Прошу срочно Ваше мнение и указаний по делу «Клина»».

В задачу «группы Круминга» входило передать подполковнику Шерхорну карты с обозначенным маршрутом следования его «части», а также оказание помощи в проведении разведки в пути следования. Советская контрразведка включила Круминга в игру с противником и присвоила ему псевдоним «Клин». «Война в эфире» не прекращалась ни днем ни ночью. Это убедительно показывает динамика радиопереговоров.

22 октября в центр от имени «Шиффера» направили первую радиограмму:

«Из-за плохой выброски группа разбросана. После больших трудностей собрались вместе и нашли мешки и батареи. Линия у леса сильно охраняется. Мы находимся [в квадрате] 8827 от Микуличи северо-восточнее 3,5 км в р-не ст. Заборье и ведем разведку на север. Нужно сбросить продукты и батареи. Шиффер».

Противник поверил сведениям, поступившим от своих разведгрупп. Радиограммы с заранее обусловленным содержанием о действительном наличии «части» направили «чужим». Приняв радиограммы от «проверочных» команд о наличии «части Шерхорна», немцы выбросили трех военнослужащих с рациями для установления связи. Пароль старшему группы для встречи с Шерхоном — «Ганновер».

В этот же день Судоплатов из Москвы по рации дал команду на площадку «части Шерхорна» проинформировать наркома госбезопасности БССР о проводимых мероприятиях по делу «Березино»: «Цанава о деле «Монастырь» ничего не знает. Коротко познакомьте его с существом дела, а также с предпринимаемой нами последней комбинацией с «Ш[убиным]». Крайне желательно также заручиться содействием Цанава на будущее. Свой несколько запоздалый приезд в Минск объясните отсутствием горючего. Из Минска свяжитесь со мной по «ВЧ». Андрей».

С этого дня московские и минские контрразведчики совместно участвовали в операции «Березино». Тем временем 23 октября в расставленные чекистами «сети» попали сразу три радиста-немца, подготовленные «Аверкомандой 103»: Фридрих Шмитс⁴³⁷ (радист, старший группы), Курт Киберт⁴³⁸ и Рюдигер Ханк⁴³⁹. Для опознания подполковника Шерхорна Шмитс имел при себе его фотографическую карточку.

Во время беседы с Шерхорном старший группы Шмитс также сообщил, что о «группе Шерхорна» доложено Гитлеру и Герингу, которые заявили, что будет сделано все необходимое для спасения. Другой радист, Киберт, рассказал, что немецкая разведка решила 25 октября послать Шерхорну врача и авиаспециалиста для подготовки посадочной площадки военно-транспортных самолетов типа «Арадо»⁴⁴⁰.

При помощи этих машин предполагалось доставлять специальные инструменты, оружие, боеприпасы и вывозить больных и раненых. Из рассказов пленного чекисты также узнали и о планах немецкого командования предоставить право вызова транспортников самому подполковнику Шерхорну. Противнику радиоровали о трудностях, связанных с оборудованием посадочной полосы, и активности советской авиации в районе дислокации лагеря.

В архивных материалах сохранилось содержание беседы подполковника Г. Шерхорна с радистами, прибывшими на базу:

«Несколько дней тому назад Гитлеру и рейхсмаршалу Герингу было доложено о нашей группе. Они заявили, что будет сделано все для нашего спасения. С целью установления надежной связи с 23 на 24 [октября 1944 г.] выброшены 3 радиста, имеющие спец[иальную] подготовку.

Там собираются прислать нам послезавтра (26 октября) врача и фенриха (кандидат на звание офицера) авиации. Последний должен осмотреть и подготовить площадку для посадки самолетов типа «Арадо», которые могут брать по 125 человек.

Для этой цели он захватит с собой инструменты и материалы (в том числе взрывчатые вещества). Если эта площадка покажется неподходящей, то он возвратится в Германию, а затем опять сюда для подыскания площадки зап[аднее] Минска.

Посадка самолетов будет произведена для вывоза раненых и для доставки вооружения, боеприпасов и продовольствия сразу в большом количестве. Врач должен решить, кого из раненых можно транспортировать и в каком положении.

План похода на запад предоставляется выбрать нам самим. Есть также проект вывезти всех самолетами. Если этого нельзя, то мы должны пройти до границы, где нас встретят. Полагают, что мы должны будем пойти 3 колоннами. На это я заявил, что это абсолютно невозможно, принимая во внимание большую численность группы. Полагают, что по пути мы сможем найти еще разрозненные группы немцев.

Если мы сделаем не 3, а больше колонн для марша, то нам выбросят еще радистов со своими шифрами для связи с центром. Связи между отдельными группами нужно избегать. Спрашивают, сколько у нас народу? Там имеются разноречивые сведения о численности группы в 1700 и 2800 человек. По-видимому, где-то ошибка в передаче. <...>

Контейнер («грузобомба»), который использовался немецкими спецслужбами для снабжения своих агентов в советском тылу

Капитану из Березино* присланы деньги (в мягком мешке). В общем прислана сумма в 500 000 руб. Капитан должен быть отблагодарен (денежно) за хорошую работу, а также Садовников. Остальные деньги должны пойти мне».

Из этого фрагмента можно сделать вывод, что Гитлер и Геринг узнали о существовании «боевой группы Шерхорна» во второй половине октября 1944 года.

Пленные радисты рассказали, что каждый из них получил указание от разведцентра независимо друг от друга на следующий же день после приземления выйти в эфир и сообщить по своей рации, что «часть Шерхорна» действительно существует. Немецкая военная разведка предусмотрительно снабдила направляемых в наш тыл радистов условным сигналом провала, который мог быть отправлен незаметно для контролера.

Кроме того, прибывшие радисты на допросе также сообщили ценные сведения о способах передачи радиосигналов, принятых в «Абверкоманде 103», командирах и личном составе и условных сигналах, предназначенных для передачи в центр в случае провала.

После личной беседы с генерал-майором Эйтингоном Шмитс и Киберт без колебаний согласились на сотрудничество с советской контрразведкой и были включены в радиоигру. Шмитс получил псевдоним «Пчела», а Киберт — «Муха». В дальнейшем «Пчела» в качестве радиста был направлен в передовую «группу Шиффера», а Киберт был придан «группе Эккардта».

О третьем радисте, Рюдигере Ханке, немцам сообщили, что он тяжело ранен. За работой перевербованных немцев-радистов при радиосеансах с центром всегда находился опытный сотрудник контрразведки, который внимательно следил за каждым знаком, переданным в эфир.

В ходе допросов захваченных агентов противника помимо сведений об операции по «спасению части Шерхорна» советские контрразведчики получали новые данные о разведорганах противника и их руководящем составе. Так, например, 23 октября 8-м отделом 4-го Управления НКГБ СССР была подготовлена справка «об Абверкоманде 103»: «Абверкоманда 103 вела разведывательную работу на участке Центральной армейской группировки и до реорганизации абвера подчинялась: 1) разведотделу данной армейской группировки и 2) Валли I. Начальник команды — подполковник Герлиц. В 1941–1943 гг. команда размещалась в м. Красный Бор около Смоленска; 1943 — июнь 1944 г. в гор. Минске. Обслуживающая команду радиостанция условно именовалась “Сатурн”, а в 1943 году была переименована в “Гейер”.

Команда вела активную заброску своей агентуры в тыл Красной армии. Предназначенные для заброски агенты вербовались в лагерях военнопленных и проходили обучение в Борисовской школе разведчиков, размещавшейся до 1943 года в дер. Печи, около Нового Борисова, а затем в Восточной Пруссии, в м. Малетино около ст. Нойедорф, недалеко от гор. Лык. Начальником школы был капитан Юнг.

По окончании разведшколы отобранные для заброски в тыл Красной армии агенты направлялись в так называемый “С-лагерь” команды, который находился: 1) в г. Смоленске по Крепостной ул., д. 14, 2) в Минске, на углу улиц Обудовской и Шорной.

Во время пребывания агентуры в “С-лагере” с нею работали: готовили для выполнения развед[ывательного] задания, инструктировали, снабжали документами и т. д. — капитан Фурман, старый работник германской разведки, и капитан

* Речь идет о «Гейне».

Власов Владимир Александрович, бывш[ий] работник царской военной разведки, белый эмигрант».

26 октября в 10-00 по рации «Пчелы» от «чужих» принята радиограмма:

«Рады слышать Вас. Ведите разведку в направлении Маконь – озеро Луковой, сообщите имеющиеся там силы противника».

«Чужие», получив подтверждение от радистов о действительном наличии «группы Шерхорна» в белорусском лесу, «характер которой не вызывает сомнения», 27 октября выбросили на площадку новое пополнение — врача, капитана медицинской службы Клауса Ешке⁴⁴¹, и унтер-офицера люфтваффе Гарри Вильда⁴⁴².

По уже апробированному «сценарию» Ешке и Вильд были встречены с Шерхорном, которому они при личной встрече передали директивное письмо от 26 октября 1944 года главнокомандующего группой армий «Центр» генерал-полковника Рейнгардта⁴⁴³ и письмо от 23 октября начальника «Абверкоманды 103» старшего лейтенанта Барфельда⁴⁴⁴.

Приведем перевод письма от 26 октября 1944 года командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Георга Ганса Рейнгардта командиру «боевой группы» подполковнику Генриху Шерхорну:

«Главнокомандующий армейской группой
центра (№ 1500/44)
Господину подполковнику Шерхорну

Гл[авная] кв[артира]
26.10.[19]44 г.

1) Выражаю Вам и Вашим людям мое восхищение и полную признательность по поводу Вашей храброй стойкости. Само собой разумеется, что я буду стремиться оказать Вам и в дальнейшем всемерную помощь.

2) Немедленно после проведения десантной операции (подробности устно через фенриха (прапорщика) Вильда) боевая группа снимается с места, так как в данном случае ее местонахождение, бесспорно, будет открыто.

3) В зависимости от расположения неприятеля в Вашем районе и состояния Ваших частей должно быть принято решение, как провести переход в район расположения ближе к фронту. Ваши соображения доложите. Как потом провести возвращение к нашим линиям (просачивание мелкими группами или прорыв общими силами), будет зависеть от состояния положения на фронте.

4) Ежедневные радиосообщения отдельных групп армейской группе являются крайне необходимыми для осуществления руководства и обеспечения.

5) Я выражаю надежду, что Вам удастся пробиться с возможно большим числом храбрых воинов и продолжить совместно с нами борьбу за свободную и счастливую Великую Германию. Да здравствует фюрер!

Рейнгард, генерал-полковник»

Ешке и Вильд доложили Шерхорну, что лично рейхсмаршалом Г. Герингом дано распоряжение о выделении четырех военно-транспортных самолетов типа «Арадо» для доставки грузов и вывоза раненых. Унтер-офицеру Г. Вильду было поручено оборудовать площадку для посадки этих самолетов. Командование группы армий «Центр» настаивало на создании временного аэродрома и направило свои требования к обеспечению безопасности при посадке самолетов в «части Шерхорна».

В принятой в тот же день радиограмме от «чужих» сообщалось:

«№ 99. Предусмотрен день 28.11. При посадке первой машины следует строго соблюдать следующее: 1. Отметить границы площадки 3 кострами с каждой стороны. Костры должны гореть ярко, но как только машина найдет площадку, должны быть слегка потушены. Все солдаты, включая и офицеров, должны стоять группами у костров — за границами площадки. 2. Машина садится, поворачивается, идет к посадочному [кругу], разворачивается так, что останавливается с работающим мотором в направлении старта. Вильд без сопровождения направляется к машине и заходит с левой стороны вокруг левого крыла к боковому люку в направлении полета^{*} и лично указывает пилоту место остановки машины. 3. До того как будут остановлены моторы, на площадке не должно находиться ни одного человека, за исключением Вильда, солдата, подающего сигнал на конус стартовой площадки, и, может быть, радиста. 4. Как только все моторы будут заглушены, подполковник Шерхорн подходит с начальниками разгрузочной и погрузочной команды к машине».

30 октября «Пчела» от имени Шиффера радировал «чужим»:

«Ожидаю возвращения разведки в ночь с 30–31 и с 31 после этого выйду в зависимости от результатов разведки. По возможности до этого времени прошу подкрепления, питание и зимнее обмундирование, ночи уже очень холодные. Шиффер».

31 октября «Леонид» сообщил в Москву о поступивших и переданных радиограммах по делу «Клина» и свои соображения о дальнейшем ходе операции:

«30-го в 13.45 по делу “Клина” “Х” получил следующее:

“Ожидайте возвращения разведки, затем выходите сейчас же к группе Шерхорна. Нужно снестись. Привет. Ост, Ост”.

2. “Разведка вернулась. Переходить у Шаумакопи не рекомендуется. Выхожу сегодня ночью через Жеремец, Старая Уша, Оссово, Саковщина, подойду к Шерхорну с востока. Шиффер”.

1. Подпись Ост, Ост — это лейтенант, унтерштурмфюрер СС Остафель, прикомандированный от войск СС к армейской группе Центра, который руководит действиями “Клина”.

2. Судя по всему, чужие торопят приход “Клина” к Шубину для того, чтобы еще раз проверить группу Шубина, и только после этого начнут сброску грузов.

На поход группы “Клина” можно потратить с учетом действительности 3–4 дня, а также к тому же погода не летная. Я просил бы разрешить мне воспользоваться этим временем для выезда мне с личным докладом в Москву.

Очень прошу, на случай Вашего согласия телеграфируйте немедленно, и я выеду через несколько часов».

2 ноября «Леонид» передал в Москву дополнительную радиограмму в отношении «Клина»:

«1. 22 или 23 [октября] передаем первую телеграмму по делу “Клин”.

2. Круминг дополнительно показал, что его настоящая фамилия Ойффергерт, что он имеет звание “штандарт-обер-юнкера СС” и служит в 502-м батальоне СС, находится Фридойнтэль-Берлин. 502-й батальон подчиняется Главному оперативному отделу СС войск. Отдел возглавляет обергруппенфюрер СС Ютнер, который подчиняется непосредственно Гиммлеру.

3. Что перед отъездом его инструктировали два человека, связанные с техникой переброски, радиосвязи и документам капитан “Фурман”, который является представителем абвера.

^{*} В тексте «в направлении к полету».

Всеми вопросами и снабжением группы “Шубина” руководит лейтенант Остафель⁴⁴⁵ — представитель войск СС, и который является ответственным за эту операцию.

4. Помощь группе Шубина там смотрят очень серьезно, хотят помочь, чем возможно, и вывести за фронт. О том, что в белорусских лесах бродят группы немцев, известно со слов вышедшего в конце августа из окружения через фронт немецкого генерала Ширмани^{446*} [с] 35 людьми, а также от одиночек немецких солдат, перешедших линию фронта».

В ходе следствия К. Круминг дал дополнительные [сведения] об операции по спасению «части Шерхорна», в том числе рассказал подробности выхода из окружения группы немецких военнослужащих под командованием командира 25-й механизированной дивизии⁴⁴⁷ генерал-лейтенанта Пауля Шюрмана:

1. О возвращении группы.

Для этого были даны карты с указанием маршрута. Этот маршрут должен был быть принят за основу, но его не обязательно было строго придерживаться. Поход должен был по возможности совершаться только ночами. Рассчитывали, что за ночь будут делать примерно 10 километров. Пойдет ли группа целиком или отдельными колоннами — предоставлялось решению подполковника Шерхорна. В случае если бы группа пошла отдельными колоннами, то должны были быть брошены еще офицеры-командиры (главным образом люди, говорящие по-русски) и еще радиоаппараты.

Во время похода снабжение должно было производиться с воздуха. Только в крайнем случае — в самой стране, с тем чтобы избежать обнаружить себя.

Раненые должны были быть отправлены по воздуху на самолете. Это должно производиться, как только для этого представится возможность.

Выброска оружия и питания рассматривалась как важная предпосылка для успешного возвращения группы на родину. Нужный материал (оружие и т. д.) уже во время моего отъезда был заготовлен для выброски или должен был быть немедленно заготовлен. Материал поставлялся армейской группой Центра (мое предположение).

Сбрасывание должно было производиться по требованию и по световым сигналам.

Вопрос о существовании остатка армейской группы Центра в глубоком тылу противника считался секретным делом командования. Об этом знали штаб армейской группы Центра и офицеры егерского батальона СС № 502, которые специально занимались этим делом. Каким образом распределялась ответственность — мне неизвестно, но я думаю, что это было так:

1. От армейской группы Центра “Абверу 2” было поручено проверить и подтвердить существование группы, с тем чтобы начать затем снабжение для обеспечения возвращения группы на родину (после этого была установлена связь через радиста от “Абвера 2”).

2. Армейская группа Центра пожелала подтверждения о существовании группы, исходящего от офицеров. Последовал запрос в Оперативный отдел войск СС — смогут ли они выделить для этого соответствующую группу. Егерский батальон СС № 502 выделил после этого одного офицера (лейтенанта Остафель), который взял на себя военное руководство операцией, обер-юнкера Шиффер и унтер-офицера Пандера для установления связи с группой Шерхорна. <...>

* Так в документе. Также в документах встречается написание Шорман.

Руководство операцией по группе Шерхорна

АРМЕЙСКАЯ ГРУППА [ЦЕНТР]

РУКОВОДИТЕЛЬ

лейт[енант] Остафель (егер[ский])

б[атальон]н СС № 502

[РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ]

обер-юнкер Шиффер

2 русских

1 радист (абвер)

КОНСУЛЬТАНТ

капитан Фурман (“Абвер II”)

унтер-оф[ицер] Пандер

2 русских

1 радист (абвер)

О группе Шерхорна знали только вышеупомянутые офицеры, армейская группа Центра и штаб егерского батальона СС № 502 (ст[арший] лейтенант Ридель). Все держалось в тайне для того, чтобы противнику, которому ничего не было известно о существовании группы, не стало бы что-либо известно о проводимых мероприятиях.

О группе генерала Шормана

О возвращении группы Шормана из тыла противника я узнал через лейтенанта Остафеля незадолго до моего отъезда. Он рассказал мне об этом секретном деле для того, чтобы подчеркнуть, что вывод разрозненных групп немецких войск из тыла возможен, и для того, чтобы показать мне на практическом примере, как это можно приблизительно сделать. Он показал об этом примерно следующее:

“Во время летнего наступления русских много немецких войск было окружено, в том числе была окружена часть дивизии Шормана. Так как пути для подкрепления были отрезаны, то начал уже обсуждаться вопрос о капитуляции, но все же решили пробиваться через фронт, а не капитулировать. Шорман отправился на восток. Из кольца окружения Шорману удалось вывести только очень небольшое количество своих людей. Что случилось с людьми, вышедшими из окружения в других направлениях, Шорман ничего не знал. Однако он считал, что не все сдались, а что еще часть его дивизии осталась в тылу противника. Сам Шорман со своей группой отправился, маршируя только ночью, на запад. Пройдя 600 км, на что ему потребовалось 7 недель, он услышал канонаду, перебравшись через реку, он достиг собственных линий.

К своим линиям Шорман подошел всего с 35 людьми. Маршрут его тот, что нанесен на карте. В пути они питались хлебом, картофелем и т. д., выпрошенным у населения. Он сообщил, что население относилось к ним враждебно”.

Тот факт, что некоторым немецким воинским подразделениям удалось вырваться из окружения и перейти линию фронта, еще больше укрепил уверенность советских контрразведчиков в успехе задуманной операции.

* * *

4 ноября нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов направил за № 4843/м спецсообщение в ГКО о ходе операции по легендированию перед Верховным командованием Германии наличия немецкой воинской части, скрывающейся в лесах Белоруссии, а также планах по дальнейшему развитию игры:

«С февраля 1942 года НКГБ СССР легендирует перед немцами якобы существующую в Советском Союзе церковно-монархическую организацию с центром в Москве. В результате этой разработки (дело “Монастырь”) было разоблачено и

задержано 15 агентов немецкой разведки, переброшенных в наш тыл, 7 немецких пособников в г. Москве, получено 4 радиостанции, из них 2 введены в игру, и денег 1 500 000 рублей...

Из донесений агентуры и радиоперехвата НКГБ СССР стало известно, что немецкая разведка предполагает наличие в лесах Белоруссии отдельных групп германских солдат и офицеров, ранее попавших в окружение и пытающихся ныне пробиться через линию фронта на соединение с действующими частями германской армии.

Было решено воспользоваться этим обстоятельством и легендировать перед немецким командованием наличие в лесах Белоруссии скрывающейся немецкой воинской части.

18 августа 1944 г. немцам было сообщено через московскую радиостанцию упомянутой выше легендируемой церковно-монархической организации, что в районе Березино (БССР) скрывается крупная немецкая “воинская часть” численностью до 1800 человек, потерявшая связь со своим командованием. “Воинская часть” испытывает большую нужду в продовольствии, обмундировании, боеприпасах, имеет в своем составе значительное число раненых солдат и офицеров, затрудняющих движение “части” на запад.

В качестве командира “части” был назван подполковник германской армии Шерхорн, взятый в плен Красной армией в июле 1944 г. в Минской области, содержавшийся в лагере для военнопленных и завербованный НКГБ СССР...

В ответ на наше сообщение 25 августа т. г. немцы передали по радио следующее: “Благодарим Вас за Ваше сообщение. Просим помочь нам связаться с этой частью. Мы намерены для них сбросить различные грузы и прислать радиста, который мог бы связаться со здешними руководящими органами...”

7 сентября с. г. немцам было сообщено, что “часть” дислоцируется на озере Песочное Червенского района Минской области, и указаны координаты площадки для выброски груза и радиста.

Одновременно НКГБ СССР была направлена в район нахождения “части Шерхорна” специальная оперативная группа вместе с Шерхорном с задачей обеспечить задержание парашютистов и прием грузов.

Для этой цели в районе озера Песочное была подобрана удобная для сброски грузов и посадки самолетов площадка — бывший партизанский аэродром, о существовании которого немцам было известно в период оккупации Белоруссии.

В нескольких километрах от площадки, в лесу, было создано подобие лагеря скрывающейся “немецкой части”: разбито несколько палаток, сооружены землянки, в которых находились бойцы оперативной группы НКГБ СССР. Часть бойцов одета в немецкую форму.

С 7 сентября т. г. немцы стали сбрасывать на площадку людей и грузы.

На площадке для задержания парашютистов и приема грузов постоянно находится группа бойцов и оперативных работников НКГБ СССР. В составе этой группы имеется 10 проверенных агентов НКГБ СССР, по национальности немцев, участвующих под видом немецких солдат в “приеме” немецких парашютистов.

Подступы к площадке тщательно охраняются войсковыми патрулями.

В 300 метрах от площадки разбита палатка — “штаб Шерхорна”, где Шерхорн в присутствии оперработников НКГБ СССР, владеющих немецким языком, принимает и беседует с прибывшими немецкими парашютистами.

В 75 метрах от палатки Шерхорна расположена палатка оперативной группы НКГБ СССР, в которой находится руководство группы, поддерживающие телефонную связь с расположенными вокруг площадки постами и специальными войсковыми резервами, подготовленными на случай каких-либо осложнений. В районе площадки замаскировано несколько зенитных установок (схема расположения “части Шерхорна” и оперативной группы НКГБ СССР прилагается).

После беседы прибывших парашютистов с Шерхорном, в процессе которой они сообщают ему о целях своего прибытия и полученных заданиях, парашютисты в сопровождении агентов оперативной группы, одетых в немецкую форму, направляются Шерхорном в “лагерь части”.

По дороге в “лагерь”, проходящей через лес, прибывшие парашютисты вместе с сопровождающими их агентами НКГБ, одетыми в немецкую форму, задерживаются патрулями опергруппы, одетыми в красноармейскую форму; обыскиваются и доставляются в качестве арестованных в дер. Градно в штаб опергруппы НКГБ СССР, где содержатся в изоляции.

Задержанные вместе с парашютистами бойцы оперативной группы, владеющие немецким языком, используются в качестве внутрикамерных агентов, способствуя получению от арестованных немецких парашютистов правдивых показаний.

Таким порядком 23 октября т. г. были приняты выброшенные на площадку “части” три радиста — немцы, военнослужащие германской армии.

В беседе с Шерхорном старший группы прибывших радистов, унтер-офицер Курт Киберт, рассказал, что за несколько дней до его выброски о группе Шерхорна было доложено Гитлеру и Герингу, которые велели передать Шерхорну, что ими будет сделано все необходимое для спасения возглавляемой Шерхорном “части”.

Как сообщил Киберт, немецкое командование решило послать Шерхорну врача и офицера авиации. Последний должен подготовить площадку для посадки самолетов типа “Арадо”, на которых будут доставлены для “части Шерхорна” вооружение, боеприпасы, обмундирование и продовольствие.

По заявлению Киберта, немецкое командование намерено раненых из группы Шерхорна вывезти этими самолетами, с тем чтобы вооруженная и снабженная всем необходимым группа Шерхорна могла продвигаться на запад на соединение с германской армией...

Задержанные немецкие радисты имели указание германской разведки на другой день после приземления сообщить, каждый по своей рации, действительно ли существует воинская часть Шерхорна, и подтвердить, что они находятся в расположении этой части.

После соответствующей обработки радисты Курт Киберт и Фридрих Шмитс были завербованы оперативной группой НКГБ СССР и включены в радиоигру с немцами под контролем оперативной группы. О третьем радисте немцам было сообщено, что он тяжело ранен.

Получив подтверждение от указанных выше радистов-немцев о действительном наличии в лесу “части Шерхорна”, “характер которой не вызывает у них сомнения”, немецкое командование выбросило 27 октября на площадку “части” новых двух немцев — военнослужащих германской армии — капитана-врача Ешке и унтер-офицера авиации Гарри Вильда.

Ешке и Вильд были также в указанном выше порядке приняты Шерхорном, которому они передали директивное письмо от 26 октября т. г. генерал-полковника

Рейнгарда — главнокомандующего немецкой армейской группой “Центр”, и письмо начальника “Абверкоманды 103”, старшего лейтенанта Адольфа Барфельда.

Вильд и Ешке сообщили Шерхорну, что лично Герингом отдано распоряжение о посылке Шерхорну четырех транспортных самолетов типа “Арадо” для доставки груза и вывоза раненых, причем унтер-офицеру Вильд поручено подготовить площадку для посадки этих самолетов, для чего он был снабжен специальной инструкцией.

Арестованные Ешке и Вильд на допросе показали, что они должны по радиостанции ранее присланных радистов-немцев сообщить немецкому командованию условные фразы о своем благополучном или неблагополучном приземлении.

Поскольку показания Вильда сомнения не вызывали, он был завербован опергруппой и его условная фраза была передана немецкому командованию, а относительно капитана Ешке было сообщено, что он при приземлении разбился и находится в тяжелом состоянии.

За период с 7 сентября 1944 г. немцами в район легендированной “части Шерхорна” совершено 17 самолето-вылетов и сброшено 16 германских разведчиков, из коих семь немцев; 8 радиостанций, пять из которых включены в игру с немцами по данной разработке...

30 октября немецкое командование по радио предписало Шерхорну: “Как только площадка будет подготовлена, при первой же благоприятной погоде будет проведена операция. Предварительное извещение за день, окончательное — в тот же день до 17 часов по московскому времени. Требуется: 1. Держать всех раненых и команду по разгрузке в непосредственной близости от площадки. 2. Обеспечить охраной. 3. Провести быструю и организованную разгрузку и погрузку. Вильд отвечает за летную часть. Врач будет. Оба возвращаются с последней машиной. Верховное командование”.

Дальнейшее легендирование... по этой разработке возможно в следующих направлениях:

1. Можно принять предложение немцев о присылке в “часть Шерхорна” одного-двух трансфертных самолетов типа “Арадо” с грузом для “вывоза раненых” и захватить самолеты вместе с экипажем.

Но в этом случае доверие немецкого командования к “части Шерхорна” может быть поколеблено, и дело придется свернуть.

2. Учитывая, что немцы намерены вывести “часть Шерхорна” за линию фронта на соединение с германской армией, можно в процессе радиоигры добиться открытия немецким командованием одного из участков фронта для прохода “части Шерхорна” и вывести в проход под этим предлогом заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной армии для прорыва немецкого фронта.

Для осуществления этого варианта потребуется:

а) сообщить немецкому командованию, что “часть Шерхорна” окружена советскими войсками и вынуждена вести бои с целью прорвать окружение и что в результате боев “часть Шерхорна” потеряла раненых, обоз и небольшое количество солдат, прорвала кольцо окружения, быстро двигается на запад, и поэтому нет необходимости присылать самолеты для “вывоза раненых”;

б) в “пути продвижения” к фронту затребовать от немцев подкрепление боеприпасами, продовольствием, снаряжением и красноармейским обмундированием для маскировки “движения части”;

в) по «маршруту движения части», указанному немцами, создавать видимость скрытного продвижения «части Шерхорна» (на случай возможной проверки этого «движения» немцами с самолетов).

Кроме того, в целях дезинформации немецкого командования можно одновременно легендировать захват «частью Шерхорна» в прифронтовой полосе советской штабной машины с документами, среди которых будут «обнаружены» важные «оперативные планы» советского командования.

Эти «планы» должны быть составлены таким образом, чтобы они могли быть приняты немцами как достоверные и чтобы их получение могло быть эффективно использовано командованием Красной армии»⁴⁴⁸.

Руководством советской контрразведки предлагалось несколько вариантов продолжения операции. Первый — принять предложение «чужих» о присылке одного-двух транспортных самолетов с грузом и захватить их вместе с экипажем.

В таком случае доверие немцев к «части Шерхорна» будет подорвано и игру придется прекратить. Однако, учитывая стремление немецкого командования, во что бы то ни стало вывести «окруженцев» на соединение с германской армией, было принято другое решение — под предлогом открытия немцами одного из участков обороны для прохода «части Шерхорна» ввести в образовавшееся «окно» переодетых в немецкую форму советских военнослужащих и прорвать линию фронта.

Для реализации этого замысла даже предлагалось передать немецкой разведке дезинформацию о том, что «частью Шерхорна» в прифронтовой полосе захвачена советская штабная машина с документами, среди которых обнаружены важные «оперативные планы» советского командования. На следующий день В.М. Молотов синим карандашом написал резолюцию: «По-моему, второй вариант (тянуть дело дольше) — лучше. В. Молотов. 5/XI [1944]».

8 ноября от «чужих» пришла радиogramма на радиостанцию «Гейне»:

«Нас интересует узнать, в каком полку вы находитесь. Сообщите, пожалуйста, какие мероприятия принимаются от русских, находящихся в Вашем районе, и какие войска расположены в этом районе. Привет».

11 ноября «Гейне» направил ответ «чужим», в котором сообщил об имеющихся частях и подразделениях в районе Березино:

«Сообщаю, что я по-прежнему служу в 5-м зап[асном] полку связи и в настоящее время прикомандирован к 51-му отдельному дорожно-строительному отряду. Мне неизвестно о каких-либо мероприятиях, предпринимаемых против группы. Постараюсь более досконально выяснить этот вопрос. Сейчас в районе Березино находится 51-й отдельный дорожно-строительный отряд и имеется полроты резерва милиции, взвод конной милиции».

Советские контрразведчики не исключали возможности, что германская военная разведка попытается использовать «часть Шерхорна» как базу для создания перевалочного пункта для своей агентуры, а также для установления связи с националистическими бандами, действовавшими в Западной Украине, Белоруссии и Прибалтике.

Начальник «Абверкоманды 103» обер-лейтенант Рудольф Барфельд на самолете лично вылетел в наш тыл, видимо для оценки «лагеря» с воздуха, но на обратном пути его самолет при посадке загорелся и разбился, а сам Барфельд погиб.

Для того чтобы в дальнейшем защитить проводимую операцию от внезапных проверок противника, чекисты предприняли дополнительные защитные меры.

Почти ежедневно немецкие самолеты начали сбрасывать группе боеприпасы, оружие, продовольствие, обмундирование, деньги и даже, что особо отметили чекисты, туалетную бумагу. В качестве контейнеров для сброски с парашютом, применявшихся немцами для снабжения своих диверсантов, использовались корпуса авиабомб, которые чекисты метко окрестили «грузобомбами».

Только в сентябре–октябре 1944 года немцы совершили 17 самолето-вылетов и сбросили: 16 разведчиков-парашютистов (из них немцев — 7 человек); 55 мест различного груза, в том числе: 186 комплектов зимнего десантного обмундирования, 220 пар перчаток и рукавиц, 30 пар трикотажного белья, 30 пар обуви, 60 кг сахара, 60 кг шоколада, 20 000 сигарет, полтонны разных медикаментов, ящик поперечных пил, осветительные лампы и другое оборудование для приема самолетов, 10 автоматов МР-44 с боеприпасами, 250 топографических карт районов Белоруссии и др. Кроме того, немецким командованием прислано Шерхорну 870 000 руб. советских денег.

На Лубянке не забывали периодически привлекать к радиоигре и самого «Гейне». 10 ноября «Леониду» (Эйтингону) из Москвы послана радиограмма, в которой сообщалось, что по линии «Гейне» противнику можно передать следующие сведения:

«Движение поездов по ж[елезной] д[ороге] из Борисова на Москву в основном с битой техникой, ранеными красноармейцами и пленными немецкими солдатами. Из Москвы в сторону Борисова движение воинских эшелонов с автомашинами, боеприпасами отправляются через день и в пути долго задерживаются на остановках. Всего за четыре дня на Москву прошло 17 эшелонов, из Москвы 10–12 эшелонов. Александр».

Тем самым советская контрразведка сообщала противнику дезинформацию, которая свидетельствовала о том, что в полосе группы армий «Центр» командование Красной армии в ближайшее время наступления не планирует.

Параллельно продолжались следственные действия в отношении захваченных визитеров. 10 ноября капитан медслужбы (штабсартц) Клаус Ешке (советский псевдоним — «Грач») дал следствию показание, в котором рассказал о том, как он был привлечен к участию в операции по спасению «части Шерхорна»:

«Примерно около года я работал руководящим врачом санитарной роты 211, откуда в начале октября был переведен в военный лазарет в Торне. Перед отправкой в Торн я имел наказание: 3-недельный домашний арест. 5 октября 1944 г. меня спросили — не хочу ли я принять участие в выполнении одного особого задания, о котором по соображениям конспирации пока мне ничего сказать не могут. Я согласился.

19 октября 1944 г. я был направлен в Торн, в военный лазарет, но по дороге должен был заехать к врачу армейской группы Центра в Ортельсбург. Генеральный врач армейской группы Центра, доктор Яккель, сказал мне, что от возвратившихся немецких солдат известно, что восточнее Минска с июня 1944 г. находится примерно 2000 немецких солдат, среди которых имеется примерно 200 раненых, и что они просили прислать им врача. О том, что там имеются немецкие солдаты, сейчас достоверно известно, ибо к ним были брошены радисты, и сейчас с этой группой имеется радиосвязь. После этого я был направлен врачом в отпуск к родителям, в Силезию.

23 октября мне позвонили и приказали явиться в Ортельсбург. По прибытии моем туда генеральный врач заявил мне, что теперь существует полная уверенность в наличии группы немецких солдат, так как за это время была выброшена новая группа радистов, с которой сейчас уже установлена связь. В Ортельсбурге я жил в гостинице и писал письма. В письмах я сообщал всем, что в течение некоторого времени писать не буду. После этого я читал книгу, затем был на складе, чтобы взять с собой необходимые мне вещи.

26 октября вечером я был в кино. 27-го я долго спал, написал пару писем, в полдень явился к генеральному врачу, он еще раз сказал мне, что я должен ухаживать за 200 ранеными и привести их в состояние годности к походу. На случай, если там имеется много очень тяжелораненых, то я изъявил согласие сдать вместе с ними в русский плен, с тем чтобы они могли быть вылечены в плену.

Генеральный врач сказал мне также, что имеется намерение забрать раненых самолетом, но что это, может быть, не удастся сделать из-за большого расстояния. Так как в скором времени снабжение группы с воздуха может прекратиться, то солдаты должны направиться к фронту группами. Вообще, уже многим солдатам удалось достигнуть границы Восточной Пруссии через Центральный фронт. Моей же задачей является единственно — заботиться о 200 раненых.

В 16 часов мы отправились на аэродром, где я получил от ст[аршего] лейтенанта, которого звали, кажется, Рудольф, письмо подполковнику Шерхорн и узнал, что вместе со мной полетит еще фенрих. Незадолго до старта, когда на меня был уже одет парашют, ст[арший] лейтенант сказал мне, что по прибытии на место я должен передать через радиста следующую телеграмму:

“Прибыл плохо, хорошенькое дельце ты мне подстроил, Руди. Вот чертовщина! Штабсврач”.

В мой рюкзак мне положили еще карты, которые я должен был передать подполковнику, и я распрощался. Во время полета я плохо себя чувствовал, мне стало плохо.

Через 2 часа, примерно, мы увидели под нами 4 огня, около которых я и приземлился. Несколько солдат отвели меня к подполковнику Шерхорну и ст[аршему] лейтенанту, фамилия которого мне неизвестна. Я передал ему письмо и деньги. Подполковник произвел на меня впечатление очень удрученного человека. Он сказал мне, что с ранеными дело обстоит очень плохо. Мы еще говорили с ним о том, что к нему должны были прибыть 2 русских сестры, о присылке которых я просил генерального врача, эти сестры из моей санитарной роты, и обещал им [помочь] возвратиться на родину, они должны были помогать мне.

После этого мы распрощались с подполковником, и я направился к раненым. Так как радист должен был находиться недалеко от раненых, то фенрих дал мне текст своей телеграммы, которую он должен был послать в случае благополучного прибытия:

“Я хорошо прибыл, прибыл, прибыл. Подпись”.

Меня сопровождали два немецких и один русский солдат. Пройдя 2 км, на нас вдруг напали и меня взяли в плен. Все произошло так быстро, что я не могу описать никаких подробностей. Я не знаю также, удалось ли бежать солдатам, провожавшим меня, или они также попали в плен.

Все события дня: приготовления в Ортельсбурге, полет, во время которого мне стало плохо, первый в моей жизни прыжок [с парашютом], пленение, до-

прос — повлияли на меня так, что у меня получился психологический шок, я во время допроса не смог рассказать всего полностью, но я не сказал неправды, я не лгал.

Послав, я на следующий день вспомнил все, попросил бумагу и все написал.

Немецкие солдаты, находящиеся в этом районе, не бандиты. Они не имеют никакого задания, они отстали от своей части при отступлении в июне 1944 г. Это — боевая группа, оставшаяся в тылу, и до тех пор, пока они не совершили никаких преступлений и являются полноценными фронтовыми солдатами, они должны быть рассматриваемые как солдаты, запертые в осажденной крепости.

Их снабжали с воздуха. Так как им срочно требовался врач для ухода за ранеными, то я был прислан сюда. У меня нет никакого задания, кроме как ухаживать за ранеными немецкими солдатами. То, что я прибыл сюда с парашютом, не является нарушением военного права. Выброшенные на побережье Ла-Манша и в Голландии канадские парашютисты рассматривались не как преступники*, а как фронтовые солдаты.

Я не шпион. Я ношу немецкую форму и имел при себе “зольбух” и другие личные документы, которых я не имел бы при себе, если бы был выброшен с каким-либо особым поручением. Я также не знаю языка этой страны.

Я был прислан сюда как врач для ухода за ранеными. Я не сделал ничего плохого, и я не имел никакого задания, поэтому прошу рассматривать меня не как тяжкого преступника, а как пленного солдата».

Сложная операция чекистов с немецкой разведкой продолжалась. В связи с указанием командования группы армий «Центр» штабу Шерхорна следовать к линии фронта отдельными группами была слегендирована передовая группа под командованием «Клина», насчитывающая якобы 120–130 человек.

Радистом в группе являлся «Х», сброшенный немцами вместе с «Клином». Группа должна была продвигаться по северному маршруту.

Однако не все проходило гладко. По мере развития многоходовой комбинации с германским разведцентром возникали сложности различного характера, например — охрана в «полевых» условиях захваченных в плен немецких военнослужащих, привлеченных к участию в радиоигре. Некоторые из них предпринимали отчаянные попытки к бегству.

Так, 13 ноября «Леонид» (Эйтингон) сообщил в Москву:

«Доношу о большой неприятности, которая произошла 11-го в 4-00. Арестованный “Грач” — Ешке, пользуясь тем, что охранявшие его разведчик Ефимов и боец нашего отряда Тарасенко спали, он при помощи найденной в хате вязальной спицы снял наручники и, ударив спавшего Ефимова лопатой — бежал. Вскоре после побега были приняты все меры к розыску, к проческе местности и мобилизации населения сел в радиусе 50 км. 12-го в 9 часов утра Ешке — “Грач” был задержан в районе дер. Котово. Сейчас Ешке находится у меня и подвергается допросу. Ефимов ранен в голову». В связи с возникшими трудностями чекисты обратились в Минск с просьбой прислать 100 автоматчиков на случай выброски немецких десантов или прибытия транспортных самолетов.

В книге Э.П. Шарапова, претендующей «на документальность без грифа “секретно”», этот эпизод описан весьма красочно: «...Ешке в очередной раз присел

* Речь идет об операции «Оверлорд» – высадке десанта союзников в Нормандии 4 июня 1944 г.

на нары в мучительном раздумье. И вдруг его рука, машинально опустившись к ножке топчана, почувствовала что-то деревянное рядом с ножкой. Нагнувшись, он увидел саперную лопатку, кем-то случайно забытую. Ешке вскочил и заметался по блиндажу. Бежать! Как только часовой заснет, сделать подкоп и бежать к своим. Но, трезво оценив свой план, он понял, что бежать бесполезно. Один, без продовольствия и оружия, в чужом лесу, он не доберется до своих. Ну что же... Видно, Богу угодно призвать его к себе и дать возможность стойко умереть. Он покажет этим русским, что такое настоящий офицер немецкой армии. Сжав в руке лопатку, Ешке подошел к двери... Утро следующего дня было пасмурным. Возле блиндажа толпились бойцы. Срочно вызвали патрульный наряд. Дверь в землянку была открыта, на пороге лежал мертвый часовой. На его рассеченном виске запеклась кровь. Рядом лежала саперная лопатка. Труп Ешке находился чуть подале от землянки. В руках Ешке сжимал автомат часового»⁴⁴⁹. Как было на самом деле, читатель уже знает.

Заметим, что книга Шарاپова — не приключенческая повесть, а, по его же словам — «новый взгляд на операцию "Монастырь"». Только не совсем понятно, какую автор преследовал цель — в очередной раз навести тень на плетень? С сожалением отметим, что в последнее время подобных публикаций, посвященных истории спецслужб, становится все больше и больше.

В ноябре 1944 года руководством 4-го Управления НКГБ СССР было принято решение вывести «Гейне» из операции «Березино». С этой целью было предпринято несколько последовательных шагов. 11 ноября «Гейне» передает «чужим» радиogramму:

«Сообщаю, что я по-прежнему служу в 5-м запасном полку связи и в настоящее время прикомандирован к 51-му отдельному дорожно-строительному отряду. Мне неизвестно о каких-либо мероприятиях, предпринимаемых против группировки.

Постараюсь более досконально выяснить этот вопрос. Сейчас в районе Березино находится 51-й отдельный дорожно-строительный отряд и имеется полроты резерва милиции, взвод конной милиции. Александр».

Следующий сеанс связи «Гейне» назначает на 14 ноября. Во время радиосвязи, в зависимости от складывающейся обстановки, он передает «чужим» информацию о мероприятиях, предпринимаемых советским командованием против «части Шерхорна», с целью их напугать или, наоборот, успокоить. Одновременно «Гейне» сообщит, что получил предписание 18 ноября выехать в распоряжение своего полка — в Горький. По дороге он собирается на несколько дней заехать в Москву, поэтому спрашивает у немцев, что он должен передать организации «Престол» и о денежных средствах для организации.

Последний сеанс связи с «чужими» он назначает на 17 ноября. Рацию берет с собой в Горький и по прибытии на место постарается связаться с немцами. Через некоторое время «Гейне» из Горького передает, что его откомандировали на Украину.

В конце ноября 1944 года к игре с противником 4-е Управление НКГБ СССР непосредственно подключило, кроме подполковника Генриха Шерхорна, другого немецкого офицера — подполковника Ганса Михаэлиса. Как и Шерхорн, Михаэлис заявил контрразведчикам о своем желании «активно участвовать в борьбе с гитлеровским режимом».

4 декабря того же года с санкции наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова Михаэлис направлен в опергруппу заместителя начальника 4-го Управления НКГБ СССР Н.И. Эйтингона для «непосредственного использования втемную в проводимых мероприятиях по аг[ентурному] делу “Березино”». Советский псевдоним в радиоигре «Березино» — «Мик».

На допросе 25 ноября Г. Михаэлис рассказал об обстоятельствах пленения и своих политических взглядах:

«Вопрос: Когда, где, при каких обстоятельствах вы взяты в плен (точное место пленения)? *Ответ:* Пленен 1/VII-[19]44 г. при попытке прорвать кольцо окружения у Витебска в направлении на юго-запад, прибл[изительно] в 35 км юго-западнее Витебска, вблизи населенного пункта <нрзб> в направлении Минска, после того как все тяжелые орудия были выведены из строя и расстреляны все боеприпасы. Тяжелые орудия были выведены из строя вследствие бомбардировки авиации Красной армии и отвода их в болотистую местность. <...>

Вопрос: Ваши политические убеждения? *Ответ:* Я антифашист, член “Союза немецких офицеров” движения “Свобод[ная] Германия”.

Вопрос: Ваше отношение к Гитлеру и его режиму? *Ответ:* Гитлера и гитлеровскую правительственную систему отвергаю. Своей безумной империалистической политикой он поверг в несчастье не только один немецкий народ, но, больше того, этой несправедливой войной он принес нищету народам Европы. Я считаю, что счастливое будущее Германии заключается в продолжении политики Бисмарка, т. е. в тесном, дружественном сотрудничестве с Россией. <...>

Вопрос: Какие последние указания вы получили перед пленением от командования вооруженных сил Германии? *Ответ:* Последние указания и приказы, которые я получил от Главного командования германских вооруженных сил, были следующие: 1) “сражаться до последнего солдата”, “ни шагу назад”. Это было 20/VI-[19]44 г.; 2) Держать линию обороны, улучшать укрепления, углублять окопы, дополнительно проверить всю линию обороны. <...>

Самое последнее указание перед пленением было — примкнуть к 256-й дивизии⁴⁵⁰ и вместе с нею пробиваться на запад. Больше я не получал никаких указаний. Я самостоятельно пришел к решению сложить оружие и сдаться в плен. Для того чтобы сохранить жизнь моим людям, т. к. я видел безнадежность положения, я сам хотел покончить жизнь самоубийством. Но один лейт[енант], фамилия которого мне неизвестна, выбил у меня из рук револьвер. Я пришел к этому решению — покончить жизнь самоубийством — потому, что германская пропаганда постоянно твердила, что из русского плена никто не вернется живым. В действительности я увидел, что это была ерунда и ложь».

Полученные в результате допросов немецких парашютистов сведения использовались не только в оперативных целях, но и для изучения внутривнутриполитического положения в Германии после провала заговора 20 июля 1944 года. В справке от 29 ноября «Политическое положение в Германии», составленной 4-м Управлением НКГБ СССР, говорилось:

«4-м Управлением НКГБ СССР в последнее время задержаны немецкие агенты-парашютисты немецкой национальности, которые дали показания о политическом, экономическом и военном положении известных им районов Германии (Берлин, Аахен, Восточная Пруссия). <...>

Политическое положение характеризуется задержанными следующим образом.

В настоящее время, особенно после событий 20 июля 1944 года (покушение на Гитлера), в Германии в армии проводится чистка, после которой, по словам Гимmlера, армия должна стать “подлинно национал-социалистической, народной армией”; введены так называемые национал-социалистические руководители в чине офицеров, которые приданы всем подразделениям, начиная от полка и ниже. Приказы по армии подписываются не только командованием, но и Штабом национал-социалистического руководства. Среди солдат проводятся беседы на политические темы, о международном положении и доклады о внутреннем положении в Германии <...>

Штаб Центральной армейской группы германской армии расположен в гор. Ортельсбурге в казармах егерского батальона, в 1½ км от центра города. Командующим армейской группой Центра в настоящее время является генерал-полковник Рейнхард, сменивший генерал-фельдмаршала Моделя⁴⁵¹.

По рассказам очевидца известно следующее о событиях 20 июля с. г. в штабе армейской группы Центра.

С 20 на 21 июля около 12 часов ночи, т. е. спустя несколько часов после покушения на Гитлера, в штабе армейской группировки от Верховного командования из Берлина была получена никем не подписанная телеграмма следующего содержания:

“Фюрер умер, ожидайте дальнейших приказов”. Модель, прочитав телеграмму, вскочил и отдал одному из офицеров приказание о приведении всех в боевую готовность, распорядившись стрелять по всякому, кто попытается приблизиться к поезду. После этого Модель вышел из своего вагона и начал лично осматривать все вагоны поезда. Это продолжалось примерно около часа и, видимо, производилось с целью осмотра, не подложены ли где-нибудь мины.

Осенью 1943 года, когда штаб армейской группы Центра находился в нескольких километрах от Минска, командовавший тогда группой Центра фельдмаршал фон Клюге⁴⁵² был смещен и вместо него назначен фельдмаршал фон Буш⁴⁵³. Среди солдат это объяснялось тем, что Клюге потерпел якобы автомобильную катастрофу.

Фон Буш командовал фронтом до 29 июня 1944 года. В ночь с 28 на 29 была получена следующая телеграмма: “Принимаю командование фронтом. Модель, генерал-фельдмаршал”.

Буш был вызван в Берлин, и с этого времени о нем больше ничего не известно. Фельдмаршал Модель командовал группой Центра примерно до конца августа, т. е. до момента, когда англичанам и американцам удалось совершить прорыв во Франции под Авранш. До этого времени на Западном фронте командовал фон Клюге. После прорыва под Авранш Клюге был вызван в Берлин, а Модель был направлен на Западный фронт. Затем Модель был отозван и сменил фон Рунштедтом⁴⁵⁴.

Вернемся вновь к операции «Березино». 4 декабря с санкции наркома госбезопасности СССР в опергруппу Эйтингона для непосредственного участия в операции «Березино» был направлен из Москвы для использования втемную бывший командир 519-го пехотного полка 296-й пехотной дивизии подполковник Вилли Эккардт.

В тот же день по рации корреспондента «Муха» Верховному командованию группы армий «Центр» передана радиограмма:

«Противник по-прежнему проявляет большую активность, не раз появлялся в непосредственной близости к площадке. Остаться на месте всей группе невозможно. Намереваюсь отправить по северному маршруту (см. карту) группу в 400–500 чел. с частью легкораненых под командованием подполковника Эккардта. Возможно ли организовать для группы выброску с крупных машин питания и снабжения».

По легенде «группа Эккардта» должна была следовать по северному маршруту к немецким передовым линиям в направлении Налибоки.

Для успешного продолжения операции «Березино» потребовалось участие еще одного военнопленного — майора Эрнста Дитманна. 13 декабря Дитманна перевели из Бутырской во Внутреннюю тюрьму. 14 декабря «Руж» (Маклярский) радиogramмой запросил «Андрея» (Судоплатова) «с просьбой срочно сообщить, как ведет себя майор Дитманн. Он крайне нужен».

15 декабря по результатам бесед с Дитманном сотрудниками 4-го Управления НКГБ составлена справка:

«1. Благодарит за дополнительное питание, т. к. это ему помогло в связи со здоровьем. Просит в связи с Рождеством освободить его из тюрьмы, т. к. он чувствует и физически, и морально тяжело. 2. Желает в беседе отвечать честно и правдиво на все вопросы, которые ему известно. 3. По-русски не говорит, по-польски тоже... 4. В июле 1937 г. по указ[анию], что все руководит[ели] крупных предприятий должны быть членами нац[ионал]-соц[иалистической] партии, в декабре 1937 г. он вступил в кандидаты (имеет кандидатскую книжку). Оформлен ли в члены, не знает. 4. Здесь не состоит ни в каких организациях. Три причины:

1) По конвенции запрещено заниматься политикой. Никто не оказывал влияния и давления. 2) Присягал немецкому народу и хранит верность. 3) Не может бороться с оружием в руках против немецкой армии, т. к. у него сын, два брата и много племянников в немецкой армии.

Никакого участия в зверствах, в расстреле русских гр-н, будучи в СССР, не принимал и не соприкасался по роду службы с живыми людьми. Он согласен с нашим решением уничтожить гитлер[овскую] Герм[анию] и порядок по трем причинам:

1) Объявление войны СССР — является обманом народа, т. к. СССР не готовился к войне против Германии. 2) Сейчас бесполезно продолжать войну, и это только в интересах кучки “гитлеров”... 3) Являлся противником расовой теории и раньше, поэтому он и не вступал в нац[ионал]-соц[иалистическую] партию до войны.

Вскоре Маклярскому был направлен ответ:

«Дитман ярый фашист. Не принимал никакого участия в антифашистских организациях, производит отрицательное впечатление. На предложение — оказывать нам какую-либо помощь хотя бы в виде консультаций, отвечает отказом, мотивируя тем, что он продолжает оставаться и в плену солдатом немецкой армии, т. к. давал присягу; всякое участие в нашей работе рассматривает как действие, направленное против немецкого народа, немецкой армии, в составе которой до настоящего времени находятся ряд его братьев, племянников и др. родственников. Под этим же углом зрения рассматривает и работу комсостава “Свободная Германия”, отвергая его платформу. Завидует многим своим коллегам, сложившим головы за Германию.

Дитман к использованию по “Березино” не годится. Не желает не только делать что-либо для нас, а даже осуждает работу “Союза [немецких] офицеров” и Комитета “Свободная Германия”, жалеет, что ему не посчастливилось умереть за Германию».

Советские контрразведчики еще дважды, 20 и 26 декабря, Дитманна вызывали на допрос. Несмотря на отказ майора Дитманна оказать содействие советской контрразведке в проведении операции «Березино», сотрудники Наркомата госбезопасности СССР использовали его данные. От имени «майора Дитманна», так же как и от имени «Герта Шиффера», участие в операции принимали немецкие антифашисты.

Параллельно советские контрразведчики получали сведения о противнике. В справке 4-го Управления НКГБ СССР от 16 декабря о наличии в составе германских спецслужб 502-го егерского батальона СС сказано:

«...устанавливается наличие новой немецко-разведывательной организации, имеющей название “Егерский батальон СС № 502”. “Егерский батальон 502 СС” начал создаваться во второй половине 1943 года и до сих пор еще не укомплектован. В настоящее время (на декабрь 1944 г. — *Авт.*) он насчитывает до 400 чел. Указанный батальон существует под видом отдельной войсковой части, подчиненной непосредственно Главному штабу войск “СС”.

Место дислокации батальона — гор. Ораниенбург — 40–45 км севернее Берлина. Батальон занимается исключительно подготовкой разведчиков и заброской их на территорию Советского Союза, Бельгию, Голландию и другие европейские страны для проведения там подрывной и диверсионной работы.

Батальон комплектуется из специально подбираемых здоровых людей разных национальностей. Так как в батальоне имеются немцы, бельгийцы, голландцы, а также представители народностей Советского Союза: русские, украинцы, кавказцы — разведчики приводятся к присяге на верность Гитлеру.

В составе батальона имеются 4 стрелковых роты, состоящие из 4 взводов — трех стрелковых и одного саперного. Кроме того, при батальоне имеется радиопункт, который обслуживается 10–15 людьми. Инспектирует батальон представитель Главного штаба войск “СС”, известный майор Скорцени, освободивший Муссолини, который зачастую лично инструктирует разведчиков, направляемых на задания в Советский Союз и другие страны. Из батальонных офицеров известны:

1. Командир батальона — капитан Дайцер, лет 30–35, имеет “Железный крест” I класса и знак штурмовика.

2. Зам[еститель] командира батальона — ст[арший] лейтенант Фолькерзам Андриан, 29 лет, руководящий штабом и заброской разведчиков в тыл Советского Союза, награжденный “Рыцарским крестом” и медалью “РОА”.

3. Зондерфюрер Фурман, лет 50, имеет “Бронзовый крест” за участие в 1-й империалистической войне, награжден крестами: I и II степени, знаком штурмовика и медалью “РОА”.

Как видно из этого документа, некоторые офицеры 502-го егерского батальона с осени 1944 года и до конца войны лично участвовали в операции по спасению «части Шерхорна».

«Чужим» сообщили о необходимости разбиться на несколько отрядов для самостоятельного выхода к линии фронта. Вскоре пришел ответ от Главного ко-

мандования группы армий «Центр». 12 декабря корреспондент «Муха» принял сообщение от командования группы армий «Центр»:

«В связи с обострением положения противника необходимо как можно скорее уходить. Сообщите, как разбиваете группу и маршруты. Сейчас начинаем подыскивать для вас в качестве маршрутников доверенных людей, знающих хорошо местность».

В связи с разделением «части Шерхорна» еще на несколько отрядов во второй половине декабря 1944 года 4-е Управление НКГБ СССР подключило к игре с противником немецкого военнопленного — обер-лейтенанта Мартина Фольрата⁴⁵⁵. В справке 3-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР на М. Фольрата говорилось:

«В связи с проводимой по аг[ентурному] делу “Березино” радиоигрой с противником Фольрат был назван немцам как один из офицеров части подполковника Шерхорна, находящейся в районе Борисова, и таким образом также включен в легенду. Перед немцами легендируется отряд под командованием Фольрата, который выделился из части Шерхорна и самостоятельно следует к линии фронта... В январе 1945 г. с Фольрат были проведены две беседы. Он показал себя настроенным антифашистски и заявил, что согласен выполнять любые наши задания (вплоть до разведывательных) против гитлеровской Германии, кроме как выступления с оружием в руках против немцев...» Заместителем командира «группы Фольрата» был назначен бывший командир роты 53-го пехотного полка лейтенант Клаус Шеффер.

«Часть Шерхорна» по согласованию с «чужими» была разбита на несколько групп. Двумя основными отрядами «командовали» подполковник Генрих Шерхорн и подполковник Вилли Эккардт, каждая имела передовую группу, которые «возглавляли» унтерштурмфюрер СС Герт Шиффер (Кристоф Круминг) и обер-лейтенант Мартин Фольрат. Арьергардной группой командовал подполковник Ганс Михаэлис, обозом с ранеными командовал майор Эрих Шольц.

16 декабря «чужим» от имени Шерхорна направили радиogramму:

«Группа Эккардта готова к отправке. Численность: 7 офицеров, 428 унтер-офицеров и солдат, 42 ОД*. Группа направляется по северному маршруту и идет двумя подгруппами, которые в зависимости от положения могут делиться на более мелкие группы. Группа выступает в ночь с 16/17 или самое позднее** с 17/18».

17 декабря от имени Шерхорна «чужим» радиовали:

«Поход совершается 4 группами, разбивка на более мелкие группы в зависимости от положения... Группу раненых, обоз возглавляет майор Шольц, численность: 40 офицеров, 20 унтер-офицеров и солдат и 14 чел. ОД. Связь с основной группой через связных. День выступления икс+2 дня».

18 декабря — следующее сообщение «чужим»:

«Верховному командованию. Группа Эккардта выступила по плану с 17 на 18. Численность как было сообщено. Радист Киберт. Командир подгруппы майор Мунзель⁴⁵⁶».

«Виртуальный поход» по заснеженным белорусским лесам начался. Несколько небольших групп советских контрразведчиков, по числу легендированных отря-

* ОД – русские полицейские.

** Так в документе.

дов «части» Шерхорна, с радиостанциями для связи с «чужими» и с Москвой действительно продвигались по белорусским лесам к линии фронта.

На следующий день, 19 декабря, уже сам Экардт (советский псевдоним — «Олень») связался с центром:

«Верховному командованию (Оберкомандо). Маршевая группа достигла сегодня леса в 4 км сев[еро]-восточнее м. Сандoble. До сих пор продвигался планомерно без происшествий».

Благодаря разведанным, полученным от зафронтовых разведчиков, проникших в «Сатурн», и захваченных радистов противника, НКГБ стало известно о наличии у абверкоманды мощных пеленгаторов, позволяющих с большой точностью определить координаты места выхода радиостанций в эфир. Поэтому каждый сеанс радиосвязи в ходе «движения» групп «части Шерхорна» согласовывался с Отделом «Б» НКВД СССР.

В действительности состав «части Шерхорна» включал 35 бойцов (10 — из ОСНАЗа НКГБ СССР и 25 разведчиков из УНКГБ по Минской области), трех агентов-немцев и радистов: «Муху» и Вернигорова (для охраны «Мухи»).

В оперативном отношении группу возглавляли майор госбезопасности Успенский (псевдоним для связи с Москвой — «Егор») и заместитель начальника — капитан госбезопасности Гарбуз. Местонахождение — местечко Градно, район Березино, БССР.

Подразделения НКГБ, участвовавшие в задержании немецких парашютистов, на случай внезапной посадки немецких самолетов имели на вооружении три ручных пулемета и автоматы с бронебойно-зажигательными патронами. На всех этапах проведения операции в районе Березино привлекалось 32 оперативных работника НКГБ СССР и 225 красноармейцев войск НКВД.

Вслед за капитаном К. Ешке попытку побега предпринял и унтрештурмфюрер СС К. Круминг. 21 декабря (1944) «Леонид» доложил в Москву:

«20/XII-[1944 г.] в 18-00 был убит при попытке к бегству “Клин” — Шиффер. Во время его преследования ранен в ногу боец ОСНАЗ Бутенко. Для расследования обстоятельств побега и осмотра трупа направлены в район расположения группы Цимакуридзе, Зеленский и Волокитин».

23 декабря заместитель начальника 4-го Управления НКГБ Н. Эйтингон рапортом доложил о происшествии начальнику 4-го Управления НКГБ СССР П. Судоплатову:

«Докладываю, что 22 декабря, выехав по Вашему приказанию в дер. Стайки Илийского района Молодеченской области для расследования происшествия, я путем опроса сотрудника 7-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР — ст. лейтенанта госбезопасности — тов. Богомолова, бойца отряда ОСНАЗа НКГБ СССР — сержанта Бутенко Б.И., бойца 287-го полка внутренних войск НКВД и других, а также из осмотра места происшествия и трупа немецкого разведчика Шиффера установил следующее:

Труп Шиффера находился в поле в 200 метрах от деревни Стайки. Труп лежал на спине, ногами к деревне, кисть правой руки оторвана, передняя стенка грудной клетки вырвана вместе с органами грудной полости. Положение трупа и медицинское освидетельствование дают возможность предполагать, что смерть наступила от разорвавшейся в руках гранаты.

Шиффер был убит 20 декабря примерно в 18 часов 30 минут при попытке к бегству при следующих обстоятельствах: 20 декабря около 18 часов постоянно ох-

ранявшие Шиффера и проживающие вместе с ним в одном доме сотрудник 7-го отдела 4-го Управления НКГБ — ст. лейтенант госбезопасности Богомолов И., сержант Отдельного отряда ОСНАЗа НКГБ СССР Бутенко Б.И. и боец 287-го полка внутренних войск НКВД Ларин — обнаружили пропажу гранаты Ф-1, принадлежащей сержанту Бутенко.

Во время поисков гранаты Ф-1 Шиффер, заметив, что они что-то ищут, обратился к ним с вопросом: “Что у вас пропало?” Богомолов в ответ на это попросил у него разрешения осмотреть его вещи, заявив: “Возможно, что то, что они ищут, случайно попало к нему в вещевой мешок”. После этого Шиффер достал свой мешок и, вынув из него часть вещей, разложил их на диване для просмотра. Затем он отошел от Богомолова, который стал осматривать его вещи, во время осмотра вещей Шиффер ходил по комнате мимо стоявших посередине комнаты Ларина и Бутенко.

Пройдя два раза расстояние от дивана, на котором разбирал его вещи Богомолов, до двери и обратно, Шиффер вновь подошел к двери, открыл ее рывком и выбежал на улицу. Вслед за ним сразу же побежал Ларин и увидел Шиффера, уже успевшего отбежать от дома примерно на 40 метров.

Выбежав на улицу, Ларин предупредил стуком в окно Бутенко и Богомолова, оставшихся в комнате, и, выстрелив в воздух, стал преследовать Шиффера, продолжавшего убегать по направлению к лесу. Во время преследования Ларин два раза выстрелил по Шифферу из нагана, но, по его заявлению, подтверждаемому медицинским освидетельствованием трупа, в него не попал.

Предупрежденные Лариным, Бутенко и Богомолов выбежали из дома и также стали преследовать Шиффера, который в это время изменил направление в беге. Затем, перебежав дорогу, Шиффер выбежал на другую сторону деревни и направился уже к другому массиву леса.

Бутенко, перегнав Ларина, неожиданно увидел в 15 метрах от себя бегущего Шиффера и окриком пытался его остановить. Шиффер на окрик Бутенко остановился и повернулся к нему. По показаниям Бутенко, Шиффер взмахнул рукой и Бутенко увидел, что Шиффер выдернул чеку из гранаты, после чего, как утверждает Бутенко, он услышал выстрел капсюля и заметил вспышку. Тогда Бутенко два раза выстрелил в Шиффера из пистолета. В момент, когда Бутенко произвел второй выстрел, раздался взрыв, Бутенко увидел, что Шиффер упал, а сам Бутенко почувствовал боль в правой ноге и также упал.

Медицинским обследованием трупа установлено, что Шиффер погиб от взрыва гранаты, так как во время стрельбы по нему Бутенко последний попал Шифферу в ногу, что подтверждается пулевым ранением, обнаруженным при осмотре трупа Шиффера.

Из опроса лиц, соприкасавшихся с Шиффером, не удалось установить, чтобы Шиффер готовился к побегу. Наоборот, он внешне вел себя хорошо, и каких-либо изменений в его настроении никто из работников опергруппы и его охраны не заметил. Шиффер всегда был веселым (или старался быть таким), даже за час до бега он стоял на улице вместе с Богомоловым, переводчиком “Петей”, лейтенантом Хасабьянцем и шутил с ними.

Когда Шиффер украл гранату — не установлено, ибо порядок хранения оружия охраной Шиффера, помещавшейся в одном помещении, был организован плохо. Гранату они держали в чемодане Богомолова, который не запирается. Этот

чемодан зачастую стоял в углу комнаты вместе с вещевым мешком Шиффера, которым последний имел право пользоваться самостоятельно в любое время. Шиффер неоднократно видел, куда убирается граната, и, воспользовавшись этим, уличил удобный момент и ее похитил.

По словам Бутенко, он 18 декабря, вернувшись из разведки, отдал гранату Богомолу, чтобы тот убрал ее в чемодан. Богомол якобы говорил Бутенко, что еще 20 декабря утром гранату он видел в чемодане...

Население деревни Стайки об этом происшествии не осведомлено. Население знает о якобы имевшем место нападении бандитов на часового красноармейца части, расположенной в этой деревне. В результате этого нападения убит один бандит и ранен красноармеец».

В конце декабря 1944 года последовал очередной доклад В.Н. Меркулова руководству страны, в котором подробно рассказывалось о проводимой операции:

«В дополнение к № 4843/м от 4 ноября 1944 года НКГБ СССР докладывает, что игра с немцами по легендированию якобы скрывающейся в лесах Белоруссии «немецкой воинской части под командованием подполковника германской армии Шерхорна» продолжается.

С конца октября 1944 года Верховное командование германской армии стало настойчиво требовать от Шерхорна подготовки посадочной площадки для посадки транспортных самолетов с целью эвакуации «раненых».

Исходя из того, что посадка самолетов могла привести к вынужденному провалу разработки, НКГБ СССР за отчетный период принимал все меры к тому, чтобы сначала затянуть радиоигру, а затем под предлогом преследования «части Шерхорна» подразделениями Красной армии, заявить немцам о невозможности приема самолетов.

Немцы в ожидании подготовки посадочной площадки под разными предложениями оттягивали снабжение «части Шерхорна» оружием, боеприпасами и продовольствием, но потом вынуждены были по нашему настоятельному требованию в связи с якобы непрекращающимся преследованием Шерхорна подразделениями Красной армии выбросить подготовленный для него груз.

Выброшенный в это время груз составил в общей сложности 5 больших транспортных самолетов типа «Арадо», причем эти самолеты немцы вынуждены были посылать по нескольку раз, так как была нелетная погода.

По полученным впоследствии сведениям, один из самолетов, возвращавшийся с полета, загорелся в воздухе, а находившийся в самолете начальник «Абверкомандо-103» обер-лейтенант Барфельд («Рудольф») выпрыгнул из горящей машины, попал под винт и погиб.

После выброски грузов, 21 декабря 1944 года немцы сбросили для усиления «части Шерхорна» двух радистов-немцев и четырех разведчиков-белорусов, окончивших специальную разведывательную школу в Инстенбурге (Восточная Пруссия). Задержанные парашютисты дали о себе следующие показания:

Войска Рудольф⁴⁵⁷, 1920 года рождения, немец, уроженец гор. Эссен, по специальности радиомеханик, прибыл к Шерхорну в качестве радиста.

Саутер Вилли⁴⁵⁸, 1924 года рождения, немец, уроженец гор. Штутгарт, радист.
<...>

Настаивая на движения «части» в западном направлении к линии фронта, немцы 18 ноября 1944 года передали Шерхорну радиограмму:

“Верховное командование армейской группы Центра считает движение всей группы невозможным. Необходимо разбиться на несколько групп с рациями, с тем чтобы иметь возможность рассеивать истребительные соединения противника. Несколько групп доходят до озера восточнее и северо-восточнее Вильно, остальные — до лесного массива западнее Налибоки. При посадке будут доставлены еще 2 радиста. Директива для всех групп.

1. Радиосвязь только с Оберкомандо, никакой связи между собой. Направление следует отсюда.

2. При затребовании снабжения сообщать место сброски. Знаки — четыре костра в квадрате на расстоянии 50 метров друг от друга, в середине — машущий факел. О сброске будет извещено в 15.30 часов. Если радиосвязь не состоится, группу будут искать на месте встречи, о котором было сообщено в последнее время. В этом случае костры постоянно с 21.00 часов.

3. Все без исключения часы указания о времени постоянно по московскому времени. Оберкомандо”.

В связи с этим в целях развития радиоигры НКГБ СССР легендировал разделение «части Шерхорна» на несколько групп, сообщив немцам в качестве руководителей этих групп фамилии следующих завербованных нами офицеров германской армии:

Фольрат Гюнтер Мартин, 1914 года рождения, уроженец гор. Лейпциг, немец, военнопленный, обер-лейтенант германской армии, имеет высшее образование, доктор философии. До войны работал редактором газеты “Лейпциг”. Последняя должность в германской армии — адъютант штаба полка.

Шиффер Герт, 1920 года рождения, немец. Сброшен немцами на площадку Шерхорна в районе Березино 11 октября 1944 года.

Эккарт Вилли Альберт, 1915 года рождения, уроженец гор. Кобург (Бавария), немец, подполковник германской армии, быв[ший] командир 519-го пехотного полка 295-й пехотной дивизии 38-го армейского корпуса. Взят в плен в июле 1944 года в районе Бобруйска.

Михаэлис Ганс Иоганн, 1910 года рождения, уроженец Гезендорф (Германия), немец, военнопленный, подполковник германской армии, бывший командир полка. Взят в плен в июле 1944 года в районе Витебска.

Шольц Эрих, 1916 года рождения, военнопленный, майор германской армии, взят в плен в августе 1944 года в районе Березино.

Основную группу “возглавляет” Шерхорн. <...> Один из руководителей группы, немец Шиффер Герт, награжден приказом Гиммлера “Железным крестом” I класса, о чем немцы сообщили Шерхорну радиogramмой.

За период времени с 5 ноября по 31 декабря 1944 года немцы произвели в район дислокации легендируемых групп “части” Шерхорна 22 самолето-вылета, сбросив 6 парашютистов, 200 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием и продовольствием, 5 радиостанций и около 800 000 рублей советскими деньгами.

Всего с начала игры по легендированию части Шерхорна, т. е. с 7 сентября 1944 года немцами совершено 39 самолето-вылетов и сброшено 22 германских разведчика, из коих 9 немцев, 13 радиостанций, 7 из которых включено в игру с немцами, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием и продовольствием и 1 700 000 рублей советских денег. Радиоигра продолжается.

НКГБ СССР ходатайствует о награждении наиболее отличившихся бойцов и офицеров, а также сотрудников НКГБ СССР, обеспечивших успешную работу по организации и проведению радиоигры».

Добавим, что в операции «Березино» радисты Рудольф Войска и Вилли Саутер получили псевдонимы «Чиж» и «Синица».

31 декабря на имя Верховного командования группы армий «Центр» от имени подполковника Г. Шерхорна передана радиограмма о месте дислокации легендарной «воинской части» (боевой группы) и список офицеров, находящихся в строю, в их числе были названы лейтенанты: Хельмут Рике, Эрих Эринфрид Рост, Франц Адам Утцманн, Отто Хайдек, Эрих Георг Фадтке (войска связи), Клаус Якоб Шеффер; обер-лейтенанты: начальник полевой жандармерии при штабе 299-й пехотной дивизии⁴⁵⁹ Альфонс Карл Галонска, Альберт Фридрих Лебнзафт, адъютант командира 11-го гренадерского полка Мартин Гюнтер Фольрат, Макс Август Хейс, Хельмут Кристиан Шнакк, Лотар Шульц; капитаны: Ганс-Иоахим Кнолль, Ганс Христиан Музель, Вильгельм Георг Тройдль, адъютант штаба 260-й пехотной дивизии⁴⁶⁰, доктор экономических наук Гейнц Вильгельм Франц; майор артиллерии Эрнст Дитманн, начальник оперативного отдела штаба мотопехотной дивизии майор генштаба Карл Отто Вагнер и подполковник Вилли Эккардт. В дальнейшем к операции были привлечены и некоторые другие военнопленные немецкие офицеры.

1 января 1945 года «чужие» запросили «группу Эккардта» о необходимости в радисте. В ответной запросили радиста и 2–3 проводников, знающих местность.

В тот же день командирам групп «части Шерхорна» поступили приветственные радиограммы от командующего группой армий «Центр»:

1) по радиции корреспондента «Муха» («группа Эккардта»): «В наступающем новом году я передаю всем храбрым солдатам боевой группы Шерхорна мой личный привет и привет родины, желаю им благополучного возвращения домой и для нас всех желаю победоносного 1945 г., да здравствует наш фюрер. Генерал-полковник Рейнхард»;

2) по радиции корреспондента «Чиж» («группа Михаэлиса»):

«Всем храбрым солдатам боевой группы Шерхорна шлю от себя и от имени родины новогодний привет и пожелания счастливого возвращения на родину, а также пожелания всем нам благополучия в 1945 году. Хайль нашему фюреру. Рейнгард, генерал-полковник».

Радиограммы аналогичного содержания поступили и другим командирам групп.

В ответ на поздравления «чужим» по радиции «Мухи» («группа Эккардта») радировали:

«От имени моих офицеров и солдат покорнейше благодарю за Ваше поздравление и разрешаю от себя пожелать Вам в 1945 г. здоровья и полного успеха в Вашем руководстве. Боевая группа встретила 1945 г. с глубокой верой в счастливое возвращение на родину и в победу нашего народа. Хайль Гитлер. Эккардт».

Главное командование группы армий «Центр» тепло поздравили с наступившим 1945-м годом все «командиры групп». На этом обмен любезностями завершился.

2 января по радиции «Синицы» («группа Шольца») «чужим» радировали:

«Главному командованию. Местонахождение: дер. Восточнее Столповки. Штабс-врач доктор Ешке находится у меня. Состояние тяжелое. Часто без ясного сознания. По мнению Штанке и русского фельдшера, у него после воспаления лег-

Немецкий радист «Пчела» передает радиogramму в центр под диктовку

ких менингит. Ввиду отсутствия квалифицированной врачебной помощи лечение осложняется. При нем постоянно находится русский фельдшер. Шольц».

Наконец 5 января принята долгожданная радиogramма из «Оберкомандо»: «Сегодня заброска радиста и намечено снабжение. Костры как было обусловлено с 19-00 московского времени».

Однако из-за плохой погоды выброска не состоялась ни 6-го, ни на следующий день. «Помощь» доставили в ночь с 19 на 20 января, груз оказался разбросан в радиусе 5 км от площадки. От «Оберкомандо» было получено: мешков с парашютами — 35, мешков без парашютов — 11, металлических ящиков с хлебом в сухарях — 48.

В ходе операции чекистам приходилось не только встречать «посылки» от германского командования, но и вести бои с реальным противником. Так, 15 января группа Успенского радиовала в Москву:

«13 января в 23 часа разведка нашего отряда в районе Липово неожиданно столкнулась с бандой украинских националистов. В результате перестрелки убито два бандита, один — ранен... Установлена банда в 100 человек, вооружена 6 РП, автоматами, винтовками. Банда имеет подводы, люди одеты в красноармейскую форму, носят значки УПА, называют себя «бульбовцами»...»

Захваченные в плен в ходе операции немецкие радисты «Пчела» и «Синица» подробно рассказали об организации связи в «Абверкоманде 103». В справке от 14 января Маклярский («Руж») радиовал в Москву Судоплатову: «...Абверко-

мандо № 103 поддерживает радиосвязь с вышестоящим отделом “Абвер”, носящим кличку “Атлас”, расположенным в Берлине. При “Атлас” имеется радиомастерская, где проверяются аппараты, и школа, готовящая радистов-агентов из русских и латышей.

Рация “Абверкомандо” № 103 известна под кличкой “Сатурн” и оборудована: двумя 400-ваттными, одним 80-ваттным и одним 250-ваттным передатчиками, 4 ламповыми — 2ФАУ-I, приемниками типа ЕБ, одним 8-ламповым приемником от “Филиппса”, 6-ламповыми приемниками “Радионе” и 11-ламповыми приемниками типа КВА; “Сатурн” обслуживается 12–15 радистами. При “Сатурне” также имеется школа, готовящая радистов-агентов из русских и латышей.

“Сатурн” имеет филиал под кличкой “Ида”, находящийся в гор. Гуттштадт, что в 200 км от места нахождения “Сатурна”, расположенного в свою очередь в гор. Лейманен, что вблизи Ортсельбурга — Восточная Пруссия. “Ида” принимает связь с корреспондентами “Сатурна”, когда последний занят, и ведет часть “Абверкомандо” № 103 с находящейся в тылу советских войск агентурой. Кроме “Ида”, “Сатурн” имеет в подчинении рацию “Цикория”, передающую “Сатурну” сводки агентурных материалов о продвижении советских войск и ж.-д. транспорта».

Эти же радисты сообщили о большой точности работы немецких пеленгаторов и о том, что вблизи Ортсельбурга находится пеленгатор, при помощи которого часто пеленгуют местонахождение раций группы «Шубина».

Ровно через месяц, 2 февраля, по рекомендации «Шубина» была подготовлена радиограмма о гибели штабсартца К. Ешке: «Положение серьезно. С 15 января 10 смертных случаев, в том числе доктор Ешке. Дальнейшее движение без снабжения исключено. Прошу сообщить срок, когда может быть доставлено подкрепление. Шольц».

В справке 4-го Управления НКГБ СССР о подготовке данной радиограммы говорилось: «Этот текст, характеризуя положение серьезным, сохраняет вместе с тем “чужим” стимул к доставке снабжения и дает нам возможность в любое время вынудить “чужих” дать окончательные указания». В действительности капитан медслужбы Клаус Ешке был этапирован в Москву.

Со временем от «чужих» стали приходиться все более пессимистические по настроению радиограммы, так, например, 12 февраля 1945 года радист «Синица» получил сообщение: «Уже месяц ведем тяжелейшие оборонительные бои. Несмотря на критическое положение, из него выйдем. Помощь Вам будет оказываться и дальше. Да здравствует фюрер. Победа. Хайль. Главное командование».

Через несколько дней, 16 февраля, аналогичная шифровка пришла в группу Эккардта:

«В течение месяца находимся в тяжелой оборонительной борьбе. Несмотря на критическое положение, сделаем все. Помощь для Вас направляется. Да здравствует фюрер. Да здравствует победа. Оберкомандо».

В следующие месяцы немецкое командование, как могло, пыталось поднять боевой дух окруженцев. «Мужество и героизм» группы Шерхорна были высоко оценены фюрером. Примерно через месяц от «чужих» получено две телеграммы. Первая была подписана начальником Генерального штаба вермахта Гейнцем Гудерианом⁴⁶¹:

«№ 5. Для полковника Шерхорн. Приказом от 16 марта фюрер произвел Вас в этот чин. Сердечные поздравления. Желаем успеха в дальнейшей работе. Гудериан».

Вторая радиogramма поступила от командования группы «Центр»:

«№ 6. Для полковника Шерхорн. Приказом от 23 марта в знак ваших выдающихся достижений и выдержки фюрер наградил вас Рыцарским крестом ордена “Железный крест”. Это одновременно признание заслуг ваших людей далеко в стране противника. Наши лучшие пожелания в вашем дальнейшем марше. Да здравствует фюрер. Оберкомандо».

В последующем «чужим» сообщалось о выходе из строя элементов питания, тяжелых условиях со снабжением продовольствием и т. п.

19 марта центр сообщил о направлении очередной партии груза: «Сегодня снабжение с 21-00 по московскому времени. Три костра, один факел. Оберкомандо». В ту же ночь немецкие самолеты сбросили груз, состоящий из продуктов питания, радиобатарей и аппаратуры всем трем группам: «Клина» (район оз. Нарочь Молодеченской области — начальник группы Цимакуридзе); группе Эккардта (район Вилейки Молодеченской области — начальник группы Успенский); группе Фольрата (район Налибокской пущи — начальник группы Мордвинов).

Чины и награды на «героев» белорусских лесов сыпались как из рога изобилия. 28 марта поступили радиogramмы:

«Полковнику Эккардт. Фюрер произвел Вас в этот чин с действием от 16 марта. Сердечные поздравления и пожелания дальнейшего успеха в Вашем трудном деле. Гудериан. Полковнику Эккардт. Фюрер наградил 23 марта унтер-офицера Киберт “Железным крестом” 1-го класса. Сердечно поздравляем. Оберкомандо».

Верховное командование вермахта также предложило Шерхорну сообщить список лиц, достойных награждения. Так как передавать сразу большой текст в эфир рискованно, решено было отправлять по 5–7 фамилий отличившихся ежедневно. Чекисты ухватились за эту возможность, чтобы продлить «радиоигру». Одновременно «Оберкомандо» постоянно информировалось о трудностях с продовольствием.

31 марта заместитель начальника 4-го Управления НКГБ СССР направил наркому госбезопасности СССР спецсообщение, в котором докладывал о выбросе груза и парашютистов 18 марта на площадку «части Шерхорна»:

«В ночь на 18 марта на площадку оперативной группы (руководитель группы капитан госбезопасности Цимакуридзе), действующей под видом одной из передовых групп “части” Шерхорна “под командованием” офицера СС Шиффера (убит при попытке к бегству), немцами был сброшен фельдфебель германского воздушного флота Карл Стибар.

Стибар, 1919 года рождения, уроженец г. Вена, австриец, из рабочих, имеет среднее образование, в германской армии с начала 1940 года. Бортрадист транспортного самолета транспортной эскадрильи Т-6-3. Имеет награды: “Железные кресты” 1-го и 2-го класса, Восточную зимнюю ленту и фронтовую пряжку летчика.

Стибар показал, что задание о вылете на советскую территорию он получил от командования военно-воздушных сил. Подробно его инструктировал унтерштурмфюрер войск СС Хунес, который, по словам Стибара, “ведет дело Шерхорна”. Хунес часто разъезжает, имеет при себе специального радиста, местонахож-

дение Хунеса Стибара неизвестно. Хунес предупредил Стибара, что посадочная площадка должна быть готова в ближайшие дни, после чего будет прислан транспортный самолет.

Стибар привез с собой “Железный крест” 1-й степени для вручения Шифферу, награжденному за “успешную деятельность в стране противника”. <...> 12 марта от имени Шиффера была направлена противнику телеграмма с просьбой прислать двух поляков, могущих служить проводниками, разведчиками и переводчиками. В ответ на это противник сообщил, что просимые “доверенные люди” будут присланы.

В ночь на 27 марта т. Цимакуридзе принял на своей площадке двух сброшенных немцами парашютистов и пять мест груза. Прибывшие парашютисты оказались:

Лвак Тадеуш Яковлевич, 1912 года рождения, поляк, уроженец Познаньского воеводства, образование низшее, по специальности шофер. Жена и двое детей проживают в дер. Замостье Дедовчского района Ленинградской области. Завербован немцами и учился в разведшколах в Гроссвайдене и Аненбурге.

Хмацкая София Ивановна, 1924 года рождения, уроженка гор. Алесно Полочинского района Львовской области, полька, образование низшее, происходит из рабочих. В 1942–1944 гг. работала в лагерях города Гутенгфан и Фиенверден. Зимой 1944 года была завербована в немецкую школу разведчиков.

Задержанные разведчики показали, что вместе с ними на самолете летел еще один человек, который был сброшен по пути за час до их приземления, так же как и они, на четыре костра. С ним было сброшено пять мест груза. Присланного парашютиста задержанные не знают. Меры к розыску приняты.

Лвак сообщил также, что от начальника немецкой разведшколы лейтенанта Криерт ему известно о наличии на советской территории польских отрядов, поддерживающих связь с немцами по радио. От него же он слышал о нелегальных группах немцев, действующих в районе Вильнюса и связанных с германским разведцентром. По показаниям Лвак, в настоящее время на территории Германии создается польская армия, организацией которой занимается б[ывший] генерал-губернатор Польши — Франк⁴⁶². Лвак привез Шифферу письмо, в котором сообщается, что “4 транспортных самолета для вывоза группы готовы и ожидают своей отправки, как только будет подготовлена площадка”».

Поступавшие от «чужих» радиogramмы свидетельствовали о том, что Верховное командование вермахта не сомневается в действительном существовании «части Шернхорна» и предпринимает все возможное для ее спасения.

27 марта «Чиж» принял радиogramму от «чужих»: «Номер пять. Для полковника Михаэлис. Приказом 16.3 фюрер произвел вас в этот чин. Сердечные поздравления и дальнейших успехов желаем в вашей тяжелой работе. Гудериан».

18 апреля была сброшена очередная «посылка»: «Сброшено 14 бомб, 14 мешков и 2 парашютных мешка. Oberkommando». Одновременно центром предложен маршрут: «...Августовский лес, юго-восточнее Сувалки. Маршрут — обычное направление на запад до 20 км восточнее Вены (Вильно обойти с юго-востока). Пуца Рудница, пуца Русска южнее Друскенике — Августовский лес. Передовой отряд Шиффера немедленно отправьте по маршруту. Результаты разведки будут заранее сообщаться. Oberkommando».

Тем временем военные действия на советско-германском фронте близились к финальной точке. 16 апреля войска 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, часть сил Балтийского флота и 18-й воздушной армии (авиация дальнего действия) начали Берлинскую операцию. К исходу 21 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта вплотную подошли к внешнему обводу Берлинского оборонительного района, а наутро следующего дня завязали бои на южной окраине Берлина. Одновременно 21 апреля на северо-восточную окраину столицы рейха ворвались войска 1-го Белорусского фронта. Спустя четыре дня, 25 апреля, западнее Берлина, в районе Кетцина, соединились 4-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта, 2-я гвардейская танковая армия и 47-я армии 1-го Белорусского фронта. В результате кольцо окружения вокруг берлинской группировки врага было замкнуто. В результате принятых советским командованием мер гарнизон Берлина после 28 апреля уже не мог получать извне какой-либо действительной помощи...

30 апреля нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов за № 2587/м докладывал в ГКО СССР (И.В. Сталину, В.М. Молотову) и НКВД СССР (Л.П. Берии) о результатах операций «Монастырь» и «Березино»: «С конца октября 1944 г. Верховное командование немецкой армии стало настойчиво требовать от Шерхорна подготовки площадки для посадки транспортных самолетов с целью эвакуации “раненых” в боях с советскими войсками солдат и офицеров “части” Шерхорна.

Исходя из того, что посадка самолетов могла привести к провалу разработки, НКГБ СССР принял меры к тому, чтобы затянуть радиоигру с немцами, а затем сообщил немцам о невозможности приема самолетов под предлогом непрекращающегося преследования “части” Шерхорна подразделениями Красной армии.

В связи с этим немцы продолжали направлять к Шерхорну транспортные самолеты и сбрасывать различные грузы...

Всего с начала игры по легендированию части Шерхорна (с сентября 1944 г.) немцами совершено на нашу территорию 67 самолето-вылетов и сброшено: 25 германских разведчиков (все арестованы), 13 радиостанций, из которых 7 включены в игру с немцами, 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования, 20 пулеметов МГ-42, 100 винтовок и автоматов, 35 пистолетов, 2000 гранат, 142 000 патронов, более 2,5 тонн мясопродуктов, 370 кг шоколада, 4 тонны хлеба, 400 кг сахара, 100 бутылок вина и т. д. Кроме того, было прислано 2 258 330 рублей советскими деньгами.

Легендирование немецкого командования по этой разработке продолжается. В легендировании и в проведении на месте необходимых оперативных мероприятий по задержанию сбрасываемых разведчиков и приемке груза принимают участие 32 сотрудника НКГБ СССР и 225 красноармейцев войск НКВД, часть которых, в соответствии с проводимой нами легендой, переодеты в форму офицеров и солдат германской армии.

НКГБ СССР ходатайствует о награждении наиболее отличившихся участников игры с немцами по делу “Березино” орденами и медалями Советского Союза»⁴⁶³.

Игра продолжалась до конца войны, и 2 мая немецкий разведцентр сообщил, что рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством⁴⁶⁴, правительство возглавил гросс-адмирал Карл Дёниц⁴⁶⁵ и что возможностей подерживать радиосвязь не имеется.

Дальнейший радиообмен с «чужими» приведен в справке 3-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР от 3 мая с текстами последних принятых и переданных радиogramм: «№ 1. Полковнику Шерхорн. К 1 мая на своем боевом посту в Имперской канцелярии в Берлине, продолжая до последнего вздоха борьбу с большевиками, погиб наш фюрер — Адольф Гитлер. На этом героически оборвалась прямая и храбрая жизнь, жизнь борьбы с большевизмом за новую, счастливую Германию, за культуру Европы.

30 апреля фюрер назначил своим преемником — главой государства и главнокомандующим всеми вооруженными силами страны гросс-адмирала Дёница. В приказе по армии гросс-адмирал призвал германских солдат продолжать безоговорочную борьбу с большевизмом за спасение женщин, детей и всех воюющих в немецком пространстве воинских частей от гибели и рабства.

2. Против англо-американцев наша борьба будет вестись до тех пор, пока они не перестанут нам мешать в осуществлении этой задачи. Присяга, принесенная фюреру, автоматически переходит на гросс-адмирала. После весенне-летней борьбы, после первых крупных успехов и последующих тяжелых ударов гросс-адмирал Дёниц принял на себя задачу руководства германским народом в период величайшего бедствия, и нашим самым высоким долгом должно быть преданно помогать ему в осуществлении этой трудной задачи. Связь с Вами будет поддерживаться и дальше. Главное командование. По поручению — Рислер, ст[арший] лейтенант”.

Шубин, будучи под первым впечатлением, предложил доложить эту т[елегра]мму без его комментариев. Позднее он сказал, что в ответе надо выразить печаль по поводу смерти фюрера и спросить, где Геринг, Геббельс и Гиммлер и почему преемником стал именно Дёниц.

Шубин полагает, что надо показать о начавшихся в связи с последними событиями колебаниях в его части, и даже уход от него группы людей. Шубин считает, что он этим самым нанесет им моральный удар и подорвет в них веру в победу. Об этом он в последние дни говорил несколько раз. Получение очередного снабжения он считает маловероятным. <...>

В результате этой беседы Шубин, имея в виду, что вышеизложенная т[елегра]мма принята по трем точкам, предложил следующих три варианта ответа:

1. От себя: “Глубоко тронутые вестью о героической смерти фюрера и смене руководства, ясно сознавая тяжелое военное положение страны, мы по-прежнему с преданностью предоставляем себя в распоряжение родины. Для того чтобы иметь возможность оказывать моральную поддержку своим людям и облегчить их заботы, а также для принятия необходимых решений прошу ответить на следующие вопросы:

а) Можно ли еще рассчитывать на обещанное и ожидаемое снабжение. Для преодоления дальнейших затруднений со снабжением желательна срочная доставка денег или соответств[ующих] ценностей.

б) Т. к. ОД остаются здесь — в Налибокской пуще, то тесно сотрудничаю с недовольными элементами из гражданского населения; представляется [возможность] использовать их для наших общих целей.

в) Какие имеются данные в отношении успешного использования на родине моей части. Если не будет никаких других приказаний, попытаюсь самым кратчайшим путем достичь борющейся родины. Нас глубоко волнует не наша собствен-

ная судьба, а судьба нашей родины — наших женщин и детей. За это мы готовы принести любую жертву. Победа — хайль!”

2. От Мика: “Известие о смерти фюрера было воспринято с глубокой печалью. Настроение соответствует положению. Единственное желание — как можно скорее попасть на родину, но группа раненых связывает меня. Учитывая существующие настроения, должен буду оставить последнюю в Налибокских лесах, т. к. в противном случае столкнусь с явлением разложения.

Не поведет ли борьба на родине при создавшемся тяжелом положении к уничтожению германского народа. Как относится маршал Геринг к продолжению борьбы. Можем ли мы в скором времени рассчитывать на снабжение. Мы готовы и под новым руководством к борьбе до конца”.

3. От Шольца: “Полученные вести, в особенности известие о смерти любимого фюрера, подействовали на всех весьма удручающе. Будет ли возможность вывезти раненых. После выхода из лесного массива дальнейший транспорт их будет невозможен. Что делать с ними? Можно ли еще рассчитывать на снабжение. Так как группа не может считаться боеспособной, меня очень беспокоит вопрос о будущем, и очень прошу об оказании дальнейшей помощи”.

7 мая начальник 4-го Управления НКГБ СССР сообщал наркому госбезопасности СССР о завершении агентурного дела «Березино»:

«По всем радиостанциям, участвующим в игре с противником по агентурному делу “Березино”, 5 мая 1945 года немцы передали следующую радиограмму:

“Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание Вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем больше поддерживать с Вами радиосвязь. Чтобы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с Вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочароваться в своих надеждах. Остаюсь верным Вам Рислер — обер-лейтенант”.

Обер-лейтенант Рислер — один из руководителей разведывательной службы быв[шей] Центральной армейской группировки войск противника. В связи с этим сообщением находящиеся на территории Белоруссии и Литвы оперативные группы 4-го Управления НКГБ СССР отзываются в Москву».

Так завершился «легендарный» поход «части Шерхорна» по советским тылам.

Успеху операции способствовало участие в ней немецких офицеров, которые согласились на сотрудничество с советской контрразведкой. Война длилась уже пятый год, и всем было ясно, что поражение Германии не за горами. Лучше других это понимали немецкие солдаты и офицеры, воевавшие на Восточном фронте.

Участие на советской стороне в операции приняли не какие-то необстрелянные молокососы, а бывалые командиры, за плечами которых были успешные кампании в Польше и Франции. Их нельзя было упрекнуть в трусости, подтверждением их храбрости являлись высокие награды. Например, подполковник Генрих Шерхорн награжден «Железным крестом» 2-го класса за участие в Первой мировой и орденом «За военные заслуги» 2-го класса за бои на советско-германском фронте. Еще больше наград имел подполковник Ганс Михаэлис — два ордена «Железный крест» 1-го (1941) и 2-го (1940) класса, «Немецкий крест» в золоте (1942) и «Рыцарский крест» (1943).

* * *

В заключение нашего рассказа об операции «Березино» уделим внимание дальнейшим судьбам некоторых героев. Шла война, и к диверсантам, захваченным на поле боя, было одинаково суровое отношение во всех странах.

19 октября 1945 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР Х. Вильд, Р. Войска, К. Ешке, В. Саутер, К. Стибар и Р. Ханк были приговорены к ВМН. 27 октября 1945 года приговор Особого совещания был приведен в исполнение. После 1991 года все осужденные были реабилитированы.

ВЗГЛЯД «С ДРУГОЙ СТОРОНЫ»

В 1944 году перемены коснулись и немецкой разведки. После снятия с должности адмирала Канариса и подчинения абвера РСХА в мае–июне 1944 года своих постов лишился и ряд начальников разведывательных органов, действовавших на Восточном фронте. А разведка Восточного фронта, условно именовавшаяся штаб «Валли», по указанию Гимmlера в начале июня 1944 года была переименована в «Разведывательный орган Восточного фронта». Поэтому в нашей истории и появился новый фигурант, «диверсант № 1» гитлеровской Германии, оберштурмбанфюрер СС Скорцени. Его воспоминания, как одного из участников этой легендарной операции представляют особый интерес. В немецкой разведке, которая к этому времени была подчинена «ведомству» Гимmlера, операция по спасению группы Шерхорна получила кодовое наименование «Вольный стрелок».

В своей книге Скорцени, который на одном из этапов возглавлял операцию, с пафосом писал: «Чтобы хорошо осознать масштабы катастрофы, достаточно сказать, что из сорока семи генералов 4-й и 9-й армий, а также 3-й танковой армии семь погибли в боях (в том числе командир VI армейского корпуса генерал Пфайффер), двое покончили жизнь самоубийством, а двадцать один попали в плен. Но Шерхорн не сдался. Командиры такого покроя, сумевшие в чрезмерном хаосе сплотить вокруг себя 2000 человек, полных решимости дорого продать свою жизнь, заслуживают большего, чем только словесное поощрение их мужества»⁴⁶⁶.

Однако в мемуарах бывшего диверсанта много ошибок, сделанных, очевидно, по принципу «красиво не соврать — хорошо не написать». В частности, Скорцени сообщает читателю, заворуженному душеспитательным рассказом бывалого вояки, впечатления от пережитого: «В апреле и мае 1945 года, а также во время пребывания в тюрьме я часто думал о Шерхорне, его храбрых солдатах и наших добровольцах, принесших себя в жертву, чтобы спасти 2000 товарищей. Что с ними случилось? Меня мучила неопределенность. Сообщениям Шерхорна и наших радиотелеграфистов всегда предшествовал условленный шифр, постоянно менявшийся согласно предварительной договоренности. Все полученные нами радиogramмы соответствовали принятым принципам. Однако же, находясь в заключении, я многое узнал о методах радиоперехвата, применяемых победителями. Я задавал себе вопрос, не проводила ли советская разведслужба с нами все это время так называемую радиоигру. Позже, когда немецкая коммунистическая пресса опубликовала по делу Шерхорна большие репортажи, озаглавленные «Советы надули Скорцени», знание мной советских методов работы позволило сделать вывод, что мои опасения были напрасными»⁴⁶⁷.

В подтверждение существования «легиона Шерхорна» Скорцени приводит рассказ, якобы услышанный им от некоего доктора Золтана фон Тота, бывшего военнопленного. Доктору Тоту о «трагической» судьбе «легиона» поведал другой узник советских лагерей, офицер СС Вилли Линдер: «...был уже февраль 1945 года, из колонны Шерхорна выжило только 800 человек. Сначала они напрасно ждали, что будут обнаружены нашими самолетами и эвакуированы, затем ожидали лишь снабжения, а в конце концов, что кто-нибудь с ними поговорит. В конце апреля 1945 года 800 офицеров и солдат были окружены частями НКВД. Бои продолжались несколько дней; обе стороны понесли большие потери. Полковник Шерхорн был ранен... Вначале с военнопленными обходились хорошо, но позже всех приговорили к обычным 25 годам принудительных работ, после чего разослали по разным лагерям»⁴⁶⁸.

«Диверсант № 1», как называла Скорцени геббельсовская пропаганда, ушел из жизни в блаженном неведении, с верой в эту красивую, героическую легенду. Советы действительно надули Скорцени. Советская контрразведка обвела вокруг пальца матерого диверсанта. Виртуальный «ледовый поход Шерхорна» по заснеженным пушчам белорусских лесов, на который купилась мощнейшая спецслужба мира, был всего лишь мифом, мастерски разработанной на Лубянке легендой...

К сожалению, несмотря на то что эта операция привлекла внимание некоторых современных писателей, хотелось бы вслед за М. Жванецким пожелать им работать «щательнее», так как допускаемые в их произведениях ошибки часто вводят читателя в заблуждение. Для примера процитирую отрывок из недавно изданной книги В. Чернявского «Сталин и Скорцени без “длинного прыжка”»: «Службе “Д”, так называлось подразделение, во главе которого поставили Скорцени, поручили развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу советских войск, используя крупное подразделение под командованием Хайнриха Шерхорна, оставшегося в “белорусском котле” летом 1944 года. В ведомстве имперской безопасности операция получила кодовое название “Волшебный стрелок”.

Отто Скорцени рьяно взялся за дело. Но откуда ему было знать, что подполковник Шерхорн, командир 36-го охранного полка 286-й охранной дивизии, входившей в состав группы армий “Центр”, в июле 1944 года попал в советский плен, а Четвертое управление НКГБ, которое возглавлял генерал-лейтенант Павел Судоплатов, задолго до этого через свои возможности легендировало перед германским Верховным командованием якобы скрывавшуюся в дремучих белорусских лесах немецкую воинскую часть численностью до двух тысяч солдат и офицеров. Подполковник Шерхорн будто бы возглавил это виртуальное воинство, а его роль мастерски сыграл один из ответственных сотрудников Четвертого управления — полковник Михаил Маклярский. Самую крупную дезинформационную операцию времен Второй мировой войны на Лубянке окрестили кодовым названием “Бородино”.

Оперативная группа, возглавляемая заместителем П. Судоплатова генерал-майором Наумом Эйтингоном, почти до падения Берлина вела успешную радиоперехват с немецкой разведкой. Кстати, в ней участвовал и майор Вильям Фишер, который после своего провала в 1961 году стал широко известен как советский суперразведчик, полковник Рудольф Абель, нелегальный резидент внешней разведки КГБ в Соединенных Штатах. За более чем полгода Скорцени забросил по воздуху в подразделение “волшебных стрелков”, якобы бродившее в тылу советских войск и ведущее там партизанскую войну, сотни тонн оружия, боеприпасов, средств свя-

зи, медикаментов и провианта, а также множество агентов-диверсантов, радистов и медицинского персонала. И все это попало в руки команды Эйтингона»⁴⁶⁹.

В приведенной цитате есть существенные неточности. Например, «кодовое название» операции советской контрразведки не «Бородино», а «Березино», а немецкой — не «Волшебный стрелок», а «Вольный стрелок», в честь немецких вольных стрелков XVI века. Кстати, элемент одежды средневековых вольных стрелков — кинжал — в стилизованном виде присутствовал и в экипировке эсэсовцев. Хорошо известно пристрастие «вождей» Третьего рейха к мифологизации, к поискам «арийских корней». Потому-то, вероятно, операция «по спасению группы Шерхорна» получила «историческое» название...

КТО ТАКОЙ «МАКС»?

Спустя более 70 лет после окончания Второй мировой войны некоторые эпизоды секретных операций спецслужб стали достоянием историков и публицистов. С их легкой руки события тех грозных лет стали обрастать самыми невероятными подробностями.

В частности, в ходе подобных «исследований» Александр Демьянов («Гейне»), один из главных героев операций «Монастырь» и «Березино», получивший в абвере псевдоним «Александр» («Алех»), был отождествлен с источником германской разведки «Максом» («Мах») и стал персонажем очередной «легенды». Стоит добавить, что в многотомном деле «Монастырь – Курьеры – Березино» нет ни одного упоминания о том, что «Гейне» имел в германской разведке псевдоним «Макс». Очевидно, и эта досадная оплошность явилась результатом чьей-то ошибки.

Известный советский и российский публицист-международник Л. Безыменский со ссылкой на немецкого историка Винфреда Майера в начале 1990-х годов опубликовал статью, посвященную советскому разведчику А. Демьянову («Гейне-Максу») и «источнику» германских спецслужб «Максу», от которого якобы германская разведка получала информацию стратегического значения о планах советского военного командования: «Когда завершилась Вторая мировая война и в Германии появились разыскные группы американской контрразведки, они стали «отлавливать» сотрудников германских спецслужб — военной разведки и контрразведки (абвера) и СС. Это делалось отнюдь не из чисто исторических интересов, а из стремления перевербовать немецкую агентуру для работы против нового противника — Советского Союза. В частности, американские офицеры разыскивали одного легендарного немецкого осведомителя, носившего в абвере кличку «Макс». В течение ряда лет он поставлял своим немецким руководителям необычайно ценную информацию, причем прямо из Москвы. Ищущим повезло: летом 1945 года они заполучили бывшего руководителя разведпункта в Софии и Будапеште Рихарда Клатта-Каудерса⁴⁷⁰, который многое рассказал им о «Максе». Донесения от него Клатт получал прямо из Москвы, в том числе сведения о важнейших решениях Ставки Верховного главнокомандования советских вооруженных сил, сведения о суждениях маршала Бориса Шапошникова⁴⁷¹ и других военачальников. Донесения высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» генштаба сухопутных сил Германии, возглавлявшемся Рейнхардом Геленом. Более того, многие высшие немецкие военачальники не принимали своих решений, пока

не получали от службы Канариса донесений “Макса”. В своих послевоенных воспоминаниях генерал Гелен высоко отозвался о донесениях “Макса”, как о большом достижении немецкой военной разведки. “Макс” был для нее чуть ли не единственным источником сведений из Москвы»⁴⁷².

Правда, в воспоминаниях самого Гелена фрагмент о наличии у германской разведки «источника» в Москве выглядит очень скромно: «12 февраля 1943 года, сразу после завершения сталинградской трагедии, в отдел поступило важное сообщение, полученное по каналам абвера от агента, имевшего связь с одной из военных миссий западных союзнических держав в Москве. В ответ на заявление руководства вермахта, в котором подчеркивалось, что Советам в наступательных операциях зимы 1942/43 года не удалось достичь существенной стратегической цели, соответствующие военные инстанции русских передали этой военной миссии свою оценку текущих и предстоящих событий на фронте»⁴⁷³. Вряд ли в этом фрагменте речь идет о «Максе».

«Энциклопедия шпионажа» также повторяет ошибки предыдущих публицистов, перепутав даже имя руководителя «Динштелле Клатт»: «...Каудер, Фриц (1903–?) — главный участник сверхуспешной советской операции дезинформации, проведенной против нацистской Германии в годы Второй мировой войны. На протяжении целых трех с половиной лет Каудер (в абвере ему был присвоен псевдоним “Макс”) поставлял германским вооруженным силам фальшивые, не соответствовавшие действительности сведения. ...Операция “Макс” началась вскоре после нападения Германии на Советский Союз, в июле 1941 года. Бывшие белогвардейцы предложили переслать немцам разведанные об СССР. Абвер передал им два радиопередатчика. Один был развернут в Москве (кодовое наименование группы — “Макс”), второй где-то в Центральной России (кодовое наименование группы — “Мориц”). Последний вскоре замолчал, “Макс” продолжал посылать информацию вплоть до начала 1945 года.

...Поначалу сообщения “Макса” принимались в Вене. Но к концу 1941 года “приемный пункт” был передвинут в Софию (Болгария), и его начальником стал Каудер. Он принимал сообщения из Москвы и транслировал их в Вену, а оттуда они в свою очередь пересылались в штаб-квартиру абвера в Берлин для дальнейшего распространения по военным службам. Проведенная русскими операция была беспрецедентной по продолжительности, и этим по праву можно было гордиться. По некоторым данным, проведением ее лично руководил из Москвы шеф НКВД Лаврентий Берия. Англичанам удалось перехватить немало сообщений “Макса” в ходе операции “Ультра”, и советский агент в МИ-5 (британская служба безопасности) Энтони Блант даже сообщил русским об “утечке”. Сами же немцы, похоже, ни разу не усомнились в добросовестности “Макса”»⁴⁷⁴.

Стоит отметить, что в своих мемуарах Шелленберг упомянул и о «Бюро Кладта», и его руководителе. Правда, при этом до неузнаваемости искажил структуру «бюро», зато вскользь заметил, что «Кладт» работал на люфтваффе и напомнил о своей «борьбе» с ведомством Мюллера (IV Управление РСХА; гестапо) за своего «ценного сотрудника»: «Через один из таких центров, о существовании которого было известно только трем лицам в главном управлении, мы смогли войти в непосредственный контакт с двумя офицерами из штаба маршала Рокоссовского. Интересно, что оба они выражали сомнение относительно преданности Рокоссовского Сталину. Рокоссовский, бывший офицер царской армии, провел несколько лет в Сибири.

Позднее, когда в мое подчинение перешло ведомство Канариса, у меня прибавился еще один важный разведцентр. Его начальником был немецкий еврей, использовавший совершенно необычные методы работы. Его штат насчитывал только два человека; вся работа была механизирована. Его сеть охватывала несколько стран и имела разветвленную агентуру во всех слоях общества. Он ухитрялся получать наиболее точную информацию от источников, работавших в высших эшелонах русской армии, и разведывательный отдел штаба германской армии давал им высокую оценку. Этот человек работал действительно мастерски. Он мог сообщать и о крупных стратегических планах, и о передвижениях войск, иногда даже отдельных дивизий. Его донесения поступали обычно за две-три недели до предсказываемых событий, так что наши руководители имели время подготовить соответствующие контрмеры, точнее, могли бы это сделать, если бы Гитлер обращал более серьезное внимание на подобные донесения.

Мне приходилось отчаянно бороться за то, чтобы защитить такого ценного сотрудника от Мюллера, а также оградить его от зависти и интриг, бытовавших в моем управлении и в штабе ВВС. За спиной Кальтенбруннера и Мюллера скрывалась клика, решившая устранить "еврея". В вину ему ставилось не только еврейское происхождение. Его враги прибегали к коварным приемам, пытались доказать, что он тайно работает на русскую разведку, которая якобы через него поставляет нам пока достоверную информацию, чтобы в решающий момент ввести в заблуждение»⁴⁷⁵.

Попробуем вместе с читателями разобраться, как же все было на самом деле. Действительно, после победы союзники поделили «наследство», оставшееся после ликвидации разведорганов рейха, в том числе и этого «бюро». Американцы захватили самого Клатта, а советской контрразведке достались многие из его сотрудников, в том числе шифровальщики и радисты, т. е. как раз те люди, которые занимаются приемом-передачей и обработкой всего потока развединформации.

Стоит несколько подробнее рассказать об «Абверштелле-Вена» («Аст-Вена»), структурным подразделением которого было «Бюро Клатта». «Аст-Вена» была создана в марте 1938 года после аншлюса Австрии и официально называлась «Абверштелле-Вин Веркрайс 17» (Абверштелле 17-го военного округа). Непосредственно подчинялась управленческой группе «Абвер-заграница» и согласовывала свою работу с отделами I-Ц (разведотделами) штабов военных округов, передавая им в копиях разведывательные данные о сопредельных с округом странах.

«Аст-Вена» проводила разведывательную и контрразведывательную работу на территории XVII военного округа. В системе периферийных органов абвера занимала особое положение: ее разведывательная, диверсионно-подрывная и контрразведывательная работа не была связана с определенной территорией, а проходила в направлении всего юго-востока и распространялась на Советский Союз, Чехословакию, Балканы, северное побережье Африки, Ближний и Средний Восток.

После организации абверштелле в Будапеште, Кракове, Софии и в ряде других городов «Аст-Вена» была переименована в «Абверляйтштелле-Вена» и стала для них руководящим органом. Через Вену шли все указания по работе и отчетность в Берлин, в управленческую группу «Абвер-заграница».

Радиообмен «Аст-Вена» (позывной радиостанции «Вера») проводился с радиостанциями в нескольких городах: Белграде («Бренгардт»), Салониках (?); Братиславе («Альм»), Бухаресте («Бенито»), Анкаре («Ислам») и Стамбуле («Виго»).

С 1938 года «Аст-Вена» последовательно возглавляли: полковник граф Рудольф Маронья-Редвиц⁴⁷⁶, позже — полковники Отто Эрнст Армстер⁴⁷⁷, Отто Визер⁴⁷⁸ и подполковник Эмерих Боксберг⁴⁷⁹.

После подчинения германской военной разведки РСХА, в июле 1944 г. «Аст-Вена» была преобразована во фронтовой руководящий разведывательный орган «Ляйтштелле фронтауфклерунг Зюд-Ост», который подчинялся Военному управлению РСХА.

В составе «Абверляйтштелле-Вена» было два отдела (разведывательный, контрразведывательный), в которых работало свыше 60 офицеров разведки.

Для прикрытия разведывательной и контрразведывательной деятельности «Аст-Вена» широко использовала действительные или фиктивные фирмы и организации. «Люфтмельдскопф Зюдост» («Luftmeldekopf Südost»), так называлось «Бюро Клатта» в конце войны, занималось сбором разведывательной информации об СССР, странах Восточной Европы, Турции и Ближнего Востока.

В 1944 году Каудер и члены его «бюро» были арестованы гестаповцами по обвинению в сотрудничестве с английской разведкой. Однако в ходе следствия фактов, изобличающих как самого Каудера, так и его сотрудников в измене, следствие не выявило.

Первоначально разведорган, созданный Каудером, именовался «Бюро Клатта» и дислоцировался в Софии («Аст-София», Болгария). В 1943 году «бюро» переехало в Будапешт («Аст-Будапешт», Венгрия) и было переименовано в «Люфтмельдскопф Зюдост».

«Бюро» собирало развединформацию в интересах разведки военно-воздушных сил Германии (находилось в Вене под вывеской «Миттер Майер и К^о»), «Люфтреферата 1-а», входившего в «Абверштелле-Вена»; радиопозывной «Вера») и Управления военной разведки и контрразведки при ОКВ (радиопозывной «Бург»).

Разведывательная информация, полученная «Люфтмельдскопф Зюдост», направлялась по радию в «Люфтреферат 1-а» и Берлин. «Бюро Клатта» работало под вывеской «Бюро консервной фабрики Овощи-Фрукты».

К 1943 году штат «бюро» состоял из 25–30 человек, в числе которых было 6–7 шифровальщиков, 4–5 радистов. Связи с радистами, заброшенными на территорию СССР, сотрудники «Люфтмельдскопф Зюдост» не имели. Работали с Софией (радиостанция «Шверт» — «Меч»), которая после передислокации в Будапешт была переименована в «Булли». Своих агентов на территории СССР «Люфтмельдскопф Зюдост» не имело.

Вернемся вновь к нашему рассказу о «Гейне» и «Максе». Для того чтобы установить или опровергнуть взаимосвязь между донесениями «Гейне» в операции «Монастырь – Березино» и информацией «Бюро Клатта», обозначавшейся «Макс», обратим внимание читателей на следующие факты.

Александр Демьянов («Гейне») поддерживал связь с разведкой группы армий «Центр» («Mitte») и сообщал дезинформацию, касающуюся передислокации советских войск, железнодорожных перевозок военного назначения, а также сведения военно-политического характера.

«Бюро Клатта» специализировалось на добыче развединформации, в том числе и получавшей наименование «Макс», в интересах люфтваффе, т. е. в основном об активности ВВС Красной армии. Лишь в редких случаях в «Аст-Вена» направлялись сведения военно-политического характера. Другими словами, «Гейне» и «Макс» —

Обложка уголовного дела в отношении агента «Бюро Клатта» Валентины Дейч

источник «Клатта» — собирали сведения в интересах разных подразделений абвера.

Если американской разведке удалось «отловить» Каудера, то Смершу в качестве «трофеев» достались практически все сотрудники «Бюро Клатта». В ходе следствия они подробно рассказали о самом Каудере, а также о целях, задачах, формах и методах работы «бюро».

Правдивость их показаний не вызывает сомнения, так как читатель, надеюсь, согласится, что шифровальщики — это те лица, которые, кроме самого руководителя разведоргана, имеют доступ к самой секретной информации о деятельности своего подразделения. Приведем некоторые фрагменты из материалов следственных дел. К тому же сами допрашиваемые не знали, почему советская контрразведка проявляла такой интерес к «Максу».

Из протокола допроса шифровальщика «бюро» Ганса Шнайдера-Штурма-старшего⁴⁸⁰:

«Вопрос: С какой целью на радиостанциях в Вену указывались «Макс» и «Мориц»? **Ответ:** Насколько я знаю, имена «Макс» и «Мориц» являлись условными обозначениями и не были ни фамилиями, ни псевдонимами агентов, доставлявших Клатту разведывательные данные. Ими условно обозначались только районы, по которым Клатт давал «Абверштелле-Вена» свою разведывательную информацию. Так, например, все разведывательные данные о Советском Союзе, как по фронту, так и по не оккупированной немцами территории, обозначались именем «Макс», а все данные о Турции, Ближнем и Среднем Востоке обозначались именем «Мориц». Впоследствии или раньше разведывательные данные о Советском Союзе частично обозначались «Анкер». Помню также обозначения «Ибис» и «Анатоль»».

На вопрос Шнайдер-Штурму, откуда ему это известно, он ответил: «Я лично видел, как Клатт группировал разведывательные материалы по районам. В отношении разведывательных сведений о Советском Союзе я могу точно сказать, что, получая

их от Ланга, Клатт помечал их обозначением “Макс”, в отличие от других разведывательных материалов, которые он помечал названными выше мною обозначениями».

Исчерпывающие показания о деятельности «бюро» дала и другая шифровальщица — Валентина Дейч⁴⁸¹. Жнещины, как известно, любопытнее мужчин, поэтому она сообщила более разностороннюю информацию. В частности, она рассказала о разведывательной работе «бюро» против Советского Союза: «Разведывательная деятельность против Советского Союза возглавлял источник “Макс”. Первое время его резидентура находилась в Софии, его стационарная установка держала связь с Будапештом, иногда радиотелеграммы с шпионскими сведениями подписывались “Морицем”, мне кажется, это был помощник “Макса”. При занятии частями Красной армии Софии “Макс” переехал в Братиславу, где также занимался разведывательной деятельностью против СССР и англичан на итальянском фронте».

Германская разведка активно использовала для подрывной работы против Советского Союза русских эмигрантов. В их числе был известный белогвардейский генерал А.В. Туркул. На вопрос о связи Каудера с генералом Туркулом Дейч сообщила: «В январе 1944 года Туркул посетил Клатта один, и для перевода их разговора между собой Клатт пригласил меня. В те дни была сильная бомбардировка Софии, и в течение нескольких дней от Ира* не было никаких сообщений. Клатт через меня поставил перед Туркулом такой вопрос: если что-либо случилось с Лонгином Федоровичем, будут ли продолжать поступать регулярно материалы? Туркул ответил, что нечего беспокоиться, все будет в порядке. Тогда Клатт вторично задал вопрос, знает ли Туркул лично и говорил ли ему Ира о лицах, представляющих материал Ира. Туркул уклонился от прямого ответа и снова заявил, что все будет по-прежнему в полном порядке».

В ходе допроса 30 апреля 1945 года Валентина Дейч дала подробные показания о «технологии» работы «бюро»: «*Вопрос:* Кто принимал телеграммы из Советского Союза, из каких городов, каким позывным, часы приема? *Ответ:* Непосредственно из Советского Союза радиотелеграммы к Клатту никогда не поступали, и поэтому указать города, из каких они исходили, не могу. Как я указала выше, телеграммы из Советского Союза поступали только от Ира из Софии, Будапешта или Братиславы, в зависимости от того, где Ира находился. (Оговариваюсь, что все мои показания по данному вопросу относятся к 1944 году, за период моей работы у Клатта.) <...>

Вопрос: Каким путем и какого характера материалы поступали в разведывательный орган “Клатта” из Советского Союза? *Ответ:* Материалы из Советского Союза в разведорган “Клатта” поступали преимущественно по радиосвязи из Софии от Ира Лонгина Федоровича. Мне помнятся два-три случая весной и летом 1944 года, когда Клатт приносил донесения, неизвестно откуда взятые, и передавал их в Вену. Телеграммы по Советскому Союзу по своему содержанию носили военный характер — отражали передвижения частей Красной армии, намечаемые операции советского командования, предстоящие бомбардировки советской авиацией и т. п. Были единичные случаи, когда поступали телеграммы политического характера.

Вопрос: Куда передавались получаемые “Клаттом” материалы по Советскому Союзу? *Ответ:* До августа 1944 года все получаемые телеграммы передавались “Клаттом” в Вену на радиостанцию “Вера”, а с августа передавались одновременно в два адреса: Вена — “Вера” и в Берлин — “Бург”. Причем все абсолютно телеграммы о Красной ар-

* Вероятно, речь идет об «источнике» Каудера – Юрии (Иване или Илье?) Ланге. После окончания Второй мировой войны Ланг вместе с Каудером находились в американском плену.

мии и по Советскому Союзу, получаемые от Ира Лонгина Федоровича, обозначались “источник Макс”. Отсюда могу заключить, что Ира — это и есть “Макс”».

25 июня 1947 года В. Дейч дала дополнительные показания по этому вопросу: «*Вопрос:* “Клатт” имел в Советском Союзе агента “Макс”? *Ответ:* Раньше я уже показала, что “Клатт” вообще не имел агентуры в Советском Союзе, отсюда и агента “Макс” у него не было. Однако имя “Макс” указывалось в радиограммах “Клатта” о Советском Союзе и Красной армии, которые он направлял в “Абверштелле-Вена”.

Вопрос: Покажите об этом подробно. *Ответ:* Получая от Ланга разведывательные данные о Советском Союзе, “Клатт” лично их просматривал и вносил в них некоторые изменения, главным образом стилистические. Как правило, “Клатт” вычеркивал из них все, что могло быть невыгодно для немецкого командования. Затем “Клатт” давал текст радиограмм шифровальщикам, в том числе мне, для зашифровки. Таким образом, я имела возможности сравнивать радиограммы, полученные от Ланга, с радиограммами, которые “Клатт” направлял в Вену. При этом я заметила, что, кроме вышеуказанных изменений, “Клатт” всегда указывал на радиограммах Ланга с разведывательными сведениями о Советском Союзе “Макс”, в то время как в радиограммах Ланга “Макс” не упоминался вовсе. Как мне известно от ряда сотрудников “Клатт”, такой порядок, когда на радиограммах указывались подобного рода обозначения, существовал давно. В частности, все материалы о России “Клатт” помечал именем “Макс”, данные об английских войсках на Ближнем Востоке именем “Мориц”, данные о Турции обозначались “Анкер” и “Анатоль”, а об Египте — “Ибис”».

В советском плену очутилась и жена-любовница «Клатта» — Герда Филиц⁴⁸². Она также была допрошена ходе следствия по делу сотрудников «Люфтмельдекопф-Зюдост». Из протокола допроса Г. Филиц от 19 апреля 1945 года:

Вопрос: Расскажите все, что Вам известно о разведбюро “Люфтваффе-1 Абвер” (“Люфтваффе-1 Абверштелле”), которое возглавлял Ваш муж Каудер Рихард? *Ответ:* По этому вопросу могу рассказать следствию нижеследующее: мой муж Каудер Рихард действительно являлся руководителем немецкого разведоргана “Люфтваффе-1 Абвер” — подотдел основного разведоргана “Люфтваффе-1 Абвер” венского центра. Руководителем бюро он был с весны 1942 года до настоящего времени и работал все время под псевдонимом “Клатт”.

С весны 1942 г. до сентября 1943 г. бюро “Клатта” находилось в гор. София по бульвару Скобелев, д. № 55, после переехало в гор. Будапешт по ул. Байза, д. № 44, где находилось до ноября 1944 г. С приближением частей Кр. армии бюро “Клатт” переехало в гор. Черно и находилось там до 12 февраля 1945 года, а позднее переехало в гор. Вена. Бюро “Клатт” подчинялось центральному разведоргану “Люфтваффе-1 Абвер” в гор. Вена. “Клатт” первое время имел связь с подполковником фон Валь Роланд, а в дальнейшем — с полковником Визель или Визе (не точно)*. Валь проживал: гор. Вена, 3 район, ул. Рехте-Бангассе, д. 30, второй шеф Визель-Визе проживал также в гор. Вена, адреса не знаю. Кроме шефа Валь Роланд и Визель-Визе “Клатт” имел непосредственную связь с Берлином через бригаденфюрера “СС” Шелленберг».

Филиц также дала показания об источнике информации «Клатта» об СССР — некоем «Лангине» или «Лонго»: «3. Белоземigrant Лангин Иван, псевдоним “Лонго”, русский, офицер старой и Белой армии, эмигрировал в 1919 г., проживал в гор. Будапешт, адреса не знаю. В момент нахождения бюро в Будапеште был привлечен работать лично “Клаттом”.

* Речь идет о подполковнике германской военной разведки Отто Визере.

Агент «Бюро Клатта» Герда Филиц. Тюремная фотография

Лангин поддерживал связь с контрреволюционной организацией, находящейся в Сов[етском] Союзе, что это за организация, я не знаю, но помню, говорили, что там имеются старые русские офицеры. Первое время Лангин имел связь через ходоков, но в 1942 году связь осуществлялась через радистов.

Один агент-радист работал в одной военной части Красной армии в городе Тифлисе и передавал материалы на радиостанцию бюро «Клатт», материалы ему передавала контрреволюционная русская военная организация. Я знаю, что с этим агентом Лангин работал до 12/II-1945 года, т.е. до моего ареста гестапо.

В гор. Мункоч (Мукачев) — северо-восточнее Будапешта находился какой-то центр этой контрреволюционной организации русских. Я это полагаю из нижеследующего: в 1942 году на время была порвана связь с Тифлисом. «Клатт» вызвал Лангина и потребовал установления связи. Лангин сказал, что я поеду в свою организацию в Мункач и налажу ее. В действительности после возвращения Лангина из Мункач связь с Тифлисом была восстановлена».

Ей, так же как и сотрудникам «бюро», был задан вопрос и о «Максе». В ходе допроса Герда Филиц 30 апреля 1947 года сообщила:

«Вопрос: Вам известен кто-либо из людей Клатта или Ланг по имени Макс? *Ответ:* Нет, Макса я не знаю.

Вопрос: Не говорил ли Вам Клатт или кто-либо другой что-нибудь о Максе? *Ответ:* Никто о Максе ничего не говорил.

Вопрос: Может быть, Клатт или Ланг называли себя когда-нибудь по имени Макс? *Ответ:* Нет, я не слышала, чтобы кто-либо из них называл себя Макс.

Вопрос: При разговорах Клатт с Ланг не упоминали они когда-нибудь в вашем присутствии имя Макс? *Ответ:* Нет, я ни разу не слышала, чтобы Клатт и Ланг упоминали в какой-либо связи имя Макс.

Вопрос: Может быть, вы слышали когда-либо это имя от сотрудников бюро Клатта? *Ответ:* От сотрудников бюро Клатта я имя Макс никогда не слышала.

НКО
Управление (отдел) контрразведки «СМЕРШ»

Главное Управление «Смерш»
Винград.

ДЕЛО № 1269

По обвинению *Филиц Герда*
Иностранка — шпионка — диверсантка

Начато *8/VI* 194 г. В _____ томах
Окончено _____ 194 г. Том № _____

После судебного рассмотрения и вступления приговора в силу, настоящее дело подлежит немедленному возвращению в _____

Копия _____ на копия приговора.

18602

0439991

В СЕРВИСАХ
Зарегистрировано

Архив № _____
Служеб. в архиве _____

Р-49442
Н-18602

Обложка уголовного дела
в отношении агента
«Бюро Клатта» Герды Филиц

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

осужденной **ФИЛИЦ Герды**.

От 30 апреля 1947 года.

ФИЛИЦ Г., 1902 года рождения, уроженка г. Берлина, немка, австрийская подданная, без определенных занятий, осуждена Советским Союзом при НКО СССР 15 сентября 1945 г. как официально-оправный элемент и 5 годам заключения в ИТЛ.

Вопрос: Вы являлись женой КАУДЕРА Рихарда ?

Ответ: Да, я являлась женой КАУДЕРА, хотя в законном браке мы не состояли. Я жила с ним совместно с 1928 г. по 1938 г. После этого КАУДЕР уехал за границу и мы виделись с ним только во время приездов друг к другу.

Вопрос: Расскажите все, что вам известно о КАУДЕРЕ Рихарде ?

Ответ: Рихард КАУДЕР родился в г. Вена в 1900 г. в семье еврея. После рождения он был крещен по католическому обряду и считал себя католиком. Отец КАУДЕРА врач и в качестве военного врача он участвовал в первой империалистической войне, в каком чине мне неизвестно. В последнее время родители КАУДЕРА проживали в г. Линц /Австрия/ и отец его занимался частной врачебной практикой. КАУДЕР был женат, но впоследствии с женой развелся. Кто его жена и где она проживает, мне неизвестно. В КАУДЕРСМ я познакомилась в 1929 году в Берлине. В то время он служил агентом общества страхования жизни.

В мае 1932 года мы переехали с ним из Берлина в г. Вена, где КАУДЕР до 1938 года служил в качестве управля-

*Сестра Филиц
Герды
2.7.47*

Richard Kauder

Первый лист протокола
допроса агента «Бюро Клатта»
Герды Филитц. 1945

Вопрос: Не было ли у Клатта сотрудника по имени Макс? *Ответ:* Сотрудник Клатта по имени Макс мне неизвестен. Я повторяю и утверждаю, что имя Макс в какой-либо связи с работой Клатта при мне никогда не упоминалось, и Клатт мне лично это имя также не называл.

Вопрос: Известны ли Вам какие-либо другие люди Ланг, которые снабжали его сведениями о советской армии? *Ответ:* О каких-либо других людях Ланг, которые снабжали его сведениями о советской армии, я ни от кого не слыхала. Мне известно, что сам Клатт не знал людей Ланг, передававших ему эти сведения.

Вопрос: На основании чего вы заявляете, что Клатт не знал людей Ланг? *Ответ:* О том, что Клатт не знал людей Ланг, в том числе и его человека в Тифлисе, видно из следующего: в свои приезды в Вену к фон Валь-Вельскирх после встречи с ним Клатт мне говорил, что его каждый раз настойчиво спрашивает о человеке Ланг в Тифлисе, но что он, Клатт, вынужден отвечать, что он этого человека не знает, так как Ланг скрывает его от него. Клатт с возмущением говорил мне, что Ланг требует для этого человека все больше и больше денег, а кто он, не говорит ему. От Валь-Вельскирх Клатт обычно приходил взволнованный и несколько раз рассказывал мне, что ему угрожали, что, если он не установит людей Ланг, и в частности его человека в Тифлисе, он потеряет свою голову.

Вопрос: Не говорил ли Вам Клатт, по какой причине Ланг скрывает от него своего человека в Тифлисе и других лиц, от которых он получает сведения о Советском Союзе? *Ответ:* Этого мне Клатт не говорил, но с его слов мне известно, что [у] Клатт с Ланг были недоразумения на денежной почве, так как руководители Клатта отказывались выдавать ему деньги для людей Ланг, которых не знают. Я поняла Клатта так, что Ланг скрывает от него свои источники потому, что это дает ему возможность получать крупные суммы денег».

В советский плен был даже захвачен гестаповец гаупштурмфюрер СС Альфред Клаузницер, который вел в начале 1945 года следствие по делу Рихарда Каудерса и его подчиненных (вспомним фрагмент из мемуаров Шелленберга об «интригах Мюллера»). В этой связи вполне уместно привести достаточно большой фрагмент из протокола допроса Клаузницера, так как его показания вносят существенные штрихи в нашу историю с «Максами». Кроме того, из показаний Клаузницера видно, какими сведениями обладало гестапо о деятельности «Клатта» и «Люфтмельдекопф-Зюд-Ост».

Итак, подробные показания о Клатте дал на допросе 5 июля 1947 года гаупштурмфюрер СС Альфред Клаузницер: *Вопрос:* Кто такой Клатт? *Ответ:* Клатт являлся руководителем германского разведывательного органа «Люфтмельдекопф Зюд-Ост» и проводил разведывательную работу против Советского Союза и других стран...

Вопрос: Кем был арестован Клатт в феврале 1945 года? *Ответ:* Кем был арестован Клатт, точно не знаю. Мне лишь известно, что его арестовали по приказанию полковника Визера. Проявлял ли Визер личную инициативу в деле ареста Клатта или он имел об этом указание из Берлина, я не знаю.

Вопрос: В чем конкретно обвинялся Клатт и его сотрудники? *Ответ:* Как меня информировал полковник Визер, Клатт был арестован по подозрению в двойничестве. Его обвиняли в том, что он якобы был связан с англичанами и снабжал германскую разведку дезинформацией англичан. Кроме того, Клатта обвиняли еще в том, что деньги, которые ему отпускала германская разведка на разведывательную работу, он расходовал не по назначению и присваивал себе. Арестованных же со-

трудников Клатта ни в чем конкретно не обвиняли, а задержали как возможных свидетелей по делу.

Вопрос: Германская разведка располагала какими-либо конкретными фактами или документальными материалами, уличающими Клатта в сотрудничестве с англичанами? *Ответ:* Об этом я ничего не могу сказать, так как полковник Визер никаких документов мне не показывал и конкретных фактов не сообщил. Были ли вообще какие-нибудь документальные материалы по делу, не знаю...

Вопрос: Покажите, что вами было установлено в результате следствия? *Ответ:* В ходе следствия обвинения, предъявлявшиеся Клатту, не подтвердились. Мною было установлено, что Клатт ни с англичанами, ни с какой-либо другой разведкой, работавшей против немцев, связан не был, разведывательных материалов от них не получал и им в свою очередь не передавал. Что же касается присваивания Клаттом денег, то следствием также конкретных фактов установлено не было. Мною было установлено лишь, что Клатт занимался скупкой и продажей золота и драгоценностей, а также снабжением разных лиц за деньги видами на жительство и выездными визами, что ему было разрешено шефом реферата "1 люфт" "Абверштелле-Вена" подполковником фон Валь-Вельскирх.

Вопрос: Сколько раз вы допрашивали Клатта? *Ответ:* Клатта я допрашивал 5–6 раз.

Вопрос: Какие показания давал вам Клатт? *Ответ:* Клатт рассказывал мне о себе и своей деятельности. Он показал, что по национальности он еврей, являлся руководителем германского разведывательного органа, имеет много ценных вещей, в частности ценную коллекцию почтовых марок, что он преподносил ценные подарки сотрудникам "Абверштелле-Вена"...

Вопрос: Какую разведывательную работу проводил Клатт? *Ответ:* Клатт получал радиogramмы с разведывательными сведениями о Советском Союзе и странах Ближнего и Среднего Востока и затем передавал их в "Абверштелле-Вена" подполковнику фон Валь-Вельскирх (псевдоним "Вагнер"), которому он был подчинен.

Вопрос: Откуда и от кого Клатт получал эти разведывательные сведения? *Ответ:* По показаниям Клатта, разведывательные сведения он получал в основном из трех источников: от "Виго", он же доктор Герц Вилли из Стамбула (Турция); от его радиста Далисме Арнольдо из Анкары и от Ира, он же Ланг.

Вопрос: Кто такой Ира-Ланг? *Ответ:* Об Ира-Ланг я никаких подробностей не знаю. Мне известно лишь, что он русский, был ближайшим сотрудником Клатта и снабжал его разведывательными сведениями. Клатт мне говорил, что он вместе с Ира-Ланг содержался в Будапеште в тюрьме, в каком году, не помню.

Вопрос: Какими конкретно разведывательными сведениями снабжал Клатта Ира-Ланг? *Ответ:* Клатт получал от Ира-Ланг разведывательные сведения о Советском Союзе. На следствии Клатт показал, что Ира-Ланг являлся его главным источником и систематически снабжал его разведывательными сведениями.

Вопрос: От кого еще Клатт получал разведывательные сведения о Советском Союзе? *Ответ:* Арестованные сотрудники Клатта на допросах показали, что он получал еще разведывательные сведения о Советском Союзе от Макса и Морица.

Вопрос: Кто такие Макс и Мориц? *Ответ:* Этого я не знаю, и следствием установлено не было, так как ни один из арестованных ничего конкретно показать не смог.

Вопрос: Не находился ли Макс в Советском Союзе? *Ответ:* Нет, Макс в Советском Союзе не находился...

Вопрос: Что показал Клатт о Максе и Морице? *Ответ:* Клатт заявил мне, что с Максом и Морицем он связан не был, что разведывательными сведениями они его не снабжали и агентами не являлись, а что это были псевдонимы.

Вопрос: Чьи псевдонимы? *Ответ:* Клатт показал, что псевдонимами Макс и Мориц зашифровывались разведывательные сведения, полученные им от Ланга.

Вопрос: Непонятно, зачем понадобилось Клатту скрывать получение разведывательных сведений от Ланга? *Ответ:* Клатт заявил мне, что он не хотел, чтобы его самый ценный источник Ланг фигурировал в донесениях в “Абверштелле-Вена”. Поэтому в целях конспирации он на донесениях указывал условные обозначения “Макс” и “Мориц” и этим подтверждал, что разведывательные данные были получены от Ланга.

Вопрос: А каким путем Ланг добывал разведывательные сведения о Советском Союзе? *Ответ:* Клатт рассказывал мне, что Ланг был связан с белоэмигрантом генералом Туркул, который якобы обеспечивал его агентурой, а Ланг перебрасывал ее через линию фронта в Советский Союз. Эта агентура якобы была снабжена радиостанциями и с территории Советского Союза передавала Лангу разведывательные сведения по радио.

Вопрос: В каких пунктах Советского Союза находилась агентура Ланга? *Ответ:* Этого я не знаю.

Вопрос: Назовите агентов Ланга в Советском Союзе? *Ответ:* Никого из агентов Ланга в Советском Союзе я не знаю.

Вопрос: Клатт назвал вам кого-либо из агентов Ланга в Советском Союзе? *Ответ:* Нет, не называл.

Вопрос: Вы спрашивали Клатта, где именно находилась агентура Ланга в Советском Союзе? *Ответ:* Да, спрашивал. На это Клатт мне ответил, что он агентов Ланга в Советском Союзе не знает, ибо Ланг скрывал их от него. Клатт также говорил, что он не знает точно, каким путем в действительности Ланг добывал разведывательные сведения и имел ли он на самом деле агентуру в Советском Союзе.

Вопрос: Почему Ланг скрывал от Клатта источники получения им разведывательных сведений о Советском Союзе? *Ответ:* Этого я не знаю. В процессе следствия мне не удалось установить, известно ли было Клатту, откуда Ланг получал разведывательные сведения о Советском Союзе или он в действительности не знал его источников и об агентуре в СССР рассказывал мне только со слов Ланга.

Вопрос: А Клатт имел агентуру в Советском Союзе? *Ответ:* Клатт мне говорил, что агентуры в Советском Союзе он не имел и что разведывательные сведения он получал только от Ланга.

Вопрос: Не говорили ли сотрудники Клатта об его или Ланга агентуре в Советском Союзе? *Ответ:* Ни один из допрошенных мною сотрудников Клатта не показал о том, что он или Ланг имели агентуру в Советском Союзе. Об этом они сами ничего не знали. Однако сотрудники Клатта ссылались на Ланга как на основной источник, снабжавший Клатта разведывательными сведениями о Советском Союзе. ...Данных о том, что Клатт обманывал немцев, следствием добыто не было, и ничего серьезного в отношении его я не установил. Однако в результате допросов самого Клатта и его сотрудников у меня сложилось мнение, что Клатт разведки не вел, а сведения, которые он передавал, являясь вымыслом.

Вопрос: На основании чего вы пришли к такому заключению? *Ответ:* Сотрудничество с германской разведкой являлось для Клатта источником обогащения.

На следствии Клатт был откровенен и прямо мне заявил, что не работал бы на германскую разведку, если бы не зарабатывал большие деньги. Отсюда я сделал вывод, что такой авантюрист, как Клатт, в погоне за заработком определенно занимался обманом и вел большую игру».

В собственноручных показаниях от 2 августа 1945 года А. Клаузницер дал словесные портреты Ф. Каудера и И. Ланга: «Каудерс Рихард, псевдоним “Рихард Клатт”, родился в 1900 г. в Берлине, сын врача австрийского генерального штаба, гражданин Австрии. Около 45 лет, рост 168 см., толстый, широкоплечий, большая круглая голова, темные глаза, волосы седые, высокий открытый лоб, курносый. Проживает в Будапеште — Байца Утеца, 44 до октября 1944 г. и на Оезе, около 40 км юго-восточнее Вены, в октябре 1944 г. до февраля 1945 г. — в Суорна, около Ра-об-Венгрия, в апреле 1945 г. — пленником в Вене, в здании суда на Шиффамтгассе...

Ира Ланг (псевдоним), настоящее имя неизвестно, русский. По фотографии, которую я видел, он имеет высокий лоб, скуластый, курносый, глубоко лежащие глаза, широкий рот, около 48–50 лет. Должен быть офицером. Был завербован Клаттом в Будапеште и привез[ен] в Софию. Там он, должно быть, перебрасывал людей через Румынию в Россию, которые были снабжены рациями для передачи сведений и получения заданий. Ланг являлся главным лицом в “Люфт-Мельдекопф”, на котором построена эта организация, и Клатт оказался только импресарио. Ланг привез в Рим генерала Туркул и поддерживал его белорусскую организацию. Он получал ежемесячно 220 кусков золота. С помощью организации Туркула он получал очень ценные сведения, которые он сразу же передавал в Берлин. Было замечено, что он принес ценнейшие сведения и что его сведения имели влияние на немецкую тактику. Это выходит из того, что разные сомнения о том, что речь идет об английской игре, были опровергнуты от ОКВ и что было строго запрещено другим “Абверштелле” что-либо предпринимать и мешать. Возможно, что из ОКВ прибыли штабные офицеры в Софию и Будапешт для переговоров с Клатт».

Как видно из архивных следственных дел в отношении германских разведчиков, советские спецслужбы не оставлял в покое вопрос о деятельности «Бюро Клатта» и его агента «Максе». В частности, 24 апреля 1947 года бывшему начальнику немецкой военной контрразведки генерал-лейтенанту Францу фон Бентивеньи были заданы вопросы о деятельности «Люфтмельдекопф-Зюдост»:

Вопрос: Известен ли вам Клатт Рихард? *Ответ:* Фамилию Клатт я услышал впервые примерно в 1940 году, определенно незадолго до нападения Германии на Советский Союз.

Вопрос: При каких обстоятельствах? *Ответ:* Фамилия Клатт упоминалась неоднократно во время докладов, которые мне делал в 1940–1941 гг. референт отдела “Абвер-III” — полковник Фрейнд в присутствии начальника отделения полковника Роледера⁴⁸³.

Вопрос: Что вам докладывали о Клатт? *Ответ:* Мне докладывали о том, что Клатт является агентом германской разведки, который использовался референтом службы “III-Ф” (контрразведка) “Абверштелле-Вена”, тогда капитаном или майором германской армии Шмальшлегер, главным образом для выявления курьерских связей польской разведки, которые вели с Балкан, вероятно из Турции, через Венгрию в Польшу. Об этих связях Клатт давал ценные сведения, но конкретно о них я ничего не помню. Для выполнения заданий Клатт выезжал в соседние с Венгрией страны — Румынию, Болгарию, а возможно, и в Турцию.

Проводил ли при этом Клатт работу для «Абвер-Г» по собственной инициативе или по заданию «Абверштелле-Вена», мне неизвестно, но эту возможность я допускаю. Примерно в 1941 году Клатт переехал из Будапешта в Софию и был передан на связь в «КО_София», руководителем которой являлся майор Вагнер (кличка «доктор Делиус»). Использовался ли Клатт после его передачи по линии «III-Ф» или «Абвер-Г», я определенно сказать не могу. Во всяком случае, мне неизвестно, что передачи Клатт в «КО-София» от него поступали по линии службы «III-Ф». Далее, мне известно, что Клатт — это настоящая фамилия, по национальности еврей, проживал в Будапеште и, насколько я помню, мне докладывали, что он эмигрировал из Германии или Австрии (Вены).

Вопрос: Известно ли вам, когда и при каких обстоятельствах Клатт был завербован? *Ответ:* Из этих же докладов мне известно, что Клатт был завербован примерно в 1939 году, кажется в Будапеште, референтом службы «III-Ф» «Абверштелле-Вена» — Шмальшлегер.

Вопрос: Назовите связи Клатта? *Ответ:* О них мне ничего не известно.

Вопрос: Приходилось ли вам слышать имя Макс? *Ответ:* Имя «Макс» я услышал в первый и последний раз на совещании, происходившем в Софии, во второй половине 1942 или первой половине 1943 года, в рабочем кабинете начальника «Абверштелле-София» (организовано на базе «КО-София») майора Вагнера, когда он делал доклад о результатах своей работы в области «Абвер-Г».

Вопрос: Воспроизведите, что происходило на этом совещании? *Ответ:* Это совещание проводил начальник «Абвера» — адмирал Канарис. На этом совещании Вагнер докладывал в общих чертах о результатах своей работы в области «Абвер-Г». При этом он упомянул о связи, под кличкой «Макс», который сообщал ему из южнорусского района данные о советском воздушном флоте. Услышав это имя, Канарис прервал Вагнера и, обратившись к сопровождавшему его представителю отдела «Абвер-Г», вероятно полковнику Пиккенброку, но, возможно также к тогдашнему референту отделения «Люфт-Г» отдела «Абвер-Г» капитану или майору Генерального штаба, фамилию которого я не помню, сказал примерно следующее: «Не правда ли, донесения 'Макса' являются ведь для Оперативного штаба воздушных сил особенно важными и ценными?» На это сопровождавший офицер — представитель отдела «Абвер-Г» — ответил: «Совершенно верно, господин адмирал, Оперативный штаб воздушных сил придает этим донесениям особое значение». На основании этого доклада я предположил тогда, что «Макс» является агентом-радиостом «Абверштелле-София», так как другой способ передачи донесений, кроме как по радио, ввиду большого расстояния казался мне невозможным. Но я не припоминаю, чтобы Вагнер в своем докладе особенно подчеркнул это. Мне также неизвестно, находился ли «Макс» на связи лично у Вагнера или у кого-либо из подчиненных ему офицеров».

Через несколько лет следователи вернулись к предыдущему допросу. 22 сентября 1951 года Бентивеньи вновь были заданы вопросы о Клатте и его агентуре:

Вопрос: На допросе 24 апреля 1947 года вы назвали агента германской военной разведки «Макс». Из каких источников вам стало известно о наличии этого агента? *Ответ:* О том, что на германскую военную разведку работает агент по кличке «Макс», мне стало известно при следующих обстоятельствах: приблизительно в 1942–1943 годах я совместно с Канарисом выезжал в Болгарию для ознакомления с работой разведоргана «Абверштелле-София». Насколько я помню,

помимо меня, Канариса сопровождал начальник “Абвер-1” Пиккенброк и руководитель “Абвер-1 Люфт”, фамилию которого я не помню, а также еще один сотрудник из “Абвер-1 Люфт”. Во время доклада о работе руководителя “Абверштелле-София” Вагнера Канарису он заявил, что имеется агент “Макс”, который регулярно сообщает из советского тыла важные сведения об объектах юго-востока России. Канарис, обращаясь к руководителю “Абвер-1 Люфт”, сказал — “Не правда ли, что Генеральный штаб военно-воздушных сил Германии считает сведения “Макса” очень ценными?” Руководитель “Абвер-1 Люфт” ответил: — “Да, Генеральный штаб воздушного флота высоко ценит эти сведения”.

Вопрос: Этот разговор происходил в присутствии всех вас, приехавших из Берлина? *Ответ:* Да, на этом докладе присутствовали все приехавшие из Берлина “абверовцы”.

Вопрос: Вагнер указывал, из какого района сообщает сведения “Макс”? *Ответ:* Я помню, что Вагнер говорил о юге России.

Вопрос: Каким путем “Макс” пересылал шпионские сведения? *Ответ:* Вагнер говорил, что “Макс” поддерживает связь по радиии.

Вопрос: Упоминалась ли Вагнером другая агентура? *Ответ:* Еще упоминался агент Клатт. Точно не могу сказать, была ли это кличка или настоящая фамилия. Говоря об этом агенте, Вагнер заявил, что связь по радиии “Макс” поддерживает с агентом Клатт.

Вопрос: Это обстоятельство вы хорошо помните? *Ответ:* Да, об этом я хорошо помню. Речь шла о том, что “Макс” поддерживает связь именно с Клаттом.

Вопрос: Что вам известно об этих агентах? *Ответ:* Об агенте “Макс” я больше ничего сообщить не могу. Агент Клатт с 1939 года был связан с “Абверштелле-Вена” и работал по линии “Абвер-III”, т. е. контрразведки, руководителем которой являлся я. Находился он в Будапеште. В связи с тем, что Клатт давал сведения, больше относящиеся к работе “Абвер-1”, т. е. разведки, в конце 1941 или начале 1942 года с санкции отдела “Абвер-III” он был передан “Абверу-1” и переехал в Болгарию. С этого времени Клатт находился на связи с “Абверштелле-София”. Все это мне известно от моего подчиненного полковника Фройнд — руководителя реферата “Юго-Восток 3Ф”, имевшего отношение к работе агента Клатт.

Вопрос: Если агент Клатт — настоящая фамилия, то имел ли он псевдоним? *Ответ:* Я считаю, что Клатт — настоящая фамилия. Имел ли он псевдоним, сказать затрудняюсь».

Как видно из протокола допроса бывшего начальника “Абверштелле-Вена” полковника Отто Армстера от 10 февраля 1949 года, его специально спросили о деятельности «Бюро Клатта». Армстер подтвердил, что развединформация, поступавшая от «Клатта», высоко ценилась в Берлине. Как нам уже известно, Каудер сведения о Советском Союзе помечал кодовым словом «Макс». Таким образом, показания Армстера являются еще одним свидетельством того, что именно этого «Макса» (не агента, а «источника» информации об СССР) имели в виду в абвере.

Предоставим слово полковнику Армстеру: «*Вопрос:* На предыдущих допросах вы показали, что с мая по 23 июля 1944 года являлись начальником германского разведоргана “Абверштелле-Вена”. Какие задачи выполнял этот разведорган? *Ответ:* “Абверштелле-Вена” проводила контрразведывательную работу на территории XVII военного округа и через Румынию, Венгрию, Турцию и Балканские страны вела разведывательную деятельность против Англии и США.

Вопрос: И, в особенности, против Советского Союза? *Ответ:* Не скрою, что “Абверштелле-Вена” главное внимание в своей разведывательной работе уделяла деятельности Советского Союза как основного противника на Востоке.

Вопрос: Какова была структура “Абверштелле-Вена”? *Ответ:* В состав “Абверштелле-Вена” входили две группы: “Группа-I” — разведка и группа “Группа-II” — контрразведка.

Вопрос: Еще какие органы входили в состав “Абверштелле-Вена”? *Ответ:* Кроме указанных групп и рефератов “Абверштелле-Вена” имела еще ряд филиалов, именованных “Абвернебенштелле”.

Вопрос: Перечислите их? *Ответ:* “Абвернебенштелле-Братислава” (Словакия) через свой “головной пункт” проводила разведывательную работу против советских войск, действовавших в Карпатах, а также и против словацких партизан...

Вопрос: Каким путем “Абверштелле-Вена” проводила разведывательную работу против СССР? *Ответ:* “Абверштелле-Вена” [проводила] разведывательную работу против Советского Союза через Румынию, Чехословакию, Венгрию, Турцию и Балканские страны. Заброску агентуры и связи с ней осуществляли разведорганы, подчиненные “Абверштелле-Вена”, условно именовались “Головные пункты связи” (Мельдекопфе⁴⁸⁴).

Вопрос: Где находились эти “Головные пункты связи”? *Ответ:* Первый “Головной пункт связи” находился на территории Словакии, в г. Прешов, руководителем его был майор резерва Бенеш. Больше о Бенеш мне ничего не известно, так как я его никогда не видел. Второй “Головной пункт связи” был в гор. София, а позднее передислоцировался в гор. Будапешт, и возглавлял его резидент “Абверштелле-Вена” Клатт. Третий “Головной пункт связи” дислоцировался в Румынии и в июле 1944 года находился в районе Синайя. Руководителем его являлся лейтенант германской армии, фамилию его забыл.

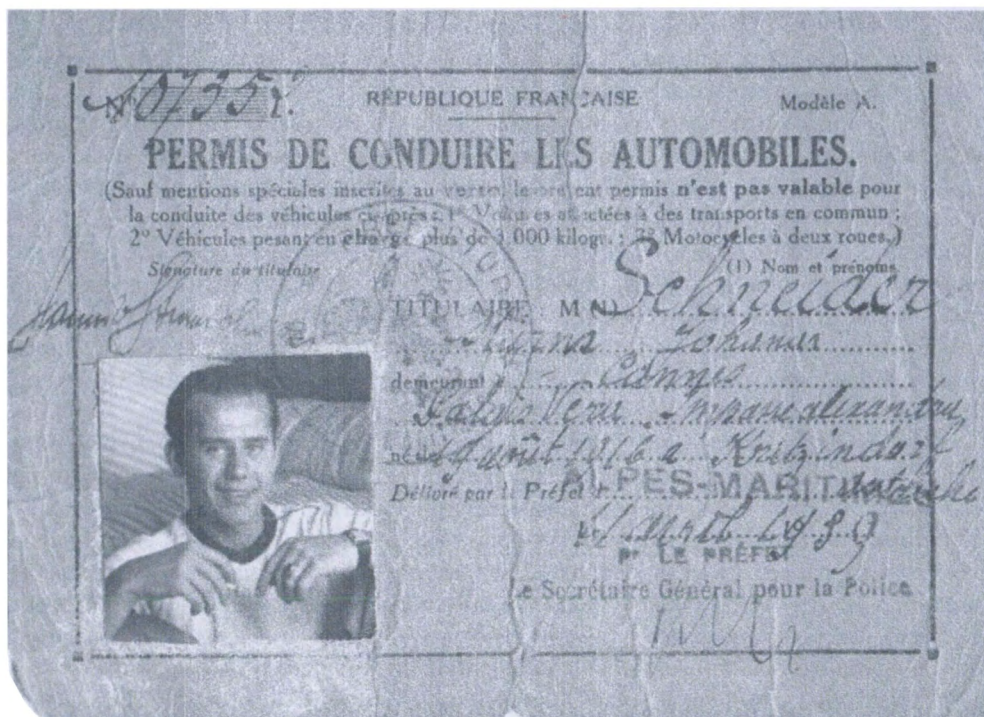
“Головной пункт связи”, дислоцировавшийся в Софии, а позднее в Будапеште, возглавлялся, как я уже показал выше, резидентом “Абверштелле-Вена” Клатт. Принимая дела “Абверштелле-Вена”, мой предшественник, полковник граф Маронья, информируя меня о разведывательной работе “Абверштелле-Вена”, особенно заострил внимание на деятельности этого “Головного пункта связи” как одного из основных источников получения информации о Советском Союзе. Эта информация высоко ценилась в Берлине. В то же время Маронья предупредил меня, чтобы я был осторожен в работе с Клаттом, так как гестапо подозревает его в двурушничестве. Поскольку мне известно, Клатт свою работу проводил против СССР через Турцию, где у него имелась хорошая агентура.

Вопрос: Кто такой Клатт? *Ответ:* Из бесед с Клатт мне известно, что он примерно 1900 года рождения, еврей, уроженец Австрии. Его отец был военным врачом, кажется в чине генерала. Сам Клатт до работы в органах абвера был студентом и учился в гор. Вена. Клатт мне рассказывал, что отец ему рекомендовал заняться торговлей, так как к евреям, служившим в государственных учреждениях Австрии, относятся с недоверием. Он являлся старым резидентом “Абверштелле-Вена”, кем был привлечен для этой работе, я не знаю. Приметы Клатт: среднего роста, крепкого телосложения, волосы темные с проседью, лицо продолговатое.

Таким образом, делать какое-либо сопоставление между тождеством имени Демьянова-«Гейне» и кодового слово «Макс», которое использовалось «Клаттом» для обозначения лишь региона (территория СССР), откуда поступала добываемая

Удостоверение агента «Бюро Клатта» Альберта Фюрера

Удостоверение агента «Бюро Клатта» Ганса Штурма-Шнайдера (мл.)

Лангом информация, не корректно. Об этом свидетельствуют как показания сотрудников «Люфтмельдекопф Зюдост», так и гестаповца, который вел следствие по делу сотрудников «Бюро Клатта».

Сотрудник «бюро» Анна Вайнбергер на допросе рассказала, что «в ноябре 1943 г. по протекции моего старого знакомого Клатта я поступила работать на фирму экспорта и импорта “Миттермайер”. Сначала я работала телефонисткой, затем машинисткой и картотетчицей иракской, иранской, турецкой и итальянской картотеки “разведывательного органа”, называвшегося “Главным воздушным пунктом донесений Зюд-Ост” (“Luftmeldekopf Süd-Ost”)...

Об организации разведоргана “Luftmeldekopf Süd-Ost” мне известно, что он был сформирован инженером Рихардом Каудер (он же под псевдонимом Клатт и затем Кармани), начавшим свою карьеру как мелкий агент контрразведывательной службы в Вене, а затем в 1941 году организовавшим свою собственную “разведывательную службу”. Его первыми агентами были Илья Ланг и Грёнес Роберт, дававшие ему в то время главным образом данные разведывательного характера о положении на фронте Красной армии. На основании высокой оценки деятельности разведоргана Клатта штабом командования в г. Вене в его распоряжение были даны радисты и необходимые технические средства для секретной передачи разведывательных данных.

Сначала персонал разведоргана насчитывал четыре человека, исключая агентов. Затем постепенно количество сотрудников стало прибывать...

Для работы в органе привлекались в большинстве случаев женщины — артистки и танцовщицы, имевшие связи и знакомства в городах различных стран. Сам Клатт имел в Софии любовницу, имевшую широкий круг знакомых среди различных слоев в Софии и Будапеште. Будучи артисткой, она использовала визиты знакомых для получения данных, необходимых Рихарду Клатту. В г. Будапешт разведорган переехал в октябре 1943 года, маскируя свое бюро под марку фирмы “Миттермайер и компания”...

Разведорган “Luftmeldekopf Süd-Ost” имел центр, размещавшийся в гор. Будапеште на улице Бойзе, д. 44. Всего персонала, за исключением агентов, насчитывалось около 20 человек; из них 12 человек шифровальщиц-женщин и 8 человек радистов, находившихся на двух передаточных центрах в Буде, на ул. Сегер, и в предместье Ракош-Керестур, ул. Батори, 25. “Миттермайер и Ко” помещался в 3 комнатах, вход посторонним в эти комнаты воспрещался.

Материал, поступавший в форме писем, излагался в телеграммы, которые зашифровывались для передачи их на передаточные пункты в Ракош-Керестур или на ул. Сегер. Передаточные пункты передавали радиограммы в реферат № 1 армейской контрразведки при военном министерстве в г. Вена. Эти пункты размещались в специально снятых Клаттом виллах и назывались “Ausweichenstellen”. На каждом пункте работало по три человека, один из которых был радистом, а два других — сотрудниками пункта. Позывным для Вены служило имя “Вера”. Позывным пункта отправления — разведоргана Клатта, было имя “Булли”...

О самом «Клатте» Анна Вайнбергер рассказала интересные, пусть и не всегда точные, подробности: «Клатт — немец, его настоящая фамилия Каудер Рихард, ему около 46 лет. Я знаю его с детства, так как мы оба из города Линц (Австрия). Отец Каудера был военным врачом немецкой армии и имел звание полковника. Сам Каудер Рихард по специальности инженер-строитель. В 1916 году Каудер из города

Агент «Бюро Клатта» Анна Вайнбергер. Тюремная фотография

Линц куда-то уехал, и я не видела его более двадцати лет. Проживая в Будапеште, в 1939 году я снова встретила Каудера, при этом он бывал у меня на квартире.

В 1939 году Каудер был арестован венгерской полицией и выслан в Германию, однако через несколько месяцев он снова появился в Будапеште, но только под фамилией Клатт. В 1941 году Клатт организовал в Софии (Болгария) разведывательный орган, которому было дано название «Люфтмельдекопф Зюд-Ост», и с тех пор является его руководителем».

Другой сотрудник «бюро» — Юлиус Дыммер — существенно дополнил рассказ А. Вайнбергер о «Клатте»:

«...я работал в органе Клатта с осени 1944 года. Многие мне неизвестно, но со слов сотрудника германской разведки, агента Клатта — доктора Ганс Дойч, я узнал некоторые подробности. Постараюсь их изложить. Клатт прикрывал свою разведывательную работу некоторыми торговыми сделками от имени действительно существующей фирмы «Миттер-Майер». Эта фирма является большой торговой организацией. Ее отделение находилось в Братиславе, а центр, вероятно, в Вене. Филиалы фирмы были в Будапеште, в Софии и где-то на Балканах. Но только в Будапеште филиал фирмы «Миттер-Майер» прикрывал разведывательную деятельность органа Клатта.

Отделение фирмы «Миттер-Майер» в Будапеште делилось на две части — торговую и разведывательную. Торговая часть выполняла свои действительные функции, подчиняясь центру. Вторая часть, наиболее обширная, занималась разведывательной работой. Обширная потому, что в торговой части работали 4–5 человек, а разведкой занималось 25–26 человек. Я беру штатный состав двух частей филиала. Таким образом, можно сказать, что филиал фирмы «Миттер-Майер» является, конечно, крупным разведывательным органом германского «Абвера».

Вначале Клатт занимался сбором сведений о поведении бывших союзников Германии — Болгарии, Венгрии и Румынии. Он также давал задание своим людям выяснять действительное положение в Югославии. В Хорватии Клатт пытался ор-

ганизовать работу отдельной группы своего органа. Но я не знаю, сумел ли он это осуществить.

Помимо Клатта и его заместителя, два его оперативных работника занимались чем-то в Будапеште. Они часто разъезжали и собирали интересующие немцев сведения по Венгрии. На двух запасных пунктах — в гор. Черно (Венгрия) и в гор. Мадьярваре (австро-венгерская граница) — находилось по одному работнику. Чем занимались еще три оперработника — не знаю. Кроме того, в составе органа Клатта имелось пять радистов и 7 технических работников — шифровальщиков, машинисток, телефонисток и других.

До прихода частей Красной армии орган Клатта вел фактически контрразведывательную работу. А со вступлением частей Красной армии на Балканы стал заниматься разведкой. По словам Дойча, Клатт оставил радиогруппы в Турции и Софии. В Турции орган Клатта перешел к англичанам. Из Софии наш человек передал, что его завербовали русские. Агент Клатта, оставленный в Киеве, якобы хорошо работал и передавал сенсационные материалы о положении на Украине. Сейчас имеется радист в Братиславе. Он передавал сведения о действиях партизан.

Все агентурные материалы направлялись нам по радио. А Клатт отчитывался перед Веней, где находился работник немецкого «Абвера» — майор Климан, и перед Берлином. Климан фактически руководил и направлял работу Клатта. С венгерской разведкой Клатт был связан через полковника Меркли. Оба держались независимо друг от друга, но Меркли был выше Клатта по положению. Они вели работу в своих конкретных направлениях...»

Добавим, что в 1947 году некоторые сотрудники «бюро», отбывавшие наказание в исправительно-трудовых лагерях на территории СССР, были повторно допрошены сотрудниками 3-го Главного управления МГБ СССР о деятельности «Бюро Клатта».

Секрет «Бюро Клатта» полностью раскрыт в книге Олега Царева и Найджела Уэста «Секреты британской короны», написанной на основе рассекреченных документов из архива Службы внешней разведки России. Русский вариант под названием «Срочно. Сов. секретно» готовило издательство «Гея». Одна из глав посвящена «Клатту»⁴⁸⁵.

На сопоставлении информации английской и советской разведки авторы подробно проанализировали деятельность германского разведоргана под названием «Бюро Клатта»: «С помощью членов кембриджской агентурной сети Кима Филби, Энтони Бланта и Джона Кернкросса советским спецслужбам было известно все то, что знали и думали об организации Клатта СИС, МИ-5 и подразделения английской радиоразведки, то есть все то, что изложено выше и что осталось за пределами изложенного. Безусловно, важность этих сведений в военное время трудно переоценить.

Однако было бы неправильно считать, что они были решающими. 2-й спецотдел НКВД с осени 1941 года начал фиксировать работу радиостанции Клатта на линии связи София — Вена. В июле 1942 года советской дешифровальной службой был вскрыт шифр, которым работал Клатт. Это был «буквенный шифр сравнительно несложной системы». Было бы разумно предположить, что регулярное поступление уже дешифрованных англичанами сообщений Клатта способствовало раскрытию его шифра советскими дешифровальщиками. То же, вероятно, произошло, когда Клатт перешел на машинную систему шифрования. Но в любом случае советские спецслужбы были способны независимо от английской информации контролировать канал связи София — Вена и София — Будапешт.

Хотя советские разведка и контрразведка собирали информацию об организации Клатта через свои возможности в СССР, на Балканах и в Турции, тем не менее английские документальные сведения о персонале софийской абверштелле не были лишними при установлении лиц, связанных с Клаттом. И все же наиболее достоверные и подробные оперативные данные о деятельности Клатта были получены военной контрразведкой “Смерш” после вступления советских войск в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Австрию и Германию и ареста большого числа сотрудников абвера. Объем полученной от них информации был столь велик, что ее обработка, проверка и анализ заняли более двух лет, прежде чем МГБ СССР смогло доложить Сталину разгадку “мистической” организации “Клатта-Макса”.

Первым и совершенно логичным шагом, который был предпринят НКВД после получения дешифрованных английских и собственных перехватов сообщений “Макса», была их немедленная перепроверка. Ее результаты были неожиданными: лишь незначительное количество сведений соответствовало действительности. В разные периоды количество достоверной информации изменялось, но даже первая проверка серии сообщений должна была снять напряжение, возникшее у советского командования в связи с угрозой нанесения ущерба военным операциям. Окончательный же анализ результатов радиоконтроля линий связи Клатта, который продолжался с середины 1942-го до января 1945 года, показал, что только 8 процентов переданных по ним сообщений о СССР были полностью или частично подтверждены проверкой. Вторым шагом был контроль эфира.

За весь период войны радиоконтрразведка не зафиксировала работы неизвестных ей станций или вообще каких-либо попыток выхода по радио как на Софию, так и на Болгарию в целом с территории Советского Союза. Ошибки здесь быть не могло, так как эффективность советской радиоконтрразведки в годы войны была подтверждена путем сверки ее данных о немецких агентурных радиостанциях и линиях связи с данными, полученными оперативным путем. Эти два установленных факта позволяли сделать вывод о том, что “Клатт не мог получать свою информацию непосредственно из Советского Союза”.

Оставалось, однако, еще несколько вопросов, в частности откуда все же поступала информация к Клатту, особенно те 8 процентов, которые оказались достоверными сообщениями, и кто был “Макс”, если он вообще был? Ответу на эти вопросы посвящен 61-страничный “меморандум по делу ‘Клатт-Макс’”, который фактически представляет собой подробный анализ показаний арестованных сотрудников абвера и “Бюро Клатта”. На основе этого документа в июле 1947 года было подготовлено спецсообщение И.В. Сталину...

Получив разведывательные данные, Клатт лично их обрабатывал, затем передавал шифровальщикам для зашифровки, откуда они поступали к радистам для передачи на радиостанцию абвера “Вера” в Вене. В этом и заключалась вся работа разведоргана Каудера-Клатта. Сам же он с целью создания видимости бурной работы своего бюро раздул большой штат, имел много автомашин, устанавливал радиостанции, которые не функционировали и делал много других по существу ненужных вещей. Все это было ему необходимо для сокрытия фактического обмана абвера...»⁴⁸⁶

На основе анализа полученных данных советская контрразведка выяснила источники, из которых Каудер получал разведданные об СССР. Их оказалось три: от белоэмигрантов, выезжавших по заданию немцев в лагерь для допроса военнопленных; контакты с иностранными посольствами, в частности, как удалось уста-

новить англичанам, со шведским посольством в Софии, имевшим в свою очередь информацию из Москвы по дипломатическим каналам, и, наконец, от самих немецких разведчиков.

18 апреля 1944 года спецсообщением № 327/6 руководство НКВД и НКГБ о перехвате и дешифровке переписки на немецких линиях связи София – Будапешт, София – Вена доложило лично Сталину:

«Дешифровально-разведывательной службой НКВД-НКГБ СССР с осени 1941 года нерегулярно, а с весны 1942 года систематически фиксировался шифрованный радиообмен на немецких линиях связи София – Будапешт, София – Вена и др. Пеленгацией местонахождения радиопередатчика было установлено, что он находился в предместье гор. София в Болгарии. По смыслу установленной и дешифрованной переписки организационного характера было установлено, что она исходит от германского военно-воздушного атташе в Болгарии, сотрудники которого подписывали телеграммы кличкой “Клатт”, позднее — “Виго”. Много телеграмм прошло также без подписи. Содержающие телеграмм касалось главным образом передвижения войск Красной армии. Было предпринято специальное изучение этих материалов с целью установления, во-первых, их соответствия действительности и, во-вторых, каналов, по которым эти сведения могли проникнуть в Софию. Проверкой значительной части телеграмм этой категории через Генштаб Красной армии установлено, что подавляющее большинство приведенных в телеграммах данных о частях Красной армии и их передвижениях вовсе не соответствует действительности и является вымыслом. Некоторые телеграммы являются повторением дезинформации, передаваемой с утверждения Разведывательного управления Генштаба Красной армии нашими радиостанциями, участвующими в радиоигре с немцами. <...> Перехват указанных телеграмм НКГБ СССР и их проверка через Главное управление контрразведки НКО “Смерш” продолжается»⁴⁸⁷.

Царев и Уэст приводят в подтверждение и такой эпизод: «Белоэмигрант Васильев продемонстрировал на допросе технику таких операций. В 1943 году он за 7000 левов купил у немецкого разведчика Браунера сведения о дислокации советской авиации, а затем корректировал их по газетным сообщениям. Кроме того, Васильев на основе своих знаний о десантных операциях Первой мировой войны и текущего времени с добавлением собственной фантазии составил доклад о подготовке командованием Красной армии крупных десантных операций в Крыму. По его утверждению, немцы были завалены информационными материалами, как правдивыми, так и вымышленными, и обман их был более или менее безопасным. Васильев не работал на Ланга или Клатта, а на другое разведывательное подразделение немцев. Однако сопоставление изготовленных им сведений с тем, что передавал Клатт, показало поразительную схожесть некоторых сообщений. Очевидно, накопленный белоэмигрантами, имевшими хорошую военную подготовку, опыт фальсификации разведывательной военной и политической информации еще в 20–30-е годы продолжал кормить их в годы войны»⁴⁸⁸.

Итак, к великому сожалению некоторых историков и публицистов, следует признать, что «Гейне-Алекс» и кодовое слово «Макс», использовавшееся «Бюро Клатта», не имеют между собой ничего общего.

СМЕРШ: «ВОЙНА В ЭФИРЕ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Война потребовала перед руководством страны поиска качественно новых путей обеспечения государственной безопасности. 19 апреля 1943 года на базе Управления особых отделов НКВД СССР были созданы совершенно новые структуры, призванные обеспечивать безопасность в системе вооруженных сил: Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР (ГУКР «Смерш» НКО СССР), Управление контрразведки «Смерш» Наркомата Военно-морского флота СССР (УКР «Смерш» НКВМФ СССР) и Отдел контрразведки «Смерш» НКВД СССР (ОКР «Смерш» НКВД СССР).

С весны 1943 года все радиоигры, кроме операции «Монастырь», оставленной за 4-м Управлением НКГБ СССР, были переданы в ведение ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Центральным аппаратом Смерша являлось ГУКР «Смерш» НКО СССР. В его составе были образованы два отдела, на один из которых, 3-й отдел, были возложены функции по розыску вражеской агентуры на территории Советского Союза и проведение радиоигр с использованием захваченных агентов-радиостов противника, на другой, 4-й отдел, — внедрение советских разведчиков в разведывательные и контрразведывательные органы нацистской Германии.

Решение о проведении радиоигр с противником принимал лично начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Виктор Семенович Абакумов, с лета 1943 года проведение всех радиоигр было возложено на заместителя начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанта Павла Яковлевича Мешика.

Непосредственной организацией радиоигр занимался 3-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР. Это подразделение в годы войны последовательно возглавляли полковник госбезопасности Георгий Валентинович Утехин⁴⁸⁹ (29 апреля – 23 сентября 1943); подполковник (с 21 февраля 1944 — полковник) Владимир Яковлевич Барышников (23 сентября 1943 – 22 мая 1946).

Структурно отдел состоял из двух отделений (начальник 1-го отделения — майор Иван Дмитриевич Салымский; начальник 2-го отделения — майор Георгий Павлович Шабалин). Вскоре 2-е отделение 3-го отдела ГУКР «Смерш» возглавил один из опытейших контрразведчиков — подполковник Дмитрий Петрович Тарасов, который с начала 1942 года, будучи в 1-м отделе 2-го Управления НКВД СССР, участвовал в организации и проведении первых радиоигр с германской и финской военными разведками.

Активное участие в радиоиграх также принимали сотрудники 2-го отделения 3-го отдела: заместитель начальника отделения майор Иван Лебедев, старшие уполномоченные майор Сергей Елин⁴⁹⁰ и майор Владислав Фролов⁴⁹¹, капитан Григорий Григоренко и др.

По своим основным целям радиоигры, которые вели советские контрразведчики с немецкими разведывательными органами, можно разделить на следующие виды:

1) борьба с вражеской агентурой в прифронтовой полосе с помощью захваченных или сдавшихся вражеских диверсантов, обеспечение уверенности у противника в активных действиях своих агентов, что создавало у противника известную самоуспокоенность и удерживало его от активных действий (радиоигры «Борисов», «Двина», «Контакт», «Контролеры», «Лесники», «Находка», «Опыт», «Явка» и др.);

2) противодействие разведывательно-диверсионным действиям немецких агентов на транспортных коммуникациях СССР. В этом случае радиоигры были весьма эффективным способом создания у гитлеровского командования иллюзий в успешности действий своей агентуры в советском тылу, а чекистам, в свою очередь, позволяло фактически парализовать шпионскую деятельность (радиоигры «Волга», «Добровольцы», «Дуплет», «Загадка», «Камса», «Корреспондент», «Кустарник», «Хозяин», «Черный», «Ястреб» и др.);

3) защита от проникновения агентуры германской разведки в военно-политические центры страны: Ленинград («Кафедра», «Трио») и Москву («Баян», «Борисов», «Монастырь», «Развод»);

4) борьба с германским шпионажем в промышленных центрах Советского Союза, расположенных в глубоком тылу. Так, во время войны по восьми радиоточкам органы госбезопасности вели радиоигры из промышленных районов, в частности из Сибири и Урала, где германская разведка стремилась создать свои тщательно замаскированные резидентуры. По этим радиоиграм легендарно, что агентам абвера удалось успешно легализоваться и приобрести необходимые связи среди работников оборонной промышленности, благодаря чему они имеют реальную возможность не только получать интересую-

Старший оперуполномоченный
3-го отдела ГУКР «Смерш»
НКО СССР капитан
Иван Петрович Лебедев

Сотрудник 2-го отделения 3-го отдела
ГУКР «Смерш» НКО СССР капитан
(позднее генерал-полковник)
Григорий Федорович Григоренко

щую германское Верховное командование информацию о количестве и качестве выпускаемой военной продукции, перспективах работы предприятий, но и подготавливать и проводить диверсионные акты.

Примером могут служить радиоигры на Урале («Лира», «Дуэт», «Тайник»), в Сибири («Байкал», «Фисгармония»), в Поволжье («Щука») и др.;

5) противодействие проведению противником на территории СССР диверсий и террористических актов против военных, советских и партийных руководителей (радиоигры «Бандура», «Горцы», «Грачи», «Десант», «Зубры», «Подрывники», «Туман» и др.); обеспечение безопасности Крымской конференции союзных держав (радиоигры «Знакомые» и «Филиал»);

6) срыв формирования в Советском Союзе так называемого фронта сопротивления или «пятой колонны» путем объединения различного рода антисоветского элемента и обеспечения его необходимым вооружением («Монастырь», «Янус» и др.); противодействие попыткам аввера и «Цепелина» организовать повстанческо-подрывную деятельность в советском тылу, например: на территории Архангельской области («Повстанцы»), в Белоруссии («Костры»), Воронежской и Тамбовской областей («Бурса»), Гурьевской области («Пески»), на Кавказе («Абхазия», «Кубанцы», «Подполье», «Разгром», «Туманов»), в Казахской ССР («Легион», «Тростники»), в Калмыкии («Арийцы»), Ярославской области («Боксеры», «Конспираторы») и др.

По мере продвижения частей Красной армии к западной границе СССР в радиоигры с противником, начатые органами контрразведки «Смерш» военных округов, расположенных в тыловых районах СССР, подключались отделы и управления «Смерш» фронтов.

Например, в период с мая 1943 по май 1945 года с территории Белорусской ССР были проведены 11 радиоигр с противником, в том числе:

с 5 мая 1943 по май 1945 года ОКР «Смерш» Горьковского гарнизона (из г. Горького) и ОКР «Смерш» Белорусского (позднее — Белорусско-Литовского) военного округа (БЛВО) из гг. Молодечное и Каунас радиоигра «Друзья»;

с 19 мая 1944 по 23 апреля 1945 года ОКР «Смерш» Орловского ВО из района Суземка Орловской области и ОКР «Смерш» БЛВО из гг. Мир, Любча и Брест — «Костры»;

с 24 августа 1944 по май 1945 года ОКР «Смерш» БЛВО из гг. Белый и Полоцк — «Ребус»;

с 6 сентября 1944 по 15 апреля 1945 года УКР «Смерш» МВО из Москвы и Минска — «Янус»;

с 6 октября 1944 по 20 апреля 1945 года УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта и ОКР «Смерш» БЛВО из Бреста — «Пташка»;

с 26 октября 1944 по март 1945 года УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта из г. Гродно — «Коммерсанты»;

с 30 декабря 1944 по 24 марта 1945 года УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта из Белостока — «Барсуки»;

с 18 января по май 1945 года УКР «Смерш» Западного фронта из Рославля и ОКР «Смерш» БЛВО из гг. Лида и Варшава — «Ревизор»;

со 2 марта по май 1945 года проведены две игры: первая — 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР из Москвы и ОКР «Смерш» БЛВО из гг. Вильно и Гродно — «Борисов» и вторая — УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта из Белостока — «Лабиринт»;

с 6 марта по 17 апреля 1945 года ОКР «Смерш» Орловского ВО из Моршанска и ОКР «Смерш» БЛВО из гг. Гомель, Брест и Алленштайн (Восточная Пруссия) — «Дезертиры».

С вступлением соединений и частей Красной армии на территорию стран Восточной и Центральной Европы Главное управление имперской безопасности (РСХА) в лице своего разведоргана «Цеппелин» проявляло исключительную активность, стремилось использовать все имевшиеся в его распоряжении агентурные ресурсы, чтобы остановить или затормозить наступление советских войск. Продолжая вести разведывательно-подрывную деятельность через военнопленных Красной армии, германские спецслужбы стали широко привлекать для ведения разведки польских, румынских, болгарских и венгерских националистов.

В некоторых случаях в состав агентурных групп включались военнослужащие вермахта и войск СС. На территории рейха в основном действовали агентурные группы, укомплектованные бывшими советскими военнослужащими и немецкими солдатами и офицерами.

Органы советской военной контрразведки, опираясь на опыт длительной борьбы с агентурой противника, проводили радиоигры в Польше из Варшавы, Кракова, Познани, Катовиц, Белостока, Пшеворска и Глейвица («Коммерсанты», «Ревизор» и др.); в Румынии из Бухареста («Приятели»); в Болгарии из Софии и Бургаса («Братья»); в Венгрии из Будапешта, Секешфехервара, Цеце («Вассалы», «Вега», «Связисты», «Ключ»); в Чехословакии из Праги («Бывалая»); в Германии из Штейнау, Швибуса и Роминтена (одна из последних радиоигр, «Финал», велась на берлинском направлении).

За пределами СССР подавляющее большинство радиоигр проводилось в непосредственной близости от линии фронта с целью военной дезинформации германского военного командования. Большинство из них носили скоротечный характер. В архивных материалах «литеры “Э”» нередко запись: «Радиоигра с противником прекращена в связи с капитуляцией фашистской Германии».

Радиоигры советской контрразведкой проводились и против разведок стран-сателлитов нацистской Германии. Небольшой фрагмент противоборства в эфире советской и финской разведок приведен в работе Э.П. Лайдинена: «3 апреля 1944 года в район Суомуссалми (Финляндия) самолетом была выброшена агентурная группа “Соседи” с задачей освещения деятельности Суомуссалмского пункта финской разведки и его агентуры. Выйдя в очередной раз на связь 19 апреля, радист “Рае” передал условные сигналы о работе под диктовку противника, и началась очередная радиоигра с финской разведкой, которая длилась около 2 месяцев»⁴⁹².

В качестве примера также можно привести несколько скоротечных радиоигр УНКВД по Ленинградской области в 1942–1943 годов против разведотдела Главного штаба финской армии: «Находка-1» (август–октябрь), «Онега» (август–октябрь), «Тундра» (июль–август), «Южная» (сентябрь–ноябрь) и др.

Это лишь некоторые эпизоды невидимой «войны в эфире», которую вела советская военная контрразведка со спецслужбами противника.

* * *

Все же главной целью радиоигр стало оказание реальной помощи Красной армии на полях сражений, что достигалось путем систематической передачи врагу военной дезинформации. О масштабах этой работы говорят следующие цифры.

Только за период с 1 мая по 1 августа 1942 года советская контрразведка передала вражеским разведывательным органам ложные сведения о сосредоточении на различных участках советско-германского фронта 255 стрелковых дивизий, 3 танковых армий, 6 танковых корпусов, 53 танковых бригад, 80 артиллерийских полков, 6 кавалерийских дивизий и 3 армейских штабов⁴⁹³.

С весны 1943 года радиоигры масштабно были применены в период проведения стратегических операций Красной армии. В это время органы контрразведки «Смерш» активизировали работу по поиску и захвату вражеских агентов, передававших по заданиям своих разведцентров информацию о концентрации советских войск и резервов, их численности, о местах расположения штабов, о характере советских оборонительных сооружений. В их числе была и радиоигра «Кторов», которая проводилась с 30 апреля по август 1943 года Управлением контрразведки «Смерш» Брянского фронта и ставила своей целью скрыть подготовку Красной армии к активным наступательным действиям в районе Ельца.

29 апреля 1943 года в совместной докладной записке руководители Наркомата госбезопасности СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР доложили советскому правительству о результатах борьбы с агентами-парашютистами германской и финской разведок:

«За период Отечественной войны органами НКВД было задержано 978 агентов германской и финской разведок, сброшенных в нашем тылу на парашютах (в том числе: органами особых отделов — 203 человека, войсками НКВД по охране тыла действующей Красной армии — 70 человек, территориальными и транспортными органами НКВД — 705 человек).

Из указанного числа вражеских парашютистов добровольно явилось 442 человека, разыскано в результате предпринятых мер и арестовано 484 человека, убито при задержании 52 человека <...>

В настоящее время в органах НКГБ в г. Москве и на местах в 34 городах (Ленинград, Калинин, Архангельск, Ярославль, Вологда, Пенза, Куйбышев, Тамбов, Горький, Баку, Тбилиси, Саратов, Ставрополь, Краснодар, Грозный, Махачкала и др.) содержатся под стражей 545 вражеских парашютистов <...>

В связи с передачей работы по борьбе с агентурой противника, заброшенной в наш тыл на парашютах, в Главное управление контрразведки «Смерш» НКО НКГБ СССР дал своим периферийным органам указание — всех содержащихся под арестом вражеских парашютистов вместе со следственными делами и другими материалами на них немедленно передать в ближайшие органы «Смерш»⁴⁹⁴.

Передача арестованных агентов-парашютистов из НКГБ СССР в ГУКР «Смерш» НКО СССР обуславливалась тем обстоятельством, что с весны 1943 года проведение радиоигр с противником целиком перешло в ведение военной контрразведки.

В том же апреле 1943 года НКВД СССР направил спецсообщение в ГКО, в котором докладывал о результатах использования (с мая 1942 по апрель 1943) захваченных немецких агентурных радиостанций для дезинформации противника в интересах Красной армии за период с мая 1942 года:

«По Вашим указаниям с 1 мая 1942 г. в целях пресечения активности германских разведывательных органов, создания видимости работы переброшенных шпионских групп и агентов-одиночек, в интересах Главного командования Красной армии было начато использование захваченных немецких радиостанций.

Из 225 захваченных за это время радиостанций использовались в целях дезинформации 76. Часть станций по причине истощения батарей питания раций и невозможности их дальнейшей работы в интересах Главного командования Красной армии связь с немцами прекратила.

В настоящее время радиоигру с противником ведут 17 станций, находящихся в следующих городах: Вологде, Ярославле, Солигаче, Волоколамске, Москве, Люберцах, Рязани, Тамбове, Воронеже, Куйбышеве, Пугачеве, Горьком, Свердловске, Уфе, Уральске и Новосибирске.

С 1 мая по 1 августа 1942 г. по утвержденным Ставкой планам, а в последующем по указаниям начальника Генерального штаба Красной армии тов. Василевского проводилось систематическое выявление ложных группировок наших войск, усиление переброски в нужных направлениях войсковых резервов и техники. Противнику были выявлены ложные группировки в составе 225 стрелковых дивизий, 3 танковых армий, 6 танковых корпусов, 53 танковых бригад, 80 артполков, 6 дивизий и 3 армейских штабов.

В январе 1943 г. в г. Горьком выявлено формирование резервной армии.

Через северные порты показаны разгрузка и проследование через Волгу до 1300 самолетов и 2000 танков.

Наряду с передачей дезинформационных сведений по радиостанциям проводились агентурные комбинации по подставе германской разведке нашей проверенной агентуры, вызову агентов-связников и др.

Приобретенный опыт работы по использованию радиостанций противника позволяет сделать следующие положительные для нас выводы. Проводимой нами радиоигре противник верит, дорожит этим источником информации и передаваемые ему сведения в какой-то степени учитывает в своих оперативных планах <...>

Наиболее яркими фактами, подтверждающими, что наша дезинформация противника достигала своей цели, являются следующие.

1. Радиостанция “Неон”, ст. Подборовье Северной железной дороги, выполняя задачу скрытия концентрации наших войск на Волховском направлении, в декабре 1942 г. и январе сего года систематически питала противника преуменьшенными данными о перевозках войск и техники в города Тихвин и Волхов.

20 января в связи с переданными нами сообщениями о болезни радиста и необходимости его лечения в госпитале из Псковского радиоцентра получена следующая радиограмма: “Очень сожалеем. Пока продолжайте работать. В начале февраля возвращайтесь к нам обратно. Обдумайте план. Перед переходом рацию спрячьте или уничтожьте. Вы работали недостаточно бдительно и проворонили скопление второй ударной армии”.

2. Генштабом Красной армии с целью сковывания сил противника на севере через группу захваченных станций в городах Пудоже⁴⁹⁵, Ярославле, Вологде, Москве и на ст. Обозерская Северной железной дороги в течение января сего года были переданы дезинформационные сведения о концентрации наших войск и техники на Карельском фронте⁴⁹⁶. Противнику был показан подвоз на Карельский фронт 70 эшелонов с войсками и 8 эшелонов с артиллерией, причем эти сведения в основном из г. Вологды подтверждались соответствующими передачами по другим станциям.

В связи с проведенной нами дезинформацией Главным разведывательным управлением Красной армии из Женевы 3 и 10 февраля сего года получены следующие телеграммы.

“26 января сего года из Тронхеймского резерва вышли торпедные и зенитные катера в Нарвик. С 26 января ОКВ — главное немецкое командование — объявило в Линахамари, Киркинесе, Тромсе мобготовность флота. ОКВ получило данные, что с января в города Мурманск и Кандалакшу прибывают новые советские войска и техника”.

“С 22 января главное немецкое командование имеет данные о накоплении новых советских войск и техники в Мурманске и Кандалакше. Главное немецкое командование ожидает советское наступление на Лапландию с целью окружения армий Дитля”⁴⁹⁷.

После того как осенью 1942 года были исчерпаны составленные Генштабом Красной армии специальные планы дезинформации противника, утвержденные Ставкой, получение новых военных дезинформационных сведений стало чрезвычайно затруднительным.

Отсутствие в Генштабе Красной армии специально выделенных лиц или отдела, ведающего вопросами дезинформации, приводит к тому, что получаемые НКВД СССР в настоящее время сведения не способствуют укреплению доверия противника к работающим станциям и ведут к провалу настоящей и прошлой работы по игре с противником.

Между тем использование захваченных радиостанций противника может стать одним из серьезных средств Главного командования Красной армии в борьбе с немцами.

Учитывая необходимость передачи немцам дезинформации не только по общевойсковым вопросам, но и по вопросам авиации, морского флота, ПВО, экономики и политики, желательно, чтобы в составе дезинформационного отдела при Генштабе Красной армии были представители указанных ведомств»⁴⁹⁸.

Доклад наркома внутренних дел СССР руководству страны был обусловлен тем обстоятельством, что, несмотря на наличие соответствующих полномочий для доклада лично И.В. Сталину у наркома госбезопасности СССР (В.Н. Меркулов) и начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР (В.С. Абакумов), Л.П. Берия как член Политбюро ЦК ВКП(б) курировал все спецслужбы СССР.

Другой документ, также датированный апрелем 1943 года, иллюстрирует использование радиоигр германской военной разведкой на советско-германском фронте. В этой связи начальник УНКВД по Ленинградской области, комиссар госбезопасности 3-го ранга П.Н. Кубаткин направил секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) М.Н. Никитину, одновременно являвшемуся начальником Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД), спецсообщение, в котором предупреждал о попытках германской военной контрразведки использовать радиоигры для дезинформации командования Красной армии:

«Из ряда перехваченных документов противника... устанавливается, что немецкие контрразведывательные органы придают серьезное значение вопросу... дезинформации командования Красной армии и подготовки условий для борьбы с партизанскими отрядами (перехват связистов и пр.).

Дезинформация осуществляется противником посредством радиоигр, которые с ведома штаба “Валли” проводятся непосредственно контрразведывательными командами и группами в контакте с командованием соответствующих подразделений немецкой армии.

Против участков Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов контролирует и руководит радиоиграми находящаяся в г. Пскове 304-я контрразведывательная команда, на учете которой имеется до 30 радиоигр... причем некоторые радиоигры продолжаются до настоящего времени.

Установлено, что наибольшее количество радиоигр ведется 312-й контрразведывательной группой, дислоцирующейся в Красногвардейском районе...

В целях своевременного предотвращения попыток противника дезинформировать посредством радиоигр командование Красной армии и вести работу на перехват выбрасываемых в тыл немецкой армии наших разведчиков, связистов и партизанских групп прошу дать указание Вашему аппарату:

1. Немедленно давать исчерпывающие ответы на запросы КРО УНКВД по Ленинградской области, связанные с выявленными провалами выброшенных в тыл противника партизанских групп и одиночек.

2. Одновременно информировать КРО о всех выявленных в процессе работы провалах и о разведчиках, подозреваемых в связи с немцами, с целью их учета и проверки по материалам КРО.

3. В тех случаях, когда в процессе радиообмена будет вскрыта радиоигра противника и представится возможным продолжить ее в контрразведывательных целях, передать в КРО все необходимые для продолжения радиоигры материалы (состав группы, ее связи за линией фронта, задание, технические радиоданные и проведенный уже радиообмен)⁴⁹⁹.

Тем временем в мае 1943 года было проведено очередное реформирование советских органов госбезопасности. Вновь был образован Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ СССР). В него были включены все оперативно-чекистские отделы и управления Наркомата внутренних дел.

В числе других задач на НКГБ СССР было возложено ведение разведывательной работы за границей (в частности, зафронтной), а также борьба с шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок внутри СССР (за исключением частей Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД).

На тот период в ведении НКГБ СССР находилась одна агентурная комбинация с противником — стратегическая радиоигра «Монастырь – Курьеры». За ее проведение отвечало 4-е Управление НКГБ СССР (начальник — П.А. Судоплатов).

Через полтора месяца после образования Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР начальник ГУКР В.С. Абакумов за № 128/А докладывал в Народный комиссариат обороны СССР обобщенные результаты радиоигр, проведенных с использованием арестованных агентов-радиостов противника:

«За период Отечественной войны органами контрразведки “Смерш”, НКВД и НКГБ арестовано 1040 германских шпионов-парашютистов, переброшенных на нашу сторону, из которых 464 разведчика явились в наши органы добровольно с повинной.

524 человека арестованы в результате их розыска. Из них 310 наиболее активных шпионов германской разведки расстреляно, 8 человек осуждено к различным срокам заключения, а остальные содержатся под стражей.

При приземлении погибло 12 человек, и были убиты при оказании сопротивления в момент задержания 40 шпионов.

В числе арестованных — 263 шпиона-парашютиста были снабжены портативными коротковолновыми приемопередающими радиостанциями, замаскированными в чемоданах и противогазных сумках.

После перевербовки некоторой части агентов-парашютистов нашими органами было включено в радиоигру с противником 89 изъятых радиостанций.

Из этого количества 65 раций были в разное время из игры выведены из-за потери к ним оперативного интереса, опасности провала наших мероприятий вследствие длительного срока работы станций и по техническим причинам.

Остальные 24 радиостанции работают по настоящее время и размещены в разных местах Советского Союза, так как при переброске разведчиков на нашу сторону немцы указывали им пункты для оседания.

8 работающих ныне станций функционируют с 1942 г., а остальные с 1943 г., причем 2 начали работать с февраля сего года, 2 — с марта и 12 — с мая 1943 г.

С помощью работающих радиостанций ГУКР «Смерш» осуществляет мероприятия по вызову агентуры противника на нашу сторону для ее перехвата, в этих же целях передает немцам дезинформацию военного характера, которая согласовывается с Генеральным штабом Красной армии.

В результате контрразведывательных мероприятий за время войны на подставленные нами адреса немцы прислали 16 своих агентов-связников с материально-техническими средствами, инструкциями и деньгами для ранее переброшенной ими агентуры <...>

Помимо этого, по легендированному нами требованию немцы сбросили с самолетов в указанные нами места 9 посылок с оружием, погонями, продуктами питания и 1 144 000 рублей.

449 тысяч рублей из общего количества изъятых у германских агентов-парашютистов денег было подвергнуто исследованию, которое показало, что эти деньги ничем не отличаются от подлинных...⁵⁰⁰

Попутно советская военная контрразведка получала данные о денежных суммах, которыми германские спецслужбы снабжали своих агентов, перебрасываемых в прифронтовую полосу и тыл Советского Союза.

19 августа 1943 года начальник ГУКР «Смерш» по этому вопросу доложил в Наркомат обороны СССР:

«За период с 1 мая по 15 августа с. г. органами «Смерш» в результате ареста переброшенных на нашу сторону агентов германской разведки изъято 3 715 000 рублей советских денег.

В соответствии с Вашими указаниями, 2 500 000 рублей уже подвергнуты тщательной экспертизе для установления их подлинности. Остальные деньги направлены на экспертизу.

Во всех случаях экспертиза установила, что деньги, выдаваемые немцами своей агентуре, являются подлинными советскими деньгами. В ряде случаев установлено, что номера и серии банкнот по времени выпуска относятся к 1939–1941 годам.

Наличие бандеролей и характер отметок, сделанных на деньгах, свидетельствует о том, что первичная обработка денег (сортировка и подсчет) производятся немцами в разных пунктах (Инстербург, Париж, Кенигсберг, Гродно), а затем они направляются для окончательного подсчета в Берлин.

На допросах германские шпионы показали, что немецкая разведка располагает крупными суммами советских денег, которые были захвачены ими в период наступления в советских банках, учреждениях и штабах Красной армии <...>

Учитывая, что советские деньги, изымаемые у немецкой агентуры и прошедшие экспертизу, не вызывают сомнений в их подлинности, считал бы возможным

направить их в Государственный банк Союза ССР для использования по назначению. Прошу Ваших указаний. Абакумов».

Опыт проведения радиоигр с противником, накопленный за первые полтора года войны, был обобщен в ГУКР «Смерш» НКО СССР. 9 сентября 1943 года была выпущена в свет «Инструкция по организации розыска агентуры противника», подготовленная 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР. Отдельные параграфы инструкции касались методики проведения радиоигр:

«На все изъятое у агента разведки противника вооружение, снаряжение, вещи и деньги составляется подробная опись, с обязательным указанием всех изъятых документов и сроков их действия. <...>

Категорически запрещается пользоваться документами, вещами, деньгами, оружием, рациями и другим имуществом, изъятым у задержанных вражеских агентов, без специальной на это санкции Главного управления «Смерш». <...>

В отношении агентов-радиостов необходимо дополнительно выяснять:

- а) позывные, длину волны, частоты кварцев, лозунги, ключи, шифры и код, которыми должен пользоваться агент при работе рации в советском тылу;
- б) где, когда, в какие часы, с какими позывными и на какой волне тренировался радист в тылу противника;
- в) характерные особенности радиопочерка радиста (быстрота работы на ключе, путание отдельных букв (сбой) и прочее);
- г) условный номер, присвоенный радисту германской разведки...

Все документы, рации, вещественные доказательства (за исключением взрывчатых веществ и зажигательных средств), изъятые у арестованных и разоблаченных агентов противника, направляются в Главное управление «Смерш».

Этот подробный и четкий документ свидетельствовал о высоком уровне оперативного искусства, которое, несмотря на трагедию предвоенных лет и суровые испытания начала войны, не было утрачено чекистским ведомством и стремительно развивалось. Заложенные в инструкции принципы соблюдения особой конспирации, маневрирования силами и средствами контрразведки, осуществления строгой централизации и плановости всех оперативных действий требовали от военных чекистов, оперативного состава внутренней контрразведки, специальных войск, оперативно-технических служб армии и органов безопасности максимума инициативы и изобретательности, оперативности, ответственности и умения принимать верные решения в форс-мажорных обстоятельствах. В процессе таких операций предусматривались «парализация деятельности» разведывательных органов противника и снижение уровня их активности путем оперативных мер по нейтрализации действий его агентуры и использованию борьбы с ней в интересах контрразведки.

На местах строго секретной инструкцией руководствовались начальники органов контрразведки «Смерш» фронтов и военных округов, а также работники, непосредственно участвовавшие в ведении радиоигр. Документ давал разъяснения оперативному составу на основании накопленного опыта задержания вражеских агентов-радиостов, документирования их показаний, ведения радиосеансов связи, составления легенд и дезинформации, подготовки другой необходимой документации, в том числе и оформления дела радиоточки. До конца войны тактика такого рода операций совершенствовалась с учетом оперативной и военной обстановки, складывавшейся на фронтах Великой Отечественной войны.

Радиоигры активно применялись контрразведкой «Смерш» в ходе сражения под Курском. Для передачи дезинформации армейские чекисты использовали девять захваченных радиостанций противника, которыми немецкая разведка снабдила небольшие агентурные группы и отдельных агентов, имевших задания вести наблюдение за передвижением советских войск и военной техники к линии фронта, сообщать сведения о количестве, наименованиях и дислокации войсковых соединений и частей Красной армии. Включенные в радиоигры радиостанции находились в гг. Ливны, Лихвин, Елец, Щигры, Касторное и Тамбов, т.е. в районах, прилегавших к Курской дуге. Маскировка радиоточек, работавших под контролем военной контрразведки, затруднялась близостью фронта, мелколесьем и равнинным характером местности. Была велика угроза провала операции в эфире из-за визуальной разведки противника с воздуха.

Для предотвращения этого нежелательного для «смершевцев» развития событий были приняты необходимые тактические меры. В операцию включили все захваченные радиоточки, при помощи которых немцы намеревались получать сведения из указанных выше районов, причем дезинформация при этом дублировалась двумя московскими агентурными радиостанциями и тремя радиоточками в Саратове и Пензе. Передачи радиопрограмм, подтверждавшие сведения других агентурных радиостанций, под разными предлогами вскоре прекращались. Радиосеансы, как правило, не затягивались, что затрудняло противнику осуществление проверки радиоточек.

Таким образом, передававшаяся германскому командованию дезинформация сыграла значительную роль при подготовке исторического сражения на Орловско-Курской дуге, так как помогла скрыть накопление резервов Красной армии на важном участке фронта. Если в декабре 1942 года активная дезинформация, касающаяся концентрации советских войск на Волховском фронте, по заданию Генерального штаба велась при помощи одной агентурной радиостанции противника, то в мае–июне 1943-го по Курской дуге дезинформирование проводилось более масштабно и с большей эффективностью. По существу, это был первый опыт широкого использования агентурных радиостанций противника.

Для маскировки направления главного удара частей Красной армии радиоигры активно применялись и на завершающем этапе войны. Так, например, в период подготовки и проведения Белорусской наступательной операции, с 14 июня 1944 по 23 апреля 1945 года отделами контрразведки «Смерш» Орловского и Белорусского военных округов проведена радиоигра «Костры». С 10 октября 1944 по 9 января 1945 года противнику передавалась дезинформация по заданию Генштаба Красной армии.

Практика подобного рода операций свидетельствовала о том, что органы военной контрразведки преодолели трудности, вызванные недостатком опыта и сложной обстановкой первых месяцев войны. Они сумели выработать хорошо продуманную и действенную систему оперативных мер предупреждения и пресечения разведывательных акций противника, успешно способствовали наступательным операциям Красной армии на полях сражений.

* * *

Эффективную помощь радиоигры оказывали в деятельности советской контрразведки по розыску агентуры спецслужб противника, забрасываемой в прифронтовую полосу и глубокий тыл. Об одной из таких операций расска-

зал историк спецслужб А.В. Разин: «Широкомасштабная операция по розыску и ликвидации глубоко законспирированной сети резидентур немецкой и финской разведок, а также буржуазных националистических организаций была начата в Эстонии после захвата и разоблачения 24 сентября 1944 года агентов-радиостов кенигсбергской разведшколы. В процессе следствия было установлено, что все они должны были обеспечить радиосвязью... разведывательно-диверсионные группы и вооруженные разведывательно-диверсионные группы и вооруженные националистические банды. По замыслам противника эти оставленные на оседание в республике группы, получив единый для всех радиосигнал, должны организовать мятежи и одновременные подрывные действия по всей Эстонии.

Для выявления созданной абвером подпольной сети органами госбезопасности был успешно использован метод “цепочки”. Его суть состояла в создании во главе с сотрудником контрразведки легендированной оперативно-разыскной группы, в состав которой входили перевербованные агенты-радиосты, не успевшие еще выйти на связь с подпольем. Эта группа “связников”, располагая рекомендательными письмами, адресами и паролями, согласно замыслу операции по “цепочке” направлялась на вступление в контакт с резидентами абвера. “Связников” сопровождала на определенном удалении чекистско-войсковая группа, которая по их сигналу производила операцию по захвату агентов противника.

Подобный способ позволил органам военной контрразведки только на первом этапе операции раскрыть три резидентуры абвера. В последующем более широкое использование данного метода в сочетании с другими агентурно-оперативными и следственными мероприятиями позволило ликвидировать большую сеть резидентур немецкой и финской разведок в Эстонии. Одновременно оперативная группа отдела контрразведки “Смерш” Краснознаменного Балтийского флота под руководством генерала В.В. Виноградова провела недалеко от Таллина операцию по захвату нелегальной переправы и аресту более 50 буржуазных националистов и пособников фашистов, намеревавшихся бежать в Швецию и Финляндию»⁵⁰¹.

Продвижение стратегической дезинформации в немецкие разведцентры сотрудники 3-го отдела ГУКР «Смерш» осуществляли в тесном контакте с руководством Генерального штаба РККА в лице генералов А.М. Василевского, А.И. Антонова, С.М. Штеменко, а также начальника Разведывательного управления Красной армии Ф.Ф. Кузнецова. Передача в эфир военной дезинформации проводилась только после утверждения Генштабом текстов радиোগрам, подготовленных контрразведчиками с учетом почерка каждого агента и легенды о его разведывательных возможностях.

При организации радиоигр с противником советской контрразведкой своевременно был учтен тот факт, что абвер и СД, как правило, обязывали своих агентов-радиостов в случае провала и перевербовки их противником сообщать об этом немецким разведорганам заранее обусловленным сигналом.

Таковыми условными сообщениями могли быть: определенная расстановка знаков препинания в тексте радиোগраммы; перестановка порядка слов в адресе; замена некоторых приведенных в таблице букв производными; ввод в текст радиোগрам условных фраз, обращений, постановка подписи агента в различных местах текста; отсутствие в радиোগрамме условного знака и т.п. Об этом будет подробнее рассказано в параграфах, посвященных некоторым радиоиграм, проведенным органами советской контрразведки во время войны.

Активно использовались для передачи дезинформации противнику и радио-контрразведывательные подразделения органов безопасности. Например, на завершающем этапе войны с конца декабря 1944 и в начале января 1945 года, согласно утвержденному Генштабом Красной армии плану дезинформации противника, германскому командованию передавались сведения о том, что на территории Польши и Восточной Пруссии зимнего наступления советских войск в 1945 году не планируется. Эта информация транслировалась по 24 агентурным радиостанциям из различных районов СССР. Как показал дальнейший ход боевых действий на советско-германском фронте, противник поверил дезинформации и за несколько дней до наступления советских войск в Восточной Пруссии и Польше перебросил основные танковые дивизии из этих районов в Венгрию.

Специфические условия ведения «войны в эфире» требовали от контрразведки четкого и непрерывного взаимодействия со штабами и частями ПВО, которые давали ценную информацию о полетах авиации противника. Использование радиоигр с противником позволило советской контрразведке широко применять разного рода агентурные комбинации по перехвату каналов и линий связи немецкой разведки, выявление и нейтрализацию агентуры противника, внедрение советских разведчиков в разведшколы абвера и СД. Установление радиоконтакта с противником и дальнейшие оперативные мероприятия в ряде случаев позволяли вскрывать и стратегические планы германского командования.

На немецкую разведку и контрразведку обрушилось колоссальное количество умело подготовленной и выверенной дезинформации, значительно снизившей эффективность разведывательно-диверсионной работы противника. Кроме того, в ходе радиоигр Лубянка получала ценную информацию об особенностях работы немецкой разведки, что способствовало эффективной организации противодействия врагу, прежде всего в работе по розыску заброшенной агентуры противника.

Битвы под Сталинградом, Курском, Белорусская и Яско-Кишиневская операции советских войск — это далеко не полный перечень сражений, исход которых не был бы столь успешным и впечатляющим, если бы не гигантская, невидимая работа советских чекистов по дезинформации врага и обеспечению скрытности подготовки к наступлению. За годы Великой Отечественной войны органы безопасности пресекли подрывную деятельность нескольких тысяч агентов германских спецслужб; в ходе контрразведывательных операций у противника была захвачена 631 радиостанция, более 80 из которых использовались в радиоиграх с абвером и СД для передачи дезинформации, захвата агентуры противника.

Активное противодействие советских спецслужб фактически парализовало немецкие разведорганы. Огромные материальные ресурсы, выделенные для разведывательно-подрывной деятельности против СССР, были потрачены безрезультатно. Показательным примером может являться, сорванная Лубянкой, попытка организовать покушение на Сталина осенью 1944 года. Только на подготовку этой операции VI Управление РСХА «выбросило на ветер» два миллиона рейхсмарок. Ни один крупный замысел нацистов не являлся тайной для чекистов. Советской контрразведке удалось заставить работать фактически вхолостую гигантскую машину спецслужб гитлеровской Германии. Рухнула и тактика немецкого командования по созданию антисоветского националистического подполья и «партизанских отрядов» в СССР, инициации восстаний в советском тылу.

Отметим, что каждая радиоигра, проведенная НКВД-НКГБ и контрразведкой «Смерш», носила творческий характер и являлась по-своему уникальной агентурной разработкой. В ходе радиоигр проведения использовались самые различные агентурные комбинации, как в советском тылу, так и за линией фронта. Специфические условия ведения радиоигр требовали от советской контрразведки обеспечить четкое и непрерывное взаимодействие с Генштабом Красной армии и штабами фронтов, армий, дивизий и видов вооруженных сил. Особую роль в этой работе было уделено обеспечению контактов со штабами и частями ПВО, которые давали информацию о полетах авиации противника.

В следующих параграфах книги мы более подробно расскажем о некоторых радиоиграх, проведенных контрразведчиками НКВД-НКГБ и Смерша в годы Великой Отечественной войны.

«ДЕД ЩУКАРЬ» ПРОТИВ ЦЕЛЛАРИУСА (неизвестные страницы радиоигры «Квартет»)

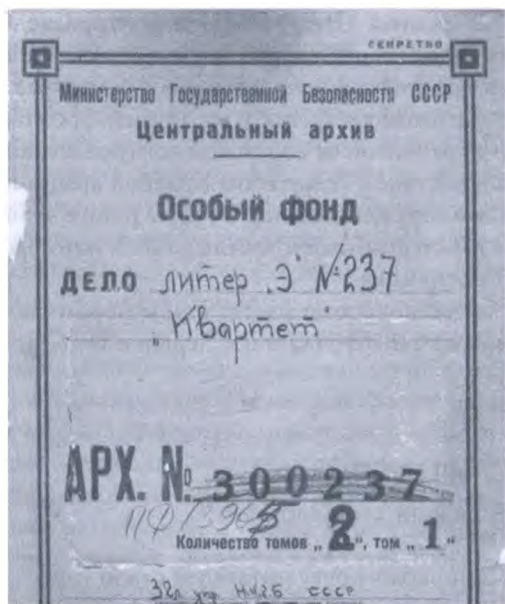
О радиоигре «Квартет» историкам и широкому кругу читателей стало известно совсем недавно, во многом благодаря книге, написанной одним из участников этой операции, бывшим германским агентом Павлом Петровичем Стефановским (немецкий псевдоним Суздальский)⁵⁰², а также из газетных публикаций, посвященных этому событию:

«22 августа 1942 года на территорию Архангельской области был заброшен отряд диверсантов, состоящий из четырех агентов немецкой разведки, завербованных из русских военнопленных. Семен Михайлович Морозов (“Борин”), Павел Петрович Стефановский, Владимир Федорович Фомин (“Борисов”) и Алексей Михайлович Исаев (“Котов”). По заданию абвера (военной разведки вермахта) им при заброске в Архангельск нужно было выявлять в городе крупных военачальников, дислокацию штабов и частей Красной армии и оборонительных объектов. Но четверка “лейтенантов” явилась с повинной на погранзаставу в деревне Куя Приморского района. Оттуда их доставили в Управление НКВД. Еще до заброски в Россию у агентов возник замысел вступить в борьбу с фашистской Германией. Для того чтобы дезинформировать врага, с последним началась настоящая радиоигра под кодовым названием “Квартет”. Она продолжалась восемь месяцев. За это время немцам была передана 51 радиограмма и получено от них 14...»⁵⁰³

Однако подробности этой спецоперации, проведенной контрразведчиками отдела контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа (ОКР «Смерш» АрхВО), до сих пор остаются неизученными.

* * *

Итак, начнем по порядку. В ночь с 22 на 23 мая (а не в августе!) 1943 года посты службы ВНОС Архангельского района ПВО зафиксировали в районе побережья Белого моря на участке Нижняя Злотица – Куя – Горка на небольшой высоте немецкий бомбардировщик. 37 минут самолет противника находился в указанном районе, что дало основание предположить о выброске с него парашютистов. О происшествии немедленно были проинформированы органы УНКВД-УНКГБ и местные пограничники.

Фрагмент обложки дела радиоигры «Квартет»

По указанию начальника УНКВД по Архангельской области (УНКВД АО) комиссара госбезопасности П.М. Малькова и начальника УНКГБ АО подполковника госбезопасности С.И. Плещова⁵⁰⁴ в район возможной выброски вражеских парашютистов выехала группа в составе: начальника 4-го Архангельского погранотряда НКВД полковника Майорова, начальника штаба истребительных батальонов НКВД по Архангельской области капитана госбезопасности Полканова и старшего помощника начальника 1-го отдела погранотряда Денисова. 26 мая группа прибыла на погранзаставу Куя 4-го Архангельского погранотряда, где застала четырех военнослужащих со знаками различия лейтенантов Красной армии.

Во время опроса «лейтенанты» назвали: Котовым Алексеем Петровичем, Фоминым Владимиром Федоровичем, Бороным Петром Николаевичем и Стефановским Павлом Петровичем. Подозрительные военнослужащие заявили, что они были заброшены на территорию СССР по заданию разведывательных органов противника.

При личном обыске у задержанных и на месте их приземления обнаружено и изъято: четыре револьвера системы «Наган», один пистолет «Браунинг», три кинжала, четыре перочинных ножа, компасы, две топографические карты района выброски и другие предметы экипировки, а также две радиостанции «Север», два комплекта питания к ним, телеграфные ключи, кварцы, шифровальные ключи, фиктивные документы, чистые бланки командировочных удостоверений, справок о ранении, вещевые книжки и др.

Из погранзаставы Куя агентов-парашютистов доставили в Архангельск. 28 мая УНКГБ АО передало германских разведчиков вместе с материалами предварительного следствия в ОКР «Смерш» АрхВО.

* * *

На следствии явившиеся с повинной агенты противника сообщили о задании, полученном от германской военной разведки, способах связи с противником, условиях на случай работы под диктовку советской контрразведки, руководящем составе разведшкол и агентах противника, готовящихся к переброске или заброшенных в советский тыл.

Перед выполнением задания все агенты прошли интенсивное обучение в разведшколах, расположенных в местечках Мыза-Кумна (лагерь № 1)⁵⁰⁵, Кейла-Юа (лагерь № 2) и Летсе (лагерь № 3), а незадолго до выброски в разведшколе вблизи г. Рованиеми (Финляндия). Подготовку агентов к заброске в советский

тыл осуществлял германский разведорган «Абвернебенштелле-Ревал» (другое наименование — «Бюро Целлариуса»). Вся работа велась под личным контролем начальника органа, опытного немецкого разведчика — фрегаттен-капитана Александра Целлариуса⁵⁰⁶.

«Бюро Целлариуса» и его руководитель были хорошо известны советской военной контрразведке. Уже в 1943 году ГУКР «Смерш» был выпущен «Сборник материалов об органах германской военной разведки, действующих на советско-германском фронте», в котором была собрана вся информация, полученная военной контрразведкой о германских спецслужбах с 1941 года. В частности, в «Сборнике» об «Анст-Ревал» и его руководителе сообщалось:

«В непосредственном подчинении “Абверштелле-Остланд” находится разведывательный орган, именуемый “Абвернебенштелле”, сокращено “Анст-Ревал”, действующий под вывеской “Бюро по вербовке добровольцев” или “Бюро Целлариуса”, названное по имени руководителя этого органа фрегат-капитана Целлариуса. “Абвернебенштелле” помещается в г. Таллин по ул. Кайдудула, д. № 3 и 14, полевая почта № 23184.

“Анст-Ревал” занимается вербовкой, обучением и переброской агентуры на сторону частей Красной армии для разведывательной и диверсионной деятельности, организывает десантные группы для действий на побережье Балтийского моря и островах Финского залива, а также занимается контрразведывательной работой на временно оккупированной немцами советской территории. Кроме того, “Анст-Ревал” проводит разведывательную работу в Швеции.

В начале войны “Анст-Ревал” создавал из эмигрировавших эстонцев и латышей десантные отряды и перебрасывал их из Финляндии на самолетах в тыл отходивших из Прибалтики частей Красной армии для захвата стратегически важных пунктов и организации повстанческого движения. Одновременно с этим “Анст-Ревал” собирал разведывательные данные путем допроса военнопленных.

В подчинении “Анст-Ревал” находится пункт авиационной разведки “Реферат-Люфт” в г. Таллин и пункт морской разведки “Реферат-Марине” в г. Дудергоф Ленинградской области. “Реферат-Люфт” производит разведку и фотографирование с самолета объектов, намеченных для диверсий, проверяет результаты совершенных диверсий, поддерживает связь с воздушной разведкой. В распоряжении “Реферат-Люфт” имеется несколько самолетов, используемых для связи с другими органами германской военной разведки <...>

Целлариус Александр (он же Келлер) — фрегат-капитан, начальник органа. С сентября 1939 г. одновременно занимает пост помощника военно-морского атташе в Швеции и Финляндии. Под его руководством работает немецкий разведорган “КОФ” в г. Хельсинки. С начала войны находился в г. Хельсинки в качестве начальника германо-эстонского военного штаба, руководя военными операциями по захвату о.о. Эзель и Даго. Имеет большие связи среди офицерства и пользуется авторитетом, неоднократно бывал на приеме у Гитлера. Постоянно проживает с семьей в г. Хельсинки, бывает в гг. Таллин, Стокгольм, Рига, часто выезжает в Берлин. 1898 г. рождения, уроженец г. Рига, немец, среднего роста, полный, темный шатен, волосы с проседью. Характеризуется энергичным и храбрым. К подчиненным и агентуре требователен, однако проявляет заботу к их нуждам. Хорошо владеет немецким, русским, английским, финским, шведским, эстонским и латышским языками. Имеет награды — два “железных креста”».

Q - (Ку) - Код

qsa?	Как слышать?	pse	прямую
qsa43.	слышу на 4.3	qtz?	скажите время
qsa0	не слышу	qtr8n	время 8-00
qtc	прими радиоср	qta	рг аннулирует
qzv	дай — —	qti	рг. раскодир.
qse?	дай квитанции	qti	рг. непр. закодир
qse,ok	принял полностью(ку)	qti	проберите рг
qsy	меняй волну	qsi	повтори чр 5
qsw	меняю. — —	qtw5	ваша гл. колбл. рг
qpt	не понял повтори	qti	ваша гл. колбл. рг
aq 8	повтори после 8 чр.	qvt	ваша гл. колбл. рг
ab 8	— — до 8 чр.	qth	ваша гл. колбл. рг
b12...	повтори между	qef	принимать отказ
ra	никого не имен	qti	мы не можем издать
qru?	нигерь-ли это?	qto	меняйте радиоср
qrs	давай медленно	qsq	грунту 1 раз.
qzq	— — быстрее	qsz	— — 2 — —
qzs?	давайте медленно	qti	гудит ср. мешает
ABV	слушай повтори	qth	атмосф. помехи
pvc.	повтори заголовк	qsv	фрединг
al	повтори все	qth	рг. не раскодир.
asb	ждать 5 мин....	qtv	ваше дело грунто
qzx	до следующего, связи	qtv	не совпадает с нап.
qxa 1200	след. связь в 12-00	ok?	понял-ли?
qze	я занимаю	ok	понял
		zz	понял, правильно
		qti	слышу хорошо

Правила зашифровки радиোগрам с помощью международного Q-кода (радиоигра «Квартет»)

Далее агенты-радисты также сообщили, что посылки с помощью для них высылаются при необходимости самолетом. Место выброски согласовывается с центром по рации. Для встречи самолета разведчики зажигают три костра, расположенные треугольником.

В ходе следствия выяснены и другие необходимые сведения о самих немецких разведчиках. Приведем фрагменты из автобиографий агентов германской военной разведки, в которых они рассказывали следователям в том числе и о своем пребывании в плену. В этом плане заслуживает внимания рассказ С.М. Морозова, который до 22 июня служил библиотекарем при военно-морском госпитале на острове Даго, где и был захвачен в плен войсками вермахта:

«Утром 20-го октября 1941 г. район госпиталя (на острове Даго. — *Авт.*) был окружен немцами, и с этого момента начался фашистский плен. В том же самом составе и на том же месте госпиталь оставался недели полторы, а затем все мы — и раненые, и персонал — были переброшены немцами на остров Эзель в г. Куресари. Через месяц мы были перевезены на материк в г. Вильянди и помещены в полуразрушенном здании. <...>

В начале января 1942 года почти весь персонал госпиталя был направлен в общие лагеря военнопленных, для обслуживания раненых был оставлен минимум персонала, который, конечно, не мог справиться с работой. Я с группой санитаров, фельдшеров и врачей попал в лагерь № 2, который находился в черте города, в бывших царских гвардейских конюшнях. В лагере были жуткие условия жизни. Достаточно сказать, что в результате голода, холода, тифа и дизентерии к весне от 8 тысяч человек в живых осталось не более 800 человек. Люди дошли до отчаяния. И именно в этот момент начались различные вербовки немцами пленных.

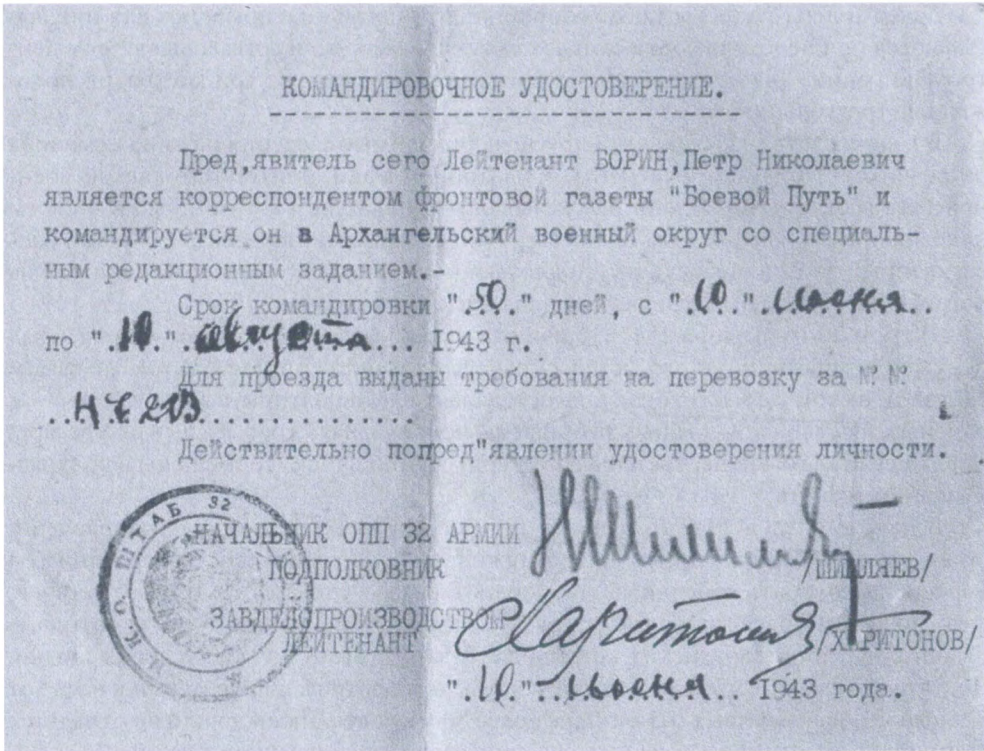
В июне 1942 года в лагерь № 2 в сопровождении немецких офицеров явился бывший майор Красной армии некто Халапсин⁵⁰⁷ и с ним бывший радист Вишневский (кличка, фамилию не знаю)⁵⁰⁸. Для них выстроили весь лагерь, а затем отобрали группу всех, служивших в военно-морском флоте и в береговой обороне. Таких набралось человек 80. Тогда Халапсин лично отобрал в сторону человек 35–40 наиболее молодых. В эту группу попал и я, нас переписали и распустили по баракам.

Недели через полторы нашу группу в товарном поезде отправили в г. Таллин, а оттуда на автомашинах перевезли в местечко Иоа (Юа), в 30 километрах от Таллина, на берегу Финского залива. Здесь уже находилась группа военнопленных из других лагерей. Всего нас было здесь до 90 с лишним человек. В тот же день нас помыли в бане и накормили.

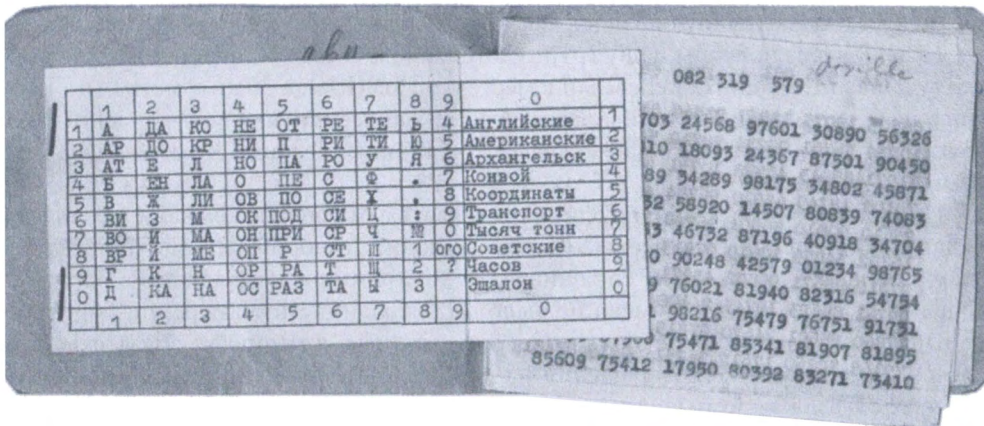
На другой день нас стали по одному вызывать в отдельную комнату, где сидели Халапсин и немецкие офицеры. Халапсин каждому говорил, что вас привезли в школу немецкой разведки, и спрашивал, — хотите ли вы участвовать в борьбе с большевизмом? Конечно, у меня не было ни оснований, ни намерений бороться против своего народа, однако, как и другие пленные, я подписал обязательство, ибо видел в этом путь возвращения на родину, где я мог еще принести пользу. В случае отказа каждому из нас грозила смерть, или от расстрела, или от голода в штрафном лагере...»

В том же документе С.М. Морозов рассказал подробности переброски на советскую территорию и явки с повинной агентов противника на погранзаставу:

«10 или 11 мая 1943 г. нас срочно доставили в Таллин, а оттуда в тот же день на самолете перебросили в Гельсингфорс (Финляндия). Кроме Денисова (немецкий

Фиктивное удостоверение, выданное германской военной разведкой на имя лейтенанта П.Н. Борисова, фронтового корреспондента газеты «Боевой путь»

Кодировочная таблица, которой пользовались агенты германской военной разведки

агент Вадим Денисов предполагался пятым в группе. — *Авт.*), мы четверо договорились никакого задания не выполнять и при первой же возможности явиться с повинной в органы НКВД. От Денисова — явного врага советского государства — мы решили отделаться и воспользоваться тем, что он однажды скомпрометировал себя, мы настояли, чтобы его оставили в Таллине.

Из Гельсингфорса нас перебросили в г. Рованиemi (Финляндия), где завершилась вся подготовка к заданию. Нам вручили две радиостанции, фальшивые документы, необходимо снаряжение и в ночь на 23 мая 1943 г. сбросили на парашютах в восьмидесяти километрах от Архангельска с заданием — собирать шпионские сведения и передавать по радио.

В тот же день мы явились на погранзаставу в деревне Куя и попросили начальника заставы — лейтенанта помочь нам снестись с Архангельским областным управлением НКВД. Трое суток мы прожили на заставе и каждый день телефонировали в Управление с просьбой прислать за нами катер. Наконец, 27-го мая прибыл полковник погранохраны с капитаном госбезопасности, которым мы объяснили, что мы за люди. После этого нас доставили в Управление НКВД, а затем передали в отдел контрразведки АВО».

Другой агент — П.П. Стефановский — в автобиографии писал:

«Родился я 28 января 1918 года в гор. Кисловодске, в семье служащего. Отец — Петр Васильевич Стефановский, точно год рождения не помню, но, примерно, 1875–[18]80 г. Происхождение не знаю, знаю только, что из гор. Новгорода (на Волхове). До революции работал в Ленинграде, где точно не знаю, но, кажется, в финансовых учреждениях. Когда переехали в Кисловодск, не знаю. Умер отец после длительной болезни в гор. Новгороде. <...> Мать — Матрена Васильевна Стефановская (девичья фамилия Камышниковна). Родилась примерно в 1880–[18]90 г. на Дону (где-то в Сталинградской области). 15–16-летней девчуркой поехала медсестрой в какой-то госпиталь, а когда началась Японская война, добровольно поехала туда <...>

С 1929 г., параллельно со школой, начал заниматься чисткой сапог (семья была 5 человек — трудоспособная одна мать, об остальных членах семьи скажу дальше).

Первый год занимался этим на улице, у садика им. Карла Маркса*, второй сезон постарался устроиться в кино, что и с успехом обделал — в кино «Красноармеец» — впоследствии — ТЮЗ. В кино работал 2 года. Имея тягу к театральному искусству, решил перебраться в театр, что также окончилось успехом, после долгих переговоров через знакомых с директором театра, с 1932 года работал по вечерам в театре, обслуживая как зрителей, так и всех работников театра, особенно актеров, которые меня ни мало полюбили, как юркого и смышленного парнишку. Там же меня часто использовали в спектаклях в детских ролях». Актерские навыки в дальнейшем пригодились Стефановскому и в плену, чтобы ввести в заблуждение офицеров абвера.

22 июня 1941 года в составе 187-й стрелковой дивизии 21-й армии Южного фронта техник-интендант 3-го ранга Павел Стефановский выехал на фронт. Дивизия заняла оборону между Быховом и Могилевом. До сентября дивизия вела ожесточенные бои с противником, несколько раз с боями пробивалась из окружения, пока не оказалась в Киевском котле.

* С 1925 г. П.П. Стефановский вместе с матерью проживал в Сталинграде.

«Универсально» архив - 7. 7. 1943
 Нач. Опер. Упр. «Смерш» 14 Бакумова
 14 Бакумова
 июль 1943
 Разгосстанция «Квартет»
 г. Архангельск

1. « В порядке своего задания следы краденых боеприпасов ~~находятся в районе квартетов~~. Садах и улицах найдены бомбодержатели и бомбоубежища. На окраинах найдены дачи, дачки и роши францев. Работают красноармейцы и гражданское население. »

Передать 14 июля.

2. « В Архангельске много иностранцев; летят морские торговые флоты. Летят грузами и пассажирами. Днев и почва в воздухе контрразведкой самолеты, самолеты англичан и американцев. »

Передать 15 июля.

3. « С Монахова на Бомбарду кривых 5 машин с земляными орудиями, 3 миномета и бомбыми джипами с иностранными водителями, также зенитных батарей. Состав охранной русской мортиры. »

Передать 17 июля.

Передать разгосстанции 2-й Штененко
 Нач. Опер. Упр. Штененко Кр. Архив
 Нач. 2-го отд. 3-го отдела Штененко 10. 7. 43

Умелый Р. 7
 Штененко
 7. Штененко 14. VII -
 в 03:00 - Штененко

Дезинформация, санкционированная 15 июля 1943 г. для передачи по радиогре «Квартет». На документе автографы начальника ГУКР «Смерш» В.С. Абакумова, начальника Оперативного управления ГШ КА С.М. Штеменко и начальника 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» Д.П. Тарасова

К 22 сентября части дивизии оказались прижаты противником к болоту у местечка Оржица, попытка переправиться через болота не удалась. Вместе с несколькими сослуживцами Стефановского взяли в плен и доставили в центральный распределительный лагерь в Кременчуге. Через трое суток военнопленных посадили в железнодорожные вагоны и эшеленом направили на запад. Перед отправкой выдали «по 0,5 литра подсолнечных семечек — вместо, сказали, обеда».

На вторую ночь во время движения поезда Стефановский с несколькими товарищами бежал через верхнее окошко вагона. Вся группа беглецов направилась на восток. Раздобыть еды удалось только на второе утро после побега у старушки: «Ох, сынки, — сказала она, — уходите скорей, да не показывайтесь лучше никому». На дорогу дала бойцам хлеба и сала. Через шесть–семь дней пути в другой деревне, около Кременчуга, были взяты в плен и доставлены в город. Затем был лагерь военнопленных и вербовка на службу германской военной разведки.

В отличие от других немецких разведчиков, Стефановский прошел курс подготовки агентов-радиостов в разведшколе при центральном органе абвера на советско-германском фронте «Валли» в местечке Сулеювек под Варшавой. Теперь предоставим слово для рассказа о дальнейшем пребывании в плену и в разведшколах противника самому Стефановскому:

«Из Кременчуга под более строгим конвоем (СС) попал опять в ж[елезно-]д[орожный] эшелон. Через 5 суток прибыл в г. Владимир-Волынский Зап[адная] Украина и водворен в стационарный лагерь военнопленных XI А (исключительно комсостав). В конце декабря [19]41 г. заболел сыпняком, 12 суток провалялся без сознания, а всего в сыпном изоляторе пробыл около месяца.

В этом лагере был один допрос общего характера (во время поступления в лагерь). В марте немцы начали требовать развития среди военнопленных культуры, самостоятельности и т.д. Я несколько раз выступал на вечерах самостоятельности с биографией Шукаря (из «Поднятой целины» Шолохова) и там прослыл “дедом Шукарем”, за что иногда получал лишний черпак “баланды”. В апреле прошел слух, что будут посылать на работы к крестьянам и, возможно, по специальности.

Некто комдив Калинин организовал группу желающих работать и обещающих не делать попыток к бегству. Я записался, предварительно побеседовав с полковником Ступниковым* (бывш[им] нач[альником] опер[ативного] отдела 26-й армии⁵⁰⁹, по его словам), он в то время работал в выводной бригаде из 8–10 человек на офицерской кухне — рабочим, а в скором времени с 2-мя лейтенантами бежал прямо с работы. Ступников мне сказал: “Помни, что мы нужны родине, и всеми средствами и путями стремись вернуться”.

19–20 апреля Калинин вызвал меня и сказал: “Если тебя вызовут в комендантуру, то, если хочешь отсюда уехать, отвечай, что бежать никуда не собираешься и против немцев ничего не имеешь”. На второй или третий день так и было. А 25 апреля я в группе 25 человек был выведен из лагеря и погружен в вагон. 25-го [апреля] прибыли в Варшаву и на машинах отвезены в лагерь “Сулиевик” — 14 км от Варшавы на восток, рядом с б[ывшей] дачей Пилсудского.

Там нас построили, и немецкий капитан Марвиц⁵¹⁰ спросил: “Знаете, зачем сюда приехали?” — “Работать”, — ответили.

* Начальником Оперативного отдела 26-й армии с мая по сентябрь 1941 г. был полковник Н.П. Ступников.

Дезинформация

"Утверждено"
 г. И. Чирков. "Смерш"
 (Абакумов)
 10 июля 1943

Радиограмма "Квартет"
 2. Архангельск

1. "Основная позиция англичан и американцев, особенно родового состава безупречна и безкартуна. Французы живут в городе. Зашифрованы дома Корвенто, Консильенто, группа домов против стадиона "Викенто", частные квартиры. Многие помещения в распоряжении "Шиндлеров"."

Передать 30 июля.

2. "Фюми" и "Борис" уехали Монохов кабподать работу порта. "Кодов" этой же целью пытались проехать на Фюмишо, вернулись. Ведется тщательная проверка документов. Вероятно там стоит военная часть."

Передать 2 августа

3. "Дайте мне работу другое время. В 23 часа неудобно, поздно. Рецидивы воюют с нашими рабами, батареи на некоем. Много продуктов. Форма антисепативов не действительна, вызывает подозрение, можно попробовать на рынке продукты очень дорого."

Передать 4 августа

4. "Вночь на 4 кабподать излучение двух самолетов вновь сформированной эскадрильей части, отбывающей на фронт."

Передать 4 августа

Передать санкционировано:
 Кол. Развед. Упр. Смерш. И. Ф. Кузнецов
 Начальник-лейтенант
 (Кузнецов) *И. Ф. Кузнецов*

Ф. К. С. 11
 Передано
 г. Архангельск 30. VII 43
 в 11 20
С. П. Тарасов

Дезинформация, санкционированная 26 июля 1943 г. для передачи по радиогруппе «Квартет». На документе автографы начальника ГУКР «Смерш» В.С. Абакумова, начальника Разведывательного управления ГШ КА Ф.Ф. Кузнецова и начальника 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» Д.П. Тарасова

— “Вы будете учиться в школе разведки, кто не может, не хочет или боится, говорите сразу”. Кое-кто сразу согласился, кто — просил подумать. Один сказал, что он не сможет, т.к. плохое здоровье и т.д. — “Ладно, подумайте”, — сказал капитан, а этого, который сказал, что не может, увел с собой. Вечером, как некоторые узнали, его переодели в более поношенное обмундирование и увезли.

На другой день, вызывая поодиночке, капитан еще раз спрашивал, кто не хочет остаться. Таких не оказалось. В тот же день каждый дал подписку примерно следующего содержания: “Я, ниже подписавшийся, обо всем, что здесь услышу, увижу и узнаю, обязуюсь нигде и никому не рассказывать”. Такую подписку дал и я. Через несколько дней я был переведен в лагерь обучения радистов.

Школа представляет из себя два лагеря, в каждом, примерно, по 60–70 человек. В одном лагере готовят радистов, в другом — разведчиков. Общее направление — агентурная разведка.

Дисциплины: 1. Агентурная разведка (разведка в[оинских]/частей, укрепленных р-нов, организации частей, ж[елезно]д[орожного] и водного транспорта, промышленных центров, сырьевых баз и др. вопросы страны). Преподаватели — генерал-лейтенант Руднев⁵¹¹ (кличка Рудаев, кажется, бывш[ий] нач[альник] трансп[ортной] академии); генерал-майор Салихов⁵¹² (кличка Асманов, к[омандир] р 60-й СД). 2. Фронтальная разведка. Преподаватель: 1. Майор — забыл фамилию. 2 подполковник (кличка Шелгунов). 3. Топография — ст[арший] лейтенант (кличка Павлов⁵¹³). 4. Методы работы НКВД — генерал-майор Салихов, Шелгунов. 5. Политбеседы — генерал-лейтенант Рудаев. 6. Организация К[расной] А[рмии] — 1. Полковник Степанов⁵¹⁴ (кл[ичка] Быков), из Варшавы уехал, вероятно, во вновь открытую школу. 2. Майор — забыл. 7. Радиодело — преподают немецкие инструкторы. Сроки обучения (примерно) — 2–3 месяца, разведчики — 1½–2 месяца.

Пропускная способность: примерно через 15–20 дней 8–12 человек улетают из Варшавы в прифронтовые штабы. Советская документация готовится специальным штабом, возглавляет который немецкий обер-лейтенант и работают там: майор Зорин (кличка), старик-гравер (имеет высшее образование гравера, любая печать — 10 мин.), его племянник — фотограф (все принадлежности — советские). Документы могут быть приготовлены любые, изготавливаемые в Сов[етском] Союзе, учитывая №№ их по временам выдачи и областям. В этой “агентурной академии” я пробыл с 25.4 по 6 июля 1942 года».

От внимательного взгляда «смершевцев» не укрылась ни одна деталь экипировки агентов-парашютистов. В материалах дела сохранилось даже описание одежды немецких разведчиков: «Все разведчики одеты одинаково в полевую комсоставовскую форму: суконные защитного цвета брюки, такие же гимнастерки (у Морозова гимнастерка хлопчатобумажная), шинели двубортные (переделанные из красноармейских) с черного цвета пуговицами, пилютки суконные, сапоги яловые, погоны и петлицы фронтальные, знаки различия лейтенанта». Справка составлена оперуполномоченным 2-го отделения ОКР «Смерш» АрхВО лейтенантом Э.Б. Раусом⁵¹⁵.

Добавим, что в своей книге П.П. Стефановский рассказал о подготовке агентов-радистов в Варшавской разведшколе⁵¹⁶: «Каждая радиограмма или донесение должны содержать ответы на “6 W”. Первое: Wohin? Куда — то есть на чье имя донесение или позывные радицентра. Второе: Wem? Кому — то есть уточнение, кому именно. Третье: Was? Что — самая сущность донесения или информации.

Четвертое: Wo? Где — месторасположение или место пребывания сущности разведанных. Пятое: Wann? Когда — время происходящего события, происшествия, действия. Шестое: Wer? Кто — подпись агента, условный знак, пароль и так далее...»⁵¹⁷

В ходе следствия также выяснилось, что радиосвязь агенты должны были поддерживать с германским разведцентром в Таллине и финской радиостанцией в г. Рованиеми. В справке дополнительных данных по делу «Квартет» от 1 июня 1943 года сообщалось: «Радиостанция работает без кварца. На случай плохой слышимости для передатчика имеют кварц для второй волны 5413,7 klgz, дл[ина] волны 55,5 м. Шифр цифровой, есть запасной буквенный. Код международный. Лозунг “Раскинулось море широко”. При условии работы под диктовку из радиogramмы исключается знак “НК”. Он ставится не в 3-й гр[уппе] текста рдг-мы, как было указано ранее, а в конце заголовка».

В результате оперативно принятых мер сотрудники ОКР «Смерш» АрхВО получили всю необходимую информацию для проведения радиоигры с противником и по этому поводу запросили Москву. Вскоре была получена санкция начальника ГУКР «Смерш» комиссара ГБ 2-го ранга В.С. Абакумова на проведение операции с германской военной разведкой. Непосредственное руководство операцией осуществлял его заместитель — генерал-лейтенант П.Я. Мешик⁵¹⁸.

К работе подключились руководители и сотрудники 3-го отдела ГУКР «Смерш» во главе с его начальником, полковником П.В. Утехиным. На месте, в Архангельске, операция проводилась под руководством начальника ОКР «Смерш» АрхВО подполковника И.И. Головлева, его заместителя — подполковника Е.В. Мартыненко⁵¹⁹ и начальника 2-го (оперативно-разыскного) отделения майора Н.К. Захарова⁵²⁰ (с осени 1943 — капитана Д.Ф. Скнарина⁵²¹). Так началась новая радиоигра с противником, получившая условное наименование «Квартет».

* * *

Дальнейшее развитие радиоигры с германской военной разведкой хорошо иллюстрируют записи из «Дневника работы радиостанции» и отчетов о проведенных сеансах связи летом–осенью 1943 года.

5, 6, 7 июня радиоточка «Квартет» безуспешно пыталась установить связь с радиоцентром противника в Таллине. Центр работал не на своих позывных. 8 июня «вслепую» передали две радиogramмы: «1. “Приземлились в намеченном месте, вышли в деревню, которой на карте нет. Отошли южнее 25–30 км, стали пока лагерем”; 2. “Груз вырвался, мешки порвались, одна станция повреждена, другую привели в действие. 2-е ушли направлении Архангельска на разведку”». 9–13 июня связь с центром вновь установить не удалось.

Контроль за работой радиоточки «Квартет» взяла на себя Радиоконтрразведывательная служба Отдела «Б» НКГБ СССР. 10 июня 1943 года начальник Отдела «Б» комиссар ГБ Е.П. Лапшин направил на имя Мешика служебную записку о данных наблюдений за Таллинским разведцентром противника:

«Для сравнения с показаниями задержанных в Архангельской области 23 мая 1943 года радистов-разведчиков Стефановского и Фомина сообщаем следующие данные наблюдений Радиоконтрразведывательной службы Отдела “Б” НКГБ СССР: 1. Радисты-разведчики проводили тренировочные связи с Таллинским разведывательным центром с 9 по 22 мая ежедневно в 12, 16, 20 и 23 часа московского

времени. 2. Во время тренировки передачи производились главным образом из Таллина, — центр не всегда слышал радиостанцию агентов. 3. Всего было передано центром 53 зашифрованных телеграмм. 4. С 23 мая и до настоящего времени Таллин вызывает радиостанцию агентов-разведчиков в 23 часа одновременно на двух волнах 446 и 64 метра ежедневно сменными позывными. Связи с агентами не имеет». О проведенных радиосеансах с противником руководство ОКР «Смерш» АрхВО регулярно по ВЧ-связи сообщало Мешику. Связь с германской военной разведкой осуществлялась из радиорубки отдела.

Первые дезматериалы по радиоточке «Квартет» готовились 3-м отделом ГУКР «Смерш» и утверждались лично Абакумовым. Затем по ВЧ-связи «дезы» передавались в ОКР «Смерш» АрхВО.

С 13 июня военная дезинформация поступала из Оперативного управления Генштаба Красной армии (ГШ КА). Тексты лично утверждал начальник управления, заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант С.М. Штеменко.

28 июня в центр радиовали: «Рованиеми не слышим. Вас слышим хорошо, но не всегда. Две радиограммы передали вслепую. Накапливается материал, как быть». 29 и 30 июня повторно в центр передали радиограммы № 1 и 2.

30 июня начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Г.В. Утехин рапортом доложил Абакумову о проведении радиоигры с противником:

«В ночь на 23 июня т. г. западнее Архангельска с самолета противника на парашютах выброшена радиоразведгруппа финской разведки* в составе 4-х человек <...> Сразу же после выброски разведчики явились с повинной в органы контрразведки. Группа получила задание осесть в р-не г. Архангельска, подыскать в лесу недалеко от города Архангельска безопасное место для установки радиостанции и приступить к сбору шпионских сведений, ведя систематическое наблюдение за работой Архангельского порта (приход и уход кораблей, караванов, характер грузов и т.д., железнодорожных перевозках и установления: прибытие воинских частей союзников, ориентиры основных оборонных объектов города Архангельска, наличие парашютных школ в районе Архангельска, программа обучения в этих школах, инструкторский состав; результаты бомбардировок города немецкой авиацией; политико-моральное состояние населения).

Срок действия группы 1½–2 месяца. Разведчики снабжены двумя рациями, обмундированием, запасом продовольствия на м[еся]ц, оружием, картами, компасами, биноклями, фиктивными документами. Перед выброской парашютисты получили задание после приземления, спрятав парашюты, быстро уйти в сторону на 25–30 км, перетащить туда все имущество и продвигаться на юг к Архангельску. В 25 км от Архангельска в лесу устроить базу, установить рацию и приступить к выполнению задания. О благополучном приземлении разведчики, согласно имевшейся договоренности, сигнализировали самолету помахиванием белыми платками, после чего с самолета был выброшен груз.

По сообщению Управления** контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа, разведчики дают подробные показания по всем интересующим вопросам, производят впечатление откровенных людей. Учитывая целесообразность использования данной разведывательной группы в целях дезинформации противника и проведения возможных по ходу игры контрразведывательных мероприя-

* Разведгруппа была заброшена «Анст-Ревал».

** Так в документе, правильно — отдел контрразведки «Смерш» АрхВО.

П О З Ы В Н Ы Е

и расписание работы радиостанции "ЦЕНТРА"
и корреспондента.

1-й радиостанции.

Радисты { СТЕФАНОВСКИЙ П.П.
ФОМИН В.Ф.

Ис-ла есяца:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
15	Р	Е	В	Е	Л	А	В	У	Р	Я	Д	О	Ж	Д	Ь	
	Ш	У	М	Е	Л											
	В	О	М	Р	А	К	Е	М	О	Л	Н	И	Я	Б	Л	
	И	С	Т	А	Л	А										
31	И	В	Е	С	П	Р	Е	Р	Ц	В	Н	О	Г	Р	О	
	М															
Ис-ла есяца:	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
	Например: 13-го ИМГ, 28-го ИГХ, 1-го РВИ и т.д.															

2-й радиостанции.

Радисты { МОРОЗОВ С.Н.
ИСАЕВ А.П.

Ис-ла есяца:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
15	В	О	С	Л	А	В	Е	С	Т	Р	А	С	Т	И	Ю	
	Д	И	Ш	А												
31	В	С	Т	Р	А	Н	Е	С	У	Р	О	В	О	И	И	
	У	Г	Р	Ю	М	О	И									
Ис-ла есяца:	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
	Например: 1-го ВВИ, 14-го ИИР, 20-го АКП, 26-го ОГО.															

Позывные и расписание работы радиостанции центра и корреспондента

тий, прошу Вашей санкции на включение группы в радиоигру. Радиосвязь будет осуществлять Управление контрразведки “Смерш” Архангельского ВО».

В тот же день, 30 июня, из центра получили долгожданный ответ: «Слышали вас вчера в первый раз. Дайте материал. Когда нас слышите, где находитесь, какая обстановка».

1 июля противнику передали радиограмму: «Перебрались на новое место 20–25 км северо-восточнее Архангельска. Живем в лесу. Продукты и анод на исходе. Хорошо слышим 23 час до 23.40».

Очередной сеанс удалось провести только 16 июля, в центр передали шифровку: «В городе заметны следы прошедшей бомбежки. В садах и улицах нарыты блиндажи и бомбоубежища. На окраинах строят ДОТы, ДЗОТы и роют траншеи. Работают красноармейцы и гражданское население».

20 июля приняли радиограмму из центра: «Слышим хорошо вашу вторую волну. Начинайте связь в 23.00 на ней. Передайте накопившийся материал; если не слышите, передавайте в 23.20 “вслепую”».

21 июня радиовали противнику: «В Архангельске много иностранцев — летчиков, моряки торгового флота. Ходят группами и строим. Днем и ночью в воздухе патрулируют самолеты. Говорят, английские и американские». 23–25 июля в связь умышленно не вступали, но слушали эфир. Все эти дни центр работал, вызывая корреспондента.

24 июля провели сеанс связи с центром и передали дезинформацию: «24.II.[1943] с Молотовска на Бакарицу прошло 5 платформ с зенитными орудиями, 3 платформы с большими ящиками с иностранными марками, 4 закрытых вагона. Эшелон охраняли советские моряки». 27–29 июля вновь умышленно не устанавливали связь с противником, а только слушали центр.

С 26 июля дезматериалы стали готовиться Разведывательным управлением (РУ) ГШ КА, санкцию на передачу противнику давал начальник РУ генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов.

30 июля передали «вслепую» радиограмму в центр: «Основная колония англичан и американцев, особенно рядового состава, базируется на Бакарицу. Офицеры живут в городе, занимают дом быв[шего] норвежского консульства, группу домов против стадиона “Динамо”, частные квартиры. Многие питаются в ресторане “Интуриста”».

4 августа опять «вслепую» направили шифровку противнику: «“Фомин” и “Борин” уехали в Молотовск наблюдать за работой порта. “Котов” [с] этой же целью пытался проехать на Экономю. Вернулся. Ведется тщательная проверка. Вероятно, там стоит воинская часть».

6 августа передали очередную радиограмму в центр:

«Дайте [для] работы другое время. 23 часа темно, помехи. Анод на исходе, плохо [с] продуктами. Форма аттестатов недействительна, вызывает подозрение. Можно провалиться. На рынке продукты очень дорогие».

15 августа направили в центр дезинформацию: «Молотовский порт почти не работает. Караванов с военными грузами давно нет. Встречается много английских моряков. Наблюдение за выходом в море невозможно. Побережье охраняется пограничниками и патрулями».

Вскоре было решено заинтересовать противника новыми возможностями, которые появились у агентов. 17 августа в центр радиовали: «Стефановский по-

П О З Ы В Н Ы Е

"ЦЕНТРА" станции в Рованиemi и Таллине.

Числа месяца:	1,	2,	3,	4,	5,	6,	7,	8,	9,	10,	11,	12,	13,	14,	15						
с 1-15.	Т	О	В	А	Р	И	Щ	И	Е	Г	О	Т	Р	У	Д	О	В				
	П	О	Б	Е	Д	И	Г	Р	О	М	О	З	В	У	Ч	Н	О	И			
с 16-31.	С	Р	Е	Д	И	Р	А	С	К	И	Н	У	Т	Н	Х	Ш	А	Т	Р	О	
	Б	Е	С	П	Е	Ч	Н	О	С	П	А	Л	И	С	Р	Е	Д	Ь			
Числа месяца:	16,	17,	18,	19,	20,	21,	22,	23,	24,	25,	26,	27,	28,	29,	30,	31					

Например: 1-го ТПС, 10-го ГМИ, 16-го ПСБ, 22-го ГАН.

Расписание работы станции:

1-я станция (основная) работает:

утром с 8 - 9⁰⁰
вечером с 19-20⁰⁰

II-я станция (запасная) работает:

утром с 9 -10⁰⁰
вечером с 20-21⁰⁰

Кроме этого можно работать с запасной радиостанцией
в городе Т А Л Л И Н Е, работает с 23⁰⁰.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТД ОТДЕЛА
КОНТРАВЕДКИ "СМЕРШ" АВО
М А И О Р

Захаров (ЗАХАРОВ)

Позывные центра станций в Рованиemi и Таллине

знакомился с красноармейцем рабочей колонны военно-строительного управления штаба округа. По его словам, все Архангельские порты давно не работают, т.к. нет караванов. Говорят, немецкие подводные лодки закрыли вход в горло Белого моря».

27 августа передали «дезу»: «[В] Молотовске формируется танковый полк. Танки английские и американские. Личный состав набирается из батальонов выздоравливающих. Подробности уточняем».

9 сентября по согласованию с Разведуправлением Генштаба КА направили две радиограммы с военной дезинформацией: «1. “Вчера в Бакарицу на платформах прибыло 40 аэросаней, кузова из брони. Вооружены легкой пушкой, пулеметами на турели”; 2. “Все время тратим поиски продовольствия. “Котов” временно легализовался. Ввиду холода ночуем в городе. [Для] продолжения работы необходимо: продовольствие, анод, некоторые документы, деньги, теплые вещи”».

10 сентября в центр радиовали: «[В] Экономии дислоцируется воинская часть. Наименование установить не удалось. Много английских моряков. В порту три иностранных судна грузятся лесом».

16 сентября новая шифровка в центр: «Знакомый Стефановского слышал: в Архангельский порт ожидается прибытие большого каравана англо-американских судов с военной техникой и продовольствием».

17 сентября из центра поступило новое задание: «Разведайте число военных и торговых судов в порту Архангельска по национальностям. Сообщите результаты. По исполнении вернитесь к нам. Коли кто-нибудь из вас имеет возможность и желание остаться с заданием на месте, тогда передайте рацию ему». Во время того же сеанса связи в центр передали радиограмму: «В летних лагерях поселка Лахти стоит много воинских частей. Название узнать не удалось. Проводятся занятия поле».

21 сентября направили ответ на предложение центра: «Имеется возможность и желание остаться Стефановский и Фомин при условии номера 16 с новым комплектом документов. Уточните маршрут отхода».

22 сентября «вслепую» радиовали в центр: «[В] Пересыльный пункт направляется много поляков [в] формируемую дивизию. Мобилизованные вывезены в 1940 г. из Польши. Настроение плохое».

24 сентября передали короткое дезинформационное сообщение: «Аэросани увезли [в] Молотовск, частично [в] Экономию. Там формируются специальные части».

29 сентября начальник Разведупра Генштаба КА генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов санкционировал передачу очередной «дезы» в Таллинский разведцентр противника по радиоточке «Квартет»: «1. “В Архангельске: эсминцы “Гремящий”⁵²², “Баку”⁵²³, несколько катеров, ледокол “Ленин”, один английский танкер. Транспорт: “Вятка”⁵²⁴, два средних в доке, один английский”. 1.Х.[19]43 г.” 2. “В Экономии транспорт: “Еленга”, английские — “Эмпари Галеро”, “Эмпари”, один американский. На Бакарице два английских средних транспорта, стоят давно. В Молотовске несколько кораблей, установить трудно”. 6.Х.[19]43 г.”**.

* После текста дезинформации от руки черным карандашом проставлены цифры, означающие дату передачи текста в эфир.

** Ниже текста дезинформационных сообщений — примечание: «Тексты предложены отделом “Смерш” АрхВО. Данные о нахождении кораблей и судов в Архангельских портах уменьшены в три раза». На документе помета: «Передано тов. Раус. 1.10.[19]43 г. И. Лебедев».

30 сентября в центр направили две шифровки: «1. “В Лахти формируется лыжная бригада. 25-го [в] Молотовск прибыл эшелон, 23 крытых вагона, 9 платформ [с] боеприпасами и техникой”; 2. “Молотовский танковый полк выбыл [в] направлении Обозерская в какой-то танковый центр”».

3 октября передали очередное дезинформационное сообщение: «[В] Архангельске: эсминцы “Гремящий”, “Баку”, несколько катеров, ледокол “Ленин”, один английский танкер. Транспорт: “Вятка”, два средних в доке, один из них английский».

19 октября Кузнецов санкционировал, а Абакумов утвердил очередную порцию военной дезинформации Целлариусу по радиоточке «Квартет»: «1. “На станции Исакогорка⁵²⁵ началось формирование минометной бригады. Личный состав комплектуется в основном из числа выздоравливающих. Командный состав прибывает из запасных частей и курсов”. 22.10.[19]43 г. 2. “Из разговоров с рабочими выяснили: лесозаводы выполняют срочный заказ для Сталинграда разборных домов. Первая партия их в двух эшелонах отправлена 2 и 5.XII”. Передать 6.XII. [1943 г.] 3. “Узнали — в Лахте стоит легкий артиллерийский полк. Командир полка подполковник Фесенко. Красноармейцы прошлого года призыва, часть кадровых, принимали участие в боях под Сталинградом”. 4. “В Экономию прибыл американский транспорт водоизмещением около 15 тыс. тонн. На Ярославль 8.XII отправили два эшелона лыж и строительных материалов”. Передать 9.XII.[1943 г.]»*.

17 ноября Кузнецовым и Абакумовым были санкционированы и утверждены очередные дезинформационные сообщения в Таллин: «1. “Из разговоров с бойцами вновь сформированной на ст. Исакогорка бригады узнали: бригада предназначена для действия на Северном участке фронта. Тяжелые и средние минометы поставлены на аэросани и специально сделанные лыжи”. 21.11.[19]43 г.; 2. “22 ноября на Вологду отправлены два эшелона зимнего обмундирования, валенок, полушубков, один эшелон лыж. На станции сгрузили шесть средних зенитных орудий”. 23.11.[19]43 г.; 3. “Вчера на станции Лахта сгрузили 18 легких и средних орудий для артиллерийского полка Фесенко. От бойцов узнали — после проведения учебных стрельб с новых орудий уедут на фронт”. 28.11.[19]43 г.»**.

До конца декабря противнику продолжали передавать по поручению Генштаба КА военную дезинформацию, одновременно сообщали о тяжелых условиях работы, отсутствии необходимых вещей, строгом паспортном контроле в районе Архангельска и т.п.

7 декабря материалы по агентурной станции «Квартет» из ОКР «Смерш» АрхВО были направлены в 3-й отдел ГУКР «Смерш». Среди этих документов находились и характеристики немецких разведчиков-радиотов, участвовавших в операции «Квартет». Приведем фрагмент из характеристики агента-парашютиста:

«О себе Стефановский дал подробные, не вызывающие сомнений показания, назвал значительное количество известных ему агентов немецкой разведки. Работать в пользу немецкой разведки, со слов Стефановского, он согласился с целью вырваться из немецкого плена. Показаниями других разведчиков Стефановский характеризуется положительно, его показания ими подтверждаются. Во время работы по аг[ентурной] станции “Квартет” внушал доверие, всесторонне развит, дисциплинирован...»

* На документе пометы: 1. «Доложено тов. Абакумову. 20.X.[19]43 г.»; 2. «Передано тов. Козлову. 22.10.[19]43 г. И. Лебедев».

** На документе помета: «Передано тов. Козлову. 18.XI.[19]43 г. И. Лебедев».

23 декабря Абакумов утвердил план дальнейшего проведения радиоигры «Квартет». В документе, в частности, говорилось: «В связи с изложенным радиоигру вести в следующем направлении: 1) 22–23 декабря одновременно с очередным военным текстом радиogramмы противнику передать: “Оставаться здесь больше не можем, идем обратно. Станцию берем с собой. Связь будем держать”. 26/XII [1943 г.] 2) Через 6–7 дней из Беломорска передать следующий текст: “Прибыли к Беломорску. В город заходить боимся, говорят, строгий режим. Укажите, к какому пункту пробираться дальше. Идти прямо не можем, нет лыж, карт, продуктов. Ждем срочно”. 4/I-[19]44 г. 3) Третью радиogramму передать из одного пункта на маршруте, который будет указан противником: “Находимся в Лоухи. На дорогах строгая проверка документов, у нас их нет. Продуктов нет тоже, достать негде. Помогите”. При получении согласия на сброску посылки, организовать ее прием. В случае отказа передать рдг: “Вы нас поставили в безвыходное положение, голодаем. Двигаться к фронту без документов невозможно. Как бы то ни было, помогите, так как мы пропадем. Заботу не забудем”. При вторичном отказе радиоигру прекратить и легендаризовать арест разведчиков в прифронтовой полосе».

26 декабря в центр радиовали: «1. “Командир минометной бригады полковник Зубов, в нее входят два полка. Из одного полка 5-й и 2-й дивизионы готовятся к отправке. На вооружении минометы 50 [мм], 82 [мм] и 120 [мм] калибра. Остальное довыявляем”. 2. “Оставаться здесь больше не можем. Идем обратно. Станцию берем с собой. Связь будем держать”».

4 января радиоточка по согласованию с разведцентром противника перебазируется в Беломорск. Наступал заключительный этап операции «Квартет». Центр в эфире обнаружить не удалось. На следующий день, 5 января, противнику в соответствии с планом проведения радиоигры направили радиogramму № 2 о прибытии разведчиков в район Беломорска. Квитанцию от противника о приеме не получили. 7 и 8 января связь с центром установить не удалось из-за плохой слышимости.

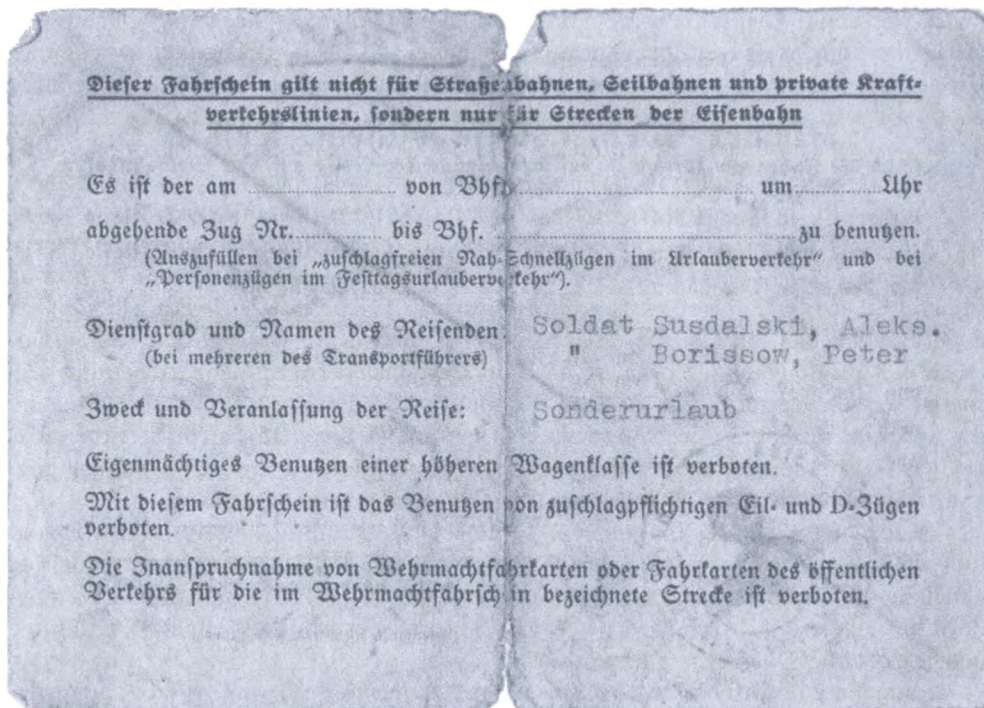
9 января из центра приняли радиogramму: «Идите поездом или машиной [в] Лоухи, оттуда маршем на южный конец Интозера, далее прямо на запад к германскому полевому караулу у Шапкозера. Спрашивайте капитана Райло. Длина марша 60–70 км. Лыжи приобрести самим. На дороге попробуем бросить вам питание, когда укажете, где находитесь. Оознавательный знак три треугольником поставленных огня».

11 января Абакумовым был утвержден план дальнейших мероприятий по радиоигре «Квартет», подготовленный начальником 3-го отдела ГУКР «Смерш» подполковником В.Я. Барышниковым:

«В соответствии с предыдущим планом по делу проводится радиоигра о продвижении группы к линии фронта для возвращения к финнам. Цель проводимой легенды показать противнику трудности перехода линии фронта и добиваться получения помощи на маршруте следования группы. <...>

В связи с этим подготовить и провести следующие мероприятия, осуществление которых возложить на Управление “Смерш” Карельского фронта.

1. 15 января с. г. противнику передать радиogramму о прибытии группы в Лоухи и запросить помощь: “Находимся в Лоухи. Добрались с трудностями. На дорогах строгая проверка документов, у нас их нет. Продуктов тоже нет, достать негде. Помощь готовьте обязательно, место укажем в пути. Работайте на 1-й волне,

Документ, выданный германской военной разведкой
 агентам «А. Суздальскому» и «П. Борисову»

слышим хорошо». 2. На маршруте следования группы Лоухи – Интозеро в 15–20 км от Лоухи подготовить место для принятия помощи, послав туда хорошо вооруженную опергруппу. 3. С выбранного места 17 января с. г. радиовать: «Продвигаемся с трудом. Сейчас находимся (указать ориентиры выбранного места сброски). Идти дальше нет сил. Второй день голодные и мокрые. Сбрасывайте сюда продукты, водки, одежду, карту с маршрутом и хорошие лыжи». До получения помощи радиоигру вести с места выброски, тексты радиogramм передавать только с просьбой ускорения выброски, составление их поручить старшему работнику оперативной группы. 4. После получения помощи противнику подтвердить ее получение и выход группы по маршруту.

Дальнейшую игру повести с целью вызова на нашу сторону и захвата диверсионной группы или самолета противника. С этой целью радиовать, что разведчики в районе 20–25 км от обусловленного места перехода фронта столкнулись с двумя пограничниками, одного убили, другого захватили в плен, повести с собой не могут, опасаясь погони: «Наткнулись на двух пограничников-командиров, одного убили, другого ранили и задержали. Вести с собой не можем, боимся погони, идет медленно, разрешите прикончить, ценного в нем мало, лейтенант (указать название или номер отряда), говорит, был на охоте. Слушайте нас каждые два часа».

Для встречи и захвата диверсионной группы или самолета на маршруте организовать вооруженные засады, заранее подобрать соответствующие пункты.

В случае, если противник не пойдет на выброску группы диверсантов или посадку самолета, сообщить, что разведчиков догоняют пограничники, на этом радиоигру прекратить».

15 января согласно плану от 11 января противнику передали шифровку № 1. К дальнейшим мероприятиям подключилось УКР «Смерш» Карельского фронта. В этой связи 16 января докладной запиской по ВЧ-связи из Беломорска начальник Управления генерал-майор А.М. Сиднев⁵²⁶ доложил начальнику ГУКР «Смерш»: «Для обеспечения выполнения утвержденного Вами плана по радиоигре на вызов “Квартет”, Управление “Смерш” Карельского фронта проводит следующие мероприятия: 1. Создана оперативная группа в составе 4 оперработников, во главе [с] зам[естителем] нач[альника] 2-го отдела подполковником т. Зайденвурм, оперативной группе придана группа бойцов отдельного батальона “Смерш”. 12 января с.г. группа выехала в район Лоухи для подбора места установления первой радиосвязи с противником. 2. На случай, если противник направит самолет для выброски радистам продуктов, имеется договоренность с командованием 7-й отд[ельной] возд[ушной] армии о выделении самолетов для уничтожения самолета противника. 3. На случай, если противник согласится направить самолет для переброски радистов через линию фронта, создана группа бойцов для организации засады захвата самолета на месте приземления. 4. Если противник даст указание радистам переходить линию фронта при помощи своей диверсионной группы принять меры для захвата и уничтожения диверсантов».

Противник не поддался на уловку «смершевцев», информация о пленении офицера-пограничника его не заинтересовала. 30 января, утром, в центр радиовали: «Лейтенанта допросили и прикончили. Идем на запад к Шапкозеру, путь очень трудный». Противник коротко ответил, что «для корреспондента ничего не имеет». В тот же день, в 16.00, радиоточка «Квартет» последний раз вышла в эфир, противнику направили короткую радиограмму: «Преследуют пограничники, надежды не теряем».

В дневнике работы радиостанции «Квартет» написана последняя фраза: «Согласно утвержденного плана радиоигры — дальнейшая работа прекращена. Шифровкой запрошено о высылке радиостанции и дел». На этом завершилась радиоигра «Квартет» с фрегаттен-капитаном А. Целлариусом.

* * *

Окончательные итоги радиоигры, как и остальных операций «литеры “Э”», были подведены в справках, подготовленных начальником 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» подполковником Д.П. Тарасовым. Так, в справке по радиоигре «Квартет» от 29 марта 1945 года говорилось: «Получив от противника сообщение с указанием места перехода линии фронта, запросили противника оказать материальную помощь в пути передвижения разведчиков, на что получили согласие».

В соответствии разработанного плана-легенды передвижения разведчиков к линии фронта, с расчетом получения от противника материальной помощи или вызова людей навстречу разведчикам, легендировали столкновение с двумя пограничниками-командирами и захват одного из них в плен. На наше сообщение о захвате пограничника противник предложил разведчикам передвигаться дальше по маршруту, а пленного уничтожить.

Считая, что противник радиостанции не доверяет, было принято решение радиоигру прекратить. 30 января 1944 года противнику передали, что пленного уничтожили и передвигаются по маршруту. В этот же день сообщили, что разведчиков преследуют пограничники. Передав эту радиограмму, дальнейшую связь с центром прекратили, этим самым противнику показали, что разведчики захвачены пограничниками.

За период радиоигры противнику передали 51 радиограмму, от противника получили 14 радиограмм.

Использовавшиеся по делу разведчики Морозов С.М. и Фомин В.Ф. после окончания радиоигры из-под стражи освобождены... Решением Особого совещания НКВД СССР разведчики: Исаев А.М. 18/3-[19]44 г. осужден на 3 года ИТЛ, Стефановский П.П. 22/Х-[19]43 г. из-под стражи освобожден».

«ИГРЫ» ПО-ФИНСКИ

Боевые действия на Карельском фронте в 1941–1944 годах отличались рядом особенностей: отсутствие сплошной линии фронта, использование очаговых участков обороны и минимальное количество войск и боевой техники, наличие значительного количества водных преград, в том числе в приграничной зоне.

Все это предъявляло особые требования к эффективной организации контрразведывательных мероприятий по борьбе с разведывательно-диверсионной деятельностью разведслужб противника. С осени 1941 года, когда линия фронта стабилизировалась и боевые действия приняли позиционный характер, между финско-германскими спецслужбами и советской военной контрразведкой развернулись ожесточенные сражения на «невидимом» фронте.

В этой связи историки отмечали: «С началом войны активность спецслужб противника возросла, действовали и специально подготовленные части типа диверсионно-разведывательного полка “Бранденбург-800”, в котором служили лица, владеющие русским языком. В форме военнослужащих Красной армии его подразделения и группы должны были захватывать мосты, переправы, вокзалы и другие объекты и удерживать их до подхода немецких войск... Только на Северо-Западном театре военных действий за первые 4 дня войны пограничники выявили, ликвидировали и нейтрализовали более 30 диверсионных групп противника»⁵²⁷.

Сложная обстановка на северо-западном участке советско-германского фронта потребовала специальных мер по улучшению розыска агентуры противника.

В докладной записке № 12868 от 15 октября 1942 года начальника ОО НКВД Карельского фронта старшего майора ГБ А.М. Сиднева заместителю наркома внутренних дел СССР комиссару ГБ 3-го ранга В.С. Абакумову, наряду с агентурно-оперативными мероприятиями, проводившимися Особым отделом, сообщалась специфика боевых действий на Карельском фронте в указанный период:

«Карельский фронт в боевых действиях имеет три периода: период отхода частей с 26/VI-1941 г. по 6 декабря 1941 года, период частичных наступательных действий в разное время и период нахождения в обороне. Формы агентурно-опе-

ративной работы в эти периоды соответственно видоизменялись, поэтому в настоящей докладной записке они освещаются в соответствии с этими периодами <...>

В практике работы имелись случаи, когда вследствие больших потерь целые подразделения комплектовались за счет призванных из концлагерей и спецпереселенцев. Например, в результате больших потерь 1-й и 3-й батальоны 367 стр[елкового] полка 71-й стр[елковой] дивизии 5 октября 1941 года были укомплектованы за счет этой категории лиц, в том числе и старшины рот»⁵²⁸.

В справке начальника Управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии (ОТ ДКА) старшего майора Г.Б. А.М. Леонтьева о чекистско-разведывательной работе войск НКВД по ОТ ДКА за октябрь 1942 года отдельным пунктом сообщалось: «Разработана система розыска агентуры противника в условиях тыла Карельского фронта, для реализации которой на место командированы из Москвы оперативные работники Разведотдела Управления войск НКВД по ОТ ДКА»⁵²⁹.

О напряженной обстановке в тылу Карельского фронта говорилось в докладной записке № 28/6 наркома внутренних дел СССР в ГКО от 8 января 1944 года: «Войска НКВД по охране тыла Карельского фронта в 1943 г. имели 29 боевых столкновений с разведывательными и диверсионными группами противника, проникшими или пытавшимися проникнуть в тыл фронта. При этом убито 269 и захвачено в плен 40 вражеских солдат и офицеров»⁵³⁰.

Одним из эффективных методов борьбы с агентурой противника, забрасываемой в прифронтовую полосу и советский тыл, были особого рода спецоперации, получившие название «радиоигры». Об этой стороне деятельности советской контрразведки в годы войны в Карелии ранее говорилось очень сжато: «Органы госбезопасности немало сделали для дезинформации противника. Например, чтобы сковать силы врага на севере, ему были переданы дезинформационные материалы о концентрации наших войск на Карельском перешейке»⁵³¹.

Радиоигры сыграли важную роль и в организации розыска агентуры противника в прифронтовой полосе и тыловых районах СССР. В годы Великой Отечественной войны органы безопасности Карелии провели четыре радиоигры с противником.

Первой операцией в эфире стала радиоигра «Башлыков». В спецоперации с финской военной разведкой участвовали сотрудники НКВД Карело-Финской ССР (НКВД КФСР).

С весны 1943 года проведение радиоигр с противником было возложено на контрразведку «Смерш». В трех последующих спецоперациях в эфире участвовали сотрудники Управления контрразведки «Смерш» Карельского фронта (УКР «Смерш» КФ): «Южная-1»⁵³², «Южная-2» и «Камса». В радиоигре «Камса» противником выступала германская военная разведка (абвер). Все операции карельских контрразведчиков проводились под руководством 3-го отдела Главного управления контрразведки «Смерш» (ГУКР «Смерш») НКО СССР.

Стоит также обратить внимание читателей, что в трех из десяти радиоигр, проведенных в 1942–1944 годах советскими спецслужбами с финской военной разведкой, участвовали военные контрразведчики Карелии.

«Башлыков»

Первые задержания агентуры финских разведшкол в Карелии относятся к концу июня – началу июля 1942 года. Начиная с августа 1942 года задержания в Карелии, Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областях носят массовый характер, многие агенты, заброшенные финнами, сами приходили с повинной в советские органы безопасности⁵³³.

В «войну в эфире» контрразведчики в Карелии включились в начале 1943 года. Первой подобной спецоперацией стала радиоигра «Башлыков», которая проводилась сотрудниками НКВД Карело-Финской ССР с 16 января по 6 февраля 1943 года из Пудожского района КФССР.

Спецоперация была осуществлена от имени двух финских агентов: «Башлыкова», 1920 года рождения, уроженца Любомельского района Волынской области, поляка по национальности, и «Посокова», 1910 года рождения, уроженца Санкт-Петербурга, русского. Оба агента окончили Петрозаводскую школу финской военной разведки⁵³⁴ и в ночь на 8 января были выброшены на парашютах с самолета финских ВВС в районе дер. Авдеево Пудожского района. «Башлыков» и «Посоков» были снабжены фиктивными документами, приемо-передающей радиостанцией, личным оружием и деньгами. От финской военной разведки агенты получили задание установить наблюдение за железными дорогами Пудож – Повенец⁵³⁵ и Пудож – Вытегра⁵³⁶, а также выяснить, какие части дислоцируются в районе Пудожа, их номера и политико-моральное состояние красноармейцев.

Благополучно приземлившись в указанном районе, оба агента в тот же день явились с повинной в Пудожский районный отдел (РО) НКВД, где дали подробные показания о характере полученного от финнов задания. По результатам следствия НКВД КФССР было принято решение о включении радиоточки «Башлыков» в игру с противником.

Ввиду того что радиоточка была включена в радиоигру лишь спустя восемь дней после приземления агентов, для оправдания долгого молчания агентов была легендирована их случайная встреча с двумя охотниками, в связи с чем разведчикам пришлось уйти далеко в лес и восемь дней скрываться.

Ссылаясь на это обстоятельство, 18 января от противника была затребована помощь продуктами. 22 января из разведцентра финнов пришел ответ: «Примите продукты. Сигнал — три костра треугольником, друг от друга 10 метров. От 17 до 19 часов финского времени. Озаботьтесь касательно дальнейших действий. Продукты будут».

Действительно, в указанный центр день — 22 января — на разложенные контрразведчиками костры с самолета, имевшего опознавательные знаки ВВС Финляндии, были сброшены два мешка с продуктами.

После получения «посылки» была легендирована активная деятельность агентов по сбору данных о передвижениях частей Красной армии и перевозках грузов военного назначения по дороге Пудож – Повенец и по указанию Генштаба Красной армии передано несколько радиogramм дезинформационного характера.

В связи с тем что срок действия агентов-разведчиков в советском тылу, поставленный финнами, истекал, а задача радиоигры по дезинформации противника о передвижениях войск и военных грузов к линии фронта в основном была выполнена, было принято решение операцию прекратить.

2 февраля финнам радиовали, что разведчики направляются в район Давыдова для перехода к линии фронта. 6 февраля связь с финским разведцентром была прекращена.

19 января 1944 года решением Особого совещания при НКВД СССР агент «Башлыков» заключен на три года в ИТЛ, а агент «Посоков» — на восемь лет в ИТЛ. 18 февраля 1944 года «Посоков» умер во внутренней тюрьме НКВД КФСР.

«Агент “X-8” сообщает...» Радиоигра «Северная»

С начала войны германское военное командование уделяло пристальное внимание Архангельску — промышленному и портовому центру. По военным меркам Архангельск находился в глубоком тылу, если брать по прямой — на расстоянии 400 км от линии фронта.

Интерес противника к этому северному региону СССР заметно усилился с лета 1942 года⁵³⁷, когда в Архангельск стали прибывать караваны судов Антигитлеровской коалиции, доставлявшие в СССР вооружение, амуницию и продовольствие. С этого времени самолеты люфтваффе регулярно наносили мощные удары по Архангельску и портовым сооружениям Молотовска. Не забывали про Беломорье германская и финская военные разведки, которые регулярно направляли в этот район свои разведывательно-диверсионные группы.

Разведгруппы имели самые разнообразные задания: сбор сведений о положении местного населения, ситуации со снабжением продовольствием, урожае, наличии британских войск в окрестностях Архангельска, дислокации воинских частей и войсковых и флотских штабов, организация диверсий на транспортных коммуникациях и восстаний среди заключенных в лагерях на территории Архангельской области и Коми АССР. Под присмотром финнов была и неоккупированная часть Карелии.

В конце августа 1942 года в «войне в эфире» у советской контрразведки появился новый противник — финская военная разведка. В борьбу с финнами вступили сотрудники УНКВД по Архангельской области. 30 августа 1942 года началась радиоигра, получившая кодовое обозначение «Северная». Игра проводилась с использованием двух агентов-радивов финской военной разведки «Галаева» и «Шустова» и велась из Архангельска.

В ночь с 16 на 17 августа 1942 года, в 2.10 с немецкого самолета, имевшего опознавательные знаки Финляндии, в 50 км юго-восточнее Архангельска были сброшены на парашютах два агента-радива.

Одновременно с разведчиками на парашютах были сброшены две рации и три «торпеды»⁵³⁸ с питанием, обмундированием и другим снаряжением. После приземления разведчикам удалось разыскать одну рацию и две «торпеды».

На следующий день после приземления, 18 августа 1942 года, «Галаев» и «Шустов» добровольно явились с повинной в УНКВД по Архангельской области, где дали подробные показания о характере полученного задания и о финской школе разведчиков, в которой они проходили обучение.

«Шустов», 1921 года рождения, русский, уроженец Петрограда, из семьи музыканта-скрипача, после окончания школы-семилетки один год учился в Ленинградской артиллерийской школе. В боях под Ленинградом был захвачен в плен финскими

Фрагмент обложки дела
радиоигры «Северная»

войсками. В лагере военнопленных завербован финской военной разведкой.

«Галаев», 1918 года рождения, уроженец Грозного, из семьи крестьянина. С началом войны призван в Красную армию. Во время боевых действий попал в плен к финнам. В лагере военнопленных завербован финской военной разведкой.

Оба финских разведчика окончили двухмесячную финскую разведшколу в Петрозаводске. «Шустов» был одет в форму младшего политрука и имел при себе фиктивные документы на имя Шустова Михаила Николаевича, 1919 года рождения, младшего политрука 34-го запасного полка. В Петрозаводской школе разведчиков

значился как «Владимир Николаевич Пастухов». «Галаев» имел форму лейтенанта Красной армии и документы на имя Галаева Зелিমхана Абдул Керимовича. В разведшколе проходил обучение как «Латов Петр Александрович».

К материалам радиоигры «Северная» приложена «Справка дополнительных данных по делу радиостанции «Северная» в отношении агента финской военной разведки «Шустова», в которой, в частности, отражены сведения о методике получения разведданных финскими агентами:

«В октябре 1942 г. судим на 2 мес[яца] за кражу, в декабре этого же года арестовывался за кражу, но освобожден. В армию пошел добровольно. Служил в финской армии с 9 июня по 16.8.1942 г. в части «Освобождения России». В Петрозаводской школе разведчиков находился с 9 июня по 16.8.1942 г. При вербовке дал подписку и вступил в «Общество Союза освобождения России». Имел задание: 1) наличие англ[ийских] войск в Архангельске, 2) что представляет собой Молотовский порт, какие прибывают суда, сведения о пристанях «Экономия» и «Бакарица», 3) прибытие водн[ым] путем грузов и их направление, 4) наличие аэродромов от Вайнова до Соломбы. Для разведки получил: 4 тыс. денег, комсомольский билет.

Работать должен был самостоятельно. С Галаевым встречаться в условных местах Архангельска. Срок пребывания в тылу Красной армии был определен один месяц, после чего совместно с Латовым [Галаевым] должен вернуться к финнам. При встрече с финским солдатом заявить: «Позвоните Петрозаводск № 75».

В случае израсходования питания, последнее должны были изыскать на месте. Устраиваться жить разведчики должны по своему усмотрению. Рекомендовали поддерживать связь с женщинами и проживать у них. При работе рекомендовали пользоваться газетными сведениями, знакомиться с женами командиров, через них добывать необходимые сведения, личным наблюдением, заводить знакомства с рабочими воен[ных] заводов, важных гос[ударственных] учреждений и лицами, обижен[ными] советской властью».

19 августа заместитель начальника УНКВД по Архангельской области капитан ГБ С.И. Плещцов по ВЧ-связи доложил начальнику 2-го Управления НКВД СССР

комиссару ГБ 3-го ранга П.В. Федотову о явившихся с повинной агентах финской военной разведки:

«18 августа с. г. добровольно явился финский парашютист-радиот «Шустов», 1921 г. р[ождения], урож[енец] гор. Ленинграда, выброшенный финнами 17 августа на самолете в 50 километрах юго-восточнее Архангельска. «Шустов» окончил школу разведки в Петрозаводске (бывшая дача ВВС). В Советский Союз выброшен в форме Красной армии с документами Шустова Михаила Николаевича, младшего политука 34-го запасного стрелкового полка, дислоцируемого в Вологде.

Вместе с «Шустовым» переброшен был бывший красноармеец «Галаев», 24-х лет, ур[оженец] гор. Грозный, в форме артиллерийского лейтенанта с документами 34-го запасного стрелкового полка под фамилией Галаев Зелимхан Абдул Керимович. «Галаев» тоже окончил школу в Петрозаводске, явился добровольно.

«Шустов» и «Галаев» выброшены с 2-мя рациями, кодами, цифрами и письменными заданиями. 1-й — для работы в Архангельске, 2-й — в Вологде. Рации оставили на месте приземления, куда нами выслана бригада вместе с «Шустовым».

«Шустов» показывает, что работать на рации они должны были под советские радиостанции. Первая передача (но не обязательно) должна была быть 18 августа в 21 час 50 мин. Отвечать должны позывными БАН на волне 58 метров. «Галаев» должен работать с позывными ЛТП или БКМ, кристалл 62 на волне 62–63 метра. «Галаеву» отвечать должны позывными БКЛ на волне 73 метра.

Как тот, так и другой финнами предупреждены в случае провала и работы по принуждению в конце текста давать начальные буквы своих фамилий и имен.

«Шустов» показал, что примерно 12–13 августа в районе Вологды с неизвестными для него заданиями и маршрутом выброшены самолетом на парашютах с рациями разведчики Беляев и Абрамов* (фамилии вымышленные). Одновременно с ними с самолета выброшены 6 торпед с продовольствием, питанием, рации и т.д.

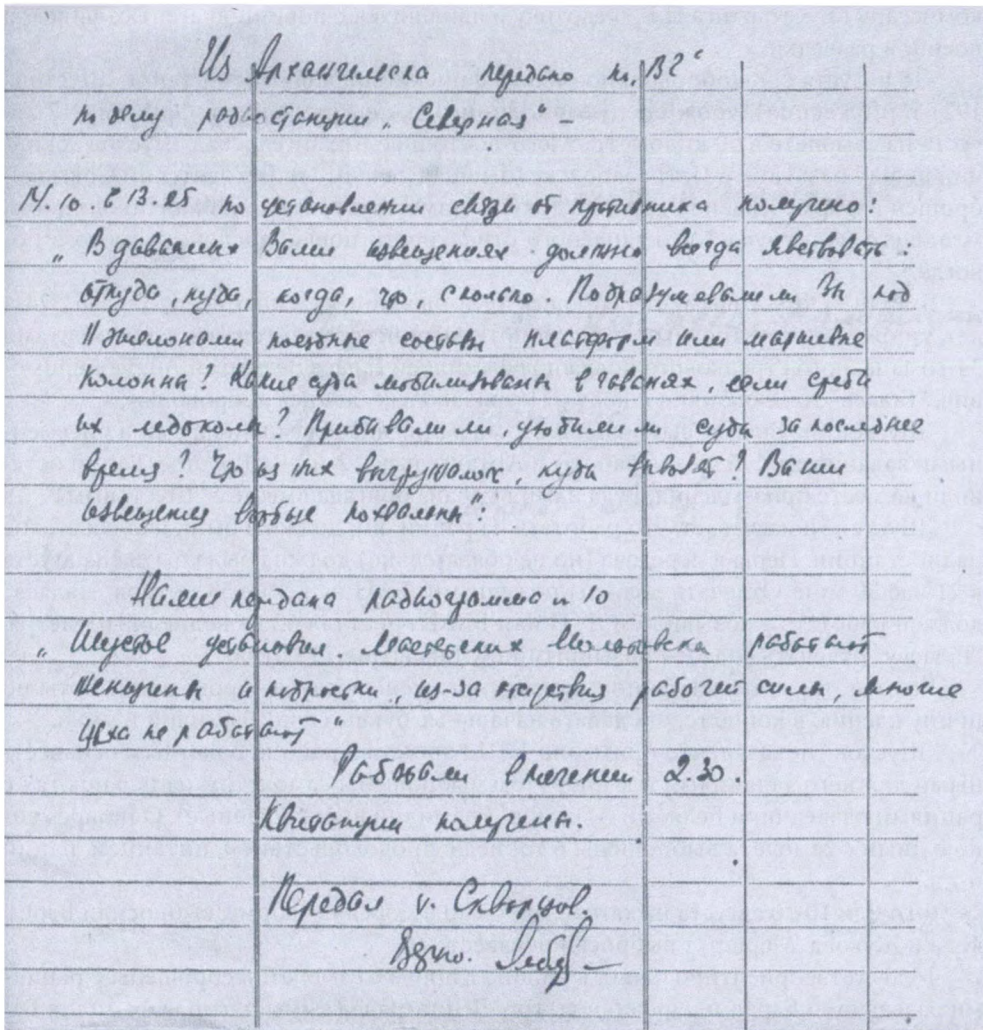
9-го или 10-го августа на катере, одетыми в морскую форму, выбросили Вершкова и Жукова. Маршрут выброски неизвестен.

14 августа, ориентировочно, в районе Кирова с самолетов сброшены с рациями разведчики Баранин, урож[енец] гор. Ленинграда (вымышленная фамилия Барашкин), и бывший чемпион по лыжам Карело-Финской АССР под вымышленной фамилией — Сахаров Иван Яковлевич. Сахаров и Барашкин радиовали о благополучном приземлении. «Галаев» и «Шустов» показывают о предполагавшейся в ближайшее время выброске парашютистов-радиот. Приметы выброшенных сообщу дополнительно».

Оба финских разведчика при себе имели оружие, компас, карту, разнообразные чистые бланки для изготовления документов, проездные билеты по железной дороге, специальное приспособление, заменяющее компостер, перечень вопросов, интересующих финскую военную разведку, коды, шифры и ключи к ним.

Из этой, в общем-то, стандартной экипировки для агентов-парашютистов противника (за исключением «приспособления, заменяющего компостер»), представлял интерес «перечень вопросов», поставленных перед агентами финской разведкой. По содержанию вопросы можно разделить на несколько групп.

* Сбоку по тексту надпись простым карандашом: «Задержан. Вологда. 24.8. <нрзб> доставляют».

Дезинформация, переданная противнику в ходе радиогры «Северная»

1-я группа: положение гражданского населения в прифронтовой полосе (шесть вопросов), например, 1-й вопрос задания — «Какие заразные болезни свирепствуют? Большая ли смертность?»; 2-я группа: морально-политическое состояние бойцов и командиров Красной армии, например, «Настроение, моральное состояние нач-, ком- и политсостава?»; 3-я группа: дислокация объектов военного назначения (воинских частей, аэродромов, госпиталей, складов с горючим, боеприпасами, снаряжением и т.п.) и особенности их обеспечения, качество вооружения и боевой техники; 4-я группа: состояние военной подготовки призывного контингента, наличие военно-образовательных учреждений; 5-я группа: режим на неоккупированной территории, деятельность органов НКВД; 6-я группа: состояние северных портов и гаваней в районе Архангельска, военно-промышленное производство в городе, состояние железнодорожной сети в районе северных портов.

Последняя группа вопросов задания наиболее объемная (20 вопросов из 40). По Архангельску финскую военную разведку интересовало: наличие военных и торговых судов в гаванях; строительство судов на Архангельской верфи; какого типа суда находятся в военном порту Молотовска; готовность Молотовской гавани и доков, какие суда там строятся или ремонтируются в данное время; какие английские и американские военные суда прибывали и прибывают в Молотовск и Архангельск; наличие английских и американских войск в районе Архангельска; характер грузов, поступающих в гавани Бакарица, Цигломинская и «Экономия», назначение этих гаваней; наличие в районе Архангельска складов с горючим; где в городе находятся военные заводы, характер и объем выпускаемой продукции; организация движения грузов от гаваней по Северной железной дороге через Северную Двину, какой груз перевозится; состояние строительства железнодорожной ветки Котлас⁵³⁹ – Архангельск; работают ли все заводы Молотовска на военные нужды и т.д.

«Шустов» и «Галаев» получили от финской военной разведки задания узнать: 1) какие воинские части стоят в районе г. Архангельска, их личный состав и место стоянки; 2) где находятся склады провианта и горючего; 3) расположение госпиталей и их нумерация; 4) какие советские суда стоят в гаванях, есть ли суда торгового флота, какие и сколько; 5) какие заводы находятся в Архангельске и их месторасположение; 6) какие суда находятся в военном порту Молотовска; 7) какой материал и какие части прибывают в Архангельск по железной дороге, куда они отправляются далее; 8) в какой стадии находится постройка железной дороги Котлас – Архангельск; 9) сведения о береговой обороне в районе Архангельска и его окрестностях.

«Шустов» должен был вести разведку в Архангельске, а «Галаев» — сообщать разведанные из районов Архангельска и Вологды. Сеансы радиосвязи с финским радиоцентром агенты должны были маскировать под советские радиостанции. Первая передача (не обязательно) должна была состояться 18 августа в 21.50.

В ходе следствия «Галаев» подробно рассказал подробности организации радиосвязи:

«Первую радиопередачу должен был передать через неделю после приземления, в которой сообщить “Приземлился благополучно, нахожусь в городе Архангельске”. Такой текст не обязательно, можно было передать другое, смотря по обстоятельствам.

В основном работа на радиции строилась по расписанию, указанному в ключе для шифра, но перед переброской рекомендовали передавать четыре раза в месяц, а финская разведка слушает беспрерывно. Передачу можно делать в любые часы и денно, но при этом надо знать, какие позывные указаны в день очередной передачи по расписанию.

Очередная радиопередача по расписанию должна происходить 20 августа в 7 ч. 20 минут, позывные “ЖЛФ” передаются три раза, “ЦПК” один раз в течение пяти минут на волне, указанной в ключе 62 метра; принимаю на волне 77 м (в действительности волна подлежит расшифровке). Если не слышно ответа позывных “ИТУ”, опять позывные “ЦПК” в течение четырех минут. В случае неполучения ответа все равно передавать текст радиограммы.

Перед радиопередачей нужно настроить кристалл радиции, после чего дается знак раздела три раза. Знак раздела обозначается: –...– –...– –...– /, а потом позывные. После установления связи даю знак раздела один раз. Перед передачей надо

ПРАВИЛА РАБОТЫ НА РАЦИИ ДЛЯ ФИНСКОГО РАЗВЕДЧИКА ГАЛАЕВА

Первую радиопередачу должен был передать через неделю после приземления, в которой сообщить "Приземлился благополучно нахожусь в городе Архангельске". Такой текст не обязательно, можно было передать другое, смотря по обстоятельствам.

В основном работа на радию строилась по расписанию указанному в ключе для шифра, но перед переброской рекомендовали передавать 4 раза в месяц, а финская разведка слушает беспрерывно. Передачу можно делать в любые часы и день, но при этом надо знать какие позывные указаны в день очередной передачи по расписанию.

Очередная радиопередача по расписанию должна проходить 20 августа в 7ч.20 минут позывные ~~ИД~~ передаются 3 раза ЦПК один раз в течение 5 минут на волне, указанной в ключе, 62 метра Принимаю на волне 77 м. / в действительности волна подлежит расшифровке/. Если не слышно ответа позывных ИТУ, опять позывные ЦПК в течение 4 минут. В случае неполучения ответа все равно передавать текст радиogramмы.

Перед радиопередачей нужно настроить кристалл радию, после чего дается знак раздела 3 раза. /Знак раздела обозначается -....- -....- -....- /, а потом позывные. После установления связи даю знак раздела один раз.

Перед передачей надо иметь при себе приготовленную при помощи ключа и шифра радиogramму. Вначале радиogramму указывается номер радиogramмы /например 20/8 буду начинать с К. Г./, а потом указывается количество групп текста / в каждой группе 4 знака/ повторяется 2 раза и дается знак раздела.

При передаче каждая группа текста передается 2 раза. Первой группой текста ставится час передачи. Если сомневаешься в правильности передачи дается знак "повторяю" /.../.../ и текст радиogramмы повторяю один раз. Заканчивается радиogramма "СМГ" /связь кончая Галаев/. Если все благополучно в конце каждой передаю букву Г., в случае провала, задержание самого или товарища, при невозможности добиться что хочешь или при ранение передаю ГЗ /инициалы фамилии и имени -ГАЛАЕВ Зелымхан/.

При работе под насилием, принуждением, то в конце радиogramмы передаю "Ц".

Темирбулатов

В е р н о :

Зачальник 3 Отделения КРО УНКВД АО
Мл. лейтенант госбезопасности
/ГАЛАЕВ/ *Акмуллин*

Правила работы для финского разведчика «Галаева»

иметь при себе приготовленную при помощи ключа и шифра радиограмму. В начале радиограммы указывается номер радиограммы (например, 20/8 [1942 г.] буду начинать с № 1), а потом указывается количество групп текста (в каждой группе четыре знака), повторяется два раза и дается знак раздела.

При передаче каждая группа текста передается два раза. Первой группой текста ставятся часы передачи. Если сомневаешься в правильности передачи, дается знак «повторяю» — /././, и текст радиограммы повторяю еще один раз. Заканчивается радиограмма «СКГ» (связь кончаю, Галаев). Если все благополучно, в конце каждой [радиограммы] передаю букву «Г», в случае провала, задержания самого или товарища, при невозможности добиться, что хочешь, или при ранении передаю «ГЗ» (инициалы фамилии и имени — Галаев Зелимхан). При работе под насилием, принуждением, то в конце радиограммы передаю «П[етр] Л[атов]».

Имея в своем распоряжении подробные данные о задании, полученном от финской военной разведки, способах шифровки и дешифровки радиограмм и других особенностях проведения сеансов связи, УНКВД по Архангельской области, с санкции 2-го Управления НКВД СССР, решило провести радиоигру с противником.

Задача радиоигры состояла в том, чтобы передавать противнику дезинформацию военного характера, получить от финской военной разведки «материальную помощь» и перехватить ее курьеров на территории СССР.

Приняв во внимание, что одна из двух радиостанций была утеряна, в операцию решили включить только рацию «Галаева», а второго агента легендировать как агента-разведчика. Радиоигра с финнами получила в советской контрразведке кодовое наименование «Северная».

30 августа 1942 года радиоточка «Северная» вышла в эфир и, установив связь с центром, передала первую радиограмму: «Посадка благополучна. Сброшен в больших болотах. Радиопередатчик «Ш» не найден. Устроился жить и работать [в] Архангельске. «Г»». С этого момента финская разведка стала получать военную дезинформацию, подготовленную Генштабом Красной армии.

2 сентября противнику передали дезинформацию: «[В] Архангельске разрушены 3 завода⁵⁴⁰. Уничтожены склады. Электростанция вышла из строя. Есть жертвы. Эвакуации нет». Во время следующих сеансов связи 5, 9 и 11 сентября связь с центром установить не удалось из-за плохой слышимости. «Вслепую» передали шифровку от 2 сентября.

4 сентября 1942 года начальник УНКВД по Архангельской области майор ГБ П.М. Мальков⁵⁴¹ направил в НКВД СССР спецсообщение № 471 о заброске немецкой и финской разведками агентов-парашютистов на территорию области:

«В последнее время немецкой и финской разведками перебрасываются на территорию Архангельской области на самолетах парашютисты-разведчики в форме военнослужащих РККА с фиктивными документами с задачами диверсионно-шпионской деятельности. 17 августа в 70 км юго-восточнее Архангельска, в Холмогорском районе, выброшены 2 финских разведчика — Пассиков Михаил Николаевич, 1921 года рождения, уроженец г. Ленинграда, и Темирбулатов Данбы Темирбулатович, 1918 года рождения, уроженец г. Грозного, находившиеся в плену в Финляндии. 18 августа они явились в УНКВД и заявили, что переброшены финской разведкой для шпионской деятельности в Архангельской области. При себе имели две радиостанции, одна из них не найдена, другую используем по легендированию.

Г. Задания для Архангельского направления.

1. Какие заразные болезни свирепствуют? Большая ли смертность?
2. Каков будет урожай, надежды на сбор урожая?
3. Какие продукты и сколько их гражданское население получает?
4. Каково количество скота? Как обстоит с его кормом?
5. Какое пособие дается семьям военнообязанных? Выдается ли оно регулярно?
6. Куда эвакуировано население и сколько? Средства к существованию этого населения?
7. Какие аэродромы существуют в районе, их величина? Строятся ли новые аэродромы, где? Какие самолеты находятся на них, сколько их, где склады горючего и снарядов /бомб/?
8. Где находятся военные штабы, какие?
9. Фамилии командиров, занимающих более видные места?
10. Какие военные школы и учебные пункты имеются в городе? Происходят ли занятия тамжк, где они расположены или нет, где именно, их личный состав?
11. Какие воинские части стоят в районе, их личный состав и место стоянки?
12. Призывники каких годов находятся под ружьем на фронтах, в штабах, в тылу?
13. Качество вооружения и снаряжения, как обстоит дела с приобретением, с получением пополнения и того и другого?
14. Где находятся склады провианта и горючего?
15. Как работает служба по транспортированию воинских частей и материалов?
16. Где расположены военные госпитали, их нумерация?
17. Много ли больных, раненых?
18. Настроение, моральное состояние нач-ком-и политсостава?
19. Настроение, моральное состояние бойцов?
20. Какова деятельность НКВД?
21. Какие советские военные суда стоят в гаванях? Есть ли суда торгового флота, какие и сколько?
22. В какую гавань суда обыкновенно заходят?
23. Где находятся различные склады?

- 2 -

24. Что производят военные заводы? Города?
25. Какие оружейные заводы находятся вне черты города, где, какие, каких размеров?
26. Какие суда /какого типа/ находятся в военном порту Молотова?
27. Какие суда строятся на Архангельской верфи?
28. Есть ли в Архангельске или его окрестностях крупные склады горючего, если есть, то где?
29. Как устроен транспорт товаров по т.н. северной железной дороге через Северную Двину и наоборот, от гавани до жел. дороги?
30. Какой материал и какие части прибывают в Архангельск по железной дороге? Куда они отправляются далее? Регулярные извещения об этом в назначенный срок.
31. В какой стадии находится сейчас постройка жел. дор. Хотлас-Архангельск?
32. Какие специальные приспособления имеются в Архангельском порту? Какие суда употребляют эту гавань как базу?
33. Где расположена внешняя гавань "Экономия"? Какие суда пользуются ей?
34. Что из себя представляют гавани Цигломинская и Бакарицы? Как они используются?
35. Работают ли все заводы Молотова на военные нужды? А остальные металлургические заводы?
36. Какие английские и американские военные суда прибывали и прибывают в Молотовск и Архангельск? Извещения об этом.
37. Какие товары прибывают морским путем? Куда они далее отвозятся? Сколько судов прибыло, прибывает, и каким путем? Извещения регулярно об этом.
38. В какой готовности Молотовская гавань и доки, и какие суда там строятся или ремонтируются в данное время? Извещения?
39. Есть ли в окрестностях Архангельска английские и американские войска, какие рода войск и сколько? Отправляют ли их куда-либо?
40. Сведения о береговой обороне в районе Архангельска и его окрестностях, форты и их артиллерийское снаряжение?

В е р н о :

Начальник 3 Отделения ЧРО УНЧВД АО
Мл. Лейтенант Госбезопасности
/КАЛАВИН/ *Kalavinn*

Задачи, поставленные перед агентом финской разведки на архангельском направлении

1 сентября в 40 км северо-восточнее Архангельска, в Приморском районе, с немецкого самолета выброшен парашютист Сметанин Алексей Васильевич⁵⁴², 1905 года [рождения], уроженец Архангельской области, который явился с повинной и заявил, что, будучи в плену в Финляндии, он был завербован финской разведкой и переброшен с заданием сбора шпионских сведений в Архангельскую область.

2 сентября с. г. в лесу на территории Коношского района, в 20 км от линии железной дороги, обнаружено 12 парашютов, 7 парашютных мешков, из них 4 порожних, в остальных — одна рация, 2 резиновые лодки, 2 автомата и запас продовольствия. Парашютисты разыскиваются.

3 сентября в лесу в Каргопольском районе сброшены 2 парашютиста, один из них, Алексеев Павел Васильевич, интендант 1-го ранга, явился в УНКВД под видом участника розыска, но потом сознался, что он сам парашютист-разведчик, находился за границей с 1939 г. Второй, Денисов Степан Павлович, скрылся, разыскивается. В Коношский и Каргопольский районы выслана опергруппа во главе с зам[естителем] начальника УНКВД по Архангельской области⁵⁴³.

Темирбулатов и Пасиков — это и были агенты «Шустов» и «Галаев», использовавшиеся в радиогри «Северная».

13 сентября в центр радиовали: «Батареи кончаются, достать трудно. С продуктами плохо». Квитанция из центра о приеме радиограммы не была получена.

В этот же день на основе полученных данных об активности финской военной разведки НКВД СССР была выпущена директива № 389 о мерах по розыску и аресту агентов финской разведки, обучавшихся в Петрозаводской разведшколе:

«...Особыми отделами НКВД Ленинградского и Карельского фронтов установлено, что Петрозаводская школа финской разведки помещается на окраине города в 2-этажном здании, расположенном на территории бывшего военного городка. В ней из числа завербованных военнопленных, бывших военнослужащих Красной армии, готовят квалифицированные разведчики-радисты и диверсанты. Завербованным даются вымышленные фамилии, имена и отчества, под которыми они находятся в школе. Школой руководит офицер финской разведки в чине майора — Раскент или Раскин (фамилия, возможно, вымышленная).

По окончании школы разведчики и диверсанты снабжаются поддельными документами и с соответствующими легендами чаще всего группами по два человека перебрасываются с радиостанциями в расположение частей Красной армии для сбора шпионских сведений и совершения диверсионных актов...»⁵⁴⁴

В качестве примера в директиве приведен эпизод о явке с повинной агента «Галаева» — Д.Т. Темирбулатова.

20 сентября заместитель начальника 2-го Управления НКВД СССР старший майор ГБ Л.Ф. Райхман⁵⁴⁵ по ВЧ-связи передал начальнику УНКВД по Архангельской области майору ГБ П.М. Малькову указания по дальнейшему проведению радиогри:

«Ввиду того что через используемую нами радиостанцию «Северная» с 30-го августа не удастся с противником установить регулярной связи, считаем целесообразным, не передавая разведывательных данных, начать игру о неисправности радиостанции, истощении батарей, с расчетом получения помощи от финской разведки.

В связи с этим прошу разработать соответствующие тексты радиограмм, с указанием места нахождения «разведчиков», подставив проверенного агента. В оче-

редную радиосвязь с противником передайте следующую радиограмму: «Все время добивался связи. На мои вызовы не отвечаете. Вас слышу плохо. Включатель передатчика неисправен, нас снабдили плохими батареями. Что делать?»»

В тот же день радиостанция «Северная» вышла в эфир и передала утвержденный Москвой текст радиограммы.

23 сентября в центр передали сразу четыре радиограммы: «1. «В ближайших районах Архангельска урожай средний, местами плохой. Медленно заканчивается уборка. «Ш». 2. «Работа идет хорошо. Плохо в Архангельске с продуктами, кончаются батареи. Видимо, трудно достать. Что делать. «Г». 3. «Урожай средний, местами плохой. Уборка заканчивается. Данные [из] района около Архангельска. «Г». 4. «Какие указания в работе. «Ш». Квитанция о приеме от центра двух первых шифровок была получена.

26 сентября умышленно была создана видимость работы, и связь с центром была внезапно прекращена. 28 сентября сеанс связи не состоялся из-за плохой слышимости. О проведенных радиопереговорах с центром начальник Контрразведывательного отдела (КРО) УНКВД по Архангельской области Скворцов по ВЧ доложил начальнику 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР майору ГБ П.П. Тимофееву, курировавшему проведение всех радиоигр с противником:

«Три очередных работы на рации «Северная» происходили 20/9-[19]42 в 7 ч. 20 м. — 23/9-[19]42 — в 23 ч. 26/9-[19]42 — 7 ч. 50 м. <...> Имея Ваши указания о том, чтобы радиограмм центру не передавать, но установить связь и прекратить в связи с некоторыми помехами для нас. Имея инструкцию работы на рации, разведчик «Галаев» заявил нам, что, если не будет установлена связь с центром, все же он должен передавать очередную радиограмму, вне зависимости, слышит ли он центр.

В связи с этим нами было принято решение передать центру, что у нас есть радиограмма, для этого мы подготовили для передачи следующий текст: «Шустов сообщает Молотовский порт». Имея в виду, что центр будет этим заинтересован и не вызовет у него каких-либо подозрений о прекращении нами неожиданно связи. После переданного нами текста мы неожиданно прекратили связь на 10 м[инут] и по истечении этого донесли центру о прекращении связи и назначении связи на 28.9.-[19]42 на 13 ч.

Радиоразведка 2-го Спецотдела в 19 ч. 26.9.-[19]42 г. зафиксировала работы радиостанций Петрозаводска – Медвежьегорска (предположительно), которые вели переговоры о связи радиостанции «Галаев» и именовали его «Х-8». Радиостанция Петрозаводска спросила Медвежьегорск, есть ли телеграмма от «Х-8», последний ответил — есть, и передал Петрозаводску 5 групп нашего текста, переданного им 26.9.-[19]42.

В свою очередь Петрозаводск предложил Медвежьегорску принять радиограмму № 25 из 29 групп — пятизначным буквенным шифром и передать эту радиограмму «Х-8», одновременно предложил «Х-8» повторить радиограммы, начиная с № 5. Радиограмма № 25 нашей радиоразведкой зафиксирована. Текст высылаем почтой».

Из документа следует, что, судя по радиоперехвату переговоров между разведорганами финнов, они верили информации, поступавшей по радиостанции «Галаева».

30 сентября сеанс связи вновь сорвался из-за плохой слышимости и был перенесен на 1 октября. В этот день противнику передали дезинформацию о положении в Молотовске и Архангельске: ««Шустов» выяснил, что Молотовский порт оборудованием не закончен, доки не готовы. Строительства кораблей не замечал.

После сильных бомбежек армейский и морской штабы из Архангельска выехали жел[езной] дор[огой]. Место нахождения устанавливаем».

С первых чисел октября в финский разведцентр интенсивно передавалась военная дезинформация. Содержание дезинформационных материалов, кроме Генштаба КА, согласовывалось со штабом Северной флотилии⁵⁴⁶.

5 октября при плохой слышимости в центр радиовали: «[В] Архангельск прибывают составы с красноармейцами. Со дня последней связи с вами [1 октября] до 5-го числа прибыло 11 эшелонов. Обмундированы по-зимнему. С собой валенки. Прибыло около 100 платформ с аэросанями». 8 октября сеанс связи с противником ввиду плохой слышимости пришлось прервать.

11 октября была повторена передача радиограммы от 5 октября и отправлена новая «деза»: «“Шустов” наблюдал приход в порт подводных лодок из Мурманска для мелкого ремонта, который, видимо, производился своими командами». На обе радиограммы из центра были получены квитанции.

14 октября в центр передали короткую радиограмму: «“Шустов” установил, [в] мастерских работают женщины и подростки, за отсутствием рабочей силы многие цеха не работают». Одновременно от противника было получено задание: «В даваемых вами извещениях должно всегда явствовать: откуда, куда, когда, что, сколько. Подразумевали ли вы под 11 эшелонами полные составы или маршевые колонны? Какие суда мобилизованы в гаванях, есть ли среди них ледоколы? Прибывали ли, уходили ли суда за последнее время? Что из них выгружают, откуда выходят? Ваши сведения вообще похвальны».

Обратим внимание, что в октябре 1942 года во 2-м Управлении НКВД СССР не имелось специальных документов по организации и проведению радиоигр с противником. Такой документ был подготовлен только в ноябре 1942 года. Поэтому рекомендации по вопросу проведения радиоигр рассылались в территориальные управления НКВД директивами начальника 2-го Управления НКВД.

Почти одновременно с архангельскими контрразведчиками в радиоиграх (но уже с германской военной разведкой) участвовали УНКВД по Горьковской и Рязанской областям, в этой связи 21 октября начальник 2-го Управления НКВД СССР П.В. Федотов направил сразу по трем адресам — в Горький, в Рязань и в Архангельск специальную директиву, разъясняющую порядок содержания и работы агентов-радиостов противника, используемых в радиоиграх. Приведем некоторые фрагменты из этого документа:

«Основным условием в работе с этой категорией агентуры противника — является конспирация, как содержания разведчиков, так и их использования, для чего необходимо:

<...> Каждого радиста содержать в изолированном помещении, исключить всякую возможность общения с другими арестованными на прогулках, в бане и проч.

Организовать хранение и работу рации в здании НКВД.

В том случае, когда по техническим причинам (плохая слышимость противника) или необходимости изменения координат нахождения рации требуются выезды за город, должны быть приняты надлежащие меры конспирации этих выездов и обеспечения надежной охраны радиста.

Об использовании радиста в целях дезинформации должны знать только нач[альник] КРО и специально выделенный для этого оперативный работник. <...>

Дневник	
Работа радиостанции «Северная» — Архангельск.	
Цели	Контрагент.
Радиостанция приёма.	30.8. в 22.00 " Посадка бомбометна. Станция вступила в связь с бомбометом. Радиостанция «Ш» по наводке. Установлена связь с радиостанцией Архангельск «Г».
Радиостанция по приёму. Центр приема передатчика радиостанции, который находится, но не была радиостанция.	2.9. в 22.50 " Архангельск радиостанция 3 завода. Установлена связь. Интенсивность связи из строя. Связь шестёр, обслуживающих. 5.9. в 7.10. Кредане Волонга радиостанция и 2, радиостанция сепаративного центра. 9.9. в 23.20. Звонки к радиостанции радиостанция и 2 11.9. в 6.30. Центр по приёму, связь по связи.
Клиентские операции по радиостанции.	13.9. в 6.00 " Радиостанция радиостанция, радиостанция. 16.9. в 22.20 Интенсивность радиостанция и 5. Полноценная связь по связи. 20.9. в 7.20 Связь по связи радиостанция. Связь радиостанция на 15.00.
Клиентские операции по радиостанции.	15.00. Радиостанция радиостанция и 2, радиостанция радиостанция на радиостанция связи и 2.9.42. Радиостанция радиостанция и 6. Радиостанция " Все связи радиостанция, связь. На связи радиостанция радиостанция. Все связи радиостанция. В радиостанция по радиостанция, все связи радиостанция. Радиостанция. Радиостанция.

Первый лист дневника работы радиостанции «Северная» (г. Архангельск)

ЗАПИСКА ПО ВЧ

НАЧ. 1 ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР

тов. Т И И О Ф Е Е В У

О работе радиостанции «Северная».

*М. Е. Антонов
А. С. Тимофеев
2 сентября 1942 г.*

Согласно графику, работали 20 сентября в 7 часов 20 минут. В 8 часов 30 минут услышали ответные позывные центра и просили дать радиogramму. Одновременно сообщил, что для нас у него ничего нет.

При установлении связи нами запрошены квитанции на радиogramмы № 3, 4, 5 и о наличии радиogramмы № 6.

Вначале центр запросил повторить радиogramму № 2 и дать настройку. После замены волны и настройки, центр вторично запросил повторить радиogramму № 2, не упоминая о № 6.

Нами даны повторные позывные и настройка, на что центр ответил: "Прием невозможен без помехи", в связи с чем назначил время передачи на 15 часов 20 сентября.

В 14ч.58 м. центр давал позывные и настройку, просил работать на волне 62 м., повторить радиogramму № 2 и сообщил о хорошей слышимости. Нами передана радиogramма № 2, текст которой несколько перефразирован, а именно: "Вышке Архангельская электростанция из строя вышла, 3 завода разрушены, сгорело много домов и складов, эвакуации нет".

После принятой центром указанной телеграммы, запросил повторить радиogramмы № 3, 4, 5 и 6.

Нами передана радиogramма № 6, составленная в В/редакции в то же время запрошена очередная работа и сообщили, что телеграмма № 1 не принята. Центр назначил работу по очередному графику 23 сентября в 23 часа.

В очередной работе повторили перефразированные тексты радиogramм № 3, 4, 5, а также подготовили радиogramму № 7, которая будет согласована с Вами. Одновременно сообщаем о работе радиостанции «Линия», которая происходила, согласно графику, 14 сентября в 21 час 15 минут. Связь не установлена.

17 сентября в 8.15 установили обходную связь с хорошей слышимостью, передали радиogramму № 1 следующего текста:

"Приземлились хорошо, вышли на дорогу до Каргополя, приступили к исполнению". Эта радиogramма центром принята, дана квитанция.

19 сентября в 22 часа 50 минут связь не установлена. Очередная передача по графику будет 23 сентября в 7ч.45м. Текст радиogramмы для передачи согласуем с Вами.

НАЧ. КРО УНКВД по Архангельской области - СКВОРЦОВ

Передал: БУРАКОВА

Принял: Деж. по 2 Упр. ст. оперуполномоч. КНЯЗЕВ

21.9.42г.

Т.И.И.О.Ф.Е.Е.В.

2мс.

Записка по ВЧ-связи о работе радиостанции «Северная»
начальнику 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР П.П. Тимофееву

Строго обеспечить, чтобы используемый радист ни в коем случае не знал источника получения Вами дезинформационных материалов. Разговоры с ним, а равно в его присутствии на эту тему категорически запрещаются. У разведчика должно быть создано впечатление, что все передаваемые им материалы составляются на месте.

Для организации и проведения мероприятий, связанных с использованием радиста, и осуществления контроля за его работой выделить опытного оперативного работника КРО и радиоспециалиста 2-го Спецотдела, знающего работу на ключе.

Порядок работы должен быть следующий:

1. Тексты радиogramм передавать только с санкции 2-го Управления НКВД СССР. После каждого сеанса связи с противником немедленно ставить в известность нас, сообщая, что передано, что принято и когда обусловлен следующий сеанс работы.

2. Зашифровку радиogramмы поручать самому радисту, но обязательно при непосредственном контроле оперработника (последний должен тщательно изучить шифры и полученные радистом от противника условности на случай работы под диктовку наших органов).

3. При каждой связи радиста с противником обязательно должен присутствовать радиоспециалист, в обязанность которого входит контроль за его работой на ключе и ведение подробных записей прохождения связи, с отображением всех подозрительных моментов.

4. В эфире находиться, как правило, не больше 30 минут и ни в коем случае не навязываться противнику.

5. Вести дневник работы радиостанции, с подробным изложением прохождения связи за каждый радиосеанс».

Вскоре эти указания легли в основу «Инструкции о порядке использования захваченных у германской агентуры радиостанций агентов германской разведки в целях дезинформации противника и проведения других агентурно-оперативных комбинаций», утвержденной в ноябре 1942 года заместителем наркома внутренних дел комиссаром госбезопасности 3-го ранга В.Н. Меркуловым.

Вернемся к нашему рассказу. 23 октября в центр направили радиogramму: «Полученные указания будем выполнять. Вам сообщили о прибытии в Архангельск 11 эшелонов с красноармейцами. Прибыли с Вологды. Погрузку судов в порту наблюдать трудно. Порт разбросан, мешает охрана. На причале видны пароходы «Марка», «Эксфорд». Выгружали большие ящики и тюки. «Г». 24 и 26 октября связь с противником установить не удалось.

28 октября противнику передали: «Вторично информируем. Станция барахлит. Выключатель работает плохо. Батареи заменить не можем. Сидим без денег и продовольствия. Мы хотим возвращаться, пока есть с вами связь». Квитанция о приеме была получена.

2 ноября сообщили в центр о бедственном положении агентов и одновременно очередную «дезу»: «Ожидаем ответа. Прожили последние вещи. Работать продолжаем. Настроение жителей поднялось. Довольны прибытием войск. Три дня кряду прибыло 17 составов красноармейцев, четыре — с зимним обмундированием, 19 зенитных орудий и боеприпасы. Красноармейцев на машинах отправили в Молотовск». В тот же день противник радиовал: «Вернитесь домой».

Записка по "ВЧ". -

АРХАНГЕЛЬСК УНКВД тов. МАЛЬКОВУ.

Ввиду того, что через используемую нами радиостанцию "Северная" с 30-го августа не удастся с противником установить регулярной связи, считаем целесообразным, не передавая разведывательных данных, начать игру о неисправности радиостанции, истощении батарей, с расчетом получения помощи от финской разведки.

В связи с этим, прошу разработать соответствующие тексты радиограмм, с указанием места нахождения "разведчиков", подставив адрес проверенного агента. В очередную связь с противником передайте следующую радиограмму:

с "Все время добивался связи. На мои вызовы не отвечаете. Вас слышу плохо. Выключатель передатчика неисправен, нас снабдили плохими батареями. Что делать?"

НР _____

РАЙХМАН.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР:

Май /РАЙХМАН/

" " сентября 1942 г.

*Передано пол. Сивомыш
до 9. 8 01.00. 2*

Записка заместителя начальника 2-го Управления НКВД СССР Л.Ф. Райхмана
начальнику УНКВД по Архангельской области П.М. Малькову

3 ноября заместитель начальника УНКВД по Архангельской области капитан госбезопасности М.И. Калининский⁵⁴⁷ сообщил по ВЧ в 1-й отдел 2-го Управления НКВД СССР: «При очередной работе по радиции “Северная” 24 октября в 13 часов 10 минут “Центр” сообщил: “Прием невозможен” и перенес работу на 26 октября на 9 час. 30 мин. <...> 2 ноября в 7.55 при установлении связи от “Центра” получена радиограмма № 3 следующего текста: “Вернитесь домой” <...> Просим ваших дальнейших указаний по радиции “Северная”. В тот же день финнам была направлена последняя радиограмма по радиостанции «Северная»: «С места срываемся, идем к фронту». В дневнике работы под текстом радиограммы — примечание: «После передачи этой радиограммы работа радиостанции прекращается. Федотов».

В справке 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР по радиоигре «Северная» от 29 марта 1945 года говорится о том, какую роль сыграла эта операция архангельских контрразведчиков: «С момента включения радиоточки в игру, т.е. с 30 августа 1942 г. по 3 ноября 1942 г. противнику были переданы по указанию Генштаба Красной армии дезинформационные сведения о состоянии Молотовского порта в Архангельске, прибытии большого количества войск в Архангельск и незначительные данные по другим вопросам задания».

В заключение несколько строк уделим судьбе агентов финской военной разведки. Так, о «Шустове» известно, что после прекращения радиоигры, 30 октября 1943 года по постановлению Особого совещания при НКВД СССР он был заключен в ИТЛ на три года. Наказание отбывал в Воркутлаге. 15 мая 1945 года этапирован во внутреннюю тюрьму НКВД Московской области, откуда 19 июня того же года был переведен в Бутырскую тюрьму. Сведениями же о судьбе и местонахождении агента «Галаева» 1-й Спецотдел НКВД СССР в марте 1945 года не располагал.

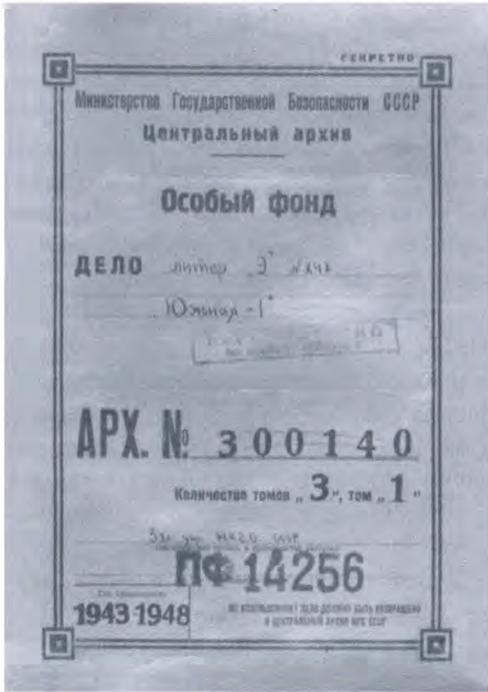
«Сделаем, как нужно...» Радиоигра «Южная»

Спустя две недели после начала радиоигры «Северная», с 14 сентября 1942 года, сотрудники УНКВД по Архангельской области провели еще одну скоротечную радиоигру с финнами под кодовым наименованием «Южная». Радиоигра проводилась из гг. Пудож и Каргополь.

3 сентября 1942 года в 3.30 с немецкого двухмоторного бомбардировщика на парашютах были выброшены в районе озера Лача Каргопольского района Архангельской области два финских разведчика — «Щукин» и «Бородулин».

Оба агента финской разведки хорошо знали район выброски: «Щукин» был уроженцем Пудожского, а «Бородулин» — Медвежьегорского района Карело-Финской АССР. До пленения финскими войсками «Щукин» в звании старшины служил в 36-м батальоне аэродромного обслуживания на Карельском фронте. 7 сентября 1941 года в районе реки Свирь попал в плен к финнам.

На следствии «Щукин» показал, что, будучи в плену у финнов, три месяца находился на лечении в госпитале, а после работал в сапожной мастерской по обслуживанию военнопленных красноармейцев, находящихся в лагере г. Сортавала. 20 мая 1942 года завербован финской военной разведкой. 12 июня 1942 года направлен в школу радистов-разведчиков в г. Петрозаводске.

Обложка дела радиоигры «Южная»

«Бородулин» служил в 131-м стрелковом полку, также на Карельском фронте. 20 августа 1941 года на Карельском фронте попал в плен к финнам. До призыва в армию работал пожарником в Петрозаводске. Дважды судимый: в 1937 году по ст. 116 УК РСФСР был приговорен к трем годам ИТЛ и в 1940 году к четырем месяцам ИТЛ за нарушение трудовой дисциплины. После пленения находился в лагере военнопленных «Сальми». В конце марта 1942 года завербован финской военной разведкой. 26 мая направлен в г. Петрозаводск в школу разведчиков-радиостов.

«Шукин» был направлен в советский тыл как разведчик-радиостов в форме интенданта 1-го ранга Красной армии, а «Бородулин» как разведчик со знаками различия старшины.

После приземления «Шукин» добровольно явился с повинной в органы безопасности и дал показания о

полученном задании и о своем напарнике. При аресте он пытался выдать себя за бойца истребительного батальона, принимающего участие в поимке парашютистов. При обыске у него были изъяты коротковолновая радиостанция, две карты Каргопольского района, 2800 рублей, два пистолета советского производства марки «ТТ», 29 штук разных чистых бланков и сумка с листовками антисоветского содержания.

В 15 км от района выброски воинским патрулем был задержан и второй разведчик — «Бородулин», одетый в форму сержанта Красной армии. При себе он имел один пистолет «ТТ», карту Пудожского района Карело-Финской АССР, чистые бланки с печатями, 2620 рублей и продукты питания.

«Бородулин» на следствии показал, что срок пребывания разведчиков определен до 15 октября 1942 года, после чего они должны возвращаться обратно, даже если и не выполнили полностью задания. Возвращаться должны в Повенецком направлении, причем место перехода линии фронта должно было быть указано финнами по радио, как и пароль. В случае если у рации выйдет питание, последнее приобрести на месте.

В справке 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР по радиоигре «Южная» от сентября 1942 года, подготовленной старшим оперуполномоченным, лейтенантом госбезопасности Иваном Петровичем Лебедевым, о задании, полученном агентами от финской разведки, говорилось:

- 1) Имеются ли в городах Каргополе и Пудоже аэродромы, где они находятся.
- 2) Какие воинские части находятся в этих городах, и выяснить фамилии команд-

ного состава. 3) В каком состоянии находятся шоссейные дороги Каргопольского и Пудожского районов, строится ли железная дорога со ст. Коноша⁵⁴⁸ и куда она идет. 4) Каков урожай в этих районах, есть ли инфекционные заболевания среди населения и где. 5) Какое снабжение населения, их настроение в связи с войной, и эвакуировано ли оно из прифронтовой полосы. 6) Где имеются лагеря военнопленных и какой к ним доступ. 7) Побывать на ст. Няндомы⁵⁴⁹ и выяснить, имеются ли там воинские части».

Все эти сведения разведчики должны были собирать через население, военнослужащих и путем личного наблюдения. Собранные сведения рекомендовалось передавать из леса, систематически меняя места. После выполнения задания в Каргополе и Пудоже агенты должны были запросить финнов, что делать, и получить дальнейшие указания.

В ходе следствия «Щукин» и «Бородулин» дали признательные показания. Рассказали о задании финской военной разведки, времени, кодах, шифрах и способах связи с радиоцентром противника. Если разведчика не вызывают и не отвечают на его позывные, то имеющуюся у него радиограмму он должен передавать «вслепую» и в следующий сеанс запросить, принята ли его радиограмма. В каждой радиограмме в конце должен ставить букву «А» — начальную букву своей фамилии. Если работает под принуждением, то поставить «АП».

Выяснив возможности использования агентов и приданной им радиостанции для военной дезинформации противника, 14 сентября 1942 года, с санкции 2-го Управления НКВД СССР, УНКВД по Архангельской области начало очередную радиоигру с финнами. Для работы на ключе был использован радист «Щукин». Тексты радиограмм с дезинформацией утверждались Генштабом Красной армии.

Дальнейший ход «игры в эфире» изложен в дневнике радиоигры «Южная». Из текстов радиограмм видно, что при их составлении контрразведчики руководствовались заданиями, полученными агентами от финской военной разведки.

12 сентября 1942 года в разведцентр передали первую шифровку: «Приземлились благополучно. Вышли на дорогу Каргополь. Приступили к исполнению».

На следующий день, 13 сентября, вновь вышли на связь и радиовали противнику: «Урожай в районе Каргополь средний, в некоторых местах плохой урожай. Уборка приходит к концу».

Очередной сеанс связи состоялся почти через две недели, 26 сентября. Во время сеанса в центр ушла дезинформация: «Тракт Каргополь – Пудож оборудован хорошо, местами разбит началом движения автомашин [с] войсками и грузами в направлении Пудож». Одновременно от центра была получена радиограмма за № 1:

«По данному заданию вы должны были идти к железной дороге на восток от Каргополя. Это направление важное. Почему изменили направление».

8 октября противнику передали радиограммы за № 4 и 5. Подтверждения от разведцентра об их приеме были получены. Радиограмма № 4: «Направление не изменили, действуем по заданию. Продвигаемся по тракту к железной дороге. Встречаем группы дорожных рабочих и военных с черными петлицами. Из осторожности обходим»; радиограмма № 5: «[В] Каргополе были два дня. На улицах везде военные с черными петлицами. Есть пехотинцы. Расквартированы мелкими подразделениями. Оживленное движение грузовых автомашин, из города выходят в направлении Пудож».

11 октября радиостанция «Южная» вновь вышла в эфир и передала в разведцентр шифровку: «С востока [на] Каргополь движение военных автомашин. 10/Х прошло 200 автомашин, из них половина с красноармейцами. Машин 30–35 на прицепах артиллерия, 11 — с лыжами. Провезли 17 моторных лодок. Остальные покрыты брезентом».

Текст радиограммы № 7, переданной противнику 18 октября, в материалах дела не сохранился.

21 октября из центра была принята радиограмма № 2 с новым заданием: «Останьтесь пока [в] Няндоме. О пехоте сведения точные. Наблюдать за движением поездов на север и юг. Сведения должны дать в ответе: кто, когда, сколько, откуда и куда. Видели ли вы транспортировку войск в зимнем обмундировании». В тот же день в ходе вечернего сеанса связи противнику радиовали: «На пути к Няндоме все время встречались воинские автомашины, везут в основном красноармейцев. С 12 по 17-е числа прошло 180 автомашин. В деревне Вадьенерская стояла на заправке колонна автомашин 35 штук. Везли патроны, снаряды, мины».

Вскоре был утвержден следующий текст дезинформации для передачи противнику, который планировался к передаче 24 октября: «Сделаем, как нужно. В Няндоме долго оставаться нельзя, ведутся тщательные розыски каких-то диверсантов, все поднято на ноги. На станции смотрели разгрузку 4-х составов с пехотой. Вооружены винтовками, есть автоматы. Видели до сотни станковых и ручных пулеметов, до 50-ти разных минометов. Составы прибыли из Вологды. Красноармейцы одеты в шинели, фуфайки и шапки»*.

2 ноября в 7.55 от разведцентра была принята последняя радиограмма: «Вернитесь домой».

Рации «Южная» связь с противником установить не удалось. После передачи последней радиограммы, согласно полученному указанию из Москвы, связь с разведцентром противника была прекращена.

Добавим, что с 21 января по 13 февраля 1943 года УНКВД по Архангельской области (из Архангельска) провело с финской военной разведкой радиопитку под условным наименованием «Западная». В ночь с 18 на 19 января 1943 года южнее озера Долгое Плесецкого района Архангельской области были выброшены с самолета на парашютах два финских агента: радист «Чижов» и разведчик «Вершинин». «Чижов» был захвачен в плен финнами в ходе боев на Карельском фронте, а «Вершинин» сдался в плен добровольно. Оба агента окончили Петрозаводскую разведшколу и были заброшены в советский тыл.

От финской военной разведки «Чижов» и «Вершинин» получили следующее задание: наблюдать за пропускной способностью железнодорожного узла станции Обозерская; установить дислокацию воинских складов, а также узнать, проходят ли через станцию поезда с иностранными грузами. Через две недели после выброски агенты должны были вернуться обратно к финнам. Агент-радист «Чижов» явился с повинной в органы безопасности, рассказал о задании финской военной разведки и выдал своего напарника.

С целью передачи дезинформации о военных перевозках через железнодорожный узел станции Обозерская в интересах Генштаба Красной армии, а также вы-

* Под текстом дезинформации — примечание: «После передачи этой радиограммы работа радиостанции прекращается».

зова и перехвата финской агентуры, УНКВД по Архангельской области провело радиоигру с финской военной разведкой. В ходе радиоигры финны отказались пополнить группу, но сбросили с самолета «торпеду» с продуктами и снаряжением. Игра была прекращена в связи с окончанием срока задания агентам.

В 1942–1943 годах с финской военной разведкой на северо-западном направлении также были проведены следующие радиоигры: «Тундра» с 23 июля по 19 августа 1942 года ОО НКВД тыла Северного фронта; «Находка-1» с 19 августа по 29 сентября (из Ленинграда); «Онега» с 28 августа по 30 октября УНКВД по Ленинградской области (из Тихвина); «Майор» с 9 января 1943 года УНКВД по Вологодской области (из Вологды; игра была остановлена); «Башлыков» с 16 января по 6 февраля НКВД Карело-Финской АССР (из Пудожского района республики); «Южная-1» с 21 по 27 октября УКР «Смерш» Карельского фронта; «Южная-2» с 23 по 27 октября УКР «Смерш» Карельского фронта.

* * *

Обратим внимание читателя, что районом Каргополь – Няндомы в сентябре 1942 года активно интересовалась и германская военная разведка. Так, «Абвернебенштелле-Ревал» (другое наименование — «Бюро Целлариуса») в сентябре 1942 года в Архангельскую область забросила с самолета на парашютах две разведывательно-диверсионные группы в количестве 13 человек. Все агенты были эстонцами по национальности, а большая часть из них служили в германской армии.

В задачу разведгрупп входили разведка местности в районах Коноша – Няндомы, озеро Лача – Каргополь, изучение местности на предмет определения возможностей для выброски десантов и наступательных операций вермахта и др. За период с сентября по ноябрь 1942 года разведгруппы передали в «Бюро Целлариуса» около 200 радиোগрамм.

8 ноября обе группы были ликвидированы. 14 ноября 1942 года об уничтожении разведгрупп противника начальник УНКВД по Архангельской области майор ГБ П.М. Мальков направил спецсообщение № 1/1165 наркому внутренних дел СССР, секретарю Архангельского обкома ВКП(б) и командующему АрхВО:

«Выброшенные в Архангельскую область в сентябре 1942 года германской разведкой две вооруженные шпионско-диверсионные группы парашютистов 8 ноября полностью ликвидированы. Из этих групп задержано 9 разведчиков-парашютистов и 4 убито нашими оперативными группами при столкновении.

В ходе всей операции изъято пять баз с продовольствием и экипировкой, две радиостанции, шифры, коды, топографические карты, дневники, 10 автоматов, 13 револьверов, одна финская винтовка, 13 тысяч патронов, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, радиоприемник, фотоаппарат, сигнальные электрофонари, 25 парашютов, резиновые лодки, бинокли, маскировочные костюмы и проч.

Подбит и захвачен немецкий морской двухмоторный бомбардировщик “Хенкель-115”⁵⁵⁰, прилетевший 22 октября на оз. Лача для снятия шпионских групп. Из экипажа при обстреле самолета убиты: обер-лейтенант Хельф Курт, унтер-офицер, пилот Ляунхаген Эрнст, фельдфебель, радист Ахер Генрих и унтер-офицер, бортмеханик Кубала Стефан⁵⁵¹ захвачен живым. Из показаний задержанных разведчиков и изъятых у них документов установлено, что в составе этих групп было 13 человек...»

В работе по розыску разведывательно-диверсионных групп активное участие принимала бригада радиооператоров 2-го отдела НКВД СССР и УНКВД по Архангельской области, которым удалось установить точное местоположение вражеских радиопередатчиков.

В результате радиоигр с финской военной разведкой советским контрразведчикам удалось вскрыть планы финского военного командования, получить важные сведения о формах и методах работы финнов по подготовке агентов, засылаемых в советский тыл, и дезинформировать Генштаб финской армии о проводимых работах в портах Архангельска и Молотовска, перевозках военных грузов по железнодорожным магистралям.

Кроме того, сотрудники 2-го Спецотдела НКВД СССР получили важные данные, которые позволили поставить под контроль радиосети финской военной разведки, расшифровывать передаваемые и принимаемые радиogramмы между разведцентрами противника и их агентами, находящимися в советском тылу, а также выявлять дислокацию радиоцентров противника.

В радиоиграх «Северная» и «Южная» принимали активное участие следующие руководители и сотрудники УНКВД по Архангельской области: заместители начальника, капитаны ГБ С.И. Плещов и М.И. Калининский, начальники КРО старший лейтенант ГБ Скворцов (до октября 1942) и старший лейтенант ГБ А. Перескоков, начальник 3-го отделения КРО младший лейтенант ГБ А. Калабин.

«Южная-2»

Параллельно с радиоигрой «Южная-1», с 23 октября 1943 года, сотрудниками УКР «Смерш» Карельского фронта была начата радиоигра под кодовым наименованием «Южная-2». Операция проводилась от имени группы агентов финской разведки из двух человек:

1. Агент-радиист «Осипов», 1911 года рождения, уроженец Львовской области, украинец, беспартийный. До призыва в Красную армию работал в г. Бибиха «калькулятором райпотребсоюза». В Красной армии служил в 7879-м артиллерийском полку. В сентябре 1941 года на Карельском фронте попал в плен к финнам. Содержался в лагере военнопленных № 10, где был завербован финской разведкой и направлен на учебу в разведшколу, дислоцирующуюся в дер. Улейлега. Обучался по программе агента-радииста.

2. Агент-разведчик «Пахомов», 1919 г[ода] рождения, уроженец Киевской области, украинец, член ВЛКСМ. До призыва в Красную армию работал в колхозе. Службу проходил в 115-й стрелковой дивизии⁵⁵². В августе 1941 года в районе Ладожского озера попал в плен к финнам. Содержался в лагере военнопленных № 14 в г. Сортавала, где был завербован финской разведкой и направлен в разведшколу дер. Улейлега. Обучался по программе агента-разведчика.

Кроме рации агенты были снабжены: двумя советскими винтовками, одним пистолетом иностранного образца, советскими деньгами в сумме 500 рублей, продуктами питания из расчета на 5–6 дней, фиктивными документами («Осипов» на имя старшего сержанта 313-й стрелковой дивизии⁵⁵³ Гринченко Богдана Федоровича; «Пахомов» на имя младшего сержанта той же дивизии Патяжа Якова Кирилловича).

От финской военной разведки агенты получили задание: 1) вести наблюдение за движением транспорта и войск по дороге Габсельга – Лобская; 2) устанавливать наличие и нумерацию воинских частей на побережье Повенецкого залива; 3) захватить одного из красноармейцев, тщательно его опросить, а затем убить.

Все собранные шпионские сведения разведчики должны были передавать финнам по приданной им коротковолновой портативной радиостанции типа «Север».

В ночь на 22 октября 1943 года на моторной лодке агенты были переброшены финнами в советский тыл, на восточный берег Повенецкого залива, а оттуда были пересажены на простую лодку и высажены на побережье. Утром того же дня, не желая выполнять задания финнов, «Осипов» и «Пахомов», договорившись о совместной явке с повинной в органы контрразведки, сдались встретившимся красноармейцам, откуда были доставлены в УКР «Смерш» фронта.

С целью дезинформации противника о движении военных транспортов к линии фронта по дороге Габсельга – Лобская, а также с целью вызова на нашу сторону другой агентуры противника по каналу проникновения разведчиков «Осипова» и «Пахомова», с последующим их арестом, было принято решение включить рацию «Осипова» в радиоигру с противником.

За время спецоперации разведцентру финской военной разведки было передано шесть радиogramм, из них три — с военной дезинформацией.

26 октября 1943 года по истечении срока выполнения задания, полученного от финнов, по рации «Осипова» радиogramмой № 4 (в центр) было передано: «Нахожусь в районах координат 6410. Сведения передам в 16.00. Продукты кончаются. Идем обратно. Жду указаний». 27 октября 1943 года радиogramмой № 6 в разведцентр было передано: «Что делать, отвечайте на номер 4».

Однако центр никаких ответов не давал и только 27 октября передал первую радиogramму на № 4 и 6: «Понял. Для вас ничего не имею, будете ли работать по расписанию».

Как видно из полученных от финской военной разведки радиogramм, центр к своим агентам интереса не проявлял, указаний никаких не давал, срок пребывания агентов в тылу Красной армии истек. В этой связи продолжение радиоигр вызвало бы подозрение у финнов и неверие в ранее переданную дезинформацию, поэтому было принято решение радиоигру прекратить.

26 октября свои соображения о целесообразности дальнейшего проведения радиоигр «Южная-1» и «Южная-2» с финнами начальник УКР «Смерш» КФ доложил в Москву:

«В назначенное время связь не состоялась. Радист вызывал в течение часа, но центр не ответил. Считаю дальнейшее продолжение радиоигр по радиоточкам “Южная” и “Южная 2” бесполезным. Срок, данный разведчикам, истек. Продукты вышли, на высадку катера или лодки противник не идет. Как показывают радисты, в этом случае предложено действовать по своему усмотрению и любым способом возвращаться назад. Прошу вашей санкции на прекращение игры».

Вскоре из Москвы по ВЧ пришел ответ: «Прекращение радиоигры по точкам “Южная” и “Южная 2” санкционирую. Абакумов».

О каждом проведенном сеансе связи с финской военной разведкой начальник 2-го отдела УКР «Смерш» КФ подполковник Холево запиской по ВЧ докладывал начальнику УКР «Смерш» фронта генерал-майору Сидневу.

В записках, кроме сведений о переданных и принятых радиogramмах, давалась и характеристика работы радиста, например: «Поведение радиста спокойное, уверенное. Уклонение от разработанного текста не допускал, за исключением того, что ошибочно передал номер радиogramмы».

Все тексты радиogramм с дезинформацией по ВЧ-связи передавались в Москву начальником УКР «Смерш» КФ генерал-майором А.М. Сидневым и утверждались начальником ГУКР «Смерш» НКО СССР комиссаром ГБ 2-го ранга В.С. Абакумовым. В подготовке дезинформационных сообщений непосредственное участие принимали сотрудники 3-го отдела ГУКР «Смерш» под руководством полковника В.Я. Барышникова.

* * *

Активность разведывательно-диверсионных групп финнов вызвала озабоченность руководства советской контрразведки. В процессе розыска этих групп были выявлены серьезные недостатки в работе северо-западной группы радио-контрразведывательной службы (РКР-службы) НКГБ СССР. 21 ноября 1943 года нарком госбезопасности СССР издал приказ № 00341 «О мероприятиях по усилению борьбы с финской агентурой, забрасываемой с радиостанциями в тыл Красной армии»⁵⁵⁴.

В приказе отмечалось, что за последние два месяца на территорию КФССР и Архангельской области были переброшены разведывательно-диверсионные группы противника с радиостанциями, работа которых была зарегистрирована РКР-службой НКГБ СССР. Эти группы находились в нашем тылу от 15 до 30 дней, после чего перешли обратно линию фронта или были сняты противником с помощью самолетов.

В целях исключения в дальнейшем возможности безнаказанного пребывания финских шпионско-диверсионных групп на нашей территории и для установления в кратчайшие сроки дислокации шпионских радиостанций приказом предусматривалось провести ряд мероприятий по улучшению работы северо-западной группы РКР-службы.

В частности, дополнительно были установлены пеленгаторные пункты в гг. Пудоже и Кандалакше. Кроме того, для ускорения обнаружения корреспондентских точек были развернуты головные слезечные посты в Пудоже и дер. Калгачиха.

В дер. Калгачиха была также развернута исходная база розыскных операций, в которой были сосредоточены необходимые радиорозыскные средства.

Розыскные группы НКГБ КФССР, УНКГБ по Ленинградской, Архангельской, Вологодской и Мурманской областям были обеспечены необходимым снаряжением, продовольствием и транспортом с учетом труднопроходимых районов Севера. Для улучшения работы северо-западной группы на место были откомандированы руководящие работники отдела «Б» НКГБ СССР.

После завершения спецопераций с финской военной разведкой «смершевы» продолжили проверочные мероприятия в отношении явившихся с повинной агентов противника. С этой целью за подписью начальника УКР «Смерш» КФ в ГУКР «Смерш», в УНКГБ по месту жительства некоторых агентов, в 7-й отдел ГУКР «Смерш» и 1-й Спецотдел НКВД СССР были направлены письма с просьбой проверить и сообщить наличие компрометирующих и иных характеризующих их

сведений. Каждое такое письмо заканчивалось фразой «С ответом просьба поспешить». Примерно через месяц, в январе 1944-го, пришли ответы из вышеназванных инстанций.

По завершении следствия дела в отношении агентов финской разведки были направлены в Особое совещание при НКВД СССР.

Положительные результаты, достигнутые в ходе радиоигры с противником, а также честное поведение агентов «Горчакова» и «Блохина» были учтены при рассмотрении дела Особым совещанием при НКВД.

11 марта 1944 года, рассмотрев собранные материалы по обвинению «Блохина» «за изменническое поведение в плену», Особое совещание постановило направить его на два года в ИТЛ. 17 марта 1944 года аналогичное решение было принято и в отношении радиста «Горчакова».

По данным Оперативно-чекистского отдела Каргопольлага от 18 марта 1946 года, «Горчаков» и «Блохин» 21 июля 1945 года из заключения были освобождены и убыли по месту жительства.

Драматичнее сложилась судьба агентов «Осипова» и «Пахомова», участвовавших в радиоигре «Южная-2». 4 января 1944 года использовавшийся в радиоигре агент-радист «Осипов» Военным трибуналом Карельского фронта был осужден к 15 годам ИТЛ с поражением в правах на пять лет; в тот же день агент-разведчик «Пахомов» был осужден к 10 годам ИТЛ.

16 мая 1944 года, отбывая наказание в лагере, агент «Пахомов» Военным трибуналом Войск НКВД КФССР по ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж) УК РСФСР был осужден еще к 10 годам ИТЛ. Неотбытый срок по предыдущему приговору был присоединен к последнему. Содержался в Нядомской трудовой колонии (Архангельская область).

«Камса»

9 апреля 1944 года сотрудники УКР «Смерш» КФ начали очередную спецоперацию в эфире. Как оказалось, это был заключительный «аккорд» карельских контрразведчиков в «войне в эфире». На этот раз противником была германская военная разведка (абвер). Работа легендировалась от имени группы в составе двух агентов:

1. Старший группы «Давыдов», 1915 года рождения, уроженец Архангельской области, русский, из крестьян, бывший член ВЛКСМ, с образованием 4 класса, бывший интендант 2-го ранга 8-й отдельной стрелковой бригады⁵⁵⁵. 5 декабря 1941 года на острове Ханко попал в плен к немцам. Содержался в Таллинском лагере военнопленных, где в августе 1942 года завербован немецкой разведкой. Окончил разведшколу противника, располагавшуюся в местечке Мыза-Кумна (Эстония) по программе агента-радиста.

2. Радист «Петров», 1914 года рождения, уроженец Челябинской области, русский, из крестьян, бывший член ВЛКСМ, образование среднее. До пленения заместитель политрука 157-го отдельного лыжного батальона 54-й стрелковой бригады⁵⁵⁶. 2 апреля 1942 года в районе с. Кочеты Локшинского района попал в плен к немцам. Содержался в лагере военнопленных в г. Феллин (Эстония)⁵⁵⁷. В августе 1942 года завербован немецкой разведкой, окончил разведшколу противника в Мыза-Кумна по программе агента-радиста.

Для выполнения задания агенты были экипированы в форму офицеров Красной армии: «Давыдов» — лейтенанта интендантской службы, «Петров» — младшего лейтенанта авиачастей, соответственно снабжены фиктивными документами на собственные фамилии, имели большое количество чистых бланков от имени частей Красной армии, револьверы «Наган» с боеприпасами и продукты питания сроком на 30 дней.

В случае если агенты будут задержаны советской контрразведкой и вынуждены работать под ее диктовку, они обязаны были об этом поставить в известность немецкую военную разведку. При передаче радиограммы по принуждению радист «Петров» вместо знака «К» в конце радиограммы должен был дать знак «ЕЦ».

Кроме того, немцы, не дожидаясь условности на провал, могли по радио агентов спросить: «Как здоровье?» Если работа агентами проводится самостоятельно, то они прямого ответа на это немцам не дают, а лишь впереди радиограммы ставят условную группу из пяти знаков. Если немецкой разведке на запрос «Как здоровье?» будет дан какой-либо прямой ответ, допустим — «Здоровье в порядке» или «Здоровье неважное», это значило бы, что агенты работают по принуждению под контролем советской контрразведки.

26 марта 1944 года «Давыдов» и «Петров» были выброшены немецкой военной разведкой с самолета на парашютах в районе 95 км Обозерской линии Кировской железной дороги с заданием: вести наблюдение за перевозками на участке Беломорск – Кемь и результаты наблюдения передавать немцам по радио.

После приземления в тылу Красной армии агенты, поблуждав в лесу четверо суток, 31 марта 1944 года явились с повинной в органы НКВД, где дали правдивые показания о своей связи с немецкой военной разведкой.

Учитывая добровольную явку агентов, приданная им радиостанция была включена в радиоигру с противником. Радиоигрой преследовались цели: дезинформировать противника о работе Кировской железной дороги и проводить другие наши контрразведывательные мероприятия.

Сообщив немцам о благополучном приземлении, агенты начали передавать по заданию Генштаба Красной армии сведения о перевозках по Кировской железной дороге в значительно уменьшенном виде, чем было в действительности.

Как предположили в УКР «Смерш» КФ, проводимая немцами в то время воздушная разведка позволяла в некоторой степени проверять работу агентов. В результате анализа данных, полученных воздушной разведкой люфтваффе, противник мог установить, что по Кировской железной дороге эшелонов проходит значительно больше, чем сообщали агенты.

Заподозрив, видимо, в связи с этим работу радиоточки под контролем, немцы 23 апреля условным выражением «Как здоровье?» запросили агентов, не работают ли они под диктовку органов советской контрразведки: «Как здоровье? Мы желаем вам для дальнейшей работы много успехов и здоровья».

Определенной условностью агенты передали противнику, что они работают самостоятельно, затем продолжали дезинформировать центр в прежнем ключе. Однако немцы, не удовлетворившись ответом, еще раз запросили агентов о их самостоятельной работе.

В это время на Карельском фронте назревали важные события. 1 мая Ставка ВГК отдала распоряжение командующим Ленинградским и Карельским фронтами

развернуть непосредственную подготовку к наступлению, которое должно было привести к полному поражению Финляндии и выходу ее из войны на стороне нацистской Германии.

Замысел советского командования на операцию по разгрому противника на Карельском перешейке и в Южной Карелии заключался в том, чтобы двумя последовательными ударами (Выборгская и Свирско-Петрозаводская операции) разгромить основные силы финских войск на Карельском и Ладожско-Онежском перешейках, овладеть Выборгом и Петрозаводском и восстановить государственную границу с Финляндией.

Все подготовительные мероприятия проводились настолько скрыто, что финской военной разведке не удалось заметить на Карельском перешейке какой-либо подготовки к наступлению. И радиоигра «Камса» стала частью общего плана по дезинформации финского командования.

23 мая из центра была принята радиограмма следующего содержания: «Как здоровье? По полученным сведениям в Красной армии будто бы введены новые командировочные предписания. Постарайтесь проверить и сообщить срочно результаты, дайте описание новых предписаний».

Приняв во внимание, что немцам известно о введенных к тому времени изменениях в документах военнослужащих Красной армии, и стремясь закрепить доверие противника к работе радиоточки, 31 мая в центр передали радиограмму: «Возвращавшийся напарник сообщил, что с командировочными удостоверениями личности и командировочными предписаниями старой формы ездить нельзя, они недействительны. 28 мая между станциями Беломорск и Замостье чуть не попался, хорошо, что успел выпрыгнуть с поезда, при прыжке сильно ушиб ногу, находимся в лесу, положение трудное, нет продуктов, срочно помогите».

В ответ на сообщение противник 2 июня передал следующую радиограмму: «Постараемся помочь. Дайте описание новых документов и ваше точное местонахождение. Можно ли там сбросить на парашюте продовольствие и документы. Дайте каждый день сводку железнодорожного движения за сутки в обоих направлениях, сколько эшелонов с точным указанием грузов».

Указав местонахождение агентов и площадку для сброски груза, одновременно сообщили, что из-за отсутствия документов агенты находятся далеко от дороги, что не позволяет вести ежедневно наблюдение за перевозками, а затем в последующих сеансах связи настойчиво стали требовать ускорить высылку помощи.

9 июня войска Ленинградского и Карельского фронтов начали Выборгско-Петрозаводскую операцию. Советское наступление началось для финнов, по словам генерала пехоты В. Эрфурта, «совершенно неожиданно»⁵⁵⁸.

Вернемся к радиоигре «Камса». Противник, видимо, не доверяя работе агентов, помощь прислать отказался и предложил им вернуться обратно через линию фронта. В ответ на это по радиоточке «Давыдов» 22 июня в центр радиовали: «Без продуктов и документов добраться до фронта невозможно. Мы все еще надеемся на вашу помощь. Если помощи не будет, мы решили все бросить и уйти на восток. Дайте ваше окончательное решение».

25 июня из центра получили ответ: «Уничтожьте ваш аппарат и перебирайтесь через линию фронта. Если вы не вернетесь, то это показывает о том, что вы с нами нечестно работали».

Анализируя эту радиограмму в УКР «Смерш» КФ, а также ранее полученные от немцев запросы на предмет проверки самостоятельной работы агентов, стало ясно, что центр работе агентов не верит. Поэтому, учитывая бесперспективность дальнейшей игры, работа радиоточки с 7 июля 1944 года была прекращена. В процессе радиоигры было передано противнику 22 радиограммы, от противника принято 7 радиограмм.

По окончании радиоигры агенты «Давыдов» и «Петров» по решению Особого совещания при НКВД СССР от 1 января 1945 года заключены в ИТЛ сроком 15 лет каждый.

«СЕМЕНОВ» ЗАЩИЩАЕТ ГОРЬКИЙ

С октября 1941 года Горьковская область стала прифронтовой. 23 октября 1941 года был сформирован Горьковский комитет обороны во главе с председателем — первым секретарем обкома и горкома ВКП(б) М.И. Родионовым.

К началу 1941 года из 1994 предприятий крупной промышленности Горьковской области только 44 относились к оборонным наркоматам, однако согласно Директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 года все промышленные предприятия города переключились на производство оборонной промышленности. За годы войны в Горьком было произведено 33,2% танков и САУ, 33% артиллерийских систем (среднего калибра и выше), 26% самолетов-истребителей, почти 50% подводных лодок от общего выпуска в стране. Кроме того, здесь изготавливались грузовые автомобили (34,4%), авиационные и шестицилиндровые моторы, фронтные и армейские радиостанции (59,9%) и многие другие виды военного снаряжения.

Горький стал также одним из центров подготовки командных кадров Красной армии. В городе было несколько военных училищ: Горьковское училище зенитной артиллерии им. М.В. Фрунзе, Ленинградское высшее военно-морское инженерное, Ленинградское военно-топографическое, 2-е Горьковское танковое, пулеметно-минометное училище и офицерские школы.

В годы Великой Отечественной войны г. Горький внес весомый вклад как в оборону города, так и в оборону страны, став наряду с другими тыловыми районами одной из главных кузниц фронта, его ближайшей военно-промышленной базой.

Поэтому неудивителен тот интерес, который проявляла к этому городу на Волге германская военная разведка.

* * *

Наш рассказ посвящен одной из героических страниц истории Великой Отечественной войны — противостоянию советской и германской разведок, которая развернулась в Горьком в середине 1942 года, в разгар оборонительных сражений за Сталинград. Враг стремился нанести удар по одной из баз советской оборонной промышленности и подорвать снабжение Красной армии вооружением и боевой техникой.

В этой спецоперации советских спецслужб принимал участие известный советский педагог, ученик А.С. Макаренко и один из героев его знаменитой «Педагогической поэмы» — Семен Афанасьевич Калабалин⁵⁵⁹.

Впервые эту радиоигру кратко описал в своей книге ее непосредственный участник, ветеран советской контрразведки Д.П. Тарасов:

«Большой интерес представляли радиоигры “Семен” и “Друзья”, проводившиеся в г. Горьком. В первой из них, начатой в мае 1943 года, участвовал человек необыкновенной судьбы, советский разведчик Калабалин Семен Антонович*, известный педагог трудновоспитуемых детей. Истинный почитатель и последователь учения А.С. Макаренко, Калабалин был изображен автором “Педагогической поэмы” в образе Карабанова Семена.

С началом Великой Отечественной войны С.А. Калабалин по зову сердца вступил в строй советских разведчиков и был направлен в тыл противника для проведения разведывательной работы. Вскоре по не зависящим от него причинам он попал в руки противника. Природный ум, находчивость и смелые волевые качества, присущие этому незаурядному человеку, позволили найти достойный выход из создавшегося положения. Ему удалось поступить в варшавскую разведывательную школу немцев для обучения по программе разведчика-радиста. После ее окончания был сброшен на нашу территорию с задачей пробраться в г. Горький и вести наблюдение за работой железнодорожного узла, а также добывать разведывательную информацию и т.д.

После приземления на родную землю Калабалин сразу же явился в органы безопасности, которые не преминули включить приданную ему радиостанцию в игру. Легализация была проведена в строгом соответствии с полученными от противника инструкциями. Он прописан в Горьком по полученным от вражеской разведки фиктивным документам на имя Карева, состоял на учете в военкомате как освобожденный от воинской обязанности по болезни и работал в подсобном хозяйстве в поселке Мыза. Встречи работников советской контрразведки с радистом проходили только на конспиративных квартирах... Радиоигра успешно продолжалась до конца 1944 года, затем из-за передислокации разведцентра противника вглубь Германии радиосвязь пришлось прекратить... Другая радиоигра в Горьком, условно названная “Друзья”, велась от имени советских разведчиков Коцарева Ивана Никифоровича и его напарника Палладия Николая Лукича, выполнявшего роль радиста.

Как и по радиоточке “Семен”, от “Друзей” шла военная дезинформация, рекомендованная Генеральным штабом Красной армии. Обе радиоточки передавали аналогичную информацию, стараясь, в принципе, дублировать сообщения друг друга, с допуском небольших расхождений в количестве проходивших через железнодорожный узел эшелонов с грузами с тем, чтобы исключить подозрения об их работе под диктовку контрразведки»⁵⁶⁰.

Добавим, что кроме Д.П. Тарасова об участии С.А. Калабалина в радиоигре с противником рассказано в книге Александра Хинштейна⁵⁶¹ в отдельном очерке «“Педагогическая поэма” против “Абвера”» и в одной из глав книги нижегородского журналиста Вадима Андрюхина⁵⁶².

Игру в эфире начали 2-е отделение 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР совместно с Управлением НКВД по Горьковской области, а завершили сотрудники 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. Радиоигра по времени своего проведения (17 сентября 1942 – 23 сентября 1943) охватила период битвы под Сталинградом

* Так в тексте, отчество Калабалина — Афанасьевич.

и сражения на Курской дуге. Она стала одной из многих специальных операций, проведенных органами советской военной контрразведки и направленных на дезинформацию противника и сокрытие планов Верховного командования Красной армии.

Изучение документальных материалов, посвященных этой спецоперации, показало, что многие любопытные эпизоды остались неизвестными. Например, операция первоначально получила название «Заряд» и лишь позднее сохранилась в архиве под названием «Семенов».

* * *

В период с 13 по 18 сентября 1942 года на территорию Горьковской, Рязанской и ряда других областей было сброшено с самолетов несколько групп германских агентов-разведчиков, окончивших Варшавскую разведшколу.

17 сентября 1942 года начальник УНКВД по Горьковской области направил на имя наркома внутренних дел СССР спецсообщение «О задержании немецких парашютистов-разведчиков»:

«Управлением НКВД по Горьковской области 16/IX-с. г. арестованы сброшенные с немецкого самолета 4 разведчика-радиста. Двое из них приземлились около станции Сережа, Чернухинского района, и двое близ ст. Костылиха на границе Чернухинского и Арзамасского районов Горьковской области.

Сброшены они были с двумя радистами, а всего в количестве 6 человек в ночь с 15 на 16-е сентября с. г. между 23–24 часами. Вылетели на самолете с аэродрома в местечке Катюнь в 20 километрах от города Смоленска. В мест. Катюнь находится пересыльный пункт разведчиков-радистов и разведывательная школа.

Все арестованные окончили Варшавскую радиоразведывательную школу и до Смоленска следовали поездом и автомашинами. При них взяты 2 радиостанции в противогазовых сумках, польские револьверы системы “Наган” образца 1932 года и крупные суммы денег.

1. Калабалин Семен Афанасьевич, кличка “Семен”.

2. Парменников Яков Гаврилович⁵⁶³, кличка “Раснянский”.

“Семен” и “Раснянский” были сброшены в военной форме, получили следующие задания на г. Горький. Добравшись до города, сменить военную одежду на имеющуюся при них гражданскую и приобрести несколько опорных пунктов в виде конспиративных квартир на окраинах города. Собрать разведывательные материалы путем завязывания знакомств и использовать этих лиц втемную, без вербовки (спаивать, оказывать услуги и т.п.), личных наблюдений, использования машинисток, имеющих доступ к печатанию секретных материалов, путем посещения бань, обслуживающих военнослужащих, почтово-телеграфных служб, очередей и т.п. Собирать сведения о передвижении войск по железной дороге и воде, дислокации воинских частей, перевозке военных грузов, характере и объеме продукции оборонных заводов, политико-моральном состоянии населения и т.д.

3. Харин Петр Яковлевич⁵⁶⁴, кличка “Малютин”, 1915 года рождения, урож[енец] Орловской обл., б[ывший] ефрейтор танковой части № 9401. 10 августа 1941 года у гор. Столбца попал в плен. Окончил Варшавскую школу на радиста.

4. <...> кличка “Малахов”, 1908 г. рождения, урож[енец] дер. Ильвебары Козловского р-на Чувашской АССР, чуваш по национальности, член ВКП(б) с 1940 г., до плена был в учебном полку НКВ при 24-й армии. В плен попал 9 октября 1941 г. под

Юхновым. Окончил Варшавскую школу. “Малютин” и “Малахов” получили аналогичные задания на г. Казань. Все они особо предупреждены опасаться наружного наблюдения, особенно при входах и выходах с квартир. Калабалин, “Раснянский”, “Малютин” и “Малахов” после выброски явились добровольно с повинной <...>

По показаниям задержанных нами парашютистов в ночь с 13-го на 14-е сентября сего года в район г. Владимира или Гороховца у села Нагорное северо-западнее от г. Вязники (все Ивановской обл[асти]) сброшены окончившие Варшавскую школу разведчики:

1. <...> кличка “Алехин”, 2. <...> “Мудров”.

По показаниям Калабалина, в ночь с 16 на 17-е или с 17 на 18 сентября с. г. сбрасываются еще 2 пары парашютистов: одна в Рязань, другая — в Рузаевку Мордовск[ой] АССР. В Рязанскую группу входят:

1. “Немилов”... Объявлен во всесоюзный розыск по списку 23, порядковый № 84 за август 1942 г. Проявлял тенденцию явиться с повинной. 2. “Кобзарь” Яков, волосы черные, лицо выпуклое, скулы выдаются. Одет в командирскую шинель, синие брюки. При нем черный шерстяной костюм.

В Рузаевскую группу входят: 1. “Шапошников” <...> 2. “Петров” — ниже среднего роста, крутолобый, каштановые волнистые волосы, маленький рот. <...> “Шапошников” склонен явиться с повинной. Все снабжены рациями, польскими револьверами “Наган”, часами “Орфей” и крупными суммами денег.

<...> О всех парашютистах, выброшенных в других областях, ориентированы соответствующие УНКВД».

Спустя два дня, 19 сентября 1942 года, начальник УНКВД по Горьковской области направил спецсообщение на имя заместителя начальника 2-го Управления НКВД СССР старшего майора госбезопасности Л.Ф. Райхмана:

«В дополнение к спецсообщению от 17/IX с/года “О задержании немецких парашютистов-разведчиков” — сообщая:

Помимо явившихся с повинной парашютистов: Калабалина С.А., Парменникова Я.Г., Харина П.Я. и [“Малахова”], 17/IX в 14 часов в д. Шеретина Арзамасского района добровольно явилась последняя группа парашютистов, в составе:

1. <...> (“Колосов”), 1919 г. рождения, урож[енец] г. Мелитополя, караим по национальности, б[ывший] член ВЛКСМ с 1940 года, б[ывший] младший сержант танковой части; до службы в РККА окончил техникум связи в г. Ташкенте. В плен попал 29/VI-[19]41 г. в Литве. Окончил Варшавскую школу в качестве радиста.

2. (“Степной”), 1910 г. рождения, уроженец г. Москвы, из семьи рабочего, беспартийный, образование 6 классов и курсы электромехаников. В 1940 году был осужден за опоздание на работу. Жена и дочь проживают в Москве, Набережная М. Горького, дом № 8, кв. 30, б[ывший] красноармеец, в плен попал в октябре м-це 1941 г. Окончил Варшавскую разведшколу в качестве информатора. Задания получили аналогичные первым двум группам, о которых вам сообщалось. При них изъяты: радиостанция, 2 револьвера и 20 тысяч рублей совзнаками».

Таким образом, по состоянию на 19 сентября 1942 года в советские органы безопасности явились три разведгруппы противника в количестве шести бывших агентов германской военной разведки.

Стоит отметить, что маршрут пролета немецкого самолета, с которого были выброшены агенты-парашютисты, был зафиксирован постами ВНОС и передан в органы НКВД.

Параллельно специалисты 2-го Спецотдела НКВД СССР изучили радиостанции, изъятые у явившихся с повинной агентов германской военной разведки. По результатам было составлено описание радиостанций, которыми абвер снабжал своих агентов:

«Каждая радиостанция имеет свой номер. Оформление: Радиостанция состоит из двух упаковок, размещенных в обычных противогазных сумках. В одной сумке размещены — передатчик, приемник (в общем каркасе), 2 сухих батареи напряжением по 90 вольт и 2 кварца. Во второй сумке: 1. Две сухих батареи по 3 вольта (одна рабочая и вторая запасная). 2. Одна батарея 90 вольт (рабочая). 3. Ключ. 4. Наушники. 5. Антенна. 6. Комплект запасных ламп. 7. Отвертки и мелкий монтажный материал.

Габариты: Передатчик — 140x120x55 (с ручками).

Приемник — 170x120x85 (-»- -»- -»-).

Общий (приемник, передатчик и батареи) — 315x230x85.

Передатчик одноламповый, на лампе “КЛ2”. Для работы имеется два кварца с отметками I и II и указанием частоты. Приемник — 3-ламповый. Диапазон приемника в среднем 30–63 м. Шкала приемника оформлена в градусах от “0°” до “180°”. Для прослушивания центра на шкале сделаны две пометки карандашом I и II, так что рабочие частоты центра агенту неизвестны. На разных приемниках диапазоны волн по делениям шкалы не совпадают.

Данные радиостанций, отобранных у переброшенных на самолетах немцами трех шпионских групп:

Группа № 1. Радиостанция № 285.

Приемник — общий диапазон 29,9–58,6 м (проградуированы нами). На шкале имеются две отметки рабочих волн центра:

I отметка 92° — 40,6 м (проградуированы нами); II -”- -”- -”- — 156° — 54,4 м (-”- -”- -”- -”-).

Передатчик — имеет два кварца: I кварц — 7665 кгц (39,14 м); II кварц — 5763,7 кгц (52,1 м).

Группа № 2. Радиостанция № 286.

Приемник — общий диапазон 29,7–57,74 м. На шкале имеются две отметки рабочих волн центра: I отметка 32° — 38,5 м (проградуированы нами); II -”- -”- -”- — 156° — 53,6 м (-”- -”- -”- -”-).

Передатчик — имеет два кварца: I кварц — 7676,6 кгц (39,08 м); II кварц — 5413,7 кгц (55,4 м).

Группа № 3. Радиостанция № 221.

Приемник — общий диапазон 36,2–63 м. На шкале имеются две отметки рабочих волн центра: I отметка 47° — 36,9 м (проградуированы нами); II отметка 66° — 39,7 м (-”- -”- -”- -”-).

Передатчик — имеет два кварца: I кварц — 8547 кгц (36,9 м); II кварц — 6449 кгц (48,5 м)».

Одновременно сотрудниками НКВД проводилось следствие в отношении агентов противника. В ходе этих мероприятий Семен Афанасьевич написал автобиографию, в которой рассказал о жизни до войны, не забыв упомянуть при этом, что является одним из героев «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко:

«В 1916 году в августе месяце на пощечину помещицы ответил кнутом по ее спине и бежал с усадьбы. Около двух недель жил в огородах, питаюсь — что стащу

и, наконец, ушел в г. Полтаву. Жил в воровских притонах на кладбищах и промышлял карманными и квартирными кражами. Имел около полусотни приводов в полицию и однажды направлен в колонию для малолетних преступников — от туда бежал.

В конце 1917 года пристал к вооруженному отряду, налетавшему на город и ушедшему в лес в окрестностях г. Полтавы. Оказалось, что во главе отряда красных партизан стоял мой брат Иван. Впоследствии отряд вошел в состав 1-го украинского советского полка им. Шевченко. Брат был командиром батальона, а я — разведчиком.

В бою с гайдамаками под ст. Раздольная я был ранен в ногу, лежал в Николаеве, а потом уехал в Полтаву. (Кажется, 1919 г.) я нашел своего брата Ивана, который партизанил против деникинцев (помню операции: налет на юнкерское училище и на ст. Кобеляки — пустили под откос броневик и вырезали около сотни деникинцев). Затем отряд влился, если мне память не изменяет, в 501-й полк, который действовал против деникинских войск.

В бою под Белгородом был ранен в руку. Лежал в Харькове, затем болел тифом — был переведен в тифозный городок, а по выздоровлении уехал к родителям в с. Сулимовка, где застал отца, мать и младшую сестру. Братья Ефим, Иван, Андрей и Марк — были в Красной армии. Побыв дома около месяца, я уехал в Полтаву и, кажется, в марте-апреле 1920 г. с отдельным 53(?) батальоном уехал на Польский фронт. Под Прос<нрзб>вки был ранен в обе ноги, но не сильно. Лежал с неделю в какой-то деревне, а затем добрался до г. Полтавы и в армию больше не возвращался.

Встретившись с «друзьями» по воровской жизни — я организовал группу воров, человек 10, и занимался грабежами. Мой старший брат Ефим был начальником конного отряда резерва милиции в Полтаве. Моя группа воров подверглась его преследованию. В декабре 1920 г. он всех нас переловил и посадил в тюрьму. Я просидел три месяца и решением Комиссии по делам несовершеннолетних был определен в детскую трудовую колонию им. М. Горького (см. «Педагогическую поэму» А. Макаренко, где я прохожу как герой поэмы под псевдонимом Семен Карбанов).

В колонии Горького вступил в комсомол. В 1922 г. был командирован на рабфак в г. Харьков при Сельхозинституте и в 1927 г. закончил инженерно-мелиоративный факультет. Был призван в армию и определен в школу одногодичников при 25-й стр[елковой] дивизии им. Чапаева в г. Полтаве. Через два месяца был демобилизован как ограниченно годный по состоянию здоровья — болезнь желудка.

Начиная с 1928 г. по 1941 г. я работал в детских домах и колониях Наркомпроса и НКВД в качестве начальника УВЧ (учебно-воспитательная часть. — *Авт.*) или директора. Работал в Харькове: колония им. Р. Люксембург — заведующим, колония им. Короленко — помощником по УВЧ, колония им. Горького — помощником по УВЧ, колония им. Дзержинского ГПУ УССР — физруком по 1931 г. <...> В мае месяце 1939 г. в связи с введением меня членом комиссии по увековечению памяти А. Макаренко при Союзе писателей СССР переведен в Москву. Получил назначение работать директором детдома № 3 Мосгороно, а в 1940 г. в декабре месяце был назначен директором детдома № 60 для трудных детей в Москве, где и работал до 30 июня 1941 г., т.е. до момента добровольного ухода в

Красную армию. В партию вступил в 1939 г. в Малинском районе, Москов[ской] области...»

Бурная юность будущего педагога помогла ему быстро и правильно ориентироваться в сложной обстановке военного времени, выжить в плену и вернуться к своим.

По материалам других задержанных агентов было установлено, что Калабалин во время пребывания в школе абвера высказывал намерение сдать советским властям и не работать на германскую военную разведку. В германской разведшколе Калабалин был известен под псевдонимом Бестужев. На допросе один из явившихся с повинной германских агентов рассказал о поведении Калабалина в плену:

«Молодцов» показал: «Бестужев»* — прозывали «Батей», украинец, как зовут и как фамилия, не знаю, о себе он рассказывал, что его жизнь описана в книге Макаренко «Педагогическая поэма». Слыл за веселого человека, чудака. В лагере заведовал огородом. Как попал в плен и кем был до плена, мне неизвестно. В местечке Катынь, перед выброской «Бестужев» сказал нам — группе разведчиков — «Как только приземлюсь, то, прежде всего, поцелую русскую землю»».

После нападения нацистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года С.А. Калабалина призвали на военную службу, в августе того же года он был назначен командиром группы спецназначения ГРУ. 13 августа 1941 года на самолете вместе с группой Калабалин был выброшен на парашюте в тыл противника. О том, что с ним случилось дальше, Семен Афанасьевич рассказал на следствии в УНКВД по Горьковской области. На допросе 21 сентября 1942 года С.А. Калабалин дал показания о том, как он оказался в плену у немцев:

«Вопрос: Расскажите, как вы оказались в плену у немцев? *Ответ:* Выброска (13 августа 1941 года. — *Авт.*) нас с самолета произошла очень неудачно. В связи с плохой распорядительностью, нетрезвостью инструктора грузовой парашют зацепился и его выброска задержалась на 15–20 минут. В связи с этим сброс моих спутников растянулся, и мы оказались выброшенными не в назначенном месте и далеко друг от друга.

После моей выброски, благополучно приземлившись, я начал искать своих товарищей и утром нашел только 2-х человек, а именно: радиста — по имени Василий, фамилию не помню, и один боец по имени Кирилл, фамилию также не помню. Остальных нам найти не удавалось. После тщетных поисков примерно в 10 часов утра мы в роще присели позавтракать, оставив радиста в дозоре.

Вскороности наш дозорный окликнул меня: «Товарищ командир, идите сюда, здесь партизаны». Не зная, кто обнаружил нас, да и встреча с партизанами вообще не входила в наши планы, я сказал двум моим товарищам, чтобы они попытались скрыться, а сам пошел навстречу «партизанам», выяснить, кто они. Их оказалось человек 25–30, все вооружены винтовками, пистолетами, гранатами, в т.ч. три ручных пулемета. Действуя отдельными группками, они окружили нас полукольцом.

Хотя бы ценой своей жизни, я решил сохранить ребят, особенно радиста, я решил этих вооруженных людей отвлечь на себя, давая товарищам уйти.

Эти вооруженные люди назвались партизанами и, довольствуясь тем, что я как командир пришел к ним, никакого преследования за моими товарищами не орга-

* Псевдоним С.А. Калабалина в Варшавской разведшколе.

низовали, а предложили мне следовать с ними в село, где находился их командир, позже я узнал, что это было село Антоновка Барышевского района Винницкой области.

Едва вошли в село, как эти “партизаны” набросились на меня и начали избивать прикладами, ногами и т.д., избивали до полусмерти, потери сознания.

Потом я по их возгласам и репликам, а также по их повязкам, я понял, что попал в руки “петлюровцев” — украинских националистов. Избитый, я был доставлен на подводе в село Майдан, там подвергся допросу со стороны какого-то украинского националиста. Назвался я ему Наливко Иваном Андреевичем из села Стороженко Чутовского р-на Полтавской области, рядовым бойцом, сброшенным с самолета для разведывательных целей. Оттуда был перевезен в село Барыши, где был заключен под стражу и вскорости передан немцам.

Вопрос: Будучи переброшенным с серьезными задачами, с оружием как боевик, вы ничего не сделали, а, бросив отряд, добровольно и без сопротивления сдались врагу. Как следует расценивать ваш поступок? *Ответ:* В связи с тем, что мы оказались окруженными значительно превосходящими нас силами, я считал вооруженное сопротивление бессмысленным, возможности уйти у нас не было. Поэтому я и решил пожертвовать собой, чтобы спасти товарищей и особенно радиста, крайне необходимого для отряда, т.к. я считал, что отряд соберется и будет действовать. Кроме того, я еще не был уверен, что это не партизаны, а поэтому считал, что с их командиром мне удастся сговориться.

Вопрос: Как вы были одеты и за кого вы себя выдавали этим “партизанам”?

Ответ: Одет я был в полувоенную форму — в сапогах, в летних, полувоенного образца брюках и гражданском пиджаке и гражданской фуражке. Сверх одежды на мне было оружие — “Маузер” № 3 и пистолет “ТТ”. Отрекомендовался я им командиром партизанского отряда. Позже я назвал себя при допросе, как показал выше, рядовым бойцом Красной Армии Наливко Иваном Андреевичем...»

На повторном допросе 22 сентября 1942 года Калабалин сообщил ценные сведения о противнике, в том числе и Варшавской разведшколе германской военной разведки, подчинявшейся центральному органу абвера на советско-германском фронте — штабу «Валли», размещавшемуся в местечке Сулеювек под Варшавой, в бывшей усадьбе маршала Пилсудского:

«Вопрос: В каких лагерях для военнопленных вам пришлось побывать за время пребывания в немецком плену и по каким причинам вас перебрасывали из одного лагеря в другой? *Ответ:* По выходе из карцера в Новгород-Волынске, меня одного отправили на станцию и погрузили в находившийся там эшелон с военнопленными, с которыми я и прибыл в Холмский лагерь для военнопленных, так называемый лагерь “А”. Это было в первой половине сентября [19]41 года, в этом лагере было около 80 тысяч военнопленных. Здесь впервые я проходил регистрацию, заполнял специальную анкету для военнопленных. Эта анкета содержала около 20 вопросов такого характера: фамилия, имя и отчество, место и время рождения, фамилия и имя матери (девичья), образование, военная специальность, звание, место работы до армии, партийность и т.д. Здесь я опять назвался фамилией Наливко Иваном Андреевичем, рядовым бойцом, с высшим образованием, педагог и спортрук, беспартийный.

Из Холмского лагеря меня в группе 3000 украинцев числа 20 ноября перевели в лагерь Понятово. Здесь тогда было около 12 тысяч человек, но в связи с сви-

репствующей там эпидемией тифа и дизентерии вскорости в этом лагере осталось в живых из 12 тысяч человек всего 250 чел. Заболел тифом и я, болел с 17/XII-[19]41 г. по 19/I-[19]42 г., но мне удалось подняться <...>

В марте месяце [19]42 г. меня и еще одного по фамилии Сахнишин, был в лагере поваром, снова перевезли в Холмский лагерь “А”, расстояние около 300 километров. Ехали мы в сопровождении немецкого конвоя. В Холме я попал в группу съезжающих, отбираемых, по-видимому, из разных лагерей. Спустя дней 10 туда в Холм приехал немецкий офицер — ротмистр Марвиц вызвал меня и спросил, желаю ли я работать против “большевиков”. Я согласился, так как видел в этом деле перспективу либо сбежать, либо работать на пользу своей родины — СССР. Таким образом, я оказался отобранным в число других 32 человек в школу разведчиков. Как позже я узнал, ротмистр Марвиц был начальником этой школы. Школа разведчиков помещалась под г. Варшавой в поселке Сулеювек, куда нас перевезли. <...>

Вопрос: В каких условиях вы находились в школе разведчиков? *Ответ:* Школа разведчиков-радиостов, куда я был назначен, насчитывала около 160 человек. Школа огорожена проволокой не была, но слушателям было запрещено ходить за определенную зону и особенно общаться с населением. Кормили нас прилично, в день давали около 400 гр. хлеба, литр мясного супа, грамм 25 масла или маргарина, иногда колбасу — 50 гр., иногда — повидло и утром и вечером — чай. Кроме того, на неделю — пачку махорки и 3–5 сигарет в день. Занимались мы: радиodelом — 3½ в день и 3 часа в день такими предметами, как топография, организация РККА, методы работы органов НКВД и физподготовка.

Вопрос: Назовите руководящий состав и преподавателей школы? *Ответ:* Начальник школы — ротмистр Марвиц, его помощник — ротмистр Броницкий⁵⁶⁵. Вопросами документов для разведчиков ведал обер-лейтенант, фамилию его не знаю, кроме этих из немцев, был еще один капитан, ведал отправкой разведчиков, фамилию его не знаю <...>

Вопрос: Сколько времени вы находились в школе в Сулеювек? *Ответ:* В школе находился 5 месяцев.

Вопрос: Где вы находились по окончании школы разведчиков? *Ответ:* Школу закончили 12 августа, а 27 августа нас перебросили на так называемый пересыльный пункт, откуда ведется переброска агентов-разведчиков на территорию СССР — пункт этот расположен под Смоленском, д. Катынь.

Вопрос: Когда и с какими задачами вы были перебросены на территорию СССР? *Ответ:* В ночь с 15 на 16 сентября я, с группой разведчиков в 6 чел., был сброшен с немецкого самолета в Горьковской области в районе г. Арзамас. Задание перед нами поставлено: разведка движения войск по жел[езной] дороге, водным и шоссейным путем, где формируются воинские части, их возраста, командный состав, вооружение, работа промышленности, транспортировка грузов и вооружения и боеприпасов. Разведка военных складов, аэродромов. Помощь союзников и политико-моральное состояние частей Красной армии и населения <...>

Вопрос: Когда и как вы приняли решение сдать добровольно органам НКВД? *Ответ:* За все время пребывания в плену я постоянно думал и искал случая вернуться на территорию СССР и служить на пользу родине, такой возможности я ожидал. Больше того, я по мере возможности склонял и уговаривал

моих товарищей по школе. К этому, в частности, я подготовил перебрасываемых разом со мной радистов-разведчиков: [“Малютина”], [“Раснянского”] (мой напарник) и др.

Вот поэтому, как только я приземлился на территории СССР — я пошел искать ближайший орган НКВД, чтобы явиться с повинной, что мной и было сделано 16 сентября...»

Информация, сообщенная германскими агентами о Калабалине и его напарнике, результаты проверки, а также предоставленные ими сведения о формах и методах работы германской военной разведки, радиостанция, коды и шифры и другие подробности — все это создало благоприятные условия для проведения игры с противником. Подтверждено и то, что Калабалин действительно являлся разведчиком ГРУ.

Документальные материалы агентурной комбинации «Заряд» хорошо иллюстрируют, как совершенствовалась методика использования задержанных агентов-радистов противника в целях дезинформации германского военного командования.

30 сентября 1942 года начальник УНКВД по Горьковской области майор госбезопасности В.С. Рясной⁵⁶⁶ и заместитель начальника КРО УНКВД по Горьковской области лейтенант госбезопасности Д.П. Борисенко⁵⁶⁷ направили начальнику 2-го Управления НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотову за № 3/2076 спецсообщение о ходе радиогри под условным наименованием «Заряд»:

«Продолжая работу по связи с немецким разведывательным центром в г. Смоленске с использованием рации “Семена”, мы 28 сентября в 14 час. 30 мин. по московскому времени передали две зашифрованные радиограммы, текст коих нам предложен 2-м Управлением НКВД Союза ССР, а именно:

первая: “25 и 26 сентября изучали движение перевозок. На запад прошло 47 поездов, из которых 28 войсками, 7 боеприпасами, остальные дрова, уголь, металл”;

вторая: “Разрешите неделю не работать, надо основательно устроиться. Ночуем на эвакуационном пункте, аппарат хранится в предместье, Кстовском районе. Жду завтра”.

29 сентября с. г. радиоустановкой 2-го спецотдела УНКВД по Горьковской области, контролирующей работу Смоленского разведывательного центра, была принята радиограмма из Варшавы Смоленску для передачи корреспонденту “ВЦЛ” (позывные “Семена”) следующего содержания: “Устройтесь сперва, потом начинайте работать. Поздравляю с хорошим приземлением. Шршр*».

В тот же день в установленное время “Семен”, связавшись со Смоленским разведцентром, получил радиограмму, текст которой полностью совпал с радиограммой, приведенной нами выше.

Однако наряду с выраженным в радиограмме согласием на перерыв в работе “Семена” до окончательного его устройства Смоленский разведывательный центр вчера, 29 сентября, снова дал знак “ОД-1”, что означает предложение связаться с ними и 30 сентября в установленное время, то есть в 14 час. 30 мин. по московскому времени.

Мы полагаем (в соответствии с Вашей установкой) в работе рации “Семена” сделать перерыв на неделю, то есть до 6 октября с. г.»⁵⁶⁸.

* Позывные разведцентра противника.

Контроль радиообмена «Семена» с центром проводился радиостанцией № 11 2-го Спецотдела НКВД СССР в г. Горьком. Анализ проконтролированных связей показал, что Смоленская радиостанция германской военной разведки является переприемным пунктом, и все сведения, получаемые от переброшенных на советскую территорию германских агентов, станция передает, не расшифровывая, в Варшаву, где находится основной центр — штаб «Валли».

Специалисты 2-го Спецотдела также обратили внимание на то, что как в Смоленске, так и в Варшаве радиостанции обслуживают квалифицированные радисты, которые всячески стараются облегчить работу своих «корреспондентов», заброшенных в советский тыл.

Любопытные подробности организации радиогры содержатся в рапорте начальника радиостанции № 12 2-го Спецотдела УНКВД по Горьковской области начальнику Спецотдела УНКВД по Горьковской области от 9 октября 1942 года:

«8-го октября 1942 года по вашему распоряжению я присутствовал при проведении связи перевербованной агентурной точки немецкой радиоразведывательной сети (позывной “ВЦЛ”) с центром в г. Смоленск (позывной “ЛЦВ”). <...>

Радиостанция агента была развернута на крыше здания УНКВД. Точно в назначенное время (14-30) была обнаружена работа центра. Слышимость Смоленска была хорошей, но прием затрудняется сильными индустриальными помехами <...>

По ходу работы агентурной точки “ВЦЛ” считаю необходимым обратить внимание на следующее:

1. Текст радиограммы должен излагаться самим агентом с соблюдением только смыслового содержания их, так как за период обучения в Варшавской школе разведчиков-радистов агент прошел специальный курс по составлению донесений.

По словам агента, им было составлено около 100 учебных радиограмм, что дало возможность хорошо изучить его стиль. Поэтому дословная передача приготовленных другим лицом донесений может служить причиной немедленной расшифровки радиста как нашего агента. Предварительная договоренность с КРО по этому вопросу имеется.

2. Работу радиостанции необходимо срочно перенести из здания УНКВД в подобранную для агента квартиру, что избавит от сильных помех, создаст более нормальные условия для работы и будет более целесообразно в оперативном отношении».

Контроль радиообмена также позволял точно установить дислокацию разведывательных подразделений германской военной разведки, действовавших на советско-германском фронте, перехватывать, а затем и дешифровывать их радиопередачи, в том числе и линии связи с руководством абвера в Берлине.

24 октября 1942 года заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга В.М. Меркулов утвердил «План оперативных мероприятий по организации работы радиоточки агента “Семенов”», согласованный с начальником 2-го управления НКВД СССР комиссаром госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотовым.

План был разработан заместителем начальника 2-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР капитаном госбезопасности Н.М. Ендаковым и начальником 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР майором госбезопасности П.П. Тимофеевым. В документе говорилось:

«Семен» и «Раснянский» по своей инициативе дали подробные и очень ценные сведения о Варшавской школе разведчиков, разведорганах германской армии, заброшенной в наш тыл и подготавливаемой к выброске агентуры противника.

Имеют задание осесть в гор. Горьком (по гражданским фиктивным документам) и установить численность, наименование и дислокацию воинских частей в районе Горького, объем, характер и направление железнодорожных перевозок, характер и объем выпускаемой ими продукции, политико-моральное настроение населения.

Исходя из интересов Главного командования Красной армии, было признано целесообразным агента «Семен» использовать по дезинформации противника. С этой целью 17/IX-1942 г. «Семен» с санкции КРУ НКВД СССР дал первую радиogramму, сообщив о благополучном приземлении. В последующем, до 28 сентября с. г. было проведено еще три сеанса связи.

Противнику сообщены дезинформационные сведения о передвижении воинских частей через Горький на запад. В последний сеанс было обусловлено, что «Семен» в течение недели будет подыскивать квартиру и заниматься устройством личных дел. За это время он был доставлен в Москву в КРУ НКВД СССР и передпрошен.

Перед опросом «Семена» установлена полная тождественность ранее данных им показаний и точно установлено, что он действительно является агентом Разведывательного управления Генштаба Красной армии, работниками которого характеризуется только с положительной стороны. Показаниями других разведчиков, обучавшихся в Варшавской школе, «Семен» характеризуется также положительно.

Проведенные первые сеансы связи по радиостанции «Семена» дают основания считать, что «Семен» в работу включился своевременно и вызывать какие-либо подозрения у противника не должен <...> Контроль за работой Калабаллина на ключе возложить на радиоузел 2-го Спецотдела УНКВД <...>

Помимо передачи противнику дезинформационных материалов, по рации Калабаллина проводить легендирование установления связи с антисоветским подпольем, вызовы квалифицированной агентуры противника, внедрение в разведорганы противника нашей агентуры и другие агентурно-оперативные комбинации...»

В тот же день по указанию заместителя наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулова С.А. Калабаллин из-под стражи был освобожден и включен в «оперативную комбинацию».

Радиоигра началась в разгар оборонительных сражений под Сталинградом. Ее главной задачей являлась передача противнику дезинформации военного характера. В этой связи поместим фрагмент из «Дневника работы радиоточки» за октябрь–декабрь 1942 года:

8 октября: «6 и 7 октября на Запад по жел[езной] дороге прошел 21 эшелон войск. Отправлено с места 6 эшелонов орудий разных калибров, 5 эшелонов боеприпасов и больше 10 составов с грузами. Наблюдали до 12-ти часов».

13 октября: «Горький, 11 октября, отправлено вверх по Оке три баржи с танками “Т-26” и “Т-34”. В каждой барже 35–40 танков».

15 октября: «Горький. Слышал от военных, что весной этого года в районе г. Лукьянов сформировано 3 стрелковых дивизии. Готовятся для ведения действий зимой».

19 октября: «Со стороны Кирова через Горький на Запад происходит активная переброска войск. Ежедневно проходит 4–7 эшелонов. Возраст 30–40 лет, русские, наблюдения продолжаем».

20 октября направлена шифровка о состоянии со снабжением г. Горького и о настроении населения: «В городе трудно с продовольствием, острый недостаток промтоваров и ширпотреба, удовлетворительно снабжаются только рабочие и их семьи. Рынок очень дорогой, на почве этого наблюдается недовольство отдельных людей».

21 октября: «20 октября вниз по Волге отправлено две баржи с орудиями 76-мм. Количество не установлено».

24 октября: «22 и 23 октября по шоссе на Москву прошло 113 автомашин, груженых частями самолетов и разным вооружением».

28 октября: «Между деревнями Пикино и Старожилово Борского района находится аэродром. Построено несколько подземных складов для горючего. На площадках видел 12 двухмоторных бомбардировщиков».

В целях защиты города от возможных атак с воздуха «любезно» уведомили центр об усилении противовоздушной обороны Горького. С этой целью 1 ноября радировали:

«В ночь на 30 октября в городе дважды объявлялась воздушная тревога, был сильный огонь зенитных орудий. 31 октября по городу прошло 40 зенитных орудий средних и крупных калибров. В разных районах города происходит их установка. Ведем проверку».

Попутно центру намекнули о необходимости прислать помощь, с этой целью 5 ноября радировали: «Деньгами вы нас снабдили недостаточно. Только на покупку гражданского платья истратили 15 тыс. Много тратим также на питание. Запас денег на исходе».

11 ноября: «7-го ноября во всех районах города состоялись митинги о годовщине, много говорят о докладе Сталина и верят в открытие второго фронта. Вверх по реке 8 ноября отправлено 85 разных танков. Прибывшие в город зенитки расставлены в р-нах заводов Молотова, Орджоникидзе. Доступ туда затруднен».

16 ноября: «Последние дни по городу проходят десятки грузовиков с лыжами, слышали о подготовке в Горьком специальных лыжных частей».

19 ноября: «В город прибыло пятьдесят вагонов лыж. Автомашинами отправлены в Починковский, Гагинский, Шатковский, Лукьяновский районы. Туда едут инструктора-лыжники. [В] Лукьянове находится штаб лыжных частей».

26 ноября: «С 22 ноября транзит войск на Москву усилился, в среднем [в] сутки проходит 10–12 эшелонов, прибывают с Урала и Сибири. Оживленно обсуждают бои под Сталинградом и говорят о предполагаемом наступлении под Ленинградом и юго-западнее Москвы».

28 ноября: «Вчера с товарной станции отправлено на запад девять эшелонов пехоты, погрузка продолжается, наблюдение ведем».

2 декабря: «С 27 ноября до 2 декабря здесь погружено и отправлено на Москву 32 эшелона пехоты. Войска обучались все лето в районе города Лукьянова. Погруз-

ка продолжается, наблюдаем. Питание рации слабеет, запасных предохранителей нет».

3 декабря: «Подмена больным прошла удачно, освободили как желудочного больного^{*}. С работой не получается, деньги нужны позарез, независимо от погоды ждем поддержки».

5 декабря: «Отправка войск отсюда прекратилась. Всего отправлено 63 эшелона. Бойцы одеты в полушубки, большинство имеет маскировочные халаты. Вооружены новыми винтовками, отдельные команды автоматчиков».

9 декабря из центра пришла ответная шифрограмма: «Полета пока нет. Старайтесь продержаться, я все сделаю, чтобы помочь». В тот же день противнику радировали: «6 декабря здесь погружены и отправлены на Москву 52 мощных английских танка, находившихся в ремонте, военные их называют здесь “Черчилль”».

12 декабря: «В печати сообщают, что закончилось обучение бойцов спецподразделений третьей очереди Всеобуча [в] Сосновском, Воротынском, Арзамасском, Кологривском, Семеновском и других районах области. Нужны ли эти сведения».

19 декабря: «Сельское население под воздействием политических агитаторов дает государству большие денежные пожертвования. По отдельным областям до 60 млн рублей. Везде пропагандируется, что на эти средства будут построены специальные эскадрильи самолетов и танковые колонны».

21 декабря: «Среди военных распространены слухи о прибытии сюда из Москвы генерал-лейтенанта Соколова (фамилия не точно) для формирования резервной армии для будущей летней кампании. Формирование начнется с января будущего года».

24 декабря: «За последние дни значительно увеличился грузооборот железной дороги за счет перевозок угля, металла, боевой техники и продовольствия. В октябре на Москву проходило 24–26 поездов в сутки, сейчас увеличилось до 30–35 поездов. Войска проходят от 3 до 4-х составов в сутки. Попытки связаться затрудняются, питание очень слабое, требуется срочная помощь».

В тот же день из центра пришла благодарность за «ценные» сведения: «Благодарю вас за сообщение, желаю вам счастливых праздников, от всех нас сердечный привет».

26 декабря направили в центр категорическое требование: «Деньги требуются неотложно, когда обещаете твердо выслать, укажите срок. Попутно пришлите батареи и предохранители».

Руководство советской контрразведки постоянно анализировало практику работы контрразведывательных отделов территориальных подразделений Наркомата внутренних дел СССР по использованию захваченных радиостанций противника и вносило в их работу соответствующие изменения. 19 февраля 1943 года начальник 2-го Управления НКВД СССР направил в УНКВД по Горьковской области директиву, в которой говорилось:

«В практике работы отдельных КРО НКВД-УНКВД по использованию захваченных агентурных радиостанций противника допускаются, как установлено кон-

^{*} В радиограмме речь идет о легализации в Горьком напарника «Семена» — «Раснянского» под видом больного и не подлежащего призыву в Красную армию.

трольным наблюдением НКВД СССР, серьезные недочеты, демаскирующие нашу “игру” с противником. Главными из них являются:

а) Большая продолжительность сеансов связи, нередко от часа до полутора часов, тогда как, согласно инструктажу противника, агент-радиист должен свое нахождение... укладывать в самый короткий срок, во избежание его засечки нашей радиоконтрразведывательной службы.

б) Вступление в радиосвязь с противником без всякой на то надобности и назначения очередных сеансов связи в сроки, явно противоречащие легендируемым трудностям и ограниченным возможностям агента работать на рации.

в) Длительное промедление в ответах на задаваемые агенту-радиисту вопросы, что дает основание противнику догадываться о самостоятельных действиях радииста.

г) Слишком очевидная заинтересованность получения радиogramм от противника, проявляющаяся в бесполезной и ненужной назойливости кодовым выражением “дай радиogramму” по отношению к радиоразведцентру.

д) Неестественный для агента-нелегальщика характер прохождения радиосвязи, являющийся следствием того, что оперработник заранее не имеет с радиистом твердой договоренности о порядке проведения намеченного сеанса.

Анализ конкретных случаев нарушения элементарных условий работы используемых агентурных радиостанций противника показывает, что все эти ненормальности происходят главным образом из-за неподготовленности к каждому сеансу радиосвязи и игнорирования опер[ативными] работниками легендируемых условий работы.

В целях исключения подобных недочетов в будущем, КРО НКВД-УНКВД, ведущие работу по использованию вражеской радиоагентуры, должны строго руководствоваться следующим:

1. В работе с перевербованной радиоагентурой противника строго учитывать естественные условия и легендированные трудности нелегального нахождения разведчиков в тылу СССР.

2. Тщательно готовиться к проведению каждого сеанса радиосвязи с противником, заранее и подробно инструктируя агента о его задаче и ответах на возможные по ходу связи вопросы со стороны противника (как вступать в связь, что передать, запросить, как ответить на требования “повтори радиogramму”, когда назначить следующий сеанс и т.д.).

3. Каждый сеанс радиосвязи и передачу радиogramм противнику проводить только с ведома и санкции КРУ НКВД СССР.

4. В условиях плохого прохождения радиоволн или при наличии помех других радиостанций стараться избегать работать. Если радиосвязь была начата и очевидно, что в силу названных условий она может окончательно безуспешно (или чрезмерно затянуться), работу следует прекратить, ссылаясь на эти причины, и назначить очередную связь, исходя из установленного легендой режима работы данной рации через 1–5 дней.

5. Не требовать радиogramму от центра в ходе служебных переговоров кодом “ДР” (“Дай радиogramму”), если от противника не поступило предложение принять радиogramму или если это не вызвано ходом разработки.

6. На запросы противника о повторении переданных ему депеш, в приеме которых мы получили от него квитанцию, всегда отвечать кодом, что депеша анну-

лирована. В этих случаях затребованные радиogramмы должны составляться заново, обязательно в измененном виде, и на их передачу требуется санкция КРУ НКВД СССР.

7. Если противнику была передана радиogramма, но от него не получена квитанция, подтверждающая ее получение, рекомендуется в очередном сеансе связи запросить квитанцию. На поступившее в данном случае предложение противника повторить переданный в предыдущем сеансе текст, необходимо его передать в той же зашифровке абсолютно без всяких изменений.

8. После каждого сеанса работы немедленно информировать КРУ НКВД СССР запиской по ВЧ или шифртелеграммой о результатах сеанса и намеченных дальнейших мероприятиях. В записке необходимо указывать данные: время установления связи, количество знаков и полные тексты переданных и принятых радиogramм, получена ли квитанция в приеме радиogramмы, время окончания связи, какие новые обстоятельства в работе агента или центра отмечены, когда намечается очередной сеанс, что предполагается в очередной передаче. Работу оперсостава, прикрепленного к радиоточке, прошу взять под свой личный контроль».

Материалы радиообмена радиоточки «Заряд» также помогали советской контрразведке вскрывать намерения германского военного командования.

До мая 1943 года С.А. Калабалин находился в распоряжении КРО УНКВД по Горьковской области, затем был передан отделу контрразведки «Смерш» Горьковского гарнизона, который после реорганизации советских органов безопасности и образования ГУКР «Смерш» НКО СССР взял на себя дальнейшее ведение радиоигры с противником. При этом в связи с оперативной целесообразностью Калабалин некоторое время (до 1944) проживал по фиктивным документам, выданным германской военной разведкой на имя майора Красной армии Алексея Николаевича Козлова.

О важности военной дезинформации, переданной в ходе радиоигры противнику, свидетельствует такой факт. 3 июня 1943 года в докладной записке № 128/А в Наркомат обороны СССР о результатах работы по использованию в радиоиграх захваченных агентов-радистов противника начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумов упомянул и о проводимой спецоперации из г. Горького:

«Радиостанция “Семенов”. Находится в г. Горьком, в радиоигру с противником включена 17 сентября 1942 г. В радиоигре используется явившийся добровольно с повинной 16 сентября прошлого года агент-парашютист Калабалин С.А., 1903 года рождения, бывший директор московского детдома № 60, доброволец Красной армии, в плен к немцам попал в июле 1941 г. в районе г. Житомира, окончил Варшавскую разведшколу противника.

Будучи переброшен на самолете 15 сентября прошлого года в районе г. Арзамаса, разведчик имел задание пробраться в г. Горький, осесть там на жительство и собрать шпионские сведения о гарнизоне города, запасных и вновь формируемых частях, об аэродромах и промышленных объектах, а также вести наблюдение за воинскими перевозками в сторону фронта. По радиостанции установлена связь с немцами, и им передается дезинформационный материал о перевозках по железной дороге. В целях вызова агента-связника под предлогом необходимости получения новых батарей немцам был подставлен адрес явочной квартиры в г. Горь-

ком. Немцы 2 февраля сего года сообщили, что принимают меры к направлению посылки, однако до сих пор ее не доставили»⁵⁶⁹.

О дальнейшем ходе радиоигры с «Сатурном» сказано в справке 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР от 21 марта 1945 года:

«Радиоигра велась в целях военной дезинформации противника и вызова на нашу сторону под видом связников квалифицированной агентуры противника с последующим арестом. По радиостанции передавались дезинформационные сведения о передвижении воинских частей через Горький на запад, о формировании воинских частей на территории Горьковской области и другие дезинформационные сведения.

Наряду с этим в декабре месяце с. г. противнику было сообщено об израсходовании денег и затребована помощь, на что противник 11 января 1943 г. ответил следующей радиограммой:

“Обдумываю все возможности, чтобы помочь вам, и przygotowляю все необходимое. Из-за плохой полетной погоды не могу сказать точного срока. Попробуйте найти работу, чтобы выдержать, пока прибудет помощь. Р”.

Ставя задачей ускорить вызов курьера с помощью, чтобы убедиться, в какой степени противник верит радиоточке, мы 14 и 21 января передали ответные радиограммы следующего содержания:

“На службу не поступил из-за интересов работы, так как 12-тичасовой рабочий день и невозможность при необходимости уволиться нарушили бы регулярную связь. Если помощь задержится ненадолго, лучше бы не оформляться. Жду окончательного решения”.

“Благодаря поддержке ‘Раснянского’ могу продержаться, не поступая на работу, две недели максимум. Если в этот срок помощь от вас не прибудет, буду куда-либо устраиваться”.

2-го февраля 1943 года противник запросил:

“Принимаем шаги, чтобы вам все послать. Где можем отдать или же послать человека. Привет. Капитан”, на что мы радировали:

“Могу принять у себя дома или как посылку на мое имя в адрес Леонова, проходившего за меня медкомиссию. Проживает в Горьком, улица Полевая, д. 33, кв. 5. Делайте, как удобнее и безопаснее”.

Однако, несмотря на обещанную помощь и настойчивые дальнейшие требования агентов ускорить ее доставку, противник с посылкой ее медлил.

В связи с этим с марта месяца 1943 года была начата игра по вызову агента-связника под предлогом истощения батарей, для чего работа производилась на умышленно пониженном вольтаже батарей и создавалась видимость невозможности поддерживать дальнейшую радиосвязь и передавать собранные сведения.

В соответствии с этим планом, начиная с конца марта 1943 г. все чаще и чаще мы выходили в эфир только для того, чтобы создать видимость работы, то есть дать несколько раз свои позывные, заявить, что центр противника не слышим и работу прекратить, а 8 и 15 июня 1943 года передали дважды “вслепую” две следующие радиограммы:

“Слышу вашу передачу только при включении на приемник двух анодных батарей. Поэтому одновременно передавать не могу. 12 июня буду вас слушать. Передавайте вслепую.”

“Господин капитан! Нам не понятно, почему после нашей длительной и сложной работы на пользу германской армии мы оказались забытыми. Наше положение вам известно, о нем мы сообщали много. Изменений к лучшему нет. Ваша поддержка необходима. Ждем решения”.

План этот оказался очень удачным. Радиоконтрразведывательной службой отдела “Б” НКВД СССР 17 июня 1943 года была перехвачена и расшифрована радиограмма из Варшавы в Смоленск с указанием радиоцентра следующего содержания:

“Агент разведки 91 (наш агент ‘Семен’) будет 19/VI [1943] для нас на приеме. Давать медленно, так как батареи агента разведки сели. Начальник радиосвязи”.

Имея, таким образом, данные, что немцы нашей легенде поверили и заинтересованы в установлении связи с Калабалиным, мы работу прекратили совершенно, но приняли меры к обеспечению подставленного немцам в Горьком явочного адреса: ул. Полевая, дом 33, кв. 5.

В результате этой игры 11 июля 1943 г. на подставленный нами адрес в гор. Горьком явился и был задержан агент германской разведки Деркач Петр Васильевич⁵⁷⁰, кличка “Бирюк”, 1910 года рождения, урож[енец] м. Хабны Киевской области, в прошлом лейтенант Красной армии; вместе с ним был задержан агент германской разведки... кличка “Родин”, 1917 года рождения, урож[енец] Архангельской области, быв[ший] старшина пункта сбора донесений штаба 43-й армии. Выброшен немцами с самолета в ночь с 11 на 12 мая 1943 года в Пошехоно-Володарском районе Ярославской области с разведывательным заданием, затем прибыл в гор. Горький, где случайно встретился с агентом “Бирюк”, с которым вместе обучался в школе немецкой разведки, и оба явились на явку к нашему агенту “Семен”, где и были задержаны.

“Бирюк” немцами был выброшен 27-го июня 1943 года с заданием — доставить “Семену” посылку, в которой находилось питание для рации, фиктивные документы, 130 тысяч советских денег и письма для “Семена”. При приземлении в районе дер. Макаровка в 60-ти км от Горького посылку потерял. Принятыми мерами розыска обнаружить утерянные “Бирюком” вещи не удалось, поэтому возобновить радиоигру не представилось возможным. 22 сентября 1943 года радиоточка была закрыта. <...>

Напарник “Семена” — “Раснянский”, находясь под следствием, 8-го сентября 1943 года умер в г. Горьком».

Напарник «Бирюка» — «Родин» на допросе 11 мая 1943 года в горьковском УНКГБ рассказал о том, как он был завербован противником, о разведшколе германской военной разведки в местечке Бальга⁵⁷¹ и об инструктаже, который был ему дан перед заданием:

«Вопрос: Когда и кем вы были завербованы, расскажите об обстоятельствах пленения? Ответ: Будучи в лагере в г. Владиславле, числа 17 февраля 1942 года, блок, в котором я находился, был построен. Строивший нас унтер-офицер дал команду всем, имеющим высшее и среднее образование, выйти из строя. Думая, что люди с высшим и средним образованием будут направляться на работу, я также вышел из строя. Таких людей из строя вышло человек 30. Из тридцати человек унтер-офицер отобрал примерно 17 чел., записал фамилии и сказал, что нам придется подождать особого вызова, когда потребуется, нас отправят на работу. Сразу

после этого я заболел сыпным тифом, так как я в строю уже стоял с температурой 39°, и после находился в тифозном бараке больше месяца.

9 апреля 1942 года, днем, после обеда, к нам в землянку пришел полицейский, который сказал, что меня, Купцова и Поклонского вызывает к себе гражданский переводчик. Когда мы пришли к переводчику, он нам сказал, что мы направляемся на работу и поэтому нужно идти в помещение Владиславльской школы. В школе меня, Купцова и Поклонского этот переводчик сдал коменданту школы, узбеку по национальности, Ибрагимову. В школе пробыли до 2 мая 1942 года. 2 мая нас повели мыться в баню, где каждого взвешивали. Людей, имевших вес ниже 63 кг, а таких из партии 30 чел., оставили в санчасти при бане семь человек «для подкрепления», а меня вместе с остальными снова отвели в эту школу.

Получив на одни сутки хлеб, я, Купцов и Поклонский под конвоем одного солдата в 8 час. утра выехали в Кенигсберг. В этот же день мы прибыли в Кенигсберг, где солдат сдал нас в бараки, находившиеся недалеко от вокзала. В бараках нас ничего не спрашивали, а утром нас чел[овек] 40 посадили в поезд и повезли, не сказав куда.

Вечером 4 мая 1942 года мы прибыли в местечко Бальга, находившееся в 6 км от железнодорожной станции, названия которой я не знаю. В местечке Бальга нас привели в отдельный двухэтажный особняк, находившийся в лесочке, где нас переодели в английские френчи, брюки навыпуск и дали сапоги. После этого нас отвели в помещение столовой, выстроили, после чего поручик, обращаясь к строю, спросил: «Так вот, братцы! Знаете ли вы, зачем сюда прибыли?» Весь строй ответил, что не знаем. Далее поручик продолжал: «Вы приехали помогать германской армии, будете учиться на разведчиков».

После этого все переглянулись, а поручик продолжал: «Кто не согласен помогать германской армии, скажите причины, когда я вас буду к себе вызывать по одному. Одновременно предупреждаю, что по фамилии друг другу называть нельзя, называйте только по имени».

После этого поручик распустил строй и стал к себе вызывать по одному. Со мной поручик беседовал в присутствии одного бывшего подполковника, которого некоторые люди, вместе прибывшие со мной, знали по лагерю, где он был или старшим блока, или старшим полицейским. Фамилию этого подполковника я забыл. <...> После этого он мне предложил придумать себе псевдоним. Я выбрал себе кличку «Родин». После этого поручик спросил меня, согласен ли я работать в пользу германской армии, я ответил положительно. На этом моя беседа с поручиком закончилась. Утром 5 мая 1942 года мы приступили к занятиям в разведшколе местечка Бальга. <...>

Вопрос: Какой вами получен инструктаж на случай задержания органами НКВД?
Ответ: На случай задержания органами НКВД, германской разведкой был дан инструктаж о линии поведения. При приземлении — отстреливаться до последнего патрона, оставив один патрон для себя. Рацию и документы — уничтожить.

При задержании и аресте ничего не говорить, если органами НКВД будет предложено радисту передавать радиogramмы по текстам, предложенным НКВД, категорически отказываться от работы, если же по каким-либо причинам отказ от работы не поможет, то при передаче радиogramмы изменить расположение позывных. По измененным позывным радиоразведцентр будет знать, что радиogramма исходит не от разведчика».

Фрагмент из протокола агента германской военной разведки П.В. Деркача приведен в вышеупомянутой книге В.И. Андрюхина:

«Вопрос: Какое вы получили задание? *Ответ:* Я должен был пробраться в г. Горький, разыскать там по адресам ул. Полевая, д. 33, кв. 5 и Слобода Печеры, д. 90 немецкого агента “Бестужева” и передать ему чемодан-посылку, в котором находилось 90 тысяч рублей советских денег, четыре анодные батареи для радиостанции и запечатанный пакет с документами.

Вопрос: Расскажите подробно, каким образом возник вопрос о направлении вас на задание. *Ответ:* 20 июня 1943 года около 9 часов вечера меня вызвал к себе в канцелярию руководитель Варшавской разведшколы майор германской армии Марвиц. Явившись в канцелярию, я был приглашен майором в его личную комнату. Поздоровавшись со мной за руку и пригласив меня сесть на стул, Марвиц предъявил мне небольшую фотографическую карточку и заявил: “Вы знаете, кто здесь изображен?” Я ответил утвердительно: “На фотографии изображен агент-радист германской разведки, бывший курсант варшавской школы “Бестужев”.

“Так вот, — продолжал Марвиц, — я давно уже говорил вам, что со временем вы получите хорошую работу и после ее выполнения поедете к семье в отпуск. Время наступило. Я хотел, чтоб вы отвезли этому человеку в г. Горький небольшую посылочку, передали ее и вернулись обратно”...

Получив эти установки, я был представлен работнику школы “Зорину”, ведавшему изготовлением фальшивых документов, и в течение двух часов вместе с ним обсуждал варианты легенд и учился заполнять чистые бланки документов. 24-го июня в школе состоялся прощальный вечер, на котором, кроме меня, присутствовало 10 разведчиков, уходивших на задание в тыл Красной армии. Утром 25 июня вместе с этими 10-ю лицами я вылетел из Варшавы в Смоленск и в ночь на 27 июня был выброшен с немецкого самолета на парашюте в 75 км южнее Горького»⁵⁷².

Агент-связник «Бирюк», который вез Калабалину питание для рации, деньги и документы, был лично известен и «Семенову». В рапорте на имя начальника ОКР «Смерш» Горьковского гарнизона от 10 июля 1943 года Калабалин писал:

«Лично я знаю Бирюка, о нем мною даны сообщения в моих показаниях. Бирюк был с самого начала организации школы старшиной, заведовал имуществом школы, пользовался доверием начальства школы, ездил (с оружием) в командировки в области Западной Украины. Слушатели школы (не продажные твари, не изменники) не доверяли Бирюку, ибо о нем слыла слава как о внутришкольном шпионе, который сообщает начальству о неблагонадежных слушателях школы. Суеверен. Это мотив, которым я воспользовался, с целью приблизиться к нему. Я ему “гадал” на картах по несколько раз в день. Он считает меня серьезным человеком, с которым даже он — Бирюк, поехал бы “на охоту” — шпионить в СССР».

13 июля 1943 года о задержании агентов германской военной разведки начальник УКР «Смерш» МВО генерал-майор Ф.Я. Тутушкин⁵⁷³ спецсообщением доложил начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР комиссару госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумову.

На допросе 16 июля 1943 года в Москве агент германской военной разведки П.В. Деркач также сообщил сведения о Варшавской разведывательной школе:

«Вопрос: Что вам известно о Варшавской школе немецкой военной разведки? *Ответ:* Варшавская школа немецкой разведки организована в ноябре 1941 года. Размещена в 25 км от Варшавы на юго-восток в бывших дачах Пилсудского. Ме-

стечко называется Сулеювек. Школа состоит из так называемых трех блоков: в двух блоках готовятся радисты, в третьем блоке — разведчики-ходоки. Все три блока находятся на одном участке, но друг от друга отгорожены забором. За время существования школа подготовила для заброски в тыл Красной армии не меньше 700 чел. разведчиков. В настоящее время во всех трех блоках обучается 120–130 человек.

Вопрос: Из каких категорий лиц Варшавская школа готовит агентуру для заброски в советский тыл? *Ответ:* В основном из числа военнопленных, бывших военнослужащих Красной армии, и очень редко из числа жителей, взятых с оккупированной советской территории. Используются главным образом русские, украинцы, но есть армяне, грузины, таджики и лица других национальностей...»⁵⁷⁴

21 сентября 1943 года начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Г.В. Утехин рапортом доложил начальнику ГУКР комиссару госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумову о необходимости прекращения радиоигры «Заряд»:

«...До марта 1943 года по радиации передавалась военная дезинформация, а затем под предлогом истощения батарей, была начата игра по вызову агента-связника. Последний явился 11 августа 1943 года без груза (потерял во время приземления), в результате чего возобновить игру не представляется возможным. Продолжение же радиоигры по прежней легенде положительных результатов не дало; в настоящее время вызовы Калабаллина противника прекратил.

На основании вышеизложенного прошу санкционировать: 1. Дальнейшую радиоигру по радиостанции «Заряд» прекратить...»⁵⁷⁵

Радиоигра «Семенов», наряду с другой операцией, проводившейся из Горького — «Друзья», стала частью «Большой игры» по дезинформации противника в интересах Верховного командования Красной армии. В ходе их проведения оттачивался опыт организации спецопераций в эфире, совершенствовалось мастерство оперативных сотрудников НКГБ и Смерша в борьбе с врагом.

* * *

За участие в специальной операции Семен Афанасьевич Калабалин был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Награда была ему вручена 28 декабря 1943 года лично начальником ГУКР «Смерш» комиссаром госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумовым. Об этом событии в материалах радиоигры «Семенов» сохранилась справка от 2 января 1944 года начальника 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» майора Д.П. Тарасова:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28/X-[19]43 тов. Калабалин Семен Афанасьевич награжден орденом «Отечественной войны II-й степени». Награда вручена 28/XII-[19]43 года нач[альником] ГУКР «Смерш» т. Абакумовым».

На церемонии награждения С.А. Калабалин был одет в форму майора Красной армии (в действительности Калабалин воинского звания не имел).

Стоит добавить, что по просьбе Калабаллина «смершевцы» разыскали его жену — Галину Константиновну, которая вместе с дочерью и сыном была эвакуирована в г. Котов-Ивановск Котовского района Челябинской области, и оказывали его семье материальную помощь. Например, Калабалин обращался с просьбой помочь купить жене отрез на платье и туфли. Его просьба была удовлетворена. В материалах игры сохранился его рапорт об оказании помощи и соответствующая резолюция.

По завершении спецоперации С.А. Калабалину был предоставлен месячный отпуск для поездки к семье. 12 сентября 1944 года был назначен директором детского дома для испанских детей № 2 в системе Министерства просвещения РСФСР. На этом завершилось его участие в спецоперации советских органов безопасности.

В заключение добавим, что 21 октября 2011 года состоялся премьерный показ документального фильма «Учитель с “Железным крестом”», посвященный жизни известного советского педагога, ученика Антона Семеновича Макаренко — Семена Афанасьевича Калабалина. Режиссер фильма — Виталий Якушев. В съемках фильма принимали участие: его сын, член Академии педагогических наук — Антон Калабалин; исполнитель роли Семена Карабанова в фильме «Педагогическая поэма», актер и режиссер Юлиан Панич; племянница А.С. Макаренко, народная артистка РСФСР Екатерина Васильева, а также воспитанники С.А. Калабалина — доктор психологических наук, профессор Виктор Слободчиков; педагог Меланья Бахмацкая; кандидат педагогических наук Владимир Морозов и работник экономического отдела Центробанка России Александр Прокофичев.

Конечно же, в германской военной разведке С.А. Калабалин не был награжден орденом «Железный крест», как сказано в фильме — это семейная легенда Калабалиных. По крайней мере, в документальных материалах Центрального архива ФСБ России сведений, подтверждающих награждение «Семена» какой-либо немецкой наградой, нет.

Своих агентов из числа советских военнопленных или перебежчиков в абвере, как правило, награждали медалями для восточных народов с мечами, в редких случаях, как это было с Александром Демьяновым (советский псевдоним Гейне), — орденом «За военные заслуги» с мечами 2-го класса.

«КАРАНДАШ КУПИЛ ЗА РУБЛЬ», ИЛИ ОПАСНАЯ «НАХОДКА» АБВЕРА

В нескольких словах рисуем обстановку, которая сложилась на центральном участке советско-германского фронта к 1943 году, так как именно на этом фоне проходила спецоперация военной контрразведки «Смерш», о которой будет рассказано в данном параграфе.

Начинался 1943-й, решающий год Великой Отечественной войны. Германия переживала тяжелейшую катастрофу 6-й армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса под Сталинградом. Вермахт спешно переформировывал потрепанные армии и дивизии, а германский Генеральный штаб готовил планы летней кампании 1943 года. Кипела работа и в германской разведке, которой ОКВ поставило основную задачу — вскрыть направление главного удара советского командования. С этой целью штаб «Валли» задействовал абверкоманды, действовавшие на советско-германском фронте. Разведшколы, закрепленные при группе армий «Центр», — Борисовская, Катинская и Смоленская — срочно занялись подготовкой и заброской разведывательных групп в тыл Красной армии.

Со своей стороны советское Верховное командование предприняло энергичные меры для того, чтобы замаскировать направление главного удара. Для этой цели как нельзя лучше подходили специальные контрразведывательные мероприятия, получившие названия «радиоигры». Удача сама шла в руки советских контрразведчиков.

Еще в ходе наступления советских войск зимой 1941/42 года на западном направлении в обороне противника образовался выступ (до 160 км в глубину и до 200 км в ширину у основания), линия фронта которого проходила западнее Белого и Юхнова, севернее и восточнее Ржева, восточнее Спас-Деменска. У немецкого командования такая конфигурация линии фронта получила название «Ржевский мешок».

В ОКВ придавали особое значение удержанию выступа, рассматривая его как плацдарм для наступления на Москву. Зимой 1942/43 года здесь сосредоточилось около 2/3 войск группы армий «Центр» (9-я армия, основные силы 3-й танковой и 4-й армий). Наступление войск Брянского и Центрального фронтов в феврале 1943 года на орловском и севском направлениях принудило германское командование к выводу своих войск из Ржевско-Вяземского выступа для усиления орловской группировки. Отход противника начался 2 марта. В связи с этим Ставка ВГК приказала Калининскому (43, 41, 22 и 39-я армии, 3-я воздушная армия; генерал-полковник М.А. Пуркаев) и Западному (30, 31, 5, 33, 49, 50, 10 и 20-я армии, 1-я воздушная армия; генерал-полковник В.Д. Соколовский) фронтам, занимавшим по отношению к Ржевско-Вяземскому выступу охватывающее положение, перейти в наступление, сорвать отход ржевско-вяземской группировки противника и разгромить ее.

2 марта войска фронтов начали наступление. Сильная весенняя распутица, сложные условия лесисто-болотистой местности, широкое использование противником различных заграждений и заранее подготовленные позиции резко снижали темпы продвижения советских войск. Войска фронтов, продвигаясь по 6–7 км в сутки, не смогли выйти в тыл противника и отрезать ему пути отхода. 15–31 марта они вышли к заранее подготовленному противником оборонительному рубежу северо-восточнее Духовщины, Ярцева, Спас-Деменска, где, встретив упорное сопротивление, вынуждены были прекратить наступление. В результате ликвидации Ржевско-Вяземского выступа линия фронта была отодвинута от Москвы на 130–160 км⁵⁷⁶.

* * *

Особое место среди специальных операций советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны занимает радиоигра «Находка». Она была начата в феврале 1943 года сотрудниками Контрразведывательного отдела УНКВД по Московской области (КРО УНКВД МО), а с апреля того же года перешла в ведение Управления контрразведки «Смерш» Московского военного округа (УКР «Смерш» МВО) и продолжалась до декабря 1944 года.

Одной из первых публикаций о радиоигре «Находка» стала глава «След сталинского карандаша» в книге «Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки». В ней приводится фрагмент из неопубликованных воспоминаний руководителя этой операции в 1943 году до ее передачи в ГУКР «Смерш» НКО СССР, начальника КРО УНКВД МО Сергея Михайловича Федосеева: «С осени 1941 года подразделения абвера армейской группы «Центр» усилили заброску на парашютах своей агентуры в районы Московской области. Обычно это происходило в ночь с субботы на воскресенье. Контрразведывательный отдел (КРО) столичного управления НКВД при активной поддержке жителей Подмоскovie создал надежную систему выявления вражеских лазутчиков. В штаб-квартире

Московского управления, располагавшейся на улице Дзержинского, 14, в знаменитом особняке графа Растопчина, в эти дни постоянно дежурила специальная опергруппа под руководством начальника КРО УНКВД двадцативосьмилетнего подполковника госбезопасности С.М. Федосеева.

... «10 февраля 1943 года в Московское областное управление НКВД было передано по телефону сообщение, что ночной сторож одной из деревень Волоколамского района заметил, как на рассвете от самолета, летевшего на небольшой высоте, отделилось несколько парашютов. Тут же к месту происшествия выехала оперативная группа УНКВД. В Волоколамском и соседствующих с ним Клинском и Высоковском районах были задействованы истребительные отряды. Взяв под контроль близлежащие шоссе и проселочные дороги, тщательно прочесав местность, поисковики в тот же день задержали внешне показавшегося подозрительным младшего лейтенанта.

Предъявленные им документы на имя Григорьева (в германской военной разведке получил псевдоним Гайдаров. — *Авт.*) при поверхностном осмотре не вызвали сомнений. Его выдали обнаруженные при нем радиостанция, упакованная в чемодане, и крупная сумма денег, происхождение которых он толком объяснить не сумел».⁵⁷⁷ Так началась спецоперация советских спецслужб, получившая название «Находка».

«Гайдаров» — агент советской разведки, основное действующее лицо в операции «Находка»

* **

В ночь с 9 на 10 февраля 1943 года разведгруппа германской разведки в составе трех человек, прошедших подготовку в Катынской разведшколе, поднявшись со Смоленского аэродрома, была выброшена с немецкого самолета в тыл Красной армии. Группа успешно десантировалась в Клинском районе. Однако после приземления все три агента германской разведки добровольно явились в Клинский райотдел УНКВД по Московской области (РО УНКВД МО). Они были вооружены тремя револьверами системы «Наган», имели при себе 110 000 советских рублей и портативную коротковолновую радиостанцию.

Этими агентами-разведчиками абвера оказались: «Гайдаров», «Костин» и «Кашперов». Из Клинского РО УНКВД парашютисты сразу же были доставлены в Москву в распоряжение КРО УНКВД МО (допрос проводили начальник КРО

УНКВД МО подполковник ГБ Федосеев, начальник отделения КРО капитан ГБ Зискинд и старший следователь КРО капитан ГБ Борисенков).

«Гайдаров», 1923 года рождения, до армии окончил училище связи и один курс Института цветных металлов. В Красной армии — командир взвода связи. Взят в плен в августе 1942 года на Калининском фронте при попытке выйти из окружения. С 12 августа по 17 сентября 1942 года содержался в Смоленском лагере военнопленных. 17 октября 1942 года завербован в лагере военнопленных и отправлен в Катынскую разведшколу.

«Костин» — лейтенант Красной армии. Взят в плен 9 июля 1942 года в районе г. Белый. Содержался в Смоленском лагере военнопленных, завербован в сентябре 1942 года. Обучался сначала в Борисовской, затем в Катынской разведшколах.

«Кашперов» — до армии столяр, красноармеец. В 1936 году по ст. 74 ч. 2 осужден к трем годам лишения свободы. Взят в плен 14 июля 1942 года в районе Сычевки. До 11 января 1943 года содержался в Смоленском лагере № 1038. Завербован 11 января 1943 года в лагере военнопленных. Как местный житель отобран для обучения в разведшколе. С 11 января по 9 февраля 1943 года обучался в Катынской разведшколе (меньше месяца!).

В Московском управлении абверовские разведчики рассказали, что задание группы «Гайдарова» заключалось в следующем: «Сообщать о воинских перевозках по железной и шоссейным дорогам Москва – Ржев. Наблюдать за воинскими гарнизонами в Волоколамске и ближних населенных пунктах, а также за передвижениями воинских частей. Регулярно давать метеорологические сводки. Все данные получать путем личного наблюдения и осторожных распросов».

Для связи с разведцентром абвера группа была снабжена портативной радиостанцией, упакованной в небольшой чемодан. Шифровальный лозунг радиостанции — «Карандаш купил за рубль», для метеосводок — «Всемогущий». По легенде группа должна была проживать легально, как находящиеся в отпуске после лечения в госпитале. Перед выброской в советский тыл агенты получили фиктивные документы: удостоверения личности и по три справки госпиталя о предоставлении им отпуска после излечения со сроком на 1 месяц каждому (срок госпитальных справок — по 7 марта 1943 года). Также было обусловлено, что в случае необходимости помощь вызывается по радиостанции. При себе агенты имели крупную сумму денег.

В ходе допроса на Лубянке 2 марта 1943 года «Григорьев-Гайдаров» рассказал о некоторых методах получения развединформации, которым его обучали в Борисовской разведшколе: «Сведения о движении транспорта с воинскими грузами и движении воинских частей по шоссе и железной дороге рекомендовалось собирать путем личного наблюдения. Для этого наша группа должна иметь квартиру в гор. Волоколамске и основной пункт в дер. Ожогино... Наряду с этим рекомендовалось заводить личное знакомство с работниками жел[езно]-дор[ожной] станции Волоколамск (преимущественно с девушками), путем бесед с которыми выявлять нужные сведения. Также предлагалось знакомиться с работниками воинских частей или лицами, обслуживающими воинские подразделения. При этом упор делался опять на связь с девушками — работницами штабов, столовых и прачечных. В разведшколе начальник школы учил поведению при разговоре с девушками: «Разведчик не должен проявлять видимого интереса к сведениям секретного характера, которые случайно проболтает его знакомая. Свою беседу он должен по-

строить таким образом, чтобы собеседница сама рассказала нужные сведения для германской разведки. Для лучшего сближения и расположения со своими “знакомыми” разведчик не должен экономить средств, должен удовлетворять все желания девушки и быть щедрым в обещаниях».

Ту же методику добычи сведений подтвердил и другой германский агент, «Костин»: «Основной, рекомендованный нам метод добывания разведывательных данных — это личное наблюдение. Кроме того, рекомендовалось прослушивать разговоры между лицами, беседующими на интересующие нас темы, и применять в осторожной форме расспросы граждан, могущих дать нужную информацию. Задания производить самостоятельные вербовки мы не имели. Об этом методе шпионской работы мне известно только из лекций, прослушанных в разведшколе. На этих же лекциях нам рекомендовалось приобретать знакомства среди женщин — местных жителей, преимущественно соприкасающихся с военными, дабы, используя их в “темную”, путем расспросов, добывать нужные сведения».

Впоследствии и эти «рекомендации» германской разведки будут использованы Смершем в ходе радиоигры.

К этому времени на Лубянке накопили некоторый опыт организации и проведения радиоигр. Например, была разработана единая форма доклада для подразделений Смерша, которые задерживали агентов-радиостов противника. Доклад включал в себя ряд вопросов: дата заброски агентов, задание группы и методы его выполнения, дата отправки первой радиограммы, биографические сведения об агенте (агентах), дата и обстоятельства сдачи в плен и вербовки противником, с кем проходил(и) обучение в разведшколе, с какого аэродрома осуществлен вылет, с кем совместно летели на выброску, поведение агентов после приземления, поведение во время задержания, экипировка, перечень и сроки полученных разведчиками документов, порядок содержания агентов, кем санкционировано включение станции в радиоигру, дата установления связи с противником, как организована работа по радиции, кто из специалистов наблюдает за радиостом, наличие фактов, указывающих на недоверие противника к радиостанции, порядок передачи радиограмм, что легендировано по делу и т.п.

Приняв во внимание, что в руках чекистов оказались радиостанция, шифры и коды, в КРО УНКВД по Московской области решили начать радиоигру с противником. О добровольно сдавшихся агентах абвера начальник УНКВД по Московской области комиссар госбезопасности 3-го ранга М.И. Журавлев немедленно поставил в известность начальника 2-го Управления НКВД СССР комиссара госбезопасности 2-го ранга П.В. Федотова, который дал санкцию на включение радиостанции в игру с противником. За работой радиоточки наблюдали лично замначальника 1-го отделения КРО УНКВД МО — Шейнюк и старший оперуполномоченный Грачев. Контроль эфира вел 2-й Спецотдел НКВД СССР. Связь с противником установлена 13 февраля 1943 года из Москвы (с 19 февраля рация была перемещена в Волоколамск).

Планом игры предусматривалось сообщить центру, что группа нуждается в новых документах, так как срок имеющихся у них справок истекает. Получив от разведцентра подтверждение о возможности доставить новые документы, условиться о месте и времени встречи. Предполагалось, что на явку вместо германского агента придет оперработник, который получит от связника новые документы. В пункте встречи связника должна быть организована засада для его задержания.

Первоначально «Гайдаров» содержался в Волоколамской тюрьме, «Костин» и «Каштанов» — во Внутренней тюрьме УНКВД МО. По делу было легендировано, что «Гайдаров» устроился на квартиру к знакомым «Каштанова» в Волоколамске, 7 апреля противнику сообщили адрес: «Первый Советский переулок, дом № 7».

«Гайдаров» подробно рассказал контрразведчикам методику подготовки радистов в Катынской разведшколе, шифровки и расшифровки радиogramм в разведцентр противника. При подготовке радистов в Катынской школе всех подготовленных к заброске в советский тыл приучали к пользованию международным кодом (Q-код), другого кода в школе не изучают. Метод зашифровки радиogramм у всех радистов одинаковый, он предусматривал двойную зашифровку передаваемых и принимаемых сообщений.

Принцип шифровки, употребляемый в Катынской разведшколе, заключался в следующем. Бралась ключевая фраза, состоящая из 20–25 букв. Буквы ключевой фразы нумеровались в порядке алфавита (буква а — 1, б — 2 и т.д.). После нумерации ключевой фразы вычерчивался квадрат с числом клеток, равным квадрату букв ключевой фразы. Верхний ряд клеток изображенного квадрата также нумеровался от цифры 1 до последней цифры ключевой фразы, которая равна числу клеток. При этом порядок нумерации находился в полной зависимости от ключа, который выбирался перед каждой передачей радиogramмы.

Например: 08. Ключевая фраза — «Одесса южный город».

1	2	3	4	5	6	7	8									
О	Д	Е	С	С	А	Ю	Ж	Н	Ы	Й	Г	О	Р	О	Д	
9	3	5	13	14	1	15	6	8	16	7	2	10	12	11	4	

Далее вычерчивался квадрат и производилась нумерация верхнего ряда клеток с применением ключа. Ключ, для примера, возьмем 08. В этом случае первая клетка будет под № 6, так как в ключевой фразе 08 соответствует букве «ж», которая в порядке алфавита в данной ключевой фразе равняется цифре «6».

В целях получения двойной зашифровки в квадрате изображалась фигура, разбивающая его на две равновеликие части по числу клеток. Для каждого шифра существует своя определенная фигура и ключевая фраза.

После этого приступали к зашифровке текста. В этом случае слова текста последовательно вписывались в клетку верхней фигуры квадрата. Клетки, отделяющие фигуры квадрата (заштрихованные), оставались незаполненными.

Так, например, нужно зашифровать текст «Воронеж занят частями Красной армии, немцы бегут». В квадрате слова текста расположатся следующим образом. Затем все буквы текста, вписанные в верхнюю фигуру квадрата, переписываются в горизонтальном порядке во вторую (нижнюю) фигуру квадрата. При записи соблюдается следующий порядок. Вначале вписываются все буквы в вертикальных клетках, обозначенных цифрой 1, затем 2 и т.д.

Для проверки правильности переноса букв из верхней в нижнюю фигуру квадрата производится подсчет количества букв, как в верхней так и в нижней части квадрата. Сравнением итоговых чисел проверяется правильность переноса букв из вертикальных колонн в горизонтальные. В нашем примере количество букв верхней и нижней фигур оказалось равным 49, следовательно, перенос произведен правильно.

После этого производится составление групп зашифрованной радиограммы. Для этого буквы второй части квадрата (нижней фигуры) вписываются отдельными группами по 5 букв в каждой. Составляются группы следующим образом: вписываются все буквы нижней фигуры, расположенные в вертикальной колонке № 1, затем в колонке № 2 и так до конца. В нашем примере это будет выглядеть следующим образом: РАИГЖ ЧМЙАЭ РЕВЗЕ ЛОИЕБ ЭРАМН и т.д.

Разбив зашифрованный текст на группы, составляли ключевую фразу, которая давала возможность приемной станции правильно пронумеровать клетки квадрата для расшифровки принятой радиограммы. Ключевая группа составлялась следующим образом.

В нашем примере взят ключ 08, этим цифрам по алфавиту соответствуют следующие буквы:

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	й
1	2	3	4	5	6	7	8	9	0

Цифре «0», соответствует буква «й», цифре «8» — буква «з», ключевым буквам и соответствует цифра ключа; первая, третья и пятая буквы берутся произвольно. Таким образом, в нашем примере ключевая группа будет иметь вид: КИЗЛН или АЙЗБВ или СИЗТМ и т.д.

Ключевая группа вставлялась перед зашифрованным текстом, разбитым на группы и, таким образом, радиограмма была подготовлена к передаче. Расшифровка принятых телеграмм производилась в обратном порядке.

В разведцентр противника стали регулярно направляться дезинформационные донесения военного характера и метеорологические сводки. Ниже приводятся тексты радиообмена радиостанции «Находка» с «Сатурном» за март 1943 года.

1 марта: 1. «По шоссе к фронту движутся автомашины с продуктами, боеприпасами, горючим, разными грузами. Обратное порожняк. Весь день в одну сторону проходит до 100 машин». 2. «Город на военном положении, патрульная служба с 17 часов, охрана войсковая, гарнизон более 2 тысяч человек».

7 марта связь с центром установить не удалось. Сеанс связи решили перенести.

11 марта противнику передана радиограмма: «В окрестностях города замаскированные зенитки. Из разговоров выяснил, стоят с прошлого года, входят в зону обороны Москвы. Количество уточняем».

13 марта следующая шифровка: «12 марта по дороге на Ржев прошло пять эшелонов: один с автоматчиками, четыре с грузами, покрытыми брезентом. На Москву — два санитарных поезда». Из центра в ответ передали две шифровки: 1. «Постарайтесь узнать количество батарей и где они стоят. Наблюдайте за всеми передвижениями, потому что фронт, согласно нашим планам, передвинулся дальше на запад». 2. «Главное, наблюдайте днем и ночью железную дорогу и автотранспорт в обоих направлениях».

14 марта в центр радиовали: «На рассвете 14 марта к фронту прошло около 40 автомашин с грузами и горючим».

19 марта новая радиограмма в центр: «По шоссе на Ржев следуют одиночные машины с разными грузами и горючим. Обратное порожняк группами 10–20 машин и санитарные автобусы».

21 марта: «Ночью 20 марта на Ржев прошли три эшелона. Вагоны крытые, на платформах громоздкие грузы, покрытые брезентом под охраной. Обратное четыре

эшелона: раненые, битые орудия и танки». В ответ приняты радиogramмы: 1. «Сведения о движении по железной дороге и автомашины по шоссе по направлению Ржев нас очень интересуют, сообщайте по возможности, сколько автомашин проходит в один час и с какого по какое время вы вели наблюдение, нас удовлетворят только точные сведения»; 2. «Тринадцатого марта вы оба награждены орденами "За храбрость" второго класса. Мы радуемся вместе с вами за заслуженную награду и ждем тот день, когда сможем вручить вам эти ордена. Такая награда обязывает к еще большей бдительности и верности».

24 марта противнику передали сводку метеорологических наблюдений и две шифровки: 1. «К фронту с 17 до 20 часов 23 марта прошло группами 36 машин. На 15-ти машинах бойцы. Ночью на Москву три санитарных эшелона» и 2. «Горячо благодарим за большую награду. Оказанное доверие постараемся оправдать».

26 марта направлена в центр радиogramма: «Точное расположение зениток установить не удастся, часто меняют позиции, стрельб не ведут, подходы к ним охраняются. На сегодня известно, усиленно охраняется лес севернее и южнее Козино 5–6 км западнее Волоколамска».

30 марта: «28 и 29 марта на Ржев прошло: три поезда с железнодорожным оборудованием, четыре поезда с боеприпасами и горючим, в 16-ти вагонах красноармейцы».

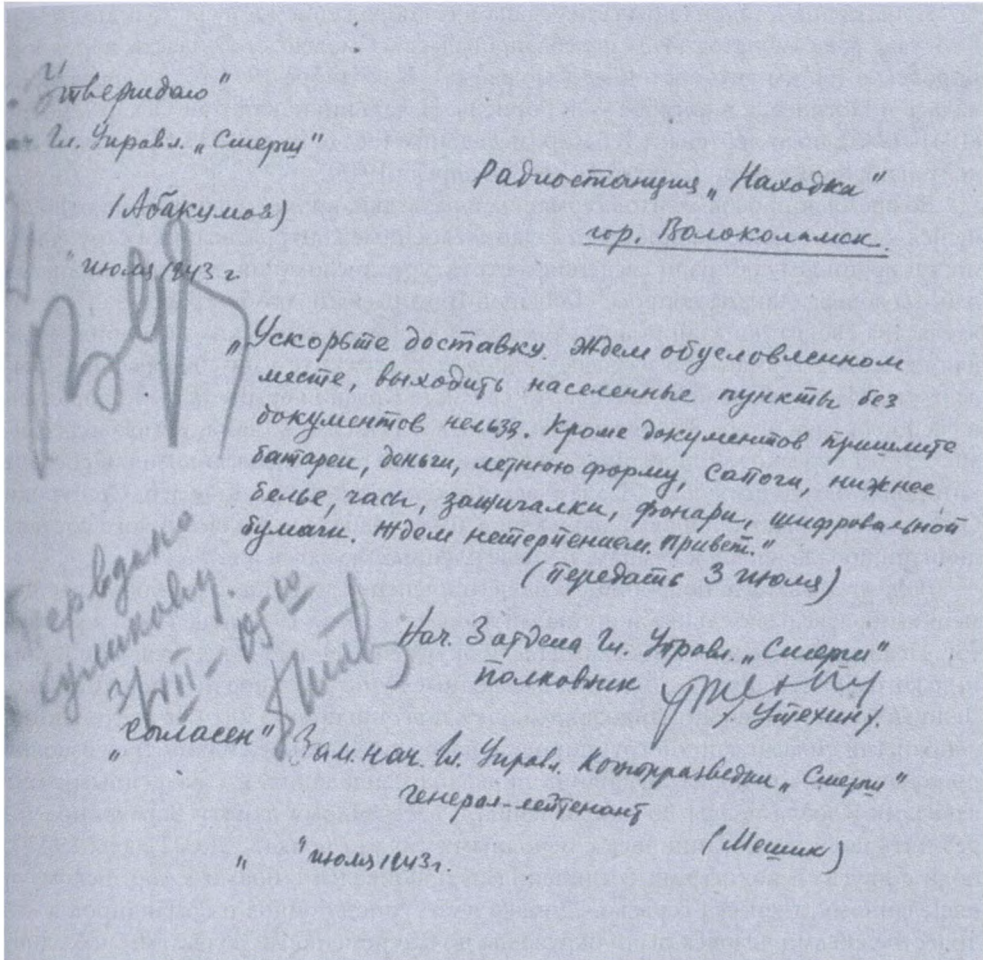
* * *

Материалы следствия в отношении захваченных агентов германской разведки — бывших солдат и офицеров Красной армии также рассказывают о первых, тяжелых годах войны, о нелегкой судьбе пленника и о разведшколах германской военной разведки, в которых прошли подготовку «Григорьев-Гайдаров», «Костин», «Кашперов», «Лапшов» и др.

Борисовская разведывательная школа была организована в августе 1941 года «Абверкомандой 103»⁵⁷⁸ (до июля 1943 — «Абверкоманда 1 Б») при армейской группировке «Центр». Позывной радиостанции — «Сатурн». Первое время размещалась в дер. Печи, в бывшем военном городке (6 км южнее Борисова по дороге на Минск). В феврале 1942 года была переведена в дер. Катынь (23 км западнее Смоленска).

В дер. Печи агенты проходили проверку и предварительную подготовку, а затем направлялись в Катынь для обучения разведделу. В апреле 1943 года школа была опять переведена в дер. Печи. Школа готовила агентов-разведчиков и радистов. Срок обучения разведчиков 1–2 месяца, радистов 2–4 месяца. Одновременно в школе обучалось около 150 человек. При зачислении в школу каждому курсанту присваивался псевдоним. Категорически запрещалось называть свою фамилию и расспрашивать об этом других разведчиков.

Подготовленные агенты перебрасывались в тыл Красной армии небольшими группами по два-три человека (один — радист) и в одиночку, главным образом на центральных участках фронта. Переброска агентов производилась самолетами с Минского аэродрома или пешком порядком. В сентябре школа передислоцировалась на территорию Восточной Пруссии в дер. Розенштайн (100 км южнее Кенигсберга) и разместилась в бараках бывшего лагеря французских военнопленных. С декабря 1943 до августа 1944 года школа находилась в местечке Маллетен возле дер. Нейдорф (5 км южнее г. Лык).

Текст дезинформации противнику по радиоигре «Находка» от 2 июля 1943 г.

На документе автографы В.С. Абакумова, Г.В. Утехина и Д.П. Тарасова

В августе 1944-го школа перебазировалась в г. Меве (65 км южнее Данцига), где размещалась на окраине города на берегу Вислы. В начале 1945 года в связи с наступлением Красной армии эвакуировалась в г. Бисмарк, где в апреле 1945 года была расформирована. Часть личного состава ушла в г. Аренбург (на реке Эльба), а некоторые агенты перешли на территорию, занятую частями Красной армии. Начальники школы: капитан Юнг (август 1941 – 1943); капитан Ганс Утгофф (1943–1945). Заместитель начальника: зондерфюрер Эрвин Брониковский (1942–1944).

Переброской разведчиков-диверсантов, подготовленных в разведшколах «Абверкоманды 103», с марта 1943 года занимались летчики так называемой авиагруппы Хайдриха (авиагруппа была сформирована в мае 1942 года при «Абверкоманде 107» из предателей, бывших советских летчиков и авиаспециалистов; первоначально дислоцировалась в Орле, занималась ремонтом и обслуживанием трофейных самолетов «У-2», находившихся на Орловском военном аэродроме).

Авиагруппа Хайдриха была передана в распоряжение «Абверкоманды 103» и в составе 7–8 самолетов «У-2» перебазировалась в Смоленскую область, аэродром Боровское (60 км юго-восточнее Смоленска). В сентябре 1943 года перебазировалась в Могилев, а в октябре — в Борисов. Начальники: капитан Оскар Герберт (1941–1943); обер-лейтенант Гебауэр (псевдоним Геб) (с июля 1943 до июня 1944); лейтенант Хайнрихсон (с октября 1944 до апреля 1945).

Во время допросов агентов германской разведки, кроме информации, относящейся к выполнению конкретного задания, военные контрразведчики скрупулезно, по крупицам собирали сведения о структуре, дислокации, методах и формах работы абвера. Так, на допросе «Гайдаров-Григорьев» подробно рассказал обстоятельства своего попадания в плен, методы вербовки советских военнопленных для службы в германской разведке: *«Вопрос:* Расскажите вашу биографию? *Ответ:* <...> Получив звание лейтенанта-связиста Красной армии, я был направлен в распоряжение штаба Калининского фронта и зачислен командиром взвода связи... 373-й стрелковой дивизии 39-й армии. 373-я стрелковая дивизия, в составе которой я находился, участвовала в военных действиях в районе дер. Степурово Смоленской области, попала в окружение, была разбита, и часть личного состава дивизии попала в плен к немцам. В числе пленных оказался и я.

Вопрос: Изложите подробности вашего пленения и процесс вербовки вас немецкими разведывательными органами. *Ответ:* 2 июля 1942 года, когда в районе гор. Нелидово немецкими войсками были окружены 29-я, 39-я и 41-я армии Калининского фронта, полк... оборонял населенные пункты Старое и Новое, Лысково, Лашутиха и Леуздово. Командование полка, получив приказ идти на соединение с основными силами данной группировки, дало мне указание силами трех взводов прикрывать отход полка. Выполнив приказ командования, я с вверенными мне взводами 6 июля пошел по направлению к населенному пункту Варварино. Через пять дней мы соединились с основными силами полка... До 22 июля 1942 г. полк с другими воинскими соединениями пробивался с боями к гор. Белому и нас[еленному] пункту Егорьево. 22 июля я с группой бойцов и командиров в количестве восьми человек были окружены ночью немецкими солдатами, находившимися в засаде. Бой принять не удалось, и вся группа в количестве 6-ти человек (двое были убиты) была взята немцами в плен.

Далее нас с группой других пленных в количестве 30–33 человек доставили в штаб немецкой воинской части. В штабе нескольких пленных подвергли допросу, в процессе которого выяснили, кто из них комиссар или командир. Будучи вызванным на допрос, я скрыл перед немецкими солдатами свою настоящую фамилию и звание, назвавшись немцем по фамилии Вольф. На вопрос — из какого подразделения — я ответил, что служу в 931-м стр[елковом] полку, находящемся в соседнем районе. Допрашивающий меня немец поинтересовался национальностью моего отца. Когда я ему заявил, что отец по национальности немец, он выразил удивление плохому знанию мной немецкого языка. В районе штаба нас продержали в течение суток и затем меня, совместно с остальными пленными, отправили в гор. Белый, где заперли в здание бывш[его] магазина.

В гор. Белый мы находились в течение двух суток, и затем, совместно с группой пленных в количестве около 200 человек, меня отправили в дер. Клемятино. В Клемятино в лагере военнопленных отобрали командиров и через трое суток на автомашинах доставили в гор. Ярцево. В Ярцевском лагере во-

еннопленных я прожил шесть суток, затем всех пленных, в том числе меня, посадили в товарные вагоны и доставили в гор. Смоленск. В г. Смоленске нас поместили в западной части города за железной дорогой в бараках лагеря военнопленных (барак № 10).

В лагерях командный состав и красноармейцев держали отдельно, и общение между отдельными категориями пленных не разрешалось. За период моего проживания в Смоленском лагере военнопленных (около двух месяцев) к нам дважды приезжали вербовщики из так называемой “Русской национальной армии” и вербовали из числа военнопленных “добровольцев” в эту армию.

Процесс вербовки происходил следующим образом: с приездом вербовщика, одетого в форму командира Красной армии, но с погонами зеленого цвета и нашими знаками различия на них, всех проживающих в бараке выстраивали на площадке лагеря. Комендант лагеря (русский) рекомендовал вербовщика военнопленным и предоставлял ему слово. Вербовщик, обращаясь к присутствующим, заявлял: “Кто хочет бороться против советской власти за ‘Новую Россию’ и вступить в ряды ‘Русской национальной армии’, выходите и стройтесь”.

Охотников служить в “Русской национальной армии” из числа командного состава оказалось 2 человека, а во второй приезд — 4 человека. Видя такое пополнение “национальной армии”, вербовщик расхваливал условия жизни в “национальной армии” и грозил голодной смертью остающимся в лагере. Затем изъявившие желание служить в “национальной армии” анкетировались и через несколько дней из лагеря увозились.

За время проживания в военном лагере пленных меня вызывали в немецкую комендатуру лагеря. Немецкий переводчик еще раз спросил меня, действительно ли я являюсь немцем по национальности. На мой утвердительный ответ, он сказал, почему я об этом не заявил им ранее, т.к. они могли меня устроить на работу и создать лучшие условия. Но, узнав, что я являюсь комсомольцем, допрос прекратили и до отправки в г. Борисов меня больше не вызывали.

В Борисовский лагерь военнопленных с группой пленных в 50–60 человек попал 25 сентября 1942 года. Через три дня после прибытия в лагерь военнопленных всех пленных выстроили на площадке лагеря и произвели опрос о гражданской специальности (радисты, железнодорожники и работники почтовой связи). Лиц вышеуказанных специальностей построили в отдельную группу и отвели в другой конец лагеря.

Прибывший в лагерь начальник Борисовской школы (зондерфюрер) опросил каждого поодиночке о биографических данных и специальности. В заключение опроса зондерфюрер предлагал каждому следующий вопрос: “Желаете ли вы бороться против большевиков?” или “Желаете ли служить в немецкой армии?” Когда я на это вопрос ответил согласием, он несколько раз повторил, что эта работа “связана с опасностью, требует смелости и крепких нервов”. При этом рекомендовал подумать и затем уже дать окончательный ответ. Мной было вторично изъявлено [согласие], записав мою фамилию в свою записную книжку, и присутствовавшему здесь полицейскому также велел включить меня в список. Отобрав, таким образом, нужное ему количество людей, начальник разведшколы завил нам, что через несколько дней нам всем улучшат питание, будут платить деньги и освободят из лагеря военнопленных. С 28 сентября до 17 октября 1942 года я, совместно с отобранными зондерфюрером людьми, жил в лагере в прежних условиях. 17 октября

нас вновь всех вызвали и построили на площадке лагеря. Вновь явился начальник разведшколы и повторил опрос. Вечером в тот же день изъявивших согласие работать на стороне немецкой армии перевели в помещение Борисовской разведывательной школы.

В течение 4 дней все слушатели разведшколы подвергались опросу о биографических данных. Биографические данные (фамилия, имя, отчество, год рождения и место рождения, специальность, образование и звание) заносились в специальную анкету, которую опрашиваемый подписывал своей фамилией.

В верхней части указывалась кличка слушателя разведшколы, которая записывалась при заполнении анкеты. Кличку избирать предлагалось самим слушателям разведшколы, и она должна обозначать одну из русских фамилий. На предложение зондерфюрера избрать себе фамилию, под которой я желаю находиться в разведшколе, я назвал фамилию своего двоюродного брата — «Тайдаров».

После заполнения анкеты зондерфюрер дал мне заранее отпечатанное обязательство следующего содержания: «Я, _____, обязуюсь выполнять все задания немецкого командования (дальнейшего текста я точно не помню, но смысл его сводится к тому, что подписывающий обязательство должен бороться против советской власти)». Обязательство оканчивается следующей фразой: «При нарушении данного обязательства я караюсь по законам немецких властей. Подпись. Место оттиска указательного пальца правой руки».

Перед тем как подписать обязательство, начальник разведшколы предупредил, что я должен прочесть внимательно и заполнить все содержание документа. Произведя опрос всех слушателей Борисовской разведшколы, командование производило практическую проверку знаний радиодела тех слушателей, которые были зачислены в группу радистов...»

Арестованный в октябре 1943 года связник «Сатурна» «Лапшов» на допросе 7 октября 1943 года показал: «В первой половине октября м-ца 1942 года в Борисовский лагерь военнопленных приехали два человека, как я узнал позже, начальник Борисовской разведывательной школы капитан немецкой армии Утов* и зондерфюрер Пашкретник**, для отбора кандидатов в указанную школу. По распоряжению начальника гестапо Борисовского лагеря все военнопленные нашего барака были выстроены и нам объявили, что немецкое командование производит отбор военнопленных в «Русскую освободительную армию», в полицию, для отправки на работы в Германию и в особую группу, для работы по заданию германского командования. Изъявляющие желание выстраивались по группам. Я изъявил желание пойти в группу по особому заданию. Со всего лагеря в эту группу записалось 50 чел. На второй день нас выстроили по группам 27, 14 и 9 человек и каждой группе объявили, что в скором времени мы из лагеря уедем. Я попал в группу 14 человек. После этого в лагере мы еще находились примерно до 10 ноября, а затем были переведены в Борисовскую разведшколу, расположенную в дер. Печи, что в 2–3 км от лагеря на запад. Две другие группы в 27 и 9 чел. были направлены в другие разведывательные школы».

* Так в документе, речь идет об официальном сотруднике германской военной разведки капитане Гансе Утгоффе.

** Так в документе, возможно, речь идет о зондерфюрере Паштетнике, бывшем майоре австрийской армии. До перехода в Борисовскую разведшколу служил вербовщиком в «Абвергруппы 109» (входила в состав «Абверкоманды 103»).

Последний курьер «Абверкоманды 103», захваченный в ходе радиоигры «Находка», «Куликов» на допросе 27 декабря 1944 года рассказал, при каких обстоятельствах он оказался в немецком плену и пошел на службу в абвер: «...27 сентября 1944 года, во время нахождения в так называемом штрафном лагере военнопленных в гор. Гогенштайн (Восточная Пруссия), прибывшим представителем германской разведки, фельдфебелем “Яровым” был завербован для работы в пользу немецкой разведки и в числе 10 человек завербованных военнопленных доставлен в разведшколу в гор. Меве. По прибытии в разведшколу я дал подписку о сотрудничестве с органами немецкой разведки под псевдонимом “Куликов”».

Вопрос: Что побудило вас дать согласие работать в пользу немецкой разведки? *Ответ:* За неоднократные побеги из лагерей военнопленных я был направлен 23 июня 1944 г. в штрафной лагерь военнопленных, откуда немцы направляли на тяжелые физические работы в шахты. В целях спасения своей жизни и перейти на сторону Красной армии я избрал единственный для этого путь — дать согласие работать с немецкой разведкой.

Вопрос: Расскажите, когда и каким образом вы оказались в плену у немцев.

Ответ: Будучи красноармейцем стрелковой роты 268-й стрелковой дивизии 8-й армии, 7 сентября 1941 года в районе г. Ораниенбаум под Ленинградом в числе 80 человек военнослужащих попал в окружение немецких войск, а затем в плен.

Вопрос: В каких лагерях военнопленных вы содержались? *Ответ:* После пленения я сначала содержался в лагере военнопленных в дер. Котлы Ленинградской области до 23 мая 1942 года, после чего находился в Режецком (Резекне) лагере военнопленных, а с июня 1942 года по март 1944 года в Крейцбургском лагере. ...За дважды совершенные мною побеги из данного лагеря в апреле-июне месяцах с. г. я был направлен... в штрафной лагерь в г. Гогенштайн...

Вопрос: Какой период времени вы обучались в разведывательной школе? *От-*

вет: В разведшколе в гор. Меве я обучался с 29 сентября по 17 октября 1944 г. в группе разведчиков... По окончании разведывательной школы, 17 октября с. г. был переведен в “С-лагерь”⁵⁷⁹ в дер. Березино, что в 6 км от гор. Вормдита, где и находился до 25 ноября с. г. <...>

Вопрос: Когда и по какому паролю вами должна быть осуществлена встреча с радистом? *Ответ:* После приземления мы должны поездом из гор. Вильно доехать до ст. Павшино, что под Москвой, явиться к А.*, который должен нам устроить встречу с радистом. Об этом нас предупреждал перед переброской Фурман⁵⁸⁰. В отношении А., а также пароля для встречи мне ничего сказано не было, так как при инструктаже присутствовал только “Кузнецов”. О местонахождении радиста мне также ничего неизвестно, однако считаю необходимым показать, что для встречи с А. мой напарник должен назвать себя “Кузнецовым” (школьная кличка). Встреча с радистом должна осуществиться с 25 по 27 декабря с. г., но не позднее 1 января 1945 г. <...>

Вопрос: Кто из немецких агентов был выброшен одновременно с вами с самолета? *Ответ:* Кроме меня и “Кузнецова” с самолета 17 декабря с. г. не выбрасывался никто из немецких агентов, однако необходимо показать, что на самолете имелся груз, упакованный в специальной форме авиабомбы, который должны сбросить с самолета после нашей выброски. Район выброски для меня неизвестен».

* А. — сотрудник советской военной разведки, представленный абверу как «надежный хозяин явочной квартиры».

О своем напарнике — командире группы «Кузнецове» — «Куликов» рассказал, что тот до войны служил командиром взвода в авиадесантных войсках, в звании лейтенанта. «В немецком плену находился с 1942 года, где сначала служил в войсках СС по борьбе с партизанами, после чего был взят в плен партизанами. В партизанском отряде служил командиром взвода, но вскоре был пленен обратно немцами и в июле с. г. в лагере военнопленных в г. Гогенштайн был завербован в качестве агента немецкой разведки. ...“Кузнецов” имел намерение выполнить задание немецкой разведки и вернуться обратно, так как перед посадкой на самолет он мне заявил — в случае уклонения мною от выполнения задания, буду ими расстрелян».

* * *

Вскоре на Лубянке решились сделать рискованный шаг. 15 апреля 1943 года начальник 2-го Управления НКВД СССР П.В. Федотов направил заместителю наркома внутренних дел СССР комиссару ГБ 2-го ранга В.Н. Меркулову докладную записку с предполагаемыми планами советской контрразведки: «По известной Вам радиостанции агента “Тригорьева”, находящегося в г. Волоколамске, подготовительные мероприятия по обеспечению приема агента-связника — проведены. ...Агент “Тригорьев” из тюрьмы освобожден и по разработанной легенде и инструкции вселен на подставленный немцам явочный адрес. ...Сегодня, 15/IV-1943 года, в 16 часов при очередной радиосвязи “Тригорьева” от немцев получена: “Курьер уже в пути к вам. Он имеет приказ сейчас же вернуться назад. Документы для этого он имеет. Не задерживайте его у вас”.

Из ряда показаний задержанных и добровольно явившихся немецких агентов, результатов по радиоигре с противником устанавливается, что из многочисленной заброшенной в наш тыл немецкой агентуры обратно к немцам возвращаются единицы, что заставляет немецкую разведку искать новые формы по проверке заброшенной к нам агентуры и в первую очередь поддерживающей с ней радиосвязь.

Из 76 используемых нами радиостанций противника по ходу радиоигры неоднократно легендировалось, что разведчики согласно полученных от немцев указаний направлялись обратно за линию фронта. Фактически на протяжении 1942–[19]43 гг. таких перебросок мы не проводили.

Для закрепления доверия со стороны немцев к агенту “Тригорьеву” и создания тем самым проверенной базы для проведения в будущем различного рода агентурных комбинаций считали бы целесообразным после проведения встречи с агентом-связником и выяснения необходимых для нас сведений предоставить возможность агенту-связнику по имеющимся у него документам вернуться за линию фронта. Прошу Вашей санкции».

О дальнейших мероприятиях контрразведчиков рассказывается в отчетных документах по работе радиостанции «Находка». 25 апреля 1943 года заместитель начальника УНКВД по Московской области полковник ГБ В.С. Лынько направил заместителю наркома внутренних дел СССР комиссару ГБ 2-го ранга В.С. Абакумову подробный рапорт о ходе радиоигры «Находка»: «В феврале 1943 года радиостанция “Гайдарова”, получившая кличку “Находка”, дала первую радиোগрамму.

Всего в период с 13 февраля по 25 апреля 1943 года “Находка” провела с немецким радиоцентром 31 сеанс радиопередач. Радиоцентру противника передавались дезинформационные сведения о воинских перевозках по железной и шоссейной

дороге Москва – Ржев и передвижениях частей Красной армии, дислоцирующихся в Волоколамском районе.

После неоднократных запросов в первых радиограммах о том, не работает ли «Гайдаров» под диктовку НКВД, радиоцентр оставил «Находку» вне подозрений. Об этом свидетельствуют следующие радиограммы противника: «Поздравляем вас с вашим благополучным приездом. Хорошо, хорошо, велел передать доктор. Поздравляем вас — верных» (16 февраля, 11 часов 50 минут); «Тринадцатого марта вы оба награждены орденами «За храбрость» II класса⁵⁸¹. Мы радуемся вместе с вами за заслуженную награду и ждем тот день, когда сможем вручить вам ордена. Такая награда обязывает вас к еще большей бдительности и верности» (21 марта, 11 часов).

В ответной радиограмме 24 марта 1943 года в «центр» бодро рапортовали: «Горючо благодарим за большую награду. Оказанное доверие постараемся оправдать».

Наряду с этим, 2-м Спецотделом НКВД СССР перехвачен ряд служебных радиограмм, из которых также видно, что «Гайдаров» на хорошем счету у немцев и пользуется их полным доверием. Исходя из этого, начальником КРО УНКВД МО подполковником ГБ С.М. Федосеевым и заместителем начальника отделения КРО капитаном ГБ Шейнюк[ом] был разработан новый план использования «Находки», рассчитанный на вызов курьеров германской разведки. Согласно этому плану, 26 марта с. г. «Находка» передала, что сроки документов разведчиков истекают. Радиоцентр противника 2 апреля ответил, что новые документы заготавливаются, и просил подготовиться к приему их при сбрасывании с самолета. Под благовидным предлогом указанный вариант был отклонен.

В процессе дальнейшей связи с радиоцентром была достигнута договоренность о прибытии в гор. Волоколамск курьера и передаче им «Гайдарову» документов, денег и питания для рации. Германской разведке была подставлена квартира Д<...>, происходящей из социально чуждой среды, известной местному населению активной церковницы, на которую был поселен освобожденный из-под стражи «Гайдаров».

Для реализации нового плана по делу «Находка» в город Волоколамск были командированы заместитель начальника отделения КРО УНКВД МО капитан госбезопасности тов. Шейнюк, старший оперуполномоченный КРО лейтенант госбезопасности тов. Грачев и оперуполномоченный КРО мл. лейтенант госбезопасности тов. Чикаленко.

16 апреля с. г. около семи часов утра тт. Грачев и Чикаленко, осуществлявшие наблюдение за конспиративной квартирой «Гайдарова», зафиксировали приход в эту квартиру неизвестного в форме лейтенанта Красной армии. Спустя 20–25 минут этот военнослужащий вместе с «Гайдаровым» вышли из дома и направились по Советской улице к центру города. «Гайдаров», действуя в соответствии с инструкцией, поставил в известность тт. Грачева и Чикаленко о прибытии курьера, а также сообщил, что у курьера имеется напарник, ожидающий его в поселке на станции Волоколамск.

«Гайдаров» и курьер были взяты тт. Грачевым и Чикаленко под наружное наблюдение и сопровождены до одного из домов пристанционного поселка. По выходе оттуда они были задержаны под предлогом проверки документов этими же оперативными работниками, выступавшими в роли комендантского патруля. При «проверке документов» у курьера был отобран заряженный револьвер си-

стемы “Наган”. Одновременно с курьером и “Гайдаровым” тт. Грачев и Чикаленко задержали и прибывшего с курьером напарника, который пытался при обыске скрыть имевшееся у него оружие. Задержаны: “Антонов”... “Никитин”...

Документальный рассказ об операции «Находка», безусловно, оживляют воспоминания участника этой спецоперации, ветерана контрразведки С.М. Федосеева. Они проливают лучик света на то, что чаще всего остается «за кадром» и не зафиксировано в архивных материалах: «На этой фазе (речь идет о визите первого курьера из центра. — *Авт.*) радиоигра неожиданно для сотрудников Контрразведывательной службы Московского управления привлекла внимание И.В. Сталина. Как выяснилось, Верховный интересовался не только боевыми операциями, но и нашими, чекистскими. О радиоигре “Находка” ему доложил начальник военной контрразведки В.С. Абакумов. Откровенно говоря, мы были рады этому обстоятельству, так как радиоигра из Московского региона во многих отношениях была сложной и очень рискованной.

В памяти отложилась встреча с руководителем “Смерш”. До этого мне было известно от своих коллег, что он обладал большим опытом в проведении подобных операций, был прост и доступен для работника любого ранга, обязателен. Умел создать непринужденную обстановку в разговоре, а главное, способен был дать профессиональный совет, так как начинал службу с должности рядового оперативника.

Как-то рано утром он позвонил мне и пригласил к себе. Подробно, до мельчайших деталей, Абакумов расспросил о радиоигре. Его интересовало все: как она возникла, вполне ли можно доверять радисту и чем закреплена его перевербовка, надежно ли обеспечено наблюдение за вторым агентом, какова реакция абвера на переданную информацию. В заключение он сказал: “Подготовьте мне справку и отразите мне в ней главные моменты дела. Обязательно дайте краткое обоснование путей развития игры — как мы их себе представляем. К справке подготовьте проект очередного сообщения радиста в радиоцентр”.

Все это было исполнено в тот же день. В проекте шифротелеграммы содержалась очередная порция дезинформации. Кроме того, радист уведомлял центр о благополучном прибытии курьера. Это делалось на случай, если он действительно явится в эти дни.

Буквально на следующий день Абакумов вновь вызвал меня в свой кабинет на четвертом этаже дома № 2 на Лубянке. Я доложил ему, что около семи часов утра пост наружного наблюдения зафиксировал приход в дом монахини, где жил радист, неизвестного в форме лейтенанта Красной армии. Убедившись в личности радиста, он сообщил, что по поручению “зондерфюрера” доставил все необходимое. Две вещевые сумки с содержимым он, чтобы не подвергать себя риску, надежно спрятал недалеко от станции Волоколамск. Сейчас курьер отдыхает, после обеда вместе с радистом отправится за “подарками”, после чего он намерен вернуться к немцам. Я также проинформировал Абакумова, что мы держим на месте группу захвата. “Прочтите”, — говорит мне Абакумов, возвращая правку и проект сообщения в разведцентр. Вглядываюсь и вижу, что местами текст нашего документа подчеркнут карандашом. Я понял, что это рука Сталина. “Верховный считает, что немедленный захват курьера — риск малооправданный, за ним может быть и контрнаблюдение. Возможно посещение других явок. В результате провала мы лишим себя возможности передавать очень важную в данный момент дезин-

формацию. Кроме того, упустим благоприятную возможность выследить, где и как агентура немецкой разведки преодолевает линию фронта, какими опорными пунктами во фронтовой полосе пользуется, а то, что они есть там у него, не вызывает сомнений". "Будем курьера арестовывать, — заключил разговор Абакумов, — но не там, где намечали, а в своем последнем пункте пути его следования через фронтовую полосу. Соответствующие распоряжения военным контрразведчикам об организации надежного контроля за ним во фронтовой зоне и готовности к его задержанию я уже сделал". В ходе обсуждения было признано целесообразным, чтобы текст шифротелеграммы о выполнении поручения разведцентра исходил от самого курьера и был составлен им лично»⁵⁸².

Действительно, архивные материалы позволили подтвердить и точно установить дату этого события. Информация о радиоигре «Находка» была доложена наркомом госбезопасности СССР В.Н. Меркуловым докладной запиской № 37/м 24 апреля 1943 года в «ГОКО — товарищу Сталину И.В., товарищу Молотову В.М. и НКВД СССР — товарищу Берия Л.П.». В документе подчеркнут фрагмент, в котором сообщалось, что группа немецких разведчиков переброшена «с задачами сбора сведений о воинских перевозках по железной и шоссейной дорогам на участке Москва – Ржев». Другими словами, И.В. Сталин заинтересовался в основном возможностью передавать противнику стратегическую дезинформацию на центральном участке фронта.

* * *

В апреле 1943 года в советской контрразведке произошла серьезная реорганизация — была создана военная контрразведка «Смерш», на которую была возложена задача по проведению радиоигр с противником. Не стала исключением и «Находка», оказавшаяся в ведении 2-го отдела Управления контрразведки «Смерш» Московского военного округа. Не снижая темпов, военные контрразведчики Смерша продолжили радиоигру, начатую КРО УНКВД по Московской области. Отметим, что рассказ об операции «Находка» в упоминавшейся выше книге «Лубянка, 2» кончался на этом эпизоде — переходе радиоигры в ведение военной контрразведки «Смерш», однако игра с абвером на этом не завершилась. Итак, продолжим наш рассказ.

Так как ни одного из агентов-связников фактически перебросить не представлялось возможным, ввиду их неблагонадежности, 28 апреля 1943 года противнику была передана радиограмма о возвращении курьеров обратно к «Гайдарову» следующего содержания: «Вернулся "Антонов". Просит передать, в указанном вами месте переходить фронт не решился. На дорогах и деревнях усиленные патрули. Где, каким образом удобнее вернуться — ждем указаний».

Проведением указанной комбинации преследовалась цель затянуть время до истечения срока действия документов, полученных агентами-связниками от немцев специально для возвращения через линию фронта по указанному маршруту и, таким образом, вынудить противника оставить курьеров «Гайдарову» в качестве разведчиков, в крайнем случае указать им другой маршрут перехода линии фронта. В последнем случае Смерш смог выявить новый канал переброски через линию фронта германской разведкой своей агентуры.

В ответной радиограмме противник подробно повторил маршрут перехода линии фронта на участке 334-й стрелковой дивизии Калининского фронта в районе местечка Замостье Велижского района Калининской области. Затем на требование «Гайдарова» от имени агента-связника «Антонова» сообщить другой маршрут

перехода немцы 19 мая 1943 года радировали: «Мы сообщили вам самый лучший маршрут, по которому Антонов может перейти фронт. Его документы такие хорошие, что он может не бояться проверки. Пусть он идет не большими дорогами, а в стороне от них».

Ввиду того что противник настаивал на возвращении агентов-связников через линию фронта по старому маршруту, 25 мая 1943 года по станции «Находка» передали: «“Антонов” с другом ушли на рассвете 20 мая. Просили передать — идем указанным маршрутом, рассчитываем быть дней через 8–10. Предупредите еще раз своих солдат. До скорой встречи».

Одновременно с проведением указанной выше комбинации с агентами-связниками по станции легендировалась активизация работы группы после получения помощи. Противнику регулярно, в каждом сеансе связи передавались радиogramмы, содержащие серьезные информационные сведения и требуемые немцами сводки о состоянии погоды.

В соответствии с планом, разработанным на Лубянке, игра набирала обороты. 9 июля 1943 года служба радиоперехвата приняла по радио шифровку: «Слушайте ежедневно семь часов, когда дадим буквы гкк гкк, то выброска [в] тот же день два четыре часов над условленным местом при приближении».

В ходе радиоигры советская контрразведка получила новые сведения о формах и методах работы германской разведки. Например, новым для советских контрразведчиков стали сведения о том, что грузы, сбрасываемые для германских агентов, стали снабжаться устройствами самоликвидации. Это было сделано с учетом, чтобы «посылка» не попадала в чужие руки и самовозгоралась, если агенты по каким-то причинам не успевали их вовремя обнаружить.

Так, например, 11 июля принята еще одна радиogramма из центра: «Ждите сегодня там же два четыре до один часов. Из пакета моментально вынуть часы с запалом. Привет». В тот же день во время вечернего сеанса связи — новая шифровка по радио: «Машина летала, вас не видели. Для сигналов берите сухое сено. Из пакета сейчас же уберите часы с запалом».

И вновь «Сатурну» не удалось осуществить выброску «посылки». 14 июля поступила очередная шифровка: «Когда мы вам знаки “гкк” дадим, летим последний раз к вам. Выставьте летчику видный огонь. В середине ящика находится белый пакет с двумя черными крестами. Пакет сейчас же выбросить в лесу. Пакет в шесть часов утра начнет гореть. Когда получите посылку, ожидаем от вас интенсивной работы. С товарищеским приветом».

В соответствии с заранее разработанным советской военной контрразведкой планом «посылку» решили не принимать. На Лубянке решили вызвать курьера из центра. 22 июля центру было сообщено: «16-го самолет был точно над нашим местом. Костер развести было нельзя, рядом паслись кони. Вчера, согласно сигнала, вас ждали, костры горели, но безрезультатно. Ждать устали, измотались, положение критическое. Сбросьте обязательно на этой неделе, дайте точную дату. Ждем на старом месте».

Заодно в «Сатурне» запросили инструкцию по обезвреживанию устройства самоликвидации. Вскоре из центра пришло подробное описание по обращению с данным механизмом. Как видим, абвер во время войны «охотно» делился с Лубянской новинками в разведывательно-диверсионном деле. Ученики оказались способными...

Дезинформация.
"Шверидо"
Ш. Фир. "Комграф-Сигма"
И. Б. Сидоров
июль 1943 г.

Радиостанция "Находка"
г. Волоколамск.

1. июль поезд из Волоколамска на запад в сторону
действующий артиллерии. Вооружение - автоматические
пушки и пулеметные установки на автомашинах. Сторо-
жевая рота Красногорска. Волевым личным имуществом
и из разговоров с бойцами."

Передать июль.
2. июль с 8 до 12 часов ^{на Калинин} ~~в~~ группах
состоит 34 средних и легких танков. Они танкуют в узком
формировании в Мелле, один ~~в~~ в свою бригаду.
Передать июль.
3. июль На запад поезд из Волоколамска: по нем. дороге
состоит с автомашинами, один с нем. оборудованным
с грузом в закрытых вагонах. По ~~пути~~ с 16 до 20 часов
42 автомашины с моторами и разрывными грузами. Одретив:
состоит с битыми простейшим оружием, один - порохом.
июль: 25 машин с грузом, порохом."
Передать июль.
4. июль поезд с 8 до 12 часов группах и в один
на запад из Волоколамска 45 автомашин, из них: 16 с казен-
ными, 13 с разрывными снарядами, 8 с порохом,
автоматическим оружием. Одретив: 25 машин с грузом
снарядов, порохом."

Передать дезинформацию: ?-1 Штетенко
на станцию авт. Волоколамска Кр. Армии
передать - не информативна Штетенко 10.7.43

Текст дезинформации противнику от 10 июля 1943 г.,
утвержденный 13 июля 1943 г. начальником ГУКР «Смерш» НКО СССР
и переданный по радиостанции «Находка».
На документе автографы начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумова
и начальника Оперативного управления ГШ КА С.М. Штетенко

В начале августа 1943 года комбинацию решили обострить. 2 августа в центр ушла шифровка:

«Господину доктору. После 26-го “Кашперов” и “Костин” со мной разругались. Дальше жечь костры категорически отказались. Вам не верят, говорят, наши трудности, и опасности вас не беспокоят. Ушли в деревню к родителям “Кашперова”. Что они намерены делать, — не знаю, но встретиться с ними я больше не хочу. Я тайно от них перебрался в г. Красногорск к знакомым».

Текст радиограммы в центр утвердил лично начальник ГУКР «Смерш» В.С. Абакумов. Внизу документа — примечание: «В очередной радиограмме сообщить явочный адрес. Текст “рдг” (радиограммы. — Авт.) составить в зависимости от полученного ответа. 28 июля 1943 г.».

В ответной радиограмме 14 августа противник передал, что курьер готов, и потребовал срочно сообщить явочный адрес. Для явки агента-связника был подобран и 21 августа сообщен противнику адрес нашего агента «А». Однако присылка курьера затягивалась. Немцы объясняли эту задержку плохой погодой.

Чтобы расшевелить немцев, в центр по станции «Находка» сообщили о наличии у «Гайдарова» широких возможностей по организации в Красногорске надежной опорной базы и созданию резидентуры с выходом на Москву. В частности, противнику было сообщено о привлечении к шпионской работе «железнодорожника», проживающего в Красногорске. Это сообщение было рассчитано на поднятие авторитета станции перед противником, а следовательно, и на ускорение присылки агента-связника.

Цель была достигнута. Исходя из анализа ответных радиограмм, в абвере действительно заинтересовались возможностями агента «Гайдарова» и верили сообщенным им сведениям о переброске войск по Московской окружной железной дороге в направлении на север. Противник «клюнул» на наживку Смерша. В создавшейся обстановке на фронтах такой информатор, как железнодорожник, оказался для центра крайне необходимым источником сведений о военных перевозках.

17 августа явочный адрес «Гайдарова» в Красногорске был сообщен в центр. Пять раз абвер бесцельно посылал самолет, наконец нервы у немцев не выдержали, и в «Сатурне» решились прислать курьера. 25 августа из центра радиовали: «Находится Красногорск при Волоколамске*. Можно ли вас по данному адресу найти. Курьер спустится на старом месте и завяжет с вами связь, точно в срок дадим».

На этот случай «Гайдарову» была специально разработана инструкция с конкретными обязанностями по встрече курьера германской разведки. Планом мероприятий предусматривалось легендирование наличия у «Гайдарова» знакомых в Красногорске, у которых противник мог бы разместить присылаемую для работы агентуру. Все дальнейшие действия по проведению радиоигры «Находка» утверждались начальником УКР «Смерш» МВО генерал-майором Ф.Я. Тутушкиным.

Для встречи посланца из «Сатурна» было разработано семь вариантов: 1) курьер прибудет один и возвращается обратно; 2) курьер прибудет один и остается работать совместно с «Гайдаровым»; 3) курьер прибудет с напарником, и оба уходят; 4) курьер приходит с напарником, и оба остаются работать; 5) курьер прибудет с напарником — один из них уходит, другой остается работать; 6) если курьер при

* Так в документе.

следовании к линии фронта расшифрует наружное наблюдение, то его предполагалось задержать и доставить в Москву. После допроса предусматривалась его перевербовка и отправка к противнику. Все эти варианты были рассчитаны на то, что заранее будет известно время прибытия курьера. Седьмой вариант учитывал, что если курьер явится с повинной в органы НКГБ-НКВД и расскажет о полученном им от немецкой разведки задании, то перевербовать его и направить к противнику «с целью закрепления авторитета агентурной станции».

* * *

Архивные документы сохранили яркие эпизоды невидимой «дуэли» в эфире между Лубянской и «Сатурном» — разведцентром «Абверкоманды 103» при группе армий «Центр». Подготовкой дезинформации по радиоигре «Находка» занимались Оперативное и Разведывательное управления Генштаба Красной армии. Санкцию на передачу дезинформации противнику лично утверждали генерал-лейтенанты С.М. Штеменко и Ф.Ф. Кузнецов. Радиogramмы в германский радиocентр утверждал начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Г.В. Утехин (до 23 сентября 1943), затем — подполковник В.Я. Барышников.

Анализируя отношение противника к станции, его стремление оказать агентам помощь, несмотря на неудавшиеся попытки сбросить груз, на Лубянке был сделан вывод, что противник ранее передававшейся по станции дезинформации верил и был крайне заинтересован в продолжении работы группы «Гайдарова» в тылу Красной армии.

Таким образом, было принято решение от приема посылки с самолета отказаться и потребовать присылки курьера.

14 сентября в центр радиовали: «Железнодорожник, проживающий в Красногорске, рассказал мне, что из Москвы в сторону Калинин – Бологое передвигаются войска. 10 сентября в этом направлении прошло 10 эшелонов пехоты, 2 состава с горючим, один состав с боеприпасами».

16 сентября центр прислал задания: «1. Спросите железнодорожника, были ли нам сообщенные эшелоны шли прямо через Москву или с других фронтов. Были ли они резервы или новые формирования. Следите тщательно за дорогами [из] Москвы в Калинин и Ржев. Дайте регулярно известия о погоде, чтобы мы могли бы выслать подготовленного курьера».

21 сентября противнику передали: «Железнодорожник работает в Москве, дома бывает редко. При первой встрече с ним постараюсь выяснить нужные сведения. Меня связывают документы, без них трудно. Жду обещанное».

25 сентября поступил ответ из «Сатурна»: «Надежный человек стоит готов. Как курьер он принесет вам все нужное по указанному вами адресу. Мы только ждем благоприятную погоду. Наблюдайте и впредь за дорогой Калинин и Ржев».

Вскоре 7 октября на явочной квартире в Красногорске был задержан ожидавшийся связник германской разведки — «Лапшов», старшина-инструктор группы радистов Борисовской разведшколы. При аресте у «Лапшова» изъяли большое количество фиктивных документов, так как он сразу же должен был вернуться за линию фронта. На допросе «Лапшов» показал, что посылку, предназначавшуюся для «Гайдарова», он оставил на месте приземления*, куда он был выброшен с самолета «Хе-111» на парашюте в ночь с 4 на 5 октября. В абвер сообщили о благополучном

* В 5–7 км северо-западнее станции Шаховская Калининской железной дороги.

прибытии курьера и поблагодарили за «подарки». Связника из «Сатурна», доставившего «подарки», без лишнего шума арестовали и под благовидным предлогом вывели из игры.

В «Абверкоманде 103» не поскупились для «своего» ценного агента. Из акта 2-го отдела УКР «Смерш» МВО от 16 октября 1943 года: «...произведен осмотр вещей, сброшенных с парашютом с немецкого самолета в районе села Гордино Шаховского р-на Московской области, разысканных и доставленных в Управление... При осмотре оказались следующие вещи, предметы и ценности, находящиеся в чемодане, упакованном в мешке: I. Ценности. 1. Денег соввалютой в сумме руб. 100 000 (сто тысяч) сторублевыми ассигнациями. 2. Часы карманные иностранной марки за № 2520274. II. Документы: 1. Бланков аттестатов на продовольствие с печатями незаполненных — 28 шт. 2. Бланков командировочных предписаний с печатями незаполненных — 54 шт. 3. Фотокарточка — 1 шт. 4. Открыток разных и бланков для писем — 9 шт. 5. Памятка по обращению с противотанковым ружьем — 1 шт. 6. Памятка по борьбе с огнеметными танками — 1 шт. 7. Указание ГлавПУРККА об учете членов и кандидатов ВКП(б) в КА — 1 шт. 8. Маскировка бойца (брошюра) — 1 шт. III. Предметы и вещи: 1. нательное белье новое — 2 пары. 2. Гимнастерок х/б новых — 2 —". 3. Шаровар х/б новых — 2 —". 4. Ремень поясной р/с б/у — 1. 5. Погоны полевые б/у н/с — 2 —". 6. Погоны полевые б/у н/с — 2 —". 7. Кошелек старый — 1. 8. Махорки — 10 пачек. 9. Спичек — 7 короб[ок]. 10. Звездочек для погонов средн[их] н/с — 8 шт. 11. Пружинка для зажигалки — 1 шт. 12. Батарей для радики сухие — 5 шт. 13. Чемодан — 1. 14. Парашют грузовой камуфлированный — 1. 15. —" грузовой — 1. 16. Мешок — 1. 17. Бумаги писчей — 38 листов. 18. Карандаш химический, очиненный — 1».

Это стало еще одним подтверждением, что в «Сатурне» станции «Находка» полностью доверяют, а раз так, то и дезинформация доходит по назначению, и сомнений в ее истинности у противника нет.

В центр вновь полетели шифровки с дезданными. Вечером, в 17.31, 13 октября радиостанция «Находка» установила связь с центром, и «Гайдаров» передал радиограмму следующего содержания: «1. От железнодорожника узнал, с Курского вокзала по окружной (железной дороге. — *Авт.*) на север происходит переброска войск, участвовавших в боях под Орлом. Эшелоны проходят в спешном порядке без задержек».

22 октября 1943 года начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР комиссар ГБ 2-го ранга В.С. Абакумов подписал постановление 3-го отдела ГУКР об освобождении из-под стражи «Гайдарова». В документе было сказано: «Сразу же после приземления [“Гайдаров”] явился с повинной в органы советской контрразведки, сдал оружие, деньги, радиостанцию, фиктивные документы и дал подробные показания о деятельности и агентуре известных ему разведорганов германской армии. Усматривая из материалов дела целесообразность оперативного использования [“Гайдарова”] — постановил... из-под стражи освободить и дальнейшее следствие по его делу прекратить». На Лубянке полностью поверили в искренность «Гайдарова».

25 октября центр передал радиограмму с новой задачей: «В Знаменске 25 км и Звенигороде 45 км. Здесь формируются воздушно-десантные части. Установите численность и задание. Ждем ответа. Кап[итан]⁵⁸³».

Дезинформация.

Радиостанция «Находка»
г. Краснопольск

«Значительные десантные части не было и нет. В Звенигороде до ноября этого года формировалась одна десантная бригада численностью до 2500-3000 чел. Личный состав на 50% кадровый, возраст 23-28 лет, партийцы и комсомольцы. Первой половине ноября бригада вышла неизвестном направлении. Узнал из разговоров с немцами.»

Передать 4.XII.43г.

Передать сапунову -
Нач. Развед. Угров. Зенитной
Красной Армии - г. Звенигород

Историческое
моб. управление
близ 143
итин

Звенигород 1943 г. Кузнецов

(Кузнецов)

Текст дезинформации противнику от 3 декабря 1943 г., переданный по радиостанции «Находка». На документе автограф начальника Разведуправления ГШ КА генерал-лейтенанта Ф.Ф. Кузнецова

Подготовка дезинформации о формировании десантных частей потребовала времени. На Лубянке решили до поры посылать «дезы» о военных перевозках. 2 ноября 1943 года в центр направили шифровку: «За два дня на Ржев прошло два эшелона с артиллерией, один пехотой, четыре боеприпасами, один горючим, три с грузом под брезентом. Видел сам».

О ходе «дуэли» заместитель начальника УКР «Смерш» МВО полковник Чайковский регулярно докладывал начальнику 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР подполковнику Барышникову. Из рапорта УКР «Смерш» МВО в 3-й отдел ГУКР от 25 ноября 1943 года: «19 ноября 1943 года: ...“Гайдаров” передал для “центра” радиограмму следующего содержания: “От железнодорожника узнал, по железной дороге идет переброска на фронт эшелонов с теплым обмундированием, полушубками, санями и лыжами. Эшелоны в основном прибывают с востока”. “Центр” также передал: “Вы вторично награждены за храбрость. Поздравляем вас и желаем дальнейшего успеха в совместной борьбе против большевистских жидов. Мы ждем ваших сведений о воздушно-десантных частях в Звенигороде. П.”.

Следующий сеанс связи — 21 ноября: “1. 20 ноября с 10 до 18 часов на запад группами и в одиночку прошло около 180 автомашин с разными грузами. Из них 84 машины американских. 2. На 22 автомашинах красноармейцы”.

23 ноября: “За два дня на Ржев прошло 3 эшелона артиллерии, два горючего, три боеприпасов, один санитарный, один plombированный вагон”.

Из-за плохой слышимости радиограмма была не передана и по просьбе центра связь перенесена на 17.00. В 17.00 радиостанция «Находка» установила связь и повторно передала радиограмму. Информация о повторном награждении разведчиков-радиостов являлась убедительным свидетельством того, что в абвере «Гайдарову» полностью доверяют. Следующий отчет — 30 ноября 1943 года. В центр радировали: «Выезжаю в Звенигород и Знаменск выполнять задание. Свяжусь в начале декабря».

7 декабря в центр рапортовали о выполнении задания: «В Знаменске десантных частей не было и нет. В Звенигороде до ноября этого года формировалась одна десантная бригада численностью до 2500–3000 человек». На следующий день, 8 декабря, очередная шифровка: «1. Личный состав на 50% кадровый. Возраст 23–28 лет, партийцы и комсомольцы. [В] Первой половине ноября бригада вышла в неизвестном направлении. 2. Узнал из разговоров [с] жителями».

14 декабря направили новую шифровку: «От железнодорожника узнал: сейчас наблюдается усиленное передвижение с военной техникой, танками, артиллерией, прибывших с востока. Направление из Москвы — не знает». Одновременно продолжали посылать военную дезинформацию о концентрации воинских частей в Москве для отправки на фронт.

В конце декабря 1944 года центр направил новых связников к «Гайдарову». Однако «визитеры» попали в неожиданный переплет. Из докладной записки по ВЧ начальника УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта П.В. Зеленина⁵⁸⁴ начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумову «О задержании агента немецкой разведки “Куликова”» от 27 декабря 1944 года: «... после окончания специальной разведывательной школы в гор. Меве 13.XII. [19]44 г. вместе с напарником К. был переброшен в районе гор. Вильно для доставки документов, денег и питания к рации немецким разведчикам-радиостам,

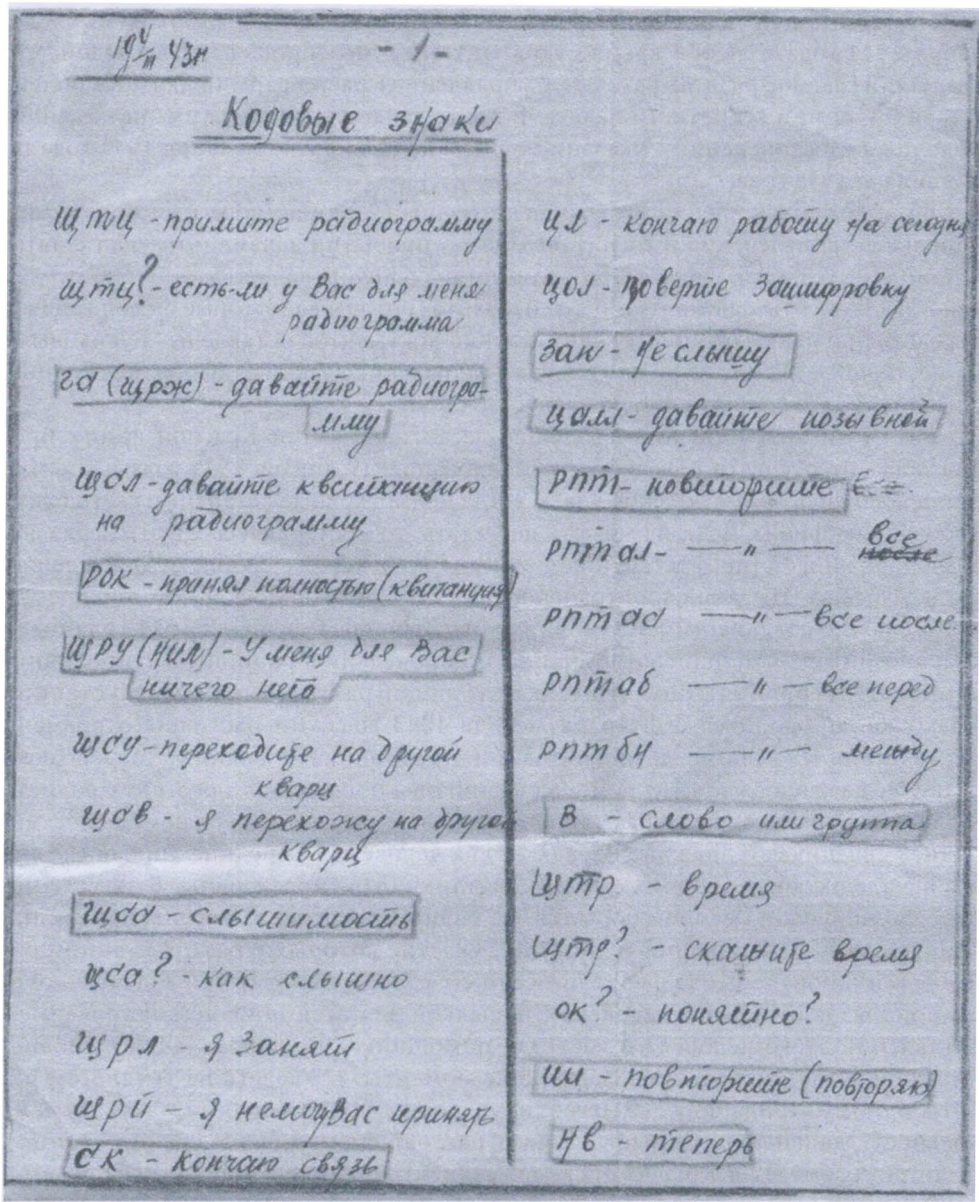
действующим в тылу Красной Армии. ...Явка должна состояться с 25 по 27 декабря 1944 года в любое время суток... Агенты переброшены с легендой, что следуют в Главное разведывательное управление Красной армии для доставки из штаба 5-й армии секретного пакета. В подтверждение легенды имели командировочные удостоверения с указанием срока действия с 17 декабря 1944 года по 1-е января 1945 года.

Во время приземления К. разбился, «Куликов» сломал ногу, был подобран и направлен на лечение в госпиталь, где по прибытии заявил, что упал с автомашины и разбился, сломав при этом ногу. У «Куликова» изъято 94 600 рублей денег и документы на имя техника-лейтенанта Григорьева, которые он должен был передать при явке. Питание к рации, бланки документов оставлены «Куликовым» на месте приземления, куда для изъятия мною направлен оперативный работник. ...Подробности сообщу дополнительно».

Дата отправки на фронт воздушно-десантных частей Красной армии продолжала интересовать германское командование. 19 января 1944 года из центра пришла шифрограмма: «Важно знать, когда подмосковные десантные части будут брошены на фронт. Если не можете переехать, то постарайтесь узнать через железнодорожников [про] десантников или летчиков. Также сообщите немедленно, когда услышите о накоплении транспортных самолетов в Москве».

В связи с созданными условиями на Лубянке 1 февраля 1944 года были разработаны дальнейшие комбинации по проведению радиоигры с противником по агентурной станции «Находка»: «Радиоигра с противником по станции «Находка» проводится с февраля месяца 1943 года. До настоящего времени перед станцией, кроме дезинформации противника о военных перевозках, ставилась задача вызова от немцев связников с посылками для агента-радиста «Гайдарова», работающего на станции. Посылки для станции от немцев доставлялись связниками дважды: первая — два человека в середине апреля месяца и в начале октября. В обоих случаях связники были арестованы. В августе месяца, до получения второй посылки, из радиоигры были выведены напарники «Гайдарова» — «Кашперов» и «Костин», участие которых в работе станции ранее легендировалось. На февраль месяц с/г ставим перед собой задачу — очередной вызов от немцев человека с посылкой для станции с легендированием оставления этого человека в качестве помощника «Гайдарова». Для выполнения этой задачи используем следующие моменты: 1. Указать на трудности работы одному «Гайдарову». 2. Легендируя заботу о конспирации, — указать на опасность дальнейшего пребывания в настоящем местонахождении станции (станция работает в Красногорске 6 месяцев). 3. Радиостанция требует замены: из-за плохой слышимости второго кварца; радиоламп, эмиссия которых от долгого употребления истощилась; питания, которого хватит еще на один месяц, т.к. батареи прибыли с последним связником в октябре т. г. Кроме этого, в соответствии с установками немцев по расходованию денег, их хватит также, примерно, на месяц...»

В соответствии с планом в центр направили шифровку: «Длительное пребывание в Красногорске становится опасным. Одному работать очень трудно. Питания и средств хватит на 3–4 недели, лампы стали слабые, второй кварц работает плохо. Прошу выслать помощника с посылкой, после чего сменю район работы по вашему усмотрению».

Кодовые знаки, применявшиеся агентами немецкой военной разведки для передачи кратких сообщений (погода, скорость ветра и т.п.)

К радиоигре Смерша все активнее подключалось Разведуправление Красной армии. Так, 10 февраля 1944 года начальник РУ ГШ КА генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов направил начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-полковнику В.С. Абакумову служебную записку: «Прошу Вас передать по радиостанции “Находка”, гор. Москва, следующую дезинформацию: “3 и 4 февраля с Киевского вокзала отправлено на Брянск два состава с танками Т-34, шесть составов пехоты, два состава горючего. Пехота и танки прибыли по окружной с Горьковской дороги. 6 февраля отправлено два эшелона артиллерии и штабной поезд, в котором едут генералы и офицеры украинских фронтов. Сведения от железнодорожника”».

26 февраля начальник РУ ГШ КА генерал-лейтенант Кузнецов вновь направил в Смерш очередную дезинформацию для передачи по радиостанции «Находка»: «О десантных частях дополнительно выяснил: в Щелково формируется 13-я авиадесантная бригада. В Ногинске 2-е бригады, номеров узнать пока не удалось. От военных слышал, что десантные части также имеются в г. Дмитрове, Ступино, Люберцах, Раменское. Уточняю. Справка. Данные о 13-й бригаде соответствуют действительности. Бригада предназначена для включения в 37-й гвардейский стрелковый корпус, в ближайшее время должна убыть на фронт».

Абверовский разведцентр продолжал настойчиво требовать сведений о десантных частях. 29 февраля — очередная задача: «Срочно установите подробности о десантных войсках в [о] Внуково, Кунцево, Нахабино и Звенигороде. Имеют ли они зимнюю форму, лыжи, какое оружие, когда, куда, каким образом будут отправлены. Признаки отправки немедленно сообщить».

По плану радиоигры центр продолжали заинтересовывать возможностью получения новых источников информации о железнодорожных перевозках Красной армии. Так, 4 марта в центр направлена шифровка: «Через известного вам железнодорожника познакомился с девушкой, работающей диспетчером отделения Службы движения станции Москва-Горьковская. Для укрепления знакомства и заведения новых связей требуются деньги». 8 марта — следующая: «Хозяину квартиры дал 12 тысяч рублей, чтобы выручить его племянницу, которая сделала растрату на службе. Хозяин остался очень доволен, сказал, что этого не забудет, ко мне относится хорошо, думаю его использовать».

В дальнейшем, чтобы ускорить присылку очередного курьера, симитировали падение мощности батарей питания радиостанции. Во время сеанса связи 16 и 18 марта передачу осуществили на умышленно пониженном вольтаже батарей, с целью создать видимость работы. В связь с центром не вступили под предлогом «не слышу». 20 марта, после усиленного вызова в течение 20–25 минут, в центр сообщили: «Как слышите меня. Я вас слышу временами, в приемнике появилось какое-то замыкание, слышимость то появляется, то пропадает. Дайте разъяснение, где искать причину».

Одновременно продолжали «вслепую» передавать дезинформацию военного характера: «20 и 21 марта на Ржев прошло пять военных эшелонов, из них: один с войсками, два сборных, на платформах автомашины, несколько орудий, военное имущество, три эшелона закрытых вагонов, с не установленным грузом», «25 марта сюда прибыло с фронта из-под Великих Лук три эшелона с воинской пехотной частью, выгрузились, будут переформировываться. Из разговоров с младшим лейтенантом узнал, прибывшая часть будет включена в состав вновь формирующегося гвардейского стрелкового корпуса. Штаб находится в Москве».

31 марта вновь сообщили в центр о неисправностях в работе радиостанции: «Срочно сообщите возможные причины неисправности приемника станции. Боясь остаться без связи». Продолжая следовать выработанной тактике, спустя две недели, 12 апреля, в центр отправлена шифровка: «Искать место и принимать посылку одному мне не под силу. Пришлите курьера. Живу по старому адресу».

Одновременно продолжали регулярно посылать короткие радиogramмы противнику с дезинформацией военного характера: 17 апреля — «16 апреля на запад отсюда отправлено 3-и эшелона танков Т-34, 4 эшелона пехоты с артиллерией», 21 апреля — «20 апреля на Ржев 2 эшелона воинская часть. Вооружена винтовками, противотанковыми ружьями, автоматами. На платформах легкая артиллерия на конной тяге. Вагонах лошади, платформах кухни, повозки».

Можно себе представить, что происходило в ОКВ, когда из абвера в таком объеме поступала, умело подготовленная Генштабом Красной армии, дезинформация. А ведь все сведения было необходимо проверить, сличить с данными воздушной и агентурной разведок, полученными из других источников.

К концу апреля радиоигру решили изменить. В центр радиовали: «Вынужден перейти на нелегальное положение, здесь заменили форму офицерских документов, старые не годятся. Скрываюсь по старому адресу. Посылайте скорее курьера. До выяснения новых офицерских документов пришлите красноармейские или гражданские. Пошлите больше денег, пообещал хозяину. Прошу не подвести меня. Привет».

Несмотря на то что затребованная помощь «Гайдарову» была послана, работу по станции решили не возобновлять по целому ряду обстоятельств. Во-первых, в связи с тем, что старший из курьеров — «Кузнецов», разбился при приземлении, его инструкции остались неизвестны. Кроме того, расстояние между станцией «Находка» и радиоцентром противника все более увеличивалось, имеющимися средствами устойчивую связь организовать не представлялось возможным.

Вероятно, к концу 1944 года противник утратил доверие к «Гайдарову». И было из-за чего, германская разведка не смогла вскрыть направление главного удара Красной армии ни летом 1943-го, ни летом 1944 годов. В ходе Белгородско-Курской и Белорусской наступательных операций чаша весов во Второй мировой войне окончательно и бесповоротно склонилась в пользу Красной армии.

Из рапорта № 2/67061 начальника УКР «Смерш» МВО начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР от 8 декабря 1944 года: «13 февраля 1943 г. в радиоигру с противником была включена агентурная радиостанция “Находка”... В задачу радиоигры по станции “Находка” входило дезинформирование противника о воинских перевозках на интересующем его участке ж[елезной] д[ороги] и вызов на станцию и изъятие агентуры противника. Напарники “Гайдарова” “Костин” и “Кашперов” в августе 1943 г. из игры были выведены».

Выполняя поставленные задачи, станция “Находка” периодически до сентября м-ца 1944 г. дезинформировала противника о воинских перевозках и в апреле и октябре м-це 1943 г. периодически получила от противника трех агентов-связников, которые были арестованы и впоследствии из радиоигры выведены...

2 октября с. г. по станции “Находка” была передана радиogramма, что работать стало невозможно, с просьбой присылки документов для возвращения радиоста через линию фронта. Противник 4 октября с. г. запросил “Находку” сообщить, почему невозможно работать и сможет ли “Гайдаров” с имеющимися документа-

ми перейти ближе к фронту. На этот запрос “Находка” в течение двух месяцев не может передать ответ, т.к. противник радиogramму не принимает, хотя двухсторонняя связь неоднократно была установлена. Исходя из такого поведения противника, можно заключить, что он “Находке” не верит и ценности для него она не представляет... Исходя из изложенного, прошу вашей санкции на закрытие аг[ентурной] станции “Находка”.

С аналогичным рапортом в ГУКР «Смерш» 22 декабря 1944 года обратился и начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник В.Я. Барышников. На следующий день, 23 декабря, в УКР «Смерш» МВО пришел приказ: «Радиоигру “Находка” прекратите. Радиоаппаратуру и все материалы, относящиеся к радиоигре, вышлите в 3-й отдел Главного управления контрразведки “Смерш”. Абакумов». Так завершилась радиоигра «Находка».

* * *

Всего в процессе радиоигры противнику было передано 138 радиogramм, получено — 60. На нашу сторону было вызвано и арестовано пять агентов-связников, у которых изъято 225 тысяч рублей советскими деньгами. Агент-радист «Гайдаров» 28 октября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР награжден орденом Красной Звезды и продолжил службу в одной из запасных частей Красной армии. Арестованные агенты-связники германской разведки осуждены к разным срокам наказания: от пяти до двадцати лет лишения свободы.

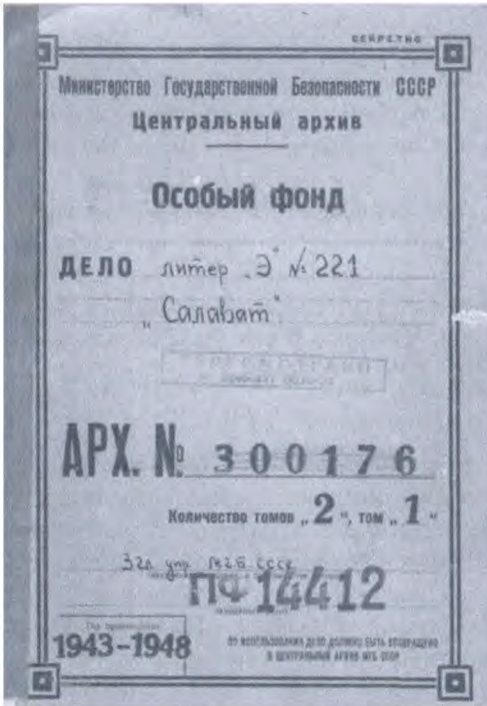
Из заключения 3-го Управления КГБ при Совете министров СССР по материалам архивного дела № 300120, «по кличке “Находка”», от 16 апреля 1960 года: «На протяжении около 2-х лет проведением радиоигры удалось успешно дезинформировать противника и вызвать с его стороны 5 агентов-связников, которые были арестованы». Радиоигра «Находка» стала одним из элементов дезинформации, способствовавшей сокрытию направления главного удара Красной армии летом 1943 года. Эта радиоигра — вклад советских военных контрразведчиков в блестящие победы советского оружия под Белгородом и Курском и стремительное наступление в Белоруссии.

ПАРОЛЬ ДЛЯ ВСТРЕЧИ — «СЕРЕЖА». ОПЕРАЦИЯ «САЛАВАТ»*

События, которым посвящен наш рассказ, происходили летом–осенью 1943 г. на южном фланге советско-германского фронта. Вермахту уже были нанесены сокрушительные удары под Москвой и Сталинградом.

С 9 февраля по 16 марта 1943 года войска Северо-Кавказского фронта⁵⁸⁵ во взаимодействии с Черноморским флотом провели Краснодарскую наступательную операцию, целью которой был разгром немецко-фашистских войск на Кубани. Операция стала частью грандиозной битвы за Кавказ 1942–1943 годов. В результате успешных действий Красной армии зимой 1943 года на юго-западном направлении от главных сил группы армий «А» были отсечены и прижаты к Азовскому морю 17-я и часть войск 1-й танковой армии вермахта. Танки генерал-

* Сокращенный вариант статьи опубликован: Макаров В.Г. Спецоперация «Литера “Э”» // ФСБ: за и против. 2012. № 2 (18). С. 50–55.

Обложка дела радиоигры «Салават»

фельдмаршала Э. фон Клейста были остановлены у Кавказских гор, но враг был еще не сломлен и полон решимости продолжать войну.

22 февраля Ставка Верховного главного командования приказала войскам Северо-Кавказского фронта выйти на пути отхода основных сил 17-й армии противника, окружить и уничтожить их. 23 февраля войска фронта возобновили наступление. Однако ожесточенные бои в районе станиц Славянская, Абинская и Крымская желаемого успеха не принесли. С 28 февраля по 4 марта 17-я армия вермахта при поддержке авиации предприняла сильные контратаки, особенно в полосе 58-й армии. Ударами 37-й⁵⁸⁶ и 9-й армий командование СКФ вынудило противника в ночь на 9 марта начать отход на заранее подготовленный рубеж обороны.

16 марта, по указанию Ставки ВГК, войска СКФ перешли к обороне и начали подготовку новой наступатель-

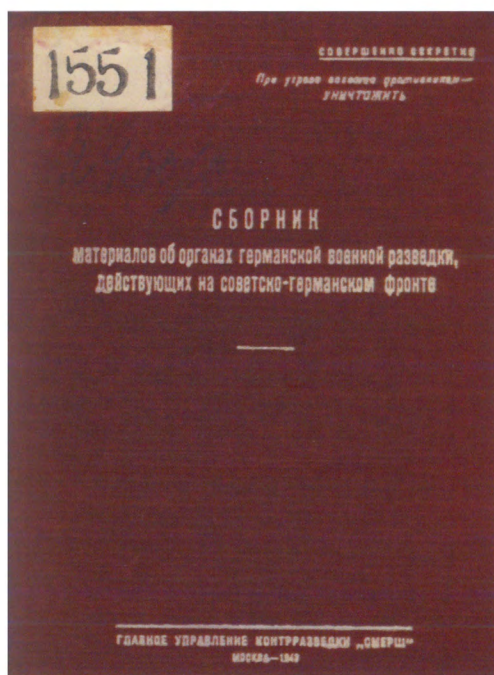
ной операции с целью разгрома противника на Таманском полуострове. Такой была обстановка на южном фланге советско-германского фронта, на фоне которой разворачивалась оперативная игра Управлений контрразведки «Смерш» Приморской армии и Северо-Кавказского фронта.

В этот период активизировалась и германская военная разведка. В мае–ноябре 1943 года абвер дополнительно организовал 13 школ по подготовке агентов. Разведывательно-диверсионные группы противника снабжались радиостанциями, которые начиная с весны 1942 года стали основным средством связи германских разведорганов с агентурой, заброшенной в советский тыл. Одновременно совершенствовались и способы заброски агентов в прифронтовую полосу. Широко стал применяться такой способ заброски агентуры, как оставление на оседание на освобожденной территории разведывательных групп. В частности, с внедренной таким способом агентурой весной 1943 года столкнулись лицом к лицу военные контрразведчики Северо-Кавказского фронта.

В апреле 1943 года произошла крупная реформа и в советской военной контрразведке. На базе Управления Особых отделов НКВД СССР постановлением СНК СССР от 19 апреля 1943 года было создано Главное управление контрразведки «Смерш», подчиненное Наркомату обороны СССР. Несмотря на это, военная контрразведка ни на минуту не прекращала невидимую борьбу в эфире с германской разведкой. Поэтому случилось так, что те радиоигры с противником, которые начали Особые отделы фронтовых соединений, доводили до финала отделы и управления контрразведки «Смерш».

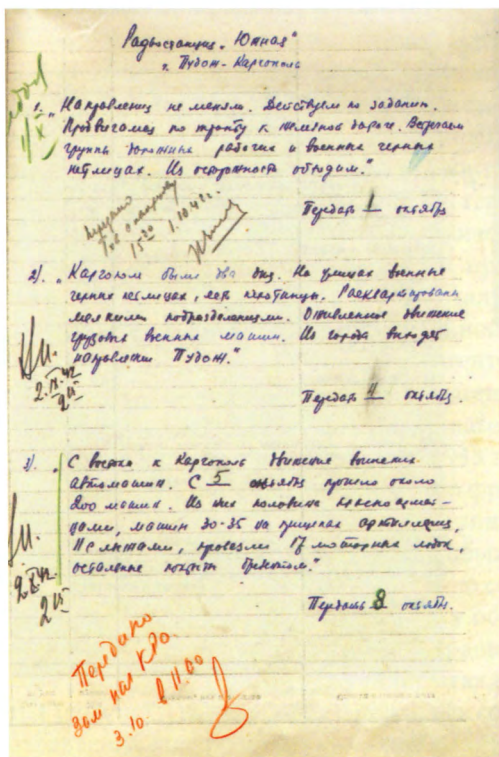
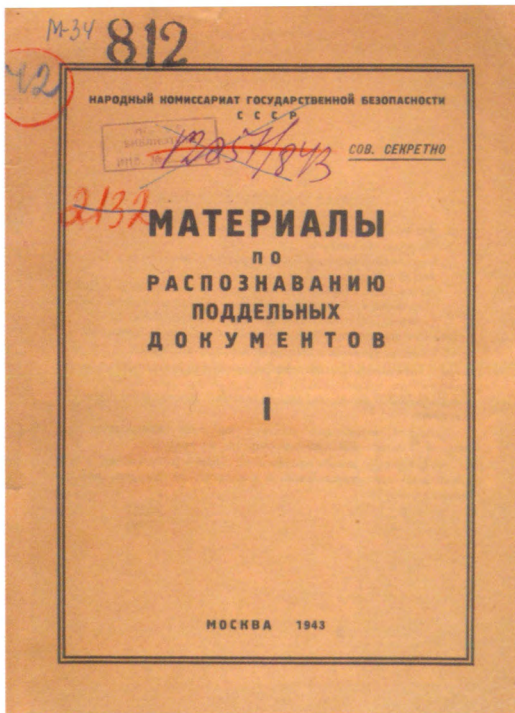
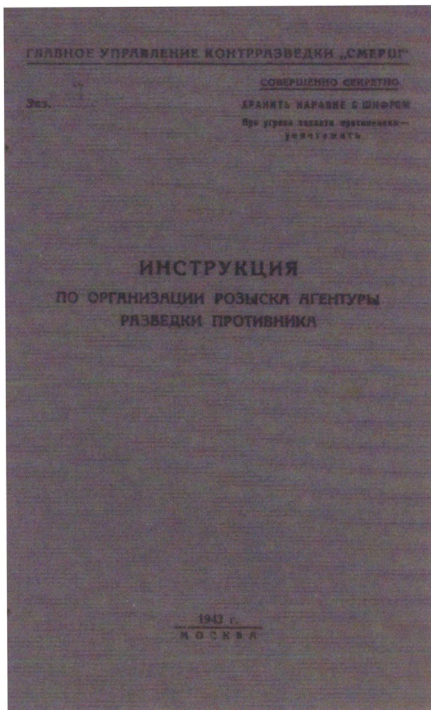
Обложка удостоверения
сотрудника ГУКР «Смерш»

Сборник материалов об органах
германской разведки, действующих
на советско-германском фронте
(ГУКР «Смерш», 1943)

Верховный главнокомандующий
маршал Советского Союза И.В. Сталин

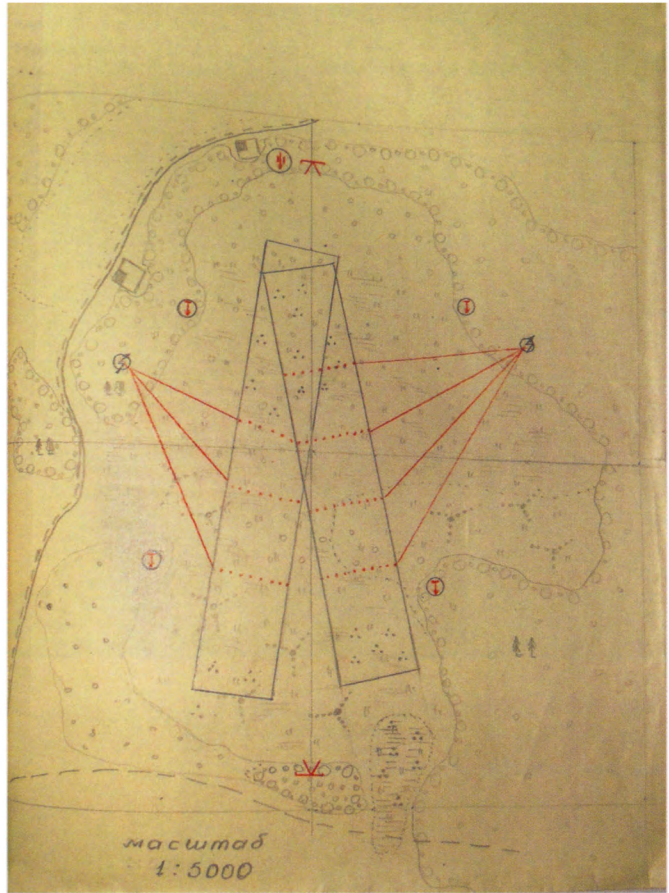

Инструкция по организации розыска агентуры разведки противника (ГУКР «Смерш», 1943)

Материалы по распознаванию поддельных документов. Т. 1 (НКГБ СССР, 1943)

Тексты радиোগрам, подготовленные для передачи противнику в ходе радиогри «Южная». 1942

Схема организации
засады для захвата
самолета противника
(радиоигра «Двина»)

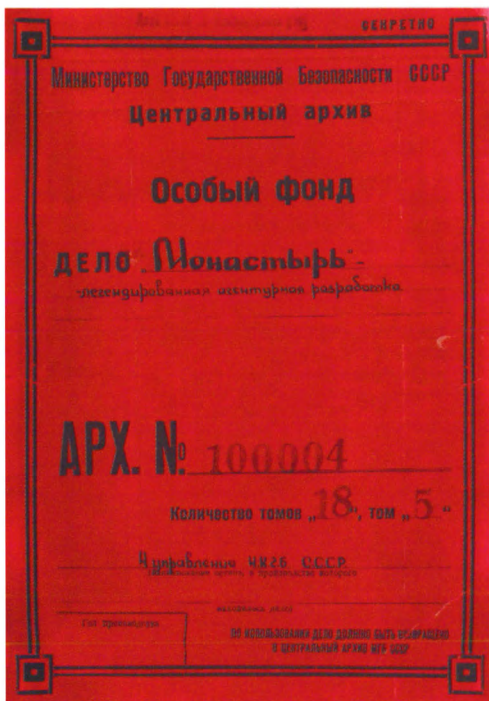

Топографическая карта
местности, на которой
проходила радиоигра
«Двина»

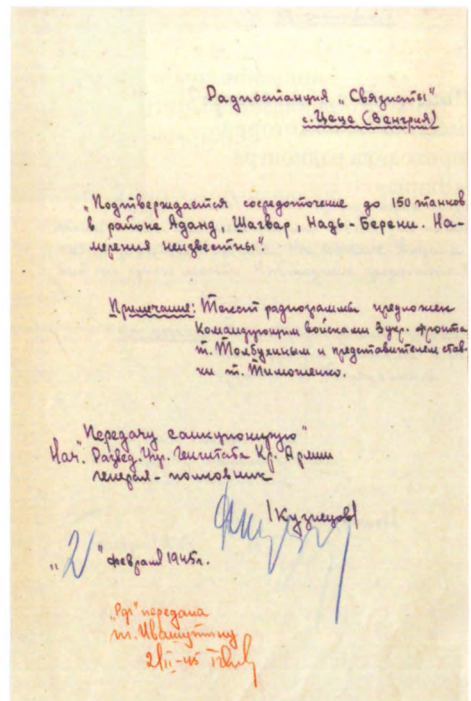

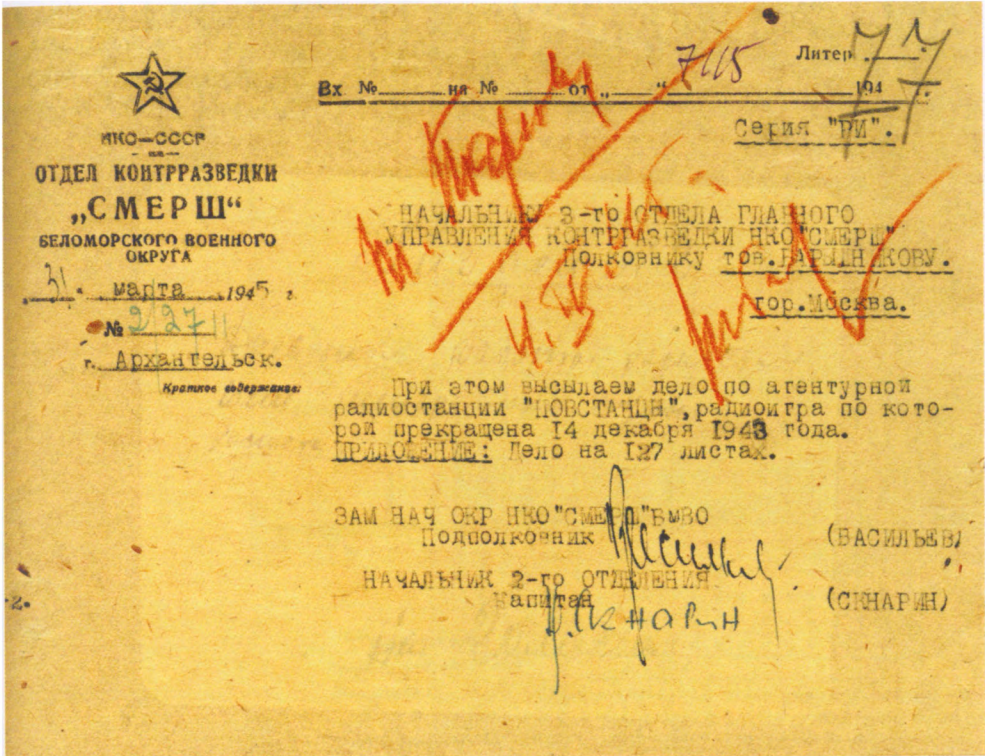
Фрагмент карты Генштаба Красной армии с обозначением места переброски советского агента Александра Демьянова («Гейне») в тыл противника

Обложка дела операции «Монастырь»

Дезинформация от 21 февраля 1945 г., переданная противнику в ходе радиогры «Связисты»

Служебная записка
 № 2/2711
 от 31 марта 1945 г.
 отдела
 контрразведки
 «Смерш»
 Беломорского
 военного округа
 по операции
 «Повстанцы»

Схема пролета
 самолета
 противника
 27 февраля 1944 г.,
 обнаруженного
 постами ВНОС

План фасада дома, где располагалась конспиративная квартира Смерша для перехвата агента-связника противника

Дезинформация, санкционированная 30 сентября 1943 г., для передачи по радиоигре «Квартет» (на документе автографы начальника ГУКР «Смерш» В.С. Абакумова, начальника Разведывательного управления ГШ КА Ф.Ф. Кузнецова и начальника 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» Д.П. Тарасова)

~~Дезинформация~~
 Нач. Развед. Упр. «Смерш»
 В.С. Абакумов

30 сентября 1943 г.

Радиотрансляция «Квартет»
 г. Архангельск.

1. «Архангельск»: 7 эмигрантов «Бразильский Банан», несколько кораблей, из них «Ленин», один английский танкер. Трансляция: «Война», два средних в доме, один английский.

2. В эфире транслируются: «Смелая», английские: «Джонни Геймер» и «Эдди», один английский танкер. На бакарей два английских средних транспорта, много дабло. В эфире все несколько кораблей, убито много людей.

6.X.43.

Примечание: Текст радиотрансляции «Смерш» Арх. Ю. Там же о некоторых кораблях и судах в Архангельске передатчик умышленно в радиосигнал.

Мероприятие санкционировано
 Нач. Развед. Упр. «Смерш» Ка. Архим.
 Мерсман-лейтенант
 Кузнецов

29 сентября 1943 г.

Д.П. Тарасов

Дезинформация, переданная противнику 19 сентября 1943 г., зашифрованная с помощью «квадрата» (радиоигра «Опыт»)

№ 14.7432

1.

Из разговора с командиром «башки» с немецким вояком узнал, что Крайная Армия не имеет никакой власти в южной части нашей линии на Восток. Район задержки будет оставаться на виду.

Придано 19.9 - 6.2.8 м. 16

14	18	15	19	3	14	20	13	У	16	7	10	8	5	14	11	6	9	1	
р	а	р	а	з	о	а	о	р	а	а	е	к	а	и	а	с	а	р	е
о	р	о	а	н	е	ж	и	н	а	е	к	и	у	и	а	с	а	р	е
з	и	о	е	к	о	т	а	о	с	к	в	и	и	и	и	и	и	и	и
а	н	д	о	и	а	б	т	а	к	а	и	н	и	и	и	и	и	и	и
р	и	н	д	о	и	а	б	т	а	к	а	и	н	и	и	и	и	и	и
н	к	е	а	и	о	с	и	а	н	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
е	р	о	в	т	е	х	е	б	б	а	и	и	и	и	и	и	и	и	и
р	с	м	л	р	у	р	о	ш	е	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
р	а	и	р	о	ш	е	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
б	в	о	т	о	и	а	н	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
в	о	т	о	и	а	н	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
р	е	н	д	о	и	а	б	т	а	к	а	и	н	и	и	и	и	и	и
н	к	е	а	и	о	с	и	а	н	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и

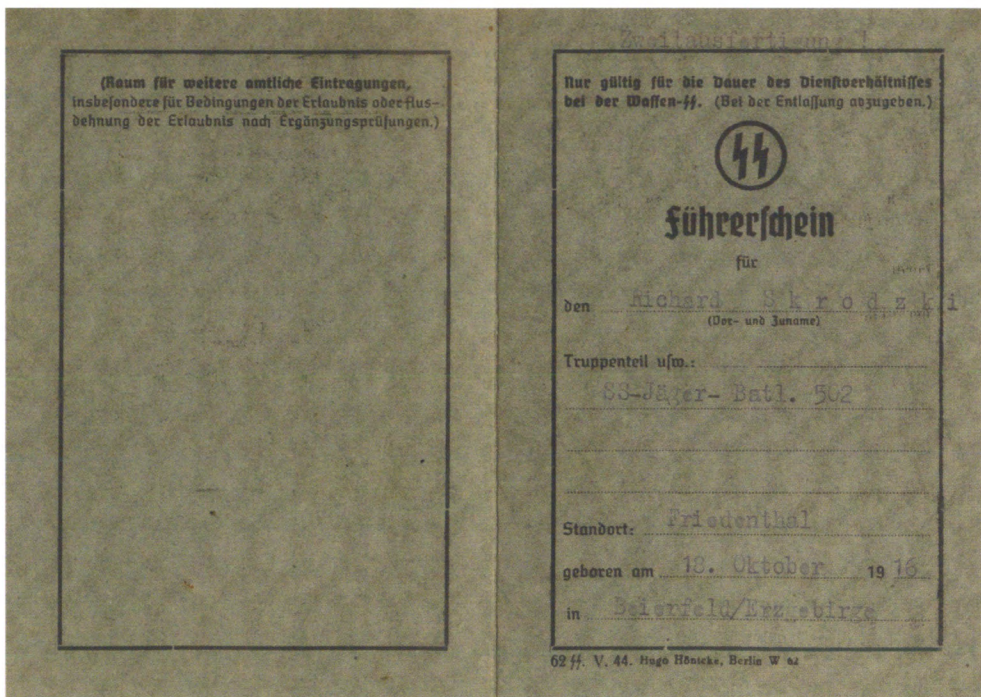
НК=37=

лист - рета в оуану едгал ойфон дитнс хмрб иена
 вуря - кидли рсяс анна црйтт сииис кзбас нпсис
 слясь - авлк индол лютт ознис асебб ксетв одсч
 оаеат аенце авлини тороз чанни асбор рвекс алакч
 алект свиво необе дамву днитю.

Ключ 08

6	8	16	7	2	10	12	11	4	9	3	5	13	14	1	15
з	в	о	р	о	н	е	ж	э	в	о	р	о	к		
	р	н	э	б	з	в	е	ц	г	а	с	т		н	1
		ч	к	р	а			с	н	о	б			р	2
			о	р		и	и			и			к	а	3
				е	ч	у	и			ч	и	ч	н		4
					б	е	у	т			и	и	у	з	5
											а	о	н	о	6
												э	э	и	7
												в	р	е	8
												ч	з	е	9
												и	в	е	ч

Схема зашифровки донесений («квадрат»), применявшаяся агентами немецкой военной разведки (радиоигра «Находка»)

Солдатская книжка военнослужащего 502-го егерского батальона СС Рихарда Скродски.
Фотография из фондов ЦА ФСБ России

Кресты за военные заслуги: 2-го класса (в бронзе) и 2-го класса с мечами, которыми был награжден германской военной разведкой советский разведчик А. Демьянов («Гейне»)

В этот же день приказом ГКО Управление войсковой разведки Генштаба (УВР) было реорганизовано в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА). Этим же приказом при начальнике Генштаба КА была создана группа командиров во главе с генерал-полковником Ф.И. Голиковым, на которую была возложена задача по обобщению и анализу поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки (НКО, НКВД, НКВМФ, ГУКР «Смерш» и партизанских отрядов). РУ ГШ КА все данные, полученные об агентуре противника, подготовленной для заброски в Красную армию, немедленно сообщало органам Смерша.

Одной из таких операций, проведенной в период реорганизации советских спецслужб, была радиоигра «Салават», начатая 31 марта 1943 года Особым отделом Северо-Кавказского фронта с санкции наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии. С апреля того же года руководство игрой перешло в ведение Управления контрразведки (УКР) «Смерш» СКФ. Небольшие рассказы об этой радиоигре приведены в книге Д.П. Тарасова⁵⁸⁷ и в документальном очерке Бориса Качева⁵⁸⁸.

* * *

Непосредственный участник этой радиоигры, полковник в отставке Дмитрий Петрович Тарасов так описал начало этой операции:

«Весной 1943 года при отступлении немецко-фашистских захватчиков из Краснодарского края орган германской военно-морской разведки “Нахрихтен Беобахтер” (НБО) оставил в станице Славянской агентов Мухаммедова и Яковлева с радиостанцией. Оба агента в прошлом служили в Черноморском военно-морском флоте, но, попав в плен, были завербованы германской разведкой и прошли специальную подготовку. Агенты имели задание: после отступления фашистских войск из станицы Славянской легализоваться по фиктивным документам и приступить к сбору шпионских сведений о наших наземных и воздушных частях. Задержанные агенты дали откровенные показания, которые подтвердились имевшимися у советской контрразведки данными о НБО, и поэтому изъятую у агентов радиостанцию включили в игру, дав ей условное наименование “Салават”»⁵⁸⁹.

20 марта 1943 года, за несколько дней до отступления вермахта из Краснодарского края, в станице Славянской для ведения разведки в прифронтовой полосе Красной армии была оставлена на оседание разведгруппа противника. Заброску разведчиков в советский тыл осуществил филиал германской военно-морской разведки «Нахрихтен Беобахтер» (НБО).

В состав группы входили два агента, имевшие в германской военно-морской разведке псевдонимы Гриша (в книге Д.П. Тарасова упоминается под фамилией «Яковлев») и Белка (нем. «Мота» — «Мухаммедов»). Оба агента были обмундированы в форму младшего начсостава Красной армии. Германские разведчики имели при себе два револьвера, фиктивные документы, серийную приемо-передающую радиостанцию с запасным комплектом питания и 57 000 рублей.

Радиостанция представляла собой алюминиевый футляр, упакованный в брезентовый чехол. Передатчик имел мощность 2,5 ватта на лампе «Телефункен КЛ-2» и трехламповый приемник. Станция была снабжена антеннами, противовесом, двумя кварцами, запасными лампами и инструментом, необходимым для ремонта в полевых условиях. Шифровальный лозунг — «За победный конец войны».

На следующий день после вступления частей Красной армии в станицу, 23 марта 1943 года, германские разведчики добровольно явились с повинной в оперативную группу Особого отдела НКВД 37-й армии СКФ. Как оказалось, до пленения оба были моряками-черноморцами, участвовали в обороне Севастополя: один был взят в плен при обороне Сапун-горы, другой — во время боев в районе Камышевой бухты.

В тот же день на первом допросе в станице Славянской агент-радист «Мухамедов» рассказал обстоятельства пленения и вербовки в германскую разведку:

Вопрос: Что вы желаете заявить органам НКВД? *Ответ:* Я добровольно явился в органы особого отдела НКВД в ст. Славянская, желая им заявить, что, попав в плен к немцам 29.6.1942 г. под Севастополем, был завербован немецкой разведкой с целью переброски в тыл Красной армии для выполнения разведывательных заданий.

Вопрос: Расскажите, где и при каких обстоятельствах вы попали в плен. *Ответ:* Находясь в составе 8-й бригады⁵⁹⁰ радистом, 29 июня 1942 г. под Севастополем, попав в окружение⁵⁹¹, был взят в плен и содержался в лагере № 1 для военнопленных в гор. Симферополе, начальником лагеря был немец. Фамилию его я не знаю.

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах вы были зачислены в разведывательную команду и что последняя из себя представляла. *Ответ:* 1 сентября 1942 г. в лагерь для военнопленных в г. Симферополе приехало 2 офицера, как впоследствии я узнал — из разведкоманды 47585 — один капитан морской службы Рыков, имя и отчество не знаю, полный старик, лет 60, одет в морскую форму, свободно владеет русским языком. Другой — фамилию не знаю, зовут его Василий Васильевич⁵⁹², лет 45, одет в морскую форму. С ними был рядовой — радист-инструктор Борейкин, болгарин по национальности, звали его Григорий Петрович, и из числа военнопленных стали отбирать радистов... Меня... забрали в машину и увезли в г. Симферополь по ул. Севастопольская 6, где помещалась разведкоманда.

В этой команде я пробыл до 9 сентября 1942 г. Разведывательная команда в г. Симферополе — I с — состояла в большинстве своем из б[ывших] военнослужащих Красной армии различных национальностей: русских, азербайджанцев, армян, казахов, узбеков, татар, украинцев. В момент нахождения меня в Симферополе в команде было около 25 человек. Начальником разведкоманды был капитан Рыков. Кроме него знаю из разведкоманды фельдфебеля, фамилию которого не знаю <...>

Вопрос: Какими документами оформили вас как агента немецкой разведки? *Ответ:* До 10 февраля 1942 г. о моих задачах как агента никто не говорил. 10 февраля меня... — всех радистов, вызвал в Симферополь из лагеря, где мы обучались, капитан-лейтенант морской разведки Нойман и, вызывая к себе в кабинет по одному, объяснил мне, что я буду в ближайшее время послан в тыл Красной армии, чтобы передавать собранные агентурой сведения. Здесь же Нойман отобрал от меня подписку о сотрудничестве с немецкой разведкой, о соблюдении факта сотрудничества в глубокой тайне, даже от своих товарищей по работе. Подписанная мною подписка была на немецком языке, и текст ее Нойман передавал на русском языке. Работать с немецкой разведкой я должен был под кличкой “Мота” (что в переводе на русский язык значит “белка”). <...> 16 февраля наша команда выехала

в Керчь. Тогда же при выезде в Керчь я получил радиоустановку и ключ для кодирования.

Вопрос: Когда вы получили конкретное задание по засылке вас на территорию Красной армии? *Ответ:* <...> 20 марта Нойман вручил утром мне и “Грише” документы. Я получил красноармейскую книжку, удостоверение за подписью капитан-лейтенанта Нойман[а], подлежащее уничтожению, как только уйдут немцы, и служащее беспрепятственным пропуском среди немецких солдат, удостоверение морской разведки I с, которое я должен всегда хранить при себе, пустые бланки, заверенные печатью и подписями, командировочное предписание и отпусковой билет».

Примерно ту же историю поведал следователям и агент «Яковлев» («Гриша»). Кроме рассказа о том, как он попал в плен, в показаниях агента «Гриши» содержатся интересные сведения о формировании немцами казачьих частей вермахта:

«Вопрос: Каким образом вы оказались на службе в разведывательных органах противника? *Ответ:* С начала Отечественной войны, т.е. с 22 июня 1941 г., я... служил старшиной 1-й статьи в 3-м береговом радиоотделе разведотдела Черноморского военного флота и участвовал в обороне Севастополя. 4 июля 1942 г. оборонял Камышеву бухту; обороняющиеся, в т.ч. и я, вследствие полного использования боеприпасов, питания и воды, были окружены противником и взяты в плен.

После пленения меня вместе с этапом, насчитывающим несколько тысяч человек, направили в Симферопольский концлагерь для военнопленных, где переночевали одну ночь, после чего около двух тысяч пленных были погружены в товарные вагоны и отправлены в Херсон. В Херсоне, переночевав одну ночь, мы, военнопленные, были направлены пешим порядком в г. Николаев в концлагерь, где пробыли около 20 дней.

Примерно 16 июля 1942 г. комендант Николаевского лагеря — немец, фамилию которого я не знаю, и казачий офицер по фамилии Мухин, который ранее работал директором Краснодарского кинотеатра “Колосс”, начали сортировку военнопленных, отбирая отдельно казаков: донцов, кубанцев, терцев, уральцев. Я, как уроженец Кубани, был отобран и зачислен, против моего желания, в кубанский казачий отряд, которым командовал упомянутый мной Мухин. 7 августа 1942 года сборный казачий отряд был погружен в количестве 600 человек в эшелон и отправлен по железной дороге в г. Шепетовку, где находился штаб формируемого немцами добровольческого казачьего корпуса. 13 августа 1942 г. мы прибыли в Шепетовку для прохождения обучения.

В Шепетовке я проходил военное обучение до 22 ноября 1942 г., а 22 ноября 1942 г. я и мой товарищ... из лагеря бежали, т.к. оба не хотели воевать против Красной армии, и пошли по домам... В гор. Краснодар я прибыл 23 декабря 1942 г., не имея при себе никаких документов, и скрывался дома. Не знаю, кто меня выдал, но 28 декабря 1942 г. при ночном обыске нашей квартиры арестовали и отправили в гестапо, находившееся по ул. Седина и Кирпичный угольный дом. <...>

2-го января 1943 г. меня утром вызвали на допрос, допрашивал меня офицер гестапо — немец, фамилию которого я не знаю, через переводчика. На допросе я рассказал, где служил, в каких частях, скрыв свое пребывание в казачьем отряде и бегство из отряда. По окончании допроса допрашивающий меня немецкий офицер предложил мне служить в немецкой армии. Я подумал и решил, чем быть

расстрелянным, лучше пойти на службу к немцам, улучив затем момент, чтобы перейти на сторону Красной армии. И дал согласие.

Меня тут же отправили обратно в камеру, где я переночевал ночь, а 3-го января 1943 года утром меня вызвали вновь на допрос к тому же немецкому офицеру, который допрашивал меня 2 января 1943 г. Немецкий офицер, допрашивающий меня, заявил: “Вот пришел начальник, который хочет посмотреть на вас и взять вас на службу”, и показал на гражданина, одетого в гражданское платье, который сидел на стуле. Впоследствии я узнал, что этот человек — белый эмигрант, из донских казаков, проживал в г. София (Болгария), под фамилией Яренко Ян Григорьевич, который служил в немецкой контрразведке по фабрикации подложных документов для снабжения разведчиков немецкой разведки...»

Агент «Гриша» на допросе также сообщил о времени выхода в эфир станции — 8.00 по московскому времени, а также о поведении агентов, если они будут арестованы советской контрразведкой: «Если я буду захвачен в тылу Красной армии во время работы на радиции и мне предложат передать дезинформирующие немецкую разведку сведения, то по шифру у меня имеется ложная 5-я группа букв, если в ней я поставлю рядом две буквы одинаковых, то донесению верить не будут и поймут, что оно передано ложно».

Проверив сведения, сообщенные «Мухаммедовым» и «Яковлевым», военные контрразведчики решили начать игру с германским военно-морским разведорганом.

* * *

Радиоигры позволяли советской контрразведке добывать необходимые сведения о методах работы германской разведки, местах дислокации разведорганов и разведшколах врага, их руководящем составе, программе подготовки агентов и их персональных данных. Добавим, что аналогичные задачи ставились перед зафронтовой разведкой НКВД-НКГБ СССР. В результате контрразведчики получали возможность анализировать и уточнять поступающие из разных источников разведданные о противнике. Вся эта информация в ходе всей войны скрупулезно собиралась и оказала неоценимую помощь в розыске агентуры, заброшенной в советский тыл.

На допросе 23 марта 1943 года агент-радиотехник «Мухаммедов» дал ценные показания о германской разведшколе, дислоцировавшейся в Евпатории:

«*Вопрос:* Когда вас забрали с лагеря военнопленных, куда вас направили в этот же день? *Ответ:* С лагеря нас сразу же направили в штаб разведывательной команды за № 47585 — I-с, что означает морская разведка, которая находилась в доме по ул. Севастопольской, 6. <...>

10 сентября 1942 г. нас на автомашине из Симферополя отвезли в г. Евпатория и поместили в отдельную комнату в детском санатории. Указанный санаторий раньше или в последнее время назывался “лагерь НКВД”. В этом санатории мы пробыли с 10.IX по 19.IX. [19]42 года, ничем не занимались, за исключением того, что тренировались на “замете”. В помещении этого санатория размещалась школа немецких разведчиков-диверсантов, где было до 150 человек агентов.

За время нашего пребывания указанные агенты-диверсанты до единого человека, как прошедшие подготовку, на самолетах были выброшены в тыл Красной армии. Как мною было установлено от самих агентов-диверсантов, их забрасывали в наш тыл группами по 14 чел. Все они перед выброской были экипированы в

красноармейскую форму, большинство из них имели знаки различия командного состава Красной армии, в том числе медврачи, интенданты и пр. В соответствии с экипировкой, каждому выдавали фиктивные документы, удостоверяющие личность, вооружение и соответствующее техническое оснащение...

Вопрос: Назовите фамилии, имя и отчество работников разведоргана «Нахрихтен Беобахтер» I-с, охарактеризовав каждого в отдельности? *Ответ:* Из числа сотрудников I-с я знаю следующих:

1. Капитан немецкой армии Рыков, имя-отчество не знаю, 60 лет, полный и бодрый, по рассказам он якобы брат врага народа Рыкова. Ведает вопросами отбора из военнопленных на службу в немецкую армию и принимает участие в отборе людей в разведывательные органы. Пользуется авторитетом у немецкого командования. Из наблюдения и по рассказам других военнопленных красноармейцев видно, что он очень хорошо относится к русским военнопленным. В праздничные дни и в свободное время всегда находится в среде военнопленных, с которыми беседует, шутит и даже иногда выпивает. Сам он имеет большие наклонности к выпивке. Другие данные о нем я не знаю.

2. Офицер немецкой армии — Василий Васильевич, фамилия мне неизвестна, ему лет 47, работает при разведгруппе в качестве переводчика, он же часто ездит сам в лагеря ВП и там отбирает разведчиков. По рассказам он житель Ленинграда, в каком-то учебном заведении преподавал русский язык, одновременно являлся агентом германской разведки, а в 1937–[19]38 году бежал через границу в Германию, где все время и проживал. Сам он резко антисоветски настроен. Общителен, любит поболтать и увлекается женщинами.

3. Начальник школы немецких разведчиков в с. Тавель, фельдфебель, немец, фамилию, имя, отчество не знаю.

4. Заместитель нач[альника] школы был радист-инструктор Борейкин Григорий Петрович, которого впоследствии немцы якобы расстреляли как советского шпиона. Но это не точно. При мне его арестовали...»

Во время допроса 25 марта агент-разведчик «Гриша» дал показания о германском военно-морском разведоргана, осуществившем заброску разведчиков в советский тыл, и его руководителях:

«Вопрос: Разъяснялось ли вам, что из себя представляет немецкая воинская часть № 47585 и каково ее действительное назначение? *Ответ:* Руководящий состав немецкой воинской части № 47585 никогда не разъяснял нам о действительном назначении нашей воинской части. Однако из разговоров, имевших место среди лиц, находившихся у нас в команде, по отдельным действиям их (допрос пленных) и др. лиц мне известно, что немецкая воинская часть 47585 представляла из себя военно-морской разведывательный орган немцев, осуществлявший шпионскую деятельность по военно-морскому флоту Черного моря. Наша же часть 47585, находившаяся в Краснодаре, являлась как бы отделением Главного штаба военно-морской разведки, находившегося в Симферополе. Мне известно о том, что идентичные краснодарской группе военно-морской разведки существовали и находились в Ростове н/Д[ону] и Новороссийске. Все эти группы: Краснодарская, Ростовская, Новороссийская, а также штаб в Симферополе занимались вербовкой людей из числа военнопленных, служивших в военно-морском флоте, из которых подготавливали кадры агентов-разведчиков и радистов для отправки их в тыл частей Красной армии с заданиями сбора сведений шпионского характера. <...>

Вопрос: Назовите известных вам лиц, являвшихся руководителями Краснодарской группы агентов немецкой военно-морской разведки. *Ответ:* Из руководящего состава Краснодарской группы агентов могу назвать следующих лиц:

1. Нойман, имени, отчества не знаю. Капитан-лейтенант военно-морской службы германской армии, немец, в совершенстве владеет русским языком, лет 45–46. Из рассказов о себе Нойман якобы жил в России, хорошо знает существующие законы и порядки при советской власти. В одной из бесед с агентами Нойман заявил о том, что он проживал в СССР, был членом партии. Приметы: среднего роста, плотного телосложения, шатен, волосы вьющиеся, серые глаза, волосы зачесывает назад, по натуре Нойман строг, любит спиртные напитки и женщин. О Ноймане следует отметить, что он являлся не руководителем Краснодарской группы агентов, а, очевидно, одним из работников штаба военно-морской разведки, находившегося в Симферополе. Этот вывод я делаю из того, что Нойман в Краснодар приезжал периодически.

2. Шмальц (имя, отчество не знаю), штабс-фельдфебель, немец, лет 47–48, исполнял обязанности начальника Краснодарской группы агентов, среднего роста, толстый, большой живот, лысый, лицо брюзгое, голова маленькая, по-русски разговаривает плохо, со значительным акцентом.

3. «Роман Данилович», русский, лет 40, по неточным данным — белоэмигрант, имевший в прошлом дачу за Москвой. Работал вместе с Шмальцом, точно его обязанностей я не знаю, но известно о том, что он имел отношение к подготовке агентов-радиостов. Выше среднего роста, худощавый, брюнет, лицо продолговатое, глаза черные. Хорошо владеет немецким языком.

4. Яренко Ян Григорьевич, русский, бывш[ий] офицер русской и белой армии. Белоэмигрант, проживавший до Отечественной войны в Болгарии, где проживает его семья: жена и дочь в гор. Софии. Занимался вербовкой агентуры, для чего посещал лично лагерь военнопленных. Изготавливал фиктивные документы для агентов, забрасываемых в тыл Красной армии. Яренко — донской казак, низкого роста, лет 45–46, светлый шатен, глаза серые, выпуклые. Очень любит и употребляет в большом количестве спиртные напитки...»

Кроме того, «Гриша» и «Мота» подробно рассказали особистам о полученном ими задании и сообщили имена других 14 немецких агентов, ранее заброшенных НБО в тыл Красной армии.

* * *

Итак, контрразведчики УКР «Смерш» СКФ получили достаточное представление о противнике, который им противостоит. Об этом подразделении германской военной разведки стоит рассказать подробнее. Кроме «сухопутного Смерша», на Северном Кавказе активно действовал Отдел контрразведки «Смерш» Черноморского флота. 21 июня 1943 года заместитель начальника отдела контрразведки «Смерш» ЧФ полковник госбезопасности Смирнов докладывал в УКР «Смерш» НКВМФ данные о германских разведорганах, оперирующих в бассейне Черного и Азовского морей:

«Немецкий военно-морской разведывательный орган “воинская часть № 47585” возглавляется адмиралом Бодэ и его заместителями: по контрразведывательной части, он же начальник контрразведывательного органа “Нахрихтен Беобахтер”, капитаном 2-го ранга военно-морского флота Рыковым и разведыватель-

ПОРЯДОК ШИФРОВКИ РАДИОГРАММ

по шифру, данному германской разведкой агенту
"САЛАВАТ"

Ключи /4 Февраль

I. Текст шифруется русскими буквами.

ПОРЯДОК ШИФРОВКИ:

Для построения сетки, куда записывается текст р/м, дана, запоминаемая наизусть фраза - лозунг "ЗА ЦЕЛЫЙ КОНЦ ВОЙНЫ". Чтобы построить сетку, требуется еще знание немецкого алфавита. Зная эти два элемента цифровой ряд, являющийся скелетом сетки, строится следующим образом:

На клетчатой бумаге подряд пишутся буквы фразы: "ЗА ЦЕЛЫЙ КОНЦ ВОЙНЫ", берем каждую букву алфавита по порядку с начала до конца и отыскиваем их среди букв фразы, при чем отсчитываем порядок букв от начала /а-1; в-2; с-3/ Таким образом, под буквой "а" в клетке пишем - 1; под в - 2 /буква/ - 20 / - по полсчету с повторениями 20 букв / В том случае, если в тексте несколько одинаковых букв, то номера ставятся от начала фразы по порядку. ПРИМЕР:

З А В О Б Е Д Н Ы Й К О Н Ц Ы В О Й Н Ы

1 2 3 4 7 8 9 8

Таким образом выбирается /буквы алфавита, которых нет в тексте, пропускаются/ весь алфавит и получается цифровой ряд, состоящий из 20 цифр.

Пользуясь этим рядом составляется сетка. Порядок составления сетки для р/м порядка 01/... следующий:

На клетчатой бумаге, в каждой клетке пишется по одной цифре из ряда в одну линию

01/....

1	16	18	2	5	4	10	18	7	9	14	11	6	3	17	15	8	12	19
																0		0

Под этими цифрами проводится черта. Также же две черты проводятся вертикально вниз. После этого от верхней левой клетки горизонтально вправо отсчитывается столько клеток, какая цифра стоит под первой клеткой /номерушка р/м типа 01/...-20/ и на 20-ой клетке ставится кружок. Затем от полученного кружка /не считая обведенную клетку/ отсчитывается столько клеток, какая цифра стоит справа от первой /в примере - 1/. Следовательно на следующей клетке ставится опять кружок и опять отсчитывается от нее столько клеток, какая цифра стоит, третьей.

Порядок шифровки радиogramм, данный агенту германской военной разведки

ной части, он же начальник разведывательного органа “Марине Айнзатцкомандс Шварц унд Азовишес Мер”, капитаном 3-го ранга германского флота доктором Ротт[ом]. <...> Известно, что руководителем одного из таких филиалов, “воинской части 47585”, именуемой “Абвер айнзатц командс”, входящей в состав контрразведывательного органа “Нахрихтен Беобахтер”, является... морской офицер капитан-лейтенант Нойман <...>

Разведывательный орган “Воинская часть № 47585” — “Марине Айнзатцкомандс Шварц унд Азовишес Мер” (сокращенно — “МАК”) в основном свою деятельность проводит на побережье Черного моря и так же, как и разведывательный орган “Нахрихтен Беобахтер”, входит в состав военно-морского штаба адмирала Шустера. В задачу данного органа входит: 1. Продвигаться вместе с передовыми частями немецкой армии и сохранять занятые порты в таком состоянии, в котором их застали части немецкой армии, а затем передавать коменданту порта. 2. Гласным и агентурным путем собирать данные: о портах, военно-торговых кораблях, личном составе экипажей и потопленных кораблях с выяснением обстоятельств и причин. 3. Подбор, инструктаж и переброска агентуры на побережье Черного моря с заданиями военно-разведывательного и диверсионного характера <...>

Немецкий военно-морской разведывательный орган “воинская часть № 47585”, входящая в его состав “Нахрихтен Беобахтер” и “МАК”, комплектовались в Софии из числа белоэмигрантских элементов, активных членов белогвардейской организации РОВСа. С продвижением немецких войск свои разведывательные кадры перчисленные органы вербовали из числа предателей, изменников Родины, добровольно сдавшихся в плен, из числа антисоветских партий и просто антисоветского элемента из оккупированных немцами областей».

Сведения о НБО получили и «сухопутные» контрразведчики. В октябре 1943 года Наркомат госбезопасности Крымской АССР составил справку о деятельности органа германской военно-морской разведки в Крыму и на Кавказе:

«Орган германской военно-морской разведки, именуемый Нахрихтенбеобахтер (сокращенно — НБО), действует в Крыму на участке Крымского фронта⁵⁹³. Штаб НБО дислоцируется в г. Симферополе по ул. Севастопольская, д. 6⁵⁹⁴, и именовался в июне 1943 г. воинской частью фельдпост № 47585, а в октябре 19370. Руководит разведкой корвет-капитан германского флота Рикгоф <...> НБО осуществлял разведывательную службу в отношении всех родов войск Кавказского фронта, а в настоящее время — Крымского фронта (особенно частей, дислоцирующихся в приморских городах) и военно-морского флота Черного моря, а также ведет разведработу среди партизан в Крыму. <...> Как правило, агентура забрасывается самолетами и снабжается портативной радиаппаратурой (приемник и передатчик) с комплектом запасного питания к ней, фиктивными документами и крупными суммами денег»⁵⁹⁵.

В другом документе, «Обзоре материалов о деятельности немецкой военно-морской школы разведчиков-диверсантов, дислоцирующейся в дер. Тавель Симферопольского района Крымской АССР» (декабрь 1943), подготовленном отделом контрразведки НКВМФ «Смерш» Черноморского флота, говорилось:

«Только для работы на Черноморском театре немцы в Крыму и на побережье Азовского моря создали 5 школ: школа радистов в Евпатории численностью до 60 чел., школа разведчиков в Симеизе — около 100 чел., школа разведчиков-ди-

версантов в д. Тавель Симферопольского района — до 300 чел., школа разведчиков в Мариуполе (передислоцировалась в г. Херсон) — 30–50 чел. Деятельность этих школ, методы и программа обучения почти во всех школах носят один и тот же характер <...>

Германским командованием для осуществления шпионско-диверсионной деятельности по Черноморскому военно-морскому флоту и для организации диверсионно-повстанческих групп на Кавказском побережье при штабе так называемого Юго-Западного морского театра еще до начала военных операций в СССР в гор. София (Болгария) был создан специальный орган военно-морской разведки, именуемый “воинская часть 47585”.

С продвижением немецких войск на советско-германском фронте, главный штаб “воинской части 47585” переехал из Софии в г. Симферополь, где разместился по Севастопольской улице в домах № 6 (в здании бывшего театрального техникума Крымского государственного драматического театра) и № 26 в здании быв[шего] дома работников Управления милиции г. Симферополь.

По последним данным, штаб “ВЧ 47585” передислоцировался в гг. Херсон и Николаев. Руководителем немецкого военно-морского разведывательного органа “воинская часть 47585” и его филиалов являются: адмирал германского флота Бодэ, капитан III-го ранга доктор Ротт, капитан-лейтенант Петер Нойман, обер-лейтенант Вольф Цирке, корвет-капитан Ольшевский Александр Александрович...»

Все материалы, полученные военной контрразведкой фронтов и флотов, собирались и обобщались в ГУКР «Смерш». Таким образом, советские спецслужбы располагали подробными данными о разведке противника и ее руководителей.

Например, удалось получить подробные сведения о руководителе «айнзатцкоманды», с которой начало радиоигру УКР «Смерш» СКФ, — капитан-лейтенанте Петере Ноймане. Как оказалось, Нойман был хорошо известен советской контрразведке.

13 июля 1943 года начальник УКР «Смерш» НКВМФ комиссар госбезопасности 3-го ранга П.А. Гладков направил служебную записку № 37722 начальнику 2-го Управления НКГБ СССР (борьба с агентурой иностранных разведок внутри СССР) комиссару госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотову: «По данным, полученным из Отд[ела] контрразведки “Смерш” Черноморского флота, следует, что: “...одной из немецких частей за № 47585... являющейся разведорганом Черноморского побережья от Новороссийска до Батуми, руководит капитан-лейтенант германского флота Нойман, якобы в прошлом работник военного атташе в г. Москва”. Просим через НКВД СССР проверить, действительно ли когда-либо в составе военно-морского атташе Германии был Нойман, и в положительном случае сообщить материалы, которыми вы располагаете на последнего».

Ответа из Наркомата госбезопасности СССР не пришлось долго ждать. 16 июля из 2-го Управления НКГБ СССР пришла «Справка на б[ывшего] германского военно-морского атташе в Москве Нойман Петер». В документе говорилось: «Нойман Петер, 1900 года рождения, немец, прибыл из Германии в Москву на должность пом[ощника] военно-морского атташе в январе 1941 года и пробыл в этой должности до начала войны. Нашей агентуре Нойман рассказывал, что он родился в Москве, где прожил до 15-летнего возраста. Агентурным наблюдением за Нойман[ом] установлено, что он очень легко, без разбора шел на связи с женщинами, встречи с ними обставлял конспиративно, маскировал свои выезды

в город, зачастую проваливал за собой н/н (наружное наблюдение. — Авт.) и при наблюдении за ним применял ряд ухищрений, чтобы избавиться от разведки <...> В настоящее время Нойман находится в Симферополе и работает в разведоргane Главного морского штаба («зондеркоманда» № 47585), осуществляющем разведывательную работу по Черноморскому побережью и военно-морскому флоту».

* * *

Приняв во внимание, что командование Северо-Кавказского фронта остро нуждалось в тот период в передаче противнику военной дезинформации из района станицы Нововеличковской, советской военной контрразведкой было решено начать радиоигру с германским военно-морским разведорганом. В радиоигре с противником агент «Мухаммедов» получил псевдоним Салават, а «Яковлев» — Моряк.

В начале апреля 1943 года* начальник 6-го отдела ОО НКВД СКФ докладывал временно исполняющему должность начальника ОО НКВД СКФ полковнику госбезопасности Ивану Ивановичу Горгонову о мероприятиях, проведенных по оборудованию радиостанции «Салават»: «По утвержденному Вами плану наша радиоточка, поддерживающая связь с радиостанцией германского разведоргана, 3.IV с. г. была размещена в одном из пустых домов на хуторе (без названия, что расположен в 7-ми км от ст. Нововеличковская на северо-запад). Учитывая, что внешне работу радиостанции от жителей хутора скрыть не представлялось возможным, нами был пущен слух, что здесь находится пост воздушного наблюдения и оповещения о появлении самолетов противника».

Утром 9 апреля 1943 года противнику была передана первая радиограмма: «В Славянской оставаться было опасно. Начались проверки, потому оттуда ушли. Продвигались [по] направлению Нововеличковской главным образом ночью. На пути с 24 по 25 марта от Славянской до Нововеличковская наблюдал — на Славянскую двигалось до 30 пушек крупного размера, их тянули трактора. Прошли три колонны пехоты, каждая примерно 1000 человек. По дороге двигалось много машин с грузом и людьми. Какой груз — не сумел определить. Продолжение завтра».

Следующий сеанс состоялся 10 апреля: «Из разговоров с жителями, много войск движутся ночью на северо-запад. По дороге видели также большое количество подвод, на них большие и малые ящики. Кроме того, видел движение до 40 пушек, низкие с длинными стволами, колеса резиновые. Нашел подходящее и безопасное место. Чувствую себя хорошо».

12 апреля из НБО пришел ответ: «Один. Нумеруйте рг (радиограмму. — Авт.). Зашифруйте № 2 снова и повторите. Спасибо за сведения. Скоро дам задачи. Рад, что здоровы, желаю хорошего. Ваш отец».

18 апреля противнику передана радиограмма с дезинформацией: «Шесть. Ночью возвратился. С четырнадцатого по восемнадцатое апреля видел [как] через станцию Мышастовка прошло до сорока поездов на северном направлении. В сутки проходит до десяти эшелонов с бойцами, которые хорошо одеты, все молодые. В эшелонах имеется много платформ, на которых большие понтоны с подвесными моторами. Из разговоров с красноармейцами узнал, что эти войска идут якобы на побережье моря для специального задания».

* Дата не проставлена, рапорт датирован по предыдущему документу.

Справка

63

По материалам «Радиоперехват».

6.7.43г. Радиогруппа № 2476.
Из Самарской в Фредовск.
Для капитана-лейтенанта Нейман.

«Для „Мардер“ о забросе другов: 1. Первый воздушный корпус должен на то, чтобы сигнал был передан фонарем, который следует размахивать. Свет должен быть ярким. В фонарь поставит 2-3 свечи. 2. Время прежне — в ночь с 4 на 11 июля. Точный момент будет указан дополнительно. 3. Для операции будет использован „Юнкере-52“ т.к. другов машиной мы не разогнали. 4. 24 и 25 пункты прошу еще сегодня передать лично „Мардер“.

Шолнар.

Верно: Ст. Опер. Ул. НКВД „Сережа“
Капитан

Августович

~~Майский~~
w.f. q

~~Ген. Ермаков~~
В дессе
24-43.
Сидоркин

Радиограмма германской военной разведки, перехваченная и расшифрованная советскими спецслужбами

В радиоигре активное участие также принимали передовые посты радиоперехвата (Отдел «Б» НКГБ СССР) и дешифровальные подразделения НКГБ (5-е Управление НКГБ СССР). Советские спецслужбы тщательно контролировали радиопереговоры противника.

Работа радиоточки «Салават» была замечена службами радиоперехвата и дешифрования НКГБ СССР. Руководство НКГБ СССР обратило внимание ГУКР «Смерш» на переговоры противника, в которых сообщалось о передвижениях войск в полосе ответственности Северо-Кавказского фронта. В свою очередь ГУКР «Смерш» запросило Управление контрразведки «Смерш» СКФ. 29 апреля 1943 года начальник УКР СКФ генерал-майор Белкин⁵⁹⁶ доложил заместителю начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-майору П.Я. Мешкику: «Сообщенные Вами данные по материалам “радиоперехват” о получении немцами сведений военно-разведывательного характера являются нашим “дезом”*, сообщенным германской военно-морской разведке по радиции агента “Салават” <...> Для ориентировки по делу, просим дать указание в дальнейшем о контроле в эфире за сообщениями германской военно-морской разведки, касающимися работы на радиции “Салават”, и результаты сообщать нам. Одновременно просим установить, какие разведорганы противника зашифрованы под наименованием “Зеехунд-6” и “Буссард-8”⁵⁹⁷. “Мардер”⁵⁹⁸, как показывал ранее агент “Салават”, кличка его радиоточки».

Расшифровка радиোগрамм позволяла заблаговременно вскрывать замыслы противника и контролировать ход оперативных игр, проводимых советской контрразведкой. Так, одновременно с радиоигрой «Салават» в ГУКР «Смерш» поступали бюллетени 5-го Управления НКГБ СССР, в которых оперативно сообщалось о перехваченных и расшифрованных радиোগраммах противника.

* * *

Замысел командования Северо-Кавказского фронта по дезинформации противника, осуществлявшийся УКР «Смерш» СКФ, можно попытаться восстановить по архивным документам.

Так, например, в «Справке на действующую радиоточку агента “Салават”» от 9 мая 1943 года сообщалось: «С санкции наркома внутренних дел СССР — тов. Л.П. Берия — нами начиная с 9 апреля с/г. от имени агента-радиста “М” проводится радиоигра с военно-морской разведкой противника. За этот период в адрес противника передано три дезрадиогаммы, полученные нами через Разведотдел из штаба Северо-Кавказского фронта. Службой “РПР” (речь идет о службе радиоперехвата. — *Авт.*) установлено, что военно-морская разведка переданный нами дезматериал сообщила штабу 17-й немецкой армии и придает ему серьезное значение. Радиоточка действует. Имеется возможность дезинформировать противника и в дальнейшем, в соответствии с планами Командования СК фронта». В резолюции на справке любопытная фраза: «...массированный кулак показывать на участке 9 А. Привлечь внимание противника к Темрюкскому направлению».

В ГУКР «Смерш» придавали большое значение радиоигре «Салават» и взяли ее под особый контроль. 17 мая на имя начальника УКР «Смерш» СКФ поступила записка по ВЧ, подписанная заместителем начальника ГУКР «Смерш» комиссаром госбезопасности 3-го ранга П.Я. Мешкиком: «Срочно сообщите данные об используемых Вами радиостанциях противника... Вся работа по использованию захва-

* Так в документе.

ченных агентурных радиостанций противника в дальнейшем будет проводиться централизованным порядком по указаниям 3-го отдела Главного управления контрразведки «Смерш», в связи с чем строго руководствуйтесь следующим:

а) Передачу текстов радиogramм противнику, а также вступление в радиосвязь с ним производить только с санкции зам[естителя] наркома обороны тов. Абакумова. б) После каждого сеанса работы немедленно доносить на мое имя запиской по «ВЧ» результаты работы с указанием дословных текстов переданных телеграмм и полученных ответов. в) При задержании вновь выброшенных агентов отбирать от них первичные [сведения] (обстоятельства задержания, задание, технические данные рации, срок передачи в эфир первой радиogramмы и проект текста) и немедленно связываться с нами по «ВЧ» для решения вопроса об их использовании».

Законы и правила «войны в эфире» выработывались в ходе повседневной практики. Так, например, после допущенных ошибок, при передаче дезинформационных сведений противнику соблюдались два категорических требования, выработанных 3-м отделом ГУКР «Смерш». Шифровки с «дезами» направлялась противнику при наличии двух условий: а) письменной санкции Генштаба, б) санкции со стороны руководства ГУКР «Смерш» НКО.

Обратим внимание, что многие их вышеназванных требований вскоре будут включены в инструкцию ГУКР «Смерш» по ведению радиоигр с противником, подписанную комиссаром госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумовым.

В материалах игры также сохранилась выписка из доклада по «Плану дезинформации противника перед СКФ на май 1943 г. в глубоком и ближнем тылу фронта и на переднем крае», подготовленного штабом по разведке СКФ. Документ был получен УКР «Смерш» СКФ 18 мая:

«Цель: 1. Данными из глубокого тыла создать впечатление у противника о подходе значительных резервов из глубины и сосредоточении их на правом и левом флангах Северо-Кавказского фронта. 2. Агентурными данными и распространением слухов среди наших войск на флангах, убедить противника о заканчивающемся сосредоточении пехоты, артиллерии и танков на флангах СКФ. 3. Совокупностью мероприятий (агентурные данные, радиоданные, данные войсковые) приковать внимание противника к району Шапсугская, Кабардинка, Цемесская долина. 4. Вынудить противника перебрасываемые из глубины на Таманский полуостров новые части и пополнение сосредотачивать к своим флангам и оттянуть имеющиеся резервы с Крымского участка.

Мероприятия: АГ* данные (передаются через агентов противнику):

1) По ночам из Майкоп[а] на Туапсе непрерывное движение американских и русских машин с пехотой и пушками на прицепе. 2) Примерно 13.5 ночью из Майкоп[а] двигалось 45 тяжелых русских танков и 30 бронетранспортеров с пушками на прицепе. 3) 12.5 из Тихорецк[а] через Староминская на Тимошевская — 30 платформ с танками, 78 вагонов с войсками и 180 вагонов с разным грузом. 4) 13.5 из Староминская на Тимошевская — 42 платформы с танками, 11 платформ с артиллерией, 214 вагонов с войсками, 32 вагона с неустановленными грузами. 5) 14.5 из Староминская на Тимошевская 2 эшелона танков, 4 эшелона с войсками, 1 эшелон «Катюши», один эшелон цистерн с горючим. 6) Со стороны Сальск[а] на Тихорецк идут эшелоны с войсками и танками, танки новые».

* Агентурные.

На пунктах 4, 5 и 6 красным карандашом жирно написана заглавная буква «Р» — радиogramмы.

Данные, полученные из Отдела «Б» и 5-го Управления НКГБ СССР в конце мая – начале июня 1943 года, свидетельствовавшие об успехе дезинформации по радиоточке «Салават», оперативно поступали в УКР «Смерш» СКФ. Информацию о перехвате переговоров германской военно-морской разведки начальник УКР «Смерш» СКФ направил 31 мая в адрес начальника ГУКР «Смерш»:

«Сообщение о принятии от фельдпоста № 47585 в адрес “Салават” радиogramмы № 5 от 31.5.[19]43 г. Передано полностью содержание радиogramмы. Работа “Салават” выполнила задачу по отвлечению внимания пр[отивни]ка с центрального участка фронта на правый фланг. Штаб фронта разрабатывает содержание дальнейших дезинформационных телеграмм, текст которых будет направлен Вам для получения санкции».

В бюллетене 5-го Управления НКГБ от 3 июня 1943 года сообщалось: «26.5.1943 года. Радиостанция “Мардер”. № 13 для радиостанции “Зеехунд”, № 9 для радиостанции “Буссард”. “До 19 мая я был в районе Тимошевская, где 13 и 14 мая я лично наблюдал за поездами, шедшими из Староминской в направлении Тимошевской. В этом направлении прошло 11 платформ с артиллерией и 42 платформы с танками. Кроме того, прошло много вагонов (около 240) с войсками и грузами. Нойман”». На бюллетене резолюции: «1. Тарасов. Наши? Доложите. 14.6.[1943] Утехин. 2. т. Григоренко. Это, кажется, “Салават”. Проверьте. Тарасов 15.6.[1943]».

6 июня от «отца» поступили две радиogramмы: 1. «Шесть. Хочу послать вам денег, сделайте предложение, каким путем. Если передвижение слишком опасно, оставьте радиостанцию на месте и сделайте личную разведку к побережью. Заодно установите возможность вашего возвращения морским путем в Мариуполь, в котором ожидаю доклада»; 2. «Семь. Хочу сбросить вам деньги с самолета. Выберите удобное, легко обозначаемое место и сообщите, тогда условим время и условные знаки».

8 июня «Салават» радировал «отцу»: «Буду ждать посылку, без нее трудно. Прошу советовать, как лучше найти место для сброски посылки и какие лучше знаки».

9 июня из НБО передали: «Восемь. Место должно быть легко обозначаемо. Например: на северо-запад от Нововеличковской пять километров по шоссе на Старовеличковскую, посередине между шоссе и рекой Понура. Место это должно быть подальше от населенных пунктов, аэродромов и зенитных установок, по возможности без леса и кустарника. Точнее летчик определит ваше местонахождение по условным знакам. Например: от одиннадцати до двенадцати ночи при установлении моторного шума самолета давать вверх три коротких световых сигнала подряд с одной секундой промежутка. Этот условный знак повторять с паузами в 10 секунд, пока самолет слышен. Самолет спускается, по мере возможности, к точке условного знака и сбрасывает посылку парашютом. Найти парашют не трудно, если заметить последний курс самолета и направление ветра. Отвечайте, понятно ли вам».

В УКР «Смерш» СКФ решили не спешить. 12 июня противнику коротко радиовали: «Шестнадцать. Восемь непонятна. Прошу повторить». На следующий день от «отца» повторно была принята радиogramма № 8.

Записано по "ВЧ"

Средство: 20% - 13 20
 1. Михайлов

14/5 14/8 5/17 мая

3 КРАСНОДАРА

ЗАМ. НАЧ. ГЛАВН. К/Р. УПРАВЛЕНИЯ "СМЕРШ"
 тов. БЕЛКИН.

~~Сведения от районного командира:~~

1. В районе Новороссийска русские готовят большое наступление на АНАПА и ТАКАН.

2. Со стороны САЛЬСК и ТИХОРЕЦК идут эшелоны с войсками и танками, танки новые.

3. 13 мая из Старо-Минская на Тимошевская 42 платформы с танками, 11 платформ с артиллерией, 214 вагонов с войсками, 32 вагона не установленного груза.

4. 14 мая из Старо-Минская на Тимошевская - 2 эшелона танков, 4 эшелона с войсками, 1 эшелон с "катюшей", 1 эшелон цистерн с горючим.

Передача - БЕЛКИН.

19.5.43 г.
 03.35 м.

Приняла - Михайлова.
 Белкин

Передачу утверждаю -
 зам. начальника отдела
 (Абакумов)

Передачу утверждаю -
 зам. начальника отдела
 (Антонов)

"14" мая 1943 г.

Дезинформация, подготовленная 19 мая 1943 г. Генштабом Красной армии для передачи по радиостанции «Салават». На документе автографы начальника ГУКР «Смерш» комиссара ГБ 2-го ранга В.С. Абакумова и заместителя начальника ГШ КА генерал-лейтенанта А.И. Антонова

18 июня в НБО отправили шифровку, в которой было предложено место выброски груза. В тот же день противник ответил: «Место, выбранное вами для приема посылки, не совсем удобное. Считаю более подходящим сбросить посылку в степи на северо-запад от Нововеличковской примерно восемь километров по дороге на Андреевскую, в одном километре на запад от дороги. Если достану электрофонарь, то условные знаки буду делать такие, какие предложили вы. Об этом сообщу особо. Указанное вами время суток для нас вполне удобное. На разведку побережья пойду без рации после получения посылки».

В тот же день сотрудники 5-го Управления НКГБ перехватили и дешифровали очередную радиограмму противника: «Оперативный отдел 1-го авиакорпуса предлагает место для выброски груза с самолета — лесок 2 км Ю[го]-В[осточнее] совхоза “Красное Знамя” (8 км С[еверо]-В[осточнее] Нововеличковская). Карта — особое задание Россия (Кавказ) 1:200.000 Л-37/XXVII. Мнение “Мардера” затребовано. Сигналы по договоренности. Содержание “Мардера” о грузе с парашюта сообщено по радио. Татар⁵⁹³».

О ходе радиогры с противником и переданных и полученных радиограммах УКР «Смерш» СКФ регулярно докладывало в 3-й отдел ГУКР и начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР Абакумову, его заместителю Мешику и Утехину.

Параллельно службой радиоперехвата было установлено, что НБО готовит выброску груза агентам: «“Татар” из Симферополя для Нойман в Феодосию. 6 июля с/г. Для “Мардер” о переброске груза. Первый воздушный корпус согласен на то, чтобы сигналы были поданы фонарем, которым следует размахивать либо попеременно открывать и закрывать. Свет бесперебойно яркий, в фонарь следует поставить 2–3 свечи. 2. Время прежнее — в ночь с 11 на 12 июля, точнее будет указано».

11 июля противнику сообщили: «Условный знак буду давать кострами, так как хороших керосиновых фонарей нет. Так как питания рации осталось мало, буду слушать вас с перерывами. Жду указаний о времени и согласии с нашим местом сброса посылки».

12 июля начальник УКР «Смерш» утвердило «План принятия посылки от военно-морской разведки противника», подготовленный 2-м отделом УКР «Смерш» СКФ. Планом, в частности, предусматривалось: «1. 12.7.[19]43 года на установленное для приемки посылки место переправить 14 бойцов на грузовой машине. Время прибытия в 18-00. 2. Необходимые материалы: горючее (солома, сухие ветки, угли древесные, керосин, спички), лопаты — доставить одновременно с бойцами. 3. Подготовительные работы: рекогносцировка местности, отрывка ячеек для костров, установка постов наблюдения, оборудование костров, — закончить к 21-00. 4. Командирам и бойцам, участвующим в операции, категорически запретить зажигать какой бы то ни было огонь (спички, ручные фонари, зажигалки), курить.

Не допускать на территорию, обозначенную постами, посторонних людей. Запретить бойцам в пути и на отдыхе заходить в хутора и в села <...> Категорически запретить идти навстречу падающему грузу или месту его падения до того, как костры будут погашены и шум самолета окончательно удалится».

В рамках полученного задания, «смершевцы» продолжали мероприятия по дезинформации противника. 26 июля начальник ГУКР «Смерш» утвердил текст шифровки, подготовленный начальником 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковником госбезопасности Г.В. Утехиным. 28 июля радиоточка «Салават» радиовала в центр: «Завтра я хочу пойти по направлению к Ейску, оттуда постараюсь пройти к

Приморско-Ахтырской. Хорошо бы получить от вас поточнее, где мне лучше побывать и что посмотреть. Жду ответа».

Через два дня, 30 июля, противнику направили две радиogramмы с дезинформацией: «1. 22 июля от Кропоткина на Тихорецк прошло 53 автомашины и обратно 37 автомашин. Груз — железные бочки, доски, покрышки, продукты. На одной машине 20 бойцов-пограничников в зеленых фуражках. 2. 23 июля в Тихорецке стояло два эшелона с грузом. Ночью на север прошло до 20 американских крытых машин»*.

Вскоре все приготовления к приему очередного груза были завершены, однако самолета противника пришлось ждать больше месяца.

* * *

19 августа противник сообщил о намерении сбросить в помощь группу разведчиков с рацией: «Два. Приготовьтесь принять парашютистов на том же месте и с теми же условными знаками, как и последний раз. Через два или три дня. Точное время сообщим утром перед ночью сброса. Слушайте каждый день».

24 и 25 августа противник сообщал о готовности выбросить парашютистов, но выброски осуществить не удалось. 26 августа из центра в 16.00 и 19.00 приняли две радиogramмы: «Шесть. Не сбросили потому, что вас не обнаружили. Сообщаем, будем сбрасывать завтра <фраза искажена>. Давайте кроме трех костров, дополнительный <фраза искажена> знаки лампочкой на три зажигания с односекундной паузой между <фраза искажена> четыре секунды промежутков. Дайте сигнал в сторону <фраза искажена>» и «Семь. При встрече парашютиста давайте опознавательное слово — пароль. Сережу он видел <фраза искажена>, давайте ответ Гриша. Дайте ответ, что поняли».

27 августа в 17.58 вновь приняли радиogramму из центра: «Будем сбрасывать сегодня в 21 по московскому времени, сигнал три костра, кроме того, электролампочкой мигайте три раза с секундным промежутком через четыре секунды. Повторять так все время, пока не сбросили. Пароль вам «Сережа», а парашютисты отвечают «Гриша»». Тем же вечером в районе станицы Старо-Нижнестеблевской Краснодарского края была сброшена на парашютах группа агентов противника в составе трех человек: радист и два разведчика. Все трое парашютистов были арестованы на месте приземления. Ими оказались агенты германской военно-морской разведки — «Саркисов», «Парсанов» и «Петросов».

Из допросов арестованных агентов стало известно, что 25 августа «Ю-88» прилетал к обусловленному месту выброски, но, не обнаружив опознавательных знаков, возвратился обратно. Агенты были предупреждены, что если по неизвестной причине самолет не обнаружит на обусловленном месте сигналов с земли, то их все равно десантируют в этом районе и после приземления и самостоятельной легализации они должны будут изыскать все возможности для встречи с «Гришей» и «Мотой» и передать им фиктивные документы, штамп и печать 670-го запасного полка, запчасти к радиостанции и батареи питания.

Забегая вперед, отметим, что агенты «Саркисов», «Парсанов» и «Петросов» были привлечены к самостоятельной радиоигре, получившей в Смерше кодовое наименование «Тройка».

* На документе виза: «Передачу текстов санкционирую. Нач[альник] Развед[ывательного] управл[ения] Генштаба Красн[ой] армии генерал-лейтенант Кузнецов. "27" июля 1943 г.».

* * *

Тем временем игра с «айнзатцкомандой Ноймана» вступила в очередную фазу. 7 сентября от германской военно-морской разведки поступила новая задача агентам: «Срочное задание. Установить, снимают ли большевики силы с Кубанского фронта для переброски на средний участок. Какие части и какое тяжелое вооружение, каким путем перевозят». В УКР «Смерш» СКФ решили, что сообщать противнику о встрече парашютистов не целесообразно.

11 сентября в центр направили радиограмму: «25 и 27 [августа] ждали парашютиста на условленном месте между Нововеличковской и Андреевской, не доходя хутора с рощей МТС примерно три км. Шум самолета не слышали, поэтому костры не зажигали. К нам до сих пор никто не пришел, беспокоимся, может быть, лучше переменить место нашего нахождения, если он спрыгнул в другом месте и так долго не является».

В тот же день начальник УКР «Смерш» генерал-майор Белкин запросил командование СКФ о следующей порции дезинформации для передачи противнику:

«По имеющимся в Управлении контрразведки “Смерш” СК фронта достоверным данным, противник усиленно интересуется — снимает ли командование Красной армии части с Кубанского фронта для переброски на средний участок, какие части и тяжелое вооружение перебрасываются и каким путем. Одновременно противник интересуется наличием частей Красной армии в районе Тихорецка (номера частей, их вооружение, начальник и т.д.). В связи с этим прошу дать распоряжение выдать нам дезинформационный материал по этим вопросам для передачи противнику через наши возможности...»

22 сентября и 23 сентября радиоточка «Салават» интенсивно передавала противнику «дезы»: «1. На задание от 7 сентября. Две–три недели назад с Кубани было снято до трех дивизий. Отправлены в северном направлении. Сейчас на Кубань идет много артиллерии и большое количество пехоты для пополнения. Более точные сведения сообщу [в] следующей сводке. 2. [В] Район Майкопа, Кропоткин, Белореченская прибывает большое количество войск с артиллерией. Со слов солдат, эти войска были на фронтах. 3. Дополнительно установлено, что в районах Белореченская, Майкоп, Кропоткин находится до трех дивизий, одна из них, по словам солдат 9-я горная дивизия, прибыла из района Неберджаевской». Текст дезинформаций представляло УКР «Смерш» СКФ, передачу санкционировал начальник Разведупра Генштаба КА.

В сентябре–октябре 1943 года войска Северо-Кавказского фронта осуществили Новороссийско-Таманскую операцию, в ходе которой 16 сентября освободили от захватчиков г. Новороссийск, очистили от войск противника Таманский полуостров и завершили освобождение Северного Кавказа. В ноябре 1943 года войска фронта провели Керченско-Эльтигенскую десантную операцию и, захватив плацдарм на Керченском полуострове северо-восточнее Керчи, создали тем самым выгодные условия для освобождения Крыма.

На заключительном этапе игры (ноябрь 1943) дальнейший план предусматривал создание такого положения, чтобы радиоточка «Салават» стала базой для легализации агентуры НБО, забрасываемой в тыл частей Красной армии. Однако реализовать его не удалось. 15 сентября из центра поступила санкция агентам на передислокацию. После этого связь с разведорганом противника прервалась.

До середины декабря 1943 года радиоточка «Салават» безуспешно запрашивала центр, но ответа не последовало.

В успехе наступательных операций фронта была немалая заслуга и контрразведчиков Смерша, сумевших скрыть от противника замыслы командования фронта. С 9 апреля по 17 декабря 1943 года по радиоточке «Салават» было проведено 86 сеансов связи. За этот же период времени в адрес противника передано 39 радиограмм и получено 30 радиограмм. Кроме того, радиоигра «Салават» помогала успешно нейтрализовать активность разведывательных органов врага.

* * *

К числу особенностей радиоигр «переходного», если так можно выразиться, периода можно отнести и то обстоятельство, что они дают возможность проследить, как совершенствовалось взаимодействие между Генштабом и ГУКР «Смерш» в работе по подготовке дезинформации.

Радиоигра «Салават» в этом плане весьма показательна. Легко можно заметить, что на ее начальном этапе к разработке дезинформации для передачи противнику привлекались лишь командование и разведотдел штаба Северо-Кавказского фронта. Но уже в ее решающей фазе разработкой дезинформационных сообщений руководит Генштаб Красной армии, т.е. игра с разведорганом НБО германской военно-морской разведки стала частью стратегической дезинформации противника на советско-германском фронте.

Ветеран военной контрразведки Д.П. Тарасов отметил другую особенность этой операции: «Все же в непосредственной близости от линии фронта таких игр, как “Опыт” и “Салават”, проводилось мало. Здесь велись преимущественно так называемые скоротечные радиоигры, основное назначение которых сводилось к передаче врагу по указанию Генерального штаба военной дезинформации»⁶⁰⁰.

Вскоре после завершения оперативной игры «Салават» начальник УКР «Смерш» СКФ генерал-майор М.И. Белкин был направлен на северный участок фронта, где возглавил Управление контрразведки «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта. Уже с нового места службы — УКР «Смерш» 3-го ПБФ — подчиненные генерал-майора Белкина 2 августа 1944 года направили докладную записку начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР «О результатах работы радиоточки “Салават” и его дальнейшем использовании»:

«На протяжении времени с 15 сентября по 17 декабря 1943 года противник в эфир не выходил, и радиосвязь с ним совершенно прервалась. Нами были приняты меры по наблюдению за работой радицентра через 6-й полевой отдел 5-го Управления НКГБ СССР, разведотдел штаба Северо-Кавказского фронта и нашу радиостанцию, но работа противника в эфире обнаружена не была. Предполагаем, что разрыв радиосвязи между “Салаватом” и разведцентром германской военно-морской разведки произошел в связи с поспешным отступлением немецких войск с Кубани и высадкой наших войск на Керченском полуострове. На основании этих данных с Вашей санкции радиоигра с противником через радиоточку “Салават” была прекращена».

На новой должности генерал-майору Белкину и его подчиненным пригодился опыт ведения радиоигр с противником. В 1944 году Белкин руководил оперативной игрой «Двина», на этот раз против «Абверкоманды 104» при группе армий «Север».

По иронии судьбы на северный участок советско-германского фронта, после расформирования «Марине Абвер айнзатцкомандо», был направлен и капитан-лейтенант Нойман, ставший начальником «Абверкоманды 166 М».

23 августа 1944 г. распоряжением заместителя начальника ГУКР «Смерш» следственные дела на бывших агентов германской военно-морской разведки производством прекращены, «Яковлев» и «Мухаммедов» из-под стражи освобождены и направлены в запасные части Северо-Кавказского военного округа. Радиоаппаратура и материалы к радиоигре «Салават» были направлены в 3-й отдел ГУКР «Смерш».

«В ПРОШЛУЮ НОЧЬ ВЫПАЛО МНОГО СНЕГА»: РАДИОИГРА «ПОВСТАНЦЫ»

Радиоигры «Северная», «Южная» и «Западная», о которых было рассказано выше в параграфе «Игры» по-фински», внесли свой вклад в копилку бесценного опыта по проведению радиоигр с разведками противника. В мае–июне 1943 года деятельность КРО УНКВД по Архангельской области подхватили сотрудники отдела «Смерш» Архангельского военного округа (ОКР «Смерш» АрхВО).

История так называемого Печорского десанта довольно хорошо изучена местными историками-краеведами и журналистами. Ей посвящено много статей, есть своя страничка в «Википедии» с одноименным названием, и даже написана целая книга⁶⁰¹.

В своей статье историк О. Азаров рассказывает подробности этого события: «... в мае–июне 1943 года районное партийно-советское руководство на совместных заседаниях бюро райкома ВКП(б) и райисполкома обсуждало и решало обычные хозяйственные и политические вопросы... Это вполне мирное течение тыловой жизни и прервал немецкий парашютный десант в составе 12 человек во главе с бывшим белогвардейским офицером Л.Н. Николаевым, сброшенный с двух немецких грузовых самолетов “Кондор” в ночь с 5 на 6 июня 1943 года в районе одной из лагкомандировок сельхозлагеря “Кедровый Шор”⁶⁰² — фермы “Развилки”. Все десантники были из числа советских военнопленных, двое из них были хорошо знакомы с местными условиями. Это были учитель из Ухты, коми по национальности, лейтенант Красной армии А.Г. Доронин и счетовод М.К. Годов, отбывавший ранее наказание за растрату в строительной лагколонне № 7 Печоржелдорлага НКВД.

Рано утром 6 июня 1943 года начальник сельхозлагеря НКВД “Кедровый Шор” К.Г. Валк доложил по телефону о высадке неизвестного десанта начальнику райотдела НКВД Н.А. Калинину и первому секретарю райкома партии С.И. Безгодову⁶⁰³. Те, в свою очередь, передали эту информацию наркому внутренних дел Коми АССР С.И. Кабакову⁶⁰⁴ и первому секретарю Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко⁶⁰⁵: “Канина Коми-Сыктывкар Обкомпарт Тараненко. Сообщению директора Кедровый Шор 3 часа утра районе Концеборгского сельсовета выброшен вооруженный немецкий десант количестве 12 человек, два из них сдались в плен. Посылаю отряд для ликвидации...”⁶⁰⁶

Журналист Г. Турьев, вслед за О. Азаровым, добавил и другие подробности к операции по «ликвидации» немецкого десанта: «О серьезной подготовке десанта свидетельствует не только вооружение, но и то, что в экипировке, сброшенной

на парашютах, были даже полубубки (это в июне — значит, с дальним прицелом организовали заброску). Десант имел специально изданную в Берлине брошюру, где характеризовалось географическое положение Коми АССР, указывались месторождения полезных ископаемых и многое другое. По существу десант выполнял роль авангарда “пятой колонны”, который накануне Курской битвы должен был поднять на восстание заключенных, находившихся в Коми АССР. Удастся — на расчищенный плацдарм можно забросить более мощные силы и захватить весь Европейский Север СССР»⁶⁰⁷.

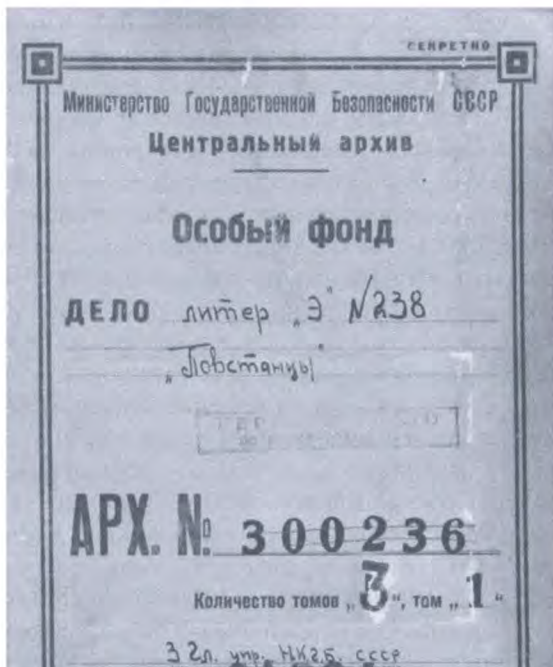
Известно историкам также и о радиоигре, которую советские спецслужбы провели с германской военной разведкой. Однако до сих пор весьма важные детали истории с «Печорским десантом» нуждаются в уточнении: они либо искажены,

либо домыслены авторами публикаций по данной тематике.

Начнем по порядку. В ночь с 5 на 6 июня 1943 года над территорией Коми АССР появились два четырехмоторных самолета без опознавательных знаков. Накануне, 5 июня, самолеты стартовали с рижского аэродрома Спильве и взяли курс на побережье Норвегии. Приземлившись на аэродроме в Нарвике, вечером следующего дня самолеты вылетели в советский тыл к заранее обусловленному месту сброски десанта.

В районе пос. Кедровый Шор Коми АССР с каждого самолета было сброшено на парашютах по шесть агентов-парашютистов и увесистые тюки с грузом вооружения, продовольствия и другого шпионского снаряжения. Для связи с разведцентром противника группа была снабжена двумя коротковолновыми передаточными радиостанциями «Телефункен» и динамо-машиной для обеспечения их электропитанием.

В состав группы агентов-диверсантов входили: Николаев Владимир Николаевич — командир группы, Годов Михаил Константинович — заместитель командира (немецкий псевдоним Павлов)⁶⁰⁸, Одинцов Андрей Аверьянович — радист («Матвеев») и агенты-диверсанты: Гламаздин Николай Степанович («Фомин»), Доронин Александр Гаевич («Токарев»), Лукович Василий Николаевич («Огнев»), Макаров Алексей Иванович («Рудаков»), Мурин Николай Александрович («Жуков»), Реферовский Алексей Павлович («Чернов»), Денисенко Алексей Карпович («Месяц»), Расулаев Ахкамеддин Бадертдинович («Ахмадьянов»), Куликов Алексей.

Фрагмент обложки дела радиоигры «Повстанцы»

Агенты-диверсанты имели задание нападать на охрану спецлагерей с целью освобождения заключенных и организации восстаний, а также осуществлять диверсии на Северо-Печорской железнодорожной магистрали.

Благополучно приземлившись в заранее обусловленном месте, диверсанты занялись сбором имущества, сброшенного на парашютах. Так как выброска групп происходила с разных самолетов, то лишь вечером следующего дня, 7 июня, обе группы соединились вместе и приступили к оборудованию лагеря.

Сбор имущества диверсанты закончили ближе к ночи 8 июня. Годов, Одинцов, Макаров и другие агенты-диверсанты решили убить командира группы Николаева, а затем добровольно явиться с повинной в органы НКВД. Выбрав удобный момент, радист группы Одинцов выстрелил в Николаева и ранил его в левое плечо. В поднявшейся суматохе все диверсанты разбежались кто куда, а раненый Николаев скрылся в лесу на противоположном берегу реки. Часть диверсантов остались ждать Николаева, а Доронин, как знающий местность, и Одинцов направились в находившийся в 18 км от места приземления один из лагерей НКВД, чтобы заявить о заброшенном десанте. Утром 9 июня подошла группа бойцов ВОХРа и задержала десантников. Во время явки с повинной одним из вохровцев случайно был убит агент-диверсант А. Куликов.

Прибытие немецкой разведывательно-диверсионной группы произвело большой переполох в партийном руководстве Коми и местных органах НКВД-НКГБ.

Такое внимание этому событию было уделено не случайно. Из задания, полученного диверсантами, следовало, что одной из целей группы является организация повстанческого движения в лагерях НКВД на территории Коми АССР. У всего руководства страны и органов безопасности в памяти были еще свежи неприятные воспоминания об Усинском восстании⁶⁰⁹ заключенных Воркутлага в пос. Усть-Уса (январь–февраль 1942).

Усилиями местных краеведов и журналистов достаточно подробно воссозданы обстоятельства задержания немецких парашютистов: «В 2 ч. 30 м. 8 июня 1943 года дежурный по подразделению ОЛП (отдельный лагерный пункт) сельхозфермы “Развилки” Сухинин доложил, что на территорию фермы пришли два вооруженных подозрительных человека. Это были из немецкой диверсионной группы Одинцов А.А. и Доронин А.Г. На мои вопросы они отвечали подробно и обстоятельно, кто они такие, как вооружен отряд, где высажен десант и какую цель имеет. Интенсивный обмен информацией (в ночь на 8 июня 1943 года) между отдельным лагерным пунктом “Развилки” и селом Кедровый Шор привел к тому, что 8 июня в 13 ч. 30 мин. отряд из 7 человек выступил из Кедрового Шора на ликвидацию группы вражеских парашютистов. К вечеру 8 июня десант сдался без боя. Впрочем, без стрельбы не обошлось — в ходе операции был “убит по недомыслию” часовой лагеря диверсантов Алексей Куликов...”⁶¹⁰

В другой публикации приведены и иные подробности, связанные с арестом группы разведчиков-диверсантов противника: «На захват группы был направлен отряд стрелков военизированной охраны во главе с политруком В.П. Лазаревым. А. Одинцова в качестве заложника оставили в сельхозе. Отряд сопровождал и показал местонахождение группы диверсантов А. Доронин. Когда группа Лазарева подходила к стоянке десанта, А. Куликов, стоявший постовым у палаток, дал в воздух очередь из автомата как сигнал для сбора всех десантников. М.В. Хрящев, боец военизированной охраны, приняв эту автоматную очередь за стрельбу по вохров-

«В прошлую ночь выпало много снега»: радиोगра «Повстанцы»

Технические данные радиоточки.

Передающий (Боб)					Получивший (Борис)				
Частота, кГц.	Волна, м.	Длина, м.	Продолж. эс. м.	Кол-во эл-ов. на антенне.	Время работы.	№ волны	Частота, кГц.	Волна, м.	Кол-во эл-ов. на антенне.
8350	35,9 м	23.	8.	⊙ 34+	07.00.	II.	8070	37,2	131+
10620	28,3.	18.	6.	⊙ 118+	17.30	I.	10210	29,4.	89+
12360	24,3	15,5	5.	⊙ 73.					
6570	45,7.	29	10	⊙ 89+	23.00	III.	6825	43,9.	171+.
5554,4	54,0	35	11.	⊙ 149					

Шифровальная таблица.

10	Б-15	В-5	Г-21	Д-25	Е-6	Ж-33
11.	И-16	К-0	Л-22	М-26	Н-30	О-9
12	Р-7	С-4.	Т-8	У-27.	Ф-31	Х-34
13	Ц-17.	Ш-19	Щ-23	Ы-28	Ь-32.	Э-35.
14.	Я-18	•-20	•-24.	- -29.	-	-

Пароль к шифр. таблице - СВЕРТОК

Адрес - Р. (стан. Бия, рт. линия), и Подпись - ЕЖ (стан. в конце рт. линии).

В ПРОШЛУЮ НОЧЬ ВЫПАЛО МНОГО СНЕГА.
5 12 7 9/19 2227 М 30/01/32 - 5 28/2. зашифрован. лозунг.

Технические данные радиоточки и шифровальная таблица

цам, выстрелом из винтовки убил Куликова. После этой случайной перестрелки все десантники сдали оружие...»⁶¹¹

Добавим, что на место высадки десанта прибыл лично нарком внутренних дел Коми АССР полковник ГБ С.И. Кабаков. Начались длительные телефонные переговоры между различными инстанциями. Об этом свидетельствуют стенограммы телефонных разговоров, сохранившиеся в материалах радиоигры.

9 июня секретарь Кожвинского района ВКП(б) С.И. Безгодов по телефону доложил о происшествии первому секретарю Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко:

т. Тараненко: Доложите о ходе операции по уничтожению десантной группы.

т. Безгодов: Здравствуйте Алексей Георгиевич <...> Вражеские лазутчики 12 человек выловлены, двое из них при сопротивлении убиты. [По] сообщению [из] Кедрового [Шора] 11 человек русские и один коми, который работал в Ухте — РОНО⁶¹². Фамилии выловленных мне неизвестны, так как по телефону передавать Кабаков не стал. Вооружены были автоматами. Кабаков ведет следствие и организует на месте мероприятия по предупреждению предполагаемой высадки нового вражеского десанта. Кабаков просил передать Земских об этом, который бы доложил т. Берия, также награждения отличившихся работников, которых сам лично представит Кабаков <...>

т. Тараненко: Сообщите: 1. Точное место высадки десантной группы. 2. Куда направлялась группа. 3. Есть ли при них рации. 4. Непонятно, сколько убито и сколько взято в плен и какой ваш отряд вел бой. 5. Поставлены ли в известность Мальцев, Орловский и Барабанов. 6. Если возможно, полнее сообщите состав десантной группы, есть ли среди них жившие [в] расположении лагерей.

т. Безгодов: Десант высажен в районе “Рузвельки” речки Войвож* между Югдом и Кедровым Шором. Куда направлялась группа десантников, мне пока неизвестно. <...> Организую специального нарочного, который доставит подробные данные. Убито 2 человека, взято в плен 10 человек. Отряд, который вел бой, был скомплектован из бойцов ВОХРа первого отделения Печорлага. По телеграфу мною передано сообщение Воркуту — Кухтикову, Абезь — Барабанову, Корнейчук, Мальцеву я не сообщал за неимением связи... Подробные данные сообщу по приезде нарочного».

Как видно из разговора, ситуация с десантом еще была не до конца выяснена, а кое-кто уже мечтал, прежде всего, о наградах и почестях. На следующий день жаркие телефонные переговоры продолжились. 10 июня Кабаков доложил Тараненко:

т. Тараненко: Жду вашей информации по всем вопросам, связанным с ликвидацией вражеского десанта.

т. Кабаков: Десантная группа врагом действительно высажена, нами полностью выловлена. Руководитель десантной группы Николаев своим же радистом Одинцовым Андреем Аверьяновичем, он же Матвеев, выстрелом из автомата убит. При задержании группа вначале оказывала сопротивление, при перестрелке один убит, после чего десант сдался. Четыре десантника находятся в Канине, остальные шесть вместе с трофеями — автоматами, пистолетами, минометом, взрывматериалами, радиостанцией, боеприпасами 17 тыс. — конвоируются в Канин. Среди задержанных — коми, лейтенант Доронин Александр, до призыва работал [в] Ухтинском районе. Один белорус, один татарин, один кубанский казак, один украинец, остальные русские. Фамилии сообщу шифром по прибытии их из

* Так в документе.

лесу в Канин. Диверсионная группа окончила школу в предместье Риги, вылетала из Риги, производила заправку бензином в Норвегии. Получила задание взрывать железную дорогу, готовить вольты [в] лагерях, подготовить прием большого десанта с оружием. У десанта отобрана карта, [на] которой немцы точно нанесли железнодорожные мосты, лагеря, ниже карандашными отметками порученных группе заданий диверсий... Советских денег у одного только радиста 10 тысяч рублей и много других документов. Трофеи уточняются. Производится проческа места высадки десанта. В лагерях отбывал наказание десантник Годов Михаил Константинович по статье 162 пункт "д" УК, [в] 7-й колонне Печорлага, где был связан с работой наших органов, остальные в лагерях не были. Связи десантников с лагерными до высадки и после высадки не установлено. Вместе с десантниками задержаны местные охотники, фамилии уточняются, которые в лодке приехали к месту десанта с охотничьим оружием и гусем. <...> С немцами десант связываться не мог, не нашел в радиостанции динамо-машину, сброшенную на парашюте в лес. Приняты меры розыска. Радист Одинцов, вместе с Дорониным, добровольно первые убили своего командира Николаева, пришли с оружием к охране и сдались. Доронин был использован проводником, указав место расположения десанта. Операцию непосредственно под моим руководством проводил Боровиков⁶¹³, Прошутинский⁶¹⁴, следствие ведет Соловьев⁶¹⁵, Трусов⁶¹⁶, Кондрашин. Используя коды, шифры немцев, разрабатываю комбинацию [по] приему от немцев дополнительно десантников. Это мероприятие согласую с Вами и НКВД СССР. Для контроля работы радистов вызываю Рохина⁶¹⁷. В связи с убийством командира десанта, ряд вопросов не выяснены, ответу позднее, уточнением следствия. Хорошо работавших при операции представляю через Вас Берия награде...»

НКВД Коми АССР готовилось самостоятельно провести радиоигру с противником, но этим планам не удалось осуществиться. С конца апреля 1943 года, в связи с образованием ГУКР «Смерш» НКО СССР, проведение всех радиоигр с противником было возложено на военную контрразведку⁶¹⁸.

В тот же день Кабаков еще раз позвонил в Коми обком ВКП(б) и доложил новые сведения о десанте:

«Примите информацию: Допросом десантника Годова, являвшегося заместителем командира группы, устанавливается, что немцы имели подробную информацию о пропускной способности (5 пар поездов в сутки) Северо-Печорской магистрали, количестве охраны в лагерях (15–16 чел. на 1000), форме одежды охраны, выполнении производственных планов по добыче угля. Об этом Годову говорил еще в декабре 1942 года командир группы Николаев, заявляя, что эта информация поступает с места. Годов предполагает, что на территории лагерей имеется радиостанция. Факт высадки и ликвидации десанта получил широкую огласку [в] лагерях. Кожвинский район решением райисполкома был объявлен на военном положении. Среди заключенных распространились слухи о восстании в лагерях. В связи с этим не исключена возможность, что немцам факт ликвидации десанта известен. Радист Одинцов заявил, что сроками установления связи с немцами он ограничен не был, и должен связаться при первой возможности. Время радиосвязи было установлено 7–7.30 и 23.00 часов по московскому времени. Текст радиопередач для радиста должен был составляться убитым командиром группы Николаевым. В результате допросов задержанных уточняем прежнюю информацию.

Десант высадился не 8, а 6 июня, примерно в 23 часа, и до утра 8 июня находился в лесу, занимался сбором груза. По показаниям Годова и Одинцова, вся группа прошла школу в Эстонии, вблизи гор. Выру, в местечке Ван-Нурси⁶¹⁹, откуда 4 июня на прибывших из Берлина двух четырехмоторных самолетах направилась на северное побережье Норвегии, а затем Баренцевым морем до устья реки Печоры, вверх по ней до места высадки. Названия места посадки в Норвегии задержанные не знают, но садились на военном аэродроме, где находилось небольшое количество истребителей <...>

т. Тараненко: Сообщите: 1) Какие показания дает Доронин. 2) Знают ли десантники пилотов, которые вели их самолет. 3) Какие показания дает бывший з/к. 4) На какой срок выброшен десант. 5) Кто инструктировал десант. 6) Какие мосты фигурируют в заданиях на карте для диверсий. 7) Найдено ли динамо. 8) Из кого состоит группа десантников — бывшего командного состава или рядового. Сообщений [из] Москвы, кроме подтверждения получения телеграммы, направленной сегодня, нет.

Годов, несомненно, о наличии радиостанции врет, так как пропускная способность и наличие охраны даются явно неправдоподобно для 1943 года, следовательно, немцы эти данные берут из показаний пленных или самого Годова.

Ответ: Доронин и быв[ший] з/к в Канин не прибыли, находятся в пути. Десантники пилота не знают, они являлись немцами. Срок обучения [в] школе примерно 3–4 месяца. Кто инструктировал десант, фамилии не знают. В основном инструктаж получал Николаев. Динамо не найдено, сообщений пока не имеем. Из прибывших все рядовые, остальные — неизвестно. Мосты на карте нанесены все и все лагеря...»

8 июля нарком внутренних дел Коми АССР за № 2132 направил в Москву наркому внутренних дел СССР представление о награждении правительственными наградами лиц, отличившихся при ликвидации десанта противника. В числе представленных к ордену Красная Звезда были: стрелок ВОХРа Инталага — А.А. Глухих, заместитель командира взвода по политчасти Инталага В.П. Лазарев, начальник отдела по борьбе с бандитизмом (ББ) НКВД Коми АССР капитан ГБ М.В. Боровиков, начальник Кожвинского райотдела НКВД Коми АССР старший лейтенант ГБ Калинин⁶²⁰, заместитель начальника Оперативного отдела НКВД Коми АССР капитан ГБ В.Д. Прошутинский; к ордену «Знак Почета»: заместитель начальника Политотдела Печорлага НКВД капитан ГБ В.Е. Якимец, начальник секретариата НКВД Коми АССР младший лейтенант ГБ С.А. Трусов и др.; к медали «За отвагу» — заместитель начальника отдела по ББ младший лейтенант ГБ В.С. Соловьев и др. Весь список представленных к наградам занял один лист с оборотом.

В конце документа для справки сообщалось: «Указанных выше товарищей Боровикова, Калинина, Прошутинского и Трусова характеристики для представления к правительственной награде высланы почтой 2 июля 1943 г. № 3594/2 в адрес отдела кадров НКВД СССР»⁶²¹.

Как выяснили местные историки, эпизод с «Печорским десантом» сыграл роковую роль в судьбе наркома внутренних дел Коми АССР: «С этой должности С.И. Кабаков и был снят в апреле 1944 года и выведен из состава Бюро Коми ОК ВКП(б) за «преступно-халатное отношение к учету, хранению материальных ценностей, факты мародерства и хищения трофейного имущества, принадлежащего вражескому парашютному десанту». В том же году назначен начальником УВД Крымской области»⁶²².

1 Порядок шифрования

Пример: «Все благополучно разведку продолжал».

1. Буквы текста заменяются цифрами из кодовой таблицы. В начале текста обязательно шифруется адрес - буквой "P" и в конце текста подпись - двумя буквами "СД". В данной примечке после зашифровки адреса, текста и подписи будет иметь следующий шифровой текст (разбит на группы по 5 цифр).

72054. 61522. 10219. 12922. 27173. 09710. 11562.

50271. 27925. 92233. 10626. 63320.

2. Далее составляем гаммы:

- а) По этой же кодовой таблице шифруем лозунг (посылаемый для гамм)
"В прошлую ночь выпало много снега"

51279. 19222. 71430. 91732. 52812.

примечание: при шифровании лозунга используются не все буквы, а только буквы (с начала в прошлую....) необходимые для 5 составных частей 5 цифровых групп.

- б) Затем под первой группой зашифрованного лозунга пишем произвольную 5 цифровую группу - Ключ. (цифры в группе не должны повторяться)

51279
24731 (ключ)

- в) Под второй группой зашифрованного лозунга пишем 5 значную цифровую группу из недостающих (с 01 до 10(0)) цифр в ключевой группе.

19222.
56890.

- г) Под остальными тремя группами зашифрованного лозунга пишем цифры (по 5 в группе) - сумму полученных от сложения (двойки отбрасываются) по горизонтальной первой цифры строки со второй; второй с третьей; третьей с четвертой, последней цифры ключевой группы с первой цифрой второй группы зашифрованного лозунга и. т. д.)

61046 14796 71407.

- д) Полученные гаммы - 5 пяти цифровых групп (при сложении по вертикали):

+ 59279. 19222. 71430. 91732. 52812.
+ 24731 56890. 61046. 14796 71407

73960 65012 32476 05428 23219 - разработать шифр

(сложение по горизонтали) до количества необходимых групп (по количеству групп зашифрованного кодовой таблицей - текста радиогруппы).

В нашем примере в зашифрованном виде текст - 12 пятицифровых групп, значит необходимо еще расшифровать пятицифровых групп - 2 шт.

75900 65012 32476 05428 23219. 24906 15135 56136
59600 55301 63967 66480.

3. Полученные данные складываются (по вертикали) с группами зашифрованного текста.

72054 61522 10219 12022 27173 09710 11562 50271 27925 92233 10626 633
+ 75900 65012 32476 05428 23219 24906 15135 56136 59600 55301 63967 66480
47954 26534 42685 17340 40382 23616 26697 06307 76525 47534 73583 29700

4. Далее составляются 2 показательные 5 цифровые группы (ставятся на 3-м месте с начала готовой радиогруппы - между 2-й и 4-й группами и на третьем месте с конца ее)

а) Показательная группа на 3-м месте с начала шифровки состоит из ключевой группы пале (по вертикали) вторая группа шифровки с начала:

+ 24731
+ 26534
40265

б) Показательная группа на 3-м месте с конца шифровки состоит из ключевой группы пале вторая группа с конца шифровки:

+ 24731
+ 73583
97214

5. Показательные группы ставятся на свои места и шифровка готовая к передаче будет выглядеть так:

MSG (телеграмма) ЦК № (количество групп)

47954 26534 40265 42685 17340 40382 23616
26697 06307 76525 47534 97214 73583 29700.

II Порядок дешифровки.

Пример: принята МСГ (телеграмма) сдк 14 (14 групп)

47954 26534 40265 42685 17340 40382 23616

26697 06307 76525 47534 97214 73583 29700

1. Определяет ключевую группу (ключ), для этого из третьей группы с начала шифровки вычитаем вторую группу с начала и из третьей группы с конца шифровки вычитаем вторую группу с конца шифровки. (результат должен быть одинаков - группа).

$$\begin{array}{r} - 40265 \\ 26534 \\ \hline 24731 - \text{ключ} \end{array} \quad \begin{array}{r} - 97214 \\ 73583 \\ \hline 24731 - \text{ключ} \end{array}$$

Разрабатываем гаммы (необходимо в данном случае 12 гамм; ключевые группы шифровки 3^я с начала и 3^я с конца при дешифровке после определения ключа - ~~выбрасываются~~)

- а) шифрует по кодовой таблице (5 групп) зашифрует цифрами буквы позунга «В прошлую ночь выпало много снега»

51279 19222 71430 91732 52812.

- 1) под первой группой зашифрованного позунга подписываем полученную ключевую группу - 24731

51279 19222 71430 91732 52812.
24731

- 2) под второй группой зашифрованного позунга подписываем группу из цифр [по возрастанию степени от 1 до 10 (0)] недостающих в ключевой группе - 56890

51279 19222 71430 91732 52812.
24731 56890

- 3) под оставшими 3^{ей} группами зашифрованного позунга подписываем группы полученные от сложения по горизонтали цифр ключевой и второй групп:

51279 19222 71430 91732 52812.
+ 24731 56890 61046 14796 71407

- г) далее складываем по вертикали группы зашифрованного позунга и подписываем группы под ними и получим:

75900 65012 32476 05428 23219.

Порядок шифрования и дешифрования радиোগрам для передачи и приема ответных сообщений (операция «Повстанцы»)

* * *

Все материалы, груз и диверсанты были переданы представителям ОКР «Смерш» АрхВО. Вскоре все было подготовлено к проведению операции. В ходе допросов участников разведывательно-диверсионной группы были детально выяснены необходимые подробности: обстоятельства пленения, вербовки германской военной разведкой, где проводилась подготовка диверсантов, полученное задание и рекомендации по его выполнению и пр.

До начала марта все участники разведывательно-диверсионной группы проходили подготовку в местечке Вану-Нурси (Эстония), в диверсионной школе германской военной разведки. Затем, примерно с середины марта, их перебросили в филиал школы — в местечко Приедаине (Латвия), где с ними до июня интенсивно отрабатывались практические навыки по взрыву мостов, железнодорожного полотна, складов с боеприпасами, а также по поджогу оборонных и промышленных объектов.

Стоит остановиться на эпизоде с ликвидацией старшего группы — «Николаева». Во время допросов каждый из диверсантов добавлял все новые и новые подробности к этому эпизоду. После передачи материалов дела из УНКВД Коми АССР арестованных доставили в Архангельск. К работе подключились следователи ОКР «Смерш» АрхВО.

Как видно из показаний участников разведгруппы, решение ликвидировать старшего группы и явиться с повинной в советские органы безопасности некоторыми из них было принято еще до начала операции. Приведем несколько фрагментов из протоколов допросов, в которых рассказывается об этом событии.

Диверсант А.К. Денисенко на допросе 18 июня о событиях, произошедших после приземления группы диверсантов:

«Вопрос: Какое вами было принято решение после приземления? *Ответ:* Еще будучи в местечке Приедаине (Латвия), мы договорились не выполнять задание, а сразу же после приземления убить старшего группы “Николаева”, как преданного немцам, и явиться с повинной в органы НКВД.

Вопрос: Ваше намерение убить “Николаева” и явиться с повинной в органы НКВД были осуществлены? *Ответ:* Да, были, “Николаев” был убит в районе нашего приземления, после чего мы сложили оружие и не стали выполнять задания немцев.

Вопрос: При каких обстоятельствах был убит “Николаев”? *Ответ:* В связи с тем, что выброска нас происходила с двух самолетов по шесть человек с каждого, то приземлились мы не в одном месте, а двумя группами, примерно в трех километрах одна от другой. После приземления участники группы, с которой был выброшен я, собрали в одно место часть сброшенного имущества и пошли на поиски второй группы и нашли ее вечером на следующий день.

При встрече старший группы “Николаев” сказал, что сегодня все приготовим, а завтра пойдем в разведку и начнем выполнять задание. Чтобы отвлечь с его стороны подозрение о готовящемся убийстве, мы поддержали разговор “Николаева”, в то же время ждали удобный момент, когда можно было бы его убить.

Вопрос: Кто должен был возглавить убийство “Николаева”? *Ответ:* Радист “Одинцов”.

Вопрос: Почему именно “Одинцов”? *Ответ:* На этот вопрос ответить не могу, не знаю. “Одинцов” сам изъявил желание совершить убийство “Николаева”.

Вопрос: Продолжайте ваши показания об убийстве “Николаева”. *Ответ:* В тот же день “Одинцов” избрал удобный момент и выстрелом из пистолета ранил “Николаева” в левое плечо*. После ранения он с криком “Предатели” — схватил пистолет. Мы в это время все, за исключением “Жукова”, разбежались в разные стороны. “Жуков” сделал “Николаеву” перевязку, и последний от него скрылся.

Вопрос: Чем объяснить тот факт, что вы все разбежались, а “Жуков” остался на месте? *Ответ:* “Жуков”, вероятно, не знал о нашем решении убить “Николаева”, поэтому считал ранение неумышленным.

Вопрос: Какое вами было принято решение после ранения “Николаева”? *Ответ:* Двое из нашей группы — “Доронин”, знающий местность (ранее проживал в Коми АССР), и “Одинцов” — пошли в лагерь НКВД, расположенный в 18 км от места приземления, с тем, чтобы сообщить о выброшенной группе. <...>

Вопрос: Где в это время находился “Николаев” и что произошло с ним в дальнейшем? *Ответ:* Через некоторое время “Николаев” появился на противоположном от нас берегу реки и криками стал просить бинт. Мы пообещали выполнить его требование, и когда он с пистолетом в руке стал выходить на наш берег, я, “Жуков”, “Огнев”, “Кузьмичев” выстрелами из четырех автоматов убили его, изъяли имеющиеся при нем документы и ценности, сняли сапоги и брюки, тело накрыли парашютом и так оставили лежать до прихода представителей советской власти. Под действием жары труп “Николаева” стал разлагаться, поэтому мы закопали его в землю».

Добавим еще одну деталь к приведенному выше фрагменту из протокола допроса. Совместно с заместителем начальника Следственного отдела ОКР «Смерш» АрхВО капитаном Михаилом Рюминым⁶²³ Денисенко допрашивал будущий известный советский писатель, а в то время — следователь Следственного отдела ОКР «Смерш» АрхВО младший лейтенант Федор Абрамов⁶²⁴. Об участии Ф.А. Абрамова в другой радиоигре — «Подрывники» — рассказал архангельский журналист А. Кононов⁶²⁵.

Другой диверсант — А.П. Реферовский на допросе 19–22 июня также дал показания об обстоятельствах ликвидации «Николаева» и причинах, по которым он согласился сотрудничать с абвером:

Вопрос: При каких обстоятельствах был убит Николаев? *Ответ:* После приземления на территории Коми АССР все участники группы собрались в одно место около речки (названия не знаю), где по предложению Николаева был разбит лагерь. Вслед за этим мы стали разыскивать и переносить к месту расположения лагеря сброшенный с самолетов груз. Во время переноски груза я, Макаров, Годов, Одинцов, Доронин и Гламаздин договорились явиться в НКВД с повинной. Во избежание преследований со стороны Николаева, как преданного немцам, мы решили его убить. Кстати, Николаев неоднократно угрожал расстрелом за попытку изменить немцам. Когда мы пришли к лагерю, Николаев находился у костра. Вскоре после нашего прихода радист Одинцов выстрелом из пистолета ранил его в правое плечо. В это время все, за исключением меня и Мурина, разбежались в разные стороны. Я и Мурин в момент выстрела находились в шалаше. Услышав выстрел, мы из шалаша вышли и по просьбе Николаева сделали ему перевязку, после чего он от нас скрылся.

* Так в документе.

Через некоторое время, будучи вместе с Муриным, Гламаздиным и Куликовым, мы услышали крик Николаева — «Предатели!», и тут же заметили его фигуру на противоположном берегу реки. Когда он стал приближаться к нам, мы все дали по одной очереди из автоматов, и Николаева убили <...>

Вопрос: Вы совершили тягчайшее преступление перед Родиной — на поле боя сдались в плен к немцам, а затем дали согласие сотрудничать с немецкой разведкой и вести борьбу против советской власти. Расскажите, что вас побудило это сделать? *Ответ:* Как я уже показал выше, моя сдача в плен была вынужденной. Я и мои товарищи оказались бессильными против превосходящих сил противника. Впрочем, мы сделали все возможное для того, чтобы присоединиться к частям Красной армии. И только тогда, когда убедились, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, я и остальные красноармейцы сдались в плен. Согласие же сотрудничать с немецкой разведкой я дал, во-первых, потому, что боялся голодной лагерной смерти, во-вторых, надеялся на возможность перейти к партизанам, так как вначале мы вербовались в так называемую армию для борьбы с партизанами...»

Особо ценными для контрразведки «Смерш» были сведения, сообщенные диверсантами о разведшколе противника в местечке Вану-Нурси (Эстония). На том же допросе 19–22 июня А.П. Реферовский рассказал о дислокации школы, ее командном и преподавательском составе, изучаемых дисциплинах и методике их преподавания:

Вопрос: Сколько времени вы учились в школе немецкой разведки? *Ответ:* С 23 сентября 1942 года по 4 июня 1943 года, причем до 10 марта 1943 года в местечке Вану-Нурси (Эстония), а за день до вылета в Коми АССР в местечко Преждане* (Латвия).

Вопрос: Что вам известно об этих школах? *Ответ:* Я учился в одной школе в местечке Вану-Нурси (Эстония). В местечке Предаине (Латвия), как я предполагаю, находится ее филиал. Эта школа готовит кадры немецкой разведки для фронта и для действия в тыловых районах СССР. Численный состав слушателей за время моего нахождения доходил до 120 человек. Набор в школу производился из числа военнопленных, бывших командиров и красноармейцев Красной армии, завербованных немецкой разведкой.

Вопрос: Кто возглавлял эту школу и руководил подготовкой кадров для немецкой разведки? *Ответ:* Начальником школы был лейтенант Зинке, а его заместителем — лейтенант Клинке. Как тот, так и другой по национальности немцы. Кроме того, школу посещал немец, по званию подполковник (фамилию его не знаю). В числе обслуживающего персонала были немецкие солдаты и унтер-офицеры, которые исполняли обязанности дежурных.

Вопрос: Как была организована учеба в школе? *Ответ:* Весь состав слушателей был разбит на четыре взвода. Первые три — стрелковые, четвертый — саперный. Я входил в последний. Численный состав взвода колебался от 20 до 35 человек.

Вопрос: Дайте показания, какие дисциплины в диверсионно-разведывательной школе вы изучали. *Ответ:* Основными дисциплинами были: 1) Топография (работа с компасом и картой, хождение по азимуту). 2) Подрывное дело (взрывчатые вещества, их свойства, обращение с ними и производство подрывных работ). Сюда же входило изучение зажигательных веществ — термита и электронов**.

* Так в документе, правильно — Приеданье.

** Так в документе.

3) Тактика в наступлении и обороне, главным образом применительно к борьбе с партизанами. 4) Строевая и огневая подготовка (изучение советского и немецкого оружия), отработка строя. 5) Практические занятия по взрывам железнодорожного полотна, вокзалов и других сооружений. Сюда же входило нападение и снятие часовых. 6) Физическая подготовка, преследующая выработку волевых качеств у шпиона-диверсанта. 7) Цикл лекций по антисоветской пропаганде и агитации».

Важное место в подготовке радиоигры сыграло то обстоятельство, что радист Александр Одинцов на следствии сообщил условности на случай самостоятельной работы и работы под диктовку советской контрразведки: при самостоятельной работе на запрос центра (q+r?) — скажите точное время, радист должен ответить: (q+r-ggg-ok). В случае работы под диктовку радист на вопрос центра отвечает: (qtr-2315) (указывает действительное время). Одинцов пояснил, что в начале текста обязательно шифруется адрес — буквой «Р», и в конце текста подпись — двумя буквами «ЕЖ».

Параллельно с допросами явившихся с повинной агентов-диверсантов противника развивалась подготовка к радиоигре. По результатам допросов и изучения обстоятельств заброски вражеского десанта, 19 июня начальник ОКР «Смерш» АрхВО подполковник И.И. Головлев⁶²⁶ по ВЧ направил докладную записку на имя заместителя начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанта П.Я. Мешика:

«Докладываю о составе диверсионной группы Николаева, окончившей разведшколы “Вано-Нурси” Эстонской ССР, “Приеданье” Латвийской ССР, выброшенных в 22 часа 6 июня 1943 года в местечке Канин-Нос Кожвинского района Коми АССР с заданием: 1) Нападения на охрану спецлагерей с целью освобождения заключенных в лагерях, вооружения их за счет имеющегося у группы оружия для поднятия вооруженного восстания в других лагерях Коми. 2) Взрыва мостов и железнодорожного полотна Северо-Печорской железнодорожной магистрали. В случае успешного осуществления задания, обещана немедленная помощь вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Командир группы Николаев Владимир Николаевич (действительная фамилия — Волков Лев Николаевич), бывший колчаковский офицер. В 1938 году арестовывался органами НКВД в Ленинграде, до призыва в РККА проживал в Пскове. В РККА служил в должности военврача. По показаниям десантников убит ими, как человек, требующий выполнения задания немцев. <...>

После приземления группа десантников, убив Николаева, выделила радиста Одинцова и подрывника Доронина для заявления о своем прибытии в местные органы власти, что ими 8 июня и было сделано. Связь должны держать с центром в Риге, время ежедневно в 07, 17.30 и 23.00. Позывные постоянные центра БОФ, корреспондент БОБ... код ежедневно цифровой, лозунг “В прошлую ночь вы-

Агент Александр Доронин
(немецкий псевдоним Токарев)

пало много снега”. Для зашифровки берутся первые пятнадцать знаков. Время вступления в связь не обусловлено, текст радиোগрам должен был составлять Николаев, а в его отсутствие — его зам[еститель] Годов. На следствии ведут себя откровенно.

Проект радиোগрам, предложенный Годовым, и видоизмененный нами с сохранением орфографических ошибок: “Обер-лейтенанту Рижского штаба. Группа Николаева высадилась в районе Кожва. Собрались месте высадки. Груз собрали не полностью. Динамо-машину нашли 18 июня. Во время высадки десанта погибли Николаев и Куликов. Приступили к разведыванию местности для выполнения задания, вами поставленного. Зам[еститель] командира группы Павлов ‘ЕЖ’”.

Руководство контрразведки «Смерш» уделило большое внимание этой операции. Из Москвы в Архангельск и Ухту для проведения радиоигры была направлена группа руководящих и оперативных сотрудников Смерша во главе с заместителем начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенантом П.Я. Мешиком, в том числе начальники отделов ГУКР «Смерш»: 3-го (борьба с вражеской агентурой и парашютными десантами противника) полковник Г.В. Утехин, 6-го (следственно-го) полковник А.Г. Леонов⁶²⁷ и 11-го (шифровального) полковник И.А. Чертов⁶²⁸.

Добавим, что это был беспрецедентный случай в истории проведения радиоигр, чтобы столько руководителей Смерша одновременно выехали на место проведения операции. 22 июня, в дополнение к докладной записке Головлева, Мешик и Утехин по ВЧ из Архангельска доложили Абакумову дополнительные обстоятельства по вражескому десанту и план мероприятий по игре:

«В дополнение к сообщению тов. Головлева, переданному по “ВЧ” 19 июня 1943 г., докладываю:

Обстоятельства убийства Николаева не вызывают сомнения. Участники группы боялись его, он же подозревал некоторых из числа участников группы (Макарова) в намерении явиться с повинной, в связи с этим все время был наготове. Участники группы спешили явиться с повинной, а Николаев настаивал на немедленных диверсионных действиях и убийствах партийно-советских работников, надеясь связать, таким образом, членов группы с преступлениями против советской власти. Мысли о том, чтобы доставить Николаева живым, не приходили в голову участникам группы, тем более, что окончательный стговор имел место после того, как они крепко выпили. Во время опьянения Одинцовым (радиистом) был произведен первый выстрел в Николаева, которым последний был ранен в левую ключицу. Члены группы настолько боялись Николаева, что после этого выстрела разбежались и добились его лишь через несколько часов. <...> Дополнительно выяснено, что группа имела задание проводить массовый террор против партийно-советских работников и работников органов НКВД, НКГБ и “Смерш” (Особ[ый] отдел). Кроме того, группа должна была разведать места нахождения лагерей военнопленных и освободить. Кроме помощи техникой, группе обещана помощь людьми, что представляет основной интерес для нашей радиоигры.

План наших мероприятий:

а) 22 июня в 5 утра вылетаем в Усть-Кожву для организации радиоигры с противником. б) 22 июня в 17 ч. 30 м. и в 23 ч. проводим первые сеансы связи. в) С целью дать возможность противнику хорошо пропененгировать место работы рации, радиоигру проводим из Кожвы на протяжении 3-х дней. г) После установления связи с центром передаем следующие, согласованные с Вами, тексты:

22 июня 1943 г. «Приземлились в болоте и лесу, собирались двое суток. Вещи собрали, все цело. Динамо нашли только вчера. Николаев пал жертвой предателей. Сообщаю обстоятельства: при сборе Рудаков* начал уговаривать отказаться выполнять задание, идти сдать. Николаев тут же предателя убил. Соучастник Рудакова Куликов выстрелил в голову Николаева и убил насмерть. Куликова ребята схватили, и он сознался, что сговорился с Рудаковым не выполнять задания и сдать. Группой команду я, Куликова мы расстреляли. Настроение у ребят хорошее. Четверых вчера послал на разведку. Николаев мне не рассказал подробности о задании, сообщите, что в первую очередь делать». 24 июня 1943 г. «Сегодня Токарев и Жуков** привели охранника, Песчанского лагеря, по словам охранника поблизости имеется один лагерь, он хорошо охраняется. Охранник говорит, что поближе Сыктывкар много лагерей и трудовых поселков, где живут высланные, там работать будет легче. Ждем указаний. Охранник — еврей, пустили в расход». 23 июня с. г. умышленно передавать ничего не будем, запросим, что есть для нас. Дальнейшие тексты согласуем».

Агент Алексей Макаров
(немецкий псевдоним Рудаков)

В середине июня в Ухту прибыли оперативники Смерша, имевшие большой опыт подобных операций. Радиоигра с немецким разведцентром была начата согласно плану — 22 июня 1943 года и продолжалась до 14 декабря 1943 года.

В числе прибывших находился старший оперуполномоченный 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» капитан И.П. Лебедев. В своей книге ветеран контрразведки Д.П. Тарасов несколько строк посвятил своим товарищам, которые первыми начали радиоигры с противником еще в составе 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР:

«Одним из возглавлявших направление, занимавшееся использованием захваченных вражеских агентов с рациями, был ныне покойный Ендаков Николай Михайлович... Первоначально в подчинении Ендакова Н.М. было два работника: автор этих строк — оперативный уполномоченный с тремя кубиками в петлицах, вскоре повышенный в должности до старшего оперуполномоченного, и оперативный уполномоченный Лебедев Иван Петрович (ныне покойный), прибывший с Ленинградского фронта в звании капитана. Летом 1942 года в связи с увеличением объема работы в группу попал еще один работник — оперативный уполномоченный Григоренко Григорий Федорович, 24-летний украинец, только что зачисленный в центральный аппарат контрразведки»⁶²⁹.

Ход радиоигры «Повстанцы» хорошо иллюстрируют тексты радиogramм, переданных противнику и полученных из Рижского разведцентра. Тексты радиogramм публикуются с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

* Рудаков — псевдоним в немецкой военной разведке А.И. Макарова.

** Токарев и Жуков — псевдонимы в немецкой военной разведке А.Г. Доронина и Н.А. Мурина.

22 июня утвержденный ранее текст о благополучном приземлении группы был передан в центр. «Игра в эфире» началась.

24 июня в 17.30 была установлена связь с центром и принята радиограмма: «Передайте Николаев жив или нет. Кто изменник. Кто теперь старший группы. Нужно ли вам пополнение. Срочно сообщите».

Контроль за работой радиостанции в эфире взяла на себя Радиоконтрразведывательная (РКР) служба Отдела «Б» НКГБ СССР. В справке Отдела «Б» НКГБ СССР «О состоянии связей по линии литер “Э” № 095 (корреспонд[ентская] точка аг[ентурной] группы в Коми АССР») от 25 июня сообщалось: «По материалам Радиоконтрразведывательной службы Отдела “Б” НКГБ СССР вызовы центральной радиостанцией германской разведки в Риге агентурной группы, выброшенной на территорию Коми АССР, производятся ежедневно с 4 июня 1942 года.

Работа корреспондентской точки впервые зафиксирована 22-го июня в 2308/40. Центральная станция не слышала работы корреспондента. Слышимость обеих точек в пункте наблюдения под Москвой была хорошей. <...> По данным наблюдения, оператор радиостанции центра имеет недостаточную для проведения радиосвязей квалификацию и небрежно относится к работе. По этой причине им не была обнаружена работа корреспондента в первые дни даже в условиях хорошей слышимости.

Считаю необходимым специальной радиограммой сообщить об этом “центру”, просить заменить радиста, и принять меры к установлению нормальной, кратковременной связи из опасения долго пребывать в эфире.

Начальник Отдела “Б” комиссар госбезопасности Е. Лапшин».

28 июня начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР санкционировал текст радиогаммы противнику по радиостанции «Повстанцы»:

«Находимся в районе Ухты. На станции говорят, что районе Кожвы было крушение. Это работа наших. Ведем разведку. Ищем подходящих людей. О положении сообщу, когда выясню обстановку. Передать 30/VI-[1943 г.]».

В справке по делу агентурной станции «Повстанцы», составленной 30 июня капитаном Лебедевым, о личности М.К. Годова сообщалось:

«До армии работал счетоводом. В Красной армии с 1932 г. добровольцем по 1938 г. Работал писарем, завскладом в 3-й артбригаде береговой обороны, с января 1942 по 22 июля 1942 г. красноармеец 543-й разведроты 55-й сд. <...> 22 июля 1942 г. попал в плен в районе Ст[арой] Руссы, будучи в разведке. Сдался после боя с превосходящими силами противника...»

При передаче дезинформации противнику в Смерше учитывали, что от советских военнопленных, среди которых могли быть и те, кто в свое время отбывал заключения в ИТЛ на территории Коми или был уроженцем этих мест, как А.Г. Доронин, германская военная разведка могла получить некоторые сведения о дислокации лагерей, системе их охраны, промышленных предприятиях и характере выпускаемой продукции.

1 июля Мешик утвердил тексты двух радиограмм для передачи в Рижский разведцентр:

«Рдг № 7. 1. “Выяснили, что в 25–30 километрах от Ухты на запад имеется водный промысел, где на работах используются заключенные. Среди заключенных есть немцы. Хочу попробовать начать там”.

Рдг № 8. 2. “Пополнить нас будет необходимо. Сначала подберу место, удобное для приземления и сообщу. В последнее время охрана очень усилена. Охранники вооружены трофейными винтовками, есть автоматы”».

3 июля Лебедев направил письмо начальнику 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковнику Г.В. Утехину: «Сообщаю Вам, что устроились мы очень хорошо. Питание, квартира вполне удовлетворительны. Хорошо установили антенны. Одним словом, все способствует успешной работе. 1 июля очень хорошо провели сеанс и получили сразу 3 радиограммы. Тексты их я сообщил на имя тов. Мешик и, одновременно, запросил следующие тексты для ответа “центру”. Убедившись на факте в “качестве” и “срочности” телеграфной связи, прямо теряю все надежды на своевременное получение ожидаемых ответов для последующей передачи “центру”.

Тексты радиограмм, которые обещал устно прислать тов. Мешик, я получил только 2-го числа, но их передавать по ходу игры нельзя, т.к. нужно сперва отвечать на запрос немцев, да и к тому же мы их до сего времени не можем расшифровать, начало шифровки полностью искажено. Мы запросили Москву нам повторить. Очень себя ругаю, что не оставил у себя радиостанцию. С нею связь была бы быстрее и надежнее в части подлинности текстов.

Если в дальнейшем будет такая же “качественная” связь, то есть опасность срыва своевременных сеансов работы, что может вызвать у противника подозрение к работе “точки”. <...>

Учитывая, что связь по телеграфу будет затруднена, хочу взять на себя смелость просить Вас продумать вопрос доставки нам радиостанции с более качественным питанием. Радист у меня есть из Архангельска тов. Маменко. Станцию можно прислать из Архангельска только через тов. Блиндермана⁶³⁰. Доставка ее займет не более 2 дней. Это от Котласа на пароходе, а оттуда на самолете. Прошу Вас, если это считаете возможным, сделайте, пожалуйста. <...>

В конечном счете, буду просить Вас, чтобы Вы на месте приняли все меры для своевременной присылки мне необходимых ответов на запросы немцев, т.к. если на их запросы не будем своевременно отвечать, то провалим [радио]точку. Еще, повторяю, исходя из “легенды”, разведчики должны работать регулярно, через день–два, а у нас перерывы больше. Сейчас подбираю место для выброски и подбираю “кандидатуры” для ее легендирования. С приветом, Лебедев. Привет Тарасову, Григоренко».

К началу июля все материалы по десанту были из НКВД Коми АССР переданы для проведения дальнейших мероприятий в ОКР «Смерш» АрхВО. В этой связи 3 июля начальник ОКР «Смерш» АрхВО подполковник И.И. Головлев направил докладную записку начальнику ГУКР «Смерш» комиссару ГБ 2-го ранга В.С. Абакумову:

«По Вашему приказанию мною приняты от НКВД Коми АССР явившиеся с повинной десять человек агентов противника, сброшенных на парашютах 5 июня с. г. в составе диверсионно-повстанческой группы.

Для выполнения заданий, полученных от центра германской военной разведки в Риге, диверсанты получили значительное количество вооружения и боеприпасов, взрывчатки, предметов снаряжения и экипировки, денег и продовольствия. <...>

После приземления и явки с повинной диверсанты вместе с представителями охраны Ухто-Ижемского лагеря НКВД, собрали все сброшенные на парашютах грузы и затем сдали работникам НКВД Коми АССР.

Однако последние в лице: начальника Кожвинского райотделения Калинина, начальника секретариата Трусова, зам[естителя] начальника отдела по б/б Соловьева и зам[естителя] начальника 1-го спецотдела Рохина — действуя по указаниям наркома Коми НКВД тов. Кабакова при организации подсчета и приема имущества, сброшенного с диверсантами, в составленный ими акт не внесли оружия и боеприпасов, продовольствия и денежных сумм.

Кроме того, в акт не внесены совершенно или же в уменьшенном количестве целый ряд различных предметов снаряжения и экипировки, отобранных у диверсантов.

Командированному мною на место представителю — работникам НКВД Коми АССР отказали в передаче оружия и боеприпасов, сославшись на распоряжение зам[естителя] наркома внутренних дел тов. Серова⁶³¹.

Деньги переданы лишь только в сумме 75 000 руб. без документов. Начальник секретариата НКВД Коми АССР тов. Трусов заявил, что ими оставлено 100 тыс. рублей на покрытие расходов, связанных с перевозкой диверсантов. В отношении остальных 95 тыс. руб. никаких следов не осталось. Кроме того, отсутствуют какие бы то ни было документы о всей сумме денег, отобранных у диверсантов.

В отношении продовольствия заявлено, что все продукты израсходованы, однако документы об их приеме и израсходовании отсутствуют.

Имеются также значительные расхождения между количеством отобранных работниками НКВД Коми и сданных нам предметов снаряжения, экипировки и др. материальных ценностей (фотоаппарат, часы, бинокли, компасы и проч.).

Таким образом, работниками НКВД Коми АССР допущены грубые нарушения действующих положений о документации имущества и материальных ценностей, отбираемых при арестах или задержаниях, и я считаю совершенно необходимым, чтобы на все предметы вооружения, снаряжения и экипировки, изъятые у диверсантов, были составлены акты и описи.

При получении Вашей санкции на оставление полностью или частично оружия и снаряжения в НКВД Коми АССР или израсходование денег и продовольствия необходимо обязать их выслать нам надлежаще оформленные документы для приобщения к следственному производству. Докладывая об изложенном, прошу Ваших указаний».

Как видно, кое-что из «трофеев» осталось в НКВД Коми АССР. Забегая вперед, отметим, что среди невозвращенных материалов, изъятых у десантников, не будет доставать важнейшего документа, отсутствие которого, по-видимому, свело на нет все усилия «смершевцев» и привело к провалу всей «игры» с противником.

6 июля — подготовлены следующие «дезы»:

«Рдг. № 10. 2 “Возвращаться мы не можем. Не дойдем до фронта. Решили продолжать начатое. Вы должны нас поддержать. Пришлите нам побольше продуктов и пополнение человек пять. Сбросьте их в форме НКВД. Я послал ребят найти место для встречи. Зря куда-нибудь не бросайте. Пропадут”».

9 июля была согласована и утверждена очередная радиogramма в центр. Проект радиogramмы был составлен Лебедевым совместно с Годовым, с учетом полученного им инструктажа по производству диверсий на железной дороге: «Рдг. № 11.

“Ребята взорвали деревянный мост на закруглении пути в момент прохождения поезда, примерно 40 километрах за Печорским мостом в направлении к Воркуте. Под откос пошло больше половины состава”.

Справка: Действительно, 17 июня в указанном месте произошло крушение, в результате которого половина состава пошла под откос. Крушения на этой линии стали — явление довольно частое. П. Мешик».

16 июля в 17.30 принята радиোগрамма из центра: «Тщательно разведайте место приземления для пополнения. Удовлетворительны ваши документы или нужно что-нибудь сменить в них».

17 июля в 23.00 были приняты сразу две радиোগраммы из центра: «1. “Доложите, какую форму люди должны иметь, старую или новую, какие знаки отличия”. 2. “Начато ли в Кожве преследование Ахмадянова сейчас же после ими произведенного взрывания и кто их преследовал. Наблюдал ли Ахмадянов лично за действием взрыва или вы получили сведения из других источников”».

19 июля подготовлены очередные тексты дезинформации с расчетом их передачи противнику вплоть до конца июля. На некоторых радиোগраммах проставлены даты их передачи в эфир:

«Рдг. № 13. “С местом для встречи пока плохо. Мы хотим, чтобы люди и остальное, что пошлете, не погибло. Если погибнут, пропадет начатое нами дело. Продолжаем разведку места”.

Рдг. № 14. “Токарев’ встретил некоторых старых знакомых. Я его поселил в Ухте как отпускника. Он через них шупает подходящих людей на водном промысле”.

Рдг. № 12. “С питанием очень плохо. Приходится ловить рыбу. Третьего дня убили лося и едим его. Надеемся на вашу помощь — без вас не продержимся”.

Рдг. № 15. “Нашли хорошее место для приземления. От поселка Ухта на юго-запад течет река Ухта. Примерно в 100 километрах в нее впадет Тобыш. Сбрасывайте в месте слияния рек. После отдыха ребят выходим к месту. С места сообщим” (Передать 20 июля).

Рдг. № 16. “Прибыли на место. Ждем друзей. Сигнал четыре костра. Кроме питания пришлите побольше оружия для нашей работы. Документы пока в порядке*. Сообщите, когда жечь костры” (Передать 25 июля).

Рдг. № 17. “О крушении говорили на станции. Потом пришел Ахмадянов и доложил, что взорвали мост. Они вышли на полотно, а их заметили вохровцы, которые были на поезде, человек восемь, и погналы. В Ухте говорили, работают вредители, а теперь успокоились”».

С получением радиোগраммы о подготовке противником пополнения, из Архангельска в Ухту прибыл генерал-лейтенант Мешик с группой руководителей и оперработников Смерша. 20 июля генерал-лейтенант Мешик доложил в Москву Абакумову: «Нахожусь в районе места выброски со всей оперативной группой. Подобрал новое место выброски для обеспечения задания Наркома, смотри рг. № 18:

“Прибыл в развилку реки Ухты и Тобыш. Место глухое, есть брошенные избы. Ребята устали и голодны. Охотиться с автоматами трудно. Пришлите дробовики и патроны. Хочу подыскать место в этом районе”.

Рг. № 19: “К месту, подобранным Жуковым, не пойдем. Здесь легче прокормиться до вашей помощи. Место для выброски друзей нашел другое — от развил-

* На документе помета — кружок с точкой посередине, сбоку черным карандашом текст: «Форма должна быть новая, знаки не старше лейтенанта».

ки по реке Тобыш в 2–3 километрах на большой поляне стоят старые избы. Туда и бросайте. Для сигнала подожжем одну постройку. Сообщите, когда вас ждать, не забудьте прислать больше соли, хоть немного свежего хлеба и каких-нибудь овощей, лука, чеснока, водки не надо, лучше побольше спирту».

Радиограммы № 18, 19 передадим 20 и 21, 28 июля. Сегодня выезжаю Ухту для производства инструктажа летчиков и покажу им место будущего боя».

21 июля в 17.30 была принята очередная радиограмма из центра:

«Доложите ваше место нахождения и ближайшую станцию или город. Принуждены ли вы все время вне населенных пунктов держаться или можете со своими формами и документами везде передвигаться».

22 июля в 17.30 в центр передали две радиограммы:

«1. “Нашли хорошее место для приземления. От станции Ухта на юго-запад течением реки Ухта. Примерно на сотом километре в нее впадает река Тобыш. Слияние этих рек образует развилку. Мы будем находиться в этой развилке километрах 20 на запад. После отдыха ребята выехали к месту, с места сообщу. Кроме питания шлите больше оружия для нашей работы. Друзей оденьте в новую форму со знаками не старше лейтенанта”;

2. “Находились километров 20 от водного промысла на север по реке Чунть. Это глухое и болотистое место. Кроме Токарева в Ухте никого не было. С документами у него обошлось хорошо. Разыскивает нужных знакомых. После прилета друзей буду иметь с ними встречу. Результат сообщу”».

23 июля в 7.00 в центр передали ответ на задание от 17 июля:

«Ахмадянов действие взрыва наблюдали лично. Преследовать их стали лагерного поселка уже на той стороне Печоры. Ахмадянов говорит, что их, должно быть, посчитали за беглых заключенных».

27 июля в 23.00 была принята радиограмма из центра:

«Сообщите, годно ли предложенное место сбрасывания для приземления самолета. Какие меры ширины и длины имеет место. Намереваемся одного из вас привезти самолетом сюда, чтобы ваш собственный человек, использовавший ваш опыт, может проверять подбор и снаряжение тех людей, которых вы требовали».

В связи с тем, что в условиях тайги подбор места для посадки самолета противника был затруднителен и тем самым время радиоигры увеличится, Мешик принял решение отклонить предложение противника о посадке самолета, мотивируя отсутствием посадочной площадки.

29 июля в 23.00 в центр передали радиограмму:

«Место, подобранное Жуковым и Месяцем, для приземления самолета не годится. Туда мы решили не идти. Здесь легче прокормиться до вашей помощи. Я нашел здесь другое место. От развилки реки Тобыш в километрах 3-х большая поляна, на ней стоят старые избы. Это место годится только для выброски друзей. Сегодня идем искать место для посадки самолета».

Параллельно с игрой продолжались и следственные мероприятия. На допросе в Ухте 30 июля заместитель командира разведывательно-диверсионной группы М.К. Годов рассказал о задании, полученном от германской военной разведки, и способах его выполнения. Допрос проводил старший оперуполномоченный ОКР «Смерш» старший лейтенант Д.Ф. Скнарин:

«Вопрос: Когда, с какого аэродрома вы были переброшены в тыл Красной армии, когда и в каком районе выброшены? Ответ: 4 июня 1943 года около 16 ча-

сов с Рижского военного аэродрома, расположенного восточнее Риги у ее окраин, наша группа была посажена на два тяжелых четырехмоторных бомбардировщика, и мы вылетели в Норвегию, где приземлились 4 июня 1943 года около 23 часов на военном аэродроме в городе Нарвике. 5 июня 1943 года в 16 часов стартовали с аэродрома в Нарвике и направились на северо-восток, затем над Северным Ледовитым океаном пролетели у южной оконечности Новой Земли. Пролетев Новую Землю, мы повернули на юг, летели до места выброски, несколько раз пересекая реку Печору. Выброшены мы были на парашютах в Усть-Кожвинском районе в лагерном участке Развилка 5 июня 1943 года в 23 часа <...>

Вопрос: Какой был получен инструктаж о вашем поведении в случае вашего задержания органами советской власти? *Ответ:* В случае задержания нас органами соввласти мы должны были вступить в вооруженное столкновение, ни в коем случае не сдаваться, в крайнем случае, кончать самоубийством или принять яд — морфий⁶³².

Вопрос: Передавали ли вы в Ригу радиogramмы после приземления, до явки в органы соввласти? *Ответ:* Радиogramмы в Ригу до явки в органы советской власти мы не передавали.

Вопрос: Какие задания получили вы от немецкой разведки и какими методами должны их выполнять? *Ответ:* Главное задание — организация вооруженного восстания в лагерях НКВД в Коми АССР путем разоружения охраны лагерей. Восставшие должны были вести активную вооруженную борьбу против советской власти, открыть второй фронт в тылу Красной армии при помощи немецкого командования путем дополнительной доставки вооружения и десантников. Второе задание — вести диверсионную работу на железной дороге и промышленных предприятиях в районе дислокации лагерей НКВД в Кожве и Ухте путем взрывов, поджогов, организации крушения поездов. Третье задание — выявлять места дислокации аэродромов в тылу Красной армии и сообщать об этом по радио. Четвертое задание — давать по радио сведения о вновь обнаруженных в Коми АССР промышленных предприятиях.

Вопрос: На какой срок вы выброшены в тыл Красной армии? *Ответ:* Срок нашего действия в тылу Красной армии установлен не был.

Вопрос: Чем были снабжены участники группы, чем вооружены, какие имели личные вещи? *Ответ:* Группа была обмундирована в форму бойцов внутренних войск НКВД, причем четыре человека имели форму командного состава, и 3 человека — в форму рядового состава. Документы были оформлены от имени 65-го полка внутренних войск НКВД. Группа была обеспечена продовольствием на 30–40 дней и оружием, которым можно вооружить около ста человек.

Группа имела на вооружении: автоматов немецких — семь штук, автоматов русских — пять, магазинов к немецким автоматам — сорок два, магазинов к русским автоматам “ППШ” — пять, пистолетов немецких системы “Парабеллум” — двенадцать, магазинов к немецким пистолетам — двадцать четыре, пистолетов чешских — пять, магазинов к ним — десять, револьверов системы “Наган” — сорок восемь штук, ручной пулемет системы Дегтярева — один, магазинов к нему — семь штук, миномет русский 50 мм — один, мин к нему — двадцать восемь, гранат “Ф-1” и “РГД” — около ста пятидесяти штук, патронов ко всем видам оружия — около десяти тысяч штук, толу прессованного в шашках — около ста кг, магнитных толовых шашек — около ста штук, детонирующего шнура — около пятидесяти ме-

тров, бикфордова шнура — около пятисот метров, капсюлей-детонаторов разных систем для взрывных работ — около тысячи штук, зажигательного термитного порошка — около ста коробок, электронных бомб — около ста штук, специальных зажигательных шашек с капсюлями замедленного действия — около пятидесяти штук, специальных капсюлей для зажигательных веществ — около пятидесяти штук, терок для зажигания — около пятидесяти штук.

Одновременно с этим группа снабжена большим количеством разных приборов, а также большим запасом документов, бланков для разных документов, печатей, штампов. В том числе было печатей гербовых круглых воинских частей и учреждений НКВД — около восьми штук, штампов угловых — около пяти штук, бланков для удостоверений личности начсостава Красной армии и красноармейских книжек — всего около пятисот штук. Было около пяти книжек бланков производственных аттестатов, командировочных предписаний, проездных требований для проезда по железным дорогам, денег советских — триста тысяч рублей. Для связи со штабом разведки в городе Риге мы имели радиостанцию с динамо-машиной.

Вопрос: Какие документы имели вы при себе и как ими должны были пользоваться? *Ответ:* Каждый разведчик имел документы на имя военнослужащего 65-го полка войск НКВД. Удостоверения личности начсостава внутренних войск НКВД, расчетные и вещевые книжки имели: я, Николаев, Доронин и Макаров. Кроме того, Николаев имел удостоверение, выданное НКВД СССР о том, что является якобы руководителем отряда НКВД по борьбе с парашютными десантами, я имел командировочное предписание на всю группу такого же содержания. Все остальные участники группы имели по 2–3 красноармейских книжки, из которых одна была заполнена, а остальные чистые. Помимо этого Николаев, Макаров, Доронин, Реферовский, Куликов и Гламаздин имели партбилеты. Предъявлять документы мы должны были лишь при настойчивости спрашивающих и проверяющих. Если произойдет встреча с одним работников НКВД, то у него участники группы должны первые проверять документы, а при необходимости этого работника уничтожить. О возможности легализации группы ничего не говорили. Срок пребывания нам не был указан.

Вопрос: Какой порядок связи с органом немецкой разведки был обусловлен? *Ответ:* Единственным способом связи с рижским штабом немецкой разведки была обусловлена радиосвязь через имеющуюся у нас радиостанцию. Других способов связи нам не было дано.

Вопрос: Какой порядок радиосвязи вы должны были соблюдать? *Ответ:* Первую радиограмму мы должны были послать после того, как соберем все имущество. В первой радиограмме должны были сообщить о благополучности нашего приземления. После этого мы должны были немедленно приступить к развертыванию диверсионной, повстанческой и разведывательной деятельности в соответствии с заданием немецкой разведки и о проведении указанной работы должны были регулярно радиограммами отчитываться перед Ригой. В случае организации восстания должны были немедленно просить оружие, если бы в результате восстания потребовалась помощь, должны были требовать десант. О совершенных диверсиях также должны были сообщать немедленно».

6 августа в 7.30 была принята радиограмма из центра: «Так как найти площадку для посадки вам, видимо, трудно, то сначала проведем акцию сброса. Доложите

точное положение вами найденной площадки у стыка Тобыш и Ухты на карте 1 на 500 000 с помощью планового квадрата, который вам передали».

Мешик из Ухты срочно направил в Москву шифротелеграмму: «Необходимой карты у нас не оказалось. Затребовал Архангельск, но и там нет карты, расчерченной на квадраты. Одну такую карту, известно, уничтожил Николаев. Вторая на русском языке с пометкой Годова, по-видимому, присвоена кем-то, как часы, фотоаппарат и другое, о чем Вам докладывалось. Сейчас эту карту разыскиваем... Прошу Вас через Коми СССР дать строгое указание тов. Кабакову о розыске всех пропавших вещей».

12 августа в 17.30 в центр передали две радиограммы:

«1. “О плановом квадрате Николаев мне не говорил ничего. Наша карта 1:500 000 не соответствует местности. Мы находимся там, где обозначен поселок Тобыш, но поселка здесь нет. Поселок Тобыш находится на пересечении реки Тобыш и железной дороги. В районе стыка реки есть отдельные заброшенные лагерные избы, в них никто не живет. Мы поселимся в такой избе по Тобыш в 3-х километрах от стыка”;

2. “Сильно заболел Андрей. Во время работы потерял сознание. Сегодня только встал и еле ходит. Шлите запасного радиста”».

Передачей сообщения о заболевании радиста Смерш планировал подтолкнуть противника к ускорению посылки помощи разведгруппе «Павлова».

В ходе этого же сеанса связи была принята радиограмма из центра: «Сосредоточьте всю работу на тщательную подготовку сброса. Очень важно доложить о месте сброса с помощью квадрата. Посадка откладывается на позже».

15 августа из центра была получена радиограмма: «Опишите причину болезни у Андрея и сообщите, разве не имеет с собой санитарный ранец. Мы желаем вас врачебно посоветовать».

16 августа 17.30 в центр направили ответ: «Андрей наверное отравился грибами. Жив, ему опять было плохо. К приему у нас все готово. Сообщите, когда вас ждать». После сеанса сделали перерыв на полтора дня для ремонта динамо-машины.

22 августа в 23.00 из центра приняли радиограмму: «Запасного радиста пошлем. Телеграфируйте ответ, как вы думаете восстание между заключенными провести. Со взрыванием временно воздержитесь, пока восстание не разгорится». Во время того же сеанса в центр радиовали: «[С] Андреем последние дни опять было плохо. Боль в животе, кружится голова, рвота с кровью и слабость. Он, наверное, отравился грибами. Сейчас, говорит, лучше стало. К приему у нас все готово. Сообщите, когда вас ждать».

На радиограмму из центра от 22 августа подготовили ответ: «Ваши указания ясны, но нам надоело бездействовать. С получением пополнения и оружия восстание гарантируем. Операция подготовлена. Связь с заключенными установлена. Торопитесь, пока погода хорошая».

25 августа от противника поступило новое задание: «Поскольку возможно, дайте ответ на следующие вопросы. Сведения о пароходном сообщении к устью Печоры и Амдерму⁶³³. Как происходит перегрузка на речные суда. Какие суда плавают по Печоре и чем нагружены. Где стоят основные пристани. Какие перегрузочные сооружения имеются в Нарьян-Маре⁶³⁴. Проведена ли дальше Воркуты ж[елезная] д[орога] Коноша – Котлас – Воркута. Подготовка в деле снабжения проводится целой энергией».

26 августа в 17.30 от противника вновь приняли радиogramму: «Нужны ли охотничьи ружья для стрельбы пулями или дробью». В ответ радиовали: «Ружья нужны для стрельбы дробью. Их используем для охоты и операции. Еще бумаги для радиogramм».

28 августа из центра приняли радиogramму: «Приготовливаем для посылки вам следующее: 170 кг хлеба, 75 кг сала, 150 кг прочих продуктов, 25 кг соли, 10 кг махорки. Вооружение: 20 советских автоматов с амуницией».

Обратим внимание читателя, что шифровкой и дешифровкой текстов радиogramм в Ухте занимался, прибывший в составе опергруппы во главе с Мешиком, начальник 11-го (шифровального) отдела ГУКР «Смерш» полковник И.А. Чертов.

На справке о полученной из разведцентра радиogramме Чертов написал: «В последующие сеансы запрашивали, что есть для нас. К приему все готово, провели две боевых тревоги. Последние 10 дней идут дожди, туман, погода нелетняя».

На этом же документе резолюция Мешика начальнику 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковнику Г.В. Утехину: «Пора передать настойчивую телеграмму об ускорении выброски. Приготовьте текст». В свою очередь Утехин дал команду подготовить шифровку начальнику 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» майору Георгию Петровичу Шабалину. Шабалин доложил Утехину: «Ответ у т. Лебедева послан телеграфно».

31 августа была согласована и утверждена необходимая радиogramма следующего содержания: «Рдг. № 17. “Прошу немедленной помощи. Находимся в очень тяжелых условиях, бездействуем. Если затянем дольше присылку, погода может помешать лететь, а дальше мы без вашей поддержки пропадем или вынуждены будем уходить. Ребята начинают проявлять резкое недовольство. Решайте быстрее. Жду немедленного ответа”».

1 сентября из центра радиовали: «1. В зависимости от грузоподъемности самолета, с намеченными материалами можем пока двух человек прислать. Один из них радист. 2. Находитесь ли вы еще на том самом месте у реки Тобыш...»

6 сентября от противника была получена радиogramма обнадеживающего содержания: «Подготовительные работы в полном разгаре. Полет состоится между 15 и 20 сентября». В ответ в центр передали: «Находимся на старом месте на реке Тобыш. Ждем. Горный ЕЖ».

Несмотря на обещания центра о присылке помощи, ни в сентябре, ни в октябре самолет противника не прилетел. В дневнике работы радиоточки «Повстанцы» появляется запись: «14 сентября — переехали на развилку рек Ухта – Тобыш».

Последняя радиogramма из Рижского радицентра была принята 8 октября: «Самолет как раз в приготовлении. Что вы потом намерены делать?»

16 октября начальник ГУКР «Смерш» отдал распоряжение работу на радиоточке прекратить «до особого распоряжения». С 8 ноября по приказанию Мешика радиостанция вновь начала работу, но вплоть до 14 декабря разведцентр противника в эфире обнаружить не удалось.

Завершение спецоперации «Повстанцы» изложено в справке 3-го отдела ГУКР «Смерш» от 31 марта 1945 года, составленной заместителем начальника 2-го отделения 3-го отдела майором И.П. Лебедевым:

«В течение августа и сентября м-цев 1943 г. противник продолжал передавать радиogramмы, обещающие доставку обещанной помощи. С нашей стороны легендаривались трудности проживания диверсантов в лагере ожидания, болезнь

радиста, недостаток продуктов питания и продолжали требовать присылки требуемого. Одновременно показывалась разведка диверсантами района местных лагерей заключенных, наличие в них сильной охраны и предстоящих трудностей организации восстания.

В начале октября м-ца 1943 г., не отказываясь от присылки обещанного, противник начал ссылаться на отсутствие летной погоды, с установлением которой обещал немедленно доставить группе все необходимое. Исходя из того, что погода до октября м-ца 1943 г. в условиях Севера стояла летная и вполне возможная для осуществления прилета самолетов противника в район нахождения групп диверсантов, ссылка на невозможность прилета дает основания утверждать, что противник радиостанции не доверял и поэтому не пошел на осуществление сброски обещанного груза.

Считая, что противник убежден в работе группы под диктовку органов советской контрразведки и принятых профилактических мероприятий на случай новых выбросок диверсантов в районе лагерей заключенных и жел[езной] дороги, было принято решение прекратить дальнейшее ожидание прилета вражеского самолета.

По этому поводу 15/X-[19]43 г. противнику передали: «Вашей помощи не ждали. Ушли в город. Устроимся, сообщим адрес». Продолжая поддерживать связь уже из поселка Ухта, в конце октября м-ца 1943 г. противник вызовы радиостанции прекратил. На наши вызовы до 14 декабря 1943 г. не отвечал, в связи с чем дальнейшая радиоигра была прекращена. За период радиоигры противнику передано 47 радиogramм и получено 35 ответных радиogramм».

Добавим, что с первых чисел ноября 1943 года 3-й отдел ГУКР «Смерш» возглавил заместитель полковника Г.В. Утехина — подполковник В.Я. Барышников, и заключительная фаза радиоигры «Повстанцы» проходила под его руководством.

11 декабря начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» подполковник В.Я. Барышников рапортом доложил Абакумову: «Радиоконтрольной службой Отдела “Б” НКГБ СССР установлено, что радиостанцию “Повстанцы” (Ухта) противник не вызывает уже в течение полутора месяцев. Попытки установить связь с центром нами положительных результатов в течение этого времени не дали. В связи с этим считаю, что дальнейшая радиоигра является нецелесообразной. Прошу вашей санкции на прекращение радиоигры по делу “Повстанцы”».

21 декабря 1943 года из Ухты в Архангельск прибыла группа капитана Д.Ф. Скнарина в составе агентов-парашютистов разведчика Годова и радиста Одинцова. В тот же день начальник ОКР «Смерш» АрхВО доложил об этом в Москву. Одновременно Скнарин составил смету расходов на содержание арестованных агентов, участвовавших в операции. 3-м отделом ГУКР «Смерш» на обеспечение агентов было выделено 4000 рублей (проживание, питание, отопление конспиративной квартиры, помывку арестованных в бане, посещение кино (два раза в неделю) и театра (два раза), мытье в бане, стирку, транспортные расходы и пр.). Из них было потрачено 3755 рублей 71 копейка. Оставшиеся неизрасходованными 244 рубля 29 копеек были возвращены капитаном Скнариным в 3-й отдел ГУКР «Смерш».

Решением Особого совещания при НКВД СССР от 30 октября 1943 года Глазгомаздину Н.С., Луковичу В.Н., Макарову А.И., Мурину Н.А., Реферовскому А.П., Денисенко А.К. и Расулаеву А.Б. за изменническое поведение во время пребывания в плену у немцев в наказании был зачтен срок предварительного содержания

под стражей. 11 ноября 1943 года все они из-под стражи были освобождены и направлены в запасные части Архангельского военного округа без права посылки на фронт.

Так завершилась эпопея с «Печорским десантом».

Послевоенную судьбу некоторых участников группы узнали архивисты и журналисты Республики Коми: «Судьба участников группы после ликвидации десанта сложилась по-разному. А.Г. Доронин после проверки в фильтрационном лагере продолжал служить в армии. Заболев туберкулезом, в 1944 году возвращается в г. Ухту. Работал учителем в детской трудовой колонии. Через год школу ликвидировали, и А.Г. Доронин уезжает в Ростовскую область, работает инспектором РОНО, директором семилетней школы, болезнь подкосила его здоровье, и в феврале 1947 года он скончался. Радист А.А. Одинцов до 1946 года находился в армии. После демобилизации возвратился на родину в поселок Оргтруд Ивановской области. До своей кончины трудился на привычном месте — на ткацкой фабрике. Пользовался большим уважением товарищей. Было прекращено уголовное дело по обвинению М.К. Годова. Освобождены из-под стражи и другие участники десанта, им зачтен был в наказание срок нахождения на проверке в фильтрационном лагере и предварительном заключении»⁶³⁵.

* * *

В заключение внесем некоторые правки в историю с «Печорским десантом». Во-первых, конечно, никакой «Цепелин-Норд» к заброске агентов-диверсантов на территорию Коми не причастен. На допросах явившиеся с повинной диверсанты точных показаний по вопросу о том, какой орган германской военной разведки их забросил, не дали. Операция готовилась в Риге, где в 1943 году дислоцировался периферийный орган германской военной разведки «Абверштелле-Остланд» («Аст-Остланд»).

«Аст-Остланд» действовал при штабе группы армий «Север». Разведшкола в местечке Вану-Нурси (Эстония) готовила разведчиков-диверсантов для «Абверкоманды 204» («АК 204»), которая также находилась в оперативном подчинении штаба группы армий «Север». Поэтому с достаточным основанием можно предположить, что за подготовку и проведение операции отвечала именно «АК 204».

Во-вторых, маловероятно, что диверсионную группу забрасывали на самолете «ФВ 200 “Кондор”», как утверждают историки. На рижском аэродроме Спилве, откуда осуществлялась заброска, в 1943 году базировались самолеты так называемого Испытательного соединения при штабе главнокомандующего люфтваффе, сформированного на базе разведывательной эскадрильи дальней разведки при штабе главнокомандующего люфтваффе. Это соединение больше известно как «эскадра Ровеля».

Одна из эскадрилий соединения специально занималась заброской агентуры германских спецслужб в советский тыл. На вооружении этой эскадрильи, как и соединения в целом, самолетов «Кондор» не имелось. Зато в 1943 году в соединение поступили два четырехмоторных военно-транспортных самолета «Ю-290», которые дислоцировались на аэродроме Рангсдорф под Берлином. В 1943 году на вооружение люфтваффе стал также поступать двух- или четырехмоторный самолет «Арадо-232» («Сороконожка»), но для выполнения боевых заданий в 1943 году такой самолет еще не использовался.

В-третьих, нуждается в уточнении и вопрос о том, как был ликвидирован диверсантами командир группы — «Николаев».

И наконец, в-четвертых, ни специалистам, ни широкому кругу общественности почти не известны детали самой радиоигры, которую проводили сотрудники Отдела контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа под руководством 3-го отдела Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР. Радиоигра с германской военной разведкой получила кодовое обозначение «Повстанцы».

Спецоперация Отдела контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа, проведенная при участии 3-го отдела Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, до настоящего времени не была предметом исследования. Архивные материалы радиоигры «Повстанцы» хранятся в Центральном архиве ФСБ России.

«ОПЫТ» ПРОТИВ «ЦИТАДЕЛИ»: «ПРИВЕТ ОТ ДОКТОРА»

Жесточайшее поражение немецко-фашистской группировки под Сталинградом зимой 1942/43 года основательно пошатнуло веру в успешное завершение кампании на Восточном фронте в самой Германии и в стане ее союзников по оси. Знаменательная победа Красной армии на берегах Волги и Дона произвела огромное впечатление на мировую общественность и укрепила уверенность в народах стран Антигитлеровской коалиции в скорой победе над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

Летом 1943 года Верховное командование вермахта (ОКВ) запланировало проведение на советско-германском фронте крупной наступательной операции с целью овладеть стратегической инициативой. Этим наступлением оно надеялось разгромить группировку Красной армии, находившуюся на Курском выступе, и повернуть ход военных действий в свою пользу. План летнего наступления получил кодовое наименование «Цитадель».

В феврале–марте 1943 года в результате успешного контрнаступления, проведенного немецко-фашистскими войсками в Донбассе и под Харьковом, противнику все же удалось стабилизировать обстановку на советско-германском фронте, остановить наступление Красной армии на юго-западном направлении и создать важные плацдармы на центральном стратегическом направлении. С конца марта 1943 года, впервые за долгие месяцы войны, на Восточном фронте установилось относительное затишье. Обе стороны начали активную подготовку к решающим сражениям, призванным предопределить окончательный исход войны.

Обратим внимание на еще один аспект подготовки кампаний Красной армии летом 1943 года, а именно на работу советской разведки: «...в канун Курской битвы в Ставке впервые с начала войны по достоинству оценили представленную органами государственной безопасности разведывательную информацию. В частности, Сталин и Генеральный штаб Красной армии извлекли уроки из летней военной кампании 1942 г., которая едва не обернулась катастрофой под Сталинградом. Ведь еще в конце зимы 1942 г. наша разведка информировала советское руководство о том, что летом гитлеровские войска развернут наступление на южном направлении. Так, в одном из своих последних донесений “Старшина”, Шульце-Бойзен — ведущий агент знаменитой советской разведывательной сети в Германии, точно указал его конечную цель — “Кавказ и кавказская нефть”. Но у

Сталина тогда возникли сомнения. Почвой для них послужила военная хитрость Генштаба вермахта. Чтобы скрыть направление главного удара, гитлеровские генералы разработали специальную дезинформационную директиву под кодовым названием “Кремль”. 25 мая 1942 г. на ее основе издали приказ о наступлении на Москву. В Кремле эти документы приняли за “чистую монету”... Летом 1943 г. подобная уловка не сработала. Благодаря советской разведке в Государственном комитете обороны хорошо знали, где и когда ждать удара противника»⁶³⁶.

Из донесений закордонной агентуры внешней разведки (1-го Управления НКГБ СССР) Ставка ВГК получила сведения о том, что ОКВ не обладает информацией о планах летней кампании Красной армии. В спецсообщении № 136/М наркома госбезопасности СССР в ГКО от 7 мая 1943 года говорилось: «Резидент НКГБ СССР в Лондоне сообщает полученный агентурным путем текст телеграммы, отправленной 25 апреля из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейкса в адрес оперативного отдела Верховного командования армии: “Исчерпывающая оценка готовности противника противодействовать проведению плана “Цитадель” остается такой же... Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были еще некоторое время тому назад на северном фланге группы армий “Юг”, может быть теперь ясно определена в основном районе будущих операций: Курск – Суджа – Волочанск – Острогожск... Однако сейчас неизвестно, преследует эта концентрация сил наступательные или оборонительные цели. В настоящее время бронетанковые и механизированные соединения равномерно распределены по группам за линией фронта как стратегические резервы в предвидении немецкого наступления... В заключение необходимо отметить, что события указывают скорее на оборонительные, чем наступательные намерения противника...” Резидент НКГБ СССР указывает, что название “Цитадель”, упоминавшееся ранее в распоряжениях и донесениях германского командования, относится к подготовляемой операции по прорыву нашего фронта в районе Курск – Белгород, а не к городу Великие Луки, как это предполагалось ранее»⁶³⁷.

Как мы знаем из истории Великой Отечественной войны, расчет противника на то, что Красная армия на Курском выступе готовится только к оборонительным боям, была очередной после Сталинграда фатальной ошибкой германского командования. И совершить эту ошибку помогла контрразведка «Смерш».

Накануне летнего наступления 1943 года ОКВ поставило перед германской военной разведкой (абвером) задачу — любой ценой добыть информацию о стратегических планах командования Красной армии на летнюю кампанию 1943 года. Получить эту информацию можно было путем заброски разведывательных групп, снабженных портативными радиостанциями, на основные железнодорожные магистрали, ведущие к предполагаемому району боевых действий — к Курской дуге. Агентурные группы противника должны были оперативно передавать германскому командованию сведения о перевозках военных грузов, личного состава и техники по железным и шоссейным дорогам. В свою очередь советская военная контрразведка должна была нейтрализовать разведгруппы противника и всеми доступными способами дезинформировать разведку противника о планах советского Верховного командования, скрыть перегруппировку войск Красной армии в районе Курска.

На фоне такой оперативной обстановки на фронте началась специальная операция военной контрразведки «Смерш», о которой пойдет наш рассказ.

* * *

Одной из форм борьбы военной контрразведки «Смерш» с агентурными группами противника стали так называемые радиоигры. Существование этих контрразведывательных операций состояло в том, что при захвате агента-радиста германской военной разведки с радиостанцией, шифрами и кодами последнего перевербовывали и включали в игру с противником.

Радиоигры позволяли своевременно выявлять намерения врага, внедрять своих агентов в разведорганы и главное — дезинформировать противника о планах командования Красной армии. Наиболее полно радиоигры начали использоваться как средство передачи дезинформации противнику с весны 1943 года.

В мае–июле 1943 года в соответствии с планами командования Красной армии противнику передавались дезинформационные сообщения с целью скрыть подготовку наступательной операции в районе Курской дуги.

Для передачи дезинформации использовалось девять агентурных радиостанций, дислоцировавшихся в гг. Ливны, Лихвин, Елец, Щигры, Касторное, Тамбов. Радиостанциями этого типа снабжались агентурные группы и отдельные агенты германской разведки, имевшие задания: вести наблюдение за передвижениями войск и военной техники к линии фронта, устанавливать количество, наименование и дислокацию войсковых соединений и частей и т.д.

В связи с тем, что районы дислокации агентурных радиоточек находились в прифронтовой полосе, т.е. в зоне досягаемости вражеской авиации, а малолесистая и равнинная местность не способствовала хорошей маскировке, проводить дезинформацию было исключительно трудно. Чтобы противник не смог заподозрить работу на радиостанциях советской контрразведки, применялась следующая тактика:

1) в радиоигры были включены все германские агентурные группы, выброшенные с задачей ведения разведки в районах, прилегающих к Курской дуге;

Контейнер («грузобомба»), посредством выброски которого с парашютом осуществлялось снабжение агентов германской разведки в советском тылу во время радиоигры «Опыт»

2) агентурные комбинации не затягивались; после передачи основных радиogramм, подтверждавших данные других групп, работа радиоточки под разными предложениями прекращалась. Делалось это для того, чтобы противник не мог проверить работу радиоточки;

3) дезинформация передавалась, как правило, задним числом и не систематически, а в выгодные для наших органов дни;

4) дезинформация подтверждалась двумя агентурными радиостанциями, находившимися в Москве, и тремя радиоточками в Саратове и Пензе.

Включение в радиоигру всех радиостанций, кратковременный характер их работы, соблюдение осторожности в передачах и составлении дезинформации, подтверждение дезинформации по радиостанциям из других городов заставляли разведку противника поверить в работу «своих» агентов.

Таким образом, передававшаяся германскому командованию дезинформация в определенной мере скрывала накопление резервов Красной армии в районе Курской дуги.

Этот первый опыт крупного масштаба доказал целесообразность более широкого использования агентурных радиостанций для дезинформации германской военной разведки и Верховного командования германской армии.

В числе таких спецопераций была и радиоигра «Опыт», проведенная 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР совместно с Управлением контрразведки (УКР) «Смерш» Центрального фронта (ЦФ)⁶³⁸ и Отделом контрразведки (ОКР) «Смерш» Орловского военного округа из районов Щигры⁶³⁹ – Курск – Брянск с весны 1943 по август 1944 года.

В ночь с 7 на 8 мая 1943 года с немецкого самолета на парашютах в районе дер. Ключи около станции Касторное⁶⁴⁰ были выброшены три агента германской военной разведки — агент-радиотехник «Шадрин» и два разведчика — «Юденич» и «Суриков», прошедшие подготовку в Борисовской разведшколе «Абверкоманды 103» («АК 103»; позывной радиостанции — «Сатурн») при штабе группы армий «Центр». Для связи с центром разведгруппа была снабжена портативной радиостанцией, смонтированной в чемодане советского образца. В целях беспрепятственного передвижения в советском тылу агенты имели фиктивные документы, положенные командному и рядовому составу Красной армии, а также чистые бланки командировочных удостоверений, продуктовых и вещевых аттестатов и справок госпиталей.

Утром 8 мая «Шадрин», как было заранее обусловлено с разведцентром противника, передал радиogramму о благополучном приземлении. Далее по заданию «Сатурна» разведгруппа должна была из Касторного пробраться в Курск, обосноваться в городе и приступить к сбору разведанных.

После передачи первой радиogramмы группа агентов в полном составе 14 мая добровольно явились с повинной в отдел «Смерш» железнодорожной части на станции Щигры. Вскоре германские агенты были доставлены в УКР «Смерш» ЦФ. На следствии агенты дали подробные показания о характере полученного задания, известной им немецкой агентуре, выброшенной и подготовленной к выброске в тыл СССР, а также назвали технические данные по радиосвязи.

После проверки сведений, сообщенных агентами «Абверкоманды 103», начальник УКР «Смерш» ЦФ комиссар госбезопасности 3-го ранга А.А. Вадис⁶⁴¹

17 мая доложил в Москву о намерении провести радиоигру с противником. Абакумов отдал приказ начальнику 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковнику Г.В. Утехину перевербовать агента «Шадрин» и начать радиоигру с разведцентром противника. Старший группы — радист «Шадрин» был включен в операцию под псевдонимом Николаев. Одновременно Утехин передал Вадису распоряжение начальника ГУКР «Смерш» — начать радиоигру с разведцентром противника. В этот же день, 17 мая, в 13.30 по московскому времени «Николаев» возобновил связь с «Сатурном»: «Место для работы подобрано, 19-го мая дадим сведения» и передал метеосводку. В Смерше эта операция получила кодовое название «Опыт».

18 мая «Николаев» составил для контрразведчиков Смерша доносение о технике кодировки радиogramм, передаваемых в «Сатурн»:

«Для шифрования текста радиogramм также выдано специальное кодовое предложение: “Астрахань на реке Волге”. Порядок и способ шифрования и датировки радиogramм с подробным пояснением прилагаю.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ШИФРУ

Берется квадрат 20x20 клеток, затем проводятся две диагонали, на верхней стороне квадрата проставляются над каждой клеткой буквы в суммарном порядке. Эти буквы должны содержать какую-либо фразу.

Затем под каждой буквой, смотря на каком она месте стоит в алфавите, проставляется цифра.

Открытый текст радиogramмы заносится сначала в верхний треугольник, а затем продолжение в нижний, причем наименование населенных пунктов, морей, рек, фамилии, имена, наименования улиц, типы самолетов, танков, номера штабов вписываются по два раза и заключаются в скобки.

Потом этот текст переносится в два боковых треугольника слева направо. Переносится в таком порядке, начиная с первого номера и по последний по столбикам и последний в процессе с боковых треугольников также по порядку №№ пишется на чистый лист бумаги или на бланк радиogramмы по пять букв каждая группа.

Как правило, первая группа радиogramмы всегда указывает, какой позицией зашифрована радиogramма.

Начальник Управления контрразведки «Смерш» Белорусского фронта генерал-лейтенант (1944) Александр Анатольевич Вадис

Это производится следующим порядком: прилагается схема, зашифрована позицией № 1, где цифры в таком порядке:

1–17–18–2–19–312–20–13–46–7–10–8–8–5–14–11–6–9

А № 3 в таком порядке:

18–15–2–19–3–12–20–13–4–16–7–10–8–5–14–11–6–9–1–17

А для сообщения № позиции берется десять первых по порядку алфавита букв, т.е.:

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	й
1	2	3	4	5	6	7	8	9	0

Примерно сообщается позиция 01. СИАБ8, т.е. второй и третьей буквой, остальные три берутся произвольно. Это все вышеизложенное Борисовской школы. В Киевской (б[ывшей] Полтавской) абсолютно другое...»

О задании, полученном от противника, агент германской военной разведки «Шадрин» подробно рассказал на допросе 19–20 мая:

«Направляясь в тыл частей Красной армии, как старший группы немецких агентов, я получил следующее задание: 1. Проверить — переделано ли полотно железной дороги на русский лад Касторное – Курск и Курск – Льгов⁶⁴². 2. Состояние этих железных дорог, мостов. 3. Минируется ли Курск и производятся ли оборонные работы и какие. 4. Собрать данные о расположении воинских частей в районе г. Курска и систематически фиксировать их передвижение к линии фронта, в частности, собрать, какие рода войск и куда направляются, номера штабов, фамилии командиров и т[ак] дальше. 5. Проверить дер. Сапогово, находящуюся в 12 км от Курска, и установить, минируется ли это село. 6. Фиксировать передвижение воинских частей, №№ эшелонов по ж[елезной] дор[оге] Касторное – Курск и Курск – Льгов, расположение аэродромов и оборона последних, количество и марки самолетов на них, места расположения баз с горючим и т.д. 7. Места скопления войск Красной армии, базы снабжения — продовольственные, боеприпасов, пересыльные пункты, какие возраста и №№ военно-учетных специальностей призываются в армию, кого из местных жителей призывают на освобожденной территории и ряд других вопросов».

19 мая, в то же время, радиостанция с позывными «УЫН» (позывной радиста Борисовской разведшколы) вызывала «Николаева» (позывной «ФРЗ»). В связи с тем что дезинформационный материал из 3-го отдела ГУКР «Смерш» не поступил, «смершевцы» сделали вид, что радиоточка «Николаева» разведцентр противника «не слышит».

С 20 мая по заданиям Оперативного управления Генштаба Красной армии (ОУ ГШ КА) противнику начали передавать незначительные дезинформационные материалы о передвижениях советских войск и техники на Курском направлении. Одновременно в «Сатурн», наряду со сводкой погоды, сообщили военную дезинформацию: «Из Ельца к фронту прошел эшелон с бронеколпаками и колючей проволокой, эшелон с боеприпасами, где были платформы с мукой. Видел сам». Текст дезинформации 18 мая лично санкционировал заместитель начальника ГШ КА генерал-полковник А.И. Антонов и в тот же день утвердил замнаркома обороны комиссар госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумов. На тексте примечание — «Передать 20 мая».

22 мая начальнику ГУКР «Смерш» из радиоконтрразведки НКГБ было передано спецсообщение о перехваченной и расшифрованной радиোগрамме: «Отделом

“Б” НКГБ СССР перехвачена радиостанция германской разведки и расшифрована следующая шифррадиограмма, передававшаяся 29 мая в 18.36 из Смоленска в район Конотопа*:

“40. ‘Тайфун’, ‘Элефант’ сообщает 20.V. как собственное наблюдение: 20.V из Ельца в направлении фронта ‘Труде’ вышли один воинский поезд с бронированными машинами и колючей проволокой, а также один воинский поезд с боеприпасами и мукой. Малер⁶⁴³, Сатурн⁶⁴⁴, Вольф⁶⁵⁵, Виддер⁶⁴⁶ имеют. Феликс⁶⁴⁷”. Примечание: Можно предполагать, что данная радиограмма имеет основанием донесение радиоагента с позывными “ФРЗ”, задержанного в Ельце». На документе резолюции: «1. Утехину. Абакумов. 25.V.[1943 г.]. 2. т. Тарасову. Доложите, наша или нет 25.5 [1943 г.]». На копии радиоперехвата, поступившей в тот же день в 3-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР, простым карандашом помечено: «Это — “Опыт”. Д. Тарасов. 25/V-[19]43 г.».

Радиоперехват свидетельствовал о том, что противник поверил дезинформации, переданной по радиоточке «Опыт». В тот же день, 22 мая, «Николаев» передал еще два коротких дезинформационных материала, подкрепляющих сведения о подготовке Красной армии к оборонительным сражениям: «1. “В с. Россошное размещается до батальона пехоты, занимаются стрельбой и изучают противотанковые орудия”; 2. “На участке Малиново – Слободка местные жители и саперы роют окопы. Личное наблюдение”».

В последующие дни противнику продолжали передавать дезинформацию, подтверждающую, что в районе Курска части Красной армии готовятся к обороне и дополнительной переброски войск и боевой техники в этом районе не наблюдается.

Анализ текстов радиограмм, направленных в германский разведцентр по радиоточке «Опыт», показывает, что посредством этой радиоигры Генштаб ставил перед собой цель — убедить противника в том, что на Курском направлении советские войска готовятся к стратегической обороне. По этому поводу в справке 3-го отдела ГУКР «Смерш» по радиоигре «Опыт» от 31 мая 1945 года отмечалось:

«В тот период времени на фронте происходили активные наступательные действия Красной армии, на фронт шли новые людские пополнения и особенно много перебрасывалось боевой техники. Не передавать усиленного движения — значит, нужно было заведомо ставить под угрозу радиоигру, а передача хотя бы приближенных данных была невыгодна для командования Красной армии, поэтому Генштаб считал целесообразным работу радиоточки по-прежнему умышленно тормозить, ссылаясь на какие-либо благовидные предлоги, и лишь время от времени передавать незначительную дезинформацию для того, чтобы не потерять радиосвязи...»

Каким образом контрразведке «Смерш» удалось решить поставленную Генштабом задачу, будет посвящен дальнейший рассказ о спецоперации «Опыт».

24 мая в центр радиовали: «23 мая [19]43 г. через Шатилово на Измалково прошло до роты пехоты, все с лопатами. Ст. Красная Заря с 20 до 23-х часов со стороны Елец к фронту прошло два эшелона, один — со строительными материалами, 2 вагона с цементом; второй — сборный, в двух вагонах необмундированные бойцы, 5 цистерн с керосином и бензином, 3 платформы с саперным имуще-

* Радиограмма передавалась «Абверкомандой 103» одной из подчиненных ей абвергрупп.

ством, 5 платформ с противотанковыми пушками». 27 мая — очередная «деза»: «Село Предтечево. Производится ремонт 20 автомашин-грузовиков. Видел сам. 26/V-[19]43 г.».

Начиная с конца мая 1943 года начальник УКР «Смерш» ЦФ примерно раз в две недели, в зависимости от обстановки, направлял начальнику ГУКР «Смерш» спецсообщения «О результатах радиосвязи агента “Николаева” с радиостанцией противника». Например, 28 мая Вадис отправил спецсообщение Абакумову, в котором сообщал о состоявшемся сеансе связи 27 мая (13.00): «В связи с тем что дезинформационный материал, переданный нам начальником 3-го отдела Главного управления контрразведки НКО “Смерш” полковником Утехиным, полностью использован, прошу Ваших указаний о срочной высылке нового Дезо.

Одновременно доношу, что, поскольку “Николаев” получил от немецкой разведки задание установить, минируется ли дом умалишенных в с. Сапогово Курской области, мною в село выслан оперработник, который установил:

Село Сапогово расположено примерно в 10–12 км севернее Курска и состоит из двух десятков кирпичных 2-х и 3-хэтажных корпусов, а также нескольких домов местных жителей. До оккупации немцами Курской области в Сапогово размещалась Курская психиатрическая лечебница, где содержалось несколько сот человек умалишенных, после занятия этого села немцами, с участием изменников Родине, всех их отравили и тут же закопали. На днях в г. Курске лица, виновные в этом, были осуждены.

С приходом частей Красной армии саперными подразделениями с. Сапогово было тщательно осмотрено и из подвалов корпусов извлечено несколько мин. По данным коменданта гарнизона, у одной из местных жительниц был обнаружен и впоследствии арестован немецкий разведчик-радист. В настоящее время здания в с. Сапогово не минируются, да и надобности в этом никакой нет. В этом селе размещены три фронтовых госпиталя и одна ремонтная база.

Учитывая, что нами в настоящее время намечается агентурная комбинация по отправке в тыл противника связного от “Николаева”, в целях внушения немецкой разведке видимости его честной и добросовестной работы, — считаю целесообразным по настоящему материалу составить и передать по радио соответствующее, близкое к действительности, Дезо. По существу изложенного прошу Ваших указаний».

14 июня в УКР «Смерш» ЦФ за подписями заместителя начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанта П.Я. Мешика и начальника 4-го отдела ГУКР генерал-майора П.П. Тимофеева поступила служебная записка: «Перебрасывать за линию фронта лиц, участвующих в радиоигре, проводимой в централизованном порядке в целях общей дезинформации противника, — запрещается. <...> В связи с тем, что радиостанция задержанных Вами германских агентов-парашютистов “Шадрина”, “Сурикова” и “Юденича” используется в общей дезинформации, проводимой 3-м отделом Главного управления контрразведки “Смерш”, — перебрасывать в тыл противника не следует».

Представляют интерес также тексты сообщений, переданные с санкции Генштаба в разведцентр противника накануне и в ходе сражения под Курском. Для примера приведем тексты дезинформаций, подготовленные для передачи в «Сатурн» по радиостанции «Опыт».

В тот же день, 14 июня, генерал-лейтенант С.М. Штеменко, сменивший генерала А.И. Антонова на посту начальника ОУ ГШ КА, санкционировал, а начальник ГУКР «Смерш» комиссар госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумов утвердил тексты следующих дезматериалов: «1. “Личным наблюдением установил: дороги Курск – Касторная, Курск – Льгов – Терешки идет нормальное движение” (Передать 14 июня). 2. “Личным наблюдением установил: вокруг Курска ведутся оборонительные работы с минированием” (Передать 14 июня). 3. “Последние дни наблюдал движение машин, танков, артиллерии с направления Щигры через Курск на запад” (Передать 16 июня). СПРАВКА: Тексты радиogramм согласованы с нач[альником] штаба Центрального фронта генерал-лейтенантом т. Малининым⁶⁴⁸ (шт/т № 2409 от 8.IV-[19]43 года)».

В тот же день (8.00) в центр радиовали: «1. “Из разговоров с крестьянами и личным наблюдением в районе Сапогово воинских частей нет, Сапогово разминировано. Доклад от 5 июня”. 2. “Дороги Касторное – Курск – Льгов перешиты, идет нормальное движение. Вокруг Курска ведутся оборонительные работы с минированием. Личное наблюдение”». В ходе этого же сеанса связи от противника (позывной «УЫН») поступило задание: «Где находится Сапогово в докладе от 5/VI-[19]43 г. Желательные сведения об артиллерийских позициях западнее Новосила⁶⁴⁹, в районе слива рек Неруч – Зуша».

О полученным из «Сатурна» задании Вадис доложил Абакумову: «Помимо передачи Дезо, полученного мною по телефону из 3-го отдела Главного управления контрразведки НКО “Смерш”, — в ответ на запрос радиостанции противника считаю целесообразным передать следующие радиogramмы: 1. “Сапогово находится 12 км севернее Курска. Сообщил по заданию капитана Власова⁶⁵⁰. 2. “Нахожусь в районе Курска. В моем участке Новосила нет. Местные жители также не знают”. Со своей стороны считаю, что в настоящее время назрел момент посылки в тыл противника связных от “Николаева” с контрразведывательным заданием, а также для вербовки агентуры из числа официальных работников разведоргана противника. Дальнейшее промедление в проведении этого мероприятия усложняет легенду...»

Во время дневного сеанса (13.30) радиосвязи «Николаев» сообщил в центр: «В районе ст. Красная Поляна размещен строительный батальон. 11.VI-[19]43 г. от 21 до 24 час. через ст. Щигры на запад прошло два эшелона». «УЫН»: «Поняла, давайте следующую». «Николаев»: «На шести платформах автомашины и бочки, остальные — крытые вагоны. Сапогово, севернее Курска 12 км, сообщал по заданию зондерфюрера Власова». «УЫН»: «Поняла, давайте следующую». «Николаев»: «Нахожусь в районе Курска. В моем участке Новосила нет. Местные жители также не знают».

25 июня Вадис доложил Мешику: «21-го июня с. г. в 13.30 наш агент “Николаев” возобновил радиосвязь со Смоленской радиостанцией противника (позывной “УЫН”) и пытался передать радиogramму, составленную нами на основании дезо-материалов, полученных из 3-го отдела Главного управления контрразведки НКО “Смерш”: “На разведку артпозиций вышли оба напарника, я остался на месте, до их возвращения буду сообщать только метеосводки” [Передана 25 июня 1943 г.]. Однако в связи с помехами в эфире связь была прервана и обусловлена на 24 июня».

24-го июня с. г. в 13.30 состоялся очередной радиоразговор: “УЫН”: “Спасибо за сведения, узнайте срочно — какие части, особенно танковые, находятся южнее

Курска. С успехом». Через минуту и в течение следующих 15 минут “Николаев” вызывал “УБН”, однако последняя в эфире не появлялась. В процессе радиопереговора радиостанция противника все время жаловалась на плохую слышимость и помехи в эфире, дважды просила перейти на запасную волну, что “Николаевым” оба раза осуществлялось, но улучшения слышимости не достигли, наша радиogramма и в этот раз передана не была.

25-го июня с. г. в 8.00 “Николаев” без особых затруднений осуществил радиосвязь с радиостанцией противника: “На разведку артпозиций вышли оба напарника, я остался на месте, до их возвращения буду сообщать только метеосводки”. Очередную радиосвязь с передачей метеосводки намереваю провести 27 июня с. г. 29-го июня намереваю передачу радиogramмы, предложенной 3-м отделом Главного управления контрразведки НКО “Смерш”: “Пошлите мне продуктов и денег. Запасов у меня только на 3 дня. Денег осталось 1500 руб. 30 тысяч взяли с собой напарники, остальные израсходовали. Продукты покупаем у крестьян по очень дорогим ценам. Аттестатами не пользуемся”. [Передана 2 июля.] Однако, учитывая, что группа “Николаева” за сравнительно короткий срок пребывания у нас полученные от немцев 94 тысячи рублей денег израсходовать не могла и что последние радиопереговоры происходили при очень плохой слышимости, — считаю целесообразным приведенную выше телеграмму видоизменить и передать в следующей редакции: “Питание радиостанции на исходе. Бланки командировочных удостоверений использованы. Продукты питания, особенно хлеб, очень нуждаются. Прошу указаний”».

В Смерше воспользовались тем, что противник дал задание — проверить наличие артиллерийских позиций в районе Новосила. Это была хорошая возможность, не вызывая подозрения в «Сатурне», затянуть передачу сведений о дислокации воинских частей в районе Курска и перевозках личного состава и техники в этом районе.

Между тем анализ радиogramм, поступавших из разведцентра, свидетельствовал о том, что противник крайне заинтересован в получении военных сведений.

11 июля была принята радиogramма из «Сатурна»: «При теперешних событиях давайте ежедневно военсводку район Курск, Курск – Воронеж, Воронеж – Елец о передвижениях войск, боеприпасах, горючем и устройстве укреплений».

На следующий день, 12 июля, началось грандиозное встречное танковое сражение под Прохоровкой, в котором с обеих сторон одновременно участвовало более 1200 танков⁶⁵¹. В ходе битвы противник потерял более 350 танков, до 100 орудий и минометов, около 10 000 солдат и офицеров.

Оборонительные бои под Курском были еще в полном разгаре, когда утром 12 июля после мощной артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации перешли в наступление ударные группировки Западного и Брянского фронтов.

В это время радиоигра с противником развивалась по заранее утвержденному плану. Об этом свидетельствует доклад Вадиса Мешику от 25 июля: «13 июля через радиостанцию “Опыт” в центр противника передали радиogramму: “Напарники еще не вернулись. Ждать ли их еще. Сидеть на месте надоело”. Ответ из центра не поддавался раскодированию».

15 июля связь с центром была восстановлена и приняты две радиogramмы: «1. “Дайте точное место сброски. Учтите возможности самолета. Ждем военсвод-

ку». 2. “Измените стоянку. Со стороны наблюдайте возвращение товарищей, имея тайный адрес. Сбросим пакет. Не падайте духом. Наблюдайте сами и дайте военсведения. Привет”».

В этот день, 15 июля, вслед за Западным и Брянским фронтами перешли в контрнаступление войска Центрального фронта. В этой связи германская военная разведка предпринимала все возможное, чтобы оперативно получать информацию из района Курска.

21 июля в центр передали: «Нахожусь в 7 км юго-восточнее Золотухино, юго-западнее окраины деревни Чаплыгино – Выселки — шесть домов у колхозницы Сидоровой. Пакет сбросьте в поле в 2 километрах к востоку от Выселки. [До] возвращения товарищей наблюдаю».

Противник продолжал верить сведениям, передаваемым по радиоточке «Опыт». 4 августа из «Сатурна» приняли две радиограммы: «1. “Помощь дадим, точный срок сообщим. Почему не сообщаете о передвижениях войск, наблюдайте сами до прихода других” 2. “Почему не сообщаете о важных военных событиях в вашем районе, ждем срочные сведения”». В ответ радиовали: «Напарников до сих пор нет, ходил их разыскивать, но безрезультатно, работать одному очень трудно, денег нет, живу плохо, жду от вас совета и помощи. Привет».

В это время на фронтах происходили важные события, на рассвете 5 августа войсками Воронежского фронта Орел был полностью освобожден от захватчиков, в тот же день войсками Степного фронта был освобожден Белгород. В честь одержанных побед вечером 5 августа 1943 года в Москве впервые в Великой Отечественной войне был произведен артиллерийский салют — 12 залпов из 124 орудий. С того памятного дня артиллерийские салюты в ознаменование побед Красной армии стали славной военной традицией.

7 августа (8.00) центр передал радиограмму: «Срочно готовим курьера по последнему адресу. Тем временем давайте военные сводки. В вашем районе целые армии передвигаются, но вы не сообщаете. Надеюсь на активизацию работы». В ответ сообщили: «Не имею командировочного удостоверения, не смогу пробраться в дальние районы. Личным наблюдением за 2–6 августа устанавливается движение автотранспорта по дороге к западу от Косоржи на Великий Колодезь. Усиленное патрулирование истребителей и пролеты бомбардировщиков на северо-запад».

8 и 9 августа центр в эфире обнаружить не удалось. 9 августа в районе Золотухино германской военной разведкой с самолета на парашюте был выброшен курьер-разведчик Борисовской разведшколы (немецкий псевдоним Подкопаев) Гуцев Алексей Иванович. Контрразведчики Смерша без лишнего шума курьера из «Сатурна» задержали.

Каким образом был задержан курьер из «Сатурна», подробно описано в рапорте руководителя оперативной группы, старшего оперуполномоченного УКР «Смерш» ЦФ гвардии капитана Н.М. Сивенкова на имя начальника 2-го отдела УКР «Смерш» подполковника Дубровина от 11 августа 1943 года:

«Для выполнения Вашего специального оперативного задания, 25 июля 1943 года группа в составе: меня, ефрейтора Ляпшина [Н.Ф.], ефрейтора Соколко [П.Е.]... прибыла в село Чаплыгино Матвеевского сельсовета Золотухинского района Курской области. <...>

Кроме того, силами участников оперативной группы: 1. Систематически производился тщательный осмотр района восточнее села Чаплыгино, где предполагался

лась выброска немецкого агента-парашютиста. 2. В целях выявления и задержания всех подозрительных лиц, появляющихся в районе села Чаплыгино, систематически производилась проческа как самого населенного пункта, так и прилегающего к нему района и особенно дорог.

Для изучения дальних подступов к селу Чаплыгино, выявления и задержания подозрительных лиц были организованы рейды по маршрутам: Чаплыгино – Барановка – Матвеевка – Золотухино; Чаплыгино – Донское – Золотухино; Чаплыгино – Выселки – Уколово – Воробьевка – Донское – Чаплыгино.

9 августа с. г., примерно в 15 ч. 30 мин. ...поступили данные о том, что в селе Чаплыгино появился неизвестный гражданин, одетый в форму военнослужащего Красной армии, который интересуется домом колхозницы Сидоровой Анастасии. В это время в мое отсутствие дежурным был ефрейтор Ляпшин, последний, имея указание — всех лиц, интересующихся домом Сидоровой, задерживать до моего прихода, пригласил неизвестного в дом, где мы помещались, и, после проверки документов, задержал его до моего прихода. <...>

После проверки документов и установления, что неизвестный в форме военнослужащего является Гуцевым Алексеем Ивановичем, мною был поставлен вопрос, откуда и куда он идет, на что Гуцев ответил: “Иду из-за Золотухино в Курск”. Видя, что у него фиктивные документы, мною Гуцеву был задан прямой вопрос: “Когда вы сброшены с самолета?” — на что он рассказал: “В ночь на 9-е августа с. г. с Смоленского аэродрома на двухмоторном бомбардировщике я один был выброшен на парашюте в районе севернее Золотухино, примерно в 20 километрах от села Чаплыгино. Перед вылетом от немецкой разведки получил задание: передать немецким агентам-радистам по адресу: село Чаплыгино, дом Сидоровой, — питание к рации, деньги, продукты и поступить в их распоряжение для выполнения задания по сбору разведывательных данных для немцев. Согласно разработанному маршруту, выброска должна быть произведена в 2–3-х километрах восточнее села Чаплыгино, однако, видимо, боясь огня зенитной артиллерии, так как самолет два раза ловили прожекторы, или по причине плохой ориентировки, пилот меня выбросил не в указанном месте. После приземления мною были закопаны в окопе парашют и груз, а сам утром попутной автомашиной отправился в направлении села Чаплыгино для розыска Сидоровой и установления связи”.

Видя, что Гуцев принимает меня за немецкого агента, я весь свой разговор и отношение к нему построил на том, чтобы укрепить его в этом мнении, а сам послал ефрейтора Ляпшина к Вам с сообщением, что интересующий нас агент немецкой разведки задержан. В процессе беседы, чтобы не вызвать преждевременного подозрения, мною у Гуцева были изъяты все вещи и документы, на которые в присутствии его была составлена опись.

В откровенной беседе Гуцев рассказал, что попал в плен к немцам в сентябре месяце 1941 года в районе городов Ельня – Ярцево. После пленения содержался в Гомельском, Рославльском и Борисовском лагерях военнопленных. В феврале месяце 1943 года был завербован в качестве агента немецкой разведки и обучался в Борисовской разведшколе в качестве разведчика-ходока.

В апреле месяце 1943 года в районе города Велиж Смоленской области по заданию немецкой разведки с напарником ходил в войсковую разведку, имея задачу — установление расположения войсковых частей, танков, артиллерийских и минометных батарей, дотов, дзотов и других огневых точек. Это задание Гуцевым

было выполнено, за что командованием Борисовской разведшколы он, в качестве поощрения, в начале июня с. г. был отпущен в отпуск к родным в гор. Гомель.

Представляет известный интерес рассказ Гуцева о деятельности нашей ночной авиации дальнего действия. Он рассказал, что, когда приехал ночью на станцию Гомель, там была объявлена воздушная тревога, так как на станцию налетели “русские” самолеты. Около 40 прожекторов, расположенных вблизи города, начали ловить их. Тогда самолеты встали в круг и подавили своим огнем прожекторы, после чего летали буквально по крышам (дословное выражение Гуцева). В результате этого налета были взорваны большие артиллерийские склады, устроенные немцами в парке имени Луначарского и на станции Бежица, что рядом с Гомелем. На протяжении 3-х суток после налета никто из жителей не мог ходить по улицам, так как все время рвались снаряды и другие боеприпасы <...> На мой вопрос: “Ну как, будем работать?” Гуцев ответил: “Конечно, будем. Раз взялись, нужно работать”.

С Вашим приездом задержанный агент немецкой разведки Гуцев, вместе со всеми вещами и документами, находившимися при нем, — был передан Вам. 10 августа 1943 года по распоряжению Вашего заместителя, — подполковника т. Попова, вся оперативная группа была снята...»

Из допросов захваченных агентов противника контрразведчики получали необходимые сведения о методах работы германской военной разведки на советско-германском фронте. Так, на допросе 10 августа А.И. Гуцев рассказал, при каких обстоятельствах он был завербован противником:

«*Вопрос:* Сколько времени вы находились в Борисовском лагере военнопленных? *Ответ:* В Борисовском лагере военнопленных я находился с декабря месяца 1942 года по февраль месяц 1943 г. Примерно 7 февраля 1943 года в лагерь приехал немецкий офицер в чине капитана, как впоследствии я узнал — по фамилии Утов, который в беседе с военнопленными интересовался биографическими данными их. После его беседы все военнопленные были выстроены, и капитан Утов, выбирая подходящих для него лиц, заносил их к себе в список. Всех записанных оказалось 44 человека. На следующий день мы вновь — уже поодиночке, были вызваны к немецкому капитану, который после детального ознакомления с нами предлагал работу в немецкой воинской части, или, как он говорил, “кампани”. На заданный капитаном мне вопрос — желаю ли я работать в “кампани” — я ответил утвердительно. После того как я дал согласие, на следующий день я, в числе 44-х человек военнопленных, был направлен в военный городок в 8-ми километрах южнее Борисова, где мы были обмундированы в немецкую форму и размещены по комнатам.

11 февраля я был снова вызван к немецкому капитану, который в беседе со мной с моих слов записал анкету по моим автобиографическим данным, которую я подписал и поставил отпечаток своего большого пальца. Покончив с указанными формальностями, немецкий капитан прямо поставил передо мной вопрос, желаю ли я обучаться в школе немецких разведчиков. Я дал свое согласие и был зачислен в школу разведчиков. После этого от меня была отобрана подписка о том, что я обязуюсь выполнять все данные мне задания немецкой разведки и не разглашать известные мне тайны. В то время я считал, что победа, в конечном итоге, будет за немцами, и мне, как комсомольцу, лучше заранее искупить свою вину перед немцами и не быть впоследствии ими репрессированным...»

10 августа связь с центром была установлена и противнику радировали: «1. “Из Чаплыгино ушел. Новое место подбираю. Оставаться там дальше нельзя из-за уборки урожая, куда уходит Сидорова, а мое жительство одного на хуторе подозрительно”. 2. “8 и 9 августа от Орла на Курск прошел эшелон 28 крытых вагонов и 6 платформ с неисправными танками “Т-34”. В обратном направлении в 13 и 16 часов составы по 30 платформ с балластом, шпалами и рельсами, подхода войск по дороге Косоржа – Белый Колодезь не замечено. Шлите документы и питание к рации”».

Приняв во внимание, что противник не указал даже примерную дату прибытия курьера с посылкой из центра, в УКР «Смерш» ЦФ решили использовать это обстоятельство, чтобы затянуть игру и как можно дольше не передавать военные разведсводки.

Одновременно с целью продления комбинации по вызову второго курьера 15 августа в «Сатурн» передали сообщение следующего содержания: «Нахожусь на новом месте селе Березовские Выселки, что в 16 км северо-западнее города Фатеж⁶⁵², у колхозницы Кудрявцевой Марии Ивановны. Сам готов сделать все. Хуже всего нет документов и питания к рации. Могу ли в ближайшие два дня ожидать помощи». 16 августа связь с центром установить не удалось из-за плохих атмосферных условий.

17 августа из центра пришла радиограмма: «В день вашего переезда к вам вылетел наш лучший курьер с пакетами. Почему не сообщили нам раньше. Он вас будет искать у Сидоровой. Каким же образом и куда вам можно прислать помощь. Можете ли вы у Сидоровой справиться». В тот же сеанс связи противнику передали очередную «дезу»: «Лично наблюдал 12 августа по дороге Косоржа – Золотухино прошли 50 автомашин с боевыми припасами, аэродромным имуществом. Немного позже в этом же направлении прошло до батальона пехоты с обозом».

18 августа части Красной армии вышли к заранее подготовленному вермахтом оборонительному рубежу «Хаген», проходившему восточнее Брянска. Завершилась Орловская наступательная операция (12 июля – 18 августа), получившая кодовое обозначение «Кутузов». Здесь они временно перешли к обороне с целью подготовки новой наступательной операции.

19 августа противнику радировали: «Сегодня выезжаю к Сидоровой для встречи с курьером. Результаты сообщу по возвращении». 23 августа во время утреннего сеанса связи (8.15) противнику передали военную дезинформацию: «Со слов шоферов 17 августа по дороге Ливны – Колпны ночью прошли 60 средних танков и много автомашин с солдатами. Движение автотранспорта ночью с полными огнями». В ответной радиограмме противник сообщил: «Курьер завтра будет у вас у хозяйки, пароль “Привет от доктора”. Курьер будет с вами работать с успехом».

Днем того же дня (13.35) провели еще один сеанс связи с центром: «Справиться о курьере у Сидоровой невозможно. Село занято воинской частью. Курьеру шлите адрес Березовские Выселки Кудрявцевой Марии Ивановне. Укажите точно дату сброса. Буду ожидать. Жду ответа». Из центра приняли радиограмму: «Если курьера нашли, то оставьте его себе как разведчика. Если не нашли, то сообщайте срочно, вышлем другого, но когда дадим срок, то ждите дома, чтобы опять не разъехались. Привет».

В начале 20-х чисел августа близилось к концу контрнаступление Красной армии на южном фланге Курской дуги. К полудню 23 августа от захватчиков был пол-

ностью очищен Харьков, с освобождением которого завершилась операция «Полководец Румянцев». Контрнаступление Красной армии под Курском вступило в завершающую фазу. Операция «Цитадель» потерпела сокрушительный провал. Во Второй мировой войне произошел коренной перелом, по образному выражению, в этой битве был сломан хребет нацистской Германии.

С честью выполнили и свою задачу контрразведчики 3-го отдела ГУКР «Смерш» и УКР «Смерш» Центрального фронта по блокированию активности германской военной разведки в районе Курска: командование групп армий «Центр» и «Юг» не получило достоверной информации о дислокации частей Красной армии на Курском выступе.

Однако радиоигра «Опыт» и далее продолжалась в интересах Генштаба Красной армии. 26 августа Вадис направил на имя Абакумова спецсообщение «О задержании курьеров немецкого разведоргана» (И.Н. Мамичева и И.Я. Баранова): «С целью организации мероприятия по поимке курьера, в село Березовские Выселки была выброшена оперативная группа в количестве 6-ти человек: два оперативных работника и четыре рядовых бойца отдельного батальона. Начальник 2-го отделения 2-го отдела⁶⁵³ капитан т. Мурзин по ходу комбинации должен был выступать как агент-радиотехник “Николаев”, а боец Ляпшин — его напарник. Этим мероприятием предусматривалось ввести в заблуждение курьера немецкой разведки, дабы, вызвав его на откровенный разговор, получить интересующие нас данные как о самом курьере, а также о полученном задании.

24 августа с. г. в 11 ч. 25 минут начальнику отделения было доложено, что в направлении дома колхозницы Кудрявцевой идет неизвестный в форме старшего сержанта. Неизвестный, обращаясь к находившемуся у дома начальнику отделения, спросил: “Это ли дом колхозницы Кудрявцевой?” Получив утвердительный ответ, неизвестный, оглянувшись вокруг, снова спросил о Кудрявцевой. Тогда начальник отделения прямо поставил перед ним вопрос: “Вы не от доктора?”, на что неизвестный ответил паролем: “Привет от доктора”. Пригласив неизвестного в дом, начальник отделения капитан Мурзин начал беседовать с ним как с курьером, от которого узнал, что его фамилия Мамичев и в ночь на 23 августа он, вместе с напарником Барановым, был выброшен с самолета в тыл частей Красной армии с задачей — установить связь с радистом Шадринным, — наша кличка “Николаев”, и передать ему пакет с документами, деньгами и продуктами, а также питание к рации. Как далее добавил Мамичев, пакет ими был утерян, ибо летчики, руководившие их сбросом, якобы забыли прицепить к нему грузовой парашют. На вопрос, где напарник, Мамичев ответил, что он остался, не доходя села, подождать, пока он свяжется с радистом.

Продолжая разыгрывать роль радиста “Николаева”, начальник отделения капитан Мурзин, совместно с Мамичевым и бойцом, играющим роль ходока, направились за село, где встретились с другим курьером по фамилии Баранов. От него было установлено, что бланки документов находятся при нем, а также у обоих курьеров имеется около 70 тысяч рублей денег. Из беседы с ними было установлено, что оба они на сторону частей Красной армии посланы первый раз, задание немцев намерены выполнить. После предварительного разговора с курьерами последние по одному были направлены на разные квартиры и начальником отделения тов. Мурзиным — арестованы...»

Германский агент «Шадрин»
(в советской контрразведке — «Николаев»),
награжденный за участие в радиопредаче «Опыт»
орденом Отечественной войны 2-й степени

На допросе 24 августа агент германской военной разведки И.Я. Баранов также сообщил следователю об обстоятельствах своего пленения и вербовки разведкой противника: «*Вопрос:* Где вы работали до начала Отечественной войны? *Ответ:* Когда началась война, я находился в заключении в Югорском проливе, поселок Хабаров, на строительстве № 300. Осужден я был в октябре месяце 1940 года по ст. 158 за неуплату алиментов к 2 годам лишения свободы. В заключении я находился до 4 августа 1942 года.

Вопрос: В Красной армии служили? *Ответ:* 7-го августа 1942 года Нарьян-Марским окружным военным комиссариатом я был призван в Красную армию и направлен в 33-й запасной полк, находившийся в гор. Архангельске. В запасном полку я пробыл 3 недели и в первых числах сентября 1942 года в составе маршевой роты был направлен на пополнение в 155-ю стрелковую дивизию, 659 сп и зачислен связистом в полковую батарею. В составе этого полка я принимал участие в боях

возле с. Смольни Смоленской области, а затем, когда наш полк после зимнего наступления занял оборону в районе села Грязи, также Смоленской области, я пробыл там до февраля месяца 1943 года.

Вопрос: Где и когда вы сдались в плен? *Ответ:* 1-го апреля 1943 года наш полк занимал оборону возле села Афанасьевка. Я вместе со связистом Зуевым Андреем Евсеевичем пошел проверять линию связи, и приблизительно в 7 часов утра мы натолкнулись на немецкую засаду, которая находилась примерно в 10 метрах от нас, и [немцы] крикнули: «Хальт!» Когда мы увидели немцев, которых было четыре человека, я вместе с Зуевым бросил свои винтовки и направился к ним.

Вопрос: Значит, вы не оказали вооруженного сопротивления и добровольно сдались в плен? *Ответ:* Да, мы добровольно сдались в плен. <...>

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были завербованы немцами для шпионской работы? *Ответ:* 3-го июня [1943 года] зондерфюрер и гауптман лагеря выстроил русских военнопленных и отобрал из всех 17 человек, в числе которых был и я. Зондерфюрер заявил нам, что он отбирает служить в немецкую армию, и записал наши фамилии. На следующий день по одному человеку мы были вызваны в помещение лагеря, где находился зондерфюрер, немецкий капитан и русский — по фамилии Лебедев⁶⁵⁴, который меня подробно допросил по автобиогра-

фии, спросил, желаю ли я служить в немецкой армии, и, после утвердительного ответа, направил меня в Зеленый лагерь, где я пробыл до 16 июня, а затем был переведен в Южный лагерь, в помещение немецкой разведки.

Вопрос: Когда у вас отобрали подписку о сотрудничестве с немецкой разведкой? *Ответ:* 17 июня, утром, меня обмундировали и, в этот же день, поляк по имени Ярослав⁶⁵⁵ отобрал подписку о сотрудничестве с немецкой разведкой.

Вопрос: Сколько времени вы обучались в Борисовской разведшколе? *Ответ:* Я обучался с 17 июня до конца июля 1943 г.».

25 августа в центр радировали: «Два курьера прибыли. Груз сброшен с самолета без парашюта и потерялся. Втроем идем искать груз».

Для розыска груза, сброшенного с курьерами, была направлена оперативная группа в количестве 35 человек. Несмотря на тщательную проческу местности, груз не обнаружили.

Скупые строки официального документа не передают тонких нюансов комбинации, которыми сопровождалось задержание агентов-курьеров «Сатурна». Все подробности этой операции, так сказать, «в красках» описаны главным героем этих событий — капитаном М.И. Мурзиным в рапорте на имя начальника УКР «Смерш» ЦФ от 26 августа 1943 года. Этот документ весьма объемный по содержанию и занимает восемь страниц машинописного текста, однако стоит того, чтобы привести его целиком:

«23 августа с[его] года от центра противника была получена радиограмма следующего содержания: “Курьер завтра будет у вас, у хозяйки. Пароль: ‘Привет от доктора’ Курьер будет с вами работать. С успехом”. На основании этих данных для поимки курьера была организована в с. Березовские Выселки В[ерхне] Любажского района Курской области засада из 4-х бойцов батальона, ст[аршего] оперуполномоченного т. Сивенкова и меня.

Согласно плану агентурно-оперативных мероприятий, я, совместно с бойцом Ляпшиным, должен был поселиться в доме колхозницы Кудрявцевой Марии Ивановны под видом радиста “Шадрина” и его напарника, куда и должен был прибыть для связи посланный немцами курьер. Выступление меня в роли агента-радиста немецкой разведки предусматривалось планом с целью ввести прибывшего курьера в заблуждение, для получения от него исчерпывающих данных как о нем самом, а также о задании, полученном от немецкой разведки.

24 августа с[его] года в 11 часов 25 минут бойцом Ляпшиным мне было доложено о том, что по селу Березовские Выселки в направлении дома колхозницы Кудрявцевой идет навстречу неизвестный в форме ст[аршего] сержанта Красной армии с медалью “За отвагу”, с винтовкой и противогазом, который немедленно был взят по моему приказанию под негласное наружное наблюдение.

Дабы не вызвать у неизвестного какого-либо подозрения, я предложил бойцу Ляпшину сесть недалеко от дома Кудрявцевой, а сам, выйдя из помещения, начал играть с хозяйской девочкой.

Проходя мимо Ляпшина, неизвестный ст[арший] сержант как-то неестественно, как бы с испугом поздоровался с ним (Ляпшин был одет нами в форму лейтенанта), после чего направился прямо ко мне. Подойдя ближе и видя, что я на него не обращаю внимания, неизвестный как-то неестественно обратился ко мне: “Товарищ мл[адший] лейтенант, разрешите к вам обратиться”. “Пожалуйста”, — ответил я.

— “Скажите, здесь живет Кудрявцева?” — “Да, здесь, а для чего она вам?” Он немного замялся, оглядываясь вокруг. Тогда я, чтобы помочь ему выйти из затруднительного положения, тихо сказал ему: “Вы не от доктора?” Он еще более ступешался, спрашивая в третий раз у меня — действительно ли здесь живет Кудрявцева Мария Ивановна. Видя, что он совсем растерялся, я предложил ему войти в дом. В квартире я прямо поставил перед ним вопрос — “Пароль?” На что он мне ответил: “Привет от доктора”.

Видя, что передо мной курьер разведки противника, подавая ему руку, сказал: “Значит свой, наконец, пришел. Ну, будем знакомы. Я радист Шадрин, зови просто Мишка, а это мой напарник Гриша”, — показывая на стоявшего здесь же бойца Ляпшина. “Раздевайся и будь как дома. Здесь вполне безопасно, я выбрал такую дыру, что сам черт сюда не заглядывает”.

Тут же я взял у него винтовку, подсумок и противогаз и небрежно засунул под кровать, желая удостовериться, что кроме винтовки у него другого оружия нет, я спросил у него: “На кой черт они дали тебе винтовку, неужели, в крайнем случае, нельзя было дать ‘Наган’ или еще что-либо?” На это Мамичев (фамилия курьера) ответил мне, что другого оружия нет, а винтовка была предусмотрена по данной ему легенде для продвижения в тылу частей Красной армии.

После этого я сразу набросился на него: “Где тебя так долго носили черти? Мне сообщили из разведки, что ты будешь у меня утром, а сейчас уже 12 часов. Я уже думал, что тебя где-нибудь сцапали. Ну, рассказывай, когда тебя выбросили?” — обратился я к Мамичеву.

“Видишь ли, — начал он мне говорить, — вылетели мы со Смоленского аэродрома в ночь под 24-е, примерно в 20 часов вечера, пролетев некоторое время, наш самолет возвратился обратно на аэродром, в связи с какой-то поломкой в моторе. Сразу же нас посадили на второй и около 2-х часов ночи выбросили в районе с. Жердена (что в 4-х км юго-восточнее с. В[ерхний] Любаж)”.

— “Ну, что привез?” — обратился я снова к нему. Мамичев как-то виновато замялся и начал рассказывать, что во время выброски пакет, предназначенный для меня как радиста, был привязан к его напарнику. Во время самого прыжка летчики забыли прицепить к нему грузовой парашют, в результате чего груз оборвался, и сколько они его утром ни искали, найти не смогли, вот, собственно, почему я так поздно и пришел к тебе, — закончил он свой рассказ.

Услыхав этот рассказ, я сделал вид, что сильно возмущен пропажей пакета, и обложив его несколько раз матом, сказал: “На кой черт вы мне оба нужны? Ведь я просил, чтобы мне прислали только пакет, а не ходяков. Они (подразумевая немцев) думают, что здесь нашего брата принимают с распростертыми объятиями. Что я буду здесь с вами делать? Питания для рации у меня нет, денег и документов тоже, мне жить надоело, что ли, а тут еще вас прислали на мою голову. Вот, сволочи, — начал я ругать немцев. — Сколько ни работай, никакого тебе внимания. Мало того, чтобы помочь в работе, так они прислали двух каких-то баранов, которые даже пустякового пакета не смогли доставить по назначению”.

На это Мамичев начал оправдываться, говоря: “Слушай, Миша, ведь это от нас не зависит. Во всем виноват этот м... — летчик, который нас подготавливал к прыжку. Ты знаешь, когда напарник выбросился с самолета, то его чуть не разорвало пополам. Во время раскрытия парашюта его так сильно дернуло вверх, в это время он выпустил из рук пакет, который рвануло вниз. Ему сильно поцарапало шею и руку”.

Генрих Гиммлер
(в центре),
рейхсфюрер СС.
Фотография
из фондов
ЦА ФСБ России

Рейнхард Гейдрих,
начальник Главного
управления РСХА,
обергруппенфюрер СС
и генерал полиции

Муссолини и Гитлер. Берлин, сентябрь 1937.
Фотография из фондов ЦА ФСБ России

Александр Целлариус (второй справа), фрегаттен-капитан (капитан 2-го ранга),
руководитель «Абвернебенштелле-Ревал» в группе немецких и финских офицеров. 1943.
Фотография из фондов ЦА ФСБ России

Эрвин Тун фон Хоэнштайн (*второй слева*), ротмистр. С июня 1942 по март 1943 г. командовал абвергруппами 207, 209 и 211 на советско-германском фронте.
Фотография из фондов ЦА ФСБ России

Командир 141-й резервной дивизии генерал-лейтенант Гейнц Гельмих перед строем «восточных добровольцев».
Фотография из немецкого пропагандистского журнала «Сигнал», 1943

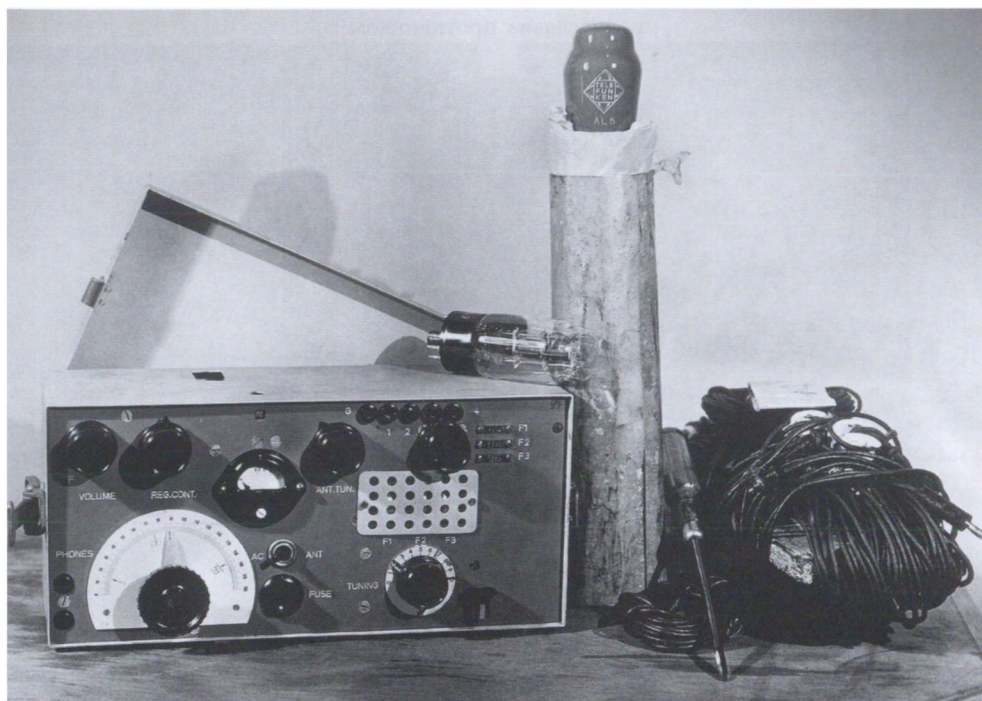
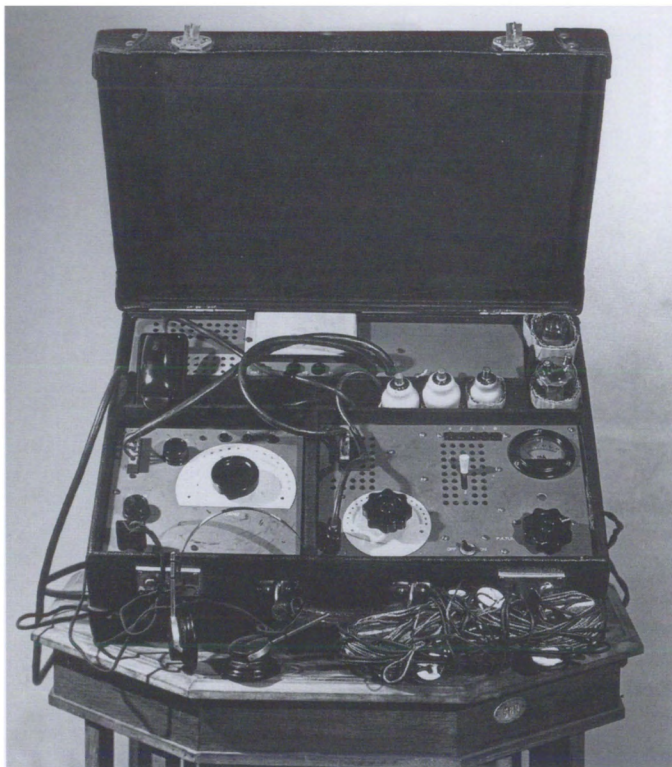

Виктор Абакумов (*крайний справа*),
начальник ГУКР «Смерш»
НКО СССР, генерал-полковник.
1945

Дмитрий Тарасов, начальник
2-го отделения 3-го отдела
ГУКР «Смерш» НКО СССР,
подполковник. 1944

Портативные радиопередатчики, которыми снабжала своих агентов германская военная разведка

Советский разведчик Александр Демьянов («Гейне») во время сеанса радиосвязи с противником

Перевербованный советской контрразведкой агент-радиист противника проводит сеанс радиосвязи с центром во время радиодрамы «Монастырь – Курьеры»

Агент-связник германской военной разведки в Москве на улице Баумана (оперативная съемка)

Немецкий военнопленный подполковник (позднее — полковник) Генрих Шерхорн. Легендирован советской контрразведкой в качестве командира «части Шерхорна» в ходе операции «Березино»

Немецкий военнопленный подполковник Ганс Клаус Михаэлис. Легендирован советской контрразведкой в качестве командира одной из групп «части Шерхорна» в ходе операции «Березино»

Советская зенитчица
со спаренным пулеметом
на площадке
«части Шерхорна»

Остатки
самолета
«Юнкерс-290»

Оружие, портативная радиостанция, смонтированная в чемодане, изъятые у разведчиков-диверсантов в ходе радиоигры «Южная»

Экипировка, деньги, оружие и снаряжение, изъятые у разведывательно-диверсионных групп финской и немецкой военной разведок, брошенных противником на территорию Карелии

Фиктивные документы, деньги, оружие и награды, изъятые у агентов-связников германской военной разведки в ходе операции «Монастырь – Курьеры»

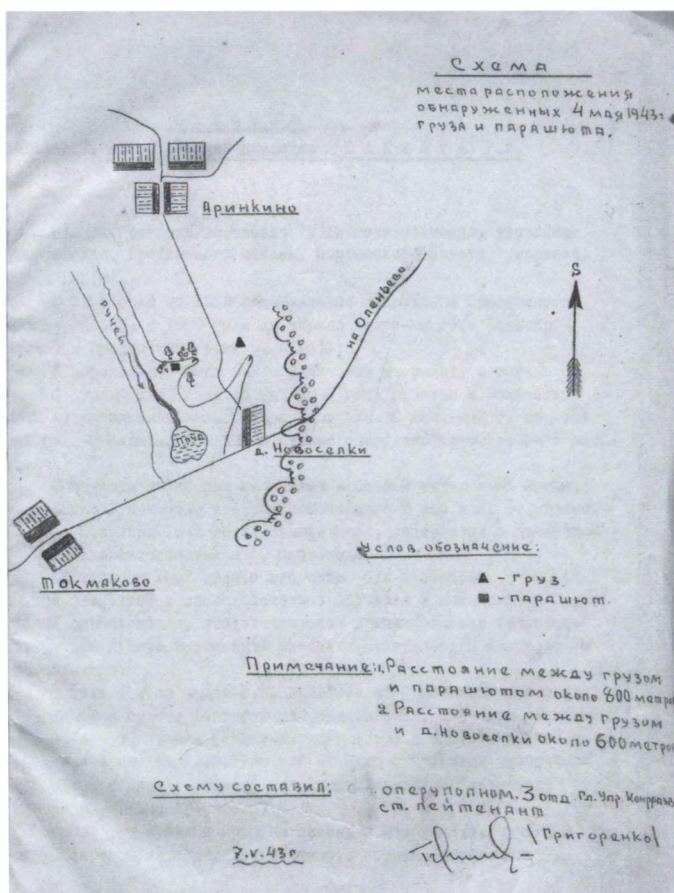
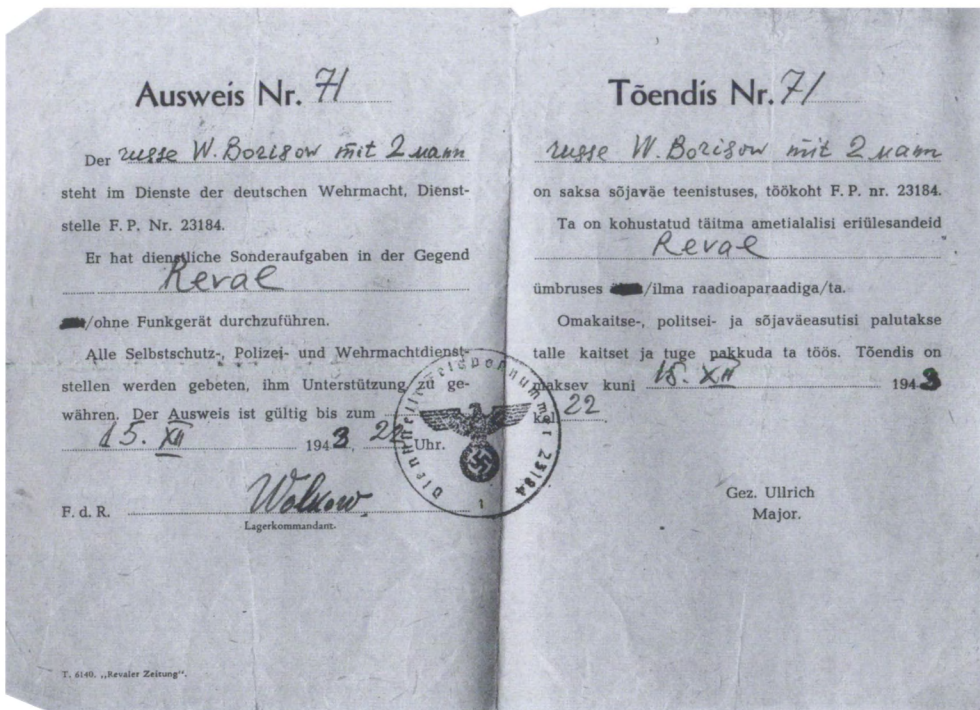

Схема места расположения обнаруженных 4 мая 1943 г. груза и парашюта. На документе автограф оперуполномоченного 3-го отдела ГУКР «Смерш» старшего лейтенанта Г.Ф. Григоренко

Фиктивное удостоверение, выданное германской военной разведкой на имя лейтенанта Н.П. Борисова, фронтового корреспондента газеты «Боевой путь»

Немецкая разведывательно-диверсионная группа противника перед вылетом в советский тыл (радиоигра «Десант»)

Один из контейнеров («грузобомба»), посредством выброски которых с парашютом осуществлялось снабжение агентов германской разведки в советском тылу во время радиоигры «Опыт»

Агент «Цеппелин-Норд» П. Шило (Таврин) возле мишени с профилем Сталина

Труп немецкого агента-связника, разбившегося при неудачном приземлении

Обломки военно-транспортного самолета «Арадо-232», на котором П. Шило (Таврин) с Л. Тавриной пересекли линию фронта

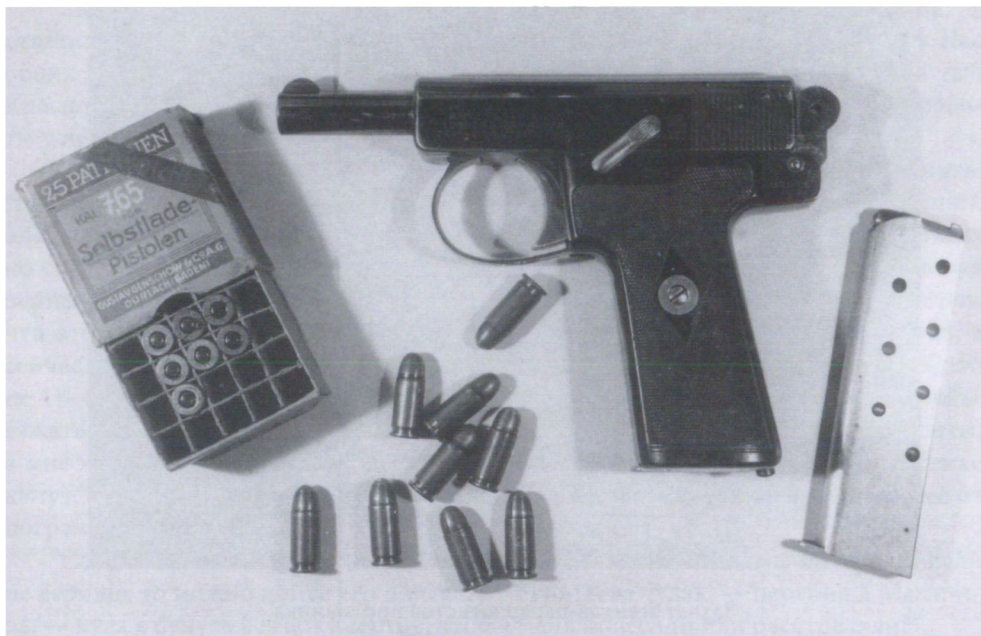

Карта, изъятая у пленных немецких летчиков экипажа самолета «Арадо».
На карте черным карандашом обозначено место посадки самолета

Пистолет марки «Парабеллум», которым был снабжен П. Шило (Таврин)

Пистолет марки «Парабеллум», которым был снабжен П. Шило (Таврин)

Ручной гранатомет «Панцеркнакке», которым был снабжен П. Шило (Таврин) для проведения террористического акта в отношении советских руководителей

Захват агентов-парашютистов противника

Проведение сеанса связи с радиоцентром противника
во время радиопрограммы «Янус»

“Ты, наверное, первый раз на этой стороне, — спросил я у Мамичева”. “Да, — ответил он мне”. “А твой напарник?” — “Он тоже никогда в разведке не был. Нас обоих вызвал к себе зондерфюрер школы и заявил, что оба вы полетите в тыл Красной армии, где поможете нашему радисту, ибо он там находится один, а работы у него много”.

Услыхав это, я опять начал делать вид, что нервничаю, и стал ему говорить: “Ну, пойми, Мамичев, мое положение. Денег и документов у нас с Гришкой нет, показывать свой нос дальше этого паршивого села нельзя, ибо тебя моментально сцапают. Питание к рации у меня тоже на исходе, а тут еще вас двое. Это же верный провал. Сидеть в этом селе долго нельзя. И так бабы мне уже говорят, что это вы не на фронте. Приходится отбrehиваться, что были в госпитале, а сейчас ожидаем своих товарищей, чтобы потом идти с ними в часть. Знаешь, это не 41–42 год, когда Красная армия драпала и можно было хоть на машине разъезжать в тылу. Теперь чуть ли не на каждом перекрестке спрашивают документы, а мне жить еще не надоело. Здесь у меня семья. Если меня поймают, то и семье капут. Вот я Гришку посылал пару дней назад в г. Фатеж, так он еле ноги унес от пограничников”.

“Слушай, Миша, ты, особенно, не унывай. Пакет, правда, мы потеряли. Если не веришь, то можно пойти его поискать”. “Что ты за чудак, — перебил я Мамичева, — куда я сунусь без документов, чтобы меня повесили или расстреляли?”

“Подожди, — сказал Мамичев, — пакета нет, но бланки документов напарник имеет при себе. Кроме того, у нас есть много денег. Так, что на первое время хватит, а там ты “постучи”, они мне пришлют. Что же касается нас, то с тобой останется один. Я же имею задание — взять от тебя имеющиеся материалы, после чего возвращусь обратно. Все же втроем вам будет легче”.

“Ну, что ж, Гриша, — обратился я к сидевшему здесь же бойцу. — Давай, наверное, закопаем рацию и пойдем к своим. За четыре месяца работы мы же имеем право хоть немного отдохнуть?” Услыхав, что мы уже четыре месяца работаем в тылу, Мамичев, посмотрев на нас, с уважением сказал: “Ты имеешь полное право на отдых, тебе дадут денег и пошлют куда-нибудь на хорошую работу, это будет самое лучшее”.

“Ты где обучался и сам откуда родом?” — спросил я Мамичева.

“Учился я в Борисовской разведшколе, а уроженец со Смоленской области. Там у меня есть мать и брат, а отец с 1941 года в Красной армии”, — ответил тот.

“Ну, хорошо, нужно этот вопрос решить сегодня же. Где ты оставил своего напарника?” — спросил я у Мамичева. “Он сидит около стога, примерно в двух километрах северо-восточнее села. Мы с ним договорились, что я пойду, найду тебя и приведу к нему”, — сказал Мамичев.

“Вот что, пошли к напарнику, там будет видно, что нам делать”.

Преследуя своей целью захватить и второго агента, я принял решение Мамичева не арестовывать сразу, а продлив эту комедию, арестовать сразу обоих. Одновременно интересуясь о наличии оружия у напарника, я спросил невзначай у Мамичева, “а второму чудаку тоже, наверное, дали винтовку, как и тебе. Вот хотя бы привезли нам патронов, а то у меня и Гришки осталось по одному патрону. Если что случится, так хоть пальцем отстреливайся”.

“Нет, у него наган”, — ответил Мамичев.

“Винтовку брать не нужно, — сказал я Мамичеву, — меньше будет подозрений. Правда, в селе за исключением капитана-летчика и двух бойцов больше никого нет”.

“А что это за люди?” — спросил Мамичев.

“Это раненные после госпиталя, они получили отпуска, но, поскольку домой ехать далеко, они решили отдохнуть в этом селе. Я тоже с Гришкой живем как выздоравливающие, так что опасаться чего-либо не стоит, за это я отвечаю”.

Выйдя вместе с бойцом и Мамичевым из дому, я увидел ст[аршего] опер[ативного] уполномоченного Сивенкова и двух бойцов, которые согласно плана обеспечивали дом снаружи на всякий случай. Дабы рассеять какие-либо подозрения у Мамичева появлением этих людей я, обратился к Сивенкову с вопросом: “Ну как, т[оварищ] капитан, скоро на фронт? Я сегодня или завтра ухожу. Мои товарищи подошли, и мы скоро будем двигать”.

Выйдя втроем за село, мы направились по указанию Мамичева к скирде, где ожидал второй курьер его возвращения. Не доходя несколько сот метров к месту, я увидел идущих сзади группу бойцов. Для создания видимости осторожности, я предложил Мамичеву и Гришке сесть у края дороги и начать переобувание, пока пройдут бойцы, и уже после этого идти к напарнику. Мамичев эти мероприятия одобрил, заявив: “Ты прав, предосторожность всегда нужна”. А вот твой напарник как сторож в огороде, хотя бы спрятался за стог”, — сказал я ему, указывая на маячившую голову около стога. “Ну, видишь, он на этой стороне первый раз, поэтому так и ведет себя”, — ответил тот.

Когда прошли бойцы, я прямо направился к стогу, где сидел курьер. Не доходя примерно метров 5 к нему и обложив его, с места в карьер, солидной порцией мата, заявил ему: “Что ты сидишь как пугало в огороде? Тебя за километр видно. Ты думаешь, что находишься у тещи в гостях, или тебе жить надоело? Сейчас же залезь под стог, чтобы тебя не было видно”.

Сидевший под стогом разведчик, не ожидавший, вероятно, такой вступительной речи, опешил и, как-то замаявшись, залез под солому. Сразу же мы сели, а я, как человек, имеющий опыт, предложил Гришке наблюдать по сторонам, после чего начал с места в карьер: “Так, значит, прибыли. Что нового? Будем знакомы! Я радист Шадрин, а это мой напарник Гришка”.

“Да, мне так и говорили в школе, что мы должны связаться с радистом по фамилии Шадрин, — сказал агент. — Меня можно звать Ванька, фамилия моя Баранов. Только я не пойму, что же они мне говорили, что ты работаешь один и что тебе нужна помощь”.

“Да, это правда, я им передавал, что нахожусь один. Гришка и другой напарник пошли на задание и долго не возвращались. Вот почему я просил прислать мне человека. Вернулся он недавно, а второй где-то пропал”, — сказал я.

“Как пропал, — спросил Баранов, — наверное скурвился”. “Черт его знает, — ответил я. — Наша работа такая, пойдешь и не знаешь, что с тобой будет. А у меня еще такое положение, ни документов, ни денег, сидишь и дрожишь за свою шкуру”.

Баранов, будучи немного выпивши, быстро освоившись с нами, похлопывая меня по плечу, сказал: “Ничего, Миша, не унывай. Документов я тебе привез целую кучу, какие хочешь и от любой армии. Будем с тобой такие номера колотить. Знаешь, я писать умею на три почерка. Правда, не особенно красиво, ну да ничего. Самое главное, это послать побольше им (подразумевая немцев) ценных материа-

лов, так они нам пришлют, чего ты захочешь”. После этого он достал из вещевого мешка небольшую сумку и показал мне пачку чистых бланков с печатью штабов армий, входящих в состав нашего фронта.

Просмотрев все это, я сказал Баранову: “Это все хорошо, но что я буду делать с рацией. Питания-то нет, и вы пришли, а пакет утеряли. Кой черт я с вами буду делать?”

“Брось, Мишка, на нас сердиться, разве мы в этом виноваты. Ты же знаешь, что мы хотели сделать как можно лучше, — ответил Баранов и, ругаясь нецензурными словами, сказал: Этот мудака, немец, когда предложил мне прыгать, то, вероятно, забыл прицепить грузовой парашют, и ты знаешь, меня чуть не разорвало пополам. Вверх дернул парашют, раскрывшийся в это время, а вниз — пакет. Вот он и оборвался. Смотри, — показал он мне ободранные руки и шею. — Мы его искали целое утро, но найти не смогли. А знаешь, каких там продуктов наложили тебе немцы”, — начал он рассказывать мне, смакуя.

“Что толку, что ты мне об этом болтаешь. Пакета-то нет, — сказал я. — Тебе хорошо рассказывать, а мы с Гришкой питаемся на подножном корму. Что бабы дадут, то и шамаем. У вас там нечего пожрать, а то я с утра еще ничего не ел”.

Баранов сразу засуетился, роясь в мешке: “Мишка, друг, для тебя я оставил немного водки, а вот сало и консервы, — сказал он, выкладывая все это мне. — Я вижу, что ты парень, с тобой не пропадешь, мы еще так работать будем, что немцы будут от нас без ума и будут нам слать, что им скажем”. “Нам еще в школе зондерфюрер, инструктируя перед выброской, заявил, что вы едете к хорошему парню. Он очень хорошо работает. Но сейчас он один, а работы много и он не справляется, так вы ему поможете”.

В процессе выпивки и закусывания Баранов все время возмущался — зачем его немцы послали ко мне, в то время как напарник у меня есть.

“Знаешь, что. Ты сможешь им передать, что мне делать. Я, наверное, тебе не нужен. А, вообще, смотри сам, — сказал он. — На меня можешь положиться. Я люблю так, если работать, то хорошо, а нет, то уйду опять к немцам. Ну и жизнь там, я тебе скажу. Ты не теряйся, что красные их сейчас гонят, это временное явление. Вот скоро они опять возьмутся так, что чертям тошно будет. Ты вот 4 месяца уже здесь работаешь и ничего не знаешь. Я тебе скажу. В тылу у немцев жизнь по большой*. Там все есть. Поработаешь как следует и поедешь отдыхать, будут деньги, бабы. Не жизнь, скажу тебе, а рай”.

“Ты думаешь, что здесь работа так, как у них, — отрезал я Баранова. — Вот, погоди, я тебя погоняю на задания, так ты узнаешь, что это значит. Чуть ли не на каждом шагу у тебя спрашивают документы и ты дрожишь, чтобы не вляпаться”.

“Ничего, не горюй, — ответил Баранов, смотря на меня с унижением. — Ты, я вижу, парень что надо. Только ты мне первое время помощи, а то знаешь, я человек новый в этом деле. Нужно только набить руку. Я тебе такие материалы буду собирать, успевай только передавать”.

“Ладно, там видно будет”, — ответил я.

“Ты не думай, что я треплюсь, — заявил Баранов, — меня так-то не возьмешь. Вот видишь, показывая на “Наган”. Пусть только попробуют взять, уложу сразу на месте. Ты же знаешь, я приехал работать, а не сдаваться. Хватит с меня то, что я уже имел”.

* Так в тексте.

“Вот, что ребята, — сказал я. — Мы с Гришей решили уходить к немцам. Я думаю, поскольку пакет вы не доставили, завтра утром поделить деньги и документы поровну, и в разные стороны. Встретимся на той стороне”.

“Смотри, нас прислали к тебе, — ответили мне Баранов и Мамичев, — решай сам. Тебе виднее”.

“А так, откровенно, скажите, гайка крутит с непривычки”, — спросил я у них.

“Брось ты плести ерунду. Мы же знали, за что беремся. Какой тут может быть разговор. Работать так работать. Ты только первое время учи нас, и будет все в порядке”, — сказал Баранов.

“А может, мы сделаем так, — сказал я. — Поскольку Мамичеву необходимо вернуться, мы заберем у него все деньги, дадим ему документ и пусть он идет, а мы останемся и подождем, что нам скажут, я завтра же передам, что вы прибыли и потеряли пакет”.

“Давай так, — сказал Баранов. — Это будет вернее всего. Если хочешь, то оставь меня с собой”. Сидевший рядом Мамичев одобрил эту мысль.

Желая показать разведчикам, что я действительно нахожусь без денег, я попросил, нет ли у них чего-либо курить? Оба бросились к своим мешкам, наперебой угощая меня махоркой. Баранов даже расчувствовался и дал мне и Гришке по сигаре, которые хранил на всякий случай. Мамичев, давая мне махорку, заявил: “Я все равно не курю, а пойду обратно и всю махорку отдам тебе”.

Поскольку завтрак подошел к концу, я решил прекратить эту игру и приступить к аресту разведчиков.

Учитывая их желание работать на немцев и возможное сопротивление Баранова, я решил их предварительно разделить, а потом уже разделаться поодиночке. С этой целью я внес следующее предложение разведчикам:

“Вот что, ребята. Давайте пойдем ко мне домой и там окончательно решим вопрос, как нам быть. Тем более что вам после ‘путешествия’ необходимо отдохнуть. Сейчас как раз подходящее время. Все на работе, и в селе одни дети. Только всем кагалом идти не будем, чтобы не так было подозрительно, сделаем так: Гришка пойдет с Мамичевым вперед, а мы с тобой, Ванька, позже, и будет порядок”.

“Я сразу определи, что с тобою не пропадешь, — ответил Баранов, — лишняя предосторожность никогда не мешает”. Когда Гришка и Мамичев исчезли из виду, я, показывая на “Наган”, сказал Баранову: “Эту штуку ты спрячь в карман, а кабур положи в противогаз, а то знаешь, будет подозрительно. Идет человек с госпиталя и с оружием”.

“Да, ты прав”, — ответил тот и в точности выполнил мое указание.

“Я не пойму только одного, чего ты сидишь в этом селе. Ведь ни шоссейной, ни ж[елезной] дороги тут нет. Откуда же можно брать сведения, сидя в такой дыре? — спросил меня Баранов. — Завтра же, как только свяжемся с ними (центром) и в зависимости от того, что скажут, отсюда уйдем. Нужно, чтобы была видна работа. Ты только вот что, устрой, чтобы на вечер был самогон и баба, а то, знаешь, я перед вылетом на задание почти месяц этого счастья не видел”. “Хорошо, это можно будет устроить, лишь бы были деньги”, — ответил я.

“Мне что-то не нравится твой напарник, — сказал я Баранову, — не продаст ли он нас”.

“Ну, нет, за него ты можешь быть спокоен, — ответил тот. — Правда, он немало побаивается, но мы от него избавимся. Пусть идет обратно к немцам. Я,

правда, не набиваюсь, но мне хочется с тобой поработать. Только ты делай так, чтобы Гришка на меня не обижался. Я парень такой, что скажут, то и буду делать”.

“Ты давно уже на той стороне”, — спросил я Баранова.

“С 41-го года, — ответил тот. — В районе Смоленска я вместе с дружкой бежал к ним, когда наша часть стояла в обороне. Да. Что мне советская власть. Я три раза был судим, находился в ссылке. Последний раз, работая на заводе № 18 г. Воронежа, меня за подделку документов осудили. И ты знаешь, продала баба. Эх, Мишка, и житуха была у немцев. Вот, поработаем и поедем отдохнуть”.

“А ты скажи, там в селе из контрразведки или НКВД никого нет, а то, знаешь, сразу нас наколят. Я этих б... знаю, сидел в НКВД”.

“Ну, что ты, Ванюша, плетешь, — сказал я Баранову. — Чтобы я сидел рядом с этими сволочами, или мне жить надоело? Я уж в этом деле как-нибудь разбираюсь. Сам видишь, залез в какую дыру”.

“Ты знаешь, Мишка, — сказал Баранов, — я просто доволен, что придется работать с таким парнем, как ты. За меня не беспокойся. Да, не знаешь, где стоит 70-я армия⁶⁵⁶. У меня выписан документ, что я служу в одной из ее частей”.

“Ты же и чудак, Ванька. Ведь фронт все время движется и давно ее уже здесь нет. Да не бойся, все будет в порядке”.

“А скажи, тут гражданских ‘сексотов’ нет? Я этих б... сразу раскусываю, знаешь, начнет тебя расспрашивать, — кто, да что, — вот и видно, что он хочет”.

Проходя уже по селу, Баранов заметил сидящего на завалинке мотоциклиста, приданного моей группе, и поинтересовался, кто это такой. Я ответил ему — “это один из отдыхающих бойцов, я с ним несколько раз беседовал, он не особенно поддерживает советскую власть”.

“А может, это тоже наш?” — спросил Баранов. “Не знаю”, — ответил я.

“А ты где работаешь?”

“В лесу, километра три отсюда, у меня есть землянка, там же стоит рация. Если нужно, я иду туда и работаю”.

“Это очень хорошо, — ответил тот, — а сейчас, — добавил он, — очень хочется отдохнуть, я так устал, что еле двигаю ногами”.

“Хорошо, Ванюша, — сейчас отдохнешь. Вот моя хата”, — сказал я, показывая на один из домов.

Поскольку в доме Кудрявцевой уже находился разведчик Мамичев, с Барановым я решил разделаться в другом доме, поэтому и повел его в соседний. Войдя в дом, я моментально выхватил из кармана Баранова “Наган” и, наставив на него свой пистолет, сказал ему: “Ну вот, игра закончена, руки вверх, сволочь!”

Тот, вероятно, ничего не сообразив, вытаращил на меня глаза, а потом, думая, что я шучу, сказал мне: “Брось, Мишка, шутить. Ты что, до сих пор думаешь, что я кто другой?”, но когда я сказал, что еще одно слово, и я его пристрелю, для пристрастки взвел курок, Баранов побледнел, крупные капли пота выступили у него на лбу, и, бормоча под нос: “Мишка, Мишка, брось шутить”, — опустился на лавку с поднятыми руками. Когда вошедший по моему сигналу боец спросил меня: “Товарищ капитан, связать ему руки?”, тогда он понял, что попал впросак.

Разделавшись с Барановым, я пошел в дом Кудрявцевой, где находился Мамичев. Войдя в комнату, я застал следующую картину: Мамичев босой, с ногами, сидел на диване и слушал, как Гришка врал ему о нашей работе в “тылу Красной армии”. Вынув пистолет и наставив его на Мамичева, я скомандовал: “Руки вверх

и не шевелись, а то пристрелю!» После этого предложения лицо Мамичева сделалось бледным, но, думая, что с ним шутят, виновато улыбаясь, оставался сидеть в прежней позе.

Тогда, подойдя к нему и взведя курок, я повторил свое приказание. После чего он дрожащим голосом стал говорить: “Ты что шутишь, Миша, или не узнаешь, я же тебе правильно сказал пароль”, но, видя, что это не помогает, постепенно бледнея, начал сползать на пол. Подоспевший боец связал его. И только через некоторое время, придя в себя, Мамичев долго повторял: “Вот так номер. Как же это могло получиться. Да, это работа и т.д.”

Вызванный мною ст[арший] оперуполномоченный т. Сивенков начал производить обыск. После оформления арестованные были посажены на грузовую автомашину и доставлены с завязанными глазами в Управление контрразведки “Смерш” фронта.

Начальник 2-го отд[еле]ния 2-го отдела Управления контрразведки “Смерш” Центрального фронта капитан Мурзин».

Причина, по которой на встречу с курьерами был направлен оперработник УКР «Смерш», а не агент «Николаев», объяснена в книге Д.П. Тарасова: «Нужно было выработать план по встрече с курьером и подготовить все необходимое для его успешного осуществления. Тот факт, что радист уже длительное время не общал никакой разведывательной информации, мог вызвать подозрение о его вынужденной работе под диктовку советской контрразведки.

С учетом этого обстоятельства было очень важно организовать встречу курьера с самим радистом, с тем, чтобы в откровенной беседе выяснить у курьера, не получал ли он каких-либо особых указаний, имеющих выяснить действительное положение радиоточки. Идеальным вариантом было бы разрешить встретиться с курьером лично радисту. Однако этот вариант, несмотря на безупречное поведение радиста, был категорически отвергнут руководством управления “Смерш” фронта. Не склонно было поддерживать его и руководство Главного управления “Смерш” из-за ранее имевшего место случая с Орловым⁶⁵⁷. В конце концов было решено, что роль радиста будет выполнять начальник отделения — капитан*, ведший игру.

— А если курьером окажется агент, лично знающий радиста, что тогда? — возмутился Барышников, говоря по “ВЧ” с начальником управления “Смерш” фронта.

— Не беспокойтесь, Владимир Яковлевич, оперработник не растеряется, найдет выход, в крайнем случае, скажет, что он завербован радистом.

— Ладно, пусть действует, но на всякий случай прикройте его надежно. — Это сделаем обязательно, Владимир Яковлевич, все будет в порядке.

Операция и в самом деле закончилась успешно»⁶⁵⁸.

27 августа во время очередного сеанса связи противнику передали радиограмму: «Посылки нет. За помощь деньгами, документами, товарищами благодарен. Как быть с питанием к рации. Ждем срочно совета». 29 августа из «Сатурна» передали распоряжение: «Второй курьер должен немедленно вернуться к нам и поехать с новым пакетом. Сообщите, когда и куда выехал». В тот же день во время дневного сеанса связи (13.37) в центр сообщили: «28.VIII. Мамичев с военными сведениями направлен к вам, как вы хотели, меняю квартиру. Двигаюсь с товари-

* Начальник 2-го отделения 2-го отдела УКР «Смерш» Центрального фронта капитан М.И. Мурзин.

щем на юго-запад, с нового места сообщим новости». 9 и 10 сентября радиоцентр противника в эфире обнаружить не удалось.

С 10-х чисел сентября 1943 года в германский разведцентр стала активно передаваться военная дезинформация, подготовленная Разведывательным управлением ГШ КА. Передача санкционировалась лично начальником Разведупра — генерал-лейтенантом Ф.Ф. Кузнецовым. С этого времени по радиоточке «Опыт» противнику стали активно передавать дезинформацию о перемещениях войск и техники в районе Курска.

11 сентября во время сеанса связи в центр радировали: «Напарник пошел установить передвижение войск. 8.IX. лично видел движение автомашин с противотанковыми пушками от Орла на Курск». 12 сентября — новое сообщение о воинских перевозках в районе Курска: «Из Курска в сторону Орла 3.IX. проследовали три эшелона, из них два с военными, артиллерией крупного калибра и груженными автомашинами. Один эшелон 38 цистерн [с] горючим». 13 сентября передали очередную дезинформацию в «Сатурн»: «8 сентября из Курска на Москву прошел эшелон 32 вагона, вагоны пломбированные. На тамбурах отдельных вагонов стояли часовые». На следующий день центр в эфире обнаружить не удалось.

15 сентября состоялся сеанс связи с центром: «Новое место подобрал. Напарник ушел по заданию. 9.IX. видел по дороге от Фатежа в сторону Орла прошли 135 американских автомашин с боеприпасами. Солдаты говорили, что едут в Москву. Питание рации падает. Могу остаться без связи». В ответной радиограмме центр поставил новое задание: «1. “Вы должны лучше наблюдать и больше сообщать. Мы знаем, что в вашем районе происходит движение войск. Постарайтесь узнать, куда переброшена 2-я танковая армия⁶⁵⁹ и 3-я гвардейская танковая армия⁶⁶⁰”. 2. “Мы хотим вас отметить, но сначала дайте нам хорошее сообщение. Почему не сообщаете о погоде”». 17 сентября противнику передали только сводку погоды.

19 сентября и 21 сентября передали «дезы»:

«1. “17 сентября из Курска в сторону Орла прошли три эшелона, два эшелона с танками, четыре с артиллерией, один состав с боевыми припасами. Красноармейцы хорошо вооружены, [в] большинстве своем автоматчики. По виду кадровые войска. Настроение приподнятое”; 2. “17 сентября по дороге от Дмитриева-Льговского прошли 65 автоколонн с солдатами и противотанковыми ружьями”».

23 сентября в «Сатурн» направили важную дезинформацию военного характера: «Вернувшись, напарник сообщил, что 11.IX по жел[езной] дороге в сторону Москвы проследовало 9 эшелонов с пехотой, 5 эшелонов с танками, два эшелона с горючим. Среди солдат, направляющихся в Москву, идет разговор о каком-то готовящемся [на] ближайших днях наступлении Красной армии в р-не Ст[арой] Руссы. Эти сведения проверяю. Напарника послал в разведку в р-н Орла».

Одновременно из центра пришла радиограмма, из которой следовало, что противник заинтересован в получении сведений о передислокации танковых армий:

«Вы должны следить за движением на дорогах и железных дорогах особенно ночью и результаты регулярно сообщайте. Установите, где 3-я гвардейская танковая армия и 2-я танковая армия. Прошли ли последнее время по вашей местности танковые единицы и [в] каком количестве. Давайте при каждой передаче известия о погоде. Привет».

26 сентября в центр передали дезинформацию о дислокации танковых армий:

«Из беседы с солдатами и офицерами выяснили, что части 2-й танковой армии и 3-й гвардейской танковой армии в первой половине сентября ушли через Москву на север. Разведку продолжаю». От противника получена радиограмма: «Ваши заявления от 18 сентября нас очень интересовали. Разузнайте дополнительно, не высаживаются ли вами виденные войсковые и боеприпасовые транспорты в направлении Москвы на другом фронте. Заявите нам, были ли эти войска, которые вам кажутся кадровыми, вообще уже в действии, кроме того, не контингенты ли это с Дальнего Востока. Наблюдайте и текущее заявляйте нам дальше. Приветствуем вас».

В действительности с конца сентября 1943 года войска Воронежского фронта (с конца октября — 1-й Украинский фронт) начали наступление на Киев. 24 октября 1943 года 3-я гвардейская танковая армия была переброшена на Лютежский плацдарм. Благодаря скрытности проведенных маневров противник не обнаружил перегруппировки войск Красной армии.

С 3 по 13 ноября 1943 года части и соединения Красной армии провели Киевскую наступательную операцию, в результате которой 6 ноября был освобожден Киев, 7 ноября — Фастов, 13 ноября — Житомир. Войска 7-го армейского корпуса вермахта остановили отход в 50 км южнее Киева.

28 сентября из центра получили радиограмму: «Ваше предложение перейти к линии фронта хорошее. Идите к железной дороге Брянск или оставайтесь на месте».

4 октября по ВЧ из Москвы для передачи противнику поступил следующий текст дезинформации:

«Для передачи 7.X.[19]43 г. “26 сентября имел разговор с двумя гвардейскими офицерами-танкистами, ехали с Нежина на Москву. Они говорили, что наступление Красной армии на центральных участках будет остановлено на Днепре, что, поэтому, часть сил отводится на отдых. Они же говорили, что скоро Красная армия должна прорвать оборону германской армии под Старой Руссой, чтобы взять Псков и отрезать ленинградскую группировку”».

8 октября в центр сообщили сведения, полученные от «вернувшегося с задания» разведчика: «Напарник с разведки возвратился и мне сообщил, что продвижение войск на Москву продолжается. С 20 по 25 сентября через Орел в сторону Москвы прошло 16 эшелонов [с] пехотой, 9 с танками, 8 с артиллерией легкой и тяжелой и 3 — [с] горючим. Из разговоров с солдатами, многие части побывали в боях. Сведения от рабочего-железнодорожника и личных наблюдений».

11 октября радировали в центр: «1. “26 сентября имел разговор с двумя офицерами-танкистами. Ехали с Нежина на Москву. Они говорили, что наступление Красной армии на центральных участках будет приостановлено на Днепре, что, поэтому, часть сил отводится на отдых. Они же говорили, что скоро Красная армия должна прорвать оборону германской армии под Старой Руссой, чтобы взять Псков и отрезать ленинградскую группировку”. 2. “Питание к рации на исходе. Боясь остаться без связи. Скорее высылайте батареи”».

12 октября противнику передали две радиограммы: «1. “Из Курска на Москву 26 сентября проследовали 4 эшелона [с] гвардейской пехотой, 2 эшелона с танками, 1 состав с горючим. Наблюдал лично”. 2. “Напарника на 5 дней послал в разведку в район Брянска, возвратится через 3–4 дня. 29 сентября из Курска в сторону Воронежа проследовало 6 эшелонов с артиллерией, 3 эшелона пехоты, 2 состава с

боеприпасами. Из Воронежа на Курск прибыл порожняк и один состав со строительным материалом. Наблюдал лично»».

Внешне радиоигра продолжала успешно развиваться, однако 13 октября в справке майора М.И. Мурзина в Москву об очередном сеансе связи по радиоточке «Опыт» появляется фраза о том, что германская военная разведка поставила под сомнение преданность своего агента: «Необходимо отметить следующий факт в работе центра. После приема радиограмм центр заявил, что у него для нас есть еще одна и попросил нас обождать 15 минут для ее кодировки. По прошествии указанного времени при вызове нас центр текста передавать не стал, а потребовал сперва наших позывных, а потом условным знаком “Курск-Р-1” спросил, не работает ли “Николаев” по заданию НКВД, на что мы ответили, что нет. Характерно то, что, несмотря на неоднократную условленность работать утром, в 8 часов, центр в это время в эфире не появлялся».

16 октября начальник УКР «Смерш» ЦФ генерал-майор А.А. Вадис утвердил характеристику на агента «Николаева» и представление его к высокой награде за участие в операции «Опыт»: «Как агент, “Николаев” находчив, всесторонне развит, умеет хорошо ориентироваться в обстановке. За порученную работу болеет. В своей повседневной работе в первую очередь всегда ставит работу, а уж после этого — свою личную жизнь. В быту скромен <...> Считаю, что “Николаев” за свою работу вполне заслуживает представления к правительственной награде — ордену “Красная Звезда”».

Одновременно, с целью рассеять подозрения центра по отношению к агенту «Шадрину»-«Николаеву», в УКР «Смерш» предложили предпринять ряд мер, о которых 17 октября заместитель начальника управления полковник В.М. Косолапов доложил в Москву:

«За последнее время в работе разведцентра противника был отмечен ряд фактов, говорящих за то, что работу агента “Николаева” немцы ставят под сомнение, так, например, на протяжении ряда дней в утренние часы работы центр вообще в эфире отсутствовал. Отмечено стремление затянуть сеанс связи, создать видимость плохой слышимости, учащенные требования дать настройку, требования перейти на запасную волну. Ответы на передаваемые радиограммы задерживались. Кроме того, во время сеанса 12 октября центр прямо поставил вопрос перед “Николаевым”, не работает ли он по заданию НКВД. Учитывая, что “Николаевым” 16 октября с. г. центру была передана радиограмма о том, что события на фронте отразились на настроении напарника и тот поговаривает бросить работу, представился подходящий момент передать ранее утвержденный текст радиограммы: “Напарник систематически пьянствует, болтает среди окружающих лишнее, что грозит нашим провалом. Прошу указаний направить его к вам. Срочно шлите ответ”.

Дабы убедиться, что центр верит “Николаеву” и хочет ему помочь, на следующий сеансе, если от разведцентра не поступит каких-либо радиограмм, считаем необходимым передать в дополнение к запросу о высылке питания для рации следующий текст радиограммы: “Можно ли ожидать обещанную помощь. Если вы считаете мое требование* здесь не целесообразно, скажите, как быть”.

Если центр запросит адрес для высылки помощи “Николаеву”, чтобы создать видимость перед ним о своем желании продолжать работу, передаст немцам телеграмму следующего содержания: “При высылке курьера будет лучше, если вы при-

* Так в документе.

шлете девушку под видом медсестры. Наше совместное пребывание будет менее подозрительно для окружающих. Вышлите с ней бланки документов воинских частей 60-й⁶⁶¹ или 65-й армии⁶⁶², действующих в этом участке фронта”.

Прошу утвердить указанные тексты радиogramм, ибо передача их центру внесет полную ясность в целесообразность дальнейшего использования рации агента “Николаева” в общей дезинформационной сети». Санкция Москвы на проведение указанных в докладной записке мероприятий была вскоре получена, и «смершевцы» приступили к его поэтапной реализации.

21 октября в «Сатурн» радиовали о недисциплинированном поведении напарника: «Напарник систематически пьянствует, болтает среди окружающих лишнее, что грозит нашему провалу. Прошу указаний направить его к вам. Срочно шлите ответ». Одновременно из центра приняли два сообщения: «1. “Советуем перейти в р-н Брянск для наблюдения [за] всеми путями и дорогами сообщения. В новом районе найдите хорошее место для сброски пакета снабжения. С успехом. Кап[итан]”. 2. “Военсобытия на фронте мы предвидели. Стратегическому отступлению будет предел и на исход войны и победу над жидо-большевиками не повлияет. Не падайте духом. Новая Россия ваш труд оценит. Привет. Кап[итан]”».

24 октября по делу «Опыт» в ходе дневного сеанса в центр передали радиogramму о высылке напарника-девушки. В ответ противник приказал: «Пришлите напарника к нам на отдых и для нового задания. Когда вы придете на новый, указанный вам участок? Привет, Капитан».

О том, что военная дезинформация, переданная противнику по радиостанции «Опыт», достигла результата, необходимого командованию Красной армии, свидетельствует факт награждения агента, от имени которого велась радиоигра, правительственной наградой. 28 октября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «Николаев» «за успешную работу» был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

29 октября во время очередного сеанса связи в центр дали радиogramму: «Напарник вашему распоряжению не подчинился. Уговоры не помогли. Пришлось пристрелить. Обошлось без шума. Выезжаю в район Брянска. С нового места общу».

Вечером того же дня оперативная группа вместе с агентом «Николаевым» переместилась в район Брянска и расположилась на северо-восточной окраине села Теменичи. Опергруппу возглавил гвардии капитан Н.М. Сивенков. С этого времени к радиоигре «Опыт» подключились сотрудники Отдела контрразведки (ОКР) «Смерш» Орловского военного округа и ОКР «Смерш» Брянского гарнизона.

1 ноября с «нового места» радиовали: «Нахожусь северо-восточнее окраины села Деменичи в 16 км западнее Брянска в доме Ляховой Татьяны Васильевны. Сбросьте пакет в 2 км северо-западнее Деменичи. Сообщите дату сброски». Радиоигра «Опыт» получила новое направление — передача противнику дезинформационных сообщений о передвижении войск и грузов через Брянский железнодорожный узел.

5 ноября передали радиogramму, которая, по мнению «смершевцев», должна была заинтересовать противника: «Нахожусь [в] Брянске, познакомился с железнодорожником — Озеровым Николаем Сергеевичем. Был у него на квартире, в беседе узнал, что работает стрелочником, говорил мне, что два дня тому назад на

фронт прошла гвардейская танковая часть. Куда именно, не сказал. Думаю его использовать нашей работе».

8 ноября из «Сатурна» получили новое задание: «Готовим пакет для сброса [в] указанном месте. Сообщите сигнал. Выясните, восстанавливаются железнодорожные пути технически или людьми. Какие пути уже в действии».

10 ноября в центр передали «дезу»: «Из Москвы через Брянск в сторону Унечи⁶⁶³ прошло четыре эшелона: два — с горючим, один — с пехотой, один — с боеприпасами. Наблюдал лично 10 ноября 14 часов». На следующий день радиостанция «Опыт» вновь вышла в эфир. Противнику радиовали: «Сигнал буду давать двумя большими кострами. Других средств нет. Ваше задание понятно. Думаю привлечь железнодорожника. Соберу данные, сообщу. Спасибо за сообщение о посылке».

13 ноября в центр передали радиограмму: «12 ноября 1943 г. из Унечи в сторону Москвы прошли два эшелона с пехотой. Красноармейцы мне говорили, что едут с фронта на пополнение». 15 ноября — очередная порция дезинформации: «13 ноября из Москвы через Брянск в сторону фронта проследовало два эшелона: один с пехотой, другой — с артиллерией. В беседе офицер сказал, что их часть движется из Сибири».

19 ноября по радиостанции «Опыт» противнику передали: «Знакомый железнодорожник вчера рассказал, что ночью в сторону фронта проследовала танковая часть и два эшелона с пехотой. Ехали, как он сказал, сибиряки». В ответной радиограмме из «Сатурна» было получено подтверждение, что доверие к агенту «Шадрину» восстановлено: «Вы награждены за храбрость. Поздравляем и желаем дальнейшего успеха в совместной борьбе против большевистских жидов. Сколько времени вам нужно добраться до указанного места сброски, мы все приготовим. Привет».

21 ноября противнику выразили благодарность за награду: «Сердечно благодарю за награду и поздравления, буду работать, насколько хватит сил. Дайте скорее помощь. Завтра выеду к месту сброски [в] деревню Деменичи. Буду находиться у Ляховой Татьяны. Оттуда до места потребуется один час. Ждать буду с 23-го числа. Сообщите время. Привет».

23 ноября в центр передали радиограмму о продолжающейся переброске резервов на фронт: «20 ноября в сторону Унечи проследовало три эшелона, один с орудиями средних калибров, два сборных, на платформах машины, имущество, сани, 13 цистерн с горючим».

24-го сообщили метеосводку, а через день, 26 ноября, доложили о выполнении задания от 8 ноября: «Жел[езно]д[орожные] пути восстанавливаются специальными воинскими частями, которые снабжены техническим оборудованием и имеют поезда, мастерские. Выяснил у железнодорожника».

Переброска свежих воинских контингентов, боевой техники, вооружения, особенно в ночное время, а также интенсивные работы по восстановлению разрушенных железных дорог должны были убедить противника в том, что Красная армия зимой 1944 года готовится к крупному наступлению на центральном участке советско-германского фронта.

28 ноября из центра по радиостанции «Опыт» приняли радиограмму:

«Какими документами теперь пользуетесь, какие вам в ближайшее время нужны? Деньги вместе с питанием пришлем. Помимо двух костров, дайте два коротких сигнала один за другим фонарем, [с] промежутками 10 сек. Привет».

2 декабря противнику радировали: «Документами пользуюсь в зависимости от обстановки, больше всего — командировочными. Пришлите их больше. Сброску ускорьте. Привет». С 3 по 7 декабря связь с центром либо установить не удавалось, либо успевали передавать только сводки погоды.

7 декабря из центра пришла ответная радиограмма, объяснявшая отмену выхода в эфир в утренние часы: «Вследствие неудобных условий мы больше не передаем в 08 ч. по московскому времени. Передавайте в будущем всегда только в 13 ч. 30 м. Приветствуем вас».

12 декабря в центр направили радиограмму с просьбой ускорить выброску: «Долгое нахождение в этом пункте и ежедневное хождение в лес может вызвать подозрение. Прошу, ускорьте сброску и сообщите точно дату». На эту радиограмму противник ответил: «Улучшение погоды может ежедневно наступить, и сброску багажа немедленно произведем. Привет».

16 декабря из центра пришла радиограмма: «Вчера собрались произвести сброску, как вдруг метель помешала. При первой возможности повторим. До сброски слушайте нас ежедневно в 15-30 из-за погоды. Привет». На тексте радиограммы, принятой 3-м отделом ГУКР «Смерш» по ВЧ из Курска, резолюция: «т. Лебедеву. Об изменении времени т. Федотову сообщено. Д. Тарасов. 21/ХП-[19]43 г.».

19 декабря противнику передали: «Дальнейшее пребывание в этом селе становится невозможным. Кончатся документы. Ускорьте сброску, погода в районе сброски несколько дней подряд стоит хорошая». С 26 по 29 декабря сеансы связи не состоялись. Разведцентр противника вначале давал свои позывные, после чего заявлял, что не слышит корреспондента и на этом работу прекращал.

Наступил новый, 1944 год. Война приближалась к границам нацистской Германии. Ставка Верховного главнокомандования готовилась к решительной наступательной операции по разгрому группы армий «Центр». Тем временем противник по-прежнему доверял своему агенту, однако радиосвязь осуществлялась нерегулярно.

До 13 января в центр изредка удавалось передавать метеосводки. 13 января противнику направили две радиограммы: «1. “Через Брянск на восток большое движение порожняка. Объясняется тем, что по дороге Киров – Рославль – Кричев из-за большого движения войск и техники к фронту обратное движение поездов почти прекращено. Поезда с Кричева идут на восток в обход через Унеча – Брянск. Узнал от Озерова”. 2. “Выезжаю к месту сброски. Жду еще несколько дней, дальше оставаться там не могу”».

Сброска произошла ровно через три месяца — 28 февраля 1944 года. На следующий день по радиостанции «Опыт» в центр передали «благодарность» за переданную помощь: «Багаж один баллон нашел на 2-й день после пролета самолета. За документы, батареи, деньги с обмундированием благодарю. Буду продолжать работу. Привет». Ответ получили 3 марта: «Рады, что сброска удалась. Наблюдайте и сообщайте без перерыва движение по шоссе и железным дорогам. Надеемся на вашу смелость и находчивость. Ваше место теперь очень важно. Привет».

4 марта в центр бодро радировали: «Указания понял, работу не брошу. Очередная связь через 4–5 дней. Переехал в город, устраиваю личные дела».

«Смершевцы» заботились не только о самом агенте «Николаеве», от имени которого проводилась радиоигра, но и о его семье. 11 марта 1944 года начальник

2-го отделения 2-го отдела УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта (бывший Центральный фронт) майор М.И. Мурзин направил на имя начальника 2-го отдела подполковника Дубровина рапорт о выдаче денежного вознаграждения: «Просматривая поступающие в адрес нашего агента “Николаева” от его семьи документы, мне стало известно, что последняя материально очень нуждается. Работая по нашему заданию, “Николаев” исключительно честно относится к порученной ему работе, и, как результат этого, было задержано 3 курьера Борисовской разведшколы, а также произведена сброска немцами в феврале месяце с. г. пакета с продовольствием, одеждой, крупной суммой денег (100 000 рублей) и т.д. В целях поощрения, а также оказания материальной помощи его семье, прошу Вашего ходатайства перед начальником Управления контрразведки “Смерш” 1-го Белорусского фронта генерал-майором товарищем Вадис[ом] санкционировать выдачу ему вознаграждения в сумме 3000 рублей, которые перевести его жене».

На документе резолюция: «Выдачу 3000 рублей санкционирую. А. Вадис. 11.3.[19]44 г.». 25 марта деньги были переведены в адрес жены «Николаева».

21 марта в центр передали успокаивающее сообщение: «Движение по жел[езным] дорогам во всех направлениях через Брянск сейчас умеренное. Войск идет мало, в основном перевозят боеприпасы, вооружение, строительный материал, продовольствие и разные грузы. Железнодорожнику дал задание контролировать дорогу на Навлю. Сам наблюдаю направление Унеча».

После этого до 14 мая 1944 года противнику передавалась военная дезинформация о движении воинских эшелонов через Брянский железнодорожный узел. По плану намечалось легендировать создание «Николаевым» в Брянске активной резидентуры и на этой базе добиться вызова от противника квалифицированной агентуры (в помощь «Николаеву») и большого количества денежных средств. Однако развить дальше эту легенду и провести очередную комбинацию не удалось, так как после 14 мая 1944 года радиосвязь по неизвестным причинам резко ухудшилась, а спустя некоторое время прекратилась совершенно.

Предпринятые «Смершем» активные меры для налаживания радиосвязи положительных результатов не дали. Противник радиоточку «Опыт» по-прежнему не слышал, а с августа месяца 1944 года вызовы «Николаева» прекратил.

* * *

О значении операции «Опыт» ветеран советской военной контрразведки Д.П. Тарасов написал: «Показательной в этом отношении является радиоигра, начатая в мае 1943 года на Центральном фронте под условным названием “Опыт”. Передачи велись от имени трех агентов германской разведки, заброшенных в расположение штабов и оборонительных сооружений в тылах фронта, а также в расположение частей Советской армии с заданием выяснить в районах Щигры, Касторное, Курск, Львов* и прилегающих к ним пунктах места сосредоточения советских войск и техники, фамилии командиров, состояние транспортных путей и мостов, добыть сведения о передвижении воинских частей... Район действия агентов представлял для советской стороны исключительно важное значение, так как по указанию Генерального штаба ранее по десяти радиоточкам, работавшим под контролем советской разведки в близлежащих пунктах, немецкой разведке была передана дезинформация, имевшая целью скрыть готовившееся наступление со-

* Так тексте, правильно — Льгов.

ветских войск на Курской дуге. Задача радиоигры “Опыт” поэтому была очень ответственной. Она заключалась в том, чтобы агенты, выброшенные непосредственно в район Курской дуги, подтвердили правильность переданных по другим каналам дезинформационных данных»⁶⁶⁴.

За период радиоигры «Опыт» передано 92 радиogramмы, от противника получена 51. На подставленные адреса вызвано три агента-курьера (все арестованы) и один раз получена посылка, сброшенная с самолета на парашюте. У курьеров и в посылке обнаружены 271 000 рублей, три револьвера системы «Наган» с боеприпасами, два комплекта батарей для радиостанции и др.

«UNTERNEHMEN “JOSEPH”» И ОПЕРАЦИЯ «ЗАГАДКА»

В ночь на 19 июня 1943 года линию фронта на большой высоте пересек «Хенкель-111» без опознавательных знаков и углубился на советскую территорию. В районе Егорьевска Московской области с самолета были сброшены на парашютах два агента германской разведки. Так началась активная фаза операции «Unternehmen “Joseph”» («Предприятие “Иосиф”»), подготовленной «Цеппелин-Норд» — одним из филиалов разведоргана «Предприятие “Цеппелин”» VI Управления РСХА (VI Ц/З). Однако амбициозным планам противника не суждено было сбыться.

Ранним утром 20 июня 1943 года в Егорьевский РО НКВД Московской области пришел мужчина. Он заявил удивленному дежурному, что является зафронтовым разведчиком Особого отдела Северо-Западного фронта «Северовым», внедрившимся в германскую разведку, и что вместе с напарником «Бойцовым» заброшен немцами на парашютах в тыл Красной армии для выполнения спецзадания.

«Северов» и «Бойцов» немедленно были доставлены в Москву в распоряжение Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР. Бывшие германские агенты рассказали, что руководством «Цеппелина» им была поставлена задача: осесть в Москве, разыскать и завербовать ответственного работника НКПС «Колесникова», дальнего родственника «Северова», и через него собирать подробные данные о железнодорожном транспорте СССР, информировать по радиации о политическом и экономическом положении в стране, о настроениях среди различных групп населения, о состоянии промышленных предприятий Москвы и выпускаемой ими продукции.

Кроме того, «Северов» и «Бойцов» сообщили подробные сведения о германской военной разведке и СД, их структуре, официальном составе, а также дали данные на 133 агентов, подготовленных немцами для заброски в советский тыл, и передали 18 фотографий официальных сотрудников «Цеппелина», девять оттисков печатей и штампов, используемых немцами, образцы подписей руководящих сотрудников и т.п.

Из справки на агента «Северова»: «В ноябре 1941 г. “Северов”, будучи агентом разведывательного отдела Ленинградского фронта, был выброшен с парашютом в тыл противника, где вследствие полученного ранения при приземлении был захвачен немцами, а затем завербован для разведывательной работы против партизан. Получив задание от немцев, “Северов” в марте 1942 г. явился в партизанский отряд, где заявил, что он специально послан немцами в партизанский отряд с разведывательным заданием. После доставки в бывший Особый отдел НКВД Северо-Западного фронта он был перевербован и переброшен на сторону противника, с

заданием внедриться в органы германской разведки. Выполняя это задание, «Северов» внедрился в органы германской разведки, завербовал кадрового немецкого разведчика «Бойцова», вместе с которым они с парашютами были выброшены на нашу территорию и явились в органы «Смерш».

О том, как «Северову» удалось перевербовать сотрудника германской разведки Юрьева («Бойцова»), сообщалось в его рапорте о пребывании в тылу противника:

«...Находясь еще в диверсионной школе в Вяцати⁶⁶⁵ и присматриваясь к Юрьеву, я решил заняться его обработкой и, если она будет успешной, попытаться его завербовать.

Юрьев являлся кадровым немецким разведчиком, выполнявшим ответственные задания, но в силу того, что он не был чистокровным немцем, руководство немецкой разведки держало его в «черном теле» и не переводило в официальные сотрудники. Это сильно отражалось на настроениях Юрьева, он неоднократно высказывал недовольство немцами. Для начала обработки я старался расположить Юрьева к себе, что мне удалось.

Изучив характер Юрьева и зная его биографию, я стал постепенно подчинять его своему влиянию. Обработка Юрьева длилась несколько месяцев.

Основной моей задачей было убедить Юрьева в неправильности национал-социалистических идей, горячим сторонником которых он являлся и считал, что борется за лучшее будущее России и «новую Европу». С этой целью под предлогом желания изучить «Майн Кампф» я заставлял Юрьева объяснить мне основные положения гитлеровских идей и подвергал их тут же резкой критике.

Юрьев вначале яростно защищал эти идеи, но мне в конечном итоге удалось разуверить его и вызвать у него враждебное отношение к гитлеризму. Одновременно с этим я рассказал ему о советском строе и терпеливо разбивал его неправильные взгляды на советскую действительность, которые являлись результатом гитлеровской пропаганды.

Вместе с тем мною использовался каждый удобный случай для того, чтобы показать Юрьеву советскую разведку с положительной стороны, подчеркивая ее сильные стороны.

Зная о том, что Юрьев возмущается отрицательными сторонами работы германской разведки и недоволен тем положением, что его не продвигают по работе, я при каждом удобном случае старался указать ему на бесперспективность работы с немцами, на то, что немцы не ценят его и не считают равным себе.

В результате ежедневной, систематической обработки Юрьева он изменил свои взгляды и стал враждебно относиться к немцам, лично предложил мне начать совместную работу против немцев, но я вначале отклонил его предложение, попросив тщательно продумать этот вопрос.

После настойчивых предложений Юрьева о работе против немцев я согласился и только тогда открылся перед ним и сообщил, что являюсь агентом советской разведки».

В апреле 1943 года, не имея связи с советской контрразведкой, «Северов» предложил завербованному им агенту «Бойцову» рассказать начальнику разведывательной команды «Цеппелин» Мартину Курмису⁶⁶⁶ о своем двоюродном брате «Колесникове», работавшем ответственным сотрудником НКПС, с тем, чтобы вызвать интерес у немецкой разведки возможностью его вербовки.

Курмис заинтересовался предложением «Северова» и предложил написать биографию «Колесникова» и разработать совместно с «Бойцовым» план его вербовки. «Северов» охарактеризовал немцам «Колесникова» как человека, якобы недовольного советской властью, который, будучи в служебной командировке в Америке, имел намерение не возвращаться в Советский Союз.

Вскоре судьба Курмиса резко изменилась, к операции «Иосиф» он больше отношения не имел. О дальнейшей судьбе оберштурмфюрера СС Мартина Курмиса интересную подробность приводит историк К.К. Семенов: «Следующую группу в Иран уже отправлял непосредственно Скорцени, хотя позже он скромно и с обидой напишет, что “ограничился подготовкой оперативных групп, так, руководство операцией ‘Франц’ поручили доктору Грефе”. Доктор Грефе являлся штурмбанфюрером СС и начальником организации “Цепелин”. Группа оберштурмфюрера СС Мартина Курмиса была выброшена 17 августа (1943 года. — *Авт.*) на юге Ирана в провинции Фарс, где находились отряды мятежных кашкайцев. На следующий день в этом же районе были выброшены контейнеры с подарками для хана. 15 октября группа Курмиса последний раз связались с Берлином — диверсантам передали, что с их семьями все в порядке и что в течение месяца им доставят пулеметы и противотанковые средства. Спустя некоторое время Насыр-хан выдал немецких диверсантов англичанам в обмен на мир. Несмотря на провал операции, немцы еще несколько раз посылали диверсантов в Иран — в сентябре и ноябре 1943 года»⁶⁶⁷.

В мае 1943 года «Северов» и «Бойцов» были вызваны в Берлин, в отдел VI C/Z для окончательной разработки представленного ими плана. Тогда же «Северова» и «Бойцова» поместили в специальную школу радистов СД в г. Лениц, где они прошли подготовку по радио- и шифровальному делу.

Еще более удивительной оказалась биография другого агента, который и сыграл главную роль в успехе ответной операции советской контрразведки. Из справки на агента «Бойцова»: «Агент “Бойцов”, 1922 г. рождения, уроженец г. Либавы Латвийской ССР. Немец. Моряк торгового флота. До 1938 г. учился в немецкой школе, состоял в “Союзе немецкой молодежи Латвии”. В 1941 г. был репатриирован из Латвии в Германию. С 1940 г. являлся агентом германской разведки Латвии. Окончил германскую разведшколу в г. Мунки-Ниemi (недалеко от Хельсинки; Финляндия). Лично был знаком с адмиралом Канарисом. В начале войны с СССР дважды перебрасывался в советский тыл в составе диверсионных групп в район Мурманской железной дороги. В декабре 1941 г. переведен в “Бюро Целлариуса”, а оттуда в группу зондерфюрера Бушмана⁶⁶⁸ “Зондерзатц-Ленинград” (цель — захват особо важных документов, прежде всего, органов безопасности). В связи с провалом планов захвата Ленинграда, группу Бушмана перевели в Таллин. Инспектировал германские разведшколы. В 1942 г. в одной из германских разведшкол познакомился с советским зафронтовым агентом “Северовым” и был перевербован для разведывательной работы в пользу советской контрразведки».

В ходе допроса «Бойцов» также дал подробные сведения о руководителях германских разведорганов, с которыми он встречался во время службы в абвере и СД.

В частности, «Бойцов» рассказал и о своей встрече с шефом абвера: «Во время моей работы в школе в местечке Кумна⁶⁶⁹ ее посетил начальник германской военной разведки адмирал Канарис в сопровождении начальника отдела германской военной разведки по Прибалтике морского капитана Либеншитца и начальника

филиала этого отдела в Таллине — Целлариуса. Адмирал Канарис ознакомился с состоянием подготовки агентов в разведывательных и диверсионных школах. После подробного отчета о результатах проверки школы в мест. Кумна майор Швириц поручил мне организовать новую разведывательную школу в местечке Летце, вблизи г. Палдиски Эстонской ССР, что мною и было выполнено».

С самого начала войны противник проявлял большой интерес к Московскому железнодорожному узлу. Приняв во внимание этот факт, начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Г.В. Утехин, после выяснения необходимых подробностей, доложил о явке с повинной вражеских агентов своему руководству.

Из рапорта заместителя начальника 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковника В.Я. Барышникова начальнику ГУКР «Смерш» комиссару ГБ 2-го ранга В.С. Абакумову от 25 июня 1943 года:

«19 июня т. г. в р-не гор. Егорьевска Московской области с немецкого самолета на парашютах сброшены и добровольно явились с повинной в органы контрразведки "Смерш" два агента германской разведки...

В связи с тем, что группа имеет очень интересное задание, по которому можно осуществить серьезные контрразведывательные мероприятия, как вызов, например, квалифицированных вербовщиков, данную группу целесообразно включить в радиопрограмму. Первую радиосвязь установить 26-го июня т. г., передав радиопрограмму следующего содержания: "Приземлился хорошо. Следующая связь 2 июля в 21 час". Текст будет передан на немецком языке в следующем виде: "Yandung gut. Naegster Verkehr am.-zwo-Juli-zwo ein-Uhr"... Прошу Вашей санкции».

«Добро» на проведение операции от начальника ГУКР Смерш было получено. Так началась еще одна из самых крупных радиопрограмм Смерша — «Загадка», проводившаяся с 27 июня 1943 по 7 апреля 1945 года против филиала разведоргана VI C/Z («Предприятие "Цеппелин"») — «Цеппелин-Норд».

Основной целью игры были выявление и срыв замыслов гитлеровской разведки по использованию агентуры в Москве и дезинформация противника.

В качестве радиста в игре использовался «Бойцов», что выглядело логичным исходя из полученного им задания. Все шифровки, направлявшиеся в «Цеппелин», подписывались псевдонимом «Иосиф» («Джозеф»).

Работа радиостанции легендировалась от имени разведгруппы германской разведки в количестве двух человек: агент «Северов» и «Бойцов» (прошли спецподготовку в Ораниенбургском лагере СД и международной школе разведчиков-радистов в г. Ленитц, близ Берлина).

Уже первые результаты проведения спецоперации показали, что у советской военной контрразведки появились широкие возможности для выявления замыслов спецслужб Германии по использованию агентуры в Москве, стратегической дезинформации противника, а также перехвата и последующего ареста немецкой агентуры.

Вскоре активность в работе разведоргана «Цеппелин» (Берлин) и его филиала «Цеппелин-Норд» (Псков, затем Рига) попала в поле зрения советской разведки.

Об этом 1-е Управление НКГБ СССР немедленно поставило в известность ГУКР «Смерш» НКО СССР. Из докладной записки начальника 1-го Управления НКГБ СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга П.М. Фитина начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумову от 13 ноября 1943 года: «Сообщаем полученные нами агентурным путем радио-

граммы немецкой разведки: «Из Берлина в Псков. 30 октября. Здесь проявляется большой интерес к конференции трех министров индел в Москве⁶⁷⁰. Поскольку Джозеф имеет хорошие возможности давать материал по политическим вопросам, мы просим передать ему по радио следующие вопросы: каковы фактические цели Кремля на конференции трех министров. Считает ли Кремль, что его планы были осуществлены вопреки англо-американским. Хенгелгаупт⁶⁷¹». Наше примечание: «Джозеф» часто проходил в переписке Берлина с Псковом и обратно. Из переписки можно предположить, что он находится в нашем тылу».

От начальника ГУКР «Смерш» документ поступил на исполнение заместителю начальника 4-го отдела ГУКР полковнику В.Я. Барышникову. Последний дал указание: «Подберите все материалы по Джозефу. Не “Б[ойцов]” ли это?»

На следующий день из Отдела «Б» НКГБ СССР в 4-й отдел ГУКР «Смерш» поступила справка: «В телеграммах немецкой разведки, полученных от 1-го Управления НКГБ СССР, передававшихся 14 октября из Пскова в Берлин, сообщалось, что “Джозеф” прислал 12/Х телеграмму <...> 20 октября сообщено, что “Джозефом” 19/Х было передано новое донесение... Как установлено, кличка “Джозеф” принадлежит агенту с позывными 248(841), сброшенному в районе Егорьевска и используемому по литеру “Э”».

В последующем информация о радиообмене между Берлином и Псковом регулярно поступала из 1-го Управления НКГБ СССР начальнику ГУКР «Смерш». 25 ноября 1943 года в Смерш поступила очередная разведсводка: «Из района Пскова в Берлин 15 ноября с. г.: “12 ноября Джозеф сообщил из Москвы, что продукты могут быть приобретены только по карточкам. Однако по высоко спекулятивным ценам можно приобрести все что угодно. Под Москвой имеется очень много частных и коллективных огородов, которые делают положение с продуктами терпимым. Троллейбусы, железные дороги, театры и кино функционируют нормально. Настроения среди большинства населения неблагоприятны для нас”».

Таким образом, Смерш получил возможность не только провести успешную агентурную комбинацию, но контролировать каждый этап игры, используя сведения, полученные агентурным путем из разведцентров противника.

В скором времени на операцию, проводимую Смершем, откликнулись и другие управления НКГБ СССР. 19 июля 1943 года за подписью заместителя начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанта П.Я. Мешика начальнику 4-го Управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга П.А. Судоплатову была направлена служебная записка. В документе говорилось: «В связи с некоторыми нашими агентурно-оперативными мероприятиями не исключена возможность, что через Вашу агентуру и, прежде всего, по делу “Монастырь” противник попытается установить в Москве работника НКПС “Колесникова”. При получении такого задания прошу немедленно сообщить нам и без согласования с нами никаких мероприятий по данному вопросу не предпринимать. Сообщений немцам о “Колесникове” не давать».

9 июля 1943 года в 8.16 по радиостанции «Загадка» состоялся очередной сеанс связи с радиоцентром противника. «Смершевцами» была передана радиограмма в 42 группы следующего содержания: «К[олесников] в служебной командировке до 25 июля. Ищем других знакомых и постоянную квартиру. Очередная связь 15 июля в 8 часов». В приеме радиограммы центр выдал квитанцию. Одновременно от про-

тивника поступила радиogramма: «Рады за благополучное прибытие. Приветствуем и желаем успеха в работе. "Берлинский центр"».

В конце июля Смерш решил помотать противнику нервы. В Берлин полетела радиogramма: «Произошло недоразумение. В командировку выезжал однофамилец К[олесникова]. Наш К[олесников] направлен НКПС на работу в Тбилиси. Считаем полезным выехать в Т[билиси] для встречи с К[олесниковым] и выяснения возможности использования и его связей в НКПС. Ждем указаний». Однако Берлин выезд сразу двум агентам в Тбилиси не разрешил.

В августе «агенты» на связь с «Цеппелином» не выходили, создавая видимость работы в эфире. Тем временем в Москве были согласованы и утверждены очередные оперативные мероприятия в игре. Оставалось получить «визу» в Берлине. 12 и 13 октября 1943 года в центр полетели шифровки: «С[еверов] вернулся из Тбилиси. К[олесников] не верит в победу Германии, одновременно убежден в изменениях в России под влиянием союзников после войны, поэтому С[еверов] рекомендовался как представитель разведки союзников. К[олесников] согласен работать на союзников [с] условием гарантии свободного проживания за границей после войны или в случае опасности и получения денег в устойчивой валюте [в] долларах. К[олесников] очень озлоблен переводом в Тбилиси. Через свои связи добивается обратного возвращения Москву, убежден что это удастся. Нам нужны доллары, советские деньги, документы, запасные лампы [для] радиостанции. Сообщите возможность посылки [в] скором времени, [в] зависимости от времени посылки укажем удобный адрес. Слушайте каждый день. Работать регулярно из Москвы по радио нет возможности, выбираем удобное время. С[еверов] видел [на] железной дороге движение войск, танков, артиллерии. Нужны военные документы, [с] гражданскими документами находиться здесь нельзя».

В центр передали радиogramму о наличии у «Колесникова» сведений о «тщательно разработанных планах воинских перевозок на летне-осенний период 1944 г.», которые бы дали немецкой разведке возможность выявлять замыслы готовящихся наступательных операций Красной армии, поскольку Москва являлась основным транспортным узлом. При этом получение таких важных материалов было обусловлено немедленной заброской агента-связника со значительной суммой иностранной валюты и фотоаппаратом для пересъемки документов. Идея сотрудников Смерша удалась, так как немцы знали, что у «Северова» долларов в наличии не было. Заинтересовавшись возможностью получить от «Колесникова» стратегически важные сведения, противник попытался любыми путями удовлетворить его требования.

24 октября 1943 года по радиостанции «Загадка» проведен сеанс связи с разведцентром противника. От центра получена радиogramма: «Запрошенные вещи пришлем в ближайшие недели. Укажите точно, какие документы и куда сбросить. Просим подробные сведения о положении в Москве и Тбилиси». В ответ направили радиogramму: «Удалось временно прописаться в Москве по гражданским документам. Питаемся с рынка более-менее удовлетворительно. Трудно с зимней одеждой — дорого. Для работы с рацией приходится выезжать каждый раз из Москвы».

В начале ноября 1943 года была принята очередная шифровка «Цеппелина» с заданием: «Постарайтесь узнать истинные цели Сталина на Московской конференции, и до какой степени ему удалось убедить союзников в принятии его планов. Привет. Эмиль»⁶⁷². Одновременно противнику регулярно передавали тщательно

подготовленную дезинформацию военного характера. Каждая «деза», передаваемая в «Цепелин», была лично санкционирована начальником Разведупра Генштаба Красной армии генерал-лейтенантом Ф.Ф. Кузнецовым.

Во время очередного сеанса связи, 6 января 1944 года в центр передали: «К[олесников] очень нужный человек. Для его приобретения нужны авансы и хотя бы упомянутые документы. Далее, я считал бы полезным свидание его с этим солидным человеком, если это возможно. Прошу ускорить посылку. Положение становится критическим».

Для передачи «военных сведений» легендировали встречу одного из агентов со своим старым сослуживцем, «капитаном Смирновым»^{*}. 12 января противнику направили радиogramму: «Со слов Смирнова за последнее время в Москву заметно увеличился приток различных воинских подразделений. Они размещаются в Мытищах, Раменское, Сходня, Малаховке и других населенных пунктах около Москвы».

Не прекращалась работа по подготовке вызова представителя германской разведки в советский тыл. Как бы между прочим противника уведомили о внезапно возникших трудностях. 21 января в центр, для передачи в Берлин, радиовали: «Просим передать штурмбанфюреру Курек⁶⁷³, что его задания не могут выполняться. Создалось критическое положение, т.к. деньги и посылка до сего времени не высланы. Для Б[ойцова] требуется после тяжелой болезни усиленное питание, которое невозможно организовать из-за отсутствия средств».

Время шло, а обещанной «посылки» все не было. Несмотря на это, Смерш продолжал игру, стремясь подтолкнуть «Цепелин» к активным действиям. 8 февраля состоялся следующий сеанс связи: «Штурмбанфюреру Курек. Задержка с помощью вынуждает искать заработки. Устройство же на работу может кончиться необходимостью выезда из Москвы и сорвет все задание. К[олесникову] в НКПС предлагают должность, но его не устраивает зарплата. Он думает о возвращении в Тбилиси. Я его убеждаю остаться в Москве. Прошу срочных указаний, как поступить с К[олесниковым], так как гарантии, доллары и рубли, которые мне обещаны, до сих пор не доставлены».

Тактика «осторожного давления», которую избрали в Смерше, сработала. 10 февраля из «Цепелина» пришла шифровка: «Новый усовершенствованный самолет подготовлен. Работайте завтра. Сообщим срок старта. К[олесникову] будут сброшены 5000 долларов, крупная сумма денег в рублях и все требуемые вещи. Задержите К[олесникова] в Москве». 11 февраля по радиостанции «Загадка» приняты новые указания: «Отправляйтесь к месту выброски. Костры зажечь 12 февраля в 23 часа по московскому времени. Если 12 февраля выброска не произойдет, костры зажечь на следующий день». Однако выброска не состоялась.

В начале 1944 года «Хаупткоманда Норд» передислоцировалась из Пскова в Ригу. Из 1-го Управления НКГБ СССР сообщили свежие данные: «Из Риги в Берлин. 12 февраля. “Хенгельхаупту. Снабжение для линии 76 было выслано в Минск 11 февраля на самолете Хе-111. 12 февраля снабжение будет сброшено. Линия 76 сообщает, что срочно ожидается прибытие Гальфе⁶⁷⁴. Норд”».

17 февраля во время очередного сеанса связи центр проинформировали: «12, 13 февраля был на условленном месте, жег костры, самолета не было, хотя погода стоит удовлетворительная. Добираться к месту очень трудно, большие снега,

^{*} Фамилия вымышленная.

бездорожье. Сообщите за два дня до старта, когда точно будете сбрасывать. Сбрасывайте прямо на озеро Щучье».

18 февраля из «Цеппелина» пришел ответ: «Почему не ждали дольше. 14 и 15 самолет был там. Спустился до 50 метров. Не было никакого сигнала. Новый срок 20 февраля в 23 ч. 00 мин. московского времени. Если не будет выброски, костры жгите до 25 февраля включительно». Но в назначенные сроки и на этот раз выброска не состоялась.

29 февраля противник вновь вышел в эфир: «20 и 21 февраля из-за тумана на месте старта вылететь было невозможно. Посылка прибывает с Гальфе. Мы дадим точное время». В ответ выслали шифровку, в которой с некоторой «обидой» сообщили: «Штурманфюреру Курек. С 20 по 25 включительно я вновь ждал на условленном месте. Самолета не было. Ездить каждый раз так далеко, да еще жить на болоте по несколько дней нет средств и возможностей. Сбросьте посылку с Гальфе, а я могу его встретить в Егорьевске на вокзале».

Тем временем наступила весна. 1 марта 1944 года противник радировал: «Гальфе прибывает скоро с вещами. Дайте советы, как он должен себя вести на вокзале в Е[горьевске] и т.д.». На следующий день Смерш охотно «проинструктировал» связного из «Цеппелина»: «Гальфе сбросьте в форме ст. лейтенанта авиации в районе Егорьевска. Вещи пусть спрячет на месте. Рубли, доллары и другие ценные вещи возьмет с собой и утром прибывает на пассажирский вокзал в Е[горьевск], который находится в 3 км от города. Пусть ни к кому за справками не обращается. Встретимся на перроне между 12 и 13 часами. Снабдите Гальфе лыжами, которые пусть спрячет при выходе на дорогу. Жду сообщения о старте».

4 марта по радиостанции от противника была принята короткая шифровка: «Гальфе прибывает не раньше чем через неделю». В тот же день из Смерша радиовали: «Выбросьте Гальфе близ деревни Михали, в 10 км южнее Егорьевска. Нам нужно: аптечка, бритвы и лезвия к ним, 2 фотоаппарата, запас пленки и химикалии, старый аппарат мы продали, два охотничьих ружья с комплектом патронов. Не забудьте доллары и американский паспорт для К[олесникова]».

9 марта, чтобы «оживить» ситуацию, вновь была направлена шифровка в центр: «Вчера видел К[олесникова]. Он был на приеме у зам[естителя] наркома НКПС. Ему предложили остаться в Москве заместителем начальника Управления НКПС. Он колеблется. Я уговариваю согласиться. Намекнул, что в ближайшие дни все гарантии будут выполнены». «Цеппелин» передал ответную радиограмму в 43 группы: «Для американского паспорта нам нужны точные установочные данные К[олесникова] и его внешние приметы. Данные, где должен быть выдан паспорт».

Вскоре требования центра были выполнены, место выдачи американского паспорта — «на ваше усмотрение». От «Цеппелина» поступило новое задание: «Сообщите имя, отчество, фамилии председателей и секретарей и их заместителей для области "М[осковской]", для района "М[осковского]" городского совета, далее руководящих людей НКВД и НКГБ».

В ответ противнику 17 марта направили радиограмму: «Председатель исполкома Московского совета Пронин Василий, начальник Московского НКВД Журавлев, секретарь Московского совета Майоров Прокопий Васильевич». В тот же день из «Цеппелина» пришел ответ, в котором сообщалось о трудностях в изготовлении американского паспорта: «Фотографию К[олесникова] в паспорт США вы сами вклеивать не можете потому, что имеется особый предохранительный спо-

соб. Возможно прислать английский паспорт, выданный генеральным консульством Нью-Йорка. Возвращение из США в 1935 году. Каково ваше мнение насчет погранпункта. Сообщите размер талии “К[олесникова]”».

В Смерше решили проявить настойчивость по вопросу получения «Колесниковым» именно американского паспорта и одновременно подстегнуть противника к активности. 20 марта в центр направили шифровку: «Мы обещали К[олесникову] американский паспорт. Он нужен для привлечения К[олесникова] к нашей работе и доказательства, что мы работаем от американцев. Предложение ему английского паспорта может вызвать у него подозрения. Размер талии К[олесникова] приблизительно 80 см. Вопрос о пограничном пункте решите сами. Наш приемник работает с перебойями. Отремонтировать не удастся. Опасаемся потери связи. Пусть Гальфе возьмет с собой рацию».

Выбранная в Смерше тактика принесла свои плоды. В «Цепелине» зашевелились, видимо, «наживка» в виде ответственного сотрудника сыграла определяющую роль. 22 марта состоялся радиообмен: «Если позволит погода, выброска Г[альфе] будет 22. Он будет 23.3 в 13 часов на перроне Е[горьевска] как летчик-лейтенант. Новая рация, письма от родителей и т.д. будут с ним. Организуйте встречу». В ответной шифровке в «Цепелин» сообщили: «Буду встречать. Скажите, сколько дней ждать, если завтра не будет [выброски]». Из центра моментально радировали: «Выброска сегодня. Завтра перрон 12 часов».

В ночь с 29 на 30 марта 1944 года сотрудник СД Алоиз Гальфе, берлинский специалист по подготовке агентов-радивов, был выброшен на парашюте в районе Егорьевска. 31 марта 1944 года на вокзале в Егорьевске немецкий парашютист был задержан сотрудниками Смерша. У официального сотрудника «Цепелина» были изъяты два револьвера системы «Наган», пистолет «ТТ», охотничье ружье и другое снаряжение. При вскрытии грузового контейнера, сброшенного с парашюта, кроме различной амуниции было обнаружено 5000 американских долларов.

Из справки 4-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР об аресте официального сотрудника германской разведки А. Гальфе от 1 апреля 1944 года: «31 марта с. г. по радиоигре “Загадка” (гор. Москва) из Берлина вызван и арестован официальный сотрудник германской разведки:

Гальфе Алоиз Иосифович, 1921 года рождения, уроженец мест. Вукмантель (близ Теплицейнау — Чехословакия), немец, со слов подданный Чехословакии. 2 брата служат в германской армии.

Гальфе с ноября 1942 года по май 1943 года работал переводчиком команды “Цет-Норд” (команда отдела службы безопасности при имперском руководителе СС, ведущего разведывательную работу против СССР).

С мая 1943 года по август 1943 года Гальфе являлся курьером лагеря особого назначения службы безопасности в гор. Ораниенбурге (близ Берлина), с августа работал переводчиком “Хафель-института”⁶⁷⁵ в Берлине, подготовляющего агентуру-радивов для выброски их в тылы стран, против которых воюет Германия.

Гальфе был немцами переброшен 30 марта с. г. в район города Егорьевска (Московской области) на самолете и выброшен на парашюте с заданием — доставить ранее выброшенным и перевербованным нами германским агентам “Бойцову” и “Северову” (наша радиоигра “Загадка”) посылку, содержащую: запасную радиостанцию, антисоветскую литературу, чистые бланки фиктивных документов советского

образца, штампы, печати, пять комплектов военного обмундирования и гражданской одежды, а также 5000 американских долларов и 500 000 рублей советских денег. Доллары, доставленные "Бойцову" и "Северову", предназначались для осуществления вербовки руководящего работника НКПС... Гальфе был арестован на вокзале в гор. Егорьевске, куда он явился на встречу с нашим агентом "Северовым".

Вызов на нашу территорию офицера немецкой разведки был несомненной удачей. Кроме того, заброска Гальфе являлась показателем огромного доверия к своим агентам со стороны разведоргана противника. По радиции в разведцентр сообщили о его благополучном прибытии, получении посылки и состоявшейся вербовке «Колесникова».

Радиоигра «Загадка» вступила в новую фазу. Понимая, что противник окончательно «увяз», в Смерше приступили к развитию операции. 6 апреля в «Цеппелин» сообщили: «С[еверов] и Г[альфе] привезли часть вещей. Тюк с рацией не найден. Выехали искать вторично. Г[альфе] говорит, что вы послали 20 000 долларов. Мы нашли только 5000 в одном тюке. Остальных нет. Вербовка "К[олесникова]" может вызвать трудности, т.к. мы ему обещали американский паспорт, а он не прислан. Гарантировать ли К[олесникову], что при угрозе провала вы его вывезете за границу и оформите документы. Посоветуйте, как лучше поступить. Каких сведений сейчас лучше добиваться от К[олесникова]. Что больше всего интересует».

19 апреля пришли две шифровки из «Цеппелина». Первая — «Берем на себя гарантии, что К[олесников] в случае опасности будет доставлен за границу и потом получит документы. Доставьте нам через К[олесникова] фамилии и адреса начальников отделов его учреждения и доклад о их работе. Наилучшие пожелания в успешной работе. Краузе», и вторая — «В тюке находилась только рация». В ответной радиограмме штурмбанфюреру Краузе сообщили о «выполнении» задания: «О работе с К[олесниковым] договорились. Вербовал С[еверов] от имени американцев. Вручили К[олесникову] 5000 долларов и 20 000 рублей. На его вопрос о документах убедил не беспокоиться, гарантировал ему, что паспорт он получит, как только возникнет необходимость в бегстве из СССР. Вначале К[олесников] отнесся к этому с большим недоверием, но доллары и рубли сделали свое дело».

Насколько заинтересовала противника приманка Смерша в виде планов советских воинских перевозок, удалось узнать только после окончания войны с Германией, когда во второй половине мая 1945 года был арестован официальный сотрудник «Цеппелина», бывший военнослужащий Латышской армии Александр Джон. Из собственноручных показаний А. Джона от 26 июня 1945 года: «Агентурная комбинация "Иосиф" (LZ 76). Члены группы были завербованы штурмбанфюрером Краус⁶⁷⁶ из "Хаупткоманды Норд". В группу входили два агента... Впервые радиосвязь была установлена неделю спустя после выброски. Связь поддерживалась с радиоцентром "Норд", начальник радиостанции хауптшарфюрер Шенмель лично принимал радиограммы, т.к. он был дружен с обоими агентами. Радиограммы группы "Иосифа" из центра "Норд" направлялись Краусу — Краус отвечал на радиограммы и каждые 10 дней направлял отчеты с копиями телеграмм нач[альнику] отделения VI Ц в Берлин. После того как "Хаупткоманда Норд" была распущена, все радиограммы направлялись через "Хавель Институт" в отдел забросок. С июня 1944 года все радиограммы были переданы нач[альнику] отделения VI Ц, подшиты к делу "Иосиф" и положены в сейф. Из всех радиограмм

“Иосифа” только одна, в которой он сообщал, что располагает планом русского летнего наступления, была доложена нач[альнику] 6-го Управления бригадефюреру Шелленбергу и, вероятно, шефу службы безопасности Кальтенбруннеру. Не исключена возможность, что эта радиограмма была доложена Гимmlеру, т.к. на следующую ночь уже наготове имелся самолет, с которого предполагали сбросить фотоаппарат. В нормальных условиях “Цеппелину” никогда бы не удалось в течение 6-ти часов достать самолет...

В разговорах с сотрудниками отдела забросок я постоянно слышал мнение, что “Иосиф” лучшая агентурная группа, что если бы все активисты были такого склада, как “Бойцов” и “Северов”, то разведка на территории Советского Союза была бы гораздо лучше поставлена. Все неполадки и провалы группы “Иосифа” служили поводом для критики плохой работы германской разведки. Вина за все эти неполадки возлагалась на взаимную конкуренцию и погоню за орденами среди руководства. Никаких шагов к послевоенному использованию группы “Иосифа” предпринято не было».

В ходе радиоигры немцы сообщили о намерении посадить на нашей территории самолет и вывезти за линию фронта агента «Бойцова» для доклада о проделанной работе. На этот счет из «Цеппелина» поступило ряд указаний. 15 мая радиостанцией «Загадка» от противника приняли три шифровки. Первая — «Введены ли в Красной армии новые противогазы. Какие свойственные преимущества и отличия», вторая: «Мы напоминаем о задании сообщить сюда имена, адреса начальников отделов учреждения К[олесникова]» и третья: «Посадочную площадку искать для “Дугласа”. Район для нас безразличен. Размеры приблизительно 800 на 500 метров... Сообщите подробно о 1 мая в Москве»⁶⁷⁷.

17 мая противнику с готовностью радиовали: «1 мая парада и демонстраций в Москве не было. Город был украшен флагами, портретами, по улицам 1 и 2 мая под музыку проходили отдельные воинские подразделения. Настроение у населения было приподнятое. 1 и 2 мая на заводах и учреждениях не работали».

7 мая по радиостанции «Загадка» в «Цеппелин» сообщили о выборе места посадки: «На север от Егорьевска 30 км у деревни Мисцево есть посадочная площадка 800 на 500. Жители говорят, что прошлым летом там садились двухмоторные самолеты. Недостаток — близко деревня, но в ней одни бабы. На всякий случай захватите с собой три-четыре автоматчика. Летите с советскими опознавательными знаками, тогда на самолет никто не обратит внимания, т.к. мы пустили слух, что площадка будет приспособлена под аэродром».

Вскоре, 20 мая, противнику сообщили об улучшении продовольственного снабжения в Москве, о возможности заполучить противогаз от «капитана Смирнова» и о поисках площадки для самолета: «В Москве открылись коммерческие магазины. Продаются без карточек, продукты питания лучшего качества. По дорогой цене можно купить все что угодно. Говорят, что скоро откроют такие же магазины по продаже промтоваров. Смирнов недавно получил противогаз, но является ли он новым и что содержится в коробке, неизвестно. Если нужно, то противогаз можем достать. С[еверов] и Г[альфе] уехали искать посадочную площадку».

В «Цеппелине» продолжали интересоваться личностью Сталина и его окружением. В тот же день от противника приняли радиограмму: «Сообщите точно дату рождения жены Сталина... Сообщайте в будущем более интенсивно о событиях в Москве».

1 июня из «Цеппелина» пришли новые указания. Противник решил вывезти для доклада в центр Гальфе на самолете: «Противогаз Гальфе дайте с собой». В Смерше к такому повороту событий были готовы, но решили выиграть время, поэтому противнику направили шифровку, в которой сообщили, что подходящая площадка для самолета пока не найдена.

Через десять дней сообщили подробности обеспечения посадки: «Прошу о вылете Дугласа сообщить за два дня, чтобы успеть прибыть на место, и в какое время суток ждать. Нам кажется, что садиться лучше на рассвете, заходить на посадку со стороны леса. Какие сигналы подать, чтобы указать точку приземления. Ждем сообщения». В дальнейших переговорах Смерш запрашивал «Цеппелин» о присылке бланков новых офицерских удостоверений личности, запчастях для радиостанции и т.п.; сообщали о настроениях в Москве, об открытии магазинов готового платья, о снижении цен на рынках.

Стоит обратить внимание, что «Цеппелином» использовались всевозможные, в том числе и психологические, средства, чтобы воодушевить своих агентов и вселить в них уверенность в победе Германии. Из рапорта начальника 2-го отделения 4-го отдела начальнику 4-го отдела ГУКР «Смерш» от 21 июня 1944 года: «21 июня 1944 г. по радиостанции "Загадка" состоялся сеанс связи с радиоцентром противника. Нами принята радиограмма в 96 групп: "С 15/VI Германия применяет против Англии новое оружие. Лондон и Южная Англия находится под непрерывным обстрелом с ракетоподобных аппаратов сильнейшей разрушительной силы. В Англии паника. Из Франции видны огонь и дым. Наш час наступает". На указанную радиограмму выдали квитанцию»⁶⁷⁸.

На Лубянке в очередной раз было решено взвинтить темп игры. По ходу радиоигры в Смерше старались наперед просчитывать различные варианты ответных шагов противника.

Из плана мероприятий по радиоигре «Загадка» от 17 июля 1944 года: «В ходе радиоигры с противником немцы 24 апреля с. г. сообщили об их намерении вывезти за линию фронта агента "Бойцова" для доклада о работе. Для этой цели противник намеревался посадить на нашей территории самолет типа "Дуглас" и предложил агентам найти хорошую посадочную площадку. Ставя задачу захвата этого самолета в районе Егорьевска, была подобрана и оборудована огневыми и инженерными средствами посадочная площадка и 7 июля с. г. немцам передана радиограмма о возможном использовании этой площадки для посадки самолета. Однако вслед за этим немцы стали затягивать практическое осуществление своих намерений и перешли на пассивный радиообмен, оставляя вопросы агентов без ответов. Не исключено, что перед тем как осуществить операцию, связанную с посадкой самолета на нашей территории, противник намеревается проверить работу радиостанции "Бойцова", чтобы убедиться в том, что его работа не является радиоигрой советской контрразведки... учитывая изложенное, представляется целесообразным провести мероприятия, в которых легендировать перед немцами реальную возможность получения серьезных шпионских материалов о планах советского командования, имеющих стратегическое значение. Тем самым вынудить немцев отказаться от затяжки и немедленно осуществить посылку самолета за материалами и агентами».

Вскоре в «Цеппелин» передали объемную шифровку: «К[олесников] имеет у себя план воинских перевозок на июль, август, сентябрь. По его словам, из плана

можно определить направления потоков военных грузов, их характер и размеры, основные перевозки войск и т.д. После долгих уговоров К[олесников] согласился, чтобы мы в его присутствии сфотографировали эти материалы с условием вручения ему 15 000 долларов наличными и чека на 15 000 долларов в один из американских банков. Этой возможностью К[олесников] будет располагать до 19 июля. 20 утром он должен план возвратить руководству, и больше такой возможности ему не представится. К[олесников] сказал, что по этому плану уже сейчас полным ходом идет работа. Немедленно сбросьте нам доллары, чек, фотоаппарат, годный для фотографирования документов, химикалии, пленки. Тогда план будет в наших руках. Сбрасывайте, где сбросили Гальфе. Сообщите время и сигналы. Просим немедленно решения. Слушаем вас в 19 часов».

Реакция «Цеппелина» последовала в тот же день. В указанное Смершем время противник вышел на связь: «Все затребованное было сегодня заказано в Берлине. Мы в наивысшей степени заинтересованы. Выходите (работайте) в понедельник. Невозможно ли место выброски поближе из-за светлых ночей».

На Лубянке были непреклонны: «Подыскать новое место для сброски посылки нет времени. К[олесников] задержать у себя план не сможет. У нас остается только три дня. Лучше, если сбросите сегодня ночью. Ждем сообщения о времени и сигналах. Слушаем вас в 13 ч. 30 мин».

Вскоре из «Цеппелина» прибыли «подарки». 19 июля 1944 года на вокзале Егорьевска был задержан очередной агент противника с документами на имя Ивана Васильевича Бородавко. У немецкого связника было изъято: чек в американский банк на сумму 15 000 долларов, банковские билеты английского банка на сумму 5000 фунтов стерлингов (достоинством в 10 и 20 фунтов стерлингов) и 50 000 рублей.

Из акта экспертизы № 906 Отдела «Б» НКВД СССР от 20 июля 1944 года: «*Объект экспертизы*: 1. Банкноты английского банка достоинством в 10 и 20 фунтов стерлингов на сумму 5000 фунтов стерл[ингов]. 2. Чек на предъявителя на сумму 15 000 долларов. *Результаты экспертизы*: При исследовании 100 банкнот достоинством в 20 фунтов стерл[ингов] и 300 банкнот достоинством в 10 фунтов стерлингов каждая установлено следующее: По внешнему виду, по водяному знаку, звонкости (характерная особенность английских банкнот), а также по деталям и мелким особенностям печатной формы экспертируемые банкноты не отличаются от подлинных банкнот английского банка.

Однако подробный анализ банкнот по нумерации приводит к очевидному выводу о фиктивности экспертируемых денежных знаков. В частности, обращают на себя внимание два следующих факта: 1) При общем количестве 10-фунтовых билетов 300 экземпляров в экспертируемых банкнотах установлено наличие лишь следующих серий: К 164, 165, 172, 174, 186, 189, 192, 194, 195 и Л 102, 103. Совершенно отсутствуют промежуточные серии. ...Полное отсутствие банкнот с промежуточными сериями не может иметь место при естественном подборе банкнот в процессе обращения и несомненно указывает на искусственный подбор банкнот (явление, характерное для выборочной подделки серий). 2) В разных пачках неоднократно встречаются последовательно идущие номера банкнот с одинаковым характером старения (линии смятия, что также указывает на искусственный подбор и специальное «старение» банкнот). Учитывая высокое совершенство в воспроизведении бумаги и печатной формы поддельных банкнот, следует предполо-

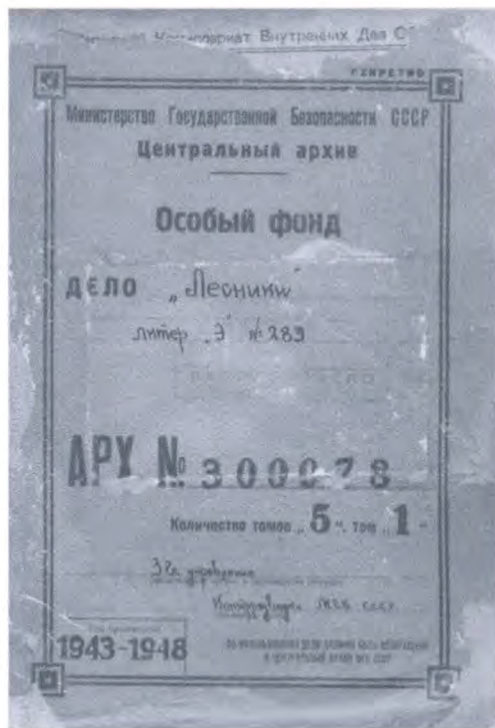
жить, что в данном случае имеет место подделка со стороны технически оснащенного поддельвателя.

Факт массовой подделки английских банкнот достоинством в 10 и выше фунтов стерлингов в последнее время стал широко известен вследствие опубликования английской печатью сообщения о подделке этих банкнот со стороны Германии⁶⁷⁹. В этих сообщениях указывается, что подделка произведена исключительно тщательно и имеет массовый характер. В частности, массовость подделки вынудила английский государственный банк опубликовать указание о приостановлении массового обращения банкнот достоинством выше 5 фунтов стерлингов (журнал "Statist" за май 1943 г.). В настоящее время прием этих банкнот ограничен. Не исключена возможность, что экспертируемые поддельные банкноты — немецкого происхождения. 2) Чек на сумму 15 000 долларов. Чек на предъявителя американского банка "Guaranty Trust Company of N.Y." на сумму 15 000 долларов заметных подчисток и признаков элементарной подделки не имеет. Детальная экспертиза чека возможна лишь при наличии образца подлинного чека этого банка».

Кроме доставки посылки «Северову» и «Бойцову», связной «Цеппелина» также имел явку к группе германских агентов в г. Ярославль, куда он должен был доставить деньги и документы, а в последующем действовать по указанию командира группы в Ярославле.

В действительности эта группа также являлась легендированной перед немцами от имени наших агентов «Надеждина» и «Наумова» (радиоигра «Лесники»). В отношении «Бородавко» противнику было сообщено, что он прибыл благополучно, доставил все необходимое и выехал для выполнения другого задания. 26 июля и 2 августа 1944 года по радиоигре «Лесники» противнику было сообщено, что «Бородавко» благополучно прибыл в их группу. 23 августа 1944 года немцы сбросили в эту группу еще двух агентов — «Бурлакова» и «Серегина». После их выброски в «Цеппелин» сообщено, что выброска груза прошла неудачно, так как часть пакетов этих агентов была сброшена над деревней. 4 сентября из разведцентра поступил приказ: «Бородавко и Бурлаков — предатели. Сразу же обезвредить. Подтвердить исполнение приказа». 16 сентября в «Цеппелин» направили шифровку, что приказ «выполнен».

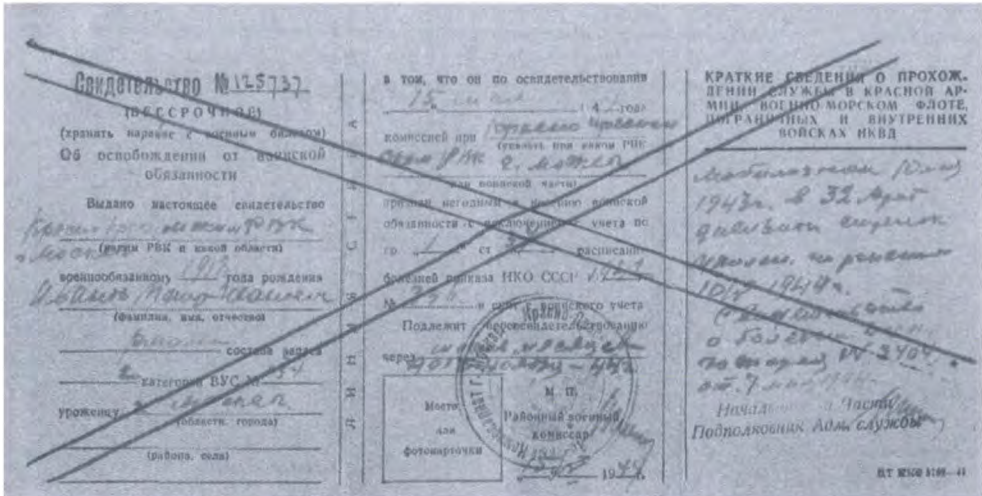
В отношении «Бурлакова» из разведцентра противника сообщили: «Возможно, что Бурлаков документы и деньги спрятал или передал НКВД. Пилот утверждает, что сбросил их не над деревней». Судя по тому, что германская разведка 12 января

Обложка дела радиоигры «Лесники»

Дневник	
РАБОТА РАДИОСТАНЦИИ «ЛЕСНИКИ» В г. Великий Новгород, обл. Новгород.	
Время радиослушания	Радиослушание корреспондента.
	<p><u>19.3 в 01.00</u></p> <p>«Группа ~ 13 приземлилась в указанном месте. Все в порядке».</p> <p style="text-align: center;">Климанчук Колмуленко.</p>
<p><u>26.3 в 14.00</u></p> <p>«Подготовка за хорошую радиосвязь. При шифровке возникли трудности. Радиослушание».</p> <p style="text-align: center;">Климанчук Колмуленко.</p>	<p><u>26.3 в 14.00</u></p> <p>«Живем у отца «Макарова», вместе с братом. Расселись по разным дружбам отправляемся в районный».</p> <p style="text-align: center;">Климанчук Колмуленко.</p>
<p><u>1.4. в 14.10 - 15.00</u></p> <p>«Шара, 2к от нас вылетел, как настроение у вас сейчас, это говорит о войне и мире, как у вас с мясниками, как живем населяющие».</p> <p>«Какие изменения произошли за время войны. Сердечно приветствую от Лютера и нас».</p> <p style="text-align: center;">Климанчук Колмуленко.</p>	<p><u>1.4. в 14.10 - 15.00</u></p> <p>«Дружбам вернулись. Управляемся в районе. Но батаре сев же: булочки хлеба 120 руб., мясок карасовки 400, мясо свинья - 75, мяс мяска - 30. Намекине верит колмуленко о звездах в знатие района. От война устал, начал конца. Капучинам недоволен. Живем еще, как воем. Проверил как лучше жить по граждански».</p> <p style="text-align: center;">Климанчук Колмуленко.</p>
<p><u>3.4. в 14.00 - 16.05</u></p> <p>«Сколько летел. Просил тогда сказать какие условия местности и где нахо-</p>	<p><u>3.4. в 14.10 - 16.05</u></p> <p>«Первое слово радио — не кончи. Я пока на месте. Дружбам отправляемся в район. Народ здесь</p>

Первый лист дневника работы радиостанции «Лесники»

Фиктивное свидетельство об освобождении от воинской обязанности, выданное агенту германской военной разведки

1945 года выбросила группе «Надеждина» еще трех агентов, на Лубянке вполне обоснованно решили, что противник не подозревал о мероприятиях, проводимых советской контрразведкой. Но это уже другая история.

Параллельно продолжалась работа по вызову на нашу территорию вражеского самолета. В ночь с 14 на 15 августа 1944 года в районе Егорьевска на специально подготовленной контрразведчиками площадке, оборудованной ямами-ловушками, приземлился самолет противника неизвестной конструкции, посланный для доставки добытых материалов. Однако случилось непредвиденное. К удивлению «смершевцев», он не застрял ни в одной из ловушек. Когда контрразведчики это поняли, то открыли огонь на поражение, но самолет удачно маневрировал, развернулся, взлетел и благополучно ушел за линию фронта...

Разгадка такой неудачи стала возможной только через месяц, когда аналогичный спецсамолет марки «Арадо-232» был захвачен в Смоленской области (радиоигра «Туман»). Выяснилось, что прибывший за фотоматериалами «Колесникова» самолет был специально сконструирован для высадки разведгрупп в глубоком тылу противника. Вместо обычных шасси он был снабжен каучуковыми траками, дававшими ему возможность приземляться даже на заболоченной местности. Это и позволило его экипажу удачно избежать расставленной западни под Егорьевском.

Для того чтобы развеять у противника возможные сомнения после случая с самолетом, сотрудники Смерша легендировали бегство агентов из Москвы. 21 августа с германским разведцентром радиосвязь была установлена уже из Рязьска. После ряда переговоров немцы приняли решение вывести агентов на свою территорию, но эта задача была невыполнимой, так как фронт стремительно приближался к границам Германии.

Разведцентры постоянно меняли места своей дислокации, имитируя передвижение агентов к линии фронта. В радиопереговорах противника «бомбардировали» шифровкой о «катастрофическом» положении, в котором оказались агенты.

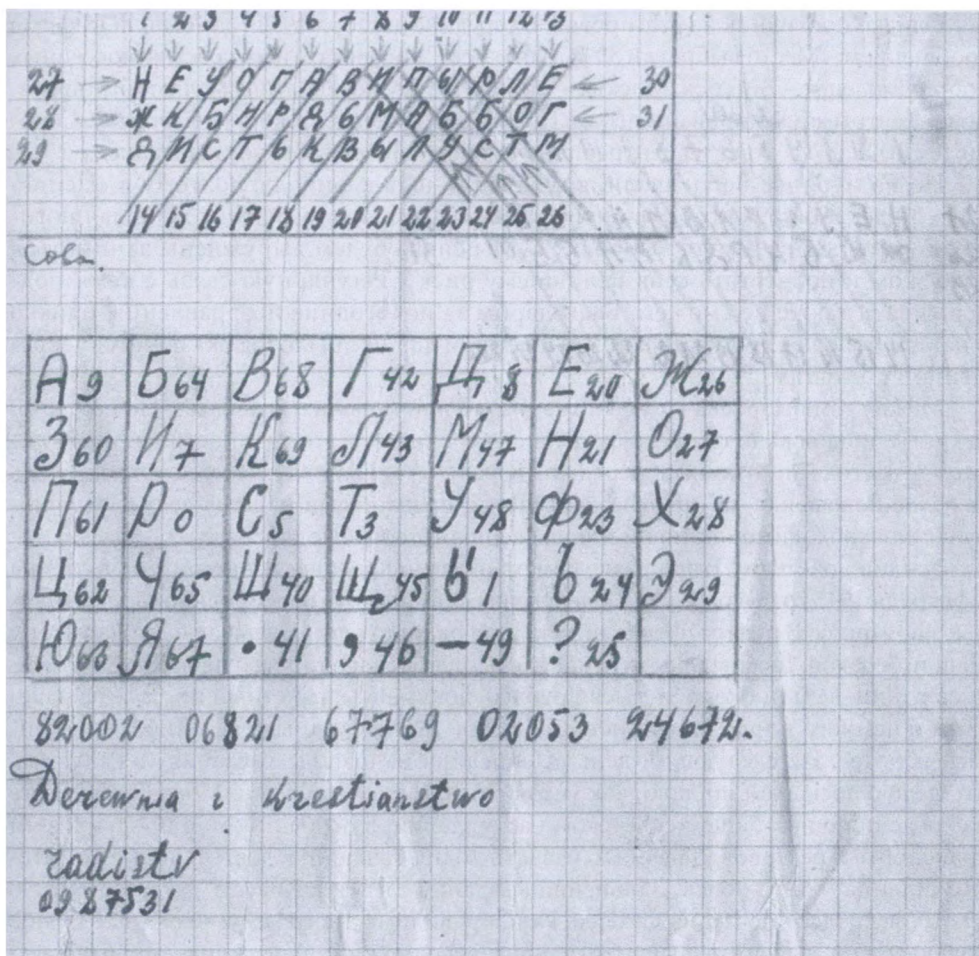
Глава 4. СМЕРШ: «ВОЙНА В ЭФИРЕ»

С П И С Ъ

Имущества, сброшенного противником 27 февраля и 23 марта с/г. по аг.станции "ЛЕСНИКИ"

№	Наименование предметов	Количество
<u>1. ЛИТЕРАТУРА :</u>		
1.	Памятка по подрывному делу с приложением	16 экз.
2	Табель календарь на 1944 г.	10 экз.
3	Журнал "Сигнал" № 10	2 экз.
4	"-" "Новый путь"	1 экз.
5	Газета "Северное слово"	3 экз.
6	"-" "За Родину" за февраль м-ц	6 "
7	"-" "Правда" от 27.1.44 г.	1 "
8	Книга - Роман "Вьига"	4 "
9	Брошюра "Доброволец"	13 "
10	"-" "Выдержки из дневника к-ра партиз.бригады"	7 "
11	"-" "Дом родной"	7 "
12	"-" "Возвращенное счастье"	7 "
13	Книга "Памир"	3 "
14	"-" "Потерянные"	3 "
15	"-" "Бегство из Советского ада"	3 "
16	"-" "Расступающаяся лестница"	1 "
17	Листовки - около	-----
18	Памятка "о составлении метеосводок"	11 "
<u>2 ДОКУМЕНТЫ И ДЕНЬГИ</u>		
1	Письма от Хорвата от 10.Х.43 и 13.П.43 г.	2 шт
2	Расчетная книжка на имя Митрохина	1 экз.
3	Денег советских - /триста тысяч рублей/	299404 руб.
<u>3 ОРУЖИЕ БОЕПРИПАСЫ и ВЗРЫВВЕСТВВА</u>		
1	Миномет . 50 мм.	1 шт
2	Пулеметов ДТ	3 шт.
3	Пистолетов-пулеметов ППП и ППД	8 шт.
4	"-" бельгийских	2 шт
5	Карбинов русских	3 шт.
6	Винтовок СВТ.	5 шт.
7	Пистолетов "модель № 27" калибр 7,65	16 шт.

Опись имущества, сброшенного противником 27 февраля и 3 марта 1944 г. для снабжения разведывательно-диверсионной группы (радиогра «Лесники»)

Образец зашифровки радиোগрам

Например, 5 ноября в «Хаупткоманду Норд» направлена радиограмма: «Из-за отсутствия вашей помощи, чтобы не умереть с голоду, вынуждены заниматься грабежом. Долго это продолжаться не может. Почему задерживаете выброску. Сообщите ответственно, сколько дней нам ждать помощь, или мы должны искать какой-либо другой выход из катастрофического положения, в котором находимся. Наступают холода, у нас ничего нет. Обязательно сбросьте рацию с автономным питанием».

Спустя два дня направили другую, с тайной надеждой, что вдруг противник «клюнет» на сообщение о новой информации и прилетит еще один самолет: «При получении помощи мы надеемся пробираться в Латвию, где сможем разыскать своих людей и укрыться у них до вывоза нас. По пути С[еверов] сможет побывать в Москве и узнать о судьбе К[олесникова] и собрать последнюю информацию. Мы это намереваемся сделать, так как едва ли вы сможете нас забрать до наступления устойчивой погоды. Сообщите ваше решение».

Однако противник не реагировал. В середине декабря 1944 года вышли в эфир с сообщением: «Место выброски 39 км западнее Смоленска, у перекрестка шоссеиных дорог Смоленск – Витебск, Москва – Минск, между деревнями Смоляки и Анципово. Костры замаскированы лесом. Положение тяжелое. Ускорьте выброску. Сообщите сигналы». В ответ из центра пришло только новогоднее поздравление.

Но на Лубянке не унывали, война и так шла к финалу, поэтому в «Цеппелин» 30 декабря 1944 года «с оптимизмом» радировали: «Стоит хорошая погода, обязательно ускорьте выброску... Мы снова будем вынуждены заниматься грабежом и подвергать себя излишнему риску. Регулярную связь с вами поддерживать также не сможем. Благодарим за новогодние поздравления, однако в нашем положении лучшим поздравлением для нас было бы оказание своевременной помощи».

Между тем выброска грузов по каким-то причинам затягивалась. Но по рации чекисты продолжали слать шифровки с уверениями в «преданности делу». 30 января 1945 года противнику передали короткую шифровку: «Несмотря на очень тяжелое положение, по-прежнему остаемся преданными нашему делу. После получения необходимой помощи готовы выполнять любые задания».

Усилия советских контрразведчиков оказались ненапрасными. В ночь с 3 на 4 февраля 1945 года в районе Смоленска им с самолета были сброшены долгожданные «подарки». В центр 7 февраля 1945 года радировали: «Большая благодарность. Нашли 5 тюков. Два парашюта оторвались от тюков и один не открылся. Сохранились рации, деньги около 95 тысяч рублей, документы, ракетный пистолет с ракетами и немного пищи. Остальное разбилось. Ждем срочных указаний о дальнейшей работе». На следующий день «Цеппелин» направил «указания»: «Радуемся, что дело с посылкой прошло, как условились. Перед отходом в Москву сообщите наблюдения о настоящем советском наступлении, в особенности о продвижении транспорта и резервов. Далее, что известно о пребывании и деятельности Комитета Зайдлица⁶⁸⁰ и его войск. Дальнейшие задания следуют. Краус».

10 февраля в центр из Смоленска направили радиограмму: «Военные планы большевиков выяснить в нашем районе невозможно. О наступлении известно только по сводкам из газет, других источников нет. Движение по дороге активное, в обе стороны ежедневно проходит по 8–10 эшелонов, в основном боеприпасы, различный военный груз и техника».

В 20-х числах февраля в «Цеппелин» сообщили, что агенты вернулись в район Москвы и ждут новых указаний. 4 марта от противника пришла шифровка: «Где вы остановились. Где возможно еще выбросить вам добавочную посылку. Что замечается о советских мероприятиях и подготовке против англо-америки*. Предсказываются ли сроки окончания войны. Известно ли местонахождение штаба предавших немецких офицеров». 8 и 9 марта противника «успокоили» насчет сроков окончания войны и отношений между союзниками: «О мероприятиях большевиков против англо-америки не слышали. Население очень одобрительно высказывается о решениях конференции в Крыму. Ждут окончания войны еще в этом году». Во второй шифровке сообщили о своем местонахождении и возможном месте приема «добавочной посылки».

Последующее задание от «Цеппелина» — вернуться в Москву, восстановить связь с работником Наркомата путей сообщения и ждать дальнейших указаний.

* Так в документе.

«Unternehmen "Joseph"» и операция «Загадка»

Таблица связи. Коды

Время в Свб	Тарифная линия	Телефонный номер	Почтовый адрес	Другие данные
10 0 3 0	14 6 5 5	14 2 9 0	П д б	- 2 + 5
11 6 3 0	16 4 6 2	15 1 2 0	ж р д	
	14 6 5 5	14 2 9 0		

Контроль: $T^3 (3^2)$
 Коды: Ков

I. Тарифы:
 Т о ф б а л е в й е с к е л е м о л и з и м н и е а б л о к н

II. Тарифы: | 7 8 3 2 0 1 / 6 9 5 4

Л и с и н а = 2 3 4 5 6 7

Л М Б О С П	7 8 3 2 0 1	7 8 3 2 0 1
И Р Н Т А Ч	а н т е и о б б з и а ш к	
Д Ф В Ж З Ц	9 2 й у ч в в	
Г Ш Е Ш Ш Ш	5 9 л р р ш к	
З А Й К К Я	4 ч м с г н а	
8 9 0 1 2 3		

Янв. Января. месяц:
 Т а о л д н в з а м л м е н в н т е е д с б к л е о л к е и м e
 25 1 23 17 4 11 29 10 2 12 18 21 5 22 30 13 26 6 4 31 24 9 15 19 8 24 20 16 9 14 28

Верно: *[Подпись]*

Таблица №1 Коды.

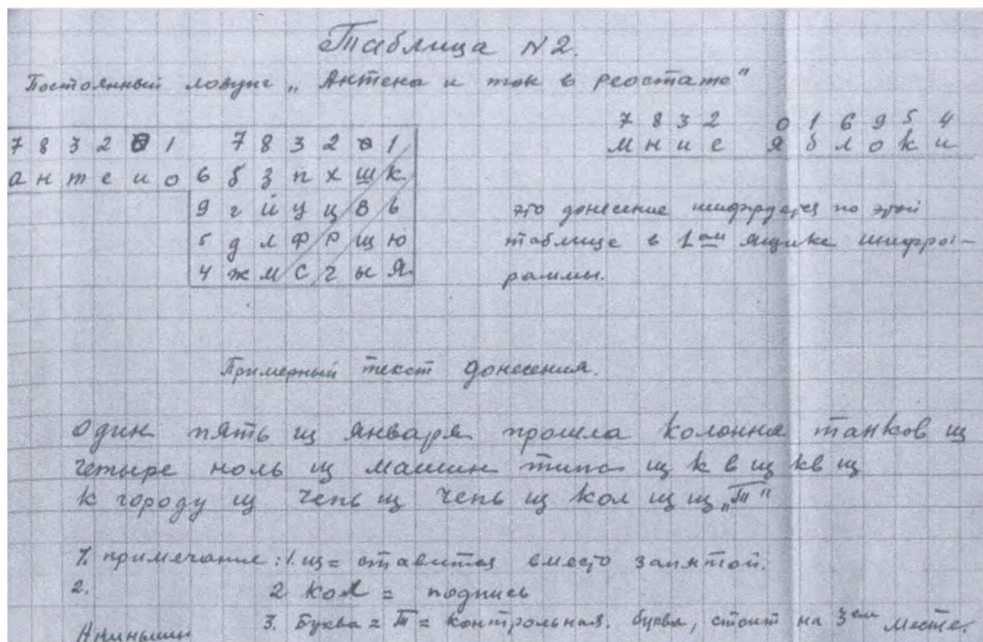
2	3	4	5	6	7
л	р	и	к	с	ц
и	ж	н	ш	а	ш
б	б	в	ю	2	а
д	и	е	о	н	и
з	р	й	т	к	у
8	9	0	1	2	3

пример: позвонной центра "ТДБ"
 на 15 число позвонной будет "ХДС"
 Корр-та "ХДС"

Л и с и н а в е з д м е о ж з р и т к у
 л р и х с ц и з н ш а ц б б с ю г з д ж е о ж з р и т к у

Позвонной набирается в 10 месяце.
 Акиншин

Верно: Ст. опер. Уполномоченный радио-розведки
 М. М. Мозаев-Мозаев. / Мозаев. /

Образцы зашифровки радиোগрам для передачи сообщений в разведцентр противника

Но война подходила к концу, радиосвязь становилась нерегулярной и в апреле 1945 года вообще прекратилась.

В оперативной характеристике агента «Северова» говорилось:

«Буторин Виктор Яковлевич — оперативный псевдоним “Северов”, 1913 года рождения, уроженец д. Висунка Николаевской области, русский, беспартийный, в Красной армии с июня 1941 г.

Контрразведывательную работу любит. Проявляет находчивость и инициативу. Хорошо ориентируется в самой сложной обстановке. Успешно участвовал в серьезных агентурных мероприятиях. Три раза выполнял разведывательные задания за линией фронта, в т.ч. связанные с внедрением в гитлеровские разведорганы.

По личным качествам — волевой, энергичный, дисциплинированный. Всесторонне развит. По своим навыкам, умению и личным качествам может быть использован для выполнения серьезных заданий...»⁶⁸¹

Из справки от мая 1945 года по радиоигре «Загадка»: «Учитывая это обстоятельство, дальнейшее проведение радиоигры в прежнем плане стало невозможным. Нами были намечены мероприятия по прекращению радиоигры по определенному плану, проведение которого осуществить не удалось вследствие разгрома фашистской Германии и потери связи с разведорганом. Всего за радиоигру противнику было передано радиোগрам — 159, от противника получено радиোগрам — 170...

Гальфе Алоиз Иосифович, осужден Особым совещанием при НКВД СССР 27 января 1945 года к ВМН. Приговор приведен в исполнение».

Так завершилась одна из самых крупных радиоигр, проведенных Смершем в годы Великой Отечественной войны.

ОПЕРАЦИЯ «БОРИСОВ»

2 февраля 1943 года завершилась Сталинградская битва, положившая начало коренному перелому в ходе Второй мировой войны. Неудачи в сражениях на советско-германском фронте не только оказали влияние на перестановки в высшем руководстве вермахта, но и существенно изменили формы и методы работы германской военной разведки.

В подрывной деятельности спецслужб нацистской Германии наметилась значительная активизация агентурной разведки. Осознав, что боевые действия на советско-германском фронте приняли затяжной характер, Верховное командование вермахта и руководство германских спецслужб стали планировать ведение агентурной разведки в крупных промышленных центрах, местах производства вооружения и боевой техники, а также на важнейших транспортных коммуникациях СССР.

В докладной записке наркома внутренних дел СССР № 168/Б в ГКО о подрывной деятельности германской военной разведки от 4 января 1943 года отмечалось:

«По сообщению особых отделов фронтов, германская военная разведка за последнее время усилила заброску своей агентуры в сторону частей Красной армии для проведения шпионской и диверсионной работы... Агентуре, которая перебрасывается преимущественно группами, дается задание разведать расположение резервов и концентрацию частей Красной армии на этих направлениях, их численность и вооружение, местонахождение аэродромов, складов и оборонительных сооружений, выявлять поступающее на фронт пополнение, а также перевозимые по железной дороге к фронту грузы...»⁶⁸²

Москва была важнейшей транспортной артерией страны, поэтому в абвере планировали установить контроль за перевозками военных грузов и личного состава через столицу СССР, что позволило бы заблаговременно вскрыть подготовку стратегических операций Верховным командованием Красной армии.

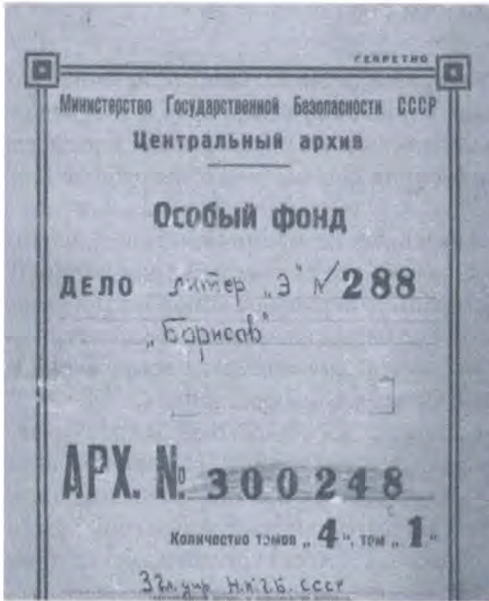
Ответный ход советской контрразведки состоял в том, чтобы своевременно нейтрализовать агентуру противника на транспортных коммуникациях. Эффективным средством борьбы с агентурными группами противника стали специальные операции, получившие название «радиоигры». Одной из таких агентурных комбинаций была радиоигра «Борисов», которой посвящен этот параграф.

* * *

Радиоигра «Борисов» проводилась с 9 февраля 1943 по апрель 1945 года 1-м отделом 2-го Управления НКВД СССР, а со второй половины апреля 1943 года — 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР из г. Люберцы и ОКР «Смерш» Белорусско-Литовского военного округа из гг. Вильно и Гродно.

Эта операция стала составной частью «Большой игры» советских органов безопасности, направленной на борьбу с агентурой германской военной разведки на Московском железнодорожном узле. Параллельно с операцией «Борисов» в 1942–1944 годах примерно по аналогичному сценарию органами НКВД-НКГБ и военной контрразведкой «Смерш» из Москвы были проведены радиоигры «Монастырь», «Контролеры»⁶⁸³, «Развод», а из Волоколамска — «Находка».

Как видно из материалов дела, радиоигра «Борисов», в числе других, активно использовалась для передачи противнику дезинформации военного характера в период подготовки и в ходе сражения под Курском, а также других стратегических

Фрагмент обложки дела радиоигры «Борисов»

наступательных операций Красной армии.

Впервые, как и о многих других спецоперациях советских спецслужб, о радиоигре «Борисов» написал в своей книге ветеран контрразведки Д.П. Тарасов. Вслед за ним его рассказ неоднократно использовали в своих публикациях некоторые журналисты, правда, при этом забывая указывать на автора первой публикации.

В книге Тарасова радиоигра «Борисов», вместе с рассказом о радиоигре «Находка», включена в главу «Посланцы «Сатурна»». Свое повествование Дмитрий Петрович начинает с воспоминания одного из непосредственных участников игры:

«Эта радиоигра, — вспоминает Г.Ф. Григоренко*, — была начата 9 февраля 1943 года от имени агентов германской разведки Нилова и Антонова, выброшенных с самолета на парашю-

тах в Егорьевском районе Московской области с заданием обосноваться в Люберцах и обеспечить наблюдение за продвижением воинских эшелонов по Московско-Рязанской железной дороге»⁶⁸⁴.

Поясним для читателей, что в рассказе Тарасова псевдонимы немецких агентов Нилов, Антонов и др., от имени которых велась игра, — вымышленные. Для того чтобы читателю, знакомому с книгой Д.П. Тарасова, легче было ориентироваться, сообщим действительные псевдонимы, которые германской военной разведкой были присвоены своим агентам. Первая пара агентов, заброшенных 6 февраля 1943 года, — «Антонов» и «Нилов» (у Тарасова) — «Ароматов» (советский — «Борисов», от его имени велась радиоигра) и «Нестеров»; Семенов (агент-связник) — «Скирда»; Меншиков (агент-связник) — «Меньшиков»; Матвеев (агент-связник) — «Мухин»; «Климович» (агент-связник) — «Малиновский».

* * *

Операцию «Борисов» начал 1-й отдел 2-го Управления (контрразведывательного) НКВД СССР. В функции 1-го отдела первоначально входила борьба с германской военной разведкой. Со 2 декабря 1941 года — борьба с разведками Болгарии, Венгрии, Германии, Италии и Румынии; агентурно-оперативные мероприятия на освобожденной территории.

В ночь с 5 на 6 февраля 1943 года на территории Лаптевского района Тульской области с немецкого самолета была выброшена группа агентов-парашютистов в составе двух человек: агент-радист «Ароматов» и агент-разведчик «Нестеров». По-

* В феврале 1943 г. — оперуполномоченный 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР, старший лейтенант госбезопасности.

— **ДНЕВНИК** —

РАБОТЫ РАДИОСТАНЦИИ «БОРИСОВА»

Радиостанция Центра	Радиостанция Корреспондента
<p><u>9/II-43г.</u> Работа выполнялась в режиме радиочастоты</p>	<p><u>9 декабря 1943г. 8 163</u> Связь установлена 8 16 35 Успешно переданы радиочастоты 132 знака «Круговые» в автоматическом режиме. Работы в ноч. нерабочее время. Продолжены работы к месту назначения» Связь установлена 8 16 55</p>
<p><u>12/II-43г.</u> Работа выполнялась в режиме радиочастоты.</p>	<p><u>12 декабря 1943г. 8 16 20</u> Связь установлена 8 16 25 Успешно переданы радиочастоты 64 знаков «Круговые» на место. Продолжены работы у наших войск. Продолжены работы» Связь установлена 8 16 55</p>
<p><u>14/II-43г.</u> Работа выполнялась в режиме «РС» 181 чч. Продолжены «РС» по 43-му номеру на передачу</p>	<p><u>15 декабря 1943г. 8 16 30</u> Минимум установленный для, но работы не выполняются. <u>19 декабря 1943г. 8 16 30</u> Связь установлена 8 16 39</p>
<p><u>19/II-43г.</u> Переданы «РС» в 203 чч 119 знаков</p>	<p>Успешно переданы радиочастоты 181 знаков «Круговые» в автоматическом режиме. Даны указания 1516 знаков. Работа не выполнена. Работы в ноч. нерабочее время. Продолжены работы у наших войск. Продолжены работы» Связь установлена 8 17 05 <u>19 декабря 1943г. 8 16 30</u> Связь установлена 8 16 45</p>

сле приземления агенты германской разведки остановились переночевать в дер. Мелеховка, где утром 6 февраля были задержаны органами НКВД.

Группа получила задание от «Абверкоманды 103» при штабе группы армий «Центр» (позывной радиостанции — «Сатурн») осесть в г. Люберцы Московской области и передавать немцам по приданной им радиации следующие сведения:

1. Дислокацию частей Люберецкого гарнизона, их численный состав и вооружение. 2. Наличие в городе оборонных предприятий, характер выпускаемой ими продукции, количество рабочих и другие данные. 3. Расположение военных аэродромов в районе г. Люберцы. 4. Характер, направление и количество военных перевозок по железной дороге. 5. Приказы и распоряжения Наркомата обороны и правительства, публикуемые в газетах. 6. При каждом сеансе связи передавать метеосводки.

Разведывательные сведения группа должна получать путем личного наблюдения, а также используя «втемную» лиц, могущих дать интересующие немцев сведения (военнослужащих Красной армии, работников железной дороги и т.п.).

Для выполнения задания группа была снабжена коротковолновой радиостанцией, фиктивными документами военного образца, револьверами системы «Наган», деньгами в сумме 120 тысяч рублей, компасом и часами.

В автобиографии агент «Ароматов» 23 октября рассказал подробности того, как он был завербован германской военной разведкой:

«В Борисове жил у родителей и с 7-го по 30-е августа работал в Борисовской электросети монтером. 30 августа в связи с переселением евреев в т.н. гетто, вместе с семьей — женой и двумя детьми (жена по национальности еврейка) из Борисова удрал, укрывался в Холопиничском р-не Минской области в деревнях <...>

В конце марта 1942 г. в связи с болезнью... вынужден был лечь в Н. Борисовскую больницу, пролежал в которой до начала июня 1942 г. За время болезни (4 апреля) жена и дети были немцами расстреляны.

По выходе из больницы, потеряв семью, зная, что мать, два брата, сестра и другие близкие родственники находятся на советской территории, я пошел в одну из школ, укомплектованную в основном из борисовской молодежи, немецкой разведки для того, чтобы попасть на советскую территорию и, по возможности, быть полезным советской разведке. Этот серьезный шаг я совершил, долго советовавшись со своими знакомыми, ответственными советскими и партийными работниками Борисова, в том числе с председателем правления советских писателей БССР драматургом Климковичем, и получил от всех их одобрение. В Катинской разведшколе находился с 30 июня 1942 г. по 5 февраля 1943 г., когда был выброшен с самолета в районе ст. Лаптево Тульской области...»

На следствии радист «Нестеров» в деталях рассказал, как должна быть организована радиосвязь с разведцентром противника: сначала в течение 5 минут центр дает свои позывные, следующие 5 минут — позывные сигналы направляет сам корреспондент. В зависимости от наличия разведматериалов связь устанавливается через один-два дня. Тексты радиограмм центра, о принятии которых корреспондентом получена квитанция, радист — «функер» должен немедленно уничтожить. Передавать радиограммы «вслепую» (т.е. в случае, если связь с центром не установлена) «функеру» не рекомендовалось.

В текстах радиограмм обязательно должны быть отражены дата шифровки, в течение какого времени и когда было произведено наблюдение, чьи сведения и подпись радиста — «АР». В случае, если радист работает под диктовку советских

органов безопасности, в конце текста радиogramмы вместо подписи «АР» ставится знак раздела. Время работы с радиостанцией центра — 9.45 и 16.30 по московскому времени. При потере связи с центром радист должен был самостоятельно перейти линию фронта.

Шифровальный лозунг — «Историческое значение». При зашифровке радиogramм в центр под каждой буквой ключа в порядке алфавита ставится цифра. После этого делается рамка в 400 клеток, которая разбивается на две части. В первой части рамки записывается текст радиogramмы в горизонтальном положении. Потом во вторую часть рамки также в горизонтальном положении списывается текст радиogramмы в первой части в вертикальном порядке. После окончания этой операции текст радиogramмы переписывается в группы в вертикальном положении.

Приняв во внимание намерение агентов явиться с повинной, их откровенное поведение в ходе следствия, а также подробные сведения об организации работы разведочки, наличие кодов и шифров, руководство 2-го Управления НКВД СССР приняло решение начать радиоигру с германской военной разведкой.

9 февраля 1943 года центру направили первую радиogramму: «Приземлились благополучно, рация в полной исправности. Продолжаем путь к месту назначения».

17 февраля в центр передали радиogramму с военной дезинформацией: «Через станцию большое движение. Днем проходит 15–18 поездов. Ночью не наблюдали. Везут всякие грузы. Военных прошло два санитарных, три с красноармейцами».

Затем дезинформация противнику стала передаваться регулярно через каждые два дня: 19 февраля — «В Люберцах есть аэродром, говорят, истребительной авиации. Над городом целый день летают истребители. В городе встречаем командиров и красноармейцев разных частей».

21 февраля: «20 февраля на юг прошло два новых бронепоезда. На Москву движение поездов такое же, как и сообщал». 23 февраля центру радиовали: «В Москве погон не купили. Индивидуально не продают. Проводят систематические проверки лиц, не имеющих погон».

С конца февраля 1943 года радиоточка «Борисов» включилась в работу по передаче противнику систематической дезинформации о планах летней кампании Красной армии. Со стороны Генштаба Красной армии тексты дезинформационных сообщений противнику подписывал начальник Оперативного управления (с декабря 1942 по май 1943) и заместитель начальника Генштаба КА генерал-лейтенант А.И. Антонов.

От органов безопасности передачу дезинформации противнику санкционировал начальник 2-го Управления НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотов (до 19 апреля 1943 года).

Справки для дезинформационных сообщений по производству продукции заводами Наркомата вооружения СССР, Наркомата боеприпасов СССР и Наркомата промышленности стройматериалов, находящимися в районе г. Люберцы, готовили Экономический отдел УНКВД по Московской области (МО) и Ухтомский райотдел УНКВД МО. Одновременно с передачей дезинформации о перевозках грузов, работе промышленности и настроениях населения противнику регулярно направлялась сводка погоды.

27 февраля в центр передали «дезу»: «На станции слышал разговор танкиста, он воевал под Сталинградом, потом с командой отвозил на ремонт танки в Челябинск. Сейчас возвращается в часть, куда-то на север».

3 марта противнику сообщили: «За прошедшие четыре дня на Москву провезли 4 эшелона с войсками, один — с тягачами и автомашинами. Говорят, из Сталинграда. “Ароматов” взялся на учет в военкомате».

22 марта — новая «деза»: «20 марта на Москву прошло 2 эшелона с plombированными вагонами, один — со средними танками. На танках надписи — “защитникам Сталинграда”. От танкистов узнали — едут в направлении Калинина».

Одновременно с радиogramмами о перевозках военных грузов, боевой техники и вооружения германской военной разведке периодически передавали дезинформацию об усилении Московской зоны ПВО.

Генштаб Красной армии учел, что самолеты люфтваффе могли повторить масштабный налет на столицу, приуроченный к третьей годовщине со дня нападения на Советский Союз, поэтому не забывали передавать дезинформацию и в этом направлении. 8 апреля в центр сообщили: «Вечером 30-го марта на Москву прошло 4 эшелона с зенитной артиллерией, прожекторами, звукоулавливателями. В вагонах красноармейцы и грузы. Три эшелона с повозками, двуколками. Из Москвы два эшелона с ранеными».

Вскоре контрразведчики решили разнообразить игру и попробовать вызвать курьера так, чтобы не вызвать подозрения у противника. 16 апреля в центр радиовали: «Для работы на нашем участке нас хватает двоих. Если курьера не хотите возвращать обратно, устроим его по вашим указаниям в другом месте и будем держать с ним связь».

С этого дня в поселке Томилино Ухтомского района Московской области, напротив дома, в который ожидался приход германского агента (дом 37 по Пушкинской улице), сотрудниками 6-го отдела 2-го Управления НКВД СССР для задержания агента-связника германской военной разведки была устроена засада в составе четырех сотрудников (все в звании лейтенантов госбезопасности). Кроме того, на железнодорожной станции Томилино был выставлен подвижной пост в составе двух оперативных работников.

Во второй половине апреля 1943 года произошла крупная реорганизация советских органов безопасности. 19 апреля 1943 года было образовано Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР (ГУКР «Смерш» НКО СССР). Все радиогри, за исключением операции «Монастырь», для дальнейшей разработки были переданы в 3-й отдел ГУКР «Смерш». С 19 апреля 1943 года санкцию на передачу в эфир радиogramм противнику давал комиссар госбезопасности 2-го ранга (с 4 февраля 1943) В.С. Абакумов или его заместитель — комиссар госбезопасности 3-го ранга (с 14 февраля 1943) П.Я. Мешик.

23 апреля в центр радиовали: «20-го апреля на Москву прошло два эшелона крытых брезентом грузовых автомашин с цистернами. На 7 платформах — зенитные орудия. Диспетчер сообщил, ночью 19-го апреля на Москву прошли 2 эшелона самолетов».

2 мая противнику передали две радиogramмы с важной дезинформацией: 1. «За прошедшие три дня на Москву по железной дороге прошло два эшелона с легкой и средней артиллерией, один с бойцами летной части, три с горючим, восемь с plombированными вагонами, пять с цементом, колючей проволокой. По шоссе до 400 машин с грузами. Эшелоны с углем, продовольствием и другим грузом проходят чаще. Их не учитываем». 2. «28 апреля из Москвы прошел эшелон: 35 платформ с разбитыми танками 10-й гвардейской танковой бригады и других частей. Сведения от красноармейцев, сопровождающих эшелон».

На следующий день, 3 мая, о состоявшемся сеансе связи с разведцентром противника начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Г.В. Утехин рапортом доложил замнаркома обороны СССР комиссару госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумову.

4 мая в центр направили две шифровки:

1. «29 апреля на Москву прошло 3 эшелона с войсками. Из разговоров с бойцами узнали, что они едут уже вторую неделю с Урала».

2. «6-го мая срок документов истекает. С просроченными документами жить здесь опасно. Просим не подвести с присылкой подготовленного для нас».

5 мая приняли шифровку из центра: «Курьер для вас уже в пути, он привезет все, что вы хотели иметь. Из 300 000 рублей вы должны 100 000 рублей употребить для вербовки новых источников из железнодорожников. Вы сами знаете, какую это пользу приносит. Курьера пока оставьте у себя, он надежный человек».

6 мая в 12.35 по указанному выше адресу явился неизвестный в военной форме с погонами старшего лейтенанта артиллерийских частей и гвардейским значком на груди. Засада, обнаружив приход неизвестного, закрыла выход из дома. Два оперработника Смерша вошли вслед за неизвестным, обезоружили его и задержали.

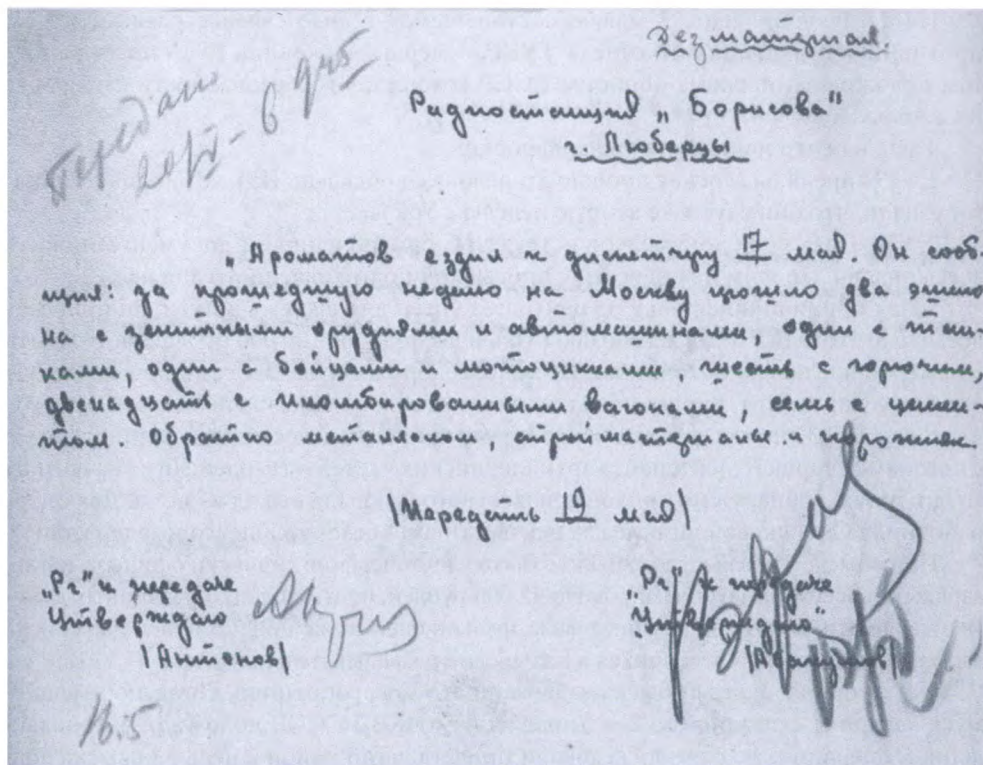
При обыске у неизвестного было изъято удостоверение личности офицера, наган, заряженный семью патронами, около 42 000 рублей, чистые бланки различных документов, партийный билет, ручные часы, флакон одеколона, продукты и... два списка германских агентов, обучавшихся в Катинской разведывательной школе.

После производства обыска задержанного оперработника, согласно имевшемуся заданию, связались со 2-м Управлением НКВД СССР, доложили о произведенной операции, а затем обследовали прилегающий район с целью розыска возможно имеющегося напарника.

Далее случилось непредвиденное. Хозяйка квартиры (которой, конечно, в целях конспирации не объяснили, почему у нее дома находятся вооруженные люди), где была устроена засада, обратив внимание, что «квартиранты» быстро направились в соседний дом, нашла это подозрительным и рассказала о случившемся своей соседке. В тот момент в гостях у последней находились офицеры 201-го отдельного гвардейского минометного дивизиона во главе с командиром, в том числе и оперуполномоченный особого отдела, в звании капитана госбезопасности. Услышав о происшествии, офицеры с оружием в руках направились к месту задержания агента противника.

Армейский особист, войдя в дом первым, сотрудниками 2-го Управления НКВД СССР был «немедленно разоружен и положен на пол», так как оперативники были ориентированы о возможности прихода двух агентов-связников, к тому же капитан-особист имел такие же погоны артиллериста и значок «Гвардия», как и агент германской военной разведки. Другие офицеры 201-го минометного дивизиона, увидев произошедшее на их глазах задержание своего сослуживца, выбежали на улицу и, с помощью пришедших на помощь работников пожарной охраны, окружили дом.

Трагедии не произошло только потому, что в этот момент прибыл руководящий сотрудник 2-го Управления НКВД СССР, который на месте урегулировал чуть было не состоявшуюся перестрелку. После этого, в 16.00 часов, задержанный агент противника был доставлен во 2-е Управление НКВД СССР. Курьером «Сатурна» оказался агент германской военной разведки, имевший псевдоним Скирда.

Дезинформация военного характера от 16 мая 1943 г. На документе автографы начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР комиссара госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумова и заместителя начальника ГШ КА генерал-лейтенанта А.И. Антонова

За два дня до этого, 4 мая, председатель Мокринского сельсовета С.И. Пискунов и председатель колхоза «Красные Новоселки» И.Я. Каледин передали в Мордовский райотдел УНКВД по Тульской области ящик, завернутый в плащ-палатку, который колхозники обнаружили в 300 м от дер. Новоселки у стога с соломой.

В ящике были обнаружены: пачки сторублевых купюр советских денег суммой 301 тысяча 500 рублей, две гимнастерки, двое брюк, одна пара нижнего белья, три банки шоколада, плитки с концентратом, 6200 г сахара, одна противогазная сумка с четырьмя батареями для рации, а также две пары погон со знаками различия старшего лейтенанта и лейтенанта. 7 мая того же года «посылка» из абвера была передана в 3-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР.

22 мая в центр радиовали: «19 мая на Москву прошла колонна автомашин с легкими противотанковыми орудиями, бойцами и грузом. В колонне 43 машины: с орудиями — 24, бойцами — 10, грузом — 9. Наблюдали лично»*.

Через два дня (24 мая) — новая шифровка с «дезой»: «Вчера вечером на Москву прошел новый бронепоезд. От команды бронепоезда узнали — построен на средства, собранные рабочими Куйбышева».

* На документе резолюции: 1) «Рг» к передаче утверждаю. Антонов»; 2) «Рг» к передаче утверждаю. Абакумов».

3 июня докладной запиской № 128/А начальник ГУКР «Смерш» сообщил в ГКО СССР сведения о задержании германских шпионов-парашютистов, заброшенных на советскую территорию, и использовании их в радиоиграх с противником:

«Радиостанция “Борисов”. Находится в г. Люберцы Московской области, включена в радиоигру 9 февраля сего года. В радиоигре используется арестованный германский агент-радиотехник Гурский Г.А., 1916 года рождения, беспартийный, житель г. Борисова, оставшийся в период оккупации у немцев и обучавшийся в Катинской школе немецкой разведки. Разведчик был переброшен немцами на самолете 5 февраля сего года в Лопатьевский район Тульской области с заданием осесть в Люберцах и вести шпионскую работу. Радиостанция была включена в радиоигру с целью передачи противнику дезинформационных сведений и вызова других агентов противника для их перехвата. Рация пользуется доверием у немцев, по сообщению которых разведчики награждены орденами “За храбрость” 2-го класса.

6 мая на подставленный противнику адрес явился связник германской разведки Бахмат Г.Ф., 1913 года рождения, попал в плен к немцам в сентябре 1942 г. на Калининском фронте. Обучался в Катинской и Борисовской школах германской разведки. Агент-связник доставил питание для рации, фиктивные документы, обмундирование для разведчиков и 359 тысяч рублей. Связник был арестован 6 мая сего года. В связи с настоятельным требованием немцев, чтобы курьер после вручения посылки вернулся обратно через линию фронта, легендировано его убийство при переходе на сторону противника»⁶⁸⁵.

6 июня для передачи противнику совместно с Генштабом КА были подготовлены три дезинформационных материала и даты их передачи в центр. В их числе была новая «деза» о дальнейшем укреплении ПВО столицы:

«1. Вечером 7 июня на Москву прошел эшелон с зенитной артиллерийской частью. На платформах 11 тяжелых и 16 легких автоматических орудий. Красноармейцы в 15 вагонах. Наблюдали лично”. Передать 8 июня 1943 г. 2. “По шоссе на Коломну 9 июня прошла колонна автомашин вновь сформированного автобатальона. В колонне 12 грузовых и 10 легковых автомашин. Сведения от шофера, потерпевшего аварию”. Передать 10 июня 1943 г. 3. “12 июня утром на Москву прошло три эшелона, один с разобранными самолетами в ящиках и два с горючим. Наблюдали лично”. Передать 13 июня 1943 г.*».

13 июня начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Г.В. Утехин согласовал с заместителем начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенантом П.Я. Мешником следующую радиограмму в центр. Окончательная формулировка текста радиограммы утверждена начальником ГУКР «Смерш» В.С. Абакумовым: «Господину доктору! Убедительно просим проверить, почему остаются безответными наши просьбы. В каком положении мы находимся, вам должен был рассказать “Скирда”. Медлить с помощью дальше нельзя. Обращаемся к вам как другу и начальнику. Примите срочные меры». Одновременно радиоцентр противника передал радиограмму: «Помощь готова. Получилась непредвиденная задержка. Не падайте духом, [с] приветом и успехом».

17 июня по радиостанции «Борисов» противнику передана радиограмма: «По шоссе на Коломну 15 июня — колонна новых автомашин вновь сформирован-

* На документе резолюции: 1) «Передачу указанных трех текстов санкционирую. Г[енерал] Штенко»; 2) «Передачу утверждаю — нач[альник] Главного управления “Смерш” Абакумов».

ного автобатальона. В колонне 120 грузовых и 10 легковых машин. Сведения от шофера испорченной машины».

19 июня противнику направили две радиogramмы: «1. Срочная. Господину доктору. Очень благодарны [за] внимание. Посылку ждем [по] адресу — Малаховка, улица Советская дом № 3, хозяин — Лундышев Иван Александрович. 2. Вчера узнали, что здесь объявлена перерегистрация отпускников из госпиталей. Будут давать новые документы. После 30 июня старые недействительны. Просим это учесть. Посылайте нам другие документы, лучше командировочные бланки». В ответ получили новое задание от противника: «Ждите скоро точных указаний о снабжении. Старайтесь на Москва-передаточная завербовать железнодорожников, чтобы доставать сведения о транспорте с Востока».

22 июня из «Сатурна» была получена радиogramма: «Новый курьер со всеми вещами в дороге к вам. Его зовут Меньшиков. Он не останется у вас, а принесет привет от доктора. Надеемся, что все пройдет благополучно».

О полученных сведениях и об имеющихся данных на курьера «Меньшикова» заместитель начальника 3-го отдела ГУКР «Смерш» подполковник В.Я. Барышников рапортом доложил начальнику ГУКР «Смерш»: «По заявлению “Борисова”, Меньшиков является его хорошим знакомым по Катынской школе, у немцев пользуется большим авторитетом, проживает в школе совместно с женой и ребенком, настроен антисоветски. Имя “Меньшикова” — Александр, школьное — “Виктор”, обучался по программе разведчика-радиста. Приметы: 1919 года рождения, брюнет, выше среднего роста, сухощавый, очень тонкая талия, стройный, лицо симпатичное, глаза карие, верхние кончики обеих ушных раковин срезаны или от заморожены (заметно бросается в глаза), б[ывший] старший лейтенант Красной армии».

Вскоре был задержан еще один агент-связник из «Сатурна» — «Меньшиков». В книге Д.П. Тарасова, описан любопытный эпизод, связанный с прибытием этого агента-курьера: «В ответных радиogramмах противник, стремясь поддержать настроение агентов, в течение двух недель неоднократно заверял их, что помощь готовится, а 22 июня 1943 года сообщил, что курьер находится в пути. Им оказался Меньшиков, который вместе с Антоновым и Ниловым проходил обучение в Борисовской разведшколе, а затем был оставлен там в качестве преподавателя. Меньшиков был сброшен на парашюте в Калужской области. Приземлился он в лесистой местности, где в то время находилась прибывшая с фронта на переформирование одна из воинских частей 11-й армии⁶⁶. Это обстоятельство создало ситуацию, повлекшую за собой непредвиденные осложнения для Меньшикова и ошибочные действия некоторых должностных лиц...

Недавнее пребывание во фронтовой обстановке оказало влияние и на принятие скоропалительного решения руководством отдела контрразведки “Смерш” 11-й армии. Вместо того чтобы о явке с повинной Меньшикова и полученных от него показаниях доложить в Москву, руководители отдела контрразведки, взяв группу автоматчиков, немедленно выехали в Томилино с целью арестовать Антонова и Нилова, к которым шел на связь Меньшиков. Хорошо еще, что во время проезда через Люберцы им пришла в голову мысль захватить в горотдел НКВД, где в связи с ожиданием курьера дежурили оперативные работники Центра. Не трудно себе представить, чем могло бы закончиться их самостоятельное появление на явочной квартире, где находилась засада. На этот раз все закончилось благополучно,

если не считать того, что руководству отдела «Смерш» 11-й армии пришлось, как говорят, стоя на ковре в кабинете начальника Главного управления контрразведки «Смерш», краснеть за свои опрометчивые действия»⁶⁸⁷.

Под именем «Меньшикова» в «Сатурне» работал советский разведчик Александр Иванович Козлов. В скором времени ему предстояло стать одним из самых удачливых зафронтовых агентов советской военной контрразведки за весь период войны и проработать в «Абверкоманде 103» до капитуляции нацистской Германии.

После приземления, в ночь с 22 на 23 июня 1943 года, А.И. Козлов встретил бойцов конной разведки 1068-го стрелкового полка 328-й стрелковой дивизии, находившихся неподалеку. Не раскрывая себя, он потребовал привести его к офицеру. Вскоре на место приземления прибыли командир и начальник ОО дивизии. Затем Козлова доставили в штаб дивизии, откуда его перевезли в ОКР «Смерш» 11-й армии. В тот же день Козлова перевезли в Москву, в распоряжение 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

На допросе 23 июня А.И. Козлов рассказал о своих злоключениях в немецком плену и о том, как он был завербован противником:

«Вопрос: Дайте показания об обстоятельствах вашего пленения. *Ответ:* В начале августа 1941 г. 21-й СП* из Москвы был направлен в м. Мышенка, затем в г. Волоколамск на ст. Семлево и в район г. Дорогобуж. Я в то время командовал батальоном. В 4–5-дневных боях связь со штабами полка и дивизии была порвана. Случайно я встретил одного работника штаба дивизии, который мне сказал: “Разбиться на мелкие группы и выходить из окружения или, если это не удастся, идти в тыл противника и действовать партизанскими методами борьбы”.

Я разбил батальон на мелкие группы, объяснил обстановку и задачу, отобрал себе 11 человек и после неудачи выхода из окружения направился в тыл противника для партизанской борьбы. По дороге от меня отстали все, за исключением двоих — лейтенанта Зацепилова И.И. и старшины Амельченкова Д.И. Отставшие были родом из оккупированных немцами областей и направились по домам.

Мы выбрали район действия Дорогобуж. По дороге переоделись в гражданскую одежду и, выдав себя за освобожденных немцами заключенных, в конце 1941 года прибыли в район г. Дорогобужа и приступили к организации партизанского отряда. До объединения всех отрядов в отряд “Дедушка” я, со своим отрядом, вел борьбу с карательными отрядами противника, полицейскими и со старостами и старшинами.

В феврале м-це 1942 года все мелкие отряды были объединены в большой партизанский отряд “Дедушка”. После объединения я был назначен командиром

Агент германской военной разведки «капитан Меньшиков», он же — советский разведчик, участник радиоигры «Борисов» Александр Иванович Козлов

* СП — стрелковый полк.

партизанского отряда № 5. 22–23 февраля я со своим отрядом участвовал в боях за Дорогобуж и за отличие в боях был представлен к правительственной награде. По прибытии в г. Дорогобуж частей генерала Белова⁶⁸⁸ партизанский отряд “Дедушка” был расформирован в батальоны, полки, дивизию. Я был назначен командиром 3-го партизанского батальона. После ранения нач[альника] штаба 1-го партизанского полка меня назначают на его место. В апреле месяце по выздоровлении начальника штаба полка я был назначен помощником начальника штаба по разведке.

В середине июля м-ца 1942 года немцы начали ликвидацию группировки войск генерала Белова и партизанских отрядов “Дедушка”. После упорных оборонительных боев был получен приказ разбиться на мелкие группы и действовать партизанскими методами борьбы. Я отобрал себе 12 человек и повел в Кучеровские леса. Немцы самолетами, танками и автоматчиками начали прочесывать леса. Я со своей группой углубился в лес и в болото. В районе деревень Щербинино, Новоселки примерно в 35 км на запад от Дорогобужа нас окружили, но взять не могли, мы уничтожили около 10 немецких автоматчиков и потеряли со своей стороны одного убитого и одного раненого. После чего немцы подослали к нам переодетых в нашу форму солдат немецкой армии, которые обезоружили нас и взяли в плен. Колонной нас повели в г. Дорогобуж и далее на ст. Сафоново, погрузили на поезд и отправили в лагерь военнопленных в г. Вязьма <...>

Вопрос: В лагере военнопленных в г. Вязьма вы сколько раз допрашивались?

Ответ: В Вязьме меня допрашивали три раза.

Вопрос: По каким вопросам? *Ответ:* Требовали признаться, являюсь ли я политруком, причем каждый раз уговаривали, что сейчас якобы по приказу Гитлера комиссаров и политруков не расстреливают, а сохраняют им жизнь и направляют в специальные лагеря. Я отвечал, что являюсь командиром, старшим лейтенантом Красной армии. После первого и второго допроса меня держали в камере смертников. Первый и второй раз допрашивал зондерфюрер в присутствии офицера, фамилий их я не знаю. Третий раз допрашивал новый следователь, тоже зондерфюрер в присутствии нового офицера. Тогда мне было заявлено, что мои показания они перепроверили и убедились, что я им рассказал правду. “Поскольку вы сказали правду, говорил зондерфюрер, я беру вас вместе с женой, жена получит работу в госпитале, а вас мы куда-нибудь пристроим”. С предложением я согласился, и нас отправили в д. Алексеевскую. <...>

Вопрос: Расскажите, каким же образом вас завербовали немцы для работы в разведке? *Ответ:* Месяца полтора спустя после нашего прибытия в д. Алексеевскую меня вызвал тот же самый зондерфюрер, который отправлял меня из Вязьмы, и заявил следующее:

“Я хочу с вами говорить откровенно. Место, куда вы попали, есть германская разведка, которая забрасывает в тыл Красной армии своих агентов из русских. Я предлагаю вам, если вы желаете, бороться вместе с нами против большевиков, остаться у нас в качестве разведчика. Если же вы не хотите, я могу устроить вас в “Русскую национальную армию”, если же вы и этого не хотите, то вас отошлют в Германию, в лагерь военнопленных на работы. Не отвечайте сразу, подумайте и завтра ответите. Мы очень хорошо платим своим разведчикам и по окончании войны устроим своих доверенных лиц на высокие посты. Итак, до завтра. Подумайте обо всем”. Я ответил: “Хорошо. Я подумаю и завтра скажу свое решение”.

До полуреконструированной дружки, посвящаем
Вам две временные удостоверения
одна до 1-го августа, другая не за
получена. Оружие заберите если
есть красными карандашами.
Планки с полевыми почтальонами
употребляйте 01927 дня 57-го августа
Батт. Справки, дружку для дружки, а так
же и все другие сопроводительные
две бумаги.
Вам приказ и полевые карты
для Вас сообщит по радио.
Если Вы не желаете приехать
в штаб, то я Вам вышлю Коро
щеву напарника для совместной
работы. Желаю успеха и здоровья.
С приветом от всех
Каминтане.
употребляйте главным образом
полевые карты.

до полуреконструированной дружки, посвящаем
Вам две временные удостоверения
одна до 1-го августа, другая не за
получена. Оружие заберите если
есть красными карандашами.
Планки с полевыми почтальонами
употребляйте 01927 дня 57-го августа
Батт. Справки, дружку для дружки, а так
же и все другие сопроводительные
две бумаги.

Задание германской военной разведки,
переданное агентом-курьером для Г.А. Гурского (немецкий псевдоним Ароматов)

На этом разговор наш был закончен. На другой день я был вызван снова и дал свое согласие. Я думал тогда, немцы враги моей Родины, следовательно, и мои. Я ненавижу их и боролся с ними. Только обстоятельства заставили пока прекратить эту борьбу. Если я соглашусь, я не сделаю преступления перед родиной. Преступление будет тогда, когда я буду работать на пользу немцев против своих и своей Родины. Пусть меня перебросят к своим, я расскажу им методы работы германской разведки и их секреты. Таким образом я и стал германским разведчиком.

Вопрос: Когда произошел этот разговор? *Ответ:* Точной даты не помню, но это было 6, 7 или 8 августа 1942 года.

Вопрос: Что же было дальше? *Ответ:* До 20 августа 1942 года я оставался в дер. Алексеевское, а затем был зачислен в Катынскую разведывательную школу под псевдонимом “Меньшиков” и приступил к изучению радиодела. <...>

Вопрос: Какое же вы получили задание? *Ответ:* Мне поручено установить связь с действующим в тылу Красной армии немецким агентом-радистом и по паролю “Меньшиков от доктора” передать посылку: 7 батарей 90 в, 2 батареи 120 в, кварц, два запечатанных пакета и обмундирование.

Вопрос: С кем вы должны были установить связь? *Ответ:* Я должен был явиться к агенту “Кондратьеву”*, проживавшему под Москвой в поселке Малаховка, ул. Советская, д. № 3.

Вопрос: “Кондратьев” вам известен? *Ответ:* Да, агента “Кондратьева” я знаю. Он также окончил Катынскую школу. Переброшен в тыл Красной армии... Его приметы: 26 лет, среднего роста, коренастый, физкультурник, блондин, волосы зачесывает назад, на нижней челюсти передние зубы вставные, металлические, выброшен в форме лейтенанта Красной армии. <...>

После приземления (выброска должна была произойти в районе Тулы) я должен был закопать парашют и сам прибыть в Тулу. Фронт скомандовали переходить в районе дер. Полики, юго-западнее г. Сухиничи. При задержании немецкими войсками назвать пароль “Штаб–Смоленск”. Задания должны быть выполнены в течение 10 дней. При следовании на аэродром сопровождающий меня зондерфюрер сказал: “Действуйте смело, документы у вас хорошие. По прибытии на место посмотрите, нет ли ничего подозрительного. Передайте чемодан с паролем ‘Меньшиков от доктора’. Документов своих не показывайте. Если будут приглашать выпить и закутить, не соглашайтесь, а сразу же следуйте обратно”.

Вопрос: Какую вы получили легенду и кто вас инструктировал по вопросу передвижения до пункта назначения и обратно? *Ответ:* Задание получил от немецкого полковника — шефа (очевидно, начальника разведки) 21-го июня 1943 года в 19.00. Подготовлен был им же. Легенда следующая: “Я, гвардии капитан Равевский А.В., ПНШ-2** 49-го гвард[ейского] стр[елкового] полка 16-й гвард[ейской] стр[елковой] дивизии командиром 16-й гвардейской стр[елковой] дивизии”...»

Как видно из протокола допроса, Козлов указал, что должен был доставить посылку германскому агенту «Кондратьеву», которого, как оказалось, знал лично. Однако явочный адрес в пос. Малаховка был направлен противнику от имени группы «Ароматова». Ответ Козлова несколько озадачил сотрудников Смерша. От коллег из НКГБ им было известно, что агент «Кондратьев» участвовал в другой

* «Кондратьев» — советский разведчик Григорий Григорьевич Зобач, участвовавший в радиоигре «Монастырь – Курьеры».

** ПНШ-2 — второй помощник начальника штаба полка.

спецоперации — радиоигре «Монастырь – Курьеры», проводившейся 4-м Управлением НКГБ СССР. О явке с повинной Козлова-«Меньшикова» руководство Смерша уведомило НКГБ СССР.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, руководство 3-го отдела ГУКР «Смерш» пришло к выводу, что полковник германской военной разведки, инструкторовавший «Меньшикова», случайно спутал псевдонимы двух руководителей разведгрупп — «Ароматова» (радиоточка «Борисов») и «Кондратьева» (радиоточка «Престол»).

В черновике докладной записки, адресованной лично И.В. Сталину, начальник ГУКР «Смерш» В.С. Абакумов сообщал:

«Главное управление контрразведки “Смерш” в целях радиоигры с противником использует перевербованную в феврале 1943 года группу немецких разведчиков в составе [“Ароматова”] и [“Нестерова”] (наша кличка — группа “Борисов”). <...> “Меньшиков” сдал привезенный им от немцев чемодан, в котором оказалось 2 комплекта батарей для питания радиостанции, 300 тыс. рублей денег, набор различных фальшивых документов и два комплекта обмундирования военного образца, заявив, что по заданию немцев должен был доставить груз по адресу: [пос. Малаховка, ул. Советская, д. № 3] агенту-радисту германской разведки “Кондратьеву”. Адрес, указанный “Меньшикову”, был нами доставлен немцам от имени группы “Борисова”. Приведенная выше телеграмма также свидетельствует о том, что связник направлялся к “Борисову”.

Между тем германский агент “Кондратьев”, имеющий приметы, тождественные изложенным “Меньшиковым”, не входит в состав группы “Борисова”, а является неким Зобачем Григорием Григорьевичем, 1922 г. рождения, беспартийным, бывшим инструктором физкультуры Борисовского райсовета, после оккупации Борисова — преподавателем физкультуры в средней школе, член контрреволюционной организации “Белорусская громада”, учился в Витебской и Борисовской разведывательных школах, переброшен немцами на нашу сторону 7/Х 1942 года. После приземления “Кондратьев” органами НКВД был арестован, перевербован и в настоящее время используется в радиоигре по делу “Монастырь”, о которой Вам доложено НКГБ СССР.

Полагаем, что немецкий полковник, инструкторовавший “Меньшикова”, спутал клички руководителей разведывательных групп. Далее на допросах [Козлов] дал правдивые показания о Катынской и Борисовской школах германской разведки, преподавательском составе этих школ, назвал по кличкам и приметам 34 разведчиков, переброшенных немцами на нашу территорию <...>

Представляют интерес показания [Козлова] в отношении “Петрова”. “Петров” — настоящая фамилия Шинкаренко Д.З., работал в паспортном бюро “Абверкоманды 103”, условно именуемой “Сатурн”. В середине мая [текущего] года он, похитив фотографии ряда разведчиков, обучавшихся в Катынской и Борисовской школах, явился в один из партизанских отрядов и НКГБ СССР доставлен в Москву. Показания Шинкаренко Вам доложены НКГБ СССР. [Козлов] характеризует “Петрова”-Шинкаренко положительно и заявляет, что его исчезновение вызвало крайнее беспокойство среди разведчиков, подготавливаемых к переброске на нашу сторону. Для расследования этого дела в Борисов приезжали полковник и обер-лейтенант из “Абверкоманды 103” и капитан из немецкого Генштаба. Бюро по изготовлению документов было переведено в местечко Красный Бор, где дислоци-

руется “Абверкоманда 103”. Для успокоения разведчиков немцы вначале распространили версии, что “Петров” арестован ими и сидит в тюрьме, а затем якобы его убили при разгроме партизанского отряда. Ни одной из этих версий разведчики не верят. <...>

Учитывая, что [Козлов] явился с повинной, дал чистосердечные показания и рядом ранее явившихся разведчиков, обучавшихся с ним в одной школе, характеризуется положительно, Главным управлением “Смерш” принято решение перевербовать [Козлова] и направить его в тыл противника для внедрения в “Абверкоманду 103” с контрразведывательными задачами».

1 июля состоялся очередной сеанс связи с разведцентром противника. Противнику переданы радиogramма служебного характера и метеосводка:

«Господину доктору! Сердечно благодарим за посылку. Получили все, за исключением одного комплекта батарей, которые “Меньшикову” пришлось выбросить. Настроение сейчас бодрое. Ваше последнее задание обещаем выполнить. Привет».

Накануне начала Курской битвы, 3 июля, в центр радиовали: «Был у диспетчера. Договорился о получении сведений. Дал свыше 10 тыс. рублей. Будет давать количество эшелонов, характер грузов и куда следуют. Наблюдать может только в часы дежурств».

На следующий день, 4 июля, по радиостанции «Борисов» передали противнику три радиogramмы; две — дезинформационного характера и одну со сводкой погоды:

«1. 2-го июля разгрузили эшелон иностранных самолетов и 13 платформ снарядов. Снаряды перевозили на машинах танкисты. Наблюдали лично. 2. Вчера в танковую часть прибыло пополнение около 200 человек из пересыльного пункта гор. Ульяновска. Говорят, будут артиллеристами и пулеметчиками на танках. На Москву прошло: один эшелон с зенитной артиллерией, а один — с бронемашинами и мотоциклами. Наблюдали лично».

* * *

Сделаем небольшое отступление и обратимся к событиям, происходившим на центральном участке советско-германского фронта летом 1943 года. С 5 июля по 23 августа проходила одна из крупнейших стратегических операций на советско-германском фронте — битва на Курской дуге. Еще не успели завершиться сражения под Курском и Белгородом, как Ставка ВГК подготовила следующую операцию — на Смоленском направлении (7 августа – 2 октября 1943). Эта операция началась в период контрнаступления советских войск под Курском, завершилась в период битвы за Днепр и Правобережную Украину и стала составной частью общего наступления Красной армии в летнее-осенней кампании 1943 года.

Смоленская наступательная операция была осуществлена войсками Западного фронта под командованием генерала армии В.Д. Соколовского и войсками левого крыла Калининского фронта под командованием генерала армии А.И. Еременко. По ходу боевых действий и характеру выполняемых задач Смоленская стратегическая наступательная операция делится на три этапа. Первый этап охватывает период боевых действий с 7 по 20 августа. В ходе этого этапа войска Западного фронта провели Спас-Деменскую операцию. Войска левого

крыла Калининского фронта начали Духовщинскую наступательную операцию. На втором этапе (21 августа – 6 сентября) войска Западного фронта провели Ельненско-Дорогобужскую операцию, а войска левого крыла Калининского фронта продолжали вести Духовщинскую наступательную операцию. На третьем этапе (7 сентября – 2 октября) войска Западного фронта во взаимодействии с войсками левого крыла Калининского фронта осуществили Смоленско-Рославльскую операцию, а главные силы Калининского фронта — Духовщинско-Демидовскую операцию⁶⁸⁹.

Как видно из документальных материалов радиоигры «Борисов», контрразведчики ГУКР «Смерш», совместно с Разведуправлением Генштаба КА, с конца июля по октябрь 1943 года интенсивно проводили активные дезинформационные мероприятия германской военной разведки при командовании группы армий «Центр». Целью этой работы было скрыть намерения Ставки ВГК по проведению наступления на западном направлении.

* * *

С началом Курской битвы Смерш и Генштаб Красной армии продолжали интенсивно передавать военную дезинформацию по радиоточке «Борисов».

10 июля с Оперативным управлением Генштаба КА вновь согласована передача трех дезинформационных текста: «1. “Нестеров” через сожительницу узнал, что в районе Люберцы разместились прибывшая с фронта танковая бригада. Почтовый адрес: полевая почта 821. Бойцы говорят, [что] прибыли на отдых”. 2. “14 июля на Рязань в трех эшелонах проехал гвардейский мотострелковый полк. Сибиряки, возраст от 25 до 45 лет. Сведения от бойцов”. Передать 15 июля. 3. “17 июля на Москву прошло: по шоссе колонна американских автомобилей в количестве 105 штук. Везли груз. На каждой машине по 2–3 красноармейца. По железной дороге — один эшелон с горючим, четыре с грузом, продовольствием. На пяти платформах пропеллеры к самолетам. Наблюдали лично”».

12 июля согласована и санкционирована к передаче Генштабом КА очередная «деза» противнику, на следующий день шифровка ушла в эфир: «За 5, 7 и 9 июля на Москву прошло эшелонов: с войсками — 2, танками, бронемашинами — 2, артиллерией — 3, автомашинами и мотоциклами — 4, боеприпасами и оружием — 3, горючим — 2, сборных — 6. Из Москвы — с кавалерийскими частями — 3, тяжелыми танками “КВ” — 1, понтонами и стройматериалами — 2, санитарных — 1. Сведения от диспетчера».

В тот же день, 13 июля, от противника пришла радиограмма: «У вас большая переброска войск, боеприпасов и горючего. Наблюдайте и докладывайте срочно также о складах, призывах, формировании, укреплениях. Привет».

Выполняя указания разведцентра противника, 15 июля направили две радиogramмы с дезинформацией военного характера: «1. “Нестеров” через сожительницу узнал, что в р-не Люберцы разместились прибывшая с фронта танковая бригада. Бойцы говорят, что прибыли на отдых. 2. Вчера на Рязань в трех эшелонах проехал гвардейский мотострелковый полк. Сибиряки, возраст от 25 до 45 лет. Сведения от бойцов».

18 июля в «Сатурн» передали очередную дезинформацию военного характера: «1. Вчера на Москву прошло: по шоссе — колонна американских автомашин 105 шт. Везли груз. На каждой машине 2–3 красноармейца. По железной дороге:

один эшелон [с] горючим, четыре — с разным грузом. На пяти платформах пропеллеры к самолетам. Наблюдали лично».

С конца июля 1943 года дезинформационные материалы о перевозках грузов через Москву стали поступать из Разведывательного управления Генштаба КА.

28 июля начальник ГУКР «Смерш» утвердил очередные тексты радиogramм по радиоточке «Борисов», их передачу противнику санкционировал начальник Разведупра Генштаба КА генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов: «1. “[В] Москве в скверах и на больших домах установлены зенитки, много автоматических. В воздухе круглые сутки летают истребители новых марок, быстроходные. Жизнь [в] городе нормальная, работают театры, кино. Организована выставка трофейной техники”. Передать 30 июля. 2. “От знакомого узнал [в] начале июля с Киевской-Сортировочной в сторону Брянска круглые сутки отправляют воинские эшелоны [с] войсками, танками, артиллерией, автомашинами, боеприпасами”. Передать 31 июля. 3. “По нечетным числам с 21 по 31 июля включительно на Москву прошло воинских эшелонов: [с] войсками — 3, танками — 5, артиллерией — 4, горючим — 3, бронемашинами — 1, боеприпасами и оружием — 10. Из Москвы: [с] войсками и автомашинами — 3, битой техникой — 4, спецгрузом — 2, лесом — 11, санитарных — 3. Сведения диспетчера”. Передать 6 августа».

В тот же день, 28 июля, с Разведупром Генштаба КА согласовали еще четыре текста с дезинформационными материалами: «1. “По нечетным числам с 11 до 19 часов включительно на Москву прошло воинских эшелонов: с войсками — 5, танками — 4, артиллерией — 5, горючим — 4, автомашинами — 3, боеприпасами — 12, санитарных — 3. Из Москвы: [с] войсками — 2, мотоциклами и велосипедами — 1, битой техникой — 3, железнодорожным оборудованием — 2, спецгрузом — 3, стройматериалами — 8. Сведения диспетчера”. Передать 30 июля. 2. “2 августа разгрузили эшелон иностранных самолетов и 13 платформ снарядов. Снаряды перевозили на машинах танкисты. Наблюдали лично”. Передать 4 августа. 3. “На рассвете 7 августа на Москву прошло 3 эшелона с пехотной частью. Возраст от 22 до 45 лет, вооружены автоматами, многие противотанковыми ружьями. Формировались в г. Казань. Сведения от красноармейцев”. Передать 8 августа. 4. “Вчера в танковую часть прибыло пополнение около 200 чел., из пересыльного пункта г. Ульяновска. Говорят, будут артиллеристами и пулеметчиками на танках. На Москву прошли: один эшелон с зенитной артиллерией, один с бронемашинами и мотоциклами”. Передать 4 августа».

30 июля от противника получили две короткие радиogramмы, с требованием вести круглосуточное наблюдение за движением авто- и железнодорожного транспорта в районе Москвы: «1. Сообщите, что получили. Сменяйте друг друга, чтобы и ночью наблюдать поезда и шоссеиные дороги. Привет от всех. 2. Спасибо за сведения. Не падайте духом. Наблюдайте непрерывно. Привет от всех».

30 июля начальники 3-го и 4-го отделов ГУКР «Смерш» полковник Г.В. Утехин (с 29 апреля по 23 сентября 1943) и генерал-майор П.П. Тимофеев (с 29 апреля по 23 сентября 1943) утвердили у начальника ГУКР «Смерш» текст радиogramмы в центр. На следующий день, 31 июля, в разведцентр противника передали о получении «посылки»: «В посылке получили: комплект батарей, кварц, две летних гимнастерки, две пары погон, две пилотки, денег 290 тыс. и чистые бланки. За посылку очень благодарим. Привет». Одновременно сообщили, что удалось «завербовать»

нового агента: «В Москве познакомился с девушкой. Работает на станции Киевская-Сортировочная. От нее же узнал — [в] начале июля через станцию в сторону Брянска круглые сутки отправляли воинские эшелоны с войсками, танками, артиллерией, автомашинами, боеприпасами».

3 августа войска Красной армии начали Белгородско-Харьковскую наступательную операцию (кодовое наименование «Полководец Румянцев»).

4 августа из центра приняли радиogramму: «Поддерживайте знакомство с девушкой, которая работает на сортировочной станции в Киеве. Сообщение было бы очень ценным, если застало бы нас вовремя».

5 августа войсками Брянского фронта был освобожден Орел, в тот же день войсками Степного фронта освобожден Белгород. Одновременно ГУКР «Смерш» согласовало с Разведупром Генштаба КА передачу двух текстов с дезинформацией: «1. “По нечетным числам со 2 по 10 августа включительно на Москву прошло воинских эшелонов: с войсками — 4, танками — 3, артиллерией — 6, кавалерией — 2, автомашинами — 3, боеприпасами и оружием — 9, санитарных — 2. Обрато везут стройматериалы для Сталинграда. Сведения диспетчера”. Передать 11 августа. 2. “На рассвете 12 августа на Москву прошла колонна автомашин 145 штук, груженых сеном и фуражом. Из Москвы 12 августа провезли 12 танков ‘Т-34’. От сопровождающих узнали, танки полка Брянского фронта. Везут в Свердловск на ремонт, взамен получают новые”. Передать 13 августа».

7 августа противнику передали радиogramму с дезинформацией военного характера. Обратим внимание, что в этот же день началась Смоленская наступательная операция Красной армии (7 августа – 2 октября 1943): «По нечетным числам с 21 по 31 июля включительно на Москву прошло воинских эшелонов: [с] войсками — 3, танками — 5, артиллерией — 4, горючим — 3, бронемашинами — 1, боеприпасами и оружием — 10. Из Москвы: [с] войсками и автомашинами — 3, боевой техникой — 4, спецгрузом — 2, лесом — 11, санитарных — 3. Сведения диспетчера».

10 и 15 августа в утренние часы (с 9.45 до 10.45) связь с противником установить не удалось, вечером 15-го связь наладилась и в центр передали две радиogramмы: «1. 9-го августа 9 часов. На рассвете вчера на Москву прошло три эшелона с пехотной частью. Возраст от 22 до 45 лет. Вооружены автоматами, многие — противотанковыми ружьями. Формировались в г. Казань. Сведения от красноармейцев. 2. 11 августа 9 часов. По четным числам со 2 по 10 августа включительно на Москву прошло воинских эшелонов: с войсками — 3, артиллерией — 6, кавалерией — 2, автомашинами — 3, боеприпасами и оружием — 9, санитарных — 2. Обрато везут стройматериалы для Сталинграда. Сведения диспетчера».

23 августа в результате проведения Белгородско-Харьковской операции войсками Красной армии был освобожден Харьков.

26 августа начальник ГУКР «Смерш» утвердил очередные тексты радиogramм по радиоточке «Борисов», согласованные с Разведупром Генштаба КА. 28 августа дезинформация была передана противнику:

«1. “По четным числам с 12 по 22 августа на Москву прошло воинских эшелонов: с войсками — 6, артиллерией — 5, танками — 4, автомашинами — 5, боеприпасами и оружием — 10, горючим — 4, санитарных — 4. Обрато: в трех эшелонах проследовала кавалерийская часть. Номера эшелонов 1143–1145. Сведения диспетчера”. 2. “От знакомой узнал — [в] начале августа со стороны Брянска про-

шел поезд с представителями Главного командования. 21 августа в сторону Брянска в двух эшелонах отправлена артиллерийская часть. Орудия противотанковые 66 штук, американских автомашин 75. Бойцы в 26 вагонах. Наблюдали лично». 3. «Вечером 27 августа на станции Люберцы сгрузили 9 танков КВ. На Москву прошла колонна автомашин с грузом под брезентом 97 штук. На машинах военные. Наблюдали лично».

22 сентября утвердили очередную порцию дезинформации в центр:

«2. «Несколько дней провел [у] знакомой. В Москве почти ежедневно стреляют из пушек в знак занятия городов. Настроение населения приподнятое. Правильно ли сообщают советские газеты о фронте». 3. «Через Киевскую сортировочную в сторону Брянска в сутки проходит до 15 воинских эшелонов. Везут войска, артиллерию, танки, боеприпасы, машины. Сведения знакомой и личное наблюдение»».

26 сентября во время очередного сеанса связи противнику радировали:

«По четным числам с 26 по 30 августа и нечетным числам с 1 по 21 сентября прошло на Москву воинских эшелонов: войсками — 19, с танками и бронемашинами — 6, артиллерией — 8, автомашинами — 5, боеприпасами и оружием — 18, горючим — 7, санитарных — 5. Обрато идут эшелоны [со] стройматериалами и др. грузом, пустые цистерны, порожняк, приспособленный для перевозки людей. Сведения диспетчера». Передача дезинформации 22 сентября была согласована с Разведупром ГШ КА.

В тот же день из центра поступила шифровка: «Ваши сведения хорошо, но в них недостает номеров частей и цель эшелонов. Эти две вещи — самое главное и должно быть установлено. Не позволяйте влиять на себя моментальным положением. Наши операции происходят по плану, даже если мы отдаем местность. Привет вам».

30 сентября утверждена и санкционирована передача очередной дезинформации противнику: «На рассвете 10 октября на Москву проследовала в 4 эшелонах десантная бригада, формировалась в р-не гор. Пенза. Командир бригады полковник. Сведения от красноармейцев». Передать 11/Х».

28 и 29 сентября, 2 и 3 октября связь с противником установить не удалось. Центр корреспондента не слышал.

5 октября в «Сатурн» передали ответ на шифровку из центра, поступившую 26 сентября 1943 года: «Господину доктору! Последнее ваше сообщение нас обидело. Неужели вы думаете, что после 15-месячной работы с вами на нас могли повлиять теперешние успехи Красной армии. Нам отступить поздно, что бы ни случилось, работать будем продолжать до конца. Надеемся, что в трудную минуту вы нас выручите. Передавайте сердечные приветы всем друзьям и, если возможно, окажите помощь матери «Нестерова». Крепко жму вашу руку».

9 октября противнику передали сводку погоды и три «дезы»: «1. «28 сентября через Москву на Волховский фронт проследовал танковый полк № 233. Сформирован [в] марте этого года. Узнали от старшего лейтенанта полка». 2. «28.IX. Два дня был у знакомой с Киевской-Сортировочной. Через станцию на Брянск в сутки проходит до 15 воинских эшелонов. Везут войска, артиллерию, танки, боеприпасы, машины. Сведения от знакомой и личные наблюдения». 3. «По нечетным числам с 23 по 29 сентября на Москву прошло воинских эшелонов: [с] войсками — 8, танками — 9, артиллерией — 6, автомашинами — 5, боеприпасами и оружием — 12, санитарных — 3, горючим — 5. Сведения диспетчера»».

11 октября в центр радировали сводку о погоде и очередную дезинформацию: «На рассвете вчера на Москву проследовала в 4 эшелонах десантная бригада. Формировалась в р-не гор. Пенза. Командир бригады полковник. Сведения от красноармейцев бригады». Данные для передачи противнику были согласованы с Разведупром ГШ КА 30 сентября 1943 года и переданы в заранее обусловленный срок.

В ответ приняли две шифровки из «Сатурна»: «1. Мы не хотели вас оскорбить. Мы знаем, что вы до победы храбро сражаться будете, но мы знаем пропаганду большевиков, и наша передача должна была укрепить вашу веру в нашу силу. Привет вам, наши верные. 2. Работайте в 9.45, 16.00 часов Московского времени. Кап[итан]».

13 октября противнику радировали: «Вчера на Москву прошли два эшелона [с] горючим, один бронепоезд. На станции разгрузили шесть вагонов авиабомб. По шоссе группами и в одиночку прошло 246 машин с разным грузом».

21 октября передали в «Сатурн» сводку о погоде, дезинформацию и служебную радиogramму: «1. “По нечетным числам с 1 по 13 октября на Москву прошло воинских эшелонов: [с] войсками — 9, танками — 7, артиллерией — 6, боеприпасами и оружием — 18, автомашинами — 5, горючим — 6, санитарных — 2. Обратное: [с] войсками — 3, битой техникой — 4, стройматериалами — 23. Сведения диспетчера”. 2. “Господину доктору! Просим прислать новые батареи. Старые быстро садятся. К концу связи вас почти не слышно. Если возможно, пришлите и станцию. В нашей что-то неисправно. Привет”».

5 ноября вновь направили просьбу о присылке новых батарей и рации: «Господину доктору! Еще раз напоминаем о нашем положении. Батареи садятся, станция не в порядке, ввиду чего не всегда удается связаться. Боимся остаться без связи. Об этом вам сообщаю, но ответа все еще не получили. Просим принять срочные меры. Привет».

17 ноября в центр направили радиogramму: «Подходящего места для сброски багажа вблизи нет. Если не сможете доставить другим путем, думаем возвратиться домой. При согласии укажите участок перехода фронта».

25 ноября противнику радировали: «Господину доктору! Очень благодарны за вторую награду. Радует, что своей работой приносим пользу совместной борьбе. В свою очередь отметили работу помогавшим нам; диспетчеру дали денег, сожительнице “Нестерова” и девушке с сортировочной преподнесли подарки. Сведения о десантных частях обещала собрать сожительница “Нестерова”. Ждем решения на телеграмму 175. Шлем приветы».

26 ноября в центр сообщили: «С вашим предложением согласны. Выезжаем [в] указанном вами направлении для подыскания места сброски. Слушайте через неделю. Готовьте посылку: чистые бланки военных документов, гражданские документы, хорошие военные и гражданские костюмы, батареи, деньги. Кроме того, хорошие подарки нашим девушкам».

8 декабря подготовлена очередная дезинформация в «Сатурн»: «“Находимся в районе Серпухова. Подходящего пункта для ожидания и места сброски еще не нашли. Слушайте через пять дней”. Передать 10 декабря из р-на ст. Лопасня».

23 декабря в центр радировали: «Место сброски выбрали [в] 3 км на восток от жел[езно]-дор[ожной] станции Шарапова Охота по дороге на Серпухов, не доезжая до него 20 км. Сообщите, когда можно выехать для встречи и какие надо сигналы. Место спокойное и безлюдное. Жить там можем только одну-две недели, остановимся в деревне Верхнее Пикалово».

30 декабря начальник Разведупра санкционировал передачу двух дезинформационных материалов противнику: «1. “Диспетчер и девушка из сортировочной сообщили — за последние дни заметно усилилось движение воинских эшелонов. По четным числам с 18 по 28 декабря на Москву прошло эшелонов: [с] войсками — 9, танками — 11, артиллерией — 14, боеприпасами — 18, автомашинами — 6”. 2. “На ст. Серпухов лейтенант танковой бригады рассказал — бригада следует на фронт под Могилев в состав ударной группы, предназначенной для прорыва фронта”».

* * *

Начался новый, 1944-й год. Радиоигра «Борисов» продолжалась. 7 января 1944 года в «Сатурн» радиовали: «Благодарим за поздравления. Сигналы поняли. Завтра едем на место сброски. Просим учесть, что там можем находиться одну-две недели. В посылку вложите станцию, в нашей снова что-то не в порядке». 14 января — следующая радиограмма служебного характера: «Находимся на месте сброски. Сигналы подготовим. Сообщите время, когда ожидать, не задерживайте. Батареи окончательно садятся, можем остаться без связи».

10 февраля противнику направили две шифровки:

«1. “По вашему указанию старое место покинули. Новое выбрали в 85-ти км от Москвы, на юго-восток от станции Луч 3 км, в одном км от отдельной заброшенной дачи”. 2. “Срочная, господину доктору. На станции от военнослужащих узнали о замене военных документов. Старые с 15 февраля будут недействительны. Срочно шлите гражданские. Здесь можем ждать только до 13-го февраля”».

17 февраля в центр с просьбой ускорить сброску посылки:

«О замене документов спрашивали многих военных. Никто об этом ничего не знает, у всех документы старые. Видимо, “Нестеров” неправильно понял лейтенанта, с которым разговаривал. Останемся на месте. Ускорьте сброску, батареи почти сели, вас слышим очень плохо». 24 февраля противнику сообщили о новом месте для приема «посылки»: «1. “По вашему указанию новое место выбрали 5 км восточнее деревни Крюково. Ждем ваших указаний о зажигании костров”. 2. “Последнее время вас слышим плохо, поэтому связь с вами не регулярна, ускорьте сброску помощи”».

Стоит обратить внимание, что, как и в операции «Монастырь», во время операции «Борисов» от «Абверкоманды 103» поступило задание — сообщить сведения о наличии авиадесантных частей в районе Москвы. 3 марта в центр передали две радиограммы: «1. “Кроме паспортов нужны военные билеты и бронь и заключения медицинской комиссии об освобождении от воинской службы по болезни. Эти документы должны быть от имени какого-либо райвоенкомата Московской области”. 2. “Об авиадесантных войсках сведений не имеем, так как живем в деревне Бавыкино, ожидаем сброску. С получением посылки узнаем и сообщим”».

9 марта начальник ГУКР «Смерш» утвердил передачу противнику двух радиограмм: «1. “Срочная. Господину доктору. Еще раз сообщаем [о] нашем положении: сидим два месяца в разных деревнях района выброски. Деньги кончились, живем, продавая ранее приобретенные ценные вещи. Дальнейшее пребывание в этом районе становится опасным, так как в военной форме мы очень выделяемся от остального населения. Погода последние дни хорошая. Не понимаем, почему не сбрасываете, ведь еще в декабре нам сообщили, что все готово. Примите срочные

меры. Ароматов, Нестеров». 2. «В районе нашего местонахождения часто бывают проверки документов у гражданских и военных, говорят, ищут дезертиров. Рисковать дальше нельзя, уходим обратно, посылку пошлите с курьером, как в прошлый раз. Адрес сообщим. Ароматов, Нестеров». Передать 11 марта 1944 г.*.

13 марта передали благодарность за оказанную «помощь»: «Господин доктор! Искренне благодарим вас за оказанную нам помощь. В ответ на это постараемся как можно скорее и лучше впредь выполнять порученные вами задания. Привет».

16 марта согласованы с Разведупром содержание и график передачи дезинформации в «Сатурн»: «1. «Возобновили связь с диспетчером, дали ему денег. Он сказал, что 15 марта на Москву прошло семь эшелонов с танковой частью. Договорились с ним о дальнейшей работе». Передать «18» марта 1944 г. 2. «Сожительница 'Нестерова' сообщила, в январе месяце этого года [в] Люберцах находилось три авиадесантные бригады, которые в первых числах февраля отправлены куда-то в Ивановскую область. Сейчас в Люберцах находится одна авиадесантная бригада номер 18**». Численный состав около 2500 человек. Относительно отправки этой бригады никаких разговоров нет. Бойцы проходят обучение». Передать «22» марта 1944 г. 3. «По нечетным числам с 15 по 25 марта на Москву прошло воинских эшелонов: [с] войсками — 11, танковых — 7, артиллерией — 6, боеприпасами и оружием — 20, горючим — 7, автомашин — 4, санитарных — 3. Сведения диспетчера». Передать «27» марта 1944 г.»***.

29 марта согласовали с Разведупром для передачи в центр новые дезинформационные материалы: «1. «Знакомая сортировочной рассказала, что за ее дежурство 28 марта на Сухиничи отправлено воинских эшелонов: [с] войсками — 6, артиллерией — 3, танками — 2, горючим — 4 и два бронепоезда. На Смоленск 3 эшелона войск и 5 эшелонов военного груза». Передать «31» марта с. г. [Передана противнику 8 апреля] 2. «По нечетным числам с 25 марта по 5 апреля на Москву прошло войсковых эшелонов: [с] войсками — 15, танками — 11, артиллерией — 9, боеприпасами и оружием — 21, горючим — 8, автомашинами — 3, санитарных — 5. Сведения диспетчера». Передать «6» апреля [19]44 г.».

31 марта по линии 3-го отдела ГУКР «Смерш» передали в центр важную дезинформацию: «Москвичи ожидают большого наступления на Финляндию, говорят, что ей лучше заключить мир, чем продолжать войну. Сейчас опять развернута кампания по сбору средств в фонд Красной армии. Отдельные колхозники вносят до 200 тыс. рублей».

2 апреля Разведупром санкционированы тексты и график передачи пяти дезинформационных материалов, которые было необходимо передать противнику в течение текущего месяца: «1. «По четным числам с 6 по 14 апреля в сторону Москвы прошло воинских эшелонов: [с] войсками — 7, танками — 6, артиллерией — 8, американским и английским грузом в закрытых ящиках — 7, боеприпасами и оружием — 13, горючим — 12, автомашинами — 9, «Катюшами» — 4, стройматериалами — 6. Сведения диспетчера». Передать 17 апреля. 2. «Девушка-диспетчер сообщила, что 17 и 19 апреля на Смоленск отправлено: два эшелона [с] пехотой, 7 эшелонов, груз в крытых вагонах, эшелон [с] танками и артиллерией. На Брянск 4 эшелона [с] пе-

* На документе резолюции Абакумова, Мешика и Барышникова.

** Слова «номер 18» в тексте зачеркнуты красным карандашом.

*** На документе справка: «18-я авиадесантная бригада фактически находится в гор. Яхроме, включена [в состав] стрелкового соединения, скоро должна убыть на фронт».

хотой и 3 [с] танковой частью». Передать 20 апреля. 3. «Утром 12 апреля в сторону Москвы прошла колонна автомашин 95 штук, груженные фуражом и продовольствием. Из Москвы 13 апреля провезли эшелоны с битой техникой и два эшелона [с] пехотной частью, из разговоров с красноармейцами узнали, что едут в Казань на переформирование». Передать 14 апреля. 4. «От знакомой узнал, что с 20 по 23 апреля с Киевской-Сортировочной в сторону Брянска и Смоленска отправлено много эшелонов с боеприпасами и продовольствием». Передать 24 апреля. 5. «С 15 по 25 апреля по нечетным числам в сторону Москвы отправлено военных эшелонов: [с] войсками — 8, артиллерией — 3, танками — 5, продовольствием — 12, сеном и фуражом — 8, конницей — 3, воинских автомашин — 6. Сведения диспетчера». Передать 27 апреля».

11 апреля противнику радировали: «С востока в сторону Москвы за 9 апреля прошло четыре эшелона боеприпасов, два эшелона «Катюш», пять эшелонов с красноармейцами и эшелон стройматериалов. Видели лично».

26 апреля по линии 3-го отдела ГУКР «Смерш» подготовили для передачи в центр служебную радиogramму: «Девушке с Киевской-Сортировочной желательно подарить хорошие, ценные вещи. Она происходит из старинной интеллигентной семьи, ее отец был крупным железнодорожником». Передать 28.04.[19]44 г.»

С целью вывода из игры агента «Нестеров» в центр сообщили о его болезни, а в конце апреля — о том, что «Нестеров» умер. 8 мая противник прислал радиogramму, в которой выразил соболезнование по поводу потери товарища.

8 мая в «Сатурн» передали очередную дезинформацию: «С 25 апреля по 6 мая по четным числам в сторону Москвы прошло воинских эшелонов: с войсками — 7, танками — 3, артиллерией — 4, автомашинами — 2, грузом в крытых вагонах — 6, зенитками — 1, продовольствием и фуражом — 11, санитарных — 3. Сведения диспетчера». В тот же день из центра была получена шифровка: «Мы вместе с вами грустим из-за смерти вашего друга. Начальник штаба нашего фронта наградил его золотой медалью «За храбрость». Это признание за достойную и хорошую работу умершего. Вам наш сердечный привет и все хорошие пожелания. Доктор». 15 и 16 мая центр корреспондента не слышал.

17 мая противнику двумя радиogramмами передали текст следующего содержания: «Срочная. Господин доктор! Оказалось, что прошлые слухи о замене воинских документов не были ошибкой. Сейчас точно установил, [что] документы меняют. К офицерам со старыми документами придираются. Делают отметки с указанием срока замены новыми. Оставаться здесь мне нельзя, так как новых военных документов не имею, а гражданские сделаны на фамилию Ароматов. Меня же здесь знают как Гурского, временно переезжаю...» На этом текст радиogramмы обрывался.

На следующий день по радиостанции «Борисов» в центр радировали продолжение: «...другое место, адрес сообщу, как устроюсь. Там буду находиться до получения новых документов военных или гражданских на мою настоящую фамилию Гурский. Сообщите, сможете ли скоро послать. Послезавтра буду ждать вашего ответа. Привет».

24 мая из центра было получено задание: «Делаем вам следующее предложение — на старом месте сбросим документы для поездки и перехода линии фронта под Ковелем, спрятав рацию у ваших знакомых. Приедете, отдохнете и с напарником поедете на работу. Отвечайте немедленно, согласны [ли] с нашим предложением. Привет».

В тот же день в центр направили дезинформацию: «По четным числам с 8 по 18 мая на Москву прошло воинских эшелонов: [с] войсками — 8, артиллерией — 9, танками — 6, автомашинами — 4, боеприпасами и оружием, 17, горючим — 8, санитарных — 4. Сведения диспетчера». 30 июня, 1, 3–6, 10, 13–15, 17, 20–22 июля 1944 года центр в эфире обнаружить не удалось.

24 июля в центр передали служебную радиogramму: «Живу в Мытищах у тетки сожительницы Нестерова. Вас вызывал в 16 часов в течение 1,5 месяцев, связаться не могу. Вас слышу плохо. Вы на мои позывные не отвечаете».

8 августа по радиостанции «Борисов» радиировали в центр: «Срочно посылайте нарпарника с новой радиостанцией и документами». Одновременно из центра приняли две радиogramмы: «1. “Мы рады, что опять имеем с вами связь, и надеемся, что вы здоровы. Передадим вам указания. Доложите нам о вашей ситуации и не забудьте постоянно передавать вашу погоду, которой нам недостает. Привет от всех”. 2. “Вы получите одного разведчика, особенно доверенного. Он принесет вам новые документы. Дайте, где вы его встретите и какой выберете знак для встречи. Привет, Кап”».

12 августа в центр передали четырема радиogramмами следующий текст: «Ваша радиogramма вселила в меня уверенность. Благодарю, что не забыли. Живу без документов на нелегальном положении в поселке Дружба, что три километра не доезжая Мытищ со стороны Москвы. Скрывает тетка сожительницы Нестерова, она одинокая. Работать в таком положении невозможно. Жду помощи, документы и деньги. Сведения о погоде до его приезда ежедневно давать не могу. Ароматов».

Разведчика жду поселок Дружба ул. Разина дом 2, хозяйка — Лукина Ольга Михайловна. Пусть он электропоездом едет в направлении Мытищи до ст. Перловка, затем едет вправо по Первой Вокзальной ул. до Ярославского шоссе. Перейдя шоссе, продолжать путь по ул. Карла Либкнехта и Кооперативная, в конце которой налево улица Разина. Мой дом третий слева, на калитке забора вывеска “Осторожно, злая собака”. Меня спросить у Лукиной как Ароматова. Привет».

28 сентября из центра приняли сообщение о вылете курьера: «Друг выехал, желаем вам обоим много успеха. Привет».

В Смерше начали подготовку к встрече. В этот же день начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник В.Я. Барышников направил рапорт заместителю начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанту П.Я. Мешку: «По подставленному противнику явочному адресу по делу “Борисов” 29–30 августа с. г. ожидается прибытие агента-связника. В связи с этим прошу Вашего указания 10-му отделу ГУКР “Смерш” о выделении двух разведчиков и включении их в засаду. Помимо разведчиков в засаде будет находиться ст[арший] опер[уполномоченный] 3-го отдела ГУКР “Смерш” майор тов. Елин».

В Смерше начали подготовку к встрече. В этот же день начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник В.Я. Барышников направил рапорт заместителю начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанту П.Я. Мешку: «По подставленному противнику явочному адресу по делу “Борисов” 29–30 августа с. г. ожидается прибытие агента-связника. В связи с этим прошу Вашего указания 10-му отделу ГУКР “Смерш” о выделении двух разведчиков и включении их в засаду. Помимо разведчиков в засаде будет находиться ст[арший] опер[уполномоченный] 3-го отдела ГУКР “Смерш” майор тов. Елин».

Агент Г.А. Гурский
(немецкий псевдоним Ароматов)

Фиктивное удостоверение личности № 57560,
выписанное Г.А. Гурскому от имени 572-го отдельного батальона связи

2 сентября к «Ароматову» прибыл курьер «Мухин». 6 сентября сообщили в центр о благополучном прибытии агента: «Господину доктору. Очень вам благодарны. Друг прибыл. Необходимое доставил в порядке, особенно радуют документы. Оставаться здесь друг не желает, просит заполнить документы на родину, Ворошиловградская область, где хочет повидать семью, и вернуться к вам. Сообщите, какой дать ему ответ, на оставлении его здесь не настаиваю, для меня он мало подходит. [В] отпуске пока не нуждаюсь, приступаю работать, буду связываться со своими людьми. Привет».

От центра с курьером «Ароматову» поступило письмо, в котором сообщалось: «До получения других, посылаю вам два временных удостоверения, одно до 1-го августа, второе — незаполненное. Оружие запишите, если есть, красными чернилами. Бланки с полевой почтой употребляйте 01927 для 572 отдельного батальона связи, другую для другой, а также и все другие сопроводительные документы. Вашу награду и повышение командир вам сообщит по радио. Если вы не решаетесь ехать в отпуск, то я вам вышлю хорошего напарника для совместной работы. Желаем успеха и здоровья. С приветом, капитан. По новейшему приказу открытые командировочные предписания должны значиться на полевую почту. Поэтому употребляйте главным образом полевую почту».

В акте 3-го отдела ГУКР «Смерш» лаконично сообщалось о задержании очередного курьера германской военной разведки:

«2-го сентября 1944 года в 20 часов 30 минут в поселке Дружба Мытищинского района, улица Разина, дом № 2, выставленным постом в составе: м[айо]ра Елина, ст[аршего] лейтенанта Лапина П., лейтенанта Гаврилина И.С. и ст[аршего] лейтенанта Гурского Г.А. был задержан неизвестный, назвавший себя Муравским Василием Максимовичем, который в вышеуказанное время подошел к дому, вызвал хозяйку, назвал ее по имени-отчеству (Ольгой Михайловной) и попросил у нее вызвать Ароматова. Ароматов (Гурский Г.А.) вышел, представился Муравскому, после чего вместе с ним пришли в дом, где Муравский был обезоружен, связан по рукам, после чего у него были изъяты все вещи и документы, на что составлен акт».

На допросе 4 сентября В.М. Муравский (немецкий псевдоним Мухин) сообщил сведения о задании, полученном от германской военной разведки:

 СССР
 Народный Комиссариат
 Обороны Союза ССР
**ГЛАВНОЕ
 УПРАВЛЕНИЕ
 СВЯЗИ
 КРАСНОЙ АРМИИ**

ПРЕДПИСАНИЕ
 Кому *Старшему лейтенанту
 Гурскому Георгию Алексе
 евичу*
(фамилия и инициалы)

По *Отделу кадров*
 от *Сентяб 1944 г.*
№ 375/ос
проходившей дальнейшей службы
(указать цель командировки)

Предлагаю вам *сентяб 1944 г.*
 убыть *в распоряжение начальни
 ка управления связи штаба
 2-го Белоруческого фронта для*
(указать куда командироваться)

Срок прибытия *сентябрь 1944 г.*
 Основание: *Приказание №-ка 276 Красной Армии
 №: 578/07 от сентябрь 1944 г.*
(запись о выдаче на руки пакета)

Для проезда выданы требования на перевозку за №№ *087529*

Начальник
 отдела кадров *Гурский*
Генерал-майор

Линия отреза

Начальнику (командиру)
 На ваш № от „ “ 194 г. сообщаю
 „ “ 194 г. прибыл.
 Подписи
 „ “ 194 г.

Фиктивное «Предписание старшему лейтенанту Гурскому Георгию Алексеевичу», изготовленное германской военной разведкой

«Вопрос: Что вы делали по окончании разведшколы? *Ответ:* Окончив разведшколу, меня в составе группы в 6 человек направили в г. Брест-Литовск, где находился сборно-пересыльный пункт разведшколы, в которой я учился. Спустя 2–3 недели меня вызвал представитель немецкой разведки капитан Фурман и предложил собираться в паре с разведчиком “Исаковым” Владимиром в тыл Красной армии на участок 2-го Украинского фронта для разведки дислоцирующихся там воинских соединений. Старшим группы Фурман назначил “Исакова”. Прибыв непосредственно на передовую, Фурман три ночи подряд высылал разведку для установления прохода через линию фронта в расположение войск Красной армии.

Прохода разведка найти не смогла, и мы на четвертые сутки вернулись обратно в Брест-Литовск. Спустя десять дней после возвращения из неудачной попытки проникнуть в расположение частей Красной армии нас с “Исаковым” направили в г. Минск. Здесь мы ожидали выброски в течение июля месяца с. г. и в связи с наступлением Красной армии стали передвигаться вглубь Польши.

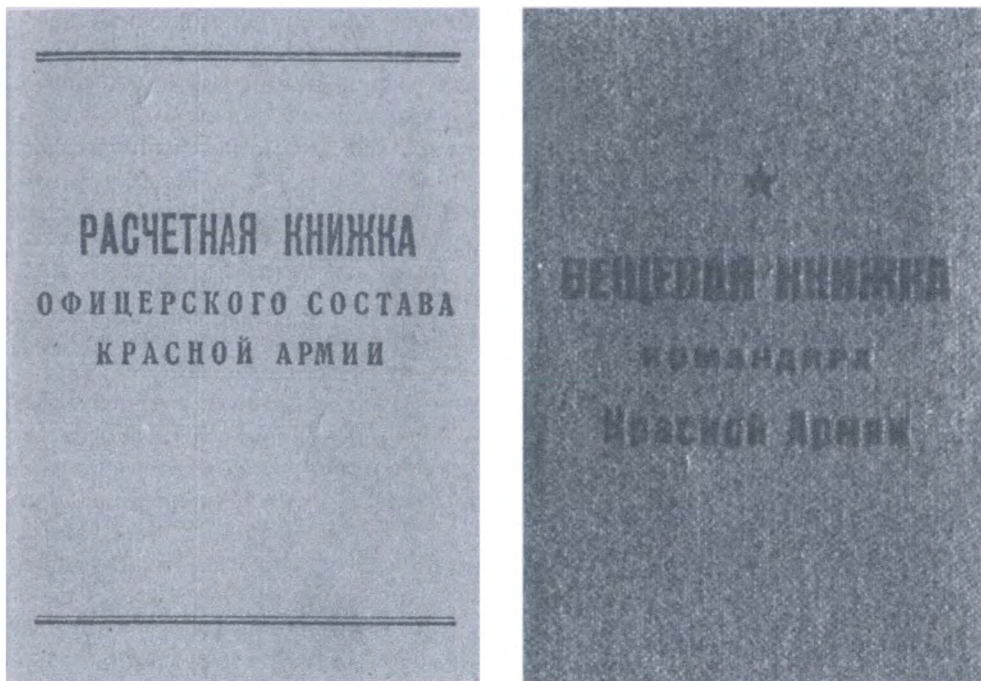
В нашей группе было 20–25 человек во главе с капитаном Фурманом. В первых числах августа месяца с. г. мы прибыли в одну польскую деревню, расположенную в 100 км от фронта. Названия и точного расположения ее не знаю. 20 августа с. г. Фурман мне предложил одному готовиться к выброске в тыл Красной армии, а 26 августа вызвал к себе и дал конкретное задание следующего порядка:

“Вас в ночь с 27 на 28 августа с. г. самолетом выбросят в тыл Красной армии на участке 2-го Белорусского фронта. Вы будете снабжены необходимыми документами, пользуясь которыми обязаны добраться в г. Москву, где разыщите нашего агента Ароматова по адресу: поселок Дружба, улица Разина, дом 2, и вручите ему посылку, в частности деньги и документы. Если вы будете нужны Ароматову, то останетесь работать с ним, если нет, возвращайтесь обратно, перейдя передовую на участке 2-го Белорусского фронта. В случае, если Ароматов изъявит желание оставить вас при себе как помощника, то переходите с ним работать в район Барановичи”. <...>

Вопрос: Как давно вы знаете Ароматова и что вам о нем известно? *Ответ:* О существовании Ароматова я узнал от Фурмана 26 августа с. г. в момент, когда получал задание. Мне от него стало известно, что Ароматов работает в Москве и интересующие немцев сведения передает по радио. Других данных о нем мне неизвестно.

Вопрос: Как Фурман отзывается об Ароматове? *Ответ:* Широко характеризующих данных Фурман в отношении Ароматова никогда в моем присутствии не высказывал, однако 20 августа с. г., когда мне предложили готовиться для выполнения задания, сказал, что в Москве работает наш агент, хороший работник, отвезешь ему деньги и документы. По этому заявлению можно полагать, что немцы Ароматову доверяют.

Вопрос: Что вы конкретно должны были доставить Ароматову и какие передать конкретные устные распоряжения Фурмана? *Ответ:* Деньги и документы, предназначенные для Ароматова, были уложены самим Фурманом в чемодан, поэтому я во время получения задания лишь видел содержание чемодана, но денег не считал и документы не просматривал. Сколько денег было в чемодане и какие подготовлены для Ароматова документы, я не знаю. Кроме того, что я выше показал, других устных заданий Ароматову Фурманом не передавалось.

Обложки расчетной книжки офицерского состава Красной армии и вещевой книжки командира Красной армии

Вопрос: Как Фурман предложил вам вести себя в случае вашего задержания?

Ответ: На этот счет буквально никакого указания я не получал».

Показания Муравского-«Мухина» свидетельствовали о том, что в «Сатурне», агенту «Ароматову» верят.

В начале сентября начальник ГУКР «Смерш» доложил в ГКО СССР о задержании агента германской военной разведки «Мухина»:

«В результате проведенной радиоигры с противником, условно именуемой «Борисов», 2 сентября с. г. Главным управлением контрразведки «Смерш» вызван на нашу сторону и арестован на подставленном явочном адресе под Москвой агент-разведчик «Мухин» <...> Таким образом, в результате этой радиоигры нам удалось вызвать и арестовать трех агентов-связников германской разведки. У арестованных агентов-связников и в посылке, полученной в марте с. г. с самолета, изъято 952 000 рублей советских денег, предназначенных для организации шпионской работы.

Из хода радиоигры видно, что противник радиоточке «Борисов» продолжает верить и связью с агентом «Ароматов» дорожит. Подтверждением этого свидетельствует ряд радиограмм, полученных от немцев. Так, например, в августе с. г. противник радиовал: «Мы рады, что опять имеем с вами связь. Доложите нам о вашей ситуации. Скоро получите одного разведчика, особенно доверенного. Он принесет вам новые документы». «Радуемся вашим радиограммам. Сообщение о вашей обстановке поняли. Рассчитывать на отъезд разведчика через 10 дней. Он хороший товарищ» <...>

В целях закрепления авторитета радиоточки «Борисов» перед противником и дальнейшего вызова от них квалифицированной агентуры с последующей ее ликвидацией, перед немцами будет легендировано расширение возможностей работы «Ароматова» по сбору интересующих противника сведений. Абакумов».

9 сентября из центра приняли радиограмму: «Пусть ваш друг заполнит себе для поездки домой документы в двух экземплярах и берет с собой два–три комплекта незаполненных бланков для обратной поездки к нам. Он должен ехать на обратном пути через Ковель – Ридлин и перейти к нам у 69-й армии 312-й СД. Пароль будет «Берлин». Вы лично езжайте <нрзб> и ожидайте восточнее Вильно багаж. Сердечный привет. Доктор».

В Смерше воспользовались предоставленной противником возможностью и без особых затруднений вывели из игры агента-курьера Муравского-«Мухина».

На Лубянке в соответствии с выработанным планом решили легендировать перед противником новые возможности получения сведений о грузоперевозках в районе Москвы. Одновременно Разведупр санкционировал передачу противнику важной дезинформации военного характера. 10 сентября в центр радиовали:

«1. Прошу повторить место, куда я должен следовать. Друг выехал на родину, после вернемся к вам. 2. Связался со знакомым диспетчером. Он переведен работать на станцию Москва-Товарная Западной железной дороги. Работает в той же должности. Дал ему немного денег. Диспетчер сообщил, что с конца августа проводится большая переброска войск и техники Западной железной дороги в сторону Смоленска. Точного учета он не вел, примерно ежедневно проходит 8–12 эшелонов. Дал ему задание вести точное наблюдение».

12 сентября противник уточнил новое задание: «Следуйте в город Вильно и ищите себе в лесах восточнее Вильно место для сброски багажа. Мы поручаем вам наблюдение за движением отходящих [поездов] с Вильно на запад. Выполняйте здесь поручение с таким же успехом, как и на старом месте. Сердечный привет. Доктор».

15 сентября по линии 3-го отдела ГУКР «Смерш» передали в центр две радиограммы: «Поручение ваше понял. Выезжаю Вильно. Своих людей в Москве предупредил, что временно буду отсутствовать, дал им задание вести наблюдение. Одному на новом месте работать будет трудно. Прошу подготовить хорошего напарника, знающего район работы. Слушайте меня через неделю в условленное время. Привет».

В соответствии с указаниями руководства ГУКР «Смерш», радиоточка «Борисов» была передислоцирована в Вильно и созданы необходимые условия для дальнейшей работы агенту «Ароматову» на новом месте. К дальнейшему проведению операции был подключен 2-й отдел ОКР «Смерш» Белорусского военного округа. 25 сентября противнику сообщили о смене дислокации радиоточки: «Благополучно прибыл в Вильно. Пока еще не устроился. Присматриваюсь к обстановке и условиям жизни города. Подыскиваю удобное место для работы. Сообщите, готовы ли напарник, когда его ждать».

Начался очередной этап по дезинформации германской военной разведки. 29 сентября состоялся очередной сеанс связи с центром: «В пути от Москвы до Вильно 20–22 сентября наблюдал: на Москву прошло до 10 эшелонов битой техники и трофеев, несколько эшелонов порожняка и 2 эшелона [с] мобилизованными

[в] возрасте 20–40 лет призванной [в] Минской, Виленской областях. Обогнали 2 эшелона средних и тяжелых танков, один [с] артиллерией среднего калибра, четыре эшелона [с] личным составом и пять сборных [с] техникой, вооружением и стройматериалами. Наблюдал только днем».

1 октября в центр передали две радиограммы: «1. “[В] Вильно встречаются военнослужащие всех родов войск. Говорят, что вблизи города есть запасные полки и аэродром. Данные уточняю”. 2. “В городе круглосуточная патрульная служба. Особенно придираются к документам мужчин призывного возраста, не находящихся в армии. Литовцы призываются в армию”».

Одновременно из центра приняли радиограмму: «Мы также от других сторон получили сообщение из Вильно. Мы не хотим вас поставить в опасное положение. Идите поэтому для наблюдения за железной дорогой Вильно – Гродно в леса 90 километров юго-западнее Вильно. У нас имеется умелый солдат, который эту местность знает. Вы найдете там приветливое население, которое борется против большевиков. Ищите место для сброски груза. Там выбросим ускоренным путем разведчика и весь необходимый груз.

Первое, примерно 70 километров юго-западнее Вильно находится местечко Орана. Сюда подходит с севера железная дорога. 20 километров юго-западнее отсюда — направление Гродно есть местечко Марцинканце. Между Орана – Марцинканце нет железнодорожной станции. В Марцинканце вы должны сойти с поезда. Второе: примерно 24 км южнее находится местечко Бершты. Это маленький курорт. От Марцинканце можно туда попасть, если сперва идти на запад вдоль железной дороги. Потом после 6 км перейти железную дорогу и через 9 км пойти на юго-запад, достигните поселка Кобеле. Еще 12 км [в] юго-восточном направлении будет Бершты». На этом сеанс связи с центром прекратился.

Продолжение указаний из центра получили 2 октября: «Из Марцинканцы в Бершты вы все время будете иметь лес с левой руки. Третье: Целесообразно, если Бершты обходить севернее, в лесу вы найдете переход через реку Котры, которая течет всегда параллельно железной дороге на расстоянии 12 км. Восточнее этой реки ищите место для сброски груза. Четвертое: Дайте точное описание этого места, зажгите в день полета три костра в форме треугольника на расстоянии 50 м друг от друга. Махайте в середине факелом. По железной дороге Вильно – Гродно ожидается сильное движение поездов. Сообщите нам это движение, пожалуйста, точно. Возможность вас снабжать грузом имеется очень хорошая, если вы опять такие хорошие сведения нам передадите, как с вашего старого места. А теперь сердечный привет и к делу».

4 октября противнику передали радиограмму: «Ваши указания о переезде понял, буду пробираться. По прибытии подыщу место для сброски груза и сразу же сообщу. В пути связываться не буду. Интересные наблюдения за время пути передам с нового места».

6 октября агент «Ароматов» с радиостанции в сопровождении оперработника и пяти вооруженных бойцов выбыл на автомашине из Вильно в район Бершты. Операцией по отправке «Ароматова» руководил старший оперуполномоченный 3-го отдела ГКР «Смерш» майор Сергей Елин. С октября 1944 года в дальнейшем проведении операции приняли участие сотрудники ОКР «Смерш» Белорусского военного округа*.

* С декабря 1944 по июль 1945 г. — Белорусско-Литовский военный округ.

14 октября в центр направили две радиogramмы: «1. “Прибыл в указанный вами район. Место для сброски выбрал на восточном берегу реки Котры, 5 км северо-восточнее Бершты, в лесу отдельная полянка. Условные сигналы понял. Привет”. 2. “6 октября со ст. Вильно отправилась на Гродно в[ойсковая] часть в двух эшелонах. Солдаты с автоматами и винтовками, средних возрастов. Из разговоров на вокзале понял, что следуют в Белосток. В этот же день в Вильно прибыло два эшелона с вновь призванными белорусами”». В тот же день от противника поступила радиogramма: «Дорогой друг, когда вы будете устроены на новом месте, нам нужны очень срочные сведения о жел[езно]-дор[ожном] движении Вильно – Гродно. Отвечайте немедленно. Привет».

16 октября по ВЧ из Минска (БЛВО) за подписью начальника ОКР «Смерш» генерал-майора И.И. Ермолина поступило сообщение о передаче противнику радиogramмы с дезинформацией: «7.X в пути к новому месту видел три встречных эшелона, следовавших из Гродно, один санитарный, один с цистернами и один с крытыми вагонами. Нас обогнал один эшелон. На платформах заметил автомашины. Утром 8.X. через Марцинканце на Гродно прошло два эшелона, один с заводским оборудованием, второй смешанный, пять крытых вагонов, предполагаю продовольствие, пять ледников, восемь платформ под брезентом; обратно один эшелон [с] трофейной техникой».

18 октября из центра приняли две радиogramмы. Первую в 16.08: «Предположительно пошлем вам сегодня разведчика и груз. Самолет надо ожидать между 21 и 23 часов московского времени. Он будет над вами примерно в 21 час 30 мин. Пароль будет Вильно. Привет». В 18.00 — вторую радиogramму: «Прилетим сегодня. Подготовьте костры. Привет». Однако в связи с резко ухудшившимися погодными условиями немецкий самолет так и не появился.

После выполнения задания о передислокации «Ароматова» ближе к фронту и вывода «смершевцами» из операции «Нестерова» противник направил к нему в помощь агента-разведчика «Квятковского», он же «Малиновский».

Обстоятельства ареста очередного курьера — «Квятковского» изложены в докладной записке заместителя начальника ОКР «Смерш» Белорусского военного округа на имя начальника ГУКР «Смерш» от 27 октября: «24 октября с 15.20 до 16.00 состоялся сеанс от центра, нами получена рдг из 36 гр[упп] следующего содержания: “Прилетим сегодня, зажгите костры с 19.30 до 21 часа московского времени, самолет будет примерно в 20 часов над вами. Пароль будет “Вильно””. 24 октября в 20 часов состоялась выброска с немецкого самолета груза и разведчика. Спустя 30 минут после сброски к зажженному костру, где находился радист “Борисов”, пришел сброшенный немцами разведчик. После обмена паролями разведчик заявил “Борисову”, что он является Квятковским и послан “Борисову” в качестве помощника.

Наш агент “Борисов” около 30 минут беседовал у костра со сброшенным разведчиком. В беседе прибывший разведчик заявил, что он привез деньги и документы, что они должны жить в землянке недалеко от железной дороги Вильно – Гродно на стыке 31-й и 50-й армий и что соответственно тому заданию заготовлены документы. Далее в беседе он заявил, что “Борисов” в немецких разведорганах пользуется хорошим авторитетом, что он был очень обрадован, когда его назначили к такому опытному разведчику.

На вопрос нашего агента, сможет ли он работать в качестве его помощника, Квятковский заявил, что он уже выполнял другие задания немцев и что хорошо

знает эту местность, обычаи, нравы местных жителей. После этого они договорились искать груз рано утром, а пока зайти в землянку нашего агента.

Разведчик заметил, что ему нужно зарядить свой автомат, так как диски у него находятся в вещевом мешке. «Борисов» на это сказал, что они зарядят свое оружие в землянке. После беседы они пошли к опушке леса по маршруту, заранее разработанному нами. По пути разведчик был схвачен нашей засадой, при задержании он сначала закричал, а потом стал вырываться, но своевременно был разоружен...»

Задержанным оказался агент германской разведки Юзеф Вискирский, поляк по национальности, бывший военнослужащий 1-й Польской армии. В ходе следствия выяснилось, что Вискирский в сентябре 1943 года в районе Смоленска – Орша добровольно перешел на сторону германских войск. Содержался в Борисовском лагере военнопленных, а затем был завербован германской военной разведкой. При себе имел фиктивные документы на имя Станислава Людвиговича Квятковского и Станислава Людвиговича Малиновского.

По прибытии «Квятковского» к «Ароматову» контрразведчики Смерша вновь приступили к передаче военной дезинформации о перевозках по железной дороге Вильно – Гродно.

В связи с задержкой «помощи» из центра 1 ноября противнику радиовали: «Господин лейтенант. Долго выдерживал, но теперь вынужден сообщить вам неприятную весть. Пять дней ходил больной и уже третий день лежу в землянке. Сильно заболел. Слабость и высокая температура. Видимо, простыл в лесу, ожидая самолет. Боюсь, что воспаление легких. Это меня тревожит. Напарник славный малый. Он успевает вести наблюдение и ухаживает за мной. За это я обязан ему и особенно вам, что дали хорошего товарища. Плохо только то, что он не может работать на аппарате. Как быть со связью, если болезнь меня окончательно свалит. Пока хватит сил, буду крепиться и передавать сведения. Рассчитываю, как всегда, на ваши хорошие советы. С сердечным приветом. Ароматов».

7 ноября состоялся очередной сеанс радиосвязи с центром. Передали сообщение: «Господин лейтенант, состояние заметно ухудшилось. <...> Сведения передаю. Материалы накапливаются. Если связи не будет, давайте другого радиста. Напарник будет ожидать на старом месте. Время и сигналы старые. Жду ваших указаний. Привет». От противника в тот же день приняли радиограмму: «Шлите срочно, как найти вашу квартиру, мы отправили вам хорошего друга, который принесет вам медикаменты и помощь. Он будет высажен около того места, где вы ожидали самолет. Всего хорошего. Желаем вам быстрого выздоровления. Привет».

Приняв во внимание то обстоятельство, что противник сможет путем воздушной или агентурной разведки перепроверить сведения, передаваемые от «Ароматова», и убедиться в том, что агенты работают под диктовку советских органов безопасности, во избежание провала агентов, после десятидневной работы «разведка» была прекращена, а перед центром начали легендировать болезнь радиста «Ароматова», не позволяющую ему дальше работать. Противника попросили прислать ему замену — радиста. После 7 ноября временно прекратили связь с центром, одновременно на заранее обусловленном месте жгли костры, ожидая возможную выброску радиста.

Со 2 по 6 декабря продолжали жечь костры в районе площадки, затем периодически пытались встретить самолет 7, 10 и 11-го. В другие дни была низкая облачность и сильный туман. Не дождавшись сброски, 23 декабря вновь установили

связь с центром и сообщили, что «Ароматову» стало лучше, но работать он еще не может.

В очередной сеанс связи, 8 января 1945 года, от противника получили радиogramму: «Очень рады, что поправились. Жалко, что не сразу с высланным напарником-радистом встретились, у него медикаменты и прочее для вас. Вышлите вашего друга к нему. Он уже третью неделю сидит без связи, так как его рация, видимо, испорчена. Он сидит в лесу 2,5–3 км южнее дер. Берестовица и столько же западнее реки Котры. Он в форме лейтенанта связи...»

Получив это сообщение из центра, сотрудники Смерша приняли необходимые меры к розыску агента противника, однако никаких признаков его приземления или появления одиночных немецких самолетов в тех местах установлено не было.

16 января противнику передали радиogramму: «Господин капитан. Вернулся друг с поисков. Радиста искал четыре дня, все напрасно, никаких следов. Почему не сбросили на сигналы, когда друг жег костры. Теперь он не знает, где его разыскивать. Я чувствую себя по-прежнему плохо, работать не могу, нельзя выходить на улицу, боюсь снова свалиться. Если что будет у вас, передавайте вслепую, я попробую слушать в квартире. Привет». После этого в течение 15 дней слушали работу радиocентра, однако никаких радиogramм он «вслепую» не передавал. 1 февраля вновь вышли в эфир; ввиду слабой слышимости с обеих сторон связь с центром установить не удалось. С конца апреля противник вызовы «Ароматова» прекратил. Дальнейшая работа радиоточки «Борисов» была прекращена «в связи с окончанием войны».

* * *

Общая оценка спецопераций советской военной контрразведки по борьбе с агентурой германской военной разведки на Московском железнодорожном узле дана в книге Д.П. Тарасова:

«Органам советской контрразведки удалось внушить противнику доверие к используемым радиостанциям и добиться положительных результатов. Так, с помощью радиостанций, действовавших в районе Москвы, было вызвано на подставленные квартиры-ловушки и арестовано 18 агентов-связников, у которых изъяли свыше 3 миллионов рублей советских денег, много иностранной валюты [в американских долларах и английских фунтах стерлингов], чек на 15 тысяч американских долларов и большое количество всевозможных фиктивных документов, печатей и штампов советских учреждений и частей Красной армии. Создав у противника впечатление, что заброшенные им агентурные группы ведут активную работу, нашей контрразведке удалось приостановить до некоторой степени дальнейшие заброски шпионов с радиостанциями в район Москвы»⁶⁹⁰.

В справке 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР по радиоигре «Борисов» от 21 мая 1945 года отмечалось:

«Радиоигра велась в направлении военной дезинформации командования немецкой армии, выявления возможно имеющейся в тылу Красной армии агентуры противника и вызова на нашу сторону другой квалифицированной немецкой агентуры с последующей ее ликвидацией. После уведомления противника о благополучном прибытии агентов к месту работы приступили усиленно передавать военную дезинформацию по заданию Генштаба Красной армии.

Учитывая особый характер задания агентов по наблюдению за работой Казанской железной дороги и особенность места работы гор. Люберцы, расположенного к востоку от Москвы, в основном систематически передавали дезинформационные данные о крупных перебросках войск и техники с востока в сторону Москвы. Дальнейшая дезинформация по рассредоточению войск из Москвы по фронтам нами передавалась немецкой разведке в соответствии с военными планами Верховной Ставки через другие, используемые нами радиоточки в гор. Москве («Контролеры», «Развод»), причем сведения одной радиоточки соответственно перекрывались данными другой радиоточки...»

В результате радиоигры «Борисов» советской контрразведке удалось вызвать и арестовать четырех агентов противника и получить под предлогом доставки помощи, помимо другого груза, денег в сумме 1 095 000 рублей. В процессе радиоигры противнику было передано 276 радиogramм, от него получено 100 радиogramм.

Радиоигра «Борисов» стала одним из важных звеньев «Большой игры», проведенной советскими спецслужбами в годы Великой Отечественной войны.

СМЕРШ РЕШАЕТСЯ НА «РАЗВОД»

Одной из главных задач, возлагавшихся в годы Великой Отечественной войны на советские органы безопасности, являлось оказание эффективной помощи действующей армии.

В 1943–1944 годах германская военная разведка активно внедряла свою агентуру на крупных железнодорожных узлах Советского Союза, прежде всего в Москве.

Организация постоянного наблюдения за переброской воинских частей, вооружения и боевой техники к линии фронта позволила бы противнику разгадать замыслы наступательных операций Красной армии, а также установить, какими мобилизационными резервами располагает СССР, в каких районах идет формирование новых воинских частей и соединений, какое новое вооружение и в каких количествах поступает в войска.

Дезинформация противника путем сообщения ему ложных сведений военного и экономического характера является одним из старых и испытанных средств ведения войны. Этим средством пользовались в разные времена и эпохи руководители государств и полководцы. Своевременная и умело пущенная в действие дезинформация помогала им одерживать победы на дипломатическом фронте и на полях сражений, а также давала возможность скрывать свои планы ведения войны.

Для того чтобы дезинформация возымела свое действие, ее следовало подавать противнику в таком виде и таким путем, чтобы он принял ее за действительность и при попытке проверить полученные сведения не смог бы отличить обман от истины. При этом большое значение играет степень доверия противника к источнику информации.

Внезапность являлась и является важнейшим фактором в достижении успеха в ходе любой наступательной операции. Для обеспечения скрытности стратегических планов Ставки Верховного командования применялся целый ряд мер.

Наряду с дезинформацией противника, проводимой силами фронтовых объединений (демонстрация перехода к обороне, создание ложных группировок войск и пр.), в этих целях применялись и специальные операции органов военной контрразведки. В их числе были и мероприятия «литеры “Э”» — радиоигры, которые использовались для передачи по каналам радиосвязи противника военной дезинформации о дислокации и сосредоточении советских войск, перевозках вооружения, боевой техники, продовольствия, строительных материалов и др.

В числе таких спецопераций была и радиоигра «Развод», проходившая в период с 10 ноября 1943 по 15 марта 1945 года. Ее инициатором выступил 3-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР, который координировал проведение всех игр с противником.

Решением провести радиоигру «Развод» Лубянка преследовала две цели. Первая — контрразведывательная — защита Москвы от проникновения в город агенты германской военной разведки. Вторая, главная — в интересах Ставки Верховного главнокомандования — скрыть от германской разведки планы летнего наступления 1944 года.

Красная армия готовилась к летней наступательной кампании 1944 года, которая вошла в советскую военную историю под названием «десять сталинских ударов». При составлении плана на лето 1944 года приоритет отдавался центральному участку советско-германского фронта, так как только уничтожение группы армий «Центр» позволяло освободить от врага советскую Белоруссию и выйти к границам «Тысячелетнего рейха».

Стратегическое положение нацистской Германии к 1944 году существенно осложнилось: армия фельдмаршала Роммеля потерпела поражение в Африке, англо-американские союзники высадились на Сицилии и готовились к открытию Второго фронта в Европе, на Восточном фронте вермахт одну за другой потерпел катастрофы под Сталинградом и Курском.

* * *

В ночь на 23 октября 1943 года агент германской военной разведки «Гунн» был выброшен с самолета на парашюте в районе г. Клин Московской области. После благополучного приземления «Гунн» был задержан патрулем и доставлен в Клинский горотдел НКГБ, где рассказал о своей принадлежности к германской разведке.

Несколько слов о личности агента: 1913 года рождения, уроженец Москвы. Окончил техникум по специальности «холодная обработка металлов», работал слесарем на московском заводе № 119. 10 января 1942 года арестован и осужден по ст. 16-59-3 (по обвинению в краже во время воздушных тревог) к семи годам ИТЛ с поражением в правах на три года. Впоследствии срок наказания ему был снижен до двух лет с посылкой на фронт минометчиком в 40-ю штрафную роту 4-го стрелкового полка.

При взятии 166-й высоты в 20 км от г. Невель 18 апреля 1943 года попал в плен к противнику. Содержался в Борисовском лагере; в мае 1943 года в лагере завербован германской военной разведкой. После обучения в Борисовской разведшколе был направлен в советский тыл с разведывательным заданием.

Кроме радиостанции «Гунн» имел при себе фиктивные документы на свое настоящее имя и фамилию: удостоверение личности о службе в должности помощника начальника АХО 4-й Ударной армии; расчетную и вещевую книжки;

— 2 —

Утверждаю
Нач. Г. Упр. К-Р. Смерш
(Валунов)
10 декабря 1943 г.

Секрет информации

Радиостанция «Развод»
г. Москва.

« Господин капитан Водкин прав. Обетанов-
ка показала, мне нужен напарник, одному
работать трудно. Направьте москвича Еромова
Михаила, который не вываривает утку. Р.
Раньше он был согласен со мной ехать. Парень
надежный, знает город и имеет связи »

Нач. Заг. Г. Упр. К-Р. Смерш
подполковник (Барышников)

« Согласен ». Зам. Нач. Г. Упр. К-Р. Смерш
полковник (Мещин)

« 10 декабря 1943 г. »

Текст дезинформации противнику от 10 декабря 1943 г., переданный по радиостанции «Развод». На документе автографы начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумова и начальника 3-го отдела ГУКР «Смерш» В.Я. Барышникова

удостоверение об отпуске на 10 дней в Москву; выписку из приказа по войскам 4-й Ударной армии о снятии судимости; пропуска на право беспрепятственного хождения по г. Москве (в условиях воздушной тревоги и на хождение по городу позже 24-х часов); временные удостоверения о награждении медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу»; предписание об откомандировании в Административно-хозяйственное управление № 2 НКО СССР для дальнейшего прохождения службы; аттестат на довольствие и требование на перевозку по железной дороге.

«Гунн» показал в ГУКР «Смерш», что получил указание от германской разведки после 10-дневного пребывания в отпуске, пользуясь документами, которыми его снабдили в абвере, рассказывать своим родственникам, что он якобы устроился в АХУ НКО СССР. Необходимые справки об этом «Гунн» должен изготовить самостоятельно, пользуясь имевшимися у него чистыми бланками.

Со слов «Гунна», его задание состояло в том, чтобы пробраться в Москву, устроиться на постоянное место жительства и собирать разведывательные данные: 1) о дислокации оборонных заводов в Москве, выпускаемой ими продукции и местах их отправки, 2) о передвижении грузов по окружной железной дороге и их направлении, 3) установить формы пропусков на право хождения по Москве во время воздушной тревоги и после 24 часов.

На допросе 24 октября 1943 года немецкий агент сообщил об обстоятельствах своего пленения немцами: «В ночь на 18 апреля 1943 года наша рота пошла на штурм высоты 166 (в 25–30 км от г. Невель). Нам сравнительно легко и без больших потерь удалось занять линию немецкой обороны. Утром следующего дня наблюдатели заметили, что немцы сосредотачивают силы для контратаки. Однако к этому времени у нас был израсходован почти весь запас мин, поэтому нам пришлось вести редкую стрельбу. Днем немцы начали атаку, и мы вынуждены были отступать. Меня, в числе 18 человек, захватили в плен в траншее. Подошедший немецкий офицер, направив штык к моей груди, по-русски сказал: “Руки вверх”. Я повиновался, и меня направили в тыл».

«Гунн» описал руководителей Борисовской разведшколы абвера: «Руководящим составом являются: 1. Начальник школы, немецкий офицер в чине капитана, фамилию его не знаю. Приметы: лет 46-ти, высокого роста, шатен, лысый, глаза серые, нос вздернутый, с выдающейся челюстью, на лице веснушки. Требовательный, вспыльчивый, держит себя сдержанно, с разведчиками обращается официально, вежливо. 2. Зам[еститель] нач[альника] школы — зондерфюрер в чине лейтенанта, фамилии не знаю, русский, эмигрант, лет 35, высокого роста, шатен, волосы зачесывает назад, глаза карие, большие, навывкате. Хорошо владеет русским и немецкими языками. Умеренно вежлив в обращении с разведчиками, требовательный. Часто присутствует на занятиях и делает замечания разведчикам по поводу приветствий. Недавно ввел порядок обращения к нач[альнику] школы и к нему не господин, а товарищ, приспособившая знания разведчиками устава Красной армии во избежание провала при выполнении задания».

Кроме того, «Гунн» дал подробные сведения об организации радиосвязи с германской разведкой: «Время работы 12-30 и 16-00 по московскому времени. Позывные моей радиостанции на первом кварце — “НТБ”, на втором — “КЛО”. Позывные центра: на первом кварце — “ГЛМ”, на втором — “АПХ”. Частоты кварцев: I — 6626 кГц, II — 5676,8 кГц. Отметки на шкале приемника 58 и 99 градусов.

Шифровальный лозунг для зашифровки радиogramмы: “Немцы помогают строить жизнь России”, для зашифровки метеосводки — “Зубочистка”. При назначении очередного сеанса связи центру передается зашифрованная по спецтаблице (составляется при помощи слова “Зубочистка”) группа, состоящая из 5-ти цифр. Первая цифра группы означает, через сколько дней назначается очередной сеанс связи, остальные четыре — время работы.

При самостоятельной работе после четвертой группы радиogramмы я должен передавать два знака вопроса, затем после ответной передачи радиocentra буквы “Р”, продолжать передачу радиogramмы. В том случае, если указанные знаки вопроса после четвертой группы радиogramмы мною переданы не будут, это будет означать, что я работаю под диктовку органов советской контрразведки».

Оценив полученные от «Гунна» сведения, 10 ноября 1943 года 3-й отдел ГУКР «Смерш» решил начать радиоигру с противником, присвоив «Гунну» псевдонимы Москвич и Спортсмен. Название радиоигры выбрали исходя из сложившейся ситуации. В Смерше обратили внимание на то, что абвер требовал от своих агентов после приземления в течение 7–10 дней выйти в эфир и доложить о начале работы. По объективным обстоятельствам изучение личности немецкого агента и его заданий заняло три недели, поэтому для оправдания долгого молчания агента перед абвером было решено сообщить в «Сатурн», что «Гунн» был занят оформлением развода с женой. Под кодовым наименованием «Развод» эта спецоперация и вошла в историю советской военной контрразведки.

18 ноября в 12.37 из парка «Сокольники» в центр ушла первая радиogramма: «Прошу извинить, что не связывался. Устраивал личные дела. Дома неприятности — жена вышла замуж. Восстанавливаю другие связи, приступаю работать». Во время следующего сеанса, 7 декабря, связь с противником установить не удалось.

16 декабря 1943 года в центр была направлена радиogramма: «Господин капитан, вы были правы. Обстановка показала, одному работать трудно. Направьте москвича Громова Михаила*, который не выговаривает букву “Р”, раньше он был согласен со мной ехать. Парень надежный, знает город и имеет связи». В тот же день из центра пришла шифровка: «Ваши трудности учитываем, тем не менее ожидаем вашей работы. Вы уже более месяца там. Все силы нужны для победы над жидо-большевиками. Новая Россия ожидает этого. Привет. Кап[итан]».

* * *

Зимой 1943/44 года абвер нацелил своих агентов, направляемых в советский тыл, во что бы то ни стало вскрыть направление главного удара Красной армии. С учетом этого обстоятельства, на Лубянке решили «удовлетворить» стремления противника. По плану игры «Развод» было решено направить в абвер «ценную» информацию о железнодорожных и автомобильных перевозках военных грузов, дислокации частей вблизи столицы. Одновременно легендировали трудности работы агента в Москве без напарника.

4 января 1944 года «смершевцы» вышли в эфир и передали в центр две радиogramмы, которые, по мнению руководства 3-го отдела ГУКР «Смерш», должны были заинтересовать противника. Первая — о поставках техники и оборудования, поступающих по ленд-лизу: «Знакомая из Наркомвнешторга рассказала, что 21 де-

* Псевдоним агента в германской разведке.

кабря из Ирана прибыло 4 эшелона [с] иностранным авиаоборудованием, которое будет отправлено на Урал для новых заводов». Вторая содержала дезинформацию о перевозках по Московской окружной железной дороге: «Несколько раз был на окружной желдороге в Ростокино. В обе стороны идут смешанные эшелоны. 13, 15, 18, 20, 22 декабря видел 69 танков “КВ”, 35 — “Т-34”, до 500 автомашин, 73 бронемшины, 31 крупное и до 100 мелких орудий. Кроме этого, до 30 эшелонов: [с] лесом, углем, дровами, торфом, фуражом, санями. Наблюдал по 3–4 часа в день».

Радиоигра «Развод», как и многие другие спецоперации в эфире, проводилась в тесном контакте с Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии. С 4 января 1944 года все «дезы», касающиеся действий Красной армии по радиоигре «Развод», санкционировались лично начальником Разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенантом Ф.Ф. Кузнецовым. Остальные тексты радиogramм противнику по линии военной контрразведки утверждались начальником ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-лейтенантом В.С. Абакумовым или его заместителем генерал-лейтенантом П.Я. Мешиком.

Дезинформация, передаваемая по радиоигре «Развод», строилась с таким расчетом, чтобы убедить противника в том, что главный удар на советско-германском фронте будет нанесен на южном или юго-западном направлении.

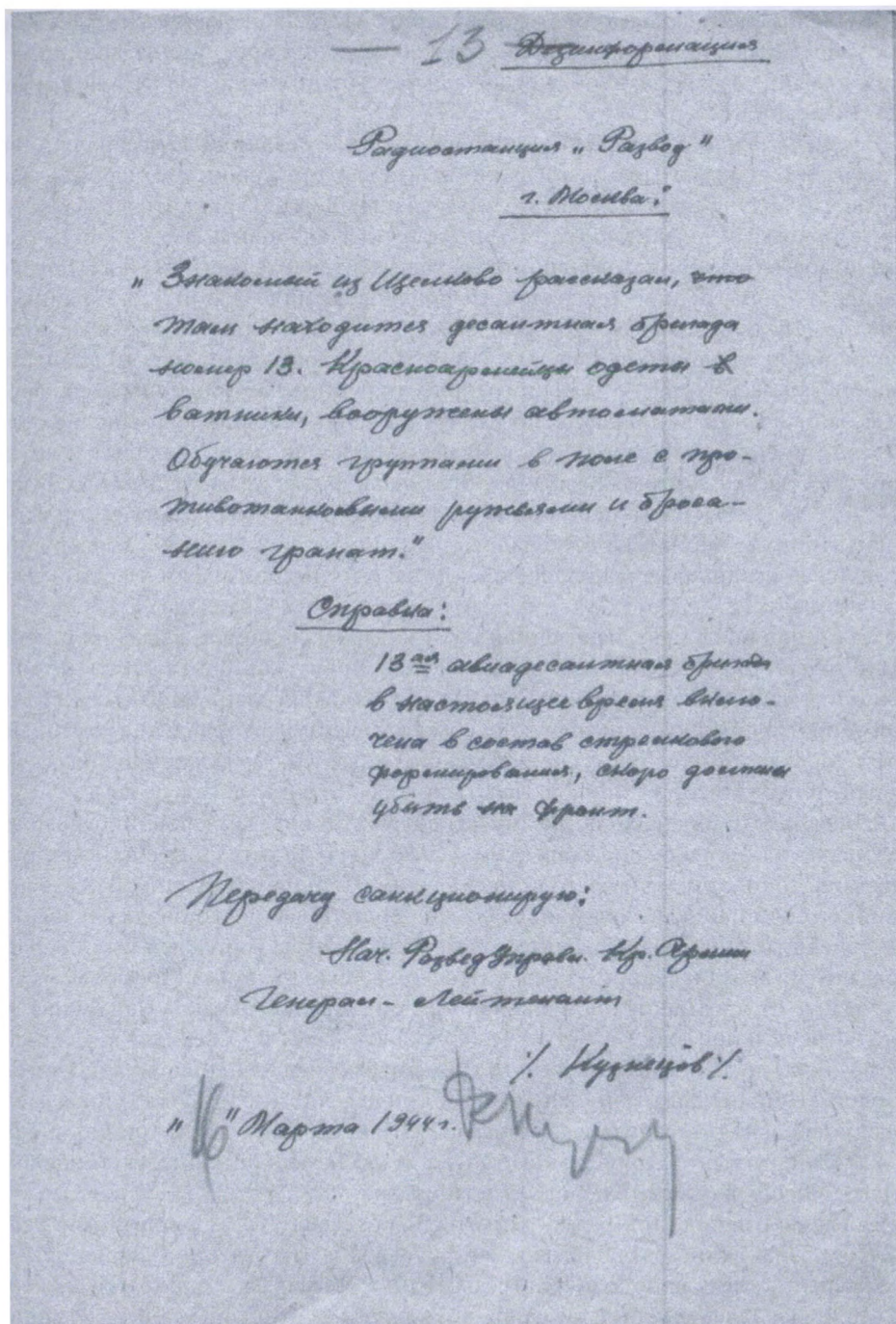
14 января вновь была установлена связь с противником и передали шифровку: «Хождение по городу в ночное время разрешено до часа ночи. Пропуска с 5 января новые. Я достать пропуска без связей не могу. При первой возможности постараюсь узнать форму и текст». В ответ от противника поступила радиogramма, из которой следовало, что центр доверяет «Гунну» и согласился с предложением об отправке напарника: «Ваши последние сообщения хороши. Продолжайте таким образом. В окрестностях Москвы формируются десантные войска, постарайтесь рассмотреть количество и назначение. Напарник согласился и готовится. Привет. Кап[итан]».

Получив «задание» абвера сообщить сведения о формировании парашютно-десантных бригад под Москвой, на Лубянке приняли во внимание, что по другой радиоигре Смерша — «Находка»*, проводившейся с февраля 1943 по декабрь 1944 года, уже получали аналогичное требование.

Следующий сеанс связи с центром удалось провести только 31 января. Противнику направили две шифровки. Первая — о присылке напарника, вторая — с «дезой»: «В каких числах ожидать Громова. Его приход сейчас очень нужен. Имею сведения, которые надо перепроверять через людей и выезжать за город. Сообщите, где мне с Громовым встретиться или он приедет на мой адрес. По вашему новому заданию ищу подходящих людей, чтобы ответить правильно» и «25 января по ул. Горького в сторону Ленинградского шоссе прошло до 2-х сот автомашин с пехотой. На прицепах до сотни орудий, треть автомашин с тяжелым грузом под брезентом».

В начале февраля 1944 года по предложению Разведупра Генштаба Красной армии германскому командованию была передана дезинформация, имевшая целью задержать на некоторое время наступательные операции вермахта в направлении Звенигородки. Немецкие войска рвались через Звенигородку в район южнее Черкас (Корсунь-Шевченковский) на соединение с крупной группировкой, взятой в клещи частями Красной армии⁶⁹¹. Положение здесь создавалось такое, что при незначительном увеличении наступательной мощи противника

* Радиоигре «Находка» в книге посвящен отдельный параграф.

Текст дезинформации противнику от 16 марта 1944 г., переданный по радиостанции «Развод». На документе автограф начальника Разведуправления ГШ КА Ф.Ф. Кузнецова

он мог бы прорвать кольцо советских войск и спасти свои окруженные дивизии. Чтобы предотвратить осуществление таких намерений противника, крайне важно было выиграть время, необходимое для перегруппировки сил Красной армии и подтягивания резервов.

Эта цель и преследовалась дезинформацией, переданной 15 февраля: «Вчера встретил знакомого майора, служит в штабе 1-го Украинского фронта. Хвастался, что получил три ордена и пользуется большим авторитетом у начальства, сейчас приехал в Москву вместе с генералом Боголюбовым (речь идет начальнике штаба 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанте (на 1944) А.Н. Боголюбове. — *Авт.*) и группой генералов и офицеров штабов 1-го и 2-го Украинских фронтов. Под большим секретом рассказал, что южнее Черкассы окружена крупная группировка немецких войск (в Корсунском котле оказалось 10 дивизий и одна бригада вермахта. — *Авт.*) и готовится крупное наступление обоих фронтов в направлении Вапнярка, чтобы взять в клещи основные германские силы, наступающие на Звенигородку. Стягиваются большие силы танковых и артиллерийских частей в район Казатин. Обратно на фронт уезжает шестого февраля^{*}». Для подтверждения переданной информации по двум другим радиоиagramам из Житомира и Чернигова сообщалось, что агенты якобы наблюдают крупные передвижения танковых и артиллерийских частей Красной армии к фронту на юг от Житомира.

Во второй шифровке, переданной в тот же день, сообщили сведения о новых пропусках в Москве: «Образцы новых ночных пропусков пока достать не могу. Лично их видел. Лицевая сторона голубая. На ней нарисован вид Кремля и салют из орудий. По рисунку написано: в правом углу вверху — Управление коменданта города Москвы. Слово пропуск — посередине, ниже — кому выдан. Подпись — комендант генерал-майор Синилов. Печать круглая. Бумага тонкая, белая».

19 февраля приняли радиограмму из центра: «Нужны вам какие-нибудь новые документы или пополнение старых и сколько штук. В этих днях к вам прибудет напарник. Точное время и место встречи дадим. Привет. Кап[итан]». В ответ противнику сообщили: «Не задерживайте меня долго в эфире. Проводить связь одному очень трудно. Мне несколько раз мешали. 7 числа вынужден был прервать передачу, покараулить и предупреждать некому. Ускорьте приезд Громова».

7 марта от противника пришла долгожданная радиограмма: «Напарника можете встречать при входе в метро между Октябрьским и Северным вокзалами с 9 до 11 и с 19 до 21 часов московского времени ежедневно 4 дня подряд. День еще сообщим. Привет, кап[итан]». Ровно через три недели, 28 марта, поступила следующая шифровка от «капитана»: «Завтра, 29.III, встречайте друга три дня подряд на условленном месте. Привет, кап[итан]». Так как немецкие агенты были знакомы лично, то необходимость в пароле не возникала.

После получения этой радиограммы в 3-м отделе ГУКР «Смерш» было решено, что «Гунн» самостоятельно встретит курьера и отведет его на конспиративную квартиру, где подробно выяснит полученное Громовым задание и содержание посылки. Параллельно, во избежание возможных неожиданностей, за «Гунном» было установлено тщательное наружное наблюдение.

Приняв во внимание развитие игры, на Лубянке вновь решили привлечь внимание к информации, поступающей от «Гунна» о поставках под ленд-лизу. 16 мар-

* Сведения противнику умышленно передавались с некоторой задержкой.

та в центр радиовали: «В одной компании познакомился с летчиком. Работает на воздушно-пассажирской трассе Фербенкс – Москва. На этой линии стоят переночные авиапалки, которые перегоняют от Америки самолеты и доставляют оборудование».

На тексте дезинформации — справка: «Линия Фербенкс – Москва действительно функционирует. В случае, если противник проявит интерес к сообщению, будет дана дезинформация о количестве и типах прибывающих самолетов».

«Наживка» сработала. Во время сеанса связи 20 марта из «Сатурна» поступило задание: «От знакомого летчика узнайте, в каком размере производятся перегонки и первая станция на советской территории. Товарищ на днях выезжает, день сообщим. Кап[итан]». В ответ направили шифровку о наличии десантных частей в районе Москвы: «Знакомая из Щелково рассказала, там находится десантная бригада номер 13. Красноармейцы одеты в ватники, вооружены автоматами, обучаются в поле группами с противотанковыми ружьями и бросанию гранат». Под текстом дезинформации содержалась справка: «13-я авиадесантная бригада в настоящее время включена в состав стрелкового формирования, скоро должна убить на фронт».

31 марта 1944 года в 19.00 курьер абвера встретился с «Гунном» на площади трех вокзалов, после чего «друзья» пошли на конспиративную квартиру. Выяснив «на месте» всю необходимую информацию, утром следующего дня курьера, по выходе из квартиры, без лишнего шума задержали и арестовали.

Арестованным оказался курьер германской разведки «Громов». На допросе «Громов» рассказал, что он 1912 года рождения, уроженец Москвы, русский, беспартийный. Окончил морской техникум, в Красную армию призван в марте 1942 года, служил кладовщиком склада боепитания 46-го отдельного дивизиона бронепоездов. В марте 1943 года за кражу продуктов был направлен в штрафную роту 64-й стрелковой дивизии 50-й армии. 6 июля 1943 года в районе станции Думиничи попал в плен к немцам. В августе месяце того же года был завербован германской разведкой и обучался в Борисовской разведшколе абвера.

Из показаний «Громова» было также установлено, что после окончания Борисовской разведшколы, в ночь на 29 марта 1944 года, он был выброшен на парашюте в районе станции Александров Ярославской железной дороги с заданием: пробраться в Москву, встретиться на станции метро Северного вокзала с агентом-радиостом германской разведки «Гунном» и вручить ему 250 тыс. рублей совзнаками, питание для рации, обмундирование. Затем совместно с «Гунном» «Громов» должен был начать шпионскую работу в пользу немцев.

При задержании у «Громова» были изъяты 190 тыс. рублей, пистолет «ТТ», фиктивные документы на имя Федорова Михаила Михайловича и Первикова Михаила Константиновича. Питания для рации, 60 тыс. рублей и обмундирования у «Громова» не оказалось, так как все вещи находились в чемодане, который при приземлении оторвался и не был найден.

После «встречи» с курьером, 4 апреля противнику сообщили: «Напарник прибыл благополучно. Встретились 31 марта вечером. Деньги и документы доставил, чемодан потерял, два дня искал, не нашел, густой лес. На поиски думаем выехать оба. Шлем привет». Однако поиски чемодана не дали результата. В абвер радиовали: «Были на месте приземления, чемодан не нашли, выпавший снег занес все следы. Потеря батарей очень беспокоит. [В] Продаже их нет. Старых хватит ненадолго. Сколько выслали денег? Я получил 190 тысяч». 22 апреля на эту радио-

грамму от противника поступил ответ: «Денежная сумма правильна. Еще 60 тысяч рублей находились в чемодане. Привет».

Обратим внимание, что в ходе радиоигры «Развод» прикрывались не только боевые действия на советско-германском фронте, но и направление главного удара союзников по Антигитлеровской коалиции в весенне-летней кампании 1944 года (высадка союзников в Нормандии — операция «Оверлорд»). Например, 26 апреля в центр радиовали: «Громов встретил знакомого моряка-офицера, от которого узнал, что на днях в Англию вылетела группа офицеров сухопутной армии и военно-морского флота, якобы для координации действий против Северной Норвегии». Добавим, что дезинформация о якобы готовившейся совместной наступательной операции советских и британских войск в Северной Норвегии практически одновременно передавалась по трем агентурным радиоточкам.

В дальнейшем по ходу игры перед противником легендировалось расширение связей среди офицеров Красной армии и работников государственных учреждений, от имени которых передавались дезинформационные материалы о воздушной трассе Москва — Фербенкс, о поступлении заводского оборудования из Америки в Советский Союз и дислокации парашютно-десантных частей под Москвой. Как показало дальнейшее развитие игры, в абвере всерьез заинтересовались информацией об американских поставках по ленд-лизу вооружения в СССР из Аляски. Так, в мае передали группу радиограмм:

6 мая: «Ваше задание о силе и размещении парашютных войск Красной армии сейчас выполнить не можем. У нас пока нет таких связей, от которых можно было бы получить эти сведения. О местонахождении бригад в нашем районе вам уже сообщалось. Как только узнаем новые данные о бригадах — сообщим».

11 мая: «7-го и 8-го мая напарник наблюдал за железнодорожной в Перово. На Москву с востока в день проходит от 9 до 11 эшелонов. Видел три эшелона с войсками, два — [с] орудиями разного калибра, один эшелон [с] танками, пять — [с] боеприпасами, восемь — [с] продовольствием и разным грузом».

18 мая «вслепую» передали: «Знакомая из Наркомвнешторга рассказала, из Америки через Иран в июне будет доставлена большая партия разного оборудования для восстановления разрушенных войной заводов».

Тем временем 20 мая в Ставке ВГК заместитель начальника Генштаба генерал-полковник А.И. Антонов представил И.В. Сталину план операции «Багратион», предусматривавший одновременный прорыв обороны группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Эрнста фон Буша на шести участках, расчленение его войск и разгром по частям. Предполагалось, что успешное выполнение этого замысла позволит освободить Белоруссию, выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии, рассечь германский фронт и создать выгодные предпосылки для ударов по германским войскам в Прибалтике. 30 мая план был утвержден Верховным главнокомандующим.

Советское военное командование предприняло и другие меры по дезинформации противника. Для создания у ОКВ впечатления, будто летом Красная армия нанесет главный удар на южном участке фронта, по указанию Ставки ВГК на правом крыле 3-го Украинского фронта севернее Кишинева была создана ложная группировка в составе девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией. Для большей убедительности в этом районе разместили множество макетов боевой техники, а сам район с воздуха патрулировался истребителями.

— 4 —

Дезинформация

Радиостанция «Развод»
г. Москва.

1. «Знакомые из Наркомвнешторга рассказали, что 21 декабря из Урала прибыло некоторое количество с иностранной авиацией, которое будет направлено на Урал для новых заводов».

Передать 25 декабрь.

2). «Несколько раз был на окружной железнодорожной станции в Рязани. В обе стороны идут следующие вагоны: 13, 15, 18, 20, 22 декабрь Рязань 69 вагонов, КВ, 35-м-34, до 500 вагонов, 73 декабрь, 31 вагон и до 100 вагонов в пути. А также вагоны. Кроме того до 80 вагонов: лесов, угля, дров, зерна, картофеля, фруктов, овощей, наблюдая на 3-4 часа в день».

Передать 29 декабрь.

Нач. Зав. отд. Р.У.К.Р. «Смерш»
Кудряков

(Барышников)

Передать есключительно
Нач. Развед. Бюро Глав. Сек. Сов. К. Кузнецов
Секрет. Барышников

22 декабря 1943 г. (Кузнецов)

Текст дезинформации противнику от 22 декабря 1943 г., переданный по радиостанции «Развод». На документе автографы начальника Разведуправления ГШ КА Ф.Ф. Кузнецова и начальника 3-го отдела ГУКР «Смерш» В.Я. Барышникова

В результате дезинформационных действий, предпринятых советской контрразведкой и Разведывательным управлением Генштаба Красной армии, германские спецслужбы на основе ложной информации, в обилии поступавшей от «своих» агентов, пришли к неверному выводу, что летнее наступление советских войск начнется в направлении между Карпатами и Ковелем. Время наступления абвер определил практически правильно — в период между 15 и 20 июня 1944 года. Обстановка на фронтах Второй мировой войны накалялась.

Тем временем радиоигра развивалась в соответствии с планами Лубянки. 24 мая противнику в ответ на его задания, — разведать дислокацию десантных частей в районе Москвы — радировали: «Знакомый Громова рассказал, в Дмитровке имеются две десантных бригады за номерами 19 и 20. С красноармейцами ежедневно проводятся занятия в поле. Изучают Орловско-Курскую и Сталинградскую операции».

29 мая: «Последние пять дней по несколько часов в Ростокино наблюдали за движением по окружной железной дороге. Видели: бронепоезд, 144 разных орудий, 127 тяжелых и средних танков, 181 эшелон [с] боеприпасами и 25 эшелонов [с] разным грузом».

* * *

В начале лета 1944 года вермахт был вынужден отчаянно защищаться и на Западном фронте. 6 июня союзники начали высадку на северо-западном побережье Франции (Нормандия), положив начало открытию второго фронта. Операция «Оверлорд» вступила в активную фазу.

Через три недели непрерывных боев командующий войсками немецкой группы армий «Б» в Северной Франции генерал-фельдмаршал Э. Роммель 15 июля телеграммой сообщал А. Гитлеру: «Положение на фронте в Нормандии становится с каждым днем все труднее, оно приближается к тяжелому кризису. ... Вражеский нажим становится день ото дня все сильнее... Войска повсюду сражаются героически, однако неравная борьба идет к концу. Должен просить вас сделать выводы из этого положения незамедлительно. Как командующий группой армий, чувствую себя обязанным высказать это ясно»⁶⁹².

Между тем игра военной контрразведки с абвером продолжалась. С целью закрепления у противника более прочного авторитета «Гунна», показа наличия у него возможностей долговременного «оседания» в Москве на послевоенный период, а также «подставы» немецкой разведке надежного явочного адреса были разработаны предложения по открытию «Гунном» слесарной мастерской в Москве и приобретению им дачи «для более удобной и надежной работы на радиостанции».

В 3-м отделе ГУКР «Смерш» решили для реализации этого плана затребовать у противника денег и радистку. 8 и 14 июня 1944 года в абвер передали радиограмму: «По обсуждению с напарником нашего положения, предлагаем следующий план работы: место для рации иметь постоянное за городом, для чего купить свою дачу. Хозяевами дачи должны быть наши люди — мужчина и женщина пожилого возраста, с гражданскими документами как нетрудоспособные. Вместе с ними под видом дочери должен жить специальный радист — женщина. Сам я буду жить в городе как инвалид войны и для маскировки открою слесарную мастерскую, таких мастерских в Москве очень много. От заказчиков буду собирать сведения и передавать Громову. Мои сведения и свои Громов будет передавать на дачу радистке.

10 Дезинформация

Радиостанция «Развод»
г. Москва.

① " По заданию в десантных частях узнаю,
где они имеются в городах: Мухоморо, Мухоморо
и Ногинско. Конкретно о численности и
номеров частей не знаю, надо высшей на
места. Служба Суркова - уполном."

② Водной колонии возмозмалась с легкостью.
Рядом, не возмозмалась - красавица трасса
Фербенка - Москва. На этой линии есть люди -
попытки авиации, которые летают из Омска
осколки и доставляют оборудование."

11.3.

Стрелка: Линия Фербенка - Москва, доставка
лишь артиллерии. В случае, если артиллерия
продвигается к созданию, стрелка дана дез-
информация о численности и типах артилле-
рии во. м. м. м.

Передать Свирякину

Нач. Рад. Ст. Уполном. Нач. Рад. Ст. Уполном.
Сурков - м. м. м.

26 февраля 1944 г.

Кузнецов (Кузнецов)

Текст дезинформации противнику от 26 февраля 1944 г., переданный по радиостанции «Развод». На документе автограф начальника Разведуправления ГШ КА Ф.Ф. Кузнецова

При выполнении этого плана мы хорошо бы замаскировались и могли бы часто давать сведения. Сообщите ваше мнение».

В июне направили и новую порцию дезинформации военного характера. 22 июня: «Знакомый из Щелково сообщил, что парашютно-десантная бригада № 13 на прошлой неделе переброшена под Ленинград».

Утром 23 июня войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусского фронтов перешли в наступление. С раннего утра в течение 120 минут более 30 тыс. орудий и минометов уничтожали укрепления, подавляли огневые средства и военную технику врага. На следующий день в сражение включились армии 1-го Белорусского фронта. Германское командование было застигнуто врасплох, особым «сюрпризом» для вермахта стало наступление войск 1-го Прибалтийского фронта, армии которого в первый день наступления прорвали оборону противника на участке шириной 50 км и углубились на 10–13 км. В результате первых шести дней наступления Красной армии группа армий «Центр» оказалась в катастрофическом положении. Ее оборона была сокрушена на всех направлениях 520-километрового фронта. Советские войска, сломив сопротивление противника, продвинулись на запад на различных участках от 80 до 150 км.

В июле центру направили сведения о двух других десантных бригадах. 11 июля в «Сатурн» радировали: «Знакомая Громова рассказала, что парашютно-десантные бригады 19 и 20, находившиеся в Дмитровке, переброшены куда-то на юг».

Инициатива агентов о покупке дачи абверу понравилась, но центр потребовал разъяснения по некоторым вопросам. 2 августа пришла радиограмма: «Откуда хотите достать документы инвалида. Откуда берете проверенную радистку. Что за клиенты будут. Что будет стоить дом. Привет».

В ответ 9 августа направили шифровку: «Документы инвалида я уже приобрел при помощи знакомого врача и своего человека, о котором вам сообщал раньше. По этим документам я значусь как возвратившийся с фронта после контузии на уши. Радистки у нас нет, должны прислать вы, только надежную и проверенную. Хорошо бы Ольгу или Иру. Клиенты самые разнообразные, так как буду принимать заказы по мелкому слесарному ремонту от населения. Дом и мастерская не дороже 200 тысяч рублей. Привет».

Одновременно продолжали выполнение ранее данных абвером задач. 11 августа в центр направили шифровку: «Знакомый летчик, работающий на воздушно-пассажирской трассе Москва – Фербенкс, сказал, что за последнее время поступление самолетов из Америки резко уменьшилось. Объяснил это тем, что очень большая потребность авиации возникла в связи с боями во Франции».

Прежде чем согласиться на предложение агента, в абвере решили проверить самостоятельность его работы. 5 сентября противник запросил: «Просим Громова сообщить нам время, когда он вместе с немцами Ридитц⁶⁹³ и Боншторф сидел в тюрьме».

Лубянка среагировала оперативно, при этом не забыли посетовать на проявленное недоверие. В ответ 9 сентября радировали: «Громов передает, что вместе с Ридитц он сидел в тюрьме с конца ноября–декабря 1942 года до половины марта 1943 года. Вместе с Боншторф с февраля до марта 1943 года, точных чисел не помнит. Зачем эти данные, связь и так плохая. Принимайте скорее меры для создания безопасных условий нашей дальнейшей работы, присылайте немедленно деньги и батареи. Привет».

Вероятно, ответ абвер удовлетворил, противник поверил, что агенты не работают под диктовку советских органов госбезопасности, и 26 сентября запросил указать место для встречи с курьерами, передав радиogramму следующего содержания: «Сообщите нам, где могут вас найти наши два курьера, которых мы намерены к вам послать. По какой фамилии они должны вас спрашивать. Почему не выполняете наши указания. Мы вас спрашивали о подробностях воздушного сообщения от Аляски в Советский Союз. Мы получили только одну телеграмму с общими данными. Что вы о себе можете быстро сообщить, вы доказали с ответом Громова. Вы получите документы, деньги и батареи. Вы дайте теперь нам данные для курьеров и подробности воздушной трассы из Аляски. Привет».

Вскоре, 29 сентября, противнику сообщили место встречи курьера: «Громов предлагает встретиться на Центральном телеграфе, угол улицы Горького и улицы Огарева, окно № 15, продажа почтовых марок и бланков, окно под часами. С 15 до 16 часов. Ждать буду я или он. Мы оба в гражданской одежде. Я ношу очки и две медали. Живем под настоящими фамилиями. Курьеры пусть обращаются по имени и отчеству. Сообщите, знаем ли мы их и не подведут ли они нас. Когда ждать и как их узнать».

Смерш старался показывать противнику, как говорилось в одном из отчетных документов, «с неослабевающей силой активную деятельность разведчиков». В этих целях в абвер продолжали передавать ряд дезинформационных материалов о переброске воинских частей и грузов военного назначения по железным и шоссейным дорогам из Москвы в сторону фронта.

10 октября абвер поставил перед агентами новую задачу — выяснить, на какой участок фронта будут перебрасываться войска, которые освободились из районов Прибалтики⁶⁹⁴, подчеркнул: «Это особенно важное дело». На Лубянке решили, что «прямой» дезинформационный ответ на этот вопрос может привести к провалу радиогры. Поэтому было решено передать расплывчатый ответ, чтобы скрыть направление наступательных операций Красной армии зимой 1944/45 года.

20 октября в абвер направили радиogramму: «Выполняя ваше новое задание, беседовал со многими знакомыми военнослужащими, ничего определенного пока выяснить не удастся. Данные очень противоречивые. Некоторые говорят, что из Прибалтики войска будут перебросены в Восточную Пруссию⁶⁹⁵, другие говорят в Польшу⁶⁹⁶, третьи уверяют, что в Венгрию⁶⁹⁷. Разведку продолжаем».

30 октября на Лубянке решили порадовать центр, сообщив, что наметился новый источник получения информации: «На квартире моей знакомой Громов познакомился с машинисткой из Наркомата обороны, работающей в Управлении формирования Красной армии. Награждена медалью “За трудовую доблесть”. Хвасталась, что часто печатает документы в Ставку. Громов будет добиваться хороших взаимоотношений, может быть, удастся узнать что-либо по вашему заданию о Прибалтике. Ускорьте посылку денег».

Возможно, это вынудило абвер согласиться с предложенным планом посылки новых курьеров. 22 ноября была принята радиogramма: «Оба курьера 18 ноября приехали. Встречайте оба. Один в чине капитана, другой в чине старшего лейтенанта. Немедленно в условленное время, указанном месте у окна 15. Если Громов будет встречать, он узнает Холостова. Привет».

С получением сведений о курьерах, на Лубянке по заранее разработанному плану сразу же были приняты оперативные меры по организации «встречи» и задержания агентов-связников германской разведки. Однако хлопоты оказались безрезультатными. Дойти до обусловленного места встречи немецкие агенты не смогли. 24 ноября на Белорусском вокзале курьеры были задержаны при проверке документов. Ими оказались некто «Холостов» и «Воронов».

«Холостов», 1917 года рождения, уроженец дер. Новое Чудовского района Ленинградской области. Из крестьян-середняков. В 1940 году окончил Ленинградский пединститут им. Герцена, а в 1941-м — Белоцерковское стрелково-пулеметное училище, бывший кандидат в члены ВКП(б), бывший командир взвода разведки 24-го отдельного батальона 24-й танковой дивизии. В плен к немцам попал 14 ноября 1941 года в районе г. Старая Русса, содержался в лагерях военнопленных в гг. Старая Русса, Псков и Летцен.

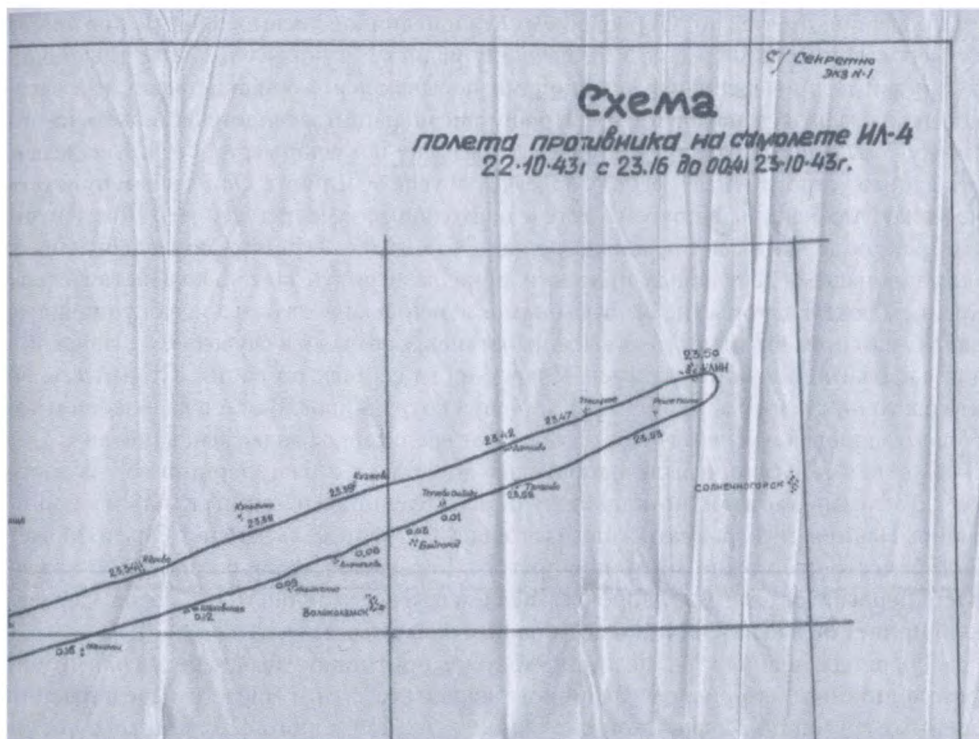
«Воронов», 1912 года рождения, уроженец с. Усть-Алейка Алтайского края. В 1939–1940 годах работал в Барнауле начальником охраны ИТК УНКВД Алтайского края, бывший кандидат в члены ВКП(б), в 1941 году окончил курсы усовершенствования командного состава в Томске, бывший командир взвода батареи 45-мм пушек 1045-го стрелкового полка 40-й армии. В немецкий плен попал в июле 1942 года в районе станции Касторное. Содержался в лагерях военнопленных в гг. Жиздра⁶⁹⁸ и Летцен (Восточная Пруссия).

После задержания агенты немедленно были доставлены в ГУКР «Смерш». Как оказалось, в руки советской военной контрразведки попали два опытных немецких шпиона. Следствием было установлено, что «Холостов» во время нахождения в Псковском лагере военнопленных, по предложению обер-лейтенанта Крузе добровольно вступил в РОА, а оттуда переведен в офицерский лагерь, находившейся в г. Летцен. 28 февраля 1944 года в лагере он был завербован старшим преподавателем бывшей Борисовской разведшколы капитаном Меньшиковым и направлен в г. Лык, в разведшколу. Пробыв в школе чуть больше недели, 15 марта переведен в Минск, по распоряжению капитана немецкой разведки Фурмана — сотрудника «Абверкоманды 103» при группе армий «Центр» (позывной — «Сатурн»).

В ночь на 16 марта с напарником был переброшен в тыл Красной армии в район железнодорожных станций Маневичи, Голобы, Турийск Ковельской железной дороги для сбора разведывательных сведений о передвижении и расположении частей Красной армии, их вооружении, наличии аэродромов, типах и количестве базирующихся на них самолетов. Выполнив задание, «Холостов» 22 апреля перешел линию фронта в расположение немецких войск и передал собранные им сведения германскому командованию. За успешное выполнение задания был награжден двумя немецкими бронзовыми медалями.

Во второй раз, в ночь с 10 на 11 августа, «Холостов» с другим напарником — «Вороновым» был заброшен в советский тыл в район станций Лукштас, Скопшкис, Паневежис Литовской железной дороги с аналогичным разведывательным заданием. И это задание он выполнил благополучно и беспрепятственно вернулся в «Абверкоманду 103». Награжден серебряной медалью.

«Воронов» в 1943 году в лагере военнопленных в г. Летцен по предложению полковника Тарасова вступил в РОА, а в феврале 1944 года завербован для разведывательной работы против СССР старшим преподавателем Борисовской разведшколы абвера капитаном Меньшиковым. После окончания учебы вместе с «Холо-

Фрагмент схемы пролета самолета противника 23 октября 1943 г. (радиоигра «Развод»)

стовым» был заброшен в Литву с разведывательным заданием. Награжден двумя бронзовыми медалями.

В ночь с 18 на 19 ноября 1944 года оба агента германской разведки были сброшены на парашютах в районе станции Риконтай Литовской железной дороги, в 37 км от Вильнюса, с заданием: пробраться в Москву, на Центральном телеграфе с 15 до 16 часов встретиться с агентами «Гунном» и «Громовым», передать им документы, деньги, комплект питания для рации и вернуться обратно, перейдя линию фронта на участке 220-й или 331-й стрелковых дивизий 31-й армии.

Для выполнения задания «Холостов» и «Воронов» были снабжены фиктивными документами: первый — на имя начальника 2-го отделения Управления начальника артиллерии 31-й армии капитана Вишнева Георгия Павловича, второй — на имя помощника начальника 4-го отделения Управления начальника артиллерии 31-й армии старшего лейтенанта Бурмистрова Тимофея Павловича. При себе имели деньги в сумме 4170 рублей и питание на дорогу.

Для передачи «Холостову» и «Воронову» курьеры имели 300 000 рублей, орден Красного Знамени и Красной Звезды, золотое кольцо, золотую брошь, питание для рации, фиктивные документы, 218 чистых бланков с угловыми штампами и гербовыми печатями от имени частей и соединений Красной армии.

На Лубянке «визитеров» с нетерпением ждали. Их прибытие послужило лучшим подтверждением того, что в «Сатурне» верили своим агентам и игра развива-

ется успешно. Другим подтверждением служило личное письмо, изъятое при аресте курьеров капитана Фурмана к разведчику-радисту «Гунну»: «Дорогие товарищи! С хорошими проверенными товарищами посылаю вам кое-какие вещи, и в частности документы, деньги и другое. Прошу мне по радиции засвидетельствовать их доставку. Удалось мне вам предоставить деньги для покупки мастерской. Я надеюсь, что вас это устроит и вашу работу облегчит, и успех увеличит. Ольга к вам приехать не может, так как она в другом месте и подходящих заместителей нет. Поэтому вы этот вопрос должны так как-нибудь решить. Старайтесь вербовку подходящих особ, могущих нашему делу пользу принести, шире развернуть, но только действительно нужных людей, которые не были бы нам и вам только в тягость. За вашу прошлую работу вам признательность от высших органов, которая и в служебном отношении для вас благоприятно отразилась. Подробности сообщу по радиции. Старайтесь, во что бы то ни стало, расширить круг хороших сотрудников. Вам и в дальнейшем хорошего здоровья и успеха в работе желает от всего сердца знакомый капитан».

В ответ с Лубянки была направлена шифровка с благодарностью «за заботу»: «Господин капитан, помощь получили, сердечно благодарим за заботу и внимание. Начинаем устраиваться по-настоящему. Очень жаль, что нет Ольги. Может быть, вместо нее можно кого-либо другого. Курьеры выехали сегодня. Мы празднуем, первый тост за ваше здоровье. Желаем вам всего лучшего и успехов. Сердечный привет от нас вам лично и всем нашим знакомым».

В период с ноября 1944 по март 1945 годов противнику был передан ряд дезинформационных материалов различного характера, в том числе о передвижении военных грузов по Московской окружной железной дороге. Причем даже постарались «успокоить» противника, что зимой 1944/45 года Красной армией не планируются активных боевых действий.

Так, например, 26 декабря в центр радировали: «В Москву на учебу приехал с 1-го Белорусского фронта подполковник Сергеев, родственник моей знакомой. Будет здесь до марта месяца. По его словам, в Москву прибыла на учебу большая группа старшего офицерского состава с разных фронтов, в том числе несколько генералов. Он рассказал, что на фронте сейчас активных боевых действий нет».

«Сатурн» продолжал верить своим агентам, так, 5 января 1945 года была принята радиограмма: «Вы оба награждены наградами — второй степени серебром и повышены в чине. Поздравляю вас и желаю дальнейшего успеха. Старайтесь, во что бы то ни стало, установить крупную связь при железных дорогах, промышленности и армии. С приветом, капитан».

Фронт неумолимо приближался к столице Третьего рейха. Красная армия вступила на территорию Германии. Связь с «Сатурном» от сеанса к сеансу все более ухудшалась. Последняя телеграмма ГУКР «Смерш» в «Сатурн» была передана 15 марта 1945 года: «Господин капитан! Связь с вами стала очень плохой. Часто работаю впустую, не могу связаться и своевременно передать имеющийся материал. Для создания хорошей связи и удобства в работе еще раз прошу выслать станцию от электросети и радистку. Дачу мы подобрали, для работы вполне подходит».

После передачи этой радиограммы связь с противником больше установить не удалось. Всего за период радиоигры противнику было передано 69 радиограмм, получено — 23.

Использовавшийся в радиоигре перевербованный агент германской разведки «Гунн» «за честное выполнение заданий органов госбезопасности и проявленные

«Арийцы» в калмыцких степях: «Борода» и «Колонизатор» ведут себя хорошо...»

при этом инициативу и смелость» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 июля 1944 года награжден орденом Красной Звезды. Следствие по его делу прекращено. В мае 1945 года проживал вместе со своей семьей в Москве.

Агент немецкой разведки «Громов» осужден Особым совещанием при НКВД СССР от 10 июня 1944 года к 15 годам исправительно-трудовых работ. До мая 1945 года содержался в КПЗ УКР «Смерш» Забайкальского фронта.

Два других агента «Сатурна» — «Холостов» и «Воронов» решением Особого совещания при НКВД СССР приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение...

«АРИЙЦЫ» В КАЛМЫЦКИХ СТЕПЯХ: «БОРОДА» И «КОЛОНИЗАТОР» ВЕДУТ СЕБЯ ХОРОШО...

В годы Гражданской войны бóльшая часть калмыков, руководимая сторонниками восстановления монархии и местными националистами, выступила на стороне белогвардейских войск. 80-й Зюнгарский, 3-й Донской, 1-й и 2-й Астраханские и другие белогвардейские калмыцкие полки принимали активное участие в боевых действиях против частей Красной армии. В 1920 году руководители ряда калмыцких контрреволюционных организаций и групп, вместе с Русской армией П.Н. Врангеля, бежали в Турцию, Югославию, Чехословакию, США и Францию, где развернули антисоветскую работу.

В 1927–1928 годах в Париже лидером калмыцких националистов Ш. Балиновым, вдовой князя Тундутова (главы калмыков в годы Гражданской войны), бывшим царским офицером Абуши Алексеевым, Санджи Балыковым и другими был создан так называемый Хальмаг Тангчин Тук (сокр. ХТТ; Калмыцкий национальный союз), основной идеологической платформой которого стала непримиримая борьба с советской властью. Конечным результатом деятельности союза объявлялось «освобождение калмыцкого народа от ига большевиков и создание собственного буржуазного государства».

С началом Второй мировой войны калмыцкие националисты резко активизировали свою деятельность. В нацистской Германии они увидели силу, которая помогла бы осуществить их планы. Захват в июне 1940 года гитлеровцами Франции позволил им перебраться из Парижа в Берлин, где они поступили на германскую службу.

При «Восточном» министерстве Альфреда Розенберга был организован калмыцкий отдел, который с помощью националистов занимался разработкой планов по разграблению богатств Калмыкии. Нападение Германии на СССР было с радостью встречено калмыцкими националистами, они внесли ряд предложений по «освобождению от большевиков территории Калмыкии и ее будущему политическому устройству».

В 1942 году в Берлине Главным управлением имперской безопасности (РСХА) и «Восточным» министерством был создан так называемый Калмыцкий национальный комитет (КНК) во главе с Ш. Балиновым. Основной задачей КНК ставилось привлечение к активной борьбе с СССР бывших советских военнослужащих калмыцкой национальности, находившихся в германском плену, а также жителей

временно оккупированной территории Калмыцкой АССР. Одновременно КНК вместе с калмыцким отделом «Восточного» министерства готовил кадры для оккупированных районов.

Члены КНК развернули активную работу по вербовке военнопленных в Калмыцкий национальный легион (КНЛ). В 1942 году председатель КНК Ш. Балинов и агент германской разведки Балданов прибыли в захваченную гитлеровцами Элисту, где приступили к созданию «вооруженных сил Калмыкии».

В 1941–1942 годах на территории Калмыцкой АССР сложилась очень тяжелая обстановка. В самом начале Великой Отечественной войны по инициативе калмыцких партийных и советских органов была сформирована 110-я Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия. В боях с немецко-фашистскими захватчиками под хутором Карповым Ростовской области дивизия понесла значительные потери. Большая часть бойцов попала в плен, а другая часть дезертировала и бежала в калмыцкие степи.

Калмыки-дезертиры примкнули к орудовавшим в Черноземельском, Мало-Дербентском, Троицком и других труднодоступных районах Калмыкии бандитским группам, которые возглавляли бывшие белогвардейцы и уголовники Басанг Огдонов⁶⁹⁹, Чилгиров, Усялов, Абушинов. Бандиты, благодаря хорошему знанию местных условий, обладая прекрасными лошадьми, а также поддержкой некоторой части населения, были неуловимы. Они убивали советских активистов, угоняли скот и лошадей, нападали на отдельные группы красноармейцев. С оккупацией германскими войсками ряда районов Калмыцкой АССР эти банды перешли на сторону оккупантов и послужили основой создаваемых «вооруженных сил Калмыкии», которые формировались под непосредственным руководством ОКВ и абвера.

Большую роль в создании Калмыцкого национального легиона играл зондерфюрер германской армии, официальный сотрудник «Абвергруппы 103» Отто Верба (немецкий псевдоним доктор Долль). Позывной радиостанции — «Краних» («Журавль»). Первоначально команда дислоцировалась в г. Степном (Элисте). Впоследствии на базе отряда было развернуто так называемое Спецподразделение доктора Долля⁷⁰⁰. В июле 1942 года Вербу, как хорошо знавшего местные условия, обычаи и нравы калмыков, во главе мельдекофа (команды) направили в калмыцкие степи, где он возглавил разведывательную и контрразведывательную работу против партизан и Красной армии, занимаясь формированием Калмыцкого национального легиона.

В сентябре 1942 года, после окончания краткосрочной военной подготовки, которую легионеры проходили по уставам вермахта, германское командование объявило о создании легиона. Его командующим был назначен О. Верба. Командирами эскадронов, взводов и отделений являлись калмыки. На вооружении КНЛ имел немецкое и советское трофейное оружие: минометы, пулеметы, автоматы, винтовки. Весь личный состав имел верховых лошадей с полным снаряжением. В легион входили четыре эскадрона, численность которых доходила до 1200 человек.

Вскоре легионеры активно включились в борьбу с партизанами, разыскивали офицеров и бойцов Красной армии, выходивших из окружения или бежавших из плена, использовались оккупантами в выявлении и аресте партийных и советских работников, не успевших эвакуироваться. В декабре 1942 года оккупанты под ударами Красной армии оставили Калмыкию и стали отступать на запад.

18 марта 1943 года замнаркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулов направил в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину докладную записку о ликвидации шпионов, диверсантов и немецких пособников в освобожденных районах. По указанию Сталина на следующий день с запиской были ознакомлены все члены и кандидаты Политбюро ЦК ВКП(б). В документе в том числе сообщалось о результатах розыска в Калмыцкой АССР:

«Арестовано 303 чел., в том числе германских агентов и подозрительных по шпионажу — 28 человек, немецких пособников — 243 чел., дезертиров и бандитского элемента — 16 человек, прочего а/с* элемента — 25 человек.

Германское командование, играя на националистических чувствах, пыталось сформировать в Калмыкии добровольческий калмыцкий кавалерийский корпус. Противнику удалось создать 10 добровольческих калмыцких кавалерийских эскадронов численностью от 40 до 300 человек каждый, из числа главным образом дезертиров из Красной армии.

На эти части были возложены задачи охраны дорог в прифронтовой полосе, разведки ближнего тыла Красной армии и борьбы с партизанскими отрядами.

Организатором калмыцких эскадронов являлся немец Долл, именовавший себя «будущим правителем Калмыкии».

Во время отступления немцев большая часть этих эскадронов отойти с немецкой армией не успела и осталась в тылу Красной армии, скрывшись в степях Черноземельского, Троицкого и Кетченеровского улусов.

В результате принятых НКВД Калмыцкой АССР мер сдалось добровольно 334 чел., захвачено с оружием 30 чел. и убито 46 чел. Изъято пулеметов и автоматов — 7, винтовок — 133, патронов к ним — 5018 штук...

Заигрывая с калмыками, германское командование ставило их в привилегированное положение по сравнению с русскими. Например, калмыцкое население освобождено от налогов — молоком, яйцами, мясом, русские же обязаны были вносить; полицейские из калмыков были вооружены винтовками, русским полицейским оружием не давалось»⁷⁰¹.

В декабре 1943 года в совхозе № 107 Ставропольского края легион был переформирован в Калмыцкое воинское подразделение доктора Долля (нем. *Kalmuken Verband dr. Doll*).

В марте того же года корпус за счет бежавших с оккупантами полицейских, старост, служащих различных оккупационных учреждений и организаций, некоторой части местного населения, а также советских военнопленных, перешедших на службу в вермахт, насчитывал 4000–5000 человек. Корпус состоял из четырех дивизионов, дивизион — из четырех эскадронов, эскадрон — из трех взводов, взвод — из трех отделений. Эскадроны имели свои номера, а один из них в каждом дивизионе назывался «якал» («охотничьим» или «истребительным»), главной задачей которого являлась борьба с партизанами.

Командирами дивизионов, эскадронов, взводов и отделений являлись участники банд, которые действовали на территории Калмыкии еще до ее временной оккупации, а также бывшие офицеры Красной армии, проявившие себя с профашистской стороны. Личный состав подразделений комплектовался по земляческому принципу. В каждом дивизионе имелся советник из числа немецких офицеров, а в эскадроне — из унтер-офицеров.

* А/с — антисоветский.

Однако не только руководство вермахта обратило внимание на калмыцких националистов, но и германская военная разведка. В абвере посчитали возможным использовать «корпус Долля» для организации повстанческого движения в советском тылу.

* * *

Приближались заключительные сражения Великой Отечественной войны, советско-германский фронт неудержимо подступал к границам «Тысячелетнего рейха». Между тем тайная война между спецслужбами нацистской Германии продолжала накаляться. Германская военная разведка готовила все новые и более масштабные операции в советском тылу с тем, чтобы максимально ослабить натиск Красной армии и тем самым облегчить положение вермахта на советско-германском фронте.

Одной из таких специальных операций стала попытка нацистских спецслужб организовать весной–летом 1944 года антисоветское восстание калмыков в советском тылу с помощью калмыцких коллаборационистов.

Подготовкой операции в Калмыкии германская военная разведка занялась в январе 1944 года. План операции разрабатывался руководством штаба «Валли I», под руководством майоров Германа Бауна и Марвица. Активное участие в подготовке плана также приняли офицер абвера — командир Калмыцкого корпуса «доктор Долль» и его заместитель белоэмигрант Зубков⁷⁰². Калмыков из «корпуса доктора Долля» готовили в разведшколе абвера, расположенной в местечке Бальга (в 43 км от Кенигсберга). Подготовка к операции была завершена 15 мая 1944 года, и в тот же день с Кенигсбергского аэродрома вся группа в 3.00 вылетела в Румынию.

Как выяснилось в ходе следствия, немецкая военная разведка не случайно выбрала территорию Калмыкии как базу для развертывания подрывной деятельности в советском тылу. Еще в начале октября 1943 года в этот район была высажена германская разведгруппа из пяти человек под руководством агента-диверсанта Басанга Огдонова. К встрече незваных «гостей» Лубянка была готова во всеоружии.

Ситуацию, сложившуюся на освобожденной территории Калмыкии, характеризует фрагмент из доклада командующего войсками ПриВо замнаркому обороны СССР «Об итогах работы Оперативной группы штаба ПриВо в гор. Сталинграде по состоянию на 15 мая 1943 г.» от 21 мая 1943 года:

«XII. Появление банд в Калмыцкой АССР (Карта 500 000)

В районе оз. Сарпа Дола, Сарпа действует крупная банда неустановленной численности, состоящая из калмыков, белоказачков и немецких инструкторов. Бандиты вооружены автоматами, пулеметами, минометами, а также имеют несколько танкеток. Действуют небольшими группами, преимущественно в конном строю. Минируют и обстреливают дороги. Отдельные группы появляются у Кенкря, Киселевки (западнее оз. Сарпа), Ньюкюн (севернее Яшкуль), Ур. Ар. Троста и Сар (южнее Бергин).

Для подавления банды высланы 2 батальона 21-й бригады войск НКВД, 2 батальона Южного фронта и 2 эскадрона конницы, по-видимому, Калмыцкой АССР.

В течение 15 мая происходили бои подразделений 21-й бригады с группой бандитов численностью до 200 человек, в 35 км северо-вост. Троицкое у Зональная и оз. Ара-Нур. Потери с нашей стороны — 4 кавалериста. В районе 15 км вост. СВХ 80 вел бой взвод автоматчиков — результаты неизвестны.

15 мая с. г. взвод пехоты 21-й бригады НКВД в районе совхоза № 2 у Б[ольшой] Царан атаковал до 40 бандитов в конном строю, которые отошли в направлении Батрак. Преследование не удалось. Исчерпывающих данных о ходе операции не поступило...»⁷⁰³

Со второй половины 1943 года германская военная разведка приступила к подготовке диверсионно-террористических групп для оставления их в советском тылу. С этой целью заблаговременно создавались базы и хранилища с оружием, взрывчатыми веществами, продовольствием и одеждой, которыми должны были пользоваться разведывательно-диверсионные группы.

В справке УНКГБ по Астраханской области на группу немецких разведчиков, заброшенных в Калмыкию в октябре 1943 года, сообщалось:

«27 октября 1943 года на местности “Аким-Пески” (территория быв[шего] Черноземельского улуса Калм[ыцкой] АССР) после непродолжительной перестрелки были задержаны немецкие разведчики: 1. “Ворона” — Мартынюк Александр Денисович (кличка “Александр Титов”), 1917 года рождения, уроженец г. Киева... являлся агентом-радиостом, в первых числах ноября месяца 1943 года передан контрразведке “Смерш” СКВО. 2. Эрдниев Харцха Очирович (кличка “Миша”), 1914 года рождения, уроженец села Улан-Эрге... дезертир Красной армии, отступил вместе с немцами в январе месяце 1943 г. из Калмыкии и до 1 октября 1943 года находился на службе в калмыцком корпусе рядовым солдатом 1-го эскадрона 1-го дивизиона.

При задержании скрылись вылетевшие и сброшенные одновременно с ними немецкие разведчики:

1. Огдонов Басанг Бурулович, 37 лет, житель Зюнгаровского сельсовета быв[шего] Черноземельского улуса Калм[ыцкой] АССР, калмык, до оккупации находился в банде, в период оккупации в гор. Элиста (ныне Степной), являлся одним из основных организаторов калмыцких добровольческих эскадронов, отступил вместе с немцами в январе месяце 1943 года, занимал командную должность в составе калмыцкого корпуса до момента заброски.

2. Эренцов Сога, житель села Улан-Эрге... по специальности ветеринарный врач, в период оккупации служил полицейским... Во время прыжка с самолета, как установлено следствием, разбился.

3. Халгаев Муда Абушевич, 1916 года рождения... при оккупации служил полицейским... находился на службе в калмыцком корпусе.

Переброска разведчиков через линию фронта была осуществлена 1 октября 1943 года на немецком самолете, высадка на территории СССР — путем прыжков с парашютом. При задержании у Ворона-Мартынюк А.Д. и Эрдниева Х.О. было изъято: немецкая рация “Дуплекс”, шифр, код, револьвер “Наган” и пистолет “ТТ”. Все остальные разведчики были вооружены винтовками и пистолетами “ТТ”. Переброшенные парашютисты-разведчики имели задание: 1. Установить связь с действующими на территории Калмыкии бандформированиями, активизировать их деятельность. 2. Установить наличие воинских частей в Калмыкии, их дислокацию, численность и вооруженность. 3. Изыскать авиапосадочную площадку и место возможного хранения горючего для самолетов. 4. Изучить политическое настроение населения Калмыкии. 5. По всем вопросам информировать немецкую разведку, а также систематически рапортовать состояние погоды».

О дальнейшей борьбе с диверсантами на освобожденной территории подробно рассказано в сообщении начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР № 36/1789 наркому внутренних дел СССР о ликвидации парашютной группы, выброшенной германской военной разведкой на территорию Калмыцкой АССР, от 13 ноября 1943 года:

«В результате дальнейших мероприятий, проведенных органами НКВД по ликвидации парашютной группы, выброшенной немцами 1 октября сего года на территорию Калмыцкой АССР во главе с Огдоновым Басангом, установлено, что в составе группы находилось 5 парашютистов:

Огдонов Басанг — бывший руководитель добровольческого легиона, созданного немцами в период оккупации Калмыцкой АССР;

Ворона-Мартынюк (Мартыненко) Александр Денисович, 1907 года рождения, житель г. Киева, в прошлом судим за хулиганство, радист, окончивший разведывательную школу при штабе немецкой армии 28527;

Эренценов Сага, Эрдниев Харцха и Халгаев Муда.

По показаниям радиста Вороны-Мартынюка, задержанного 27 октября сего года при боестолкновении с парашютистами, группа Огдонова 1 октября сего года вылетала на самолете с аэродрома г. Николаева и в этот же день была выброшена в 25 км юго-восточнее районного центра Яшкуль. В момент приземления парашютист Халгаев Муда разбился. Труп и документы его обнаружены оперативной группой НКВД в 18 км юго-восточнее пос. Яшкуль.

3 ноября сего года в органы НКВД явился с повинной парашютист Эрдниев, отделившийся от Огдонова и пятого участника группы Эренценова после перестрелки с оперработниками НКВД 27 октября сего года.

Вернувшись с маршрута агент НКВД Калмыцкой АССР “Эрдниев” донес, что 29 октября сего года он встретил двух оставшихся парашютистов Огдонова и Эренценова на территории фермы “Сапа” Кетченеровского района Калмыцкой АССР. Огдонов и Эренценов сообщили агенту о своем намерении соединиться с бандгруппой Сангаджиева из четырех человек, действующих в Кетченеровском районе. В целях задержания Огдонова и Эренценова в район Сарпинских ферм выброшена оперативная группа в составе 15 человек. Кроме того, в места возможного нахождения парашютистов направлена конная группа в составе 5 оперативных работников НКВД и НКГБ и 11 легализованных бандитов...»⁷⁰⁴

В результате оперативно принятых мер группа Огдонова была разгромлена, радист группы захвачен в плен, а сам Огдонов остался без связи со своими хозяевами. Вследствие этого планы германской военной разведки были сорваны и противнику не удалось застать врасплох советских контрразведчиков.

* * *

28 июня 1944 года из НКВД СССР на имя начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР по ВЧ поступила копия докладной записки:

«Из Астрахани. Москва. НКВД СССР — товарищу Берия. В результате 5-дневного преследования группа диверсантов-калмыков в составе 9 человек, высаженных 23 мая, обнаружена нашей оперативно-войсковой группой и ликвидирована в 55 км северо-западнее с. Яскуль. Во время боя убито 3 десантника, захвачено 6.

«Арийцы» в калмыцких степях: «Борода» и «Колонизатор» ведут себя хорошо...»

Сотрудник германской военной разведки капитан Эбергард фон Шеллер.
1932

Изъято оружие. С нашей стороны потерь не имеется. Группа задержанных направляется в Яскуль. Все задержанные будут допрошены. О результатах допроса будет сообщено дополнительно. Свирина, Лукьянов»*.

Начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумов в тот же день передал документ в 3-й отдел ГУКР — полковнику В.Я. Барышникову. Так началась радиоигра, вошедшая в историю советской военной разведки под кодовым наименованием «Арийцы». Она проводилась 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР из поселков Яшкуль и Енотаевск Астраханской области с 29 мая по 20 августа 1944 года. Вскоре из Астрахани поступили первые протоколы допросов захваченных агентов противника.

А произошло все следующим образом. 23 мая 1944 года постами службы ВНОС была зафиксирована в районе пос. Утта Астраханской области (Калмыцкая степь) посадка вражеского сверхмощного самолета, с которого был высажен отряд диверсантов в количестве 24 человек во главе с официальным сотрудником германской разведки — капитаном Эбергардом фон Шеллером⁷⁰⁵.

В район посадки немецкого самолета была срочно вызвана истребительная авиация и направлены опергруппы НКВД и НКГБ Астраханской области. В результате принятых мер вражеский самолет был обнаружен и подожжен. Десант и экипаж самолета противника оказали при задержании вооруженное сопротивление. В ходе перестрелки было уничтожено семь человек (из них три члена экипажа), 12 человек взяты в плен (из них шесть летчиков), оставшиеся 14 человек успели скрыться⁷⁰⁶.

Старший группы капитан Эбергард фон Шеллер 27 мая 1944 года на первом допросе рассказал о задании группы и планах германской военной разведки: «Возглавляемая мной операция преследовала две цели, а именно:

* На документе рукой наркома внутренних дел СССР написана резолюция: «Тов. Абакумову. Ознакомить тов. Федотова. Л. Берия».

Руководитель операции в Калмыцкой степи,
сотрудник германской военной разведки хауптман (капитан) Эбергард фон Шеллер
(служебный псевдоним Кваст)

I. Установление передаточного центра (реле), который должен был принимать сообщения агентов-радистов, подлежащих заброске в восточные области СССР, не могущих своими маломощными передатчиками связаться непосредственно с германскими разведорганами.

II. Постепенная переброска 36 эскадронов калмыцкого корпуса доктора Долль для организации и развития национального повстанческого движения, которое, по мнению абвера, имеет место в Калмыкии. Для этой задачи надлежало создать авиасвязь и возможности для приземления самолетов. Для выполнения задачи по установке радиосвязи группа имела 40-ваттный передатчик (SE90/40), смонтированный вместе с антенной и приемником в чемодане коричневого цвета. После того как главная станция была бы надежно устроена, "Валли 1" должен был забрасывать агентов в различных районах восточной России. Эти агенты должны были бы передавать донесения по радио на нашу главную станцию. Насколько мне известно от Баун[а], агентура работала бы в полной уверенности, что она передает сведения непосредственно в Германию».

Ничего не скажешь, планы действительно грандиозные, особенно если принять во внимание, что в это время (лето 1944-го!) Красная армия подходила к границам рейха. Как оказалось, абвер планировал осуществить заброску радистов-разведчиков в промышленные центры Урала, а также в нефтедобывающие районы Чечни (Грозный). На калмыков, входивших в состав первой группы, возлагались задачи по установлению связи «с якобы имеющимися в степи национальными повстанческими группами», оборудованию аэродрома и охране базового радицентра.

О дальнейших мероприятиях советской контрразведки подробно рассказывают архивные документы военных лет. Из рапорта по ВЧ заместителя начальника ГУКР «Смерш» П.Я. Мешика, начальника УНКГБ по Астраханской области

А.П. Михайлова, заместителя начальника ОББ НКВД СССР Свирина — наркому НКВД СССР Л.П. Берии, наркому НКГБ СССР В.Н. Меркулову и начальнику ГУКР «Смерш» В.С. Абакумову от 26 мая 1944 года:

«Устанавливается диверсионная группа противника, выброшенная 23 мая с. г. севернее Утта, подготовлена и направлена в наш тыл («Валли-1») с заданием: 1. Создать мощный радиоцентр (радиорезидентуру), с которым связать ряд радиоточек, имеющих на нашей стороне и подготовленных к выброске; 2. Подготовка борьбы для дальнейших перебросок агентурных и повстанческих групп, причем эти переброски предполагают производить в широких масштабах. Повстанческое движение должен был возглавить доктор Долль; 3. Связаться с местными калмыцкими бандитами.

Группа, возглавлявшаяся капитаном абвера — Квастом, он же — фон Шеллер, состояла из 33 человек⁷⁰⁷, из них: 19 агентов-диверсантов, 4 радиста, 7 человек экипажа немцев. После приземления 9 калмыков, по приказанию Кваста, направились в сторону Чигир на поиски лошадей. Руководитель группы Кваст после приземления дал телеграмму о благополучном прибытии.

В 11 часов того же числа, вылетевшими из Сталинграда 4-мя самолетами «Харрикейн» немецкий самолет «Ю-290» был подожжен. Группа пыталась уйти в западном направлении, однако была настигнута. В 16 часов того же дня опергруппами НКВД и НКГБ в результате боя было убито: 3 немца, 2 калмыка, 1 осетин, 1 азербайджанец (он же — старший радист Хайларо). Захвачено и арестовано 12 человек, в том числе руководитель группы капитан абвера Кваст, радист Сазаев (казах), осетин (кличка — «Озеров»), 3 калмыка — агента-диверсанта и 1 татарин-радист, 6 человек из экипажа, в числе последних — радист экипажа Ганзен Ганс⁷⁰⁸. Разыскивается 14 человек. Имея в виду масштабы и важность задуманных немцами операций, полагаем необходимым начать радиоигру с немцами, поставив ближайшей целью вызов и ликвидацию двух самолетов»^{*}.

Для участия в радиоигре с абвером было решено привлечь старшего группы Э. фон Шеллера и радиста самолета обер-лейтенанта Г. Ганзена. В Смерше им были присвоены псевдонимы: фон Шеллеру — «Борода» и Ганзену — «Колонизатор».

По замыслу «смершевцев», основными целями радиоигры должны были стать: 1) предотвращение деятельности германской военной разведки по созданию повстанческих формирований на территории Калмыкии; 2) выявление агентуры и бандгрупп, оставленных немцами при отступлении; 3) вызов на нашу сторону активных агентов и эмиссаров из «корпуса доктора Долля»; 4) уничтожение или захват при посадке вражеских самолетов с подкреплением.

На допросе капитан Э. фон Шеллер рассказал о планах германской военной разведки по использованию калмыцких коллаборационистов:

«В отношении действий калмыцких групп нужно сказать следующее. Первые две группы, приземлившиеся 23 мая 1944 г., должны были стать авангардом, установить связь с якобы имеющимися национальными повстанческими группами и обеспечить безопасность главной радиостанции. Было выделено следующее снаряжение: на человека — 1 автомат с двумя дисками, 3 ручные гранаты, полное обмундирование, седло, сбруя. Это снаряжение (к нему еще ручной пулемет) было

^{*} Вверху документа сохранилась надпись: «Тов. Абакумов! Правильно. Составьте соответствующее указание. Л. Берия. 26.V.-[19]44 г.».

доставлено 23 мая 1944 г. Кроме того, обеим группам были выделены: 2 станковых пулемета “Максим”, 2 ручных пулемета, 16 винтовок.

Все оружие было русского происхождения. Это вооружение осталось в Цилистее и должно прибыть 27 мая, а также должно прибыть около 40 тюков багажа, в котором находилось: около 10 тыс. патронов в лентах для пулеметов; около 10 тыс. патронов для винтовок; 15–20 тыс. патронов для автоматов; несколько ящиков с русскими ручными гранатами; медикаменты и перевязочный материал; 60 кг махорки и на 100 дней продовольствия».

В июне 1944 года начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР полковник В.Я. Барышников в справке по радиоигре «Арийцы» отметил:

«В соответствии с утвержденным планом радиоигры преследовалось — сообщить противнику дезинформационные сведения о положении в Калмыкии, легендировать благоприятные условия для работы группы по организации повстанческого движения и, на этой основе, вызвать на нашу сторону и перехватить других активных агентов и эмиссаров германской разведки, захватить самолеты противника».

Из допроса фон Шеллера следовало, что для вооружения калмыцких «повстанцев» абвером был собран внушительный арсенал: примерно 4000 винтовок, 1000 автоматов, 1000 чехословацких армейских пистолетов и «соответствующее количество боеприпасов, ручные гранаты, несколько станковых и ручных пулеметов». Горючее и воду предполагалось сбрасывать на парашютах в специально подготовленных баках. Со вторым транспортом ожидалось прибытие и самого «доктора Долля». Основной этап операции абвера должен был состояться в начале июля 1944 года. Для переброски этого внушительного количества людей и техники предполагалось выделить «авиационное соединение», которое должно быть «с 1-го июля освобождено от других заданий». Во время этого же допроса фон Шеллер дал показания об организации радиосвязи с центром, способах шифровки и дешифровки радиোগрам и т.п.

Как выяснилось позднее, эта группа была направлена немецким разведорганом «Валли I» для подготовки на территории Калмыкии базы для переброски 36 эскадронов «Калмыцкого корпуса доктора Долля» с целью организации восстания среди калмыков. Задание на проведение операции в калмыцких степях капитану фон Шеллеру поставили лично начальник группы I X⁷⁰⁹ (сухопутные войска) майор Кибард и начальник отдела «Валли I» майор Герман Баун.

Используя то обстоятельство, что руководитель группы «Кваст» успел передать радиогранму об успешном приземлении⁷¹⁰, и располагая данными о характере задания отряда, шифрами, захваченной радиоаппаратурой и радистами, а также отсутствием у немцев точной информации о судьбе десанта, было принято решение о проведении радиоигры с абвером от имени захваченного десанта и экипажа немецкого самолета «Ю-290». Санкцию на проведение спецоперации дал лично нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия.

При проведении радиоигры было учтено и то обстоятельство, что немцы, по видимому, не знали, что по решению советского правительства калмыки были переселены вглубь территории СССР. На это обратил особое внимание Л.П. Берия в служебной записке В.С. Абакумову и А.В. Леонтьеву от 26 мая 1944 года:

«Пойманные парашютисты работниками НКВД-НКГБ представляют большой интерес. По-видимому, немцы не знают, что калмыки высланы, но, несмотря на

«Арийцы» в калмыцких степях: «Борода» и «Колонизатор» ведут себя хорошо...»

Wenn die Soldaten

durch die Stadt marschieren - - -

da freut sich jung und alt,
besonders aber die jungen
Mädel! - Denn ein Grenadier,
der kann erzählen; jeder Grenadier hat viel
gesehen und erlebt.
Wen bringt auch der Krieg
so weit herum wie den Soldaten
des Heeres, wer kommt so sehr wie er mit fremden
Ländern und anderen Sitten in Berührung? Grenadiere
des Heeres marschieren, reiten und fahren überall,
denn noch immer gilt das Wort:
Was der Infanterist nicht besetzt hat, ist nicht erobert.

Обложка блокнота немецкого летчика с подбитого самолета «Ю-290»

это, есть остатки бандитов из калмыков, с которыми немцы будут связываться. Поэтому тов. Леонтьеву всю работу сосредоточить в руках товарищей Свирина, Лукьянова и Михайлова. Тов. Мешику принять активное участие. То же надо сделать и по Гурьевской области. Представьте план мероприятий и регулярно докладывайте. Л. Берия».

На следующий день план мероприятий по делу «Арийцы», составленный начальником ГУКР «Смерш» В.С. Абакумовым и замнаркома внутренних дел СССР по войскам А.Н. Аполлоновым, был утвержден наркомом внутренних дел Л.П. Берией. В документе говорилось:

«1. <...> В целях предотвращения подрывной деятельности германской военной разведки по созданию повстанческих формирований на территории б[ывшей] Калмыкии, выявления агентуры и бандгрупп, оставленных немцами при отступлении, а также вызова от немцев на нашу сторону других активных агентов и эмиссаров с последующим их арестом, — провести следующие мероприятия: 1. ...Провести тщательное следствие по делу арестованных агентов германской разведки. В процессе следствия основное внимание сосредоточить на выявлении: а) действительного характера задания, полученного группой; б) полученных ими шпионских и иных связей и явок на нашей территории; в) известных немцам мест дислокации бандгрупп в б[ывшей] Калмыкии; г) агентуры, групп и десантов, подготовленных германской военной разведкой для заброски на нашу территорию; д) получение от арестованных подробных сведений о технике связи с германской разведкой и технических данных захваченных агентурных радиостанций. 2. ...Принять активные меры к розыску скрывшихся участников диверсионной группы... усилив действующие 4-е оперативных группы НКВД и НКГБ оперативным и боевым составом. Отделу НКВД СССР по борьбе с бандитизмом командировать в район операции 5 операторов и 5 радистов с рациями. 3. ...Направить в район операции: а) батальон численностью в 300 человек из состава 3-го мотострелкового полка войск НКВД в Дагестане; б) два вооруженных самолета «У-2». 4. Тов. Мешику[у] организовать радиоигру с противником, присвоив ей условное наименование «Арийцы», и использовать для этой цели арестованных — руководителя диверсионной группы капитана Кваст[а] и радиста экипажа самолета Ганзен[а] Ганса. <...> В радиоигре иметь в виду, что, возможно, эти разведчики имеют задание проверить, не используются ли советской контрразведкой переброшенные немцами ранее группы их агентов с радиостанциями. Во избежание провала работы других агентурных радиостанций Главного управления «Смерш», игру по радиации «Арийцы» вести в соответствии с общим планом по радиоиграм. Передачу текстов радиограмм противнику производить с предварительной санкции Главного управления «Смерш»».

После допроса плененных летчиков советские контрразведчики получили дополнительные сведения об операции, планировавшейся в советском тылу на территории Калмыкии. Так, например, радист самолета обер-лейтенант Ганс Ганзен рассказал о некоторых деталях операции:

«Самолет «Ю-290» взлетел с аэродрома в г. Силестею (Румыния) по маршруту: Галац – Черное море – Крым – Азов – Ростов – Астрахань – Каспийское море – Элиста – Утта. Состав экипажа: лейтенант Вагнер Вильгельм — командир (аре-

стован), обер-лейтенант Ганзен Ганс — радист, обер-фельдфебель Меллер (Моеллер) Герберт — пилот, фельдфебель Креммер Вилли — стрелок, обер-ефрейтор фон Хоген Карл — стрелок, обер-ефрейтор Цорнер (Циуннер) Гельмут — стрелок, (старший) обер-ефрейтор (фамилии не помню — Шмидт Адольф) — стрелок, обер-фельдфебель Гунтлах Август — первый бортмеханик (убит), ефрейтор Адольфи Вернер — второй бортмеханик (убит). Из состава экипажа убито 3 чел. при столкновении с опергруппой, причем они убиты калмыками после того, как мы подняли руки и пожелали сдаться в плен. <...> Кроме экипажа нами было доставлено в Калмыкию: капитан Кваст и с ним два кавказца, 21 или 23 калмыка, точно не помню».

Надо добавить, что после выполнения полета в Калмыкию самому обер-лейтенанту Г. Ганзену «светило» повышение — он должен был получить очередное воинское звание «капитан» и быть назначен начальником связи авиаэскадры «КГ-200».

В ходе допроса пленных была получена и важная информация о существовании, организационно-штатной структуре, районах базирования, вооружении и т.п. особо секретного, специального соединения люфтваффе, предназначенного для обеспечения разведывательно-диверсионных заданий, — 200-й бомбардировочной эскадре «КГ-200».

* * *

Еще перед войной в составе люфтваффе имелась специальная часть, занимавшаяся аэрофотосъемкой европейских государств, которая носила кодовое наименование «Испытательная авиа часть при Главном командовании авиации». На вооружении этого соединения имелась специальная авиационная техника, главным образом самолеты «ФВ-200» («Кондор») и «Ю-86» с высотным мотором.

Из показаний капитана Э. фон Шеллера от 16 августа 1944 года о секретной авиаэскадрилье абвера: «Если заброска («Валли I». — Авт.) проводилась воздушным путем, то для этой цели почти во всех случаях привлекалось командование первой группы 200-й эскадры особого назначения».

Показания Шеллера дополнил на допросе от 26 мая 1944 года лейтенант Ганзен. В частности, он дал показания о самолете, который поступил на вооружение эскадрильи «КГ-200»: «Самолет нового типа, и на нем я летел второй раз. Тип его Юнкерс-290, имеет четыре мотора Д-Б-801, каждый мотор имеет 24 цилиндра. Вооружение: две 20-ти-мм пушки и две 16-мм пушки. Грузоподъемность — 15 нетто-тонн, вес самолета — 45 т, бензиновый запас — 19 т, размах крыльев — 45 м, длина — 30 м. Скорость полета до 400 км в час. Предельная высота до 8000 м. Самолет может на свой борт взять до 100 чел. десантников».

«Ю-290» был специально оборудован для выполнения разведывательно-десантных операций в тылу противника. На случай захвата неприятелем конструкцией «Ю-290» была предусмотрена возможность его самоликвидации. Внутри самолета были размещены два взрывных устройства по 3 кг взрывчатых веществ каждое со 100-секундной задержкой, чтобы экипаж имел возможность уйти на безопасное расстояние.

* * *

В соответствии с разработанным планом радиоигры, в первых радиogramмах противнику были переданы дезинформирующие сведения о положении в Калмыкии, также легендировались благоприятные условия работы для отряда «Кваста» по организации повстанческого движения. Для развития заинтересованности абвера возможностью продолжения операции сообщено об установлении контакта с оставшимися в советском тылу «партизанами-калмыками».

Кроме Э. фон Шеллера и Г. Ганзена остальные члены экипажа «Ю-290» к операции «Арийцы» не привлекались и содержались в лагере военнопленных под Астраханью. Участники группы «Кваста» из числа агентов абвера — бывших советских военнопленных были помещены во внутреннюю тюрьму УНКГБ по Астраханской области.

В связи с необходимостью постоянного наблюдения за воздушным пространством в районах предполагаемого проведения операции было организовано постоянное взаимодействие с ОКР «Смерш» ПВО Южного фронта.

С этой целью за подписью начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР 29 мая 1944 года была направлена шифротелеграмма начальнику ОКР «Смерш» ПВО Южного фронта Юшкевичу с указаниями «обеспечить наблюдение за воздухом в районах, через которые возможен пролет вражеских самолетов из Румынии в [бывшую] Калмыкию и Западный Казахстан» и об организации с командованием ПВО Южного фронта «немедленной и подробной информации ОКР «Смерш» ПВО Южного фронта о трассе пролета каждого вражеского самолета, идущего в тыловые районы Советского Союза». Полученные сведения должны были немедленно по ВЧ передаваться в ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Одновременно ОКР «Смерш» ПВО Южного фронта был проинформирован о том, что германская разведка начала заброску агентуры на «4-х моторных самолетах черного цвета из Румынии в Калмыкию и Западные области Казахской ССР».

Первая радиogramма была передана противнику уже 30 мая 1944 года: «Посадка в 04-55 московского времени. В 12-40 атака русских истребителей. “Ю” — уничтожен. Необходимое снаряжение спасли, без воды и продуктов. Гремер, Ханлапов, Беспалов, Мухин, два калмыка убиты. Лейтенант Вагнер, обер-фельдфебель Миллер, Осетров ранены. Перешли [в] положение один пески район Яшкуль. Положение благоприятное, связались с партизанами, охрана обеспечена. Разведка калмыков узнала, что посадку “Ю” заметили русские. Из Сталинграда и Астрахани прислали истребители. Ошибка “Ю” — садиться днем, долго сидел, надо ночью. Площадку готовим. До полного выяснения мною обстановки мер не принимайте. Радистом использую обер-лейтенанта Ганзена. Слушаю вас по плану и в 8-00, 12-00, 14-00, 20-00. Прошу указаний. Кваст». 29 мая передача этой радиogramмы санкционирована лично начальником ГУКР «Смерш».

Смерш попытался захватить и руководителя «Калмыцкого корпуса» — «доктора Долля». С этой целью в центр 4 июня направлена шифровка:

«Калмыки говорят: партизанских отрядов много, но они мелкие. Нет боеприпасов, Огдонов имеет отряд 150 всадников, объединить вокруг себя мелкие группы не смог. Необходим авторитет, я распустил слух о приезде Долля. Желательно прислать его поскорее. Кваст».

Однако противник, несмотря на предупреждение, в первый же день после установления двухсторонней связи отправил самолет «Ю-290», который в течение некоторого времени барражировал над районом предполагаемой высадки, подавая световые сигналы. «Смершевцы» приняли решение никаких активных действий по уничтожению самолета не предпринимать, считая, что самолет был направлен для обследования района и подтверждения правильности полученного сообщения от разведгруппы.

«Ю-290» благополучно возвратился на свой аэродром. Таким образом, у немцев было создано впечатление, что отряд «Кваста» действительно перебазировался в другое место и органами советской контрразведки не используется. Это подтвердилось полученными на другой день радиограммами: первая — «Для Кваста. Орган поздравляет. Принимаем меры для развития операции. Исполним указания, которые ожидаем от вас. Операция в духе Римского два⁷¹¹ готовится. Когда должна начаться. Начальник органа»; и вторая — «Ю-290 был ночью 30 мая у вас для помощи. Вас не нашел. Собственные имена и названия местности шифровать два раза. Сэтого момента только нормальные часы связи. Вскоре подбросим радиостов. Всем привет. Ни пуха, ни пера. Капитан».

Следует добавить, что и советская радиоконтрразведывательная служба не сидела без дела. Обмен шифрованными сообщениями по радио штаба «Валли» в Варшаве с его периферийными пунктами, которые непосредственно проводили сеансы радиосвязи с «Квастом», был поставлен под их контроль. 6 июня 1944 года заместитель начальника Отдела «Б» НКГБ СССР направил в 3-й отдел ГУКР «Смерш» служебную записку, в которой говорилось:

«Из сопоставления шифробмена абвера по линии радиосвязи Варшава – Галац (радиоцентра «Атлас» и головного поста связи «Кора») с шифробменом группы капитана Кваст[а], заброшенной противником в Астраханскую область и используемой по литеру “Э”, установлено следующее: Шифрдепеша, идущие капитану Кваст[у], составляются в Варшаве, шифруются шифром внутренних радиосвязей абвера и передаются в Галац. В Галаце (головной пункт связи «Кора») эти депеша расшифровываются, затем перешифровываются цифровым шифром, действующим на линии радиосвязи “ФМУ”, и передаются адресату. Депеша, идущие от капитана Кваст[а] проходят те же стадии, только в обратном порядке...»

Тем временем радиоигра активизировалась... 7 июня 1944 года заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-лейтенант П.Я. Мешик по ВЧ доложил начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-полковнику В.С. Абакумову о работе радиостанции «Арийцы»:

«5-го июня с. г. в 7 часов вышли в эфир и установили связь с центром. Была передана радиограмма в 60 групп: “Осетров умер, лейтенант Вагнер здоров, оберфельдфебель заметно поправляется, обер-лейтенант Ганзен запрашивает, последовало ли производство в капитаны. Ожидаю доставки всего необходимого”. В 17-00 вышли в эфир и получили радиограмму в 53 группы: “Подвоз вероятен 16 июня в 23 часа, так как отбираем. Обер-лейтенант Ганзен еще не капитан, но представлен. Майор⁷¹²”.

6 июня в 7-00 по установлению связи с центром нами передана радиограмма в 23 группы следующего содержания: “Поспешите с подвозом, слушаем вас по плану. В эфир приходим только при необходимости. Кваст”. Получив от центра “квитанцию”, приняли от него радиограмму в 23 группы:

«Дайте точнейшее местонахождение расположения, так как с 30 на 31 мая машина с подвозом была там и вас не нашла. Майор».

В 10-30 того же дня на запрос центра нами был дан ответ в 57 групп:

«Лагерь в 6-ти км северо-восточнее Бор-Царнг в разрушенных постройках, рядом площадка. Самолет слышали, видели сигналы, но не знали, что наш, так как телеграмма о прилете запоздала. Кваст».

Согласно Вашей телефонной санкции сегодня и завтра передаю следующую радиограмму:

«Начальнику органа»⁷¹³. Наступила решающая фаза войны, а мы бездействуем. Прошу ускорить доставку оружия и людей, и мы отвлечем на себя часть сил врага. Экипаж «Ю» просит вывезти, они хотят драться. Кваст».

Советские контрразведчики продолжали сообщать противнику информацию об «успехах» отряда «Кваста»: установлении связи с мелкими бандгруппами и отрядом известного бандита, действующего на территории Калмыкии, — Огдонова. Одновременно указали точное местоположение отряда «Кваста» и потребовали помощь. Противнику были переданы две радиограммы:

1) «Начальнику органа. Благодарю за поздравление. Как [в] резерве радистов нуждаюсь в Захарове, Блок, Косареве, Майлер. Из-за сложных условий связи используйте только лучших радистов. Осетров ранен в живот, без сознания, безнадежно»;

2) «Разведка встретила пять мелких партизанских отрядов без боеприпасов. Огдонов имеет 85 всадников, вооружены плохо. Не мог собрать вокруг себя мелкие группы. Необходимо авторитетное руководство. Первым самолетом продукты, деньги, два комплекта посадочных фонарей, боеприпасы, оружие, радистов. Когда ждать самолет».

После сообщения противнику подробных данных о посадочной площадке и условных обозначениях ее огнями в ночное время 9 июня 1944 года противник передал сообщение:

«Подвоз, вероятно, ночью 11.6.[1944]. Последует все необходимое. Посадка и взятие экипажа при соответствующем обозначении площадки. Оповестительный знак и окончательное решение последуют. Капитан».

В результате произведенного радиообмена в ночь на 12 июня над местом легендарного отряда «Кваста» появился немецкий самолет «Ю-290». Обменявшись с нами условными сигналами, сбросил пять парашютистов, 20 тюков груза и после этого произвел посадку на заранее обозначенную площадку-ловушку.

На допросе 27 июня 1944 года агент германской военной разведки «Хакимов»⁷¹⁴, который в составе группы из пяти человек прибыл для пополнения отряда «Кваста», рассказал о том, какие задачи должен был выполнять радицентр, который противник надеялся развернуть в калмыцких степях:

«Организовывая в Калмыкии свой радицентр, германская разведка возлагала на него следующие задачи:

Во-первых, принимать радиограммы от отдельных германских агентов-радистов, которых немцы намечают в ближайшее время перебросить в различные районы Советского Союза для сбора шпионских сведений. Эти радиограммы радицентр должен был перекодировать и затем передавать соответствующим ради-

лм.4.

Совершенно секретно.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С о в з а С С Р

(Л.БЕРИЯ)
"21" мая 1944 года.

П Л А Н

агентурно-оперативных мероприятий по делу "АРИЙЦЫ"

23 мая с.г. в 20 км. севернее м.Утта в бывшей Калмыкии органами НКВД и НКГБ, в результате проводимой операции по ликвидации группы агентов германской военной разведки, возглавляемой немецким капитаном КВАСТ, было арестовано 12 и убито 7 человек. Остальные 14 человек скрылись, розыск которых продолжается.

Следствием установлено, что эта группа имела задание подготовить базы для выброски последующих групп германских агентов, которые должны были действовать на территории б.Калмыкии.

В целях предотвращения подрывной деятельности германской военной разведки по созданию повстанческих формирований на территории б.Калмыкии, выявления агентур и бандгрупп, оставленных немцами при отступлении, а также для вызова от немцев на нашу сторону других активных агентов и эмиссаров, с последующим их арестом, - провести следующие мероприятия:

1. Т.т. ЛУКЬЯНОВУ и СВИРИНУ (НКВД), МЕШКИНУ ("СМЕРШ") и МИХАЙЛОВУ (НКГБ) провести тщательное следствие по делу группу арестованных агентов германской разведки.

В процессе следствия основное внимание сосредоточить на выявлении:

- а) действительного характера задания, полученного группой;

4.

7. Главному Управлению "СМЕРШ" принять через командование ПВО необходимые меры к усилению наблюдения за воздухом по трассе пролета вражеских самолетов из Румынии в Б.Калмыкию.

8. Генерал-лейтенанту интендантской службы тов. ВУРГАФТ выделить для снабжения оперативных групп по розыску немецких диверсантов 100 продовольственных пайков сроком на I месяц.

9. Т.г. ЛУКЬЯНОВУ, СВИРИНУ, МЕШКУ и МИХАЙЛОВУ организовать своевременную информацию о ходе выполнения намеченных мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЕ: - Вопрос о направлении батальона и самолетов в район операции согласован с товарищем АПОЛДОНОВЫМ.

В. Абакумов

АБАКУМОВ

А.В. Леонтьев

ЛЕОНТЬЕВ

26 мая 1944 года.

План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Арийцы», утвержденный 27 мая 1944 г. На документе автографы наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии, начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумова и начальника ОББ НКВД СССР А.В. Леонтьева

останциям в Германию. Одновременно через радиоцентр в Калмыкии германская разведка предполагала передавать свои указания о дальнейшей работе этим агентам-радистам.

Во-вторых, на радиоцентр возлагалась задача поддержания связи с вооруженными бандами, которые якобы частично уже действуют в Калмыкии, а также с теми бандами, которые немцы намеревались создать и вооружить. Именно с целью осуществления этих задач, примерно в конце мая текущего года (23 мая 1944 года. — *Авт.*), в Калмыкию на самолете была направлена группа калмыков, предназначенных германской разведкой для организации вооруженных банд, и несколько радистов с 40-ваттной радиостанцией для обоснования вышеназванного радиоцентра. Руководство всей этой группой и их практической деятельностью было возложено на немецкого капитана Кваста, переброшенного в Калмыкию на том же самолете».

По словам «Хакимова», деятельностью группы «Кваста» руководили начальник Гросс-Раумской школы разведчиков⁷¹⁵ майор Марвиц и его заместитель капитан Редер, а работой Калмыцкого радиоцентра — инструктор радиодола школы унтер-офицер Мюллер⁷¹⁶.

На месте дислокации легендарного «лагеря» группы «Кваста» была оборудована посадочная полоса с ямами-ловушками для самолета. На случай, если самолет противника отказался бы от посадки, были подготовлены три зенитно-пулеметные установки, полученные из Сталинградского района ПВО.

В операции участвовали оперативно-войсковые группы Смерша (40 человек при двух станковых и двух ручных пулеметах) и НКВД (25 человек — взвод кавэскадрона войск НКВД при двух ручных пулеметах; 41 человек — два взвода кавэскадрона милиции при трех ручных пулеметах; оперработники местного ОББ и ОББ центра, которые действовали непосредственно у самолета с гранатометчиками и автоматчиками) и оперативная группа НКГБ. С нашей стороны потерь среди личного состава не имелось. Непосредственно операцией на месте руководили заместитель начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант Мешик и заместитель начальника Отдела по борьбе с бандитизмом полковник госбезопасности Свирин.

После удачного приземления самолет начал разворачиваться к старту, так как командир получил специальное указание немедленно взлететь после принятия на борт экипажа второго самолета. Члены экипажа, чувствуя, что попали в ловушку, открыли стрельбу из имевшегося у них оружия и пулеметов. Во время разворота самолет правым колесом попал в яму и начал вращаться на одном месте. Затем самолет был обстрелян и вскоре от попадания трех зажигательных снарядов (в рубку и середину фюзеляжа) загорелся. Во время пожара огнем были уничтожены правая часть фюзеляжа с двумя моторами, оставшийся в нем груз и три пилота. Остальные летчики во время пожара успели бежать и в течение трех дней скрывались в степи.

15 июня 1944 года в двух километрах от пос. Песчаный была обнаружена и задержана группа германских летчиков в составе пяти человек. Ими оказались летчики из состава воздушной эскадры особого назначения «КГ-200»: командир экипажа — лейтенант Генрих Енихен, радист — старший фельдфебель Ганс Виделлер, бортмеханик — старший фельдфебель Вилли Мельцер, два стрелка — старший еф-

рейтор Бруно Герген и унтер-офицер Генрих Фрицекс. Пилоты люфтваффе были в сильно истощенном состоянии, проведя трое суток в степи без воды и пищи.

Рассказ о том, как происходило задержание второй диверсионной группы, помещен в сборнике «Военные контрразведчики», посвященном 60-летию образования Особых отделов ВЧК-КГБ. Автор, подполковник в отставке В.П. Беляев, в статье «В калмыцких степях», описывает, как он в санатории познакомился с полковником-пограничником Иваном Фадеевичем Васильковым, непосредственным участником событий лета 1944-го:

«Ростов спал. Спал, успокоенный более чем годичным временем изгнания из города оккупантов и отходом фронта от его стен на десятки сотен километров. Но, все же это был сон военного времени — от гула самолета многие проснулись. А те, кому это было положено, не спали вовсе.

Начеку были войска ПВО. Вражеский самолет они засекли еще на подходе к городу. На его перехват поднялись истребители, но обнаружили его уже после приземления. Чтобы он не смог взлететь, истребители расстреляли его на земле.

По тревоге действовали оперативные группы контрразведчиков, одна из них под руководством майора Друзина вылетела к месту посадки немецкого самолета.

Прибывшие вооруженные группы завязали с диверсантами бой, во время которого застрелили трех немцы из состава экипажа и четверых пассажиров, остальных взяли в плен.

В их числе оказался и Шеллер. Беседы с ним вел начальник отдела контрразведки «Смерш» округа. Большой опыт и воля генерала позволили в короткий срок выяснить у пленного гитлеровского офицера цель операции... В той операции участвовал кавалерийский эскадрон, командир которого — Иван Фадеевич Васильков — был ранен.

— ...С фронта в глубокий тыл... Видно, так надо, комэск*, — задумчиво сказал командир полка. — Поступаешь в распоряжение ответственного сотрудника военной контрразведки из Москвы. Не посрами звание пограничника.

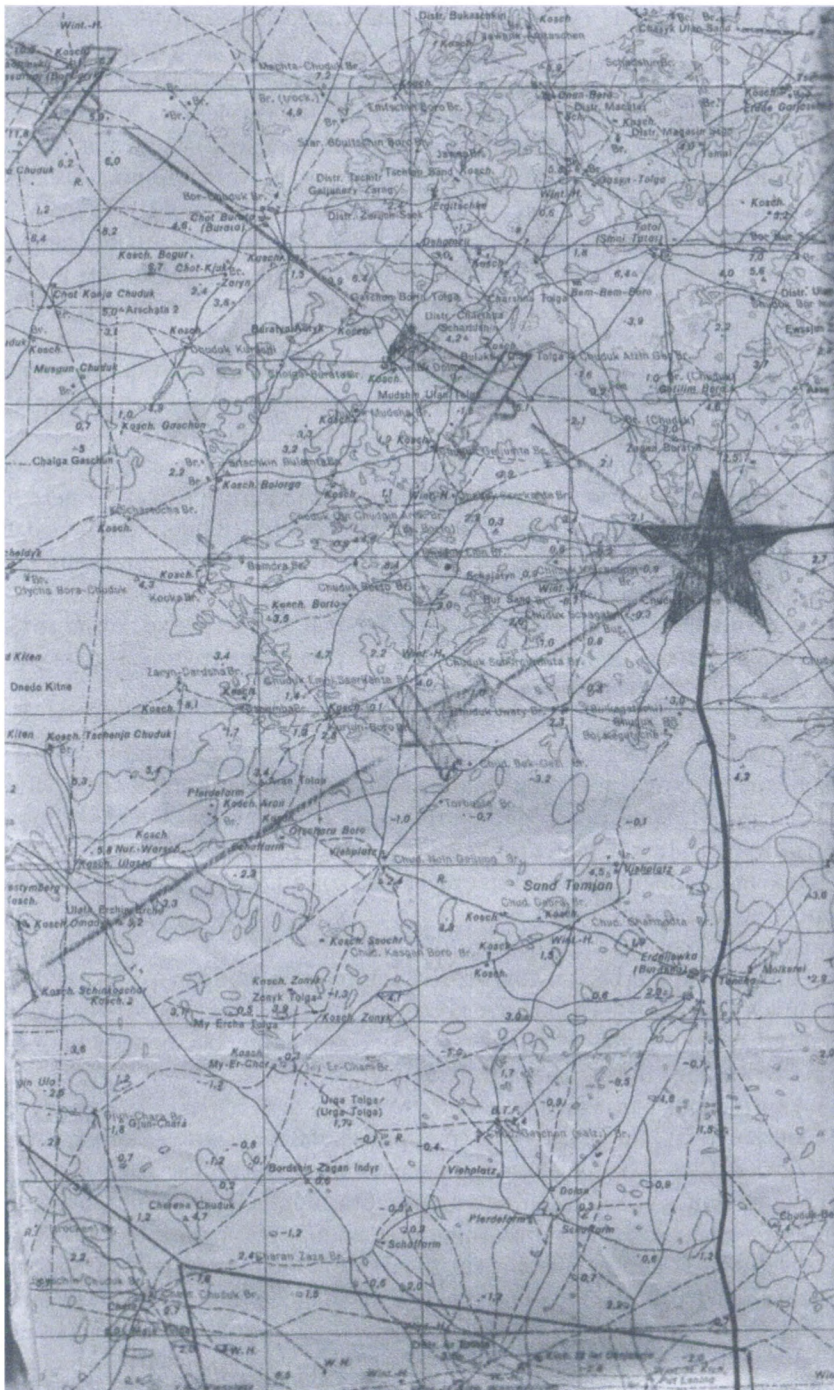
Боевая задача казакам-пограничникам звучала так: построить в 60 километрах юго-восточнее села Яшкуль Калмыцкой АССР посадочную площадку длиной два километра, домик для радиостанции и командный пункт для руководителей операции. Остальным — добротные землянки. Лошадей — в надежное укрытие. Все тщательно замаскировать, как на фронте. Много забот легло на плечи войскового начальника Василькова, обеспечивавшего техническую сторону чекистской операции.

Вам знакомо слово «такыр»? Это сильно уплотненная глина в степи. Вот на ней-то и надо было сделать взлетно-посадочную полосу. При сорокапятиградусной жаре, сильнейших восточных ветрах, иссушающих все вокруг. Песок забивал глаза, лез в рот, хрустел на зубах, наметал барханы на лагерь и строящуюся площадку. И вот, когда полоса была почти готова, поступил приказ: «Рыть поперек полосы через каждые 200 метров глубокие рвы». Прямо скажем, очень обидно слышать такое, и комэск пошел за разъяснениями к руководителю операции.

— Пора и вам, Иван Фадеевич, знать цель задуманного нами сражения с абвером, — сказал генерал. — Мастер шпионажа и провокаций Вильгельм Канарис задумал организовать засылку на самолетах сюда своих головорезов. Надо сделать так, чтобы самолет сел, а взлететь не смог. Ловушку им устроить, понимаешь? Вот

* Комэск — командир эскадрона.

«Арийцы» в калмыцких степях: «Борода» и «Колонизатор» ведут себя хорошо...»

Фрагмент немецкой трофейной карты штаба Сухопутных войск вермахта, на которой звездочкой обозначено место посадки

для этого и рвы делаем. И тут же их надо тщательно замаскировать, чтобы сверху не видно было...

Через два дня Иван Фадеевич принес генералу на утверждение схему круговой обороны аэродрома, доложил, что командирами зон назначены лейтенанты Боровиков, Зайцев. Группу захвата возглавит лейтенант Петренко. Внимательно рассмотрев схему, генерал одобрил ее, а потом сказал: — Десятого августа принимаем самолет.

10 августа 1944 года (второй самолет приземлился 12 июня 1944 года. — *Авт.*). Этот день запомнился капитану Василькову на всю жизнь. Накануне комэск лично сам проверил огневые позиции, знание задачи каждым командиром и солдатом. Приказано захватить диверсантов, а при сопротивлении — уничтожить. Самолет обратно улететь не должен.

Четырехмоторный дальний самолет “Фокке-Вульф-200” тяжело поднялся с берлинского аэродрома (в действительности немецкий военно-транспортный самолет «Ю-290» стартовал с румынского аэродрома Цилистее. — *Авт.*). Над местом посадки он появился в 2 часа ночи... Но самолет на посадку почему-то не шел. Набрав определенную высоту, он делал круг за кругом. Потом от него отделилась точка. На парашюте спустился диверсант. От встретившего его переодетого в гражданское платье Петренко, которого враг принял за своего, он грубо потребовал доставить его к немецкому офицеру.

— Господин капитан, — обратился парашютист к Петренко, когда тот сказал, что он и есть немецкий офицер, — по приказу командира группы я должен посмотреть посадочную полосу и после этого дать условный сигнал.

— Какой? — Сначала должен осмотреть полосу.

— Как разговариваешь с немецким офицером? Кто ты такой?

Диверсант вытянулся. — Лейтенант корпуса доктора Доля, кличка “Ящур”. — У нас есть с тобой время разговаривать, когда в воздухе самолет? — продолжал наступать “Курт”. “Ящур”, переступая с ноги на ногу, выдал:

— Включить фонарь желтого цвета. И еще командир экипажа просил разжечь посередине полосы костер.

Доложили руководителю операции.

— Берите, товарищ Васильков, этого “Ящура” под личную ответственность, — распорядился генерал. — Разложите костер, и пусть он дает световой сигнал.

После сигнала “Ящура” самолет пошел на снижение. Все облегченно вздохнули. Но в этот момент послышался резкий свист.

— В укрытие! — раздалась команда.

— Связать руки “Ящуру”, — быстро приказал Васильков. — Стеречь строго!

— Как? Кто вы? — заорал “Ящур” и начал дико ругаться.

Из группы поиска сообщили, что с самолета сброшен груз: цистерна для горючего, ящики с оружием, боеприпасами, продовольствием, листовками.

Облегченный военно-транспортный самолет продолжал снижаться, ярко осветил своими фарами посадочную полосу, промчался, едва касаясь земли, почти всю полосу и остановился между восьмым и десятым рвом. Не выключая моторов, спустили трап. По нему затопали диверсанты: один... два... десять... двенадцать...

Навстречу им пошел Васильков с отделением солдат. Вот уже осталось метров десять-пятнадцать. Послышался окрик на немецком языке:

— Герр капитан!.. — Дальше понять было невозможно. Васильков, не отвечая, продолжал приближаться.

«Арийцы» в калмыцких степях: «Борода» и «Колонизатор» ведут себя хорошо...»

— «Ящур», «Ящур», ты здесь? — раздался окрик диверсанта по-русски.

Васильков молчал. Оружие готово к бою. Но первыми огонь открыли диверсанты. Кто-то из них, не выдержав нервного напряжения, нажал на спусковой крючок. Пули просвистели мимо. Группа Василькова бросилась на землю и ударила из автоматов по убегающим к самолету диверсантам.

Ночной бой начался. Длинные пулеметные очереди хлестнули с самолета. Из укрытия застрочил «максим» рядового Ивана Чинкова.

Взрыв моторами, «фокке-вульф» постепенно стал разворачиваться, чтобы вновь занять полосу и взлететь. Но, едва развернувшись, самолет правым колесом попал в ров, повалился набок и уткнулся крылом в землю. Теперь он беспомощно ревел, раскинувшись поперек полосы.

По приказу командира пограничники перестроились и бронебойными ружьями стали прошивать хвостовую часть машины. Раздался взрыв, полыхнуло пламя. Потухла фара самолета. Задымились сразу несколько дымовых шашек, выброшенных из самолета. Его эрликоны и пулеметы, бившие во все стороны, стали замолкать. Под прикрытием дымовой завесы диверсанты пытались вырваться в степь

— Далеко без воды и пищи не уйдут, — сказал Васильков. — Спасать самолет! Пожарной группе приступить к тушению пожара.

Около самолета и в нем валялось убитыми и сторевавшими девять пассажиров. Остальные прорвались под завесой в степь.

Раненый лейтенант Петренко привел задержанного группой захвата диверсанта. Он заявил, что в самолете было тридцать членов команды, пять членов экипажа и два немецких офицера.

— Так, значит, сегодня же надо найти двадцать семь, — попытожил Васильков.

— Двадцать восемь, товарищ капитан, — виноватым тоном уточнил сержант Потеряев. — Во время боя, в темноте, ушел «Ящур»...

На рассвете в конном строю, растянувшись по фронту, пограничники двинулись в степь. Решили вначале прочесать лиман, заросший высокой травой. Рядом с командиром, стремя в стремя, ехал его коновод Яша Нурмухамедов. Зорек у него глаз, ловок Яша. Внезапно метрах в двухстах от лимана его внимание привлекло колыхание травы. Насторожился Яков. И одновременно с прозвучавшей оттуда автоматной очередью, как кошка, в прыжке со своего коня перескочил на соседнего, сбил с седла командира, прижал его к земле...

В лимане разгорелся ожесточенный бой. Диверсанты патронов не жалели. Вскоре с врагами было покончено. Взятые в плен показали, что по приказу «Ящур» они прикрывали его отход с пятью немцами...

Не медля, командир повел пограничников в погоню. К исходу дня в десяти километрах в какой-то траншее обнаружили немцев.

— Тринкен... Тринкен... Пи-ить! — раскрывая глотки, просили фрицы. «Ящур» с ними не было.

Васильков подвел итоги боевого дня: самолет захвачен, убито пятнадцать диверсантов и два члена экипажа, собрано много оружия, боеприпасов, продовольствия и другого снаряжения... Наступила вторая бессонная ночь... На третьи сутки поисков вышли в район действия банды Огдонова. В ночной степной мгле увидели огонь. Оставив лошадей, тихо подошли. Вокруг костра сидели бандиты и слушали «Ящура».

Быстро отдана команда пограничникам, и в какое-то мгновение их тени оказались позади тех, кого они искали. Автоматы уперлись им в спины. Выскочив в центр круга, ярко освещенный пламенем костра, Васильков объявил: — Руки вверх! А ты, “Ящур”, больше не уйдешь!..

За спасение командира рядовой Нурмухамедов был награжден медалью “За боевые заслуги”. Таковую же медаль получил лейтенант Боровиков, лейтенант Петренко представлен к ордену Отечественной войны II степени, а сам командир — к ордену Красного Знамени⁷¹⁷.

12 июня 1944 года Мешик очередным рапортом доложил Абакумову о ходе проведения радиоигры «Арийцы»:

«В процессе проводимой органами “Смерш” радиоигры по делу “Арийцы” был вызван для посадки в район поселка Песчаный (бывший Яшкуль) самолет противника. 12 июня с. г. в 02-00, после выброски 5-ти парашютистов, 20 мест с оружием, боеприпасами и продовольствием, 4-хмоторный самолет противника “Ю-290” произвел посадку и попал в устроенную заранее ловушку.

После 15-минутного боя и попыток вырваться из ловушки самолет загорелся, по-видимому, подожежен экипажем. Принятыми противопожарными мерами удалось спасти левую плоскость с двумя дизель-моторами и хвостовую часть самолета. В обломках обнаружено 6 почти сгоревших трупов. Один летчик — штабфельдфебель Энб, успевший выскочить из самолета, застрелился на расстоянии 300 метров из самолета. Из числа выброшенных парашютистов задержано 3 человека: 1. Бацбурин, по национальности татарин, кличка “Хакимов”. 2. Цокаев, по национальности осетин, клички “Марков” и “Кожевников”. 3. Росимов, по национальности татарин, клички “Шаримов”, “Гайдулин”. Четвертый парашютист Бадмаев, кличка “Санпилов”, по национальности монгол, при приземлении разбился насмерть. Пятый парашютист — калмык по национальности, направлен немцами в качестве охраны радистов, разыскивается...»

В сброшенном на парашютах грузе находилось различное оружие, боеприпасы и снаряжение: винтовок — 35, русских автоматов с запасными магазинами — 15, пулеметов с запасными стволами и дисками — 1, наганов французских — 43, патронов разных — 10 000, гранат разных — 100 штук, ракетница — 1, разное воинское снаряжение — до 100 предметов, буква «Т» из белого металла для посадки самолетов, аэродромные фонари — 11 штук, ящик с разными медицинскими инструментами и медикаментами, ящик с запасными частями к радиостанции и динамо-машины, 3-ваттная радиостанция, деньги в сумме 373 тысяч рублей, большое количество продуктов питания, воинского и гражданского обмундирования и 27 парашютов.

По показаниям задержанных, для отряда «Кваста» было доставлено три тонны груза, большая часть которого сгорела при пожаре в самолете, в том числе оружие, боеприпасы и три миллиона рублей советских денег.

Во время ночной операции по захвату вражеского самолета «Ю-290» противник с 00.30 до 06.00 12 июня держал с «Квастом» радиосвязь, пытаясь получить от «Кваста» сообщение о прибытии самолета. В 00.30 от центра была получена радиogramма следующего содержания: «Прибыла ли машина? Капитан».

Учитывая, что экипаж захваченного самолета в первые часы не был задержан и поэтому ни на один вопрос, относящийся к обстоятельствам полета самолета, «смершевцы» не могли правильно ответить, умышленно сообщили о наличии помех в эфире и плохой слышимости.

Во избежание провала радиоигры в 06.00 этого же дня принято решение сообщить противнику, что самолет не прибыл, передав радиogramму: «Машина не прибыла. Почему? Кваст». В 10.00 этого же дня противник ответил: «Машина не вернулась, Следовательно, считать несчастный случай или вынужденную посадку. Дальнейшее после новых переговоров. Капитан».

Поскольку противник посчитал причину гибели самолета несчастным случаем, то советские контрразведчики предположили, что никакими данными о действительном месте потери самолета он не располагал. Впоследствии это было подтверждено допросом членов экипажа, которые сообщили, что перед полетом германской разведкой были даны специальные указания после пролета Крымского полуострова радиосвязь с аэродромом прекратить, чтобы не обнаруживать себя на маршруте. Таким образом, был сделан вывод, что радиogramма о неприбытии самолета никаких подозрений вызвать не могла.

В материалах радиоигры сохранился любопытный документ — письмо капитана Эбергарда фон Шеллера руководству советской контрразведки от 17 июня 1944 года (перевод с немецкого):

«Господин генерал!

Я добровольно предложил свои услуги русской контрразведке и работал честно и упорно над выполнением весьма секретного задания. В итоге нашей совместной работы достигнут известный успех: был сбит гигантский немецкий транспортный самолет «Ю-290», а пассажиры, и среди них 4 немецких агента, попали в руки русской контрразведки.

Я желал бы и в дальнейшем так же честно и добросовестно работать над выполнением заданий русской контрразведки.

Я прошу поэтому Вашего согласия на включение меня в агентурную сеть советской контрразведывательной службы.

Я обязуюсь безупречно хранить тайны органа, на который, возможно, буду работать, также и в том случае, если мне придется действовать против немецкой разведки.

В случае Вашего согласия прошу присвоить мне псевдоним «Лор».

Место дислокации. 17.06.44

Э. фон Шеллер»

«Смершевцы» не торопились принимать предложение капитана абвера. И для этого у них были серьезные основания... Одновременно в проведении радиоигры с германской разведкой возникли некоторые осложнения.

Случай с потерей самолета все же вызвал определенную настороженность у абвера. В связи с этим 15 июня 1944 года «Квасту» поступила радиogramма: «Немедленно новый шифровальный лозунг из 31 буквы, состоящий из фамилии секретаря [в] Норд-Поль, фамилии ее помощницы, фамилии унтер-офицера из учебного лагеря, имени вашей жены». Кроме того, противник запросил: «Вы помните фамилию подозрительной жены «Мусина» (речь идет о Марии Фур. — Авт.). Если да, прошу сообщить. Мюллер⁷¹⁸».

В ответной радиogramме фамилия жены «Мусина» была сообщена, относительно же остальных фамилий для шифровального лозунга «Кваст» заявил, что фамилии секретаря в Норд-Поль и ее помощницы он якобы забыл и назвать не может.

После того как об этом сообщили противнику, последний вторично предложил «Квасту» составить новый лозунг, но уже с новыми фамилиями: «Немедленно шифровальный лозунг из 31 буквы. Имя вашей дочери (Урсула. — *Авт.*), имя сына первая буква К (Клаус. — *Авт.*), место нахождения вашего отца (Креутцинген. — *Авт.*), написанное “КЦ” (международным кодом. — *Авт.*), фамилия унтер-офицера в школе (Рохде. — *Авт.*), еще раз имя вашей дочери. Капитан».

«Договорившись» с центром о новом шифровальном лозунге, в целях укрепления у противника предположения, что самолет потерпел аварию, и показа деятельности «Кваста» по розыску самолета 23 июня противнику передали очередную радиограмму: «“Ю” потерпел аварию в районе Органовский Шаргадык, что в 26 км юго-восточнее Элисты. Лично осмотреть место не мог, беседовал с очевидцами. Судьба экипажа и радистов неизвестна. Очевидцы говорят, что было несколько трупов. Кваст».

В последующем советские контрразведчики легендировали противнику о переживаемых трудностях отряда «Кваста» из-за отсутствия подвоза материальной помощи и возникших в связи с этим недовольствах среди калмыков.

В абвере, беспокоясь за судьбу отряда, предложили сменить место базирования: «Авария второй машины с подвозом и, таким образом, пленение части экипажа не исключена. На допросе могут быть выданы ваша дислокация и цель прилета. Предлагаю вскоре передислоцироваться с привлечением Огдонова, который одновременно успокаивающе подействует на ваших людей. После сообщения о новой дислокации получите дальнейшие указания. Майор для Кваста».

В ответ на указания центра, 30 июня, «смершевцы» сообщили противнику о принятых мерах по обеспечению безопасности и передислокации группы «Кваста» в район действий отряда Огдонова, одновременно уведомив, что в целях предосторожности прерывают радиосвязь на пять дней.

С 6 июля 1944 года радиоигра с абвером была возобновлена из г. Енотаевска Астраханской области. Сразу же приступили к легендированию трудностей, переносимых отрядом «Кваста»: отсутствия продовольствия, боеприпасов и роста недовольства среди калмыков из-за отсутствия помощи от немецкого командования.

11 июля от противника пришел ответ:

«Попытаемся прилететь с новым подвозом. Где он должен быть сброшен? Майор». Абверовский разведцентр также предупредил о выброске в районе действий отряда агента, для которого радиостанция «Кваста» будет являться передаточным центром, и предложил сообщить о наличии необходимых технических данных для установления радиосвязи.

В свою очередь «смершевцы» уведомили центр о наличии необходимых возможностей для организации ретрансляционных радиопередач. Дальнейшая работа радиостанции «Арийцы» строилась на передаче противнику необходимых данных для сброски груза и настойчивых требованиях доставки обещанной помощи. Однако вплоть до 14 августа никаких обещаний о помощи от противника не поступало. Неоднократно стали наблюдаться случаи плохой слышимости и перемены во время сеансов связи.

Однако вскоре в игре возникли некоторые осложнения. Из записки по ВЧ заместителю начальника ГУКР «Смерш» из Енотаевска от 25 июля 1944 года:

«20 июля с. г. в Енотаевское районное НКГБ от учительницы дер. Сероглазка поступило заявление, что она этого же числа в 14-00, будучи в степи на полевых работах, совместно с односельчанами, наблюдала выброску с самолета 15 парашютистов. В связи с этим на место происшествия выехала опергруппа в составе оперработников “Смерш”, НКГБ, НКВД. Опросом очевидцев было установлено, что выброска парашютистов произведена в 8–9 км северо-восточнее села Сероглазка, расположенного на берегу р. Волга. Тщательная проческа района выброски, в частности обнаружение каких-либо следов приземления парашютистов, — результатов не дала. Проческа и наблюдение за районом выброски продолжаются с 20 VII с. г. <...> Одновременно сообщая, что “Борода” усиленно обрабатывает “Колонизатора”, используя все возможности, и сообщил центру, что все они работают под диктовку. В этом направлении нами приняты все меры предосторожности. Информирюя о вышеизложенном, считаю необходимым поставить Вас в известность, что радиоигра затягивается и протекает в нежелательном для нас направлении».

Проанализировав сложившуюся ситуацию, советские контрразведчики сделали вывод о том, что немцы поставили под сомнение «работу» отряда. Посчитав, что дальнейшие требования о помощи вызовут со стороны противника еще большую настороженность и возможную предварительную проверку «Кваста» через других парашютистов, было принято решение радиоигру прекратить в выгодном для нас положении, укрепив у него мнение о невозможности организации «бандитско-повстанческого движения в Калмыкии» и дальнейшей посылки самолетов в Калмыкию.

27 июля 1944 года Мешик направил докладную записку Абакумову:

«Докладываю, что радиоигра по делу “Арийцы” находится сейчас в следующем положении. Если не считать обмена телеграммами в связи с изменением шифра и запросами о судьбе погибшего самолета “Ю-290”, то за время после уничтожения этого самолета, т.е. с 12 июня, от противника получено всего 6 радиogramм, из которых наиболее интересными являются две: Первая от 11 июля — “Попытаемся прилететь с новым подвозом. Где он должен быть сброшен”. Вторая от 19 июля — “С материалами на ‘Лев’ в ближайшее время будет выброшен один человек”.

Так как до этого мы в своих радиogramмах настойчиво требовали помощи, то неизвестно, являются ли приведенные выше телеграммы немцев твердым обещанием или даны для того, чтобы несколько успокоить группу. Следует отметить, что после первой нашей радиogramмы в начале игры немцы немедленно послали самолет с помощью (самолет не нашел группу), а затем через 11 дней послали второй, взятый нами. Очевидно, немцы потеряли интерес к группе “Кваста”, о чем свидетельствуют также следующие цифры. За время от начала игры (31 мая) до посадки самолета (12 июня), т.е. за 13 дней, от противника получено 17 радиogramм. За остальное время (13 июня – 27 июля), т.е. за 45 дней, немцы дали только 9 радиogramм. Как известно, немцы дважды проверяли, работает ли “Кваст” под диктовку. Первый раз запросив новый лозунг для шифра, второй — вопросом относительно Марии Фур. Судя по радиоигре “Загадка” (возможно, в связи с реорганизацией разведывательных органов противника),

* Радиоигре “Загадка” в книге посвящен отдельный параграф.

Обломки самолета «Ю-290»

за последнее время немцы предпринимают ряд мер для проверки работающих на нашей территории агентурных групп. Вряд ли поэтому, чтобы противник прислал какую-либо помощь резидентуре “Кваста”, не проверив предварительно его работу. Может быть, немцы даже сбросят нам груз и обещанного одного человека, но, более чем вероятно, они одновременно выбросят 2–3 других парашютиста где-либо в стороне, с заданием проверить “Кваста”. Имея в виду особенности местности, можно заранее сказать, что прежде, чем эти парашютисты будут пойманы, они успеют сообщить немцам о положении в бывшей Калмыкии, а также о том, что на легендируемом месте пребывания “Кваста” находится наша засада. <...> Мне кажется, значительно выгоднее в процессе радиоигры легендировать трудности для бандитского движения, заявить о ликвидации банды Огдонова и о преследовании группы “Кваста”, а затем, после настойчивых призывов о помощи, внезапно прекратить игру.

Уничтожение двух сверхмощных самолетов, как показывает последний период, заставило противника отказаться от дальнейших забросок в Калмыкию. Легендируемая гибель группы “Кваста” должна укрепить немцев в этом решении. Если такого рода игрой мы все же не сможем предотвратить новую заброску, то мы предотвращаем провал наших методов работы и сохраняем возможность использования в дальнейшем “Кваста” и участников игры.

“Кваст” старый разведчик. Знает хорошо работу и личный состав абвера. Долгое время работал в Швеции. Имеет связи и авторитет в германских разведорганах. Хотя он и настроен прогитлеровски, но все же, учитывая его участие в уничтожении самолета, он (возможно) может быть завербован и использован в дальнейшем. Во всяком случае, он может дать ценные показания, которые в процессе игры у него отобрать невозможно. Наконец, в этом деле занято свыше 50 че-

ловец, содержание которых не оправдывается перспективами дела. <...> Исходя из изложенного, полагал бы: в дальнейшем легендировать: а) уничтожение банды Огдонова. б) Преследование и уничтожение группы «Кваста» и в течение ближайших десяти дней закончить радиоигру».

На заключительном этапе радиоигры было решено сообщить противнику о гибели отряда Огдонова, преследовании отряда «Кваста» и его уничтожении. 13 августа противнику была передана радиограмма: «Начальнику отряда. Положение здесь совершенно невыносимое. Отряд Огдонова разбит, нам калмыки отказывают в помощи. Вынужден, согласно договоренности, пробираться к повстанцам на Западный Кавказ, откуда, возможно, в Румынию. Несколько людей из экипажа по болезни и невозможности их транспортировки вынужден буду оставить у калмыков, которым объясню, что направляюсь в Германию, чтобы лично добиться помощи и усиления. Прошу санкции или контрприказа в течение 3-х дней, т.к. дальше не могу ждать. Кваст».

На следующий день из центра пришла шифровка, в которой «Квасту» было дано указание пробиваться через линию фронта. Эта радиограмма еще раз подтвердила сомнения советской контрразведки о доверии немцев «Квасту» и укрепила их в решении о нецелесообразности дальнейшего проведения радиоигры.

Сообщив центру, что отряд вышел в путь, 18 августа противнику радиовали: «Сегодня, юго-западнее Бергин, стычка с отрядом НКВД. Будучи без боеприпасов спаслись только на конях. Продолжаем марш юго-западном направлением. Успеха не предвижу. Мучают жажда и голод. Случае гибели, позаботьтесь о наших семьях. Кваст».

19 августа следующая радиограмма в центр: «Начальнику органа. Калмыки изменили, мы остались одни, без боеприпасов, продуктов и воды. Гибель неизбежна. Предотвратить ничем не можем. Мы свой долг выполнили до конца. Во всем считаем виновным Вас и Марвитц. Абсурдность операции была очевидна еще до ее начала. Почему нам не помогли. Кваст».

В заключительной передаче 20 августа на половине передачи текста связь умышленно прервали, показывая тем самым противнику, что с отрядом что-то случилось: «Нас преследуют. Кругом пески и соль. Вынуждены изменить маршрут. Мучает жажда». На этом радиоигра «Арийцы» была прекращена.

В ходе реализации замысла радиоигры «Арийцы» противнику было передано 42 радиогаммы и получено 23 ответных. Уничтожено два тяжелых самолета «Ю-290», захвачены в исправном состоянии два новейших авиадвигателя. При ликвидации немецких самолетов уничтожено 33 человека, из них 21 взяты в плен, в том числе: кадровый офицер немецкой разведки капитан Эбергард фон Шеллер, 11 летчиков из состава авиаэскадры «КГ-200» и 9 агентов-диверсантов.

Главный успех операции заключался в том, что была сорвана попытка организации «повстанческого» движения в глубоком тылу Красной армии и создания ретрансляционного радиоцентра для агентуры противника в глубоком тылу.

Обратим внимание читателя еще на одно обстоятельство — на отношение «смершевцев» к попавшим в плен немецким разведчикам. Так, например, радист 1-го самолета, обер-лейтенант Ганс Ганзен, участвовавший в радиоигре «Арийцы», дал следующую характеристику советским контрразведчикам. В автобиографии от 14 июля 1944 года он писал: «...я хочу заявить, что я, как офицер, не встретил обесчещивающего или унижающего меня отношения, если не считать поведения

милиции во время пленения. Наоборот, я познакомился с прямыми и справедливыми людьми, которых раньше нам описывали совершенно в ином роде. Я не могу еще вынести суждения о Советском Союзе, так как слишком мало знаю страну и ее учреждения. Если страна произведет на меня такое же приятное впечатление, какое произвели на меня офицеры и солдаты, то, можно сказать, что любая нация почтет себя счастливой, имея дружбу с Советским Союзом».

«...РУССКАЯ КОНТРАЗВЕДКА ОЧЕНЬ ХОРОШО РАБОТАЕТ», ИЛИ ОПЕРАТИВНАЯ ИГРА «ДВИНА»

Шел третий год войны. Красная армия победоносно завершила зимне-весеннюю кампанию 1944 года, разгромив группу армий «Север» под Ленинградом и окончательно ликвидировав блокаду города, противник был отброшен на 220–280 км на запад. От захватчиков были очищены Правобережная Украина и Крым. За четыре с половиной месяцев упорных сражений были разгромлены 30 дивизий и 6 бригад вермахта, 142 дивизии и 1 бригада лишились от половины до трех четвертей личного состава.

Частью летне-осенней кампании 1944 года стали наступательные операции Красной армии по освобождению Прибалтики. На этом стратегическом фоне и развивались события, о которых пойдет речь в нашем рассказе. Свой вклад в успех боевых действий на северном участке советско-германского фронта внесли и контрразведчики легендарного Смерша.

Одним из дезинформационных мероприятий, призванным скрыть направление главного удара Красной армии, явилась оперативная игра «Двина», проводившаяся с 8 июня 1944 по 10 февраля 1945 года. 3-м отделом Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР совместно с Управлением контрразведки «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта⁷¹⁹ в районе гг. Новоржев, Порхов, Псков, Петсери и Рига.

* * *

Ветеран военной контрразведки Д.П. Тарасов в своей книге рассказал об особенностях этой радиоигры: «В практике работы по радиограмм, проводившимся в тыловых районах фронтов, иногда возникали случаи, когда передача дезинформации по соображениям Генерального штаба в данный момент была нецелесообразной. Поэтому, начав радиоигру, приходилось до определенного момента вести передачи, которые могли бы оправдать невозможность добычи агентами нужной информации. Примером такой игры является радиоточка “Двина”...»⁷²⁰

В ночь на 17 мая 1944 года с Рижского аэродрома на самолете «Хенкель-111» в 4 км юго-западнее дер. Воротаево Поддорского района Ленинградской области на парашютах была сброшена группа немецких агентов в составе двух человек: «Биганова» (радиста) и «Туманова». После приземления агенты закопали парашюты и кодовыми знаками радиовали в центр о своем благополучном прибытии на место: «Приземлились благополучно, движемся на запад». «Биганов» и «Туманов» получили от германской разведки задание: осесть в районе г. Новоржева, установить дислокацию штаба 10-й гвардейской армии, а также воинские части,

«...Русская контрразведка очень хорошо работает», или Оперативная игра «Двина»

входящие в ее состав, их наименования и номера, звания и фамилии командного состава.

Дальнейшие указания агенты-парашютисты должны были получить по радио дополнительно. Поставленную задачу по разведке они должны были решать путем личного наблюдения, подслушивания, бесед с военнослужащими и гражданскими лицами, в исключительных случаях им была разрешена вербовка. Все сведения, собранные разведгруппой, должны были передаваться в центр по радиции в зашифрованном виде. Сеансы связи рекомендовалось проводить из леса.

Агенты имели при себе фальшивые документы, изготовленные германской разведкой: командировочное предписание по созданию штаба по борьбе с дезертирством, командировочные предписания по проверке мостов шоссежных дорог, удостоверения личности офицерского состава, вещевые книжки, бланки отпускных билетов, продовольственные аттестаты. Все документы были выданы от имени штаба 1-й Ударной армии. При себе агенты также имели удостоверения на право проверки документов от имени ОКР «Смерш» 314-й стрелковой дивизии.

На следующий день после приземления «Биганов» и «Туманов» явились в ближайшее отделение органов безопасности. В описи вещей, изъятых у германских агентов, значилось следующее оружие, снаряжение и другая экипировка: «1. портативная радиостанция “Варшавка” (Д-Х) № 805 с одним комплектом питания и комплектом запасных частей к ней; 2. компас — 1 шт.; 3. карманные фонари — 2 шт.; 4. револьвер “Наган” № 569 — 1 шт.; 5. пистолет “ТТ” № 701 — 1 шт.; 6. карманные часы — 1 шт.; 7. топографическая карта участка деятельности резидентуры — 1 шт.; 8. орден “Красная Звезда”, поддельный — 1 шт.; 9. медали “За оборону Ленинграда” — 2 шт.». Кроме того, разведчики имели при себе деньги в сумме 24 000 рублей и 800 рублей в облигациях различных советских займов.

* * *

После явки с повинной агентов «Биганова» и «Туманова» под конвоем доставили в УКР «Смерш» 3-го ПБФ. В автобиографии «Биганов» рассказал о том, как он оказался в германском плену: «13 октября 1940 г. Орджоникидзевским горвоенкоматом призван в ряды Красной Армии и служил на острове Эзель в 206-м отдельном батальоне связи при 3-й отдельной стрелковой бригаде. С момента призыва до 1 января 1941 г. нес службу в качестве телефониста. С 1 января 1941 г. до начала войны обучался в школе радистов младшего командного состава, после чего работал радистом при штабе 3-й отдельной стрелковой бригады и держал связь со штабами: 8-й армии, 16-й стрелковой дивизии, которые находились в Эстонской ССР. После оккупации немцами Прибалтики радиосвязь с вышеуказанными штабами прервалась, и я начал держать связь с полком 3-й ОСБ*, примерно до октября 1941 г.

4 октября того же года войска, находившиеся на острове Эзель, уже были фактически прижаты к морю и не могли оказывать организованного сопротивления. 5 октября 1941 г. остров Эзель был полностью оккупирован немцами, и я был взят в плен немцами. Вместе с другими военнопленными я был перевезен в лагерь во-

* ОСБ — отдельная стрелковая бригада.

еннопленных в г. Валка Эстонской ССР. После двухнедельного пребывания в этом лагере меня перевезли в Рижский лагерь, где находилось в это время около 40 тысяч человек.

В конце мая 1942 года при перевозке с Рижского лагеря в г. Двинск я бежал. На 29 сутки на ст. Себеж я вместе с другими военнопленным... были задержаны латышской полицией и отправлены в тюрьму г. Режица, где пробыли два месяца. После перевезли в Рижский лагерь военнопленных. Пробыв здесь одну неделю, меня вместе с другими военнопленными перевезли в Двинский лагерь военнопленных, где еще добавляют за побег 17 суток карцера. Затем прожив здесь еще около месяца, примерно в октябре 1942 г. я переезжаю в [лагерь] в [оеннопленных] в гор. Фелин Эстонской ССР. В конце февраля или начале марта 1943 года переезжаю опять в Двинский лагерь военнопленных, где я пробыл около месяца, и затем переезжаю в лагерь военнопленных в г. Тапа Эстонской ССР.

10 апреля 1943 года из лагеря военнопленных в г. Тапа я был завербован в немецкую школу агентов-радиостов и учился в г. Стренчи до октября 1943 года. Затем эта школа перемещается в г. Валка, а в марте 1944 года подготовленная агентура переезжает в местечко Парниково Латвийской ССР. В ночь с 16 на 17 мая я с разведчиком "Тумановым" были выброшены в тыл Красной армии. 17 мая 1944 года вечером, примерно в 22 часа, мы оба явились в Поддорское РО НКВД и НКГБ с повинной...»

На допросе 9 июня 1944 года агент-радиост «Биганов» дал показания, о том, что побудило его поступить на службу к противнику. *Вопрос:* Давая добровольное согласие органам германской разведки на вербовку, вы сознательно стали на путь измены Родине. Подтверждаете вы это? *Ответ:* Да, подтверждаю, что, дав добровольное согласие германской разведке на вербовку, я изменил Родине. Но, идя на вербовку, я, во-первых, хотел избавиться от тяжелых условий в лагерях военнопленных, а, во-вторых, будучи выброшенным в тыл Красной армии, смогу таким путем попасть на сторону советских войск. Задание я решил не выполнять, а явиться с повинной. Таким образом, я считаю, что прямой измены Родине не совершил.

Вопрос: Представителями какого разведоргана противника вы были завербованы? *Ответ:* В момент вербовки я не знал, представителями какого разведоргана являются лица, меня вербовавшие. Будучи в школе агентов-радиостов, мне стало известно, что они являются официальными сотрудниками штаба германской разведки Северного фронта⁷¹, которые специально занимались подбором и вербовкой агентуры...

Вопрос: Какими документами оформлена вербовка? *Ответ:* В момент вербовки никаких документов я не писал, за исключением того, что лицо, производившее вербовку и опрос, подробно записывал мои ответы. По прибытии в Стренчскую школу агентов-радиостов вербовка была оформлена подпиской. Подписку отобрал инструктор радиодола в школе — доктор Шуберт, исполнявший одновременно обязанности переводчика.

Вопрос: Какого содержания подписку вы дали германской разведке при вербовке? *Ответ:* Содержание подписки, данной мною германской разведке, сводилось к следующему: что я обязуюсь честно служить германскому командованию, соблюдать дисциплину, выполнять все приказания и задания германского коман-

«...Русская контрразведка очень хорошо работает», или Оперативная игра «Двина»

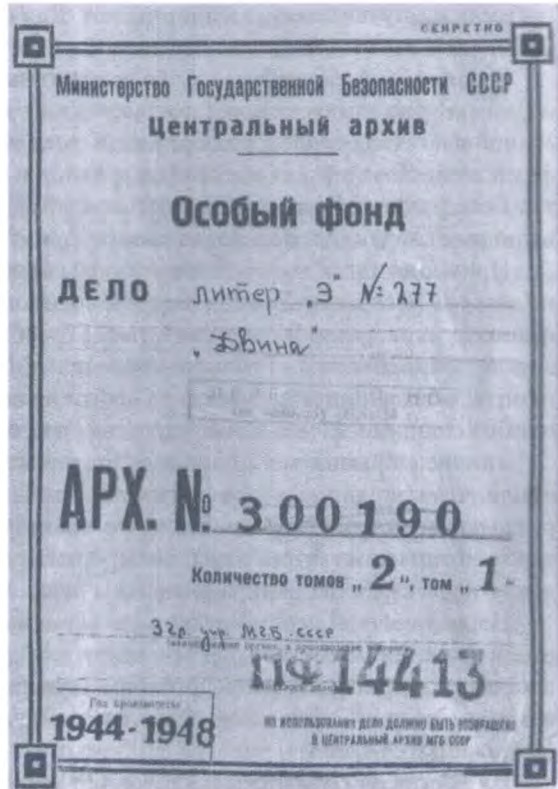
дования, одновременно, держать в строжайшей тайне все мне известное о работе школы. Подписка была напечатана на пишущей машинке на русском языке».

В ходе допроса 14 июня «Биганов» сообщил о формах и методах разведывательной работы, применявшихся «Абверкомандой 104»: «Вопрос: Что вам известно о деятельности штаба германской разведки Северного фронта? Ответ: О деятельности штаба германской разведки Северного фронта мне известно следующее. Штаб разведки систематически подготавливает в своих школах агентуру, которую перебрасывает в тыл Красной армии. Так, по словам летчика, который перебрасывал нашу группу, экипаж этого самолета перебросил уже свыше 250 групп. Часть из перебросенной агентуры возвратилась в разведорган по выполнению задания... Разведорган также занимается заброской агентуры в партизанские отряды с заданием установить — базы партизанских отрядов, их численность и т.д. В начале марта с. г в г. Валга прибыла группа агентов, подготавливаемых к заброске в партизанские отряды, о чем они мне рассказывали.

Усиленно занимается разведорган выявлением советской агентуры и советски настроенных лиц из числа курсантов разведшкол, для чего среди курсантов насаждают свою агентуру. <...> Для проверки преданности подготавливаемой агентуры разведорган практикует инсценировку посылки проверяемых в партизанские отряды. В действительности посылаемые попадали к подставным лицам разведоргана...»

Самым ценным в показаниях «Биганова» была информация о способах кодирования и передачи радиogramм в разведцентр абвера. Порядок вступления в связь заключался в следующем: первым дает позывной разведчик в продолжение двух-трех минут, затем слушает две минуты. Продолжительность сеанса 30 минут. Максимальное количество знаков в радиogramме не должно превышать 500. При составлении радиogramм союзы и предлоги рекомендовалось не употреблять.

Шифровальный лозунг — «Новые законы нашего государства!». Позывной центра — «AUV». Позывной корреспондента меняется в зависимости от числа месяца и составляется по специально выработанной таблице. Буквы в радио-

Обложка дела радиоигры «Двина»

граммах пишутся латинским шрифтом. Для обмена обусловлен международный Q-код.

Заранее было обусловлено, что если радист работает самостоятельно, то радиogramмы подписывает своим псевдонимом в германской разведке — «Биганов», а если под диктовку советских органов безопасности, то радиogramмы подписывает фамилией «Лебедев», на которую ему были выданы центром фиктивные документы. Если радиосвязь по какой-либо причине установить не удастся, разведгруппа выполняет задание и переходит линию фронта по паролю «майор Петергоф»⁷²².

Примерно такая же фронтовая судьба была и у агента «Туманова» — пленение на острове Эзель, скитание по лагерям военнопленных, вербовка в германскую разведшколу и заброска в советский тыл. О причинах, побудивших его поступить на службу к противнику, «Туманов» сообщил: «Мы как не хотевшие работать в пользу немцев, а была лишь одна мечта — выйти из немецкого плена и придти в советские органы с повинной, мы, узнав, что недалеко от нашего места приземления имеются районные органы, мы пришли в Поддорское районное отделение НКВД, где заявили, что мы являемся немецкими разведчиками, но работать на пользу немецкой разведки не хотим — пришли к вам с повинной. С собой принесли все, чем были снабжены: радиостанция с питанием, оружие, пистолет и наган, карта, компас, все документы, сфабрикованные немецким штабом разведки, и запасные бланки».

На допросах агенты «Биганов» и «Туманов» также дали развернутые показания о командном составе, деятельности и методике подготовки агентов в разведшколах, подчиненных разведорганах германской военной разведки при группе армий «Север»: Стрэнчской, Валгской и Бело-Озерской (Латвия) и Можайской (г. Можайки, Литва).

Из допросов германских агентов в УКР «Смерш» 3-го ПБФ стало ясно, какой противник им противостоит — «Абверкоманда 104»⁷²³.

* * *

УКР «Смерш» 3-го ПБФ возглавлял опытный военный контрразведчик генерал-майор Михаил Ильич Белкин. До своего назначения на этот пост он руководил УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта. Во время боев на Северном Кавказе он получил ценный опыт войны в эфире. Летом–осенью 1943 года сотрудники УКР «Смерш» СКФ под его руководством провели успешную игру «Салават» с филиалом германской военно-морской разведки «Нахрихтен Беобахтер»^{*}.

План оперативной игры с противником, подготовленный в УКР «Смерш» 3-го ПБФ, включал в себя решение двух взаимосвязанных задач. Первая — используя возможности радиоигры, передавать дезинформацию военного характера в интересах командования Красной армии.

Об этих мероприятиях было осведомлено командование 3-го Прибалтийского фронта, которое через Разведотдел фронта и Главное разведывательное управление Красной армии передавало подготовленные ими «дезы» в ГУКР «Смерш» НКО СССР, а оттуда — в Управление контрразведки «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта для использования в оперативной игре.

Вторая задача носила контрразведывательный характер — перехват и нейтрализацию агентурных групп противника, перебрасываемых в тыл частей 3-го Прибалтийского фронта.

* Радиоигре «Салават» в книге посвящен отдельный параграф.

«...Русская контрразведка очень хорошо работает», или Оперативная игра «Двина»

О явке с повинной агентов германской разведки начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» В.Я. Барышников 3 июня 1944 года рапортом доложил начальнику ГУКР «Смерш» комиссару госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумову:

«Сразу же после приземления разведчики самостоятельно включились в радиоигру, установив связь с центром, и условным выражением “КУ” сообщили противнику о благополучном приземлении. Затем оба явились добровольно с повинной в органы власти. На следствии “Биганов” и “Туманов” дают подробные и правдивые показания, УКР “Смерш” Ленинградского фронта оба они характеризуются положительно, обстоятельства их добровольной явки в органы советской власти сомнений не вызывают. В связи с изложенным целесообразно “Биганова” и “Туманова” передать в УКР “Смерш” 3-го Прибалтийского фронта и продолжить радиоигру. Очередной сеанс будет проведен 5 июня с. г. с передачей следующих радиোগрам: 1. “Находимся в лесу восточнее Стволина, из-за неправильных документов вынуждены скрываться, выходить в распоряжение частей нельзя. Продуктов нет. Почему не отвечаете на нашу телеграмму. Срочно ждем помощь”... 2. “22 мая на дороге Холм – Подберезье остановил патруль. Наши документы недействительны, хотел отвести в часть. Патруля застрелили, труп затащили в сторону, скрываемся в лесу на север от Подберезья. Срочно сбросьте продукты и документы”... Одновременно с передачей этих радиোগрам нам удастся убедить противника, что в период с 25 мая по 2 июня с. г. разведчики не могли связаться по техническим причинам. Прошу Вашей санкции».

Легендой об убийстве патруля, пытавшегося задержать германских агентов по подозрению в фиктивности имеющих у них документов, УКР «Смерш» 3-го ПБФ планировал вынудить противника изменить задание и место оседания резидентуры для того, чтобы приблизить место работы радиоточки к территории, занимаемой войсками 3-го Прибалтийского фронта. Оперативная игра с «Марсом» началась. Первоначально в УКР «Смерш» 3-го ПБФ радиоточка получила кодовое наименование «Инициаторы».

8 июня в эфир ушла радиোগрамма № 2. Параллельно к игре с противником подключился и штаб 3-го Прибалтийского фронта. В тот же день начальник штаба 3-го ПБФ генерал-лейтенант В.Р. Вашкевич⁷⁴ запросил санкции Генштаба Красной армии на передачу противнику дезинформационных материалов через агентурную радиостанцию «Инициаторы», находящуюся в распоряжении УКР «Смерш» 3-го ПБФ. В Генштабе согласились со штабом фронта. На следующий день первый заместитель Генштаба Красной армии генерал-полковник А.И. Антонов сообщил начальнику ГУКР «Смерш» НКО: «т. Абакумов. Прошу передать противнику тексты телеграмм т. Вашкевича».

10 июня во время сеанса радиосвязи противник коротко запросил: «Какие недостатки. Документы были в порядке. Произведите разведку. Сообщите».

14 июня в центр направили радиোগрамму: «Какие недостатки имеют документы, не знаем, но русский патруль, которого убили, сказал, что они поддельные. Снова предъявить их боимся, являться в населенные пункты рискованно, скрываемся в лесу. Двигаемся на север в направлении железной дороги на Порхов. В южном направлении могут разыскивать из-за убийства. Какие будут ваши указания. Высылайте скорее документы и продукты. Биганов».

15 июня противнику передали первую дезинформацию военного характера:

* Текст был передан противнику 8 июня 1944 г.

«С 6 до 14 часов 12 июня по шоссе на Порхов прошло 12 грузовых и 2 легковых автомашины. В обратном направлении 15 грузовых, 3 легковых и 17 подвод. По дороге Шилово – Климово с разными военными грузами движение автомашин и подвод. Биганов». В тот же день «Марс» поставил новую задачу: «Направляйтесь в район Порхов – Дно и установите, какая армия в том районе, и сообщите также, где будет ваше новое местонахождение, тогда вам поможем».

21 июня начальник УКР «Смерш» 3-го ПБФ направил с пометкой «только лично» служебную записку начальнику Разведотдела штаба 3-го ПБФ генерал-майору К.В. Кашникову о присылке новых дезинформационных материалов по делу «Двина»: «Прошу срочно сообщить нам дезинформационные материалы о частях Красной армии, которые можно было бы через наши возможности передать противнику. Дезданнные необходимы по районам Торошино, Подбровье, Псков, Печеры, Ирбоска, а также по районам между Псковом и Островом».

17, 20, 23 июня и 3 июля во время очередных сеансов связи с центром продолжали передавать «дезы», подготовленные Разведотделом 3-го Прибалтийского фронта и ГРУ Генштаба Красной армии:

«По дороге из Чихачева на запад от Порхов[а] через Липовец на юг движение одиночных автомашин и подвод по обе стороны. Дорога на участке Симаниха – Липовец ремонтируется. Привлечено на работу местное население. Двигаемся дальше. Биганов»; «Движение по дорогам обычное, деревня Дубровка восстанавливается, в ней размещается строительная команда до 40 человек. Команда ремонтирует дорогу Дедовичи – Дубровка. Пошли дальше. Биганов»; «Жители деревни Поляна говорят, что в последних числах мая на станции Порхов и на станциях западнее ее по ночам разгружалось большое количество пехоты и артиллерии. Войска сразу после разгрузки уходили по дороге на Славковичи. Думаем пока остановиться. Биганов»; «Шофер грузовой автомашины, которая вышла из строя в деревне Краснуха, принадлежит автороте 20-й армии⁷²⁵. Рота перебрасывается в направлении Славковичи. Биганов».

В дальнейшем, в течение июля – начала августа 1944 года, в центр продолжали направлять дезинформацию, одновременно просили прислать новые документы, продовольствие и деньги. «Марс» обещал помочь и просил подыскать подходящую площадку, которая бы имела «гористый пункт ориентации», одновременно требовал сведений о воинских перевозках, «особенно по дороге Порхов – Дно».

Однако с присылкой неоднократно обещанной помощи в абверкоманде не топились. В этой связи в УКР «Смерш» 3-го ПБФ решили обострить интерес противника к игре.

* * *

Дальнейшее развитие оперативной игры с «Марсом» предполагало легендирование встречи с группой из трех дезертиров из Красной армии, скрывавшихся от преследования. Дезертиры занимались воровством, а иногда грабежами, чем и добывали себе средства на пропитание. Один из дезертиров был местным жителем, а двое других — вновь мобилизованные из Западной Украины. Эту группу агенты абверкоманды предполагают привлечь, если последует указание центра, для работы в пользу германской разведки и с их помощью организовывать диверсии на железнодорожном транспорте. Последующее развитие игры планировалось составить в зависимости от реакции противника.

Затем в УКР «Смерш» 3-го ПБФ возникла другая, более интересная идея. 29 июня начальник УКР «Смерш» 3-го ПБФ генерал-майор М.И. Белкин передал по ВЧ записку начальнику УКР Ленинградского фронта генерал-майору А.С. Быстрову: «По имеющимся у меня данным, примерно месяц тому назад в районе гор. Кингисеппе был захвачен в плен экипаж сбитого немецкого самолета в количестве 3-х человек. Самолет имел задание произвести разведку района Кингисепп – Дно – Красногвардейск. Пленные летчики этого самолета находятся в распоряжении Ленфронта. Имея крайнюю необходимость в использовании этих летчиков для проведения важного специального мероприятия, прошу Вас срочно сообщить на них подробные данные и оказать содействие в направлении их в мое распоряжение. Если эти летчики не у Вас, то прошу указать, где они находятся...» Вскоре германских летчиков со сбитого «Ю-88» из лагеря военнопленных доставили в распоряжение УКР «Смерш» 3-го ПБФ.

Немецкий военнопленный, обер-лейтенант люфтваффе Ганс Фишер в форме советского офицера, участник радиогры «Двина»

Первоначально обер-лейтенант Г. Фишер* и члены экипажа контрразведчиками использовались «втемную», но вскоре в Смерше поняли, что без Фишера ответить на вопросы противника невозможно, поэтому было решено ввести его в радиогру. В документальных материалах игры сохранилось два небольших, чуть больше спичечного коробка, клочка бумаги, приколотых канцелярской скрепкой к сопроводительной записке № 2/2972 начальника УКР «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта генерал-майора М.И. Белкина начальнику ГУКР НКО «Смерш» комиссару госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумову к плану дальнейшего использования радиоточки «Двина» от 3 июля 1944 года. На записках простым карандашом написано:

«Пленные. 1. Фишер Ганс — пилот, обер-лейтенант. 2. Блокк Хорст Гюнтер — радист, мл[адший] лейтенант. 3. Колер Эрнст Гюнтер, штурман, мл[адший] лейтенант. За ними в лагерь № 135, расположенный в Волосово, выехал наш конвой.

т. Евдоким[енко]. Подробная справка о трех летчиках есть в 3-м отделе ГУКР «Смерш» у майора Фролова (он работает в отделении Тарасова). 5.7.[19]44».

В своем рассказе о радиогре «Двина» Д.П. Тарасов объясняет, по какой причине советская контрразведка решила использовать немецких летчиков со сбитого самолета: «После получения этой радиограммы было легендировано передвижение агентов в район Порхов – Дно и с санкции Генштаба передано несколько малозначительных сообщений о наличии и передвижении войск в этом районе.

* В книге Д.П. Тарасова он представлен как обер-лейтенант Зегер.

Одновременно была затребована помощь, на что противник ответил согласием и предложил агентам подобрать площадку для сброски груза или посадки самолета. В связи с перспективой возможного захвата самолета противника возникла идея усилить заинтересованность немцев в деятельности агентов, которые якобы в лесу наткнулись на экипаж самолета, сбитого над расположением советских войск...»⁷²⁶

Во время допроса 13 июля 1944 года обер-лейтенант Ганс Фишер дал показания, что он родился 16 июля 1921 года в г. Штральзунд, его отец был летчиком, лично знал известного германского аса, фаворита Геринга — генерал-полковника люфтваффе Эрнста Удета. Сам он с 1940 года служит в люфтваффе. За участие в боевых действиях награжден Железным крестом 2-го и 1-го класса, Германским крестом в золоте, бокалом чести за особые успехи в воздушной войне, золотым и серебряным значками летчика. Об обстоятельствах боя, в котором его самолет был сбит, а он сам с экипажем попал в советский плен, Фишер на допросе 13 июля 1944 года рассказал:

«С аэродрома я вылетел 15 мая [1944 года] в 5.35 утра немецкого времени с задачей фотографирования железнодорожных станций и аэродромов в районах Волосов – Кингисепп, Котлы – Гдов и др. Погода была плохая, фотографировали в разрывах между облаками. Шел высотой в 7–8000 метров. На высоте в 7200 метров в районе Волосово неожиданно был атакован двумя истребителями “Як-9”. При первой же атаке из строя было выведено хвостовое оперение, пушка и пулемет сзади. Я был ранен и потерял сознание. Машина шла сама. После повторных атак, когда пришел в себя, крыша кабины с пулеметом и пушкой также была сбита.

Видя безвыходность положения, я отдал приказ прыгать с парашютом, но так как парашют наблюдателя был потерян, а мой поврежден, то сделать это было невозможно. Тогда я направил машину в сторону Финляндии в надежде перетянуть линию фронта. Однако и это было невозможно. Я решил на посадку машины “на брюхо” в районе одного полевого аэродрома русских, но это не удалось, т.к. машина не подчинялась управлению.

Посадку сделал на лесистом болоте. Выйдя из машины, мы направились в западном направлении, т.е. в сторону фронта. Бродили мы 5 дней. На второй день борт-стрелок унтер-офицер Островский наскочил на мину. При взрыве ему оторвало ногу, и он застрелился. Питались мы корой деревьев и водой, так как пайка, что с нами был, хватило на два дня. В плен попали 20 мая в районе Котлы. Сопротивление мы не оказывали. Сбит я был, как мне сказал один летчик-полковник при допросе, одним русским капитаном — Героем Советского Союза».

* * *

В это время на северном участке советско-германского фронта развивались бурные события — войска 3-го Прибалтийского фронта интенсивно готовились к проведению Псковско-Островской операции. К началу операции войска 3-го ПБФ (42, 67, 1-я Ударная армии и 14-я воздушная армия) занимали оборону по восточному берегу Псковского озера, восточнее Пскова и Острова, далее по реке Великая, удерживая на ее левом берегу Стрежневский плацдарм.

Замысел советского командования предусматривал нанесение удара смежными флангами 1-й Ударной и 54-й армий со Стрежневского плацдарма в общем на-

правлении на Балви, Гулбене с целью разгрома вначале островской группировки противника, а затем выхода в тыл и разгрома его псковской группировки. 42-я и 67-я армии должны были активной обороной сковать противостоящие войска и не допустить переброски их к участку прорыва.

Войскам фронта противостояли 18-я и части 16-й армии (командующие — генерал пехоты Герберт Лох (до 2 сентября 1944), затем генерал пехоты Эренфрид Беге и генерал пехоты Пауль Лаукс (до 3 сентября 1944), затем генерал пехоты Карл Гильперт) вермахта группы армий «Север» (командующий — генерал-полковник Йоханнес Фриснер, с 23 июля — генерал-полковник Фердинанд Шёрнер), поддерживаемые 1-м воздушным флотом люфтваффе (командующий — генерал авиации Курт Пфлюгбейль).

О важности, которая придавалась Верховным командованием Красной армии дезинформации, передаваемой по радиоточке «Двина», свидетельствует рукописная справка сотрудника 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» майора Сергея Елина: «На имя начальника Управления “Смерш” 3-го Прибалтийского фронта за подписью тов. Абакумова 12-го июля направлена шифровка с утверждением плана использования радиоточки “Инициаторы” (“Двина”). Предложено в соответствии с планом разработать тексты радиограмм и предоставить их на утверждение. Членов экипажа самолета использовать втемную, содержать их отдельно друг от друга, собрать на них подробные автобиографические данные, о связях, о прохождении службы, проверив каждого через остальных членов экипажа. Копии материалов выслать в ГУКР. *Обращено внимание на серьезность этой игры.* Абакумов».

17 июля войска ударной группировки 3-го ПБФ перешли в наступление юго-восточнее Псковского озера в направлении Остров – Псков и далее в направлении на Валгу; за два дня они прорвали вражескую оборону южнее Острова на фронте до 70 км и продвинулись на 40 км в глубину; с 19 июля начали преследование отходящего противника. Островская группировка вермахта оказалась глубоко обходной с юго-запада и запада. 21 июля соединения 67-й армии совместно со 146-й стрелковой дивизией 1-й Ударной армии штурмом овладели г. Остров. 23 июля войска 42-й армии совместно с 291-й стрелковой дивизией 67-й армии освободили Псков.

Затем 3-й ПБФ получил задачу развивать наступление в общем направлении на Алуksне, Валгу; главный удар переносился в полосу 1-й Ударной армии, которой была передана часть войск 54-й армии. К 31 июля войска фронта, преодолевая упорное сопротивление противника, вышли на линию западнее Ирбоски, восточнее Лауры, Алуksне, Гулбене, где были остановлены заранее подготовленным оборонительным рубежом противника «Мариенбург». В результате операции войска 3-го ПБФ нанесли серьезное поражение 18-й армии вермахта, продвинулись на запад от 50 до 130 км и создали условия для последующего освобождения Эстонии и Латвии.

Вскоре войска 3-го Прибалтийского фронта нанесли очередной удар по 18-й армии группы армий «Север», начав Тартускую наступательную операцию. замысел советского командования предусматривал смежными флангами 67-й и 1-й Ударной армий и при поддержке 14-й воздушной армии нанесение удара в направлении на Выру, Тарту, прорвать оборону противника, расчленив его группировку и разгромить ее по частям. 54-я армия должна была обеспечить ударную группировку фронта с юга.

10 августа войска фронта вновь атаковали левое крыло 18-й армии, которое защищал 28-й армейский корпус (командующий — генерал пехоты Ганс Голланик), прорвали в первый же день главную полосу Мариенбургской линии обороны и продвинулись на 10 км на участке Чудское озеро – Печоры – Алуксне.

13 августа соединения 67-й армии генерал-лейтенанта В.З. Романовского при содействии войск 1-й Ударной армии генерал-лейтенанта Н.Д. Захватаева овладели г. Выру.

Успеху боевых действий войск фронта на тартуском направлении содействовал десант группы генерал-лейтенанта А.А. Гречина, высаженной 16 августа 25-й отдельной бригадой речных кораблей на западный берег Чудского озера в районе Мехикормы.

25 августа части 67-й армии освободили Тарту. К концу августа войска фронта вышли на рубеж реки Эмайги, восточного берега озера Выртсъярв, восточнее г. Валга, реки Гауя (до Леяциемса), где встретили ожесточенное сопротивление противника. Отразив контрудары подошедших резервов противника, 6 сентября войска фронта перешли к обороне. В результате Тартуской операции части 3-го ПБФ продвинулись на 100–130 км, создали условия для выхода к Рижскому заливу и удара во фланг и тыл нарвской группировки вермахта.

* * *

В это время радиоигра с противником получила новое направление. 6 августа в «Марс» направили радиogramму: «Вчера в лесу западнее деревни Заклинье случайно натолкнулись на 3-х немцев-летчиков со сбитого самолета. Летчики оборваны и сильно истощены. По-русски они совсем не говорят. Для безопасности обезоружили их и держим около себя. Один из них обер-лейтенант Фишер ранен в ногу. Объясниться с ним не можем потому, что не говорим по-немецки, понимает очень слабо. Сообщите, что с ним делать».

Ожидания контрразведчиков оправдались. В «Абверкоманде 104» этой легендой очень заинтересовались, но отнеслись к информации подозрительно, начав активную проверку. Пользуясь тем, что передача радиogramм радистом «Бигановым» производилась латинскими буквами, противник начал посылать радиogramмы на немецком языке, адресуя их лично Фишеру: «Обер-лейтенанту Фишеру. Двое русских являются немецкими агентами-парашютистами с рацией. Укажите о себе данные, не имеющиеся в зольдбухе²⁷ или бортовой книге. Напишите эти данные латинскими буквами, чтобы радист мог шифровать. Он имеет указание текст немедленно передать нам».

9 августа в центр направили две шифровки на русском и немецком языках: «1. Передаем радиogramму, которую составили летчики по-немецки. Просим быстрее сделать сброс, потому что батареи садятся, нет денег и почти что нет продуктов. Биганов. 2. Дорогой господин! Рад вашему желанию помочь нам, наведите справки Кригс-Маринштадт гауптштрассе № 136 у Геллы Мегер об одном обер-лейтенанте, сбитом 15-го мая 1944 года в 08.00 на восточном фронте. Братев моих зовут Гюнтер и Эгон, сестра моя Лизолота. Им 17, 16 и 14 лет. Сведения по вашей просьбе передаю через ваших агентов. Могу ли я им довериться. В лучшей надежде. Ганс Фишер».

Однако ответ противника не удовлетворил, и 12 августа «Марс» запросил на немецком и русском языках: «1. Дорогой товарищ Фишер! Доверьтесь нашим обо-

им людям. Данные перепроверяются. Нам нужны еще данные о вашем школьном времени. Когда вы познакомились с Геллой Мегер, эти данные сделайте на родном наречии. Фриц, подполковник. 2. Вы замечательно работаете. Нам обязательно нужно состояние погоды».

К требованию радицентра противника дать сведения о школьной жизни немецкого летчика, его знакомстве с Геллой Мегер, да к тому же на родном диалекте пилота советская контрразведка оказалась не готова. Этот эпизод описан Д.П. Тарасовым: «Эта радиограмма поставила нас в затруднительное положение, так как Зегер к игре не привлекался, а переводчики не знали наречия той местности, где он родился. Однако выход вскоре был найден. Был устроен ужин, на который пригласили Зегера и членов экипажа самолета. За ужином был затронут вопрос о литературе, искусстве, национальных особенностях немецкого народа, наречиях и диалектах немецкого языка. Якобы заинтересовавшись наречием, на котором говорил Зегер, попросили написать автобиографию, чтобы увидеть отличия этого наречия от литературного немецкого языка. Зегер охотно согласился. Написанная им автобиография затем использовалась советскими контрразведчиками при составлении ответной радиограммы...»⁷²⁸

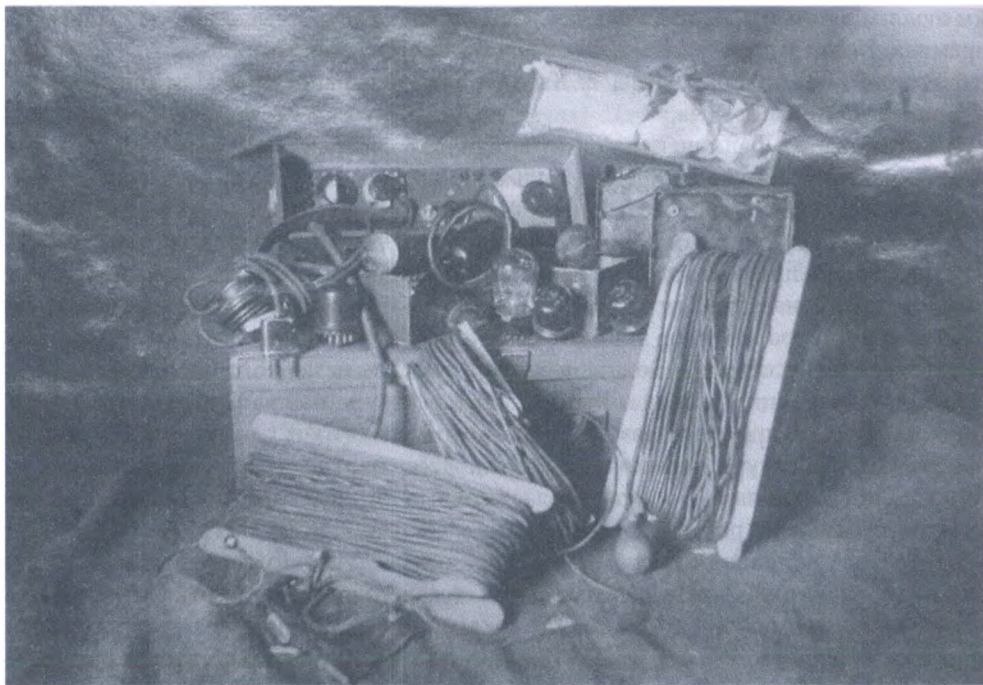
В «Марс» направили очередную шифровку следующего содержания: «Господин подполковник. Докладываю вам, что, к сожалению, я не могу ответить на моем наречии, т.к. его почти забыл. В 1932 году мой отец разбился насмерть при падении с самолета, после чего мы переехали в Киль, и поступил в гимназию. Ее я посещал 8 лет. С моей невестой я познакомился в 1938 году в Берлине. После того как она переехала в Киль, мы по-настоящему полюбили друг друга, по выяснении моего положения я был с ней помолвлен, в июне месяце я хотел жениться. Благодарю вас за участие и помощь. Ганс Фишер, обер-лейтенант».

Как показали дальнейшие события, этот ход оказался совершенно правильным, и в абверкоманде решились на следующий шаг — доставку помощи агентам и летчикам со сбитого самолета. Вечером 16 августа радиоточка «Двина» приняла короткую радиограмму от центра, адресованную немецким летчикам: «Сегодня мы будем у вас. Зажгите костры в 24.00 часов. Ждите до часу московского времени».

О дальнейших событиях рассказывается в справке 2-го отдела УКР «Смерш» 3-го ПБФ от 17 августа: «В ночь с 16 на 17 августа 1944 года, ровно в 24.00 по правильному курсу на нашу площадку прилетел двухмоторный самолет противника Ю-88. К этому моменту оцепление уже было выставлено. Как только услышали шум мотора, расставленные костры по плану, т.е. треугольником и на расстоянии 100 метров друг от друга, подожгли сначала два костра, а потом третий. <...> Продолав два захода... с высоты примерно 150–200 метров в 00 час. 10 мин. выбросил груз на парашюте. <...> После выброски груза самолет проделал еще два круга над нами (вокруг костров) и, дав сигнал “ухожу” (мигание огней с передней части самолета), совершенно ушел...»

Германская разведка сбрасывала «посылки» своим агентам в специальных приспособлениях — «грузобомбах», представляющих собой металлический сигарообразный контейнер со стабилизатором, размером 1,2x1,3 см. При вскрытии «посылки» в ней «смершевцами» были, в свою очередь, обнаружены три цилиндрические, конусообразной формы металлические коробки.

Из коробок было изъято: четыре накальные и анодные батареи, ракетница с 15 ракетами, три индивидуальных перевязочных пакета, три компаса, три перо-

Портативная радиостанция, изъятая у агентов «Абверкоманды 104»
в ходе радиоигры «Двина»

чинных ножа, четыре пачки сухого спирта, четыре банки консервов, четыре с половиной буханки хлеба, около 2 кг окорока, семь бутылок спиртного, 28 таблеток виноградного сахара, парафиновые свечи, русско-немецкий словарь, белье, одежда (б/у), туалетные принадлежности (зеркальце, мыло и т.п.), комплект топографических карт и 9790 рублей. Всего 44 наименования.

Доставка груза противником была настоящей удачей для советской контрразведки. Это служило убедительным доказательством, что в «Абверкоманде 104» своим агентам верят и не сомневаются в их самостоятельной работе. В «посылке» оказалось и несколько писем, адресованных «Туманову» и «Биганову», письмо обер-лейтенанту Фишеру и указание немецким летчикам о планах дальнейших действий по переходу линии фронта.

В письме, адресованном агентам, начальник абверкоманды благодарил за службу и сообщал, что в случае удачного возвращения их ожидают высокие награды: «Дорогие друзья. Мы очень благодарны Вам за Вашу работу, за которую вы награждены медалями “За боевые заслуги”^{*} второй и третьей степени от имени фюрера. При Вашем благополучном возвращении с германскими товарищами Вас ожидает награда медалью первой степени в золоте и германский железный крест второй степени. Мы намерены за Вами прилететь самолетом, для чего Вы должны, совместно с германскими товарищами, определить в радиусе Вашего местонахождения плацдарм (место посадки).

^{*} Вероятно, речь идет об ордене «За заслуги» с мечами для восточных народов.

Если это Вам удастся, то по взаимному соглашению по радиации мы в определенный час являемся. Если подходящего места Вам найти не удастся, то на этот случай мы Вам посылаем подходящие бумаги, с которыми Вы переходите к нам...

В письме обер-лейтенанту Г. Фишеру в основном сообщалось о вариантах спасения летчиков: «Мы надеемся, что Вы и наши русские соратники благополучно получили нашу помощь. После взаимных бесед со здешними специалистами, вытекают две возможности оказания Вам дальнейшей помощи:

а) Вы разыщите совместно с Вашими товарищами и нашими русскими друзьями соответствующее место посадки для “Ю-52”.

б) После нахождения Вы нам точно сообщите по радиации расположение, и мы за Вами прилетим. Для указания места посадки пользуйтесь соломой или сухими ветками, которые, быстро разгораясь, смогут нашим летчикам ясно указать посадочную площадку. Возможно, будет более целесообразно применить для этой цели наши ракеты.

в) Если не представится возможным взять Вас самолетом, то Вы должны под руководством наших русских друзей попытаться дойти до передовой линии. Линия фронта в настоящий момент проходит: Мариенбург – Шванебург.

Настоящее Ваше положение 3 километра юго-западнее деревни Заклинье (на карте отмечено штрихами). Маршрут выбирайте сами. Движение осуществляйте по шоссе или иным дорогам как русские дезертиры, сопровождаемые к штабу. Этим путем вы добираетесь до передовой, и переход лучше произвести в месте, менее всего насыщенном войсками, и на рассвете. При приближении к немецким линиям — пароль “Ейне цет майор Петергоф”, причем советуем обратить на себя внимание немецкого поста маханием белого платка.

Радиация должна оставаться у Вас, чтобы мы могли Вам сообщить, где удобнее перейти линию фронта. Посылаем карты и компасы для ориентирования и два словаря для лучшего понимания друг друга.

Важно после получения от нас помощи перейти на северо-запад и занять там новое положение из опасения, что здесь Вас заметили. Обязательно должны сообщить на следующий день, благополучно ли Вы получили вещи.

Мы Вас слушаем в 7, 11, 14, 17 часов по московскому времени. Чем скорее мы получим сведения от Вас, тем быстрее мы сможем оказать Вам дальнейшую помощь.

Дорогой господин Фишер. Вам, Вашим товарищам и нашим русским друзьям желаем всего хорошего, и надеюсь, что Вас не оставит солдатское счастье, и искренне надеюсь, что в самое ближайшее время мы отпразднуем счастливую встречу».

Еще одно послание немецким летчикам, по сути, содержало краткую инструкцию по возвращению на родину: «Русские агенты Туманов и Биганов имеют задание провести Вас и Ваших товарищей через русский фронт. Для этой цели выработаны две следующие легенды:

1. Туманов идет старшим сержантом, Биганов как сержант. Вы и Ваши товарищи как красноармейцы эстонской национальности с тем, чтобы можно было объяснить ваше незнание русского языка. Согласно легенде Т[уманов] и Б[иганов] имеют поручение Вас и Ваших товарищей как красноармейцев эстонской национальности и дезертиров доставить в штаб 67-й армии. В штаб, однако, вы не заходите.

2. В районе штаба армии Ваша группа превращается в топографическую группу. Туманов — старший сержант и картограф. Биганов — сержант и топограф. Вы и Ваши товарищи приданы в качестве вспомогательных рабочих. Район съемки, необходимой провести топографирование*, лежит в направлении переднего края, который в удобный момент надо будет перейти.

Замечания: Вы и Ваши товарищи оденетесь красноармейцами. Двое русских проводников получают собственное оружие. Ваша немецкая группа получает 3 русских автомата. При возможности следовать легенде № 1, русские несут также и Ваше оружие, ибо оно изъято. Вы получаете немецкие карты с нанесенным маршрутом, однако Вы этим не связаны. По легенде № 1 Туманов сохраняет Ваши красноармейские книжки у себя, тогда как по легенде № 2 вы их имеете при себе.

Поскольку вы “арестованы”, у вас не должно быть ни оружия, ни документов, т.к. и у нас у арестованных это отбирается. Если же вы не арестованы, вы можете иметь при себе и оружие, и документы, и табак.

Вы получаете 3 красноармейских книжки на имя: Линде Эвальд, 1915 г[ода] рождения, уроженец Вольдемарс (Эстония); Сеп Герберт, 1918 г[ода] рождения, уроженец Тапсе (Эстония); Кюн Карл, 1919 г[ода] рождения, уроженец Пернау (Эстония). Распределение книжек поручается Вам, обер-лейтенанту Фишеру».

После приема посылки из абвера 18 августа начальник 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» подполковник Д.П. Тарасов санкционировал в тот же день передачу двух радиogramм. Первую от радиста «Биганова», вторую — от немецких летчиков: «1. Благодарим за награду и помощь. Задание постараемся выполнить. Место меняем. По вашему совету уходим на северо-запад. А в пути будем работать редко. Спасибо за сообщение и привет от невесты. Прошу передать ей привет. Биганов. 2. Дорогой подполковник. Солдатское спасибо за заботу и помощь. Мы вас никогда не забудем. Прошу передать наш боевой привет и спасибо экипажу самолета, доставившему груз. Были очень рады их прилету. С вашими русскими агентами сейчас легче будет договориться. Переходим в другое место. В пути будем подыскивать площадку. С радостью ждем часа, когда сможем вернуться на родину. С приветом Фишер, обер-лейтенант».

Предложенный противником вариант перехода линии фронта не отвечал задаче, которую ставили перед собой в УКР «Смерш» 3-го ПБФ, поэтому, чтобы вынудить его на посадку самолета, контрразведчики легендировали болезнь обер-лейтенанта Фишера и невозможность его дальнейшего передвижения пешком. После этого противник пообещал прислать за летчиком самолет и дал указание подготовить посадочную площадку.

Однако прежде чем согласиться на посылку самолета, противник передал еще несколько запросов, желая удостовериться, что радиogramмы действительно составляются лично Фишером. Так, например, 21 августа из центра пришла радиogramма: «Начальник штаба намерен за мужественную стойкость и незыблемую волю и выдержку представить вас к занесению в Золотую книгу летчиков. При одной из последних американских бомбардировок уничтожено много офицерских личных дел. Для занесения нам необходима дата присвоения звания и порядковый номер обер-лейтенанта. Ответьте сегодня в 13.10 немецкого летнего времени. Хайль Гитлер. Фриц, подполковник».

* Так в документе.

В нарушение обусловленного времени, только на следующий день, 22 августа, в центр по радиоточке «Двина» направили радиограмму: «Господин начальник штаба и господин подполковник, примите мою сердечную благодарность за оказанную мне высокую честь. Но я покорнейше прошу господина начальника штаба разрешения доложить, что занесения в Золотую книгу Министерства авиации я был удостоен в июле или августе 1943 года при вручении мне Почетного бокала за особые успехи в воздушной войне. Звание обер-лейтенанта мне присвоено 1 марта 1944 года. Номер моего офицерского патента, который я узнал случайно в марте 1944 года, кажется, 330 или 332. Я прошу извинения у господина подполковника за мой запоздалый ответ, так как радиограмма мне была вручена только вчера вечером, после того как я и один из ваших русских агентов возвратились с поисков площадки. Я и мои товарищи, несмотря на все трудности, готовы выполнить S30 — свой солдатский долг перед фюрером. Хайль Гитлер. Фишер, обер-лейтенант».

31 августа УКР «Смерш» 3-го ПБФ вновь запросило в Разведотделе фронта очередную порцию дезинформации для передачи противнику: «Прошу срочно прислать в Управление контрразведки “Смерш” 3-го Прибалтийского фронта дезинформационные материалы о дислокации воинских частей и движении железнодорожного и автотранспорта на участке Порхов – Дно. Данные необходимы для передачи противнику через имеющиеся у нас возможности, о коих вам известно. С высылкой материалов прошу не задерживать».

4 сентября противник радировал: «Рад, что вам еще живется хорошо. Мы все держим большой палец, чтобы все было хорошо, включая и Папста, имя которого вы хорошо знаете, не правда ли? Горридо за шее ного слом. Всегда ваш Фриц, подполковник»**.

Вскоре в абверкоманду передали следующую радиограмму, составленную лично Фишером: «Уважаемый господин подполковник. Просил бы оказать любезность, передать приветы нашим друзьям, особенно командиру эскадрильи и Вальтеру-Папсту. Пусть Папст сбережет наши деньги. Я желаю ему, “пятой”*** и на дальше “шее ного слом”, и чтобы меня не забыли в ближайший вечер в казино. Пусть водка придется им по вкусу, и в животах их плещется веселыми волнами. В качестве старого автомобильного офицера, приветствую всех мощным “бе фау араль”. Ваш Фишер, обер-лейтенант».

В «Абверкоманде 104» наконец удовлетворились этим ответом и убедились, что радиограммы составляются лично обер-лейтенантом Фишером. 11 сентября приняли шифровку из центра: «Дорогой господин Фишер, ваши приветы я передал. Вы можете себе представить, какую радость вызвала ваша уверенная телеграмма. Все сердечнейше возвращают приветы, особенно Папст и командир эскадрильи. Все уже радуются встрече. Для плещения волн и праздника встречи у нас сейчас готовится водка. С бе фау араль, ваш Фриц, подполковник!» После этого противник стал относиться к радиоигре с доверием и пообещал в ближайшие дни прислать самолет.

* Так в документе, символ «S30» не расшифрован.

** Под текстом радиограммы переводчиком сделано примечание: «В переводе на русский язык “папст” означает — папа римский. В эскадрильи, где последнее время служил Фишер, этим именем (папст) в шутку называли казначея эскадрильи Шнейдера. Выражение “держать большой палец” у немцев означает пожелание успеха; выражение “Горридо за шее ного слом” означает знак восторженного приветствия у немецких летчиков».

*** «Пятая» — номер эскадрильи, где служил обер-лейтенант Ганс Фишер.

Посадочная площадка контрразведчиками была тщательно подготовлена и соответствующим образом оборудована для того, чтобы можно было принять самолет. Сообщив координаты посадочной площадки, от противника 30 сентября были получены радиogramмы: «Дорогой господин Фишер. Наконец вся подготовка настолько созрела, что мы в ближайшие дни сможем стартовать. Я все время находился в пути, чтобы обо всем договориться с воздушным флотом. Я еще раз говорил с вашим командиром эскадрильи. Ваш старый шеф хочет обязательно вас забрать. Из-за совместной работы по поводу вашего забора я стал хорошим товарищем всех офицеров вашей эскадрильи. Командир эскадрильи мне обещал взять меня с собой. Я в данном случае не хочу упустить возможности первым пожать вашу руку. У нас в напряженном ожидании, удастся ли вас забрать. Биганову все будет сообщено, чтобы он нам еще сообщил об условиях подпочвенных туманов. В ближайшие дни рассчитывайте на наш прилет и постоянно давайте крайне необходимые нам сводки о погоде. Приветы от всех товарищей, и пятой фау араль. Ваш Фриц, подполковник».

И русский текст для «Биганова»: «Мы вместе с летчиками все проверили и место нашли удобным. По мнению летчиков, только роса может затруднить, так как по карте окружность места посадки очень болотистая. Заметили ли вы по ночам росу. В общем как можно скорее сообщите об этом. Кроме того, я вам за вашу замечательную работу очень благодарен и в дальнейшем вам желаю всего хорошего. Ваш старый шеф».

Однако произошло непредвиденное. Отвечая в тот же день на эту радиogramму, УКР «Смерш» 3-го ПБФ нарушило инструкцию по радиogramмам, передало без санкции ГУКР «Смерш» ответные радиogramмы, причем эти шифровки были составлены неудачно и могли у противника вызвать подозрения. Так, вопрос о подпочвенных туманах противником ставился в немецком тексте Фишеру, а ответ на этот вопрос УКР «Смерш» 3-го ПБФ был дан от имени «Биганова» на русском языке, что при незнании агентами немецкого языка, а немцами — русского выглядело неестественным. Между тем из авверкоманды продолжали поступать радиogramмы о готовности к полету.

2 октября в 11.11 радиоточка «Двина» приняла радиogramму для обер-лейтенанта Фишера: «Для Фишера. Сегодня мы прибудем. Подготовьте все. Зажгите огонь как указано. Стрельбу белой ракетой мы считаем опасной. Для опознания направления посадки стреляйте, пожалуйста, красной сигнальной ракетой в направлении посадки. Точное время для зажигания огня сообщим мы вам сегодня в полдень в 17.00 часов. В напряжении ожидания свидания. Б[e] ф[ау] араль. Ваш Фриц подполковник вместе с вашим старым командиром».

«Смершевцы» также находились в ожидании «встречи», но в 17.00 пришла шифровка из «Марса»: «Вчера ужасно преследовали невезения. В течение [дня] после обеда и вечера у нас погода так испортилась, что в 2.00 старт почти был невозможным. Ваш же командир эскадрильи и я обязательно хотели вылететь, и нам удалось у руководителя полетом добиться разрешения старта в связи с неотложностью. Однако на полпути мы были отозваны, так как стал образовываться подпочвенный туман на вашем аэродроме. Мы очень огорчены, что полет не удался. Сегодня у нас все еще очень плохая летная погода. Мы постоянно связаны с вашими летчиками с тем, чтобы вылететь, как только погода несколько улучшится. Держите ваши уши на востре*. Сердечнейшее. Фриц, подполковник».

* Так в документе.

4 октября в точно обусловленное время — 11.00 состоялся очередной сеанс связи с противником. В «Марс» направили две шифровки (от русских агентов и немецких летчиков): «1. “Ваша забота вселяет в нас бодрость и уверенность. Мы делаем все, чтобы было как можно лучше. Всегда ваш, Биганов”; 2. “Очень уважаемый господин подполковник. Вашу рдг мы воспринимаем в том же настроении, что и вы, когда ее отправляли. Однако против погоды борются напрасно даже боги. Мы пытаемся сделать все, чтобы бога погоды настроить к нам доброжелательно. Последнюю ночь погода была очень хорошая, летная, с хорошей видимостью. Погода на 10 часов сегодня, облачность с разрывами, высота 1000 метров, видимость хорошая, ветер с юга, юго-востока, слабый. По опыту последних дней и сегодня вечером можно считаться с рассеиванием облачности, а значит, и хорошей погодой. В надежде, что сегодня все сойдет благополучно. С “той, той, той””. Сердечный [привет]. Ваш Фишер, обер-лейтенант”».

В это время на фронте, в ночь с 5 на 6 октября, войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов возобновили наступление на Ригу и в ходе преследования 18-й армии вермахта к 10 октября вышли на внешний оборонительный обвод города. 12 октября начались бои за Ригу. 13 октября войска 3-го ПБФ заняли правобережную часть города, а 15 октября войска 2-го ПБФ освободили его левобережную часть.

Между тем невидимая война в эфире продолжалась. 6 октября, когда уже противник неоднократно сообщал о попытках лететь к нам, от имени немцев была неожиданно получена радиogramма следующего содержания: «Дорогой господин Фишер! Осторожно и еще раз осторожно. Через одного совершенно надежного агента с хорошими связями в НКВД, разведотделе 3-го Прибалтийского фронта через радио узнали, что люди из НКВД и “Смерш” планируют большую облаву в районе Лауры. Были ли вы неосторожны, было ли наблюдение за вами при подготовке площадки. Надеемся, что радиogramма застанет вас еще невредимыми. Мы советуем немедленно продвигаться к фронту на юго-запад. Три дня не направляйте нам радиogramм, изменить время передач. Биганов все знает. В крупнейшем беспокойстве о вас и ваших товарищах. Ваш Фриц, подполковник».

Считая, что противнику стало известно о подготовке наших мероприятий, руководство УКР «Смерш» 3-го ПБФ легендировало передислокацию группы в другой район и продолжило игру по вызову немедленной помощи. 28 октября направили радиogramму: «Многоуважаемый господин подполковник. С большим напряжением ждем мы следующей радиogramмы с результатом вашего совещания. Надеемся, что все же возможна посылка вами самолета, ибо в этом мы видим надежнейшее спасение для нас. Приступить снова к продвижению наталкивается на все большие опасности и трудности, ибо наша внешность, как и физическое состояние невообразимо плохи. Обмундирование сильно изорвано. В таком виде мы нигде показаться не можем. Кроме того, у нас уже нет денег. К тому же постоянно растущие трудности из-за погоды. Должно обязательно и быстро случиться что-нибудь решающее, и в этом мы полностью полагаемся на совет господина подполковника, ибо не могли же быть все наши лишения и испытания напрасными. Такой жестокой судьбы не может быть. В ожидании ваших указаний остаюсь ваш Фишер с экипажем».

После этого противник все время обещал помощь, но 20 ноября от посылки самолета отказался, радировав: «Дорогой господин Фишер! Бесконечные перего-

* Под текстом радиogramмы примечание: «Слово “той, той, той” означает, что он подгоняет “злых духов” и желает удачи. Все это принято по немецким обычаям».

воры с воздушным флотом. Результат посадки и подачи равен нулю. Предложенный вами путь без успеха. Для меня и товарищей 5-й очень горько, особенно, когда уже и ваша невеста из-за болтливости знает о вашей судьбе и тайно осаждает меня просьбами вам помочь. Вижу теперь единственную возможность, чтобы вы сами или один или два ваших немецких или русских людей, которые лучше всего при силах, пробились к нашим линиям в направлении Тукумс и доложили. Позже определенно возможность для меня, тогда вместе с вашим и другим вспомогательным персоналом через воду на сушу или воздухом послать подачу. Мы должны все поставить на карту. Всегда ваш Фриц, подполковник».

Из центра продолжали поступать шифровки, которыми руководство абверкоманды старалось подбодрить своих агентов и немецких летчиков. 26 ноября в 16.47 была принята шифровка, адресованная экипажу сбитого «Ю-88»: «Дорогой господин Фишер. Вы, однако, надеюсь, не будете делать глупостей. Потерян только тот, кто сам себя считает потерянным. Биганов предложил, чтобы мы послали к вам курьера. Однако это очень опасное дело, так как русская контрразведка очень хорошо работает. Я как раз думаю над тем, как мы это лучше всего смастерим. Не можете ли вы нам сообщить, как лучше всего может быть осуществлена курьерская связь, снаряжение курьера и т.д.».

В ходе дальнейшей радиоигры противник обещал прислать курьера и, очевидно, в связи с некоторым недоверием к радиоточке, этого обещания не выполнил, а предложил всем агентам напасть на автомашину с целью добыть средства для перехода через линию фронта на сторону противника. «Смершевцы» согласились с этим и, чтобы окончательно определить отношение противника к радиоточке и убедить его, что агенты работают самостоятельно, решили легендировать гибель основного объекта — Фишера, вокруг которого строилась вся комбинация по вызову самолета. Контрразведчики полагали, что этот вариант будет совершенно неожиданным для противника, исключит всякие подозрения и, в конечном результате, вызовет повышенный интерес к радиоточке.

С этой целью 4 января 1945 года «Марсу» радировали: «Господин шеф, у нас большое несчастье, при нападении на грузовую машину 28 декабря “Туманов”, Фишер и еще один летчик погибли. Второй летчик ранен в правую руку. Получилось так, “Туманов” остановил машину под предлогом проверки документов. В кабине было два человека, шофер и старшина, подозрительного заметно не было, но когда предложили им сдаваться, из кузова неожиданно выскочили три человека с автоматами и в упор открыли огонь. Оказалось, они лежали под брезентом в кузове, прятались от холода, я с летчиками побежали в лес и с очень большим трудом ушли от места столкновения. Наше положение сейчас очень тяжелое. Мы остались без ничего. Если вы нам не поможете немедленно, мы погибли. Находимся в лесу в районе хутора Семин. Биганов».

* * *

Заслуживает внимания вариант развития оперативной игры с абверкомандой, который предлагало УКР «Смерш» 3-го ПБФ, но по неизвестной причине отвергнутый руководством 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

18 декабря запиской по ВЧ начальник УКР «Смерш» 3-го ПБФ доложил в ГУКР «Смерш» дальнейший план развития игры с противником по радиоточке «Двина»: «Полученные последние радиogramмы, о которых Вам доложено запиской по ВЧ

Изображение бомбардировщика «Ю-88»
из «Справочника по вооруженным силам Германии»
(М.: Воениздат НКО СССР, 1942)

14.12.[19]44 г., говорят о том, что германская разведка рекомендует захват автомашин группой радиоточки «Двина». Очевидно, противник считает, что при захвате машины группа «Двина» добудет себе крайне необходимые предметы, как теплую одежду, продукты, деньги и т.д., после чего сможет самостоятельно продвигаться к линии фронта. <...> Чтобы усилить заинтересованность германской разведки к группе «Двина» и вынудить противника послать за группой самолет или связать со своей агентурой на территории Латвийской ССР, считаю целесообразным захват автомашины с секретной почтой. Наш вариант в общих чертах доложен Вам запиской по «ВЧ» 21.11.[19]44 г. На основании изложенного, прошу санкционировать передачу в адрес противника следующих радиограмм <...> В последующем, когда противник заинтересуется содержанием захваченной почты, будем проводить следующий вариант: 1. Компрометация крупных предателей и официальных сотрудников германской разведки из числа изменников Родине. 2. Захват лиц, посылаемых противником на помощь группе «Двина». 3. Сбить самолет, если придет посылка.

В разрезе выполнения указанных задач, группа «Двина» в последующих радиограммах доносит, что в захваченной почте оказались документы штаба 3-го Прибалтийского фронта, в частности отчет разведотдела фронта <...> Из просмотра почты установили, что в качестве агентов советской разведки в тылу у немцев работают:

1. Архитектор Делле Павел Петрович⁷⁹ и его жена Иванова. Делле работает в немецкой воинской части группе «Цет-Норд», 27 сентября с. г. с помощью жены и еще одного человека (связника) сообщил советской разведки, что находится в замке в 20 км от гор. Кулдига (оккупированная Прибалтика) и другие важные сведения.

Справка: Делле П.П., житель г. Рига, изменник Родине, действительно работает в разведоргане «Цет-Норд». <...> Оба разыскиваются Гл[авным] упр[авлением] «Смерш».

2. Малиновский-Федор, обучался в школе агентов в Вяцати, выбрасывался в тыл Красной армии, явился с повинной, был перевербован советской разведкой и возвращен в разведорган. Последнее время работал полицейским в Пскове и поддерживал связь с советской разведкой через партизан. Эвакуировался в Германию.

Справка: Данные о Малиновском соответствуют действительности, за исключением перевербовки его советской разведкой.

3. Левицкий Дмитрий Александрович⁷³⁰, работал заместителем председателя “Русского комитета” в Латвии, по заданию советской разведки проник в белогвардейскую организацию НТСНП.

Справка: Данные соответствуют действительности, за исключением причастности Левицкого к советской разведке. <...>

Эти данные передаем противнику, имея цель усилить интерес к группе “Двина”, а чтобы противник не мог установить, что это легенда, сообщаем фамилии: официального сотрудника германской разведки Делле, агента германской разведки Малиновского, окончившего школу в Вяцати, и зам[естителя] председателя “Русского комитета” в Латвии Левицкого, которых противник может легко установить и, естественно, возбудит против них уголовное преследование <...> Дальнейшие мероприятия будут разработаны в зависимости от реагирования противника».

Добавим, что один человек из этого списка — оберштурмбанфюрер СС Павел Делле был хорошо известен контрразведке «Смерш». Именно он обучал стрельбе из пистолета агента Петра Шило-Таврина⁷³¹, которого в «Цепелин-Норд» специально готовили для совершения террористических актов в отношении руководителей советского государства.

* * *

Финал оперативной игры «Двина» лучше всего иллюстрируют сохранившиеся в деле записи из журнала радиообмена между центром и радиостанцией «Инициаторы».

5 января 1945 года из разведцентра противника поступила долгожданная шифровка: «Мы уже думали, что у вас что-то не в порядке, так как долго не получали от вас известий. Но мы не ожидали, что нападение кончится так ужасно. Несмотря на это не теряйте надежду. Мы вам сейчас же вышлем помощь. Ожидайте нас на днях. Просим каждый день передавать состояние погоды. Ваш шеф».

В ответной шифровке в центр 6 января 1945 года направили короткое сообщение: «Немедленно бросайте помощь, иначе погибнем. Два дня уже не ели. Биганов». В тот же день противник направил сообщение для немецкого летчика:

«Я уже предчувствовал что-то недоброе, когда мы так долго не могли связаться с вами, однако я не думал, что нападение для вас закончится так плохо. О скорейшей помощи в кратчайшее время я позабочусь. Вы полностью можете положиться на меня. Ваш Фриц, подполковник».

7 января центр передал информацию «Биганову»: «Точно определите и передайте нам точным описанием назначенное для сброса продуктов и прочего место. Шеф».

Через три дня, 10 января, противнику радиовали: «Подобрали подходящее место для сброски в 2–3 км северо-западнее хутора Семки, возле которого находится небольшое озеро. Место очень глухое. Ускорьте присылку помощи, иначе мы погибнем. С посылкой прошу прислать одного или двух человек, знающих ла-

тышский язык, которые помогли бы нам добраться до линии фронта. Мне одному с рацией и раненым летчиком двигаться невозможно. С нетерпением ждем. Биганов».

13 января из разведцентра получена шифровка для «Биганова»: «На следующих днях мы вам вышлем все необходимое. Приготовьте все так же хорошо, как последний раз. Мы пошлем все, что вам надо для того, чтобы прожить два месяца без посторонней помощи. В течение этих двух месяцев мы пошлем двух людей, которые вас проведут через фронт. Как поживает раненый. Ваш шеф». 13, 14, 15 января радиоточка «Двина» выходила в эфир и передавала сводки погоды.

18 января состоялся сеанс связи с центром. В 13.00 противнику передали согласие о переносе сеанса связи на 14.00. От противника в установленное время получили радиограмму: «Приготовьте все так, как в последний раз, сбросим две бомбы, летим, наверно, сегодня. Самолет будет у вас между 00–02 часов московского времени. Шеф». В 16.30 радиоточка «Двина» передала в эфир шифровку: «Зажем три костра треугольником, когда услышим шум самолета. Ждем с нетерпением сегодня. Биганов».

Однако ожидания обещанной помощи оказались напрасными. В 13.00 19 января из центра была получена радиограмма: «У нас плохая погода. Надо ждать. Работайте, пожалуйста, каждый день. Шеф».

В ответ противнику сообщили: «Господин шеф, не дайте погибнуть. Раненый сильно ослаб, двигаться не может. Я измучился. Держаться дальше нет сил. Биганов». В 16.30 из центра пришла радиограмма: «Летим сегодня. Жгите костры от 00.00 до 2.00 по московскому времени. Сердечный привет. Ваш шеф». Но и на этот раз центр не сдержал своего обещания. Помощь так и не поступила.

23 января радиоточка «Двина» передала в центр радиограмму: «Ждали до 02. Костров не разжигали. У нас была плохая погода. Вчера не могли связаться с вами из-за плохого питания. Биганов».

В дневнике работы радиостанции «Инициаторы» сделана последняя запись: «С 23-го января двухсторонней связи с противником установить не удалось, центр работал 24, 30 января и 10-го февраля 1945 года, но на наши позывные не реагировал, передавал, что нас якобы не слышит. С 10-го февраля связь оборвалась совершенно».

24 марта 1945 года в ГУКР «Смерш» было принято решение оперативную игру с противником прекратить.

«ПРИВЕТ ВСЕМ. ХГС», ИЛИ «ДЕСАНТ» ПРОТИВ АБВЕРА

Откатывающиеся на запад под натиском советской армии немецкие войска ожесточенно сопротивлялись. После поражения под Курском в деятельности немецких спецслужб появились новые формы и методы работы. Перед спецслужбами рейха была поставлена задача хоть чем-то облегчить положение германских войск и сдержать наступление советских войск.

Руководство абвера, имеющее многолетний опыт контрпартизанской войны, накопленный во многих странах, попыталось его творчески применить и в войне против Советского Союза. С этой целью германской разведкой были предприняты попытки создания на освобожденных советскими частями территориях в 1944

году псевдопартизанских соединений, для проведения диверсионных и политических акций в тылу действующей армии. Были подготовлены диверсионные группы из бывших советских военнослужащих — изменников Родине, принимавших участие в карательных акциях против мирных жителей и партизан.

В этом ключе безусловный интерес представляет следующая операция советских контрразведчиков, направленная на борьбу с диверсионными отрядами противника. Одной из таких чекистских операций была радиоигра «Десант», которая проводилась отделом контрразведки «Смерш» Орловского военного округа из района станции Навля Брянской области с 5 июня 1944 по апрель 1945 годов. Основой для начала радиоигры послужила ликвидация в Навлянском районе Брянской области разведывательно-диверсионного отряда «Абверкоманды 203»⁷³².

В июне–августе 1944 года в район брянских лесов с Минского аэродрома стартовал трехмоторный самолет «Юнкерс-58», с которого была выброшена тремя группами, по 17–18 человек в каждой, рота немецких разведчиков-диверсантов. Заброска первых двух групп производилась из Минска в июне 1944 года: одна за 13, вторая за 20 дней до занятия города частями Красной армии. Третья одна выброшена позднее, в августе того же года, из Варшавы. Подготовкой и выброской диверсантов руководил начальник отдела I Ц⁷³³ Центрального фронта германского командования полковник генштаба Воргицкий. Непосредственное выполнение операции возлагалось на руководителя «Абверкоманды 203» майора (позже — подполковника) Георга Арнольда.

Из Справки ОКР «Смерш» ОРВО по делу агентурной станции «Десант» от 4 января 1945 года: «Хасанов-Гуфранов Галим Гуфранович, немецкая кличка “Отнашев”⁷³⁴, 1914 года рождения, уроженец гор. Уфа Башкирской АССР, по национальности татарин, происходит из крестьян, беспартийный, общее образование 7 классов и один курс кооперативного техникума, военного образования не имеет... ..В армию призван в 1939 г., служил старшиной 554-го горно-стрелкового полка 136-й СД, затем командиром взвода 554-го горно-стрелкового полка 13 СД, военное звание имел лейтенант, холост, не судим... ..В плен к немцам попал в марте 1942 года на берегу Черного моря в 11 км от гор. Судак, после оставления нашим десантом гор. Судак был окружен с группой бойцов и взят в плен. Содержался в лагерях военнопленных гг. Феодосия, Ст. Крым, Симферополь, Джанкой и г. Юкенвальд (в 120 км от гор. Берлина). Завербован германской разведкой в гор. Юкенвальд в апреле 1943 г. “пропагандистом” из числа русских военнопленных, после вербовки направлен на учебу подрывников сроком на две недели. В мае 1943 года переведен в гор. Сталино (Донбасс) в зондеркоманду фельдпост 5193, в июне вместе с командой прибыл в Варшаву, из Варшавы выезжал в гор. Берлин и через Румынию, Венгрию в Югославию для борьбы с югославскими партизанами. Вернувшись в 1943 г. из Югославии в Варшаву, откуда направлен в м. Курганы, в зондеркоманду фельдпост 09357, из состава которой выброшен в тыл СССР».

Задание группы состояло в следующем: создать в январе 1944 года в брянских лесах опорную базу для организации широкой диверсионной работы в тылу Красной армии на коммуникациях, расположенных в районе брянских лесов; взрывать железнодорожные пути, выводить из строя паровозный парк и подрывать воинские эшелоны, идущие на фронт; разрушать железнодорожные мосты, военные и другие объекты на железных дорогах; организовывать вооруженные

налеты на автотранспорт, важные военные и промышленные объекты в районе действия отряда; проводить вербовочную и пропагандистскую работу среди местного населения.

Во исполнение этого указания руководством «Абверкоманды 203» был составлен соответствующий план, согласно которому в брянских лесах намечалось выбросить 2–3 роты, т.е. 150–180 агентов-диверсантов, с последующим их пополнением до батальона. Группа должна была действовать под видом подразделения Красной армии, занимающегося вылавливанием дезертиров и бандитских групп.

Диверсанты имели соответствующую экипировку: оружие, обмундирование, различного рода инструменты для оборудования лагеря, продукты питания, две радиостанции батарейного питания, фиктивные документы военного образца со штампами и печатями 44, 443, 269-го стрелковых полков и воинской части полевая почта № 07744; 25 000 рублей советских денег, три ручных пулемета, 6 автоматов, 21 винтовку, большое количество взрывчатых веществ и различных предметов первой необходимости. Связь с германской военной разведкой должна была осуществляться при помощи двух портативных коротковолновых радиостанций.

Перед заброской в тыл Красной армии диверсанты прошли дополнительную подготовку по минно-взрывному делу, в том числе по применению малых магнитных мин, мин замедленного действия с часовым механизмом, противотанковых и противопехотных мин, обучались расчету зарядов для совершения диверсий на металлоконструкциях. Большое внимание при подготовке диверсантов уделялось их идеологической обработке в антисоветском духе, многие из парашютистов были членами Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП).

Из справки ОКР «Смерш» Орловского военного округа по делу агентурной станции «Десант» от 4 января 1945 года: «Все указанные выше агенты-парашютисты завербованы немецкой разведкой в сентябре–октябре 1944 года, окончившие в октябре–ноябре 1944 г. школу немецкой разведки, дислоцирующуюся в с. Раден, в 26 км восточнее гор. Леобшутц (Германия), действующую под названием “Вирдшафт шуле зюйд” (“Сельскохозяйственная школа юга”). Из показаний арестованных агентов видно, что все они по окончании разведшколы в с. Раден в начале ноября 1944 г. были направлены в гор. Краков в распоряжение немецкого разведоргана “Флорианс-202” для заброски в тыл СССР. Все участники выброшенной группы агентов, за исключением радиста “Герасименко”, являются членами белогвардейской и антисоветской организации “Национально-трудовой союз” и перед заброской в тыл Красной армии приняли присягу этому союзу».

До заброски в тыл советских войск командиры групп Хасанов и Курбонов имели чин «обер-лейтенант германской армии», неоднократно выполняли задания диверсионного характера от германской разведки, участвовали в террористических акциях против партизан. Для того чтобы лучше представить себе, какой противник противостоял советским контрразведчикам, приведем выдержки из показаний командиров групп диверсантов — обер-лейтенантов немецкой армии Галима Хасанова и Чары Курбонова, награжденных немецким командованием за прошлые «подвиги» немецкой медалью «За храбрость» 2-й степени.

Захваченные агенты на допросах охотно поделились со следователями Смерша данными о формах и методах германской военной разведки. На первом допросе 4 июля 1944 года Галим Хасанов рассказал о своей службе в германской разведке:

«*Вопрос:* По заданию немецкой разведки вы в тыл Красной армии перебрасываетесь впервые? *Ответ:* Нет. В феврале и марте месяцах 1944 г. я дважды перебрасывался через линию фронта на территорию частей Красной армии с заданиями по сбору сведений шпионского характера о частях Красной армии в пользу немецкой разведки. Первый раз я перебрасывался на сторону частей Красной армии с группой в составе 4-х человек, двух немцев, б[ывших] советских подданных, и одного б[ывшего] военнопленного — Курбонова Чары. В эту ходку мы пробыли на стороне Красной армии 3 дня, после чего возвратились через линию фронта обратно к немцам. Второй раз я перебрасывался таким же порядком в тыл Красной армии с заданием по ближней разведке о дислокации советских войск и пробыл на территории Красной армии 6 дней. Ходил в составе этой же группы лиц. Обе ходки в красноармейской форме. За успешное выполнение заданий немецкой разведки по возвращении к немцам я был награжден немцами двумя серебряными медалями. Записано с моих слов верно, мне прочитано, в чем и расписываюсь. Хасанов».

Следующий допрос Хасанова состоялся в тот же день. На нем разведчик-диверсант рассказал о своем задании и ближайших планах германской разведки:

«*Вопрос:* Кто намечается и подготавливается немецкой разведкой к переброске в тыл Красной армии? *Ответ:* Мне известно, что в тыл Красной армии немецкой разведкой подготавливается группа немецких агентов в количестве 100 человек, под руководством капитана немецкой армии Каратовского Федора. Кроме того, зондеркомандой в дер. Курганы готовился к переброске в тыл Красной армии группа обер-лейтенанта немецкой армии Чигросова в количестве 58 человек.

Вопрос: Что должны были делать в тылу Красной армии группы Каратовского и Чигросова? *Ответ:* Обе группы Каратовского и Чигросова после переброски в тыл Красной армии должны были заниматься диверсионной работой в тылу Красной армии. Для обеспечения их деятельности мне было указано — подготовить и оборудовать лагерь для приема обеих групп. На базе группы Каратовского должен был организоваться батальон. Моя группа и Чигросова считались как роты. Каратовский в каждом отдельном случае должен был давать мне и Чигросову конкретные задания по диверсионной работе. Мы были обязаны выполнять его распоряжения, т.к. наши роты должны были входить в состав его батальона.

Вопрос: Что вы знаете о Каратовском и Чигросове? *Ответ:* Каратовский Федор, 1918 г. рождения, уроженец Сибири. <...> В Красной армии служил в звании капитана и являлся штабным работником. Должен был перебрасываться в тыл Красной армии впервые. Выполнял задание немцев в партизанском тылу. Награжден немцами двумя серебряными и одной бронзовой медалями. Выше среднего роста, толстый, здоровый, лицо рябое, волосы русые. Чигросов, имя его не знаю, 1916 г. рождения. Место его рождения не знаю. Есть ли у него родственники, мне неизвестно. В Красной армии он служил. Как попал к немцам — не знаю. Приметы: ниже среднего роста, худощавый, волосы черные...»

Кроме того, Хасанов «отметился» участием в террористических акциях, проводимых диверсантами абвера в тылу Красной армии. На допросе 3 августа 1945 года Хасанов в деталях рассказал об «акции» абвера в Краснодаре перед приходом туда советских войск: «В первых числах февраля 1943 г. Кетлер⁷³⁵ набрал в зондеркоманду более 70 человек, которых вооружил винтовками, автоматами и пулеметами.

Примерно 8-го февраля 1943 г. мы все строем, вооруженные, пошли под его командованием в Краснодар. Часов в 10 вечера мы достигли окраин Краснодара, где остановились в одном доме, в это время последние немецкие части уже уходили из Краснодара. Прождав часа полтора на окраине, мы строем пошли в центр города. Кетлер шел впереди в форме капитана Красной армии <...> Я, Кетлер и Анохин Саша вошли в дом, а других участников Кетлер и я послали обходить дома и призывать советских граждан преследовать отступавшие немецкие войска.

Немецкие агенты Чары Курбонов и Галим Хасанов (справа) в штатской одежде с медалями «За храбрость» для восточных народов

Многие советские патриоты приходили к нам и радовались тому, что мы заняли город, не подозревая в нас предателей. Жители с ненавистью говорили о немцах, многие из них заявляли нам, что они являются коммунистами, комсомольцами и партизанами. Путем бесед я, а также Кетлер, выявили примерно 12 или 13 советских патриотов и часа в 2 ночи 12 февраля мы их вывели из города. Советским гражданам мы говорили, что за городом снабдим вас обмундированием, оружием и будем преследовать немцев. Отойдя километров 5 от Краснодара, мы решили отдохнуть в одном совхозе, находящемся около шоссе...

Через некоторое время двое участников зондеркоманды (фамилии не знаю) пришли к нам и доложили Кетлеру, что в одном доме находится спящий немецкий солдат. Кетлер и я приказали им немедленно привести этого солдата. Минут через 15 к нам в дом привели немецкого солдата двое подростков в возрасте 15–16 лет и с ними двое участников зондеркоманды. Солдата мы оставили у себя, а у мальчиков я спросил, желают ли они бить немцев. Мальчики с гордостью ответили, что они готовы преследовать немцев вместе с нами, а поэтому я и Вольдемар Кетлер отправили их в комнату, где находились советские граждане, подлежащие расстрелу. Кроме этих двух подростков к нам еще привели 7 или 8 мужчин совхоза, которых Кетлер посадил в комнату к остальным советским патриотам, выявленным нами в Краснодаре <...> Отойдя километра 2 от совхоза, Кетлер около кирпичного дома остановил советских граждан, выстроил в шеренгу и приказал пулеметчикам и другим участникам зондеркоманды стрелять по советским гражданам».

О задании, полученном от германской военной разведки, Хасанов рассказал на допросе 14 августа 1944 года:

«Вопрос: <...> Следствию известно, что вы были оставлены в Краснодаре для выявления и уничтожения советских активистов. Ответ: Видя то, что скрыть от следствия о деятельности меня в городе Краснодаре не представляется возможным, я решил теперь рассказать правду о своем преступлении, которое я совершил в городе Краснодаре при следующих обстоятельствах. Для того чтобы выявить среди населения города Краснодара красных партизан, коммунистов, комсомоль-

цев и советских активистов, наша зондеркоманда в количестве 73 человек, по заданию Арнольда, была оставлена в городе, где по указанию Вольдемара, меня и Саши участники нашей зондеркоманды, владеющие русским языком, обходили дома и призывали жителей Краснодара вооружаться и преследовать отступающие немецкие войска. Всех, изъявивших желание бороться, направляли к нам в комендатуру, откуда мы их направляли за город, где советские патриоты расстреливались <...> Путем такой провокации нам удалось собрать более 30 человек мужчин, которых мы отвели [за] 7 км от Краснодара и там всех расстреляли. Эта провокация была совершена очень удачно, нас в городе никто не разоблачил, и даже был такой случай, что трое партизан привели к нам пленного немца, за что этих трех партизан расстреляли».

Рассказ Хасанова подтвердил и его напарник. Приведем фрагмент из протокола агента германской военной разведки Чары Курбонова: «*Вопрос:* Какая задача была поставлена перед всей вышеуказанной вами группой? *Ответ:* 12 февраля 1943 г. немцы отступали из Краснодара, а Вольдемар (шеф зондеркоманды — фельд-пост № 09358-с, унтер-офицер Вольдемар Кетлер), по полученному им заданию, должен был с группой в 77 человек нашей зондеркоманды, под видом передовой части Красной армии, следовать за отступающими частями и собирать партизан, которых впоследствии привести к немцам. Это задание Вольдемар получил от майора Арнольда. Когда немцы отступили из Краснодара, к нашей группе стали присоединяться партизаны по 2–3 человека, все эти партизаны направлялись к Вольдемару, который, под видом командира передовой разведывательной части Красной армии, приказывал им остаться в своем отряде и следовать с ним.

Вопрос: Сколько, таким образом, вы забрали партизан? *Ответ:* Вся наша группа, постепенно продвигаясь за отступающими частями немецких войск, собрала около 35–40 человек партизан...

Вопрос: Вы участвовали в расстреле обманутых партизан? *Ответ:* Я в расстреле этих партизан не участвовал...»

Из показаний ясно видно, что диверсанты пользовались большим доверием немцев. Костяк групп состоял из агентов, доказавших свою преданность рейху в рейдах по тылам Красной армии и боях с партизанами, поэтому они намеревались любой ценой выполнить задание германской разведки. После приземления парашютисты установили связь с центром и в течение четырех дней передавали сообщения о своем благополучном приземлении и успешной работе по разбивке лагеря.

Из справки начальника отдела контрразведки «Смерш» Орловского военного округа на Г. Хасанова и Ч. Курбонова: «В январе 1943 года Хасанов и Курбонов вместе с зондеркомандой переехали в город Краснодар, где при отступлении немецких войск из Краснодара они вместе с 73-я предателями, переодетыми в красноармейскую форму, остались в Краснодаре по заданию немцев для выявления и истребления советского актива... Путем такой провокации им удалось выявить около ста человек советских патриотов, которых они вывели за город и расстреляли. За выполнение этого задания Хасанов и Курбнов были награждены второй серебряной медалью “За храбрость”. После выполнения задания немецкой разведки по истреблению советских граждан города Краснодара Курбонов и Хасанов были вызваны Арнольдом в город Варшаву, откуда их направили в Югославию для борьбы с партизанским движением <...> Среди диверсантов школы Хасанов имел свою агентуру,

Антисоветская литература, которой была снабжена разведывательно-диверсионная группа, в том числе Манифест Комитета освобождения народов России

через посредничество которой выявил более 30 человек, намеревавшихся явиться с повинной в советские органы. Им лично был вскрыт заговор во главе с командиром взвода лейтенантом Наумовым перейти на сторону партизан, за что Наумов был расстрелян, а остальные лица были заключены в штрафной лагерь».

Однако и «смершевцы» не даром ели свой хлеб, и через четыре дня диверсанты были обнаружены и разгромлены. Подробности этой операции изложены в записке по ВЧ начальника отдела контрразведки «Смерш» ОРВО генерал-майора П.П. Попова⁷³⁶ заместителю начальника ГУКР «Смерш» Н.Н. Селивановскому⁷³⁷ от 11 июля 1944 года:

«Докладываю, что в ночь на 23 июня с. г. в районе деревни Пашенька Навлинского района была немцами выброшена группа парашютистов в количестве 18 человек, возглавляемая Хасановым. <...> 30 июня нами группа парашютистов была обнаружена, которая оказала при их задержании вооруженное сопротивление. Из группы Хасанова удалось скрыться 4 парашютистам, все остальные 14, во главе с руководителем группы парашютистом-диверсантом Хасановым и радистом Бедретдиновым, были арестованы.

Из допросов арестованных агентов-парашютистов и изъятых у Хасанова документов было установлено, что в ночь на 29 июня группе Хасанова должна быть сброшена группа парашютистов, возглавляемая Курбоновым и радистом «Ромовым» в количестве 17 человек и немного позднее должна быть сброшена группа парашютистов в количестве 18 человек, возглавляемая Павловым, в подтверждение чего нами при обыске Хасанова изъят список на 57 человек, именуемый списком «команда военнослужащих 44-го запасного стрелкового полка, прикомандированных временно к 269-му стр[елковому] полку внутренних войск НКВД для участия в действиях по борьбе с бандами дезертиров и власовских бандитов», где значились Курбонов и Павлов. 1 июля я был ориентирован, что в Почепское РО НКВД Орловской области явился с повинной радист «Ромов», заявивший о выброске в ночь на 29 июня группы парашютистов в количестве 16 человек, возглавляемых Курбоновым.

Выполняя указания начальника ГУКР “Смерш” товарища Абакумова по розыску агентуры противника и парашютистов от 9 сентября 1943 года... для организации розыска второй группы Курбонова... я сразу лично вылетел на самолете из Навля в Почеп, где, установив, что территориальные органы располагают недостаточными силами для ликвидации группы сброшенных парашютистов, принял решение об организации активного розыска и задержания парашютистов, для чего из Брянского, самого ближайшего органа “Смерш” к Почепу, организовал оперативную группу работников, во главе с моим заместителем, гвардии подполковником тов. Будкиным, с придачей ему проверенных офицеров, сержантского и рядового состава в количестве 230 человек, вооружил соответствующим оружием на случай вооруженного сопротивления <...>

По обнаруженному следу 5 июля моим заместителем подполковником Будкиным было организовано активное преследование... Когда была обнаружена группа парашютистов, тов. Будкиным была подана команда окружить эту группу командой, имевшейся в его распоряжении, офицеров, бойцов и работников “Смерш”... Когда окружение группы парашютистов было закончено, тов. Будкиным была подана команда — “Вперед!” и, увидев группу парашютистов, скомандовал: “Руки вверх! От оружия!” Захваченные врасплох парашютисты растерялись и, подняв руки вверх, отойдя от оружия, кричали: “Мы свои, не стреляйте!” 6 июля, в связи с тем, что Главным управлением “Смерш” было санкционировано мне проведение оперативных мероприятий по радиоточке, для облегчения легендирования, а также ведения следствия и проверки целого ряда обстоятельств, группа парашютистов, во главе с Хасановым, с 10 задержанными тов. Будкиным, в общем количестве 20 чел., была направлена самолетом в ОКР “Смерш” ОРВО*.

В ходе операции в плен попали большинство немецких агентов, в том числе командир группы Г. Хасанов и, что самое ценное — радисты М. Бедретдинов и Б. Васильев. Эти обстоятельства послужили веским основанием для советских контрразведчиков для принятия решения к началу радиоигры с абвером.

Радист первой группы (Г. Хасанова) — «Сабиров» дал показания о том, как сообщить в центр информацию на случай, если группа будет захвачена советской контрразведкой и работает под ее контролем: «Буквы “Х.Г.” означали инициалы фамилии и имени руководителя группы “Хасанова Галима”. Кроме того, имелась условность, что если в конце радиограммы буквы “Х.Г.” написаны, — значит, я работаю самостоятельно и все в порядке. Об условности мне впервые сказал сам Хасанов уже после приземления в брянских лесах при составлении первой радиограммы для центра. Мне лично в немецкой разведке перед переброской в тыл Красной армии была также дана условность — буква “С”, которую я должен проставлять или в конце одной из неполных групп радиограммы, или поставить “С” после тчк в конце радиограммы, повторив ее дважды в новой группе. Буква “С” означает, что я работаю самостоятельно. Если я работаю под диктовку, то в конце радиограммы вместо буквы “С” — поместите любую группу. Хасанов мне сказал, что если будем работать самостоятельно, ставим в конце радиограммы две буквы — “Х.Г.”, если под диктовку нужно тоже в конце радиограммы “Х.В.” или вместо “В” — другую букву...»

Радист другой группы Ч. Курбонова — «Ромов» рассказал о методике шифровки и дешифровки радиограмм:

* На первом листе документа красным карандашом размашистым почерком резолюция: «Должено т. Берия. Абакумов. 12/VII [19]44».

«*Вопрос:* Расскажите о кодах, шифрах и позывных, врученных вам немцами для работы по связи с разведывательным центром. *Ответ:* Основной передаточный текст радиogramмы в зашифрованном виде мне дан цифровой, составляемый мною по ключу, состоящему из фразы: “Выплывают расписные Стеньки Разина челны”. Для зашифрования и расшифрования радиogramм служит специальная бумага в клеточку по горизонтали и вертикали. На первой строчке листа клетчатой бумаги размещаются строчки слова ключа полностью — они занимают по вертикали 31 клетку. Во второй строчке слова ключа повторяются с первой клетки и далее через одну клетку до 31-й клетки включительно. Таким образом размещаем 16 знаков, оставшиеся 15 знаков начинаем размещать на этой же строчке также через одну клетку, но с той клетки по счету, в которой месяц будем работать, указывая тем самым цифрой название месяца. На третьей строчке пишутся цифры под буквами, начиная с буквы “А”. Таким образом, зашифровываются буквы цифрами — в порядке алфавита».

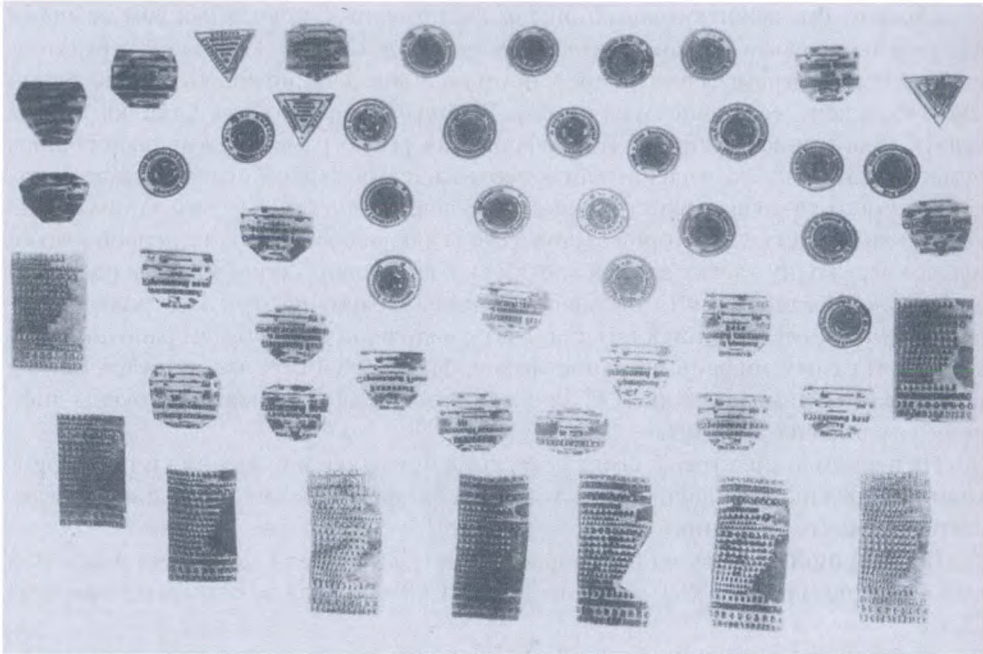
На первом этапе игры, в целях ускорения присылки пополнения и груза, противнику послано сообщение об истощении батарей питания для рации и недостатке продуктов питания.

В докладной записке на имя наркома внутренних дел СССР, речь о которой шла выше, начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР сообщал в Госкомитет обороны СССР:

«В целях пресечения подрывной деятельности разведки противника на территории Орловской области и своевременного перехвата подготовленной на связь Хасанову агентуры с последующей ее ликвидацией, Главным управлением контрразведки “Смерш” радист группы Хасанова после предварительной следственной разработки включен в радиоигру. В развитие ранее переданных противнику группой Хасанова радиogramм, 7 июля с. г. мы сообщили: “Находимся четыре-Б, ждем остальных квадрат 75 и продукты, особенно хлеба. Привет всем ХГС”. В ответ на эту радиogramму противник радировал: “Группа Павлова и нужные вещи следуют в ближайшие дни. День высылки будет своевременно сообщен”. Таким образом, устанавливается, что в радиоигру мы включились удачно и намеченная противником к переброске группа Павлова будет своевременно перехвачена и ликвидирована. <...> Мероприятия по перехвату и ликвидации этой группы германских агентов будут проведены совместно с Управлениями НКВД и НКГБ по Орловской области. Абакумов».

На присылку помощи противник согласился, и в ночь на 21 июля 1944 года с самолета на парашютах было сброшено 16 сумок с продуктами питания. Однако по вине летчиков груз был сброшен не в обусловленном районе. По этому вопросу противнику 23 июля было передано: «Самолета над нами не было. Мы слышали гул самолета в 20 км юго-западнее и 30 км северо-западнее нас. Дело очень плохо. Надо летчиков предупредить, что если они блудят и не видят сигнальных костров, то лучше пусть не бросают. Володя, срочно дай нам ответ, имелись ли в сумках документы о нашем лагере, не опасно ли нам оставаться на старом месте, где сброшены сумки и где их искать. ХГС».

В ответной радиogramме центр дал указание диверсантам оставаться на старом месте, указав, что в сброшенном грузе никаких документов не было, и, кроме того, сообщил, что груз необходимо искать в квадрате 75, в радиусе 20–30 км от обусловленного места сброски. В 01.20 27 июля в обусловленном месте действитель-

Комплект печатей и штампов для изготовления фиктивных документов, которыми была снабжена разведывательно-диверсионная группа противника

но появился немецкий самолет, с которого на четырех парашютах были сброшены для отряда продукты питания на 10 дней.

После сообщения немцам по радиции о получении груза сразу же было начато легендирование широких возможностей отряда по созданию в Навлянском районе надежной опорной базы с последующей организацией активной подрывной деятельности на территории Брянской области и граничащих с ней областей.

Для использования этих возможностей от противника было затребовано пополнение людьми и снабжение. В ответ противник 5 августа радировал: «Ваши радиограммы получили. К отправке для вас приготавливаем в данное время много питания, оружия, боеприпасов, обмундирования. Кроме этого отправим еще группу в количестве 17 человек. Ожидайте примерно через неделю несколько полетов больших самолетов».

Однако прежде чем произвести сброску обещанного пополнения и снабжения материальными средствами, противник попытался проверить станцию, передав 28 августа в адрес Хасанова следующую радиограмму: «Мы были у вас в последнюю ночь. Сброска не последовала из-за различных подозрений, которые мы видели. Дайте какой-либо пароль из вашей работы два года назад. Привет всем».

В связи с получением этой радиограммы Хасанов в тот же день подвергнут тщательному допросу. Совместно с Хасановым «смершевцы» составили и в очередной сеанс связи 29 августа передали противнику следующий ответ: «Володя, вы знаете, что я с вами не первый день работаю. Сейчас получается, что я вроде из доверия вышел. Самолета в последнюю ночь не было. Если летчики где-то блудили и что-то подозрительное видели, то нас это не касается. Нам обидно, что вы о нас так думаете.

Вы спрашиваете пароль. Тогда нашим паролем были слова, написанные на желтой повязке, которую я носил на левой руке: Дойче Вермахт. Привет ХГС».

Подпись «ХГС» содержала не только инициалы старшего группы. Этим условным сокращением должен был подписывать радиogramмы радист отряда Хасанова. Первые две буквы «ХГ» — это инициалы старшего группы («Хасанов Галим»), а литера «С» — заглавная буква псевдонима радиста М. Бедретдинова — «Сабиров». Такая подпись под радиogramмой являлась убедительным свидетельством для немецкой разведки, что группа работает самостоятельно, а не под контролем советской спецслужбы. Поэтому когда радиogramма с подписью «ХГС» была получена, то она рассеяла все подозрения немцев и еще больше закрепила авторитет Хасанова. Сразу же после передачи от противника 2 сентября последовало указание выйти в обусловленное место и ждать прибытия самолета с пополнением и грузом, а при появлении самолета дать опознавательные знаки.

Уже на следующий день, 3 сентября, в обусловленном районе были сброшены 15 агентов-диверсантов и 38 тюков груза. Все парашютисты были задержаны, из них трое убиты. В их числе: командир группы Павлов Владимир (по данным ГУКР «Смерш», активный германский шпион, принимавший участие в боях с партизанами и расстрелах партийно-советского актива на оккупированной территории), Зеленин (он же — Оленин) Анатолий — специалист по заполнению фиктивных документов и Панков (он же — Титов) Александр — «писарь». Эта группа прошла специальную подготовку по подрывному делу при разведкоманде «Вальдек», действовавшей на центральном участке фронта, их подготовкой занимались капитаны РОА Коротовский и Цимай. Последние лично знали Хасанова и намеревались в ближайшее время прибыть к нему с большим пополнением (до 160 человек) для развертывания активной подрывной деятельности в советском тылу. Работа группы Хасанова немцами афишировалась как «борьба за свободную Россию» под видом «активного партизанского движения в тылу Красной армии». С этой целью группа Хасанова именовалась немцами как «4-й партизанский отряд».

В сброшенном грузе (общий вес около 6 тонн!) советских контрразведчиков ждал неплохой «улов». При вскрытии тюков и контейнеров из них был извлечен целый арсенал: один миномет, 10 ручных пулеметов, 19 автоматов, 73 винтовки и пистолета, 30 мин, 260 ручных гранат, 27 347 патронов к различным видам оружия, около 750 кг взрывчатых веществ различных типов и т.п. Предполагалось на обратном пути из засады, организованной не ближе 100 км от линии фронта, уничтожить с помощью ночных истребителей немецкий самолет «Ю-290». Санкцию на проведение в жизнь такого варианта дал генерал-лейтенант П.Я. Мешик. Однако вследствие неисправности радиостанции на месте выброски точно осуществить наведение по рации истребителей не удалось.

9 сентября начальник ОКР «Смерш» Орловского военного округа направил в ГУКР «Смерш» НКО СССР спецсообщение:

«В результате проводимых нами оперативных мероприятий по делу “Десант” немецкой разведкой в ночь на 4-е и вторично в ночь на 6-е сентября сего года на 4-моторном самолете из местечка Подембицы (38 км от г. Лицманштадт) в район д. Пашенки Навлинского района Брянской области была выброшена группа парашютистов-диверсантов в количестве 15 человек во главе с лейтенантом Павловым как пополнение ранее выброшенным группам Хасанова и Курбонова <...> Из документов и допроса агентов-диверсантов группы Павлова установлено, что не-

мецкая разведка восхищается работой ранее выброшенных и нами арестованных групп Хасанова и Курбонова, возлагая на них большие надежды в связи с проведением большой диверсионной и повстанческой работы в нашем глубоком тылу, считая эти 59 диверсантов лишь авангардом, который должен создать базу для последующих выбросок, к которым сейчас немецкая разведка усиленно готовится и подготавливает к выброске 160 человек диверсантов-парашютистов во главе с капитаном Цимаем и Коротовским. Этому авангарду диверсантов-парашютистов из 49 человек групп Хасанова, Курбонова и Павлова предложено совместными усилиями расширить лагерь, оборудовать землянки, запастись продуктами питания и готовить посадочную площадку, на которую возможно было бы кроме выбросок производить посадку самолетов, которые будут производить высадку диверсантов и доставку грузов, причем при инструктаже последней группы шеф-немец лейтенант Вольдемар Кетлер [сказал, что] прилетит сам лично с целью инструктажа и проверки всей деятельности диверсантов отряда Хасанова <...> Одновременно с выброской группы парашютистов-диверсантов был сброшен груз: в ночь на 4 сентября — 37 мест весом около 2800 кг и в ночь на 6 сентября — 75 мест весом более 3000 кг. Всего 112 мест весом около 6 тонн, в том числе одна радиостанция. Из 112 мест нами не найдено 23 места, к розыску которых приняты меры...»⁷³⁸

Из письма о военно-политическом положении Германии, направленного группе Хасанова германской разведкой: «Итак, на всех фронтах начались боевые действия решительного порядка. Гитлер в своей последней речи, обращенной к руководителям германского государства, заявил, что именно теперь, когда положение Германии кажется столь серьезным, он уверен в победе больше, чем когда-нибудь раньше. Немецкое командование, а с ним и вся немецкая армия, и страна спокойны, так как уверены в своих силах, в победе. <...> Поздравляем Вас и Ваших товарищей с удачно проводимой Вами работой, которая содействует нашей общей борьбе за будущее русского народа, за освобождение его от иудо-большевизма. Мы увидим еще нашу любимую Родину свободной, счастливой, богатой и великой, живущей в дружной семье народов новой Европы. Ваши друзья и боевые товарищи».

В связи с тем что старший группы пополнения Павлов при задержании был убит и устные указания немцев, возможно, полученные условности для нас остались неизвестными, во избежание возможного провала станции было принято решение Павлова вывести из игры под благовидным предлогом. В соответствии с этим планом в радиограмме от 23 сентября было указано, что Павлов с группой агентов в количестве 12 человек сразу же после прибытия отправился на выполнение задания. В последующем легендировалось, что Павлов, после удачно проведенных трех диверсий на железной дороге Брянск – Рославль – Кричев, пропал без вести. При этом сообщалось, что связь с лагерем Хасанова Павлов поддерживал через посыльных, которые информировали о результатах работы, а затем возвращались обратно, доставляя взрывчатку и указания по дальнейшей работе.

30 октября начальник ГУКР «Смерш» направил в ГКО СССР отчетную докладную записку «О результатах работы по использованию агентурных радиостанций, изъятых у арестованных агентов германской разведки» по состоянию на 25 октября 1944 года, в которой была упомянута и радиоигра «Десант»:

«Радиостанция “Десант” — станция *Навля**, *Московско-Киевской* железной дороги. Включена в радиоигру 7 июля 1944 года. По станции легендируется работа

* Выделенные в тексте курсивом слова вписаны от руки синими чернилами.

группы германских агентов в количестве 50 человек, одновременно выброшенных с самолета на парашютах в *брянские леса*. В игре используются агенты германской разведки *Хасанов* (старший группы) и *Бедретдинов*.

Группа *Хасанова* имела задание подготовить в брянских лесах лагерь для приема новых германских агентов и после прибытия их приступить к активной подрывной работе, привлекая для этой цели дезертиров и бывших немецких ставленников, якобы скрывающихся в брянских лесах.

После включения станции *Хасанова* в радиоигру, мы от его имени потребовали от немцев присылки пополнения. В ответ на это противник в июле с. г. дважды сбрасывал с самолета на парашютах для группы *Хасанова* продовольствие, а 2-го сентября группу *Павлова* в количестве 15 человек. Три агента из этой группы, в том числе и сам *Павлов*, были убиты во время задержания, в связи с оказанием ими активного вооруженного сопротивления.

4 сентября с. г. противник сбросил груз, общим весом около 6-ти тонн, в котором оказались: 1 миномет, 10 ручных пулеметов, 19 автоматов, 73 винтовки и пистолета, 30 мин, 260 ручных гранат, 27 347 штук патронов, около 750 кг взрывчатых веществ, бикфордов шнур, телефонная аппаратура, 200 комплектов зимнего обмундирования и большое количество продовольственных концентратов.

Кроме уже данных ранее заданий, перед группой *Хасанова* разведка противника поставила следующие задачи:

1. Взорвать в районе *Вигоничи* два однопутевых железнодорожных моста на линии Брянск – Гомель через реку Десну;

2. Использовать присланные взрывчатые вещества по подрыву железных дорог и воинских эшелонов на железнодорожных магистралях *Брянск – Гомель, Брянск – Льгов, Рославль – Кричев – Орша и Орша – Смоленск*;

3. Производить нападения на автомобильный и другой транспорт на грунтовых и шоссежных дорогах с целью захвата оружия, боеприпасов и продовольствия;

4. Послать в лесной массив южнее *Могилева* разведку для выяснения условий по организации там новой базы для диверсионной и повстанческой работы.

Арестованные участники группы *Павлова* показали, что отряд *Хасанова* пользуется у германской разведки доверием и на его практическую деятельность в тылу Советского Союза немцы возлагают большие надежды, заявляя, что он ведет «партизанскую борьбу против большевизма» в тылу Красной армии. В связи с этим отряд *Хасанова* немцы именуют «4-м партизанским отрядом».

Из показаний этих арестованных также устанавливается, что германская разведка в настоящее время проводит вербовку и обучение новых групп диверсантов, численностью до 160 человек, предназначенных для усиления отряда.

Противнику сообщено о благополучном прибытии группы *Павлова* и легендаруется «активная практическая деятельность» разведчиков, а также организация на территории *брянских лесов* «надежных опорных баз германской разведки» с целью создания условий для вызова и ареста новых групп агентов-диверсантов разведки противника <...> *Абакумов*».

В последующем, до декабря 1944 года, радиообмен с центром противника производился в основном по вопросу сброски обещанной помощи оружием, взрывчаткой и продуктами питания. Для подкрепления этой легенды о Павлове противнику по другой радиоигре — «Дезертиры», проводившейся в районе Гомеля, 8 февраля 1945 года была передана радиোগрамма о том, что в октябре 1944 года группа неизвестных,

состоявшая из 15 человек, совершила крупную диверсию на железной дороге Рославль – Брянск и напала на подорвавшийся воинский эшелон. В результате завязавшейся перестрелки с охраной эшелона группа была уничтожена.

В целях получения нового пополнения и снабжения противнику легендировалось наличие у отряда широких возможностей по проведению среди местного населения пропагандистской работы. Кроме того, была высказана возможность приобретения автомашины, якобы необходимой отряду для быстрой связи, передвижения и перевозки награбленного оружия и продуктов питания. Однако от противника никаких ответов по вопросу присылки шоферов и пропагандистов не поступало. Между тем 12 декабря 1944 года в 23.00 над районом действия отряда Хасанова появился четырехмоторный самолет, с которого было сброшено на парашютах 12 агентов-диверсантов и 7 тюков груза. Все диверсанты были задержаны.

Арестованные агенты прошли обучение в школе германской разведки, дислоцировавшейся в с. Раден (Германия), зашифрованной под названием «Сельскохозяйственная школа юга», и все, кроме одного, были членами антисоветской организации «Национально-трудовой союз нового поколения». Для выполнения задания группа снабжена немцами фиктивными документами военного образца, 2 млн советских денег, одним ручным пулеметом, 12 автоматами, 4 пистолетами, 8 револьверами системы «Наган», 20 гранатами, патронами, около 40 кг взрывчатки, походной типографией, ротатором и большим количеством антисоветской литературы, в том числе: а) программными документами и материалами (1. Устав Национально-трудового союза нового поколения; 2. Основные пункты программы «Национально-революционной трудовой партии»; 3. Манифест Комитета освобождения народов России»; 4. Схема «Национально-трудового строя»); б) брошюрами (5. «НТСНП: Курс национально-политической подготовки»; 6. «Краткий курс национально-политической подготовки»; 7. «На заре государственности»; 8. Песни «НТСНП»).

Однако после Победы Смерш вновь был вынужден вернуться к радиоигре «Десант». В ходе последних боев на территории Германии красноармейцы захватили начальника школы диверсантов при Абверкомандах 201, 203 и 204, официального сотрудника германской военной разведки Вольдемара Гетлера. В ходе следствия удалось выяснить новые подробности операции, которую планировала провести в брянских лесах германская военная разведка. Из протокола допроса арестованного В. Гетлера от 28 июля 1945 года: *Вопрос:* Расскажите подробно о деятельности группы Хасанова в тылу Красной армии. *Ответ:* Полностью осветить на этот вопрос я не могу, ибо последнее время многие радиogramмы Хасанова ко мне уже не попадали. Мне известно, что группа Хасанова осуществила три диверсионных акта на железной дороге в районе гор. Минска, произвела ограбление нескольких военных автомашин с продовольствием и снаряжением. Кроме того, провела разведку в Брянске, установила там два склада — горючего и продовольствия. Диверсию на складах не осуществила. <...>

Вопрос: Как оценивалась деятельность группы Хасанова в тылу Красной Армии руководством органа? *Ответ:* Группа Хасанова является самой большой группой из всех разведывательно-диверсионных групп, которые были выброшены органами абвера в тыл Красной армии. Начальник отдела «1-Ц» Центрального фронта полковник Воргицкий и нач[альник] «Абверкоманды 203» подполковник Арнольд работой группы Хасанова были вполне удовлетворены. О группе Хасанова подполковник Арнольд всегда говорил с восторгом. <...>

Вопрос: Разве со стороны «Абверкоманды» не было предпринято никаких мер по проверке сообщений Хасанова? *Ответ:* Проверка сообщений диверсионных радиорезидентур «Абверкомандой 203» не практиковалась из-за отсутствия самолетов. В отношении проверки сообщений Хасанова не было никакой необходимости, так как руководство «Абверкоманды 203» и отдела «1-Ц» Центрального фронта было всецело уверено в их правдивости».

Для немецкой военной разведки спецоперация Смерша так и осталась тайной. Успехами «Десанта» гордились и в Берлине, и в Москве. Из заключения начальника 3-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР подполковника В.Н. Пуминова⁷⁹ от 7 сентября 1946 года по радиоигре «Десант», утвержденного заместителем министра государственной безопасности СССР генерал-лейтенантом Н.Н. Селивановским:

«В результате проведения по станции указанной легенды было вызвано на нашу сторону и арестовано 27 агентов германской разведки (осуждены), у которых изъято 1 миллион рублей советских денег, две радиостанции и около 7 тонн оружия, взрывчатых веществ, обмундирования, продуктов питания и различных предметов первой необходимости. В связи с успешным наступлением Красной армии и отдаленностью линии фронта радиосвязь с центром противника в апреле 1945 г. была нарушена, а в мае вовсе прекращена ввиду капитуляции Германии».

«ЗА ДЕЛО ЛЕНИНА — ДОЛОЙ СТАЛИНА!», ИЛИ ДВУЛИКИЙ «ЯНУС»

Радиоигра «Янус» проводилась с 6 сентября 1944 по 15 апреля 1945 года. Управлением контрразведки «Смерш» Московского военного округа из гг. Москвы и Минска с санкции начальника ГУКР «Смерш» комиссара госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумова.

Работа радиостанции «Янус» легендировалась от имени группы диверсантов немецкой разведки (16 человек), во главе с Иваном Базалием (немецкий псевдоним Ярошенко). Вся группа выброшена с самолета ночью 1 сентября 1944 года на территории Семлевского района Смоленской области, которые после приземления добровольно явились с повинной в органы советской контрразведки. После этого случилось невероятное. Немецких парашютистов... отпустили.

Из рапорта о проведенной операции по задержанию группы немецких диверсантов-парашютистов начальника отдела контрразведки «Смерш» 3-й запасной стрелковой дивизии майора Маслова заместителю начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанту Мешику от 5 сентября 1944 года: «В ночь на 1 сентября 1944 г. в Семлевском районе Смоленской области, в 10 км от места дислокации 37 зсп* 3 зсд** с самолета «Фокке-Вульф 187» была выброшена группа парашютистов-диверсантов в количестве 16 человек. 1 сентября 1944 г. в 13-00 руководитель этой группы подполковник Базалий И.С. вместе со своим начальником штаба капитаном Епифановым явились к начальнику Семлевского РО НКГБ ст. лейтенанту Кухлину, которому сообщили о своем приземлении и просили его принять к ним соответствующие меры. Одновременно с этим, просили у него лошадь доехать обратно до места расположения отряда. Последний, пригласив к себе начальника Семлевского РО НКВД, посоветовавшись с ним, решения по этим лицам никакого

* Зсп — запасной стрелковый полк.

** Зсд — запасная стрелковая дивизия.

не приняли, лошадь им не дали, в результате чего указанные диверсанты, явившиеся с повинной, были вынуждены от них уйти обратно в свой отряд. Только лишь после этого нач[альник] РО НКГБ ст. лейтенант Кухлин сообщил о происшедшем начальнику ОКР «Смерш» 37 зсп капитану Литвинову. Последний по команде немедленно доложил мне. Прибыв с оперативной группой в Семлевский район и встретив там начальников Семлевского РО НКГБ и РО НКВД, я от них не получил никакой ясности, так как они, перепугавшись, находились вдалеке от места нахождения диверсантов и боялись сходить даже в деревню, где размещались указанные выше парашютисты. Видя такую неопределенность и неясность, я, как старший оперативный начальник в этом районе, принял руководство по осуществлению этой операции на себя. Взяв около 100 человек автоматчиков, оперативную группу работников ОКР «Смерш» 3 зсд в количестве 10 чел., сделав оцепление, произвел задержание и разоружение указанной группы, доставив их всех на автомашинах в расположение ОКР «Смерш» 37 зсп. На второй день, т.е. 2 сентября 1944 г., я, взяв 100 человек красноармейцев и офицеров, вместе с нач[альником] ОКР «Смерш» 37 зсп и начальниками Семлевского РО НКГБ и РО НКВД, руководил работой по розыску выброшенного имущества. В результате чего было найдено: а) ящик № 545 с гранатами и обмундированием руководителей этого отряда, б) чемодан с контрреволюц[ионными] листовками и разными документами этого отряда, в) шесть штук парашютов. О задержании парашютистов мною, немедленно, было телеграммой сообщено в ОКР «Смерш» БВО...»

Для проведения диверсионной работы в советском тылу группа имела солидную экипировку: 1) рацию с комплектом батарейного питания; 2) деньги в сумме 150 тыс. руб. совзнаками; 3) питание (сухой паек на 15 суток); 4) автоматами ППШ — 4 шт., винтовками СВТ — 11 шт., ручными пулеметами системы Дегтярева — 2 шт., ручными гранатами — 30 шт., противотанковыми минами — 30 шт., В[зрывчатыми] В[еществами] — около 20 кг тола.

Старший группы диверсантов И.С. Базалий, добровольно сдавшийся советским контрразведчикам, в прошлом — бывший подъясаул Белой армии, учитель средней школы. Вместе с отступающей немецкой армией в январе 1943 года эвакуировался из станции Эссентукская. В Польше, в г. Катовице, служил полицейским лагеря «Рабочие с Востока» при заводе «Бейльдон Гютте», где вступил в НТСНП. В декабре 1943 года был завербован немецкой разведкой и добровольно вступил в диверсионно-разведывательную группу, созданную руководством «НТСНП» для заброски в тыл Красной армии с заданием «Абверкоманды 103». Прошел диверсионно-разведывательную спецподготовку.

В задание группы Базалия, кроме диверсионно-разведывательной деятельности в тылу Красной армии, входила задача проведения антисоветской агитационно-пропагандистской работы среди населения. С этой целью отряду были приданы пять агитаторов, прошедших специальную подготовку в НТСНП.

Подрывную деятельность группы предполагалось развернуть на большой территории: Москва – Витебск – Смоленск – Тула. Для организации идеологических диверсий группа была снабжена паролями и явками для связи с антисоветскими группами в Москве. С этой целью в ее состав было включено 4 радиста (из 16 человек диверсантов).

Из протокола допроса старшего группы диверсантов И.С. Базалия от 13 сентября 1944 года: «Вопрос: Расскажите, какое задание вы и ваша группа получи-

Нач. Ин. Управления «Смерш» —
Комиссару безопасности Вранга
тов. Абакумову

Доклад

В результате проведенной Зондром ГУК-В «Смерш» радиоприем «Янус» — 20 декабря 42 противник выбро-
сил на обучаемые наши посты 42 агентов
(агентов) и 60 мешков груза (общий вес около 3 1/2 тонн)
с оружием, взрывчаткой, медикаментами, продовольствием и т.д.

Для переправки указанных агентов и груза в
Москву, а также для возвращения нашей оперативной
группы, — против нашего распоряжения АХО ГУК-В, Сыздан
направить в район действия группы (Александровский р-н
Калининской области) две грузовых автомашины
«Студебеккер». Машины будут сопровождать опер-
уточно известный Зондела капитан Макаши Д.В.

Одновременно следует целесообразно коман-
дировать туда же фотопласта, для заснятия
всего излучения и имущества на месте приземления.

Нач. Зондела ГУК-В «Смерш»
по-прежнему

В.Я. Барышников
В.С. Абакумову

22 декабря 1944 г.

47-97

Докладная записка от 22 декабря 1944 г.
начальника 3-го отдела ГУКР «Смерш» В.Я. Барышникова
начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумову
о выброске четырех агентов-парашютистов в ходе операции «Янус»

ли проводить в тылу Красной армии. *Ответ:* По линии немецкой разведки я, и в частности моя группа, получили следующее задание для проведения вражеской работы в тылу Красной армии.

1. Осуществление террористических актов против крупных партийных, военных работников, и в первую очередь против работников НКВД. Для осуществления этой цели немецкой разведки обещано мне дополнительно выслать определенные яды, бесшумные пистолеты, толченное стекло и другие средства.

2. Осуществление диверсионных актов, как то взрывы мостов, стратегически важных железных дорог, взрывы ж.-д. полотна в момент прохождения воинских эшелонов, водопроводных башен, электростанций, заводов оборонного значения, поджог колхозного имущества (хозяйства).

3. Вести антисоветскую агитацию среди колхозников, рабочих и красноармейцев. Антисоветскую агитацию вести в разрезе: среди колхозников о невыполнении хлебозаготовок государству и о роспуске колхозов, среди рабочих вести а/с агитацию в разрезе саботирования ими госплана. Среди красноармейцев своей а/с агитацией добиваться, чтобы последние отказывались воевать далее границ СССР 1939–[19]40 гг.

4. Вести шпионскую работу, интересоваться, прежде всего, политико-моральным состоянием военнослужащих, имеют ли стремление продвигаться вплоть до Берлина, какими резервами располагает Красная армия, дислокация воинских частей, наличие оборонных предприятий и их производительная мощность.

5. Дискредитация крупных партийных, советских, военных работников и работников НКВД. Для этой цели использовать метод посылки провокационных писем в их адреса. Антисоветскую агитацию рекомендовалось проводить путем личного общения с населением, из числа неблагонадежных практиковать вербовки. Практиковать метод распространения листовок а/с содержания через завербованных нами лиц в нашу среду, путем расклейки на витринах в общественных местах, путем якобы случайно забытых в этих местах. Упор на а/с агитацию рекомендовалось проводить в основном в населенных пунктах и городах со значительной плотностью населения. Для изготовления листовок нам была выдана специальная типография, приспособленная в специальной рубашке с отдельными карманами на каждую букву русского алфавита...»

Для ведения «психологической войны» диверсанты должны были действовать от имени «6-й партизанской бригады им. Ленина». Специально подготовленные руководители НТСНП и «Советской социалистической партией» (ССП) «пропагандисты» должны были разжигать антисоветские настроения, выявлять антисоветски настроенных лиц, создавать «лжепартизанские» отряды, организовывать террористические акты против ответственных партийных и советских работников.

Для выполнения спецзадания группа была снабжена походной типографией, большим количеством антисоветской литературы (листовками, газетами, журналами и пр.). Во главу угла идеологической работы группы были поставлены следующие лозунги: антивоенные — призывы населения к выступлению за прекращение войны с Германией и установление мира в границах Европы 1939 года, антибольшевистские — долой советскую власть и диктат большевиков («За дело Ленина — долой Сталина!»).

Из протокола допроса И.С. Базилия «смершевцы» также получили подробную информацию о националистических партиях и группировках, действовавших на

территории противника: «Политические партии, дислоцирующиеся на территории противника, имеются следующие:

1. «РОВС» — «Российский общевоинский союз» быв[ших] белых офицеров времен Гражданской войны. Организационное построение его таково: центр находится в Берлине (адрес прилагается на конверте). Возглавляется он генералом фон Лямпе⁷⁰, заместителем которого является генерал Глобачев. Филиалы этого союза имеются во всех областях, на которые делится Германия, и во всех странах Западной Европы, в которых дислоцировалась с 1920 г. белая эмиграция...

2. «РНСД» — «Российское национальное и социальное движение». Эта партия состояла из самой махровой контрреволюции, также имеет свой центр в Берлине и, так же как у РОВСа, филиалы на периферии. Начальником «РНСД» является Скалон и нач[альник] отд[ела] агитации и пропаганды — Мельский (он же — Меллер-Закомельский)... Эта политическая организация ставила своей целью перенесение на русскую почву и проведение в жизнь принципов и идей русского фашизма. Но это должно было быть только как переходная стадия, а окончательно на смену советскому строю, через диктатуру ведущего слоя русской нации в России должен быть установлен монархический образ правления...

3. «НТСНП» — «Национальный союз нового поколения» — самая мощная и самая жизнеспособная к[онтр]-р[еволюционная] организация. Дислоцировалась она в Белграде и объединяет русских эмигрантов среднего и молодого возраста, находящихся во всех странах Западной Европы, Америки, Англии и Азии (особенно сильна в Японии)... Возглавляет ее некто инж[енер] Байдалаков Виктор Михайлович⁷¹, якобы из донских казаков... Программа этой к[онтр]-р[еволюционной] эмигрантской партии сводится к тому, что она на 70–80% признает, как [взять все] полезное для будущей «новой национальной России» из того, что делала и построила соввласть и коммунистическая партия в СССР. Поэтому программными лозунгами ее является не огульное отрицание всего построенного в СССР, только потому, что она построена большевиками, а лишь отдельные, местами более, а местами менее решительные коррективы в нем...

4. Казачество. В российской белой эмиграции разделилось на две непримиримые половины. Первая — это «неделимовцы», т.е. мыслящие казачество как составную часть «будущей национальной России». Сюда входят все атаманы войск: донского, кубанского, терского и астраханского и войсковые правительства их. Эта составная часть все время нахождения в эмиграции ориентировалась на Англию, Францию и Америку. Этой же ориентации в тайниках своей «политической души» она держится и сейчас, когда совершенно неожиданно она очутилась в сфере досягаемости и влияния германского фашистского государства.

Этой части белой казачьей эмиграции, дислоцировавшейся преимущественно в Сербии и Болгарии, германское военное командование предложило организовать в отдельный казачий корпус с тем, чтобы идти вместе с немцами «освобождать» от большевиков свои казачьи края. Когда же это формирование было закончено, то этот корпус немцами был брошен как охранный корпус для борьбы с сербскими партизанами. На этих ролях, как говорится, обманчивым образом, казачий корпус используется в Сербии и по настоящее время.

Вторая половина казачьей эмиграции, под руководством своих новых вождей — «самостийников», росших на средства быв[шей] польской разведки (под руководством быв[шего] члена Кубанской краевой рады Игната Билого), после

крушения Польской Республики, перешли на иждивение и услужение фашистской Германии. Идеологи этой части белой каз[ачьей] эмиграции выдвинули совершенно новую теорию, по которой, по их мнению, должна пойти дальнейшая судьба казачества.

По этой теории выходит, что казаки — это не русские люди, которые на протяжении многих столетий при правительствах любых социальных строев от царского до коммунист-советского — «угнетались». Что у казаков есть все данные, чтобы избавиться от своих «угнетателей» (в данном случае от советской власти), что это возможно при создании самостоятельного казачьего государства под названием «Казакция», что для этого, в связи с разразившейся войной между Германией и СССР, настал самый подходящий момент. Германия эти чаяния казаков-самостийников использовала в своих интересах. Она, в принципе, гарантировала построение казачьего государства («Казакция») под покровительством Германии, а пока что предложила казакам-самостийникам мобилизовать все казачьи ресурсы пригодной для войны живой силы, которые и были брошены в братоубийственную войну с теми, кто защищает Родину — СССР от внешнего врага — фашистской Германии.

Эта часть казачьей эмиграции, которая распространяла свое влияние и на район Дона, Кубани и Терека, когда они оккупировались немцами, имеет за границей — в Праге — свой центр, именуемый «Казачьим национальным движением» (сокращенно — КНД) с руководителем его во главе. Печатным органом его является «Казачий вестник»...»

Руководство ГУКР «Смерш», исходя из оперативного интереса, который представляли антисоветские связи диверсантов в Германии с НТСНП и ССП, 5 сентября 1944 года приняло решение провести радиоигру с противником. Для работы было решено привлечь старшего группы Ивана Базалия (немецкий агент «Николаев»), старшего радиста группы Георгия Полякова и радиста Николая Крылова.

Любопытную информацию о некоторых пунктах политической программы РОА и ССП получили «смершевцы» из рассказа И.С. Базалия о его беседах с «профессорами», являвшимися «мозгом» политической части штаба генерала А. Власова: «Мы не кровожадны и не мстительны, мы даже не иудефобы. Мы ведем и будем вести борьбу против Сталина настоящими, по-демократически выражаясь, парламентскими методами. Мы агитируем за удаление его от власти, что, как правило, практикуется, например, в Англии и Америке. И уйди Сталин от власти сам, мы бы требовали и не допустили бы даже его казни; особенно сейчас, когда так или иначе, но в организации разгрома фашистской Германии он сыграл огромное значение. Но мы пойдем на террор против него как на неизбежное зло, так как хорошо знаем, что он добровольно не откажется от власти. То же в отношении еврейства. Мы не любим евреев! Да кто, вообще, любит эту подлую нацию в мире? Но мы отнюдь не одобряем каннибальски-зверскую, варварскую расправу с евреями со стороны идеологов «нового порядка» в Европе, со стороны фашистов Германии и их вождя Гитлера-кровавого!

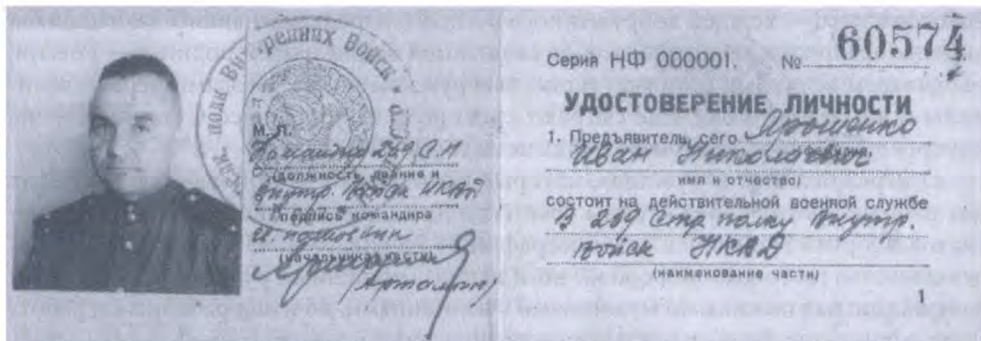
Мы, придя к власти, отведем им определенный район, пусть даже Биробиджан, этот богатейший кусок нашей Родины, и пусть они там живут и работают. Но мы удалим, и бесповоротно, всех этих кагановичей с их бесконечным еврейским кагалом от безраздельной их власти над великим русским народом. Если это им неужгодно, пусть уезжают от нас в Палестину или еще куда угодно!... Жукова и

Рокоссовского — вождей вооруженного русского народа, изгнавших зазнавшихся немецко-фашистских оккупантов со священной земли нашей родины — России, мы считаем великими гениями, гордостью русской земли, звездами первой величины и думаем, что они еще сыграют свою роль и в борьбе со Сталиным — на внутреннем фронте, который отнюдь не за горами!»

О переживаниях и чувствах, которые испытывали завербованные в лагерях для работы против своей страны советские люди, рассказывал один из парашютистов, Георгий Поляков, в автобиографии от 26 января 1945 года: «Видя все издевательства не только над собой, но и над всеми нашими русскими юношами и девушками, над пожилыми мужчинами и женщинами, но и над рабочими и работницами других национальностей, я настолько проник ненавистью к этому подлому нацистскому “новому порядку в Европе”, что не мог уже сдерживать себя в разговоре с немецкими мастерами и настолько дерзко вел себя, что и сейчас удивляюсь, как я избежал концлагеря или еще чего другого похуже. Лучше всякого самого лучшего агитационного материала и лучшей, самой насыщенной фактами пропагандистской речи я знаю этого озверелого, человеконенавидящего фашистского зверя. Поэтому, не летая ни разу на самолете, а о парашютном прыжке даже думать не смея, невзирая на все, как может принять меня моя страна, — я без колебаний согласился на предложение, лишь бы вырваться из этого гадючьего змеятника. 7 декабря 1943 г., выехав из Катовиц, в середине декабря мы прибыли в Минск, в школу. Я не знал, что школа, в которой мы занимались, принадлежала к одному из отделов германской контрразведки... Сам организатор группы Волков явно враждебно относился к немцам, за что в июне был арестован за антинемецкое выступление в пьяном виде на улицах Минска перед собравшейся толпой народа с демонстрацией значка “ОСТ” и рассказами о жизни русских рабочих за границей в Германии... Я лично смотрел на группу как на средство возврата на Родину... В ночь с 30 на 1 сентября мы, большинство боявшихся лететь на самолете, без малейшей капли страха, бросались навстречу Родной Земле. Утром, собравшись все вместе, мы единодушно поручили нашему руководителю — Ивану Спиридоновичу Ярошенко явиться к советским властям с заявлением о благополучном приземлении. Что им было выполнено, и вечером того же дня мы уже были среди своих».

7 ноября 1944 года Базалий написал рапорт начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР, в котором сообщил: «Желая принять активнейшее участие в ускорении разгрома фашистской Германии, что отчасти уже доказал проделанной мною известной Вам работой, настоящим прошу Вас считать меня мобилизованным и работающим, вплоть до окончания происходящей Отечественной войны, — по линии вверенного Вам Управления к[онтр]-р[азведки] “Смерш”. С полной ответственностью за свои слова заявляю, что именем и счастьем единственного любимого сына своего клянусь, что буду честно служить Родине, выполняя получаемые от к[онтр]-р[азведки] “Смерш” задания, не жалея ни сил, ни здоровья, ни даже своей жизни».

В ходе радиоигры предполагалось осуществление следующих мероприятий: 1) вызов на нашу сторону квалифицированной агентуры противника; 2) перехват каналов связи германской разведки и антисоветских организаций, находящихся в Германии, и их агентуры, действующей в советском тылу; 3) внедрение советских агентов в антисоветские формирования, действующие в Германии, и разведыва-

Фиктивное удостоверение личности, изготовленное германской военной разведкой на имя Ивана Николаевича Ярошенко, лейтенанта 269-го стрелкового полка внутренних войск НКВД СССР

тельные структуры рейха. Для проведения радиоигры советские контрразведчики воспользовались тем, что выброска диверсантов была осуществлена противником двумя партиями и парашютистов сильно разбросало при приземлении. Это обстоятельство было использовано при легендировании начала игры.

9 и 10 сентября противнику было сообщено о том, что при высадке группа потеряла половину своего состава (8 человек) и весь груз, в связи с чем необходима срочная помощь: «В 12-00 выходили в эфир. Состоялась двухсторонняя связь с центром. Передали радиogramму № 1 [в] 99 групп: Выброшены примерно [в] 40 км от Вязьмы на территории Семлевского района. Люди и грузы сброшены не по плану. Растеряно все. Со мной осталось 8 человек, радиостанция и у людей личный груз. В условленные места не иду, остановился в лесах Оленинского района. Подробности дополнительно. Жду указаний. Ярошенко».

Продолжая придерживаться выбранной легенды о тяжелых условиях, в которых оказалась группа, противнику 18 сентября передали радиogramму: «Меня с уцелевшими людьми поражает ваше длительное молчание. Продукты вышли, снаряжения и боеприпасов нет. Прошу обеспечить всем необходимым и картами. Работать здесь можно, кое-что делаем. Ярошенко».

Противник согласился доставить необходимый груз, но его выброска задержалась до конца декабря. 24 сентября от центра была принята радиogramма: «Сообщите немедленно, что вы по ночам, начиная с 25 сентября, при приближении самолета будете жечь костры в форме треугольника и махать в середине факелом между 24 и 02 часов 00 минут московского времени в указанном районе. Мы прилетим в зависимости от погоды с грузом. Без подтверждения о том, что вы поняли, не прилетим. Привет».

Для поддержания морального духа диверсантов противник обещал помощь людьми, сообщил о присвоении Базилию-Ярошенко «за стойкость и мужество» звания «капитана РОА»: «31 октября. Принял две радиogramмы: 1) Ярошенко присвоено звание капитана. Поздравляем. Высадим пять новых ребят, надежные и деловые. Все вам [в] подчинении согласны. Пароль для новых ребят дождь, дождь, а для вас снег, снег. Ребята имеют с собой лист с перечню мест груза и письма Ярошенко. 2) Вчера здесь была плохая погода. Будьте с три один октября уже с два один по два четыре часов наготове».

В ответной радиোগрамме 1 ноября центру радиовали: «Лично подполковнику спасибо. Сердечно тронут вашим вниманием, доверие оправдываю и оправдаю. Привет. Ярошенко».

В ночь на 21 декабря самолет противника, прилетев в заранее обусловленный район, сбросил на парашютах пополнение в составе четырех диверсантов и груз в количестве 3250 кг. Все парашютисты, переодетые в форму офицеров Красной армии, были задержаны «смершевцами».

В числе сброшенных на парашютах предметов экипировки (60 мест, из них четыре не разысканы, два взорвались и сгорели) оказались: походная типография; антисоветская литература (10 000 экз.); фиктивные документы, штампы, печати и бланки различных воинских и гражданских учреждений (2000 экз.) и деньги — 103 304 руб.; оружие и боеприпасы: 2 ручных пулемета с запасными стволами и дисками; 20 винтовок различных марок; 4 автомата «ППШ»; 7 пистолетов; 14 цинков с патронами; взрывчатые вещества (тол, аммонал, динамит), взрыватели, бикфордов и детонирующий шнуры — 1300 кг; различное воинское снаряжение: подсумки, шанцевый инструмент, бинокли и т.п.; большое количество продуктов питания. Общий вес немецкой «посылки» составлял ни много ни мало 3250 кг.

В разведцентр противника в 12.00 21 декабря сообщили: «Дорогой Аров⁷⁴² и А.П.!⁷⁴³ Долгожданный груз получили, успешно собираем. Один пакет взорвался и сгорел. Прибывшие в полном здоровье. Все шлем вам сердечное русское национальное спасибо, а особенно я за ваше личное внимание и награду. Клянемся продолжать общее великое дело. Как в “штиле нахт” — мы мысленно сейчас с вами. Крепко целуем вас. Ярошенко».

При задержании группы пополнения чекисты провели «комбинацию» — создали обстановку, что диверсанты попали к «своим». Уже на месте приземления было установлено, что прибывшие агенты немецкой разведки прошли специальный курс антисоветской агитации с целью создания в советском тылу филиала Комитета освобождения народов России под руководством генерала Власова.

Старший группы пополнения Иван Горбатов, от имени «Центрального штаба национальных партизан», наградил Базилия орденом «Национальных партизан» 3-го класса, а также передал письмо от одного из руководителей ССП с «опознавательным знаком» и явочным адресом для встречи с курьером. Содержание письма и награждение Базилия свидетельствовали о том, что радиостанция «Янус» пользуется доверием у немецкой разведки, которая возлагает большие надежды на деятельность диверсантов...

Из докладной записки о результатах радиоигры «Янус» начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумова председателю ГКО СССР И.В. Сталину (не ранее 21 декабря 1944): «В результате радиоигры, осуществляемой на территории Оленинского района Калининской области, в ночь на 21 декабря 1944 года на заранее обусловленное место противник, также с самолета на парашютах, сбросил в качестве пополнения к используемой нами группе 4-х парашютистов и груз в количестве 3 тонны... Допросом задержанных на месте и в результате проведенной комбинации — создания обстановки, что парашютисты попали к своим людям, — установлено, что до 30 октября 1944 года в местечке Штралкау и дер. Кордорф (Восточная Пруссия), под руководством представителей “Советской социалисти-

ческой партии” (“ССП”) быв[шего] профессора Каюкова⁷⁴⁴ и быв[шего] капитана Красной армии Павлова и немецкого разведчика зондерфюрера Мюллер[а], обучались подрывному делу, методам антисоветской агитации среди населения и пользованию фиктивными документами.... В беседе и собственноручных рапортах, написанных на имя отсутствующего “Николаева”, Горбатов и Хорьков показали себя идейными врагами советской власти и намерены до конца осуществлять подрывную работу в нашем тылу, доказывали необходимость борьбы с советской властью и уверенность в успехе этой борьбы, мотивируя это фактом создания в немецком тылу “Комитета национального освобождения России” под руководством быв[шего] генерала Власова, объединившего все антисоветские организации, ранее существовавшие в Германии... Радиоигра с противником продолжается... Абакумов».

Дальнейшие планы руководства советской разведки раскрыты в служебной записке заместителя начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-лейтенанта И.Я. Бабича⁷⁴⁵ начальнику УКР «Смерш» МВО генерал-лейтенанту Ф.Я. Тутушкину по радиоигре «Янус» от 1 февраля 1945 года: «Используемых в радиоигре “Янус” радистов Полякова Георгия Яковлевича и Крылова Николая Михайловича поселите на конспиративной квартире за городом вместе с оперработником, ведущим дело. Обеспечьте их охраной, исключающей возможность побега. Работу на радиостанции организуйте с этой же квартиры. Старшего группы “Янус” — Базалия Ивана Спиридоновича содержите пока на пересыльном пункте под гласным наблюдением оперативного работника. Никаких документов, удостоверяющих личность, Базалию на руки не выдавайте. Кроме гласного наблюдения организуйте негласную охрану и примите другие возможные меры предосторожности, исключающие побег Базалия»*.

За период радиоигры противнику было передано 26 радиограмм, от противника получено — три; но «...успешное продвижение Красной армии вторично заставило отдалиться радиоцентр противника, регулярная связь с немцами установлена не была, поэтому радиоигра “Янус”» была прекращена». А жаль, ведь руководители абвера так и не узнали, что советская контрразведка водила их за нос в течение нескольких месяцев.

«ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ» В СПЕЦОПЕРАЦИЯХ ЛУБЯНКИ

Личность следующего героя имеет прямое отношение к истории о радиоиграх, которые вела советская контрразведка на фронтах Великой Отечественной войны. В нашем рассказе он уже фигурировал как один из героев операции «Березино». Речь пойдет о самом известном диверсante гитлеровской Германии — Отто Скорцени⁷⁴⁶.

Интересный факт из биографии Скорцени, о котором последний не очень-то любил распространяться в своих мемуарах, — его служба в частях дивизии «Мертвая голова» — приводит в своей книге российский историк Константин Семенов:

* На документе в левом нижнем углу резолюция: «т. Барышников. А почему бы Базалия не посадить и не привести его в “божескую веру”? Разве без него мы в игре не можем справиться? Бабич. 1.2.[19]45 г.».

«С 30 января 1939 года Скорцени был призван на службу в качестве пилота бомбардировочной авиации... С 1 февраля 1940 года он был зачислен во 2-ю роту учебно-запасного батальона “Лейбштандарт СС Адольф Гитлер”⁷⁴⁷ кандидатом в унтер-фюреры (унтер-офицеры в войсках СС)... После учебки он был произведен в унтершарфюреры СС и приписан к Главному оперативному управлению СС 1 мая 1940 года. Через пять дней он был определен в IV тяжелый дивизион артиллерийского полка дивизии СС “Тотенкопф”. Вместе с дивизией Скорцени участвовал в боях в Бельгии, а затем и во Франции»⁷⁴⁸.

Во время допроса 14 апреля 1945 года начальник разведки Отдела иностранных армий Восточного Генштаба ОКХ Курт Янке сообщил, что Скорцени занимал в конце войны весьма высокое положение в иерархии германских спецслужб: «Из официальных сотрудников германской разведки наиболее видную роль в настоящее время играют Кальтенбруннер, Скорцени, Шелленберг и Марведе... Оберштурмбанфюрер СС Скорцени — организатор похищения Муссолини у англичан. Является крупным работником германской разведки и находится непосредственно в подчинении у Кальтенбруннера. В январе 1945 года я был в Берлине у Шелленберга, от которого узнал, что Скорцени имел связь с армией Власова, но какой характер эта связь носила, мне неизвестно»⁷⁴⁹.

Для продолжения нашего «знакомства» приведем фрагмент из книги известного писателя, который был единственным из советских журналистов, который удостоился личной беседы со Скорцени. Вот как описал эту встречу Ю. Семенов: «В огромном пустом зале, на последнем этаже нового дома, сидели четыре человека: трое мужчин и женщина. Я сразу узнал “длинного”. Я шел через зал, буравил его лицо взглядом, который — казалось мне, должен быть гипнотическим, и видел глаза, зелено-голубые, чуть навывкате (не очень-то загипнотизируешь!), и шрам на лице, и громадные руки, лежавшие на коленях, и за мгновение перед тем, как человек начал подниматься, я почувствовал это, и он поднялся во весь свой громадный рост: — Скорцени. — Семенов. — Моя жена, миссис Скорцени. — Хау ду ю ду? — Хау ар ю?»⁷⁵⁰

Несколько слов из «официальной» биографии «диверсанта № 1». Скорцени Отто (Skorzeny; 12.06.1908–05.07.1975) — немецкий военный разведчик и диверсант; штандартенфюрер СС (20.04.1945). Уроженец Вены (Австрия). Образование высшее, окончил Венский политехнический институт (1934), гражданская специальность — инженер-строитель. Член студенческой корпорации «Schlagende Burschenschaft Markomania». Член НСДАП с 1932 года (партийный билет № 1083671), член СС с февраля 1934 года. В 1934 году вступил в 89-й штандарт СС (личный номер 29579), в его составе участвовал в попытке нацистского переворота в Австрии (входил в отряд СС, осуществивший убийство федерального канцлера Австрии Э. Дольфуса). В 1938 году, накануне «аншлюса» Австрии, руководил арестом президента В. Микласа. Участвовал в еврейских погромах в Вене (операция «Красный петух»; 1938) и «Хрустальной ночи» (1940).

В 1939 году переведен в резервный батальон СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»⁷⁸⁸. В мае–июне 1940 года в качестве унтер-офицера (офицера-техника) артиллерийского полка резервного дивизиона СС участвовал в боевых действиях в Голландии, Бельгии и Франции. В декабре 1940 года в составе дивизии «Дас Рейх»⁷⁵¹, как офицер инженерных служб, был вновь переброшен во Францию. В апреле 1941 года в рядах той же дивизии «Дас Рейх» воевал в Югославии.

С 22 июня 1941 г. по начало 1942 года — на советско-германском фронте. Однако мало кто обратил внимание на фрагмент из воспоминаний Скорцени, связанных с началом его участия в кампании на Восточном фронте. Между тем он явился свидетелем героической обороны советскими войсками Брестской крепости, храбрость ее защитников оставила в его памяти глубокий след: «Русские, оборонявшие центральную крепость города, оказывали яростное сопротивление. Внешний гарнизон был взят в плен, но я передвигался по городу со всеми предосторожностями — русские снайперы били без промаха! На все предложения капитулировать и прекратить бессмысленное сопротивление русские отвечали решительным отказом. Потерпели неудачу и все попытки незаметно проникнуть в крепость и взять ее приступом. Убедительным доказательством этому были трупы солдат в серой полевой форме, лежавшие на подступах к вражеской цитадели. Прошло еще очень много времени, прежде чем был уничтожен последний солдат гарнизона. Русские сражались до последнего патрона и до последнего человека»⁷⁵².

Еще не раз Скорцени в своих мемуарах будет вынужден отдать дань уважения русскому солдату! Даже эти фрагменты из воспоминаний рядового, на тот момент, участника событий ясно показывают, что война против России, как небо от земли, отличалась от победоносного марша германской армии по Франции, Бельгии и Голландии.

Умышленно или нет, но воспоминания Скорцени, в отличие от книги Ю. Мадера, рисуют будущего командира всех диверсантов рейха совсем иным человеком. В них он предстает совсем не как «громила двухметрового роста» и эдакий «сорви-голова», а как внимательный и вдумчивый соперник, который после войны вовсе не случайно заслужит еще одно прозвище — «самого опасного человека в Европе».

Что в первую очередь бросается в глаза, когда читаешь его воспоминания о той войне? Где бы Скорцени ни находился, на Западе или на Востоке, он как губка впитывал все то новое, что видел в действиях своих противников или соратников. От его взгляда, кажется, ничто не ускользало: начиная от новой военной техники (танки Т-34), тактических приемов ведения боевых действий и до таких мелочей, как оборудование стрелковой ячейки бойца Красной армии — «лисей норы», способы маскировки и борьбы с холодом.

Как инженера-строителя по образованию, его поразило оригинальное решение советских военных инженеров при постройке «невидимого моста» через реку: «Яростное сражение развернулось вокруг переправы через Десну. Южнее нас, в нижнем течении реки, русские захватили и удерживали сильно укрепленный плацдарм на нашем берегу. Это доставляло нам немало хлопот. И уже совсем таинственно происходило снабжение войск. Мы никак не могли понять, каким образом русские переправляют через реку живую силу, снаряжение, продовольствие и боеприпасы. Самолеты Люфтваффе напрасно искали мост. Ответ на загадочный вопрос мы нашли только после форсирования Десны. Русские сконструировали своего рода «подводный мост!»⁷⁵³

Однако как страшный сон в памяти Скорцени больше всего запечатлелись другие эпизоды его пребывания на Восточном фронте: «В промерзшей, твердой как камень земле было практически невозможно хоронить наших мертвых. Мы складывали тела в церкви. Это было страшное зрелище: чудовищное переплете-

ние рук и ног. Скрюченные тела, навечно застывшие в том положении, в каком они приняли смерть. Покрытые коркой замерзшие глаза, что-то разглядывавшие в ледяном небе. Мы ломали окаменевшие суставы, чтобы придать им подобающий на смертном одре вид. Твердую как камень землю брала только взрывчатка. В братской могиле мы хоронили павших каждый день или каждые два дня, в зависимости от интенсивности боев. Фатализм и полное безразличие русских к вопросам жизни и смерти ввергали нас порой в весьма близкое к шоку состояние»⁷⁵⁴.

Пребывание Скорцени на Восточном фронте было недолгим... Вскоре «по состоянию здоровья» он был отправлен в Германию на лечение. Весной 1943 года прикомандирован к расквартированному в Берлине резервному батальону дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». В феврале 1943 года доктор Йозеф Геббельс провозгласил лозунг о начале «тотальной войны». Через 30 дней после этого события в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) появился 34-летний гауптштурмфюрер СС О. Скорцени и возглавил отдел VI С — диверсионную службу СД (VI Управление РСХА возглавлял бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг).

Образованное в недрах РСХА, по примеру абверовской дивизии специального назначения «Бранденбург», разведывательно-диверсионное подразделение «Фриденталь» 18 апреля 1943 года возглавил гауптштурмфюрер СС Скорцени. Ему удалось собрать под свои знамена «знатоков» подрывного дела из войск СС и бывших солдат и офицеров дивизии «Бранденбург». Но некогда сверкающие позументы знамен дивизии особого назначения к 1943 году уже изрядно поблекли. Дерзкие рейды «бранденбуржцев» и головорезов 200-х абверкоманд в 1941–1942 годах стали достоянием истории.

В конце 1942 – начале 1943 года стратегическая инициатива на полях сражений «тайной войны» на Восточном фронте полностью перешла в руки советской разведки и контрразведки. Лишним подтверждением этому являются страницы из послужного списка «диверсанта рейха № 1», в активе которого вы не найдете ни одной успешной спецоперации на советско-германском фронте. В обязанности подразделения «Фриденталь» входило проведение мероприятий по материальному, моральному и политическому саботажу на территории противника.

Штаб-квартирой диверсионных соединений СД стал охотничий замок Фриденталь близ Ораниенбурга. Место было выбрано очень удачно — всего в часе автомобильной езды от Главного управления имперской безопасности в Берлине и в пяти минутах ходьбы... от концлагеря Заксенхаузен. «Предприятие» Скорцени называлось «Специальные курсы особого назначения Ораниенбург».

12 сентября 1943 года Скорцени осуществил операцию по освобождению Муссолини (операция «Дуб»), которая стала одной из самых дерзких операций спецслужб в годы Второй мировой войны. 16 октября 1944 года два батальона диверсантов, подчиненных Скорцени, захватили регента Венгрии адмирала Миклоша Хорти⁷⁵⁵ (операция «Фауст-патрон»).

Во время наступления в Арденнах в декабре 1944 года был назначен командиром диверсионных отрядов, которые в форме американских войск должны были совершать диверсии в тылу соединений противника. С 30 января 1945 года руководил обороной г. Шведта на Одере. В апреле 1945 года обеспечивал безопасность так называемой Альпийской крепости, расположенной в горах Тироля. С конца

апреля 1945 года (по неподтвержденным данным) возглавил VI Управление РСХА (после отставки В. Шелленберга).

15 мая 1945 года в районе Штейненмарке был арестован американскими войсками. В начале сентября 1947 года Скорцени был осужден как военный преступник, однако уже 9 сентября американский трибунал в Дахау его оправдал. Вскоре вновь был арестован немецкими властями, но 26 июля 1948 года совершил побег из лагеря для интернированных крупных нацистских преступников в Дармштадте.

О том, какое внимание уделяла советская контрразведка борьбе со Скорцени и его «воспитанниками», свидетельствует нижеследующий документ. 13 мая 1945 года начальник Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумов сообщал в Государственный комитет обороны СССР И.В. Сталину:

«Докладываю, что в последнее время Главным управлением “Смерш” выявлен созданный в июне 1944 года по указанию Гимmlера разведывательный орган “Ваффен СС Ягдфербанд” (“Истребительное соединение войск СС”) для выполнения особых заданий по террору, шпионажу и диверсии на территории Советского Союза. Руководителем “Ваффен СС Ягдфербанд” был назначен СС-оберштурмбанфюрер Скорцени, осуществивший летом 1943 года похищение Муссолини. Агентура для “Ваффен СС Ягдфербанд” подбиралась из числа эсэсовцев, участников полицейских и карательных отрядов, а также членов националистических организаций, созданных немцами. Всего органами “Смерш” арестовано 135 агентов разведывательного органа “Ваффен СС Ягдфербанд”. Следствием по делам арестованных устанавливается, что в декабре 1944 года Скорцени подготавливал специальную группу агентов для заброски в район Москвы с заданием осуществить террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства. В целях усиления розыска этих разведчиков нами даны органам “Смерш” на фронтах и в военных округах необходимые указания, а также разослана прилагаемая при этом ориентировка. Одновременно приняты меры к розыску и аресту Скорцени».

О послевоенной жизни Скорцени известно немного: «После побега полгода Скорцени жил на нелегальном положении в американской зоне оккупации Германии, восстанавливая старые связи и налаживая новые. В 1949 году по подложным документам на имя Роберта Штайнбахера по заданию руководства ОДЕССА⁷⁵⁶ он создает подпольную организацию “Spinne” (“Паук”). Задачей “Паука” была подготовка бегства высокопоставленных функционеров НСДАП и СС за границу. Заграничный отдел организации сопровождал их в заранее обусловленное места, созданные в рамках программы “5 ключей”... Следующей задачей стала реабилитация и трудоустройство бывших членов СС. По заданию руководства Скорцени организовал в Каире секретную службу. Им была создана одна из периферийных организаций ОДЕССА в Аргентине под названием CAPRI... Отто Скорцени получил испанское гражданство и с успехом занимался коммерцией в Мадриде. Он основал здесь организацию “Circula Español de Amigos de Europa” (CEDADE) — “Круг испанских друзей Европы” — консультировал спецслужбы Франсиско Франко»⁷⁵⁷. В 1950 году уехал в Испанию. В январе 1951 года фамилия «Скорцени» была официально исключена из списка военных преступников, разыскиваемых властями ФРГ. Принимал активное участие в создании ХИАГ — Объединения бывших военнослужащих войск СС.

В июне 2006 года на одном из сайтов «Всемирной паутины» была размещена статья под сенсационным названием «Оберштурмбанфюрер Скорцени... работал на МОССАД». В ней сообщалась еще об одной, уже послевоенной, страничке из биографии диверсанта: «В первую неделю июня 2006 “Маарив” неожиданно рассказал о сотрудничестве самого знаменитого из эсэсовцев, главы “спецназа” СС и любимчика фюрера, оберштурмбанфюрера (подполковника) Отто Скорцени и Меира Амита⁷⁵⁸, руководителя АМАН (израильской военной разведки) и МОССАД в 60-х гг. прошлого века. Это сотрудничество возникло в момент, когда Бен-Гурион искал способ прекратить участие высококлассных немецких специалистов в области ракетостроения, приглашенных президентом Египта Насером для создания египетского ВПК. Насер пригласил специалистов, разрабатывавших новые системы оружия еще для Гитлера. Так ранее поступили и США и СССР — чем Египет хуже них? Немцы конструировали для Египта новые типы ракет, а их безопасностью ведал бывший офицер СС, под псевдонимом “Валентин”. Амита установил, что некий еврей, промышленник из Германии, связан деловыми контактами с фирмой, принадлежавшей испанской жене Отто Скорцени... К удивлению Амита, Скорцени весьма охотно откликнулся на предложение “немного помочь” МОССАД в Египте. По его рекомендации человек Амита вступил в прямой контакт с давним коллегой оберштурмбанфюрера — с “Валентином”. Очень скоро на столе у Амита лежала полная программа того, чем конкретно занимаются германские специалисты в Египте. В те времена сотрудничество в военно-промышленной сфере с другими странами запрещалось законодательством ФРГ. И Амита, вместо того чтобы кого-то убивать и запугивать, просто положил эту информацию на стол Францу-Йозефу Штраусу, министру обороны ФРГ, и тот, в соответствии с законом, тут же отозвал граждан своей страны из Каира. Так военная программа Насера была подорвана. Зачем Скорцени это сделал? Меир Амита утверждает, что Скорцени работал на него бесплатно — единственным условием было издание книги мемуаров на... иврите. “Мы, правда, не особо старались в этом направлении, — лицемерно заявляет бывший начальник МОССАД, — но написали к ней предисловие”. Как будто в Израиле 1960-х кто-то мог решиться на издание мемуаров виднейшего эсэсовца без благословения “органов”!»⁷⁵⁹ Скончался 5 июля 1975 года в Мадриде (Испания), похоронен в Вене, на кладбище Деблингер (Doeblinger Friedhof).

Как оказалось, не обо всех эпизодах своей бурной деятельности в годы Второй мировой войны Скорцени рассказал в своих мемуарах. Попробуем провести небольшое документальное исследование по тем следам «человека со шрамом», которые сохранились в архивах советской контрразведки.

Операция «Дуб»: спасение Муссолини

В ходе контрразведывательных операций 1943–1944 годов в руки советских органов безопасности нередко попадали диверсанты, подготовленные Скорцени. Они-то на допросах и рассказали о неизвестных эпизодах тайных операций германских спецслужб. Но обо всем по порядку.

К моменту подготовки плана по спасению дуче в германском разведывательном «сообществе» произошли серьезные изменения. Весной 1943 года гестапо добилось увольнения из военной разведки и фактически посадило под домашний

арест ближайшего помощника Вильгельма Канариса, начальника Центрального отдела абвера генерал-майора Ганса Остера и его ответственного сотрудника, советника Имперского верховного суда зондерфюрера-В (приравненного к званию майора) Ганса фон Донаньи. СД удалось получить в свое распоряжение весь диверсионно-разведывательный аппарат вермахта, входивший в состав ОКВ. Подразделения (рефераты) *Mil Amt* были поделены между *Amt IV* (гестапо) и *Amt VI* (внешняя разведка СД). В результате штурмбанфюрер СС Скорцени стал руководителем не только всех шпионов и диверсантов на территории рейха, но и всей осведомительной сети за границей.

К середине мая 1943 года военно-политическая обстановка и на африканском фронте складывалась не в пользу стран оси — итальянская армия была вынуждена капитулировать. В первой декаде июля англо-американские войска высадились в Сицилии. В правящей верхушке Италии царили разногласия насчет дальнейшей политики. Другой альтернативы, кроме как сбросить с поста премьер-министра Бенито Муссолини, у итальянской верхушки не было. 25 июля, когда Муссолини прибыл в королевский дворец, он был арестован офицерами королевской гвардии.

Англо-американское командование в качестве предварительного условия для переговоров о перемирии настаивало на строгой изоляции Муссолини и последующей его выдаче странам Антигитлеровской коалиции. Поэтому в целях предосторожности маршал Бадольо⁷⁶⁰ неоднократно приказывал тайно переводить Муссолини из одного места заключения в другое. Сначала дуче был помещен на корвет «Персефоне», на время превратившийся в его плавучую тюрьму, затем местами его заключения стали Понтийские острова и Ла Маддалена, и, наконец, Муссолини поместили в отеле «Кампо императоре», расположенном в труднодоступном горном массиве Гран-Сассо в районе Абруццо. По иронии судьбы именно район Абруццо посетил во время своего свадебного путешествия в 1934 году новоиспеченный 22-летний дипломированный инженер, тогда еще никому почти неизвестный Отто Скорцени. Свергнутого итальянского диктатора охранял отряд в количестве двух сотен карабинеров.

Как видно из архивных документов, от своих агентов в Италии гестапо знало о планах ареста Муссолини, но действенных мер по обеспечению безопасности своего ближайшего союзника по каким-то причинам не предприняло. Наверное, тайной полиции рейха было не до него, так как самим приходилось быстро уносить ноги из гостеприимной в прошлом итальянской земли. Между тем Гитлер думал иначе и дал приказ освободить дуче, которого он очень уважал и ценил.

26 июля 1943 года, на следующий день после ареста дуче, гауптштурмфюрер СД Скорцени был вызван в Ставку Гитлера «Волчьего логова»⁷⁶¹: «— У меня есть для вас важное задание, — обратился Гитлер к Скорцени. — Муссолини, мой друг и наш верный боевой союзник, вчера арестован королем. Его надо немедленно спасти, иначе его выдадут союзникам. Поручаю вам эту операцию, имеющую важное значение для дальнейшего ведения войны. Но самое главное — хранить это задание в полной тайне. Знать о нем могут только пять человек, включая вас. Итак, повторяю: вы лично отвечаете мне за строжайшее сохранение тайны! Скорцени привычно вытянул руки по швам: «Все ясно, мой фюрер, не пожалею сил!»⁷⁶²

Рассказ самого Скорцени о задании Гитлера освободить дуче, описанный им в мемуарах, звучал так: «Было примерно 20.30, 26 июля 1943 года в большом зале

в «Волчьем логове» Гитлер познакомил меня с миссией, которую он решил поручить мне. Вот его слова: «Вчера предали Муссолини, и король приказал арестовать его. Дуче является не только моим союзником, но также и другом. Он для меня — воплощение последнего великого Римлянина, и я не могу оставить этого великого человека в беде. Он был слишком легкомысленным; я уверен, что новое итальянское правительство поменяет фронт и передаст Муссолини англо-саксам. Они сначала предали, а затем продали его. Я должен предупредить это». Мы долго стояли. Гитлер ходил вдоль и поперек комнаты. Казалось, что он разговаривает сам с собой. Потом он остановился напротив меня и опять долго ко мне присматривался. — Необходимо узнать, где содержится дуче, и освободить его. Вот чего я жду от вас, Скорцени. Я выбрал вас, так как убежден, что вам удастся это сделать. Вы должны выполнить эту операцию, потому что в настоящий момент она является самой важной для ведения войны. Конечно, все детали должны быть сохранены в полнейшей тайне — в противном случае нас ожидает неудача. О вашей миссии знают только пять человек. Вы будете переведены в люфтваффе, в распоряжение генерала Штудента⁷⁶³, который сразу ознакомит вас с некоторыми деталями операции. Я не хочу, чтобы Италия стала ловушкой для моих солдат. Необходимо предотвратить возможность совершения фальшивыми друзьями их гнусного дела. Я лично поручаю вам миссию обнаружения места заключения Муссолини и освобождения его оттуда, целого и невредимого. Конечно, вы отберете себе людей. Необходимо действовать быстро, очень быстро. Вы понимаете, что речь идет о жизни дуче. — Так точно, мой фюрер!.. — Кроме того, очень важно, — продолжал фюрер, — чтобы ни наши армейские части, ни наше посольство в Риме не узнали о вашей миссии. Вы должны понять меня правильно. И одни, и вторые ошибочно оценивают ситуацию в Италии. Я опасаясь, что они могли бы действовать наперекор моим намерениям. Поэтому все должно быть в абсолютной тайне. Я вам чрезвычайно доверяю, Скорцени. С этого момента вы отвечаете передо мной. Мы еще увидимся. От всего сердца желаю вам успеха.

Он пожал мне руку. Я обещал. Что сделаю все, что в моих силах»⁷⁶⁴.

Из книги Ю. Мадера и мемуаров самого Скорцени мы знаем, что о приказе Гитлера было известно пятерым: Гитлеру, генералу Штуденту, в распоряжение которого поступал Скорцени, самому Скорцени... Можно предположить, что четвертым был, судя по словам самого Скорцени, рейхсфюрер СС Гиммлер, который инструктировал его перед заданием⁷⁶⁵. А из архивных документов можно узнать и пятого. Именно этот человек первым и предложил Скорцени на роль спасителя дуче. Им был начальник Главного управления имперской службы безопасности, обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Судьба в лице студенческого товарища, а на тот момент одного из руководителей РСХА — Кальтенбруннера — помогла Скорцени использовать свой шанс прославиться. Но об этом мы расскажем несколько позже...

В отделе VI С Главного управления имперской безопасности бешеными темпами закипела разработка плана операции под кодовым наименованием «Дуб». Немецкая тайная полиция, имевшая свою разветвленную агентурную сеть, раскинутую по всей Европе, довольно быстро нашла след Муссолини. Юлиус Мадер в своей книге уделил поискам Муссолини тайной полицией несколько строк, а между тем этому предшествовала целая история: «Вскоре гитлеровская служба безопасности нашла след оказавшегося не у дел итальянского диктатора.

Сделать это было не так уж сложно. Сотрудники секретной службы Муссолини десяток лет дружески работали рука об руку с гестапо и германской службой безопасности. Хотя теперь они на время исчезли с поверхности, однако по-прежнему располагали агентурными источниками и перекрестными связями с новой военной полицией. К тому же фунты стерлингов, обещанные в вознаграждение, придали энергии итальянским шпиикам. Чтобы получить сведения о местонахождении арестованного Муссолини, эсэсовской секретной службе пришлось раскошелиться на 50 тысяч фунтов стерлингов — разумеется фальшивых!»⁷⁶⁶

В кратчайшие сроки детальный план спасения Муссолини был разработан и утвержден лично Гитлером. «Пожарная» команда по спасению итальянского диктатора состояла из 90 человек. Кроме 16 разведчиков-диверсантов из замка Фриденваль, в нее входили солдаты и офицеры 1-го батальона 1-го полка воздушно-десантных частей люфтваффе под командованием майора Отто-Гарольда Морза. В операции также принял участие итальянский генерал Солетти, который не успел перейти на службу к маршалу Бадольо.

Для реализации плана операции «Дуб» предполагалось использовать 12 грузовых планеров типа «DFS-230», каждый из которых мог поднять девять десантников в полном вооружении. Правда, в практическое осуществление плана вмешалась погода, и уже на старте с аэродрома Пратика-ди-Маре два планера опрокинулись, еще два рухнули на маршруте полета. Скорцени предусмотрительно стартовал в середине всей группы.

Как позднее написал Скорцени, в поисках дуче «в Италии нам не помогла ни кофейная гуща, ни таро (гадальные карты), ни хрустальные шары. Я не помню, 10 или 11 августа мы узнали, что Муссолини был увезен с Понца на военном корабле в неизвестном направлении... Карл Радл написал “Примерно 15 августа к нам поступила подтвержденная информация, позволившая обнаружить интересный след в северной части острова Сардиния. Нам стало известно, что некоторые члены фашистской милиции содержатся на острове ди Порцо, а на соседнем острове Каперере возводится концентрационный лагерь. Достоверный источник нам сообщил, что последнее время был усилен гарнизон находящегося вблизи северо-восточной части окраины Сардинии маленького островка Санта-Маддалена...” После отклонения ложных следов, ведущих к больнице, Перунджи и к Треземскому озеру, достоверные данные доказывали, что дуче снят с гидроплана в Вигнодель Валле и перевезен на санитарной повозке в массив Гран-Сассо. Радиограмма некоего генерала Куели, генерального инспектора полиции, перехваченная службой Кепплера (текст ее гласил: “Подготовка к обеспечению безопасности Гран-Сассо закончена”), окончательно убедила нас, что след, ведущий от озера Брачиано к Гран-Сассо, является верным. Куели командовал силами армейской полиции (карабинерами), охранявшими Муссолини в гостинице — туристической лыжной базе “Л’Альберто Кампо Императоре”, расположенной на высоте 2212 метров. Попасть туда можно было только по канатной дороге»⁷⁶⁷.

Однако вернемся к операции «Дуб». С подробным рассказом по захвату группой Скорцени виллы «Кампо императоре» читатель может ознакомиться в его воспоминаниях⁷⁶⁸. По ранее разработанному плану планер со Скорцени должен был приземлиться третьим. Однако он первым достиг вершины Абруццо. Успеху операции поспособствовало и то, что вместе с немецкими десантниками прибыл и итальянский генерал, в результате охрана Муссолини оказалась застигнутой вра-

сплох: «Из приземлявшихся один за другим планеров незнакомой конструкции и лишенных каких-либо опознавательных знаков выскакивали вооруженные до зубов люди. Определить, кто они, по их военной форме было невозможно. По круглым стальным каскам парашютистов карабинеры решили, что это англичане или американцы, прибывшие забрать Муссолини... Тем неуместнее ей показался тевтонский рык долговязого детины с физиономией, исполосованной шрамами, — “Mani in alto! Mani in alto!” Команда “Руки вверх!” была единственной фразой, которую заучил Скорцени, прежде чем отправиться выкрасть дуче»⁷⁶⁹.

После освобождения дуче, на самолете «Физелер-Шторьх»⁷⁷⁰ Скорцени доставил его сначала в Рим, где они пересели на «Хенкель-111», затем в Вену и оттуда, «на борту удобного “Юнкерса”», в Мюнхен, где Муссолини встретился со своей семьей. В это время на шее Скорцени уже красовался Рыцарский крест, который, по приказу фюрера, ему вручил начальник штаба Венского военного округа.

Фюрер высоко оценил подвиг диверсанта, заявив ему при личной аудиенции: «Этой услуги я никогда не забуду!» После этой операции Скорцени был произведен в штурмбанфюреры СС. В сентябре 1943-го фотографии Скорцени были помещены во многих газетах рейха. С этого момента геббельсовская пропаганда присвоила ему титул «диверсанта № 1» Третьего рейха. Этот титул остался за Скорцени в истории Второй мировой войны. Выступая на конференции высшего командования СС 4 октября 1943 года, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер назвал операцию, проведенную Скорцени, «кавалерийским рейдом наших эсэсовцев»⁷⁷¹.

После Победы в советском плену оказались многие военачальники Третьего рейха, в их числе был и начальник личной охраны А. Гитлера — группенфюрер Иоганн Раттенхубер⁷⁷². 29 ноября 1945 года начальник ГУКР «Смерш» Абакумов направил в СНК СССР на имя «товарища Сталина» за № 924/А докладную записку. В документе говорилось: «При этом представляю собственноручные показания арестованного начальника личной охраны Гитлера СС-группенфюрера и генерал-лейтенанта полиции Раттенхубера Ганса. В своих показаниях Раттенхубер подробно описывает, как была организована охрана Гитлера. Кроме того, Раттенхубер изложил обстоятельства покушения на Гитлера в 1944 году и похищения Муссолини по заданию Гитлера...»

В рассказе Раттенхубера есть эпизод о его встрече со Скорцени, происшедшей сразу после возвращения последнего с задания по освобождению дуче, который раскрывает дополнительные подробности операции «Дуб»: «...о Муссолини хочу отметить, что его встречи с Гитлером носили дружеский характер. Гитлер его уважал и высоко ценил. Гитлер даже принял личное участие в разработке плана его освобождения, придавая этому особое политическое значение.

Об освобождении Муссолини мне рассказывал лично сам возглавлявший эту операцию штурмбанфюрер Скорцени. Его кандидатура была предложена Кальтенбруннером Гитлеру, который после детального ознакомления и соответствующих корректив утвердил план операции и состав группы Скорцени.

Действуя по утвержденному Гитлером плану, Скорцени организовал специальный штаб в Риме, куда стекались сведения от его агентуры о возможном местопребывании Муссолини. Первые данные говорили лишь о том, что Муссолини находится под стражей правительства Бадольо на одном из островов архипелага.

Авиационная разведка показала, что один из этих островов особенно сильно охраняется. Тогда туда были высажены под видом итальянских матросов два со-

трудника СД, установившие, что на острове имеется вилла, охраняемая большим отрядом карабинеров. Однако проверкой было установлено, что вилла была пуста, по-видимому, Муссолини был оттуда увезен.

Тем временем в штабе были получены сведения, что Муссолини переведен в горы. Более точных данных не было, однако было вновь подтверждено, что Муссолини не передан союзникам. Затем агентура сообщила о сильной охране в районе горы Меньтеграссе. Туда для проверки были заброшены два сотрудника СД, владевшие итальянским языком. Опросом местных жителей было установлено, что подвесная дорога на гору закрыта и на горе расположен усиленный отряд карабинеров. Разведывательный полет показал, что на самой горе также имеется большой отряд охраны перед гостиницей, где, как рассказали жители, находится какое-то «важное лицо». Перед гостиницей имелась небольшая площадка длиной в 50 метров, дававшая некоторую возможность приземления на планерах. Исходя из всех этих данных, Скорцени решил высадить перед гостиницей отряд СД и парашютистов, захватить гостиницу, освободить Муссолини и затем вызвать небольшой самолет типа «Шторх», для вывоза Муссолини. Для увеличения силы торможения низ планеров был обернут колючей проволокой.

На выполнение операции было послано 24 планера, две трети их высадились на площадке. Судьба остальных неизвестна. В каждом планере было 6–8 хорошо вооруженных людей. Для того чтобы запугать карабинеров, Скорцени взял с собой в первый планер генерала карабинеров.

Скорцени высадился первым, вслед за ним генерал карабинеров, приказавший карабинерам бросить оружие, что они немедленно сделали. Следует сказать, что этот отряд, насчитывавший до 200 человек, имел на вооружении автоматы, пулемет и даже скорострельное зенитное орудие калибра 20 мм.

Затем Скорцени и другие сотрудники СД вошли в гостиницу и нашли там Муссолини. Одновременно с этим все карабинеры были собраны в одном из залов гостиницы и на них был направлен их же собственный пулемет. Телефонная связь была прервана. В то же время другие сотрудники СД и парашютисты начали подготавливать площадку для самолета «Шторх». Последний с большим трудом приземлился. Туда вошли Скорцени и Муссолини. Чтобы облегчить взлет, на склоне горы был устроен трамплин. Муссолини приземлился в Неаполе, оттуда немедленно вылетел в Вену и на следующий день в Ставку Гитлера в район Растенбурга. Скорцени был награжден Гитлером за эту операцию Рыцарским крестом.

Интересно заметить, что после освобождения Муссолини, под впечатлением этого случая, в районе Ставки Гитлера, по указанию последнего, были проведены большие оборонительные мероприятия по предотвращению возможного десанта со стороны русских». Добавим, что и на Лубянке, и в Кремле были сделаны соответствующие выводы из успешной акции германских спецслужб.

После Победы советские контрразведчики, впрочем, как и спецслужбы союзников, устроили настоящую «охоту» не только за фашистскими главарями, военными секретами рейха, но и за всеми кадровыми сотрудниками германского разведывательного «сообщества». Особое внимание, по вполне понятным причинам, придавалось поиску немецких военнослужащих, прошедших в абвере и СД специальную разведывательно-диверсионную подготовку. И порой эта работа приносила неплохие результаты.

28 октября 1945 года генерал-полковник Иван Серов за № 00299/н направил начальнику Берлинского оперсектора НКВД приказание об аресте участников операции по освобождению Муссолини. В документе сообщалась информация об уже арестованных парашютистах и агентах СД и ставилась задача арестовать тех, кто еще оставался на свободе, и прежде всего самого Скорцени: «Только генерал-майору т. Сидневу. Оперсектором НКВД по федеральной земле Саксония арестованы 2 участника похищения в 1943 году главаря итальянского фашистского правительства — Муссолини: 1. Хандеррайх — командир летной группы. 2. Штарк — пилот 1-й летной авиабригады Германии. На допросах они показали, что для проведения этой операции, по приказу Гитлера, в Италию была направлена разведывательная зондеркоманда “СС” и “СД”, под руководством капитана (гауптштурмфюрера войск “СС”) — Скорцени Отто, работника Берлинского “СД”, австрийца по национальности. По установлению местонахождения Муссолини, командиром корпуса парашютистов, генералом Штудентом, была сброшена в Италии группа парашютистов в 100 человек. Командовал ими обер-лейтенант Берлепш, однако главную роль в руководстве этой группой играл капитан Скорцени. По выполнении операции все участники ее были щедро награждены, особенно Скорцени — он был принят Гитлером в его Ставке и расписан в газетах. По показаниям этих же арестованных проходят и следующие участники операции из числа летного состава: 1. Лейтенант Майер Элимар — заместитель командира роты Хайндрейха по десанту, происходит из Гамбурга. 2. Обер-фельдфебель Нельмайер, из Дрездена. 3. Обер-фельдфебель Гайлик. 4. Фельдфебель Кульрих. 5. Фельдфебель Гергард. 6. Унтер-офицер Минцлав. 7. Унтер-офицер Ронтсдорф. 8. Унтер-офицер Тилеман или Тильман. Примите все меры к розыску вышеупомянутых лиц, а также Скорцени, фотография которого прилагается».

В 1946 году был задержан еще один участник освобождения Муссолини — лейтенант-парашютист Эуген Айбель. Из протокола допроса командира взвода 1-й роты 2-го батальона 1-го парашютно-десантного полка 11-го авиационного корпуса лейтенанта Э. Айбеля от 23 ноября 1946 года:

Вопрос: В выполнении каких специальных заданий Гитлера вы участвовали?
Ответ: Я участвовал в выполнении специального задания Гитлера — в освобождении Муссолини.

Вопрос: Покажите об этом подробнее. *Ответ:* В ночь с 11-го на 12 сентября 1943 года была поднята 1 рота парашютно-десантного б[атальо]на, в котором я служил командиром взвода. Командир роты ст[арший] лей[енант] Берлепш Георг объявил нам, что на нас возложена задача освободить одного высокопоставленного человека, находящегося под стражей в отеле на горе Гран-Сассо. Предупредив о сохранении этого в строжайшем секрете, предложил подготовиться к выполнению указанного задания. Утром 12.9.1943 г. наша рота была доставлена на аэродром Пратика дель Маре, куда прибыла команда СС-цев во главе с гауптштурмфюрером СС — Скорцени. Туда же прибыл командир 11-го парашютно-десантного корпуса генерал Штудент.

Последний, собрав нас, объявил, что мы направляемся на выполнение специального задания Гитлера по освобождению Муссолини, захваченного восставшими итальянцами и находящегося на горе Гран-Сассо. Затем Штудент дал указание о направлении маршрута, где и как приземляться и куда направляться после выполнения операции. В час дня все участники операции были посажены на само-

леты и планеры и вылетели к назначенному месту. Примерно через час мы приземлились в районе горы Гран-Сассо, где высадились, окружили гору. Никаких стычек при этом с итальянцами, охранявшими отель, не произошло, т.к. высадка была произведена настолько молниеносно, что ошеломила охранявших и они не оказали никакого противодействия. Скорцени с его командой СС-цев зашли в отель и вскоре вышли оттуда с Муссолини. Перед отелем все участники экспедиции были сфотографированы вместе с Муссолини специальными фотографами и кинооператорами, прибывшими для этой цели с нашей экспедицией. После этого Муссолини в сопровождении Скорцени и СС-цев вылетели в неизвестном мне направлении, остальные участники операции, уничтожив планеры, спустились с горы, где ожидавшими их автомашинами были доставлены в свое подразделение.

Вопрос: Кем и как охранялся Муссолини? *Ответ:* Муссолини охранялся отрядом карабинеров примерно в количестве 200 человек.

Вопрос: А сколько было всех участников экспедиции в похищении Муссолини?

Ответ: В операции по похищению Муссолини участвовало всего 100 человек; человек 80 с парашютно-десантного батальона и 20 СС-цев.

Вопрос: Сколько времени продолжалась борьба между участниками операции и охранниками Муссолини? *Ответ:* Повторяю, что никакой вооруженной борьбы между участниками операции и охранниками Муссолини при его похищении не было.

Вопрос: Чем же это объясняется, что более многочисленная охрана не оказала вам никакого сопротивления? *Ответ:* По-моему, охрана Муссолини не оказала никакого сопротивления потому, что она была парализована внезапно и быстротой нападения. Возможно, что имелся предварительный стговор с охраной о проведении данной операции, но в точности мне это неизвестно.

Вопрос: Как экспедиция поступила с охраной Муссолини после его похищения? *Ответ:* После похищения Муссолини, как я уже показал, Скорцени с Муссолини улетели, а мы — остальные участники выехали в свое подразделение и охрану оставили на месте, не совершив над ней никакого насилия.

Вопрос: Вы показываете неправду, что миролюбиво отнеслись к охране Муссолини, состоявшей из восставших итальянских солдат, выступивших против дальнейшего участия в войне на стороне Германии. Покажите правдиво, как вы с ней расправились? *Ответ:* Я показал правду и ничего другого по этому вопросу показать не могу...»

В ходе следствия 10 февраля 1947 года лейтенанта Э. Айбея вторично допросили об операции Скорцени в Гран-Сассо, причем он чуть ли не поминутно подробно описал всю операцию: «*Вопрос:* Изложите более подробно прохождение вами службы в немецкой армии и участие в боях против союзных войск. *Ответ:* <...> В период с апреля до середины июля 1943 года батальон находился во Франции, в составе немецких оккупационных войск, занимаясь боевой подготовкой. Из Франции батальон самолетами переброшен в город Фраскати близ Рима в Италии. К этому времени английские войска произвели высадку своих войск на юге Италии и острове Сицилия, однако батальон в бои не вводился до сентября месяца, т.е. до времени капитуляции итальянских войск. Когда итальянские войска капитулировали, батальон принял участие в боях против капитулировавших итальянских войск в районе Рима. В течение двухсуточных боев часть итальянских войск была разоружена немецкими войсками, а часть ушла на юг к англича-

нам, и, таким образом, боевые действия закончились. В этих боях я также принимал непосредственное участие, командуя взводом парашютистов, действовавшим как пехотное подразделение. В сентябре того же года за участие в этих боях я был награжден “Железным крестом” 1-го класса. После окончания боев наш батальон в период с 10 сентября до середины октября размещался в городе Альбано близ Рима.

В 1 час ночи 12 сентября 1943 года я, вместе с другими, командуя взводом 1-й роты, был вызван на совещание к обер-лейтенанту Берлепш Георгу, который объявил собравшимся о том, что получен приказ, согласно которому нашей 1-й роте предстоит выполнение весьма серьезного задания, связанного с действиями в больших горах Гран-Сассо в Средней Италии, где в одном отеле содержится человек, и его необходимо будет освободить. На вопросы командиров взводов о том, кого именно предстоит освободить, Берлепш ответил, что об этом мы узнаем позже, фамилию человека не назвал. После этого Берлепш приказал эту задачу довести до командиров отделений, проверить состояние боевой готовности личного состава взводов и ждать дальнейших указаний.

После утреннего подъема я, как и другие командиры взводов, проверил готовность личного состава своего взвода, и, когда вся эта подготовка была закончена, в 8 часов утра 12 сентября в распоряжение батальона были поданы грузовые автомашины, на которых 1-я рота была доставлена на аэродром “Прадика дель Маре”, что на берегу моря южнее Рима. На аэродром рота прибыла в 9 часов утра, туда же вскоре прибыла команда эсэсовцев в количестве двадцати человек, во главе с гауптштурмфюрером Скорцени. Часов в 11 на аэродром, в сопровождении восьми или десяти штабных офицеров, прибыл командующий 11-м летным корпусом генерал авиации Штудент, который с офицерами и пилотами провел совещание, объявив на нем, что на нас Гитлером возложена задача освободить Муссолини, главу итальянского правительства, содержащегося под стражей восставших итальянских карабинеров в количестве 200 человек в отеле, находящемся в горах Гран-Сассо. Здесь же генерал Штудент дал подробный инструктаж офицерам и пилотам о времени подъема самолетов с аэродрома, маршруте, скорости полета и быстроте выполнения всей операции.

После этого командир роты обер-лейтенант Берлепш собрал командиров взводов и каждому из нас поставил конкретную задачу, связанную с похищением Муссолини, которую командиры взводов, согласно его приказу, довели до каждого младшего командира и солдата, предупредив последних, что за разглашение ее виновный будет расстрелян.

Я лично, от обер-лейтенанта, получил в свое распоряжение одного командира отделения и восемь солдат и один планер, который самолетом был отбуксирован к месту назначения. Полученная мною задача сводилась к следующему: после приземления в горах близ отеля немедленно занять возле него станцию канатной подвесной дороги, тем самым не допустив спуска кого-либо вниз, и охранять эту станцию до окончания операции.

Согласно приказу, отлет с аэродрома “Прадика дель Маре” был назначен на 13 часов 12 сентября, но в связи с бомбардировкой аэродрома союзной авиацией наш вылет задержался на 15 минут.

В 14 часов я на планере благополучно приземлился в 60-ти метрах от отеля в горах Гран-Сассо и немедленно с подчиненными мне солдатами занял станцию

подвесной дороги. Во время своего приземления я видел, что Скорцени уже приземлился и, в сопровождении десяти солдат СС, спешит к отелю, одновременно в окрестностях которого приземлялись и другие планеры.

Вопрос: Сколько самолетов и планеров участвовало в операции? *Ответ:* Для выполнения операции было предназначено 12 самолетов и 12 планеров, которые взяли 120 человек, по 10 на планер, которые на высоте трех с половиной тысяч метров на расстоянии примерно 10–12 километров от объекта были откреплены от самолетов и под управлением пилотов планировали в район отеля. Во время приземления разбилось четыре планера, в результате чего около двадцати человек вышло из строя.

Вопрос: Продолжайте показания о дальнейшем ходе операции похищения Муссолини. *Ответ:* Всей операцией по похищению Муссолини руководил лично Скорцени, который, как я уже показал, после того как приземлился, с 10 человеками направился в отель. После того как я приземлился со своими солдатами, немедленно атаковал станцию канатной дороги, расположенную от отеля в 50–60 метрах. Правда, атака была неудачной, так как станция никем не охранялась, а находившиеся там примерно пятнадцать невооруженных карабинеров разбежались. Не знаю, встретился ли Скорцени с трудностями в отеле при непосредственном освобождении Муссолини, но не более чем через 10 минут я того и другого увидел выходящими из отеля с солдатами СС, причем вместе с ними шли и вооруженные итальянские карабинеры. Здесь же обер-лейтенант дал ракетный сигнал, и через несколько минут к отелю приземлился специальный разведывательный самолет, курсировавший поблизости в горах. Скорцени вместе с Муссолини сел в самолет и вылетел в неизвестном направлении. Перед отлетом участники освобождения были сфотографированы вместе с Муссолини и Скорцени фотографом и фотокинорепортером, специально для этой цели доставленным на планере.

После отлета самолета с Муссолини и Скорцени нами были уничтожены все планеры и, забрав пострадавших своих солдат, по канатной дороге спустились в долину, где на автомашинах нас уже ожидали 2, 3 и 4 роты учебного батальона. Переночевав в этой долине, 13 сентября 1943 года вечером весь батальон прибыл в город Альбано.

Вопрос: Было ли в какой-либо мере оказано сопротивление немецким солдатам карабинерами, охранявшими Муссолини? *Ответ:* Абсолютно никакого сопротивления итальянские карабинеры не оказали.

Вопрос: Какое количество карабинеров было убито или взято в плен во время этой операции? *Ответ:* Насколько мне известно, ни один карабинер убит не был и в плен мы никого из них не брали, все они остались на месте.

Вопрос: Ведь карабинеры, охранявшие Муссолини, были врагами немецких солдат, как же так, что они никакого сопротивления вам не оказали, все обошлось без жертв и даже ни одного итальянца не взяли в плен? *Ответ:* Я могу дать объяснение по этому вопросу только лишь по собственным соображениям: из высказываний карабинеров мне известно, что они ожидали прибытия американцев, которые должны были взять Муссолини, причем внезапность появления наших солдат и быстрота их действий ошеломляюще подействовали на охрану, а поэтому операция обошлась так легко, чему мы, офицеры и солдаты, крайне удивились легкости освобождения Муссолини, ибо мы ожидали неизбежного вооруженного столкновения с карабинерами. Должен еще заметить, что вместе с

Муссолини и Скорцени в самолет сел какой-то итальянский офицер, состоящий на службе у немцев, что наводит на мысль о подкупе руководства охраны, однако я не могу сказать о конкретной его деятельности при освобождении Муссолини.

Вопрос: Были ли вы награждены за участие в этой операции? *Ответ:* Были награждены: генерал Штудент, Скорцени, командир батальона майор Морс, оберлейтенант Берлепш, все пилоты самолетов и планеров, а также все солдаты СС и те солдаты и офицеры, которые вообще не имели наград. Лично я награжден не был за эту операцию, ибо уже имел два «Железных креста».

Вопрос: Когда и за что вы были награждены Немецким крестом? *Ответ:* Немецким золотым крестом я был награжден в апреле 1944 года, когда находился на излечении в городе Магдебург. Награжден за участие в боях против англо-американских войск под городом Неттуно, недалеко от Рима, где англичане произвели высадку своих войск совместно с американцами, готовившими наступление на Рим. На этом участке фронта я пробыл с января 1944 года до середины марта, а затем, в связи с болезнью, о которой сказано выше, меня направили в Германию на излечение».

Успех операции с похищением Муссолини «вскружил головы руководству германской разведки», и у него возник вопрос об изучении возможностей проведения подобной операции на территории Советского Союза. Однако в отличие от Италии на территории СССР похищать немецкие спецслужбы никого не собирались. Планировалось проведение террористических актов в отношении руководителей советского правительства. Сам Скорцени в своих книгах не слишком распространяется о своих неудавшихся операциях на Восточном фронте в качестве «шефа» диверсантов Рейха. Между тем изощренные планы таких операций у диверсантов Гиммлера имелись...

Как Скорцени разыскал Муссолини: версия «майора Таврина»

В сентябре 1944 года при неудачной попытке осуществить покушение на Сталина были задержаны агенты германского разведоргана СД «Цеппелин-Норд» Петр Таврин и Лидия Шилова⁷⁷³. На этой акции «ведомства Шелленберга» мы подробнее остановимся в следующих главах, а пока расскажем о том, что было известно Таврину об освобождении Муссолини.

На допросе в июле 1946 года Таврин сообщил интересные детали о знаменитой операции, которую провел штурмбанфюрер СС О. Скорцени. В этой связи последовал закономерный вопрос сотрудника контрразведки, встречался ли Таврин со Скорцени лично. Таврин ответил утвердительно и рассказал, сколько раз, когда и по какому поводу были встречи с «диверсантом № 1» Третьего рейха.

Дело обстояло следующим образом. В ноябре 1942 года Таврина, в числе группы из 28 военнопленных, перевели из Хамельбургского лагеря в Брайтенфуртскую разведывательную школу. В разведшколе Таврин близко сошелся с переводчиком этой школы Кашенцом Борисом Семеновичем. В беседах с ним Таврин выдавал себя за сына полковника царской армии. Кашенец поделился с ним своими мыслями, по поводу поведения немцев на оккупированной территории России, в частности их неуважения к историческому прошлому России, и предложил Таврину вести с немцами «двойственную» работу.

«Беседы» с Кашенцом вызвали подозрение со стороны немцев, и в конце ноября того же года Таврин был арестован и отправлен в концлагерь «17-Б», располагавшийся в дер. Брук, в 40 км западнее Вены, а затем переведен в концлагерь Матхауз. В этом лагере Таврин добился свидания с руководством лагеря.

Однако особого интереса у лагерного начальства личность Таврина не вызвала, разговаривать с ним не стали, но пообещали, если он не прекратит свои «заявления», что «у них он долго не задержится» и к весне будет отправлен на «огород». Как пояснил сам Таврин, «это значило, что пепел моего тела пойдет на удобрение огородов. В этом лагере были свои крематории». Таврин набрался смелости и заявил руководству концлагеря, что тогда он совершит побег, и подал последнее заявление об устройстве ему свидания с гестапо. Таврин надеялся на встрече с представителями гестапо предупредить немецкую тайную полицию об известных ему сведениях в отношении Брайтенфуртской разведшколы.

Как ни странно, но Таврину побег из Матхауза удался и 19 января 1943 года, вместе с группой советских военнопленных в количестве 11 человек, Таврин покинул «негостеприимный» концлагерь. Имея в своем распоряжении карту местности, 22 февраля Таврину удалось добраться до местечка Фрайна, расположенного на границе с Чехословакией, где он пришел в отделение гестапо.

Из Фрайны Таврина сначала доставили в уездное отделение гестапо г. Знаймо, а оттуда прямо в Вену. Таврина допрашивали сотрудники гестапо Баэр и Тельман, которым он рассказал, что возможной причиной его отправки в концлагерь Матхауз стало несогласие на предложение Кашенца и его группы. Гестаповцы поверили словам Таврина, к тому же, по-видимому, они уже располагали какими-то данными о наличии антинемецких настроений среди русских эмигрантов.

Через семь дней, по предложению Тельмана, Таврина вновь вернули в Брайтенфуртскую разведшколу. По прибытии в разведшколу Таврин из беседы с начальником школы узнал, что, действительно, в ноябре 1942 года ему Кашенец подал рапорт с требованием отчислить Таврина «как большевицкий элемент». Новым заданием Таврина в Брайтенфуртской школе стало выявление группы русских эмигрантов, возглавляемой Кашенцом. В качестве причины изменения отношения Таврина к немцам, гестаповцы предложили сослаться на обиду, нанесенную ему заключением в Матхаузе.

В первых числах марта 1943 года Таврин вновь прибыл в Брайтенфуртскую разведшколу. Ему удалось убедить Кашенца и членов его группы в искренности своих намерений начать борьбу с немцами. Вскоре Таврин принял «участие» в антинемецкой пропаганде среди курсантов школы, вернее — начал провокационную работу. Таврину удалось привлечь к антинемецкой работе восемь человек.

В процессе разработки группы Кашенца Таврин узнал, что у них имеются единомышленник в Белграде — бывший полковник царской армии, эмигрант Никонев Леонид Петрович, командовавший подразделением шюцкора*. От Кашенца Таврин узнал, что эта группа связана с английской разведкой и что связи этой группы распространены по всей Европе. Добытые сведения Таврин сообщал приезжавшему на конспиративные встречи сотруднику венского гестапо Тельману.

Как оказалось, данные Таврина нашли свое подтверждение. Гестапо приняло решение вывести своего агента из игры и, после отъезда Таврина из разведшколы,

* Шюцкор (швед. — охранный корпус) — финская военизированная организация в 1917–1944 гг.

арестовать группу Кашенца. Таврин по заданию гестапо выехал в Белград на связь с Никоновым. По легенде Таврин выдавал себя за инженера-консультанта при Министерстве промышленности, посланного в командировку в Белград.

Прибыв в Белград, по указанию Тельмана Таврин встретился с Никоновым и в процессе беседы упомянул фамилию Кашенца. Никонов принял «соратника» весьма любезно и рассказал о готовившихся событиях, в результате которых Германии будет нанесен сокрушительный удар. В частности, Никонов сообщил о подготовке свержения Муссолини маршалом Бадольо, о снабжении англичанами партизан Тито, об указании, которое якобы дал Бадольо командованию итальянских частей на Востоке об открытии фронта на Сталинградском направлении. По простоте душевной Никонов рассказал о наличии у руководства русской эмигрантской организации больших людских резервов для антинемецкой работы.

Через четыре дня Таврин известил Никонова, что собирается возвращаться в Берлин. Никонов снабдил его информацией о связях с русскими эмигрантами в рейхе, порекомендовав встретиться в Берлине с Тумановой Евгенией Петровной, работающей в гестапо, у которой Таврин «может найти приют и общность интересов», а также дал рекомендательное письмо.

После отъезда Таврина из Белграда Никонов и его товарищи (полковники Трифонов и Загуменков Никита Денисович) были арестованы гестапо и доставлены в Вену. Их арест был произведен одновременно, под предлогом их вызова в ставку Верховного главного командования.

На этом провокаторская роль Таврина не завершилась. Из Белграда он вернулся в Вену и там приступил к «разработке» антигитлеровского подполья, о существовании которого знал еще со времени своего пребывания в Брайтенфуртской разведшколе. Для проведения проповедей среди курсантов в Брайтенфуртскую школу приезжал православный священник, церковь которого находилась во дворе бывшего советского представительства в Вене. Священник состоял в близких отношениях с Кашенцом и его группой. К нему-то, по заданию Тельмана, и отправился провокатор.

Священник сообщил Таврину, что к группе Кашенца – Никонова также принадлежал некто Поляков Никодим Артамонович, профессор, уроженец Москвы, эмигрировавший из России в годы Первой мировой войны и работавший преподавателем в Венском университете. Таврин познакомился с Поляковым и от того узнал о причастности к этой группе Мильского Якова. Мильский также являлся русским эмигрантом (с 1917), большую часть времени проживал в Германии и работал журналистом, сотрудничал в газетах «Новое слово», «Молодая Россия» и других русскоязычных изданиях.

Встреча с Мильским позволила Таврину установить других участников антигитлеровского подполья, в том числе генерал-майора царской армии Буркова, в прошлом крупного помещика Белостокской губернии. Таким образом, Таврину стали известны практически все лидеры венского подполья. Их дальнейшая разработка проводилась гестапо с начала марта до конца апреля 1943 года. Все они были арестованы гестапо и помещены в венскую тюрьму. В ходе допросов все члены подполья отрицали свою вину. С целью получения изобличающих материалов в камеру с Кашенцом и другими посадили и Таврина. Провокатор и это задание выполнил блестяще. Арестованные посвятили Таврина в свою тактику дальнейшего поведения на следствии.

Таврин предложил гестапо перевести его на положение тюремного рабочего, для того, чтобы общаться не только с Кашенцом, но и с другими членами группы. Тельман план одобрил. Для маскировки предложение стать тюремным рабочим было сделано не только Таврину, но и остальным арестованным членам группы Кашенца – Никонова. Дьявольский план учитывал менталитет русских эмигрантов, которые имели возможность получать передачи от родственников, а Таврин, как советский военнопленный, никаких средств для получения дополнительного питания не имел. Поэтому его согласие на работу было вполне естественным, а члены группы воспользуются новым положением Таврина для общения между собой.

Гестаповский план удался, после «некоторого колебания» Таврин согласился с предложением тюремной администрации. Для закрепления своих «искренних» отношений Таврин проинформировал Кашенца обо всех арестованных участниках подполья и их линии поведения на следствии. К несчастью арестованных, профессор Поляков передал через Таврина на волю, другому члену подполья доценту Юркову Игорю Анатольевичу, указания принять меры защиты и законспирирования дальнейшей работы организации. Подобные послания передали также Никон и Кашенец...

Но Таврин не удовлетворился своей ролью провокатора. Так как арестованные упорствовали, Таврин попросил гестаповцев, чтобы ему лично разрешили допрашивать подпольщиков. Руководство гестапо пошло навстречу своему добровольному агенту. И вскоре Таврин изобличил всех арестованных в антигитлеровской работе. Кроме того, в ходе допросов удалось вскрыть наличие аналогичных анти-немецких группировок в Италии и Чехословакии и их дополнительные связи с подпольщиками в самой Германии. Как заявил на допросе Таврин: «Я добился от всех этих арестованных показаний, подтверждающих их виновность в соответствии с материалами, которые я раньше сообщал гестапо».

Таким образом, в ходе следствия гестапо стало известно, что в Европе существует центр, координирующий и объединяющий деятельность всех подпольных групп. В первую очередь гестапо занялось разработкой антигермански настроенных лиц в самом Берлине. Вот тут-то и пригодилось рекомендательное письмо Никонова к Тумановой. 16 июня 1943 года Таврин, вместе с сотрудником гестапо Тельманом, выехали из Вены в Берлин.

Встретившись с Тумановой, Таврин получил возможность войти в белоэмигрантские круги русского Берлина. Таврин познакомился с бывшим царским генералом Симоновым, Горбачом, Саньковым и др.

Ничего не подозревая, Симонов, зная от Тумановой о знакомстве Таврина с группой Кашенца – Никонова, сообщил о том, что он располагает неточными сведениями об аресте Никонова, и поинтересовался, при каких обстоятельствах Таврин с ним познакомился. На «недоуменный» вопрос Таврина — какие могут быть у немцев основания для ареста полковника Никонова, работавшего на немцев и участвовавшего в войне на их стороне, генерал ответил, что, мол, «немцы не доверяют нам, русским людям, хотя мы и работаем с ними и участвуем в их борьбе с большевиками. Немцы понимают, что наша активность направлена в одинаковой мере как против большевиков, так и против гитлеровской Германии, что мы, русские люди, имеем свою родину и народ, за освобождение которых мы в действительности боремся». Развивая эту мысль, Симонов обвинил немцев в том, что они «повинны в революционном перевороте, происшедшем в России в 1917 году».

В ходе разработки Симонова гестапо якобы получило от Таврина факты о причастности к подполью целой группы лиц из числа русских эмигрантов, проживающих в Берлине: сына бывшего промышленника Горбача, юриста Я.М. Санькова, профессора медицины Капустина, сына украинского помещика Панпура и дочери краснодарского помещика Н.Н. Грековой. Таврин получил информацию о том, что группа ориентируется на англичан, а Симонов является ее руководителем. От Симонова Таврин также узнал, что маршал Бадольо, занимавший в то время пост начальника Генштаба итальянской армии, якобы содействовал англичанам в доставке оружия через Италию маршалу Тито.

Впоследствии, на основе сведений, полученных от Таврина, немцам якобы удалось перехватить несколько транспортов, которые были направлены югославским партизанам по итальянским каналам. От русских эмигрантов Таврин еще узнал о существовании «довольно сильной группы немцев, ставящей целью свержение гитлеровского режима», которые поддерживают связь с Англией через Р. Гесса⁷⁷⁴.

В качестве подтверждения этой информации Симонов привел данные Таврину «о наличии в распоряжении группы 60-ти дивизий разных родов войск, скрывающихся в тылу Германии», а также о том, что эта группа «пользуется поддержкой немецкой промышленной верхушки... Промышленники якобы саботировали выполнение военных заказов и не давали фронту вооружение и военные материалы, а изготовляемую продукцию скрывали». По данным Симонова, заводы «Опель» скрыли 16 тыс. автомобилей, а заводы БМВ — 41 тыс. моторов. Аналогичный саботаж был вскрыт в фирмах Круппа, Сименса и др.

После доклада Таврина гестапо немецкая контрразведка активно взялась за проверку полученных от агента сведений. После ареста в Италии Муссолини Таврин получил от гестапо задание — выяснить через Симонова, какие связи у него имеются в Италии. Как оказалось, среди антифашистского подполья в Берлине был русский эмигрант Соболевский, живущий в Италии, который поставлял сведения о положении в этой стране. Гестапо по своим каналам быстро установило, что Соболевский проживает в Падуе, 60 лет, бывший генерал царской армии, по национальности поляк, эмигрировал из России в годы Гражданской войны. В гестапо Таврина снабдили специально сфабрикованным письмом от имени Симонова и Тумановой и в сопровождении сотрудника Шлиппе командировали к нему.

И в этот раз Таврину, с помощью фальшивого письма от Симонова и Тумановой, удалось расположить к себе Соболевского и установить с ним доверительные отношения. Соболевский рассказал немецкому агенту-провокатору об антифашистских группах, действующих в Италии, а главное, дал ценные сведения о местонахождении Муссолини, которыми Соболевский располагал благодаря своим связям в Ставке маршала Бадольо. Старый генерал забыл о всякой осторожности и рассказал о своих контактах с разведкой Великобритании, причем Таврину даже удалось зафиксировать на кинолентку его работу на радиостанции, находившейся у него на квартире, и, частично, шифры, которыми он пользовался для связи с англичанами.

Дальнейшую работу по Италии, в том числе и с Соболевским, гестапо возложило на некоего Бориса Белова, бывшего ученого-химика, который, поехав в 1934 году в заграничную командировку во Францию, назад в СССР не возвратился. Позднее Белов был завербован немцами и привлечен к разведывательной работе. После этой встречи Таврин еще раз встретил Белова в 1944 году в Берлине, причем

последний, со слов Таврина, «пользовался большим авторитетом у немцев» благодаря его активной работе по разработке белоэмигрантов в Италии.

Именно Борис Белов, по словам Таврина, принимал деятельное участие в подготовке плана похищения Муссолини, «осуществление которого было поручено гауптштурмфюреру войск СС — Скорцени». Самое интересное в этой истории то, что в ходе следствия Таврин отказался от этих показаний, а смершевцы, как видно из материалов дела, перепроверкой сведений о его провокаторской деятельности в Вене не стали заниматься. Перед ними стояла другая задача — выявить все обстоятельства, связанные именно с покушением на Сталина, а материала, обличающего Таврина и его супругу, в их руках было предостаточно... С другой стороны, рассказ Таврина проясняет вопрос, почему именно на нем остановилось СД при выборе кандидата на роль убийцы Сталина.

Какими бы фантастическими ни казались слова несостоявшегося террориста, но советские спецслужбы проверили его показаниям об участии в борьбе с антифашистами в самой Германии. Об этом свидетельствует справка Оперативного сектора НКВД Советской военной администрации Берлина от 22 мая 1945 года.

В документе сообщалось: «По показаниям арестованного немецкого агента-террориста — Таврина Петра Ивановича, в Берлине проживали: 1. Туманова Евгения Петровна, 37 лет, по адресу Голцендорфштрассе, дом № 14, возможно — 20. 2. Грекова Наталья Николаевна, 32 лет, прожив[ала] по Александров пляц, дом № 12, работала в фирме “Телефункен”. 3. Климов Евгений Павлович, 50 лет, работал главным инженером мостостроительного управления Министерства промышленности (Шпеер), проживал: Шарлотенбург, Голцендорфштрассе, дом № 20, кв. 14. 4. Саньков Ярослав Михайлович, 40 лет, юрист, работал адвокатом, имел свою контору. 5. Капустин, имя неизвестно, отчество — Владимирович, профессор медицины, 55 лет, работал в городской монастырской больнице. 6. Панпура, 45 лет, работал врачом в Берлинской городской больнице». На документе сохранилась резолюция: «Т. Сидневу. Проверить и доложить. И. Серов. 21/V [19]45 г.»... К сожалению, каких-либо еще документов, проливающих свет на эту историю, обнаружить не удалось.

Скорцени планирует убийство Сталина

Пожалуй, первым, кто рассказал о планах германских спецслужб организовать покушение на Сталина, был бывший начальник VI Управления РСХА (внешняя разведка) Вальтер Шелленберг. По его словам, летом 1944 года он был вызван на доклад к Риббентропу в его летнюю резиденцию замок Фушаль: «Одну минуточку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гимmlера, об этом не знает. — Остановив на мне пристальный взгляд, он продолжал: — Нужно убрать Сталина. <...> — В личной беседе с фюрером, — продолжал он, — я сказал, что готов пожертвовать собой ради Германии. Будет организована конференция, в работе которой примет участие Сталин. На этой конференции я должен убить его. ...Риббентроп все уже заранее обдумал и теперь начал объяснять мне детали плана. Он, конечно, понимал, что на конфе-

ренции будет очень строгая охрана и вряд ли получится пронести в зал заседаний гранату или револьвер. Однако Риббентроп слышал, что моя техническая группа изготавливает револьверы, по форме ничем не отличающиеся от вечной ручки. Из такого револьвера можно стрелять крупнокалиберными пулями на расстоянии примерно 6–7 метров. Эти револьверы сделаны настолько искусно, что по внешнему виду никто не мог догадаться об их действительном назначении»⁷⁷⁵.

Шелленберг весьма скептически отнесся к идее Риббентропа, посчитав ее плодом «нервного и умственного переутомления», но предложение взял себе на заметку. Чуть позже рейхсфюрер поделился с Шелленбергом своим планом покушения на Сталина: «Мне как-то пришлось говорить с Гиммлером об этом. Ему особенно понравилось то, как я ответил Риббентропу. И тем не менее после обсуждения с Гитлером Гиммлер предложил свой план, очень напоминающий план Риббентропа. В соответствии с ним наши специалисты изготовили мину для убийства Сталина. Мина размером с кулак имела вид кома грязи. Мина имела запал, управлявшийся с помощью коротковолнового передатчика, и была настолько мощной, что когда при испытании мы взорвали ее, то от нашей машины почти ничего не осталось. Передатчик был размером не более пачки сигарет и мог подорвать мину на расстоянии до одиннадцати километров.

Двое бывших военнослужащих Красной армии, находившихся до войны в течение долгого времени в ссылке в Сибири, взялись выполнить это задание (один из них был знаком с механиком из гаража Сталина). Ночью на большом транспортном самолете они были доставлены к тому месту, где, по сообщению, переданному нашими агентами, находилась Ставка Сталина. Они спрыгнули с парашютом и, насколько мы могли установить, точно приземлились в указанном месте. Однако это было последнее, что мы о них слышали, хотя оба имели коротковолновые передатчики. Я не уверен, что они вообще попытались выполнить задание. Более вероятно, что очень скоро после приземления они были схвачены или же сами сдались органам НКВД и рассказали о задании»⁷⁷⁶.

Как и подобает настоящему разведчику, Шелленберг умышленно искажил подробности как самого плана, так и его воплощения в жизнь. Обратим внимание читателей на то, что в рассказе шефа германской разведки указаны два агента. Действительно, агентов было двое, и одеты они были в форму офицеров Красной армии. Планировалось осуществить покушение на Сталина при помощи радиоуправляемой мины, но это был лишь один из трех вариантов, подготовленных ведомством Шелленберга. Агентов доставили к месту назначения на самолете. Все остальные подробности — выдумка. Впрочем, не будем строго судить автора, так как стремление «обелить» себя и «свести счеты» со своими оппонентами присуще и многим другим мемуаристам.

План покушения на Сталина, как читателям будет рассказано ниже, включал в себя три варианта. Первый — с использованием радиомины (правда, передатчик мог подорвать мину не с одиннадцати километров, а лишь с шести–семи, только не совсем понятно, зачем это было нужно). Второй вариант, назовем его «план Риббентропа», при помощи пистолета с отравленными разрывными пулями. Третий вариант, основной, предусматривал использование технической новинки — портативного гранатомета «панцеркнакке». За подготовку покушения на Сталина отвечали два отдела VI Управления РСХА: VI С (саботаж) и VI Ц (Восточный),

точнее, одно из подразделений реферата VI C/Z («Предприятие «Цепелин») — «Цепелин-Норд». А вот дальнейшую судьбу террористов Шелленберг не знал, хотя угадал почти точно.

Российскому читателю о планах германской разведки осуществить покушение на И.В. Сталина стало известно из книг «Большая игра»⁷⁷⁷ и «Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки»⁷⁷⁸.

Отдельная глава «Лубянки» специально посвящена этой неудавшейся акции германских спецслужб; в ней упомянут и Отто Скорцени: «На миссию Таврина руководство германской разведки возлагало большие надежды. Не случайно перед его заброской в советский тыл с ним трижды беседовал мастер диверсий, любимец фюрера Отто Скорцени»⁷⁷⁹. После этих публикаций как грибы после дождя стали появляться многочисленные «журналистские версии».

Для безудержной фантазии открылось благодатное поле «деятельности». Получилось совсем как в известной шутилой песне Владимира Высоцкого: «...клетки — как круги перед глазами, королей я путаю с тузами, а с дебютом путаю дуэлет». Заметим, что никто из журналистов никогда не знакомился с документальными материалами «дела Таврина» и тем более радиогры «Туман».

В этом плане показательна статья под многообещающим названием «Диагноз: паранойя» публициста Александра Шлаена, якобы «исследовавшего» параноидальность Сталина и «мистификации чекистов»⁷⁸⁰. Рассмотрим некоторые «аргументы» г-на Шлаена, в частности, он пишет: «Во всех публикациях сообщалось, что шпионская пара ехала на мотоцикле с коляской и везла с собой три чемодана. В соответствии с опубликованными “архивными материалами” позволю себе дать перечень содержимого тех чемоданов, чтобы каждый мог себе представить их размеры. Итак, начну.

Для легализации будущих предполагаемых сообщников Таврина его снабдили более чем пятью сотнями самых различных документов: всевозможными служебными удостоверениями, паспортами, трудовыми книжками, командировочными предписаниями, отпускными билетами, денежными и продовольственными аттестатами, шоферскими правами, дипломами вузов и техникумов и т.д. и т.п. Кроме того, его снабдили примерно ста двадцатью печатями и штампами различных военных и государственных учреждений, ручными прессами с объемными штемпелями различных ведомств.

Помимо этого в их распоряжении было семь пистолетов разных систем и калибров с полным боекомплектом разрывных и отравленных пуль, специально созданный своеобразный ручной бронебойный гранатомет “панцеркнакке”, способный пробить броневую плиту толщиной более 40 миллиметров с расстояния в триста метров. Он состоял из небольшой металлической трубки, которая ремнями крепилась к руке. Стрельба производилась с руки коммунитивно-фугасной гранатой с электрозапалом, который приводился в действие от батарейки карманного фонаря. Тоже с полным боекомплектом.

Было еще мощное взрывное устройство, вмонтированное в небольшой портфель. В дополнение к этому он был вооружен малогабаритной мощнейшей радиоминой, набором холодного оружия, портативным радиопередатчиком. А на расходы было выдано по разным публикациям, то ли миллион, то ли полмиллиона советских рублей. Представляете себе эти чемоданы?

Наконец, фотография Таврина вместе с Грейфе. Как она попала к чекистам — неизвестно. Не брал же ее Таврин с собой на задание. Тем не менее она была. И вновь

незадача. Как писалось буквально во всех публикациях, незадачливый террорист фотографировался со своим шефом буквально перед вылетом. Но сам-то Грейфе погиб в автокатастрофе еще в июне... Но самое главное, на той фотографии тени ложатся не так, как это должно быть, если учесть, откуда падает свет. Это мне подтвердил в свое время покойный Вилен Калюта, прекрасный кинооператор. А уж в этих вопросах он был общепризнанный авторитет. Иными словами, эта фотография — плохо сфабрикованная подделка. И самое примечательное. Ни один из рядовых участников операции “Перехват”, предотвративших покушение на Сталина (а их, судя по публикациям, было немало), не был награжден... И последнее. Таврин и Шилова еще долгие годы провели в заключении. И только в феврале 1952 года Военная коллегия Верховного суда СССР на закрытом совещании приговорила их к расстрелу. Таврина расстреляли 28 марта, Шилову — 2 апреля. Вот и все...»⁷⁸¹

Собственно говоря, что означает фраза «Вот и все»? Так просто? Проанализируем лишь некоторые «ляпы» незадачливого (или параноидального?) «борзописца». Во-первых, журналист совершенно не знаком ни со структурой германской разведки, ни с ее руководителями, хотя найти эту информацию в наше время, имея под рукой Интернет, вовсе не трудно. Он перепутал оберштурмбанфюрера СС (посмертно — штандартенфюрера СС) Хайнца Грейфе с унтерштурмфюрером СС Георгом Грайфе⁷⁸². К слову, на посту начальника «Восточного отдела» Грейфе сменил оберштурмбанфюрер СС Эрик Хенгельхаупт (а не некий «оберштурмбаннфюрер СС Хенгельгаума», как в своей статье пишет Шлаен).

Во-вторых, несколько слов стоит сказать о якобы «фальшивой» фотографии. Это фото, и хорошего качества, помещено в книге «Лубянка, 2» на странице 254, на которой воинское звание Грайфе очень хорошо различимо. Любой желающий может в этом самостоятельно убедиться.

В-третьих, по поводу «чемоданов» Шило-Таврина и его спутницы. К месту назначения их доставил специальный самолет германской разведки новейшей конструкции — «Арадо-232», который был приспособлен совершать посадку на неподготовленную взлетно-посадочную полосу. В дополнение к этой экипировке самолетом был доставлен и тяжелый мотоцикл «Харлей».

Можно бы и дальше разбирать эти некомпетентные измышления незадачливого критика «железнофеликсовских баек» (выражение А. Шлаена), но стоит рассказать еще о самом наличии у Шило-Таврина этих фотографий. Как это ни покажется странным, но, как видно из знакомства с материалами радиоигр, которые вела в годы войны с противником советская контрразведка, абвер и СД не проверяли багаж диверсантов перед выброской на предмет наличия у них компромата. Для примера рекомендуем прочитать главу из книги «Смерш» — «Война в эфире»⁷⁸³, где также помещена фотография диверсантов, сделанная в германской разведшколе перед их вылетом на задание. Не надо сбрасывать со счетов и того, что нередко на Лубянку доставляли фотографии курсантов германских разведшкол, сделанные советскими зафронтовыми разведчиками, внедренными к противнику...

Подготовку «Цепелином» террористов для покушения на руководителей Советского государства описал и историк С.Г. Чувев: «На северном участке фронта действовала особая команда “Цепелина” оперативной группы “А”, сформированная в апреле 1942 года. Штаб команды дислоцировался в Гатчине (Ленинградская область). Команду возглавлял русский белоэмигрант Аркадий Николаевич Кочу-

бей, а затем унтерштурмфюрер Грейфе, уроженец Москвы. Вербовщиком агентуры и переводчиком команды был оберштурмфюрер СС Делле Павел Петрович⁷⁸⁴ по кличке «Ланге» — «Длинный». Именно этим органом была подготовлена к заброске в советский тыл пара диверсантов — Шилова и Таврин, заданием которых была ликвидация Верховного главнокомандующего. ...Группа вела в небольших масштабах подготовку агентуры. В апреле 1943 года вся подготовленная командой агентура была направлена в особый приемно-распределительный лагерь в м. Замберг (Нижняя Силезия). В июне 1943 года команда была расформирована, на ее базе создана «Ауссенкоманда-I» с прежними функциями⁷⁸⁵.

Правда, в этом фрагменте С.Г. Чуев допустил ряд неточностей. Так, например, Грейфе в действительности был не «уроженцем Москвы», а жителем Москвы, чин П.П. Делле не «оберштурмфюрер СС», а «зондерфюрер К», что соответствовало званию «капитан» в вермахте. Подготовкой Таврина и Шиловой к теракту занимался «Цепелин-Норд» на базе Псковской, а после переезда — Рижской разведшколах СД.

Итак, для реализации этого плана Скорцени был прикомандирован к Восточному управлению СД, а в помощь ему придана группа сотрудников с задачей — изучить возможность и условия, а также подобрать людей для осуществления подрывной операции. Со слов Таврина, в группу Скорцени были отобраны «знатоки» Советского Союза: гауптштурмфюрер Ланге, Барга, Кунерт, Шлиппе и другие.

Показания немецкого террориста Таврина П.И. (настоящая фамилия Шило) полностью опубликованы в книге известного историка Теодора Гладкова⁷⁸⁶, и нет смысла пересказывать их. Однако есть эпизод из рассказа Таврина, на котором стоит остановиться подробнее, так как он является весьма важным для нашего рассказа.

На вопрос сотрудников контрразведки «Смерш» о том, при каких обстоятельствах Таврин был привлечен к сотрудничеству с германской разведкой, диверсант дал неверные показания: «30-го мая 1942 года, будучи командиром пулеметной роты 1196 полка 369 стрелковой дивизии, действовавшей на Калининском фронте, я был ранен, захвачен немцами в плен, после чего содержался в различных немецких лагерях для военнопленных на оккупированной территории СССР, затем на территории Германии. В июне 1943 года в гор. Вене, где я содержался в тюрьме за побег из лагеря для военнопленных, меня вызвали офицеры гестапо Байер и Тельман и предложили сотрудничать с германской разведкой, на что я дал согласие»⁷⁸⁷.

На первый взгляд рассказ Таврина выглядит достаточно правдоподобно, непротиворечиво и логично. Читатель может не обратить внимания на фразу «я был ранен», но этого было достаточно для опытных контрразведчиков Смерша, чтобы поставить под сомнение показания диверсанта. Из опыта работы «смершевцы» знали, что германские спецслужбы при подготовке агентов умышленно наносили им увечья, ранения и т.п., и поэтому такие факты тщательно проверялись. Чекисты сразу поняли, что в их сети попала необычная «рыба».

Параллельно с Тавриным проходил допрос и его напарницы Шиловой Лидии Яковлевны, которая сообщила, что в декабре 1943 года Таврин покинул Ригу и вернулся раненым. Сам же Таврин упомянул, что в период с 5 декабря 1943 по 20 января 1944 года никуда из Риги не отлучался, пришлось сознаться: «Должен признать, что я скрыл от следствия следующий факт: подготавливая меня к переброске через линию фронта, Краус несколько раз ставил передо мною вопрос о том, что я должен быть выброшен под видом инвалида Отечественной войны. В этой связи Краус требовал от меня, чтобы я согласился на хирургическую операцию... Я ка-

тегорически отказался от этого. Тогда Краус предложил мне хирургическим путем сделать на теле следы ранений... В рижском военном госпитале мне под наркозом сделали большую рану на правой части живота и две небольшие раны на руках. Я пролежал в госпитале 14 дней, после чего у меня, в результате операции, на теле образовались следы, схожие с зарубцевавшимися ранами»⁷⁸⁸.

И тут последовал вопрос, от которого Таврин опешил: «Медицинским осмотром вас установлено, что кроме “ранений”, о которых вы только что показали, других ранений на теле не имеется, следовательно, ваши показания о том, что вы захвачены в плен немцами, будучи раненым, ложны?» Выбора для Таврина не оказалось: одно дело быть взятым в плен противником раненым на поле боя, совсем другое — сдать в плен самому: «30 мая 1942 года, находясь на Калининском фронте и будучи послан в разведку, я изменил Родине и добровольно перешел на сторону врага»⁷⁸⁹.

В следственном деле Таврина имеются сведения о том, что Скорцени принимал самое деятельное участие в подготовке покушения на Сталина, но по какой-то причине о своей роли в этой операции «самый опасный человек в Европе» скромно умолчал.

Перевод Таврина в разведорган «Цепелин» как раз совпал с активной подготовкой Скорцени к осуществлению намеченных немцами операций на территории СССР. На допросе 25 октября 1944 года Таврин подробно рассказал о своих встречах с Отто Скорцени:

Вопрос: Кто еще, кроме названных уже вами лиц, подготавливал вас на роль террориста? *Ответ:* На террор меня также обрабатывал Скорцени, с которым я имел три встречи.

Вопрос: Кто такой Скорцени? *Ответ:* Скорцени — работник СД, широко известен в Германии как руководитель и личный участник похищения из Италии Муссолини после пленения его англичанами.

Вопрос: Дайте подробные показания о своих встречах со Скорцени. *Ответ:* Впервые меня вызвали к Скорцени в ноябре 1943 года, когда я был в Берлине.

Вопрос: Где происходила эта встреча? *Ответ:* Это было в служебном кабинете Скорцени в здании СД на Потсдамерштрассе 29.

Вопрос: О чем с вами говорил Скорцени? *Ответ:* Беседа эта носила характер ознакомления с моей личностью, и я тогда даже не понял, для чего меня он вызывал. Второй раз меня вызвали к Скорцени во время моего пребывания в Берлине в январе 1944 года. Кроме Скорцени в кабинете в это время находились еще два неизвестных мне работников СД. Из беседы для меня было ясно, что Скорцени полностью в курсе моих дел по подготовке террористического акта. Скорцени объяснил мне, какими личными качествами должен обладать террорист. По ходу разговора он также рассказывал о деталях, организованного им похищения Муссолини.

Скорцени заявил мне, что если я хочу остаться живым, то должен действовать решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут меня погубить. Скорцени рассказал, как во время похищения Муссолини, он, перепрыгнув через ограду замка, очутился в 2-х шагах от стоявшего на посту карабинера. “Если бы я тогда хоть на секунду замешкался, — заявил Скорцени, — то погиб бы, но я без колебаний прикончил карабинера и, как видите, выполнил задание и остался жив”. Весь этот разговор, как я понял, сводился к тому, чтобы

доказать мне, что осуществление террористических актов в отношении специально охраняемых лиц вполне реально, что для этого требуется только личная храбрость и решительность и что при этом человек, участвующий в таком деле, может остаться живым и стать “таким же героем”, каким стал он — Скорцени.

Вопрос: Вы рассказали только о двух встречах со Скорцени? Когда состоялась ваша третья встреча с ним? *Ответ:* Третья встреча со Скорцени состоялась также в январе 1944 года в Берлине. Скорцени в этот раз расспрашивал меня о Москве и пригородах и, под конец, поставил передо мной вопрос — возможно ли осуществление в СССР такой операции, какую он провел в Италии? Я ответил, что затрудняюсь судить об этом, но, по моему мнению, проведение такого мероприятия в СССР значительно сложнее, чем похищение Муссолини из Италии.

Вопрос: Почему Скорцени интересовался вашим мнением по этому вопросу? *Ответ:* У меня создалось впечатление, что Скорцени разрабатывает план похищения кого-то из руководителей советского правительства...»

Последняя встреча Таврина со Скорцени состоялась в январе 1944 года в Берлине, в здании СД. По плану Таврин должен был быть направлен на выполнение теракта в феврале 1944-го. Но выброска Таврина в советский тыл была осуществлена лишь в сентябре 1944 года, так как самолет, который должен был доставить диверсанта в запланированный район, потерпел аварию. Руководство дополнительной подготовкой Таврина было возложено на СД, сотрудников «Цепеллина» Крауса и Хенгельхаупта...

Дело по «центральному террору»

В ночь на 5 сентября 1944 года начальник Гжатского РО НКВД старший лейтенант милиции Ветров из «точки» службы ВНОС получил сообщение, что в направлении Можайска пролетел вражеский самолет, который был трижды обстрелян нашей зенитной артиллерией в районах станции Кубинка Московской области, Можайска и Уваровки. Из-за обстрела самолет повернул на обратный курс. Однако, получив серьезные повреждения, летчики решили совершить вынужденную посадку, так как один из двигателей воспламенился.

Через некоторое время начальнику Гжатского РО НКВД поступило очередное сообщение о том, что неизвестный самолет приземлился в районе дер. Яковлево, а от самолета на рассвете выехали на мотоциклете в направлении пос. Карманово мужчина и женщина. Утром того же дня Гжатское РО НКВД о случившемся уведомило Вяземский горотдел НКВД. Немедленно в готовность были приведены все наличные силы НКВД и НКГБ.

В результате совместных действий силами сотрудников Кармановского РО НКВД и РО НКГБ диверсанты были задержаны. Агенты германской разведки были одеты в форму офицеров Красной армии: майора и младшего лейтенанта.

Майор имел документы на имя заместителя начальника контрразведки «Смерш» 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта Таврина Петра Ивановича, а его спутница, «машинистка» того же отдела Смерша — Тавриной Лидии Яковлевны. По прибытии в Москву предполагалось эти документы быстро сменить. Как выяснилось в ходе следствия, настоящие имя и фамилия Таврина — Петр Шило, а его жены — Лидия Адамчик.

При задержании Таврин не без гордости пояснил, что немецкая разведка снабжает своих агентов, забрасываемых в советский тыл, фабрикуемыми ею же поддельными орденами, но ему были выданы подлинные. Действительно, в ходе следствия были обнаружены настоящие владельцы наград, которыми в «Цепелине» снабдили Таврина. В филиале «Цепелина» — «Цепелин-Норд» (сокр. «Цет-Норд»), который руководил заброской Таврина, последний был известен под псевдонимом инженер Политов.

После приезда в отдел старший лейтенант Ветров сообщил в РО НКГБ, что задержанными являются «замначальника КРО “Смерш” 39-й армии с личной машинисткой в Управлении “Смерш” НКО г. Москвы». Во время разговора с контрразведчиками Таврин пытался доказать разными документами, что он неправильно задержан. Начальник РО НКГБ Иванов немедленно связался с ГУКР «Смерш» НКО и установил, что вызова заместителя начальника КРО «Смерш» 39-й армии не было и документы задержанных являются фиктивными. Лишь после двухкратного запроса по телефону Москвы — Управления КРО «Смерш» и комиссии по награждению Таврин вынужден был признать, что специально переброшен из немецкого тыла на самолете, который потерпел аварию... По получении этих данных сотрудники НКВД-НКГБ Таврина со спутницей обезоружили и арестовали. Во время личного обыска у Таврина изъяли два пистолета: один был в кармане брюк, другой — в рукаве кожаного пальто.

Одновременно исполняющий обязанности начальника УНКГБ по Смоленской области К. Стальнов направил наркому госбезопасности СССР В.М. Меркулову донесение: «Начальник Кармановского РО НКГБ Смоленской области сообщил по телефону, что в ночь с 4 на 5 сентября с. г. на территории района приземлился вражеский самолет с экипажем 8 чел., 2 из состава экипажа задержаны РО НКГБ. Задержанные назвали себя разведчиками-парашютистами, сообщили, что с ними вместе приземлились еще 6 человек разведчиков. Для организации розыска и задержания остальных на место выслан самолет с оперативной группой из руководящего состава УНКГБ. Дано указание нач[альникам] смежных РО принять участие в операции по розыску остальных разведчиков».

Сотрудники НКГБ доставили «майора Таврина» со спутницей сначала в Смоленск, а оттуда в Москву. Тем временем в НКВД для проведения тщательного исследования и технической экспертизы была доставлена и шпионская «амуниция» несостоявшихся террористов.

Внимание сотрудников советской контрразведки сразу привлекло необычное шпионское оснащение «гостя из “Цепелина”». У Шило-Таврино при аресте был изъят аппарат неизвестной конструкции, предназначенный для поражения бронированных целей, — «панцеркнакке». Он состоял из небольшого ствола, который при помощи специального кожаного манжета закреплялся на правой руке. Пусковое устройство было очень компактным и легко могло быть замаскировано в рукаве пальто. В ствол помещается реактивный снаряд, который приводится в действие путем нажатия специальной кнопки, соединенной проводом с электрической батареей, спрятанной в кармане одежды. Стрельба из «панцеркнакке» производилась бронебойно-зажигательными снарядами. Во время подготовки Шило-Таврин прошел курс специальной тренировки по стрельбе из этого устройства. По его словам, снаряды пробивали бронированные плиты толщиной 45 мм. Тестовые испытания в специальной лаборатории НКВД СССР подтвердили его слова.

Результаты технической экспертизы мини-гранатомета и зарядов к нему были весьма впечатляющими: «Выводы: 1. Доставленный патрон является бронебойно-фугасной гранатой кумулятивного действия с большой бронепробиваемостью до 35–40 мм, с дальностью стрельбы до 300 метров. 2. Стрельба этой гранатой может производиться с руки, с жестким упором гранатомета или без упора, в этом случае гранатомет является однострельным, так как силой отдачи он отбрасывается на значительное расстояние (до 10 метров). 3 Скорострельность гранатомета при стрельбе с жестким упором является весьма малой, так как перезарядка гранатомета требует сравнительно много времени (около 3 минут). 4. Для боевого применения в регулярных войсках граната и гранатомет к ней не пригодны из-за специфичности их конструкции (малая прицельность при стрельбе с руки, малая скорострельность, неудобство заряжания). Однако, ввиду портативности гранатомета и гранаты, их малого веса и большой сравнительной мощности гранаты, это средство может быть весьма успешно применено для специальных целей».

Не остались незамеченными и боеприпасы к пистолетам, которыми СД снабдило своего диверсанта для покушения на советских лидеров. Из заключения экспертизы «патронов иностранного происхождения» от 18 сентября 1944 года: «На анализ представлены 3 (три) револьверных патрона с маркой RW5-7,65. При наружном осмотре установлено, что пуля этого патрона имеет вставленную головку и продольные насечки. Кроме того, обрез дульца гильзы и пистон патрона выкрашены в красный цвет. После наружного осмотра два патрона были вскрыты и исследованы по частям. При вскрытии и детальном анализе пули установлено, что она принадлежит к типу разрывных. Разрывается в момент соприкосновения с препятствием с образованием большого количества мелких свинцовых брызг. Кроме того, в пуле обнаружен белый кристаллический порошок, после анализа которого установлено, что он является сильнейшим кровяным ядом и по предварительным данным относится к классу алкалоидов типа стрихнина. Токсикологической проверкой этого порошка зафиксирована моментальная смерть подопытного кролика, наступившая от общего паралича».

Допрашивали террориста асы советской разведки и контрразведки: начальник отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом комиссар госбезопасности 3-го ранга А.М. Леонтьев, заместитель начальника 2-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го Л.Ф. Райхман и начальник отдела ГУКР «Смерш» полковник В.Я. Барышников.

Во время допроса в сентябре 1944 года П. Шило-Таврин прямо заявил о задании, с которым он был заброшен на территорию Советского Союза: «*Вопрос:* С какими заданиями вы переброшены германской разведкой через линию фронта? *Ответ:* Я имею задание германской разведки пробраться в Москву и организовать террористический акт против руководителя Советского государства И.В. Сталина. <...> *Вопрос:* Кто вам дал это задание? *Ответ:* Это задание мне было дано начальником Восточного отдела СД в Берлине подполковником СС Грейфе. *Вопрос:* Кто персонально должен был совершить террористический акт? *Ответ:* Совершение террористического акта поручено мне лично. Для этой цели руководителем органа СД в Риге, именуемого главной командой “Цепелин” (“Норд”), майором Краус Отто, я был снабжен отобранными у меня при задержании пистолетами с комплектом отравленных и разрывных пуль, специальным аппаратом под названием “панцеркнакке” и бронебойно-зажигательными снаря-

дами к нему. <...> *Вопрос:* Вы разработали этот план? *Ответ:* Этот план был разработан Жиленковым⁷⁹⁰, я его лишь переписал. *Вопрос:* Вы показываете неправду, пытаетесь умалить свою роль. Говорите правду. *Ответ:* Я говорю правду. Получив от Грейфе задание составить план совершения террористического акта, я был доставлен одним из сотрудников Грейфе в гостиницу, где меня поселили. В этот же день ко мне приехал Жиленков, которому я рассказал о задании, полученном от Грейфе, а также о трудностях, возникших у меня при попытке написать план совершения террористического акта. Тогда Жиленков предложил мне свою помощь и увез к себе на квартиру. Там он написал этот план, поручив мне переписать его своей рукой и вручить Грейфе».

На основе полученных сведений был подготовлен доклад высшему руководству страны. 30 сентября 1944 года в Государственный комитет обороны «товарищу Сталина И.В., товарищу Молотову В.М.» из НКГБ СССР, НКВД СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР поступила докладная записка № 4126/м⁷⁹¹, в документе сообщалось: «5-го сентября т. г., близ районного центра Смоленской области — с. Карманово, сотрудники НКВД-НКГБ задержали показавшегося подозрительным неизвестного в форме майора Красной армии. Он следовал на мотоцикле с коляской по дороге на Ржев и предъявил документы на имя Героя Советского Союза Таврина Петра Ивановича. Вместе с ним была задержана женщина, следовавшая в коляске мотоцикла, назвавшаяся женой Таврина — Шиловой Лидией Петровной. При обыске задержанных изъято: а) специальный аппарат “панцеркнакке” с 9-ю зарядами. При исследовании установлено, что снаряд “панцеркнакке” калибр 30 мм, длиной 170 мм, весом 235 граммов является броневойно-фугасной гранатой кумулятивного действия с бронепробиваемостью 35–40 мм при дальности стрельбы до 300 метров. Аппарат соединен тонким проводом с электрической батареей и приводится в действие нажатием кнопки... С сентября 1943 года по август 1944 года включительно, сначала в Пскове, а затем в Риге и Берлине под руководством начальника Восточного отдела “СД” Грейфе, сотрудника “СД” (принимавшего участие в похищении Муссолини) — Скорцени и начальника рижского “СД” — майора “СС” Краус проходил в индивидуальном порядке особую подготовку как террорист, для совершения террористических актов против руководителей СССР. Кроме того, обработку Таврина на протяжении длительного времени вел находящийся в Германии изменник Родине — бывший секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) г. Москвы Жиленков Г.Н.

В ночь с 4-го на 5-е сентября с. г. переброшен через линию фронта с Рижского аэродрома на 4-моторном транспортном немецком самолете, оборудованном для посадки на непригодных площадках, и высажен вместе с мотоциклом в районе с. Карманово. (При посадке самолет потерпел аварию, вследствие чего улететь обратно не мог. 3 члена экипажа задержаны, 1 убит, 2 разыскиваются.) Переброску организовал германский разведывательный орган “СД” в Риге, условно именуемый “Цепелин”.

Цель переброски — организовать и осуществить террористический акт против т. Сталина, а при удобном случае также и других членов правительства — Берия, Кагановича и Молотова. ...Прилагается альбом вещественных доказательств по делу». Документ был исполнен в пяти экземплярах и подписан тремя фамилиями: Берии, Меркулова и Абакумова.

Однако с подготовкой террористического акта против советского руководства в «Цепелине» сразу что-то не заладилось. Достаточно сказать, что начало

операции в силу различных причин переносилось семь раз. Сперва намечалось прибытие в Москву к 15 января 1944 года (вылет не состоялся из-за отсутствия транспорта и документов). Во второй раз (20 февраля) — из-за изменения плана. В третий и четвертый — из-за неготовности новых документов и отсутствия самолета. В пятый — 6 июля — из-за неисправности бензобака самолета. В шестой — 14 июля — из-за обстрела на линии фронта. В седьмой — 3 сентября — вылет не состоялся из-за метеорологических условий. Самолет стартовал лишь в ночь на 5 сентября. Таврин и его спутница с Рижского аэродрома были переброшены через линию фронта на четырехмоторном транспортном немецком самолете «Арадо-332», специально оборудованном для посадки на непригодных площадках.

* * *

Вслед за первым документом поступила докладная записка от 13 ноября, в которой, вместе с протоколом допроса Шило-Таврина, сообщалось о судьбе экипажа самолета: «Из состава экипажа германского самолета “Арадо-232”, производившего переброску Таврина через линию фронта, дополнительно разысканы и арестованы командир самолета Вирус Г.Э. и штурман Тидт Г.

Вирус Гельмут Эмиль, 1918 года рождения, уроженец местечка Новый Ульм, округа Фридберг, Неймарской провинции, немец, пилот самолета, обер-фельдфебель немецкой армии.

Тидт Герхард, 1920 года рождения, уроженец Берлина, немец, по профессии слесарь, в 1939 году добровольно вступил в немецкую армию, штурман авиации, фельдфебель немецкой армии

Таким образом, из шести членов состава экипажа пять человек пойманы и один убит при преследовании. Задержанные германские летчики показали, что они сотрудниками германской разведки специально предупреждались об особой ответственности порученной им переброски в советский тыл Таврина. ...Учитывая имеющиеся материалы о заброске немцами специальной агентуры с заданием по террору, НКВД-НКГБ приняты меры к усилению агентурно-оперативной работы по охране правительственных объектов.

В целях выявления дальнейших намерений германской разведки, по делу Таврина начата радиоигра с немцами. 25-го октября т. г. с радиоцентром противника установлена двусторонняя связь. В качестве радистки используется жена Таврина — Шилова Лидия Яковлевна (арестована), которая прошла у немцев курс радиодела и была выброшена в тыл вместе с Тавриным... Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия».

Для поисков экипажа немецкого самолета немедленно были сформированы и выброшены в район поисков три оперативные группы Гжатского РО НКВД (10 человек), Вяземского горотдела НКВД (20 человек) и Кармановского РО НКВД с членами истребительного батальона (30 человек). Из ОКР «Смерш» МВО прибыла группа красноармейцев в составе 80 человек. У самолета была выставлена охрана из солдат 7-го полка службы воздушного наблюдения.

В ходе прочесывания леса, в семи километрах от места падения самолета были обнаружены следы и место отдыха экипажа (обертка от шоколада, окурки сигарет и т.п.). Двигаясь по предполагаемому маршруту, выбранному экипажем, командир группы установил засаду на мосту через реку Березуйка около деревни Лукьянь-

ково Зубцовского района и выставил несколько секретных постов. 9 сентября в 22 часа немцы вышли из леса на дорогу к деревне и цепочкой по одному вошли на мост. После того как немцы прошли мост, старший опергруппы дал команду: «Стой! Руки вверх!», немцы не подчинились и залегли под откосом дороги. Несмотря на предупредительные выстрелы, экипаж сдаться отказался и вступил в перестрелку. Завязался бой, который продолжался до четырех часов утра. Сопrotивляющиеся были зажаты в кольцо подоспевшей второй группой. В ходе перестрелки был убит бортмеханик Вилли Браун, три человека задержаны и обезоружены: радист — Герхард Хоберехт и два стрелка — Еуген Хеттерих и Кергард Шнейдер. Двоим, командиру экипажа Хельмуту Фирусу и штурману Тидт Герхарду, под покровом ночи удалось скрыться.

Опергруппа, проводя проческу леса в районе приземлившегося самолета, обнаружила следы летчиков, место их отдыха и по следам установила место направления их на территорию Зубцовского района к Ржеву. Об этом были проинформированы Ржевский горотдел РО НКВД и Зубцовский РО НКВД, а опергруппа тем временем продолжала преследование.

8 сентября немецкие летчики были замечены на лесной опушке в 45–50 км от места приземления, и в ночь на 10 сентября они попали в засаду, устроенную опергруппой (Ветров). Трое летчиков были задержаны, а бортмеханик в ходе завязавшейся перестрелки был убит, еще двоим удалось бежать в лес. Их преследование продолжила подоспевшая на место засады опергруппа Калининской области.

Все пилоты входили в состав особой авиагруппы «КГ-200», осуществлявшей по заданиям германской разведки заброску в тыл Советского Союза агентов для шпионажа, совершения диверсионных и террористических актов. К полету в советский тыл экипаж готовился офицером отдела I Ц Меттером. По решению Особого совещания при НКВД СССР от августа 1945 года экипаж самолета был приговорен к ВМН.

* * *

Несмотря на сравнительно невысокое воинское звание, П. Шило (Таврин) четыре раза у немцев встречался с генералом А.А. Власовым, о чем он рассказал в собственноручных показаниях:

«Впервые я встретил Власова в 1942 г. в июле мес[яце] в Летценской крепости, где содержались ряд генералов и командиров Красной армии, в том числе и я. После двухнедельного моего пребывания в крепости был привезен как военнопленный генерал-лейтенант Власов, который был также помещен в тот корпус, где находились все военнопленные, но я с ним знаком не был и разговоров в Летценской крепости с ним не имел.

Вторично видел Власова в полной генеральской немецкой форме в спецлагере в Замберге (Восточная Силезия), в сентябре мес[яце] 1943 года, вместе с “генерал-лейтенантом” Жиленковым, которого я также знал по Летценской крепости и был с ним знаком. Жиленков также был в чине генерала немецкой армии с отличительным знаком на фуражке (старая русская кокарда), который производил передачу сформированного батальона добровольцев из бывших военнопленных немецкому командованию для отправки, как говорили, на Балканский фронт. Но и в Замберге я также к Власову не подходил и не имел с ним никаких разговоров.

П. Таврин и П. Делле

Третий раз видел Власова в Берлине (Ванзее) у него на квартире во второй половине января 1944 года при следующих обстоятельствах⁷⁹². Я находился в Берлине с приставленным ко мне работником гестапо Делле Паулем, к которому однажды вечером в тот пансион, где мы с ним жили, явился неизвестный мне капитан в полной немецкой форме*. Как позже сообщил Делле — это его хороший, ближайший друг, который является личным адъютантом генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова, с которым он хочет поговорить, и они ушли в комнату Делле. После происшедшего между ними разговора они вышли из комнаты, и Делле предложил мне познакомиться с этим капитаном. Я назвал ему свою фамилию. Он, оказывается, хорошо говорит по-русски. Делле мне сказал, что капитан может устроить встречу с Андреем Андреевичем Власовым. Я ответил: “Хорошо, был бы рад видеть генерала Власова”. На этом разговор о встрече был закончен. После пятиминутного общего разговора капитан уехал. Как объяснил мне Делле

позже, заявление этого капитана явилось следствием их приятельских отношений. К концу следующего дня этот же капитан на легковой машине приехал в пансион и сообщил, что мы можем ехать. Собравшись, Делле и я сели в машину и поехали в направлении Ванзее. Неизвестно, по какой причине и по какому поводу, но заехали к Жиленкову, который был дома. Капитан и Делле сообщили ему, что мы едем к Андрею Андреевичу. Жиленков ответил, что, кстати, и ему надо, поедem вместе. Он оделся, сели в машину, и все четверо уехали.

Делле с капитаном занимались неизвестными мне разговорами. А я и Жиленков и Власов сидели у стола. Здесь Жиленков познакомил меня с Власовым и объяснил ему, кто я и что представляю из себя. После общего разговора в течение 1–2 минут, который состоял из задаваемых мне вопросов Власовым чисто биографического порядка и моей жизни, Жиленков спросил меня, был ли я у Скорцени и о чем вели разговор, после чего Власов сказал мне, что, кроме возложенной на меня задачи личного исполнения, я должен заняться также попутно и подготовкой, т.е. разведыванием, подходящих мест в Подмоскowie или недалеко от Москвы, где бы можно было высадиться большой группе людей совершенно безопасно. Он сказал, что в выполнении своей личной задачи я не должен проявлять большой поспешности, должен быть очень осторожным, действовать только тогда, когда будет предоставлен случай наверняка, и что, в случае надобности в поддержке во всех отношениях, то они могут мне предоставлять и средства, и людей, и все, что потребуется, но не назвал, из числа каких людей, какими именно средствами и каким путем это будет сделано. В этом же разговоре им было сказано, что, возможно, в зависимости от обстоятельств и моих

* Возможно, речь идет о капитане В.К. Штрик-Штрикфельте.

информаций, я могу быть вызван в Германию, но это произойдет тогда, когда дело будет подходить к концу, т.е. не раньше, как он выразился, 1-го декабря 1944 года. На этом разговор делового порядка в отношении моей задачи был закончен. Разговор происходил в присутствии Жиленкова. Для меня неизвестно, из каких источников и откуда Власову было известно о том, что я собираюсь ехать в Советский Союз для выполнения такой задачи, хотя, фактически, он мне моей задачи не назвал, но из разговора было видно, что ему все известно.

Четвертую встречу с Власовым я имел в феврале мес[яце] 1944 года в Морицфельде (Восточная Пруссия — филиал Главного штаба военно-воздушных сил германской армии), куда я приехал по указанию Крауса для решения вопросов моей транспортировки. Сначала заехал в Кенигсберг, а затем в Морицфельд, где я встретил Власова и Жиленкова, которые, как мне было сказано, занимались вопросами укомплектования и подбора личного состава для Власовской армии...»

В ходе следствия Шило-Таврин также показал весьма обширные знания как германских разведывательных органов, их задач, форм и методов работы, так и их руководителей.

Например, во время нахождения в Зандбергском особом лагере он «познакомился» с первым начальником отдела VI Ц (Восточного отдела) разведоргана «Цеппелин» РСХА штурмбанфюрером СД Вальтером Куреком, в дальнейшем его жизненный путь пересекался с двумя другими руководителями этого подразделения СД — оберштурмбанфюрером СД Х. Грефе и его приемником — штурмбанфюрером СД, доктором Э. Хенгельхауптом.

Кроме того, Шило-Таврина перед отправкой на задание лично напутствовал начальник отдела VI С РСХА, «диверсант № 1» оберштурмбанфюрер СС Отто Скорцени. Германский ас диверсий очень бы удивился, если бы узнал, что советская контрразведка использовала и эту операцию германских спецслужб как удобный повод для того, чтобы провести очередную игру с противником.

Приведем несколько фрагментов из собственноручных показаний П. Шило «К явкам в Берлине» (без даты, не ранее сентября 1944): «В январе мес[яце] 1944 года, в период моего пребывания в Берлине вместе с Краусом и Делле, я имел встречу с штурмбанфюрером Скорцени, т.е. тем лицом, который руководил эвакуацией Муссолини из Италии. Эту встречу предоставил мне Краус, так как Скорцени являлся его старым другом. Цель встречи — носила характер обмена мнениями о проведении подобного рода операций в отношении насильственно-террористического устранения руководящих лиц в период переворотов и смены правительства в Московском Кремле. Он объяснил мне, что было им использовано при освобождении Муссолини, что было привлечено для освобождения и как практически осуществилось, достаточно ли этого или нет, чем можно дополнить и в какой степени расширить объем операций, если придется производить их в отношении Московского Кремля».

В указанных выше собственноручных показаниях П. Шило (Таврин) рассказал о встречах с руководящими сотрудниками РСХА, участвовавшими в подготовке покушения на руководителей Советского государства: «6) Встречи со Скорцени. а) Берлин — конец ноября 1943 года у него на работе в гестапо. Первое знакомство и беседа с ним о проведенной им операции. Беседа проходила в присутствии Делле и 2-х неизвестных лиц. б) Берлин — в 20-х числах января 1944 г. у него на

работе, вновь беседа о проделанной им работе, через 2–3 дня вторичная встреча, интересовался мнением о возможностях проведения аналогичной Риму операции в условиях Советского Союза. 7) Встречи с Грейфе (подполковником). а) Берлин — в последних числах августа 1943 года, первое знакомство и беседа о возможностях использования. б) Берлин — 4 сентября 1943 года — обсуждение плана. в) Берлин — 15–16 сентября 1943 года — получение документов. г) Берлин — в последних числах ноября 1943 г., интересовался ходом подготовки (в конце декабря или в начале января 1944 г. во время автомобильной катастрофы погиб). 8) Встречи с Хенгельхаупт (майор). а) Берлин-Ванзее — 1–2 февраля 1944 г. первое знакомство через Бакхауза (капитан). б) Берлин — между 30 марта и 2 апреля 1944 г. в ресторане — обсуждение хода подготовки, продолжение беседы было у него на квартире через два дня в Гринвальде. в) Рига — с 15 по 26 июля 1944 г. деловых встреч было две. <...> ...Автоматическое снаряжение было предложено немцами в процессе подготовки, в частности, капитаном Хуль Габль, который впоследствии обучал, как пользоваться этим видом снаряжения. Впервые об автоматическом снаряжении, а также мотоцикле начались разговоры с января 1944 года в Морицфельде после того, как сорвался первоначальный план — переброска в январе 1944 года. Все виды оружия, и в т.ч. “панцеркнакке”, а также радиомина мною испытывались лично, за исключением отравляющих патронов».

Скорцени был достаточно осведомлен о радиоиграх как форме контрразведывательных мероприятий, проводимых германской разведкой на Западе. Правда, они его интересовали чисто с «технической» стороны, как возможность получить прямо из рук противника «новинки» подрывного дела. Так, в ходе радиоигры с английской разведкой в руки немцев попадали не только радиостанции, взрывчатка, амуниция, но и новейшие образцы вооружения, специально изготовленные небольшими партиями для проведения специальных операций. Скорцени, получив эти сведения, быстро нашел возможность их применения в усовершенствовании экипировки своих разведчиков-диверсантов: «Нам стало известно, что английские агенты используют в спецоперациях пистолеты с глушителями. В Германии такое оружие не производилось. Не попадали к нам трофейные образцы и во время нашей кампании на Западе. И тут меня осенило: “А что если ‘затребовать’ глушитель прямо у англичан?” Наш голландский филиал предпринял попытку реализации этой идеи. Меньше чем через 2 недели я держал в руках секретное оружие. Это был револьвер калибра 7,75, грубо и примитивно сработанный, но простой и безотказный в употреблении. На имя перевербованного агента по кличке “Сокровище” оружие было доставлено по воздуху из Великобритании и с благодарностью принято нами!»⁷⁹³

К словам Скорцени можно добавить, что примерно таким же образом поступала и советская контрразведка в ходе проведения радиоигр с абвером и СД, т.е. с самим же Скорцени. Среди оружия и взрывчатых веществ, изымаемых советскими контрразведчиками, часто встречались образцы вооружения, изготовленные в Великобритании. Например, в числе семи пистолетов, изъятых у Шило-Таврина, которого Скорцени лично готовил к покушению на Сталина, был пистолет системы «Веблей-Скотт»⁷⁹⁴, снаряженный специальными отравленными разрывными пулями. Особенность конструкции этого пистолета состояла в том, что во время выстрела отпирание ствола происходило после его короткого отхода назад с одновременным снижением. Возвратная пружина двуперая, V-образная, расположена

в рукоятке под правой щечкой, ее усилие на затвор передается через рычаг. Курок смонтирован на подвижной детали, являющийся автоматическим предохранителем. Другими словами, в умелых руках пистолет этой конструкции являлся мощным и надежным оружием.

«Излишки» оружия и взрывчатки, которые германские спецслужбы «получали» от англичан, оказывались у агентов, забрасываемых в советский тыл. Лубянка также с благодарностью принимала «гуманитарку» из «Цеппелина» и уже советские диверсанты, «экипированные» по последнему слову «англо-немецкой» техники, пускали под откос немецкие эшелоны, взрывали мосты, уничтожали карателей из числа предателей родине, высокопоставленных офицеров и генералов вермахта и СД. Таким вот «неоднозначным» путем, оружие и взрывчатка союзников все же достигала предназначенной ей цели — бороться с общим врагом — гитлеровской Германией!

«Туман» для «Цеппелина»

При аресте Шило-Таврина и его спутницы в руки контрразведчиков попали шифры, кодировочные таблицы и, специально оговоренные на случай провала, способы оповещения.

Радистка Таврина — Лидия Шилова на одном из первых допросов, 8 сентября 1944 года, дала исчерпывающие сведения об особенностях организации радиосвязи с центром: *Вопрос:* Расскажите о порядке организации радиосвязи на приданной вам немецкой разведкой радиостанции. Какое расписание установлено по связи? *Ответ:* Расписание по связи с немецкой разведкой на приданной мне радиостанции было установлено каждое нечетное число, начиная с 9 сентября 1944 года. Время работы 10-00 и 13-30 московского времени. <...>

Вопрос: Что должно быть обязательным отражением в тексте, кроме сущности радиограммы. Должна ли быть дата, чья подпись и т.д.? *Ответ:* Кроме сущности радиограммы в тексте я обязана дать ключ для расшифровки радиограммы, который помещается между первой и второй группой текста от начала и конца радиограммы. В том случае, когда поступает от центра запрос о погоде, я обязана показать на четвертом месте от начала и конца радиограммы. Даты нет. Подпись на радиограмме шифруется.

Вопрос: Какая подпись должна быть в радиограмме и обязательна ли она? *Ответ:* Подпись в радиограмме должна быть обязательно. У меня подпись предусмотрена «Л.П.»*.

Вопрос: Назовите ключ для зашифровки радиограмм. *Ответ:* Ключ для зашифровки радиограмм — «Привет от дамы» и таблица, при этом прилагаемая. <...>

Вопрос: Назовите технические данные станции. *Ответ:* Позывные центра — «141», мои позывные — «350». Длина волн: передатчик — днем 84,45, ночью 40,15. Приемника: днем 80,00, ночью 40,00. Кварцы постоянные. Шифровой лозунг — «Привет от дамы».

* Вероятно, инициалы имени и фамилии, которая Л. Адамчик была присвоена германской разведкой, — «Лидия Политова».

Обломки военно-транспортного самолета «Арадо-232»,
на котором П. Шило (Таврин) с Л. Шиловой пересекли линию фронта

Вопрос: Какие условности в работе при самостоятельной работе? *Ответ:* При самостоятельной работе я обязана в конце радиogramмы учинить подпись “Л.П.”. *Вопрос:* А при работе под диктовку? *Ответ:* При работе под диктовку я обязана сделать подпись “Л.Ш.”*.

Но это были не все меры предосторожности, которые предусмотрели в «Цепелине». Позже в ходе следствия удалось также установить, что «Цет-Норд» разработал еще одну предосторожность на случай провала, о которой знал только руководитель группы — Шило-Таврин. Перед заброской в советский тыл Шило-Таврин согласовал с немецким командованием условный сигнал, который он должен был применить в случае своего ареста советской разведкой, для того чтобы показать, что он работает под ее диктовку. Его жена, выброшенная вместе с Шило-Тавриным в качестве радистки, не знала о наличии этого условного сигнала.

Принцип шифровки условного сигнала состоял в следующем: берется слово, в котором имеются две одинаковые буквы рядом, например «русский» и «коммуна» и т.п. Для подачи сигнала немцам о работе под диктовку Таврин должен был внести в текст радиogramмы два слова, начинающиеся с этих букв, например: «Милая мама», «Сильный снегопад» и вставить их в определенное место радиogramмы. Однако более подробно и конкретно объяснить способ кодировки условного сигнала Таврин на следствии отказался.

После задержания «гостей» следствие по делу оказалось в ведении НКВД-НКГБ, а радиогра с противником — в Главном управлении контрразведки «Смерш» НКО СССР. Во внутренней переписке смершевцы вначале присвоили радиостанции название «Семейка», но вскоре изменили на «Туман». Под этим названием радиогра и вошла в историю отечественной контрразведки. Ее проведение было лично санкционировано наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией. Непосредственное руководство проведением операции осуществлял старший оперуполномоченный 3-го отдела ГУКР «Смерш» майор Фролов (до 3 января 1945), затем — старший оперуполномоченный 3-го отдела ГУКР «Смерш» майор Григоренко.

Одновременно с получением санкции на проведение операции была активизирована вся система розыска государственных преступников. К работе были также подключены Управления НКВД и НКГБ по Московской области

Вся игра с «Цепелином» проходила в тесном взаимодействии между соответствующими подразделениями НКВД, НКГБ и Смерша. Так, например, тексты радиogramм в «Цепелин» готовились начальником 3-го отдела ГУКР «Смерш» Барышниковым и утверждались лично начальником ГУКР «Смерш» Абакумовым или его заместителем — генерал-лейтенантом Бабицем. Кроме того, радиogramмы «Цепелину» согласовывались с начальником 2-го Управления НКГБ СССР Федотовым и начальником Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Леонтьевым.

Тем временем Шило-Таврин и его супруга содержались под стражей во внутренней тюрьме. Вместо фамилий им для конспирации присвоили номера «35» и «22» соответственно. Первый выход в эфир состоялся 27 сентября 1944 года. Начиная с этого дня, вплоть до 15 октября радиостанция неоднократно выходила в эфир. Однако связь с «Цепелином» умышленно не устанавливали. 15 октября

* Вероятно, инициалы имени и фамилии Л. Адамчик после замужества — «Лидия Шилова».

вновь вышли в эфир, слышимость была два балла, но создавали видимость, что центр услышать было не возможно. Наконец, 19 октября в центр радировали «вслепую»: «Вызывайте дольше и отчетливее. Лида плохо разбирает. Вас слышим редко, почему не регулярно работаете. Привлеките радиста, который ее тренировал. Примите все меры, чтобы связаться...»

21 октября пришел ответ из «Цепелина»: «Были очень обрадованы получить от вас ответ. Вашу телеграмму [в] 230 групп не получили. Повторите, сообщите подробно о вашем положении. Привет». В последующие дни продолжали создавать видимость помех в радиоэфире и невозможности принять радиogramмы центра.

Наконец, 26 октября связь была установлена и в «Цепелин» отправили радиogramму: «Очень рад, что наконец появилась надежда. Думал, со связью уже ничего не получится. Лида совсем измучилась. Нахожусь в пригороде Москвы, поселок Ленино, Кирпичная ул., д. № 25... Сообщите, получили ли мое донесение о высадке — телеграмма 230 групп. Еще раз прошу, чтобы с Лидой работал опытный радист. Передавайте медленно. С нетерпением жду ваших сообщений. Привет всем. Л.П.».

29 октября пришло сразу две радиogramмы: «Прошу сообщить точно, где остался самолет и его экипаж...» и «Не давайте ваши телеграммы, больше чем 50 групп. Повторяйте каждые имена и числа два раза. Работаю с вами сам. Мы еще работаемся. Привет... Михель».

В ответ повторно сообщили подробную радиogramму из 280 групп: «В первой телеграмме сообщал, что при посадке самолет врезался в деревья, потерпел аварию, только случайно все остались живы. Летчики оказались малоопытными и растерянными. Кроме того, что не сумели посадить машину, место для посадки почему-то выбрали около деревни. Вскоре после аварии в нашу сторону побежали люди. Я вынужден был действовать быстро и решительно. С трудом вытащил мотоцикл, и с Лидой немедленно отъехали от этого места, экипаж ушел на запад. Из-за плохой дороги мотоцикл отказал, его и все лишнее имущество пришлось уничтожить и двигаться лесом. С трудом добрались до Ржева, где жили 12 дней. Пытались с вами связаться. 28 сентября прибыл в Москву, сейчас живу в пригороде по сообщенному вам адресу. Пока все благополучно, изучаю возможности работы. Сообщите, где семья Лиды. Л.П.».

Завязался регулярный радиообмен с «Цепелином». 2 ноября центр радировал в ответ: «Повторите ваш адрес в телеграмме № 3. Привет. Михель». Через три дня, 5 ноября, немцам радировали: «Обстановка изменилась, многих людей нет. Имеющиеся люди не могут обеспечить получение пригласительного билета. Приглашенные билеты [на] торжественное заседание 6 ноября высылает Кремль по организациям специального формата с указанием фамилии. Вопрос [о] демонстрации 7 ноября неизвестен. Л.П.». На следующий день пришел ответ: «Сообщите о положении в Кремле и отношении Сталина и Тимошенко, и тут нам нужны постоянно донесения. Каждое донесение для нас важно». Из «Цепелина» запросили повторить адрес, где остановились агенты...

13 ноября в центр сообщили «оперативные» данные: «Торжественное заседание состоялось в Кремле. Попасть не удалось. Демонстрации и народа не было». Из «Цепелина» продолжали слать шифровки с требованием повторно сообщить обстоятельства и место крушения самолета... 23 ноября немцам радировали: «Ра-

ботать в Москве оказалось гораздо труднее, чем я думал, приходится начинать все заново, подыскиваю людей. Хочу устроиться работать. Сообщите ваше мнение, прошу ответить, что с семьей Лиды. Привет. Л.П.».

Советская контрразведка продолжала «туманить». Следующую радиограмму отправили 27 ноября: «Все телеграммы уничтожены. Содержание непонятых вами групп восстановить не могу. В телеграмме № 4 после слов “из-за плохой дороги” сообщал, что мотоцикл пришлось уничтожить. После чего прибыли во Ржев, откуда пытались с вами связаться. Л.П.».

7 декабря пришло задание из «Цеппелина»: «Вашей задачей является прочно обосноваться в Москве и подготовить проведение поставленной вам задачи. Кроме того, сообщать о положении в Москве и Кремле». В тот же день в центр направили тщательно подготовленную шифровку: «Точного места посадки не знаю. После аварии на другой день к вечеру вышли к деревне Баранцево 20 км южнее станции Князьи Горы на железной дороге Ржев – Москва. От деревни Баранцево место посадки по моим расчетам не более 30 км на юг. Л.П.»

13 декабря из «Цеппелина» было получено две радиограммы. Первая: «Родственники находятся в безопасности, здоровы и работают; что слышно об основании комитета Власова, сумеете ли вы наладить отношения с комитетом “Свободная Германия” под руководством Зайдлица» и вторая, с запоздалым предостережением: «Почему нет у вас возможности получать сведения из Кремля, что слышно про Сталина. Предупреждаю, что ваш зажигательный аппарат радиомины к концу ноября будет непригоден для пользования».

23 декабря было отправлено в «Цеппелин» три короткие шифровки: «О Власове и русской освободительной армии здесь знают, влияние разное, среди отдельных военных положительное, об основании комитета Власова пока ничего не слышно», «Комитет “Свободная Германия” активно действует, сужу [по] сообщениям печати, ищу возможности наладить отношения», «Сведений о Кремле не имею из-за отсутствия нужных людей, продолжаю искать».

Следующий сеанс связи состоялся почти через месяц, 19 января 1945 года в «Цеппелин» передали: «Выезжал [на] Урал [по] личному вопросу и искал Надю, которая в начале войны эвакуировалась в Свердловск. Безуспешно, мобилизовали в армию. Об отъезде хотел предупредить вас, но Лида не могла связаться. Л.П.».

Ответ пришел в виде трех коротких радиограмм: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожить. По выполнении доложить. Вблизи от вас работают друзья. Хотите ли для взаимной поддержки быть сведены вместе?», «Газетные сообщения о Комитете “Свободная Германия” здесь известны, передавать не нужно. Важно установить связь и сообщить о месте жительства членов, насколько они свободны», «Сообщите, составляет ли курс новых печатных чешских денежных знаков; 5,5 чешских крон одному рублю. Повторяю 5,5 крон равны одному рублю».

Руководство советской разведки посчитало, что поспешное согласие на соединение с другой группой немецких диверсантов может вызвать у противника подозрение. Кроме того, предполагалось, что члены этой группы «друзей» являются участниками другой нашей же радиоигры — «Загадка»...

В этой связи 27 января в центр направили ответы следующего содержания: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожен. Относительно друзей, в зависимости от вашего решения. Если это поможет ускорению выполнения моего задания, я согласен, но чтобы люди были вами проверены и я их лично знал и им бы

Петр Таврин (справа)
и начальник отдела А «Цеппелин-Норд» унтерштурмфюрер СС Георг Грайфе

Агент-радист Лидия Адамчик (Таврина)
и начальник «Цеппелин-Норд» штурмбанфюрер СС Отто Краус (справа)

доверял», «Ваша телеграмма № 3 плохо расшифровывается и мне непонятна. О чешских кронах здесь ничего не слышно. Сообщите яснее, что я должен узнать о них», «Грайфе. Ваш радист быстро передает, не соблюдает пауз между группами, Лиде принимать тяжело. Прошу указать радисту [на] необходимость отчетливой работы».

31 января вновь вышли в эфир: «Краус. В час тяжелых испытаний заверяю [в] преданности делу. Что бы ни случилось, буду добиваться выполнения поставленных мне задач и жить надеждой победы. Прошу передать приветы и лучшие пожелания всем друзьям по борьбе. Петр». Из центра радиовали: «Нумерацию ваших телеграмм начинайте каждый месяц с нового номера. Сокращения, употребляемые при сброске груза: сегодня сброски нет — 416; сегодня сброска — 445».

Очередной сеанс — 7 февраля, в «Цеппелин» радиовали: «Последняя ваша радиограмма непонятна. О какой сброске идет речь? Если это касается друзей, которых вы имели в виду направить ко мне, то прошу вначале сообщить, кто они и знаю ли я их лично». Из центра в тот же день пришли две шифровки: «Петр и Лида, сердечные приветы. Во всяком случае, мы победим. Может быть, победа ближе, чем мы думаем. Помогайте и не забывайте вашу клятву. Петр», «Слушайте радиостанцию “Комитета освобождения народов России” на волне 1339 метра в 12-45, 14-00, 10-15, 19-05, 22-15 и 01-45 по Моск[овскому] времени. Слушать можете только на радиоприемник, но не на вашу рацию».

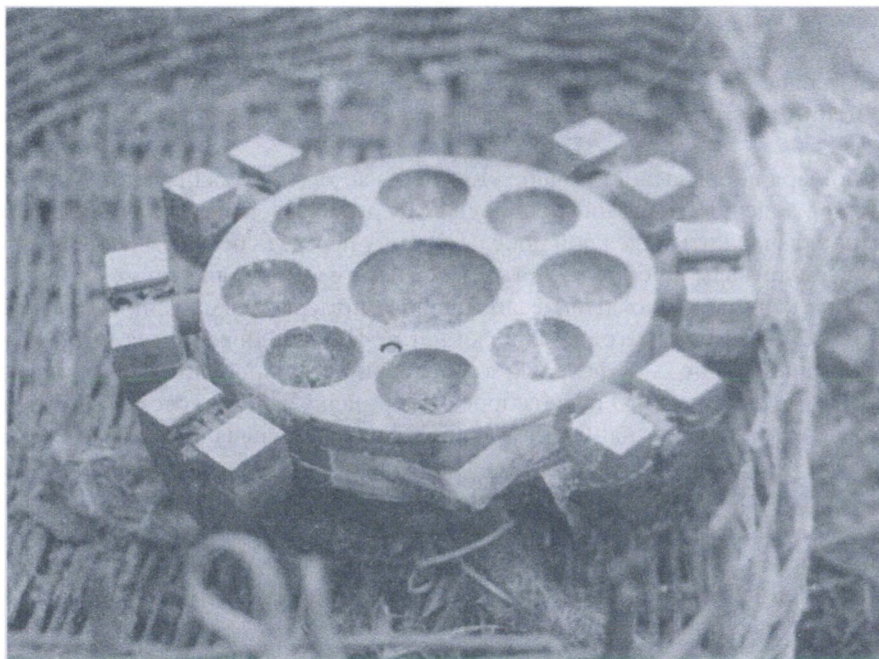
13 февраля состоялся следующий сеанс связи. В «Цеппелин» была отправлена шифровка: «Благодарим за приветы. [В] Преданности делу не сомневайтесь. Сделаю все, что в моих силах. Петр. Слушать станцию комитета освобождения не могу из-за отсутствия приемника, который был вынужден бросить в пути».

Ответная радиограмма получена 15 февраля, центр сообщал: «Вам непонятная телеграмма содержит условные обозначения, чтобы вас скорее известить в случае сброски груза». Вероятно, в «Цеппелине» планировали сброс новых спецсредств для осуществления теракта взамен пришедшего в негодность взрывателя к радиомине.

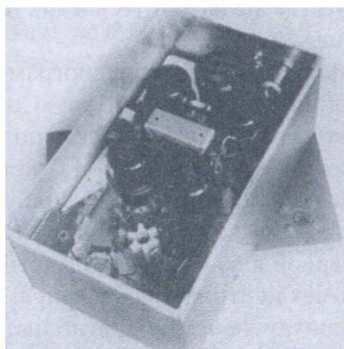
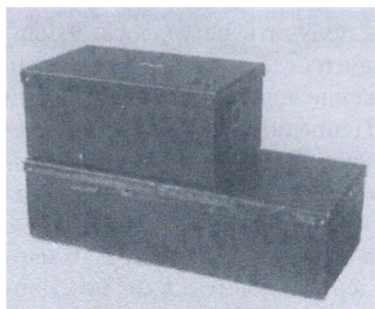
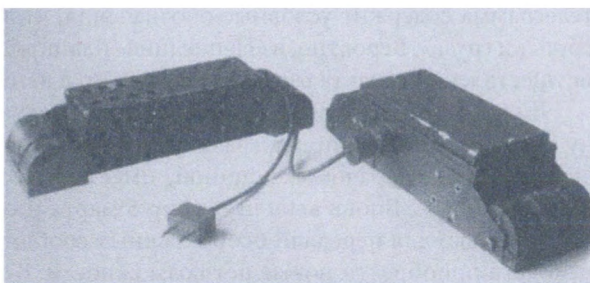
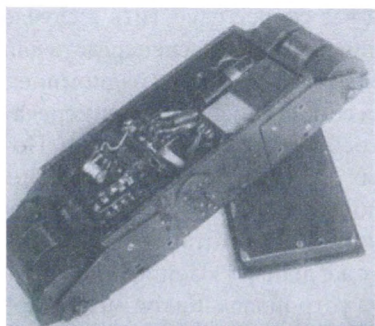
Для «оживления» игры в «Цеппелин» 27 февраля сообщили шифровку, передаче которой санкционировал заместитель наркома госбезопасности Кобулов: «Познакомился [с] врачом-женщиной, имеет знакомых [в] Кремлевской больнице. Обращаюсь». Вновь вышли в эфир 5 марта и сообщили, что выходить на связь будут только для передачи особо важных сообщений, так как питание батареи на исходе, а приобрести новые нет возможности. В тот же день из «Цеппелина» пришел ответ: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривнутриполитическое положение...»

Из-за помех в эфире окончание радиограммы получить не удалось. 9 марта пришла повторная шифровка из центра: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривнутриполитическое положение и шансы для проработки ваших планов. Привет от Нины. Краус». В ответ «Цеппелину» передали сообщение: «Для лучшей маскировки телеграмм меняйте ключевые группы. Первая ключевая остается на старом месте, как вторая группа в телеграмме. Вторая образуется путем сложения первой ключевой с последней гру...»

Из-за сильных помех центр пропал в эфире, как оказалось — навсегда. В марте-апреле 1945-го радиоточка неоднократно пыталась установить связь, но «Цеппелин» в эфире больше не появлялся... Тем временем оперативные сотрудники НКВД и НКГБ параллельно продолжали следственные мероприятия.

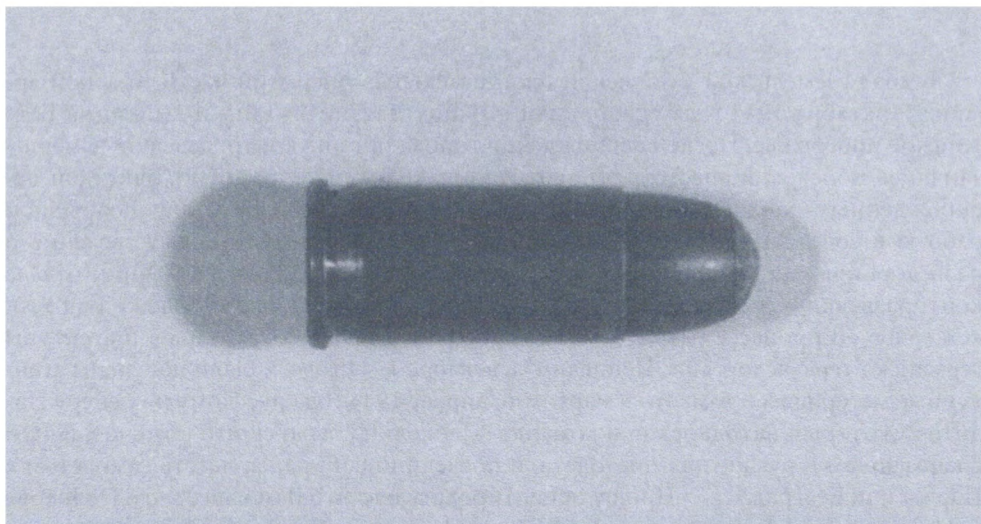

Радиоуправляемая мина, которой был снабжен П. Шило (Таврин) для проведения террористического акта в отношении советских руководителей

Радиопередатчик для радиоуправляемой мины

«Человек со шрамом» в спецоперациях Лубянки

Пуля к пистолету «Веблей-Скотт» с отравленным наконечником

Приспособления для изготовления фиктивных документов, которыми был снабжен П. Шило (Таврин)

* * *

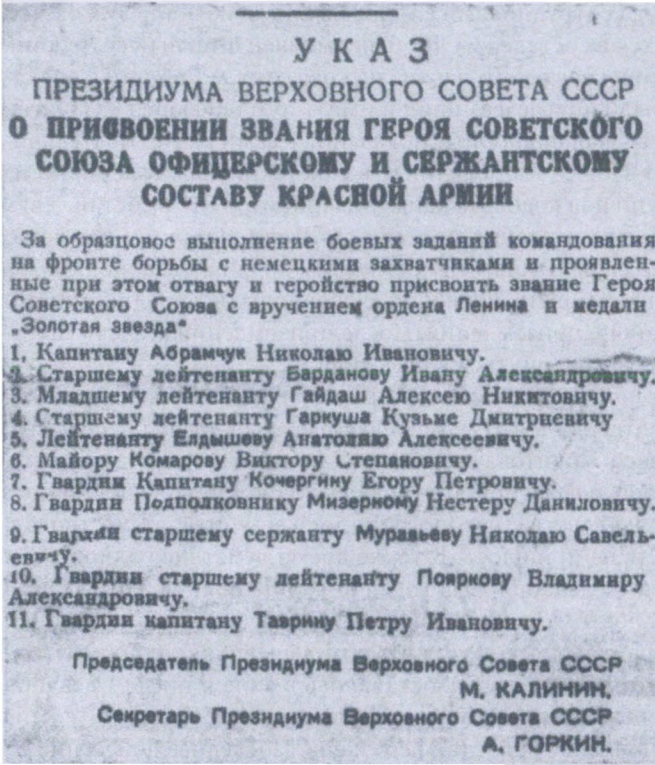
В ходе Мемельской и Рижской наступательных операций части Красной армии 15 октября 1944 года освободили столицу Латвии — Ригу и вышли на Балтийское побережье. После освобождения города органы контрразведки «Смерш» занялись поиском и арестом лиц, сотрудничавших с оккупантами, очисткой освобожденных районов от агентуры противника, оставленной для подрывной работы в советском тылу. В ГУКР «Смерш» стали поступать новые сведения о разведоргане «Цет-Норд» и его филиалах. 1 марта 1945 года начальник отдела контрразведки «Смерш» Рижского гарнизона полковник Бажора доложил в ГУКР «Смерш»: «В процессе разработки связей официальных сотрудников и агентуры германского разведоргана “Цепелин” в декабре 1944 года... были получены агентурные материалы о том, что в марте или апреле 1944 года русскому инженеру Политову, который находился при команде “Цепелин”, было сшито кожаное пальто с кармашком в рукаве для пистолета, и последний собирался лететь самолетом в Париж или Белград. <...> Прошу ориентировать нас, что Вам известно о Политове и его связях...» На тот момент в ГУКР «Смерш» об «инженере Политове» знали уже немало. На документе стояла резолюция: «Речь идет о деле “Туман”».

Сотрудники Смерша Рижского гарнизона нашли не только гостиницу, в которой «Политов» останавливался, когда приезжал в Ригу, — «Эксельсиор» (на улице Гоголя), но и портного, который шил ему кожаное пальто «с кармашком». Спустя некоторое время заказ был готов, «Политов» явился за ним с женой, купил себе еще «лучший гражданский костюм», а супруге — «лучшие предметы дамского одеяния».

Портной рассказал, что в январе 1944 года к нему в ателье пришел человек с запиской из команды «Цепелин» с заданием из привезенных кож сшить пальто «инженеру Политову». Вскоре явился и сам «инженер». Портной предложил изготовить пальто по «существующим европейским модам», на это «Политов» возразил, сказав: «Шейте по такой моде, как у нас, т.е. реглан, но только делайте пошире и подлиннее рукава». Во время второй примерки «Политов» потребовал, чтобы ему в рукаве сделали кармашек, куда можно было бы положить пистолет. Тотчас же был вызван мастер, который и выполнил требование клиента.

Как оказалось, во время оккупации в рижской гостинице «Эксельсиор» гражданские лица не останавливались. Она предназначалась только для офицеров германской армии. «Инженера Политова» с супругой в эту гостиницу привел офицер-эсэсовец и приказал отвести ему лучший номер. «Политов» остановился в № 18. Выезжая из гостиницы, «Политов» сказал одному из служащих, что он «уезжает на фронт, обучать, как обращаться с новым видом оружия». Этот служащий также вспомнил, что «Политов» всегда под пиджаком носил маленький пистолет в кобуре «на всякий случай», а все визитеры к нему были одеты в эсэсовскую форму.

Следствие выяснило и другие подробности операции «Цепелина». После войны от разоблаченных и захваченных советской контрразведкой агентов «Цет-Норд» стало известно, что у немцев содержание радиogramм, поступавших от «Политова», сомнений не вызывали. Однако некоторые сотрудники германской разведки, такие как П.П. Делле, считали «Политова» авантюристом и «неоднократно высказывали мнение о том, что он, вероятно, оказался предателем и работает по указке органов МГБ».

Вырезка из фальшивой газеты «Правда» с указом Президиума Верховного Совета СССР о присвоении «капитану Таврину Петру Ивановичу» звания Героя Советского Союза

Агент «Цеппелин-Норд» П. Шило (Таврин) в форме капитана Красной армии

Звезда Героя Советского Союза, ордена Красной Звезды, Красного Знамени, медали и гвардейские знаки, изъяты у П. Шило (Таврина)

В начале декабря 1945 года сотрудниками Смерша в одной из воинских частей Красной армии, находившихся в составе ГСОВГ, был выявлен штатный сотрудник «Цет-Норд», бывший участник советского партизанского отряда Евгений Саруханов. В «Цепелине» у него были другие фамилия и имя — роттенфюрер СС Ойген Руш. Во время допросов «Руш» дал подробные показания о семи разведывательно-диверсионных группах «Цет-Норд», заброшенных в советский тыл. Как видно из рассказа «Руша», одна из групп под кодовым наименованием «Л-81» в составе двух человек была предназначена для оказания помощи П. Шило (Таврину) в деле по «центральному террору». Со слов «Руша», группа «Л-81» должна была подыскать безопасное место для посадки самолета, периодически сообщать по радиостанции сведения об обстановке в районе приземления. После приземления агента «Политова» группа «Л-81» должна была вернуться в разведорган.

Другой задержанный весной 1945 года агент «Цет-Норд» — Александр Джон на допросе 15 мая также подтвердил, что германская разведка доверяла сведениям, полученным от «инженера Политова». Со слов Джона, «Политов» сообщил, что он «добился входа в Кремль и даже присутствовал на одном из совещаний правительства, но тот член правительства, которого он должен убить, отсутствовал, и применить радиобомбу ему не пришлось. В то же время действие радиобомбы было рассчитано только до 1-го декабря 1944 года, и в конце ноября того же года она оказалась непригодной, поэтому штурмбанфюрер Краус (который руководил этим делом) дал (по радио) указание уничтожить эту взрывную радиобомбу. Задание убить одного из членов правительства оставалось в силе и после 1 декабря 1944 года, но каким способом должен был осуществить этот акт “Политов” — мне не известно. Радисткой у “Политова” работала его жена. Последнее донесение от них было в апреле 1945 года».

В советской контрразведке пришли к выводу, что радиоигра «Туман» была проведена успешно. В справке заместителю министра госбезопасности СССР генерал-лейтенанту Л.Ф. Цанаве от 15 января 1952 года: «По имеющимся данным... проводившаяся... радиоигра “Туман” у ответственных работников немецкой разведки, ныне, предположительно, находящихся на службе у американцев и англичан, никаких сомнений не вызывала...»

* * *

16 августа 1951 года П.И. Шило-Таврину было предъявлено обвинение в совершенных им преступлениях: «*Вопрос:* Вам предъявлено обвинение по ст. ст. 58-1 пункт “б” и 58-8 УК РСФСР в том, что, являясь военнослужащим Советской армии, вы изменили Родине и добровольно перешли к немцам, где были завербованы германской разведкой и в ночь на 5 сентября 1944 года переброшены на самолете в тыл Советской армии со специальным заданием по центральному террору. Содержание обвинения вам понятно? *Ответ:* Да, содержание обвинения мне понятно.

Вопрос: Вы признаете себя виновным? *Ответ:* Признаю себя виновным только по ст. 58-1 п. “б”, т.е. в том, что я, являясь командиром роты 1196 стрелкового полка 359 стрелковой дивизии 30 армии Калининского фронта, я 30 мая 1942 года в районе города Ржева добровольно перешел на сторону немцев, чем изменил Родине. По статье 58-8 виновным себя не признаю, так как я никогда не был намерен выполнять задание немцев по центральному террору».

Начальник «Цеппелин-Норд» штурмбанфюрер СС Отто Краус (крайний справа) с агентами Петром и Лидией Тавриными

1 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР Шило-Таврин П.И. и Шилова Л.Я. приговорены к ВМН. 28 марта Шило-Таврин был расстрелян, а 2 апреля того же года в исполнение приведен приговор в отношении Шиловой. В мае 2002 года Главная военная прокуратура отказала в реабилитации «по делу № Н-21098 в отношении Шило (он же Таврин) П.И. и Шиловой (она же Адамчик) Л.Я.». Дело по «центральному террору» и радиоигра «Туман» завершились.

«БЕРЛОГА» ДЛЯ «ВЕРВОЛЬФА»

Не о каждой боевой операции, проведенной органами контрразведки «Смерш», сохранились какие-либо сведения. В случае с задержанием «вервольфовцев» в районе Кенигсберга осенью 1944 года есть возможность почти документально реконструировать происходившие в то время события. Этот эпизод интересен тем, что с помощью одного из плененных «оборотней» в конце 1944 – начале 1945 года 3-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР начал в Роминтенском лесу радиоигру с «Вервольфом».

Несколько слов стоит сказать о месте, где разворачивались эти события, о которых пойдет наш рассказ. Еще с конца XIX века Роминтенский лес был выбран кайзером Вильгельмом II как одно из мест императорской охоты. После 1933 года в окрестностях Роминтенского леса любил охотиться рейхсмаршал Герман Геринг.

В 1936 году на высоком берегу реки Роминте (в настоящее время — Красная) в елово-сосновом лесу севернее местечка Роминтен возник «охотничий двор Роминтен» (нем. Jaegerhof Rominten). Именно здесь «наци № 2» принимал Адольфа Гитлера, глав и послов союзных государств, изъявивших желание поохотиться. Спустя два года, не без участия Геринга, Роминтенскую пушчу преобразовывают в государственный охотничий заповедник. Как оказалось, Геринг очень удачно выбрал место для своих охотничьих забав.

Стоит упомянуть, что поблизости от дачи Геринга в 1940 году в 7 км от г. Растенбург (Кентшин, Польша) началось строительство Ставки Верховного командования вермахта — «Вольфшанце». Она была введена в действие с первых дней нападения нацистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года. Вокруг Ставки ОКВ (чаще ее называют Ставкой фюрера) в радиусе до 50 км располагались ставки видов вооруженных сил.

Таким образом, Роминтен стал служить не только местом отдыха Геринга и его гостей, но и одним из центров управления германскими ВВС. С этой целью недалеко от охотничьего дома для Геринга был построен бункер, в котором также разместились охрана и ПВО. В 1941 году в Роминтенском лесу, около озера Голдап, располагалась Ставка Верховного командования люфтваффе (ОКЛ). Кроме того, Геринг имел в своем распоряжении два специальных поезда, в которых он и приезжал на охоту в свою резиденцию и из которых мог руководить действиями военно-воздушных сил, — «Asien» и «Pommern I». Спецпоезда находились в постоянной готовности к выезду и располагались на двух железнодорожных станциях — Эйхкамп и Гросс-Куметшен. Охрану Ставки люфтваффе и охотничьего дома Геринга осуществляла специальная егерская зондеркоманда из полка «Герман Геринг».

* * *

В ходе проведения стратегической наступательной операции в Белоруссии в 1944 году части Красной армии вступили в границы Восточной Пруссии. В этой связи «егеря» Геринга получили новую задачу. Им предстояло стать «вервольфами» — «оборотнями» для диверсионно-подрывной работы в тылу Красной армии: организации диверсионных актов, передачи разведанных о передвижении и резервах советских войск и проведения терактов в отношении немецких граждан, сотрудничающих с советской администрацией.

В подарочном издании Управления ФСБ России по Калининградской области отражен фрагмент, посвященный борьбе с диверсионными группами «Вервольфа» в период проведения Восточно-Прусской наступательной операции и штурма Кенигсберга:

«В целях обеспечения планомерного выполнения поставленной перед чекистами задачи, в распоряжение уполномоченного НКВД 3-го Белорусского фронта Абакумова была направлена 57-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР численностью 12 тыс. сотрудников. Помимо этого, в Аппарат уполномоченных из тыловых районов были откомандированы сотрудники из органов военной контрразведки и милиции. Как показало время, создание института уполномоченных полностью себя оправдало, так как позволило органам госбезопасности эффективно осуществлять оперативные мероприятия, а при необходимости производить и войсковые операции в тесном контакте с военным командованием, осуществляя при этом маневр на поле боя приданными силами и средствами.

Уже 15 февраля 1945 г. В. Абакумов направил на имя Л. Берия докладную о результатах работы оперативных групп на территории, где располагались войска 3-го Белорусского фронта. Согласно представленным данным, в период с 14 января по 15 февраля 1945 г. в полосе фронта было задержано 63 075 человек, из которых 12 374 человека были гражданами гитлеровской Германии, 21 784 человека — гражданами СССР и 29 918 человек — иностранными подданными из Польши, Франции, Италии и т.д. ... В донесении помимо этого было отражено, что в указанный период чекистами были ликвидированы 7 диверсионно-террористических групп «Вервольф», оставленные гитлеровцами в полосе наступления Белорусского фронта. Так, в Роминтенском лесу (район оз. Выштынец) контрразведчиками 3-го Белорусского фронта была блокирована и захвачена разведывательно-диверсионная группа, состоявшая из 6 человек.

В ходе следствия было установлено, что группа была создана из состава сформированной к тому времени «Егерской зондеркоманды» люфтваффе, для обеспечения скрытых ее действий было сооружено 3 замаскированных железобетонных бункера, в которых находилось 2 радиостанции, 1 пулемет, 14 противотанковых ружей, 24 единицы стрелкового оружия и 100 кг взрывчатки. В тайниках бункеров хранился трехмесячный запас продовольствия, зимняя форма, а также гражданская одежда.

Оперативными группами в ходе Восточно-Прусской операции и в последующем была проведена большая работа по выявлению военных преступников, сотрудников гестапо, полиции, жандармерии, уничтожено немало оставленных для диверсионных групп тайников и складов. В обнаруженных складах и в ходе производимых арестов в указанный период было изъято: пулеметов — 124; противотанковых ружей — 48; пистолетов-пулеметов, винтовок и пистолетов — 1537; мин и гранат — 3782; патронов — 106 413; взрывчатых веществ — 700 кг; радиостанций — 3; множительных аппаратов (шапираграфов, стеклогграфов и др.) — 6 шт.»⁷⁹⁵

Однако, как оказалось, за их подготовкой к партизанской войне уже внимательно наблюдали. В июле–декабре 1944 года в тылу Восточно-Прусской группировки вермахта действовала специальная диверсионно-разведывательная группа «Джек» 3-го (диверсионного) отдела 3-го Белорусского фронта. Первоначально группа состояла из 10 человек, ее возглавлял капитан Павел Андреевич Крылатых («Джек»). Группа имела следующую боевую задачу: 1) установить контроль за железнодорожными и шоссейными дорогами, 2) определить состояние и пропускную способность железнодорожного транспорта и состояние линий связи, 3) организовать систематический захват «языков», 4) освещать наличие и состояние на этих оборонительных рубежах, 5) освещать сосредоточение войск на этих рубежах, 6) освещать сосредоточение техники, вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия и других видов снабжения, 7) своевременно вскрывать мероприятия противника по подготовке к химической войне, 8) осветить намерения противника по дальнейшему ведению операций.

Возможно, что именно от группы «Джек» первые сведения о планах нацистов по строительству нелегальных складов и переходу к партизанской войне в Роминтенской пуще поступили в Разведуправление 3-го Белорусского фронта, а оттуда, в свою очередь, в ОКР «Смерш» фронта для проведения поисковых операций.

Историю боевой деятельности разведгруппы «Джек» рассказал читателям калининградский историк, полковник милиции Ю.П. Ржевцев⁷⁹⁶. В упомянутом выше издании упоминается и о боевой деятельности зафронтной группы «Джек», проводившей разведывательно-диверсионную деятельность в полосе наступления 3-го Белорусского фронта:

«Для того чтобы иметь своевременную информацию о противнике на территории Восточной Пруссии в период с июля 1944 г. по март 1945 г., было направлено более 100 диверсионно-разведывательных групп из подчинения Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии и его фронтовых органов, НКГБ и зафронтных органов ГУ контрразведки “Смерш” Наркомата обороны СССР.

Именно скрупулезная работа в Кенигсберге всех разведгрупп по добыванию сведений об оборонительных линиях гитлеровцев позволила командованию 3-го Белорусского фронта создать макет точного расположения строений и улиц города.

Заостряя внимание на результативности работы групп чекистов, действовавших, в частности, в тылу у оборонявшихся гитлеровцев, нелишне уточнить, что абвер и СС, тоже в свою очередь предвидя заброску советских разведчиков к ним в тыл, тщательно планировали борьбу с ними. И, надо сказать, их усилия, увы, не пропали даром.

Нашим диверсантам воевать на территории Восточной Пруссии было сложно вдвойне. Во-первых, сразу же бросалась в глаза крайняя настороженность местного населения к чужакам; во-вторых, традиционная немецкая педантичность сводила практически на нет все усилия приземлявшихся диверсантов на исчезновение в лесных массивах, поделенных гитлеровцами на квадраты с широкими просеками, по которым в любую точку за считанные часы прибывали моторизованные группы “охотников” за нашими разведчиками. Многие и многие разведчики были убиты или же схвачены гитлеровцами в первые же часы своего пребывания в тылу обороняющихся.

Боевая работа чекистов — это всегда тайна за семью печатями. Но проходит время, и вдруг появляются на “прочитанных страницах истории” подвиги тех, чьи имена были в свое время засекречены.

Сегодня мы можем открыто сказать, невзирая на то, что архивы тех лет еще до сих пор не раскрыты полностью, пусть даже в двух словах, рассказать о том, что чекисты не только погибали, но и выполняли свой боевой долг, невзирая на охоту за ними настоящих спецов из гитлеровских спецслужб.

Одной из таких разведывательных групп фронтовой разведки 3-го Белорусского фронта была группа “Джек”, проработавшая вне контроля гитлеровцев полгода (6 месяцев!). Увы, но из десяти разведчиков в живых остались только трое: Наполеон Фелицианович Радевский, Иван Андреевич Целиков и Геннадий Владимирович Юшкевич.

Несмотря на потери, эта разведывательная группа, как и десятки других, смогли переиграть абвер и СС, добывая бесценную информацию для советских войск, сражавшихся на Кенигсбергском направлении не вслепую, а благодаря донесениям разведчиков, заранее зная поле боя перед собой»⁷⁹⁷.

20 октября 1944 года в Роминтенскую пушу вошли советские войска. Теперь в дело вступили военные контрразведчики, на плечи которых была возложена не легкая задача борьбы с диверсионно-разведывательными подразделениями противника.

* * *

УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта заблаговременно установило, что германское военное командование, полиция безопасности и СД в обстановке строгой секретности проводили в Восточной Пруссии работу по созданию специальных укрытий для диверсантов, которых планировали оставить на оседание в районах, освобожденных частями Красной армии.

Приведем фрагмент описания боевых действий усиленной разведывательно-поисковой группы 1-го батальона 86-го пограничного полка войск НКВД по охране тыла 3-го Белорусского фронта по ликвидации группы разведчиков-диверсантов противника в районе дер. Роминтен 14 ноября 1944 года:

«По данным ОКР «Смерш» охраняемой армии⁷⁹⁸, 12.11.[19]44 частями КА во время прочески леса, в четырех километрах северо-западнее д. Роминтен, задержано 5 немцев с радиостанцией. Последние показали, что группа немецких солдат из батальона охраны охотничьего дома Геринга, в количестве 9 человек с двумя радиостанциями, при отходе была оставлена в этом районе со специальным заданием разведывательно-диверсионных действий. В районе задержания диверсантов (в землянках) обнаружены склады с продовольствием и взрывчатыми веществами, а также зимняя гражданская одежда и обмундирование военнослужащих Красной армии. По показаниям пленных, вторая группа диверсантов в количестве четырех человек с одной радиостанцией скрывается в этом же районе <...>

Получив приказание командира полка на проческу леса Штаатсфорест Насавен, с задачей розыска диверсантов-разведчиков, командир 1-го батальона старший лейтенант Слемзин решил выслать усиленную РПГ из состава 2,5 линейных и 1 резервной застав <...>

В 15.00 14.11.[19]44 красноармеец Коломников из группы младшего лейтенанта Бондаренко, двигаясь в общей цепи, не доходя 800 метров до Роминтен, обнаружил трех немцев, замаскировавшихся в кустарнике. Последние, видя, что они обнаружены, открыли по красноармейцу Коломникову огонь из автоматов. Ответным огнем Коломникова один немец был убит. Два других немца, преследуемые прибывшей на помощь Коломникову группой младшего лейтенанта Бондаренко, отстреливаясь, начали отход на запад, в сторону р[еки] Роминте.

При преследовании младшим лейтенантом Бондаренко был убит еще один немец. Оставшийся в живых немецкий солдат, видя, что путь отхода ему отрезан группой лейтенанта Лебедева, выброшенной в начале перестрелки старшим лейтенантом Ходусевым в тыл немцам, прекратил сопротивление и сдался в плен. Пленный показал, что все трое солдат являлись участниками группы диверсантов-разведчиков противника. По его же показаниям, в одной из землянок найден ящик немецких гранат (25 штук) и ящик тола (25 кг)...»⁷⁹⁹ Допросив пленного, разведывательно-поисковая группа вскоре обнаружила и остальных диверсантов. Вскоре все нацистские «оборотни», во главе со старшим группы, были захвачены в плен.

О результатах действий ОКР «Смерш» 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта и погранвойск по охране тыла 3-го Белорусского фронта 23 декабря 1944 года начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумов направил докладную записку — «Сообщение об аресте в Роминтенском лесу немецкой разведывательно-диверсионной группы» в ГКО СССР И.В. Сталину:

Докладываю, что органами “Смерш” 3-го Белорусского фронта в ноябре с. г. в Роминтенском лесу (Восточная Пруссия), где находилось поместье Геринга, арестована разведывательно-диверсионная группа германской разведки, состоящая из немцев и оставленная противником в тылу Красной армии для проведения подрывной работы.

В числе арестованных: Блоксдорф Эрих — командир группы, 1912 года рождения, уроженец гор. Гакоберг, немец, со средним образованием, беспартийный, владеец столярной мастерской, в германской армии с 1939 года, в звании фельдфебеля; Бем Эрих — зам[еститель] командира группы, 1921 года рождения, уроженец Судетской области, немец, в германской армии с 1941 года, в звании фельдфебеля; Резелер Фриц — радист группы, 1913 года рождения, уроженец Силезии, немец, беспартийный, со средним образованием, в германской армии с 1939 года, в звании обер-фельдфебеля; Шлингман Фридрих, 1920 года рождения, уроженец провинции Вестфаль, немец, из рабочих, беспартийный, со средним образованием, в германской армии с 1941 года, в звании обер-фельдфебеля; Бейль Александр, 1923 года рождения, уроженец Судетской области, немец, из крестьян, беспартийный, в германской армии с июня 1944 года; Риттер Клаус, 1920 года рождения, уроженец местечка Прейзис-Шторгорт, немец, из крестьян, беспартийный, со средним образованием, в германской армии с мая 1941 года.

Следствием установлено, что все арестованные, за исключением Резелера, после призыва их в армию служили в так называемой “егерской зондеркоманде” германских военно-воздушных сил, возглавлявшейся майором Фревертом, который непосредственно был подчинен адъютантуре Геринга. В задачу “зондеркоманды” входила борьба с советскими партизанами и охрана лесного хозяйства в районе расположения охотничьего поместья Геринга.

Именно радист и заинтересовал “смершевцев”. Арестованный Резелер показал, что после окончания 10-месячной школы радистов он служил в полку “Герман Геринг”, а с сентября 1944 года находился в “егерской зондеркоманде”.

После вступления Красной армии на территорию Восточной Пруссии, “егерская зондеркоманда” была расформирована, значительная часть личного состава команды была направлена на фронт против наступающих частей Красной армии, а из остальных германской разведкой было создано несколько разведывательно-диверсионных групп, которые должны были остаться в тылу наступающей Красной армии для проведения разведывательной и диверсионной работы.

Одна из таких групп была создана из указанных выше арестованных и возглавлялась фельдфебелем германской армии Блоксдорфом, перед которой германская разведка поставила следующие задачи:

1. После отступления немецких войск из леса Роминтен (дача Геринга) и занятия его советскими войсками установить наблюдение и собирать сведения о вступивших в лес частях Красной армии, подходе резервов, техники и движении войск по дорогам, идущим через лес.
2. Собирать немецких солдат, оставших от своих частей при отступлении немецких войск, а также взрослое гражданское население, которое не успело эвакуироваться с немецкими войсками, и создавать из них “партизанские отряды” для борьбы с Красной армией.
3. Совершать диверсии на коммуникациях, по которым движутся советские войска и боевая техника.
4. Разведать, как командование Красной армии и советская военная администрация в

занятых Красной армией районах Восточной Пруссии будут относиться к оставшемуся там немецкому населению.

Для связи с разведывательным центром германской разведки, находившимся в гор. Кенигсберге, группа Блоксдорфа была снабжена двумя радиостанциями и, кроме того, ей было придано 10 почтовых голубей, которые должны были быть использованы в случае выхода из строя радиостанции. Участники группы были вооружены автоматами, пистолетами, гранатами и взрывеществом.

Кроме того, в разных местах Роминтеновского леса для группы Блоксдорфа было сооружено 3 потайных бетонированных блиндажа, в которых органами «Смерш» было обнаружено и изъято: 1 пулемет, 14 противотанковых ружей, 24 автомата, винтовки и пистолеты, 65 гранат, 100 кг взрывеществ, 5000 патронов, 2 радиостанции с комплектом питания для них, трехмесячный запас продовольствия и значительное количество зимнего военного и гражданского обмундирования.

Группа Блоксдорфа свою базу организовала в Роминтеновском лесу в трех километрах юго-восточнее деревни Ягдбуде <...> За время пребывания в тылу частей Красной армии группа Блоксдорфа несколько раз передавала по радио германской разведке собранные ею разведывательные данные о Красной армии, а также дважды пыталась нарушить движение по дороге Ягдбуде – Инжлаудтен, путем подрыва цементной проточной трубы на шоссе, однако произведенные разрушения не смогли препятствовать движению.

Арестованные Блоксдорф, Бем, Резелер и другие показали, что в Кенигсберге для руководства разведывательно-диверсионными группами, оставляемыми в тылу Красной армии, создан специальный разведорган, который возглавляется штурмбанфюрером Шмитцем, присланным из Берлина и назначенным на эту работу Гиммлером...»⁸⁰⁰

* * *

После задержания диверсантов настала очередь оперативных сотрудников ОКР «Смерш» 11-й гвардейской армии. Особое внимание следователей привлек радист группы — «обер-фельдфебель люфтваффе» Фриц Резелер.

В следственном деле Ф. Резелера на первый взгляд нет ничего необычного: арестован органами ОКР «Смерш» 11-й гвардейской армии, затем дело «вместе с личностью», направили в УКР «Смерш» фронта, а оттуда в Москву — в распоряжение ГУКР «Смерш». Но это — только на первый взгляд. Рассмотрим по порядку, как развивались дальнейшие события.

14 ноября 1944 года, т.е. через два дня после задержания группы «оборотней», Резелер был допрошен начальником 4-го отдела ОКР «Смерш» майором Ивановым. На первом допросе Фриц Резелер представился радистом — обер-фельдфебелем люфтваффе. Правды в этом было только наполовину, Резелер был действительно радистом. О своей службе в германской армии арестованный сначала сообщил:

«В армию я был призван в октябре м-це 1939 года и два года и 4 месяца проходил службу в 129-м пехотном полку. Этот полк был учебным полком, и я проходил подготовку как пехотинец. По окончании службы в учебном полку, т.е. в феврале м-це 1942 года, я получил чин унтер-офицера, был направлен в школу радистов в гор. Ютеборг[e]. Школа в Ютеборг[e] готовила военных радистов для использования в немецких воинских частях. В этой школе я обучался до декабра м-ца 1942 года.

После окончания школы я уже проходил службу в 126-м учебном полку в гор. Берлине. В этот полк собирали радистов всех родов войск и проводили с ними дополнительную подготовку в течение около года. Однако я проходил подготовку в течение 6 месяцев. Меня в порядке наказания за передачу по радио радиogramмы личного ходатайства из полка перевели во вспомогательную команду гор. Берлина, занимавшуюся спасением людей и имущества во время бомбардировки. Во вспомогательной команде я пробыл 11 месяцев, после чего, т.е. в конце 1943 года или начале 1944 года, был переведен на службу в полк “Герман Геринг”. Полк “Герман Геринг” в то время находился на Восточном фронте, но в его казармах в Берлине проходили учебу вновь призванные рекруты, назначенные для прохождения службы в этот полк. В названном полку я проходил службу в должности радиста 7 месяцев. В конце июля 1944 года переведен на радиостанцию полка “Герман Геринг”, находившуюся в г. Кенигсберге, которая держала связь с частями полка “Герман Геринг”, находящимися на фронте, и Берлином. На кенигсбергской радиостанции проработал два месяца.

В сентябре м-це 1944 года в Кенигсберг прибыл комендант Роминтеновской местности майор Фреверт, который вызвал меня в комнату начальника радиостанции лейтенанта Шульца. В этой комнате был в то время, кроме майора Фреверт[а], еще один человек в штатском. Войдя в комнату, майор Фреверт заявил мне, что я командуюсь со специальным заданием в Роминтен. По всей вероятности, немецкие части из этой местности будут отступать, и мне придется остаться для выполнения специальных заданий в этой местности после того, как немецкие части отступят из этой местности».

Как выяснилось позже в ходе следствия, «обер-фельдфебель» рассказал лишь «легенду», подготовленную VI Управлением (внешняя разведка) РСХА. Но в его рассказе «смершевцев» привлекли совсем другие обстоятельства. Резелер был радистом, и, вероятно, радиостанция вместе с шифрами и кодами оказалась в руках советских контрразведчиков. В ходе того же допроса задержанный разведчик-диверсант сообщил:

«Вопрос: Какого типа была вам выдана радиостанция? *Ответ:* Мне было придано две радиостанции. Одна Эль Z-28 трехваттная, приемник состоял из трех ламп и передатчик из одной лампы. Размер этой радиостанции 32x25x15 см. Станция была вмонтирована в фанерный ящик, покрытый эрзацкожей. Вторая станция 1,5-ваттная, одна лампа на приемнике и вторая — на передатчике. Типа этой станции не знаю. Обе станции были исправные. Размер второй станции 20x30x20.

Вопрос: Какие запасные части были выданы к радиостанциям? *Ответ:* К Эль Z-28 дано два комплекта батарей и два комплекта ламп. Ко второй станции никаких зап[асных] частей не выдавалось.

Вопрос: Кто назначает очередной сеанс, станция или корреспондент? *Ответ:* Очередной сеанс, как правило, назначает станция, но она почти всегда при приеме телеграммы обуславливается с корреспондентом об очередном сеансе.

Вопрос: Какой вам давался ключ, словесный или цифровой? *Ответ:* Ключ мне был дан словесный — “Только храбрые народы могут существовать”.

Вопрос: Какие позывные были у центра и вашей станции? *Ответ:* Позывные центра были КП-4. Позывные моей станции ФР-2. Эти позывные я выбрал сам, они обозначают мои инициалы — “Фриц Резелер”.

Вопрос: На какой волне вы работали? *Ответ:* На волне 91 и 119 МГц.

Вопрос: При вступлении в эфир кто дает первый позывной и их продолжительность? *Ответ:* Первым позывной дает центр, их продолжительность не больше 20 минут.

Вопрос: Сколько времени разрешается находиться в эфире при вызове центра и при работе? *Ответ:* Время при вызове центра и при работе не ограничено.

Вопрос: Из скольких групп должна состоять радиограмма? *Ответ:* Не больше 50 групп.

Вопрос: Какое количество знаков в минуту вы должны были передавать? *Ответ:* Хороший радист должен передавать от 80 до 100 знаков в минуту. Я передавал только до 60 знаков, т.к. станция была маломощная.

Вопрос: Как вы должны поступить, если радиограмма вами передана, а квитанция не получена? *Ответ:* Такие случаи совершенно исключены. Однако, как я должен поступить, если такой случай все же произойдет, я по этому вопросу никаких указаний не получал.

Вопрос: Разрешается ли передавать радиограммы вслепую? *Ответ:* Нет, не разрешается.

Вопрос: С какой радиостанцией в Кенигсберге вы поддерживали связь? *Ответ:* Этого я не знаю, но не исключена возможность, что со станцией “Герман Геринг”, на которой я работал до перехода на работу в Роминтен.

Вопрос: А вам за время работы на станции “Герман Геринг” не приходилось работать по связи с корреспондентом в советском тылу? *Ответ:* Нет, не приходилось.

Вопрос: Где помещалась в Кенигсберге радиостанция “Герман Геринг”? *Ответ:* На ул. Лейс, № дома не помню, кажется 9 или 19.

Вопрос: Воспроизведите порядок зашифровки и расшифровки радиограмм. *Ответ:* Подробное описание этого процесса я дам отдельно*».

Как ни парадоксально, но этих сведений оказалось достаточно, чтобы впоследствии спасти рассказчику жизнь...

Резелер также рассказал, что, кроме радиостанций для связи с центром в Кенигсберге, группа имела совсем уж экзотический канал связи — почтовых голубей:

«Я забыл сказать, что нашей группе для связи с Кенигсбергом было придано 10 штук голубей. *Вопрос:* Куда делись эти голуби? *Ответ:* Этого я не знаю. 5 голубей, которые прилетели в Кенигсберг, мы не отправляли, как они к ним попали, я не знаю. Кенигсбергу мы на эту их телеграмму ничего не ответили».

В протоколе допроса зафиксирован рассказ Резелера о проведенных сеансах связи с центром и боевых операциях группы против частей Красной армии:

«Всего за время работы нашей группы в тылу советских войск мною было передано 8 радиограмм. Первая радиограмма мною была передана 26 октября: “Гражданского населения в районе Роминтен нет”; на второй день мы получили указание: “Наблюдать движение по дороге Роминтен – Гольдап советских войск и боевой техники”. До 3 ноября я ежедневно радировал, что ничего нет.

3 ноября я передал, что по дороге Роминтен – Гольдап сильное движение пехоты, танков и автомашин в направлении Гольдап[а]. На это сообщение мы получили указание: “Всячески мешайте движению”. Однако, каким способом мы должны помешать движению, не указывалось. Для выполнения этого задания были трое:

* Показаний Ф. Резелера о способах шифровки и расшифровки радиограмм в деле не сохранилось.

два обер-фельдфебеля и один солдат, фамилии их не знаю. Этой группе было поручено взорвать канализационную трубу на дороге Роминтен – Шокумен, точное месторасположение этой трубы показать не могу. Выделенная группа произвести взрыв не смогла, т.к. взрывчатые вещества сильно отсырели.

Вторично на второй день была выделена группа из 4-х человек. В эту группу помимо ранее указанных лиц вошел и я. Взрыв намечали произвести в том же месте. На это раз взрыв произошел, но почему-то небольшой силы, и мост в этом месте только дал осадку, но не взорван. Числа 7 или 8-го ноября я дал радиограмму, что дорога эта нарушена. Ответа на эту телеграмму не последовало».

Таким образом, в руках сотрудников УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта оказались все необходимые данные, что провести радиоигру с противником.

* * *

По инструкции ГУКР «Смерш» о проведении радиоигр с противником, утвержденной в 1943 году, органы контрразведки при захвате агента противника с радиостанцией и шифрами должны в тот же день сообщить об этом в ГУКР «Смерш». Можно с уверенностью предположить, что так и было при задержании радиста разведывательно-диверсионной группы «Вервольф» в Роминтенском лесу.

После изучения полученных из управления «Смерш» материалов и изучения необходимых данных, 19 декабря 1944 года с санкции начальника Главного управления «Смерш» В.С. Абакумова управлению «Смерш» 3-го Белорусского фронта было предложено «радиостанцию Резелер[а] включить в радиоигру с противником, перевербовать последнего и содержать под надежной охраной, исключающей возможность побега. За работой Резелера на ключе обеспечить надежный контроль».

30 декабря начальник УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант П.В. Зеленин, «учитывая необходимость Резелер[а] использовать в оперативных целях», утвердил постановление, подготовленное 2-м отделом УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта: «Следствие по делу приостановить, арестованного из-под стражи освободить»⁸⁰¹.

Резелера поместили на одну из квартир в Каунасе под охраной бойцов ОКР «Смерш» гарнизона. В это время произошел непредвиденный инцидент. В конце марта 1945 года агент Резелер был изобличен как двурушник. В процессе следствия было установлено, что он, будучи убежденным гитлеровцем, скрыл свою работу в качестве официального сотрудника СД, имел намерение при удобном случае совершить побег и во время работы на радиостанции передал противнику о том, что он работает под нашу диктовку.

6 апреля оперуполномоченный ОКР «Смерш» Каунасского гарнизона старший лейтенант Кудрик допросил двух свидетелей, жителей Каунаса: Станислава Микша, 1929 года рождения, и Янину Макревичене, 1925 года рождения, проживавших в городе по адресу ул. Кипропетрауско, 26, кв. 2:

«Вопрос С. Микше: Что вы хотите сообщить о гр[ажданке] Макревичене Янине? Ответ: <...> 5 апреля я вошел в комнату Макревичене, она в это время через открытое окно своей квартиры по-немецки разговаривала с немцем, который находился в доме напротив на втором этаже и также через окно, прикладывая руку ко рту, переговаривался с ней по-немецки. Так как я по-немецки не понимаю, то я у Макревичене спросил, о чем она разговаривала с немцем, она мне ответила, что он — немец, летчик, капитан немецкой армии. Я его спросила, хорошо ли тебя

кормят, он ответил, что кормят хорошо, а кормят хорошо потому, что они хотят получить от меня показания. Она немцу сказала, что скоро война кончится, до Берлина осталось 45 км, немец ей на это ответил, что война еще не скоро кончится, Германия была и будет. Она немцу сказала: “Я русских не терплю”, немец ей ответил: “Все литовцы русских не терпят”. В это время к нему подошел красноармеец, немец закрыл окно, а Макревичене погрозила кулаком красноармейцу. Еще Макревичене мне сообщила, что когда она закончила разговаривать с немцем через окно, то немец ей сказал: “Смотри, о нашем разговоре никому не говори”».

«Вопрос Я. Макревичене: Расскажите, вы имели 5/IV-[19]45 года беседу с немцем, проживающем в доме, находящемся по соседству с вами? *Ответ:* Да. 5-го апреля я с/г. я вышла на кухню в своей квартире и через открытое окно увидела в открытом окне соседнего дома неизвестного мне человека, который обратился ко мне на немецком языке с вопросом, могу ли я говорить по-немецки.

Когда я ему ответила, что я могу говорить по-немецки, и спросила его, кто он такой, то он мне ответил, что он якобы капитан немецкой армии, служил в авиации, но попал к русским в плен. Об условиях жизни в плену он отозвался положительно и говорил, что условия для жизни ему создали хорошие.

Когда я ему стала говорить, что война скоро закончится и после вообще Германии не будет существовать, то он меня оборвал и заявил: “Война для Германии еще не проиграна. Германия была и будет существовать в дальнейшем”. Наш разговор на этом был оборван, так как боец, находившийся вместе с немцем, закрыл окно и предложил ему куда-то идти.

Я из окна заметила, что немец был недоволен поведением бойца и хотел его ударить, но воздержался, так как боец схватился за кобур с револьвером. Весь наш разговор с немцем продолжался не более пяти минут. Больше с этим немцем я никогда не виделась и не разговаривала».

Второй допрос, как видно из документов, состоялся 22 апреля. На этот раз допрос проводили не сотрудники УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта, а специально прибывший из Москвы заместитель начальника 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР майор Иван Лебедев.

Во время следующего допроса мнимый «обер-фельдфебель» сообщил о себе совсем другие биографические данные и признался, что на самом деле он является унтер-офицером СС, ранее служившим в филиале разведоргана VI (Восточного) отдела VI Управления РСХА — «Цеппелин-Зюд»:

«Вопрос: На допросе от 14 ноября 1944 года вы правильные дали показания о своей практической деятельности в период проживания в Германии? *Ответ:* На допросе 14 ноября о своей прошлой деятельности в период проживания в Германии я дал неверные показания. Фамилия моя Резелер Фриц. Родился я в 1913 году в городе Герлиц Нижней Силезии.

Отец имел крупное сельское хозяйство. До 1931 года учился, окончил гимназию, после этого работал в ряде учреждений на канцелярской работе. В 1932 г. в городе Лаубан добровольно вступил в войска СС и одновременно работал на случайных работах. В 1934 году был переведен в кадровые войска СС. В этом же году во время путча Рема в гор. Лаубан по заданию моего начальника убил на улице крупного политического деятеля СА. Через некоторое время по линии гестапо я был арестован, но, имея приказ моего начальника СС не разглашать тайны убийства, я не сознался и был освобожден.

После этого направлен в офицерскую школу СС в гор. Ютеборг, которую закончил в октябре 1935 г. Так как меня подозревали в совершении убийства, то офицерского звания не присвоили. По окончании школы служил в войсках СС в должности командира взвода. Имел звание обер-фенрих, как кандидат в офицеры. В этой должности и звании служил в гор. Варнемюнде до декабря 1937 года.

Через знакомого мне лейтенанта, служившего в СД гор. Берлина, я подал заявление о приеме меня на работу в СД. Пройдя предварительную стажировку в разных отделах СД и специальные испытания, в октябре 1938 года я был зачислен на постоянную работу в центральный аппарат СД гор. Берлина. Примерно месяцев 10 я работал в отделе по выявлению фактов саботажа и диверсий в промышленных предприятиях и, одновременно, обслуживал спортивно-туристическую организацию «КДФ» — «Сила через радость». В этом отделе я работал в должности пом[ощника] референта в звании гауптшарфюрера.

В мои обязанности входило вести карту мест аварий самолетов по всей территории Германии, обрабатывать поступающие агентурные и полицейские донесения по этому вопросу. По выявлении факта саботажа или диверсии, руководством этого отдела материал передавался в гестапо для проведения расследования и ареста виновных лиц. Кроме того, эти материалы использовались на конференциях сотрудников СД для инструктажа и обмена опытом работы.

В этой должности и звании примерно месяца 4-е в 1939 г. работал в отделе «6-Д» по обслуживанию Англии и Швейцарии. Как пом[ощник] референта я обрабатывал агентурные донесения, поступающие из Англии, и передавал их референту для составления общих документов по Англии. Одновременно я вел картотеку агентуры, находящейся в Англии, фиксируя пополнение, убытие, неблагонадежность, положительные и отрицательные стороны агентуры.

После окончания войны с Польшей, в начале октября 1939 г. я был включен в состав оперативной команды СД и в ее составе выехал в гор. Лодзь. Команда возглавлялась майором Мармонд[ом], в задачу которого входило выявление польских патриотических организаций и отдельных лиц, оказывающих сопротивление германским оккупационным властям. Свою деятельность команда СД распространяла на всю Польшу и в своем подчинении имела ряд мелких команд. В этой оперативной команде я вел все делопроизводство и картотеку лиц, враждебно настроенных против Германии.

В декабре 1939 г. вся команда переехала в гор. Краков, где я находился до сентября 1940 года. В это время я был арестован вторично по линии гестапо и обвинялся в убийстве политического деятеля СА в 1934 году. Содержался под стражей при гестапо в гор. Берлине на ул. Принц Альбрехтштрассе в течение года. Я сознался в совершенном мною убийстве и в октябре 1941 г. был освобожден из-под стражи. Получив месячный отпуск, по приказу гестапо вынужден был проводить отпуск в Берлине и выехать в семье не имел права. По окончании отпуска был направлен на работу обратно в Главное управление СД в гор. Берлине. Работал в канцелярии на регистрации входящей и исходящей корреспонденции. Входящая корреспонденция состояла из агентурных донесений различных стран и сообщений полицейских управлений. В исходящую корреспонденцию входила переписка СД с гестапо, полицейским управлением и различными министерствами.

Видя недоброжелательное отношение ко мне начальства после моего пребывания под следствием и [ввиду] нежелания работать в канцелярии, я перешел на

курсы радистов при СД. Находясь на курсах радистов, в феврале 1943 г. был направлен как радист в одну из команд разведоргана “Цеппелин” в р-не гор. Бреслау, местечко Воломин.

В феврале 1943 г. из местечка Воломин в составе команды “Цеппелин”⁸⁰² выехал в Россию. В течение марта 1943 г. был в городах: Симферополе, Ялта. В г. Осипенко прибыл в апреле, где пробыл до конца сентября 1943 г. Руководил разведорганом “Цеппелин” в гор. Осипенко майор Редер⁸⁰³. Под его руководством из русских военнопленных и перебежчиков создавались группы разведчиков, обучались разведывательному делу. В основном разведчики набирались из южных национальностей России, количество которых доходило до 120 человек. Одновременно с обучением их разведывательному делу, под моим руководством обучалась в этот период группа радистов, доходившая до 40 человек. <...>

В связи с отступлением немецкой армии с Кавказа, в сентябре 1943 г. команда “Цеппелин” совместно с разведчиками выехала в Польшу в район гор. Ченстохов. В деревне Брайтенмарк было организовано три лагеря разведчиков. Один из разведчиков южных национальностей, второй — из русских и третий из подготовленных разведчиков к заброске в тыл Красной армии.

На новом месте продолжалось обучение разведчиков, радистов и создавались из них группы. В этой команде “Цеппелин” я пробыл до мая 1944 года. За этот период времени мне известно, что команда “Цеппелин” забросила 3 группы разведчиков в Крым, куда были заброшены остальные, примерно до 5 групп, я не знаю.

В мае 1944 г. был переведен в местечко Тейхвальде, район г. Ченстохов, где также в лагере команды “Цеппелин” майора Куррек[а]⁸⁸⁸ обучал радиоделу русских военнопленных-разведчиков, прошедших предварительную подготовку в лагере Брайтенмарк. Оба лагеря разведчиков возглавлял майор Куррек, т.к. майор Редер из органов “Цеппелин” был почему-то уволен.

В августе 1944 года я был вызван в гор. Берлин в главную команду “Цеппелин”, откуда откомандирован в разведорган “Вервольф” гор. Кенигсберг. Сотрудник этого разведоргана майор Шмитц сказал мне, что я по распоряжению Главного управления имперской безопасности переведен в “Вервольф” для оставления с группой разведчиков-немцев в тылу Красной армии.

В целях маскировки моей принадлежности к СС и СД я был направлен в штаб военно-воздушного округа г. Кенигсберг, где должен называться ст[аршим] фельдфебелем и ничего о себе не говорить. Получив в штабе форму ст[аршего] фельдфебеля, сходяв на несколько дней к семье, я был направлен в дер. Роминтен (Восточная Пруссия) — охотничья дача Геринга в распоряжение майора Фреверта — ком[анди]ра егерского взвода полка “Герман Геринг”... Ст[арший] группы Блоксдорф, получив задание от майора Фреверт[а] на проведение в тылу Красной армии разведки, диверсий и создания из немецких военнослужащих подобных нам групп, 16 октября 1944 года вывел всю группу в лес, где мы расположились. 18–19 октября 1944 г. через лес прошла линия фронта, и мы приступили к выполнению задания. 12 ноября мы были обнаружены частями Красной армии и арестованы.

В связи с чем Резелер был вынужден рассказать о себе правду, из материалов дела неясно. Возможно, он понимал, что иного выхода нет, так как знал, что во всех армиях, участвовавших во Второй мировой войне, с диверсантами был «короткий разговор» — расстрел. Как бы то ни было, но интерес сотрудников 3-го отдела ГУКР «Смерш» к Резелеру спас ему жизнь.

Через некоторое время Резелер был направлен в Москву. В 3-м отделе ГУКР «Смерш» с Ф. Резелером работал старший оперуполномоченный майор В.В. Фролов.

29 мая 1945 года помощник начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-лейтенант И.И. Москаленко⁸⁰⁴ утвердил постановление начальника 3-го отдела ГУКР полковника В.Я. Барышникова о возобновлении следствия по делу Ф. Резелера и передаче всех материалов в Следотдел ГУКР «Смерш». В документе говорилось:

«Резелер в сентябре 1944 года в составе группы 9 человек немецких диверсантов был оставлен для разведывательно-диверсионной деятельности в тылу Красной армии на территории Восточной Пруссии, где и был арестован 30 декабря 1944 года. По оперативным соображениям следствие по делу Резелер[а] было приостановлено. В дальнейшем было установлено, что Резелер дал о себе вымышленные показания и пытался ввести в заблуждение органы советской контрразведки...»

Как видно из документа, радиоигра с «Вервольфом» не состоялась потому, что в Смерше не были уверены в искреннем желании Резелера сотрудничать с органами советской контрразведки. С другой стороны, Кенигсбергская группировка противника была обречена, а связей с Берлином Резелер не имел, и, следовательно, у игры не было больших перспектив на продолжение.

Добавим, что после Победы советские контрразведчики получили некоторые сведения о Резелере. Так, на допросе 6 июня 1946 года унтершарфюрер СС Александр Джон дал показания о сотрудниках СД, с которыми он встречался по службе в «Цеппелине», в их числе был и Резелер: «Резелер Фриц, 33-х лет, немец, хауптшарфюрер СС (старший фельдфебель. — *Авт.*). С марта 1943 года до сентября 1943 года был начальником радиостанции и школы германских радистов германского разведывательного органа “Цеппелин-Юг”, где готовил радистов для заброски в тыл советских войск и после с ними держал радиосвязь. Резелер в 1944 году готовился для заброски в тыл советских войск, но было ли выполнено это задание, не знаю. Приметы: среднего роста, брюнет, нормального телосложения, худощавый».

* * *

5 июня 1945 года следствие в отношении Ф. Резелера приняли к своему производству сотрудники 2-го отделения Следственного отдела ГУКР «Смерш». 24 августа того же года обвиняемому был предъявлен протокол об окончании следствия, о чем Резелер под роспись был ознакомлен.

После окончания следствия Резелер содержался под стражей в Бутырской тюрьме НКВД СССР (август 1945). По постановлению Особого совещания при НКВД от 15 сентября 1945 года Фриц Резелер «за шпионаж» был заключен в «исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ лет, считая срок с 17 ноября 1944 года». Наказание отбывал в Речном лагере МВД СССР (г. Воркута).

22 октября 1953 года, находясь в местах лишения свободы, Резелер обратился с письмом к Генеральному прокурору СССР. В письме, написанном на русском языке, он просил: «...осужден Особым совещанием сроком на 20 лет за предъявленное мне обвинение действие шпионажа. Однако я, Ройзлер Ф.Ф., наравне со всеми солдатами и офицерами Германской армии, я, будучи офицер[ом] подразделения раз-

ведчиков, пленен советскими войсками и осужден как шпион. Чего не может быть потому, что я военнообязанный. Поэтому прошу произвести новое следствие и снизить срок, и считать меня как военнопленный, ибо предъявленное мне обвинение я не считаю реальным. Прошу в моей просьбе не отказать. 22.X.[19]53 з/к Ройзелер».

11 ноября 1954 года заместитель председателя КГБ при Совете министров СССР генерал-лейтенант П. Ивашутин утвердил заключение по архивному следственному делу № 0438881 на Резелера Фрица и его заявлению, подготовленное 3-м Главным управлением КГБ при Совете министров СССР 2 ноября того же года. В документе сказано:

«В предъявленном обвинении по ст. 58-6 ч. I УК РСФСР Резелер виновным себя признал. В преступной деятельности Резелер изобличается показаниями арестованных официальных сотрудников германских разведорганов Лейферт⁸⁰⁵, Зигель и очными ставками с ними. Принимая во внимание, что преступная деятельность Резелер по делу доказана и мера наказания вынесена ему в соответствии с содеянным, а выдвигаемые им в заявлении доводы не обоснованы, полагал бы: Резелер[у] в ходатайстве о пересмотре решения по делу отказать. Настоящее заключение вместе с заявлением Резелер[а] и архивно-следственным делом для окончательного решения направить в Главную военную прокуратуру».

По заключению Главной военной прокуратуры от 13 июня 2001 года, Ф. Резелер признан «не подлежащим реабилитации».

Несостоявшаяся радиоигра с гиммлеровскими «вервольфами» в Роминтенском лесу весной 1945 года была одним из последних «аккордов» в «Большой игре», которую вели в эфире органы контрразведки «Смерш» в годы Великой Отечественной войны.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Ставка руководства германской разведки на массовость, в ущерб качеству подготовки, разведчиков-диверсантов для подрывной работы в советском тылу в конце 1941 – начале 1942 года себя не оправдала. Более того, подобная практика оказалась весьма пагубной для разведывательно-диверсионной работы на Восточном фронте. Многие советские военнопленные, оказавшись в нечеловеческих условиях фашистских концлагерей, согласились на сотрудничество с оккупантами не только для того, чтобы спасти свою жизнь, но и для того, чтобы отомстить гитлеровцам за унижения в плену. После заброски в советский тыл они по одиночке или группами приходили в НКВД с раскаянием и готовностью кровью искупить вину перед Родиной.

После проведения тщательных проверок руководство НКВД-НКГБ принимало решения о сотрудничестве с подобными агентами германских спецслужб и активно вовлекало их в игру с противником. Реорганизация советских спецслужб в 1943 году, выделение на первый план в борьбе с разведслужбами Германии советской военной контрразведки, прежде всего, в лице ГУКР «Смерш» НКО СССР и аналогичных ему формирований на флоте и в НКВД, позволили коренным образом изменить обстановку в «тайной войне» на Восточном фронте.

В результате активных мероприятий, проведенных НКВД, НКГБ и контрразведкой «Смерш», в разведывательно-диверсионные органы абвера и СД были внедрены уже советские разведчики. К 1943 году в нескольких разведшколах противника, действующих против Советского Союза, оказались резиденты НКГБ. Последующая работа по выявлению и обезвреживанию разведчиков и диверсантов противника, заброшенных в прифронтовую полосу или глубокий тыл, по существу, стала лишь «делом техники». В число задач разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ, заброшенных в тыл противника, входило выявление разведывательно-диверсионных школ противника, их руководства, форм и методов подготовки и их руководителей.

Как видно из трофейных материалов немецких разведывательных органов, противник не уделял достаточного внимания получению сведений о руководителях советских спецслужб. На первый план в абвере ставились получение информации разведывательного характера и проведение саботажа, диверсий в прифронтовой полосе и глубоком тылу. Это был определенный просчет германской разведки.

Напротив, тщательное изучение советской контрразведкой информации о руководящем составе немецких разведывательных служб, методов их работы сыграло свою роль в организации противодействия подрывным операциям противника. И совсем не случайно, что после победы многие руководители германской разведки и контрразведки оказались в советском плену.

В целом ставка Гитлера на «блицкриг» дорого обошлась не только вермахту, но и абверу. Еще перед войной советские спецслужбы представляли собой достаточно эффективный «сплав» разведки и контрразведки. В ходе войны с Германией советское руководство вносило в организацию советских спецслужб необходимые коррективы (создание Смерша), что позволило превратить разведывательные и контрразведывательные органы в настоящий «щит и меч» страны. В Германии необходимые изменения по объединению раз-

ведывательной и контрразведывательной деятельности под единым руководством были внесены лишь после неудачного покушения на фюрера 20 июля 1944 года.

Однако и решение подчинить всю разведку и контрразведку Главному управлению имперской безопасности нельзя назвать удачным. Рейхсфюрер СС и его подопечные не имели того опыта, который был накоплен абвером в проведении подрывной работы. К тому времени, когда адмирал Канарис оказался в опале у Гитлера, многие его подчиненные, не дожидаясь репрессий, начали покидать свои посты и переходить на командные должности в вермахте.

Одновременно со становлением системы борьбы с агентурным проникновением и дезинформированием специальных служб Германии, совершенствовалась и разыскная деятельность. Работа по розыску агентов германских спецслужб в 1941–1943 годах (до образования Смерша) возлагалась на 1-й отдел 2-го Управления НКВД СССР, 10-й отдел Управления особых отделов НКВД СССР, затем — 3-й и 4-й отделы ГУКР «Смерш» НКО СССР и 4-е Управление НКВД-НКГБ СССР, их подразделения на местах, транспортные отделы НКВД СССР, а также радиоконтрразведывательные подразделения.

Основными задачами операций по розыску являлось «установление местонахождения отдельных вражеских агентов, участников националистических бандформирований, особо опасных государственных преступников и разведывательно-диверсионных групп, находящихся за линией фронта, в зоне боевых действий, а также в прифронтовой полосе и в тылу... Основу операций по розыску составлял комплекс взаимосвязанных по месту и времени агентурно-оперативных, режимных, радиоконтрразведывательных и режимно-войсковых мероприятий...»⁸⁰⁶

Примерно в этот же период советская контрразведка в полной мере усвоила и сравнительно новый вид противодействия — радиоигры с противником, который активно применялся до конца Великой Отечественной войны.

Обратим внимание читателя еще на одно обстоятельство. Во время проведения радиоигр с германской разведкой неоднократно были случаи, когда одна спецоперация советских спецслужб как бы «поддерживала» другую радиоигру. Так, например, на одном из этапов стратегической операции «Монастырь — Курьеры» противнику, как бы между прочим, передали информацию о том, что якобы в соседнем лесу обнаружен большой немецкий отряд, вышедший из окружения и пробивающийся к своим. Этот факт явился лишним аргументом для разведки СД в подтверждении сведений об «отряде Шернхорна».

Другой пример — радиоигра «Туман». На этот раз уже из «Цеппелина» поступило предложение своему агенту Таврину оказать ему помощь «проверенными людьми». И в Смерше благоразумно отказались, вполне резонно предположив, что в немецкой телеграмме шла речь о перевербованных агентах СД, привлеченных к сотрудничеству советской контрразведкой в радиоигре... «Загадка». Шифровки «Цеппелина» убедительно свидетельствовали о том, что немецкая спецслужба доверяла своим «надежным» агентам и не подозревала, что попалась в «сети», расставленные советской контрразведкой.

Уверенная работа чекистов по дезинформации противника на заключительном этапе войны стала результатом кропотливой совместной деятельности НКВД-НКГБ и ГУКР «Смерш» и Генштаба Красной армии. Образно говоря, в ходе «войны в эфире» все «козыри» были в руках сотрудников Лубянки, которые во время проведения радиоигр навязали противнику свои правила «Большой игры».

На завершающем этапе Великой Отечественной войны контрразведывательные аппараты все активнее и масштабнее трудились над организацией и проведением

радиоигр со спецслужбами противника. Прочной основой этого являлись результативные поисковые мероприятия на каналах проникновения агентуры врага в части Красной армии и флота, в прифронтовые и удаленные от зоны боевых действий районы. Самым непосредственным образом положительно сказывались и достижения в зафронтовой работе по внедрению в разведывательные органы абвера и СД. Если на первую половину января 1944 года ГУКР «Смерш» НКО, его фронтовые, армейские и военноокружные аппараты вели 30 радиоигр (из Москвы, Архангельска, Вологды, Тихвина, Ярославля, Горького, Тулы, Брянска, Тамбова, Тбилиси, Гурьева, Свердловска, Уральска, Чкалова, Ирбита, Новосибирска и других районов), то в ноябре уже использовались 42 агентурные радиостанции немцев.

Изменения в военно-политической и оперативной обстановке влияли на тактику проведения радиоигр и их задачи. Важным оставалось дезинформирование противника относительно замыслов и конкретных планов командования. В этом направлении военные контрразведчики базировались на информации, получаемой от специально созданной в Генеральном штабе Красной армии группы, возглавляемой начальником Оперативного управления генерал-полковником С.М. Штеменко. Из 61 подконтрольной чекистам немецкой агентурной радиостанции со второй половины 1943 по май 1945 года на дезинформирование неприятеля было задействовано 35, т.е. более половины⁸⁰⁷.

О масштабах «войны в эфире» говорит и тот факт, что в отдельные периоды войны территориальными органами и военной контрразведкой одновременно велось до 70 радиоигр из прифронтовой полосы и глубокого тыла страны.

В конце октября 1944 года начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумов направил в ГКО (Сталину и Молотову) докладную записку об использовании агентурных радиостанций, изъятых у арестованных агентов германской разведки. В документе были обобщены результаты проведения радиоигр с противником с использованием захваченной радиоаппаратуры:

«За время Отечественной войны в радиоигру с противником было включено 152 радиостанции, из которых в настоящее время действует 42, а остальные в разное время были выведены из игры в связи с нецелесообразностью их дальнейшего использования <...> Проведение радиоигр таким путем дало возможность избежать расшифровки германской разведкой наших контрразведывательных мероприятий и провала радиостанций, в результате чего, обманывая немцев, нам удалось:

1. Вводить в заблуждение германское военное командование и разведку противника, дезинформируя их об обстановке на ряде участков фронта, и создавать у немцев видимость, что они через свою агентуру якобы получают шпионские данные о расположении воинских частей на фронте и контролируют основные наши коммуникации, связывающие фронт с тылом.

2. Легендировать перед противником «активные действия» заброшенных им групп агентов с заданиями по организации диверсии и повстанческого движения в различных районах Советского Союза, вследствие чего немцы забросили в район «действия» этих групп 112 своих агентов в качестве пополнения, которые нами были арестованы.

3. Вынудить германскую разведку разновременно забросить на нашу сторону, якобы для подрывной работы своих агентов, 25 минометов и пулеметов, 292 автомата, винтовки и пистолета, 722 мины и гранаты, 72 897 патронов, 2685 кг взрывчатых веществ, 12 радиостанций, 5 395 448 рублей советских денег, 20 000 американских долларов и 5 000 английских фунтов, а также большое количество листовок от имени антисоветских организаций «Национально-революционные силы России», «Советской социалистической партии», «Русского освободительного движения», «Русского коми-

тета” и др. <...> Тесты с военной дезинформацией передавались противнику после согласования их с Генеральным штабом Красной Армии.

Судя по ответным радиogramмам, противник эти сообщения принимал за соответствующие действительности и учитывал их в своих оперативных планах.

Например, в начале февраля с. г. передачей дезинформаций по нескольким радиостанциям было достигнуто отвлечение внимания противника с участка 1-го Украинского фронта.

В конце апреля с. г. была передана дезинформация якобы о готовящейся совместно наступательной операции Красной армии и союзников на северном участке советско-финского фронта, в связи с чем было отвлечено внимание финнов от Карельского перешейка. В тот же период времени передавалась дезинформация, маскирующая нашу подготовку к наступлению на участках Белорусских фронтов.

В мае с. г. противник потребовал от одной из групп своих агентов установить, куда передислоцировалась 11-я гвардейская армия. Несколькими радиogramмами мы сообщили неправильные данные о передислокации армии в район Порхов – Дно. В то же время по другой агентурной радиостанции, находящейся в гор. Гатчина, сообщили, что медсестра, якобы являющаяся знакомой одного германского агента, уезжает в гор. Дно для работы в госпитале 11-й гвардейской армии. Фактически же 11-я гвардейская армия в это время была передислоцирована на 3-й Белорусский фронт.

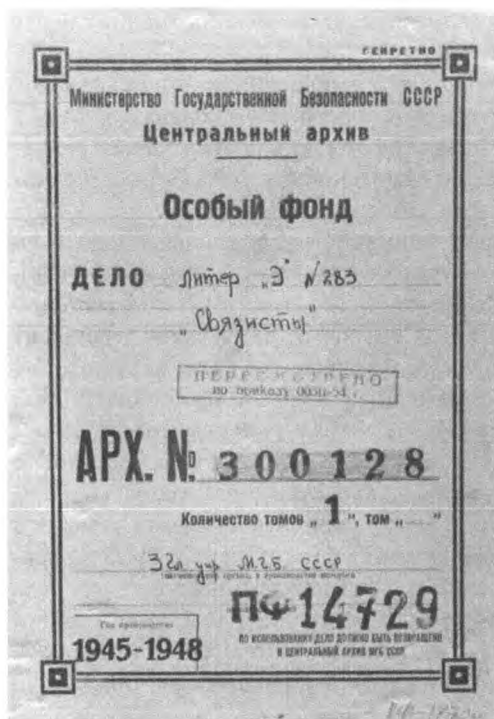
В июле с. г. аналогичная дезинформация была дана по одной агентурной радиостанции, находившейся в районе Тарнополь, относительно 3-й гвардейской танковой армии. Было указано, что эта армия передислоцировалась в район города Минска, в то время как она оставалась на 1-м Украинском фронте.

Таким образом, органы советской контрразведки систематически вводили в заблуждение германское командование и разведку противника, дезинформируя их об обстановке на ряде участков фронтов, и создавали у немцев видимость, что они через свою агентуру контролируют основные наши коммуникации, связывающие фронт с тылом.

О том, что противник верил этим сообщениям, свидетельствует заочное награждение немцами “за хорошую работу” орденами и медалями 16-ти перевербованных нами агентов германской разведки, причем 9 из них были награждены дважды».

Обратим внимание только на один результат из докладной записки Абакумова — сумму денег, изъятых у агентов германской разведки: 5 395 448 рублей. Все эти деньги после проведения соответствующей экспертизы были направлены в доход государства. Кроме того, в ходе радиоигры 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР «Монастырь – Березино» было получено в 1942–1945 годах 4 258 330 рублей. Таким образом, германские спецслужбы «подарили» Лубянке 9 653 778 рублей. Именно такую сумму денег советские контрразведчики передали государству, т.е. в Фонд обороны СССР. Известно, что в 1943–1944 годах стоимость одного среднего танка Т-34 составляла примерно 141 000 рублей. Другими словами, на деньги, перехваченные советскими контрразведчиками у германских спецслужб, можно было построить 68 «тридцатьчетверок» и оснастить ими два полноценных танковых батальона!

В заключительный период войны советской военной контрразведкой радиоигры использовались не только для борьбы с подрывной деятельностью германских спецслужб, но и для непосредственной поддержки боевых действий Красной армии. Показательным примером операции подобного рода может служить радиоигра «Связисты», проведенная УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта в ходе Будапештской наступательной операции⁸⁰⁸ с 18 января по май 1945 года.

Обложка дела радиодрамы «Связисты»

Осенью 1944 – зимой 1945 года в ходе боевых действий в Венгрии германское военное командование принимало все меры к тому, чтобы не допустить захвата Будапешта и вывода из войны последнего своего союзника. За счет резервов ОКХ, новых формирований и перегруппировки сил оно увеличило состав группы армий «Юг» с 38 до 51 дивизии и бригады.

Оценив состав и распределение немецких и венгерских войск по направлениям, советское командование пришло к выводу, что противник намеревается не только удержать за собой Будапешт, но и не допустить Красную армию в Чехословакию и Австрию. В такой обстановке 12 декабря 1944 года Ставка ВГК решила войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, прежде всего, разгромить будапештскую группировку и овладеть Будапештом.

Наступление, начавшееся 20 декабря 1944 года, развивалось успешно. 26 декабря войска 2-го и 3-го Украинских фронтов соединились у Эстергома (35 км северо-западнее Будапешта), завершив окружение

188-тысячной группировки противника. Создав внешний фронт окружения, и отбрасывая противника к западу от Будапешта, советские войска одновременно все плотнее сжимали кольцо вокруг венгерской столицы.

В течение января 1945 года войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов пришлось вести тяжелые бои по отражению контрударов немецких войск, имевших целью деблокировать свою будапештскую группировку и восстановить линию фронта по Дунаю. Германское командование, сосредоточив близ Будапешта почти половину всех танковых и моторизованных дивизий, имевшихся на советско-германском фронте, со 2 по 26 января нанесло три сильных контрудара по войскам 3-го Украинского фронта. На таком оперативном фоне началась игра контрразведчиков УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта.

16 января 1945 года в районе с. Цеце (Венгрия) с немецкого самолета на парашютах в тыл войск 3-го Украинского фронта была выброшена группа агентов германской военной разведки с радиостанцией. В состав группы входили два человека: агент-радиист «Кол» и разведчик «Беляев». Оба агента — бывшие советские военнопленные, попали в плен к немцам в октябре 1941 года. Агент «Кол» в 1943 году окончил Гросс-Раумскую разведшколу по программе разведчика-радииста, а агент «Беляев» в 1944 году прошел подготовку разведчика при «Абверкоманде 106».

Группа имела задание обосноваться на жительство в районе с. Цеце и приступить к сбору шпионских сведений о передвижении частей Красной армии, их вооружении и политико-моральном состоянии, а также об отношении венгерского населения к Красной армии. Для выполнения этого задания агенты были экипированы в форму

офицеров Красной армии и снабжены фиктивными документами военного образца, портативной коротковолновой радиостанцией, пистолетами «ТТ», 320 рублями советских денег и 400 венгерских пенге.

После приземления в тылу Красной армии агенты сразу же явились с повинной в органы советской контрразведки, сдали фиктивные документы, оружие, радиостанцию и другие предметы, полученные ими от немцев для выполнения задания, и дали подробные показания по всем интересующим вопросам, в том числе и по вопросу радиосвязи с центром противника. Учитывая явку с повинной и откровенность показаний агента-радиста «Кола», он был перевербован под псевдонимом Юркин и включен в радиоигру с целью военной дезинформации противника и перехвата каналов связи германской военной разведки. Операция получила кодовое наименование «Связисты».

В первый сеанс связи, состоявшийся 18 января 1945 года, противнику было сообщено о благополучном приземлении и готовности к выполнению задания. По плану радиоигры для передачи противнику были подготовлены три радиোগраммы, в которых легендировался вывод из игры разведчика «Беляева». В дальнейшем намечалось легендировать вызов агента-связника германской разведки. Однако эта легенда реализована не была в связи с возникшей необходимостью использования агентурной радиостанции для военной дезинформации противника.

В этот же день, 18 января, немцы нанесли третий контрудар из района юго-западнее г. Секешфехервар. 19–20 января противник силой до 300 танков прорвал нашу линию обороны на участке между озерами Балатон и Веленце и быстро продвинулся на юг и восток. Немецким войскам удалось выйти к Дунаю, а затем подойти к Будапешту с юга на расстояние 25 км. К исходу 21 января немецкие танки вышли в район Шифон – Озора – Цеце – Дунапентеле – Адонь.

Командование фронта разгадало маневр противника, который стремился выйти с юга к Будапешту для оказания помощи окруженной в Будапеште крупной группировке немецко-венгерских войск. Приостановив наступление противника, командование 3-го Украинского фронта обратилось в УКР «Смерш» фронта с просьбой использовать радиостанцию «Связисты» для дезинформации противника в целях облегчения разгрома этой выдвинувшейся группировки немцев.

В связи с этим командованием 3-го Украинского фронта был разработан и после утверждения Генштабом Красной армии передан противнику ряд радиোগрамм о концентрации перед его левым флангом крупных наших танковых соединений.

Переданным дезсведениям противник поверил и принял меры по обеспечению своего левого фланга, сняв для этого с основного направления значительное количество танков. Это обстоятельство дало возможность частям 3-го Украинского фронта ликвидировать прорыв и восстановить прежнее положение.

По вопросу переданных по станции дезсведений, противник 6 февраля 1945 года радировал: «Ваши сведения отличны. Пытайтесь, во всяком случае, узнать номера там находящихся дивизий. Можете ли вы еще 10 дней оставаться там. Вызовем тогда радиোগраммой назад. Приветы, на здоровье, до свидания».

13 февраля группировка немецких и венгерских войск в Будапеште, потеряв до 50 тыс. убитыми и 138 тыс. пленными, прекратила свое существование. В эту победу внесли свой посильный вклад и сотрудники УКР «Смерш» 3-го Украинского... Как и многие радиоигры, проведенные с конца 1944 по май 1945 года, операция «Связисты» была прекращена «в связи с капитуляцией Германии».

По имеющимся в Центральном архиве ФСБ России сведениям, за годы Великой Отечественной войны (с 1942 по май 1945) советскими органами безопасности была

ДНЕВНИК

РАБОТЫ РАДИОСТАНЦИИ «СВЯЗИСТЫ»

РАБОТА ЦЕНТРА	РАБОТА КОРРЕСПОНДЕНТА
<p><u>19 января 1945 г.</u> Выдан квитанция в приеме радиogramмы корреспондента.</p>	<p><u>19 января 1945 г.</u> Передал «рр»: «Привезли в районе села Уеча, встретили с капитаном. Успешно к работе».</p>
<p><u>1 февраля</u> Выдан квитанция в приеме «рр» кор-та</p>	<p><u>1 февраля</u> Передал «рр» 52 знаков: «с 29 на 30 января цыганский лагерь, 150 машин, 250 автомашин, 50 грузовиков на цыганах на Шиманторина и вора лично наблюдая. Кол.»</p>
<p><u>3 февраля</u> Передал «рр» в 19 знаков: «Собирают откуда машины и машины цыган. Машины какой типа и какой части» Выдан квитанция в приеме «рр» кор-та</p>	<p><u>3 февраля</u> Передал «рр» в 66 знаков: «Из разговора созданы 1 и 2 февраля Устинович, что в районная Агонд, Москва, Надв-Береж ссыла-центрировано до 150 машин. Когда неморинка пошла в Дуня гомефор. Дуня гомефорить место. Кол.»</p>
<p><u>6 февраля</u> Передал «рр» в 240 знаков: «Вам сведения о цыган. Маши-нах и их воевом сират узнать номера там»</p>	<p><u>6 февраля</u> Передал «рр» 300 знаков: «5 февраля. Из разговора Устинович, что из разговора в созданы уста-новки, что цыганские чуба»</p>

Первый лист дневника работы радиоточки «Связисты»

проведена 181 радиоигра со спецслужбами нацистской Германии и разведками стран оси. В ходе спецопераций в эфире было выявлено и обезврежено свыше 400 агентов и официальных сотрудников разведки противника. Тысячи обезвреженных немецких агентов-диверсантов, десятки тысяч единиц оружия, тонны боеприпасов, взрывчатки, которые не выстрелили и не взорвались в советском тылу, десятки уничтоженных самолетов противника, попавших в засады, — вот далеко не полный итог спецопераций в эфире, проведенных советскими контрразведчиками.

Анализ радиоигр, проведенных контрразведкой «Смерш» в годы Великой Отечественной войны, показывает, что советские спецслужбы наголову переиграли противника на фронтах «тайной войны». Огромная «машина» СД и абвера крутилась, фактически, вхолостую. Немцам не удалось создать в советском тылу ни одной крупной повстанческой организации, ни дезорганизовать работу тыла, ни даже обеспечить вермахт надежной разведывательной информацией о дислокации частей и подразделений Красной армии в прифронтовой полосе. Талант и мужество советских контрразведчиков, парализовавших деятельность немецких спецслужб на территории СССР, внесли неоценимый вклад в достижение победы над опасным врагом.

Примечания

К читателю

¹ *Христофоров В.С.* История страны в документах архивов ФСБ России: Сб. ст. и материалов. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2013. С. 5.

Радиоигры как вид контрразведывательных операций Второй мировой войны

² *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. СПб., 1992. С. 37.

³ См.: *Тандуро А.* Три месяца в разведке в тылу противника. М., 1936. С. 4.

⁴ *Ронге Максимилиан* (1874–1953) — австрийский военный деятель; генерал-майор. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. руководитель австрийской военной разведки.

⁵ *Тандуро А.* Три месяца в разведке в тылу противника. С. 4–5.

⁶ *Тохай Ф.* Секретный корпус. М., 1940. С. 105–107.

⁷ Разведывательная деятельность Антанты в Германии и против нее в течение 1919 и 1920 гг. Изд. Разведывательного управления Штаба РККА, 1921.

⁸ Инструкция офицерам разведывательной службы германской армии. Изд. Разведывательного управления Штаба РККА. [Б/м], 1921.

⁹ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Издание IV штаба РККА. М., 1931. С. 113–114.

¹⁰ *Тохай Ф.* Секретный корпус. С. 100–101.

¹¹ Там же. С. 107–109.

¹² *Ронге М.* Разведка и контрразведка М., 1936. С. 58–59.

¹³ *Канарис Вильгельм Франц* (01.01.1887–08.04.1945) — немецкий военный деятель, один из руководителей германской военной разведки; адмирал. Уроженец Аплербек (близ Дортмунда). Окончил Морской кадетский корпус в Киле, с 1907 г. служил в ВМФ. Участник Первой мировой войны; капитан-лейтенант. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. С 1 января 1935 до 11 февраля 1944 г. возглавлял германскую военную разведку (абвер). Являлся руководителем созданной им широкой сети зарубежного шпионажа и диверсий, тем не менее весьма критически и, более того, враждебно относился к нацистскому режиму, придерживался прозападной ориентации и накануне Второй мировой войны. 30 июня 1944 г. уволен в запас. После провала Июльского заговора 23 июля 1944 г. был арестован бригаденфюрером СС В. Шелленбергом. Казнен в концлагере Флоссенбург. О личности В. Канариса подробнее см.: *Абсхаген К.Х.* Канарис. Руководитель военной разведки вермахта. 1935–1945 гг. М., 2006; *Бассет Р.* Главный шпион Гитлера: Тайна Вильгельма Канариса. М., 2006; *Мельников Д., Черная Л.* Двумилый адмирал: (Главарь фашистской разведки Канарис и его хозяева). М., 1965; *Волков А., Славин С.* Адмирал Канарис — «Железный» адмирал. М.; Смоленск, 1998; *Колвин И.* Двойная игра. М.: Воениздат, 1960, и др.

¹⁴ *Волков А., Славин С.* Адмирал Канарис... С. 33–36.

¹⁵ Тридцать шесть стратагем // Китайская наука стратегии. М., 1999. С. 261.

¹⁶ *Вермахт* (от нем. Wehrmacht) — вооруженные силы. Это наименование стало употребляться в данном конкретном смысле слова после произведенной А. Гитлером в феврале 1938 г. реорганизации (под предлогом спровоцированной отставки Бломберга и Фрича)

высших командных органов вооруженных сил, в результате которой он стал единоличным Верховным главнокомандующим также и де-факто.

¹⁷ Гислес Герман (28.09.1896–28.08.1977) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; майор. В 1941–1944 гг. руководитель отдела контршпионажа в Голландии (нем. III F-Dienststelle in Holland). С марта 1942 г. совместно с гестапо руководил специальной операцией (радиоигрой) с британской СОЕ «Северный полюс» (нем. Operation Nordpole). Скончался в Крефельде.

¹⁸ Гислес Г. Операция «Северный полюс»: Тайная война абвера в странах Северной Европы. М., 2004. С. 117.

¹⁹ О разведывательном «сообществе» Германии в годы Второй мировой войны см. также: Смерш: Исторические очерки и архивные документы. 2-е изд., испр. и доп. / Христофоров В.С., Виноградов В.К., Матвеев О.К. и др. М.: Изд-во Главархива Москвы; Московские учебники и Картолитография, 2005. С. 111–144.

Глава 1. ПРОТИВНИК: АБВЕР И СД

²⁰ *Абвер* (нем. Abwehr — отпор, защита, оборона) — военный разведывательный и контрразведывательный орган. Организован в 1919 г. на правах группы в составе военно-статистического отдела Войскового управления Имперского военного министерства и официально значился как контрразведывательный орган рейхсвера. После прихода национал-социалистов к власти в феврале 1934 г. абвер был включен в отдел Военного управления Имперского военного министерства. Подробнее о структуре абвера см.: *Залесский К. Вермахт: Сухопутные войска и верховное командование*. М., 2005. С. 9–15.

²¹ Гитлер Адольф (20.04.1889–29.04.1945) — немецкий государственный и партийный деятель, фюрер (вождь) и канцлер Германии (1933–1945). Уроженец Браннау-ам-Инна (Австро-Венгрия). Выходец из крестьянской семьи, австриец по происхождению. Участник Первой мировой войны, воевал в 16-м баварском пехотном полку; за четыре года войны участвовал в 47 сражениях, был дважды ранен. В сентябре 1919 г. вступил в Немецкую рабочую партию (под № 55, позднее стал № 7 ее Исполнительного комитета). 26 февраля 1924 г. был осужден по обвинению в государственной измене (в тюрьме провел 9 месяцев, где продиктовал Рудольфу Гессу первый том «Майн кампф»). К 1930 г. стал бесспорным лидером националистического движения. На выборах в рейхстаг в июле 1932 г. нацисты завоевали 230 мест и превратились в крупнейшую политическую партию Германии. 30 января 1933 г. президент Гинденбург провозгласил Гитлера канцлером Германии. После смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г. Гитлер присвоил себе звание фюрера и канцлера, отменив пост рейхспрезидента. Покончил жизнь самоубийством.

²² В отечественной литературе для обозначения политического режима в Германии 1933–1945 гг. чаще употребляется понятие «Третий рейх». Этот термин был введен немецким политиком Арутром Меллером ван ден Бруком (1876–1925) в одноименной книге, опубликованной в 1923 г. После прихода национал-социалистов к власти в Германии в 1933 г. А. Гитлер официально объявил, что его государство является Третьим рейхом, который будет стоять тысячу лет. Однако с 1935 г. в Германии развернулась регулярная и все более агрессивная критика Меллера в нацистской печати. 10 июля 1939 г. Й. Геббельс дал указание в прессе впредь избегать упоминания этого понятия и использовать вместо него другое — Великогерманский рейх. См. подробнее: *Алленов С.Г.* Предисловие к публикации «Третий рейх» Артура Меллера ван ден Брука // *Консерватизм в России и мире: в 3 ч.* Ч. 3. Воронеж, 2004. С. 183–188.

²³ Геринг Герман Вильгельм (12.01.1893–15.10.1946) — немецкий военный и государственный деятель, «нацист номер два»; рейхсмаршал (1940). Родился близ Розенгейма (Ба-

вария). Окончил Берлинскую военную школу (1912). В октябре 1914 г. добился перевода в военную авиацию. Сначала летал в качестве наблюдателя, потом — пилотом разведывательной и бомбардировочной авиации. Осенью 1915 г. стал летчиком-истребителем. Одним из первых сбил тяжелый английский бомбардировщик «Хандли Пейдж». В мае 1917 г. получает должность командира 27-й эскадрильи. Награжден орденом «За заслуги», считавшимся в Германии высшей наградой, переведен в знаменитую эскадрилью № 1, более известную под названием «Эскадрилья Рихтхофена» (по фамилии ее первого командира Манфреда фон Рихтхофена). В конце 1919 г. демобилизовался в чине капитана. В 1922 г. вступил в НСДАП, в январе 1923 г. возглавил командование СА. Участник «Пивного путча». В связи с амнистией 1927 г. вернулся в Мюнхен, в 1928 г. избран депутатом рейхстага, в 1932 г. стал председателем рейхстага. В 1933 г., после прихода нацистов к власти — рейхсминистр, министр внутренних дел Пруссии и комиссар по делам авиации. 30 июня 1934 г. во время событий «ночи длинных ножей» руководил действиями эсэсовцев в Берлине. 1 мая 1935 г. назначен главнокомандующим военно-воздушными силами Германии (люфтваффе). С 30 августа 1939 г. председатель Имперского совета по обороне. Во время blitzkriega командовал действиями авиации в Польше, Франции и СССР. 9 мая 1945 г. арестован американцами. В 1946 г. предстал перед Международным трибуналом в Нюрнберге, 15 октября 1946 г., за два часа до повешения, покончил жизнь самоубийством (принял яд).

²⁴ *Риббентрон* Иоахим Ульрих Фридрих Вилли, фон (30.04.1893–16.10.1946) — немецкий партийный и государственный деятель, дипломат; обергруппенфюрер СС (1938). Уроженец Везеля-на-Рейне. Из семьи военного. Участник Первой мировой войны; служил вместе с Ф. фон Папеном в 12-м Торгауэрском гусарском полку. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. В 1915 г. направлен в состав германской военной миссии в Турцию адъютантом уполномоченного генерала Г. фон Секта. В 1919 г. демобилизован; основал фирму сначала по торговле шерстью, затем — шампанским. С 1920 г. представитель фирмы «Джонни Уокер». 15 мая 1925 г. усыновлен своей бездетной теткой Гертрудой фон Риббентрон и получил право пользоваться почетной дворянской приставкой «фон». Обладая крупным состоянием, был вхож в аристократические круги Германии. 13 августа 1932 г. при посредничестве графа В. фон Хельдорфа встретился в Берхтесгадене с А. Гитлером; вступил в НСДАП и СС (1933). Осуществлял роль посредника между канцлером Ф. фон Папеном, президентом П. фон Гинденбургом и А. Гитлером. С осени 1934 г. уполномоченный по внешней политике в Штабе заместителя фюрера по партии. С 11 августа 1936 г. германский посол в Великобритании. С 4 февраля 1938 г. имперский министр иностранных дел. 23 августа 1939 г. подписал в Москве вместе с В.М. Молотовым германо-советский пакт о ненападении с секретным дополнительным протоколом о совместном с СССР разделе Восточной Европы, а 28 сентября того же года — договор о дружбе и границе с СССР. 16 октября 1946 г. по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге приговорен к смертной казни; повешен.

²⁵ *ОКВ* (аббревиатура от нем. Oberkommando der Wehrmacht; ОКВ) — Верховное командование вермахта. Создано 4 февраля 1938 г. на базе преобразования Военного министерства; верховный орган управления вооруженными силами Германии в годы Второй мировой войны. 3 января 1942 г. при начальнике ОКВ создан Штаб сухопутных войск, занимавшийся координацией военных операций; начальник — генерал пехоты Вальтер Буле. *Верховные главнокомандующие вермахта*: Адольф Гитлер (май 1935 – апрель 1945); *гросс-адмирал Карл Денниц* (апрель–май 1945). *Начальники ОКВ*: генерал-фельдмаршал *Вильгельм Кейтель* (февраль 1938 — май 1945); генерал-полковник *Альфред Йодль* (и.о. май 1945).

²⁶ *Гиммлер* Генрих (07.10.1900–23.05.1945) — немецкий военный и государственный деятель, рейхсфюрер СС, рейхсляйтер (1934). Уроженец Мюнхена. Из семьи баварского учителя. Окончил военное училище, учился на сельскохозяйственном факультете Техни-

ческого института в Мюнхене. Во время «Пивного путча» 1923 г. нес т.н. «боевое знамя рейха». В августе 1925 г. вступил в восстановленную Гитлером НСДАП и был назначен гауляйтером Баварии. 6 января 1929 г. по распоряжению Гитлера стал рейхсфюрером СС. С 1931 г. занимался созданием собственной секретной службы — СД, во главе которой поставил Рейнхарда Гейдриха. В 1933 г. был назначен руководителем полиции Мюнхена. 20 апреля 1934 г. назначен шефом прусского гестапо. 17 июня 1936 г. назначен верховным руководителем всех служб германской полиции, также под его руководством создавались войска СС. С 1943 г. становится вместо Фрика имперским министром внутренних дел, а после провала Июльского заговора 1944 г. командующим Резервной армией. Накануне краха Великогерманского рейха Гитлер исключил Гимmlера из НСДАП как изменника и лишил всех чинов и занимаемых постов. 21 мая 1945 г. арестован британскими военными властями и покончил собой.

²⁷ *Маршалл фон Биберштайн* Адольф Фрейхерр (25.06.1893–27.09.1946) — немецкий дипломат, барон; легационный советник 1-го класса. Уроженец Берлина. Сын бывшего германского посла в Турции Маршалла фон Биберштейна. Участник Первой мировой войны; обер-лейтенант. Получил юридическое образование. С июля 1923 г. сотрудник МИДа Германии. С февраля 1934 по февраль 1937 г. сотрудник германского посольства в Лондоне; легационный секретарь, посланник 2-го класса. С февраля 1937 г. сотрудник II реферата (Западная Европа) Политического отдела МИДа Германии (нем. Politische Abt., Ref. II/West-Europe). В конце 1939 г. призван в вермахт (капитан, 1941). С 12 мая 1941 г. работал в Информационном МИД Германии. С осени 1943 г. референт по делам кадров высших чиновников Персонального отдела (отдела кадров) МИДа. С 9 июня 1945 г. в советском плену. Приговорен военным трибуналом к ВМН, приговор приведен в исполнение 5 сентября 1946 г. 2 июля 2001 г. реабилитирован.

²⁸ Оберфюрер СА Вилли Редль: Документы из архивов ФСБ России / отв. ред. В.С. Христофоров, авт.-сост. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2012. С. 17–22.

²⁹ *Гемп* Фридрих (06.07.1873–26.04.1947) — немецкий военный деятель, один из руководителей военной разведки, писатель; генерал-майор (1941). Уроженец Фрайбурга. Окончил фрайбургскую гимназию (1892) и два курса правового факультета Страсбургского университета. С апреля по декабрь 1894 г. обучался в военной школе в Герсфельде, затем продолжил службу в армии. В 1901 г. поступил слушателем в Военную академию (Берлин), которую окончил в 1905 г. и получил звание лейтенант. В 1906–1913 гг. служил на командных должностях в армии. С августа 1913 г. откомандирован в Генштаб (Берлин) и назначен офицером разведки при высшем руководстве сухопутных сил Главного командования I армейского корпуса 8-й армии (Восточная Пруссия). В 1919–1927 гг. возглавлял военную разведку. 30 июня 1927 г. вышел в отставку. С 1927 по 1944 г. занимался изучением истории германской разведки и контрразведки при Военном министерстве; автор 12-томного труда «Военная разведка и контрразведка». В 1942–1943 г. был судьей «Народного суда». 10 августа 1946 г. задержан сотрудниками Берлинского оперсектора в Росток. 3 января 1947 г. арестован в Москве. Содержался в Бутырской тюрьме МВД СССР; скончался от паралича сердца. 10 сентября 2001 г. по заключению Главной военной прокуратуры РФ признан «привлеченным к уголовной ответственности необоснованно, по политическим мотивам».

³⁰ *Швантес* Гюнтер (1881–1942) — немецкий военный деятель, один из руководителей военной разведки; генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны; после демобилизации армии оставлен в рейхсвере. В 1925 г. перешел на службу в абвер. В 1928–1929 гг. руководитель военной разведки, затем вернулся на строевую службу. В годы Второй мировой войны командовал дивизией.

³¹ *Бредов* Фердинанд, фон (16.05.1884–30.04.1934) — немецкий военный деятель, один из руководителей военной разведки; генерал-майор. Уроженец г. Нойруппин. Из прусских

дворян. Брат контр-адмирала Г. фон Бредова. В 1929–1932 гг. являлся начальником германской военной разведки (абвера). В 1932–1933 гг. начальник канцелярии министра рейхсвера. Ближайший соратник военного министра генерала К. фон Шлейхера. Убит эсэсовцами июле 1934 г. во время «путча Рёма».

³² *Патциг* Конрад (24.05.1888–01.12.1975) — немецкий военный деятель, один из руководителей германской военной разведки; адмирал (1942). В 1907 г. вступил в ВМФ Германии. Участник Первой мировой войны; капитан-лейтенант. После демобилизации флота оставлен на службе. В октябре 1929 г. переведен в отдел абвера Военного министерства, где представлял интересы ВМФ. В июне 1932 г. сменил полковника Ф. фон Бредова на посту руководителя отдела; был первым в истории германской военной разведки морским офицером, возглавившим ее. 31 декабря 1934 г. в результате конфликта с подконтрольной Р. Гейдриху службой безопасности был вынужден подать прошение о переводе на флот. С начала 1936 г. командовал броненосцем «Адмирал граф Шеер», затем состоял в Верховном командовании ВМФ. В конце марта 1942 г. переведен в резерв.

³³ *Колвин И.* Двойная игра. С. 61.

³⁴ *Розенберг* Альфред (12.01.1893–16.10.1946) — немецкий партийный деятель; главный идеолог нацизма, руководитель оккупационного режима на захваченных территориях СССР, рейхсляйтер (1934), обергруппенфюрер СА. Уроженец Ревеля, прибалтийский немец, свободно владевший русским языком. Изучал архитектуру в высших технических школах в Ревеле и Москве. В конце 1918 г. переехал в Мюнхен. В конце 1919 г. Д. Экардом привлечен в «Общество Туле», после чего сблизился с А. Гитлером. С 1923 г. шеф-редактор центрального органа НСДАП «Фелькишер беобахтер», с 1930 г. — журнала «Национал-социалистский ежемесечник»; депутат рейхстага от Гессен-Дармштадта. С 1933 г. начальник Управления внешней политики НСДАП, влиятельный противник Риббентропа в борьбе за руководство германской внешней политикой. Заместитель Гитлера по вопросам духовной и идеологической подготовки членов нацистской партии; главный идеолог национал-социализма. В 1941–1945 гг. имперский министр по делам оккупированных восточных территорий. Автор «теоретических» работ «Будущий путь германской нации» (1927) и «Миф XX столетия» (1929). По приговору Нюрнбергского трибунала повешен.

³⁵ *Бассет Р.* Главный шпион Гитлера... С. 119–120.

³⁶ *Отдел иностранных армий* (нем. Abteilung Fremde Heere, сокр. FN) был образован перед началом Первой мировой войны в составе Генерального штаба сухопутных войск Германии для оценки информации о положении противника. Эта служба занималась в первую очередь обобщением данных, поступающих от так называемых Feindlageoffiziere с фронта и от подразделения III Б. После Первой мировой войны формально отдел прекратил свое существование (как и многие ведомства согласно Версальскому договору), однако фактически он продолжал свою деятельность под наименованием Отдел Т3 — «Статистический отдел сухопутных войск Военного министерства рейхсвера». В 1931 г. отдел был образован заново официально, получив прежнее название Отдел иностранных армий. В 1937 г. в результате структурных изменений отдел был разделен на два самостоятельных подразделения, получивших наименования *отдел «Иностранные армии — Восток»* (нем. Fremde Heere Ost, сокр. FHO), или 12-й отдел Генштаба ОКХ, и *отдел «Иностранные армии — Запад»* (нем. Fremde Heere West, сокр. FHW), или 3-й отдел Штаба оперативного руководства ОКВ. *Начальники FHO*: полковник Эберхард Кинцель (1938 — март 1942); генерал-майор Рейнхард Гелен (апрель 1942 — апрель 1945); подполковник Герхард Вессель (апрель—май 1945). *Начальники FHW*: полковник Ульрих Лисс (1938 — март 1943); полковник Алексис Фрейхерр фон Рёнке (март 1943 — июль 1944); полковник Вилли Бюркляйн (июль 1944 — май 1945).

³⁷ *Гелен* Рейнхард (03.04.1902–08.06.1979) — немецкий военный деятель, сотрудник германской военной разведки; генерал-майор (1944); генерал-лейтенант резерва. Уроже-

нец Эрфурта. После окончания гимназии (1920) поступил на службу в рейхсвер. Окончил военную академию (1935). Затем проходил службу на различных должностях в Генштабе и вермахте. С 1 апреля 1942 по май 1945 г. начальник отдела «Иностранные армии — Восток», 9 апреля 1945 г. был заменен полковником Г. Весселем. В 1945–1946 гг. в американском плену. В 1946–1956 гг. руководитель «Организации Гелена» (Abwehr-Organisation Gehlen). В 1956–1968 гг. президент Федеральной разведывательной службы (Bundesnachrichtendienst, BND). 1 мая 1968 г. передал руководство БНД Г. Весселю. Имел звание генерал-лейтенант резерва. Скончался в Берге (по другим данным — в Мюнхене).

³⁸ «Организация Гелена» (сокр. ОГ; нем. Abwehr-Organisation Gehlen) — разведывательная служба, созданная секретной службой США в 1946 г. в американской зоне оккупации Германии для ведения шпионской деятельности в советской оккупационной зоне (ставшей в 1949 г. ГДР), странах Восточной Европы и СССР. Во главе ее американцы поставили Р. Гелена, кадровый костяк составили бывшие офицеры отдела «Иностранные армии — Восток», абвера и РСХА. В 1956 г. американцы передали ОГ германскому правительству, и ее преобразовали в Федеральную разведывательную службу ФРГ.

³⁹ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2004. С. 42–43.

⁴⁰ Скорцени О. Секретные задания. Ростов н/Д, 1999. С. 51.

⁴¹ ОКХ (аббревиатура от нем. Oberkommando des Heeres; ОКН) — Верховное командование сухопутных войск, высший орган управления сухопутных войск Германии. Создано 11 января 1936 г. из Руководства сухопутных войск. Командующие (с 1 июня 1935 г. главнокомандующие) сухопутными войсками: генерал пехоты Курт фон Хаммерштайн-Экворт (1930–1934); генерал-полковник Вернер фон Фрич (1934–1938); генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич (1938–1941); Адольф Гитлер (1941–1945); генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер (30 апреля – 9 мая 1945).

⁴² Янке Курт Фридрих Альберт (17.02.1890–22.04.1950) — немецкий офицер; один из руководителей германской политической разведки; зондерфюрер «Б» (майор). Уроженец с. Стрижево Гнезнинского района Познаньского воеводства. Участник Первой мировой войны, сотрудник германской военно-морской разведки (с 1914). В начале 1930-х гг. возглавлял т. н. «разведывательное бюро» во внешнеполитическом аппарате Р. Гесса, затем вновь руководил разведывательным бюро при германском МИДе. В августе 1939 г. призван на военную службу. С августа 1939 до мая 1940 г. начальник разведывательного отдела (Ic) батальона специального назначения «Бранденбург 800». 27 марта 1945 г. арестован в Германии сотрудниками УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта. 22 апреля 1950 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к ВМН; приговор в тот же день приведен в исполнение; тело кремировано, и прах захоронен на территории Донского кладбища в г. Москве, где в настоящий момент установлен памятный знак. 13 августа 2002 года по постановлению ГВП реабилитирован.

⁴³ Агония и смерть Адольфа Гитлера / сост. В.К. Виноградов, Я.Ф. Погоний, Н.В. Тепцов. М.: ИД «Звонница», 2000. С. 138.

⁴⁴ Бенитивенци Франц Арнольд Эккард, фон (18.07.1896–04.04.1958) — немецкий военный деятель, один из руководителей военной разведки; генерал-лейтенант (1945). Уроженец Потсдама. Из семьи подполковника. Окончил реальное училище (1915) и получил образование офицера Генерального штаба; специальных военно-учебных заведений не кончал. Участник Первой мировой войны (с 22 июля 1915); 11 мая 1916 г. произведен в лейтенанты 2-го гвардейского артиллерийского полка. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере; служил в основном на штабных должностях. В 1931 г. окончил секретные курсы Генштаба и в октябре того же года был переведен в Военное министерство, где зачислен в отдел разведки. 1 сентября 1933 г. переведен в штаб 2-й дивизии, а затем во Франкфуртский артиллерийский полк. В 1936–1938 гг. началь-

ник отдела 1-Ц при штабе 12-го военного округа (г. Висбаден). С 1 апреля 1938 по 1 марта 1939 г. начальник Оперативного отдела (Ia) штаба 26-й пехотной дивизии (Кёльн). 1 марта 1939 г. переведен в распоряжение ОКВ и назначен начальником «Абвера III» (контрразведка). С 18 мая 1944 г. командир 170-й, а с 10 июля — 81-й пехотной дивизии. 8 мая 1945 г. после разгрома дивизии в Курляндском котле попал в советский плен. Арестован советскими войсками 17 мая 1945 г. Содержался в Бутырской тюрьме и Владимирском лагере. 9 февраля 1952 г. приговорен к 25 годам тюремного заключения военным трибуналом войск МВД Московского военного округа. 9 октября 1955 г. как неамнистированный военный преступник передан ФРГ. В том же году освобожден. Скончался в Висбадене.

⁴⁵ *Франко Баламонде Франсиско* (1892–1975) — испанский государственный деятель; генералиссимус. В 1936 г. возглавил военно-фашистский мятеж против испанской республики, опираясь на помощь, а затем и открытое вмешательство гитлеровской Германии и Италии. В 1939–1975 гг. глава испанского государства, диктатор Испании (каудильо).

⁴⁶ *Кейтель Вильгельм Бодевин Иоганн Густав* (1882–1946) — немецкий военный деятель, начальник штаба Верховного главного командования вооруженными силами Германии (ОКВ); генерал-фельдмаршал (1940). В 1901 г. поступил на службу в 46-й полк полевой артиллерии в звании фаненюнкера. 18 августа 1902 г. присвоено звание лейтенанта. Во время Первой мировой войны участвовал в боях в Бельгии. В марте 1915 г. получил назначение в Генштаб. Летом 1931 г. посетил СССР в составе делегации по программе обмена. В октябре 1933 г. назначен командиром 11-й пехотной дивизии в Потсдаме. В августе 1935 г. назначен на пост начальника военно-политического управления Военного министерства. 4 февраля 1938 г. назначен начальником штаба ОКВ. После провала Июльского заговора 1944 г. руководил мероприятиями по ликвидации участников покушения на фюрера. 8 мая 1945 г. Кейтель вместе с генералом Г. Штумпфом и адмиралом Г. Фридебургом в присутствии представителей Советского Союза подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. 16 октября 1946 г. повешен в нюрнбергской тюрьме.

⁴⁷ *Родлер Эрих* (14.05.1884–20.02.1948) — немецкий офицер; полковник. Уроженец Аценберга (Австрия). Из служащих. Подданный Австрии. Окончил кадетскую пехотную школу австро-венгерской армии (Прага, 1903), затем служил в 3-м егерском пехотном полку (Вена). С 1904 г. нес пограничную службу на итальянской границе. С 1906 г. официальный сотрудник военной разведки австро-венгерской армии. Участник Первой мировой войны. В 1914–1918 гг. возглавлял разведорган «Кундшафтштелле-Тироль» при 14-м горно-пехотном корпусе (занимался разведкой против Италии). В 1920 г. демобилизован, занимал различные государственные посты в Австрии; референт при директоре безопасности провинции Тироль. С марта 1938 г. поступил на службу в германскую военную разведку (абвер). До мая 1940 г. абверофицер 537-й пехотной дивизии (Инсбрук, Австрия), затем начальник «Абверштелле-Зальцбург». С октября 1940 г. начальник «Абверштелле-Бухарест». 5 мая 1947 г. задержан сотрудниками советской контрразведки в г. Эгенбург (Австрия). 17 мая 1947 г. арестован сотрудниками УКР МГБ СССР Центральной группы войск (ЦГВ) в Австрии; содержался под стражей в полевой тюрьме УКР МГБ ЦГВ (г. Баден). 17 сентября 1947 г. по приговору военного трибунала ЦГВ на основании ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР (шпионаж) «с конфискацией изъятых у него при обыске ценностей» заключен в ИТЛ сроком на 15 лет. 3 октября 1947 г. этапирован в полевую пересыльную тюрьму УКР МГБ ЦГВ в г. Шопрон (Венгрия). Скончался в Москве. Не реабилитирован.

⁴⁸ *Кальтенбруннер Эрнст* (04.10.1903–16.10.1946) — немецкий военный деятель, один из руководителей РСХА; обергруппенфюрер СС и генерал полиции (1943), генерал войск СС (1944), доктор права (1926). Уроженец Рида (Инкрайс, Австрия). По национальности австриец. Участвовал в нацистском путче в Австрии в июле 1934 г., когда был убит федеральный канцлер Энгельберг Дольфус. Во время аншлюса в марте 1938 г. был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в кабинете Зейсс-Инкварта. С июля 1941 г.

фюрер СС и начальник полиции в Вене. С января 1943 г. начальник полиции безопасности (зипо) и Службы безопасности (СД), а также (после убийства Гейдриха) — Главного управления имперской безопасности (РСХА). Повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

⁴⁹ Бассет Р. Главный шпион Гитлера... С. 121–122.

⁵⁰ Абсхаген К.Х. Канарис... С. 102–103.

⁵¹ Гелен Р. Война разведок... С. 46.

⁵² Там же. С. 55–56.

⁵³ Спецбюро при министре ГБ (обобщение опыта контрразведывательной работы, составление справочников, подготовка информационных бюллетеней и приказов МГБ). Организовано приказом МГБ СССР № 00426 от 22 августа 1947 г. в составе Секретариата МГБ СССР. См.: Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М., 2010. С. 63.

⁵⁴ Так в тексте. Гиммлер занимал пост рейхсфюрера СС. *Гестапо* (нем. Geheime Staatspolizei, Gestapo) — тайная государственная полиция Германии в 1933–1935 гг. Создана 26 апреля 1933 г. декретом Г. Геринга (министра внутренних дел Пруссии). 8 марта 1934 г. образована общеимперская политическая полиция; 20 апреля того же года руководство гестапо передано Герингом рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру. 22 апреля 1934 г. руководителем гестапо назначен Р. Гейдрих. В 1936 г. вошла в состав Главного управления полиции безопасности, где составила Управление политической полиции. В сентябре 1939 г. в ходе реорганизации вошла в качестве IV управления в состав РСХА. Окончательно структура оформилась к сентябрю 1940 г. Руководитель — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Генрих Мюллер (с июля 1936 г. — заместитель, с сентября 1939 до мая 1945 г.).

⁵⁵ Гейдрих Рейнхард Тристан Ойген (1904–1942) — один из руководителей германской тайной политической полиции; обергруппенфюрер СС (1941). Уроженец Галле. Из семьи директора консерватории. Получил прекрасное образование. В 1918–1919 гг. член Национальной ассоциации пангерманской молодежи — Немецкого национального союза молодежи в Галле. В 1920 г. вступил в Немецкий народный союз обороны и наступления; в том же году становится связным в дивизии «Люциус», входящей в добровольческие отряды в Галле. В 1921 г. создал новую ассоциацию — Немецкий народный молодежный отряд. В 1922 г. поступил кадетом в ВМФ, с 1924 г. служил на крейсере «Берлин» (под началом будущего руководителя германской военной разведки В. Канариса). В 1926 г. окончил военное училище и произведен в лейтенанты. В 1926–1931 гг. служил офицером морской связи на крейсере «Брауншвейг», затем на флагмане «Шлезвиг-Гольштейн». В апреле 1931 г. по решению Суда чести флота отправлен в отставку «по причине недостойного поведения». Причиной стала помолвка с Линой Матильдой фон Остен (9 декабря 1930 г.). В 1932 г. вступил в СС, где на него обратил внимание Гиммлер и вскоре сделал его своим ближайшим помощником. В 1933 г. начальник политической полиции Баварии. В апреле 1934 г. был назначен шефом центральной службы гестапо; во время событий «ночи длинных ножей» сыграл решающую роль в уничтожении берлинской организации штурмовиков. 17 июня 1936 г. назначен руководителем полиции безопасности (зипо) и СД. С 1939 г. начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА). В 1940 г. стал президентом Международной комиссии криминальной полиции и в этой должности приступил к организации системы немецкого шпионажа в других странах. 27 сентября 1941 г. Гитлер назначил его заместителем рейхспротектора Богемии и Моравии. На состоявшемся 20 января 1942 г. Ванзейской конференции назначен руководителем программы по уничтожению евреев. 27 мая 1942 был тяжело ранен членами чехословацкого движения Сопротивления. Несмотря на срочно проведенную операцию, скончался.

⁵⁶ Крамер Йозеф (10.11.1906–13.12.1945) — немецкий офицер, военный преступник; гауптштурмфюрер СС. Уроженец Мюхнена. Член НСДАП (1931) и СС (1933). Служил в

тюремной охране, затем в охране концлагерей. С декабря 1944 г. комендант концлагеря Берген-Бельзен; среди узников лагеря получил прозвище «Бельзенский зверь». После войны осужден за совершение военных преступлений, повешен в тюрьме г. Хамельн.

⁵⁷ *Фалькенхаузен* Александр, фон (1878–1966) — немецкий военный деятель; генерал пехоты. Уроженец Гут-Блюментала (округ Нейссе, Силезия). На военной службе с 1897 г. В 1937 г. глава военной миссии при правительстве Чан Кайши, не поддержал агрессию Японии против Китая, был отозван и вскоре уволен в отставку. В 1938 г. возвращен на военную службу. С 1940 г. генерал-губернатор оккупированной Бельгии. Поддерживал дружеские отношения с участниками заговора 20 июля 1944 г. К. Гёрделером и генералом Э. фон Вицлебенем; после провала заговора арестован и заключен в концлагерь. Освобожден американцами в 1945 г. В 1948 г. отправлен в Бельгию, где привлечен к суду. В марте 1951 г. приговорен к 12 годам заключения, но через несколько недель помилован и освобожден. В 1950 г. получил личное поздравление и чек на 1 млн. долларов от Чан Кайши как «друг Китая». Скончался в Нассау.

⁵⁸ Вероятно, речь идет о генерале О. фон Штюльпнагеле. *Штюльпнагель* Отто, фон (16.06.1878–06.02.1948) — немецкий военный деятель; генерал авиации (1936; в 1940 г. переименован в генерала пехоты). Уроженец Берлина. Двоюродный брат К. фон Штюльпнагеля. Участник Первой мировой войны. После демобилизации армии остался служить в рейхсвере. В 1926–1927 гг. участвовал в работе Женевской конференции по разоружению в качестве представителя рейхсвера; одновременно начальник отдела в Имперском военном министерстве. 31 марта 1931 г. вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта и посвятил себя вопросам тайного воссоздания ВВС. В 1935 г. официально переведен в люфтваффе. С 1 июня 1939 г. вновь переведен в сухопутные войска и зачислен в резерв. 26 августа 1939 г. назначен заместителем командира XVII армейского корпуса и командующим войсками XVII военного округа (Линц). С 26 октября 1940 по 14 февраля 1942 г. возглавлял военную администрацию во Франции, являясь одновременно командующим вермахтом во Франции. Проводил крайне жестокую оккупационную политику, являясь (после руководителя СС и гестапо) самым ненавидимым во Франции человеком. 15 февраля 1942 г. зачислен в резерв, а 31 августа того же года уволен в отставку. После войны арестован и передан французским властям. Покончил жизнь самоубийством в тюрьме Мерите-Миди накануне процесса.

⁵⁹ О версии греческого происхождения В. Канариса военный историк В.М. Гиленсен писал: «Будущего впоследствии адмирала иногда называли “маленьким греком”, вероятно полагая, что среди его предков был герой греческого национально-освободительного движения начала XIX в. Константин Канарис. Но это ошибка: в Вильгельме не было ни капли греческой крови. Пращур Канариса переселился из Ломбардии в Германию» (*Гиленсен В.М. Адмирал Канарис // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 172*).

⁶⁰ Версию о знакомстве Канариса с Матой Хари в 1946 г. впервые в своей книге высказал швейцарский исследователь К. Зингер (*Singer K. Spione und Verräter des Zweiten Weltkrieges. Zürich, 1946. S. 7*). По этому поводу свои соображения высказал военный историк В.М. Гиленсен: «Однако эта история весьма сомнительна. Изучение германских архивных материалов показывает, что Мата Хари действительно находилась в Испании тогда же, когда и Канарис. Но Канарис был офицером военно-морской разведки, действовавшей независимо от разведывательной службы германского Генерального штаба, агентом которой была Мата Хари. По службе он с ней контактов иметь не мог и, более того, не должен был и знать о ее секретном сотрудничестве с немцами. Если же, не зная этого, он вступил с ней в связь, то это должно было вызвать немедленное вмешательство куратора агента “Н-21” в Испании, военного атташе Германии капитана Кале, так как грозило расшифровкой Мата Хари. И военный, и военно-морской атташе Германии знали, что англичане и французы следили за ними и их сотрудниками» (*Гиленсен В.М. Адмирал Канарис. С. 174*).

⁶¹ *Каптовский путч*, др. название — путч Лютвица – Каппа — антиправительственное выступление в Германии в 1920 г. против Веймарской республики. Организатором и руководителем путча был корветтен-капитан Герман Эрхардт.

⁶² *Носке Густав* (1868–1946) — немецкий политический деятель, правый социал-демократ. В январе 1919 г. руководил подавлением выступлений левых социал-демократов в Берлине, автор крылатой фразы: «Кто-то должен быть кровавой собакой». В ноябре 1918 — январе 1919 г. член Совета народных уполномоченных, с февраля 1919 по март 1920 г. министр рейхсвера.

⁶³ Этот пассаж — очередная выдумка журналиста Б. Миллера. «Приход Гитлера к власти Канарис встретил в должности командира линкора “Силезия” — одного из немногих устаревших кораблей этого типа, оставленных Германии по Версальскому мирному договору. Канарис, ставший к тому времени капитаном 1-го ранга, устроил новому рейхсканцлеру торжественную встречу во время посещения последним линкора. Быть может, это событие, о котором у Канариса осталась на память фотография, повлияло на его назначение двумя годами позже на пост шефа германской военной разведки и контрразведки» (Гиленсен В.М. Адмирал Канарис. С. 175).

⁶⁴ *Бломберг Вернер Эдуард Фриц фон* (1878–1946) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1936). Уроженец Штаргарда, Померания. В 1907 г. окончил Военную академию. Участник Первой мировой войны; офицер Генштаба, майор (1916). В рейхсвере с 1919 г. С 1927 г. начальник Военного управления — фактически тайного Генштаба; один из инициаторов создания на территории СССР (с согласия советского правительства) учебных центров, где готовились танкисты, летчики и офицеры Генштаба. С 1933 г. министр рейхсвера, а с марта 1935 г. военный министр, с мая того же года главнокомандующий вермахтом; один из главных руководителей воссоздания армии и ремилитаризации Германии. Создатель вермахта. Поддержал провозглашение А. Гитлера президентом и одобрил действия нацистов в «ночь длинных ножей» 1934 г. Отправлен в отставку в 1938 г. 14 марта 1946 г. умер в тюрьме во время следствия, проводимого Нюрнбергским военным трибуналом.

⁶⁵ *Ратенау Вальтер* (1867–1922) — немецкий государственный деятель, промышленник и дипломат. Уроженец Берлина. Из семьи ассимилированного еврейского бизнесмена Эмиля Ратенау, основателя известной концерна AEG (нем. Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft), специализировавшегося в области энергетического машиностроения. Изучал физику, химию и философию в университетах Берлина и Страсбурга. Сторонник плановой экономики военного типа. С 31 января 1922 г. министр иностранных дел Веймарской республики в кабинете рейхсканцлера Й. Вирта. 16 апреля 1922 г. подписал от имени Германии Рапалльский договор. 24 июня 1922 г. убит тремя ультраправыми студентами из экстремистской организации «Консул».

⁶⁶ *Шлейхер Курт Фердинанд Герман фон* (1882–1934) — немецкий военный и политический деятель; генерал пехоты. Уроженец Бранденбурга-на-Хевеле. В 1913 г. офицер Генштаба; участник Первой мировой войны. В 1914–1918 гг. ближайший сотрудник командующего рейхсвером генерала Ганса фон Секта, участвовал в разработке планов восстановления военного потенциала Германии. С 1929 г. статс-секретарь Военного министерства, в июне–декабре 1932 г. военный министр в правительстве Франца фон Папена; играл активную роль в контактах представителей монополий, военщины и политических властей с руководством нацистской партии. В декабре 1932 г. занял пост рейхсканцлера. Пытался осуществить один из вариантов диктаторского режима, предусматривавший включение фашистов в правительство на условиях, приемлемых для различных группировок монополистического капитала; однако этот план потерпел крах. 28 января 1933 г. был уволен в отставку. Его преемником стал (30 января 1933 г.) Адольф Гитлер. Во время расстрела главарей штурмовых отрядов 30 июня 1934 г. вместе с женой был убит гестаповцами. Похоронен в Нойбабельсберге.

⁶⁷ «Черный рейхсвер» (нем. Schwarze Reichswehr) — созданные в Германии в начале 1920-х гг. резервные части рейхсвера, не предусмотренные Версальским договором 1919 г. Рекрутировались из возникших после Первой мировой войны многочисленных военизированных организаций и союзов, например «Добровольческого корпуса», «Стального шлема» и др. На сентябрь 1923 г. «черный рейхсвер» насчитывал четыре полка (12 тыс. человек), четыре отдельных батальона (6 тыс.) и несколько специальных отрядов (железнодорожных, автомобильных и др.).

⁶⁸ *Муссолини* Бенито (1883–1945) — итальянский политический деятель; премьер-министр Италии. Вступил в ряды Социалистической партии, был главным редактором ее центрального органа — газеты «Аванти!». За призыв вступить в войну на стороне Антанты в ноябре 1914 г. был исключен из Социалистической партии и снят с поста редактора. Спустя месяц основал собственную газету «Пополо д'Италия» («Popolo d'Italia»). В сентябре 1915 г. был призван в армию. В марте 1919 г. Муссолини основал в Милане организацию под названием «Фаши ди комбаттименто» («Союз борьбы»), куда первоначально входила группа ветеранов войны. После того как король Виктор Эммануил III отказался подписать декрет о введении осадного положения, подготовленный правительством Факта в октябре 1922 г., фашисты осуществили «поход на Рим». Муссолини занял пост премьер-министра и министра иностранных дел и вскоре стал фактическим правителем Италии. 24 июля 1943 г. собрался Большой фашистский совет, на котором деятельность Муссолини была подвергнута резкой критике. На следующий день диктатор был отправлен в отставку и арестован. На его место король назначил маршала Пьетро Бадольо. В сентябре 1943 г. немецкие парашютисты под командованием гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени освободили Муссолини и доставили его в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. 23 сентября 1943 г. в Сало было объявлено о создании правительства Итальянской социальной республики. Когда сопротивление немцев в Северной Италии было подавлено, Муссолини пытался скрыться в Швейцарии. Был схвачен партизанами, расстрелян, а затем повешен близ Донго 28 апреля 1945 г.

⁶⁹ Эпизод о беге Канариса из итальянской тюрьмы относится к периоду Первой мировой войны: «Новая служба [в Испании] не увлекла Канариса. Он стремился на фронт и в начале 1917 г. добился согласия фон Крона на откомандирование в Германию. Путь этот был не прост, и поездка Канариса на родину не обошлась без приключений. Существует версия, что, пытаясь пробраться сначала в Италию, а затем через Швейцарию в Германию, он был арестован итальянской полицией и бежал из тюрьмы, завладев одеждой опекавшегося заключенных священника. Добравшись до Германии, Канарис получил направление на кратковременные курсы командиров подводных лодок. Уже в октябре 1918 г. его назначили командиром лодки, базировавшейся в Полу (теперь — Пула) на Адриатическом побережье тогдашней Австро-Венгрии» (*Гиленсен В.М.* Адмирал Канарис. С. 174).

⁷⁰ *Квислинг* Видкун (1887–1945) — норвежский политический деятель; фашист и коллаборационист. В 1941–1945 гг. возглавлял профашистское правительство Норвегии. Его имя стало символом сотрудничества с нацистскими оккупантами и национального предательства. В 1945 г. казнен.

⁷¹ *Лаваль* Пьер (1883–1945) — французский политический и государственный деятель. В 1931–1932 гг. премьер-министр. С конца 1934 г. министр иностранных дел. В 1935 г. заключил с Муссолини соглашение, предоставившее итальянцам свободу действий в Эфиопии. В июне 1935 — январе 1936 г. вновь премьер-министр. Его политика во многом предопределила капитуляцию Франции в 1940 г. Был в правительстве Виши. С 1940 до 1944 г. премьер-министр правительства Виши в неоккупированной зоне Франции. В 1944 г. пытался войти в контакты с англо-американским командованием, затем бежал из страны, но был выдан французским властям. В октябре 1945 г. казнен по приговору суда за государственную измену.

⁷² *Зейсс-Инкварт* Артур (1892–1946) — немецкий партийный и государственный деятель; обергруппенфюрер СС (1941). Из семьи директора гимназии. Участник Первой мировой войны. Австриец, лидер австрийских нацистов. 30 апреля 1938 г. А. Гитлер назначил его рейхсштатсгалтером (имперским наместником) Австрии, которая после аншлюса получила официальное наименование Остмарк, т. е. Восточная провинция рейха. Позднее стал заместителем главы генерал-губернаторства Польши Г. Франка. В 1940–1945 гг. рейхс-комиссар Нидерландов. Перед самоубийством Гитлер назначил его министром иностранных дел и заместителем Геббельса, который, по его завещанию, должен был стать новым рейхсканцлером. По приговору Международного военного трибунала повешен 16 октября 1946 г. как один из главных немецких военных преступников.

⁷³ *Гайлани* Рашид Али аль- (1889–1965) — иракский государственный и политический деятель. По национальности курд. В 1925–1927 гг. министр внутренних дел. С 20 марта по 28 ноября 1933 г. и с 31 марта 1940 по 30 января 1941 г. премьер-министр. 12 апреля 1941 г. при активной поддержке держав «оси» совершил государственный переворот, после провала которого 29 мая бежал в Иран. В 1942 г. заочно приговорен к смертной казни. До августа 1958 г. находился в эмиграции. В декабре 1958 г. арестован иракскими властями по обвинению в антиреспубликанской деятельности и приговорен к смертной казни. В июле 1961 г. смертная казнь была заменена условным тюремным заключением сроком на 1 год, и был освобожден из-под стражи.

⁷⁴ «*Пятая колонна*». Прозвучавшая 18 июля 1936 г. по испанскому радио фраза «Над всей Испанией безоблачное небо» послужила сигналом к выступлению мятежников в стране. Началась длившаяся три года гражданская война, быстро превратившаяся в первое открытое столкновение мира с фашизмом. Мятеж возглавил генерал Франсиско Франко, вскоре получивший звание генералиссимуса, провозглашенный каудильо, т. е. вождем нации, и ее пожизненным верховным правителем. Термин «пятая колонна» впервые вошел в обиход в начале октября 1936 г. во время гражданской войны в Испании, когда франкистский генерал Эмиль Моло заявил по радио, что мятежники ведут войска на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая находится в самом Мадриде и в решающий момент ударит с тыла. Во время Второй мировой войны — условное название фашистской агентуры в различных странах, которая осуществляла диверсионную и шпионскую деятельность, сеяла панику, занималась саботажем и помогала захвату этих стран германскими войсками.

⁷⁵ Автор ошибается, Канарис был снят с должности руководителя германской военной разведки и контрразведки в феврале 1944 г.

⁷⁶ *Вааг* Эрика (1892–1970) — жена адмирала В. Канариса (с 22 ноября 1919 г.). Уроженка Берлина. Из семьи промышленника. В браке родились две дочери: Ева (1923) и Бригитта (1926). Скончалась в Мадриде.

⁷⁷ *Борман* Мартин (1900–1945?) — немецкий политический деятель, рейхсляйтер (1933), обергруппенфюрер СС (1940), штандартенфюрер СА (1931). Уроженец Хальберштадта, Мекленбург. Начальник штаба заместителя фюрера, личный секретарь и ближайший соратник Гитлера. Участник Первой мировой войны. Окончил курсы сельскохозяйственных специалистов (1920); во время учебы вступил в «Объединение против засилья евреев» — молодежное крыло Германской национальной народной партии (ДНФП). В 1925 г. отошел от ДНФП и стал интересоваться нацизмом. В 1927 г. вступил в НСДАП. В конце 1929 г. выдвинул идею формирования моторизованных отрядов СА и по поручению Гитлера разработал план создания Национал-социалистического автомобильного корпуса (НСКК). С 1933 г. начальник штаба заместителя фюрера по партии Р. Гесса. Уже с 1936 г. стал «тенью» Гитлера, сопровождал его во всех поездках. В 1937 г. вступил в СС. С 1938 г. фактически возглавил руководство кадровой политикой НСДАП; пресс-секретарь НСДАП. С 1938 г. гауляйтер Тюрингии и одновременно член Верховного командования СА. В 1941 г. возглавил партийную канцелярию, 13 мая стал секретарем фюрера, с 29 мая

имперский министр без портфеля и член Совета обороны рейха. 12 апреля 1942 г. особым приказом Гитлера назначен «личным секретарем фюрера». В апреле 1945 г. след Бормана был потерян. Франкфуртская прокуратура 4 апреля 1973 г. официально объявила Бормана мертвым на основании идентификации скелета, обнаруженного во время земляных работ неподалеку от гитлеровского бункера. Однако лишь в 1998 г. экспертиза окончательно удостоверила, что найденные в Берлине останки принадлежат М. Борману.

⁷⁸ *Пикенброк Ганс* (03.10.1893–16.12.1959) — немецкий военный деятель, один из руководителей военной разведки; генерал-лейтенант. Уроженец Эссена. В 1913 г. вступил фанен-юнкером в 11-й гусарский (2-й Вестфальский) полк. Участник Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. состоял в Добровольческом корпусе. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере; начальник оперативного отдела штаба 18-й пехотной дивизии. С 1 октября 1936 г. начальник отдела «Абвер I» (военная разведка), позже одновременно был заместителем В. Канариса. Организатор политической, технической и военной разведки за рубежом; один из организаторов «пятых колонн». С марта 1943 г. командовал гренадерским полком на советско-германском фронте, затем дивизией. Награжден Рыцарским крестом «Железного креста» (1944). Взят в плен советскими войсками в 1945 г. на территории Чехословакии. 26 марта 1952 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 25 годам заключения. В 1955 г. передан в качестве неамнистированного заключенного властям ФРГ и освобожден. Скончался в Эссене.

⁷⁹ *Ганзен (Хансен) Георг Александр* (05.06.1904–08.09.1944) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; полковник (1943). Офицер Генерального штаба, с начала Второй мировой войны проходил службу в 12-м отделе Генштаба сухопутных войск (сухопутные армии Запада). В марте 1943 г. возглавил 1-й отдел германской военной разведки («Абвер I»; разведка). После ликвидации абвера 12 февраля 1944 г. был поставлен начальником Военного управления РСХА. Участник заговора против А. Гитлера, в июле 1944 г. был арестован, а Военное управление ликвидировано. 10 августа 1944 г. приговорен Народной судебной палатой к смертной казни. Повешен в берлинской тюрьме Плётцензее.

⁸⁰ *Лахузен фон Вивермонт Эрвин Генрих Рене Эдлер* (25.10.1897–24.02.1955) — немецкий военный деятель, один из руководителей германской военной разведки; генерал-майор (1945). Окончил Терезианскую военную академию и Австрийскую академию Генштаба (1933). Участник Первой мировой войны. После войны служил в австрийской армии. В конце 1935 г. назначен в формирующуюся Службу информации (аналог военной разведки) Генштаба Австрии; один из создателей и фактический руководитель австрийской разведки. После аншлюса Австрии (1938) вместе со своим отделом переведен на службу в абвер и назначен заместителем начальника отдела «Абвер I» (разведка) полковника Г. Пикенброка. С 1939 г. начальник отдела «Абвер II» (диверсии и саботаж), в его подчинении также находилась дивизия «Бранденбург». В 1943 г. заменен полковником В. фон Фрейтаг-Лорингоффеном и назначен командиром 41-го гренадерского полка на советско-германском фронте. С декабря 1944 г. начальник разведывательного бюро XVII военного округа (Вена). В мае 1945 г. арестован американскими войсками, содержался в особом центре Бад-Ненндорф, где подвергался неоднократным избиениям. Сотрудничал с американской разведкой. Выступал в качестве свидетеля обвинения в работе международного Нюрнбергского трибунала и вскоре был освобожден. Жил в Австрии. Скончался в Инсбруке.

⁸¹ *Фрейтаг-Лорингоффен Вессель, фон* (22.11.1899–26.07.1944) — немецкий офицер, один из руководителей военной разведки, барон; полковник. С июля 1943 г. начальник отдела «Абвер II»; в ведение отдела входила организация диверсий и саботажа в тылу противника, а также руководство действиями дивизии «Бранденбург». В феврале 1944 г. после передачи абвера в РСХА переведен в действующую армию. После неудачи Июльского заговора 1944 г. покончил жизнь самоубийством.

⁸² *Бамлер* Рудольф Йоханнес (06.05.1896–13.03.1972) — немецкий военный деятель, один из руководителей военной разведки; генерал-лейтенант (1943), генерал-майор полиции (1952, ГДР). Уроженец Остербурга. 12 марта 1914 г. вступил фаненюнкером в 59-й полк полевой артиллерии. Участник Первой мировой войны. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере; прошел подготовку офицера Генштаба. С 24 мая 1938 по 1 марта 1939 г. возглавлял отдел «Абвер III» (нем. Abwehr-Abteilung III, военная контрразведка). Затем командовал 74-м артиллерийским полком, позже на штабной работе. С 1 по 28 июня 1944 г. командир 12-й пехотной дивизии. В районе Могилева захвачен в плен войсками Красной армии. Активно сотрудничал с советскими органами безопасности, участвовал в работе антифашистских организаций военнопленных; член Национального комитета «Свободная Германия» (нем. Nationalkomitee «Freies Deutschland»). В 1946–1947 гг. работал в антифашистской школе в лагере № 27. 21 апреля 1950 г. репатрирован в ГДР. Служил в Народной полиции ГДР; возглавил полицейское училище в Глевене, затем назначен на пост начальника военно-технического училища и коменданта Эрфурта. В 1959 г. переведен в Министерство государственной безопасности ГДР. Скончался в Гросс-Глейнике.

⁸³ *Ямпольский В.П.* «Советская разведка является наиболее опасной из всех разведслужб» // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 35.

⁸⁴ Речь идет о Г. Мюллере. *Мюллер* Генрих (28.04.1901–01.05.1945?) — немецкий военный деятель, один из руководителей политической полиции (СД); группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Уроженец Мюнхена. Из семьи баварских крестьян. До прихода нацистов к власти сотрудник криминальной полиции Мюнхена. С 1935 г. (фактически) начальник IV управления РСХА (гестапо). Не раз подавал заявление о приеме в партию, но в течение шести лет получал отказ; вступил в НСДАП лишь в 1939 г. В последние дни Третьего рейха находился в бункере с Гитлером, но исчез в мае 1945 г. В 1973 г. его имя вошло в список наиболее важных разыскиваемых нацистских преступников.

⁸⁵ См. *Коровин В.В.* Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 11.

⁸⁶ «*Кригсорганизацион*» (нем. Kriegsorganisation, КО — «Военная организация») — германские военно-разведывательные органы на территории ряда нейтральных государств, действовавшие под прикрытием германских посольств накануне и в начале Второй мировой войны.

⁸⁷ *Туркул* Антон Васильевич (11(23).12.1892–20.08.1957) — русский военный и политический деятель. Уроженец Тирасполя. Окончил реальное училище. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. организатор и командир ударного батальона. С начала Гражданской войны находился в отряде полковника М.Г. Дроздовского. По окончании похода Яссы – Дон в Новочеркасске принял под свое командование офицерскую роту, затем командовал батальоном, полком. Летом 1920 г., уже будучи произведенным в генерал-майоры, получил назначение на должность начальника легендарной Дроздовской стрелковой дивизии. После крымской эвакуации и знаменитого «галлиопольского сидения» перебрался в Болгарию, а в начале 1930-х гг. переехал во Францию. В эмиграции возглавлял дроздовские части, входившие в Русский общевоинский союз (РОВС). В 1936 г. создал самостоятельную организацию — Русский национальный союз участников войны (РНСУВ). РНСУВ всецело стоял на монархической платформе. В апреле 1938 г. выслан из Франции. Обосновался в Германии. Во время Второй мировой войны сотрудничал с фашистами, командовал отдельной казачьей бригадой. В конце войны бригада вошла в состав Комитета освобождения народов России (КОНР). После войны провел несколько месяцев в тюрьме. В 1950 г. в Мюнхене образовал новую организацию — Комитет объединенных власовцев (КОВ). Умер 19 августа 1957 г. в Мюнхене, похоронен в Париже на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

рядом с памятником «Генералу Дроздовскому и Дроздовцам». Автор мемуаров «Дроздовцы в огне» (Белград, 1937).

⁸⁸ *Русский общевойсковой союз* (РОВС) — организация, включавшая в себя эмигрантские военные и военно-морские объединения и союзы Белой армии в 1924–1940 гг. Создан приказом П.Н. Врангеля 1 сентября 1924 г. в Сремски-Карловцах (Сербия). Эта «форма бытия» позволяла выполнять главную задачу военного командования в эмиграции — сохранение имеющихся и воспитание новых кадров армии. В него включались все части, а также военные общества и союзы, которые приняли приказ к исполнению. Внутренняя структура отдельных воинских подразделений сохранялась в неприкосновенности. Сам же РОВС выступал в роли объединяющей и руководящей организации. По существу, РОВС стал законным преемником Белой армии. Первым председателем РОВСа являлся главнокомандующий, общее управление делами РОВСа сосредотачивалось в штабе Врангеля. *Председателями РОВСа* в разное время являлись П.Н. Врангель (1924–1928), А.П. Кутепов (1928–1930), Е.К. Миллер (1930–1937), Ф.Ф. Абрамов (1937–1938), А.П. Архангельский (1938–1957).

⁸⁹ Речь идет о *Народно-трудовом союзе нового поколения* (НТСНП) — антисоветской организации, тесно сотрудничавшей с в 1938–1943 гг. с германскими спецслужбами. Возник в 1930 г., первоначально под названием Национальный союз русской молодежи (НСРМ; 1930–1931), объединив самостоятельно возникшие в 1920-е гг. группы русской молодежи в Югославии, Болгарии, Франции, Чехословакии. В 1931 г. его название было изменено на Национальный союз нового поколения (НСНП; 1932–1936), а в 1936 г. — на Национально-Трудовой союз нового поколения (НТСНП; 1936–1943). В ноябре 1942 г. было упразднено дополнение о «новом поколении», с этого момента союз получил сокращенное название НТС — Национально-трудовой союз (1943–1957), а летом 1945 г. — Национально-трудовой союз (российских солидаристов). С 1957 г. союз именуется Народно-трудовым союзом (российских солидаристов). В 1950-е гг. в НТС произошел ряд расколов, вследствие чего образовался ряд новых организаций: в 1950 г. отколовшаяся группа членов Французского отдела НТС образовала Демократический союз российских солидаристов; в Нью-Йорке в 1954 г. возникла Инициативная группа по созданию организации свободных солидаристов; в 1956 г. большая группа членов союза, включая председателя Исполнительного бюро Совета НТС В.М. Байдалакова, на 4-м съезде НТС приняла название Российский национально-трудовой союз, который в свою очередь распался в 1966 г. с образованием частью его членов Российского демократического союза за веру и свободу. В 1992–1994 гг. из Франкфурта-на-Майне в Москву были переведены управительные органы НТС, редакции журналов, создан филиал издательства.

⁹⁰ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. М.: Эксмо: Яуза, 2004. С. 20.

⁹¹ Судоплатов Павел Анатольевич (07.07.1907–24.09.1996) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец Мелитополя. Образование высшее юридическое. В органах безопасности с 15 мая 1925 г. по 20 августа 1953 г., с перерывом с 1923 по 1925 г. С 1942 по 1947 г. начальник 4-го Управления НКВД-НКГБ-МГБ СССР. В 1947–1951 гг. начальник спецслужбы МГБ СССР. В 1951–1953 гг. начальник бюро № 1 МГБ СССР. С 30 мая 1953 г. начальник 9-го отдела МВД СССР. 20 августа 1953 г. «уволен за невозможностью дальнейшего использования». В 1954 г. арестован. 12 сентября 1958 г. Военной коллегией Верховного суда СССР на основании ст.ст. 17-58-16 УК РСФСР, с применением ст. 51 УК РСФСР приговорен «к тюремному заключению сроком на 15 лет, с последующим поражением в политических правах на три года и с конфискацией в доход государства одной шашки и одного охотничьего ножа». На имя руководства КГБ при СМ СССР 1 июня 1965 г. поступило групповое заявление от бывших сотрудников 4-го Управления НКВД-НКГБ-МГБ СССР т.т. Мордвинова Г.И., Мирковско-го Е.И., Волкова Н.В., Ваупшасова С.А. и др. с просьбой о пересмотре уголовных дел «на осужденных за государственные преступления бывшего начальника этого управления Су-

доплатова Павла Анатольевича и его заместителя Эйтингона Наума Исааковича». 10 февраля 1992 г. по решению Главной военной прокуратуры РФ реабилитирован.

⁹² Нелегалы в Охотном Ряду: Беседа с Павлом Анатольевичем Судоплатовым — руководителем советской разведывательно-диверсионной службы в годы войны // Служба безопасности. 1993. № 5–6. С. 29–31.

⁹³ *Гальдер Франц* (1884–1972) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1940). Участник Первой мировой войны. После отставки генерал-полковника Бека в 1938–1942 гг. начальник Генерального штаба сухопутных войск. Первоначально тайно сочувствовал Сопротивлению и возглавлял после Мюнхенского соглашения 1938 г. офицерскую оппозицию Гитлеру. Являясь внутренне противником развязанной Гитлером в 1939 г. Второй мировой войны, тем не менее выполнял его преступные приказы и активно участвовал в подготовке и осуществлении агрессии против СССР, а ранее — ряда европейских стран. Однако осенью 1942 г. был отстранен от своей должности ввиду разногласий с Гитлером, в основном по оперативно-тактическим вопросам. В 1944 г. был арестован по обвинению в участии в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г. и до конца войны находился в концлагере Дахау, откуда 21 апреля 1945 г. был освобожден американскими войсками. Выступал в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. Позднее написал книгу «Гитлер как полководец», в которой объявил фюрера главным и единственным виновником поражения Германии, кроме того, его «Военные дневники» служат ценным источником по истории Второй мировой войны.

⁹⁴ *Неподаев Ю.А.* Спецназ адмирала Канариса. М.: Эксмо: Яуза, 2004. С. 226–227.

⁹⁵ Секретное распоряжение начальника отдела иностранной контрразведки Эрвина Лахузена от 20 июня 1941 г. об организации восстания в Грузии // Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: Сб. мат-лов: в 7 т. Т. 2. М., 1958. С. 647–648.

⁹⁶ *Штольце Эрвин* (1891–26.03.1952) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; полковник. Уроженец Берлина. Из семьи профессора. Образование незаконченное высшее. С 1923 г. кадровый офицер германской военной разведки. Участник Первой мировой войны; с ноября 1914 до марта 1915 г. служил в запасном дивизионе 24-го полевого артполка. С марта 1915 по июль 1917 г. состоял в резерве 66-го артполка. Участвовал в сражениях на Восточном (до 1916) и Западном фронтах. В июле 1917 г. получил офицерское звание лейтенант. В январе 1937 г. после реорганизации отдела абвера адмиралом В. Канарисом назначен на должность начальника группы «А» при 7-м отделе абвера, позднее реорганизованного в «Абвер II»; одновременно (до 11 сентября 1943) первый заместитель начальника отдела. С сентября 1943 по март 1944 г. находился на излечении. С марта до 1 мая 1944 г. руководитель «Аст-Дижон» (Северо-Восточная Франция). С мая по сентябрь 1944 г. руководитель «Аст-Брюссель». С сентября 1944 по май 1945 г. начальник команды «Мельдегебит-Берлин» (бывш. «Абверштелле-Берлин»). 27 мая 1945 г. задержан и 31 мая того же года арестован сотрудниками Смерша 2-й гв. танковой армии; в тот же день, согласно указаниям начальника УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.А. Вадиса, «дело Штольце вместе с личностью арестованного» подлежало направлению в штаб фронта. 2 июня 1945 г. перевезен в Москву и передан в распоряжение ГУКР «Смерш» НКО СССР. 17 января 1952 г. Военным трибуналом МВО приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение. Не реабилитирован.

⁹⁷ *Йодль Альфред Йозеф Фердинанд* (10.05.1890–16.10.1946) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1944). Уроженец Вюрцбурга. Участник Первой мировой войны. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. После демобилизации армии остался служить в рейхсвере. В 1920 г. окончил секретные курсы офицеров Генштаба. С 1935 г. начальник отдела обороны страны Военного управления Военного министерства, ближайший сотрудник генерала В. Кейтеля. При создании ОКВ (4 февраля 1938) сохранил свой пост. 1 июня 1938 г. возглавил Штаб оперативного руководства ОКВ. В 1938–1939 гг.

командир 2-й горнострелковой дивизии. 23 августа 1939 г. вернулся на прежнюю должность в ОКВ и не покидал этот пост до своего ареста союзниками. С 1 мая 1945 г. одновременно являлся начальником Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ). В качестве главного военного преступника предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге; приговорен к смертной казни. Повешен. Вдова добилась организации повторного разбирательства дела; в 1953 г. А. Йодль был полностью оправдан.

⁹⁸ *Варлимонт* Вальтер (1894–1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1944). Уроженец Оснабрюка. В 1913 г. вступил фаненюнкером в 10-й пеший артиллерийский полк. Участник Первой мировой войны. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере. В 1936–1937 гг. военный атташе при генерале Ф. Франко. С 1937 г. служил в Военном министерстве; разработал план реорганизации вооруженных сил Германии. С июня 1938 г. начальник Отдела обороны страны — важнейшего подразделения Штаба оперативного руководства ОКВ. Один из главных разработчиков «Директивы 21», имевшей кодовое наименование «Фриц», затем — «Барбаросса». В сентябре 1944 г. снят с занимаемых постов «по состоянию здоровья» и до конца войны находился в отпуске. В мае 1945 г. арестован союзниками. В 1957 г. освобожден. Автор воспоминаний «В Главной квартире германского вермахта 1939–1945» (1962).

⁹⁹ *Браухич* Вальтер Генрих Альфред Герман, фон (1881–1948) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). Уроженец Берлина. Сын генерала кавалерии. Воспитывался при императорском дворе; паж королевы. В 1900 г. вступил лейтенантом в 3-й гвардейский пехотный полк, затем переведен в артиллерию. Окончил Военную академию (1912). Участник Первой мировой войны; воевал на Западном фронте; офицер Генштаба, майор. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса и Рыцарским крестом дома Гогенцоллернов. После демобилизации армии остался служить в рейхсвере. В 1931 г. получил звание генерал-лейтенанта, командовал артиллерийским соединением. С 1932 г. генерал-инспектор артиллерии, с 1933 г. командовал 1-м военным округом в Кенигсберге. С 1937 г. командующий 4-й армейской группой. 4 февраля 1938 г., после отстранения генерал Фрича назначен командующим сухопутными войсками. После провала наступления на Москву был уволен 19 декабря 1941 г. в запас. После разгрома под Москвой, вину за который Гитлер возложил на Браухича, он сместил его, приняв командование сухопутными войсками на себя лично. По свидетельским показаниям Браухича на Нюрнбергском процессе он подал Гитлеру рапорт об уходе со своего поста 7 декабря 1941 г., мотивируя это плохим состоянием здоровья. Гитлер ответил, что подумает, и через десять дней сообщил тому о согласии на его отставку, которая и произошла 19 декабря 1941 г. На следующий же день Браухич вылетел на родину. В своих показаниях он заявил: «Гитлер был роком Германии, и рока этого было не избежать». Умер 16 октября 1948 г. в английском плену, в госпитале для военнопленных в Гамбурге.

¹⁰⁰ *Винокуров В.* Роль немецкой военной дипломатии...

¹⁰¹ *Шелленберг* Вальтер Фридрих (16.01.1910–31.03.1952) — немецкий военный деятель, один из руководителей органов безопасности; бригаденфюрер СС (1944), генерал-майор полиции (1944) и генерал-майор войск СС (1944). Уроженец Саарбрюкена. Из семьи директора фабрики фортепьяно. Изучал право и медицину в Марбургском и Боннском университетах. В 1933 г. сдал экзамен на юриста при Высшем земельном суде в Дюссельдорфе. 1 апреля 1933 г. вступил в НСДАП и СС и в 1934 г. получил звание обершарфюрера СС; с того же года сотрудник Имперского министерства внутренних дел во Франкфурте-на-Майне, одновременно являлся секретным агентом СД. С 1935 г. реферндарий отделения гестапо в Берлине, затем переведен в центральный аппарат СД в Берлине. С 30 января 1938 г. начальник штаба и руководитель канцелярии Главного управления службы безопасности (нем. сокр. SD-HA). В 1941 г. переведен в VI Управление РСХА, занимавшееся вопро-

сами иностранной разведки, с 1943 г. был официально утвержден в должности начальника политической разведки. Скончался в Турине (Италия). Автор мемуаров «Лабиринт».

¹⁰² Гелен Р. Война разведок... С. 51–54.

¹⁰³ Странски Герман, фон (09.04.1896–?) — сотрудник германской военной разведки, дипломированный инженер; подполковник. Уроженец Вены. По национальности австриец. Из семьи государственного чиновника. В 1920–1934 гг. сотрудник австрийских лесоторговых фирм в Румынии. В 1936 г. выехал в Германию, до 1938 г. работал в области лесной торговли в Бреслау. В германской армии с января 1939 г., сотрудник отдела 1-Ц (разведывательного) штаба VIII военного округа (Бреслау), с октября сотрудник центрального аппарата абвера при ОКВ (Берлин), затем служил в отделе «Абвер I» (военная разведка). С октября 1940 по август 1944 г. офицер связи абвера с румынской разведкой. С конца 1944 г. сотрудник отдел РСХА «Миль-Ц» (бывший отдел «Абвер I»), затем заместитель начальника «Мельдегебит-Берлин» (бывшее «Абверштелле-Берлин»). 9 мая 1945 г. вят в плен советскими войсками. 22 декабря 1946 г. арестован сотрудниками 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. По решению Особого совещания при МГБ СССР от 14 апреля 1951 г. «за шпионаж заключен в тюрьму сроком на 25 лет, считая срок с 25 декабря 1946 г.». 13 октября 1955 г. на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1955 г. досрочно освобожден из мест заключения и репатриирован. 30 июля 2007 г. по заключению Главной военной прокуратуры РФ признан «обоснованно репрессированным» и не подлежащим реабилитации.

¹⁰⁴ Гелен Р. Война разведок... С. 54.

¹⁰⁵ Речь идет о сотруднике германской военной разведки подполковнике Отто Вагнере. Вагнер Отто (служебн. псевд. «Доктор Делиус», «Кара», «Куно»; 1895?–?) — немецкий офицер, сотрудник разведки; полковник. Уроженец Штутгарта. В 1936–1938 гг. абверофицер в «Аст-Висбаден». В 1938–1940 гг. служил в управлении «Абвер-заграница», начальник группы 3 F реферата «Ост». В 1940–1944 гг. начальник «КО Болгария». После войны проживал в г. Констанцы на Рейне.

¹⁰⁶ Люфтваффе (нем. Luftwaffe — воздушное оружие) — официальное наименование военно-воздушных сил гитлеровской Германии.

¹⁰⁷ Кичман Хорст (1895–?) — немецкий государственный деятель, военный дипломат; полковник. Уроженец г. Грауден. Образование высшее. Член НСДАП. В 1941–1944 гг. исполнял обязанности военного атташе в Финляндии. В июне 1945 г. арестован сотрудниками опергруппы Смерша ГСОВ в Германии.

¹⁰⁸ В Таллине располагался филиал «Аст-Остланд» — «Анст-Ревал», которым руководил фрегаттен-капитан А. Целлариус. Разведорган действовал под вывеской «Бюро по вербовке добровольцев», размещался по адресу: ул. Кайдула, в домах 3 и 14. Полевая почта № 24210 С, а после 1942 г. — № 23184. Позывной радиостанции — «Пагар».

¹⁰⁹ «Анст-Ревал» подчинялись разведывательные и диверсионные школы в местечках Мыза-Кумна, Летсе и Кейла-Юа. Из числа разведчиков-диверсантов, подготовленных в этих школах, в марте 1943 г. был сформирован и переброшен в район Ораниенбаума сводный десантный отряд, условно именованный «Оран».

¹¹⁰ Протоколы допросов полковника Х. Кичмана опубликованы: Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: Документы из следственных дел. 1944–1955 / отв. ред. В.С. Христофоров; вступ., ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: МФД, 2011. С. 623–627.

¹¹¹ Клаузницер Альфред (1900–1958) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; гауптштурмфюрер СС (1944). Уроженец г. Горный-Литвинов, Судетская область (Чехословакия), немец. Из семьи торговца. Образование высшее. Член НСДАП. В годы Второй мировой войны военнотружущий германской армии; кадровый сотруд-

ник абвера и СД (отдел VI-Z-Ost; контрразведка СД). Арестован военной контрразведкой «Смерш» в Праге 3 августа 1945 г. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 5 января 1946 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 58-6 УК РСФСР, заключен в ИТЛ сроком на 10 лет. 26 июля 2001 г. по заключению Главной военной прокуратуры Генеральной прокуратуры РФ реабилитирован. Скончался в Мюнхене.

¹¹² *Фройнд (Фрейнд) Элимар* (служебн. псевд. «Флетт»; 1897?-?) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; подполковник (1944). Уроженец Рейнской области. В 1942 г. руководитель реферата III-Ф «Юго-Восток» отдела III (контрразведывательного) Управления военной разведки и контрразведки при ОКВ. Позднее начальник группы III-Ф3 (контршпионаж) отдела III Управления военной разведки и контрразведки при ОКВ.

¹¹³ Об организации военно-морской разведки Германии см. также: *Залесский К. Вермахт: Сухопутные войска и верховное командование. С. 10–11. О военно-морской разведке и контрразведке нацистской Германии см. также: Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М.: Вече, 2015. С. 144–150.*

¹¹⁴ *Бодэ Герман* (26.11.1893-?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; капитан цур-зее (капитан 1-го ранга). В 1914 г. вступил в германский военно-морской флот. Участник Первой мировой войны. В 1919 г. уволен в запас. В 1935 г. вновь призван на военную службу. В 1939–1942 гг. служил в Управлении «Абвер-заграница» в Норвегии и Крыму. В 1945–1947 гг. находился в британском плену.

¹¹⁵ *Нойман Петер* (1900-?) — немецкий офицер, военный моряк, сотрудник военной разведки; капитан-лейтенант. Уроженец Москвы. В 1915 г. вместе с семьей вернулся в Германию. С января 1941 г. помощник военно-морского атташе при германском посольстве в Москве. В июле 1943 г. служил в разведорганах Главного морского штаба; возглавлял «айнзатцкоманду» при германском военно-морском разведоргана НБО (войсковая часть № 47585) в Симферополе (до июля 1944). Затем до конца войны начальник «Абверкоманды 166 М» в Таллине.

¹¹⁶ *Иванников И.* Тайная война немецких спецслужб на море // В мире спецслужб. 2005. 13 июля. № 6.

¹¹⁷ *Шустер Карлгеорг* (19.08.1886–16.06.1973) — немецкий военный деятель; адмирал (1940). Уроженец Юльсена (Ганновер). 1 апреля 1905 г. поступил на флот кадетом; прошел подготовку на учебном корабле «Штейн» и в военно-морском училище в Мюрвеке. Участник Первой мировой войны; офицер-подводник, капитан-лейтенант. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. После окончания войны оставлен на флоте, служил на флоте и военно-морских штабах. С 27 сентября 1933 г. командир линкора «Шлезвиг-Гольштейн». С 1 марта 1935 г. служил на военно-морской станции «Нордзее». С 1 января 1938 г. 2-й адмирал на Балтике, одновременно в 1937–1938 гг. командовал охранными силами на Балтике. С 28 октября 1938 г. инспектор военно-морских учебных заведений. С 3 ноября 1939 г. возглавлял штаб военной торговли и экономики в составе ОКВ. С 27 мая 1940 г. назначен адмиралом на западе (с 22 июня 1940 г. — адмиралом во Франции). С 4 марта 1941 г. начальник военно-морского командования «Z» (нем. «Admiral Z»), с 3 апреля того же года адмирал, командующий группой ВМС «Юг» (нем. Marinegruppenkommando Süd) со штабом в Софии. 20 марта 1943 г. уволен и переведен в резерв, но уже 1 июля назначен начальником Военно-исторического отдела ОКМ. После войны арестован союзниками и помещен в лагерь военнопленных. 23 мая 1947 г. освобожден. Скончался в Китцеберге (близ Киля).

¹¹⁸ *Шмальшлегер Гейнц* (служебн. псевд. «директор Геллер», «инженер Доцлер», «директор Гельмрайх», «директор Шмидт»; 17.01.1893–10.06.1972) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; полковник. Уроженец Ментона (Франция). Участник Первой мировой войны; кавалерийский офицер. В 1935–1936 гг. призван из запаса в вермахт, направлен для прохождения службы в военную разведку; референт, начальник отдела III F «Аст-Вена», затем т. н. «Е-офицер» в отделе «Абвер-заграница». Участник Польской кампании, в августе

1939 г. возглавлял фронтовую разведывательную команду абвера. С июня 1941 г. начальник штаба «Валли» и одновременно возглавлял отдел «Валли III» (контрразведка). После окончания войны сотрудничал с американскими спецслужбами; принимал участие в создании военной разведки ФРГ. С 1956 г. служил главным советником в БНД. По словам Ю. Мадера, последний обнаружил его в Нюрнберге в 1969 г. вышедшим на пенсию полковником бундесвера. Скончался в Нюрнберге.

¹¹⁹ *Баун Герман* (1894?–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; полковник (01.12.1944). Уроженец Одессы (по другим данным — Москвы). Участник Первой мировой войны, воевал на северном участке Восточного фронта. В 1918 г. жил в Киеве, состоял при украинском правительстве гетмана П. Скоропадского. После изгнания германских войск с территории Украины остался на территории УССР. Затем переехал в Одессу. В 1921–1937 гг. работал в германских консульствах в Одессе, Киеве и Харькове. В 1935 г. поступил на службу в германскую военную разведку («Абвер I»). В июле 1938 г. руководитель группы I-X «Ост-Север» Управления военной разведки и контрразведки при ОКВ; возглавлял разведработу в Латвии, Литве, Эстонии и Белорусской ССР. С июня 1941 г. начальник отделения (отдела) I (военная разведка, «Валли I») штаба «Валли» (нем. Stab «Walli»). После 1945 г. сотрудник «Организации Гелена», затем в БНД (нем. Bundesnachrichtendienstes, BND).

¹²⁰ *Сулеювек* — местечко, расположенное в 20 км от Варшавы, бывшая резиденция маршала Ю. Пилсудского.

¹²¹ *Брайтенфуртская разведывательная школа*. Подчинялась «Аст-Вена». Создана в начале 1941 г. в местечке Брайтенфурт (в 20 км западнее Вены). Первое время контингент школы состоял из белоэмигрантов, завербованных абвером в Балканских странах. С началом нападения на СССР на базе школы был создан проверочно-подготовительный лагерь, в который направлялись отобранные для вербовки советские военнопленные. В марте 1942 г. лагерь был реорганизован в самостоятельную разведшколу, подчиненную штабу «Валли». В школе имелось три группы подготовки. Первая, «Технише-Люфт» (техническая авиационная), — для ведения разведывательной работы по авиационным заводам и выявления технической оснащенности выпускаемых самолетов. Вторая, «Люфт» (авиационная) — готовила агентов для выявления ВВС РККА и их резервов. Третья готовила разведчиков для сбора сведений в ближайших тылах советских войск. Разведчики для первых двух групп вербовались в Хамельбургском и Лодзинском лагерях военнопленных. Срок обучения — около трех месяцев. Начальник школы подполковник Роберт Аренберг (до июля 1944).

¹²² В подчинении «Абверкоманды 202» находилось пять диверсионных разведшкол, одна из которых — школа «Мольтке» (начальник — лейтенант Зигфрид Мюллер, 1916 г.р., уроженец Штутгарта, с высшим образованием, член НСДАП с 1935) — вплоть до апреля 1945 г. готовила кадры диверсантов исключительно из числа украинских националистов.

¹²³ «*Особый штаб Р*» (нем. Sonderstab R) — первая буква «R» — сокращение от слова «Russland» — «Россия». О «Зондерштабе Р» см. также: Из ориентировки НКГБ УССР № 1897/с областным УНКГБ о структуре и деятельности «Зондерштаба Р». 25 сентября 1944 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 5, кн. 2: Границы СССР восстановлены. 1 июля – 31 декабря 1944 года. М., 2007. С. 357–361.

¹²⁴ *Смысловский Борис Алексеевич* (псевд. «Артур Хольмстон», «фон Регенау»; 03.12.1897–05.09.1989) — русский военный деятель, белоэмигрант; генерал-майор вермахта (1945). Уроженец Териоки (Великое княжество Финляндское). Окончил 1-й московский императрицы Екатерины Второй кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Служил в лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде; капитан. После Гражданской войны был интернирован в Польше; сотрудничал с германской военной разведкой. Затем

эмигрировал в Германию. Поступил на службу в рейхсвер; в 1928–1932 гг. учился на Высших курсах при Военном ведомстве (Академия Генштаба) рейхсвера. После 1939 г. резидент «Анст-Варшава». С 1941 до июня–июля 1942 г. руководил агентурной работой «Абверкоманды 104». С 1942 по 1944 г. руководитель контрразведывательного органа «Зондерштаб Р» («Особый штаб Россия»), участвовал в борьбе с партизанским движением. В конце войны командовал одним из т. н. «добровольческих соединений» из бывших советских военнопленных. В конце войны вывел свою часть в Лихтенштейн, где сдался правительству княжества. Правительство Лихтенштейна отказало советским властям в его выдаче. После окончания войны разыскивался советскими органами безопасности. В 1948 г. переехал в Аргентину. В 1948–1955 гг. был советником президента Перрона по терроризму. В 1966–1973 гг. советник в бундесвере. Основал Российское военно-освободительное движение имени генералиссимуса А.В. Суворова (т. н. Суворовский союз). В 1966 г. вернулся в Лихтенштейн. Скончался в Вадуце (Лихтенштейн).

¹²⁵ *Украинская повстанческая армия* (УПА) — военная структура Организации украинских националистов (ОУН). В 1940 г. в Кракове был сформирован 2-тысячный отряд «сечевых стрельцов»; в Варшаве — «украинский легион» под командованием петлюровского полковника Белодуба, в г. Люкенвальде — батальон «украинских сечевиков» под руководством петлюровца Барабаша. После нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 г. в политике, проводимой немцами на оккупированной территории УССР, украинским националистам стало ясно, что их надежды на создание независимого государства рухнули, они сделали ставку на создание собственных вооруженных сил. В ряде случаев члены ОУН-УПА стали преследоваться гитлеровцами, причем на оккупированных территориях Украины германским командованием было запрещено привлекать их в полицию. Краковским центром ОУН в приграничной полосе были заложены опорные пункты, которые занимались непосредственной переброской оуновских эмиссаров через границу. Вся эта работа проводилась под непосредственным руководством немецко-фашистских органов (особенно абвером) и с их санкции. В Кракове был создан разведцентр, непосредственно использовавший оуновцев в шпионской работе против СССР. Наряду с ведением подрывной работы германское командование готовило военные кадры украинских националистов для использования их в предстоящей войне против СССР. С этой целью на территории Германии, «генерал-губернаторства» и оккупированной немцами Чехословакии были созданы школы офицеров, подофицеров, летчиков, танкистов и шоферов. С конца 1942 г. на Волыни, а затем и в других западных областях Украины отряды УПА стали создавать и бандеровцы. Во главе УПА стояло Главное командование УПА и штаб, состоявший из отделов: оперативного, политического, боевой подготовки, связи, санитарного и хозяйственного. При главном командовании была создана собственная служба безопасности — Служба безпеки (СБ), которая руководила репрессиями против населения на оккупированных областях УССР. Наиболее активно УПА действовала на территориях Ровенской, Волынской, Тернопольской, Житомирской, Винницкой, Каменец-Подольской и других областях УССР и особенно в Волыни и Подолии.

¹²⁶ *Армия крайова* (АК; «внутренняя» или «отечественная» армия) — подпольные вооруженные формирования, подчинявшиеся польскому правительству в эмиграции в Лондоне. Создана по приказу премьер-министра Владислава Сикорского 14 февраля 1942 г. на основе отрядов т. н. Союза вооруженной борьбы (СВБ). В военно-административном плане компетенция АК распространялась на три обшара (территории) — Белостокский, Львовский и Западный (в 1944 г. был создан четвертый обшар — Варшавский). Обшары делились на округа, в целом совпадавшие с территорией воеводств. Округа в свою очередь включали обводы (территории поветов), а обводы состояли из пляцуков (отделений, постов). Во главе АК находился командующий всеми польскими вооруженными силами генерал Казимеж Соснковский. *Командующий*: генерал дивизии Тадеуш (Бур) Коморовский (июль 1943 — октябрь 1944).

¹²⁷ Дробязко С.И. Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2005. С. 131–132.

¹²⁸ Зефиоров М.В., Дёгтев Д.М., Баженов Н.Н. Самолеты-призраки Третьего рейха: Секретные операции люфтваффе. М., 2007. С. 8, 11.

¹²⁹ Линдер И.Б., Абин Н.Н., Чуркин С.А. Диверсанты. Легенда Лубянки — Павел Судоплатов. М., 2008. С. 221–222.

¹³⁰ Полковник Эймен — начальник следственного отдела Управления обвинителя от США на Нюрнбергском процессе. На заседаниях Международного военного трибунала в качестве представителя американского обвинения проводил допросы ряда свидетелей.

¹³¹ Допрос свидетеля Эрвина Лахузена: (Из стенограммы заседания Международного военного трибунала от 30 ноября 1945 г.) // Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 2. С. 104–105.

¹³² ЦА ФСБ России. Н-21147. В 2 т. Т. 1. Л. 82–99. Опубликовано: Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М., 2009. С. 316–325.

¹³³ См.: Дегтев Д.М., Зубов Д.В. Всевидящее око фюрера: Дальняя разведка люфтваффе на Восточном фронте. 1941–1943. М., 2012. С. 24.

¹³⁴ Шульце-Бойзен Харро (сов. псевд. «Старшина»; 02.09.1909–22.12.1942) — немецкий офицер, участник движения Сопротивления; обер-лейтенант люфтваффе. Из семьи военного моряка. В 1936 г. женился на внучке князя Эйленбургского — Либертас Хаас-Хайе. Окончил школу военных летчиков-штурманов. Сотрудник Имперского министерства авиации; возглавлял реферат, занимавшийся анализом и обработкой отчетов военно-воздушных атташе Германии. Агент советской разведки. 31 августа 1942 г. арестован в своем служебном кабинете. Казнен в 1942 г.

¹³⁵ Берия Лаврентий Павлович (17.03.1899–23.12.1953) — советский государственный и военный деятель; один из руководителей органов безопасности; генеральный комиссар госбезопасности (1941), маршал Советского Союза (1945). Уроженец с. Мерхеули (Абхазия). Из семьи крестьянина-бедняка. В органах безопасности с 1921 г.; заместитель начальника секретно-оперативного отделения Азербайджанской ЧК. С 22 марта 1939 по 18 марта 1946 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 18 марта 1946 по 16 октября 1952 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). С 22 августа по 25 ноября 1938 г. 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР. С 8 по 29 сентября 1938 г. начальник 1-го управления НКВД СССР. С 29 сентября по 17 декабря 1938 г. начальник ГУГБ НКВД СССР. С 25 ноября 1938 по 29 декабря 1945 г. нарком внутренних дел СССР, одновременно в 1941–1945 гг. член ГКО СССР. 23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен по обвинению в государственных преступлениях к ВМН; в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

¹³⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2: От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 года. М., 2003. С. 307–308.

¹³⁷ «Юнкерс-290» (Ю-290; нем. Junkers Ju 290, Ju-290) — военно-транспортный самолет люфтваффе. Сконструирован и построен немецкой фирмой «Юнкерс» на базе пассажирского самолета Ю-90. Первый полет состоялся 16 июля 1942 г. Предназначался для разведывательных полетов над территорией противника; состоял на вооружении специальной бомбардировочной эскадры «КГ-200». В начале 1943 г. использовался для снабжения окруженной в Сталинграде 6-й армии. *Технические характеристики*: длина 28,7 м; размах крыла 42 м; высота 6,83 м. *Летные характеристики*: крейсерская скорость 340 км/ч; практическая дальность полета 6000 км, с нагрузкой 8000 кг 2500 км; практический потолок 6850 м. *Вооружение*: два спаренных пулемета MG 81Z (в хвостовой части); две пушки MG 151 (в носовой части и на верхней фюзеляжной турели).

«Арадо-232» (Ar-232, «Сороконожка»; нем. «Arado-232» (Ar-232, «Tausendfüßler»)) — военно-транспортный самолет люфтваффе. Сконструирован и построен немецкой фир-

мой «Арадо» в конце 1940 г. Первый полет совершил в июне 1941 г. Всего было произведено 22 самолета в виде модификаций «А» (двухмоторный самолет) и «В» (четыrehмоторный). Состоял на вооружении специальной бомбардировочной эскадры «КГ-200». *Технические характеристики:* экипаж — 4 чел.; длина — 23,5 м; размах крыла — 33,5 м; высота — 5,69 м; взлетная масса (макс.) — 21 150 кг. *Летные характеристики:* скорость (макс.) 308 км/ч на высоте 4000 м; крейсерская скорость 290 км/ч на высоте 2000 м; практическая дальность полета — 1062 км; практический потолок — 6900 м. *Вооружение:* 1Х пулемет MG-131 в носовой части; пушка MG-151 на верхней фюзеляжной турели; 1–2 X пулемет MG-131 в хвостовой части; 8X пулеметов MG-34 в боковых окнах (использовались десанниками).

¹³⁸ *Генихен (Енихен)* Генрих (1920–26.10.1945) — немецкий летчик; лейтенант люфтваффе. Уроженец Лигнеца. Образование 8 классов народной школы. С 1933 г. Член гитлерюгенда (с 1933). В 1938 г. добровольцем пошел на военную службу. Награжден «Железным крестом» 1-го и 2-го класса. Проходил службу в 200-й бомбардировочной эскадре специального назначения «КГ-200». 23 мая 1944 г. во время выполнения разведывательного полета задержан советскими органами безопасности на территории Калмыкии. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР осужден к ВМН. 26 октября 1945 г. приговор приведен в исполнение.

¹³⁹ *Виделлер* Ганс (1917–26.10.1945) — немецкий военнoслужаший; обер-фельдфебель люфтваффе. Уроженец г. Герцогенрата. Из семьи горняка. В германской армии с 1937 г., проходил обучение в 46-м авиаучебном полку. За транспортные полеты на советско-германском фронте награжден Железным крестом 1-го (май 1942) и 2-го класса (февраль 1942). В начале июня 1944 г. переведен в эскадрилью «КГ-200». 23 мая 1944 г. во время выполнения разведывательного полета задержан советскими органами безопасности на территории Калмыкии. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР осужден к ВМН. 26 октября 1945 г. приговор приведен в исполнение.

¹⁴⁰ *Мельцер* Вилли (1904–26.10.1945) — немецкий военнoслужаший; старший фельдфебель. В 1944 г. служил в эскадрилье «КГ-200»; бортмеханик разведывательного самолета «Ю-290». 23 мая 1944 г. во время выполнения разведывательного полета задержан советскими органами безопасности на территории Калмыкии. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР осужден к ВМН. 26 октября 1945 г. приговор приведен в исполнение.

¹⁴¹ *Георген (Герген)* Бруно (1924–26.10.1945) — немецкий военнoслужаший; унтер-офицер люфтваффе. В 1944 г. служил в эскадрилье «КГ-200»; борт-стрелок разведывательного самолета «Ю-290». 23 мая 1944 г. во время выполнения разведывательного полета задержан советскими органами безопасности на территории Калмыкии. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР осужден к ВМН. 26 октября 1945 г. приговор приведен в исполнение.

¹⁴² *Фрицекс* Генрих (1922–26.10.1945) — немецкий военнoслужаший; унтер-офицер люфтваффе. В 1944 г. служил в эскадрилье «КГ-200»; борт-стрелок разведывательного самолета «Ю-290». 23 мая 1944 г. во время выполнения разведывательного полета задержан советскими органами безопасности на территории Калмыкии. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР осужден к ВМН. 26 октября 1945 г. приговор приведен в исполнение.

¹⁴³ http://spynet.worldweapon.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=243&Itemid=42.

¹⁴⁴ *Хиппель* Теодор, фон (1890–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; доктор филологических наук, майор. Уроженец Восточной Пруссии. Один из создателей подразделений войск специального назначения в германской армии, первый командир роты (с июля 1939 до весны 1940 г.), затем до лета 1941 г. командир 1-го батальона полка «Бранденбург 800». В дальнейшем проходил службу в тропическом батальоне дивизии

«Бранденбург 800» при армии фельдмаршала Э. Роммеля в Тунисе (Северная Африка). В 1943 г. взят в плен американскими войсками в Северной Африке. Сведений о дальнейшей судьбе не обнаружено.

¹⁴⁵ Фараго Л. Игра лисиц: Эпизоды агентурной борьбы. М., 1979. С. 203.

¹⁴⁶ Бухгайт Г. Абвер — «щит и меч» III Рейха. М., 2013. С. 187.

¹⁴⁷ Токарев М. СССР. 1941-й. «Бранденбург 800»: черные кошки в темной комнате // Диверсанты Второй мировой / ред.-сост. Г. Пернавский. М., 2008. С. 5–58.

¹⁴⁸ Лавров Н. «Бранденбург-800» // Скорцени О. Секретные задания. С. 347–348.

¹⁴⁹ Неподаев Ю.А. Спецназ адмирала Канариса.

¹⁵⁰ Херцнер Ганс-Альбрехт (1907–1942) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки, доктор философии (1938); капитан (посмертно). Уроженец Потсдама. Окончил университет Фридриха Вильгельма в Берлине. 1 августа 1938 г. в качестве офицера резерва призван на военную службу в 9-й пехотный полк, позднее сотрудник «Аст-Бреслау». Затем был зачислен в подразделение специального назначения «Бранденбург 800». В сентябре 1939 г. участвовал в нападении на Польшу. В 1940–1941 гг. командир батальона украинских националистов «Нахтигаль». Скончался от ран в лазарете СС в Хохенлихене.

¹⁵¹ Демель (Деммель) Ганс (1896–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; полковник. Уроженец Бреслау. До марта 1940 г. начальник 2-го отдела (диверсии, саботаж) «Аст-Краков». С марта по декабрь 1940 г. начальник 2-го отдела «Аст-Бухарест». С декабря 1943 по октябрь 1944 г. начальник рефератов 3-го отдела (военная контрразведка) «Аст-Данциг». С сентября 1944 г. руководитель «Комmando Мельдегебит-Прага». Арестован сотрудниками советской контрразведки.

¹⁵² Киришнер Герман (1910–?) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; капитан. Уроженец г. Майн-на-Рейне. В германской армии с 1 ноября 1929 г. С января 1940 г. проходил службу в спецподразделении «Бранденбург 800». Диверсионный взвод «Вест-цуг» в форме военнослужащих голландской армии под командованием Г. Киришнера выполнял диверсионное задание по захвату стратегических объектов на территории Голландии. В период войны против СССР выполнял на Кавказе задания диверсионного характера. Арестован 22 июня 1949 г. сотрудниками 2-го Главного управления МГБ СССР. На основании п. «d» параграфа 1 ст. 2 Закона № 10 Контрольного совета в Германии (за принадлежность к организации, объявленной преступной Международным военным трибуналом) по решению Особого совещания при МГБ СССР от 1 октября 1949 г. осужден на 25 лет ИТЛ. Наказание отбывал в Унислаге (до 1955 г.). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. Г. Киришнер 16 октября 1955 г. досрочно освобожден из мест заключения и репатриирован в ГДР.

¹⁵³ Хайнц Фридрих Вильгельм (1899–1968) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки, журналист и писатель; подполковник (1943). Уроженец Франкфурта-на-Майне. До 1941 г. руководитель одного из рефератов в отделе «Абвер III» (военная контрразведка). В 1941–1942 гг. командир 1-го батальона (т. н. батальона доверенных лиц) полка «Бранденбург 800», с лета 1942 г. командир 4-го полка. Летом 1944 г. в связи с провалом покушения на А. Гитлера бежал в Швейцарию. Летом 1946 г. вернулся в Берлин и работал в качестве журналиста. В тот же период установил контакты с французской, голландской и американской разведками. В 1950 г. принял участие в создании военной разведывательной службы при ведомстве канцлера К. Аденауэра. Служба была названа его именем (нем. Friedrich-Wilhelm-Heinz-Dienst, FWHHD), которая пришла в определенную конкуренцию с «Организацией Гелена». В 1954 г. вышел в отставку и работал специалистом по рекламе. Скончался в Бад-Наухайме.

¹⁵⁴ 101-я легкая пехотная дивизия (нем. 101. Leichte Infanterie-Division) — тактическое соединение германской армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в октябре 1936 г. в Карлсруэ как 35-я пехотная дивизия. Переформирована в 101-ю легкую пе-

хотную дивизию 10 декабря 1940 г. в Праге. С июня 1941 г. действовала на советско-германском фронте в составе 52-го армейского корпуса 17-й армии группы армий «Юг». 6 июля 1942 г. переформирована в 101-ю егерскую дивизию (нем. 101. Jäger-Division). *Командиры*: генерал артиллерии Эрих Маркс (с 10 декабря 1940); генерал-лейтенант Браунер фон Хайдринген (с 26 июня 1941); генерал-лейтенант Эрих Дистель (с 11 апреля 1942).

¹⁵⁵ ЦА ФСБ России. Н-19788. Л. 35–41.

¹⁵⁶ См.: *Скорцени О. Диверсия — мое ремесло // Мадер Ю. Говорят генералы шпионажа. Смоленск, 2001. С. 288–289.*

¹⁵⁷ *Пинкерт* Гергард (1914–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; подполковник. Уроженец Лейпцига. В апреле 1935 г. зачислен в 11-й пехотный полк 14-й пехотной дивизии в качестве юнкера. В январе–октябре 1936 г. обучался в военной школе в Мюнхене, затем до марта 1937 г. в пехотном училище в Доберице (около Берлина), затем до 1938 г. проходил службу в должности командира пулеметного взвода; лейтенант. В должности адъютанта 2-го батальона 11-го пехотного полка участвовал в Польской кампании и в походе в Бельгию, Голландию и Францию. С июня 1941 г. в составе 14-й мотопехотной дивизии участвовал в боях на советско-германском фронте. В феврале 1942 г. зачислен в формирующуюся дивизию особого назначения «Бранденбург». С мая по декабрь 1942 и с сентября по ноябрь 1943 г. в составе дивизии особого назначения «Бранденбург» участвовал в боях на советско-германском фронте; командир 4-го полка дивизии «Бранденбург». В октябре 1946 г. вступил в офицерскую «шпионскую организацию американского разведоргана»; по заданию организации с октября 1946 по декабрь 1947 г. до 9 раз нелегально переходил в советскую зону оккупации Германии. До ареста торговый служащий в Кельне. Задержан 18 декабря 1947 г., арестован 7 января 1948 г. сотрудниками Оперативного сектора Советской военной администрации (СВА) по федеральной земле Саксония. 20 января 1950 г. Военным трибуналом в/ч 08640 по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58–6 ч. 1, 58–11 УК РСФСР и ст. 2 раздела I п. «в» Закона № 10 Контрольного совета в Германии от 20 декабря 1945 г. «пожизненно заключен с отбыванием каторжных работ, с конфискацией имущества, изъятого при обыске».

¹⁵⁸ Подробнее см.: Из протокола допроса арестованного полковника немецкой армии Э. Штольце об использовании абвером украинских националистов в ходе войны с СССР. 29–31 мая 1945 г. // *Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы: в 2 т. Т. 2: 1944–1945. М., 2012. С. 664–668.*

¹⁵⁹ В докладной записке НКВД СССР № 2037/Б в ГКО от 5 декабря 1942 г. сообщалось: «...26 и 29 августа с. г. в Шатоевском и Веденском районах Чечено-Ингушской АССР были выброшены две вооруженные десантные группы противника общим числом 69 человек, возглавлявшиеся обер-лейтенантом Ланге и унтер-офицером Реккертом. В состав группы входили 10 немецких унтер-офицеров и солдат, остальные — чеченцы, ингуши, дагестанцы, осетины, кабардинцы, завербованные немцами во время нахождения в плену и окончившие школу разведки в Мосхаме (Северный Тироль — Австрия). Этим группам удалось связаться с главарями скрывающихся в Чечне банд — Шериповым, Исраиловым и Бадаевым. Банды разгромлены и рассеяны; убито 220 (в том числе главарь одной из банд Шерипов, и отравился, будучи окруженным, немецкий унтер-офицер Реккерт) и задержано 319 бандитов» (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 515–517).

¹⁶⁰ *Неподаев Ю.А. Спецназ адмирала Канариса. С. 70–71.*

¹⁶¹ Речь идет об особом офицерском лагере — офлаге 3А в г. Луккенвальде (под Берлином), в котором из числа советских военнопленных, добровольно перешедших на сторону противника, вербовали кандидатов для службы в подразделении особого назначения «Бранденбург». После тщательной агентурной проверки и обработки в профашистском духе кандидатов отправляли в учебные подразделения.

¹⁶² Речь идет о майоре германской армии Пауле Якоби.

¹⁶³ ЦА ФСБ России. Н-18136. Л. 44–70.

¹⁶⁴ Архив УФСБ России по Саратовской области. Ф. 14. Оп. 5. Д. 388. Л. 258–267.

¹⁶⁵ *Хелинг фон Ланценауэр* Пауль, фон (28.02.1896–12.02.1943) — немецкий военный деятель; генерал-майор (1943). Уроженец Шарлоттенбурга. В 1915 г. вступил в 109-й Баденский лейб-гренадерский полк. Участник Первой мировой войны. После окончания войны служил в полиции, затем снова был призван в армию. С 30 ноября 1940 по 1942 г. командир полка спецназначения «Бранденбург 800». В 1942–1943 гг. командир дивизии «Бранденбург». Скончался в госпитале от туберкулеза (Шёмберг).

¹⁶⁶ *Пфульштайн* Александр, фон (17.12.1899–20.12.1976) — немецкий военный деятель; генерал-майор. Уроженец Данцига. Участник Первой мировой войны. С 1 апреля 1943 по апрель 1944 г. командир дивизии «Бранденбург». С ноября 1938 по январь 1940 г. офицер отдела Ia 19-й пехотной дивизии. В мае–июне 1944 г. командир 50-й пехотной дивизии. В июле 1944 г. в ходе поиска в абвере участников покушения на фюрера вместе с Канарисом и Остером был арестован. 8 сентября 1944 г. был свидетелем на суде по вынесению приговора участникам заговора против фюрера, но был разжалован в рядовые и 14 сентября того же года уволен из вермахта. Скончался в Бад-Хомбурге.

¹⁶⁷ *Кюльвейн* Фриц (29.11.1892–25.09.1972) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант. Уроженец Хаттена (Эльзас). На военной службе с 1912 г. Участник Первой мировой войны. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере. В 1934–1937 гг. преподаватель тактики в военном училище в Дрездене. Затем на командных должностях в вермахте. С 13 апреля по 15 сентября 1944 г. командир дивизии «Бранденбург». С 29 декабря 1944 по 27 марта 1945 г. командир 401-й пехотной дивизии. С 27 марта по 8 мая 1945 г. командир 149-й учебно-полевой дивизии. Захвачен в плен союзниками 8 мая 1945 г., освобожден 11 октября 1946 г.

¹⁶⁸ *Шульте-Хойтхауз* Герман (15.01.1898–28.12.1979) — немецкий военный деятель; генерал-майор (1945). Уроженец Восточной Пруссии. Участник Первой мировой войны. С 17 по 22 сентября 1942 г. командир 90-й дивизии в Африканском корпусе Э. Роммеля. С 7 июля по 4 сентября 1943 г. командир танково-артиллерийского полка. С 16 октября 1944 по 8 мая 1945 г. командир пехотной дивизии «Бранденбург». Скончался в Берлине.

¹⁶⁹ Об РСХА см. также: *Залесский К. СС. Охранные отряды НСДАП*. М., 2004. С. 170–173; 490–492.

¹⁷⁰ *Греиф* Хайнц (1908–1944) — немецкий офицер, сотрудник органов безопасности, доктор права; оберштурмбанфюрер СС (посмертно — штандартенфюрер СС). Уроженец Лейпцига. Член студенческой организации «Стальной шлем» (1933), в том же году поступил в службу безопасности рейхсфюрера СС. С сентября 1939 г. руководитель айнзатцкоманды 1 (нем. Einsatzkommandos 1) айнзатцгруппы V полиции безопасности и СД в Польше. С февраля 1940 г. сотрудник VI Управления РСХА. С октября 1941 г. прикомандирован к IV Управлению (гестапо) РСХА. С 4 марта по июль 1942 г. начальник специального реферата VI C/Z («Предприятие “Цеппелин”»; нем. «Unternehmen Zepelin»). С июля 1942 г. начальник отдела VI C (Восточного) РСХА. Погиб недалеко от Бад-Тельца в автокатастрофе вместе с руководителем управленческой группы III A (юридической) РСХА штурмбанфюрером СС Карлом Гагенбахом (по другим данным — убит партизанами). Скончался в Мюнхене.

¹⁷¹ *Рапп* Альберт (16.11.1908–?) — сотрудник германской политической полиции, правительственный советник; штандартенфюрер СС. Член НСДАП (1931) и СС (1936). С февраля 1942 по январь 1943 г. служил в зондеркоманде 7а; инспектор полиции безопасности и СД в Брауншвейге. В 1944 г. руководитель реферата VI C РСХА. 29 марта 1965 г. приговорен к пожизненному заключению.

¹⁷² *Шелленберг В.* Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика. М.: Прометей, 1991. С. 256–257.

¹⁷³ Так в тексте, речь идет о штурмбанфюрере СС Эрихе Хенгельхаупте.

¹⁷⁴ См.: *Ямпольский В.П., Богодист В.Ф.* Организация и деятельность «Цепелина» // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 327–356.

¹⁷⁵ *Курек (Куррек) Вальтер* (25.06.1911–?) — немецкий офицер, сотрудник Имперской службы безопасности (СД); штурмбанфюрер СС (1941). Уроженец Зальцбурга. Член СС. В 1932–1936 гг. сотрудник оберабшнитта СД-Зюд в Мюнхене. В 1936 г. — в управлении СД Берлина. В 1941–1942 гг. начальник Особого лагеря в Зандберге (разведшкола СД). С апреля по декабрь 1942 г. начальник особой команды «Цепелина» при Оперативной группе Д (Симферополь – Таганрог), затем начальник отдела заброски VI C/Z («Предприятие “Цепелин”»). После войны, как ценный специалист по СССР, привлечен американцами к сотрудничеству, служил в «Организации Гелена» (нем. Abwehr-Organisation Gehlen), затем в Федеральной разведывательной службе (БНД).

¹⁷⁶ *Йобстер-Редер Рудольф* (09.03.1912–1992) — немецкий офицер, сотрудник германской тайной политической полиции (СД); штурмбанфюрер СС (1939). Уроженец Лейпцига. Изучал историю и социологию в Лейпцигском университете; доктор философии. В конце 1929 г. вступил в гитлерюгенд, в марте 1931 г. в НСДАП, затем в СС. С 1933 г. советник по прессе в правлении Национал-социалистического союза немецких студентов. В 1935–1937 гг. ассистент Института исследований прессы Лейпцигского университета. Во время Польской кампании в сентябре 1939 г. прикомандирован к айнзатцкоманде 16, сформированной в Бромберге. При создании РСХА 21 октября 1939 г. зачислен в его аппарат. В октябре 1939 г. направлен в Готенхафен заместителем руководителя местного СД, в середине ноября откомандирован в Лодзь. С марта по июнь 1940 г. возглавлял группу II А в РСХА. В июне–сентябре 1940 г. и.о. инспектора полиции безопасности и СД в Данциге. В 1941 г. переведен в VI Управление РСХА, сотрудник реферата VI C/Z («Предприятие “Цепелин”»). С июля 1942 по февраль 1943 г. начальник реферата VI C/Z. В апреле–мае 1944 г. командир айнзатцкоманды в Венгрии, затем служил в СД Будапешта. В августе 1944 г. вернулся в центральный аппарата РСХА. После окончания войны скрывался под именем Рихарда Руппа на одной из ферм Шлезвиг-Гольштейна, затем несколько лет прожил в Мюнхене. После этого уехал в Индонезию, служил советником у генерала Сухарто. Одновременно под именем О. Рёдера работал корреспондентом немецких газет. Скончался в Мюнхене.

¹⁷⁷ *Власов Андрей Андреевич* (14.09.1901–01.08.1946) — русский коллаборационист; генерал-лейтенант. Будучи командующим 2-й Ударной армией Волховского фронта, 12 июля 1942 г. добровольно сдался в плен. В конце июля того же года дал согласие возглавить анти-советское движение. С 14 ноября 1944 г. председатель т. н. Комитета освобождения народов России, главнокомандующий ВС КОНР. Казнен в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

¹⁷⁸ *Шелленберг В.* Лабиринт. С. 265.

¹⁷⁹ *Войска СС* (нем. Waffen-SS) — вооруженные формирования СС. Официально созданы 1 июня 1940 г. путем переименования частей усиления СС с включением в их состав дивизий СС «Мертвая голова» (SS-Totenkopf-Verbande; SSTV). Позже ряд дивизий СС был объединен в корпуса СС, в конце войны был сформирован штаб VI танковой армии СС (кроме того, существовала армейская группа обергруппенфюрера СС Ф. Штейнера).

¹⁸⁰ *Семенов К.К.* Скорцени: Загадки «человека со шрамами». М.: Вече, 2014. С. 27–28.

¹⁸¹ *Юттнер Ганс* (1894–1965) — немецкий военный деятель; обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (1943). Уроженец Шмигеля (Позен). Участник Первой мировой войны; награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. В 1920–1929 гг. успешно занимался предпринимательством. В 1920-е гг. вступил в НСДАП, в 1935 г. — в СС. Один из высших офицеров СС. С апреля 1940 г. начальник штаба Главного оперативного управления СС. С января 1943 г. руководитель Главного оперативного управления СС, отвечавшего за войска СС.

После назначения в июле 1944 г. рейхсфюрера СС Г. Гимmlера главнокомандующим армией резерва назначен начальником его штаба. В конце 1950-х гг. являлся владельцем санатория.

¹⁸² *Муссолини* — см. примеч. 68.

¹⁸³ *Скорцени* О. Секретные задания. С. 177.

¹⁸⁴ *Фёлькерзам* Адриан, фон (20.12.1914–21.01.1945) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки, барон; штурмбанфюрер СС (1945; посмертно). Уроженец Петербурга. Сын адмирала русского флота. Окончил классическую гимназию в Риге (1933). В 1934 г. учился в Мюнхене, Кенигсберге и Вене на факультете национальной экономики. В 1935 г. вернулся в Латвию и был призван на военную службу. Симпатизировал национал-социалистическому движению, в Кенигсберге состоял в штурмовых отрядах. Служил в чине ефрейтора в 9-м полку в Розиттене. До марта 1940 г. проживал в Риге, затем переехал в Германию. В качестве референта по восточным странам в Главном управлении службы безопасности (Берлин) в чине штурмфюрера СС; специалист по экономическим и политическим вопросам России. В мае 1940 г. вступил добровольцем в учебный полк «Бранденбург 800». Кавалер «Железного креста» 2-го (1941) и 1-го (1942) класса и Рыцарской степени ордена «Железный крест» (1942). Убит неизвестными лицами при выходе из казармы при обороне Хохензальца (Иновроцлав; Чехословакия).

¹⁸⁵ *Милюс* Зигфрид (1916?–1992) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; штурмбанфюрер СС. С весны 1944 г. командир 600-го батальона парашютистов СС.

¹⁸⁶ *Гильгофер* Герберт (1910–?) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; штурмбанфюрер СС. Первый командир 600-го батальона парашютистов СС.

¹⁸⁷ Вероятно, речь идет о 9-й парашютной дивизии (нем. 9. Fallschirm-Jäger-Division). Приказ о формировании был отдан 24 сентября 1944 г., но 25 октября того же года формирование дивизии было приостановлено. Дивизия была сформирована лишь в декабре 1944 и январе 1945 г. из регулярных и запасных частей. В состав дивизии входили 25-й, 26-й и 27-й парашютные полки, 9-й парашютный артиллерийский полк; 9-й парашютный противотанковый дивизион, 9-й парашютный зенитный дивизион и другие подразделения обеспечения. *Командиры*: генерал-лейтенант Густав Вильке (24.09.1944–09.03.1945); генерал парашютных войск Бруно Бройдер (02.03.1945–18.04.1945); полковник Гарри Херрман (19.04.1945–02.05.1945). В последние дни войны остатки дивизии отошли в Берлин, где сдались советским войскам.

¹⁸⁸ *Аух* Александр (1900?–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; штурмбанфюрер СС (1945). Уроженец Санкт-Петербурга. До 1917 г. семья Аухов эмигрировала из России в Германию. До 1942 г. служил офицером при штабе полка «Бранденбург»; капитан. В 1943–1944 гг. командовал батальоном легионеров в дивизии «Бранденбург», затем перешел в «СС Ягдфербанд». С февраля 1945 г. начальник «СС Ягдфербанд-Ост».

¹⁸⁹ *Гиль* Герберт (1900–01.12.1945) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; капитан. Уроженец Риги. По специальности банковский служащий. Владел английским, русским, французским и отчасти латышским языками. В немецкой армии с августа 1939 г.; адъютант командира 205-го артиллерийского полка 225-й пехотной дивизии. В составе полка принимал участие в боевых действиях в Бельгии, Голландии и Франции. С ноября 1940 г. адъютант командующего 4-й армией фельдмаршала фон Клюге. С 22 июня 1941 г. на Восточном фронте. С мая 1943 г. главный переводчик офицерской школы, затем продолжил службу при штабе 15-й армии (Франция) и перешел в разведку (отдел 1 с). Арестован на территории Чехословакии сотрудниками контрразведки «Смерш» 28-й армии 20 мая 1945 г. Начальник разведывательно-диверсионной школы «СС Ягдфербанд Ост-группа Б» в районе Шварценберга (Чехословакия). По постановлению Особого совещания при НКВД расстрелян.

¹⁹⁰ *Владимиров* В.П. Обрубленные щупальца легионов Скорцени // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 4–5.

Глава 2. «ФАБРИКИ» ДИВЕРСАНТОВ

¹⁹¹ Тарасов Д.П. Большая игра: (Документальный обзор и художественно-документальный очерк). М., 1997. С. 19–20.

¹⁹² См.: Ковалев Б.Н. Работа советских спецслужб по разложению коллаборационистских формирований в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 96.

¹⁹³ Кукридж Э. Европа в огне: Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940–1945. М., 2003.

¹⁹⁴ Там же. С. 327.

¹⁹⁵ Шелленберг В. Лабиринт. С. 353–354.

¹⁹⁶ Там же. С. 349–351.

¹⁹⁷ *Funkspiel* (нем. радиоигра) — прием контрразведывательной деятельности, заключающийся в перевербовке радиста противника или в подмене его собственным радистом в целях получения информации и распространения дезинформации.

¹⁹⁸ Скорцени О. Секретные задания. С. 44, 46.

¹⁹⁹ В 1940–1944 г. отдел А II (борьба с саботажем, контрразведка, дезинформация) в IV Управлении РСХА (нем. RSHA Amt IV) возглавлял оберфюрер СС Фридрих Панцингер.

²⁰⁰ Копков Хорст (29.11.1910–13.10.1996) — немецкий офицер, сотрудник Имперской службы безопасности (СД); штурмбанфюрер СС (1943), криминаль-директор (1944). Уроженец Ортельсбурга (Восточная Пруссия). Учился на аптекаря. В 1931 г. вступил в НСДАП, в 1932 г. в СС. Окончил спортивное училище СС (1934). С 1934 г. начал службу в отделении гестапо в Алленштайне (Восточная Пруссия). В 1937 г. переведен в центральный аппарат гестапо в Берлине. С начала 1940 г. начальник реферата (отдела) IV A2 (борьба с саботажем) IV Управления (гестапо) РСХА. В конце лета 1941 г. возглавил Особую комиссию по «Красной капелле» (нем. Sonderkommission Rote Kapelle). После реформирования IV Управления в начале 1944 г. начальник реферата IV A2, после 20 июля включен в состав группы, расследовавшей обстоятельства заговора против А. Гитлера. 29 мая арестован британской военной полицией; сотрудничал с МИ-6. В 1950 г. освобожден и вернулся в Западную Германию.

²⁰¹ Зегер А. «Гестапо-Мюллер»: Карьера кабинетного преступника. Ростов н/Д, 1997. С. 269–272.

²⁰² См.: Hagen W. Die geheime Front: Organisation, Personen und Aktionen des Deutschen Geheimdienstes. Linz; Wien. 1950. S. 74.

²⁰³ Пэйн-Бест Сигизмунд (14.04.1885–21.09.1978) — британский офицер, сотрудник секретной службы МИ-6 (англ. MI-6); капитан. Уроженец Челтнема (Англия). В годы Второй мировой войны возглавлял секцию «Зет» (англ. Section Z) — одно из подразделений МИ-6 в Нидерландах. 9 ноября 1939 г. вместе с майором Р. Стивенсом в местечке Венло на германо-голландской границе был захвачен агентами гестапо во главе с В. Шелленбергом, а бывший с ними лейтенант датской армии Д. Клопом смертельно ранен. Во время допросов в Берлине отказался дать сведения о деятельности британской разведки. Обвинен гестапо в подготовке покушения на А. Гитлера в пивной «Бюргербройкеллерн», совершенного Георгом Эльзером. По окончании следствия заключен в концлагерь Заксенхаузен, а затем содержался в концлагере Дахау. Во время своего тюремного заключения вступил в контакт с рядом известных деятелей, в том числе не только Г. Эльзером, но и с известным теологом Дитрихом Бонхоффером, чье последнее сообщение позднее передал его другу епископу Джорджу Беллу. В конце апреля 1945 г. вместе с около 140 другими известными пленниками был переведен в концлагерь в Тироле, откуда 5 мая 1945 г. был освобожден частями 5-й американской армии. Скончался в Великобритании

²⁰⁴ *Стивенс* Ричард Генри (09.04.1893–12.02.1967) — британский военнослужащий, офицер военной разведки; подполковник. Уроженец Афин (Греция); отец — англичанин, мать — гречанка. Начал в службу в 1913 г. в качестве кадета британской малайской государственной полиции. В 1935–1937 гг. находился в Индии в качестве инструктора. Владел несколькими языками: немецким, французским, русским, греческий был его вторым родным языком; во время службы освоил арабский и малайские языки. С 1938 г. в Лондоне, агент британской секретной службы МИ-6 (англ. MI-6), больше известной как «Сикрет Интеллингес Сервис» (англ. сокр. SIS). В 1939 г. назначен начальником Управления Службы паспортного контроля (англ. Passport Control Office, PCO) в Гааге, вторым по величине филиалом британской разведки в Европе после Парижа. 9 ноября 1939 г. вместе с капитаном британской разведки Сигизмундом Пейн-Бестом в местечке Венло на германо-голландской границе был захвачен агентами гестапо во главе с В. Шелленбергом, а бывший с ними лейтенант датской армии Дирк Клоп смертельно ранен. Во время допросов отказался дать сведения о деятельности британской разведки. Однако при обыске у него был изъят список агентов SIS в Европе. Обвинен гестапо в подготовке покушения на А. Гитлера в пивной «Бюргербройкеллерн», совершенного Георгом Эльзером. По окончании следствия заключен в концлагерь Заксенхаузен, а затем содержался в концлагере Дахау. В конце апреля 1945 г. вместе с около 140 другими известными пленниками был переведен в концлагерь в Тироле, откуда 5 мая 1945 г. был освобожден частями 5-й американской армии. Уволился со службы 26 февраля 1946 г. В 1951–1952 гг. работал переводчиком в штаб-квартирах НАТО в Париже и Лондоне. Умер от рака.

²⁰⁵ Неизвестный Гитлер / О. Пюнше, Г. Линге; авт.-сост. М. Уль, Х. Эберле. М., 2005. С. 84–85.

²⁰⁶ *Хёттель* В. Секретный фронт: Воспоминания сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938–1945. М., 2003. С. 72–73.

²⁰⁷ Подробнее об операции «Норд поль» см.: *Гискек* Г. Операция «Северный полюс»...

²⁰⁸ *Стефанус* Конрад (04.12.1907–10.05.1987) — немецкий военный деятель, сотрудник военной разведки; полковник (вермахт); бригадный генерал (бундсвер; 1961). Уроженец Орстельбурга (Восточная Пруссия). Начал службу в 17-м пехотном полку (Брауншвейг). Окончил Военную академию (1939?), затем продолжил службу в 1-й армии группы армий «Ц» на Западном фронте (командующий — генерал-полковник Э. фон Витцлебен). С осени 1941 г. на советско-германском фронте в 50-й пехотной дивизии 11-й армии группы армий «Юг». В конце 1941 г. руководил борьбой с партизанами в Крыму. В июне–июле 1944 г. в резерве ОКХ, затем продолжил службу в военной разведке при ОКХ в отделе «Иностранные армии — Восток». С 15 августа 1944 г. офицер «1-ц» при штабе группы армий «Северная Украина» (с 30 марта 1944 г. — группа армий «Юг»). С 25 января 1945 г. начальник отдела «1-ц» при штабе группы армий «Центр». После окончания Второй мировой войны продолжил службу в бундсвере, служил в «Организации Гелена» и в военной разведке. 30 марта 1965 г. с должности начальника школы военной разведки уволен в отставку.

²⁰⁹ Так в документе, речь идет об «Абверкоманде 302». «Абверкоманда 302» (нем. Abwehrkommando 302; до июля 1942 г. «Абверкоманда 3А») — контрразведывательное подразделение абвера. Действовала при армейской группировке «Юг», затем — «Юг Б». Проводила активную контрразведывательную работу по месту дислокации и через подчиненные ей абвергруппы № 304–306 и 323. Летом 1943 г. направлена в штаб «Валли» на переформирование. Начальник: майор Альфред фон Фельдман (январь 1942 — март 1943).

²¹⁰ *Панцингер* Фридрих (01.02.1903–08.08.1959) — немецкий военный деятель, регистратор, один из руководителей Имперской службы безопасности; оберфюрер СС (1943), полковник полиции (1944). Уроженец Мюнхена. После окончания средней школы в 1919 г. поступил в мюнхенскую полицию. В 1920–1930-х гг. служил в полиции вместе с Г. Мюллером, затем до 1937 г. являлся заместителем начальника отдела кадров мюнхенско-

го гестапо. Окончил юридический факультет Мюнхенского университета (1934). С декабря 1934 г. ассессор в правительстве Баварии. В октябре 1931 г. переведен в Берлин; в том же году вступил в НСДАП, в 1939 г. в СС. Задержан органами контрразведки МГБ Центральной группы войск 17 ноября 1946 г. в г. Кремс (Австрия), арестован 20 октября того же года. Военным трибуналом войск МВД Московской области 22 марта 1952 г. на основании ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР, ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и ст. 2 п.п. «а», «б», «ц» и «д» Закона № 10 Контрольного совета в Германии осужден на 25 лет тюремного заключения. 11 октября 1955 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 г. передан «в распоряжение правительства Г[ерманской] Ф[едеративной] Р[еспублики] как преступник». Покончил жизнь самоубийством. В октябре 2003 г. Главная военная прокуратура РФ отказала в реабилитации Ф. Панцингера.

²¹¹ «Абверкоманда 304» (нем. Abwehrkommando 304, АК 304, до июля 1942 г. именовалась «Абверкоманда 3 Ц») — контрразведывательное подразделение германской военной разведки. Сформирована в июне 1941 г., незадолго до нападения Германии на СССР, и была придана группе армий «Север». Полевая почта № 10805. Позывной радиостанции «Шперлинг». Проводила активную контрразведывательную деятельность через подчиненные ей абвергруппы № 311, 312, 313, 317, 319 и 326. Работала в тесном контакте с абверкомандами 104 и 204, а также с командами тайной полевой жандармерии № 501, 713 и 715. *Руководители*: полковник Ноцци (июнь 1941 — 1942); майор Георг Кламрот (с весны 1942 до февраля 1943); майор Гезенренген (с марта 1943).

²¹² «Абверкоманда 301» (нем. Abwehrkommando 301, АК 301) — контрразведывательное подразделение германской военной разведки. Сформирована в июле 1942 г. при группе армий «Юг А». Полевая почта № 42512. Позывной радиостанции — «Грейф». Команда вела контрразведывательную работу на территории Кавказа и Крыма через подчиненные ей абвергруппы № 301–303, 320, 321, 322 и 329. *Начальник*: майор Эрих Суков (с лета 1942).

²¹³ «Абвергруппа 326» (нем. Abwehrtrupp 326, АТ 326) — контрразведывательный орган германской военной разведки на советско-германском фронте. Полевая почта № 56666. Позывной радиостанции — «Колибри». Действовала при штабе 207-й охранной дивизии группы армий «Север» В марте–апреле 1943 г. прибыла в Эстонию и находилась там до ноября 1944 г. В конце ноября 1943 г. при группе был создан т. н. «боевой» взвод из 30 бывших советских разведчиков, захваченных в плен и перевербованных немцами. Некоторых из них использовали для проведения радиоигр с органами советской разведки. В практической работе взаимодействовала с «Анст-Таллин». Для проведения контрпартизанских операций привлекала т. н. «эстонскую самозащиту». В конце апреля 1945 г. группа находилась в окрестностях г. Писек (Чехословакия), где сдалась в плен американцам. 17 мая 1945 г. большая часть агентов передана представителям советского командования. *Руководители*: капитан Гельмут Даммерау (Дамюрау) (до марта 1945); лейтенант Вернер Редлих (с марта по май 1945).

²¹⁴ Имеется в виду германский разведывательный и контрразведывательный орган «Кригсорганизацион Финляндия» (КОФ), другое наименование «Бюро Целлариуса»; руководитель — фрегаттен-капитан Александр Целлариус.

²¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1: Вперед на Запад. 1 января – 30 июня 1944 года. — М., 2007. С. 644–645.

Глава 3. ОТВЕТНЫЙ ХОД СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

²¹⁶ Гелен Р. Война разведок... С. 11.

²¹⁷ См.: Скорцени О. Секретные задания. С. 31.

²¹⁸ Жуков Георгий Константинович (19.11(01.12.).1896–18.06.1974) — советский военный деятель; маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939,

1944, 1945, 1956). Уроженец дер. Стрелковка (Калужская губерния). Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. В январе–июле 1941 г. начальник Генштаба — заместитель наркома обороны СССР. В ходе войны с 23 июня 1941 г. член Ставки ВГК. С августа 1942 г. 1-й заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного главнокомандующего.

²¹⁹ *Рокоссовский* Константин Константинович (09(21).12.1896–03.08.1968) — советский военный деятель; маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949). Уроженец г. Великие Луки Псковской губернии. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. С ноября 1940 г. командир 9-го мк; в июне 1941 г. генерал-майор. В ходе войны командовал 9-м мк, с августа 1941 г. 16-й армией, с июля 1942 г. Брянским, с сентября Донским, с февраля 1943 г. Центральным, с октября Белорусским, с февраля 1944 г. 1-м Белорусским, с ноября 1944 по июнь 1945 г. 2-м Белорусским фронтами. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

²²⁰ Формирование мусульманских частей войск СС было начато в 1944 г. с благословения Великого муфтия Иерусалима Амин-аль-Хуссеини. Первым подразделением мусульманских частей войск СС стал Восточно-мусульманский полк СС (*Ostmuselmanische SS-Regiment*). Его ядром стали добровольцы-мусульмане, ранее служившие в расформированных частях вермахта (450, 480 и 1-й батальоны 94-го полка). В феврале 1944 г. полк был переброшен в Белоруссию для проведения контпартизанских операций.

²²¹ *Организация украинских националистов* (ОУН) организована в Берлине в январе–феврале 1929 г. на первом конгрессе украинских националистов («Великий збір»), на котором были приняты ее программа и устав. Лидером организации был бывший полковник австро-венгерской армии и петлюровский атаман Е. Коновальц. Основной целью ОУН, созданной на средства и по заданию германской разведки, являлась диверсионно-террористическая борьба против Советского Союза. Военной структурой и наиболее активной частью ОУН являлась Украинская повстанческая армия (УПА). Основная материальная и людская база ОУН находилась в Галиции и на Волыни, входивших в то время в состав Польши. После воссоединения Западной Украины главари ОУН бежали на территорию генерал-губернаторства, в г. Краков, куда и был перенесен центр всей националистической деятельности. Со временем ОУН стала главным рычагом мобилизации враждебных элементов в интересах Германии. После гибели в 1938 г. Коновальца руководство ОУН перешло к А. Мельнику и С. Бандере.

²²² *Сталин* (наст. фам. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (09.12.1879 (по другим данным, 06.12.1878) – 05.03.1953) — советский политический и государственный деятель; генералиссимус Советского Союза (1943). Герой Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1939). Награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Победы, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени. Уроженец с. Гори Тифлисской губернии. Окончил Горийское духовное училище (1894), учился в Тифлисской духовной семинарии; исключен в 1899 г. «за неявку на экзамен». В 1898 г. вошел в первую грузинскую социал-демократическую организацию «Мессами-даси» («Третья группа»). Участник революции 1905–1907 гг. в Закавказье. В 1912–1913 гг. член русского бюро ЦК, сотрудник газет «Звезда», «Правда». Участник Октябрьской революции 1917 г. С октября 1917 г. нарком по делам национальностей, нарком государственного контроля (РКИ) РСФСР. Член ЦК партии с 1917 г., член Политбюро ЦК в 1919–1952 гг., Президиума ЦК в 1952–1953 гг. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК, в 1925–1943 гг. член исполкома Коминтерна. С 1941 г. председатель СНК (СМ) СССР и ГКО (до 1945 г.), нарком обороны (до 1947 г.). Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР. Похоронен в Москве на Красной площади.

²²³ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 309.

²²⁴ *Федотов* Петр Васильевич (1900–1963) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (лишен воинского звания в мае 1959). Уроженец Санкт-Петербурга. В органах безопасности с 1922 г. В сентябре 1939 — феврале 1941 начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 29 сентября 1940 по 26 февраля 1941 г. начальник 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. начальник 2-го Управления НКГБ СССР. С 30 июля 1941 по 12 мая 1943 г. начальник 2-го Управления НКВД СССР. С 12 апреля 1943 по 15 июня 1946 г. начальник 1-го Главного управления МГБ СССР, одновременно заместитель министра госбезопасности СССР, затем заместитель председателя Комитета информации при СМ СССР. В 1954–1956 гг. начальник 2-го Главного управления КГБ при СМ СССР. В 1959 г. уволен из органов безопасности.

²²⁵ *Тимофеев* Петр Петрович (1899–1958) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1944). Уроженец Санкт-Петербурга. Из семьи железнодорожного служащего. В 1919–1920 гг. помощник командира взвода особого батальона при Финской ЧК (преобразована в ОО 55-й стрелковой дивизии). В 1920–1921 гг. уполномоченный в полку и бригаде ОО 55-й стрелковой дивизии. В 1921–1932 гг. на оперативной работе в органах ЧК-ГПУ Украины. В 1932–1934 гг. заместитель начальника 19-го погранотряда. В 1934–1937 гг. начальник Староконстантиновского райотдела НКВД и ОО 2-й кавалерийской дивизии и механизированной бригады. В 1937–1938 гг. помощник начальника отдела УНКВД по Винницкой области. В мае–ноябре 1938 г. начальник Могилев-Подольского горотдела НКВД. С ноября 1938 г. в центральном аппарате НКВД УССР. В апреле 1941 — апреле 1943 г. — начальник 1-го отдела (контрразведка против Германии) 2-го Управления НКВД-НКГБ СССР. В мае–сентябре 1943 г. начальник 4-го отдела (работа на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной армии) ГУКР «Смерш» НКО СССР. С сентября 1943 г. помощник начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР (до декабря 1943 г. — по Степному, затем после реорганизации — 2-му Украинскому фронту). С мая 1946 г. заместитель начальника ПГУ МГБ СССР. С июня 1947 г. в распоряжении Управления кадров МГБ СССР. С 1948 г. в запасе по болезни. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

²²⁶ *Барышников* Владимир Яковлевич (1900–1971) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец Луги. Из семьи служащего. Окончил немецкое коммерческое училище пастора Мазинга (Петроград, 1918), рабфак (1924–1926) и 1-й курс (1926–1927) Ленинградского технологического института. В органах безопасности с февраля 1923 г. С мая 1940 по 14 января 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела ГУГБ УНКВД Ленинградской области. С 14 января по март 1941 г. начальник 6-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С марта по 12 августа 1941 г. начальник 2-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР. С 12 августа 1941 по 29 апреля 1943 г. начальник 1-го отделения 1-го отдела НКВД СССР. С 29 апреля по 23 сентября 1943 г. заместитель начальника 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 23 сентября 1943 по 22 мая 1945 г. начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С июня 1958 г. в отставке. Скончался в Москве.

²²⁷ *Ендаков* Николай Михайлович (1909–02.1989) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник ГБ (1943). Уроженец Казани. Из семьи литейщика. В РККА с октября 1932 г. В органах безопасности с ноября 1932 г. В 1936–1938 гг. находился по линии НКВД в Испании. С апреля по 12 августа 1941 г. начальник 1-го отделения 4-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР. С 12 августа по 6 ноября 1941 г. начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР. С ноября 1941 по 14 мая 1942 г. заместитель начальника ЭКО УНКВД по Новосибирской области. С 14 мая 1942 по 16 мая 1943 г. заместитель начальника 2-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР. С 16 мая 1943 по 7 апреля 1944 г. начальник 2-го отделения 6-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР. С 7

апреля 1944 по 13 июля 1951 г. начальник УНКГБ-УМГБ Грозненской области. В сентябре 1955 г. уволен по болезни. Скончался в Московской области.

²²⁸ *Григоренко* Григорий Федорович (18.08.1918–19.05.2007) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-полковник. Уроженец г. Зенькова Полтавской губернии. Из крестьян. Окончил физико-математический факультет Полтавского пединститута. В 1940 г. призван на военную службу, в том же году назначен помощником оперуполномоченного ОО 151-й стрелковой дивизии. С марта 1941 г. воевал на Юго-Западном фронте. Затем проходил службу в составе ОО 14-й саперной бригады под Сталинградом. После окончания трехмесячных курсов по подготовке руководящего состава при Высшей школе НКВД (в начале 1942 г.) был направлен в 1-й отдел 2-го Управления НКВД СССР (борьба с разведывательно-диверсионной деятельностью немецкой разведки). С весны 1943 по 1946 г. начальник 2-го отделения (радиоигры) 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. В 1946–1949 гг. служил в 3-м (военная контрразведка) Управлении МГБ СССР. С 1952 г. заместитель начальника Восточного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР. В 1954 г. первый заместитель представителя КГБ СССР в Венгрии. В 1957–1959 гг. начальник отдела 2-го Главного управления КГБ СССР. В 1959–1962 гг. заместитель руководителя службы активных мероприятий при 1-м Главном управлении КГБ СССР, начальник контрразведывательного отдела. В 1962–1969 гг. возглавлял службу внешней контрразведки. В 1969–1978 гг. первый заместитель начальника, начальник 2-го Главного управления КГБ СССР. В 1978–1983 гг. заместитель председателя КГБ СССР. В 1983–1992 гг. заместитель министра Министерства общего машиностроения. Затем работал на руководящих должностях в 1-м и 2-м управлениях КГБ при СМ СССР (КГБ СССР). С 23 ноября 1978 по 1 августа 1983 г. заместитель председателя КГБ СССР. Скончался в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище.

²²⁹ *Лебедев* Иван Петрович (1914–?) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; подполковник (1947). Из крестьян-бедняков. Окончил 7 классов, один год института и два курса Петергофского войскового училища (1936). С марта 1940 по апрель 1941 г. начальник 2-го отделения 2-го отдела, начальник 3-го отделения СПО (УНКВД г. Тарнополь, УССР). С апреля 1941 по апрель 1942 г. старший оперуполномоченный 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР (г. Москва). 1 мая 1943 г. откомандирован в распоряжение ГУКР НКО СССР «Смерш»; старший оперуполномоченный 2-го отделения 3-го отдела. С октября 1944 по декабрь 1945 г. заместитель начальника 2-го отделения 3-го отдела. В 1945–1947 гг. начальник 1-го отделения 1-го отдела 3-го ГУ МГБ СССР. В 1947–1952 г. помощник начальника Следственной части по ОВД МГБ СССР. В 1952–1953 гг. заместитель начальника УМГБ (УМВД) Минской области БССР. 19 декабря 1953 г. уволен по ст. 54 п. «с» (по фактам, дискредитирующим высокое звание офицера) в запас Советской армии. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды; медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

²³⁰ *Тарасов* Дмитрий Петрович (07.11.1913–1998) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник. Уроженец д. Пялус-Озеро Колодозерского сельсовета Пудожского района Карельской Республики. Из крестьян. Учился в Ленинградском институте инженеров промышленного строительства (1935–1937). В 1937 г. зачислен курсантом Ленинградской межкраевой школы ГУГБ НКВД СССР, затем работал в УНКВД по Ленинградской области. В 1939 г. переведен в ГУГБ НКВД СССР. С весны 1943 по 1945 г. начальник 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 1946 г. на руководящей работе во 2-м Главном управлении МГБ СССР. В 1952–1953 гг. заместитель начальника отдела во 2-м Главном управлении МГБ СССР. В 1953–1974 гг. сотрудник центрального аппарата разведки МВД-КГБ при СМ СССР. Скончался в Москве.

²³¹ *Дроздов* Виктор Александрович (31.01.1902–19.09.1966) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец

Одессы. Из семьи слесаря. В РККА с апреля 1920 г. В органах безопасности с апреля 1921 г. С 11 апреля по 11 августа 1941 г. заместитель начальника УРКМ по оперативной части УНКВД по г. Москве. С 11 августа по 3 октября 1941 г. начальник 3-го (украинского) отделения и заместитель начальника 1-го отделения 1-го Управления НКВД СССР. С 3 октября 1941 по 18 января 1942 г. начальник 5-го отделения и помощник начальника 2-го отдела НКВД СССР. С 18 января по 1 июня 1942 г. начальник 2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР. С 24 апреля по 2 сентября 1943 г. начальник ОББ НКВД СССР. С 2 сентября 1943 по 9 мая 1944 г. нарком внутренних дел Чечено-Ингушской АССР. С 9 мая 1944 по 22 мая 1945 г. начальник УНКВД Грозненской области. 28 сентября 1953 г. уволен по болезни. Скончался в Москве.

²³² *Какучая* Варлам Алексеевич (1905–16.04.1982) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец с. Дранды Сухумского округа Кавказского наместничества. Из семьи крестьянина-середняка. В органах безопасности с марта 1931 г. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. нарком внутренних дел ГрузССР. С 15 августа по 3 октября 1941 г. заместитель наркома внутренних дел ГрузССР. С 3 октября 1941 по 18 января 1942 г. заместитель начальника 2-го отдела НКВД СССР. С 18 января 1942 по 7 мая 1943 г. заместитель начальника 4-го Управления НКВД СССР. С 7 мая 1943 по 26 марта 1947 г. нарком-министр ГБ Северо-Осетинской АССР. Скончался в Москве.

²³³ О радиоиграх территориальных подразделений НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны см. также: *Разин А.В.* Становление и развитие оперативных радиоигр с противником на начальном этапе Великой Отечественной войны // *Лубянские чтения.* 2005. С. 39–44.

²³⁴ *Тарасов Д.П.* Большая игра. С. 16–17.

²³⁵ *Лайдинен Э.П., Веригин С.Г.* Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 120.

²³⁶ *Анин Б.Ю., Петрович А.И.* Радиошпионаж. М., 1996. С. 399.

²³⁷ *Бухгайт Г.* Абвер — «щит и меч» III Рейха. С. 126–127.

²³⁸ *Фаусси* Марсель — французский офицер, сотрудник военной разведки; поручик. В 1918 г. начальник отделения Французской военной миссии (ФВМ) в Петрозаводске.

²³⁹ *Нацаренус* Сергей Петрович (1882–08.01.1938) — советский политический деятель и дипломат. Уроженец Саратова. Член РСДРП с 1904 г.; участник революционного движения в России. Образование незаконченное высшее. 10 мая 1918 г. назначен чрезвычайным комиссаром Мурманско-Беломорского края и направлен Л. Троцким с разрешения В.И. Ленина на Кольский полуостров для установления контакта с высадившимися в Мурманске и Архангельске англо-французскими войсками, а также для организации обороны края. Участник Гражданской войны в России; в 1920–1921 гг. командующий войсками Беломорского военного округа. В 1921–1922 гг. полномочный представитель РСФСР в Турции. В 1927–1929 гг. возглавлял Правление государственного акционерного Камчатского общества. В 1937 г. начальник Центрального планово-экономического отдела Главного управления Севморпути при СНК. 5 июля 1937 г. арестован. 8 января 1938 г. ВК ВС СССР приговорен к ВМН; расстрелян в тот же день. 16 июня 1956 г. по решению того же органа реабилитирован.

²⁴⁰ ЦА ФСБ России. Н-193, т. 2.

²⁴¹ *Аралов* Семен Иванович (1880–1969) — советский государственный деятель, дипломат. Участник Первой мировой войны; штабс-капитан. После Февраля 1917 г. заместитель председателя, затем председатель армейского комитета 3-й армии. Член РКП(б) с 1918 г. В РККА с 1918 г.; начальник оперативного отдела Московского военного округа, начальник оперативного отдела Наркомата по военным и морским делам, член РВСР; военком

Полевого штаба РВСР и одновременно начальник Регистрационного (разведывательного) управления (до 1920), затем член реввоенсоветов 12-й, 14-й армий и Юго-Западного фронта. С 1921 г. на дипломатической работе. Скончался в Москве.

²⁴² Подробнее о радиоразведке в ВМФ СССР см.: *Кикнадзе В.Г.* Советская военная радиоразведка в годы Великой Отечественной войны // *Отечественная история.* 2006. № 3. С. 47–55.

²⁴³ *Файвуш Я.* Радиоразведка: Организация и применение. 2-е изд., измен. и доп. М., 1930. С. 1.

²⁴⁴ См.: *Великая Победа.* Т. 10: Война в эфире. М., 2013. С. 57–58.

²⁴⁵ *Голиков Филипп Иванович* (16(29) июля 1900–1980) — советский военный деятель; маршал Советского Союза (1961). Уроженец с. Борисово Катайского уезда Пермской губернии. Из крестьян. Участник Гражданской войны. Заочно окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1933). С ноября 1938 г. командующий Винницкой армейской группой войск Киевского особого военного округа; с сентября Винницкая группа была переформирована в 6-ю армию, которая участвовала в Польском походе (1939). С июля 1940 г. заместитель начальника Генштаба — начальник Главного разведывательного управления РККА. В июне 1941 г. снят с поста и направлен начальником советской военной миссии в Великобританию и США. В октябре 1941 г. возвращен командующим 10-й армии; участник битв под Москвой и Сталинградом. В апреле 1943 г. заместитель наркома обороны по кадрам (с мая 1943 г. начальник Главного управления кадров Наркомата обороны СССР), одновременно с октября 1944 г. уполномоченный СНК СССР по делам репатриации. С мая 1962 г. на пенсии. Скончался в Москве; похоронен на Новодевичьем кладбище.

²⁴⁶ *Урыков А.В.* Служба радиоконтроля между прошлым и будущим // *Щит и меч* Поморского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 109–129.

²⁴⁷ См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник, М., 1999. С. 50.

²⁴⁸ *Лапшин Евгений Петрович* (1900–01.03.1956) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец Екатеринбургa. Из рабочих. В органах безопасности с сентября 1937 г. С 15 сентября 1938 по 9 марта 1939 г. врид начальника 2-го спецотдела НКВД СССР. С 9 марта 1939 по 26 февраля 1941 г. начальник отделения оперативной техники (2-й спецотдел) НКВД СССР. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. начальник 4-го отдела НКГБ СССР. С 31 июля 1941 по 12 мая 1943 г. начальник 2-го спецотдела НКВД СССР. С 12 мая 1943 по 24 октября 1946 г. начальник Отдела «Б» НКГБ СССР. Скончался в Москве.

²⁴⁹ См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С. 52.

²⁵⁰ См.: *Схватки в эфире: На радиоволнах тоже шла невидимая война* // *ФСБ: за и против.* 2010. № 1(08). С. 85–86.

²⁵¹ *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* Т. 3. Кн. 1: Крушение «блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 283–284.

²⁵² *Анцилович Ефим Самуилович* (1904–?) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; инженер-полковник (1949). С декабря 1941 г. старший инженер 7-го отделения 4-го Спецотдела НКВД СССР, затем заместитель начальника 5-го отделения 2-го Спецотдела НКВД СССР. С мая 1943 г. заместитель начальника 3-го отделения Отдела «Б» НКГБ СССР, с октября того же года — помощник начальника по технической части отдела «Б» НКГБ СССР. В ноябре 1953 г. приказом МВД СССР № 2221 уволен «по служебному несоответствию в запас Министерства обороны СССР».

²⁵³ *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* Т. 3. Кн. 2. С. 245–246.

²⁵⁴ *Губин Владимир Владимирович* (1904–1972) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1957). С 2 октября 1939 г. врио, с

7 апреля 1940 по 26 февраля 1941 г. начальник УНКВД по Горьковской области. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. начальник УНКГБ по Горьковской области. С 31 июля по 28 августа 1941 г. нарком внутренних дел АССР немцев Поволжья. С 26 сентября 1941 по 14 февраля 1948 г. начальник УНКВД-УМВД по Ярославской области. С января 1964 г. на пенсии.

²⁵⁵ *Аленцев* Виктор Терентьевич (1904–1978) — советский офицер, один из руководителей органов безопасности; полковник (1955). С 8 апреля 1939 по март 1941 г. заместитель начальника УНКВД по Курской области. С 14 апреля по 13 августа 1941 г. заместитель начальника УНКГБ по Курской области. С 13 августа 1941 по 7 мая 1943 г. начальник 4-го отдела и заместитель начальника УНКВД по Курской области. С 7 мая 1943 по 12 октября 1944 г. начальник УНКГБ по Курской области. С 12 октября 1944 по 13 ноября 1945 г. начальник УНКГБ по Молодечской области. Скончался в Москве.

²⁵⁶ *Блиндерман* Владимир Михайлович (16.05.1905–14.08.1960) — советский офицер, один из руководителей органов безопасности; полковник ГБ (14.02.1943). Уроженец Одессы. Окончил Электротехнический институт инженеров связи (Одесса, 1934). В органах безопасности с октября 1937 г. С 1937 г. начальник отделения Центральной лаборатории 12-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 17 июля 1939 по 21 марта 1941 г. заместитель начальника 2-го Спецотдела НКВД СССР. С 21 марта по август 1941 г. заместитель начальника 4-го отдела НКГБ-НКВД СССР. С августа 1941 по 11 ноября 1941 г. заместитель начальника 2-го Спецотдела НКВД СССР. С 11 ноября 1941 по 17 мая 1943 г. начальник 5-го отделения (радио-контрразведка) и заместитель начальника 2-го Спецотдела НКВД СССР. С 17 мая 1943 по 6 июня 1946 г. начальник 3-го отделения и заместитель начальника Отдела «Б» НКГБ СССР. С 6 июня по 3 октября 1946 г. заместитель начальника Отдела «Р» МГБ СССР. С 3 октября 1946 по 4 ноября 1951 г. начальника Отдела «Р» МГБ СССР. В ноябре 1951 г. арестован, в августе 1953 г. освобожден и уволен из МВД «по служебному несоответствию». Скончался в Москве.

²⁵⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1: Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943 г.). М., 2008. С. 514–515.

²⁵⁸ «Марс» — позывной радиостанции «Абверкоманды 104» при штабе группы армий «Север».

²⁵⁹ *Сарбалаев* Мукаш Муналбаевич (1920–?) — агент германской военно-морской разведки. Уроженец кишлака Таучик Таучикского района Гурьевской области. Казах. В августе 1942 г. попал в плен к немцам, содержался в лагерях для военнопленных в г. Ростов, где был завербован немецким военно-морским разведорганом НБО и направлен для обучения в школу, расположенную в с. Тавель (близ Симферополя). 3 октября 1943 г. задержан сотрудниками НКВД Северо-Осетинской ССР. 9 ноября 1943 г. передан сотрудникам ОКР «Смерш» орджоникидзевского гарнизона. Сведений о дальнейшей судьбе не имеется.

²⁶⁰ *Канищев* Сергей Варфоломеевич (1912–?) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник. В 1943–1945 гг. начальник 8-го отделения (РКРС) Отдела «Б» НКГБ СССР.

²⁶¹ См.: Схватки в эфире. С. 87–88.

²⁶² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 55–56.

²⁶³ «Грейф» — позывной радиостанции «Абверкоманды 301». Сформирована в июле 1942 г., действовала при штабе группы армий «Зюд А».

²⁶⁴ «Пантера» — позывной радиостанции «Абвергруппы 102». С июня 1941 г. при штабе 17-й армии, с мая 1943 г. дислоцировалась при штабе 8-й армии. С июня 1941 г., по данным советской военной контрразведки, находилась в подчинении «Абверкоманды 1А», с июля 1942 г. — «Абверкоманды 101», а с ноября 1943 г. — «Абверкоманды 106».

²⁶⁵ «Нептун» — позывной радиостанции «Абверкоманды 106». Сформирована в ноябре 1943 г. в местечке Сулеювек и придана штабу группы армий «Зюд А», с апреля 1944 г. действовала при штабе группы армий «Южная Украина».

²⁶⁶ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 56–57.

²⁶⁷ Кан Д. Война кодов и шифров. М., 2004. С. 232.

²⁶⁸ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 270.

²⁶⁹ По истории советской радиоконтрразведки см. также: Макаров В. Борьба в эфире: Первые шаги советской радиоконтрразведки // ФСБ: за и против. 2017. № 2. С. 60–65.

²⁷⁰ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 130–137.

²⁷¹ Там же. С. 141–151.

²⁷² Бодин Павел Иванович (1900–02.11.1942) — советский военный деятель; генерал-лейтенант (1941). С июня 1941 г. начальник штаба 9-й армии, с октября начальник штаба юго-западного направления, затем начальник Юго-Западного фронта. С 31 марта 1942 г. заместитель начальника Генштаба Красной армии. С июля 1942 г. начальник штаба Сталинградского, а с августа Закавказского фронтов. Погиб в бою в районе Орджоникидзе.

²⁷³ Панфилов Алексей Павлович (17.05.1898–18.05.1966) — советский военный деятель; генерал-лейтенант танковых войск (1944). Герой Советского Союза (1945). Уроженец Казани. Из семьи железнодорожного служащего. В Красной армии с 1918 г. Окончил Курсы усовершенствования высшего командного состава и Военную академию механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина. 28 июля – 11 августа 1938 г. командир 2-й механизированной бригады; участник боев у озера Хасан. С 1939 г. помощник начальника Автобронетанкового управления РККА. До августа 1941 г. заместитель, с октября 1941 по август 1942 г. начальник Главного разведывательного управления Генштаба КА, одновременно уполномоченный по формированию польской армией в СССР генерала В. Андерса (до августа 1942 г.). В 1943 г. заместитель командующего 5-й танковой армией, затем командир 6-го гвардейского и 10-го танкового корпусов. С 11 августа 1944 по 9 мая 1945 г. командир 3-го гвардейского танкового корпуса (2-й Белорусский фронт), затем командир 3-й гвардейской танковой дивизии. С 1959 г. в запасе. Скончался в Москве; похоронен на Новодевичьем кладбище.

²⁷⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 404. Л. 60–61. Опубликовано: Записка Л. Берии И. Сталину о задержании агентов немецкой разведки // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2010. С. 147–148; Дезинформация под надежным контролем // Родина. 2010. № 5. С. 41; см. также: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 378–379.

²⁷⁵ Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М.: Крафт+, 2017. С. 266–286.

²⁷⁶ Василевский Александр Михайлович (16(30).09.1895–05.12.1977) — советский военный деятель; маршал Советского Союза (1943). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Окончил Военную академию Генштаба (1937). С мая 1940 г. заместитель начальника Оперативного управления Генштаба; генерал-майор. Во время Великой Отечественной войны с августа 1941 г. заместитель начальника Генштаба и начальник Оперативного управления, с июня 1942 г. начальник Генштаба, с октября 1942 г. одновременно заместитель наркома обороны СССР. С февраля 1945 г. командующий 3-м Белорусским фронтом. Затем главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке.

²⁷⁷ Антонов Алексей Иннокентьевич (15(28).09.1896–18.06.1962) — советский военный деятель; генерал армии (1943). Уроженец Гродно (Белоруссия). Из семьи артиллерийского офицера. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1931) и Военную академию Генштаба (1937). В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1941 г. заместитель начальника штаба Киевского особого военного округа (КОВО), генерал-майор. С декабря 1942 г. 1-й заместитель начальника Генштаба и начальник Опера-

тивного управления. С мая 1943 г. 1-й заместитель начальника Генштаба. С февраля 1945 г. начальник Генштаба Вооруженных сил СССР. Кавалер ордена Победы. Скончался в Москве; похоронен на Красной площади.

²⁷⁸ *Штеменко Сергей Матвеевич* (07(20).02.1907–23.04.1976) — советский военный деятель; генерал армии (1948; лишился звания, вторично присвоено в 1968). Уроженец ст. Урюпинская Донской области. Окончил школу зенитной артиллерии (1930), Военную академию механизации и моторизации РККА (1937), Военную академию Генштаба (1940). С августа 1941 г. заместитель начальника направления Оперативного управления Генштаба, с июня 1942 г. заместитель начальника Оперативного управления Генштаба Красной армии. С апреля 1943 г. первый заместитель начальника, с мая того же года начальник Оперативного управления Генштаба Красной армии. Скончался в Москве.

²⁷⁹ *Кузнецов Федор Федотович* (06.09.1904–1979) — советский военный деятель; генерал-полковник (1944). Уроженец дер. Притыкино Раненбургского уезда Рязанской губернии (ныне Липецкая область). С 1938 г. в РККА (начальник отдела ПУ РККА; начальник отдела, заместитель начальника Главного управления политпропаганды РККА). С началом Великой Отечественной войны член военных советов 60-й армии и Воронежского фронта. С 1943 г. начальник ГРУ РККА, заместитель начальника Генштаба Красной армии. С 1949 г. начальник ГПУ ВС СССР. С 1953 г. начальник Главного управления кадров МО СССР. С 1957 г. начальник ВПА им. В.И. Ленина. В 1959–1969 гг. член Военного совета Северной группы войск.

²⁸⁰ *Батов Павел Иванович* (20.05.(01.06)1897–19.04.1985) — советский военный деятель; генерал армии (1955). Дважды Герой Советского Союза. Уроженец дер. Филисово Рыбинского уезда Ярославской губернии. Из крестьян. Участник Первой мировой, Гражданской, советско-финляндской и Великой Отечественной войн. С 14 августа 1941 г. заместитель командующего 51-й отдельной армией, с 19 ноября по декабрь 1941 г. командующий. В январе–феврале 1942 г. командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, затем командующий 4-й танковой армией Донского фронта. С 14 октября 1942 г. и до конца войны командующий 65-й армией, участвовал в разгроме 6-й армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса под Сталинградом. Позднее воевал на Центральном, Белорусском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах. В 1970–1981 гг. председатель Советского комитета ветеранов войны.

²⁸¹ *Тарасов Д.П.* Большая игра. С. 31–33.

²⁸² *Меркулов Всеволод Николаевич* (25.10.1895–23.12.1953) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал армии (1945). Уроженец Закавказья, Тифлисская губерния (ныне территория Азербайджана). Окончил с золотой медалью тифлисскую гимназию (1913) и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В 1916 г. призван в армию, окончил Оренбургскую школу прапорщиков. В 1918 г. демобилизован. С 1921 г. в органах безопасности, помощник уполномоченного Грузинской ЧК, уполномоченный экономического отдела ГПУ Грузии. Затем на руководящих должностях в ОГПУ Грузинской ССР. В 1931–1938 гг. на партийной работе. В 1938 г. вернулся в органы безопасности, первый заместитель наркома внутренних дел — начальник Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). С 3 февраля по 20 июня 1941 и с 14 апреля 1943 по 7 мая 1946 г. нарком (министр госбезопасности СССР). В 1941–1943 гг. первый заместитель наркома внутренних дел. В 1946–1950 гг. заместитель начальника, начальник Главного управления советского имущества за границей при Совете министров СССР. С 27 октября 1950 по 22 мая 1953 г. министр госконтроля СССР. 18 сентября 1953 г. (по другим данным, с июля) арестован по «делу Берии». 23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к смертной казни, расстрелян.

²⁸³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 426–429. См. также: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 6. М., 1965. С. 139.

²⁸⁴ Крепость на Волге: 85 лет УФСБ РФ по Самарской области. Самара, 2003. С 43–44.

²⁸⁵ Лаврова Ю. Момент истины // Премьер. 2005. 3–10 марта. № 3(383).

²⁸⁶ Трегуб А.П., Динес В.А., Овчинников С.А. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Саратов: Летопись, 2002. С. 77–78.

²⁸⁷ Здесь и далее речь идет, вероятно, о ротмистре А. Браунке. Браунк Адольф (псевд. «Броницкий»; 1875–?) — немецкий офицер; ротмистр (капитан кавалерии). Уроженец Белостока. С июля по сентябрь 1941 г. начальник разведшколы в местечке Мишен (10–12 км северо-западнее Кенигсберга, Восточная Пруссия). С января по апрель 1942 г. начальник разведшколы в местечке Бальга. С апреля по декабрь 1942 г. заместитель начальника Варшавской разведшколы. С декабря 1942 г. в отставке. После войны арестован сотрудниками УМГБ Калининградской области.

²⁸⁸ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 18–19.

²⁸⁹ 3-я танковая армия (нем. 3. Panzer Armee; до 31 декабря 1941 г. — третья танковая группа, нем. 3. Panzergruppe) — оперативное объединение. Командование 3-й танковой группы сформировано 16 ноября 1940 г. на базе штаба XV корпуса. С декабря 1940 г. находилась в подчинении штаба 1-й армии («Запад»), с января 1941 г. — в составе группы армий «Ц». В мае 1941 г. переведена в подчинение ОКХ, а в июне передана в состав группы армий «Центр» на советско-германском фронте. 31 декабря 1941 г. переименована в командование 3-й танковой армии. С сентября 1944 г. действовала в составе группы армий «Север», с октября — группы армий «Центр». С января 1945 г. в составе группы армий «Север», с февраля в составе группы армий «Висла». Командующие: генерал-полковник Герман Гот (ноябрь 1940 — октябрь 1941); генерал танковых войск Георг Ханс Рейнгард (октябрь 1941 — август 1944); генерал-полковник Эрхард Раус (август 1944 — март 1945); генерал танковых войск барон Хассо фон Мантейфель (март–май 1945).

²⁹⁰ Об операции «Монастырь» см. также: Тюрин А.В., Макаров В.Г. Поединок Лубянки с Абвером: Радиоигра под названием «Монастырь» // Независимое военное обозрение. 2005. № 15; Макаров В.Г., Тюрин А.В. Неизвестные страницы легендарной операции «Монастырь» // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М., 2006. С. 194–253.

²⁹¹ 2-й отдел НКВД СССР (террор и диверсии в тылу противника) — структурное подразделение советских органов безопасности. Образован 3 октября 1941 г. на базе Особой группы при наркоме внутренних дел СССР.

²⁹² 4-е Управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника) — структурное подразделение советских органов безопасности. Сформировано 18 января 1942 года.

²⁹³ Эйтингон Наум Исаакович (Наумов Леонид Александрович) (06.12.1899–03.05.1981) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец Шклова. В органах безопасности с мая 1920 г. Обучался на восточном факультете Военной академии им. М.В. Фрунзе (1923–1925). В 1939–1940 гг. находился на нелегальной работе во Франции. В 1940 — апреле 1941 г. находился на нелегальной работе в США и Мексике. С 5 июля по 1 сентября 1941 г. заместитель начальника Особой группы при наркоме внутренних дел СССР. В 1941–1942 гг. в загранкомандировке по линии НКВД в Турции. С 20 августа 1942 по 14 мая 1943 г. заместитель начальника 4-го Управления НКВД СССР. С 14 мая 1943 по 15 октября 1946 г. заместитель начальника 4-го Управления НКГБ-МГБ СССР. В 1951–1953 гг. находился под следствием. После освобождения назначен заместителем начальника 9-го отдела МВД СССР. 20 июля 1953 г. уволен «по служебному несоответствию в запас МО СССР». 6 марта 1957 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен «к тюремному заключению сроком на 12 лет». 20 марта 1964 г. по отбытии срока наказания освобожден из мест заключения во Владимирской области. Скончался в Москве.

²⁹⁴ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 243.

²⁹⁵ *Боголюбов Александр Николаевич* (29.05.1900–28.02.1956) — советский военный деятель; генерал-полковник (1945). Уроженец Чебоксар. В РККА с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1931), Военную академию Генерального штаба (1938). В июне 1941 г. начальник Оперативного отдела штаба Резервного фронта, с октября — начальник штаба 43-й армии. С августа 1942 г. 1-й заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной армии. С 11 ноября 1943 г. начальник штаба Северо-Западного фронта. С 11 ноября 1943 по 24 апреля 1944 г. начальник штаба 1-го Украинского фронта. С 5 мая 1944 до июня 1945 г. начальник штаба 2-го Белорусского фронта. С июня по октябрь 1945 г. начальник штаба Северной группы войск. Герой Советского Союза (1945). Скончался в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

²⁹⁶ *Иванов Владимир Дмитриевич* (1900–1968) — советский военный деятель; генерал армии (1961). В 1942–1945 гг. заместитель начальника Генштаба Красной армии; участвовал в подготовке дезинформационных сообщений для передачи противнику в ходе операции «Монастырь».

²⁹⁷ *Воробьев Михаил Петрович* (1896–1957) — советский военный деятель; маршал инженерных войск (1944). На военной службе с 1916 г., в РККА с 1918 г. Окончил Военно-техническую школу (1920). Участник Гражданской войны, затем служил на командных и штабных должностях. С 1932 г. преподаватель, начальник факультета Военно-инженерной академии. С июня 1941 г. начальник управления, начальник инженерных войск Западного фронта, одновременно командующий 1-й саперной армией. С 1942 г. заместитель наркома обороны СССР, начальник инженерных войск Красной армии.

²⁹⁸ См. подробнее: Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 56–57; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 26–32.

²⁹⁹ См.: *Устинкин С.В.* Офицерский корпус белой гвардии и его вклад в сохранение русской культуры в эмиграции // *Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы.* М., 2001. С. 108.

³⁰⁰ *Джунковский Владимир Федорович* (1865–26.02.1938) — русский военный деятель, генерал-лейтенант. Уроженец Санкт-Петербурга. В 1905–1913 гг. московский губернатор; в 1913–1915 гг. товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов; в 1915–1918 гг. командир 3-го Сибирского корпуса. В 1919 г. был осужден за контрреволюционную деятельность и приговорен к пяти годам лишения свободы. Повторно арестован 3 декабря 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. 21 февраля 1938 г. тройкой УНКВД СССР по Московской области приговорен к ВМН; приговор был приведен в исполнение. В 1989 г. реабилитирован.

³⁰¹ *Якушев Александр Александрович* (1876–1937) — агент советских органов безопасности. Из дворян. Окончил Императорский Александровский лицей. Работал в Министерстве путей сообщения; действительный статский советник; в годы Гражданской войны участник антибольшевистского подполья. В 1921 г. организовал подпольную монархическую организацию, о чем стало известно ВЧК. Якушев был арестован и вскоре стал одним из самых главных действующих лиц известной чекистской операции «Трест», главой слежендриванной чекистами контрреволюционной организации «Монархическое объединение Центральной России». После окончания операции «Трест» в 1927 г. работал в Наркомате путей сообщения. В 1934 г. арестован, приговорен к 10 годам лагерей, умер в ГУЛАГе.

³⁰² *Шульгин Василий Витальевич* (01.01.1878–13.02.1976) — русский политический деятель; монархист. Уроженец Киева. Из семьи профессора истории Киевского университета. Окончил юридический факультет Университета св. Владимира в Киеве (1900). Журналист, с 1911 г. редактор газеты «Киевлянин». Депутат II–IV Государственных дум. Неоднократно выступал с думской трибуны как убежденный монархист, активно поддерживал рефор-

мы П.А. Столыпина, оставшись его убежденным приверженцем до конца жизни. В период Первой мировой войны ушел на фронт и был ранен в бою. После Февральской революции Шульгина избрали во Временный комитет Государственной думы. Вместе с А.И. Гучковым он 2 марта 1917 г. принял отречение у Николая II. После Октябрьской революции участвовал в создании Добровольческой армии. Затем эмигрировал. В 1925–1926 гг. нелегально посетил РСФСР, о чем написал книгу «Три столицы». В 1930–40-е гг. жил в Югославии, где занимался литературной деятельностью. В 1944 г., после прихода советских войск, был препровожден в СССР и приговорен к 25 годам тюремного заключения за многолетнюю антисоветскую деятельность. В 1956 г. освобожден. Был гостем на XXII съезде КПСС. Проживал во Владимирской области, где занимался литературной деятельностью.

³⁰³ Карпов В. Гроссмейстер спецслужб // Новости разведки и контрразведки. 2000. № 23–24. С. 2–3.

³⁰⁴ Шульгин В.В. Послесловие «К трем столицам» // Сегодня. 1927. 18–20 октября. № 235–237.

³⁰⁵ Энциклопедия шпионажа. М., 1999. С. 639–640.

³⁰⁶ Об этом упоминалось в рапорте начальника 1-го отделения 2-го отдела начальнику 2-го отдела НКВД об отправке «Гейне» за линию фронта от 16 января 1942 г.

³⁰⁷ Садовской Борис Александрович (лит. псевдонимы Б. Борисов, И. Голов, Глеб Лихутин, Мимоза, Ртух, Саади; 10(22).02.1881–05.03.1952) — русский поэт, прозаик, историк литературы; монархист. Уроженец г. Ардатова Нижегородской губернии. Из семьи помещика. Окончил нижегородскую гимназию (1902), в том же году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В марте 1911 г. отчислен за неуплату. В мае 1904 г. заразился сифилисом; в результате неправильного лечения с 1916 г. и до конца жизни был парализован. К началу 1910-х гг. стал модным автором, которого печатали многочисленные издательства. Выпустил книгу «Русская Камена» (М., 1910), сборник исторических рассказов «Узор чугунный» (М., 1911), поэтический сборник «Самовар» (1914), повести «Лебединые клики» и «Двуглавый орел» (о князе Г.А. Потемкине), сборник рассказов «Адмиралтейская игла» (М., 1915), роман о современной жизни «Побеги жизни», сборник критических статей «Озимь» и «Ледоход» (1916). В период с 1909 по 1917 г. издал 12 книг. В числе представителей нижегородского дворянства в 1913 г. был представлен императору Николаю II и его семье. Дружил с В. Брюсовым и А. Блоком, был знаком со всеми известными русскими писателями начала XX в. В 1928 г. переехал из Нижнего Новгорода в Москву. С начала 1940-х гг. проживал в подвале под Успенской церковью Новодевичьего монастыря. В годы Великой Отечественной войны хранил архив поэтессы Марины Цветаевой. С конца 1941 по май 1945 г. использован «втемную» советскими органами безопасности перед германской военной разведкой как руководитель нелегальной монархической организации «Престол». Не репрессировался.

³⁰⁸ См.: Дамаскин И.А. 100 великих операций спецслужб. М., 2003. С. 294.

³⁰⁹ Белый А. Между двух революций: в 3 кн. Кн. 1. 1989. С. 41.

³¹⁰ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — советский государственный деятель, литературный критик, публицист. Окончил киевскую гимназию, учился в Цюрихском университете (1895–1896), где посещал лекции Р. Авенариуса. За границей сблизился с марксистами П.Б. Аксельродом, Г.В. Плехановым. По возвращении в Россию (1898) становится профессиональным революционером; подвергался репрессиям, в одной из ссылок (Калуга, 1899) познакомился с А.А. Богдановым. После Октября 1917 г. советский государственный деятель. В 1917–1929 гг. нарком просвещения РСФСР-СССР. В 1933 г. назначен послом в Испанию; скончался по пути в Мадрид, в Ментоне (Франция).

³¹¹ Белый А. Между двух революций. Кн. 1. С. 175–176.

³¹² Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России: Исследования и материалы. М., 2000; Rosa mystica: Поэзия и проза русских тамплиеров. М., 2002; Орден рос-

сийских тамплиеров: в 3 т. М., 2003; Розенкрейцеры в советской России: Документы 1922–1937 гг. М., 2004 и др.

³¹³ Ленинградские масоны и ОГПУ: (Протоколы допросов, вещественные доказательства) // Русское прошлое. Кн. 1. Л., 1991. С. 252–279; Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997; Масоны в России (1731–2001): За кулисами видимой власти. СПб., 2002; Окультизмные истоки революции: Русские масоны XX века. М., 2007, и др.

³¹⁴ *Никитин А.Л.* Эзотерическое масонство в советской России: Документы 1921–1941 гг. М., 2005. С. 292.

³¹⁵ *Садовская Надежда Ивановна* (в первом замужестве Воскобойникова; 1889–21.04.1947) — вторая жена Б.А. Садовского. Вдова подъяесаула Донского войска. В 1916–1917 гг. старшая медсестра военного госпиталя фрейлины А.А. Вырубовой в Царском Селе. Позднее заведующая общежитием и домом отдыха Дома ученых. В 1929 г. вышла замуж за Б.А. Садовского. Согласно домовой книге в 1940 г. приехала из Ленинграда в Москву. Скончалась в Москве; похоронена на Новодевичьем кладбище.

³¹⁶ *Серпинская Нина Яковлевна* (1893, по другим данным, 1895–1955; в замужестве Фатова) — поэтесса, беллетрист, художница, знакомая С. Есенина. Уроженка Парижа. Из семьи русских политических эмигрантов. Образование среднее. В 1900 г. семья вернулась в Россию. 22 января 1916 г. участвовала в первом «Вечере женского творчества» в Политехническом музее. До Октябрьского переворота 1917 г. выставляла свои картины на выставках Союза живописцев; посещала общество «Свободной эстетики», вечера танго, интимные «дионисийские» кружки. В 1921 г. Вышла замуж за профессора литературы Н.Н. Фатова и вместе с ним уехала в Алма-Ату. С 1934 г. пенсионерка. Составители антологии «женской поэзии» 1920-х гг. охарактеризовали облик Серпинской: «...красивая, легкомысленная дилетантка <...> И стихи, и мемуарная проза сосредоточены вокруг одной темы: интимные любовные переживания, составляющие главный смысл существования Серпинской...» Проживала в Новодевичьем монастыре, соседка Б.А. и Н.И. Садовских. Осенью 1941 г. благодаря знакомству с Серпинской советской контрразведке удалось ввести в круг знакомых Б.А. Садовского А.П. Демьянова («Гейне»). В конце жизни помещена в психиатрическую больницу. Скончалась в Москве. Автор сборника стихотворений «Вверх и вниз» (Пг., 1923) и воспоминаний: Флирт с жизнью. М., 2004.

³¹⁷ *Фатов Николай Николаевич* (1887–1961) — литературный критик, педагог; профессор. До революции окончил Московский университет, затем под руководством профессора, впоследствии академика П.Н. Сакулина готовился к научной деятельности. В начале 1920-х гг. начал читать лекции в Московском университете, а в 1928 г. стал его профессором. В ту пору его деятельности он много времени отдавал литературной критике и был тесно связан с рядом советских писателей (Д. Бедным, Ф. Gladковым и др.). В 1929 г. уехал в Алма-Ату, участвовал в открытии первого Казахского университета, затем работал в Ставрополе и Йошкар-Оле (Марийская АССР). Последние 16 лет своей жизни отдал Черновицкому университету, в котором он руководил кафедрой русской литературы. Автор свыше 100 научных трудов, посвященных разнообразным вопросам истории русской литературы XIX–XX вв.

³¹⁸ *Иваненко Людмила Евгеньевна* (1890–?) — советский научный сотрудник. Уроженка Санкт-Петербурга. Из дворян. Образование высшее. До революции участвовала в работе религиозно-мистических кружков. После 1917 г. проживала в Москве. Старший научный сотрудник НИИ № 6. Муж — Иваненко Александр Владимирович, 1887 г. р. Инженер Главснаба при Совнаркоме СССР. В начале операции «Монастырь» сотрудники советской контрразведки использовали ее дружбу с Н.И. Садовской, чтобы познакомиться с ее мужем поэтом Б.А. Садовским и ввести А.П. Демьянова в круг общения Садовского.

³¹⁹ Мемуары Нины Серпинской опубликованы лишь в XXI в.: *Серпинская Н.* Флирт с жизнью. М., 2004.

³²⁰ В Напрудной башне Новодевичьего монастыря проживал Павел Сергеевич Шереметьев с супругой, Прасковьей Васильевной, урожд. княжной Оболенской. *Шереметьев Павел Сергеевич* (19.05.1871–20.11.1943) — русский историк, граф. Окончил Петербургский университет. В 1903–1904 гг. член либерального кружка «Беседа», участником которого был В.И. Вернадский. В 1915–1917 гг. член Государственного совета от дворянских обществ. После Октябрьского переворота до 1927 г. заведующий Музеем-усадебой Остафьево под Москвой, член Всероссийского союза писателей (1921). С осени 1929 г. после ликвидации музейного статуса Остафьева жил с семьей в Напрудной башне Новодевичьего монастыря, писал статьи, оставшиеся в рукописях. Жена (с 1921) Прасковья Васильевна (урожд. княжна Оболенская; 1883–1941), в 1922–1928 гг. работала с мужем в музее Остафьево.

³²¹ *Дурылин Сергей Николаевич* (1877–1954) — русский религиозный мыслитель, писатель, искусствовед. Уроженец Киева. Из мещан. Окончил Археологический институт (1915). До революции сотрудничал в различных журналах. В 1920–1922 гг. священник; исполняющий должность настоятеля Боголюбской часовни в Москве. 11 июня 1922 г. арестован по обвинению в занятии «скрытой антисоветской агитацией-деятельностью». 25 ноября 1922 г. по решению Комиссии НКВД по административным высылкам сослан в Хиву на 2 года; по решению того же органа выслан в Челябинскую губернию. Научный сотрудник Государственной академии художественных наук (ГАХН). 10 июня 1927 г. повторно арестован по обвинению в «распространении среди верующих литературы антисемитского содержания». 16 сентября 1927 г. по решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ выслан в Сибирь сроком на три года. Направлен на поселение в Томский округ. 25 марта 1998 г. реабилитирован за 1922 г. и 27 мая 1993 г. за 1927 г. О С.Н. Дурылине см. также: *Макаров В.Г.* Следственное дело 1922 года священника С.Н. Дурылина // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития: Материалы научной конференции 28–29 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 90–92.

³²² *Брызгалов Николай Александрович* (1885–?) — русский писатель и поэт, участник антропософской организации. Уроженец Москвы. Из богатой купеческой семьи, отец был «крупнейший миллионер», мать из дворян — баронесса, отчим Брызгалова — видный царский сановник. В студенческие годы входил в оккультный кружок вместе с М.Д. Асикритовым, А.И. Ларионовым и В.И. Ждановым. До октября 1917 г. был близок к кругу А. Белого и издательства «Мусагет»; член Русского антропософского общества. Служил инженером Главстройпроекта, затем начальником ОТК Всесоюзного треста «Водоканалпроект». В 1922 г. был осужден органами ГПУ по процессу церковников.

³²³ *Силин Александр Дмитриевич* (1883–1942) — советский художник. Уроженец Москвы. Окончил филологический факультет Московского университета. В бытность гимназистом посещал воскресные рисовальные классы при Строгановском училище. Художественное образование получил под руководством сначала В.Н. Мешкова, а затем К.Ф. Юона и И.О. Дудина. С 1907 г. выставлял свои работы на московских и провинциальных выставках. В 1925 г. выставлялся на Парижской международной выставке. Рисунки воспроизводились в журналах «Весы» и «Золотое руно». Занимался книжной иллюстрацией (например, иллюстрировал рассказы Эдгара По, «Обыкновенную историю» И.А. Гончарова и др.). С 1923 г. работал над книжными знаками (всего выполнил 35 экслибрисов). Читал курс истории искусств в Ростове-на-Дону.

³²⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 3: 1925 г. Ч. 1. М., 2002. С. 48.

³²⁵ См.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002.

³²⁶ *Федоров Николай Федорович* (1829–1903) — русский мыслитель, выдвинувший проект «Общего дела» человечества по воскрешению умерших, бессмертию живущих и преобразению вселенной в рай, Царство Божие. Творчество Н.Ф. Федорова открыло но-

вую веку в развитии отечественной философской мысли и оказало существенное влияние на многих выдающихся деятелей русской культуры, науки и искусства конца XIX — XX в. Именно в его работах получило свое первое теоретическое оформление такое оригинальное направление в отечественной философской мысли, как русский космизм, во многом благодаря которому человечество проложило дорогу в космос.

³²⁷ *Русский космизм* — направление в религиозно-философской и естественно-научной мысли России, сформировавшееся на рубеже XIX–XX вв. В современной литературе под космизмом, как правило, понимается совокупность представлений о картине мира, о бытии человека и мира в их единстве, о связи микрокосма человека и макрокосма природы, о характере взаимосвязей в мироздании. Следует подчеркнуть, что в самом понятии «космизм» наряду со всеми оттенками слова «космос» суффиксом «-изм» выражена идея активного отношения к этому слову и тем реалиям и идеям, которые за ним стоят. В России понятие «космизм» вводится в культурный и научный оборот в начале XX в. Русский космизм — это не что иное, как космическое мирозерцание, оплодотворенное русской философской мыслью, в основе которого лежит «понимание естественного всеединства человека, человеческого и Вселенной в нравственном отношении к акту творения». Подробнее см.: *Макаров В.Г.* Космизм русский // *Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия.* М., 2005. С. 228–230.

³²⁸ *Горский-Горностаев Александр Константинович* (1886–1943) — русский советский мыслитель, поэт и философ. Окончил духовное училище в Черниговской семинарии, затем Духовную академию Троице-Сергиевой лавры, но от сана отказывается и «идет в мир». Преподавал в Одессе в духовной семинарии и гимназии. В 1920–1940-х гг. был хорошо известен в литературных, артистических и философских кругах Москвы, Ленинграда и Одессы. В числе его знакомых были известные писатели и поэты, такие как Максим Горький, Б.А. Садовский, Г.И. Чулков, Б.М. Зубакин, М.М. Шапская, литературные критики и историки литературы — академик-пушкинист Б.Л. Модзалевский, Г.А. Леман, В.Л. Комарович, А.Л. Волынский, философы и мыслители Н.К. Рерих, С.А. Аскольдов, А.А. Мейер и многие другие. 10 июня 1927 г. арестован по обвинению в контрреволюционном саботаже. Содержался в Бутырской тюрьме. 17 августа 1927 г. по постановлению Коллегии ОГПУ из-под стражи освобожден под подписку о невыезде из г. Москвы. 11 января 1929 г. вновь арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации. 22 июля 1929 г. по постановлению Коллегии ОГПУ по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-11 УК РСФСР, заключен в концлагерь сроком на 10 лет. Вернулся в 1937 г., отбывал ссылку в Калуге. 4 февраля 1943 г. арестован УНКВД по Тульской области по обвинению «в проведении шпионской деятельности, антисоветской агитации и высказывании пораженческих настроений». Умер в тульской тюремной больнице 24 августа 1943 г. 19 октября 1992 г. по заключению Генеральной прокуратуры РФ реабилитирован. О нем см.: *Макаров В.Г.* Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // *Вопросы философии.* 2002. № 8. С. 98–133; *Он же.* Русские космисты в «жерновах» большевизма // *Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 80-летию «философского парохода», 4–6 октября 2002 г. Пермь-Чусовой.* С. 93–95.

³²⁹ *Сетницкая* Ольга Николаевна (1916–1987) — старшая дочь философа-космиста Н.А. Сетницкого, библиограф. Окончила исторический факультет Московского государственного университета. Затем работала библиографом в библиотеке Государственного педагогического института (Москва).

³³⁰ *Устрялов Николай Васильевич* (1890–1937) — русский советский правовед, философ, политический деятель; один из крупнейших идеологов «сменовеховства». Уроженец Петербурга, потомственный дворянин. Окончил калужскую Николаевскую гимназию (1908) и Московский университет (1913). С 1917 г. приват-доцент Московского университета и преподаватель Московского городского и Народного университета А.Л. Шаняв-

ского. Осенью 1918 г. избран исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре государства и права в Перми. В 1917–1918 гг. член партии конституционных демократов. После взятия Перми войсками Омского правительства был командирован в Омск на должность юрисконсульта Совета министров. С февраля 1919 г. директор Пресс-бюро печати, после чего покинул государственную службу, перейдя в Русское бюро печати (ОСВАГ), с которым эвакуировался в Иркутск, где пробыл до падения правительства А.В. Колчака. Председатель Восточного отделения кадетской партии. С 1920 г. в эмиграции; проживал в Харбине, профессор Юридического факультета (1920–1934). В 1935 г. вернулся в СССР, занимался преподавательской деятельностью. Профессор экономической географии Московского института инженеров транспорта. 6 июня (по другим данным, 14 июля) 1937 г. арестован «за к.-р. деятельность». 14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу по обвинению в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации». Приговор приведен в исполнение в тот же день. 20 сентября 1989 г. реабилитирован.

³³¹ *Сакетти* Александр Ливериевич (13(26).08.1881–15.02.1966) — русский советский ученый-правовед, специалист в области истории правовых и политических учений. Уроженец Санкт-Петербурга. В 1918 г. профессор Петроградского университета. С 1940 по 1943 г. старший научный сотрудник Всесоюзного института юридических наук. С 1942 г. преподаватель латинского языка на юридическом факультете МГУ и заведующий (по совместительству) кафедрой иностранных языков во Всесоюзном юридическом заочном институте. Скончался в Москве.

³³² *Судоплатов П.А.* Спецоперации. С. 239.

³³³ Там же. С. 243.

³³⁴ *Дамаскин И.А.* 100 великих операций спецслужб. С. 294.

³³⁵ *Шумихин С.В.* Узоры Бориса Садовского // Садовский Б. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб., 2001. С. 9.

³³⁶ *Шарапов Э.П.* Судоплатов против Канариса. М., 2004. С. 35.

³³⁷ О «Московском плане» подробнее см.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002.

³³⁸ См.: *Шарапов Э.П.* Судоплатов против Канариса. С. 26.

³³⁹ *Маклярский* Исидор Борисович (16.11.1909–02.06.1978) — советский офицер, сотрудник органов безопасности, кинорежиссер; полковник госбезопасности (1945). Уроженец Одессы. Из семьи старшины ремесленного цеха при городской управе. Окончил юридический факультет Среднеазиатского университета в Ташкенте (1932) и Высшие курсы при Литературном институте имени М. Горького (1956). Член ВКП(б) с 1932 г. В 1923–1925 гг. — ученик переплетной и электротехнической кустарных мастерских (Одесса). С 1927 г. сотрудник ОГПУ. В 1937 г. арестован (на канале «Волга – Москва» в связи с арестами участников антисоветского заговора, возглавляемого Г. Ягодой) и находился под следствием; за недоказанность обвинения дело было прекращено. В 1937–1939 гг. начальник отделения 2-го отдела ГУЛАГа НКВД СССР. В 1939–1940 гг. начальник 2-го отдела Управления НКВД СССР по делам военнопленных. В 1940–1941 гг. старший оперуполномоченный 4-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В 1941–1942 гг. заместитель начальника 1-го отделения 3-го отдела 3-го Управления НКГБ СССР, заместитель начальника 1-го отделения 2-го отдела 3-го Управления НКВД СССР, начальник 1-го отделения 2-го отдела 3-го Управления НКВД СССР. В 1942–1943 гг. заместитель начальника 2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР. С мая 1943 по апрель 1944 г. начальник 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР. С апреля 1944 по февраль 1947 г. начальник 3-го отдела 4-го Управления НКГБ-МГБ СССР. Приказом МГБ СССР от февраля 1947 г. уволен в запас. В 1947–1951 гг. председатель объединения «Экспортфильм», директор Госфильмфонда СССР. Вновь арестован в ноябре 1951 г. С ноября 1951 по ноябрь 1953 г. содержался в местах заключения МВД СССР (по

обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР; в соответствии со ст. ст. 2 и 5 п. «б» Указа ПВС СССР «Об амнистии» дело прекращено («за недостаточностью улик для предания суду»), из-под стражи освобожден). В 1960–1972 гг. директор Высших сценарных и режиссерских курсов в Москве. Скончался в Москве.

³⁴⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 46–48.

³⁴¹ *Горлинский Николай Дмитриевич* (24.07.1907–15.01.1965) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец г. Ахтырка Сумского уезда Харьковской губернии. Из рабочих. В органах безопасности с апреля 1920 г. С декабря 1938 по 22 августа 1940 г. 2-й заместитель наркома внутренних дел УССР. С 22 августа 1940 по 26 февраля 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 26 февраля по 1 апреля 1941 г. заместитель начальника 3-го Управления НКВД СССР. С 1 апреля по 31 июля 1941 г. начальник 3-го Управления НКГБ СССР. С 31 июля 1941 по 11 августа 1942 г. начальник 3-го Управления НКВД СССР. В августе 1942 — мае 1943 г. уполномоченный НКВД СССР по ББ на Северном Кавказе и охране перевалов Кавказского хребта при Северо-Кавказском фронте. С 7 мая 1943 по 14 сентября 1945 г. начальник УНКГБ Краснодарского края. 28 июня 1954 г. уволен по служебному несоответствию; лишен воинского звания генерал-лейтенант. Скончался в Москве.

³⁴² *Кобулов Богдан Захарович* (01.03.1904–23.12.1953) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; комиссар ГБ 2-го ранга (1943). Уроженец Тифлиса. В 1938–1941 гг. начальник ГЭУ НКВД СССР, член Особого совещания; затем заместитель наркома внутренних дел СССР. В 1943–1945 гг. первый заместитель наркома госбезопасности СССР. В 1953 г. осужден по обвинению в государственных преступлениях.

³⁴³ *Мебес Георгий Оттонович* (1868 – после 1935) — русский педагог, «черный» оккультист. Из дворян Лифляндской губернии. Уроженец г. Риги. Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Председатель Графологического общества (1912). В 1910–1912 гг. генеральный инспектор, с 1912 по 1925 г. глава Ордена мартинов в Петрограде и Ленинграде. До октября 1917 г. преподавал в Пажемском и кадетском корпусах в Санкт-Петербурге. До ареста работал учителем математики во 2-й трудовой школе г. Ленинграда. 18 июня 1926 г. за участие в «масонской организации» Коллегией ОГПУ осужден по ст. 61 УК РСФСР на три года ИТЛ (Соловки; УСЛОН). 13 апреля 1932 г. по решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ по отбытии срока заключения выслан на Урал на 3 года, лишен права проживания 12 п.п. и Уральской области с прикреплением сроком на три года. 4 мая 1935 г. по отбытии срока «меры соцзащиты» освобожден и остался на жительство в г. Великий Устюг Севкрая. 28 марта 1996 г. по заключению Прокуратуры Санкт-Петербурга реабилитирован.

³⁴⁴ Из задания 2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР агенту «Гейне» на установление контакта с германской разведкой от имени легендированной организации «Монастырь». 31 января 1942 г. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 90–94.

³⁴⁵ *Орлов Михаил Федорович* (1903–1984) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник (1939). Уроженец с. Литвиновно Белевского уезда Тульской губернии. В органах безопасности с 1926 г. С июня 1941 по июль 1943 г. командир ОМСБОН НКВД. С 6 февраля по 14 мая 1943 г. начальник 4-го отдела 4-го Управления НКВД СССР. С 14 мая 1943 по 9 октября 1946 г. начальник 6-го отдела 4-го Управления НКГБ-МГБ СССР. В 1948 г. уволен в отставку по болезни. Скончался в Москве.

³⁴⁶ *Щорс Игорь Александрович* (04.09.1915–1998) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; подполковник. Уроженец г. Ново-Архангельска Кировоградской области. Тройродный брат героя Гражданской войны Николая Александровича Щорса. Окончил Ленинградский горный институт (1940) и Школу особого назначения (1941). Ле-

том-осенью 1941 г. принимал участие в операции «Московский план» (организация террора и диверсий в Москве в случае оккупации города германскими войсками). В марте 1944 г. отозван для прохождения службы в 4-м Управлении НКГБ СССР, участвовал в проведении операции «Березино». После войны работал горным инженером. В декабре 1954 г. вышел на пенсию. Скончался в Москве.

³⁴⁷ *Овчинникова Л.* Подпольная «явка» в центре Москвы // *Трибуна*. 2002. 18 января. Цит. по: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id%3D10318112@fsbPublication.html>

³⁴⁸ *Жигарев Павел Федорович* (1900–1963) — советский военный деятель; главный маршал авиации (1955). В РККА с 1919 г. Окончил Военно-воздушную инженерную академию РККА (1932). С 1938 г. начальник Управления боевой подготовки ВВС Красной армии, командующий ВВС 2-й Отдельной Краснознаменной армии. С 1940 г. 1-й заместитель, с июня 1941 г. командующий ВВС Красной армии. Осуществлял непосредственное руководство действиями авиационных частей и соединений, обеспечивающих отражение воздушных налетов противника на Москву. С 1942 г. командующий ВВС Дальневосточного фронта, в 1945 г. командующий 10-й воздушной армией.

³⁴⁹ *Голованов Александр Евгеньевич* (1904–1975) — советский военный деятель; главный маршал авиации (1944). В РККА с 1919 г. (с перерывами). Участник Гражданской войны. Окончил летную школу (1932) и Высшую военную академию. С 1924 г. служил в ОГПУ. С 1932 г. в ГВФ, командир особого отряда, с 1936 г. шеф-пилот Аэрофлота. В годы Великой Отечественной войны командовал авиаполком, авиадивизией. С 1942 г. командующий авиацией дальнего действия (АДД). С 1944 г. командующий 18-й воздушной армией. В 1953 г. уволен в запас по болезни.

³⁵⁰ *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*. Т. 3. Кн. 1. С. 303–304.

³⁵¹ *Станкевич Иосиф Петрович* (нем. псевд. «Березкин»; 1918–?) — агент германской военной разведки. Шофер 20-й армии. Попал в плен 13 октября 1941 г. в районе Вязьмы. В апреле 1942 г. вступил в антисоветскую организацию «Белорусская громада» и был завербован для работы в германской разведке. Согласился на сотрудничество с советской разведкой в операции «Монастырь».

³⁵² *Шакулов Иван Ермолаевич* (1919–03.04.1942) — агент германской военной разведки. Уроженец дер. Луговые Витебской области. Из семьи крестьянина. Окончил неполную среднюю школу (1936), затем учился в ФЗУ железнодорожников. В 1939 г. призван на военную службу в 163-й резервный авиационный полк (Торжок). В мае 1942 г. окончил авиационную школу (Чкалов) и направлен на фронт. Служил в 566-м штурмовом авиационном полку. 5 июня 1942 г. во время боевого вылета был подбит в районе ст. Угра. 9 июня 1942 г. взят в плен немцами; завербован германской военной разведкой. С 4 июля по 15 августа 1942 г. обучался в Витебской разведшколе. 21 августа 1942 г. со смоленского аэродрома был переброшен в советский тыл. Арестован советской контрразведкой в Москве в ходе операции «Монастырь». Умер в тюрьме от паралича сердца.

³⁵³ *Ржевско-Сычевские операции 1942 г.* — наступательные операции советских войск, проведенные с целью разгромить немецкую 9-ю армию, сковать основную группировку группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге) и не допустить переброски ее соединений на юго-восток. Первая операция проведена 30 июля — 23 августа силами 29-й и 30-й армий Калининского фронта (генерал-полковник И.С. Конев) и 31-й, 20-й армий, 6-го и 8-го танковых корпусов, 8-го гв. стрелкового корпуса и 2-го гв. кавалерийского корпуса Западного (генерал армии Г.К. Жуков) фронта. В ходе операции развернулось крупное встречное сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1,5 тыс. танков. С воздуха действия фронтов поддерживали 3-я и 1-я воздушные армии. Советские войска продвинулись в глубину до 45 км и притянули в район сражений 12 резервных дивизий противника. Вторая операция (кодовое наименование «Марс») проведена с 25 ноября по

20 декабря 1942 г. силами 41, 22 и 39-й армий, 1-го и 3-го механизированных корпусов Калининского (генерал-полковник М.А. Пуркаев) фронта и 30, 31 и 20-й армий, 5-го и 6-го механизированных корпусов и 2-го гв. кавалерийского корпуса Западного (генерал-полковник И.С. Конев) фронта, действия которых координировал генерал армии Г.К. Жуков. За первые шесть дней советские войска продвинулись на глубину до 25 км. Противник, подтянув крупные резервы, остановил, а на некоторых направлениях отсек наступавшие соединения, которые с трудом отошли назад. В результате операции советские войска продвинулись на глубину 10–16 км. В ходе операций противник понес большие потери. Были скованы его значительные силы, что не позволило перебросить их под Сталинград и на Кавказ. Операции стали одними из самых кровопролитных фронтовых операций в годы Великой Отечественной войны.

³⁵⁴ *Зобач* Григорий Григорьевич (нем. псевд. «Кондратьев»; 23.04.1922–09.09.1976) — советский контрразведчик. Уроженец Шлиссельбурга. Окончил Белорусский техникум физической культуры (1941). До войны работал инструктором физкультуры в г. Борисове. В июле 1941 г. призван в Красную армию, но в связи с быстрым наступлением германской армии не успел добраться до военкомата и был взят в плен. В апреле 1942 г. в лагере для военнопленных был завербован германской военной разведкой. Окончил Катынскую разведшколу, подчиненную «Абверкоманде 103» при штабе группы армий «Центр». 7 октября 1942 г. заброшен на самолете в район Калининской области в качестве разведчика-радиота для связи с резидентом в Москве. При себе имел документы на имя Григория Григорьевича Чуба, сержанта госбезопасности, сотрудника Особого отдела дивизии 34-й армии. Задержан советской контрразведкой и дал согласие на работу против немцев. За успешную работу по решению заместителя наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова освобожден из-под стражи. 12 января 1943 г. награжден германской военной разведкой орденом «Железный крест» 2-го класса. Во время операции «Монастырь – Курьеры» по радию «Кондратьева» противнику передавалась важная дезинформация военного характера. В июне 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР за выполнение специальных заданий награжден медалью «За отвагу». После войны был сослан на вольное поселение и до 1962 г. проживал в г. Норильске Красноярского края; преподавал физкультуру в Норильском металлургическом техникуме. В 1962 г. вернулся из ссылки, полгода проживал в Москве на квартире у бывшего начальника 3-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР И.Б. Маклярского, затем переехал в поселок им. Морозова Всеволожского района Ленинградской области.

³⁵⁵ *Шалаев* Анатолий Иванович (1912–?) — агент германской военной разведки. Уроженец с. Шалаево Уразовского района Курской области. Из семьи шахтера. Окончил 5 классов сельской школы. В 1933–1936 гг. работал слесарем в Мосттраввайтресте в Москве. С 1937 по 14 октября 1941 г. слесарь на заводе № 24 в Москве. В декабре 1941 г. призван в РККА, рядовой 340-го противотанкового полка 39-й армии. 18 марта 1942 г. в 30 км от Ржева добровольно сдался в плен к противнику и направлен в Сычевский лагерь для военнопленных. Позднее переведен в Смоленский лагерь для военнопленных, где был завербован сотрудниками германской военной разведки и 16 апреля 1942 г. направлен на учебу в Катынскую разведшколу. 7 октября 1942 г. «секретно арестован» советскими органами безопасности.

³⁵⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 460–462.

³⁵⁷ *Ржевско-Вяземская операция 1943 г.* — наступательная операция войск левого крыла (43, 41, 22 и 39-я армии при поддержке 3-й воздушной армии) Калининского (генерал-полковник М.А. Пуркаев) и правого крыла (30, 31, 5, 33-я, 49 и 50-я армии при поддержке 1-й воздушной армии) Западного (генерал-полковник В.Д. Соколовский) фронтов, проведенная 2–31 марта 1943 г. с целью разгромить основные силы группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге) и ликвидировать ржевско-вяземский выступ. В результате успешного наступления советских войск на юго-западном направлении немецкое командо-

вание начало отвод своих войск из ржевско-вяземского выступа. Советские войска 2 марта перешли в преследование и в ходе операции сковали значительные силы врага, ликвидировали выступ, отодвинули линию фронта на Запад от Москвы на 130–160 км, сократив ее на 330 км (против 530 км). Это позволило Ставке ВГК вывести в резерв две общевойсковые армии и механизированный корпус.

³⁵⁸ *Чернышев* Гаврила Петрович (нем. псевд. «Медынин» и «Медведев»; 1906–?) — агент германской военной разведки. Уроженец дер. Славная Мелеузского района Башкирской АССР. Из крестьян-средняков. С низшим образованием. В 1932 г. судим по ст. 111 УК РСФСР и приговорен к 5 годам ИТЛ, в 1936 г. освобожден. До призыва в РККА товаровед хлопкозавода № 87 им. Кирова в г. Курган-Тюбе Таджикской ССР. 8 сентября 1941 г. мобилизован в РККА. С 9 февраля 1942 г. участвовал в боях. 27 февраля 1943 г. после ранения попал в плен к немцам. В Гомельском лагере для советских военнопленных завербован германской разведкой. Обучался в Катынской разведшколе. В ночь с 26 на 27 июля 1943 г. вместе с П.Г. Кончицем заброшен в советский тыл в Высоковском районе Московской области; добровольно явился с повинной к советским властям.

³⁵⁹ *Ст. 111* — бездействие власти, т. е. невыполнение должностным лицом, которое оно по обязанности своей службы должно выполнять, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109, а равно халатное отношение к службе, т. е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков, — лишение свободы на срок до трех лет.

³⁶⁰ *Кончиц* Петр Григорьевич (нем. псевд. «Кузнецов», «Кочетов»; 1908–?) — агент германской военной разведки. Уроженец дер. Рислово Светиловского района Гомельской области БССР. Образование низшее. Из крестьян-бедняков. Бывший член ВКП(б) с 1938 г. 16 февраля 1942 г. призван в РККА, военнотрудовой 228-й стрелковой дивизии Красной армии; сержант. 22 июля 1942 г. в районе с. Довжик Ростовской области после ранения взят в плен противником. В Гомельском лагере для советских военнопленных завербован германской разведкой. С 12 июня по 16 июля 1943 г. обучался в Борисовской разведшколе. 27 июля 1943 г. заброшен в советский тыл; добровольно явился с повинной к советским властям.

³⁶¹ *Кубаткин* Петр Николаевич (1907–1950) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец Кольберовского рудника Елизаветградской губернии. В органах безопасности с сентября 1929 г. С 23 июля 1941 по 7 мая 1943 г. начальник УНКВД Ленинградской области. С 7 мая 1943 по 15 июня 1946 г. начальник УНКГБ-УМГБ Ленинградской области. С 11 января по 4 июля 1945 г. уполномоченный НКВД СССР по 2-му Прибалтийскому фронту. Репрессирован по «Ленинградскому делу». Реабилитирован.

³⁶² *Сидорова* Вера Сергеевна (1905?–?) — советский педагог; заведующая кафедрой английского языка в Московском учительском институте иностранных языков. Жена В.С. Сидорова. В 1941 г. участвовала в специальных мероприятиях по т. н. «Московскому плану» (организация диверсионно-террористической деятельности на случай захвата столицы германскими войсками); подготовлена «к проникновению в круги германских оккупационных властей». Награждена медалями: «За боевые заслуги» (1943), «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

³⁶³ *Абакумов* Виктор Семенович (11(24).04.1908–19.12.1954) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-полковник (1945). Уроженец Москвы. Из семьи рабочего фармацевтической фабрики. Окончил городское училище в Москве (до 1921 г.). В органах безопасности с 1932 г. С 25 февраля 1943 по 14 апреля 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР; одновременно с 19 июля 1941 по 14 апреля

1943 г. начальник УОО НКВД СССР. С 19 апреля по 20 мая 1943 г. заместитель наркома обороны СССР. С 19 апреля 1943 по 27 апреля 1946 г. начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР; одновременно с 11 января по 4 июля 1945 г. уполномоченный НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту. 12 июля 1951 г. арестован. 19 декабря 1954 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен по обвинению в государственных преступлениях к ВМН; в тот же день расстрелян в Ленинграде. Не реабилитирован.

³⁶⁴ *Герлиц Феликс* (служебн. псевд. «Феликс»; 1895?–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки, подполковник. Уроженец Гамбурга. С июня 1941 по 1944 г. начальник «Абверкоманды 103» на советско-германском фронте. Зимой 1944 г. переведен на Западный фронт (Франция).

³⁶⁵ *Герасимович Тадеуш* (служебн. псевд. Эрвин Брониовски; 1896–1945) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; зондерфюрер «К» (соответствовал чину «капитан» в вермахте). Уроженец Львова. Поляк. С 1919 г. сотрудник польской военной разведки; дважды арестовывался польскими властями по обвинению в шпионских связях с германской разведкой. С 1939 г. сотрудник германской разведки; переводчик в отделах немецкой разведки в Варшаве и Тирасполе. С 1941 г. служил в разведотделе штаба 2-й танковой армии. С начала 1942 г. инструктор по агентурной разведке «Абверкоманды 103» при штабе группы армий «Центр». До ареста инструктор Центрального разведывательного органа при Ставке германского Главного командования на Восточном фронте и помощник начальника разведшколы в Нидерзее (Восточная Пруссия). В июле 1944 г. во время инспекторской проверки в районе Барановичей захвачен сотрудниками контрразведки «Смерш» и доставлен в Москву. Умер в тюрьме от цирроза печени.

³⁶⁶ *Журавлев Михаил Иванович* (1911–1976) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец дер. Хрыгино Петербургской губернии. Из семьи крестьянина. В 1938–1939 гг. второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). В органах безопасности с января 1939 г.; слушатель месячных курсов подготовки руководящего состава НКВД СССР. С 28 января 1939 по 31 марта 1940 г. нарком внутренних дел Коми АССР. С 31 марта 1940 по 26 февраля 1941 г. начальник 5-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 26 февраля 1940 по 8 января 1948 г. начальник УНКВД-УМВД Московской области.

³⁶⁷ *Студников Лев Александрович* (1909–1981) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник. Уроженец с. Чаган Астраханской губернии. Из семьи рыбаков. В РККА с 1935 г. В органах безопасности с июня 1941 г.; в июне–июле 1941 г. заместитель начальника отделения отдела кадров 3-го Управления НКО СССР. В сентябре 1941 — январе 1942 г. начальник организационно-мобилизационного отделения штаба войск Особой группы при НКВД СССР. В феврале 1942 — октябре 1943 г. комиссар, начальник политотдела ОМСБОН НКВД СССР. В октябре 1943 — марте 1944 г. заместитель командира отдельного отряда ОСНАЗ 4-го Управления НКГБ СССР по политчасти. С 1 марта 1944 по 1 августа 1945 г. начальник 8-го отделения 4-го Управления НКГБ СССР. После окончания войны служил в 1-м Управлении МГБ СССР. В 1955 г. вышел на пенсию. Окончил Военно-политическую академию им. Ленина (Ленинград — Москва, 1937–1941). Скончался в Москве.

³⁶⁸ «Абверкоманда 103» (нем. Abwehrkommando 103; до июля 1942 г. — «Абверкоманда 1 Б») — орган германской военной разведки и контрразведки на центральном участке советско-германского фронта. Оперировала при штабе группе армий «Центр». В ее подчинении находились абверкоманды 107, 108, 109, 110, 113 и Борисовская разведывательная школа. *Позывной радиостанции* — «Сатурн». Полевая почта № 09358 Б. Проводила разведывательную работу против Западного, Калининского, Брянского, Центрального, Прибалтийских и Белорусских фронтов; вела разведку глубокого тыла СССР. На особо важные участки фронта выделялись т. н. ЦБФ-группы (отряды особого назначения), которые занимались перебрской агентурой и ее приемом после выполнения задания. В августе 1941 г.

дислоцировалась в Минске, в сентябре — начале октября в палатках на берегу р. Березины в 7 км от г. Борисова, откуда переехала в местечко Красный Бор (6–7 км от Смоленска). В сентябре 1943 г. переехала в район дер. Дубровка (близ Орши), откуда прибыла в Минск. В августе 1944 г. находилась в местечке Лекманен (3 км от г. Ортельсбурга, Восточная Пруссия). В первой половине января 1945 г. команда находилась в местечке Базен (6 км от г. Вормдитта), откуда переехала в местечко Гарнекопф (30 км восточнее Берлина). В марте 1945 г. находилась в г. Церпсте, откуда выехала в Шверин. 5 мая 1945 г. расформирована в местечке Ленгрис. *Начальники*: подполковник Феликс Герлиц (до мая 1944); капитан Бивербрук (до марта 1945); лейтенант Борман (с марта 1945 г. до капитуляции). В ходе операции «Монастырь» в 1942–1944 гг. шифровки с разведзаданиями для «Гейне» и «Кондратьева» подписаны радиопозывным подполковника Ф. Герлица «Доктор».

³⁶⁹ По данным советской контрразведки, зондерфюрер Паштетник являлся официальным сотрудником, вербовщиком «Абвергруппы 109» при штабе 9-й армии; «бывш[ий] майор австрийской армии, 55 лет, выше среднего роста, толстый, седой».

³⁷⁰ Вероятно, речь идет об официальном сотруднике германской военной разведки — зондерфюрере «К» Эрвине Брониковском (наст. имя и фамилия — Тадеуш Герасимович; о нем см. примеч. 365).

³⁷¹ *Витебская школа разведчиков-диверсантов* — структурное подразделение германской военной разведки на советско-германском фронте. Организована в ноябре 1942 г. и условно именовалась «лагерь “Анна”». Готовила разведчиков-диверсантов для подрывной работы на коммуникациях Западного и Прибалтийского фронтов. Школа дислоцировалась в дер. Добрино (12 км юго-западнее г. Витебск) и размещалась в здании бывшей сельской школы. До января 1943 г. находилась в г. Вязьма. Одновременно в школе обучалось около 40–50 чел. Курсанты школы числились под своими настоящими фамилиями, и псевдонимы им не присваивались. Выброска агенты в советский тыл производилась с самолетов на парашютах. Для возвращения через линию фронта агенты получали пароль «Украина». Начальник школы — зондерфюрер «Б» Рид (на осень 1942 г.); заместитель начальника школы — лейтенант Вадке; комендант — унтер-офицер Вилли Шиве.

³⁷² Вероятно, речь идет о руководителе «Абверкоманды 103» при штабе группы армий «Центр» подполковнике Феликсе Герлице.

³⁷³ *Лонкин Николай Павлович* (служебн. псевд. «Лебедев»; 1911–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец с. Страхово Ивановского района Тульской области. Бывший офицер погранвойск; старший лейтенант. В плен попал в 1941 г. Завербован германской военной разведкой; окончил Варшавскую разведшколу. Преподаватель агентурной разведки в Борисовской (Катынской) разведшколе. Арестован советскими органами безопасности.

³⁷⁴ *Овчинникова Л.* Подпольная «явка» в центре Москвы.

³⁷⁵ *Фишер Вильям Генрихович* (сов. псевд. Рудольф Иванович Абель; 11.07.1903–15.11.1971) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; майор ГБ (на осень 1944 г.). Уроженец Ньюкасл-апон-Тайн (Великобритания). Из семьи российских немцев, политэмигрантов-марксистов. С 1927 г. находился на службе в ИНО ОГПУ на должностях уполномоченного, переводчика и старшего уполномоченного. В 1944–1945 гг. старший оперуполномоченный 3-го отделения 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР; участвовал в операции «Березино». С 1948 г. работал в США, в 1957 г. арестован. 10 февраля 1962 г. обменян на американского летчика Фрэнсиса Пауэрса. Скончался в Москве.

³⁷⁶ *Долгополов Н.* Гейне и Абель // Труд. 2004. 18 дек. № 240.

³⁷⁷ *Ильин Виктор Алексеевич* (1924–?) — агент германской военной разведки. Уроженец Москвы. По профессии портной. В 1940 г. являлся «участником молодежной антисоветской организации и имел намерение бежать из Советского Союза в Германию». В 1941 г. судим по ст. 72 ч. 1 УК РСФСР. Окончил радиошколу Осоавиахима. В октябре 1941 г. при-

зван в РККА, служил в 40-м отдельном радиобатальоне, сержант. 15 апреля 1942 г. добровольно сдался в плен к противнику. С 25 апреля по 10 июля 1942 г. в составе «боевого отряда» участвовал в операциях против советских партизан в Духовщинском районе Смоленской области. С 10 июля 1942 г. обучался в Катынской разведшколе. В ночь на 18 января 1943 г. вместе с агентом Еркиным заброшен в советский тыл в 12 км восточнее г. Венев. 20 января 1943 г. «секретно арестован» советскими органами безопасности в ходе операции «Курьеры».

³⁷⁸ *Еркин* Иван Григорьевич (1900–?) — агент германской военной разведки. Участник Белого движения. Кандидат в члены ВКП(б). Начальник торготдела Москультторга. В 1939 г. за антисоветскую агитацию приговорен спецколлекгией Мособлсуда к 8 годам ИТЛ, но в результате пересмотра дела освобожден тем же судом. Старшина минометного батальона 791-го стрелкового полка 135-й стрелковой дивизии. Попал в плен в июле 1942 г. и в сентябре того же года завербован германской военной разведкой. Прошел спецподготовку в Катынской разведшколе. Арестован советскими органами безопасности в ходе операции «Курьеры».

³⁷⁹ *Сорокин* Владимир Зиновьевич (нем. псевд. «Сурба»; 1910–?) — агент германской военной разведки. Уроженец Москвы. Член ВЛКСМ (1936–1942). В июне 1941 г. вступил добровольцем в народное ополчение; заместитель политрука роты. В августе 1942 г. в районе Вязьмы попал в немецкий плен; находился в Вяземском лагере военнопленных. В феврале 1943 г. направлен в Катынскую разведшколу. 27 февраля 1943 г. заброшен в советский тыл с заданием доставить посылку агенту «Кондратьеву» в Москву и остаться в его распоряжении для добычи разведывательных сведений. 1 марта 1943 г. арестован советскими органами безопасности на конспиративной квартире, подставленной немцам. Перевербован сотрудниками НКВД и принимал активное участие в разработке агентов противника по радиоигре «Курьеры». За успешное выполнение заданий органов НКВД СССР из-под стражи освобожден. В июне 1943 г. награжден медалью «За отвагу».

³⁸⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 393.

³⁸¹ Там же. С. 451–456.

³⁸² 19 апреля 1943 г. на базе Управления особых отделов НКВД СССР было сформировано Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР. (Подробнее о происхождении названия «Смерш» см.: «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 64–67.) 11 мая 1943 г. директивой № 232/3 НКВД СССР был образован Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ), на который в числе прочих были возложены задачи по ведению разведывательной работы за границей и по борьбе со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок внутри СССР (за исключением частей Красной армии, Военно-Морского флота и войск НКВД).

³⁸³ *Шинкаренко* Дмитрий Захарович (нем. псевд. «Петров», «Потемкин Дмитрий Михайлович»; 1910–?) — агент германской разведки. Уроженец Канска Красноярского края. В Красной армии с 23 июня 1941 г., техник-лейтенант, делопроизводитель 4-го отделения штаба 17-й гв. дивизии 41-й армии. 9 июля 1942 г. в районе г. Белый попал в немецкий плен; завербован германской военной разведкой. Сотрудник паспортного бюро «Абверкоманды 103». В 1943 г. перешел к советским партизанам, похитив у немцев ценные материалы разведывательного характера.

³⁸⁴ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 185–186.

³⁸⁵ *Симавин* Сергей (1913–?) — агент германской военной разведки. Бывший писарь эскадрона 97-го кавалерийского полка. Находился в паспортном бюро «Абверкоманды 103» вместе с Д.З. Шинкаренко и помогал ему в работе против германской военной разведки.

³⁸⁶ Речь идет о В.А. Власове. *Власов* Владимир Александрович (1895–?) — русский офицер, белоэмигрант; капитан. Уроженец г. Ромны. С июня 1942 до 1943 г. начальник курсов разведчиков при «Абвергруппе 105». В октябре–ноябре 1943 г. начальник «С-лагеря» при «Абверкоманде 103». С декабря 1943 г. начальник учебной части Борисовской разведшколы. Арестован советскими органами безопасности.

³⁸⁷ *Шварцман* Лев Леонидович (1907–1955) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник (1943). Уроженец Санкт-Петербурга. Из семьи банковского служащего. В органах безопасности с 1937 г. С 1 января по 1 апреля 1939 г. помощник начальника следчасти НКВД СССР. С 1 апреля 1939 по 26 февраля 1941 г. заместитель начальника следчасти ГЭУ НКВД СССР. С 26 февраля по 12 августа 1941 г. заместитель начальника следчасти НКГБ СССР. С 12 августа 1941 по 15 мая 1943 г. заместитель начальника следчасти по ОВД НКВД СССР. С 15 мая 1943 по 13 июля 1951 г. заместитель начальника следчасти по ОВД НКГБ-МГБ СССР. 14 июля 1951 г. уволен. 13 июля 1951 г. арестован. 3 марта 1955 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к ВМН. 13 мая 1955 г. расстрелян в Москве. Не реабилитирован.

³⁸⁸ Возможно, здесь и далее речь идет о сотруднике германской военной разведки майоре Фрице Альбрехте, возглавлявшем с марта 1944 г. Полтавскую разведшколу.

³⁸⁹ См.: «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 182–190.

³⁹⁰ Речь идет о Галине Вилковой, жене А.И. Козлова. 23 июня 1942 г. в ходе боев с немцами в составе партизанской дивизии «Дедушка» Козлов с 12 партизанами, в числе которых была и его жена, в районе Кучеровского леса попали в засаду и были взяты в плен.

³⁹¹ *Воробьев* Алексей Федорович (нем. псевд. «Филатов»; 1924–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец Красноярского края. Беспартийный, с неполным средним образованием. В Красной армии с августа 1942 г., отец колхозник, призван в Красную армию. 10 марта 1943 г., находясь в составе 30-й отдельной лыжной бригады в качестве рядового бойца, с его слов, проявил трусость и под городом Севск добровольно перешел на сторону противника. В мае 1943 г. в Борисовском лагере для перебежчиков был завербован для шпионской работы против СССР и определен в Борисовскую разведывательную школу. Переброшен на советскую территорию в ночь с 20 на 21 апреля 1943 г. Задержан советскими органами безопасности в ходе операции «Монастырь – Курьеры».

³⁹² *Потапов* Василий Игнатьевич (нем. псевд. «Петров»; 1904–?) — агент германской военной разведки. Уроженец дер. Первая Быстровка Петровского района Саратовской области. Работал пекарем на волжском хлебзаводе № 2. В апреле 1942 г. призван в Красную армию. 20 июля 1942 г. заброшен германской военной разведкой в советский тыл вместе с напарником А.Ф. Воробьевым («Филимоновым»). 26 июля 1943 г. задержан УКР «Смерш» Калининского фронта.

³⁹³ *Новобратский* Лев Ильич (07.02.1907–22.03.1980) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец Екатеринослава. В органах безопасности с 1920 г. С 15 октября 1939 по 26 февраля 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, по совместительству в июле 1940 — январе 1941 г. начальник 1-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 26 февраля по 12 августа 1941 г. — 3-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР. С 12 августа 1941 по 16 мая 1943 г. — 3-го отдела 2-го Управления НКВД СССР. С 16 мая 1943 по январь 1946 г. начальник 3-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР. В феврале 1954 г. уволен по сокращению штатов. Скончался в Москве.

³⁹⁴ *Молотов* Вячеслав Михайлович (наст. фам. Скрябин; 25.02.(09.03.)1890–08.11.1986) — советский политический и государственный деятель; большевик. В марте 1921 г. избран членом и ответственным секретарем ЦК РКП(б). В 1930–1941 гг. председатель СНК СССР. В 1941–1957 гг. первый заместитель председателя СНК и Совета министров СССР. В 1941–1945 гг. первый заместитель председателя Государственного комитета

обороны. В 1939–1949 гг. нарком, а в 1953–1956 гг. министр иностранных дел СССР. В 1957 г. за деяния в период культа личности Сталина выведен из ЦК и Президиума ЦК КПССС в составе так называемой «антипартийной группы». До выхода на пенсию в 1962 г. работал на второстепенных государственных должностях.

³⁹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2: Великий перелом (1 июля – 31 декабря 1943 г.). М., 2008. С. 197–198.

³⁹⁶ *Ганштейн* Гюнтер Фридрих, фон (1911–?) — немецкий офицер, военный летчик; капитан люфтваффе. Уроженец Берлина. Из рабочих. В 1926–1930 гг. служащий торговой фирмы. В 1930–1935 гг. служил добровольцем в полиции. В 1935 г. призван на военную службу. Командир батальона 3-й полевой авиадивизии. 9 февраля 1944 г. взят в плен под Витебском. «...Изъявил желание сотрудничать с органами НКГБ». Содержался в Бутырской тюрьме (вместе с В. Эккардом и Э. Дитманном). В материалах радиоигры о Г. фон Ганштейне отмечено: «В связи с проводимой радиоигррой с противником по агентурному делу “Курьеры” о фон Ганштейне было немцам сообщено, что он находился в нашем плену и при переводе в другой лагерь был у конвоя отбит группой дезертиров, выполняющих разведздания немцев». 9 сентября 1944 г. этапирован из лагеря № 27 НКВД СССР в распоряжение 4-го Управления НКГБ СССР; содержался во Внутренней тюрьме. 23 октября 1944 г. переведен в Бутырскую тюрьму (содержался вместе с подполковником Эккардом и майором Дитманном). В июле 1945 г. направлен в один из лагерей НКВД СССР для военнопленных.

³⁹⁷ Речь идет о Г.А. Гурском. *Гурский* Георгий Алексеевич (нем. псевд. «Ароматов»; 1916–?) — агент германской военной разведки. Советский военнопленный, затем агент «Абверкоманды 103» при штабе группы армий «Центр». Отказался выполнять задание немцев и явился с повинной в советские органы безопасности. Принял участие в радиоигре «Борисов», проведенной Смершем, была дезинформация германской военной разведки.

³⁹⁸ *Шиммель* Ганс (1893–27.09.1946) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; подполковник. Уроженец Санкт-Петербурга. Окончил 6 классов гимназии (Мойка, 38); в 1909 г. семья переехала в Брауншвейг (Германия). Участник Первой мировой войны; лейтенант. В 1920–1938 г. работал на частных и государственных предприятиях. Член НСДАП (1933–1937). В 1937 г. вновь призван на военную службу. После прохождения переподготовки назначен офицером отдела I с (войсковая разведка) при штабе I корпуса (Кенигсберг). С октября 1938 по январь 1940 г. начальник «Анст-Инстенбург». С июня 1941 г. начальник отдела I с при штабе 9-й армии. С сентября 1941 по июнь 1942 г. начальник «Абвергруппы 109». С 22 июня 1942 по июнь 1944 гг. начальник отдела I с (разведывательного) при группе армий «Север», одновременно начальник «Абверкоманды 104» на советско-германском фронте. С июня 1944 г. состоял при ОКХ. 25 июля 1945 г. в Штральзунде арестован сотрудниками Северного оперсектора НКВД СССР; 20 сентября того же года доставлен в Москву. 31 августа 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже приговорен к ВМН (без конфискации имущества). Расстрелян. Не реабилитирован.

³⁹⁹ *Альбрехт* Фриц (1894–?) — сотрудник германской военной разведки; майор (на 1944 г.). Уроженец Берлина. С лета 1942 до марта 1944 г. начальник «Абверкоманды 103». С марта 1944 г. начальник Полтавской разведшколы. В конце 1944 г. уволен с военной службы.

⁴⁰⁰ Легендированный советской контрразведкой отряд, который якобы попал в окружение и пытается выйти к линии фронта. Подробный рассказ об этой операции в следующей главе.

⁴⁰¹ *Белорусская операция 1944 г.* — одна из крупнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны, проведенная 23 июня — 29 августа советскими войсками. Планирование и подготовку Белорусской операции Ставка ВГК и штабы фронтов начали весной 1944 г. Целью операции был разгром группы армий «Центр»

и освобождение Белоруссии. Исходя из военно-политической обстановки и предложений военных советов фронтов, Генштаб разработал план операции (условное наименование «Багратион»). После его всестороннего обсуждения на совещании в Ставке 22–23 мая было принято окончательное решение о проведении стратегической наступательной операции в Белоруссии. Ее замысел предусматривал одновременный прорыв обороны врага на 6 участках, окружение и уничтожение фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, разгром оршанской и моголевской группировок. Затем планировалось сходящимися ударами трех Белорусских фронтов в общем направлении на Минск окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр». В дальнейшем, наращивая удар и расширяя фронт наступления, советские войска должны были выйти к западной границе Советского Союза. Предусматривалось также использовать успех советских войск в Белоруссии для перехода в наступление 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Советские войска 17–18 июля пересекли границу Советского Союза с Польшей. Вместе с ними на родную землю вступили воины 1-й Польской армии. К 29 августа советские войска достигли рубежа западнее Елгава, Добеле, Шяуляй, Сувалки, Остров-Мазовецки, предместье Варшавы Прага, р. Висла и вынуждены были перейти к обороне.

⁴⁰² *Матюшин Иван Иванович* (служебн. псевд. «Фролов»; 1896–03.03.1945) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец г. Тетюши Татарской АССР. Участник Белого движения, воевал в армии адмирала А.В. Колчака. В Красной армии с 1920 г. Член ВКП(б) с 1929 г. Инженер-электрик, военный инженер 1-го ранга; окончил Академию связи. До пленения начальник связи 32-й армии. В 1941 г. попал в плен. В марте 1942 г. завербован немецкой разведкой в Смоленском лагере для военнопленных. Преподавал радиодело в Борисовской и Катынской разведшколах (в марте 1943 г. обе школы были объединены в одну). Арестован советскими органами безопасности. 10 февраля 1945 г. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к ВМН, приговор приведен в исполнение.

⁴⁰³ См. также: «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 191–210.

⁴⁰⁴ Об операции «Березино» см. также: *Зданович А.А.* Радиоигра с «Сатурном» // Игра на чужом поле: Сборник. М., 2001. С. 211–226; *Тюрин А.В., Макаров В.Г.* Лубянка обвела вокруг пальца матерого диверсанта: Легендарный поход «группы Шернхорна» по советским тылам // Независимое военное обозрение. 2005. № 16.

⁴⁰⁵ *Жадов Алексей Семенович* (30.03.1901–10.11.1977) — советский военный деятель; генерал армии (1955). Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1919 г. Окончил кавалерийские курсы (1920), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1934), Высшую военную академию (1950). Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. С 1938 г. помощник, затем заместитель инспектора кавалерии Красной армии. В годы Великой Отечественной войны командир воздушно-десантного корпуса, начальник штаба армии, командир кавалерийского корпуса. С 1942 г. командующий 66-й армией. Воевал на Западном, Центральном, Брянском, Воронежском, 2-м и 1-м Украинских фронтах. Скончался в Москве.

⁴⁰⁶ *Руссиянов Иван Никитич* (11.09.1900–21.03.1984) — советский военный деятель; генерал-лейтенант. Герой Советского Союза (1978). В РККА с 1919 г. Окончил курсы «Выстрел» (1932), пехотную школу (1941), курсы усовершенствования при Военной академии Генштаба (1941), Военную академию Генштаба (1949). На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Командовал 100-й стрелковой дивизией (с 18 сентября 1941 г. — 1-я гвардейская), 1-м гвардейским механизированным корпусом. В Сталинградской битве с 5 ноября по 31 декабря 1942 г., затем заместитель командующего армией. После войны служил в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Скончался в Москве.

⁴⁰⁷ *Малиновская М.Н., Эйтингон Л.Н.* На предельной высоте. Великолукская городская типография, 2009. С. 147–148.

⁴⁰⁸ *286-я охранная дивизия* (нем. 286. Sicherungs-Division) — тактическое соединение сухопутных войск германской армии в годы Второй мировой войны. Сформирована

15 марта 1941 г. в 3-м военном округе на базе 213-й пехотной дивизии. С августа 1941 по ноябрь 1943 г. в составе группы армий «Центр». С ноября 1943 по июль 1944 г. в составе 4-й армии группы армий «Центр». В июне 1944 г. разгромлена в районе Орши. 17 декабря 1944 г. восстановлена как 286-я пехотная дивизия. *Командиры*: генерал-лейтенант Курт Мюллер (с 15 марта 1941); генерал-лейтенант Йоханн-Георг Рихтер (с 15 июня 1942); генерал-лейтенант Ганс Ошман (с 1 ноября 1943); генерал-лейтенант Фридрих-Георг Эберхардт (с 5 августа 1944).

⁴⁰⁹ *Петров* Иван Алексеевич (1905–1956) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант. В органах НКВД с 1928 г. С июня 1941 г. начальник Малоярославецкого сектора охраны Московской зоны обороны. С ноября 1941 г. начальник войск НКВД по охране тыла Западного фронта. С августа 1942 г. начальник Управления войск НКВД по охране тыла Закавказского фронта. С 12 февраля 1943 по 2 февраля 1945 г. начальник Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР. С февраля 1945 г. заместитель начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР. С 1950 г. в отставке.

⁴¹⁰ *Михазлис* Ганс Клаус (сов. псевд. «Мик»; 10.09.1910–26.05.2000) — немецкий офицер; подполковник (16.03.1945 — полковник). Уроженец г. Гезердорфа, округ Бремерферде (провинция Ганновер). Из семьи унтер-офицера, участника Первой мировой войны. Окончил среднюю школу (1925). 8 октября 1928 г. добровольно поступил на военную службу; зачислен в 16-й полк рейхсвера (г. Оснабрюкен). В 1938 г. произведен в лейтенанты. Участник Польской и Французской кампаний. С 22 июня 1941 г. на советско-германском фронте; командир 8-й пулеметной роты 184-го гренадерского полка 86-й пехотной дивизии. С 5 декабря 1941 по 1 декабря 1943 г. командир 2-го батальона 184-й пехотной дивизии. С 10 июня 1943 г. командир 52-го егерского полка 6-й авиационной дивизии 53-го армейского корпуса. 1 июля 1944 г. юго-западнее Витебска взят в плен. Содержался в лагере военнопленных № 97 (Елабуга Татарской АССР). 3 декабря 1944 г. из лагеря № 97 доставлен в Москву. 4 декабря 1944 г. с санкции наркома НКГБ СССР В.Н. Меркулова направлен в опергруппу комиссара ГБ 3-го ранга Н. Эйтингона для «непосредственного использования втемную в проводимых мероприятиях по аг[ентурному] делу «Березино»». С августа 1944 по май 1945 г. использовался в качестве одного из командиров «части Шернхорна». В 1948 г. вернулся (вместе с Г. Шернхорном) на родину. Скончался в Бремене. Награды: «Железный крест» 1-го (1941) и 2-го (1940) класса, «Немецкий крест» в золоте (1942), «Рыцарский крест» (1943).

⁴¹¹ *Эккард* Вилли Альберт (05.08.1915–?) — немецкий офицер; полковник. Уроженец Кобурга (Бавария). Из семьи архитектора. Окончил реальное училище (1935), затем призван на военную службу. В 1937 г. окончил пехотное училище в Берлине-Деберице. Участник Польской (1939) и Французской (1940) кампаний. С 1941 по 1944 г. участвовал в боях на советско-германском фронте. Командир 519-го полка 38-го армейского корпуса. 28 июня 1944 г. взят в плен в районе Бобруйска. Находясь в лагере военнопленных № 27, вступил в члены антифашистского Союза немецких офицеров. С октября 1944 г. привлекался советской контрразведкой в качестве командира одной из групп, легитимированной перед германской военной разведкой как «части Шерхорна»; сов. псевд. «Эрвин». 4 декабря 1944 г. с санкции наркома НКГБ СССР направлен в опергруппу Н. Эйтингона для непосредственного участия в проводимых мероприятиях по агентурному делу «Березино». Награды: орден «Железный крест» 1-го и 2-го класса, «Рыцарский крест», штурмовая медаль и др. значки за отличие в боевых действиях. В 1948 г. вернулся на родину.

⁴¹² *Дитманн* Эрнст (1894–?) — немецкий офицер; майор артиллерии. Уроженец г. Гроссе-Эйлау. Из семьи чиновника. По специальности банковский служащий. В 1912–1914 гг. ученик в Бреславльском банке. Участник Первой мировой войны; командир артиллерийской батареи. В 1919–1939 гг. чиновник, член правления, заместитель директора Бреславль-

ского банка. В 1939 г. призван на военную службу в чине обер-лейтенанта; участвовал в Польской и Французской кампаниях. Награды: орден «Железный крест» 1-го и 2-го класса, крест «За военные заслуги» с мечами 1-го и 2-го класса. Офицер штаба (IIa) 260-й пехотной дивизии. 6 июля 1944 г. взят в плен в районе Минска. Содержался в Красногорском лагере военнопленных (№ 27). С началом операции «Березино» переведен в Бутырскую тюрьму. В материалах дела об участии Дитманна в операции «Березино» сказано: «В беседах с нами Дитманн себя показал убежденным фашистом, он не признает комитета “Свободная Германия” и отказался оказывать содействие в проводимых нами мероприятиях»; «В связи с проводимой по агентурному делу “Березино” радиоигрой с противником о Дитманне было сообщено немцам 15/X-[19]44 г. как об офицере, состоящем в части подполковника Шерхорна, находящейся в районе Борисова и пробивающейся к линии фронта». В июле 1945 г. направлен в один из лагерей НКВД СССР для военнопленных.

⁴¹³ Приказом НКВД СССР от 27 октября 1943 г. ОМСБОН был расформирован. На его основе приказом НКГБ СССР от 5 октября 1943 г. сформирован Отдельный отряд особого назначения (ОООН НКГБ СССР). Приказом НКГБ № 50 от 24 февраля 1944 г. ОООН НКГБ СССР включен в состав действующей армии.

⁴¹⁴ *Леонов Михаил Александрович* — советский офицер, сотрудник органов безопасности; капитан ГБ (1944). В 1942–1943 гг. оперативный уполномоченный 1-го отделения 2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР, старший оперативный уполномоченный 6-го отделения 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР.

⁴¹⁵ *Борисов Иван Сергеевич* (1914 – после 1961) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; подполковник. С 28 августа 1944 по май 1945 г. участвовал в проведении операции «Березино»; заместитель руководителя опергруппы 4-го Управления НКГБ СССР, позывной «Назар». Наряду с выполнением специального задания опергруппа занималась розыском и ликвидацией немецких агентов-парашютистов, националистического подполья и банд, скрывавшихся в лесах на освобожденной территории Белоруссии и Прибалтики.

⁴¹⁶ *Малиновская М.Н., Эйтингон Л.Н.* На предельной высоте. С. 146–147.

⁴¹⁷ *Смирнов Александр Федорович* (нем. псевд. «Воробьев»; 1920–?) — агент германской военной разведки. Окончил военно-медицинское училище в Ленинграде. В 1942 г. попал в плен к немцам. Завербован германской военной разведкой; в 1944 г. обучался в разведшколе штаба группы армий «Центр» в г. Меве (западная часть Восточной Пруссии). В ночь с 14 на 15 сентября 1944 г. переброшен в советский тыл на самолете с аэродрома, расположенного вблизи г. Цеханув (Польша). При приземлении задержан сотрудниками ОСНАЗа НКГБ СССР в районе Березино. При себе имел фиктивные документы на имя ст. лейтенантов Садовникова и Розова. Участвовал в операции «Березино».

⁴¹⁸ *Дьяков (Дядьков) Николай Александрович* (нем. псевд. «Калашников»; 1924–?) — агент германской военной разведки. Уроженец Киева. Окончил один курс пединститута. После начала войны служил в СД в Варшаве. Прошел подготовку радиста. В ночь на 15 сентября 1944 г. сброшен с немецкого самолета на парашюте на площадку «части Шерхорна». Во время задержания бежал. 23 сентября 1944 г. при попытке перехода линии фронта был задержан сотрудниками УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта. При себе имел фиктивные документы на имя Калашникова Владимира Семеновича.

⁴¹⁹ *Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич* (1900–1955) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец с. Нахуново Кутаисской губернии. В органах безопасности с 1921 г. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. нарком госбезопасности БССР. С 19 июля по 21 октября 1941 г. начальник ОО НКВД Западного фронта. С 21 октября 1941 по 19 марта 1943 г. зам начальника УОО НКВД СССР. С 7 мая 1943 по 29 января 1951 г. нарком-министр госбезопасности БССР. С 11 января по 4 июля 1945 г. уполномоченный НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту.

⁴²⁰ *Гузявичус (Гудайтис-Гузявичус) Александр Августович* (1908–18.04.1969) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец Москвы. Из семьи рабочего. В органах безопасности с июля 1940 г. С 1 июня 1942 по 14 мая 1943 г. начальник 3-го отделения (литовского) 1-го отдела 4-го Управления НКВД СССР. С 14 мая по 30 ноября 1943 г. начальник 3-го отделения (литовского) 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР. С 30 ноября 1943 по 12 июля 1944 г. руководитель оперативной группы НКГБ СССР в Литве. С 12 июля 1944 по 4 августа 1945 г. нарком госбезопасности Литовской ССР. Скончался в Вильнюсе.

⁴²¹ *502-й егерский батальон СС* (нем. SS-Jäger-Bataillon 502) — специальное подразделение в составе «СС Ягдфербанд»; полевая почта № 58642 или 48312. Сформирован в июне 1943 г. на Специальных учебных курсах «Ораниенбург» (нем. Sonderlehrgang z.b.V. Oranienburg) в местечке Фриденваль, расположенном севернее Берлина. В своем составе первоначально имел четыре роты. Комплектовался в основном из солдат и унтер-офицеров, служивших в дивизии «Бранденбург», в войсках СС и парашютно-десантных частях люфтваффе. В сентябре 1943 г. 14 человек из состава батальона участвовали в операции по похищению итальянского диктатора Б. Муссолини (операция «Айхе»). 10 ноября 1944 г. реорганизован в спецподразделение «СС Ягдфербанд Митте» (нем. SS-Jagdverband-Mitte). 16 октября 1944 г. военнослужащие батальона участвовали совместно с 600-м парашютным батальоном СС в операции по похищению регента Венгрии адмирала М. Хорти (операция «Панцерфауст»). *Командиры*: гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени (июнь 1943 – начало 1944); оберштурмфюрер СС Фукс (до 10 ноября 1944).

⁴²² *Крумизг (Крумини) Кристоф (Кристианс)* (12.07.1919–20.12.1944) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; унтерштурмфюрер СС. Уроженец имения Бальвас (близ Добеле, Латвия). Прибалтийский немец. Окончил немецкую начальную школу (1933) и рижскую гимназию. С 1938 г. учился на медицинском факультете Рижского университета. В 1940 г. репатриировался из Латвии в Германию. В 1941 г. призван на военную службу. Добровольно поступил в подразделение «Бранденбург 800»; получил служебные документы («зольдбух») на имя Герда Шиффера. В составе полка участвовал в боях на Украине, на Кавказе и на Балканах. В 1944 г. перешел в 502-й егерский батальон СС. В ночь на 10 октября 1944 г. в качестве старшего разведгруппы из четырех человек сброшен с немецкого самолета на парашюте на площадку «части Шерхорна». 11 октября 1944 г. на озере Песочное задержан сотрудниками опергруппы 4-го Управления НКГБ СССР. При себе имел фиктивные документы на имя «красноармейца 162-го дорожно-строительного батальона Ивана Ивановича Карклинча» и «красноармейца 740-го стрелкового полка Антона Ивановича Озолинча». Участвовал в операции «Березино» в качестве командира авангардной группы «части Шерхорна». Приказом рейхсфюрера СС Г. Гимmlера награжден орденом «Железный крест» 1-го класса. В декабре 1944 г. при попытке к бегству подорвался гранатой.

⁴²³ *800-й полк особого назначения «Бранденбург»* (нем. Lehrregiment Brandenburg z.b.V. 800) — специальное подразделение германской военной разведки. В октябре 1939 г. было сформировано подразделение специального назначения, получившее наименование батальон «Эббингхауз» (нем. Bataillon Ebbinghaus). Подразделение было сформировано по инициативе капитана Теодора фон Хиппеля при поддержке руководителя Управления разведки и контрразведки (абвер) при ОКВ адмирала В. Канариса; первоначально комплектовалось из «фольксдойче», свободно владевших польским языком. 10 января 1940 г. был сформирован 800-й строительно-учебный батальон особого назначения (нем. Baulehrbataillon z.b.V. 800). Батальон состоял из четырех рот, которые дислоцировались: 1-я рота — в Бадене (около Вены, Австрия); 2-я рота — в Бранденбурге-на-Хавеле; 3-я рота — в Бад-Мюнстерейфеле (Судеты); 4-я рота — в Нижнем Рейне. По месту дислокации одной из рот батальон получил свое название — Бранденбург — по-прусскому региону Германии, граничащему на востоке с Берлином. 1 июня 1940 г. батальон был развернут в 800-й учебный полк особого

назначения (нем. Lehrregiment Brandenburg z.b.V. 800); состоял из трех батальонов. Полк был непосредственно подчинен 2-му (диверсионному) отделу Управленческой группы «Абвер-Заграница» (нем. Amt Ausland/Abwehr II). 20 ноября 1942 г. полк был преобразован в Особый отряд «Бранденбург» (нем. Sonderverband Brandenburg) в составе пяти отрядов (по три батальона в каждом). 1 апреля 1943 г. переформирован в дивизию «Бранденбург» (нем. Division Brandenburg) в составе пяти полков (один — учебный). В тот же день дивизия была выведена из подчинения руководству германской военной разведки и передана ОКВ. 15 сентября 1944 г. преобразована в механизированную (танково-гренадерскую) дивизию «Бранденбург» (нем. Panzer-Grenadier-Division Brandenburg) в составе двух егерских полков, противотанкового батальона, батальона связи и запасного батальона. Дивизия была включена в состав 68-го армейского корпуса (в Хорватии). В феврале 1945 г. передана в состав корпуса «Великая Германия». Весной 1945 г. в дивизию дополнительно включили танковый и артиллерийский полки и разведывательный батальон. *Командиры*: капитан Теодор фон Хиппель (10 октября 1939 — 12 декабря 1940); майор резерва Хубертус фон Аулок (12 октября — конец октября 1940); подполковник (с марта 1942 г. — полковник) Пауль Хэлинг фон Ланценауэр (30 ноября 1940 — 12 февраля 1943); генерал-майор Александр фон Пфульштейн (12 февраля 1943 — 10 апреля 1944); генерал-лейтенант Фридрих Кюльвейн (10 апреля — 20 октября 1944); генерал-майор Герман Шульте-Хойтхаус (20 октября 1944 — 10 мая 1945).

⁴²⁴ *Пандер(с) Александр (Акки), фон* (1912–27.10.1945) — немецкий военнослужащий, сотрудник военной разведки; унтершарфюрер СС. Уроженец Риги. Из семьи помещика. Прибалтийский немец. Окончил гимназию. В 1939 г. вместе с семьей выехал из Латвии в Германию. В 1940 г. призван в германскую армию и поступил в полк специального назначения «Бранденбург». Кандидат в члены НСДАП (1940). Служил в 4-й роте 1-го полка дивизии «Бранденбург»; участвовал в боях на Кавказе и в Греции. Осенью 1943 г. переведен в 502-й егерский батальон СС («Ораниенбург»). С февраля 1944 г. обучался в разведшколе в Ораниенбурге. В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. выброшен в район дислокации «части Шерхорна» в качестве командира группы из четырех человек с разведывательным заданием. При себе имел фиктивные документы на имя Яниса Петровича Пурниса. 14 октября 1944 г. задержан советскими органами безопасности на территории БССР. 12 мая 1945 г. доставлен в Москву и помещен во Внутреннюю тюрьму НКГБ СССР. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД приговорен к ВМН. 27 октября 1945 г. приговор приведен в исполнение. 12 октября 1998 г. заключением ГВП А. Пандеру отказано в реабилитации. Владел латышским, немецким и русским языками. Награды: орден «Железный крест» 2-го класса.

⁴²⁵ *Мочалин Алексей Павлович* (нем. псевд. «Вединин»; 12.03.1913–?) — агент германской военной разведки. Уроженец пос. Касли Уфалеевского района Челябинской области. Из крестьян-середняков. С 1939 по 1941 г. слушатель Высшей школы профессионального движения ВЦСПС в Ленинграде. С июля по 28 октября 1941 г. помощник командира взвода 264-го стрелкового батальона народного ополчения г. Ленинграда; старший сержант. 29–30 октября 1941 г. в районе г. Тихвина захвачен в плен противником. В апреле 1942 г. в Штетинском лагере военнопленных завербован германской военной разведкой. Окончил разведшколу в районе Кенигсберга. При себе имел фиктивные документы старшего лейтенанта 110-го дорожно-строительного батальона Чернышова Александра Васильевича и старшего лейтенанта 172-го отдельного батальона связи Шеврина Федора Викторовича. В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. в составе группы из четырех человек (старший — унтер-офицер А. Пандерс) в качестве радиста был заброшен в расположение «части Шерхорна». 12 октября 1944 г. задержан органами госбезопасности; 6 октября 1945 г. по постановлению Особого совещания при НКВД «за измену Родине» заключен в ИТЛ сроком на пять лет. 7 октября 1965 г. определением Военного трибунала МВО постановление Особого со-

вещения при НКВД СССР отменено и дело прекращено «за отсутствием состава преступления». Реабилитирован.

⁴²⁶ *Остафель* Герхард (1916/1917?-?) — немецкий офицер; унтерштурмфюрер СС. Уроженец Латвии. В годы Второй мировой войны служил в полку специального назначения «Бранденбург 800». Осенью 1943 г. переведен в 502-й егерский батальон СС, затем продолжил службу в спецподразделении «Ягдфербанд Митте». В сентябре 1943 г. участвовал в операции по спасению Б. Муссолини в составе группы О. Скорцени (операция «Айхе»). В конце сентября — начале октября 1944 г. руководил техническим оснащением (вооружение, обмундирование и проч.) групп разведчиков-диверсантов, направленных в советский тыл для выяснения действительного наличия «части Шерхорна» в Белоруссии. 16 октября 1944 г. вместе с гаупштурмфюрером СС А. фон Фелькерзамом участвовал в похищении регента Венгрии адмирала Миклоша Хорти (операция «Панцерфауст»); входил в «личную штурмовую группу Скорцени». В 1945 г. заместитель начальника, начальник отдела 1 А «Ягдфербанд Ост». По некоторым данным, погиб в феврале 1945 г. при обороне Хозэнзальца (Иновроцлава).

⁴²⁷ *Хорти де Нагибанья* Миклош (1868–1957) — венгерский военный и государственный деятель; адмирал. Участник Первой мировой войны. В 1920–1944 гг. военный диктатор Венгрии. В 1918 г. контр-адмирал, главнокомандующий австро-венгерским флотом. В период коммунистического режима в Венгрии (март — 1 августа 1919 г.) был военным министром в эмигрантском правительстве (обосновалось в Сегеде), а затем главнокомандующим национальной армией. 1 марта 1920 г. провозглашен регентом. В 1920–1944 г. глава венгерского государства. Его ориентацию и деятельность правителя характеризовали консерватизм, антикоммунизм и национализм. Популярность достигла пика с 1938 по 1941 г., во время воссоединения территорий. После 1933 г. ориентировался на сближение с Германией. В 1941 г. объявил войну СССР. В 1944 г. закрыл глаза на депортацию евреев из провинций, но воспрепятствовал водворению в лагеря смерти евреев, живших в Будапеште. После неудачной попытки выхода из войны в октябре 1944 г. передал власть крайне правому политику Ференцу Салаши. В конце войны попал в плен к американцам. Во время Нюрнбергского процесса допрошен как свидетель, Сталин также отказался отдать его под трибунал в качестве обвиняемого. В 1949 г. эмигрировал в Португалию. Умер в Эшториле близ Лиссабона.

⁴²⁸ *Скорцени* О. Диверсия — мое ремесло. С. 158–159, 168.

⁴²⁹ *Фурман* Юлиус (служебн. псевд. «Фишер»; 1895?-?) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; капитан (зондерфюрер «К»). До сентября 1939 г. преподаватель разведшколы в Штеттине. С июля 1941 г. руководил переброской агентуры в советский тыл в т. н. авиагруппе Хайдриха при «Абвергруппе 107». С июля 1943 г. руководитель агентурной работы «Абверкоманды 103». В сентябре 1944 г. служил в «СС Ягдфербанд». В январе 1945 г. занимался вербовкой агентуры среди советских военнопленных в Бромбергском лагере.

⁴³⁰ Так в документе. В действительности с августа 1944 г. на базе штурмовой бригады СС РОНА в Италии началось формирование из русских «добровольцев» 29-й пехотной дивизии СС РОНА; командир — бригадефюрер СС Бронислав Каминский. В том же месяце дивизия была перебросена в Польшу. В августе 1944 г. сводный полк дивизии принимал участие в подавлении Варшавского восстания.

⁴³¹ *Соловьев* Валентин Иванович (нем. псевд. «Владимир Хартюнов»; 1908–23.11.1945) — агент германской военной разведки. Уроженец с. Кошки Кошкинского района Самарской губернии. Из семьи священника. Неоднократно судим. В 1928 г. в нарсудом г. Рубцовска Алтайского края осужден на 5 лет лишения свободы за покушение на убийство (ст. 136 УК РСФСР). 17 апреля 1935 г. задержан за хулиганство в Ташкенте «за оказание сопротивления и представителям власти и дебош в пьяном виде», осужден на полтора года ИТЛ. 30 дека-

бря 1936 г. судим по ст. 212 УК Узбекской ССР в г. Фергане за изнасилование несовершеннолетней приемной дочери; осужден на 8 лет лишения свободы. 30 апреля 1937 г. совершил побег с места отбытия наказания. 17 мая 1937 г. судим по ст. 226 УК Узбекской ССР за кражу; приговорен к 3 годам лишения свободы, наказание отбыл. В апреле 1941 г. вновь осужден за кражу, не отбыв срока, мобилизован в Красную армию; минометчик 1-го батальона 237-го стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии. 1 марта 1943 г. в районе г. Дмитровска Орловской области добровольно сдался в плен противнику; содержался в Орловском лагере для военнопленных. В сентябре 1943 г. в Рижском лагере для военнопленных завербован гестапо. Обучался в Кенигсбергской школе разведчиков-радиостов (в местечке Гросс-Раум). В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. выброшен на парашюте с немецкого самолета в район «части Шерхорна». В качестве радиста входил в состав разведгруппы унтерштурмфюрера СС Круминга («Герта Шиффера»). При себе имел фиктивные документы на старшего лейтенанта Владимира Альтова и старшего лейтенанта Владимира Шухова. 15 октября 1944 г. задержан советскими органами безопасности. 12 ноября 1945 г. по постановлению Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение. Не реабилитирован.

⁴³² *Баев* Георгий Петрович (нем. псевдонимы «Жорж», «Баер»; 23.11.1920–27.10.1945) — агент германской военной разведки. Уроженец Орджоникидзе. Осетин. Из семьи ветеринарного врача. Окончил 10 классов средней школы (1938). По специальности слесарь; работал в трамвайном депо г. Орджоникидзе. Член ВЛКСМ (1936). С сентября 1939 по июль 1941 г. минометчик 106-го моторизованного полка 27-й дивизии. В июле 1941 г. в районе г. Слоним сдался в плен к противнику. С 9 января 1942 г. служил в германской армии. Служил в 502-м егерском батальоне СС. В мае 1944 г. завербован германской военной разведкой. Окончил разведывательно-диверсионную школу в г. Ораниенбурге, затем преподаватель школы. В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. заброшен в советский тыл с немецкого самолета в форме старшего сержанта Владимира Стефановича Чуркина и Василия Ивановича Леонова. Входил в состав разведгруппы унтерштурмфюрера СС Круминга. 12 октября 1944 г. задержан советскими органами безопасности во время операции «Березино». 19 октября 1945 г. по постановлению Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение. Не реабилитирован.

⁴³³ *Серганов* Виктор Кузьмич («Смирнов Юрий Иванович» и «Тяпишев Владимир Иванович»; 28.07.1924–27.10.1945) — агент германской военной разведки. Уроженец рабочего пос. Любохна Дятьковского района Орловской области. Образование среднее. Член ВЛКСМ (1939). В декабре 1941 г. при отступлении Красной армии не эвакуировался в тыл, а остался на временно оккупированной территории. С 25 сентября 1942 г. служил в полиции. С сентября 1943 до мая 1944 г. служил в команде 7-а СД. С мая по август 1944 г. служил в 11-м охранном батальоне СС (полевая почта № 10811); участвовал в карательных экспедициях против партизан на территории Гомельской и Могилевской областей. В августе 1944 г. завербован германской военной разведкой, окончил Ораниенбургскую разведшколу. В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. переброшен в тыл Красной армии. 12 октября 1944 г. в дер. Маконь Минской области задержан сотрудниками опергруппы НКВД СССР в ходе операции «Березино». 19 октября 1945 г. по постановлению ОС при НКВД СССР «за измену Родине» определена ВМН. Постановление приведено в исполнение. 5 июня 2001 г. по заключению ГВП признан «репрессированным обоснованно, и нет оснований для его реабилитации».

⁴³⁴ *Аванесов* Рубен Аракилович (нем. псевд. «Эдельян Эдвард Аракилович» и «Мурадян Григорий Артемович»; 1917–27.10.1945) — агент германской военной разведки. Уроженец с. Большой Таглар Гадрутского района Нагорного Карабаха. Армянин. В 1938 г. призван в Красную армию; служил в 53-м отдельном строительном батальоне. С 1941 г. вернулся в г. Баку, до июня 1943 г. работал плотником при хозяйственной части НКВД Азербайджан-

ской ССР. В июне 1941 г. мобилизован в Красную армию. До сентября 1942 г. служил связистом в 3-м отдельном прожекторном полку в г. Баку. В сентябре 1942 г. зачислен в 14-й отдельный минометный батальон 44-й армии и направлен в действующую армию. 5 декабря 1942 г. в районе г. Моздок сдался в плен к противнику. 23 марта 1943 г. в Краковском лагере военнопленных добровольно вступил в германскую армию, зачислен в дивизию «Бранденбург». С конца мая по август 1943 г. в составе 4-й роты дивизии «Бранденбург» участвовал в боях с партизанами в Калининской области. С 10 сентября 1943 г. в составе 4-й роты дивизии «Бранденбург» находился в Греции для борьбы с партизанами. В октябре 1943 г. 4-я рота возвратилась в г. Вену, где до июня 1944 г. проходила переподготовку. С 1 июня до конца сентября 1944 г. проходил подготовку в Ораниенбургской разведывательной школе «СС Ягдфербанд». В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. заброшен в советский тыл с немецкого самолета в форме сержанта Красной армии с фиктивными документами. Входил в состав разведгруппы унтершарфюрера СС А. фон Пандера. 12 октября 1944 г. в дер. Уборки Червеньского района Минской области выстрелом из пистолета ранен командиром группы А. фон Пандером, а затем задержан советскими органами безопасности во время операции «Березино». 19 октября 1945 г. по постановлению Особого совещания при НКВД СССР «за измену Родине» приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение. Не реабилитирован.

⁴³⁵ *Орехов* Алексей (нем. псевд. «старший лейтенант Алексей Андреевич Бушаев») — агент германской военной разведки. В ночь с 9 на 10 октября 1944 г. заброшен в советский тыл с немецкого самолета в форме сержанта Красной армии с фиктивными документами на имя Бушаева. Входил в состав разведгруппы унтершарфюрера СС А. фон Пандера. 12 октября 1944 г. двумя выстрелами из нагана убит агентом «Ведениным» в дер. Уборки Червеньского района Минской области.

⁴³⁶ Вероятно, речь идет о бывших советских военнопленных, добровольно поступивших в т. н. «службу (полицию) порядка» (нем. «Орднунгсдинст», сокр. ОД).

⁴³⁷ *Шмитц* (*Шмитс*) Фридрих (сов. псевд. «Пчела»; 1922–27.10.1945) — немецкий военнослужащий; унтер-офицер. Уроженец г. Аахен. Военнослужащий 2-й роты 532-го полка связи и сотрудник разведотдела штаба «Абверкоманды 103» группы армий «Центр». 23 октября 1944 г. был выброшен с самолета в распоряжение «Шубина» с заданием организовать радиосвязь между «Шубиным» и германским командованием. Перевербован советской контрразведкой и до мая 1945 г. поддерживал радиосвязь с немцами в ходе операции «Березино». 23 марта 1945 г. награжден фюрером орденом «Железный крест» 1-го класса. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН, приговор приведен в исполнение.

⁴³⁸ *Киберт* Курт (сов. псевд. «Муха»; 1921–27.10.1945) — немецкий военнослужащий, радист; унтер-офицер. Военнослужащий 2-й роты 337-го полка связи и сотрудник разведотдела штаба «Абверкоманды 103» группы армий «Центр». 23 октября 1944 г. в качестве старшего группы радистов был выброшен с самолета в распоряжение «Шубина» для организации радиосвязи с германским командованием. Перевербован советской контрразведкой и до мая 1945 г. поддерживал радиосвязь с немцами в операции «Березино». 23 марта 1945 г. награжден фюрером орденом «Железный крест» 1-го класса. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН; приговор приведен в исполнение.

⁴³⁹ *Ханк* Рюдигер (1923–27.10.1945) — немецкий военнослужащий; ефрейтор. Уроженец г. Фридрихейм (Померания). Радист 2-й роты 537-го полка связи и сотрудник «Абверкоманды 103» при штабе группы армий «Центр». 23 октября 1944 г. выброшен с самолета на парашюте в составе группы из трех радистов (К. Киберта и Ф. Шмитца) для организации радиосвязи «части Шерхорна» с командованием группы армий «Центр». Участвовал в операции «Березино». 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН; приговор приведен в исполнение.

⁴⁴⁰ Вероятно, речь шла о специальном самолете, созданном немецкими авиаконструкторами специально для проведения десантных операций в глубоком тылу противника, типа «Арадо-232». Подробнее о нем см. примеч. 137.

⁴⁴¹ *Ешке* Клаус (сов. псевд. «Грач»; 1912–27.10.1945) — немецкий офицер, врач; капитан (штабсартц). Уроженец Данцига. В ночь на 28 октября 1944 г. сброшен с самолета на парашюте на площадку «части Шерхорна». 11 ноября 1944 г. предпринял попытку побега, но на следующий день был задержан разыскной группой НКГБ СССР. Решением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН; приговор приведен в исполнение.

⁴⁴² *Вильд* Харри (сов. псевд. «Дичь»; 1922–27.10.1945) — немецкий военнослужащий; обер-фенрих люфтваффе. Уроженец Дрездена. 27 октября 1944 г. вместе с капитаном медицинской службы К. Ешке был выброшен с самолета в распоряжение «части Шерхорна» для подготовки посадочной площадки. Одновременно должен был передать подполковнику Г. Шерхорну директивное письмо командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Г. Рейнгардта. 23 марта 1945 г. награжден фюрером орденом «Железный крест» 1-го класса. Участник операции «Березино». 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН; приговор приведен в исполнение.

⁴⁴³ *Рейнгард* Георг Ганс (01.03.1887–22.11.1953) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1942). Уроженец Бауцена (Саксония). Участник Первой мировой войны, награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса. Участник Польской кампании; награжден Рыцарским крестом ордена «Железный крест». Во время Французской кампании командовал ХLI танковым корпусом в составе танковой группой генерала Э. фон Клейста. С июня 1941 г. воевал на советско-германском фронте в составе 4-й танковой группы. В августе 1941 г. сменил генерала Г. Гота на посту командира 3-й танковой группы (с 31 декабря 1941 г. — 3-я танковая армия). 16 августа 1944 г. после неудачного для немцев советского наступления назначен командующим группой армий «Центр». На 12-м процессе Американского военного трибунала в Нюрнберге по делу ОКХ 28 октября 1948 г. приговорен к 15 годам тюремного заключения. В 1952 г. освобожден. Скончался в Мюнхене.

⁴⁴⁴ *Барфельд* Рудольф (по другим данным Ёрген), фон (1909?–1944) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; обер-лейтенант. Уроженец и житель Берлина. По профессии юрист; чиновник Судебной инспекции Берлина. В 1942 г. сотрудник «КО Испания», радист. С зимы 1942 по осень 1943 гг. руководитель реферата I-и (радиоразведка) «КО Испания». Осенью 1943 г. переведен в штаб «Валли»; начальник отделения (реферата) «I-и» (радиоразведка) «Абверкоманды 103» при штабе группы армий «Центр». В начале 1944 г. после перевода подполковника Ф. Герлица на Западный фронт (Франция) возглавил «Абверкоманду 103» (Фронтауфклерунгскомmando 103). В декабре 1944 г. погиб в авиакатастрофе.

⁴⁴⁵ Так в документе, речь идет об унтерштурмфюрере СС Герхарде Остафеле. См. о нем примеч. 426.

⁴⁴⁶ Речь идет о командире 25-й механизированной (танково-гренадерской) дивизии генерал-лейтенанте Шюрмане. *Шюрман* Пауль (1895–1978) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант (1944). С 5 ноября 1940 по 1 июня 1942 г. командир 11-го моторизованного полка 14-й моторизованной дивизии. С 4 марта по июль 1944 г. и с октября 1944 по 10 февраля 1945 г. командир 25-й механизированной дивизии (нем. 25. Panzer-Grenadier Division). Награды: «Немецкий крест» в золоте (5 июня 1942 г.); «Рыцарский крест» (2 сентября 1944 г.).

⁴⁴⁷ *25-я механизированная дивизия* (нем. 25. Panzer-Grenadier Division) — тактическое соединение сухопутных войск германской армии. 23 июня 1943 г. переформирована из 25-й моторизованной дивизии (нем. 25. Infanterie-Division [mot]). С июня 1943 г. в составе 53-го армейского корпуса 2-й танковой армии группы армий «Центр». С января 1944 г. находилась в составе 27-го армейского корпуса 4-й армии группы армий «Центр» под Оршей.

Разгромлена частями Красной армии в ходе Белорусской наступательной операции. В октябре 1944 г. восстановлена. *Командиры*: генерал пехоты Антон Грассер (до 5 ноября 1943); генерал-лейтенант Фриц Бенике (5 ноября 1943 — 4 марта 1944); генерал-лейтенант Пауль Шюрман (4 марта до июля 1944; разгромлена); генерал-лейтенант Пауль Шюрман (с октября 1944 по 10 февраля 1945); генерал-лейтенант Арнольд Бурмейстер (10 февраля 1945 до капитуляции).

⁴⁴⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 543–547.

⁴⁴⁹ *Шарапов Э.П.* Судоплатов против Канариса. С. 104–106.

⁴⁵⁰ *256-я пехотная дивизия* (нем. 256. Infanterie-Division) — тактическое соединение германских сухопутных войск в годы Второй мировой войны. Сформирована 26 августа 1939 г. в 4-м военном округе. С 21 июня 1944 г. в составе 6-го армейского корпуса 4-й армии группы армий «Центр», с 25 июня — в составе 3-й танковой армии. 21 июля 1944 г. уничтожена под Витебском в ходе Белорусской наступательной операции. *Командиры*: генерал-лейтенант Йозеф Фольтман (с 1 сентября 1939); генерал-лейтенант Герхард Кауфман (с 10 января 1940); генерал-лейтенант Фридрих Вебер (4 января 1942); генерал-лейтенант Пауль Даннхаузер (с 14 февраля 1942); генерал-лейтенант Альбрехт Вюстенхаген (с 24 ноября 1943).

⁴⁵¹ *Модель Вальтер* (1891–1945) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1944). Уроженец Гентина, близ Магдебурга. Участник Первой мировой войны; воевал на Западном фронте, капитан. После демобилизации армии остался служить в рейхсвере. Поддержал приход нацистов к власти. С ноября 1940 г. командир 3-й танковой дивизии; в составе 2-й танковой группы Г. Гудериана принял участие в войне против СССР. С января 1942 по ноябрь 1943 г. командующий 9-й армией, входившей в группу армий «Центр». В дальнейшем командовал группами армий «Север» и «Северная Украина», а в апреле — июне 1944 г. — группой армий «Центр». После начавшегося 22 июня 1944 г. советского наступления группа армий «Центр» была разгромлена, генерал-фельдмаршал Э. Буш был смещен, а 28 июля Модель возглавил остатки группы армий. Быстро отведя войска и получив подкрепления, нанес контрудар под Варшавой. 18 августа 1944 г. сменил покончившего жизнь самоубийством генерал-фельдмаршала Клюге на посту командующего группой армий «Запад». В апреле 1945 г. войска группы армий «Б», которой он командовал, были разгромлены союзниками в ходе Рурской битвы и 18 апреля капитулировали. Покончил жизнь самоубийством.

⁴⁵² *Клюге* Гюнтер Ганс, фон (1882–1944), — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. После демобилизации армии остался служить в рейхсвере; с 1923 г. на различных штабных должностях в Военном министерстве, затем в частях. С октября 1934 г. командир 6-й дивизии и VI военного округа (Мюнстер). В 1938 г. принимал участие в аншлюсе Австрии, оккупации Судетской области; в том же году возглавил 6-е командование сухопутных войск (Ганновер). Принимал участие в нападении на СССР, руководя действиями 2-й и 3-й танковых армий; участвовал в битве под Москвой. 18 декабря 1941 г. сменил генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока на посту командующего группой армий «Центр», на котором пробыл до осени 1943 г., когда в результате автомобильной аварии надолго выбыл из строя. 2 июля 1944 г. Гитлер назначил его командующим группой войск «Запад». 18 августа 1944 г. уволен в отставку как замешанный в антигитлеровском Июльском заговоре 1944 г. Будучи вызван для показаний из Парижа в Берлин, покончил в пути жизнь самоубийством, приняв яд.

⁴⁵³ *Буш* Эрнст, фон (1885–1945) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1943). Уроженец Эссен-Штееле, Рур. Окончил Военную академию (1914). Участник Первой мировой войны. Награжден высшим военным орденом «За заслуги» (Pour le Merite). После демобилизации армии оставлен в рейхсвере; занимал различные командные посты. С февраля 1938 г. командующий 8-м военным округом. В 1938 г. вместе с фон Рейхенау активно

поддерживал намерение Гитлера о вооруженном вторжении в Чехословакию. Участвовал в агрессии против Польши (1939), во Французской кампании (1940 г.), а затем в военных действиях на германо-советском фронте в качестве командующего 16-й армией. С ноября 1943 г. командовал группой армий «Центр», после разгрома которой в Белоруссии летом 1944 г. смещен и отправлен в резерв. С марта 1945 г. командовал группировкой войск на северо-западе Германии. Умер в английском плену.

⁴⁵⁴ *Руништедт* Карл Рудольф Герд, фон (12.12.1875–24.02.1953) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). Уроженец Ашерслебена. Участник Первой мировой войны. В 1932 г. в звании генерал-оберста назначен командующим 1-й армейской группой в Берлине. В феврале 1938 г. вместе с четырнадцатью другими высокопоставленными офицерами был уволен из вооруженных сил в результате дела Бломберга – Фрича. В августе 1939 г. возвращен в армию в качестве начальника штаба группы армий «Юг». Во время нападения на СССР командующий группой армий «Юг». 1 марта 1942 г. назначен начальником штаба Западной группы войск. 2 июля 1944 г. Гитлер отстранил его от командования за то, что не предотвратил высадку союзных войск в Нормандии. Скончался в Ганновере.

⁴⁵⁵ *Фольрат* Мартин Гюнтер (1914–?) — немецкий офицер, доктор философии; оберлейтенант. Уроженец Лейпцига. По специальности журналист. В 1935–1938 гг. на военной службе; лейтенант запаса. Окончил Лейпцигский университет (1938–1941). В 1939 г. мобилизован на военную службу; участник Французской и Югославской кампаний. С июля 1941 г. участвовал в боях на советско-германском фронте. Адъютант командира 11-го гренадерского полка. 16 июля 1944 г. взят в плен в районе Минска. Содержался в Красногорском лагере военнопленных (№ 27). С началом операции «Березино» переведен в Бутырскую тюрьму. «Перед немцами легендировался отряд под командованием Фольрата, который выдвинулся из части Шерхорна и самостоятельно следует к линии фронта». Публиковался в газете «Свободная Германия» («Фрайес Дойчланд»). Награды: «Железный крест» 1-го и 2-го класса; крест «За военные заслуги» 2-го класса.

⁴⁵⁶ *Музель* Ганс Кристиан (1907–?) — немецкий офицер, инженер; майор автомобильных войск. Уроженец Кельн-Лидентала (Рейнская область). Из семьи домовладельцев. Окончил Высшее техническое училище (Дармштадт). В 1932–1935 гг. работал стажером на железной дороге Майнц — Франкфурт. В 1935–1936 гг. инженер проектного бюро автозавода Дорнье (около Фридрихсхафена). В 1936–1939 гг. находился на военной службе; инженер дивизиона танкового полка. В 1939–1941 гг. принимал участие в боевых действиях в Польше, Голландии, Бельгии, Франции, Болгарии, Югославии и Греции. С сентября 1941 г. на советско-германском фронте. Заведовал автотранспортом пехотной дивизии «Фельдернхалле». 7 июля 1944 г. взят в плен в районе Минска. Содержался в Красногорском лагере военнопленных (№ 27). «В связи с проводимой по агентурному делу “Березино” радиоигрой с противником о Музеле было сообщено немцам 15/Х-[19]44 г. как об офицере, состоящем в части подполковника Шерхорна, находящейся в районе Борисова и проживающей с линии фронта». С началом операции «Березино» переведен в Бутырскую тюрьму.

⁴⁵⁷ *Войска* Рудольф (сов. псевд. «Чиж»; 1920–27.10.1945) — немецкий военнослужащий; унтер-офицер. Уроженец г. Гессен. По профессии радиомеханик. В 1940 г. призван на военную службу. 21 декабря 1944 г. в качестве радиста сброшен на площадку «части Шерхорна» вместе с Вилли Саутером. 3 марта 1945 г. награжден фюрером орденом «Железный крест» 1-го класса. Участник операции «Березино». 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН; приговор приведен в исполнение.

⁴⁵⁸ *Саутер* Вилли (сов. псевд. «Синица»; 1924–27.10.1945) — немецкий военнослужащий. Уроженец Штутгарта. По профессии торговый служащий. В октябре 1942 г. призван на военную службу. 21 декабря 1944 г. в качестве радиста сброшен на площадку «части Шерхорна» вместе с Рудольфом Войска. 19 октября 1945 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к ВМН; приговор приведен в исполнение.

⁴⁵⁹ 299-я пехотная дивизия (нем. 299. Infanterie-Division) — тактическое соединение сухопутных войск германской армии в годы Второй мировой войны. Сформирована 9 февраля 1940 г. в округе Эрфурт в 9-м военном округе. С июня 1941 г. в составе 29-го армейского корпуса группы армий «Юг». В марте 1942 г. в составе 2-й армии группы армий «Юг», была известна как «Группа Мозер». С февраля 1944 г. в составе 6-го армейского корпуса 4-й танковой армии группы армий «Центр». В июле 1944 г. разгромлена частями Красной армии в ходе Белорусской наступательной операции. 1 сентября 1944 г. переформирована в Корпусной отделе «Г». Остатки дивизии включены в состав пехотной дивизии «Шлагетер». *Командиры*: генерал артиллерии Вилли Мозер (с 6 апреля 1940); генерал-лейтенант Виктор Кох (с 1 ноября 1942); генерал-лейтенант Ганс Кох (с 5 ноября 1942); генерал-лейтенант Ральф Граф фон Ориола (с 3 мая 1943); генерал-лейтенант Ганс Берген (с 14 января 1944); генерал-лейтенант Ральф Граф фон Ориола (с 13 марта 1944); генерал-лейтенант Ганс Юнк (с 28 июня 1944); генерал-майор Карл Гебель (с 1 сентября 1943).

⁴⁶⁰ 260-я пехотная дивизия (нем. 260. Infanterie-Division) — тактическое соединение сухопутных войск германской армии в годы Второй мировой войны. Сформирована 26 августа 1939 г. в 5-м военном округе. В июле 1941 г. перебросена из Франции в район Брест-Литовска. С августа 1941 г. в составе 43-го армейского корпуса 2-й армии группы армий «Центр». С июня 1944 г. в составе 27-го армейского корпуса 4-й армии группы армий «Центр». В июле 1944 г. дивизия разгромлена частями Красной армии в ходе Белорусской наступательной операции. *Командиры*: генерал-лейтенант Ганс Шмидт (с 1 сентября 1939); генерал-лейтенант Вальтер Хам (с 1 января 1942); генерал-майор Дитрих фон Холитц (с 27 августа 1942); генерал-лейтенант Роберт Шлютер (с 9 ноября 1943); генерал-майор Гюнтер Кламм (с 1 мая 1944).

⁴⁶¹ Гудериан Хайнц Вильгельм (17.06.1888–15.05.1954) — немецкий военный деятель и военный теоретик, генерал-полковник (1940). Уроженец Кульма (Западная Пруссия). Из семьи обер-лейтенанта. Окончил кадетский корпус (1907) и Военную академию (1914). Участник Первой мировой войны; служил на штабных должностях. Награжден орденом «Железный крест» 1-го и 2-го класса и Рыцарским крестом Вюртембергского ордена Фридриха с мечами. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере. С 1922 г. проходил службу в автомобильных войсках. В 1935–1938 гг. командир танковой дивизии и армейского корпуса. В 1939 г. участвовал во вторжении в Польшу. В своих книгах «Внимание — танки!» и «Бронетанковые войска и их взаимодействие» (1937) отводил главную роль в исходе войны массированному применению танков. В начале 1940 г. командовал танковым корпусом во Франции, с июня 1940 г. командующий 2-й танковой группой (с октября 1941 г. командующий 2-й танковой армией). В декабре 1941 г. за поражение под Москвой снят с должности и отправлен в резерв. С марта 1943 г. генерал-инспектор танковых войск. В июле 1944 — марте 1945 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск. В конце войны взят в плен американцами, но вскоре освобожден. Скончался в Швангау (Бавария). Наряду с Ш. де Голлем и Фуллером считается родоначальником моторизованных способов ведения войны.

⁴⁶² Франк Ганс Михаэль (1900–1946) — немецкий партийный деятель; рейхслайтер (1931–1942); обергруппенфюрер СА (1937). В 1920 г. примкнул к нацистам, с 1923 г. член НСДАП и СА. В 1920–1926 гг. изучал право в Кильском, Мюнхенском и Венском университетах; доктор права (1925). Участник «Пивного путча». Начальник Юридического управления НСДАП. С 1930 г. депутат рейхстага. 12 октября 1939 г. Гитлер назначил его руководителем Управления по делам населения оккупированной польской территории, а затем генерал-губернатором со штаб-квартирой в Кракове. Организатор массового уничтожения евреев в Польше. В 1942 г. в результате усиления роли СС и лично Г. Гимmlера освобожден от высших партийных постов, остался лишь генерал-губернатором. 1 мая 1945 г. арестован американскими войсками. Приговорен Международным военным трибуналом к повешению. 16 октября 1946 г. приговор приведен в исполнение.

⁴⁶³ См. подробнее: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 6: Победа (1 января — 9 мая 1945 г.). М., 2014. С. 438–440.

⁴⁶⁴ Гитлер покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 г. Подробнее см.: Агония и смерть Адольфа Гитлера.

⁴⁶⁵ *Дёниц Карл* (1891–1980) — немецкий военный деятель; гросс-адмирал (1943). Участник Первой мировой войны. С января 1917 г. торпедный офицер на подводной лодке. С июня 1935 г. назначен «фюрером подводных лодок» и одновременно командиром 1-й подводной флотилии; руководил созданием подводного флота Германии. В 1938 г. разработал тактику действия подводных лодок, т. н. тактику «волчьих стай». С января 1943 г. назначен командующим ВМФ Германии. 1 мая 1945 г., согласно завещанию Гитлера, стал рейхспрезидентом и Верховным главнокомандующим вермахта. 2–3 мая сформировал имперское правительство во Фленсбурге (земля Шлезвиг-Гольштейн). 23 мая был арестован англо-американцами. На процессе в Нюрнберге приговорен к 10 годам тюремного заключения. Освобожден по отбытии срока в 1956 г.

⁴⁶⁶ *Скорцени О.* Неизвестная война. С. 472.

⁴⁶⁷ Там же. С. 477.

⁴⁶⁸ Там же. С. 478.

⁴⁶⁹ *Чернявский В.* Сталин и Скорцени без «длинного прыжка» // Диверсанты Третьего рейха. М., 2003. С. 26–27.

⁴⁷⁰ Правильно — Рихард Каудер *Каудер* Рихард (нем. псевд. «Клатт»; 1900?–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец Берлина. Еврей, но принял католическое вероисповедание. До 1932 г. проживал в Берлине, а затем переехал в Австрию вместе со своей любовницей Гердой Филитц (знакомы с 1928). Служил управляющим имения барона Тавоната (до 1938). В 1938 г., после присоединения Австрии к Германии, как еврей, боясь репрессий, уехал в Будапешт, где занимался приобретением виз и снабжением ими за деньги евреев-эмигрантов. В конце 1939 г. в Будапеште был арестован по обвинению в даче взяток чиновникам, у которых он получал визы для евреев-иностранцев. Под стражей содержался 3–4 месяца и был освобожден в феврале 1940 г. (за недоказанность состава преступления). Занимался торговлей. Примерно в 1941 г. поступил на службу в германскую военную разведку. По решению В. Канариса организовал при абвере разведорган под названием «Бюро Клатта» (нем. Büro Klatt), который вел разведывательную работу против СССР и союзников по Антигитлеровской коалиции. В 1944 г. арестовывался СД по подозрению в сотрудничестве с английской разведкой, но был освобожден. После войны арестован американской разведкой.

⁴⁷¹ *Шапошников Борис Михайлович* (20.09.(02.10.).1882–26.03.1945) — советский военный деятель; маршал Советского Союза (1940). С мая 1937 г. начальник Генерального штаба Красной армии, с августа 1940 г. заместитель наркома обороны. В ходе войны с июля 1941 г. вновь начальник Генштаба. В мае 1942 — июне 1943 г. заместитель наркома обороны СССР. В 1943–1945 гг. начальник Военной академии Генштаба Красной армии.

⁴⁷² *Безыменский Л.* Гейне по имени Макс, или История одной тайной операции // Новое время. 1993. № 43. С. 40.

⁴⁷³ *Гелен Р.* Война разведок... С. 81.

⁴⁷⁴ Энциклопедия шпионажа. С. 289–290.

⁴⁷⁵ *Шелленберг В.* Лабиринт. С. 257.

⁴⁷⁶ *Маронья-Редвиц Рудольф, фон* (15.10.1886–12.10.1944) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки, граф; полковник. Участник германского движения Сопротивления. Уроженец Мюнхена. Происходил из старинного баварского аристократического рода, его отец был гофмаршалом короля Баварии Отто. Участник Первой мировой войны, офицер разведоргана «Команда-Зюд» (Мюнхен); занимался разведывательной деятельностью против Италии. В 1938 г. вновь по предложению адмирала В. Канариса поступил на службу в

военную разведку; начальник I отдела (разведка) «Аст-Мюнхен». В 1939–1944 гг. начальник «Аст-Вена». Летом 1944 г. арестован гестапо после неудавшегося покушения на А. Гитлера. Казнен в берлинской тюрьме Плётцензее.

⁴⁷⁷ *Армстер Отто Эрнст* (11.07.1891–21.09.1957) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; полковник. Уроженец провинции Шлезвиг-Гольштейн (Германия). До 1943 г. начальник группы III U (радиоконтрразведывательной служба) «Абвера III». С января по июль 1944 г. начальник «Аст-Вена». 15 мая 1945 г. арестован советскими органами безопасности. До 1955 г. находился в советском плену.

⁴⁷⁸ *Визер Отто* (служебн. псевд. «Вольфрин»; 1890/1895–?) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; полковник. Уроженец Бреслава. До осени 1941 г. начальник «Аст-Краков». С октября 1944 г. руководитель «Аст-Вена».

⁴⁷⁹ *Боксберг Эмерих, фон* (1893?–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; полковник. Австриец. В 1944 г. начальник «Аст-Вена», одновременно начальник отдела «Абвера I» (военная разведка) «Аст-Вена».

⁴⁸⁰ *Шнайдер-Штурм Ганс* (1893–1952) — немецкий военнотрудовой, сотрудник германской военной разведки; унтер-офицер. Уроженец Вены. Образование незаконченное высшее. По профессии торговец. В 1915–1919 гг. служил в австрийской армии в чине унтер-офицера. Шифровальщик-радиотелеграфист в немецком разведывательном органе «Люфтмелдекопф Зюдост». 28 июля 1945 г. арестован органами Смерша в Вене. 29 декабря 1945 г. по решению Особого совещания при НКВД СССР по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР (шпионаж) заключен в ИТЛ на десять лет. 29 сентября 1952 г. скончался в верхнеуральской тюрьме МГБ СССР от «ослабления сердечной деятельности на почве декомпенсации сердца». 18 июля 2001 г. реабилитирован по решению ГВП РФ.

⁴⁸¹ *Дейч Валентина* (1906–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженка Юрьева (Эстония). Из семьи купца. По образованию юрист. Подданная Германии. В 1927 г. переехала из Эстонии в Австрию. С мая 1943 г. сотрудник германской разведки, работала в шифровальном бюро «Люфтмелдекопф Зюдост» в качестве шифровальщика и радистки. В апреле 1945 г. задержана органами Смерша в Австрии. 8 сентября 1945 г. по решению Особого совещания при НКВД СССР заключена в ИТЛ сроком на 8 лет. В 2001 г. по заключению Главной военной прокуратуры РФ реабилитирована.

⁴⁸² *Филитц (Филиц) Герда* (1902–?) — агент германской военной разведки. Уроженка Берлина. Образование 7 классов. Домохозяйка. 28 апреля 1945 г. задержана сотрудниками контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта в Вене (Австрия). 6 июня 1945 г. арестована Главным управлением контрразведки «Смерш» (Москва) «по подозрению в германском шпионаже». 15 сентября 1945 г. по решению Особого совещания при НКВД СССР по ст.ст. 7 и 35 УК РСФСР («за связь с агентами германской разведки») осуждена на 5 лет ИТЛ без конфискации имущества. По отбытии наказания Г. Филитц (Филиц) была направлена на поселение в Красноярский край. 16 октября 2005 г. по решению Генпрокуратуры РФ реабилитирована.

⁴⁸³ *Роледер Иоахим* (1892–1973) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; полковник. Сотрудник в отделе разведки «КО-Испания». Затем руководил рефератом III F (контршпионаж) в Управлении «Авбер-Заграница» (нем. Amtes Abwehr/Ausland). После войны служил в «Организации Гелена».

⁴⁸⁴ *Мельдекopf* (нем. Meldekorpe, сокр. Mk) — головной разведывательный пункт.

⁴⁸⁵ <http://whoiswho.ru/russian/Password/journals/21998/klattar.htm>.

⁴⁸⁶ <http://whoiswho.ru>.

⁴⁸⁷ Подробнее см.: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»... С. 420–422.

⁴⁸⁸ <http://whoiswho.ru>.

Глава 4. «СМЕРШ»: «ВОЙНА В ЭФИРЕ»

⁴⁸⁹ *Утехин* Георгий Валентинович (1906–1987) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1944). Уроженец Санкт-Петербурга. В органах безопасности с сентября 1933 г. С марта по июль 1941 г. начальник КРО УНКГБ по Ленинградской области. С июля 1941 по 14 января 1943 г. начальник ОО НКВД 23-й армии Ленинградского фронта. С 14 января по 10 апреля 1943 г. начальник ОО НКВД 2-й гвардейской армии Южного фронта. С 29 апреля по 23 сентября 1943 г. начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 23 сентября 1943 по 27 мая 1946 г. начальник 4-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 4 июня 1946 по 27 октября 1949 г. заместитель начальника 2-го Главного управления МГБ СССР. В 1947–1951 гг. начальник 1-го Управления МГБ СССР (внешняя контрразведка в советских учреждениях за границей), член Коллегии МГБ СССР (1950–1951). 29 ноября 1951 г. арестован в ходе «кадровой чистки аппарата МГБ СССР» (по другим данным — 2 ноября). Освобожден 21 марта 1953 г.; реабилитирован. С 4 апреля 1953 г. заместитель начальника 4-го Управления МВД СССР, с 1 сентября начальник 1-го отдела УМВД по Челябинской области. В декабре 1955 г. уволен по болезни. Скончался в Москве.

⁴⁹⁰ *Елин* Сергей Семенович (1914–?) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник. Уроженец дер. Карданга Вытегорского района Вологодской области. Из крестьян-середняков. Образование среднетехническое; окончил техникум водного транспорта. В 1937 г. призван в РККФ. В органах безопасности с 1 июля 1938 г. С 22 января 1944 г. начальник 1-го отдела ОКР «Смерш» 14-й воздушной армии (Волховский фронт). С 1 июля 1944 г. старший оперуполномоченный 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. 13 июля 1960 г. уволен по болезни (с правом ношения военной формы одежды).

⁴⁹¹ *Фролов* Владислав Всеволодович (1916–?) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; майор. Уроженец г. Кирова. Член ВКП(б) с 1942 г. В органах безопасности с 21 января 1937 г. В 1945 г. — старший оперуполномоченный 2-го отделения 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. В 1956 г. уволен по болезни.

⁴⁹² *Лайдинен Э.П.* Финские и германские разведывательные школы на территории Финляндии и оккупированной Карелии в 1941–1944 годах // 90 лет образования ВЧК–ФСБ. Материалы научно-практической конференции. 18–19 октября 2007 года. Санкт-Петербург. М., 2008. С. 90–111.

⁴⁹³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 139.

⁴⁹⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2008. Т. 4, кн. 1: Секреты операции «Цитадель»: 1 января – 30 июня 1943 года. С. 423.

⁴⁹⁵ *Пудож* (карел. Puudoži «рукав реки, протока») — город в Республике Карелия, административный центр Пудожского района. Расположен на правом, возвышенном берегу реки Водла, примерно в 25 км от впадения ее в Онежское озеро. С 1785 г. стал уездным городом Российской империи. Город находится на расстоянии 352 км от столицы республики — Петрозаводска.

⁴⁹⁶ *Карельский фронт* — оперативно-стратегическое объединение в годы Великой Отечественной войны (советско-финской войны 1941–1944 гг.). Образован 1 сентября 1941 г. на основании директивы Ставки ВГК 23 августа 1941 г. из части войск Северного фронта (14-й и 7-й армий), оборонявшихся на линии от Баренцева моря до Ладожского озера. В подчинении КФ находился Северный флот. Фронт создавался с целью обеспечить северный стратегический фланг обороны на севере страны. К сентябрю 1942 г. были сформированы 19, 26, 32-я армии, а концу года и 7-я воздушная армия. В феврале 1944 г. в состав фронта вновь была включена 7-я армия, выведенная из его состава в сентябре 1941 г.

В августе–сентябре 1941 г. войска фронта остановили врага, предпринимавшего попытки овладеть Заполярьем, и вынудили его перейти к обороне. С сентября 1941 по июнь 1944 г. войска фронта держали оборону по линии: река Западная Лица (60 км от Мурманска), Ухта, Повенец, Онежское озеро, река Свирь. Периодически проводили операции местного характера. Во второй половине 1944 г. войска фронта при поддержке Ладужской и Онежской военных флотилий провели Свирско-Повенецкую, а при поддержке Северного флота — Петсамо-Киркинесскую операции. 15 ноября 1944 г., после выхода Финляндии из Второй мировой войны, фронт был расформирован. Фронт имел самую большую протяженность среди всех фронтов — до 1600 км (1943) и единственным из всех фронтов за годы войны, на одном из участков которого (в районе Мурманска) немецко-фашистские войска не смогли нарушить государственную границу СССР. 24 июня 1945 г. на Параде Победы сводный полк Карельского фронта шел первым; эта традиция до сих пор сохраняется на всех парадах 9 мая. *Командующие*: генерал-полковник В.А. Фролов (сентябрь 1941 – февраль 1944); Маршал Советского Союза К.А. Мерецков (февраль – ноябрь 1944).

⁴⁹⁷ Речь идет об армии «Лапландия», с июня 1942 г. 20-я горная армия. *Дитль* Эдуард (1890–1944) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1942). Участник Первой мировой войны; командир роты. После войны демобилизован, в 1919 г. вступил в Добровольческий корпус Ф. фон Эппа. В 1920 г. принят в рейхсвер; в том же году установил связь с НСДАП. Участник «Пивного путча» 1923 г. В 1931 г. участвовал в создании горнострелковых войск. С мая 1938 г. командир 3-й горнострелковой дивизии; участвовал в аншлюсе Австрии и Польской кампании. Отличился при операциях в Норвегии, где командовал 3-й горнострелковой дивизией под Нарвиком. Стал первым в истории Германии кавалером Рыцарской степени Железного креста с дубовыми листьями (1940). С июня 1940 г. командир горнострелкового корпуса «Норвегия»; участвовал в наступлении в районе Мурманска. С января 1942 г. стал командующим армии «Лапландия», развернутой на базе его корпуса. Погиб в авиакатастрофе.

⁴⁹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4, кн. 1. С. 426–429.

⁴⁹⁹ Там же. С. 429–430.

⁵⁰⁰ Там же. С. 535–549.

⁵⁰¹ *Разин А.В.* Становление и развитие оперативных радиоигр с противником на начальном этапе Великой Отечественной войны // Лубянские чтения. 2005. С. 104–105.

⁵⁰² *Стефановский П.П.* Развороты судьбы: в 2 кн. М., 2002. Кн. 1: Абвер – СМЕРШ.

⁵⁰³ *Нечай А.* Рассекреченная история ФСБ. Операция «Квартет» // Аргументы и факты Северо-Запад. 2008. 19 декабря. Цит. по: <http://www.pskov.aif.ru/society/article/1405>

⁵⁰⁴ *Плесцов Сергей* Иннокентьевич (1906–1972) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец Иркутска. Из семьи чернорабочего. Окончил вечернюю школу полиграфического производства (1926), 5 курсов юридического института (Саратов, 1951). В органах безопасности с 1928 г. С 18 марта по 15 августа 1941 г. заместитель начальника УНКГБ по Новосибирской области. С 15 августа 1941 по 9 июля 1942 г. заместитель начальника УНКВД по Новосибирской области. С 9 июля 1942 по 7 апреля 1943 г. заместитель начальника УНКВД по Архангельской области. С 7 апреля 1943 по 6 августа 1945 г. начальник УНКВД по Архангельской области. В июле 1956 г. уволен по болезни. Скончался во Владимире.

⁵⁰⁵ *Разведывательная школа в местечке Мыза-Кумна* (22 км от Таллина) была организована в декабре 1941 г. Условно именовалась «лагерь № 1» (полевая почта № 23184). Подчинялась «Абвернебенштелле-Таллин» («Анст-Таллин»). Готовила разведчиков-диверсантов и радистов для подрывной работы в советском тылу. По окончании школы агенты направлялись в «Анст-Таллин», а оттуда передавались в распоряжение «Абверкоманды 104». Выброска агентуры в советский тыл производилась самолетами с аэродромов в Пскове и на

станции Сиверская Ленинградской области, а также путем перехода через линию фронта. В марте 1943 г. переехала в местечко Кейла-Юа, где была влита в сводный десантный отряд, состоявший из курсантов школ Кейла-Юа, Мыза-Кумна и Летсе. В конце 1943 г. из Киева в Мыза-Кумна прибыла «Абверкоманда 102» и все агенты и официальный состав перешли в ее подчинение. Часть агентуры «абверкоманда» отправила в штрафные лагеря в гг. Вильянди (Феллин) и Хохенштайн (Восточная Пруссия), остальных в январе 1944 г. перевела в местечко Летсе, где была организована разведывательная школа. В июле 1944 г. школа из Летсе передислоцировалась в г. Вайгельсдорф. *Начальник:* капитан бывшей эстонской армии Иоганн Казе-Казик (до декабря 1943).

⁵⁰⁶ *Целлариус* Александр (Alexander Cellarius; Келлер; 1898–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; фрегаттен-капитан (по другим данным — капитан-цур-зее). Уроженец г. Торицы (по другим данным — Санкт-Петербурга). До 1911 г. проживал в Санкт-Петербурге. Участник Первой мировой войны; служил в германском Военно-морском флоте. С середины 1939 г. начальник «КО-Финляндия» и военно-морской атташе в Стокгольме и Хельсинки. С июня 1941 г. — абверофицер при группе армий «Север»; одновременно (с июня 1941) начальник «Анст-Ревал» (в составе «Аст-Остланд»). С осени 1941 г. начальник германо-эстонского штаба при Главном командовании финской армии. С сентября 1944 г. возглавлял германскую военно-морскую разведку в местечке Герингсдорф (близ Свинемюнде). Владел немецким, русским, английским, французским, финским, шведским, эстонским и латышским языками. По непроверенным данным, после Второй мировой войны жил в Швеции.

⁵⁰⁷ *Халапсин* Александр Александрович (нем. псевд. Волков; 1910?–?) — агент-вербовщик германской военной разведки. Уроженец Чебоксар. Бывший офицер Красной армии; майор. До мая 1942 г. комендант и преподаватель строевой подготовки разведшколы в местечке Мыза-Кумна, затем вербовщик разведшколы в местечке Кейла-Юа. Убит.

⁵⁰⁸ *Зиновьев* Алексей Иванович (нем. псевд. Вишневикий; 1917–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец с. Захарино Бежецкого района Калининской области. Бывший военнотрудовой Красной армии. Преподаватель радиодола и вербовщик разведшколы в местечке Мыза-Кумна. С мая 1942 г. преподаватель разведшколы в местечке Кейла-Юа, позже служил в разведшколах в гг. Валга и Стренчи. Арестован советскими органами безопасности.

⁵⁰⁹ *26-я армия 1-го формирования* (сокр. 26 А) — оперативное объединение Красной армии до и во время Великой Отечественной войны. Сформирована в июле 1940 г. в Киевском особом военном округе. В июле–августе 1941 г. в составе Юго-Западного фронта отступала, сдерживая наступающие части вермахта. В августе–сентябре 1941 г. части армии участвовали в битве под Уманью и частично оказались в окружении. Затем остатки армии попали в окружение в Киевском котле. В конце сентября 1941 г. управление армии расформировано, а ее вышедшие из окружения войска переданы на укомплектование других соединений и частей. *Командующий:* генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко (июнь–сентябрь 1941).

⁵¹⁰ *Марвиц* — псевдоним начальника Варшавской разведшколы майора Мооса.

⁵¹¹ *Рихтер* Борис Степанович (нем. псевд. Рудаев; 1898–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец местечка Жмеринка (УССР). Из дворян. До пленения начальник штаба 6-го стрелкового корпуса. Преподаватель Варшавской разведшколы.

⁵¹² *Салихов* Маркис Бикмулович (нем. псевд. Османов Осман Булатович, Еникеев Кирилл Османович, Зелимханов Ислам Кириллович, Абдулов Осман Абдулович, Керимов Керим Исламович, Семенов, Бойко; 1894–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец дер. Тавлино Татарской АССР. До пленения генерал-майор Красной армии. С апреля 1942 г. преподаватель в филиале Варшавской разведшколы в местечке Нойкурэн, позднее преподаватель агентурной разведки в школе резидентов-радиостов в Нидерзее.

⁵¹³ *Пастухов* Борис Петрович (нем. псевд. Павлов) — сотрудник германской военной разведки. Около 35 лет (на 1943 г.). До пленения сержант Красной армии. По специальности автотехник. До войны работал в дорожном отделе в Краснодаре. До ноября 1941 г. находился в Гродненском лагере для военнопленных. Окончил немецкую разведшколу в местечке Бальга, откуда был переведен преподавателем топографии в Варшавскую разведшколу.

⁵¹⁴ *Степанов* Василий Павлович (нем. псевд. Вязов Николай Иванович, Шелгунов, Мартынов; 1900–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец дер. Домашкино Рыбинского района Ярославской области. Состоял кандидатом в члены ВКП(б), исключен «за бытовое разложение». В 1937–1940 гг. работал военруком на разных предприятиях и в Осоавиахиме в Челябинске, Пензе и Куйбышеве. В 1940 г. призван на военную службу. До пленения командир 151-го стрелкового полка. С конца 1941 г. комендант и преподаватель агентурной разведки и стрелковой подготовки. С ноября 1943 до июня 1944 г. комендант и преподаватель в разведшколах в местечках Летсе и Мыза-Кумна.

⁵¹⁵ *Раус* Эдуард Бернгардович — советский офицер, сотрудник органов безопасности; лейтенант. С апреля 1943 г. оперативный уполномоченный 2-го отделения ОКР «Смерш» АрхВО. В ОКР «Смерш» АрхВО на должности оперуполномоченного служила и его жена — лейтенант Фаина Васильевна Раус (урожд. Баженова).

⁵¹⁶ *Варшавская разведывательная школа* — центральный орган германской разведки для подготовки квалифицированной агентуры из советских военнопленных. Создана в октябре 1941 г. для подготовки агентов-разведчиков и радистов. Находилась в непосредственном подчинении штаба «Валли». Полевая почта № 57219. До июля 1943 г. размещалась на даче Пилсудского в местечке Сулеювек, близ железнодорожной станции Милосна (21 км восточнее Варшавы). До января 1943 г. в школе существовало два отделения (лагеря): в первом обучались разведчики-радисты, предназначенные для работы в глубоком тылу СССР, во втором — разведчики для работы в ближнем тылу частей Красной армии. В январе 1943 г. были организованы еще два лагеря — третий и четвертый. В третьем обучались разведчики-радисты для разведки промышленных объектов в глубоком тылу СССР, в четвертом — разведчики-радисты для сбора разведывательных сведений о советских ВВС. Одновременно в школе обучалось до 350 человек. В июле 1943 г. школа перебазировалась в район Кенигсберга (местечке Нойгоф в 1–2 км от станции Гросс-Раум), школа была замаскирована под воинскую часть РОА. В июле–августе 1944 г. переведена в г. Вайгельсдорф (60 км западнее Бреславля), где была объединена с прибывшими туда курсантами разведшкол Стренчи, Валги, Летсе в одну, так называемую Русскую школу. *Начальник*: майор Моос (псевд. Марвиц) (октябрь–апрель 1945).

⁵¹⁷ *Стефановский П.П.* Развороты судьбы. Кн. 1. С. 30.

⁵¹⁸ *Мешик* Павел Яковлевич (1910–23.12.1953) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1943). Уроженец Конотопа. Из семьи служащего. В органах безопасности с 1932 г. В 1941–1943 г. начальник ЭКУ НКВД СССР. С 19 апреля 1943 по 17 декабря 1945 г. заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР; одновременно (с 11 января по 4 июля 1945) уполномоченный НКВД по 1-му Украинскому фронту. С 5 марта по 8 августа 1945 г. советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. С 20 августа 1945 по 16 марта 1953 г. заместитель начальника 1-го Главного управления при СНК–СМ СССР. С 16 марта по 30 июня 1953 г. министр внутренних дел УССР. Арестован 30 июня 1953 г. Осужден Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР к ВМН. Расстрелян.

⁵¹⁹ *Мартыненко* Евгений Васильевич — советский офицер, сотрудник органов безопасности; подполковник. С 22 сентября 1942 г. временно исполняющий должность начальника ОО НКВД АрхВО. В 1943–1944 гг. заместитель начальника ОКР «Смерш» АрхВО (1944).

⁵²⁰ *Захаров* Николай Кузьмич — советский офицер, сотрудник органов безопасности; майор. В сентябре 1942 г. прибыл из ОО НКВД Ленинградского фронта на должность временно исполняющий должность начальника КРО ОО НКВД АрхВО. В августе 1943 г. начальник 2-го отделения ОКР «Смерш» АрхВО.

⁵²¹ *Скнарин* Дмитрий Федорович (?–12.1963) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник. По профессии учитель истории. В 1943 г. старший оперуполномоченный, начальник 2-го (оперативно-разыскного) отдела ОКР «Смерш» АрхВО; капитан (1944). В 1963 г. начальник ОО КГБ армейского корпуса в Симферополе. Откомандирован на советско-китайскую границу. Скончался от воспаления легких.

⁵²² *«Гремящий»* — советский эскадренный миноносец проекта 7. Самый известный эсминец серии, удостоенный звания «гвардейский» (1 марта 1943). Заложен 23 июля 1936 г. на заводе № 190 в Ленинграде, спущен на воду 12 августа 1937 г., введен в строй 28 августа 1939 г. В сентябре 1939 г. по Беломоро-Балтийскому каналу на север, 8 ноября 1939 г. прибыл в Полярный и был включен в состав Северного флота. Начало Великой Отечественной войны встретил на базе в Полярном. В годы войны сопровождал союзные транспорты и конвои, участвовал в набеговых операциях на коммуникации противника, входил в состав кораблей охранения, обеспечивающих проводку конвоев. *Командиры*: капитан 3-го ранга А.И. Гурин (? – декабрь 1942); капитан-лейтенант Б.Д. Николаев (? – 26 июня 1944); капитан-лейтенант Б.В. Гаврилов (? – 16 июля 1944); капитан 3-го ранга Е.Т. Кашеваров (16 июля 1944 – 14 января 1945).

⁵²³ *«Баку»* — советский лидер эскадренных миноносцев проекта 38 (лидеры ЭМ типа «Минск»). Заложен 15 января 1935 г. на судостроительном заводе № 198 в Николаеве. 10 марта 1936 г. перезаложен на заводе № 199 в Комсомольске-на-Амуре, где получил название «Киев». 25 июля 1938 г. спущен на воду и переименован в «Орджоникидзе». 25 сентября 1940 г. переименован в «Баку» и вошел в состав 1-го дивизиона Тихоокеанского флота (ТОФ). В мае 1942 г. Ставкой ВГК было принято решение перебросить с Тихого океана на Северный флот несколько современных боевых кораблей, в том числе и лидер «Баку». В годы Великой Отечественной войны сопровождал союзные транспорты и конвои, участвовал в набеговых операциях на коммуникации противника, входил в состав кораблей охранения, обеспечивающих проводку конвоев. 18–20 и 29 июня 1943 г. эскортировал переход ледоколов из Молотовска. 14 ноября вместе с эсминцами обеспечивал прикрытие конвоя АБ-55 из Мурманска в Архангельск, затем был поставлен на ремонт для подкрепления корпуса. В июле–августе 1944 г. входил в сопровождение конвоя БД-1 из Белого моря на Диксон и проводку конвоя АБ-15, а также обеспечивал связь при сопровождении конвоя БК-14 из Архангельска в Кольский залив. 25 октября 1944 г. участвовал в обстреле надводными кораблями Северного флота порта Варде. За период участия в боевых действиях прошел свыше 42 тыс. миль и провел без потерь 29 отечественных и союзных конвоев. Четыре раза выходил в воды противника для поиска и уничтожения кораблей. 6 марта 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красного Знамени. *Командиры*: капитан 3-го ранга Б.П. Беляев (1942–1944); капитан 3-го ранга П.М. Гончар.

⁵²⁴ *«Вятка»* — крупнотоннажный грузопассажирский пароход. Приобретен за границей в начале 1930-х гг. для торгового флота Северного пароходства. Корабль мог перевозить 152 пассажира и 524 тонны груза. С первых дней Великой Отечественной войны был переоборудован в санитарный транспорт. За отличия в годы войны экипаж судна награжден орденом Красного Знамени.

⁵²⁵ *Исакогорка* — пассажирско-грузовая железнодорожная станция Архангельского региона Северной железной дороги, находящаяся в г. Архангельске.

⁵²⁶ *Сиднев* Алексей Матвеевич (1907–1958) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1943). В органах безопасности с 1939 г. Проходил службу на руководящих должностях в особых отделах Ленинградского ВО, Карельско-

го фронтов. С 6 июля 1944 по 10 ноября 1945 г. заместитель начальника УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта. Уволен из органов МВД СССР в 1951 г. В июне 1945 – декабре 1947 г. начальник Оперсектора НКВД-МВД-МГБ Советской военной администрации Берлина. С декабря 1947 г. министр госбезопасности Татарской АССР. В январе 1948 г. арестован. 6 октября 1951 г. по решению Особого совещания при МГБ СССР репрессирован. В июле 1953 г. освобожден из-под стражи и уволен из МВД «по фактам дискредитации».

⁵²⁷ Белозеров Б.П. Действия пограничных войск на Севере в начале Великой Отечественной войны // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне (28 апреля 2000 г.). Петрозаводск, 2001. С. 32.

⁵²⁸ Архив УФСБ России по Саратовской области. Ф. 14. Оп. 5. Д. 388. Л. 128–137.

⁵²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 570. Л. 108–120.

⁵³⁰ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 // Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 408.

⁵³¹ Морозов К.А. В годы военные // Чекисты Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 152.

⁵³² Название «Южная» уже фигурировало в спецоперациях советских спецслужб. Под этим кодовым наименованием с 14 сентября по 2 ноября 1942 г. сотрудники КРО УНКВД по Архангельской области провели радиоигру с финской военной разведкой.

⁵³³ Лайдинен Э.П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1914–1944 годах // Барышников Н.И., Лайдинен Э.П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 473.

⁵³⁴ Петрозаводская разведывательная школа — одно из подразделений финской военной разведки в годы Второй мировой войны. Создана в ноябре 1941 г. в Петрозаводске. Подготовленная агентура забрасывалась с заданиями разведывательно-диверсионного характера в тыл Карельского и Ленинградского фронтов, а также на территории Архангельской, Мурманской и Вологодской областей. Срок подготовки 1–3 месяца. В апреле–мае 1942 г. размещалась в зданиях лесотехникума на юго-западной окраине Петрозаводска. В марте 1943 г. переехала в Пряжинский район и располагалась в деревнях Минола, Уллелега и Каменный Наволок. В ноябре 1943 г. передислоцировалась на территорию Финляндии, где функционировала в Роуколахти и Савитайпале до июля 1944 г. Агентура набиралась из числа советских военнопленных, находившихся в лагерях Финляндии. По разным данным в школе подготовлено около 300 агентов из числа советских военнопленных. *Руководители*: майор финской армии Р. Раски (1941–1943); А.В. Владиславлев (1943–1944).

⁵³⁵ Повенец (карел. Povensta) — поселок городского типа в Медвежьегорском районе Республики Карелия, административный центр Повенецкого городского поселения. Расположен на берегу Повенецкого залива Онежского озера, при впадении в него реки Повенчанки, в 26 км от железнодорожной станции Медвежья Гора (на линии Санкт-Петербург – Мурманск). Начальный пункт Беломорско-Балтийского канала. Поселок связан автомобильными дорогами с Медвежьегорском и Пудожем.

⁵³⁶ Вытегра — город в Вологодской области, административный центр Вытегрского района. Основан в 1773 г. Расположен на реке Вытегра (пристань в 15 км от Онежского озера), на Волго-Балтийском водном пути, в 198 км от железнодорожной станции Лодейное Поле, в 337 км к северо-западу от Вологды.

⁵³⁷ Первый союзный конвой (из всех последующих с шифром PQ) вышел из Исландии в Архангельск 28 сентября 1941 г. и благополучно прибыл к месту назначения. Следующий конвой, PQ-1, прибыл в Архангельск спустя две недели. Подробнее см.: Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. М., 2008. С. 149.

⁵³⁸ «Торнеда» — грузовой контейнер, предназначенный для снабжения агентов-парашютистов.

⁵³⁹ *Котлас* (зырянск. «вход») — город (с 1917) в Архангельской области. Расположен в районе впадения Вычегды в Северную Двину, в 600 км от Архангельска. В годы Великой Отечественной войны после завершения Северо-Печорской железной дороги город превратился в крупный транспортный узел. 28 декабря 1941 г. из Воркуты по новой магистрали был отправлен первый поезд. В середине лета 1942 г. Северо-Печорская магистраль была введена в постоянную эксплуатацию на участке Воркута – Котлас – Коноша.

⁵⁴⁰ Первый массированный налет самолетов люфтваффе на Архангельск был совершен в ночь с 24 на 25 августа 1942 г. В нем принимали участие около 40 немецких бомбардировщиков типа «Юнкерс Ю-88» и «Хенкель Хе-111». В течение 1942 г. авиация противника совершила еще пять налетов на город, во время которых на Архангельск было сброшено более 100 фугасных, 300 осветительных и свыше 20 тыс. зажигательных авиабомб. В результате сгорело около ста домов, канатная и трикотажная фабрики, 49 жилых домов, 31 крупное и мелкое складское помещение, серьезно пострадало здание лесотехнического института. Убито и умерло от ран 60 человек и ранено 102 человека.

⁵⁴¹ *Мальков Павел Михайлович* (1904–1983) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец Кунгура. Из семьи рабочего. Окончил Объединенную военную школу им. В.И. Ленина (Ташкент, 1926) и Военную академию им. М.В. Фрунзе (1938). В органах безопасности с сентября 1938 г. С 26 марта по 31 июля 1941 г. заместитель начальника 2-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР. С 31 июля 1941 по 11 августа 1943 г. начальник УНКВД по Архангельской области. С 13 сентября 1943 по 1 апреля 1944 г. офицер для особых поручений при наркомате внутренних дел СССР. С 1 апреля 1944 по 21 ноября 1945 г. начальник УНКВД по Ивановской области. 5 декабря 1954 г. уволен в запас по сокращению штатов. Скончался в Свердловске.

⁵⁴² 1 сентября 1942 г. А.В. Сметанин был арестован органами УНКВД по Архангельской области. 18 января 1943 г. Военным трибуналом Карело-Финского фронта осужден по ст. 58-16 УК РСФСР на 15 лет лишения свободы. 13 октября 1954 г. условно-досрочно освобожден.

⁵⁴³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2003. Т. 3, кн. 2: От обороны к наступлению: 1 июля – 31 декабря 1942 года. С. 206–207.

⁵⁴⁴ Там же. С. 238–239.

⁵⁴⁵ *Райхман Леонид Федорович* (Ефимович) (1908–1990) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец с. Ново-Воронцовка Херсонской области. Из семьи ремесленника. Образование получил в двухклассной школе. Член ВКП(б) с 1931 г. С 1924 г. начальник спецотдела в управлении ГПУ по Ленинграду. В 1938–1941 гг. начальник отделения, заместитель начальника отдела ГУГБ НКВД СССР. С 1939 г. на руководящих постах в УНКВД в Закарпатье. В 1941 г. заместитель начальника Управления контрразведки НКГБ СССР. В 1943 г. заместитель начальника 2-го Управления НКВД СССР, старший майор ГБ; с февраля 1943 г. комиссар ГБ 3-го ранга. В 1946–1951 гг. заместитель начальника 2-го Главного управления (контрразведка) МГБ СССР. В 1951 г. арестован. В мае 1953 г. освобожден и назначен начальником контрольной инспекции по проверке исполнения приказов министра внутренних дел СССР; в августе того же года вновь арестован. В 1956 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к восьми годам лишения свободы. В 1957 г. амнистирован.

⁵⁴⁶ Речь идет о Беломорской военной флотилии. *Беломорская военная флотилия* — оперативное соединение ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны. Создана в марте 1920 г., в апреле того же года преобразована в Морские силы Северного моря. Вторично образована в составе Северного флота в начале августа 1941 г. с целью защиты коммуникаций в Белом море, восточной части Баренцева моря и Арктике. Главная база — Архангельск. Состав: дивизион эсминцев и сторожевых кораблей, дивизион минных заградителей,

бригада траления, Беломорский сектор береговой обороны, Иокангская военно-морская база. В годы войны флотилия обеспечила проводку более 2500 транспортов. *Командующие*: контр-адмирал (с марта 1944 — вице-адмирал) Г.А. Степанов (7 октября 1941 – 6 марта 1943); контр-адмирал (с марта 1944 — вице-адмирал) С.Г. Кучеров (11 марта 1943 – 30 августа 1944); вице-адмирал Ю.А. Пантелеев (30 августа 1944 — 15 апреля 1945).

⁵⁴⁷ *Калининский Михаил Иванович* (1905–1986) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец с. Благовещенское Устюжского района Вологодской губернии. Из семьи крестьянина. Окончил педучилище (1922). В органах безопасности с апреля 1931 г. С марта 1939 по март 1941 г. начальник 2-го отдела УГБ УНКВД по Архангельской области. С марта по 23 августа 1941 г. начальник СПО УНКГБ по Архангельской области. С 23 августа 1941 по 9 июля 1942 г. начальник СПО УНКВД по Архангельской области. С 9 июля 1942 по 7 мая 1943 г. заместитель начальника УНКВД по Архангельской области. С 7 мая 1943 по 15 мая 1947 г. нарком, а затем министр ГБ Дагестанской АССР.

⁵⁴⁸ *Коноша* — поселок городского типа в Архангельской области. Крупный железнодорожный узел (станция Коноша-1) Северной железной дороги, начальный пункт Печорской железнодорожной магистрали.

⁵⁴⁹ *Няндом* (финно-угорск. «богатая земля») — город (1939) в Архангельской области, железнодорожная станция на линии Няндом – Архангельск. Находится на юго-западе Архангельской области. Расположен в 342 км к югу от Архангельска. Населенный пункт появился в 1894 г. в связи со строительством узкоколейной железной дороги Вологда – Архангельск.

⁵⁵⁰ *«Хенкель-115»* (He-115; нем. Heinkel-115, He-115) — немецкий двухмоторный гидросамолет периода Второй мировой войны. Разработка началась в 1935 г. по заказу Имперского Министерства авиации для замены самолета Хе-59. Первый полет состоялся в августе 1937 г. Использовался как минный заградитель, торпедоносец, бомбардировщик и разведывательный самолет. Выпускался в 1938–1940 гг.; всего выпущено 232 машины. Две эскадрильи использовались в Норвегии для борьбы с конvoями союзников и разведывательных целей. *Тактико-технические характеристики*: экипаж — 3 чел.; длина — 17,3 м; высота — 6,57 м; размах крыльев 22,26 м; двигатели — два девятицилиндровых двигателя БМВ-132К; скорость — 288 км/ч (максимальная), 278 км/ч (крейсерская); дальность полета — 2785 км; практический потолок — 5170 м. *Вооружение*: один 7,92-мм пулемет МГ-15; две 15-мм пушки МГ-151; два 7,92-мм пулемета МГ-17. *Бомбовая нагрузка*: одна торпеда LFT-5 или LFT-6; одна мина LMB III или две мины LMA; три авиабомбы SC-250.

⁵⁵¹ *Кубала Стефан* (Stefan Kubulla; 05.11.1919–?) — немецкий военнoслужаший; унтер-офицер. Уроженец дер. Райнфельд, округ Ратибор (Верхняя Силезия, Германия). Из рабочих. Окончил народную школу и техническое училище. По профессии слесарь. В ноябре 1939 г. призван на военную службу; служил в морской авиации. Бортмеханик, член экипажа самолета «Хе-115», военнoслужаший эскадрильи № L 359819. 10 ноября 1942 г. в районе озера Юнг Карело-Финской АССР был сбит; задержан советскими органами безопасности. 27 января 1943 г. следствие по обвинению в причастности С. Кубалы к органам германской военной разведки прекращено. Сведений о дальнейшей судьбе в деле не имеется.

⁵⁵² *115-я стрелковая Холмская Краснознаменная дивизия* (сокр. 115 сд) — тактическое соединение Красной армии в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. Развернута 7 сентября 1939 г. на базе 2-го стрелкового полка 1-й Московской пролетарской дивизии. В сентябре 1939 г. принимала участие в Польской кампании, в июне 1940 г. в присоединении Литвы к СССР. С марта 1941 г. дивизия заняла позиции на Карельском перешейке. В действующей армии с 22 июня 1941 по 29 сентября 1943 и с 16 октября 1943 по 9 мая 1945 г. С 31 июля 1941 г. финские войска развернули мощное наступление на участке обороны дивизии в районе Варис – Ваихала с выходом на шоссе Хийтола – Куркийоки и Олика – Кирву

с выходом на станцию Сайрала. В первые дни августа финским войскам удалось прорвать оборону дивизии, и в течение августа 1941 г. части дивизии отступали в район восточнее Выборга, чередуя отступление с безуспешными контрударами. К концу августа 1941 г. остатки дивизии оказались в окружении южнее Выборга в лесном массиве между дер. Порлами и Мятсякюля, мелкими группами выходили в район мыса Койвисто, откуда были эвакуированы в Кронштадт на судах. К концу сентября дивизия была пополнена и переброшена на Брянский фронт, приняла участие в боях после Орловской наступательной операции. В июле 1944 г. переброшена на южный фланг 2-го Прибалтийского фронта. *Командиры*: генерал-майор В.Ф. Коньков (5 августа 1940 – 6 октября 1941 гг.); полковник Н.В. Симонов (6–10 октября 1941), временно исполняющий должность; полковник А.Ф. Манюшин (10 октября – 16 декабря 1941); полковник И.В. Грибов (17 декабря 1941 – 16 февраля 1942); полковник В.И. Смирнов (17 февраля – 13 июля 1942); генерал-майор Н.М. Замировский (14 июля – 14 сентября 1942); подполковник (с 24 октября 1942 — полковник) И.М. Белоусов (15 сентября 1942 – 2 июля 1943); полковник С.И. Соболев (10 июля 1943 – 2 января 1944); генерал-майор химических войск Е.А. Лященко (4 января – 22 июня 1944); полковник А.П. Блинов (25 июня 1944 – 26 марта 1945); полковник А.П. Скрынник (27 марта – 7 апреля 1945); генерал-майор А.П. Блинов (8 апреля – 9 мая 1945).

⁵⁵³ *313-я стрелковая Петрозаводская дважды Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия* (сокр. 313 сд) — тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в период с 15 по 20 июля 1941 г. в Ижевске и Воткинске (Уральский ВО) в рамках реализации постановления ГКО СССР № 48сс от 8 июля 1941 г. По завершении формирования директивой Генштаба № 001357 от 28 августа 1941 г. направлена на Карельский фронт (в Петрозаводск) и 5 сентября 1941 г. поступила в действующую армию. В течение сентября 1941 г. вела бои с наступающими на Петрозаводск войсками финской Карельской армии. После оставления Петрозаводска директивой Ставки ВГК № 002952 от 13 октября 1941 г. передана 7-й отдельной армии в состав Медвежьегорской оперативной группы Карельского фронта. С декабря 1941 г. занимала позиционную оборону к западу от Медвежьегорска. С 3 по 10 января 1942 г. принимала участие в неудачной Медвежьегорской наступательной операции. В дальнейшем до лета 1944 г. находилась в позиционной обороне. В рамках Свирско-Петрозаводской наступательной операции (21 июня – 9 августа 1944) в составе 32-й армии первоначально наступала на Петрозаводск, а после освобождения города — на запад, по направлению к советско-финляндской границе. В ходе наступления были освобождены гг. Медвежьегорск (23 июня), Кондопога (28 июня), Суоярви (13 июля). После заключения перемирия с Финляндией 2 ноября 1944 г. выведена в резерв Ставки ВГК в составе 19-й армии и переброшена в Северную Польшу. 29 января 1945 г. дивизия вновь поступает в действующую армию вместе с другими соединениями 19-й армии в состав 2-го Белорусского фронта. В ходе кампании 1945 г. в рамках Восточно-Померанской операции дивизия принимала участие в Хойнице-Кезлинской (10 февраля – 6 марта 1945) и Данцигской (7–31 марта 1945) наступательных операциях. Директивой Ставки ВГК № 11097 от 29 мая 1945 г. расформирована. *Командиры*: генерал-майор Антон Антонович Павлович (10 июля – 16 октября 1941); полковник Александр Павлович Петров (17 октября – 19 ноября 1941); полковник Григорий Васильевич Голованов (20 ноября 1941 – 27 февраля 1944); полковник Никифор Фомич Цыганков (28 февраля 1944 – 4 марта 1945); полковник Василий Андрианович Асафьев (5 марта – 9 мая 1945).

⁵⁵⁴ Подробнее см.: *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 265.

⁵⁵⁵ *8-я отдельная стрелковая бригада* (сокр. 8 осбр) — тактическое соединение Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны. Формировалась весной 1940 г. на полуострове Ханко за счет прибытия туда полков 24-й стрелковой дивизии. В действующей армии с 22 июня 1941 по 12 марта 1942 г. На начало войны дислоцировалась на острове

Ханко. С 1 июля 1941 г. финские войска начали штурм укреплений военно-морской базы. С этого времени и до конца ноября бригада вела оборону военно-морской базы Ханко на полуострове и близлежащих островах, являясь основным соединением Красной армии на базе. С начала октября 1941 г. началась эвакуация гарнизона базы в Кронштадт. Последние транспорты ушли с Ханко 2 декабря 1941 г. По прибытии бригада находилась во фронтовом резерве Ленинградского фронта до весны 1942 г. 12 марта 1942 г. в составе 23-й армии переформирована в 136-ю стрелковую дивизию. *Командир*: полковник Н.П. Симоняк (с декабря 1940 по март 1942).

⁵⁵⁶ *54-я стрелковая бригада* (сокр. 54 сбр) — тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Формировалась осенью 1941 г. в Саратовской области и северных районах Казахстана. В действующей армии с 9 декабря 1941 по 10 мая 1944 г. 5 декабря 1941 г. по железной дороге переброшена в район Осташкова. В январе–феврале 1942 г. в составе Северо-Западного, а затем Калининского фронтов. К началу Торопецко-Холмской операции на 9 января 1942 г. находилась в третьем эшелоне армии. Введена в бой уже непосредственно за Холм, весь 1942 г. держала оборону в районе Холма. В декабре 1942 – январе 1943 г. участвовала в Великолукской наступательной операции. 10 мая 1944 г. на базе бригады сформирована 325-я стрелковая дивизия. *Командиры*: генерал-майор С.В. Черников (с 14 мая 1942); генерал-майор Г.И. Чернов (19 мая – 2 октября 1942); полковник Н.М. Уральский (2 октября 1942 – 30 сентября 1943); полковник Н.З. Сухоревров (30 сентября 1943 – 14 мая 1944).

⁵⁵⁷ Речь идет о так называемом лагере в Вильянди (другое название — Феллинский лагерь) — штрафной лагерь для советских военнопленных — агентов германской военной разведки. Находился в подчинении штаба «Валли». Располагался в г. Вильянди (Феллин) Эстонской ССР.

⁵⁵⁸ *Эрфурт В.* Финская война, 1941–1944 гг. М., 2005. С. 207.

⁵⁵⁹ *Калабалин Семен Афанасьевич* (нем. псевд. Семен, сов. псевд. Семенов; 14.08.1903 — 24.06.1972) — советский педагог. Уроженец с. Сулимовка (по другим данным — с. Сторожевое ныне Чутовского района) Полтавской области. Украинец. Окончил инженерно-мелиоративный факультет Харьковского сельскохозяйственного института (1927). В 1928–1941 гг. работал в детдомах и колониях трудновоспитуемых. 30 июня 1941 г. добровольцем ушел на фронт. 13 августа 1941 г. в качестве командира разведгруппы заброшен на самолете в тыл к противнику. Во время выполнения боевого задания попал в плен. В апреле 1942 г., находясь в Холмском лагере военнопленных, инициативно завербовался в германскую военную разведку. До сентября 1942 г. обучался в Варшавской разведывательной школе по специальности «разведчик-радиист». Во время учебы имел псевдоним Бестужев. В ночь с 15 на 16 сентября 1942 г. вместе с Я.Г. Парменниковым выброшен с самолета на парашюте на территории Горьковской области с разведывательным заданием. Сразу после приземления агенты явились с повинной в советские органы безопасности. 24 октября 1942 года по указанию заместителя наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулова С.А. Калабалин из-под стражи был освобожден и включен в «оперативную комбинацию» (радиоигра «Семенов»). 28 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Награда вручена 28 декабря 1943 г. лично начальником ГУКР «Смерш» комиссаром госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумовым. 12 сентября 1944 г. был назначен директором детского дома для испанских детей № 2 в системе Министерства просвещения РСФСР. Скончался в с. Клеменово Московской области.

⁵⁶⁰ *Тарасов Д.П.* Большая игра (Документальный обзор и художественно-документальный очерк «Памятная дуэль»). М., 1997. С. 57–61.

⁵⁶¹ *Хинштейн А.Е.* Подземелья Лубянки. М., 2005. С. 291–309.

⁵⁶² *Андрюхин В.И.* По следу Вервольфа. Нижний Новгород, 2011. С. 62–88.

⁵⁶³ *Парменников Яков Гаврилович* (нем. псевд. Раснянский; 21.10.1907–08.09.1943) — агент германской военной разведки. Уроженец дер. Большое Аретово Понизовского района Смоленской области. Из крестьян. До войны — начальник АХО Центральной лаборатории автоматики Наркомчермета (Москва). Бывший командир отделения рейдового отряда особого назначения. Попал в немецкий плен. В Холмском лагере военнопленных завербован германской военной разведкой. Окончил Варшавскую разведшколу. В ночь с 15 на 16 сентября 1942 г. вместе с А.С. Калабалиным выброшен с самолета на парашюте на территории Горьковской области с разведывательным заданием. Сразу после приземления агенты явились с повинной в советские органы безопасности. Принимал участие в спецоперации советских спецслужб. Скончался в г. Горьком. Фотокопия выписки из протокола допроса Я.Г. Парменникова от 2 октября 1942 г. опубликована, см.: *Андрюхин В.И.* По следу Вервольфа. С. 81.

⁵⁶⁴ *Харин Петр Яковлевич* (нем. псевд. Малютин; 1918–?) — агент германской военной разведки. Уроженец дер. Венюково Красненского района Орловской области. Бывший ефрейтор танковой части № 9401 Красной армии. 10 августа 1941 г. у г. Столбцы попал в немецкий плен. Завербован германской военной разведкой. Окончил Варшавскую разведшколу. 18 сентября 1942 г. арестован сотрудниками УНКВД по Горьковской области. 15 апреля 1944 г. по решению Особого совещания при НКВД СССР по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» УК РСФСР, заключен в ИТЛ сроком на три года. Фотокопия протокола допроса П.Я. Харина от 30 сентября 1942 г. опубликована, см.: *Андрюхин В.И.* По следу Вервольфа. С. 82–83.

⁵⁶⁵ *Браунек Адольф* (служеб. псевд. Броницкий; 1875–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; ротмистр (капитан кавалерии). Уроженец Белостока. Из семьи фабриканта. Окончил Высшее техническое училище в Дрездене (1900). До начала Второй мировой войны работал представителем фирмы по производству шерстяных изделий. Осенью 1939 г. призван на военную службу; вспомогательный офицер разведки отдела Іс при штабе І военного округа (Кенигсберг). С июля по сентябрь 1941 г. начальник разведшколы в местечке Мишен (10–12 км северо-западнее Кенигсберга). С января по апрель 1942 г. начальник разведшколы в местечке Бальга (43 км от Кенигсберга), затем заместитель начальника Варшавской разведшколы. В декабре 1942 г. вышел в отставку по старости. До ареста инженер Калининградского треста «Водоканал». В январе 1947 г. арестован сотрудниками УМГБ по Калининградской области.

⁵⁶⁶ *Рясной Василий Степанович* (1904–1995) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Уроженец Самарканда. Из семьи рабочего-путейца. С 1920 г. в РККА. С февраля 1937 г. в органах безопасности. С марта 1941 г. начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКВД СССР. С 31 июля 1941 г. начальник УНКВД по Горьковской области. С 7 мая 1943 г. начальник УНКГБ по Горьковской области. С 29 июля 1943 по 15 января 1946 г. нарком внутренних дел УССР. В 1956 г. уволен из органов безопасности.

⁵⁶⁷ *Борисенко Дмитрий Прокофьевич* (1903–?) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; подполковник (1948). С декабря 1942 г. заместитель начальника КРО УНКВД по Горьковской области. С июля 1943 г. начальник Автозаводского ГО УНКВД по Горьковской области. С февраля 1944 г. начальник 2-го отдела УНКГБ по Горьковской области. С июня 1945 г. временно исполняющий обязанности начальника, с февраля 1946 г. — начальник 2-го отдела УНКГБ по Одесской области. С января 1947 г. начальник 4-го отдела УМГБ по Одесской области. С марта 1951 г. заместитель начальника отдела сыска УМГБ по Киевской области.

⁵⁶⁸ *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* Т. 3, кн. 2. С. 313–314.

⁵⁶⁹ *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* Т. 4, кн. 1. С. 543–544

⁵⁷⁰ *Деркач* Петр Васильевич (нем. псевд. Бирюк; 1910–1943) — агент германской военной разведки. Уроженец местечка Хабно Кагановичского района Киевской области. Украинец. Бывший лейтенант Красной армии; попал в немецкий плен. Окончил Варшавскую школу германской военной разведки. 27 июня 1943 г. выброшен с немецкого самолета с парашютом с заданием доставить агенту «Семенову» батареи для радиации, деньги и фиктивные документы. 11 июля 1943 г. арестован сотрудниками советской контрразведки на явочной квартире агента «Семенова». По решению Особого совещания при НКВД СССР в 1943 г. за измену Родине осужден к ВМН. Приговор приведен в исполнение. Фотокопия выписки из протокола допроса П.В. Деркача от 16 июля 1943 г. опубликована: см.: *Андрюхин В.И.* По следу Вервольфа. С. 84–85.

⁵⁷¹ *Разведывательная школа в местечке Бальга* была организована в феврале 1942 г. Находилась в подчинении разведывательного отдела штаба «Валли» — «Валли I». Полевая почта № 57219. Была филиалом Варшавской разведшколы. Агентура вербовалась в лагерях военнопленных в гг. Кельце, Хохенштайне и Холме. Одновременно в школе обучалось не больше 40 чел. Обучение продолжалось от трех недель до двух месяцев. По данным советской контрразведки, в августе 1943 г. в связи с передислокацией Варшавской разведшколы в район Кенигсберга (станция Гросс-Раум) школа в местечке Бальга была якобы расформирована. *Начальники:* ротмистр Альфред Браунек (с января по апрель 1942); зондерфюрер Роберт Фригофен (с апреля 1942).

⁵⁷² *Андрюхин В.И.* По следу Вервольфа. С. 69–70.

⁵⁷³ *Тутушкин* Федор Яковлевич (1900–1959) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1944). Уроженец дер. Тереховицы Владимирской губернии. В Красной гвардии и РККА с 1917 г. В органах безопасности с 1922 г. С марта по 31 июля 1941 г. заместитель начальника 3-го Управления НКВ СССР. С 22 августа 1941 по 29 апреля 1943 г. начальник ОО НКВД МВО. С 29 апреля 1943 по 22 июля 1945 г. начальник УКР «Смерш» МВО. Скончался в Москве.

⁵⁷⁴ *Андрюхин В.И.* По следу Вервольфа. С. 84–85.

⁵⁷⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2008. Т. 4, кн. 2: Великий перелом: 1 июля — 31 декабря 1943 г. С. 394.

⁵⁷⁶ См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 612.

⁵⁷⁷ *Лубянка*, 2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 238–240.

⁵⁷⁸ «*Абверкоманда 103*» (нем. Abwehrttrupp 103) — разведывательное подразделение германской военной разведки на советско-германском фронте. Сформирована в июне 1941 г. и придана 1-й танковой армии. Полевая почта № 00723. Позывной радиостанции «Булле». До июля 1942 г. входила в подчинение «Абверкоманды 1 А», затем — «Абверкоманды 101». Проводила разведку против войск Сталинградского, Северо-Кавказского и 4-го Украинского фронтов. В 1942 г. из состава группы был выделен специальный отряд на территории бывшей Калмыцкой АССР; начальник — зондерфюрер Отто Верба (псевд. доктор Долль). Отряд дислоцировался в г. Степном, позывной радиостанции — «Краних» («Журавль»). Впоследствии на базе отряда было сформировано так называемое Калмыцкое подразделение доктора Долля. В 1942 г. агентура проходила краткосрочную подготовку на курсах, организованных при абверкоманде, названных «командой Локкерта». «Команда Локкерта» создана в ноябре 1941 г. в Варшаве резидентом германской военной разведки зондерфюрером Зеконием Фоулидисом (нем. псевд. Локкерт; в августе 1943 г. убит на советско-германском фронте). С ноября 1941 г. вошла в подчинение «Абвергруппы 103» на правах мельдекопфа. Основной костяк команды составляли шесть русских эмигрантов, завербованных «Локкертом» в Афинах (Греция). Вначале они предназначались для выполнения разведзаданий в тылу Красной армии, а затем были зачислены в штат официальных сотрудников «Абвергруппы 103». На курсах одновременно обучалось 25–40 человек. Срок

обучения колебался от 5 до 20 дней. В июне 1943 г. «команда Локкерта» передислоцировалась в Таганрог и была подчинена «Абвергруппе 101». 8 мая 1945 г. в районе местечка Фронлейтен (30 км севернее г. Грац, Австрия) абверкоманда была расформирована; часть официальных сотрудников и агентуры сдались в плен англо-американским войскам. *Начальники*: капитан Карл Гесс (до июня 1942); майор Фриц (Иоахим) Альбрехт (с лета 1942 до марта 1944); лейтенант Ганзер (Хензель) (с марта 1944); обер-лейтенант Адольф Фрич (с конца 1944).

⁵⁷⁹ *С-лагерь* — отдельная часть РОА. До августа 1943 г. начальником лагеря являлся некто Дмитренко; с октября–декабря — капитан Власов, затем — Жарков, он же Шарков, Штефан. До августа 1943 г. С-лагерь находился в дер. Катынь, затем — в Орше. С конца октября 1943 до конца июня 1944 г. — в Минске.

⁵⁸⁰ Речь идет о капитане (зондерфюрере) германской разведки Юлиусе Фурмане, который с июля 1943 г. возглавлял в «Абверкоманде 103» всю агентурную работу.

⁵⁸¹ Вероятно, речь идет о немецкой награде — ордене «Крест за военные заслуги»; за участие в боевых действиях вручалась с мечами.

⁵⁸² Лубянка, 2. С. 242–244.

⁵⁸³ Возможно, имеется в виду руководитель агентурной работы «Абверкоманды 103» капитан Юлиус Фурман.

⁵⁸⁴ *Зеленин Павел Васильевич* (1902–1955) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1943). Уроженец с. Кичкас Запорожского района Днепропетровской области. В органах безопасности с 1920 г. С 1941 г. на руководящих должностях в органах военной контрразведки СССР. В 1944–1945 гг. начальник УКР «Смерш» НКВД СССР 3-го Белорусского фронта. С июля 1945 г. начальник УКР «Смерш» — УКР МГБ СССР ГСОВГ. С апреля 1947 г. в распоряжении Управления кадров МГБ СССР. Уволен из органов государственной безопасности по состоянию здоровья в декабре 1948 г. В октябре 1951 г. арестован по обвинению в «подрывной деятельности в органах МГБ». По решению Особого совещания при МГБ СССР от 23 августа 1952 г. направлен на принудительное лечение с «изоляцией». В 1954 г. освобожден и лишен воинского звания «генерал-лейтенант».

⁵⁸⁵ Речь идет о *Северо-Кавказском фронте* второго формирования. *Командующие*: генерал-полковник И.И. Масленников (январь–май 1943); генерал-лейтенант (с августа 1943 — генерал-полковник) И.Е. Петров (май–ноябрь 1943).

⁵⁸⁶ Речь идет о *37-й армии* второго формирования. *Командующие*: генерал-лейтенант А.И. Лопатин (октябрь 1941 – июнь 1942); генерал-майор П.М. Козлов (июнь 1942 – май 1943); генерал-лейтенант К.А. Коротеев (май–июль 1943); генерал-майор А.А. Филатов (июль–август 1943); генерал-майор А.И. Рыжов (август 1943); генерал-лейтенант М.Н. Шарохин (август 1943 – октябрь 1944); генерал-полковник С.С. Бирюзов (октябрь 1944 – май 1945).

⁵⁸⁷ *Тарасов Д.П.* Большая игра. С. 41–43.

⁵⁸⁸ *Качев Б.* Тайная война // Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани: очерки, ст., док. повести. Краснодар, 2007. Кн. 2. С. 250–251.

⁵⁸⁹ *Тарасов Д.П.* Большая игра. С. 41–42.

⁵⁹⁰ Речь идет о *8-й бригаде морской пехоты* второго формирования. Создана на базе 1-го морского полка в январе 1942 г. *Командир бригады*: полковник П.Ф. Горпищенко.

⁵⁹¹ Речь идет о третьем наступлении немецких войск на Севастополь (1 января — 4 июня 1942).

⁵⁹² Вероятно, речь идет об агенте германской военной разведки В.В. Груша-Николаеве.

⁵⁹³ *Крымский фронт* образован в конце января 1942 г. в составе 44, 47 и 51-й армий бывшего Кавказского фронта, находившихся на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Краснодара. Ему были подчинены Севастопольский оборонительный район,

Черноморский флот, Азовская военная флотилия, Керченская военно-морская база и Северо-Кавказский военный округ. 19 мая 1942 г. фронт был расформирован. *Командующий*: генерал-лейтенант Д.Т. Козлов.

⁵⁹⁴ По указанному адресу команда НБО находилась до октября 1943 г. Затем она передислоцировалась в Херсон, потом в Николаев, а оттуда в ноябре 1943 г. в Одессу — пос. Большие Фонтаны.

⁵⁹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4, кн. 2. С. 495–497.

⁵⁹⁶ *Белкин Михаил Ильич* (1901–11.1980) — советский военный деятель, один из руководителей военной контрразведки; генерал-лейтенант (1944). Уроженец Рославля Смоленской губернии. Из семьи заведующего лесным складом. С 1918 г. в РККА. С конца 1918 г. сотрудник органов безопасности; работал в Военном контроле, затем ОО 16-й армии, 53-й пограничной дивизии, 14-й армии. Затем на различных должностях в органах безопасности. С конца 1938 г. начальник 1-го отделения 2-го отдела ГЭУ НКВД СССР. С 1939 г. слушатель Военной академии им. М.В. Фрунзе. С июня 1941 г. начальник ОО 35-го стрелкового корпуса на Южном фронте, затем начальник ОО 34-й армии Северо-Западного фронта. С мая 1942 г. начальник ОО Крымского, затем Северо-Кавказского фронтов. В 1942–1943 гг. начальник ОО Северной группы войск Закавказского фронта (г. Грозный). С апреля 1943 г. начальник УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии, 3-го Прибалтийского фронта (до ликвидации фронта в декабре 1944 г.). С марта 1945 г. начальник опергруппы ГУКР «Смерш» (инспекции Союзной контрольной комиссии) в Венгрии. С июня 1946 г. заместитель начальника ПГУ МГБ СССР. С июня 1947 г. начальник Управления контрразведки Центральной группы советских войск в Австрии и Венгрии; главный советник МГБ СССР в странах Восточной Европы. С марта 1950 г. заместитель начальника 1-го Управления МГБ СССР. В августе 1951 г. уволен из органов безопасности и арестован. В июле 1953 г. освобожден, в октябре того же года уволен из органов безопасности по дискредитации.

⁵⁹⁷ «*Буссард*» — позывной радиостанции «Абвергруппы 303». «Абвергруппа 303» (нем. Abwehrtrupp 303) — контрразведывательный орган германской военной разведки на советско-германском фронте. *Руководители*: капитан фон Штукрайт (до весны 1942); капитан Иван фон Штратман (с весны 1942).

⁵⁹⁸ «*Мардер*» — условное наименование радиостанции, обслуживавшей головной пост связи «айнзатцкоманды Ноймана».

⁵⁹⁹ «*Татар*» — позывной радиостанции разведоргана Главного морского штаба «зондеркоманды № 47585».

⁶⁰⁰ *Тарасов Д.П.* Большая игра. С. 43.

⁶⁰¹ *Азаров О.* «Посылаю отряд для ликвидации...» // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми (Документы, материалы, воспоминания: 1918–1998). Сыктывкар, 1998. С. 113–136; *Ануфриев А.З., Захаров В.Д.* Вражеский десант на Печоре // Книга Памяти Республики Коми. Сыктывкар, 1996. Т. 4. С. 379–385; *Пашина В.* Печорский десант. Сыктывкар, 2004; *Сарычев Ю.В.* Печорский диверсионный десант в Коми // Красное Знамя. 2012. 8 июля; *Турьев Г.* По следам десанта // Служим Отечеству. С. 123–136; и др.

⁶⁰² *Кедровый Шор* — поселок в Печорском районе Республики Коми. Расположен в 52 км от г. Печоры, вверх по течению на левой стороне реки с одноименным названием. Выше поселка в Печору с левой стороны впадает река Кедровка, которая на языке коми называется Кедровый Шор. Появление поселка в 1930 г. связано с размещением здесь спецпоселения — сельхозлагеря НКВД СССР. В 1942 г. в нем содержалось 1200 заключенных.

⁶⁰³ *Безгодов Сергей Иванович* (1912–?) — советский государственный и партийный деятель. Член ВКП(б) с 1939 г.; секретарь Сыктывкарского горкома ВКП(б). В

1939–1941 гг. начальник отдела агитации и пропаганды и военного отдела Коми обкома ВКП(б). В 1940 г. член оргбюро Кожвинского района Коми АССР. С ноября 1942 г. первый секретарь Кожвинского райкома ВКП(б); участвовал в подавлении Усинского восстания в лагерях Коми. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. министр сельского хозяйства Коми АССР.

⁶⁰⁴ *Кабаков Савватий Иванович* (1903–1984) — один из руководителей советских органов безопасности; полковник госбезопасности (1943). Уроженец дер. Горка Сольвычегодского района Вологодской губернии. В органах безопасности с 1931 г. С октября 1938 по апрель 1940 г. начальник Печорского окротдела НКВД. С 22 апреля 1940 по 26 февраля 1941 г. нарком внутренних дел Коми АССР. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. нарком ГБ Коми АССР. С 31 июля 1941 по 24 марта 1944 г. нарком внутренних дел Коми АССР. Скончался в Наро-Фоминске.

⁶⁰⁵ *Тараненко Алексей Георгиевич* (1900–1960) — советский государственный и партийный деятель. Уроженец Владимирской волости Царицынской губернии. Участник Гражданской войны. Член РКП(б) с 1917 г. В 1924–1931 гг. служил в РККА. Окончил Институт красной профессуры (1937). В 1936–1939 гг. второй секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б). В 1940–1948 гг. первый секретарь Коми обкома ВКП(б). С 1949 г. заместитель председателя Совета министров Бурятской АССР.

⁶⁰⁶ *Азаров О.* «Посылаю отряд для ликвидации...». С. 113–114.

⁶⁰⁷ *Турьев Г.* По следам десанта. С. 126.

⁶⁰⁸ В разведшколе в Вану-Нурси М.К. Годов имел псевдоним Горный; во время радиопрограмм этим псевдонимом он подписывал свои радиogramмы в Рижский разведцентр противника.

⁶⁰⁹ Об Усинском восстании см.: *Рогачев М.Б.* Усинское восстание: документы и комментарии // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2005. Т. 7. С. 165–209.

⁶¹⁰ *Сарычев Ю.В.* Печорский диверсионный десант в Коми. Цит. по: <http://komikz.ru/news/history/?id=6976>

⁶¹¹ *Ануфриев А.З., Захаров В.Д.* Вражеский десант на Печоре.

⁶¹² Речь идет об А.Г. Доронине.

⁶¹³ *Боровиков Михаил Васильевич* (1906–?) — сотрудник советских органов безопасности; капитан ГБ. Член ВКП(б) с 1931 г. В органах безопасности с 1931 г. В июне 1943 г. начальник отделения по борьбе с бандитизмом НКВД Коми АССР.

⁶¹⁴ *Прошутинский Василий Дмитриевич* (1913–?) — сотрудник советских органов безопасности; капитан ГБ. Член ВКП(б) с 1941 г. В органах безопасности с 1938 г. В июне 1943 г. заместитель начальника Оперативного отдела УНКВД по Коми АССР.

⁶¹⁵ *Соловьев Владимир Семенович* (1914–?) — сотрудник советских органов безопасности; капитан ГБ. Член ВКП(б) с 1942 г. В органах безопасности с 1938 г. В июне 1943 г. начальник отделения по борьбе с бандитизмом УНКВД по Коми АССР.

⁶¹⁶ *Трусов Степан Александрович* (1918–?) — сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант ГБ. Член ВКП(б) с 1940 г. В органах безопасности с 1931 г. В июне 1943 г. начальник секретариата НКВД Коми АССР.

⁶¹⁷ *Рохин Афанасий Алексеевич* (1911–?) — сотрудник советских органов безопасности. В июне 1943 г. заместитель начальника 1-го спецотделения НКВД Коми АССР.

⁶¹⁸ См. подробнее: *Смерш: Исторические очерки и архивные документы.* М., 2003. С. 63–65, 193–196.

⁶¹⁹ *Разведывательно-диверсионная школа в местечке Вану-Нурси* (10 км от г. Выру) Эстонской ССР была организована в июле 1942 г. Условное название — «Малепартус». Находилась в подчинении «Абверкоманды 204» («АК 204», полевая почта № 17542) при штабе группы армий «Север». Школа готовила диверсантов, разведчиков и организаторов повстанческого движения в советском тылу, а также комплектовала группы для

захвата стратегически важных объектов и проведения террористических актов против командного состава Красной армии. В школе проходили обучение и агенты, предназначенные для борьбы с партизанским движением. Вербовка производилась под предлогом набора добровольцев в РОА. В школе одновременно обучалось около 100 человек. Срок обучения 1–2 месяца. После окончания школы агенты разбивались на группы по 3–12 человек, экипировались в форму военнослужащих Красной армии и войск НКВД, снабжались оружием, взрывчатыми веществами и т.п. и поступали в распоряжение «АК 204». В июне 1943 г. школа была объединена со школой в местечке Вихула (находилась в подчинении «Абвергруппы 212»). В октябре 1943 – январе 1944 г. в школе была проведена реорганизация, в результате чего агенты были переданы разных абверкомандам. Оставшиеся в школе агенты и преподаватели в ноябре 1943 г. передислоцировались в дер. Дихшино (5 км севернее г. Печеры), где находились до конца декабря 1943 г. В конце декабря школа была разделена на два лагеря. Первый лагерь — «Михель» — был подготовительным. В нем агенты обучались только общеобразовательным предметам. По окончании предварительной подготовки агенты направлялись во второй лагерь — «Петер», для обучения разведке и диверсии. В октябре 1944 г. оба лагеря из Эстонии через Инстербург переехали в местечке Опен (5 км севернее г. Вормидтта, Восточная Пруссия), где были снова объединены и находились до января 1945 г. *Начальник*: лейтенант Зинке (он же Эрнст Андерсон) (июль 1942 – октябрь 1943); *заместитель начальника*: лейтенант Курт Клингер. См. также: Структура и деятельность органов германской военной разведки в годы Второй мировой войны [Сб. док.] / сост. А.В. Валякин, А.А. Кохан. Симферополь, 2011. С. 276–278.

⁶²⁰ *Калинин Николай Арсентьевич* (1913–?) — сотрудник советских органов безопасности; старший лейтенант ГВ. Уроженец Тверской губернии. В 1935–1937 гг. учился в Ленинградском химико-технологическом институте. В органах безопасности с 1937 г. Член ВКП(б) с 1940 г. В июне 1943 г. начальник Кожвинского райотдела НКВД Коми АССР. В 1945 г. заместитель начальника отдела НКВД Коми АССР.

⁶²¹ Материалы по ликвидации немецкого парашютного десанта, высадившегося в июне 1943 года в Кожвинского районе Коми АССР // Архив УФСБ по Республике Коми. Ф. 1. Оп. 1. Д. 127. Л. 92–92об.

⁶²² *Азаров О.* «Посылаю отряд для ликвидации...». С. 116.

⁶²³ *Рюмин Михаил Дмитриевич* (1913–1954) — советский офицер, один из руководителей органов безопасности; полковник (1951). Уроженец с. Кабанье Кабанской волости Шадринского уезда Пермской губернии. Из крестьянской семьи. В органах безопасности с 1941 г. С 22 июля по сентябрь 1941 г. слушатель Высшей школы НКВД СССР. С сентября 1941 г. сотрудник ОО УНКВД по Архангельской области — следователь, старший следователь 4-го отделения ОО НКВД АрхВО. С апреля 1943 г. сотрудник ОКР «Смерш» АрхВО; с 21 мая 1943 г. заместитель начальника 4-го (следственного) отделения ОКР «Смерш» АрхВО. С 17 января по 15 декабря 1944 г. начальник 4-го отделения ОКР «Смерш» Беломорского ВО. Затем переведен в центральный аппарат ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 25 марта 1945 по 22 мая 1946 г. старший следователь 1-го отделения 6-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 19 октября 1951 по 13 ноября 1952 г. заместитель министра госбезопасности СССР.

⁶²⁴ *Абрамов Федор Александрович* (29.02.1920–14.05.1983) — русский советский писатель. Уроженец дер. Веркола Пинежского уезда Архангельской области. Из семьи крестьянина. После окончания школы (1938) поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Летом 1941 г. ушел добровольцем на фронт, воевал пулеметчиком 377-го артиллерийско-пулеметного батальона, в боях был ранен. В июле 1942 г. вернулся в армию для службы в нестроевых частях. До февраля 1943 г. заместитель командира роты в 33-м запасном стрелковом полку АрхВО, затем — помощник командира

взвода Архангельского военно-пулеметного училища. С 17 апреля 1943 г. сотрудник ОКР «Смерш» АрхВО; с августа того же года следователь, с июня 1944 г. старший следователь. 22 октября 1945 г. демобилизован и направлен в Ленинградский госуниверситет для завершения учебы (окончил в 1948). Один из наиболее известных представителей так называемой деревенской прозы, значительного направления в советской литературе 1960–1980-х гг. Скончался в Ленинграде. О службе Ф.А. Абрамова в органах «Смерш» см.: Кононов А.Б. О службе Ф.А. Абрамова в органах контрразведки // Абрамов Ф. О войне и победе. СПб., 2005. С. 185–194.

⁶²⁵ Кононов А.Б. В радиоигру вступает «Смерш». Новые данные из архива ФСБ России о работе Федора Абрамова в органах военной контрразведки // Правда Севера. 2003. 15 мая. № 88. Цит. по: <http://www.arhpress.ru/ps/2003/5/15/1.shtml>

⁶²⁶ Головлев Илья Иванович (1902–1977) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1944). Уроженец дер. Тимково Волоколамского уезда Московской области. В органах безопасности с мая 1937 г. С 22 августа 1941 по 30 июня 1942 г. Начальник 4-го, начальник 3-го отделения 3-го отдела УОО НКВД СССР. С 30 июня 1942 по 29 апреля 1943 г. заместитель начальника 11-го отдела УОО НКВД СССР. С 26 мая 1943 по 15 декабря 1944 г. начальник ОКР «Смерш» АрхВО. С 15 декабря 1944 по 19 сентября 1947 г. начальник ОКР «Смерш» – УКР МГБ Беломорского ВО. 4 июня 1954 г. уволен «по фактам дискредитации». Скончался в Москве.

⁶²⁷ Леонов Александр Георгиевич (1905–1954) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1944). Уроженец с. Григоровка Каневского уезда Киевской губернии. В органах безопасности с ноября 1921 г. С 14 сентября 1940 по март 1941 г. заместитель начальника ОО НКВД Тихоокеанского флота (ТОФ). С марта 1941 по январь 1942 г. заместитель начальника 3-го отдела ОО НКВД ТОФ. С января по 7 октября 1942 г. заместитель начальника ОО НКВД ТОФ. С 7 октября по 17 января 1943 г. заместитель начальника 12-го отдела УОО НКВД СССР. С 17 января по 9 марта 1943 г. заместитель начальника 4-го отдела УОО НКВД СССР. С 9 марта по 29 апреля 1943 г. начальник следственной части УОО НКВД СССР. С 29 апреля 1943 по 18 мая 1946 г. начальник следственной части по ОВД МГБ СССР. Расстрелян в Ленинграде «по делу Абакумова».

⁶²⁸ Чертов Иван Александрович (31.08.1905–03.08.1951) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1945). Уроженец Новочеркасска. Окончил 4 класса гимназии. В органах безопасности с мая 1920 г. С марта по июль 1941 г. начальник отделения 1-го отдела 3-го Управления НКО СССР. С 22 августа 1941 по 31 января 1942 г. начальник 1-го отделения 1-го отдела УОО НКВД СССР. В 1942 г. заместитель начальника 9-го отдела УОО НКВД СССР. С 1942 до 29 апреля 1943 г. заместитель начальника 11-го отдела УОО НКВД СССР. С 29 апреля 1943 по 27 мая 1946 г. начальник 11-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

⁶²⁹ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 17.

⁶³⁰ Блиндерман Владимир Михайлович (16.05.1905–14.08.1960 или 1958) — советский офицер, один из руководителей органов безопасности; полковник ГБ (14.02.1943). Уроженец Одессы. В органах безопасности с октября 1937 г. С 1937 г. начальник отделения Центральной лаборатории 12-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 17 июля 1939 по 21 марта 1941 г. заместитель начальника 2-го Спецотдела НКВД СССР. С 21 марта по август 1941 г. заместитель начальника 4-го отдела НКГБ-НКВД СССР. С августа 1941 по 11 ноября 1941 г. заместитель начальника 2-го Спецотдела НКВД СССР. С 11 ноября 1941 по 17 мая 1943 г. начальник 5-го отделения (радио контрразведка) и заместитель начальника 2-го Спецотдела НКВД СССР. С 17 мая 1943 по 6 июня 1946 г. начальник 3-го отделения и заместитель начальника Отдела «Б» НКГБ СССР. С 6 июня по 3 октября 1946 г. заместитель начальника Отдела «Р» МГБ СССР.

⁶³¹ *Серов Иван Александрович* (13.08.1905–01.07.1990) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности СССР; генерал-полковник (1945). Уроженец дер. Афимское Вологодской губернии. Из крестьян. В органах безопасности с 1939 г. С 31 июня 1941 по 25 февраля 1947 г. заместитель наркома-министра внутренних дел СССР; одновременно с 13 октября 1941 по январь 1942 гг. начальник охраны НКВД Московской зоны. С 11 января по 4 июля 1945 — уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту. С 6 марта 1945 по 27 апреля 1945 гг. советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. С 4 апреля 1945 по 24 февраля 1947 г. уполномоченный НКВД-МВД по ГСОВГ.

⁶³² В медицинской сумке, которой были снабжены агенты-диверсанты, кроме фельдшерского набора инструментов, шприца, разных таблеток, перевязочных средств и пр., действительно находилось девять ампул морфия по 0,02 г каждая.

⁶³³ *Амдерма* — поселок в Ненецком автономном округе. Основан в 1933 г. Расположен на побережье Карского моря, к востоку от пролива Югорский Шар на Югорском полуострове. Расстояние до окружного центра, г. Нарьян-Мар, составляет 420 км. Ближайшая железнодорожная станция находится в 270 км в г. Воркуте.

⁶³⁴ *Нарьян-Мар* (нен. Няръяна маар — «Красный Город») — город (с 1935), административный центр Ненецкого автономного округа. Находится за полярным кругом, расположен в низовьях реки Печоры, в 110 км от Баренцева моря.

⁶³⁵ *Ануфриев А.З., Захаров В.Д.* Вражеский десант на Печоре.

⁶³⁶ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 8–9.

⁶³⁷ *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне.* Т. 4, кн. 1. С. 444–445.

⁶³⁸ *Управление контрразведки «Смерш» Центрального фронта* (с 20 октября 1943 и с 5 апреля 1944 — Белорусского, с 17 февраля и 17 апреля 1944 — 1-го Белорусского фронта и с 10 июня 1945 — Группы советских оккупационных войск в Германии) — структурное подразделение органов контрразведки «Смерш» НКО СССР. *Начальники:* комиссар ГБ 3-го ранга (с 26 мая 1943 — генерал-майор, с 25 сентября 1944 — генерал-лейтенант) А.А. Вадис (апрель 1943 – декабрь 1945); генерал-лейтенант П.В. Зеленин (декабрь 1945 – май 1946).

⁶³⁹ *Щигры* — город в Курской области. Расположен на реке Щигор в 61 км к северо-востоку от Курска. Через город проходит железнодорожная линия Курск – Касторное. Щигры были оккупированы немецко-фашистскими захватчиками 21 ноября 1941 г. Освобождены частями 60-й армии Воронежского фронта 4 февраля 1943 г. в ходе Воронежско-Касторненской стратегической наступательной операции.

⁶⁴⁰ *Касторное* — поселок городского типа, административный центр Касторненского района Курской области. Находится на реке Олым (бассейн Дона). Узел железнодорожных линий Елец – Валуйки (на Донбасс) и Курск – Воронеж. В районе поселка (24 января – 2 февраля 1943) произошли крупные сражения в ходе Воронежско-Касторненской стратегической операции.

⁶⁴¹ *Вадис Александр Анатольевич* (1906–1968) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1944). Уроженец дер. Триполье Обуховского района Киевской области. В органах безопасности с 1931 г. С 23 сентября 1942 по марта 1943 г. начальник ОО НКВД Воронежского фронта. С марта по октябрь 1943 г. начальник УКР «Смерш» Центрального фронта (с октября 1943 по февраль 1944 — Белорусского, с 8 июля 1944 по 25 июня 1945 – 1-го Белорусского фронта). С июня 1945 по май 1946 г. начальник УКР «Смерш» ГСОВГ. С мая по октябрь 1946 г. начальник УКР «Смерш» Забайкальско-Амурского ВО, начальник УКР НКГБ-МГБ Забайкальско-Амурского ВО. С октября 1946 по ноябрь 1947 г. в резерве управления кадров МГБ СССР. С 27 ноября 1947 по 3 января 1951 г. начальник Главного управления охраны МГБ СССР на железно-

дорожном и водном транспорте. С 3 января по 24 ноября 1951 г. заместитель министра ГБ УССР. 24 ноября 1951 г. уволен из органов МГБ СССР. Работал в системе ГУЛАГ МВД СССР. 25 декабря 1953 г. «по фактам дискредитации» уволен из органов МВД СССР. 21 ноября 1954 г. постановлением Совета министров СССР № 2349-1118сс «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала» лишен звания «генерал-лейтенант».

⁶⁴² *Льгов* — город в Курской области. Расположен на берегах реки Сейм (приток Десны) в 76 км от Курска. В годы Великой Отечественной войны с 27 октября 1941 по 3 марта 1943 г. был оккупирован войсками вермахта. 3 марта освобожден войсками Воронежского фронта.

⁶⁴³ Установить, какому подразделению германской военной разведки принадлежал позывной «Малер», не удалось.

⁶⁴⁴ «*Сатурн*» — позывной радиостанции «Абверкоманды 103» (до июля 1943 — «Абверкоманда 1 Б»).

⁶⁴⁵ «*Вольф*» — позывной радиостанции «Абвергруппы 109». Находилась в подчинении «Абверкоманды 103». С июня 1941 г. придана 9-й армии. Летом 1943 г. действовала в районе Бобруйска, затем переброшена в Бобруйск. В феврале 1944 г. расформирована.

⁶⁴⁶ «*Виддер*» — позывной радиостанции «Абвергруппы 107». Находилась в подчинении «Абверкоманды 103». Придана 2-й танковой группе (позднее — армии) генерал-полковника Г. Гудериана, затем 9-й армии. Вела разведку против войск Брянского и Западного фронтов на территории Орловской и Брянской областей и Белоруссии.

⁶⁴⁷ Вероятно, речь идет о начальнике «Абверкоманды 103» подполковнике Феликсе Герлице.

⁶⁴⁸ *Малинин* Михаил Сергеевич (1899–1960) — советский военный деятель; генерал армии (1953). Герой Советского Союза (1945). С 1942 г. начальник штаба Брянского, Донского, Центрального, Белорусского, с 1944 г. — 1-го Белорусского фронтов.

⁶⁴⁹ *Новосиль* — город в Орловской области. Расположен на правом берегу реки Зуши, на автомобильной дороге Орел – Ефремов в 77 км к востоку от Орла. 13 ноября оккупирован войсками вермахта, 27 декабря 1941 г. освобожден войсками Красной армии.

⁶⁵⁰ *Власов* Владимир Александрович (1895–?) — сотрудник германской военной разведки; зондерфюрер «Ц» (капитан). Уроженец г. Ромны. С июня 1942 до 1943 г. начальник разведкурсов при «Абвергруппе 105». В октябре–ноябре 1943 г. начальник «С-лагеря» (пересыльно-переправочный лагерь) при «Абверкоманде 103». В декабре 1943 г. начальник учебной части Борисовской разведшколы. Арестован советскими органами безопасности.

⁶⁵¹ Солдаты XX века. Вып. 4: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 403.

⁶⁵² *Фатеж* — город в Курской области, административный центр Фатежского района. Расположен на берегу реки Усожа (приток Свапы), в 45–48 км к северо-западу от Курска. 22 октября 1941 г. оккупирован немецко-фашистскими войсками. 7 февраля 1943 г. освобожден частями Красной армии.

⁶⁵³ На 2-й отдел УКР «Смерш» фронта, в частности, возлагались контрразведывательная работа в тылу и борьба с агентурой противника (парашютистами).

⁶⁵⁴ Псевдоним Н.П. Лонкина.

⁶⁵⁵ Вероятно, речь идет о сотруднике германской военной разведки Я.М. Рихве. *Рихва* Ярослав Михайлович (1911–?) — сотрудник германской военной разведки. Уроженец г. Каменка-Бугская Львовской области. Переводчик и заведующий вещевым складом Борисовской разведшколы. Арестован советскими органами безопасности.

⁶⁵⁶ *70-я армия* (сокр. 70-я А; до 7 февраля 1943 — Отдельная армия НКВД) — общевойсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в октябре 1942 – феврале 1943 г. в районе Свердловска как Отдельная армия войск

НКВД в резерве Ставки ВГК. После передачи в состав Красной армии с 7 февраля 1943 г. получила общевойсковой номер и 15 февраля включена в состав Центрального фронта 2-го формирования. С 28 февраля 1943 г. участвовала в оборонительных и наступательных боях на севском направлении, в ходе которых был образован северный фас Курского выступа. В ходе Курской стратегической оборонительной операции (5–23 июля 1943) армия во взаимодействии с соединениями 13-й, 2-й танковой армий и 19-го танкового корпуса участвовала в отражении атак ударной группировки 9-й армии противника, пытавшейся прорваться к Курску с севера. С переходом Красной армии в контрнаступление участвовала в Орловской стратегической операции (12 июля – 18 августа 1943), наступая на Тросну южнее г. Кромны. К 5 августа ее соединения вышли в район юго-западнее г. Кромны, а к 17 августа — к немецкому оборонительному рубежу «Хаген» в районе Домаха. С завершением операции полевое управление армии было выведено в резерв Центрального фронта, с 1 сентября — в резерве Ставки ВГК. 25 февраля 1944 г. передана 2-му Белорусскому фронту. *Командующие*: генерал-майор Г.Ф. Тарасов (октябрь 1942 – апрель 1943); генерал-лейтенант И.В. Галанин (апрель – октябрь 1943); генерал-майор В.М. Шаратов (сентябрь – октябрь 1943); генерал-лейтенант И.Ф. Николаев (октябрь 1943 – март 1944); генерал-майор А.И. Рыжов (март–май 1944); генерал-полковник В.С. Попов (с мая 1944 до конца войны).

⁶⁵⁷ Речь идет о переходе на сторону противника во время радиоигры, проводившейся в апреле–июле 1942 г. УНКВД по Сталинградской области, бывшего лейтенанта Красной армии Орлова.

⁶⁵⁸ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 37–38.

⁶⁵⁹ *2-я танковая армия* (сокр. 2 ТА; с 20 ноября 1944 — 2-я гвардейская танковая армия) — оперативное объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 15 января 1943 г. на основании директивы Ставки ВГК от 10 января 1943 г. на базе 3-й резервной армии. 15 февраля 1943 г. включена в Центральный фронт. С февраля по март участвовала в наступательной операции на брянском направлении, с 5 июля по 23 августа — в Курской битве, с 26 августа по 3 сентября — в Черниговско-Припятской операции. 3 сентября 1943 г. выведена в резерв Ставки ВГК. 18 января 1944 г. включена в состав 1-го Украинского фронта, в феврале принимала участие в Корсунь-Шевченковской операции. *Командующие*: генерал-полковник П.Л. Романенко (с января 1943); генерал-полковник танковых войск А.Г. Родин (с февраля 1943); генерал-лейтенант (с 24.04.1944 — генерал-полковник танковых войск) С.И. Богданов (с 1943 по июль 1944); генерал-полковник А.И. Радзиевский (с июля 1944 по январь 1945).

⁶⁶⁰ *3-я гвардейская танковая армия* (сокр. 3-я гв. ТА; до 14 мая 1943 — 3-я танковая армия) — оперативное объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 25 мая 1942 г. в составе Московского военного округа на базе управления 58-й армии с непосредственным подчинением Ставке ВГК; была первой танковой армией, сформированной в Красной армии. Весной 1943 г. сыграла важную роль в боях за Харьков. 26 апреля 1943 г. расформирована. Полевое управление реорганизовано в штаб 57-й армии в составе Юго-Западного фронта 2-го формирования. 14 июля 1943 г. армия была сосредоточена в районе Новосиля, включена в Брянский фронт 3-го формирования и в его составе участвовала в Орловской стратегической наступательной операции (12 июля – 18 августа 1943). 27 июля 1943 г. вошла в состав Центрального фронта. *Командующие*: генерал-лейтенант П.Л. Романенко (май–сентябрь 1942); генерал-лейтенант П.С. Рыбалко (сентябрь 1942 — апрель 1943). 14 мая 1943 г. формируется как 3-я гвардейская танковая армия. *Командующий*: генерал-лейтенант (с 30 декабря 1943 — генерал-полковник танковых войск) П.С. Рыбалко (с мая 1943 до конца войны).

⁶⁶¹ *60-я армия* — оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 7 июля 1942 г. путем переименования 3-й резервной

армии, находившейся в резерве Ставки ВГК. 9 июля 1942 г. включена в состав Воронежского фронта и до конца 1942 г. вела оборонительные бои на левом берегу Дона. Зимой 1943 г. участвовала в Воронежско-Касторненской (24 января – 2 февраля 1943) и Харьковской (2 февраля – 3 марта 1943) операциях. *Командующие*: генерал-лейтенант М.А. Антонюк (июль 1942); генерал-лейтенант (с марта 1944 — генерал-полковник) И.Д. Черняховский (июль 1942 – апрель 1944); генерал-полковник П.А. Курочкин (с апреля 1944 до конца войны).

⁶⁶² *65-я армия* — оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 22 октября 1942 г. на базе 4-й танковой армии в составе Донского фронта. Участвовала в Сталинградской оборонительной стратегической операции (17 июля – 18 ноября 1942), затем в контрнаступлении советских войск под Сталинградом (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943); в наступательной операции «Кольцо» (10 января – 2 февраля 1943) Донского фронта по ликвидации окруженной группировки противника. После завершения Сталинградской битвы выведена в резерв Ставки ВГК, а затем передислоцирована на орловское направление. *Командующие*: генерал-лейтенант (с июня 1944 — генерал-полковник) П.И. Батов (с октября 1942 до конца войны).

⁶⁶³ *Унеча* — город в России, административный центр Унечского района Брянской области. Крупный железнодорожный узел. Расположен в верховьях реки Унеча (приток Ипути, бассейн Днепра), в 140 км к юго-западу от Брянска. С сентября 1937 по июль 1944 г. входил в Орловскую область. 23 сентября 1943 г. освобожден от немецко-фашистских оккупантов.

⁶⁶⁴ *Тарасов Д.П.* Большая игра. С. 35–41.

⁶⁶⁵ *Разведывательно-диверсионная школа в местечке Вяцати* была создана в октябре 1941 г., входила в подчинение «Аст-Остланд». До мая 1943 г. дислоцировалась в местечке Вяцати (18 км от Риги), в лесистой дачной местности на берегу Рижского залива (полевая почта № 31104); в мае 1943 г. переведена в местечко Улброк (12 км юго-восточнее Риги). Одновременно в школе обучалось до 150 человек, агентура вербовалась в основном из членов РОА. Срок обучения 1–2 месяца. Обучаемые были разбиты на три группы: группа «С» — диверсионная, группа радистов и группа «П» — агентов-provokаторов. Переброска агентуры в советский тыл проводилась с Рижского и Псковского аэродромов. *Начальники*: капитан Эдуард Вольф (до июня 1942); лейтенант Фрекс (июнь–август 1942); капитан Гойман (с августа 1942).

⁶⁶⁶ *Курмис Мартин* (1891–1944) — немецкий офицер, сотрудник Имперской службы безопасности (СД); гауптштурмфюрер СС. В 1942 г. начальник особого предварительного лагеря (форлагеря) в г. Аушвиц для агентов — уроженцев Кавказа (СС зондерлагерь Аушвиц зондеркомандо Z). В октябре 1942 – апреле 1943 г. начальник особой команды «Цепелина» при Оперативной группе А. Затем проходил службу в VI Управлении РСХА. В начале 1943 г. под его руководством в Иран была заброшена группа диверсантов в количестве пять человек (операция «Мартин»). Вскоре после приземления группа была задержана иранскими властями и передана англичанам. По словам гауптштурмфюрера СС Р. Гамоты, в январе 1944 г. шведское посольство в Берлине сообщило, что Курмис покончил жизнь самоубийством в тюрьме г. Фируз-Абад.

⁶⁶⁷ *Семенов К.К.* Скорцени. Загадки «человека со шрамами». М. 2014. С. 28–31.

⁶⁶⁸ *Бушман Герхард Виллет Арнольд* (1910–?) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; зондерфюрер. Начальник «Люфт-реферата» Таллинского филиала («Анст-Ревал») «КО Финлянд».

⁶⁶⁹ Речь идет о разведывательной школе в местечке Мыза-Кумна.

⁶⁷⁰ Речь идет о Московской конференции 19–30 октября 1943 г. В работе конференции принимали участие нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, госсекретарь США К. Хэлл и министр иностранных дел Великобритании А. Иден. На конференции был рас-

смотрен вопрос о мерах, которые должны быть приняты для сокращения сроков войны. Важнейшими документами конференции явились: 1) «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности» (подписана и представителем Китая), провозгласившая решимость подписавших ее сторон вести войну до безоговорочной капитуляции врага; 2) «Декларация об Италии»; 3) «Декларация об Австрии». Конференция опубликовала подписанную И.В. Сталиным, Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем «Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», ставшую впоследствии основой для судебного преследования и наказания военных преступников.

⁶⁷¹ Так в документе. Речь идет об оберштурмбанфюрере СС Э. Хенгельхаупте. *Хенгельхаупт* Эрик (22.09.1911 – после 1945) — немецкий офицер, сотрудник органов безопасности; штурмбанфюрер СС. Уроженец Магдебурга. Изучал теологию в Лейпцигском университете (1930). Член НСДАП (с 1931). В сентябре 1938 г. вступил в СС, направлен на службу в РСХА, сотрудник II Управления, работал в Институте Ванзее. В июле 1940 г. переведен в группу С VI Управления. С сентября 1940 до 1942 г. сотрудник айнзатцкоманды А (Париж). С марта 1942 г. сотрудник группы VI Ц. С 1944 г. начальник реферата VI C/Z («Цеппелин»). После войны служил в «Организации Гелена» (Abwehr-Organisation Gehlen) и Федеральной разведывательной службе (БНД).

⁶⁷² Радиограмма подписана начальником группы радистов «Цеппелин-Норд» гауптштурмфюрером СС Эмилем Шенмелем.

⁶⁷³ *Курек* (*Куррек*) Вальтер (25.06.1911–?) — немецкий офицер, сотрудник Имперской службы безопасности (СД); штурмбанфюрер СС (1941). Уроженец Зальцбурга. Член СС. В 1932–1936 гг. сотрудник оберабшнитта СД-Зюд в Мюнхене. В 1936 г. в управлении СД Берлина. В 1941–1942 гг. начальник Особого лагеря в Зандберге (разведшкола СД). С апреля по декабрь 1942 г. начальник особой команды «Цеппелина» при Оперативной группе Д (Симферополь – Таганрог), затем начальник отдела заброски VI C/Z («Предприятие “Цеппелин”»). После войны как ценный специалист по СССР привлечен американцами к сотрудничеству, служил в «Организации Гелена» (Abwehr-Organisation Gehlen), затем в Федеральной разведывательной службе (БНД).

⁶⁷⁴ *Гальфе* Алоиз (1921–1945) — немецкий военнослужащий, сотрудник германской политической разведки. Уроженец Судетской области. Переводчик зондеркоманды «Цеппелина» при Оперативной группе А полиции безопасности и СД на северном участке советско-германского фронта («Цеппелин-Норд»). Арестован советскими органами безопасности. 27 января 1945 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР к ВМН; расстрелян. Не реабилитирован.

⁶⁷⁵ «*Хафель-институт*» — научно-исследовательское подразделение германских специальных служб. Размещался в районе Ванзее под Берлином. Сотрудники института занимались изготовлением радиоаппаратуры и подготовкой высококвалифицированных радистов, забрасываемых в тыл противника, а также поддерживали радиосвязь с агентурой.

⁶⁷⁶ *Краус* Отто (1906–?) — немецкий офицер, сотрудник Имперской службы безопасности (СД); штурмбанфюрер СС (1944). До войны проживал в Риге, член организации «Айзсарги». По специальности архитектор (учился вместе с П.П. Делле). С 1939 г. сотрудник РСХА. С августа 1941 г. начальник зондеркоманды СД в Гатчине. Руководитель разведывательного органа СД «Фельдпост № 28344» («Хаупкоманда Нордфронт») при отделе «Руссланд-Норд» (с конца 1942 по 1944). По другим данным, в конце 1944 г. назначен начальником отдела VI Ц РСХА. В марте 1945 г. вместе с персоналом «Цеппелин-Норд» выехал в местечко Плотцен (20 км от Мариенбада, Чехословакия). 10 мая отправился в г. Катшино около Праги. Вероятно, пробрался в американскую зону оккупации вместе со всем персоналом «Цеппелин-Норд».

⁶⁷⁷ Возможно, что подробности проведения первомайских праздников интересовали «Цеппелин-Норд» в связи с планами организации покушения на И. Сталина. Подготов-

кой теракта занимался этот же разведорган противника. В «Цепелине» хотели проверить, правильные ли сведения они получили от П. Таврина. Об этой спецоперации «Цепелина» будет рассказано в следующих параграфах.

⁶⁷⁸ Речь идет об обстреле английских городов самолетами-снарядами «ФАУ-1» и ракетами «ФАУ-2».

⁶⁷⁹ Речь идет об операции «Бернхард» — акции по изготовлению банкнот Банка Англии, инициированной начальником РСХА Р. Гейдрихом и осуществлявшейся с 1940 по 1945 г. Считается, что идея фабрикации фальшивых денег принадлежит сотруднику Службы безопасности (СД) Альфреду Науйоку. Тому самому, который 31 августа 1939 г. организовал инсценировку атаки на немецкую радиостанцию в Глейвице, что послужило поводом нападения нацистской Германии на Польшу. Первоначально ее цель заключалась в нанесении ущерба экономике Великобритании путем разбрасывания фальшивых банкнот над ее территорией, в последующем же — для финансирования собственных секретных операций. Максимальный среднемесячный объем «производства» составлял 200–250 тыс. штук банкнот достоинством 5, 10, 20, 50 и 100 фунтов стерлингов. Всего было изготовлено фальшивок на общую сумму 150 млн фунтов стерлингов. Значительная часть фальшивых купюр поступила в Швецию, Швейцарию и Португалию (на 130 млн.), Францию и Голландию (на 50 млн.), Турцию и некоторые ближневосточные страны (на 25 млн. рейхсмарок). В начале 1945 г. стали изготавливать фальшивые американские доллары, но объем оказался невелик из-за скорого окончания войны.

⁶⁸⁰ Имеются в виду участники движения Национального комитета «Свободная Германия», возникшего летом 1943 г. в СССР из числа антифашистски настроенных немецких военнопленных. В него входили представители различных мировоззрений и слоев немецкого народа — солдаты, офицеры и генералы вермахта, осознавшие преступный характер гитлеровской войны. Председателем комитета являлся известный поэт-коммунист Эрих Вайперт. К комитету примкнул организовавшийся вскоре «Союз немецких офицеров», президентом которого стал взятый в плен под Сталинградом бывший командир корпуса генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц; позднее в него вступил и генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Союз вел большую разъяснительную работу не только среди пленных офицеров, но и непосредственно в немецких войсках также с помощью своих специальных групп, засылаемых за линию фронта. *Зейдлиц-Куртцбах* Вальтер фон (1888–1976) — немецкий военный деятель; генерал артиллерии (1942). Уроженец Гамбург-Эппендорфа. Из семьи потомственных военных, сын генерала. Участник Первой мировой войны. После демобилизации армии остался в рейхсвере. С марта 1940 г. командир 12-й пехотной дивизии. Участник Французской кампании, с июня 1941 г. на советско-германском фронте. С 8 мая 1942 г. командир 51-го армейского корпуса 6-й армии. Участвовал в боях за Харьков. Корпус сыграл главную роль в начавшемся 7 сентября штурме Сталинграда, 13 сентября взял Мамаев курган. После окружения 21 сентября 6-й армии настаивал на немедленном прорыве, но получил отказ Ф. Паулюса. 25 января 1943 г. предложил Паулюсу капитулировать, а после его отказа отдал приказ, разрешавший командиру полков и батальонов сдаваться в плен без разрешения. 31 января взят в плен вместе со штабом корпуса и помещен в лагерь для военнопленных. 11–12 сентября 1943 г. была создана антигитлеровская Лига германских офицеров, а Зейдлиц-Куртцбах избран ее председателем. Арестован 23 мая 1950 г. По приговору Военного трибунала МВО от 8 июля 1950 г. на основании ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. осужден к тюремному заключению сроком на 25 лет. 6 октября 1955 г. освобожден из мест заключения и передан правительству ФРГ.

⁶⁸¹ Лузан Н. «Загадка» СМЕРША. М., 2014. С. 45.

⁶⁸² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4, кн. 1. С. 23–26.

⁶⁸³ Радиоигра «Контролеры» проводилась с 5 августа 1943 до конца апреля 1945 г. 3-м отделом ГУКР «Смерш» НКО СССР из Москвы и ОКР «Смерш» Белорусско-Литовского военного округа из Вильно и Каунаса. Работа радиоточки легендировалась от имени двух агентов германской разведки «Бородина» и «Орлова». Дезинформацию, передаваемую через радиостанцию «Бородина», одновременно подтверждали противнику через используемые нами в Москве радиостанции «Развод» и «Борисов».

⁶⁸⁴ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 68.

⁶⁸⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4, кн. 1. С. 538.

⁶⁸⁶ 11-я армия (сокр. 11 А) — общевойсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. В 1939 г. сформирована в Белорусском особом ВО. С началом войны вела боевые действия в составе Северо-Западного фронта. В ходе оборонительных сражений на дальних подступах к Ленинграду войска армии нанесли сильные контрудары противнику в районах Сольцы и Старая Русса. До конца 1941 г. обороняла рубеж восточнее г. Старая Русса. В январе-мае 1942 г. и феврале 1943 г. войска армии участвовали в боевых действиях войск Северо-Западного фронта в районе Старой Руссы и Демянска. В 1943 г. полевое управление 11-й армии было выведено в резерв Ставки ВГК, а ее войска переданы в 68-ю армию. К 20 апреля армия была передислоцирована в район Тулы с непосредственным подчинением Ставке ВГК. В апреле-июне 1943 г. полевое управление армии приняло в подчинение 53-й стрелковый корпус, 4, 96, 260, 273 и 323-ю стрелковые дивизии, 8-й гвардейский, 42-й и 225-й отдельные танковые полки и другие части. С 12 июля 1943 г. армия в составе Западного, с 30 июля — Брянского фронта 3-го формирования принимала участие в Орловской стратегической (12 июля – 18 августа), Брянской (1 сентября – 3 октября) операциях. 18–20 декабря 1943 г. на основании директивы Ставки ВГК войска армии были переданы в состав 48-й и 63-й армий, а полевое управление выведено в резерв фронта и расформировано. *Командующие:* генерал-лейтенант В.И. Морозов (июль 1940 – ноябрь 1942); генерал-лейтенант П.А. Курочкин (ноябрь 1942 – март 1943); генерал-лейтенант А.И. Лопатин (март-июль 1943); генерал-лейтенант И.И. Федюнинский (июль-декабрь 1943).

⁶⁸⁷ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 71–72.

⁶⁸⁸ Конно-механизированная группа генерал-майора Белова — тактическое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Образована 9 ноября 1941 г. на Западном фронте. Участвовала в Серпуховской операции. 19 ноября 1941 г. расформирована. Создана вновь в составе Западного фронта. Основу группы составлял 1-й гвардейский кавалерийский корпус. С 20 декабря 1941 г. в оперативное подчинение передали 41, 57 и 75-ю кавалерийские дивизии из состава расформированной группы генерал-лейтенанта В.А. Мишулина (10-я армия). С 16 января 1942 г. группа пересекла Варшавское шоссе и ушла в рейд по тылам противника под Вязьмой. Вела бои совместно с 4-м воздушно-десантным корпусом. По выполнении поставленных задач была выведена из тылов противника и 21 июня 1942 г. расформирована. *Командир:* генерал-майор Павел Алексеевич Белов.

⁶⁸⁹ О ходе Смоленской наступательной операции подробнее см.: Солдаты XX века. Вып. 4, т. 1. С. 437–449.

⁶⁹⁰ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 67.

⁶⁹¹ Речь идет об одном из этапов наступательной операции Красной армии по освобождению Правобережной Украины 1943–1944 гг. — Корсунь-Шевченковской операции левого крыла 1-го (генерал армии Н.Ф. Ватутин) и правого крыла 2-го (генерал армии И.С. Конев) Украинских фронтов, проведенной 24 января – 17 февраля 1944 г. с целью окружения и уничтожения группировки немецких войск из состава 1-й танковой и 8-й армий группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн).

⁶⁹² Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2007. Т. 5, кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля — 31 декабря 1944 года). С. 778–779.

⁶⁹³ Возможно, речь идет о начальнике канцелярии «Абверкоманды 103» лейтенанте Э. Рендиксе. *Рендикс (Рендигс) Эрих* (1910/1912?–?) — сотрудник германской разведки; лейтенант (1944). Уроженец Бремена (Берлина?). Позднее — заведующий хозяйством начальника «Абвергруппы 104». В апреле 1944 г. переведен в войска СС.

⁶⁹⁴ 14 сентября – 22 октября 1944 г. проходила Прибалтийская наступательная операция войск Ленинградского, 1, 2 и 3-го Прибалтийского и части сил 3-го Белорусского фронтов, разгромивших группу армий «Север» генерал-полковника Ф. Шернера.

⁶⁹⁵ 13 января – 25 апреля 1945 г. войска трех фронтов: 2-го и 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского в ходе Восточно-Прусской наступательной операции нанесли сокрушительный удар по группе армий «Центр» генерал-полковника Г. Рейнгардта.

⁶⁹⁶ 12 января – 3 февраля 1945 г. на варшавско-берлинском направлении войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов провели Висло-Одерскую наступательную операцию, разгромив войска группы армий «А» генерал-полковника И. Гарле.

⁶⁹⁷ 29 октября 1944 – 13 февраля 1945 г. войска 2-го Украинского фронта в ходе Будапештской наступательной операции разгромили группу армий «Юг» под командованием генерал-полковника Г. Фрисснера.

⁶⁹⁸ В г. Жиздра Калужской области с конца марта 1943 г. дислоцировалась ЦБФ-группа «Вега» (отряд особого назначения) «Абверкоманды 103». Размещалась по адресу: ул. Виктория (ранее ул. Кирова), дома 33 и 37. В августе 1943 г. передислоцировалась в г. Дятьково Брянской области, затем в г. Шадрин (Белоруссия). В начале января 1944 г. переехала в г. Петриков Полесской области, в феврале — в пос. Микашевичи Ленинского района Пинской области, затем в Пинск; в первых числах апреля — в Брест, оттуда на хутор Адамувка, местечко Мацеев Волынской области. В июне 1944 г. переброшена на территорию Литовской ССР. В январе 1945 г. дислоцировалась в г. Лык (Восточная Пруссия).

⁶⁹⁹ *Огдонов* Басанг Бурунович (нем. псевд. Хасан; 1915–1945) — агент германской военной разведки, дезертир Красной армии. В 1942 г. в период оккупации территории Калмыцкой АССР, под руководством представителей германского командования, из дезертиров Красной армии сформировал бандгруппу, впоследствии переименованную в 14-й эскадрон так называемого Калмыцкого кавалерийского корпуса, позднее — командир 1-го эскадрона 1-го дивизиона корпуса. Принимал активное участие в расстрелах партийного и советского актива, грабежах и насилиях над мирным населением Калмыкии. За свою карательную деятельность награжден германским командованием орденом «Железный крест» 2-го класса. После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом вместе с другими изменниками Родины бежал с отступавшими частями германской армии. В первых числах октября 1943 г. во главе группы из четырех человек заброшен штабом корпуса в советский тыл (в Калмыцкую степь). Примерно через месяц после приземления диверсанты были разгромлены органами безопасности, однако Огдонову и другому диверсанту, Саге Эренценову, удалось скрыться. До мая 1945 г. эта бандгруппа оперировала на территории Астраханской области и Ставропольского края. 10 октября 1945 г. в районе третьей фермы совхоза № 108 (Улан-Малч Ставропольского края) во время перестрелки с оперативной группой НКВД Огдонов был тяжело ранен и застрелен. С. Эренценов в ходе боестолкновения с опергруппой НКВД был убит.

⁷⁰⁰ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 // Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 368–369.

⁷⁰¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2010. С. 263.

⁷⁰² *Зубков Илья Маркович* (по др. данным Макарович, нем. псевд. Цупнов) — агент германской военной разведки. Сотрудник «Абверкоманды 103», с 1942 г. проходил службу в «команде Локкерта» по подготовке из числа русских белоэмигрантов агентуры для заброски в советский тыл. Участвовал в подготовке разведгруппы из калмыков.

⁷⁰³ *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*. Т. 4, кн. 2. С. 534–535.

⁷⁰⁴ Подробнее о калмыцких соединениях в вермахте см.: *Чуев С.Г. Проклятые солдаты*. М., 2004. С. 510–514.

⁷⁰⁵ *Шеллер Эбергард, фон* (служебн. псевд. Кваст, Quast; 1900–02.11.1945) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; капитан. Уроженец Веймара. Из семьи преподавателя Военной академии обер-лейтенанта Константина фон Шеллера. Окончил начальную школу (Берлин, 1910), кадетское училище (Берлин-Лихтерфельде, 1917) и курсы при военном училище (Гроссхейм, 1917). Участник Первой мировой войны, служил в королевском Саксонском кавалерийском полку и 101-м гренадерском полку 23-й пехотной дивизии (Дрезден); лейтенант. Участвовал в боях во Франции. Награжден Железным крестом 1-го (1918) и 2-го (1917) класса, Саксонской медалью Фридриха-Августа. В 1920–1923 гг. служил инструктором в финской армии. По возвращении в Германию учился на медицинском факультете Берлинского университета (1924–1926) и в Высшей технической школе в Берлине (1927–1931). Работал инженером на заводе Дюркопп (1929–1930). В 1930–1934 гг. член германской социал-демократической партии, арестовывался гестапо. С августа 1935 г., как переводчик, в распоряжении абвера («Абвер/Аусланд»). С декабря 1939 по апрель 1940 г. по приказу руководства абвера направлен в качестве добровольца в Финскую армию; занимался разведдеятельностью в Швеции и Финляндии. В июне 1940 г. направлен, как сотрудник «Аст-Копенгаген», на нелегальную работу в Швеции, имел паспорт на имя финского гражданина, капитана Унно Линдквиста. В октябре 1943 г. вернулся в Берлин для личного доклада адмиралу В. Канарису, затем должен был вновь отправиться в Финляндию с целью создания самостоятельного разведцентра против Швеции, однако по непредвиденным обстоятельствам отъезд не состоялся. За службу в абвере награжден Рыцарской степенью ордена «Железный крест». В начале января 1944 г. переведен в «Валли I» и направлен начальником разведгруппы в советский тыл. 23 мая 1945 г. арестован ГУКР «Смерш» ГКО СССР на территории Калмыкии. 20 октября 1945 г. по решению Особого совещания при НКВД СССР «за шпионаж» приговорен к расстрелу. 2 ноября 1945 г. приговор приведен в исполнение. Не реабилитирован.

⁷⁰⁶ Как позднее было установлено в ходе следствия, группа «Кваста» (с учетом членов экипажа) состояла из 33 человек, из них: 19 агентов-диверсантов, 4 радиста и 7 человек — экипаж самолета. Сразу после приземления 9 человек — калмыков — «Кваст» направил на поиски лошадей.

⁷⁰⁷ Расхождения в численности группы «Кваста» связаны с тем, что ко времени поступления в ГУКР «Смерш» записки из НКВД СССР были допрошены все арестованные и собраны необходимые материалы, кроме того, радиоигра по станции «Арийцы» находилась в самом разгаре.

⁷⁰⁸ *Ганзен Ганс* (сов. псевд. Колонизатор; 1915–?) — немецкий офицер, военный летчик; обер-лейтенант люфтваффе (1941). Уроженец Гамбурга. Из старинной купеческой семьи. Окончил авиационную школу в Гамбурге. Одновременно работал монтером на заводе «Фокке-Вульф». С 1935 г. летчик в компании «Люфтганза»; во время одного из полетов попал в авиакатастрофу и был переведен в борт-радисты. Окончил школу радистов в Галле (1936); одновременно прошел подготовку в школе штурманов. Преподавал в 4-й школе радиосвязи (Вена). В 1939 г. призван на военную службу; служил в 172-й транспортной эскадре. Участник Польской кампании. С апреля 1940 г. начальник связи 400-й бомбардировочной эскадры. Участвовал в оккупации Норвегии и Дании, в походах на Бельгию, Гол-

ландию, Францию и Грецию. В боях во Франции был сбит, но благополучно приземлился на свою территорию. Переведен на должность начальника связи в 5-ю бомбардировочную эскадру; участвовал в налетах на Англию (бомбил Лондон, Ковентри и др.) и в бомбежках морских конвоев и транспортов в Атлантическом океане. С апреля 1941 по апрель 1944 г. начальник связи летной школы в Фюрстенвальде-на-Шпрее. С апреля 1944 г. служил в 200-й бомбардировочной эскадрилье специального назначения «КГ-200». 23 мая 1944 г. во время выполнения разведывательного полета задержан советскими органами безопасности на территории Калмыкии. Участвовал в радиоигре «Арийцы». Содержался в Лефортовской тюрьме (на май 1946). 27 декабря 1949 г. арестован сотрудниками УМВД по Московской области и осужден на 25 лет ИТЛ.

⁷⁰⁹ *Группа I X* входила в состав отдела «Абвер I» и занималась сбором разведывательных материалов о сухопутных войсках иностранных армий. Состояла из двух подгрупп: 1) подгруппа «I X Ост» — ведение разведки сухопутных армий СССР, Румынии, Болгарии, Турции и других стран Ближнего и Дальнего Востока; начальник — полковник Герхардт Шольц; 2) подгруппа «I X Вест» — ведение разведки армий Америки, Англии и других стран Западной Европы; начальник — полковник Карл Маурер.

⁷¹⁰ Шифровка об успешном приземлении состояла из четырех букв и четырех цифр «НРОК 7388». Последние две цифры в шифровке «88» на радиожаргоне означали «Поцелуй».

⁷¹¹ «*Римское два*» — операция германской военной разведки, проведенная в 1943–1944 гг. Цель — объединение разрозненных банд, сформированных германской армией при отступлении с территории Калмыцкой АССР для организации восстания в тылу Красной армии. Предполагалось перебросить на самолетах в калмыцкие степи Калмыцкий кавалерийский корпус («Корпус доктора Долля») в количестве 5000 человек.

⁷¹² Возможно, речь идет об одном из руководителей операции, начальнике Гросс-Раумской разведшколы майоре «Марвице» (наст. фамилия Моос).

⁷¹³ Речь идет о германском военном разведчике, начальнике «Валли I» майоре Г. Бауне.

⁷¹⁴ *Байбурин* Ришад Амирзянович (нем. псевд. Хакимов; 1914–?) — агент германской военной разведки. Уроженец дер. Сафарово (станция Чишма Башкирской АССР). Татарин. Образование среднее. Бывший военнослужащий Красной армии, помощник командира пулеметного взвода 12-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии; старший сержант. 12 июня 1944 г. заброшен в советский тыл на самолете в составе группы из пяти человек в район пос. Песчаный (Яшкуль) для пополнения группы, руководимой капитаном германской армии Э. фон Шеллером (нем. псевд. Кваст). Арестован советскими органами безопасности.

⁷¹⁵ Речь идет о бывшей Варшавской разведшколе германской военной разведки, которая в июле 1943 г. передислоцировалась в местечко Нойгоф (район станции Гросс-Раум, 12 км от Кенигсберга). Школа была законспирирована под воинскую часть РОА.

⁷¹⁶ *Мюллер Отто* — немецкий военнослужащий, сотрудник военной разведки; унтер-офицер. В 1943–1944 гг. инструктор радиододела разведшколы в Гросс-Рауме. Владел русским и польским языками.

⁷¹⁷ *Беляев В.П.* В калмыцких степях // Военные контрразведчики / сост. Ю.В. Селиванов. М., 1978. С. 278–288.

⁷¹⁸ «Мюллер» — псевдоним инструктора радистов Гросс-Раумской разведшколы унтер-офицера Мусилера.

⁷¹⁹ *3-й Прибалтийский фронт* (21 апреля – 16 октября 1944) — оперативно-стратегическое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Принял участие в освобождении Прибалтики летом и осенью 1944 г. Первоначально в состав фронта вошли 42, 54 и 67-я общевойсковые и 14-я воздушная армии. В последующем в состав фронта были включены также 61-я и 1-я Ударные армии, 10-й танковый корпус и 2-я артиллерийская

дивизия прорыва. После взятия Риги на основании директивы Ставки ВГК от 16 октября 1944 г. 3-й ПБФ был расформирован, его полевое управление с фронтовыми частями и 54-й армией было выведено в резерв Ставки. Остальные войска переданы в состав Ленинградского (67-я армия), 1-го Прибалтийского (61-я армия) и 2-го Прибалтийского (1-я Ударная и 14-я воздушная армии) фронтов. *Командующий*: генерал-полковник И.И. Масленников; *начальник штаба*: генерал-лейтенант В.Р. Вашкевич.

⁷²⁰ *Тарасов Д.П.* Большая игра. С. 44–45.

⁷²¹ Здесь и далее речь идет об «Абверкоманде 104», которая вела разведывательную деятельность при штабе группы армий «Север».

⁷²² «*Петергоф*» — псевдоним подполковника Гемприха, возглавлявшего, по данным советской контрразведки, «Абверкоманду 104» с октября 1941 по июль 1942 г.

⁷²³ «*Абверкоманда 104*» — разведывательный орган германской военной разведки на советско-германском фронте. С июня 1941 г. была придана группе армий «Север». Полевая почта № 10805. Позывной радиостанции — «Марс». По мере продвижения германских войск, команда последовательно двигалась по маршруту Кенигсберг – Каунас – Резекне. С сентября 1941 до 6 февраля 1944 г. дислоцировалась в Пскове. Команда проводила разведывательную работу в ближнем тылу Ленинградского, Волховского, Северо-Западного, Калининского, а впоследствии 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов. В разведывательной работе абверкомандой использовалась агентура, обученная в Мишенской, Брайтенфуртской, Варшавской и Борисовской разведшколах и школах разведки в Стренчи, Валге и Литсе, в местечках Мыза-Кумна, Вяцати и в Балдоне. Переброска агентуры производилась на самолетах с Псковского, Смоленского и Рижского аэродромов и, как исключение, пешком порядком. Для обратного перехода на сторону германских войск агентуре давали пароли «Петергоф», «Флорида» и др. В феврале 1944 г., в связи с наступлением советских войск, команда перебазировалась в местечко Белое Озеро (18 км от Риги), позже в район г. Венспилса (Латвия), в конце 1944 – начале 1945 г. в местечко Торнов (12 км северо-западнее г. Пренцлау). В апреле 1945 г. команда выехала в г. Гюстров, а в мае — в район г. Шверин. В подчинении команды находились абвергруппы 111, 112 и 118 и разведшколы в гг. Балга и Стренчи.

По данным, полученным советской контрразведкой, разведорган абвера возглавляли: майор Тео Радке (июнь–октябрь 1941); подполковник Гемприх (октябрь 1941 – июль 1942); подполковник Ганс Шimmel (июль 1942 – июль 1944); капитан Грабер (июль – декабрь 1944); капитан Бер (декабрь 1944 – начало 1945).

⁷²⁴ *Вашкевич* Владимир Романович (17(30).03.1900–10.06.1970) — советский военный деятель; генерал-полковник (1954). Уроженец местечка Зембин Борисовского уезда Минской губернии. Окончил 2-е Петроградские командные курсы (1920), Высшие кавалерийские курсы (1923), Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе (1928), Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1954). Участник Гражданской войны. С июля 1941 по май 1945 г. находился в действующей армии. С июня 1941 по сентябрь 1944 г. командовал стрелковыми дивизиями. Начальник штаба 20-й армии (29.09.1942–20.04.1944). Начальник штаба 3-го Прибалтийского фронта (21.04–16.10.1944). Начальник штаба Прибалтийского фронта (07.1945–10.1951). Начальник штаба Закавказского ВО (06.1953 – 04.1954), затем на военно-дипломатической работе в Польской Народной Республике (03.1954 – 1955). Начальник кафедры Военной академии Генштаба (1955 – 1961). Скончался в Москве.

⁷²⁵ Речь идет о 20-й армии второго формирования. Создана 30 ноября 1941 г. на основании директивы Ставки ВГК от 29 ноября 1941 г. на базе оперативной группы полковника А.И. Лизюкова. Находилась в подчинении Западного фронта. На время приема радиogramмы 20-я армия была уже расформирована (21 апреля 1944) на основании директивы Ставки ВГК от 18 апреля 1944 г.; полевое управление армии направлено на формирование

полевого управления 3-го Прибалтийского фронта. *Начальник штаба*: генерал-лейтенант В.Р. Вашкевич.

⁷²⁶ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 46.

⁷²⁷ Речь идет о солдатской книжке, которая имела у каждого военнослужащего вермахта.

⁷²⁸ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 47.

⁷²⁹ Речь идет о сотруднике германской разведки, «зондерфюрере К» П.П. Делле. См. о нем примеч. 784.

⁷³⁰ Речь идет о русском политическом деятеле, коллаборационисте Д.А. Левицком. *Левицкий Дмитрий Александрович* (17.02.1907–09.01.2007) — политический деятель, литературовед; коллаборационист. Уроженец Риги. Окончил юридический факультет Латвийского университета. Служил юристом в страховом обществе; являлся заместителем председателя Русского комитета в Риге. После захвата Латвии германскими войсками до марта 1944 г. представитель НТС в Риге; активно сотрудничал с оккупантами. Весной 1944 г. вместе с отступавшими частями вермахта бежал в Германию. В 1944–1945 гг. секретарь Главного организационного управления Комитета освобождения народов России (КОНР). После войны эмигрировал в США, жил в Вашингтоне и Арлингтоне. Окончил Пенсильванский университет (1969). Похоронен в Арлингтоне.

⁷³¹ *Шило Петр Иванович* (нем. псевд. Таврин, Политов; 1909–1952) — агент немецкого разведоргана «Цепелин». Уроженец села Бобрик Нежинского района Черниговской области. Из семьи кулака. Образование незаконченное высшее. В 1941 г. командир пулеметной роты 1196-го стрелкового полка 359-й дивизии 30-й армии Калининского фронта. В мае 1942 г. в районе Ржева добровольно перешел на сторону германских войск и дал согласие работать на немецкую разведку. В ночь с 5 на 6 сентября 1944 г. вместе с женой Шиловой (урожд. Адамчик) Лидией Васильевной был переброшен за линию фронта с целью совершения террористических актов против руководителей Советского государства. В тот же день был задержан в районе с. Карманово Смоленской области. 17 сентября 1944 г. арестован сотрудниками 2-го Управления НКГБ СССР. 1 февраля 1952 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к ВМН.

⁷³² «*Абверкоманда 203*» (нем. Abwehrkommando 203, ранее — «Абвергруппа 2 Б») — диверсионно-разведывательное подразделение германской военной разведки. Действовала при группе армий «Центр». До сентября 1942 г. полевая почта № 19926 Г, позднее — № 09358 С. Вербовала агентуру из советских военнопленных в Смоленском пересыльном лагере № 126, в пересыльном лагере в пригороде Борисова, в котором было создано особое отделение — «лесной лагерь», и в лагере № 352 в Минске. Абверкоманда проводила диверсионно-разведывательную деятельность против войск Западного и Белорусского фронтов. *Руководители*: подполковник Вернер Геттинг-Зеебург (июнь 1941 – июль 1942); подполковник Вильгельм Готцель (июль 1942 – ноябрь 1943); подполковник Георг Арнольд (ноябрь 1943 – январь 1945); обер-лейтенант Вильгельм Иоганнес (январь 1945); капитан Тройгер («Таннер»).

⁷³³ *Отделы I Ц* — разведотделы штабов дивизий, корпусов, армий и военных округов.

⁷³⁴ Германской разведкой для заброски Г. Хасанова в советский тыл были изготовлены фиктивные документы на имя капитана Отнашева Шакира Ибрагимовича, командира отряда 269-го стрелкового полка внутренних войск НКВД.

⁷³⁵ Так в документе, речь идет о сотруднике германской разведки В. Гетлере. *Гетлер Вольдемар* (1915–1945) — немецкий офицер, сотрудник военной разведки; лейтенант. С сентября 1942 до конца 1943 г. командир взвода при «Абверкоманде 201», затем «Фронтальной разведывательной команды 201» (нем. Zugführer im Frontaufkl.Kdo 201). С конца 1943 до марта 1945 г. начальник Смоленской диверсионной разведшколы, потом офицер для особых поручений в «Абверкоманде 204». Арестован органами военной контрразведки «Смерш».

⁷³⁶ *Попов* Петр Петрович (1907–11.1976) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-майор (1944). Уроженец с. Проточное Старооскольского уезда Курской области. В РККА с 1930 г. Окончил военную школу морских летчиков СКВО (1930). В органах безопасности с 1939 г. С сентября 1940 по апрель 1941 г. заместитель начальника ОО НКВД Дальневосточного фронта. С апреля по июнь 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела Уральского ВО. С июня по ноябрь 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела ОО НКВД 22-й армии Западного фронта. С ноября 1941 по апрель 1942 г. начальник ОО НКВД 22-й армии. С апреля 1942 по февраль 1943 г. начальник ОО НКВД — ОКР «Смерш» 50-й армии. С июня по сентябрь 1943 г. помощник начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 27 ноября 1943 по 9 июля 1945 г. начальник ОКР «Смерш» Орловского ВО. Скончался в Москве.

⁷³⁷ *Селивановский* Николай Николаевич (1901–1997) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1943). Уроженец местечка Хойники Речицкого уезда Минской губернии. В РККА с 1920 г. В органах безопасности с 1922 г. В 1941–1943 гг. начальник ОО НКВД Юго-Западного, Сталинградского, Южного фронтов. В 1943–1946 гг. заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 11 января по 4 июня 1945 г. уполномоченный НКВД по 4-му Украинскому фронту. В 1946–1951 гг. заместитель министра госбезопасности СССР.

⁷³⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5, кн. 2. С. 288–291.

⁷³⁹ *Пуминов* Владимир Николаевич (1905–1982) — советский офицер, сотрудник органов безопасности; полковник. Уроженец дер. Эктыш Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В органах безопасности с февраля 1938 г. С июля 1944 по май 1946 г. заместитель начальника 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР. С 22 мая 1946 по 14 сентября 1950 г. исполняющий обязанности начальника 3-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. С 14 сентября 1950 по 14 марта 1952 г. начальник 3-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. Скончался в Москве.

⁷⁴⁰ Так в тексте, речь идет об А. фон Лампе. *Лампе* Алексей Александрович фон (18.07.1885–28.05.1967) — военный деятель, барон; генерал-майор Генштаба. Уроженец местечка Вержболово Сувалкской губернии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1918 г. начальник оперативного отделения штаба армии генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции — сначала начальник 2-го отдела РОВС (Германия, Австрия, Прибалтика и др.), с 1939 г. глава профашистского Объединения русских воинских союзов в Германии. С началом войны фашистской Германии против СССР фактически объединил под своим командованием остальные отделы РОВС. Умер в Париже.

⁷⁴¹ *Байдалаков* Виктор Михайлович (1900–1967) — политический деятель; инженер-химик. Из семьи донского казака, преподавателя гимназии в Конотопе. Участник Гражданской войны и Белого движения. Служил в чине корнета в 11-м гусарском Изюмском полку. После эвакуации жил в Югославии, работал чернорабочим. Окончил химическое отделение Белградского университета (1929). С 1928 г. председатель правления Союза русской национальной молодежи (СРНМ), впоследствии председатель совета НТС. В 1941 г. переехал в Берлин. В 1944 г. арестован гестапо, находился в заключении в берлинских тюрьмах и концлагере Заксенхаузен. В апреле 1945 г. освобожден по ходатайству А.А. Власова. Председатель совета НТСНП (1931–1955). После войны проживал в Германии, затем выехал в США. В январе 1952 г. на очередном съезде совета НТС лишен звания председателя Исполнительного бюро, а в 1955 г. вышел из НТС. В январе 1956 г. основал «Российский национально-трудовой союз», просуществовавший до апреля 1966 г. Скончался в Вашингтоне.

⁷⁴² «Аров» — псевдоним подполковника Георга Арнольда — начальника «Абверкоманды 203».

⁷⁴³ Под инициалами «А.П.» был зашифрован «капитан Павлов» — начальник отделения разведывательно-диверсионной школы в Минске Анатолий Пешков, бывший военинженер 3-го ранга Красной армии

⁷⁴⁴ *Каюков Николай Иосифович* (1898–?) — агент немецкой военной разведки. До июня 1941 г. профессор физико-математического факультета одного из московских вузов. Завербован германской военной разведкой, агент-вербовщик Минской разведывательно-диверсионной школы. Арестован советской контрразведкой.

⁷⁴⁵ *Бабич Исая Яковлевич* (1902–09.12.1948) — советский военный деятель, один из руководителей органов безопасности; генерал-лейтенант (1943). Уроженец г. Берислав Херсонской губернии. Окончил 2 класса церковно-приходской школы. В органах безопасности с 1920 г. В 1939–1940 гг. начальник 4-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В 1940–1941 гг. начальник ОО Прибалтийского ВО, начальник 3-го отдела Прибалтийского ВО. В 1941–1942 гг. заместитель начальника ОО Северо-Западного фронта. В 1942–1943 гг. начальник ОО Северо-Западного фронта. С апреля 1943 по май 1946 г. заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. В 1946–1948 гг. заместитель начальника 3-го Главного управления МГБ СССР. Скончался в Москве.

⁷⁴⁶ Об архивных материалах, хранящихся в архивах советских органов безопасности в отношении О. Скорцени, см. также: *Макаров В.Г.* «Лубяньское досье» Скорцени // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 122–138.

⁷⁴⁷ «*Лейбштандарт Адольф Гитлер*» (нем. Leibstandarte Adolf Hitler; сокр. ЛАН) — одна из дивизий СС. Сформирована 17 марта 1933 г. Й. Дитрихом как штабсвахте — штабная стража СС «Берлин» (SS-Stabschwache Berlin) и являлась личной охраной А. Гитлера. С 1934 г. получила свое название. В ноябре 1942 г. переименована в мотопехотную, а с 24 ноября того же года — в моторизованную дивизию (SS-Panzergranadier-Division «Leibstandarte Adolf Hitler»). После провала наступления в Венгрии дивизия отошла в Австрию и сдалась в плен американцам.

⁷⁴⁸ *Семенов К.К.* Скорцени. Загадки «человека со шрамами». С. 16.

⁷⁴⁹ Агония и смерть Адольфа Гитлера. С. 139.

⁷⁵⁰ *Семенов Ю.С.* Отчет по командировкам. Л., 1986. С. 504.

⁷⁵¹ «*Дас Рейх*» (нем. Das Reich) — дивизия СС. Создана 18 мая 1939 г. из трех усиленных полков СС «Дойчланд», «Германия» и «Фюрер». С октября 1939 г. носила название дивизии усиления (SS-Verfügungsddivision), с 1 апреля 1940 г. — дивизии СС «Дойчланд» (SS-Division Deutschland), с июля того же года переформирована в мотопехотную дивизию СС «Рейх» (SS-Infanterie Division (mot) «Reich»). 15 октября 1942 г. переименована в дивизию СС «Дас Рейх» (SS-Division «Das Reich»), 9 ноября того же года — в моторизованную дивизию «Дас Рейх» (Panzer-Grenadier-Division «Das Reich»), 23 ноября 1943 г. вновь переформирована во 2-ю танковую дивизию «Дас Рейх» (2. Panzer-Division «Das Reich»). В мае 1945 г. дивизия отступила на запад и сдалась в плен американцам.

⁷⁵² *Скорцени О.* Секретные задания. Ростов н/Д, 1999. С. 22–23.

⁷⁵³ Там же. С. 29.

⁷⁵⁴ Там же. С. 31–32.

⁷⁵⁵ *Хорти фон Надьбанья* Миклош (18.06.1868–09.02.1957) — венгерский государственный деятель, фашистский диктатор Венгрии (1920–1944). Уроженец Кендерсе. Окончил военно-морскую академию в Фиаме. В 1917 г. контр-адмирал, командующий флотом. В 1919 г. военный министр правительства в Сегеде. С 1920 г. регент Венгрии. 23 февраля 1939 г. присоединился к Антикоминтерновскому пакту. 30 июля 1940 г. присоединился к державам оси; направил венгерские войска против Югославии и СССР. В 1943 г. вернул войска в Венгрию, предпринимал попытки установления мира с западными державами. 19 марта 1944 г. с его согласия германские войска оккупировали эту страну. 16 октября 1944 г. смещен с поста и отправлен под арест в замок Хиршберг. С мая по декабрь 1945 г. находился в амери-

канском плену, выступил свидетелем на процессе главных военных преступников. В 1948 г. переехал в Португалию; умер в Эшториле.

⁷⁵⁶ ODESSA (нем. Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen) — обозначение международной нацистской организации-сети, основанной выжившими после Второй мировой войны бывшими членами СС.

⁷⁵⁷ *Лавров Н. Отто Скорцени. Последние годы жизни. Секретное досье ОДЕССА // Скорцени О. Секретные задания. С. 339–341.*

⁷⁵⁸ *Амит Меир* (урожд. Слуцкий; 17.03.1921–2008) — израильский военный и государственный деятель. Уроженец Тверии (Палестина). Двоюродный брат советского поэта Бориса Слуцкого. После провозглашения независимости Израиля вступил в Армию обороны Израиля. Во время войны за независимость 1948–1949 гг. последовательно командовал ротой, батальоном, полком. Затем был назначен заместителем командира бригады «Голани». Во время Суэцкого кризиса (1956) начальник оперативного отдела Генштаба. После ранения вышел в отставку и уехал учиться в Колумбийский университет, в 1961 г. получил степень магистра. В 1962 г. по предложению Моше Даяна назначен на пост начальника АМАН (военная разведка). В 1963 г. руководитель МОССАД («Ведомство разведки и специальных задач» — политическая разведка). В 1977–1981 гг. депутат кнессета (член комиссии по иностранным делам и безопасности). В 2003 г. лауреат Государственной премии Израиля за государственную и общественную деятельность.

⁷⁵⁹ «Оберштурмбанфюрер Скорцени... работал на МОССАД» // *Еврейский мир*. Русскоязычная газета Америки. 2006. 16 июня.

⁷⁶⁰ *Бадольо Пьетро* (28.09.1971–01.11.1956) — итальянский военный и государственный деятель, герцог Адис-Абеский, маркиз Саботино; маршал Италии (1926). Уроженец поместья Граццано-Монферрато. Участник Первой мировой войны. Участвовал в государственном перевороте 25 июля 1943 г., приведшем к падению диктатуры Муссолини, и затем возглавил правительство.

⁷⁶¹ «*Волчье логово*» (нем. Wolfsschanze) — условное наименование Ставки Гитлера, находившейся в районе г. Растенбург (Восточная Пруссия).

⁷⁶² *Мадер Ю. По следам человека со шрамами* (Документальный рассказ о бывшем начальнике секретной службы СС Отто Скорцени). М., 1965. С. 49.

⁷⁶³ *Штудент Карл* (12.05.1890–01.07.1978) — немецкий военный деятель; генерал-полковник парашютных войск (13.07.1944). Участник Первой мировой войны; награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, а также Рыцарским крестом ордена Дома Гогенцоллернов с мечами, Рыцарским крестом 2-го класса саксонского ордена Альбрехта с мечами. С 4 июля 1938 г. командир парашютных и авиадесантных частей люфтваффе. С 1 января 1941 г. возглавил 11-й авиационный (авиадесантный) корпус. Кавалер Рыцарской степени Железного креста (1940) с дубовыми ветвями (1943). В октябре–ноябре 1944 г. командующий группой «Штудент». С 25 января 1945 г. главнокомандующий парашютными войсками люфтваффе.

⁷⁶⁴ *Скорцени О. Неизвестная война*. Мн., 2003. С. 286–288.

⁷⁶⁵ Там же. С. 288–290.

⁷⁶⁶ *Мадер Ю. По следам человека со шрамами*. С. 49. О производстве фальшивых денег в Третьем рейхе см.: Там же. С. 42–45.

⁷⁶⁷ *Скорцени О. Неизвестная война*. С. 308–309, 314.

⁷⁶⁸ Там же. С. 322–333.

⁷⁶⁹ *Мадер Ю. По следам человека со шрамами*. С. 50–52.

⁷⁷⁰ Речь идет об одном из наиболее удачных немецких самолетов времен Второй мировой войны — «Шторьх» («Аист»). Немецкий авиаконструктор Герхард Физелер спроектировал эту машину как самолет укороченного взлета/посадки и снабдил ее крылом большой подъемной силы. Разбег «Шторьха» составлял всего 65 м, а пробег после посадки — 22 м;

при встречном ветре 40 км/ч машина могла «зависать» в воздухе без потери управляемости. *Основные характеристики:* экипаж — 3 чел.; размах крыла — 14,25 м; длина самолета — 9,9 м; высота самолета — 3,05 м; 8-цилиндровый рядный инвертированный двигатель As-10С-3, мощностью 240 л.с.; масса пустого самолета — 930 кг, максимальная взлетная нагрузка — 1320 кг; максимальная скорость — 175 км/ч; время набора высоты 1000 м — 4 мин.; практический потолок — 4600 м; дальность полета — 385 км; вооружение — 7,92-мм пулемет в задней части кабины.

⁷⁷¹ Цит. по: *Скотници М. Операция «Дуб». Десант в Гран-Сассо 12 сентября 1943 года // Коммандос. 1998. № 6. С. 17.*

⁷⁷² *Раттенхубер* Иоганн (Ганс) (30.04.1897–30.06.1957) — немецкий военный деятель; начальник личной охраны А. Гитлера; группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1945). Уроженец Оберхахинга (близ Мюнхена). Участник Первой мировой войны. В 1919 г. был членом Добровольческого корпуса Денца, участвовал в боях с коммунистами; в 1920 г. демобилизован. В 1919–1920 гг. посещал занятия в Мюнхенском университете. 15 сентября 1920 г. зачислен в баварскую земельную полицию. Во время пребывания А. Гитлера в тюрьме Лансберг (1923) служил в тюремной охране. В 1933 г. вступил в НСДАП и в том же году назначен адъютантом рейхсфюрера СС Г. Гимmlера. В 1934 г. был переведен на службу в гестапо. 1 июня 1934 г. Раттенхуберу было поручено создать службу безопасности рейха (Reichssicherheitdienst; RSD), в задачи которой входила охрана лично Гитлера. В его личном деле значилось: «Во всех отношениях является безупречной личностью». В апреле–мае 1945 г. находился в бункере. После самоубийства Гитлера 1 мая с группой охраны пытался прорваться на Запад, но 2 мая взят в плен советскими войсками. Содержался в Бутырской и Владимирской тюрьмах. 15 февраля 1952 г. военным трибуналом войск МВД Московского округа приговорен к 25 годам заключения. 10 октября 1955 г. передан властям ФРГ и вскоре освобожден. Скончался в Мюнхене.

⁷⁷³ *Шилова* Лидия Яковлевна (урожд. Адамчик; 1922–1952) — агент немецкого разведоргана «Цеппелин». Уроженка Пскова. Из семьи рабочих. По профессии бухгалтер. Образование 9 классов. 17 сентября 1944 г. арестована сотрудниками 2-го Управления НКГБ СССР. 1 февраля 1952 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорена к ВМН.

⁷⁷⁴ *Гесс* Рудольф (26.04.1894–17.08.1987) — немецкий политический деятель; один из руководителей НСДАП; рейхсляйтер (1933), обергруппенфюрер СС (1933), обергруппенфюрер СА. Уроженец Александрии (Египет). Из семьи владельца экспортно-импортнoй фирмы. Окончил Высшую коммерческую школу в Нейшталле (Швейцария, 1912). Участник Первой мировой войны; служил в одном полку с А. Гитлером. В мае 1918 г. перешел в авиацию; последние месяцы войны воевал в эскадрилье «Рихтгофен» под командованием Г. Геринга. Награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса; лейтенант. В 1919 г. вступил в Добровольческий корпус Ф. фон Эппа и в «Общество Туле». После демобилизации поступил на экономический факультет Мюнхенского университета, где сблизился с профессором К. Хаусгофером. 8 октября 1920 г. вступил в НСДАП. Участник «Пивного путча» 9 ноября 1923 г. После провала путча арестован и осужден. Отбывал наказание в тюрьме в Ландсберге-на-Лехе вместе с А. Гитлером; помог А. Гитлеру в написании его книги «Майн кампф», ставшей кредо национал-социализма. В конце декабря 1924 г. освобожден. С 1925 г. личный секретарь А. Гитлера. С 21 апреля 1933 г. заместитель фюрера по партии. 10 мая 1941 г. совершил полет в Англию с целью предложить ей мир и совместное участие в агрессии против СССР. Был официально объявлен душевнобольным. После войны приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному заключению, которое отбывал в западноберлинской тюрьме Шпандау, где скончался при невыясненных обстоятельствах (по английской официальной версии, повесился на проволоке в своей камере).

⁷⁷⁵ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 359–360.

⁷⁷⁶ Там же. С. 360–361.

⁷⁷⁷ Тарасов Д.П. Большая игра. С. 134.

⁷⁷⁸ Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. С. 253–256.

⁷⁷⁹ Как Гитлер планировал убийство Сталина // Лубянка, 2. С. 256.

⁷⁸⁰ Шлаен А. Диагноз: паранойя // Зеркало недели. 2000. 23–29 декабря. № 50 (323).

⁷⁸¹ Там же.

⁷⁸² Грайфе Георг (1906–?) — немецкий офицер, сотрудник Имперской службы безопасности(СД); унтерштурмфюрер СС (обершарфюрер СС — на март 1944). До середины 1942 г., возможно, главный технический переводчик зондеркоманды 600 Военно-технического бюро Управления военной промышленности и вооружения ОКВ (Целендорф-Вест; предместье Берлина). С июня 1943 г. начальник зондеркоманды А «Цепелина», затем начальник «Ауссенкоманды 1» оберкоманды «Руссланд-Митте» (с июля до конца 1943 г. дислоцировалась в Гатчине, затем в Прибалтике). Затем начальник отдела А оберкоманды «Руссланд-Митте».

⁷⁸³ Война в эфире // «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 203.

⁷⁸⁴ Делле Павел Петрович (нем. псевд. Ланге; 1907–12.06.1998) — немецкий офицер, сотрудник германской военной разведки; оберштурмфюрер СС. Уроженец Хабаровска. Латыш. Из семьи инженера. По специальности архитектор. Политические убеждения — монархист. В начале 1920-х гг. по репарации переехал в Латвию. До 1939 г. проживал в Таллине, затем переехал в Ригу. Домашний адрес: Кришьян-Баронштрассе (ул. Красный Барон), д. 94а, кв. 6. После оккупации Латвии добровольно поступил на службу в германские карательные подразделения. Принимал личное участие в расстрелах мирных граждан в Риге. Осенью 1941 г. сотрудник зондеркоманды в Красногвардейске (ныне — Гатчина); занимался вербовкой агенты и изготовлением фальшивых документов. С октября 1942 по март 1943 г. сотрудник отдела I А «Руссланд-Митте» (с марта 1943 — «Цепелин-Норд»); исполнял обязанности инструктора по стрельбе и переводчика. В 1943–1944 гг. лично руководил подготовкой П.И. Шило-Таврина к покушению на И.В. Сталина и других советских руководителей. В мае 1945 г. находился в Чехословакии, откуда перебрался в американскую зону оккупации. С середины 1945 г. работал в отделе безопасности «Власовского комитета» (КОНР), затем служил в разведшколе в Мариенбаде (недалеко от курорта Карловы Вары). Позже переехал в г. Маннгейм (английская зона оккупации Германии; до 1948), заведовал мастерской бытового обслуживания перемещенных лиц. В январе–феврале 1948 г. вместе с семьей выехал в США. За совершенные преступления в годы Великой Отечественной войны разыскивался советскими органами безопасности (Список № 1 МГБ СССР). Скончался в Лос-Анджелесе (США).

⁷⁸⁵ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. С. 212–213.

⁷⁸⁶ Гладков Т. Тайны спецслужб III рейха. М., 2004. С. 258–287.

⁷⁸⁷ Там же. С. 258.

⁷⁸⁸ Там же. С. 271–272.

⁷⁸⁹ Там же. С. 272.

⁷⁹⁰ Жиленков Георгий Николаевич (1910–01.08.1946) — коллаборационист; генерал-лейтенант КОНР (1944). Уроженец Воронежа. До начала Великой Отечественной войны секретарь райкома ВКП(б), затем член Военного совета 24-й армии. Один из сподвижников генерала А.А. Власова, возглавлял Главное управление пропаганды КОНР. По словам П. Шило (Таврина), он впервые встретился с Жиленковым в Летценской крепости (Восточная Пруссия), где вместе содержались в плену. Позже вошел в состав «Русского комитета» А.А. Власова. После войны арестован. Казнен в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

⁷⁹¹ Спецсообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР № 4126/м в ГКО о задержании немецких агентов, заброшенных в советский тыл с целью совершения

террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства опубликовано 30 сентября 1944 г., см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5, кн. 2. С. 376–379.

⁷⁹² В других собственноручных показаниях П. Шило указал более точные даты встреч с Власовым: вторая встреча в Замберге 2–3 сентября 1943 г., в Берлине — 23–24 января 1944 г.

⁷⁹³ *Скорцени О.* Секретные задания. С. 46.

⁷⁹⁴ Подробнее о пистолетах фирмы «Веблей-Скотт», выпускавшихся в Великобритании в 1905–1940 гг., см.: Жук А.Б. Стрелковое оружие. Революеры, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992. С. 231–232, 285–286.

⁷⁹⁵ На рубежах янтарного края: Сборник статей и документальных материалов по истории органов государственной безопасности Калининградской области 1945–2011 гг. М., 2011. С. 31–32.

⁷⁹⁶ *Ржевец Ю.П.* Глубинная разведка в ходе боев лета 1944–весны 1945 гг. за Восточную Пруссию. Цит. по: <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-glubin.htm>

⁷⁹⁷ На рубежах янтарного края. С. 32–34.

⁷⁹⁸ Речь идет об 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта.

⁷⁹⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5, кн. 2. С. 620–621.

⁸⁰⁰ Там же. С. 718–721.

⁸⁰¹ Материалы по делу других участников разведывательно-диверсионной группы УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта были переданы военно-судебным органам. 26 февраля 1945 г. военный трибунал 3-го Белорусского фронта по ст. 58-9 УК РСФСР приговорил Эриха Блокдорфа, Эриха Бема, Клауса Риттера и Фридриха Шлингмана к высшей мере наказания каждого. Лишь один из задержанных — Бейль Александр — к уголовной ответственности привлечен не был.

⁸⁰² Речь идет о Главной команде «Цеппелин-Зюд». Главная команда «Цеппелин-Зюд» («СС главная команда Россия-Юг предприятия “Цеппелин”» или «Штаб доктора Редера») — один из филиалов разведоргана РСХА на советско-германском фронте — «Предприятия “Цеппелин”». Сформирована в Бреслау и Симферополе (Крым) в марте–апреле 1943 г. Деятельность команды охватывала участок фронта от северных районов Украины до побережья Черного моря. *Руководители:* штурмбанфюрер СС Рольф (Рудольф) Редер (с марта по октябрь 1943); штурмбанфюрер СС Гейнц Феннер (с октября 1943). *Основные задачи:* вербовка, подготовка и засылка агентов-разведчиков, диверсантов, террористов и организаторов повстанческих банд в районы Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а также сбор разведывательных данных о военной промышленности, экономике и внутриполитическом положении в СССР. В подчинении «Цеппелин-Зюд» имелась собственная разведшкола («Ваффеншутле») из двух отделений: «кавказского» и «туркестанского», сформированная на базе разведшколы для уроженцев Кавказа в Евпатории и разведшколы для агентов среднеазиатских национальностей в местечке Освитц (Верхняя Силезия). В конце апреля 1943 г. главная команда вместе со всеми службами прибыла в г. Осипенко (Бердянск). Команда имела специальные воинские формирования — «кавказскую роту СС» и «туркестанскую роту СС», созданные на базе ликвидированных весной 1943 г. предварительных лагерей в г. Аушвиц и в местечке Воломин. Обе роты вели борьбу с партизанами и советскими разведчиками на побережье Азовского моря. По военной линии они подчинялись командованию 111-й пехотной дивизии. Переброска агентуры осуществлялась самолетами из Осипенко и Мариуполя, главным образом в районы Кавказа, Закавказья, республик Средней Азии, в низовья Волги. В состав главной команды входило семь ауссенкоманд, каждая из которых имела свой район действия. Осенью 1943 г. во время наступления советских войск «Цеппелин-Зюд» убыла из Осипенко, личный состав команды был распределен по «кавказскому» и «туркестанскому» отделениям. Летом 1944 г. главная

команда разделилась на две самостоятельные части: «Главная ауссенкоманда севера Украины» (руководитель — оберштурмфюрер СС Ганс Дресслер) и «Главная ауссенкоманда юга Украины» (руководитель — оберштурмфюрер СС Гельмут Брумерло). В апреле 1945 г. обе команды объединились и до конца войны находились в замке Кочин близ г. Колина (Чехословакия).

⁸⁰³ Возможно, речь идет о штурмбанфюрере СС Р. Йобстер-Редере.

⁸⁰⁴ *Москаленко Иван Иванович* (1907–?) — один из руководителей советских органов безопасности; генерал-лейтенант (1944). В РККА с 1925 г. Окончил сельскохозяйственную профшколу (1925), Киевскую пехотную школу РККА (1928), 3-ю военную школу летчиков-наблюдателей (1931), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1938). Член ВКП(б) с 1939 г. В период советско-финляндской войны — помощник начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР (с июня 1939). В августе 1941–1943 гг. помощник начальника УОО НКВД СССР; одновременно — начальник 1-го отдела управления. С мая 1943 по май 1946 г. помощник начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР. С июля 1954 г. в запасе.

⁸⁰⁵ *Лейферт Владимир Леонидович* (он же Зейферт Альберт Оттович, 1921–?) — сотрудник германской разведки. С мая по октябрь 1943 г. переводчик главной команды «Цепелин-Зюд». Арестован советскими органами безопасности.

⁸⁰⁶ *Разин А.В.* ГУКР «Смерш» НКО СССР против Абвера // Лубянка. Отечественные спецслужбы вчера, сегодня, завтра. Вып. 3. М., 2006. С. 95–96.

⁸⁰⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2013. Т. 6: Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. С. 499.

⁸⁰⁸ *Будапештская операция* — стратегическая наступательная операция войск 2-го Украинского, части сил 3-го Украинского фронтов и Дунайской военной флотилии, проведенная с 29 октября 1944 по 13 февраля 1945 г. с целью разгрома группировки противника на территории Венгрии и вывода ее из войны на стороне нацистской Германии. Войска 2-го Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский) располагали 760 тыс. чел., 9 тыс. орудий и минометов, 868 танками и САУ, 1300 боевыми самолетами. Им противостояла немецкая группа армий «Юг» (командующий — генерал-полковник Г. Фрисснер; с 23 декабря 1944 — генерал пехоты О. Вёлер), которая имела в своем составе 510 тыс. чел., 4150 орудий и минометов, 790 танков и штурмовых орудий, 500 боевых самолетов. 29 октября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление, нанеся внезапный удар. Механизированные корпуса уже 2 ноября находились в 15 км от Будапешта, но овладеть венгерской столицей 2-му Украинскому фронту не удалось. Поэтому с 20 декабря для выполнения этой задачи были привлечены 4-я гвардейская армия, 57-я армия и авиация 17-й воздушной армии 3-го Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин). 26 декабря войска этих фронтов соединились в районе Эстергома, завершив окружение будапештской группировки противника (около 10 дивизий). В последующем 188-тысячная группировка была ликвидирована. 13 февраля 1945 г. Будапешт был освобожден.

Список сокращений

3-й ПБФ — 3-й Прибалтийский фронт
а/с — антисоветский
АК — Армия крайова
АК — абверкоманда
Анст — абвернебештелле, региональное звено немецкой военной спецслужбы
АО — Архангельская область
АП РФ — Архив Президента Российской Федерации
АрхВО, АВО — Архангельский военный округ
АССР — автономная советская социалистическая республика
АХО — административно-хозяйственный отдел
АХУ — административно-хозяйственное управление
ББ, б/б — борьба с бандитизмом
БЛВО — Белорусско-Литовский военный округ
БНД — Федеральная разведывательная служба, Bundesnachrichtendienst
БСРН — Боевой союз русских националистов
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВВС — Военно-воздушные силы
ВГК — Верховное главнокомандование
ВК ВС — Военная коллегия Верховного суда
ВМН — высшая мера наказания
ВМФ — Военно-морской флот
ВНОС — Войска наблюдения, обнаружения и связи
ВО — военный округ
ВОХР — военизированная охрана
ВПА — Военно-политическая академия
врид — временно исполняющий должность
ВС — Верховный совет
ВЧ, в/ч — воинская часть
ВЧ, ВЧ-связь — высокочастотная связь
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
г., гг. — год, года
г., гор., гг. — город, города
гв. — Гвардейский
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГБ — государственная безопасность
ГВП — Главная военная прокуратура
ГКО, ГОКО — Государственный комитет обороны
ГлавПУ РККА — Главное политическое управление РККА
ГО УНКВД — городской отдел управления НКВД
ГПУ — Государственное политическое управление

Список сокращений

ГРУ — Главное разведывательное управление
ГрузССР — Грузинская Советская Социалистическая Республика
ГСОВГ — Группа советских войск в Германии
ГУ — Главное управление
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ГУИБ — Главное управление имперской безопасности
ГУКР — Главное управление контрразведки
ГФП — Тайная полевая полиция, Гехаймфельдполицай
ГШ КА — Генеральный штаб Красной армии
ГЭУ — Главное экономическое управление
дер. — деревня
ДРГ — диверсионно-разведывательная группа
Зипо — Полиция безопасности
ИНО — иностранный отдел
Интлаг — Интинский ИТЛ
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
КА — Красная армия
КГБ — Комитет государственной безопасности
КНК — Калмыцкий национальный комитет
КО — Кригсорганизацион, Военная организация
КОНР — Комитет освобождения народов России
КОФ — Кригсорганизацион «Финляндия»
КПЗ — камера предварительного заключения
Крипо — Криминальная полиция
КРО — контрразведывательный отдел
КРУ — Контрразведывательное управление
КФ — Карельский фронт
КФССР — Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
ЛО — Ленинградская область
м. — местечко
МВО — Московский военный округ
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГУ — Московский государственный университет
МИД — Министерство иностранных дел
мк — механизированный корпус
МО — Московская область
МО — Министерство обороны
МОЦР — «Монархическое объединение Центральной России»
наркомат — народный комиссариат
Наркомчермет — Народный комиссариат черной металлургии
НБО — Нахрихтенбеобахтер, Морская разведывательная команда
НИПЦ — Научно-информационный просветительский центр
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВМФ — Народный комиссариат Военно-морского флота
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности

Список сокращений

- НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НПКС — Народный комиссариат путей сообщения
НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии
НТС — Национально-трудовой союз
НТСНП — Национально-трудовой союз нового поколения, позже Народно-трудовой союз нового поколения
ОББ — отдел по борьбе с бандитизмом
ОБС — отдельный батальон связи
ОВД — Организация Варшавского договора
ОГ — «Организация Гелена», Abwehr-Organisation Gehlen
ОД — Полиция порядка, Ordnungsdienst
ОКВ — Верховное командование вермахта
ОКВ — Оперативное командование вермахта
ОКВ, ОКВ — Верховное главное командование, Oberkommando der Wehrmacht
ОКЛ — Верховное командование люфтваффе
ОКР — отдел контрразведки
ОКХ, ОКН — Верховное командование сухопутных войск, Oberkommando des Heeres
ОО — Особый отдел
ОМСБОН — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения
ООН — отряд особого назначения
ОРВО — Орловский военный округ
ОСНАЗ — отряд особого назначения
ОС — Особое совещание
Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ОТК — отдел технического контроля
ОТ ДКА — Охрана тыла действующей Красной армии
ОУ — оперативное управление
ОУН — Организация украинских националистов
ПБФ — Прибалтийский фронт
ПВО — противовоздушная оборона
ПВС — Президиум Верховного Совета
ПГУ — Первое главное управление
пос. — поселок
ПриВО — Приволжский военный округ
ПУ — Политическое управление
РАН — Российская академия наук
РВСР — Революционный военный совет республики
рг., рдг. — радиограмма
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РК КФ — Рабоче-крестьянский Красный флот
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКРС, РКР-служба — Радиоконтрразведывательная служба
РО — районный отдел

Список сокращений

РОА — Русская освободительная армия
РОВС — Русский общевойсковой союз
РОНА — Русская освободительная народная армия
РОНО — районный отдел народного образования
РП — ручной пулемет
РПГ — разведывательно-поисковая группа
РСБ — сокращенное название радиостанции в Ярославле
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РСХА, RSHA — Главное управление имперской безопасности
РУ — Разведывательное управление
с. — село
с. г., с/года — сего года
СА, SA — Штурмовые отряды, Sturmabteilungen
САУ — самоходная артиллерийская установка
СВА — Советская военная администрация
СД — стрелковая дивизия
СД — Служба безопасности
СД, сд — стрелковая дивизия
СКВО — Северо-Кавказский военный округ
СКФ — Северо-Кавказский фронт
СМ — Совет министров
СНК — Совет народных комиссаров
СОЕ, SOE — Служба специальных операций
сов. — советский
СП, сп — стрелковый полк
СПО — Секретно-политический отдел
СПУ — Секретно-политическое управление НКВД СССР
СРНМ — Союз русской национальной молодежи
СС — Охранные отряды, Schutzstaffel
ССП — Советская социалистическая партия
ст. — станция, статья, станица
т. г. — текущего года
ТОФ — Тихоокеанский флот
УВВС — Управление военно-воздушных сил Красной армии
УВР — Управление войсковой разведки
УГБ — Управление государственной безопасности
УКР — Управление контрразведки
УМВД — Управление МВД
УМГБ — Управление Министерства государственной безопасности
УНКВД — Управление Народного комиссариата внутренних дел
УНКГБ — Управление Народного комиссариата государственной безопасности
УОО — Управление особых отделов
УПА — Украинская повстанческая армия
УРКМ — Управление Рабоче-крестьянской милиции
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
УСЛОН — Управление Соловецких лагерей особого назначения

Список сокращений

ФСБ — Федеральная служба безопасности
ФЗУ — фабрично-заводское училище
ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦБФ — отряды особого назначения
ЦГВ — Центральная группа войск
ЦК — Центральный комитет
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии
(большевиков)
ЦФ — Центральный фронт
ЧИАССР — Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЧК — Чрезвычайная комиссия
ЧФ — Черноморский флот

Ast, Аст — Abwehrstelle
AWA — Amstgruppe Allgemeine Wehrmachtangelegenheiten, Управленческая группа по
общим вопросам
BND, БНД — Bundesnachrichtendienst, Федеральная разведывательная служба
FA — Forschungsgamt, «Исследовательское управление»
FHO — Fremde Heere Ost, Отдел «Иностранные армии — Восток»
FHW — Fremde Heere West, Отдел «Иностранные армии — Запад»
Mil Amt — Militarisches Amt, Управление военной разведки
SOE — Special operation executive, Служба специальных операций
Wi — Wirtschaft, экономическая разведка абвера

Оглавление

К читателю	5
Радиоигры как вид контрразведывательных операций Второй мировой войны ...	8

Глава 1

ПРОТИВНИК: АБВЕР И СД

Абвер — «мозг» подрывных операций вермахта.....	15
«Морской» абвер.....	43
Экономическая разведка абвера	46
«Восточный фронт» абвера: штаб «Валли»	47
«Зондерштаб Р».....	51
Эскадра «КГ 200», или Несостоявшиеся «камикадзе» фюрера	52
Диверсанты адмирала Канариса	59
VI Управление — щит и меч РСХА	75
«Предприятие “Цеппелин”»	79
От «Фриденталя» к «СС Ягдфербанд»	81

Глава 2

«ФАБРИКИ» ДИВЕРСАНТОВ

Разведывательно-диверсионные школы и курсы абвера	92
Подготовка германскими специальными службами диверсантов из числа советских военнопленных	94
Использование германской разведкой коллаборационистских формирований для подрывной работы на Восточном фронте	96
Радиоигры абвера и гестапо	102

Глава 3

ОТВЕТНЫЙ ХОД СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

Вступление.....	118
Радиоигры Лубянки.....	123
Советская радиопротивозаблуждение в годы Великой Отечественной войны.....	126

Первые «схватки» в эфире: радиоигры НКВД-НКГБ СССР.....	145
«Ястреб»	156
«Грачи»	158
«Орлов».....	159
Операция «221».....	162
«Яковлев»	164
«Матвеев»	167
«Доверенный»	169
«Пономарев»	171
«Черный»	173
На защите Северной столицы.....	175
«Кварц».....	175
«Кварц-2».....	179
«Находка» и «Онега»	180
«Неон».....	183
Стратегическая операция «Монастырь – Курьеры – Березино»	184
От «Треста» к «Монастырю»	185
Мистический след в операции «Монастырь»	189
Операция «Монастырь» и кружок «федоровок-горностаевок»	196
Посланник «Дворянского гнезда» проникает в «Сатурн».....	204
Курьеры «Абверкоманды 103»	234
«Кондратьев»	234
«Курьеры»	240
Оперативная игра «Березино»	277
Взгляд «с другой стороны»	342
Кто такой «Макс»?	344

Глава 4

«СМЕРШ»: «ВОЙНА В ЭФИРЕ»

Вступление.....	366
«Дед Щукарь» против Целлариуса (неизвестные страницы радиоигры «Квартет»)	379
«Игры» по-фински.....	400
«Баишыков».....	402
«Агент “X-8” сообщает...» Радиоигра «Северная».....	403

Оглавление

«Сделаем, как нужно...» Радиоигра «Южная»	419
«Южная-2»	424
«Камса»	427
«Семенов» защищает Горький	430
«Карандаш купил за рубль», или Опасная «находка» абвера	451
Пароль для встречи — «Сережа». Операция «Салават»	479
«В прошлую ночь выпало много снега»: радиоигра «Повстанцы»	500
«Опыт» против «Цитадели»: «Привет от доктора»	527
«Unternehmen "Joseph"» и операция «Загадка»	558
Операция «Борисов»	579
Смерш решается на «Развод»	613
«Арийцы» в калмыцких степях:	
«"Борода" и "Колонизатор" ведут себя хорошо...»	629
«...Русская контрразведка очень хорошо работает», или Оперативная игра «Двина»	660
«Привет всем. ХГС», или «Десант» против абвера	681
«За дело Ленина — долой Сталина!», или Двудекий «Янус»	695
«Человек со шрамом» в спецоперациях Лубянки	704
Операция «Дуб»: спасение Муссолини	709
Как Скорцени разыскал Муссолини: версия «майора Таврина»	719
Скорцени планирует убийство Сталина	724
Дело по «центральному террору»	730
«Туман» для «Цепелина»	739
«Берлога» для «Вервольфа»	751
Вместо послесловия	766
ПРИМЕЧАНИЯ	774
Список сокращений	879

Макаров, В.Г., Тюрин, А.В.
М-152 **Смерш: Война в эфире, 1942–1945 / Владимир Макаров, Андрей Тюрин. —**
М. : Русский путь, 2018. — 888 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-493-5

На страницах книги подробно рассказывается о так называемых радиоиграх — одной из форм специальных контрразведывательных операций, применявшихся спецслужбами многих стран в годы Второй мировой войны. В 1941–1945 годах радиоигры стали одной из форм противодействия советских специальных служб подрывной деятельности германской разведки. Радиоигры, проводимые НКВД-НКГБ и военной контрразведкой «Смерш» («Смерть шпионам») в 1942–1945 годах, фактически превратились в «Большую игру» в радиозэфире и оказали существенное влияние на исход невидимых сражений на фронтах «тайной войны» между советской контрразведкой и абвером и СД.

Специальные операции Лубянки проводились с целью оказания действенной помощи Красной армии на фронтах, а также парализации разведывательно-диверсионной активности германских спецслужб и дезинформации командования вермахта. В основу повествования положены рассекреченные документальные материалы, хранящиеся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Авторами книги являются сотрудники Центрального архива ФСБ России. Книга предназначена для всех, кто интересуется историей отечественных органов государственной безопасности.

УДК 93/99
ББК 63.3(2)622

Документально-художественное издание

Макаров Владимир Геннадьевич

Тюрин Андрей Валентинович

СМЕРШ: ВОЙНА В ЭФИРЕ

1942–1945

Корректоры: *О.А. Савичева, Н.С. Самбу*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 02.03.2018.

Формат 70х100/16. Тираж 2000 экз. Заказ 1369

ЗАО «Издательство “Русский путь”»

125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6

Тел.: (495) 629-04-82. E-mail: info@rp_net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru или русский путь.рф

Сайт книжного магазина: www.kmrgz.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,

тел. 8(499) 270-73-59

9 785858 874935 >

На страницах книги подробно рассказывается о так называемых радиоиграх — одной из форм специальных контрразведывательных операций, применявшихся спецслужбами многих стран в годы Второй мировой войны. В 1941–1945 годах радиоигры стали одной из форм противодействия советских специальных служб подрывной деятельности германской разведки. Радиоигры, проводимые НКВД-НКГБ и военной контрразведкой «Смерш» («Смерть шпионам») в 1942–1945 годах, фактически превратились в «Большую игру» в радиозфере и оказали существенное влияние на исход невидимых сражений на фронтах «тайной войны» между советской контрразведкой и абвером и СД.

